

CP 378.5 (1878
Sept-Dec)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1878.

ТОМЪ III.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (М. КАТКОВЪ),
на Страстномъ бульварѣ.

1878.

Δ
CP-378.5 ($\frac{1878}{\text{SEPT-DEC}}$)

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 31 1980

80*2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюля 13 дня 1878 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Digitized by Google | Распознавание текста

2794
84

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДИМИТРИЕМЪ АРХІЕПИСКОПОМЪ
ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМИРСКИМЪ

ВЪ СОВОРЪ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ.

„Не оставлю васъ сиры“, говорилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, утѣшая учениковъ Своихъ, когда разлучался съ ними предъ Своими страданіями и смертію. И исполнилъ Свое божественное обѣтованіе; ибо не только „постави Себе жива предъ ними по страданіи Своемъ денми четырьдесятьми являяся имъ и глаголя яже о царствіи Божіи“, но обѣщавъ, и по вознесеніи на небо, пребывать съ ними и со всеми вѣрующими въ Него „во вся дни до скончанія вѣка“. Чтобы это невидимое пребываніе Свое съ нами сдѣлать видимымъ и какъ бы осязаемымъ для насъ, Господь Іисусъ Христосъ оставилъ Церкви Своей многія знаменія и залогомъ Своего благодатнаго пребыванія въ ней. Оставилъ богодѣльный зракъ лица Своего, чудодѣйственно отпечатлѣвъ его на убрूसѣ. Оставилъ Свое божественное Слово, которое Онъ самъ Своими пречистыми устами проповѣдывалъ въ Иудеѣ и которое ученики Его предали Церкви во святомъ Евангеліи. Оставилъ Свой животворящій крестъ и гробъ, какъ свидѣтелей Его страданій, смерти и воскресенія для спасенія нашего и какъ источникъ нашего освященія. Оставилъ самое

живоносное тѣло и кровь Свою, дабы причащаясь имъ съ вѣрою и благоговѣніемъ, мы были въ Немъ и Онъ въ насъ. Ниспослалъ наконецъ отъ Отца Своего всесвятаго Духа—Утѣшителя, да будетъ съ нами въ вѣкъ.

Подобно сему и пресвятая Матерь Господа, предъ всеблаженнымъ успеніемъ своимъ, утѣшая вѣрующихъ, съ плачемъ окружавшихъ смертный одръ ея, извѣствоваше имъ, „яко не имать оставити ихъ въ сиротствѣ, не точію же ихъ, а и міръ весь имать посѣщати и назирати и помоществовати бѣдствующимъ: яко ближае представши Божію престолу, и лицемъ къ лицу зрящи Сына своего и Бога, и усты ко устамъ бесѣдующи, удобѣе имать о всѣхъ молити и умилостивляти Того благостыню“. А въ третій день по безсмертномъ успеніи своемъ, явившись св. апостоламъ, она рекла имъ: радуйтесь, се азъ съ вами есмь во вся дни. Въ залогъ непреложнаго исполненія сего обѣтованія во вся дни до скончанія вѣка она—преблагая матерь наша—даровала каждой странѣ христіанской свою чудотворную икону, съ которыми, по ея собственному благословенію и прореченію, пребываетъ выну благодать ея. Всѣ эти св. и чудотворныя иконы и всѣ церковныя празднества въ честь пресвятыя владычицы нашея Богородицы суть не иное что, какъ священныя памятники ея благодатныхъ посѣщеній и ея благотворныхъ чудесъ въ различныхъ странахъ христіанскаго міра. Не есть ли это живое такъ-сказать свидѣтельство того, что и до насъ грѣшныхъ досягаетъ благодатное обѣтованіе Матери Божіей о пребываніи ея съ нами во вся дни, что она—пречистая владычица міра, какъ истинная матерь христіанъ, не оставляетъ и насъ своимъ материнскимъ призрѣніемъ, своимъ царственнымъ и владычественнымъ покровительствомъ, своимъ всемогущимъ заступленіемъ и ходатайствомъ предъ Сыномъ ея и Богомъ? И нѣтъ мѣста, гдѣ вѣрующіе въ Сына ея Господа Иисуса Христа были бы лишены ея благодатнаго посѣщенія и ея небснаго покровя и помощи. Не было и не будетъ времени, когда престала бы она благодѣтельствовать тѣмъ, которые притекають къ ней съ теплою любовію и усердіемъ. призываютъ ее съ живою вѣрою и упованіемъ. Всегда есть и всегда будетъ съ нами она — небсная матерь наша, госпожа и вла-

дычица, гдѣ бы мы ни были и въ какомъ бы ни находились состояніи.

Итакъ первѣе всего Она съ тобою, вѣрный подвижникъ вѣры и благочестія, правды и добродѣтели, подвизающійся о томъ, чтобы „добру совѣсть имѣти о всѣхъ предъ Богомъ и человекъ“, чтобы „ходить предъ Господомъ во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно“ во вся дни живота своего. Ея матернее сердце особенно близко къ тѣмъ, которые любить Сына ея Господа Иисуса Христа всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, какъ любить Его она; которые повинуются во всемъ Сыну ея и Богу и исполняютъ Его святые и животворныя заповѣди, какъ исполняла она; которые съ самоотверженіемъ послѣдуютъ Господу на тѣсномъ и узкомъ пути духовнаго крестоношенія, подобно какъ послѣдовала она за сыномъ своимъ на крестномъ пути Его до Голгофы. Ея милосердый и благовольтельный взоръ съ любовію обращается на тѣхъ, которые сами обращаютъ неуклонно и умъ и сердце свое къ Сыну ея и Богу,—въ Немъ одною ищутъ премудрости и разума, утѣшенія и радости, въ Немъ сосредоточиваютъ всѣ желанія и надежды свои, въ Немъ полагаютъ все счастье и блаженство свое. Ея всесильная помощь всегда готова для тѣхъ, которые подвизаются во имя Христова въ дѣлахъ благочестія и любви христіанской, въ самоотверженномъ служеніи ближнимъ и отечеству, которые за славу имени Христова, за честь Евангелія и креста Его, за вѣрность св. заповѣдямъ Его, терпятъ огорченія, поношенія и скорби. Не чувствуешь ли и самъ, богобоязненный и вѣрный рабъ Христовъ, не чувствуешь ли въ своей совѣсти нѣкоего гласа, который предостерегаетъ тебя отъ соблазновъ и преткновеній, укоряетъ тебя за каждый неосторожный шагъ твой въ словъ и въ дѣлѣ, радуется и утѣшаетъ тебя послѣ каждаго подвига благочестія и любви христіанской? Не есть ли это истинно матернее попеченіе о непорочности души твоей и чистотѣ твоего сердца,—матерняя заботливость о томъ, чтобы поставить тебя цѣла, непорочна и совершенна предъ Богомъ? Не ощущаешь ли по временамъ, особенно послѣ великихъ и тяжкихъ искушеній, послѣ трудныхъ подвиговъ добра и правды, благочестія и любви къ ближнему,—не ощущаешь ли въ глу-

бинъ сердца своего той неизвѣстной радости, тѣхъ небесныхъ восторговъ, которые заставляють забыть всѣ неприятности и скорби, всѣ озлобленія и напасти, срѣтающія тебя въ жизни,— того сладкаго упокоенія и сердечнаго веселія, которыя подобны чувству младенца, утѣшеннаго на груди своей матери? Это—благодатное утѣшеніе небесной твоей матери, это—духовный даръ ея матерней любви и милосердія; это—небесный залогъ и начатокъ того вѣчнаго утѣшенія, которое ожидаетъ земныхъ подвижниковъ и страдальцевъ въ славномъ царствѣ Христовомъ.

Она, премилосердая мать наша, и съ тобою, согрѣшающей и непрестающей отъ грѣха собрать мой! Съ матернимъ долготерпѣніемъ ожидаетъ она твоего обращенія и покаянія, съ матернею любовью готова принять тебя кающагося. Не слышала ли, какъ она, пречистая и пренепорочная дѣва, не гнушалась оскверненныхъ множествомъ грѣховъ, но возжелавшихъ очиститься отъ сквернъ грѣховныхъ, творила изъ растлѣнныхъ въ беззаконіихъ—ангеловъ во плоти, изъ погрязшихъ въ нечистотахъ и погибавшихъ чадъ—присныхъ и возлюбленныхъ Богу? И не чувствуешь ли самъ, во внутренней храминѣ души твоей, тихаго, исполненнаго любви гласа, который какъ бы умоляетъ тебя престать отъ беззаконій, обратиться отъ заблужденія и грѣха къ Отцу небесному? Не ощущаешь ли иногда какъ бы прикосновенія нѣкоей руки къ твоей совѣсти, которое пробуждаетъ тебя отъ усыпленія въ сладкихъ плотскихъ, снимаетъ грѣховный покровъ съ очей твоего сердца и показываетъ тебѣ бездну, въ которую влекутъ тебя страсти? Не возбуждается ли по временамъ въ сердцѣ твоёмъ чувство глубокаго отвращенія къ самому себѣ, полнаго разочарованія во всемъ, что прежде обѣщало однѣ радости и утѣхи, а принесло одно горькое раскаяніе и душевную скорбь? Это тихій гласъ, небесной матери, скорбящей о твоёмъ заблужденіи; это—прикосновеніе ея любвеобильной десницы къ твоему огрубѣвшему сердцу; это—благодатное возбужденіе твоей спящей совѣсти. Пойми же, возлюбленный, ищущую и призывающую тебя любовь небесную: престань радовать бжсовъ своими грѣхами и обрадуй сердце матери твоей покаяніемъ.

Она, царица небесе и земли,—и съ тобою, счастливецъ міра сего, который живешь въ довольствѣ и изобиліи, безъ скорбей

и печалей, не зная слезъ и воздыханій! Разумѣваешь ли, откуда изливаются на тебя дары счастья, какая сила ограждаетъ и защищаетъ тебя отъ ударовъ бѣдствій и печалей, отъ внезапныхъ потерь и несчастій? Понимаешь ли, для чего подаются тебѣ блага земныя въ избытокъ, больше чѣмъ нужно для тебя одного? Часто ли возводишь благодарный взоръ свой къ небу, воздаешь жертву любви и благодаренія небесной матери своей, которая своимъ благосердымъ ходатайствомъ предъ Богомъ благословляетъ и ущедряетъ тебя свыше, которая своимъ матернимъ заступленіемъ покрываетъ и охраняетъ тебя? Понимашь ли, что у небесной матери твоей есть другія, меньшія тебѣ, но тѣмъ болѣе любезныя ей чада, — меньшіе твои братья, которые часто бываютъ и гладны и хладны и наготуютъ и страдаютъ, и утѣшаешь ли ихъ такъ, какъ утѣшаетъ тебя самого любовь небесная? Слышишь ли что говоритъ тебѣ пресвятая мать твоя съ неба? „Тебѣ оставленъ есть нищій, сирота ты буди помощникъ“. Для испытанія твоего братолюбія Отецъ небесный попускаетъ нѣкоторыхъ изъ собратій твоихъ терпѣть нищету и убожество, сиротство и болѣзни. Для того, чтобы ты могъ искупить грѣхи твои милостынями, толкаютъ въ двери дома твоего эти просящіе Христа-ради. Чтобы принести съ собой благословеніе дому и потомству твоему, приходятъ къ тебѣ эти безпріютныя сироты, немощія гдѣ главы подклонити. Для обученія сердца твоего милосердію и сострадательности лежатъ предъ вратами твоими эти снѣдаемые голодомъ и болѣзнями Лазари. Если же, наслаждаясь дарами благодати Божіей, ты забываешь о Подателѣ ихъ, не обращаешь благодарнаго взора на небо, не воздаешь хвалы и благодаренія милосердой заступницѣ и ходатаицѣ нашей предъ Богомъ, не приносишь плода отъ избытковъ твоихъ въ жертву Господу: то какъ избѣжишь участи раба неключимаго, котораго повелѣлъ Господь, связавши руки и ноги, ввергнуть въ тьму кроющію? Если употребляешь сокровища свои только на то, чтобы „блачаясь въ перфиру и виссонъ, веселиться по вся дни свѣтло: то не явишься ли по смерти, вмѣстѣ съ упоминаемымъ въ притчѣ евангельской богачемъ, въ пламени геенскомъ, и не услышишь ли изъ устъ небеснаго Судіи: „чадо, помини, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твоешъ?“ Если богатѣешь въ себя, а

не въ Бога, не раздѣляя подаваемого тебѣ свыше съ немущими братьями: то не возгремѣтъ ли скоро во уши твои страшный гласъ небснаго Судіи: „безумце, въ сію ночь душу твою встижутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ“?

Она, скорбящихъ радость и утѣшеніе,—и съ тобою бѣдствующій собратъ мой, который влачишь жизнь свою въ нуждѣ и убожествѣ, среди печалей и скорбей, и особенно съ тобою, безродный скиталецъ и безпріютный сирота! Видитъ она, всеблагая мать наша, всѣ нужды твои, слышитъ всѣ скорби и воздыханія твои; изочтены у нея всѣ слезы и стenanія твои для праведнаго воздаянія за все это на небѣ. Удержи же сердце твое отъ ропота на судьбу твою; ободрись и восклони главу твою. Крестъ, который ты несешь въ этой жизни, избранъ для тебя и подаѣ тебѣ рукою любящей матери. Крестъ сей нуженъ намъ для очищенія насъ отъ всякой скверны плоти и духа, для поправанія нашего самолюбія и самоугодія, для обученія насъ смиренію, кротости, терпѣнію, упованію и молитвѣ, для совершеннаго и всецѣлаго покоренія воли нашей всесвятой и всесовершенной волѣ Божіей. Нѣтъ сомнѣнія, что всемогущая царица небесе и земли могла бы осыпать всѣхъ и cadaго грудями земныхъ сокровищъ; но не дѣлаетъ сего потому, что мы предназначены не для земли, а для неба, а туда ведетъ не широкій путь роскоши и удовольствія, но тѣсный и прискорбный путь терпѣнія и злостраданія; не дѣлаетъ потому, что истинное сокровище наше тамъ, „идѣже ни червь, ни тля глѣтъ, ни татіе подкопываютъ, ни крадутъ“, а это небесное сокровище пріобрѣтается многими скорбями и слезами: „многими скорбями подобаетъ намъ вйти въ царствіе Божіе“, говорятъ св. апостолы. Она, премудрая мать наша, вѣдаетъ, что земное счастье привело бы многихъ къ вѣчной; погибели, а ея матерняя любовь не хочетъ, да погибнетъ и единъ отъ малыхъ сихъ; что напротивъ нужда и убожество, какъ строгіе пѣстуны, охраняютъ и блюдутъ насъ отъ многихъ искушеній и соблазновъ, отъ „похотей многихъ несмысленныхъ и вреждающихъ, яже ввергаютъ человека во всегубительство“, обучаютъ смиренію и кротости, терпѣнію и упованію на Бога, молитвѣ и преданности волѣ Божіей. Теперь мы тяготимся состояніемъ скудости, печалей и скорбей, и съ радостію промѣняли бы его

на роскошную и беспечальную жизнь: но когда будемъ на небѣ, тогда увидимъ ясно всю любовь и премудрость небесной матери нашей, тогда будемъ вѣчно благодарить ее за то самое, отъ чего теперь плачемъ и воздыхаемъ. Потерпи же, возлюбленный, безропотно и благодушно и убожество и нужду и скорби и болѣзни, когда находятъ ихъ нужными для насъ сама небесная мать наша. Ей съ неба видишь, что истинно нужно и что существенно полезно для нашего спасенія и вѣчной жизни. Она, любвеобильная мать наша, не попуститъ уповающему на нее пострадать болѣе нежели сколько нужно для душевной его пользы. Во время благопотребное она обращетъ и между людьми ангеловъ, которые утѣшать страдальца во всякой его скорби; послетъ когда нужно и несчастному сиротѣ отца и мать, и бѣдствующему друга и брата, которые примутъ ихъ съ родственною любовью, согрѣютъ сердца ихъ живымъ, сердечнымъ участіемъ къ ихъ горю, раздѣлятъ съ ними не только избытки, а и укрузи свои. Есть у нея, всевѣдущей царицы и владычицы нашей, есть благоговѣйныя и преданныя ей души, готовыя во имя ея послужить съ искреннимъ усердіемъ и любовью всякому бѣдствующему и страдающему своему брату.

Она, преблагословенная Матерь Господа славы,—съ тобою, христіанинъ, кто бы ты ни былъ и въ какомъ бы ни находился состояніи. Нѣтъ у нея зрѣнія на лица: равно любить она всѣхъ истинныхъ чадъ своихъ, одинаково приѣмлетъ моленія всѣхъ, призывающихъ ее съ вѣрою и упованіемъ. Если ты истинно вѣруешь въ Господа Іисуса Христа—вѣрою живою, а не мертвою; если пребываешь въ церкви Христовой, какъ послушный сынъ ея, повинуюсь ея заповѣдямъ, участвуя въ ея священнодѣйствіяхъ и таинствахъ съ вѣрою и благоговѣніемъ, покоряясь съ любовью ея пастырямъ; если, возлюбивъ Господа отъ всего сердца своего и отъ всея души своей, стараешься угождать Ему исполненіемъ заповѣдей Его, служа Ему благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, чистотою и воздержаніемъ, кротостію и смиреніемъ, самоотверженіемъ и терпѣніемъ, любовью и милосердіемъ къ ближнимъ своимъ; если и послѣ вольнаго и невольнаго грѣхопаденія не остаешься въ небреженіи о душѣ своей, но ищешь оправданія во Христѣ Іи-

судъ покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ своихъ, слезами умиленія и сокрушенія сердечнаго; если, стремясь къ небесному отечеству, не прилѣпляешься сердцемъ ни къ чему земному и временному, но всѣмъ сердцемъ възыскуешь единаго на потребу—спасенія и вѣчной жизни со Христомъ Господомъ; если памятуя непрестанно о смерти и судѣ Божіемъ, стараешься приготовить себя къ христіанской кончинѣ и непостыдному отвѣту на судѣ Христовомъ: то ты истинный сынъ Матери Божіей по благодати; съ тобою она вездѣ и всегда, съ тобою вся любовь ея и благоволеніе, надъ тобою благодатный покровъ ея на всякомъ мѣстѣ и въ каждое мгновеніе твоей жизни. Притемай къ ней съ сыновнимъ дерзновеніемъ, молись ей съ твердою и несомнѣнною надеждою, призывай ее съ благимъ упованіемъ. Молитва вѣры твоей будетъ услышана, всякое благое желаніе сердца твоего будетъ исполнено, всякій благопотребный во время свое даръ Божій будетъ ниспосланъ тебѣ свыше. „Источаетъ бо неоскудныя милости пречистая Богородица, предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ великихъ бѣдъ и золъ благонравныя и богобоящіяся рабы своя“. Аминь.

АССИРІЙСКІЯ КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ

и ихъ значеніе для исторіи народа еврейскаго.

Слишкомъ тридцать лѣтъ печальныя развалины на мѣстѣ могущественнаго некогда царства Ассирійскаго приковываютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ Англи, Германіи и Франціи, и нельзя думать, чтобы это вниманіе въ скоромъ времени было оторвано отъ этихъ развалинъ. Раскопки все еще продолжаются и все еще сопровождаются новыми и новыми открытіями, которыми справедливо можетъ гордиться современная наука. Съ своей стороны мы должны конечно только желать, чтобы это великое предпріятіе ученыхъ и неутомимыхъ труженниковъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, чтобы неисчерпанная до сихъ поръ сокровищница знанія, сокрытая въ развалинахъ Ассиріи, все болѣе и болѣе исчерпывалась и наука обогатилась въ будущемъ новыми и болѣе большими открытіями. Однако это обстоятельство,—эта неизвѣстность, когда холмы Востока перестанутъ вѣщать міру о томъ, что совершалось подъ солнцемъ въ дни минувшіе, насколько не препятствуетъ намъ обратить свое вниманіе на то, что уже открыто, разобрано и понято изъ непонятныхъ до сихъ поръ разсказовъ развалинъ ассирійскихъ, и это тѣмъ болѣе, что результаты и этихъ пока еще немногочисленныхъ открытій неоспоримы для современной науки. Жатва на нивѣ ассирійской, скажемъ словами одного ученаго ассиріолога, богата и

замѣчательна какъ въ культурно-историческомъ, такъ и въ историческомъ вообще отношеніяхъ. Наши прежнія изслѣдованія о ходѣ исторіи Востока въ періодъ до-ахеменидскій видоизмѣнены и отчасти переворочены сверху внизъ. Теперь въ добавокъ предлагается цѣлый рядъ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ для изслѣдователей, выводовъ, бѣльшая часть которыхъ несомнѣнно падаетъ на долю Вѣтхаго Завета.

Предлагая вниманію читателей настоящее свое изслѣдованіе, мы поставили себѣ задачей показать, какая именно часть изъ общей добычи, найденной въ развалинахъ ассирійскихъ, достается на долю Вѣтхаго Завета. Частіе: что новаго противъ Библии говорятъ ассирійскія надписи по отношенію къ исторіи избраннаго народа? Или же новаго ничего не говорятъ онѣ, а только объясняютъ уже данное въ Библии, освѣщаютъ своимъ свѣтомъ то, что остается для читателя темнымъ при свѣтѣ самой Библии? Вотъ главные вопросы, рѣшеніемъ которыхъ мы предположили заняться въ предлагаемомъ изслѣдованіи, предпоставивъ ихъ рѣшенію нѣкоторыя предварительныя замѣчанія, требуемыя самымъ изслѣдованіемъ.

Изслѣдованіе значенія ассирійскихъ надписей для исторіи народа еврейскаго, о которой до сихъ поръ сообщала намъ свѣдѣнія Библия, само собою понятно—не только предполагаетъ, но и требуетъ сличенія показаній послѣдней съ показаніями первыхъ, относящимися до одного и того же предмета. Но не будетъ ли унижительно для Библии,—этого не человѣческаго происхожденія источника,—когда мы будемъ сличать ея сказанія со сказаніями людей, всегда способныхъ ошибаться и заблуждаться? Не предполагаетъ ли далѣе это сличеніе, по крайней мѣрѣ *im-
plicitē*, недовѣрія къ слову послѣдней? Но если одно уже сличеніе рассказовъ Библии съ рассказами надписей можетъ возбуждать подобныя вопросы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ читателяхъ; то сколько вопросовъ могутъ породить въ нихъ тѣ вопросы, рѣшенію которыхъ посвящено наше изслѣдованіе? Какъ можно, подумаетъ кто-либо изъ читателей, восполнять Библию изъ источниковъ постороннихъ? Ужели Библия недостаточна сама по себѣ—напримѣръ, для изученія того предмета, который мы намѣрены изучать по надписямъ? Не значитъ ли это прямо подрывать авторитетъ Библии и такимъ образомъ низво-

дѣть ее въ рядъ обыкновенныхъ источниковъ, которые не только могутъ, но и должны быть повѣряемы, исправляемы и дополняемы? Предвидя подобныя вопросы со стороны нѣкоторыхъ читателей, мы сочли своею обязанностию разрѣшить ихъ, не приступая пока къ самому изслѣдованію, и тѣмъ разсѣять всякія сомнѣнія въ читателѣ, оправдываемыя повидимому самою задачею нашего изслѣдованія.

Прежде всего мы прямо и положительно отвѣчаемъ, что мы не имѣемъ намѣренія подрывать своимъ изслѣдованіемъ авторитетъ Библии. Мы не намѣрены раздѣлять мнѣніе, по которому область изслѣдованій богослова въ дѣлѣ критическаго комментаріа Библии суживается настолько, что болѣе объективными и полезнѣйшими богослова считаются въ этомъ дѣлѣ историки, филологи и другіе специалисты, соприкасающіеся по своимъ специальностямъ со специальностію богослова-экзегета. Но съ другой стороны мы не видимъ ничего оскорбительнаго для Библии въ томъ, если и исторію и филологію назовемъ вспомогательными въ дѣлѣ библейскаго экзегиса средствами. Конечно желательно было бы, чтобы библейскій экзегисъ руководствовался одною лишь Библіею; но къ сожалѣнію это оказывается не всегда удобнымъ и не всегда особенно полезнымъ. Желательно было бы, еслибы темныя и непонятныя мѣста въ Библии, противъ существованія которыхъ въ послѣдней едвали кто-нибудь станетъ возражать, освѣщались и толковались при помощи самой же Библии; но вѣковій опытъ доказалъ, что такой экзегисъ сколько труденъ, столько по мѣстамъ и невозможенъ. Это-то обстоятельство и побуждало всегда богослова-экзегета обращаться въ трудныхъ случаяхъ къ наукамъ вспомогательнымъ и отъ нихъ заимствовать свѣтъ для освѣщенія темнаго въ Библии; оно даже требовало этихъ вспомогательныхъ средствъ и такимъ образомъ дало имъ право на существованіе. Но уже потому самому, что эти науки стоятъ по отношенію къ Библии только какъ пособія, какъ вспомогательныя средства для экзегиса, не имѣетъ мѣста предположеніе, будто эти науки рассматриваются библейскими экзегетами какъ такіе же источники для изученія напр. исторіи народа еврейскаго, какова сама Библия. А при такомъ положеніи дѣла и авторитетъ Библии вовсе не падаетъ и даже нисколько не теряетъ своей силы отъ

того, когда желаютъ освѣщать темное Библіи свѣтомъ чуждымъ, т.-е. заимствованнымъ не изъ нея самой. И если думаютъ иначе, то думаютъ крайне ошибочно.

Но вѣря глубоко въ авторитетъ Библіи,—этого незамѣнимаго источника для изученія нашего предмета, и обращаясь въ тоже время для изученія его къ исторіи Востока, мы вовсе не имѣемъ цѣлю лишить Библію того авторитета, которымъ она заслуженно пользовалась и пользуется въ мірѣ христіанскомъ; не поставляемъ далѣе задачей себѣ доказать, что есть гораздо лучшіе ея и болѣе авторитетные источники для изученія исторіи народа еврейскаго. Наша цѣль болѣе скромная. Обращаясь къ ассирійскимъ надписямъ, мы желаемъ лишь освѣтить темное въ Библіи свѣтомъ исторіи Востока и освѣтить настолько, насколько можемъ освѣтить свѣтъ разрытыхъ холмовъ ассирійскихъ. А что въ Библіи дѣйствительно есть нѣчто такое, что требуетъ освѣщенія, это покажетъ самое наше изслѣдованіе. Не будемъ только забывать при этомъ того, что библейскіе писатели не всѣ были современниками и живыми свидѣтелями тѣхъ историческихъ событій въ жизни народа еврейскаго, которыя они описывали; что напротивъ нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось въ этомъ случаѣ довольствоваться преданіемъ,—народною традиціею, которая въ свою очередь также не всегда могла сохранять событія минувшихъ дней и воспроизводить ихъ въ той полнотѣ, ясности и отчетливости, которыя необходимы для исторіи. Отсюда въ историческихъ отдѣлахъ Библіи естественно могли появиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темнота, неточность и даже пробѣлы. Примѣры всему этому мы представимъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Не будемъ далѣе забывать и того, что мы не имѣемъ самыхъ древнихъ списковъ Библіи, а имѣемъ дѣло со списками позднѣйшими, въ которые время также могло внести нежелаемую темноту и еще менѣе желаемыя погрѣшности.

Что касается того, почему при изученіи исторіи еврейскаго народа мы обращаемся за пособіемъ именно къ исторіи древняго Востока, записанной на ассирійскихъ надписяхъ,—въ частности къ исторіи древней Ассиріи, то объяснять это мы не считаемъ нужнымъ какъ обстоятельство понятное само по себѣ. Пусть читатель припомнитъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ еврейскій народъ къ этому Востоку; пусть припомнитъ въ

частности, чѣмъ были для него эти Ассирія и Вавилонъ, развалины которыхъ стали съ нѣкотораго времени такъ дороги для ученыхъ изслѣдователей и еще до сихъ поръ не перестаютъ располагать къ себѣ если не все ихъ вниманіе, то во всякомъ случаѣ самую большую, если позволительно такъ выразиться, дозу его.

Показавъ цѣль и задачу нашего изслѣдованія самое изслѣдованіе, мы начнемъ сообщеніемъ свѣдѣній о клинообразномъ письмѣ и языкѣ клинообразныхъ ассирійскихъ надписей, какъ предметъ новомъ еще для русскаго читателя и интересномъ самомъ по себѣ.

I.

Ассирійское клинообразное письмо и языкъ ассирійскихъ надписей.

„Клинообразное“ письмо получило такое названіе отъ внѣшней формы входящихъ въ составъ его письменныхъ знаковъ или клиновъ. Этимъ именемъ называется особый видъ письменности древняго Востока, встрѣчающейся на плитахъ, камняхъ, обелискахъ, глиняныхъ цилиндрахъ, инструментахъ, вѣсахъ и другихъ предметахъ, которые во множествѣ находили и находятъ въ развалинахъ древней Ассиріи, Вавилона, Ниневіи. Элементомъ этого письма всюду являются клины и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Нужно впрочемъ замѣтить при этомъ, что находили на Востокѣ и такого рода надписи, относящіяся къ весьма древней эпохѣ его исторіи, на которыхъ вмѣсто клинообразныхъ знаковъ встрѣчали простые линіи. Надписи съ подобнаго рода знаками находили, напримѣръ—въ Сузианѣ и на одной части стѣны сѣверо-западнаго дворца въ Нимродѣ. Можно думать далѣе, что письменные знаки древнѣйшаго ассирійскаго монументальнаго письма принимали иногда, хотя впрочемъ весьма рѣдко, форму молотка; такого рода знаки пока удалось встрѣтить только на нѣкоторыхъ ириричахъ древнѣйшаго дворца въ Нимродѣ.

По своему типу клинообразное письмо раздѣляется на три главные вида, соотвѣтственно тремъ главнымъ родамъ надписей, называемыхъ обыкновенно надписями царей ахеменид-

скихъ ¹⁾: именно различаютъ письмо персидское, письмо мидоскиѣское (или просто скиѣское или монгольское) и наконецъ письмо ассирійское, которое соотвѣтствуетъ третьему роду ахеменидскихъ надписей и подъ которымъ нужно разумѣть не только письмо, употреблявшееся собственно въ Ассиріи, но и письмо Вавилона и Ниневіи. Это письмо (ассирійское) есть письмо самое комплектное и въ то же время самое запутанное и потому самое трудное изъ всѣхъ названныхъ главныхъ видовъ клинообразнаго письма. Тогда какъ персидское напр. письмо содержитъ въ себѣ не болѣе 60 знаковъ, а количество знаковъ мидоскиѣскаго письма не превышаетъ 100, письмо ассирійское заключаетъ въ себѣ болѣе 400 знаковъ слоговаго достоинства (ba, bi, bat),—количество, которое совершенно справедливо называютъ чудовищнымъ. Но что всего болѣе затрудняетъ разборъ этого письма,—это именно его идеографизмъ или условный характеръ многихъ письменныхъ знаковъ, входящихъ въ его составъ; при чемъ между условными знаками, означающими нѣкоторыя понятія, есть возможность нѣкоторыя изъ нихъ подвергнуть слоговому разбору и такимъ образомъ понять извѣстный знакъ совершенно иначе. ²⁾

¹⁾ Такъ по словамъ греческихъ и римскихъ писателей, назывался въ персидскомъ идолизмѣ Пасаргадовъ тотъ родъ, отъ котораго происходили Киръ и Дарій Истаспъ. У восточныхъ писателей, оставившихъ какія-либо извѣстія о древней персидской исторіи, нигдѣ не встрѣчается подобнаго названія. Но такъ какъ Ахемени, котораго называютъ основателемъ этого рода, звучитъ очевидно по-гречески и вѣроятно есть какое-нибудь исковерканное персидское имя, и такъ какъ примѣры подобной порчи персидскихъ именъ на всякомъ шагѣ встрѣчаются у греческихъ писателей, то многіе ученые, доискиваясь его настоящаго произношенія, думали найти Ахемени въ Джемшидѣ,—въ одномъ изъ славнѣйшихъ героевъ древней исторіи Персовъ. Въ послѣдствіи Ахеменидами назывались всѣ потомки Кира и Дарія Истаспа. По этому же праву государи Понта и Воніиіи, производившіе родъ свой отъ Дарія Истаспа, а потомъ и цари Восточные и Фракійскіе, происшедшіе отъ Понтійскыхъ, носили имя Ахеменидовъ. У Горация слово Achemenius употребляется какъ синонимъ Перса.

²⁾ Такъ напримѣръ на цилиндрѣ Санхериба мы встрѣчаемъ знакъ, который въ одномъ случаѣ читается просто какъ слогъ in; между тѣмъ какъ въ другомъ является уже условнымъ знакомъ имени одного ассирійскаго божества—Бага.

Это внѣшнія свойства ассирійскаго письма, за которыми необходимо должны слѣдовать внутреннія.

Къ числу внутреннихъ свойствъ клинообразнаго ассирійскаго письма прежде всего нужно отнести то, что ассирійское письмо не можетъ быть названо письмомъ фонетическимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; въ немъ нѣтъ отдѣльныхъ звуковъ, а есть одни только слоги, и потому его называютъ письмомъ слоговымъ, силлябическимъ. Это впрочемъ не составляетъ еще специфической особенности ассирійскаго письма, потому что и письмо напр. персидское есть также письмо слоговое. Специфическая особенность или характеристическое внутреннее свойство этого письма заключается въ такъ называемой полифоніи.

Разсмотрѣніе внѣшнихъ особенностей письма ассирійскаго привело насъ къ тому результату, что одному и тому же знаку въ этомъ письмѣ дается и слоговое, силлябическое и идеографическое значеніе. Въ этомъ-то и заключается полифонія ассирійскаго письма, бывшая главною причиною того сомнѣнія въ возможности правильнаго чтенія и пониманія ассирійскихъ надписей, которое неоднократно было высказываемо во времена англ. ученаго Раулисона. Фактъ полифоніи стоитъ однако выше всякаго сомнѣнія, какъ фактъ признанный самими Ассиріянами. Такъ, во второмъ томѣ обширнаго сочиненія, издавнаго Раулисономъ и Норрисомъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько литографированныхъ знаковъ, собранныхъ съ многихъ маленькихъ дощечекъ, найденныхъ въ развалинахъ дворца Ассурбанипала, — одного изъ послѣднихъ ассирійскихъ царей, которые (знаки) сами Ассиріяне объясняли двумя, тремя и болѣе значеніями. Это явленіе несомнѣнно весьма замѣчательно; но для положительнаго объясненія его мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ и потому должны прибѣгать къ предположеніямъ. На вопросъ, почему подлѣ знаковъ слоговаго достоинства въ ассирійскихъ надписяхъ встрѣчаются еще идеограммы, можно представить слѣдующее, весьма впрочемъ вѣроятное, объясненіе. Клинообразное ассирійское письмо, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, не есть кака-либо самостоятельная форма письма, употреблявшаяся на древнемъ Востокѣ: оно выработалось изъ письма гіероглифическаго; но выработалось не прямо, не непо-

средственно, а при посредствѣ такъ называемаго гѣратическаго письма, которое и составляетъ такимъ образомъ переходную ступень между письмомъ гѣроглифическимъ и клинообразнымъ. Короче: клинообразное ассирійское письмо есть болѣе упрощенная и болѣе совершенная форма письма гѣратическаго. Но несомнѣнно, объ этомъ скажемъ мы въ послѣдствіи, что гѣратическое письмо, выродившееся непосредственно изъ гѣроглифическаго, не осталось безъ вліянія со стороны послѣдняго,—напротивъ? оно носитъ на себѣ ясныя слѣды своего происхожденія изъ письма гѣроглифическаго, ибо въ знакахъ его можно иногда ясно усматривать гѣроглифы. По аналогіи же съ этимъ можно съ вѣроятностію заключать, что и клинообразное письмо, выродившееся изъ гѣратическаго, не было чуждо вліянія со стороны послѣдняго, какъ своего оригинала. Но несомнѣнно далѣе, что письмо гѣратическое не было письмомъ фонетическимъ, потому что и самое ассирійское письмо, выродившееся изъ него и слѣдовательно болѣе упрощенное и усовершенствованное, не таковое,—оно даже не было строго силлабическимъ письмомъ, потому что ничего подходящаго на слоги не было въ его оригиналѣ—гѣроглифическомъ письмѣ. Стало быть знаки этого письма были нѣчто среднее между собственно гѣроглифами и знаками ассирійскаго письма. И всего вѣроятнѣе—это были иѣменно идеограммы или условные знаки, притомъ болѣе простые и совершенные, чѣмъ самыя гѣроглифы. Итакъ всего вѣроятнѣе то, что идеограммы ассирійскаго письма перешли въ него изъ письма гѣратическаго, какъ слѣды вліянія послѣдняго на выродившееся изъ него ассирійское письмо. Представляютъ правду и другое объясненіе полифоніи ассирійскаго письма, но объясненіе это мало вѣроятно, если не болѣе. Существованіе идеограммъ въ ассирійскомъ письмѣ нѣкоторые объясняютъ между прочимъ¹ личнымъ благоусмотрѣніемъ писца. Нужно между прочимъ замѣтить, что въ ассирійскомъ письмѣ нѣтъ мѣста перерыву словъ, но напротивъ здѣсь каждая строка заканчиваетъ собою отдѣльную фразу. Безъ помощи же идеограммъ, говорятъ, не удобно было удовлетворить этому требованію. И вотъ, когда пишущій видѣлъ, что извѣстная строка при слоговомъ письмѣ недостаточна для выраженія предполагаемой иѣ фразы, то онъ обращался для этой цѣли къ идеограммамъ; наоборотъ, если

строка должна была, при несложности фразы, окончиться преждевременно, тогда онъ обращался къ письму слоговому, растягивая при этомъ даже самые клины. Но дѣло въ томъ, что указанное свойство письма ассирійскаго можетъ быть удовлетворено и безъ помощи идеограммъ и притомъ способомъ болѣе простымъ и удобнымъ. Для этого стоитъ только растягивать или же сокращать знаки этого письма, представляющіе для этого полное удобство. Но главное то, что при такомъ объясненіи существованія идеограммъ нельзя совершенно объяснить того, почему главнымъ образомъ и почти исключительно посредствомъ идеограммъ обозначаются въ этомъ письмѣ имена собственные? Наконецъ, если бы при помощи такихъ знаковъ (идеограммъ) пишущій старался избѣгать только сокращеній, которыхъ не терпитъ ассирійское письмо, то мѣстомъ для такихъ знаковъ были бы только концы строкъ, такъ какъ и самыя сокращенія и дѣленія словъ (при перенесеніи съ одной строки на другую) имѣютъ мѣсто только на концѣ строки. А между тѣмъ идеограммы встрѣчаются и въ срединѣ и въ началѣ строки.

Фактъ полифоніи ассирійскаго письма невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе и побуждаетъ насъ еще нѣсколько продолжить свое изслѣдованіе о письмѣ клинообразныхъ надписей.

Въ виду этой именно полифоніи насъ могутъ спросить, и не безъ основанія, чѣмъ мы гарантированы и гарантированы ли отъ заблужденій при разборѣ и пониманіи надписей ассирійскихъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ категорически мы не можемъ: не можемъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ мы не обезпечены ничѣмъ и слѣдовательно по необходимости должны вращаться въ кругѣ ни на чемъ не основанныхъ догадокъ и гипотезъ и неизбѣжныхъ ошибокъ, равнымъ образомъ не можемъ утверждать и того, что при разборѣ клинообразнаго ассирійскаго письма мы вполне обезпечены отъ всякихъ ошибокъ. Посему мы можемъ отвѣтить только такимъ образомъ: разборъ клинообразныхъ надписей обезпеченъ, но обезпеченъ пока еще не настолько, чтобы всякія ошибки при этомъ разборѣ устранены были совершенно. Что ошибки, или вѣрнѣе, разности въ чтеніи, а слѣдовательно и въ пониманіи ассирійскихъ надписей возможны, вещественнымъ доказательствомъ этого можетъ служить чтеніе одного мѣста изъ надписи Салманассара II по Шрадеру и Бран-

дису, изъ которыхъ одинъ относитъ это мѣсто надписи къ 16 году Салманассара II, а другой къ 6-му ³⁾).

Но если нельзя сказать, что дѣло разбора клинообразныхъ ассирійскихъ надписей построено въ настоящее время на непоколебимомъ основаніи, при чемъ всякія догадки и ошибки совершенно устранены, то нельзя съ другой стороны представлять дѣло разбора этихъ надписей и въ слишкомъ дурномъ состояніи, и поэтому пессимистическій взглядъ на это дѣло на примѣръ Рѣша ⁴⁾ нужно считать не болѣе, какъ крайностію. Читатель убѣдится въ этомъ изъ количества и качества тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя помогали при разборѣ клинообразныхъ надписей ассирійскихъ на самыхъ первыхъ порахъ и не перестаютъ оказывать необходимую помощь и теперь — въ крайнихъ случаяхъ.

Ключемъ къ разбору клинообразныхъ ассирійскихъ надписей на самыхъ первыхъ порахъ послужила трехъязычная надпись Кира, найденная въ Бегистунѣ или въ Бизутунѣ, на границѣ Мидіи, вблизи Кармандшага, а потомъ и другія трехъязычныя надписи, открытыя въ разныхъ мѣстахъ вслѣдъ за Бизутунскою ⁵⁾. Во всѣхъ этихъ надписяхъ, какъ доказано было впоследствии, ассирійскій текстъ былъ не чѣмъ инымъ какъ простымъ переводомъ персидскихъ надписей, въ настоящее время уже обстоятельно разобранныхъ.

Послѣ трехъязычныхъ персидскихъ надписей какъ на вспомогательныя при разборѣ и пониманіи ассирійскаго клинообразнаго письма средства нужно указать:

- 1) на параллельные тексты, которые найдены были въ боль-

³⁾ Что и Шрадеръ и Брандисъ имѣютъ въ настоящемъ случаѣ одну и ту же надпись и одно и то же мѣсто ея, это видно изъ сходства содержанія прочтѣннаго тѣмъ и другимъ.

⁴⁾ Theologische Studien und Kritiken 1874 г. Heft. 4; S. 467.

⁵⁾ Всѣ персидскія надписи, при помощи которыхъ производимъ былъ разборъ надписей ассирійскихъ, принадлежать четыремъ персидскимъ царямъ: Кйру, Дарію Истаспу, Ксерксу и Артаксерксу. При этомъ отъ Кира осталась одна только большая Бизутунская надпись; отъ Дарія Истаспа — двѣ большія надписи: Бизутунская и Накширустанская и нѣсколько надписей краткихъ; отъ Ксеркса семь краткихъ надписей, отъ Артаксеркса двѣ краткія надписи одна полная, а другая въ отрывкѣ.

шомъ количествѣ на плитахъ въ Нимродѣ, Хорзабадѣ и Кой-юнджикѣ и которые способствовали собственно разбору тѣхъ идеографически написанныхъ словъ, звуковаго значенія которыхъ нельзя было опредѣлить при помощи однихъ только трехъ-язычныхъ надписей;

2) на силлябары, какъ на вспомогательное средство при разборѣ идеограммъ, пишущихся всегда извѣстнымъ образомъ и нигдѣ не имѣющихъ подлѣ себя фонетическаго письма. Происхожденіе этихъ силлябаровъ, цѣлю которыхъ весьма вѣроятно было именно объясненіе идеограммъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вышеуказанныя нами средства были недостаточны, нужно относить къ самому позднему времени исторіи Ассиріи, именно ко времени Ассурбанипала — одного изъ послѣднихъ ассирійскихъ царей. Дощечки, на которыхъ писаны были эти силлябары, состоятъ или изъ двухъ колоннъ, изъ которыхъ лѣвая содержитъ въ себѣ самые идеографическіе знаки, и правая — ихъ объясненіе; или же изъ трехъ колоннъ, и въ такомъ случаѣ средняя колонна содержитъ въ себѣ знаки подлежащіе объясненію, лѣвая показываетъ ихъ фонетическое значеніе, а правая раскрываетъ самый смыслъ ихъ.

Послѣ раскрытія содержанія ассирійскаго письма переходимъ къ рѣшенію стоящаго на очереди вопроса о его происхожденіи.

Рѣшеніе этого вопроса не представляетъ особаго затрудненія. Прежде всего не можетъ подлежать сомнѣнію то, что клинообразное ассирійское письмо не было первоначальною формою письма древняго Востока: оно выродилось изъ письма гіероглифическаго и слѣдовательно есть болѣе упрощенная форма древняго письма; но выродилось изъ гіероглифовъ не прямо, а при посредствѣ письма гіератическаго, элементомъ котораго было нѣчто среднее между клиномъ и гіероглифомъ. Доказательствомъ этому служитъ самое гіератическое письмо, въ нѣкоторыхъ знакахъ котораго еще довольно ясно можно замѣтить слѣды первоначальныхъ гіероглифовъ. Такъ наприм. на камнѣ Навуходоносора встрѣченъ былъ знакъ для выраженія понятія божества, въ формѣ котораго всякій увидитъ сразу форму звѣзды — символъ божества; далѣе — на томъ же камнѣ найдена была идеограмма для выраженія понятія „рука“, въ которой также

можно узнать гіероглифъ сжатой руки съ простертымъ впередъ большимъ пальцемъ.

До сихъ поръ мы говорили о клинообразномъ письмѣ. Мы познакомили читателя со внѣшними и внутренними свойствами этого письма. Но было бы не извѣнительно для насъ, если бы ограничились этимъ, не сказавъ ничего о томъ, что въ этомъ случаѣ еще болѣе интересно знать: на какомъ же языкѣ говорятъ холмы Востока, къ рѣчи которыхъ такъ внимательно прислушиваются современные ученые?

Вопросъ о языкѣ ассирійскихъ надписей въ общемъ можно считать въ настоящее время вопросомъ уже рѣшеннымъ и рѣшеннымъ положительно. Разсужденія о немъ большинства ориенталистовъ сводятся къ тому, что этотъ языкъ есть языкъ семитическій. Въ этомъ, говоритъ Кейль ⁶⁾, нельзя уже болѣе сомнѣваться; хотя о немъ вѣдѣстно еще такъ мало, что объ особенностяхъ его нельзя еще высказать окончательнаго сужденія. Последнія слова Кейля означаютъ только то, что при настоящемъ состояніи ассиріологии нельзя еще съ точностію опредѣлить, къ какой именно семьѣ семитическихъ языковъ нужно отнести языкъ ассирійскихъ надписей. Если не большинство ассиріологовъ, то во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ называютъ языкъ ассирійскій языкомъ аккадійскимъ. Такъ думаетъ напр. Смитъ, замѣчательнѣйшій и неутомимый труженикъ въ дѣлѣ открытія и разбора ассирійскихъ надписей. По мнѣнію его клинообразныя ассирійскія надписи суть не что иное какъ ассирійскія копии или переводы съ оригиналовъ, писанныхъ на древнѣйшемъ аккадійскомъ ⁷⁾ языкѣ, вышедшемъ изъ употребленія задолго до того времени, какъ была основана бібліотека, часть которой онъ составляли и которую собиралъ главнымъ образомъ Салманассаръ II.

Въ принадлежности языка ассирійскаго къ семьѣ языковъ се-

⁶⁾ Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1875 г. м. Авг. стр. 18.

⁷⁾ Названіе „аккадійскій“ по всей вѣроятности заимствовано отъ одного вавилонскаго города—Аккады, часто встрѣчающагося какъ на вавилонскихъ, такъ и ассирійскихъ надписяхъ. Къ сожалѣнію, на основаніи надписей нѣтъ возможности опредѣлить его географическаго положенія.

метических легко можетъ убѣдиться всякій на основаніи его внутренняго сродства напр. съ языкомъ еврейскимъ—несомнѣнно семитическимъ. Когда намъ приходилось знакомиться съ грамматикой ассирійскаго языка и сличать ее съ грамматикой языка еврейскаго, то намъ представлялось, что мы имѣемъ дѣло не болѣе какъ съ копіей послѣдней. До того поразительно сходство между той и другой! Правда намъ приходилось встрѣчаться и съ особенностями, свойственными только языку надписей, но эти особенности, весьма немногочисленные и весьма незначительныя, говорили только о томъ, что языкъ надписей не есть языкъ еврейскій.

Оставляя въ сторонѣ другія спеціальныя черты сходства между тѣмъ и другимъ языкомъ, потому что онѣ придавали бы настоящему нашему изслѣдованію слишкомъ спеціальныя характеры, мы укажемъ только на сходство прямо бросающееся въ глаза,—на сходство словъ языка ассирійскаго со словами языка еврейскаго по одной изъ имѣющихся у насъ подъ руками надписей,—по надписи Сарданапала.

По ассирійски.	По еврейски.
Schum имя.	Schem имя
Sarrut царство.	Sar царь.
Ilu Богъ.	El Богъ.
Er городъ.	Ir городъ.

Такое сходство замѣчается даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ. Ассиріянинъ напр. говоритъ: Kihaav ikbi i tti libbisu; „и онъ сказалъ въ сердцѣ своемъ,—это же буквально выраженіе мы встрѣчаемъ весьма часто и въ еврейскомъ языкѣ: bilibu vajdmer—(и онъ сказалъ въ сердцѣ своемъ).

Въ пользу семитизма ассирійскаго языка говоритъ, наконецъ, убѣдительно преданіе или свидѣтельство древникъ. Ксенофонтъ говоритъ въ своей „Киропедіи“ о Вавилонянахъ, что они говорятъ по-сирійски. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что по-сирійски говорятъ въ Азій не только Вавилоняне, но и жители Палестины, Финикія, Ассиріи и Киппадокіи. Страбонъ въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія утверждаетъ, что жители Арменіи, Сиріи и Аравіи обнаруживаютъ большое сходство не только въ языкѣ,

но и въ строеніи тѣла и въ образѣ жизни, что далѣе по обѣ стороны Еврата господствуетъ одинъ языкъ, что Сирійцы живутъ не только по ту сторону Тавра, но достигаютъ даже до границъ Персін, и что наконецъ города и царства Ассиріи и Вавилоніи слѣдуетъ считать сирійскими, ибо таковыми считаютъ ихъ собственные сторонники. На основаніи этихъ свидѣтельствъ древности, въ достовѣрности которыхъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, съ несомнѣнностію можно утверждать, что этнографическимъ ядромъ Месопотаміи и всего вообще Еврато-Тигрскаго бассейна было племя Семитовъ.

Но самое древнѣйшее и самое достовѣрнѣйшее свидѣтельство въ пользу семитическаго происхожденія ассирійскаго языка и даже самихъ Ассиріянъ есть несомнѣнно свидѣтельство Библии. Библия прямо и положительно говоритъ въ пользу послѣдней мысли, когда родословную Нимврода, основателя царства Вавилонскаго, производитъ отъ Хуса, сына Хамова; а родословную Ассиріянъ—отъ Ассура, сына Симова (Быт. 10, 8, 22). Съ такою же ясностію и положительностію говоритъ она и въ пользу семитизма языка ассирійскаго. Въ ней мы читаемъ: *и рече Елиакимъ, сынъ Хелкинъ, и Сомнаъ и Иоасъ къ Рамсаку* (полководцу ассирійскаго царя Сеннахирима или Санхериба): *многоли были ли отрокомъ твоимъ сирски* (собственно—арамейски), *яко слышимъ мы, а не многоли къ намъ іудейски* (4 Цар. 18, 26). Отсюда съ очевидностію слѣдуетъ, что ассирійскій языкъ былъ несомнѣнно языкъ семитическій. Ассиріянне однако не отвѣчали на просьбу Евреевъ и продолжали вести рѣчь къ нимъ по іудейски. Это безъ сомнѣнія потому, что Іудеи не могли понимать сирійскаго языка *). Этихъ послѣднихъ обстоятельствомъ объясняется то, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія арамейскій (сирскій) языкъ, которымъ говорили Ассиріянне, называется языкомъ непонятнымъ для Евреевъ, языкомъ имъ чуждымъ (Ис. (33, 19) и особенно ясно у Моисея (Второзак. 28, 49).

*) Сирскій языкъ оказывалъ вліяніе на языкъ еврейскаго сѣвернаго царства еще до появленія въ Палестинѣ ассирійскихъ завоевателей, и это вліяніе въ періодъ халдейскій все болѣе и болѣе увеличивалось, послѣ же плѣна сдѣлалось настолько сильнымъ, что Іудеи усвоили его въ совершенствѣ (мнѣніе Вейля).

Изслѣдованіемъ языка ассирійскихъ надписей заканчивается первый отдѣлъ нашего сочиненія.

Что же говорятъ намъ на этомъ языкѣ развалины ассирійскія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ слѣдующій отдѣлъ нашего изслѣдованія.

II.

Политическая исторія еврейскаго народа по Библии и даннымъ ассирійскихъ клинообразныхъ надписей⁹⁾.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какой свѣтъ проливаютъ ассирійскія надписи на политическую жизнь еврейскаго народа или на отдѣльные случаи политическихъ столкновеній народа еврейскаго съ Ассиріянами, мы считаемъ нужнымъ отвѣтить на вопросъ о началѣ этихъ столкновеній и это потому, что въ рѣшеніи этого вопроса надписи и Библия расходятся между собою и расходятся весьма значительно.

Съ точки зрѣнія современной ассиріологіи первыя политическія столкновенія между двумя помянутыми народами нужно возводить къ болѣе ранней эпохѣ исторіи еврейскаго народа, именно къ 9 вѣку предъ Р. Хр., а не ко второй половинѣ 8 вѣка, какъ это слѣдуетъ по Библии. Такъ думаетъ Шрадеръ; къ этому же взгляду склоняется и Брандисъ. Впрочемъ ни тотъ, ни другой, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, не хотятъ утверждать при этомъ, что эти первыя политическія столкновенія двухъ народовъ имѣли своимъ слѣдствіемъ подданство народа еврейскаго Ассиріянамъ, или что Ассиріане на самыхъ первыхъ порахъ предпринимали какіе-либо походы специально противъ Палестины, — воевали съ Евреями, разрушали ихъ города и дѣлали народъ еврейскій своимъ данникомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Этого и нельзя утверждать безъ противорѣчія показаніямъ самыхъ надписей. Все, что можно сказать о характерѣ этихъ первоначальныхъ столкновеній на

9) Мы касаемся этой именно стороны жизни народа еврейскаго потому, что извѣстна у насъ подъ руками надписи ничего не говорятъ о другихъ сторонахъ жизни избраннаго народа.

основаніи ассирійскихъ надписей, сводится къ тому, что израильскій народъ платилъ ассирійскимъ царямъ дань, но платилъ не по принужденію, не какъ побѣжденный народъ, а изъ простыхъ политическихъ соображеній (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), платилъ въ добавокъ дань частную, а не постоянную. По крайней мѣрѣ это съ несомнѣнностію можно утверждать о характерѣ политическихъ столкновеній народа израильскаго съ Ассиріянами во времена Інуя, царя израильскаго и Салманассара, царя ассирійскаго.

Вотъ что говоритъ по этому поводу ассиріологія. „Анализируя историческія слѣдствія разбора клинообразныхъ ассирійскихъ надписей, насколько онѣ непосредственно касаются Библии, мы должны прежде всего указать на то, что по ассирійскимъ надписямъ Израиль вошелъ въ соприкосновеніе съ Ассиріянами гораздо ранѣе, чѣмъ какъ объ этомъ говоритъ Библия. Отъ сына того Сарданпала, который самими ассиріянами точнѣе называется въ канонѣ правителей Assurnasirhabal ¹⁰⁾, того самаго, который построилъ такъ-называемый сѣверо-западный дворецъ въ Нимродѣ ¹¹⁾, мы имѣемъ, помимо большаго обелиска,

¹⁰⁾ См. Regent-kanon подъ 883 г. въ сочиненіи Шрадера: Die Keilinschrift. u. d. A. Test. S. 308.

¹¹⁾ Нѣкоторые (см. „Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ“ Чаева перев. съ нѣмецк. стр. 139) почему-то называютъ строителемъ этого дворца какого-то Асаракбала. Этого имени мы не встрѣчали ни въ канонѣ правителей, который начинается съ 893 г. до Р. Хр., ни въ такъ-называемомъ Verwaltung-Listen. Нельзя думать, что Асаракбалъ есть иное чтеніе имени Assurnasirhabal, потому что, что особенно странно, этотъ же Асаракбалъ въ цитованномъ выше мѣстѣ является не только строителемъ сѣверо-западнаго дворца въ Нимродѣ, которымъ былъ несомнѣнно Сарданпалъ, но мѣстѣ и Салманассаромъ II, преемникомъ Сарданпала, ко времени котораго ассирійскія надписи возводятъ начало политическихъ столкновеній между народами еврейскимъ и ассирійскимъ; это видно изъ того, что этому Асаракбалу, строителю сѣверо-западнаго дворца, приписывается слѣдующая, ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежащая надпись: „я бралъ дань съ Тиріанъ, Сидонянъ, Кубалянъ и съ города Арвадъ“, а между вассалами его въ этой надписи упоминаются между прочимъ Этбаалъ, царь египетскій и Ахавъ царь израильскій. Между тѣмъ по Regent-kanon—у какъ Этбаалъ, такъ и Ахавъ въ первый разъ упоминаются только подъ 855 г., подъ 4 годъ царствованія Салманассара II. Отчего произошла такая странность,

на которомъ упомянуть Ахавъ, царь израильскій, мадыи обелискъ изъ чернаго камня съ большою надписью, въ которой сынъ Сарданапала повѣствуетъ о своихъ дѣяніяхъ. На этомъ обелискѣ подъ однимъ изображеніемъ, представляющимъ князя или посла стоящаго на колѣнахъ ¹²⁾ предъ великимъ царемъ, а позади его лицъ приносящихъ дань, находится надпись съ слѣдующими замѣчательными словами: „давъ Інуя сына Амвриева“ (Madatu scha Iahua habal Nuumri) ¹³⁾. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія ассириологии первыя политическія столкновенія между Израильтянами и Ассирианами начались со временъ „Iahua habal Nuumri“.

Кромѣ приведенныхъ выше словъ, начертанныхъ на маломъ обелискѣ Салманассара II, упоминаніе объ „Iahua habal Nuumri“ мы находимъ еще въ недавно открытомъ отрывкѣ изъ annalovъ Салманассара II, въ которомъ кромѣ „Iahua“ упоминается еще Газавль Дамаскскій, который по Библии былъ современникомъ Інуя сына Іоасафатова, сына Намессина (4 Цар. 9, 16). Въ этомъ отрывкѣ мы читаемъ: „въ 18 году моего правленія 16 разъ перешелъ я Евфратъ. Газавль изъ земли Арамъ положился на силу своихъ войскъ, собралъ ихъ безъ числа и сдѣлалъ своимъ укрѣпленіемъ землю Саниръ, верхъ горы, которая на границѣ Ливана. Съ нимъ я воевалъ и нанесъ ему поражение; 16 тысячами его воиновъ овладѣлъ я вмѣстѣ съ оружіемъ; 1121 возницъ, 410 всадниковъ вмѣстѣ съ запасами взялъ я у него. Желая спасти свою жизнь, онъ обращался туда и сюда; я преслѣдовалъ его. Въ Дамаскѣ, его столицѣ, я осадилъ его, его бастионы уничтожилъ. Послѣ сего пошелъ я по укрѣпленіямъ (по укрѣпленнымъ мѣстамъ), разрушалъ безъ числа города, опустошалъ и сожигалъ ихъ, ихъ лѣвнииковъ отводилъ я безъ числа. По укрѣпленіямъ земли Баляръ пошелъ я и всюду поставлялъ свое цар-

объявлять не беремъ. Замѣтимъ еще при этомъ, что никто изъ ассириологовъ вовсе не упоминаетъ о какой-либо надписи, найденной на дворцѣ строителя сѣверо-западнаго дворца въ Нимродѣ, какъ это утверждаетъ названное мнѣніе.

¹²⁾ Изъ оттисковъ изображенія, найденнаго на этомъ обелискѣ, которые намъ приходилось разсматривать, не видно, чтобы предъ великимъ царемъ стоялъ какой-либо колѣнопреклоненный князь или посолъ (см. Layard, „Nineveh and seine Ueberreste“, и Riehm, Handvörterbuch d. bibl. Alterthums).

¹³⁾ Мнѣніе Шрадера.

ское изображеніе. Въ это время я принялъ дань отъ земли Тирской, Сидонской, отъ Іууа, сына Амвріева⁴.

Вопросъ теперь очевидно въ томъ, кто этотъ „Іаһиа һаба Ниимгі, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ? Шрадеръ не задумывается надъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ; онъ положительно отвѣчаетъ, что Іаһиа һаба Ниимгі есть тотъ самый Іууй, о которомъ говоритъ Библия (4 Цар. гл. 9). Этотъ Іууй, современникъ Салманассара II, который жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ 9 вѣка предъ Р. Хр. ¹⁴⁾. На вопросъ о томъ, почему Іууй надписей, если допустить его тожество съ Іууемъ упоминаемымъ въ Библии, названъ сыномъ Амвріевымъ, какимъ онъ не былъ и быть не могъ, — Шрадеръ отвѣчаетъ такимъ предположеніемъ: владыка Амврій занималъ въ глазахъ другихъ народовъ видное мѣсто; онъ былъ въ глазахъ другихъ народовъ въ нѣкоторой мѣрѣ владыкой земли (т.-е. сѣвернаго израильскаго царства) по преимуществу. Поэтому неудивительно, если и отдѣльный владыка изъ дома Амвріева, поставляемый въ тѣсной связи съ Амвріемъ, этимъ фактически замѣчательнымъ владыкою этого дома, названъ сыномъ Амвріевымъ. Впрочемъ Шрадеръ не ограничивается приведенными соображеніями въ пользу тожества Іууа надписей и Іууа Библии; онъ представляетъ и другія, и притомъ повидимому болѣе вѣскія доказательства въ подтвержденіе своей мысли. Первое изъ его доказательствъ займется имъ изъ известнаго уже намъ отрывка изъ анналовъ Салманассара II, гдѣ, какъ мы видѣли, наряду съ Іууемъ упомянуть еще Газалъ Дамасскій, который въ Библии представляется современникомъ Іууа. Отъ одновременности этихъ царей по Библии Шрадеръ аргументируетъ въ тожеству Іууа надписей и Іууа Библии. Второе доказательство по характеру и силѣ доказательности совершенно одинаково съ первѣмъ: разница здѣсь заключается только въ томъ, что здѣсь берется во вниманіе другой Дамасскій царь Бенгададъ или Бинидри, который по Шрадеру былъ также современникомъ Іууа и потому заключеніе къ тожеству Іууа надписей и Іууа Библии дѣлается въ настоящемъ

¹⁴⁾ Въ канонѣ правителей время правленія Салманассара II точнѣе опредѣляется цѣрами 858—829; дань же Іууа обозначена подъ 842 г., подъ 17 г. царствованія Салманассара II.

случаѣ отъ одновременности Бенгадада и Іуя. Упомянутое о Бенгададѣ встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ надписи Салманассара II, изъ которыхъ достаточно указать на одно мѣсто находящееся на обелискѣ Нимродовомъ; это мѣсто относится къ 6 году правленія помянутаго царя. Мѣсто это читается такъ. „Въ это время Бенгададъ Дамаскій (собственно Бивидри изъ Пмиришу), Ирхулина Гаматскій, вмѣстѣ съ царями Сирійскими, положившись на свою взаимную силу, вышли противъ меня съ цѣлю открыть войну. Въ благоговѣніи къ Асуру, моему Господу, великому Богу я воевалъ съ ними и обратилъ ихъ въ бѣгство и проч.“¹⁵⁾.

Но что касается до Библии, то мы напрасно стали бы искать въ ней какого бы то ни было подтвержденія для вывода современной ассиріологии; въ Библии мы не найдемъ даже и тѣни намека на то, чтобы во времена Іуя существовали какія-либо

¹⁵⁾ Согласно съ Шрадеромъ, хотя и не съ такою рѣшительностію, отвѣчать на вопросъ о началѣ политическихъ столкновеній между Израилемъ и Ассиріей и Брандисъ. „Что ассирійскій царь (т.-е. Салманассаръ II), которому платили дань города Финикійскіе (Тиръ и Сидонъ), могъ получить дань и отъ царя самарійскаго (разумеется Іуя), этому не будетъ удивляться никто, хотя историческія книги Евреевъ и умалчиваютъ объ этомъ“. Но не видя ничего невозможнаго въ принятіи дани отъ Іуя, Брандисъ отказывается отъ положительнаго отвѣта на вопросъ, къ какому времени отнести эту дань. Это потому, что Брандисъ не увѣренъ въполнѣ въ правильности разбора съ одной стороны имени того царя, котораго Шрадеръ называетъ Газаиломъ, царемъ Дамаскимъ, а съ другой — имени предшественника Газайла, въ которомъ Шрадеръ, а еще прежде его Раулионъ видятъ Бенгадада. Еслибы, заимчивъ по этому поводу Брандисъ, — Газайлъ и Бенгададъ, упоминаемые въ надписи Салманассара II, были тождественны съ Газаиломъ и Бенгададомъ Библии, то время правленія царя обелисковой надписи (т.-е. Салманассара II) съ большею вероятностію нужно было бы отнести къ 9 вѣку предъ Р. Хр. Вообще Брандисъ нерѣдко расходится въ разборѣ клинообразнаго письма съ другими. Мы не имѣемъ подлинника великой обелисковой надписи и потому не можемъ рѣшить, чье чтеніе названныхъ именъ вѣрно и чье — нѣтъ. Основываясь же, во первыхъ, на чтеніи этихъ именъ большинства ассиріологовъ (нужно при этомъ замѣтить, что эти имена написаны въ надписи египетски, а не идеографически, и потому сомнѣніе въ правильности разбора ихъ едва ли можетъ здѣсь мѣсто) а во вторыхъ на показаніяхъ ассирійскаго канона правителей, мы должны признать правильнымъ чтеніе Шрадера и дѣлать поэтому заключеніе, основываясь на его разборѣ помянутыхъ именъ.

политическія столкновенія между царствомъ израильскимъ и ассирійскимъ. По Библии, какъ извѣстно, начало вассальной зависимости еврейскаго народа отъ Ассиріи и самыя первыя политическія столкновенія между тѣмъ и другимъ народамъ не восходятъ далѣе царствованія израильскаго царя Манаима (4 Цар. 15, 19; ср. 1 Цар. 5, 26). О жизни же и дѣятельности Іуиу мы узнаемъ изъ Библии слѣдующее: Іуиу помазанъ былъ на царство, по особенному повелѣнію Божію, еще при жизни Іорама, сына Ахава, царя Израильскаго ⁽⁴⁾). Это странное по видимому обстоятельство объясняется тѣмъ, что помазаніе Іуиу на царство при жизни Іорама, сына Ахавова имѣло особенную и такъ сказать исключительную цѣль, которая состояла въ пре- стѣненіи распространившагося и усилившагося, особенно въ пра-

⁽⁴⁾ Что Іуиу дѣйствительно помазанъ былъ на царство при Іорамѣ, царствовавшемъ уже во Израилѣ, это, кромѣ особенной цѣли его царствованія оправдывается сравненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библии (4 Цар. 9, 10, 22, 25, 26), изъ которыхъ ясно видно, что Іуиу еще при жизни Іорама дѣйствовалъ уже какъ законно поставленный царь израильскій. Но особенно ясно видно это изъ стиха 29. Здѣсь говорится, что Оховія іудейскій воцарился въ 11 годъ Іорама израильскаго (по всей вѣроятности въ самомъ концѣ 11 года—4 Цар. 8, 25), который царствовалъ всего 12 лѣтъ, а Оховія царствовалъ только одинъ годъ. Но несомнѣнно, что Оховія былъ современникомъ Іуиу именно какъ царя израильскаго (стт. 25, 27), чего не могло бы быть, если предпо- лагать, какъ обыкновенно предполагаютъ, что Іуиу началъ царствовать только по смерти Іорама, царя израильскаго, ибо въ такомъ случаѣ Іуиу не могъ быть современникомъ Оховіа, который уже умеръ въ 12 г. Іорама, когда слѣдовательно Іуиу еще не былъ царемъ. Сказанное нами, скажемъ кстати важно еще особенно въ хронологическомъ отношеніи, ибо оно показываетъ что счетъ лѣтъ правленія Іуиу нужно вести не съ конца 12 года Іорама израильскаго, а съ года вступленія на престолъ Оховіа іудейскаго, т. е. съ нача- ла 12 или даже съ конца 11 года правленія Іорама. Въ такомъ только слу- чаѣ и можно достигнуть полнаго соглашенія между хронологіями іудейскаго и израильскаго царствъ, которыя безъ этого всегда будутъ размыты на цѣ- лый годъ. Въ пользу нашего счисленія говорить въ добавокъ 10, 36: и *дмѣ* *ближе въ яже Іуиу царствова надъ Израильемъ въ Самаріи двадцать и осмъ лѣтъ*,—форма выраженія, какой намъ не приходилось встрѣчать при опредѣ- леніи лѣтъ правленія царей еврейскихъ за весь періодъ времени отъ Іуиу до паденія Самаріи. Тамъ вездѣ опредѣляется годъ, съ котораго нужно начи- нать счетъ правленія извѣстнаго царя, и годъ, когда оно оканчивается и на- чинается правленіе новаго царя преемника.

вленіе Ахава, идолопоклонства въ царствѣ израильскомъ, въ престѣпленіи посредствомъ истребленія дома Ахавова, какъ главнаго его источника и расадника. Эта цѣль его помазанія и вѣсть главная задача его дѣятельности, какъ будущаго царя израильскаго, и высказана была Іуую еще при самомъ помазаніи его на царство израильское (4 Цар. 9, 7—10). И дѣйствительно, вся дѣятельность Іууя, съ самаго начала его правленія, была направлена на осуществленіе этой именно божественной цѣли. Прежде всего, видимъ мы, Іууя умерщвляетъ Іорама, сына Ахавова, затѣмъ Оховію, царя іудейскаго, далѣе Іезавель жену Ахава, другихъ сыновей Ахава и всѣхъ вообще оставшихся въ дому Ахаавли во Ізраилѣ (10, 11). Ко времени же правленія Іууя нужно отнести и нашествіе на царство израильское Азаила, царя сирійскаго (4 Цар. 10, 32), хотя при этомъ нельзя съ точностію опредѣлить, въ какому именно году его правленія нужно относить это событіе. Такимъ образомъ изъ повѣствованія этой книги нельзя положительно ничего вывести въ пользу указаннаго выше вывода современной ассириологии. Ничего не говоритъ въ подтвержденіе этого вывода и 2-я кн. Паралипомонъ, которая ничего не вноситъ новаго въ исторію жизни и дѣятельности Іууя противъ 4 кн. Царствъ.

Сравнивая такимъ образомъ рассказъ надписей и Библии о разсматриваемомъ фактѣ, мы должны сказать, что надпись Салманассара II, если признать за аргументаціей Шрадера силу доказательности, не только проливаетъ свѣтъ на исторію политической жизни еврейскаго народа, но вноситъ въ нее фактъ совершенно новый, доселѣ намъ неизвѣстный и такимъ образомъ восполняетъ повѣствованіе Библии въ данномъ случаѣ. Однако можно ли вполне положиться на аргументацію этого ассириолога, раскрытую нами выше, и признавъ выводъ его вѣрнымъ смотрѣть на повѣствованіе Библии какъ на повѣствованіе неполное?

Относясь критически къ высказаннымъ Шрадеромъ соображеніямъ въ пользу тождества Іууя, сына Амвріева, и Іууя, сына Іосафатова, сына Намессіина, мы должны прежде всего сказать, что хотя его соображенія и не имѣютъ объективной силы доказательности, потому что изъ того, что подлѣ Іууя въ надписи Салманассара II упоминается еще Азаилъ, царь Сирійскій, ко-

торый по Библии былъ дѣйствительно современникомъ Іууа ¹⁷⁾, еще не слѣдуетъ съ необходимостію, что Іууй надписей есть не кто иной, какъ современникъ этого царя, упоминаемый въ Библии; тѣмъ не менѣе нельзя отказывать его соображеніямъ въ нѣкоторой степени убѣдительности. Не дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе тожества Іууа, сына Амвріева, съ Іууемъ Библии и то обстоятельство, что Іууй въ надписи Салманассара II названъ сыномъ Амвріевымъ, а не сыномъ Іосафатовымъ, сыномъ Намессиннымъ; и представленное Шрадеромъ объясненіе этого наименованія не безпримѣрно: подтвержденіе его можно найти въ самой даже Библии, которая въ родословную того же самаго Іууа вводитъ такое лицо, которое, кажется, вовсе не состояло съ Іууемъ въ родственныя отношенія, — именно Іосафата, царя іудейскаго, называя при этомъ Іууа сыномъ Іосафатовымъ (4 Цар. 9, 2), между тѣмъ какъ несомнѣнно извѣстно, что у Іосафата не было сына съ этимъ именемъ (см. 2 Цар. 21, 2). Что дѣйствительно Іосафатъ введенъ въ родословную Іууа не какъ лицо стоящее съ Іууемъ въ родственныхъ отношеніяхъ, это видно ясно еще изъ того, что въ другомъ мѣстѣ Библии Іууй называется только сыномъ Намессиннымъ (3 Цар. 19, 16). А что въ обоихъ приведенныхъ нами мѣстахъ упоминается одна и таже личность, т. е. что Іууй сынъ Намессинъ и Іууй сынъ Іосафатовъ, сынъ Намессинъ одно и тоже лицо, это стоитъ выше всякаго сомнѣнія (ср. 4 Цар. 9, 7. 8; 10, 11; 3 Цар. 21, 21; 19, 17; 4 Цар. 9, 24; 2 Цар. 22, 7) ¹⁸⁾. Спрашивается теперь: почему

17) Что касается Бенгадада сирійскаго, котораго Шрадеръ также называетъ современникомъ Іууа, то его нельзя назвать такимъ и потому аргументація Шрадера отъ одновременности Бенгадада и Іууа по надписямъ къ тожеству Іууа надписей и Іууа Библии не выдерживаетъ критики. Бенгададъ, по ясному указанію Библии (3 Цар. 19, 16. 18) не былъ современникомъ Іууа, сына Амвріева. Его можно было бы назвать современникомъ послѣдняго въ томъ случаѣ, еслибы упоминаніе о немъ (Бенгададъ) было высказано въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ упомянуть и Іууй. Но этого изъ надписи Салманассара II не слѣдуетъ, ибо Іууй упоминается въ отрывкѣ надписи отъ 18 года, а Бенгададъ отъ 6 года царствованія Салманассара II.

18) Страннымъ можетъ представиться здѣсь развѣ то только, что въ одномъ мѣстѣ повѣстіе показать Іууа на царство получаетъ пророкъ Іліа, между тѣмъ какъ въ другомъ его помазываетъ одинъ изъ учениковъ пророческихъ,

въ одномъ мѣстѣ Іиуѣ названъ просто сыномъ Намессиннымъ, а въ другомъ — сыномъ Іосафатовымъ, сыномъ Намессиннымъ? Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ въ объясненіе этого факта можно сказать тоже самое, что сказано было Шрадеромъ въ объясненіе названія Іиуя сыномъ Амвриевымъ.

Такимъ образомъ по долгу справедливости и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу мы должны признать аргументацію Шрадера въ настоящемъ случаѣ достаточною; мы не можемъ ничего возразить противъ того, что подъ Іиуемъ надписей нужно разумѣть не кого-либо другаго, а именно Іиуя Библии.

Но не заключаетъ ли рассказъ надписей чего-либо такого самъ въ себѣ, что дѣлало бы его принятіе невозможнымъ? И не будемъ ли мы противорѣчить Библии, признавая его истиннымъ?

Относя начало политическихъ столкновеній между Евреями и Ассиріянами ко временамъ Іиуя, по нашему мнѣнію, мы нисколько не будемъ противорѣчить Библии, несмотря на то, что она умалчиваетъ объ этомъ событіи. Потому что случаи подобнаго молчанія со стороны библейскихъ писателей не только возможны, но и были дѣйствительно. Вотъ тому примѣры. Писатель 4 книги Царствъ, повѣствующій о дѣятельности Іиуя, отмѣтилъ, какъ мы видѣли, время его правленія нашествіемъ на царство израильское Азаила, царя сирійскаго; между тѣмъ писатель второй книги Паралипоменонъ, говоря о дѣятельности Іиуя по отношенію къ дому Ахава, царя израильскаго, не сказалъ о помянутомъ нашествіи Азаила ни одного слова. Повѣствователь первой книги Паралипоменонъ, говоря о нашествіи на царство израильское Фула, царя ассирійскаго, во время цар-

посланный пророкомъ Елиссеемъ (4 Цар. 9, 1; 3 Цар. 19, 16). Но это неблагоприятное, повидимому, обстоятельство можно устранить слѣдующимъ образомъ. Пророкъ Ілія получаетъ только повелѣніе помазать Іиуя на царство, а осуществляетъ это повелѣніе не самъ онъ. Къ подобному соображенію приводятъ насъ ст. 16. 19. 20 (3 Цар. гл. 19). Въ 16 стихѣ, кромѣ повелѣнія помазать Іиуя на царство, Ілія получаетъ еще повелѣніе *помазать Елисея, сына Сафатова вмѣсто себя*. Но въ то время, какъ Библия (ст. 19) говоритъ о помазаніи Іліею Елисея, она не упоминаетъ о помазаніи имъ Іиуя. Очень можетъ быть, что Ілія поручилъ фактическое выполненіе даннаго ему отъ Бога повелѣнія вновь помазанному пророку Елиссею — своему преемнику, а тотъ въ свою очередь, одному изъ учениковъ пророческихъ.

ствованія Манаима, повидимому ничего не знаетъ о дани, которую заплатилъ Манаимъ Фулу и о которой говорится въ четвертой книгѣ Царствъ (1 Пар. 5, 26; ср. 4 Цар. 15, 19); напротивъ, четвертая книга Царствъ ничего не говоритъ о плѣненіи израильскаго народа этимъ же царемъ, о которомъ (плѣненіи) рассказываетъ писатель 1 кн. Паралипоменонъ. А если такъ, то отчего же нельзя предположить, что и событіе, случившееся въ исторіи народа израильскаго въ царствованіе Іууя, по известнымъ причинамъ также было опущено библейскимъ повѣствователемъ, какъ опущены были упомянутыя выше событія. Опущеніе событія, случившагося въ правленіе Іууя, было тѣмъ болѣе возможно, что и самое это событіе вовсе не принадлежало по своему характеру къ числу такихъ событій въ исторіи народа еврейскаго, которыя имѣли къ ней непосредственное отношеніе и такимъ образомъ были неизгладимо начертаны въ памяти этого народа. Изъ надписи Салманассара II, какъ уже намъ приходилось замѣчать, невидно, чтобы дани Іууя предшествовало непріятельское, со всѣми обычными послѣдствіями, нашествіе этого царя на царство израильское; не видно слѣдовательно, чтобы дань Іууя была данью вынужденною, какою наприм. была дань Манаима израильскаго, уплаченная Фулу, царю ассирійскому. Въ отрывкѣ надписи Салманассара II, гдѣ говорится о дани Іууя, сказано только: „въ это время я принялъ дань отъ земли Тирской, Сидонской и отъ Іууя, сына Амвріева“. Достаточно со вниманіемъ прочитать эти слова въ связи напр. съ повѣстью, помѣщенной въ этомъ же отрывкѣ, — съ повѣстью о Газаилѣ царѣ сирійскомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что дань Іууя была дань добровольная, вызванная, какъ мы говорили выше, просто благоразумными политическими соображеніями. Да и самая форма выраженія, въ настоящемъ случаѣ необычная, говорить въ пользу такого именно пониманія цѣли, съ которою примесена была дань Іууя. Упомянутіе объ этой дани въ надписи поставлено какъ бы мимоходомъ, какъ и самая дань поднесена была Салманассару II тоже, по всей вѣроятности, помимо ожиданія со стороны послѣдняго, — гдѣ-нибудь на пути. А что дѣйствительно форма выраженія въ настоящемъ случаѣ необычная, въ этомъ легко можно убѣдиться изъ сравненія этой формы съ другими, встрѣчающимися на надписяхъ. Вотъ что читаемъ

ны въ надписи наприм. Биннирара, дая ассирійскаго, о данн которую онъ получилъ отъ Тира, Сидона и другихъ земель: „я подчинилъ себѣ, говоритъ Биннираръ, земли отъ Еврата до земли Сирской, западную землю во всемъ ея объемѣ, — именно Тиръ, Сидонъ, землю Амвриеву, Едомъ, землю Филистимскую до великаго моря на заходѣ солнца (т. е. на западѣ) и *наложилъ* я на нихъ дань“. Или, вотъ при какихъ обстоятельствахъ принесена была дань Тиглатъ-Фелассару Меродахомъ Валаданомъ: „Меродахъ Валаданъ, сынъ Якина, царь моря, который во времена моихъ царскихъ предковъ не попалъ въ списокъ даниковъ и не пѣловалъ ихъ ногъ: сильный страхъ Асура, моего господя, объялъ его и онъ пришелъ ко мнѣ въ городъ Садійю и *цѣловалъ* мои ноги. Золото, произведение его земли, въ великомъ множествѣ, золотые бокалы, драгоценные камни—произведение моря... я взялъ отъ него какъ дань.“ О дани, которую платилъ Пади, царь Экронскій Санхерибу, царю ассирійскому, говорится такъ на шестистороннемъ цилиндрѣ Санхериба: „напалъ я на городъ Экронъ; великихъ чиновниковъ, которые произвели возмущенія, я умертвилъ.... я сдѣлалъ то, что Пади, ихъ царь, оставилъ Иерусалимъ. и далъ ему владычество надъ ними и *заставилъ* (его) *присягнуть* въ дани моему владычеству“.

Наконецъ и самый характеръ царствованія Иуя заставляетъ видѣть въ принесенной имъ дани именно дань добровольную. Изъ библейскаго повѣствованія о жизни и дѣятельности Иуя слѣдуетъ съ очевидною ясностію, что правленіе Иуя по характеру своему не было, да и не могло быть правленіемъ мирнымъ. Задачею дѣятельности Иуя было истребленіе дома Ахаавова. А выполненіе такой задачи требовало безъ сомнѣнія немало времени и силъ. ибо Иуи долженъ былъ вести борьбу съ Иорамомъ, сыномъ Ахаава, царемъ израильскимъ, съ Охозіею, царемъ іудейскимъ, съ оставшимися послѣ убіенія Иорама членами семейства Ахаавова, наконецъ съ Азаиломъ, царемъ сирійскимъ. При такомъ положеніи дѣла правила политическаго благоразумія естественно требовали отъ Иуя избѣгать по возможности и предупредить всякія новыя непріязненныя столкновенія съ другими и прежде всего съ Салманассаромъ, находившимся въ то время вблизи границъ царства израильскаго. Конечно, намъ неизвѣстно, имѣлъ ли Салманассаръ II намѣреніе напасть на владѣнія

Ігуя, но несомнѣнно, что онъ былъ недалеко отъ границъ царства израильскаго, когда дѣлалъ нападеніе на Тиръ и Сидонъ. А чѣмъ Ігуя могъ увѣриться, что мимоходомъ или даже намѣренно не сдѣлаетъ этотъ царь нападенія и на его владѣнія? Въ виду же такого нерѣшительнаго положенія, а можетъ быть, съ другой стороны, и въ сознаніи своей собственной слабости въ случаѣ войны съ царемъ несомнѣнно въ то время могущественнымъ,—не естественно ли всего было для Ігуя предупредить случайность добровольною данью, которая могла бы заставить ассирійскаго царя обойти владѣнія Ігуя? Въ такой политикѣ по-ложительно ничего нѣтъ страннаго.

Выводъ изъ всего сказаннаго нами ясенъ. Дань Ігуя, при томъ взглядѣ на ея характеръ и обстоятельства вызвавшія ее, какой былъ высказанъ нами, по нашему мнѣнію вполне возможна, не смотря на молчаніе о ней со стороны библейскихъ писателей, а слѣдовательно и начало политическихъ столкновеній между народомъ израильскимъ и ассирійскимъ можетъ быть отнесено къ этому именно времени исторіи еврейскаго народа, т.-е. ко времени правленія Ігуя.

(Продолженіе будетъ).

ЧЕЛОВѢКЪ — ЦАРЬ И РАБЪ ПРИРОДЫ.

По мнѣямъ и преданіямъ некультурныхъ и культурныхъ народовъ, въ религіозно-философскихъ системахъ древняго и новаго міра человѣкъ выдѣляется изъ природы какъ существо особаго рода, высшаго порядка, какъ лучшее созданіе, вѣнецъ творенія,—царь природы. Съ особенною ясностію такое значеніе человѣка открывается въ священныя книгахъ В. Заѣта.

Выражается-ли эта простая истина безыскусственно или въ поэтическихъ образахъ и риторическихъ фигурахъ, это все равно,—тотъ фактъ въ исторіи человѣческаго развитія, что человѣкъ такъ или иначе выдѣляется изъ природы, и самъ сознаетъ это и выдѣляетъ себя, остается неизмѣннымъ и несомнѣннымъ. Въ разныя времена этотъ фактъ былъ предметомъ глубокаго религіознаго созерцанія и философскаго размышленія, надъ разъясненіемъ его трудится и современная наука. При этомъ еще отъ древняго человѣчества не могло укрыться и то простое обстоятельство, что человѣкъ находится въ тѣсной причинной связи со всей природой на ряду и наравнѣ со всѣми живыми и даже неживыми существами, и сознавая себя царемъ природы, остается и ея рабомъ. Темное или ясное сознаніе этого рабства проходитъ по всей исторіи древняго міра, обнаруживаясь въ социальномъ-политической жизни, въ религіяхъ, въ философіи, въ законахъ и обычаяхъ, даже въ произведеніяхъ искусства ¹⁾.

¹⁾ Съ особенною выразительностію сознаніе живой связи съ природой и рабскаго подчиненія ей сказывается въ ученіяхъ древняго и новаго міра о переселеніяхъ душъ.

По мѣрѣ умственнаго и социальнаго развитія въ человечествѣ развивалась жажда свободы, стремленіе къ власти надъ природою, къ достиженію высшихъ идеаловъ человѣческаго знанія и человѣческой жизни. Тогда единственнымъ и естественнымъ путемъ къ осуществленію этихъ идеаловъ было познаніе вѣшной природы и самаго человѣка. Древнее человечество употребляло всѣ усилія то при помощи религіознаго созерцанія, то при помощи философской мысли, выяснить, что такое человѣкъ въ природѣ, отчего онъ рабъ ея и какимъ образомъ можетъ возстановить въ ней свойственное ему царственное достоинство.

Этотъ жизненный вопросъ человечества разрѣшился только въ христіанствѣ. Въ христіанскомъ ученіи со всею ясностью опредѣлилось положеніе и значеніе человѣка въ природѣ. Человѣкъ—высшее твореніе, образъ и подобіе Божіе, предметъ особеннаго божественнаго промысленія. Но возвышая его надъ природою, христіанское богопознаніе съ другой стороны не уничтожаетъ естественныхъ отношеній человѣка къ природѣ, не отклоняетъ естественнаго хода человѣческаго развитія. По благодати искупленія христіанинъ свободенъ отъ рабства природѣ, отъ рабства грѣху и смерти, становится чадомъ Божіимъ, членомъ благодатнаго царства Христова, царемъ природы; но чтобы быть достойнымъ своего званія и призванія, онъ долженъ прилагать и свой собственный разумъ и свой собственный трудъ. Если для достиженія вѣчной жизни требуется вѣра и добрыя дѣла, то для достиженія власти надъ природою и наилучшей земной жизни требуется наука и культура. Истинное христіанское богопознаніе оставляетъ открытымъ и свободнымъ естественный путь къ обладанію природою—путь научнаго познанія природы и самаго человѣка. Было бы предосудительнымъ—получая въ христіанствѣ дары благодати спасенія не прилагать никакого дѣятельнаго участія къ усвоенію этихъ даровъ; но требовать еще, чтобы христіанская вѣра дарила человѣку и науку и культуру,—совершенное неразуміе. Христіанство и въ этомъ отношеніи такъ много даетъ человѣку, что затѣмъ уже отъ него самаго зависить или оставаться и считать себя рабомъ природы, или упрочивать надъ нею свою власть силою вѣры и могущества науки.

На зарѣ новой науки первый и знаменитый ея архитекторъ

Бэконъ, уминая на необходимость правильнаго, методическаго изученія природы, ясно понималъ положеніе и значеніе въ природѣ самаго человѣка. По его мастерскому проекту, отыскавъ и извѣдуя законы ея путемъ тщательнаго и терпѣливаго опытнаго изученія, человѣкъ можетъ и долженъ вступать въ природу какъ въ свое царство. Природа, по выраженію Бэкона, *regnum hominis*.

Со времени Бэкона его проектъ построенія и развитія человѣческаго знанія былъ постепенно выполняемъ безчисленными мастерами и работниками науки. Теперь наше время по справедливости гордится необычайными научными успѣхами, о какихъ не могли мечтать лучшіе переходовые люди древняго міра. Силою знанія человѣкъ освободился въ своей земной жизни отъ многихъ естественныхъ золъ, улучшилъ свое существованіе и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и шире распространяетъ свою власть надъ природой. Повидимому оправдывается энергическая увѣренность Бэкона, что природа есть царство человѣка; казалось бы достойнымъ глубочайшей вѣры ученіе, открывшее, что человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе. Между тѣмъ именно въ наше время какъ будто въ силу самой науки развилось другое ученіе, по которому человѣкъ не только не царь а рабъ природы, но даже просто животное, по прямой линіи происшедшее отъ обезьянъ и обезьяноподобныхъ предковъ, и вмѣстѣ со всѣмъ матеріальнымъ міромъ закованъ въ одну и ту же цѣпь механической причинной связи и роковой необходимости. Правда ученые признаютъ, и одинъ изъ нихъ, — тотъ самый, которому ученіе о происхожденіи человѣка изъ низшихъ животныхъ особенно обязано своимъ развитіемъ и популярностью (Гэккель), — недавно открыто заявилъ, что это ученіе „абсолютно невозможно“ обосновать на точной наукѣ. Публика, по его словамъ, сильно заблуждается, когда воображаетъ, будто если „естественная наука“, то уже потому самому и точная. Другими словами это значить, что не все, что скажетъ естествоиспытатель, есть истина святая; очень возможно, что гипотезы и теоріи, нерѣдко выростающія на почвѣ естественныхъ но не точныхъ наукъ, не обезпечены отъ ошибокъ и заблужденій. Исторія науки и на самомъ дѣлѣ показываетъ, что самые великіе ученые не только ошибались и заблуждались, но ошибки, заблужденія, неточности, пре-

увеличенія случаются несравненно чаще, чѣмъ открытіе и установленіе болѣе или менѣе прочныхъ, положительныхъ научныхъ истинъ. Многіе ученые сами хорошо это знаютъ, и нѣкоторые изъ нихъ откровенно признаются въ своихъ слабостяхъ. Тѣмъ не меньше ученіе, что человѣкъ произошелъ путемъ постепеннаго развитія изъ низшихъ органическихъ формъ и ближайшимъ образомъ отъ обезьянъ, и что онъ подчиненъ природѣ какъ и всякій матеріальный механизмъ, проводится и въ ученыхъ трактатахъ и въ распущенно-популярныхъ формахъ и распространяется въ обществѣ какъ положительная научная истина, какъ научная теорія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. И ученое сословіе и такъ-называемая образованная публика нерѣдко съ удивленіемъ и даже недружелюбіемъ смотрятъ на всякаго, кто, будучи тоже изъ числа ученыхъ, осмѣливается на этотъ счетъ имѣть свое сужденіе. Тѣмъ больше глазъ и пальцевъ обращаются на крупнаго ученаго и притомъ спеціалиста въ дѣлѣ, который рѣшается противорѣчить великому чародѣю современной науки Дарвину.

Къ числу такихъ ученыхъ принадлежали напр. покойные Агасисъ, фонъ-Бэръ и принадлежитъ теперь Катраажъ, профессоръ въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Въ своемъ новомъ трудѣ „L'espèce humaine“, вошедшемъ въ составъ „Международной научной библиотеки“, Катраажъ является рѣшительнымъ противникомъ дарвинизма. Обаятельныя идеи новаго ученія не увлекли Катраажа и до сихъ поръ, въ теченіи почти двадцати лѣтъ его основательнаго знакомства съ ними. Путемъ всесторонняго изученія предмета и достаточныхъ научныхъ доказательствъ онъ убѣждаетъ въ единствѣ человеческого рода и въ особенномъ положеніи человѣка въ природѣ, которое не объясняется одними механическими причинами. „Неисправимый старикъ“! отзываются о Катраажѣ люди, уже обратившіеся въ вѣру Дарвина. И однако ученые одной съ нимъ спеціальности, даже такіе, какъ Фогтъ, котораго по его образу мыслей нельзя заподозрить въ пристрастіи къ неисправимому старику, единодушно отдаютъ справедливость и честь Катраажу за его обширныя и основательныя познанія, истинно-научное безпристрастіе, добросовѣстность и точность. Говорятъ, что никто не могъ съ большимъ авторитетомъ рассуждать о всемъ положительномъ

матеріалъ, составляющіе достояніе современной антропологии. Его новая книга о человѣческомъ родѣ, говорятъ, составляетъ точное научное изложеніе всего, что только въ настоящее время извѣстно о человѣкѣ, о его происхожденіи, древности, первобытномъ жилищѣ, о происхожденіи и разселеніи человѣческихъ расъ и племенъ по земному шару, объ ископаемыхъ человѣческихъ расахъ, о физическихъ и психическихъ особенностяхъ человѣка ²⁾).

Катраажъ видитъ въ человѣчествѣ одинъ родъ, одну семью, и приписывая ему происхожденіе отъ одного общаго родоначальнаго корня, отрицаетъ всякое значеніе гипотезы Дарвина для научнаго объясненія этого событія. Такое убѣжденіе ученаго съ молодыхъ лѣтъ до старости со всею любовью къ наукѣ и истинѣ занимавшагося антропологическими изслѣдованіями и заслужившаго почетную и громкую извѣстность, очевидно не согласуется съ новыми попытками объяснить происхожденіе и развитіе человѣка безусловными механическими причинами. Напротивъ, научное убѣжденіе Катраажа сходится съ ученіемъ христіанской вѣры. За это его и называютъ несправивимымъ старикомъ и ортодоксаломъ (православнымъ, вѣрующимъ). Богу извѣстно, каковы религиозныя убѣжденія у Катраажа, но кто объясняетъ его ученія воззрѣнія давленіемъ догматовъ вѣры, ошибается. Въ его книгѣ только казуистъ можетъ усмотрѣть измѣну научному методу и научной свободѣ и независимости. Ему можно ставить въ вину нѣкоторыя научныя ошибки и метафизическія увлеченія, но если взвѣситъ на вѣсахъ оправедливой критики промахи и метафизическія воззрѣнія Катраажа и промахи и метафизическія воззрѣнія у любого изъ дарвинистовъ, особенно у Геккеля, то еще неизвѣстно, чьи ошибки будутъ тяжелѣе и чья метафизика перетянетъ. У Катраажа несравненно менѣе предзанятостей и вольной игры научнаго воображенія, чѣмъ у тѣхъ, кто ко всякому антропологическому вопросу приступаетъ съ готовымъ догматомъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Напротивъ, гордый званіемъ ученаго, онъ настойчиво держится въ предѣлахъ фактовъ и ихъ ближайшаго, по возможности яснаго и точнаго смысла. Только факты онъ

²⁾ Revue scientif. 1877 p. p. 911. 1057 et suiv. 1088. Revue philosoph. 1877, I. 627.

считаетъ для себя обязательными, а къ гипотезамъ относится со всею свободою и независимостью ученаго хозяина въ своей области. Онъ очень хорошо понимаетъ все любопытство, весь интересъ, какой возбуждаютъ въ ученомъ и даже неученомъ факты, касающіеся вопроса о происхожденіи, о единствѣ, о древности человѣческаго рода, вообще вопроса о положеніи и значеніи человека въ природѣ, — понимаетъ, что всѣ эти пункты требуютъ научнаго разъясненія; но онъ также хорошо сознаетъ, что опытовъ тутъ не произведешь, наблюденія очень недостаточны и настоящій смыслъ ихъ трудно уловить, а плоды научнаго воображенія Дарвина и дарвинистовъ сорваны съ дерева познанія незрѣлыми.

Впрочемъ Катреажъ вовсе не врагъ дарвинизма. Онъ цѣнитъ и чтитъ глубокія и обширныя познанія великаго англійскаго ученаго и мыслителя, его сильныя и искусно сгруппированныя доказательства, его научную искренность и прямоту. Катреажъ признаываетъ всю важность, все благотворное вліяніе, какое произвела теорія происхожденія видовъ на развитіе и успѣхи биологій. Онъ признается даже, что бывали минуты, когда онъ поддавался обаянію новаго ученія. Не отъ „тупоумія“ и не отъ недостатка знаній зависѣло, что такія минуты у Катреажа проходили, и онъ по прежнему оставался несправимымъ. При всемъ тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи предмета, которымъ онъ особенно усиленно занимался именно подъ вліяніемъ новыхъ ученій о природѣ и человѣкѣ³⁾, Катреажъ убѣдился и убѣждаетъ, что за основные пункты этихъ ученій наука не ручается и не отвѣчаетъ. На вполне естественный вопросъ, какъ же все было иначе, если не такъ, какъ учить теорія развитія, Катреажъ просто и искренно отвѣчаетъ: „я не знаю“. Если сравнить этотъ скромный отвѣтъ, ничего не говорящій ни уму, ни фантазіи, съ самоувѣренными толками многихъ представителей науки отвѣчающихъ на всѣ запросы человѣческаго любопытства о природѣ и человѣкѣ, тогда можно не безъ интереса и назиданія посмотреть, кто больше метафизикъ, — несправимый ли Катреажъ; или всакий, безвозвратно исправившійся по Дарвину, Геккелю или популярнымъ статьямъ. Извѣстный Фогтъ послѣ

³⁾ См. его Charles Darwin et ses précurseurs français. Paris 1870.

такого сравненія замѣчаетъ: „если Катрѣажъ очень скромно говоритъ „не знаю“, за то Гаккель знаетъ все; для него нѣтъ ничего темнаго; все въ теоріи развитія уже доказано самымъ очевиднымъ образомъ“)“. Нетрудно видѣть, что иронія, какая слышится въ этихъ словахъ ученаго и знаменитаго матеріалиста, достается не ортодоксальному Катрѣажу, а не вѣрующему ни во что кромя своей науки Гвккелю.

Книга Катрѣажа о человѣческомъ родѣ принудительно вызываетъ на размышленія о вопросахъ, которымъ она посвящена; съ такимъ или другимъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ связываются самые живые, ягучіе интересы не только науки, но и социальной жизни: въ „борьбѣ за существовавшіе“ и въ „естественномъ подборѣ“ человѣкъ, считающій себя образомъ и подобіемъ Божиимъ, и человѣкъ, считающій себя образомъ и подобіемъ обезьяны, безусловнымъ рабомъ механической необходимости, по всей вѣроятности будутъ жить и дѣйствовать различно. Эта книга служитъ поводомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ не мало матеріала и для послѣдующихъ замѣчаній. Обыкновенно подобныя замѣчанія о естественно-научныхъ теоріяхъ и гипотезахъ, выставляемыя неспеціалистами по естествознанію, и притомъ на страницахъ духовнаго журнала, считаются несостоящими вниманія. Конечно насильно мигъ не будешь. Но еслибъ результаты естественныхъ наукъ были таковы, что къ нимъ никто не смѣлъ бы подступиться съ сомнѣніями и критикой кромя тѣхъ, кто этими науками занимается спеціально, тогда наукѣ пришлось бы плохо. Говоря словами Толанда, жрецы науки „ѣли бы жирно“, а мы „только таращили бы глаза“ на тѣ диковины, которыя они предложили бы нашему вниманію. Безъ сомнѣнія достоинство новыхъ сшитыхъ сапожникомъ сапогъ лучше всего можетъ оцѣнить тоже сапожникъ, но также безъ сомнѣнія ихъ можетъ и даже долженъ цѣнить въ свою очередь и тотъ, кто ихъ будетъ носить. Примѣнительно къ этому тривіальному сравненію, спеціалисты, какъ лучшіе цѣнители, утверждаютъ, что теорія Дарвина сшита мастерски. Мы вѣримъ этому и сами это видимъ. Вопросъ только въ томъ, впору ли эта мастерская теорія дѣйствительному міру, впору ли она человѣку. Объ этомъ

*) С. Vogt. L'origine de l'homme (Revue scientif. 1877, p. 1058.

можетъ разсуждать и неспеціалистъ, которому иногда извѣстно и видно то, чего спеціалистъ не видитъ и не знаетъ, но что знать ему по меньшей мѣрѣ не бесполезно.

По своей физической организаціи человѣкъ стоитъ въ ряду животныхъ, имѣетъ съ ними, особенно съ высшими изъ нихъ, несомнѣнныя сходства и по анатомическому строенію и по физиологическимъ отправлениямъ и по эмбриональному развитію. Со всѣхъ этихъ сторонъ человѣкъ просто—зоологическій индивидуумъ, млекопитающее животное изъ общаго ряда приматовъ. Что же въ человѣкѣ есть особеннаго? Какъ относится онъ къ другимъ живымъ существамъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ, въ однихъ и тѣхъ же механическихъ условіяхъ живутъ на земномъ шарѣ? Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ онъ какъ и всякое животное безусловно входитъ въ зоологическія или вообще въ біологическія рамки, происходитъ по прямой линіи отъ животныхъ и отличается отъ нихъ только степенью своего развитія. Можетъ быть однако, что человѣкъ, выдѣляясь изъ зоологическихъ рамокъ какъ антропологическая особь, не *выходитъ* изъ этихъ рамокъ, а *сходитъ* въ нихъ, идетъ не по пути съ животнымъ стадомъ, а на встрѣчу ему, какъ пастухъ, земледѣлецъ, художникъ, ученый. Человѣкъ не вышелъ изъ ряда животныхъ животнымъ, сначала обезьяноподобнымъ, безсловеснымъ существомъ (*Pithekanthropus alalus*), а вошелъ въ этотъ рядъ животнымъ, но въ тоже время разумнымъ человѣкомъ (*Homo sapiens*). Какъ могло это случиться, это другой вопросъ. Но этотъ вопросъ и невозможность рѣшить его научнымъ путемъ иначе, чѣмъ теоріей постепеннаго развитія, еще не озадачить того, кто не имѣетъ охоты отдаться во власть научному догматизму.

Прежде всего представляется слѣдующее соображеніе. Точно также, какъ мы предполагаемъ относительно организмовъ, можетъ быть и въ неорганической природѣ всѣ напр. химическіе элементы и различныя формы ихъ соединеній „естественно“ и въ непрерывной послѣдовательности „развились“ одинъ изъ другаго и происходятъ отъ какого-нибудь первобытнаго такъ-сказать родоначальника всѣхъ веществъ, напр. отъ водорода, или еще проще отъ первобытнаго гипотетическаго, до невещественности разрѣженнаго и утонченнаго вещества. Какъ извѣстно, на основаніи взаимныхъ отношеній между химическими элемен-

тами, ихъ молекулярныхъ и атомныхъ вѣсовъ, ихъ отношеній къ теплоемкости и т. д. можно даже составить схему, по которой покажется въ высшей степени нагляднымъ и правдоподобнымъ непосредственное и преемственное происхожденіе и развитіе всѣхъ *видовъ* вещества изъ одного, преобразование ихъ изъ одного въ другое. Приложите для объясненія такого процесса борьбу за существованіе, естественный подборъ, приспособляемость, или нѣчто въ этомъ же родѣ, и тогда „естественное“ развитіе напр. водорода въ свинецъ, свинца въ золото, на основаніи „механическихъ“ причинъ готово. И на самомъ дѣлѣ, уже есть попытки безъ дальнѣйшихъ хлопотъ распространить одни и тѣже „принципы“ Дарвина для объясненія всего, чтѣ только существуетъ въ мірѣ. Конечно, если не стѣсняться тѣмъ, что въ этихъ принципахъ кроется анимизмъ и антропоморфизмъ, то гдѣ нельзя найти „борьбы за существованіе“, „подбора“ и т. д. и чего нельзя ими объяснять? Чего не можетъ объяснить дикарь, одушевляя горы, рѣки, облака, деревья,—всю природу человѣческими страстями и влеченіями?

Однако можетъ быть также, что химическіе элементы, не переставая быть веществомъ и не переставая слѣдовать однимъ и тѣмъ же механическимъ законамъ, сложились не путемъ послѣдовательнаго и преемственнаго развитія одного изъ другаго, а какимъ-нибудь инымъ образомъ. Можетъ быть напр. они явились независимо одинъ отъ другаго, такъ что стали сосуществовать другъ съ другомъ, какъ сосуществуютъ и теперь. Какъ это случилось, это опять другой вопросъ. Но чтѣ касается происхожденія и развитія различныхъ видовъ неорганическаго вещества, едва ли можно объяснить его выходя изъ принциповъ дарвинизма. Съ другой стороны едва ли можно, не форсируя фактическихъ преградъ, признать простымъ „механическимъ“ результатомъ естественнаго развитія появленіе на свѣтъ Божій напр. озона, перекиси водорода, нитроглицерина, жидкаго и даже твердаго водорода въ химической лабораторіи, или телефона въ механической мастерской. Безъ всякаго сомнѣнія такіа преобразования вещества и его энергіи ни въ какомъ случаѣ не составляютъ исключенія изъ общаго механическаго строя и порядка природы. Но безъ *человѣческаго* сознанія тысячи такихъ вещей не явились бы въ природѣ никогда путемъ естественнаго раз-

вѣтія, т. е. преемственного и непосредственного перехода изъ одной матеріальной формы въ другую, и отъ этого механика вселенной не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба, не былъ бы нарушенъ ни одинъ механическій законъ. Безъ металлическаго налія, безъ переноса водорода, безъ телефона и т. д. міръ механически существовалъ бы такъ же, какъ и при этихъ видоизмѣненіяхъ энергіи и вещества. И если въ „лабораторіи природы“ отношенія энергіи и вещества слагаются и развиваются повидимому „сами собою, механически“, по закону сохраненія, то въ лабораторіи или въ мастерской человѣка, которая въ концѣ всего вмѣстѣ съ человекомъ имѣетъ мѣсто въ той же природѣ, отношенія энергіи и вещества очевидно уже не развиваются сами собою, только механически, а слагаются намѣренно и искусственно, единственно по мѣрѣ человѣческаго знанія. Выходитъ такимъ образомъ, что когда человѣкъ сталъ ученымъ, тогда энергія и вещество стали превращаться въ чудные продукты нашей культуры все попрежнему, въ строгомъ согласіи съ механическими законами, но уже не сами собою, а только при сознательномъ и разумномъ участіи ученыхъ и техниковъ; а пока не было ученыхъ людей и вообще самаго человѣка на землѣ, тогда некому было заниматься устройствомъ міра, и онъ развивался самъ собою, механически. Какъ будто только и свѣту въ окошкѣ, что человѣческій умъ! Какъ будто и этотъ удивительный умъ, который съ каждымъ столѣтіемъ все могущественнѣе вмѣшивается въ дѣла міровой механики при помощи своихъ теорій и техническихъ открытій, тоже произошелъ путемъ механическаго развитія! И что за магическое слово „развитіе“! Такъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ ничего, что не имѣло бы механически причинной послѣдовательности и преемственности въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то разумѣется нѣтъ ничего, къ чему нельзя было бы приложить этого слова. И если счастье теорію развитія объясненіемъ самаго процесса развитія, то у насъ скоро не будетъ ничего необъясненнаго.

Въ одной изъ своихъ рѣчей ⁵⁾ извѣстный Дю-буа Реймондъ рисуетъ слѣдующую живую и изящную картинну.

⁵⁾ Darwin versus Galvani. Rede in der öffentlichen Sitzung der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften am 6 Juli 1876.

Это было, рассказываетъ онъ, сто лѣтъ тому назадъ, въ селеніи Grandval, послѣ обѣда. Тутъ было въ сборѣ все остроумно-вольнодушное общество, съ которымъ мы знакомы изъ писемъ Дидро къ М-де Волянъ такъ хорошо, какъ будто мы и сами вѣстѣ съ нимъ бывали гостями у Гольбаха. Былъ здѣсь и самъ Дидро, самый нѣмецкій изъ французовъ, Гриммъ, самый французскій изъ нѣмцевъ, угрюмый шотландецъ Хупъ (Hoop) и маленкій неаполитанскій аббатъ Галиани, который за своей безпечной живостью часто скрывалъ глубокую мысль. Присутствовали здѣсь и тѣ дамы, опасныя прелести которыхъ изображены въ „Исповѣди“ Руссо.

Счастливымъ этого міра хорошо жилось тогда на свѣтѣ, особенно во Франціи. Казалось разбиты были оковы суевѣрій, въ которыхъ человечество томилось семнадцать вѣковъ. Солнце самыхъ лучшихъ дней освѣщало и согрѣвало умственный міръ, а за океаномъ загаралась заря народной свободы и человѣческихъ правъ. Предсказаніе Казотта еще не омрачало этотъ блестящій, довольный жизнью кружокъ кровавыми призраками близкой революціи. Наконецъ что тогда было невозможнымъ для человѣка, послѣ того какъ Монголье сталъ летать по воздуху, а Франклинъ обуздаль молнію?..

Говорили о великомъ американскомъ гражданинѣ, потомъ о Фридрихѣ Великомъ, о Вольтерѣ, съ которымъ Фридрихъ повидному совезамъ помирился. При всемъ благоговѣніи къ Вольтеру, при всемъ признаніи его заслугъ для просвѣщенія, не могли помириться съ тѣмъ, что въ концѣ всего онъ все-таки несправильный деистъ.

— Не ребячество ли это со стороны Вольтера, сказалъ хозяинъ (Гольбахъ), когда онъ смотритъ на міръ какъ на часы, по которымъ слѣдуетъ заключать о существованіи часовщика? Нѣтъ ничего извѣстнаго, кромѣ существованія матеріи. Къ чему еще искать для міра другихъ причинъ помимо тѣхъ, какія даны въ матеріи и ея силахъ? Что непонятнаго въ томъ, что атомы отъ вѣчности дѣйствуя другъ на друга и группируясь опредѣленнымъ образомъ произвели изъ себя міры; что тамъ, гдѣ въ надлежащей пропорціи сочеталось дѣйствіе свѣта, тепла, влажности и извѣстныхъ веществъ, возникъ зародышъ того, что мы назыв-

ваемъ жизнью, а потомъ этотъ зародышъ развивался все дальше и все богаче; что постепенно этимъ путемъ выработалась животная, а наконецъ и человѣческая машина, съ ея цѣлесообразнымъ устройствомъ, но и нецѣлесообразными промахами, съ ея силой и красотой, но въ несчастію и съ печальными недостатками, съ ея радостями, но съ еще болѣе тяжкими страданіями!...

На эту рѣчь раздалось одобрительныя восклицанія. Тутъ изъ угла, гдѣ пріютился Галіани, раздался его тоненькій голосокъ:

— Mesdames et messieurs! Ради неба, избавьте сегодня отъ метафизики! Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Послушайте, что однажды случилось со мною на берегу моря въ Неаполь. Какой-то фокусникъ раскинулъ свой балаганъ; кругомъ толпились лаззарони и всякій людъ. Я замѣшался въ толпу. После нѣсколькихъ фокусовъ, которыхъ я теперь уже не припомню, этотъ артистъ предложилъ намъ на пари, что онъ будетъ бросать игральныя кости, и каждый разъ у него будетъ выходить шесть очковъ. Одинъ или двое зѣвакъ приняли вызовъ. И дѣйствительно, онъ разъ выкинулъ шесть очковъ, потомъ другой разъ — тоже, третій — тоже, четвертый...

— Чтѣ за исторію вы намъ рассказываете, ваше преподобіе! Или вы смѣтаетесь надъ нами, или у фокусника кости были фальшивыя!

— Конечно! воскликнулъ Галіани. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, обыкновенію поджавши подъ себя ноги, балансировалъ на лѣвой рукѣ снятый съ головы парикъ, потому что было жарко, а правой рукой жестикулировалъ съ горячностью настоящаго итальянца.—Конечно кости были фальшивыя,—въ этомъ и заключался весь фокусъ. Фокусникъ и не говорилъ вѣдь, что онъ каждый разъ будетъ выкидывать шесть очковъ настоящими костями. Разсудительный человѣкъ напередъ могъ быть увѣреннымъ, что кости фальшивыя, и надъ тѣми, кто догадался объ этомъ уже проигравши пари и заплативши деньги, тогда порядкомъ посмѣялись. Но смѣшныя и вы, господа! Падаютъ игральныя кости четыре раза сряду на одну и ту же сторону: и вы—такъ какъ вы поумнѣе лаззарони—считаете невозможнымъ, чтобы это было дѣломъ случая. Вы съ полной увѣренностью заключаете, что въ костяхъ есть какой-нибудь секретъ, напр. запрятанъ свинецъ, тяжесть котораго и заставляетъ кости падать всегда на одну

и ту же сторону. А вотъ когда вы смотрите вокругъ себя на всю вселенную съ ея неисчислимыми солнцами, планетами и ихъ спутниками, которые, будучи повѣшены въ пустомъ пространствѣ, цѣлыя тысячелѣтія совершаютъ свой ритмическій путь и не задѣваютъ другъ за друга; когда вы видите, что на земномъ шарѣ суша, море и воздухъ, солнечный свѣтъ и дождь распределены такъ, что тысячи растеній и животныхъ на землѣ, въ водѣ и воздухѣ кишать, наслаждаются и развиваются; когда вы видите, что смѣна дня и ночи, лѣта и зимы, благодатно представляетъ всѣмъ этимъ существамъ какъ разъ самыя необходимыя условія для дѣятельности и покоя, роста и зрѣлости; когда вы видите, что каждая частица вашего собственного невыразимо сложно устроеннаго тѣла какъ разъ производитъ то, чего требуетъ благосостояніе цѣлаго, и наоборотъ сама можетъ существовать только въ этомъ же цѣломъ; когда вы видите, что устройство членовъ вашего тѣла, устройство вашего глаза, вашего уха, такъ далеко оставляетъ за собою самое тонкое искусство механиковъ, оптиковъ и акустиковъ, что нашъ другъ д'Алимебръ и тамъ; въ Петербургѣ, великій Эйлеръ, и tutti quanti могутъ только развести руками; когда вы видите, что эта человѣческая машина, рядомъ съ которой самыя замысловатые и искусныя часы вашего Лёруа кажутся неуклюжей мельницей, и самый остроумнѣйшій автоматъ вашего Волансона — жалкой игрушкой, совершенствуется сама собою, путемъ упражненія, а когда повреждена, исправляетъ сама себя; когда вы видите, что эта машина размножается, причѣмъ мужъ связанъ съ женою самыми плѣнительными узами, а дитя связано съ родителями самою нѣжною любовью; когда Бюффонъ показываетъ вамъ въ Jardin du Roi подобія вашего собственного организма въ сотняхъ животныхъ формъ, отъ слона до землеройки, и всѣ эти животныя, каждое по своему, способны пользоваться жизнью, ловить свою добычу, бороться съ врагами, размножаться и выводить своихъ дѣтенышей; когда вы видите, какъ помимо ученѣйшихъ академиковъ пчела рѣшаетъ математическую проблему построенія своего сота, паукъ ставитъ свой тончайшій многоугольникъ, кротъ роетъ свои подземныя галереи, бобръ сооружаетъ свои плотины; когда вы замѣчаете, что въ довершеніе всего всюду полезное соединено съ пріятнымъ, и на все расто-

чительно излито великолѣпіе, красота и пріятность; когда передъ вами въ миломъ нарядѣ красуются цвѣты, кругомъ порхаютъ разноцвѣтныя бабочки, павлинь развертываетъ свой хвостъ; когда наконецъ Нидгэмъ показываетъ вамъ подъ микроскопомъ, что въ каждой каплѣ укуса или клейстера живетъ такъ же много существъ, какъ много міровъ вы видите въ телескопъ Кассини;—когда вы все это видите, вы не задумываясь говорите: это все случай! А вѣдь природа представляетъ намъ точъ въ точъ такое же зрѣлище, какъ еслибы кто, бросая безконечное множество костей, въ каждый моментъ выкидывалъ заранее предназначенное число очковъ. Я такъ думаю иначе, Mesdames et Messieurs: кости природы фальшивы, и кто-нибудь должно быть издѣвается надъ нами⁴¹...

Тонкая иронія, какою Галіани закончилъ свою рѣчь, попала въ цѣль: остроумные вольнодумцы дѣйствительно оказались смѣшными съ своей теоріей случайнаго происхожденія и развитія міра и человѣка; никто изъ нихъ не нашелся, что отвѣтить маленькому аббату. Но теперь Галіани, по мнѣнію Дю-буа Реймонда, уже „не поставилъ бы насъ въ тупикъ, какъ нѣкогда энциклопедистовъ: по теоріи Дарвина мы сумѣли бы отвѣтить ему, почему природа ббльшею частью достигаетъ опредѣленныхъ цѣлей безъ фальши, одними естественными средствами.“

Съ одной стороны это вѣрно. Нѣтъ спора, что гипотеза или если угодно теорія Дарвина есть величайшая изъ научныхъ работъ и заключаетъ величайшее изъ научныхъ обобщеній нашего вѣка,—споръ только въ томъ, что она объясняетъ и чего нѣтъ, а въ этомъ спорѣ противъ Галіани и дарвинисты не сильнѣе энциклопедистовъ.

Кеплеръ открылъ, что планеты при своихъ движеніяхъ описываютъ эллиптическіе пути и что ихъ движенія по эллипсису сообразуются съ извѣстными механическими законами. Объяснилъ ли онъ этимъ открытіемъ самое движеніе и его происхожденіе? Ньютонъ свелъ всѣ явленія міроваго движенія на тяготѣніе и его законы и такимъ образомъ объяснилъ мировую механику. Стало ли яснымъ даже послѣ этого величайшаго изъ величайшихъ научныхъ обобщеній происхожденіе и развитіе всѣхъ формъ движенія? Дарвинъ открылъ, что растенія и животныя видоизмѣняются въ борьбѣ за существованіе, путемъ

подбора, приспособленія и наследственности. Объясняется ли этими происхожденіе и развитіе растительныхъ и животныхъ видовъ и наконецъ самаго человѣка? Что растенія, животныя и люди происходятъ каждая особь отъ себѣ *подобныхъ* и проходятъ опредѣленный путь развитія, это видно и болѣе или менѣе извѣстно всякому. Ученый человѣкъ кромѣ того знаетъ, что это происхожденіе и развитіе во всѣхъ случаяхъ обуславливается общими механическими причинами, борьбою за существованіе приспособленіемъ и т. д. Ясно ли отсюда, что все богатство и разнообразіе жизни на землѣ механически „равнилось“ изъ первобытнаго хаотическаго вещества, которое граничитъ съ „изумляющею пустотою“ домірнаго небытія ⁹⁾, или — какъ будто это легче! — изъ первичныхъ органическихъ зародышей?

Всякое ученіе, претендующее на значеніе научной теоріи, должно не только опираться на хорошо изученные факты, но и быть логически послѣдовательнымъ. Факты пусть остаются фактами, но къ объясненію ихъ нужна и логика. Несомнѣнные факты, на которыхъ зиждется теорія развитія, заключаются въ томъ, что растенія и животныя въ опредѣленномъ порядкѣ представляютъ постепенные и нерѣдко незамѣтные переходы отъ низшихъ къ высшимъ, оканчивая человѣкомъ, и въ тоже самое время виды ихъ не имѣютъ постоянства. Въ борьбѣ за существованіе, путемъ подбора и приспособленія, растенія и животныя *видоизмѣняются*. Въ этихъ видоизмѣненіяхъ индивидуумы наследуютъ всѣ лучшія, выгодныя для борьбы особенности и качества и тѣмъ образомъ лучшіе и болѣе способные для борьбы естественно переживаютъ всѣхъ остальныхъ. Изъ этихъ фактовъ и выводится заключеніе, что тѣми же путями „естественно“ всѣ растенія и животныя и *происходятъ* другъ отъ друга. Вся цѣлесообразность въ природѣ и развитіе изъ низшаго въ высшее, переходъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному идетъ „самъ собою“ и въ концѣ всего сводится на механическій процессъ и механическіе законы. Если же теперь теорія Дарвина объясняетъ происхожденіе и развитіе растительныхъ и животныхъ видовъ однихъ отъ другихъ, начиная отъ первичныхъ ор-

⁹⁾ См. Бытія I; 1—2: еврейск. *tohu wabohu*. Ср. Записки на кн. Бытія 1836 г.

ганическихъ зародышей, извѣстными механическими, „естественными“ причинами, то научная логика, научная послѣдовательность требуетъ, чтобы *тѣже* естественныя причины и *такъ же* объясняли происхожденіе и развитіе и всѣхъ матеріальныхъ видовъ или формъ, напр. воды, воздуха, минераловъ, химическихъ элементовъ и т. д. И кто знаетъ исторію дарвинизма, тотъ знаетъ, что это простое требованіе научной послѣдовательности дѣйствительно заставляетъ растягивать первоначальное біологическое ученіе Дарвина въ космическую универсальную и всеобъясняющую гипотезу. „Принципы“ борьбы за существованіе и т. д. переносятъ отъ животныхъ и растений на всю вселенную: разсуждаютъ о борьбѣ за существованіе въ небесныхъ пространствахъ, между химическими частицами, въ жизни народовъ, въ развитіи человѣческаго языка, идей и т. д. ¹⁾ Что касается животныхъ, вѣрно, что многія палеонтологическія и происходящія теперь видоизмѣненія ихъ хорошо объясняются по теоріи развитія. Но какъ понимать борьбу за существованіе, подборъ, приспособленіе и наследственность въ примѣненіи къ низшимъ животнымъ и всѣмъ растеніямъ, не говоря уже о минералахъ или химическихъ элементахъ? Не значить ли это вводить въ науку чистѣйшій анимизмъ, одушевлять всю природу желаніями, страстями, ощущеніями удовольствія и неудовольствія, лучшаго и худшаго ²⁾? Людей, которые видятъ въ природѣ телеологическій строй и порядокъ, цѣлесообразность, упрекаютъ за то, что они „вмѣсто научнаго объясненія прибѣгаютъ къ антропоморфическимъ представленіямъ“, т.-е. механическую дѣятельность природы списываютъ съ разумной дѣятельности человѣка. Но объясняя происхожденіе и развитіе низшихъ животныхъ, расте-

¹⁾ См. напр. Du-Prel. Der Kampf um's Dasein am Himmel. Berlin. 1874. Der Kampf um's Dasein unter den Molekülen in Poggeudorf's Annal. 1874. S. 183—199.

²⁾ Такъ и поступаютъ современные монасты. См. напр. Zöllner. Ueber die Natur der Kometen. Leipzig, 1872. Изъ многихъ мѣстъ особенно S. 322—326. Naeckel. Antropogenie, s. 708: „магнитъ, притягивающій желѣзные опилки, взрывающій порохъ, паръ, движущій локомотивъ,—все это живые неорганизмы; они дѣйствуютъ тою же живою силою, кака я есть въ чувствительной мимозѣ, въ мыслящемъ человѣкѣ“. Такія же идеи высказываетъ и Дю-Прель въ концѣ уже указанной книги: Der Kampf um's Dasein am Himmel

ній, а тѣмъ больше неорганическихъ формъ, борьбою за существованіе, подборомъ и т. д., очевидно въ свою очередь списываютъ дѣятельность природы съ дѣятельности болѣе или менѣе высшихъ животныхъ и замѣняютъ телеологическій антропоморфизмъ (человѣкоподобіе) механическимъ зооморфизмомъ (скотоподобіемъ). Кажется нельзя сказать, чтобы это былъ большой научный шагъ впередъ въ „естественномъ“ объясненіи происхожденія и развитія міра. О механическомъ объясненіи здѣсь конечно можетъ быть рѣчь, но на дѣль очень мало похожаго на такое объясненіе. Скорѣе мы найдемъ здѣсь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ мірообразовательную любовь и вражду Эмпедокла, *qualitates occultae*, и даже нѣчто въ родѣ *hoggor vacui* средневѣковой науки. Насколько борьба за существованіе, приспособленіе, подборъ, наследственность и вообще механическія причины, какъ бы онѣ ни были выражены, не объясняютъ происхожденія и развитія растений, минераловъ, химическихъ элементовъ одного изъ другаго, ровно настолько же эти принципы бессильны раскрыть предъ нами тайну происхожденія и развитія животныхъ видовъ и человѣка. Одно стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ другимъ.

Намъ даны менѣе чѣмъ микроскопическія движенія и пересеченія химическаго вещества въ яблочномъ зернышкѣ. Когда мы посадимъ это зернышко, оно будетъ окружено землей, воздухомъ и влагой. И вотъ подѣ влияніемъ тепла и свѣта менѣе чѣмъ микроскопическія частицы протоплазмы зерна строятъ изъ земли, воздуха и воды цѣлое дерево и притомъ яблонь опредѣленнаго сорта. Желтокъ и бѣлокъ голубиныхъ яицъ подѣ влияніемъ тепла и др. условій развиваются въ живыхъ птицъ и притомъ такъ, что одинъ голубь способенъ при полетѣ кружиться турманомъ, а другой нѣтъ. Конечно эти и подобные процессы происхожденія и развитія обуславливаются опредѣленными механическими законами, имѣютъ механическую причинную связь, хотя подробностей всей этой связи мы и не знаемъ. Но будетъ ли для насъ яснѣе происхожденіе и развитіе растенія изъ зерна или животнаго изъ зародыша, если мы скажемъ, что при развитіи и ростѣ яблочнаго зерна въ стволѣ, вѣтви и листья яблони, или при развитіи и ростѣ желтка и бѣлка въ костяной скелетѣ, мясо, кровь и различные органы жи-

вой птицы,—частицы протоплазмы и далѣе организующіяся клѣточки борются за свое существованіе, подбираютъ другъ друга, приспособляются къ окружающимъ условіямъ и передаютъ результаты своихъ успѣховъ по наслѣдству? Очевидно, если мы подобнымъ образомъ будемъ объяснять происхожденіе и развитіе каждаго отдѣльнаго растительнаго или животнаго индивидуума изъ зерна или изъ зародыша, мы навяжемъ природѣ человѣческія или вѣрнѣе мистическія свойства и мотивы. Почему же, когда дѣло идетъ о происхожденіи и развитіи изъ первичныхъ зародышей уже не одного, а всѣхъ растительныхъ и животныхъ индивидуумовъ, тогда борьба за существованіе, подборъ, приспособленіе и наслѣдственность получаютъ значеніе научныхъ всеобъясняющихъ началъ?..

Пусть однако принципы теоріи развитія хорошо и научно объясняютъ анатомическія, физиологическія (и эмбриологическія) особенности и видоизмѣненія животныхъ; допустимъ даже, что они также хорошо и научно объясняютъ видоизмѣненія растительныхъ и даже неорганическихъ формъ. По какой же логикѣ слѣдуетъ и какимъ образомъ объясняется отсюда, что если растенія и животныя видоизмѣнялись и *видоизмѣняются*, то значить они послѣдовательно и преемственно *развились* одно изъ другаго, такъ что изъ простѣйшихъ органическихъ клѣтокъ въ концѣ всего явился человекъ? Какая причинная связь между механическими видоизмѣненіями въ природѣ и развитіемъ?

Лучъ свѣта видоизмѣняется, проходя сквозь стеклянную призму, и даетъ радужные цвѣты; его наибольшая теплота отходитъ въ темное пространство за краснымъ цвѣтомъ, падаетъ на спай пластинокъ сурьмы и висмута, видоизмѣняется въ электрическій токъ, а электрическій токъ въ свою очередь вызываетъ движенія магнитной стрѣлки. Подобныя ряды механическихъ видоизмѣненій, переходовъ изъ одной формы въ другую того же вещества и той же энергіи, изъ какихъ состоятъ и растенія и животныя и самъ человекъ, не въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, а во всей природѣ идутъ также преемственно и послѣдовательно и изъ той же глубины времени, какъ и всѣ существующіе организмы. Эти ряды механическихъ видоизмѣненій по механическимъ законамъ даже старше всѣхъ организмовъ. Можно ли однако на основаніи такихъ видоизмѣненій вещества

и его энергіи заключать, что въ представленномъ случаѣ движеніе магнитной стрѣлки развилось изъ цвѣтоваго луча *такъ же*, какъ человекъ изъ первичнаго одноклѣточного организма? И наоборотъ, возможно ли, чтобы растенія, животныя и человекъ развились изъ первичныхъ зародышей или изъ низшихъ организмовъ, а низшіе организмы и первичные зародыши изъ неорганическаго вещества *такъ же*, какъ движеніе магнитной стрѣлки изъ луча свѣта, фотографическій портретъ изъ того же луча свѣта и серебряныхъ солей, или азотная кислота изъ низшихъ степеней окисленія азота и изъ элементарныхъ частицъ азота и кислорода? Послѣдовательныя и преемственныя механическія видоизмѣненія во всѣхъ этихъ случаяхъ—одного рода, механическіе законы одни и тѣ же, но развитие-то какъ будто неодинаково. Относительно животныхъ и растеній вся несообразность заключенія, будто растенія, животныя и человекъ произошли и развились другъ отъ друга, именно путемъ постепеннаго послѣдовательнаго и преемственнаго видоизмѣненія, маскируется органическими явленіями: растенія и животныя происходятъ не такъ какъ различныя вещества и виды энергіи; ихъ происхожденіе имѣетъ родословный порядокъ, отъ предковъ къ потомкамъ, особенно между высшими животными. Здѣсь мы видимъ явленія воспроизведенія и размноженія, роста, развитія, питанія, выдѣленія и т. д. Снимите маску: по теоріи механическаго развитія въ процессахъ жизни нѣтъ ничего болѣе того, что дано въ неорганическомъ мірѣ. Растенія и животныя того же рода матеріальныя формы, какъ и всѣ другія, напр. минералы, вода, воздухъ, химическіе элементы. Съ механической точки зрѣнія въ тѣхъ и другихъ и во всѣхъ этихъ формахъ одно и то же вещество, одна и та же энергія, одни и тѣ же законы. Съ механической точки зрѣнія можетъ быть когда-нибудь будетъ совершенно ясно, какимъ образомъ изъ яблочнаго зерна происходитъ и развивается цѣлое дерево и что въ этомъ зернѣ обуславливаетъ видъ и вкусъ будущихъ плодовъ: будетъ ясно, какимъ образомъ дикая яблоня путемъ прививки получаетъ способность приносить плоды извѣтнаго вкуса, какимъ образомъ яблони могутъ варіироваться на тысячу ладовъ. Можетъ быть будетъ вполне понятно, какимъ образомъ изъ желтка и бѣлка выходитъ голубь и въ какой формѣ въ яйцѣ кроется за-

родышъ той особенноти, что голубь будетъ турманомъ Но отъ всѣхъ этихъ механически объяснимыхъ видоизмѣненій организмовъ до происхожденія и развитія всѣхъ растений и животныхъ изъ низшихъ формъ и изъ первыхъ зародышей разстояніе большое. Мы знаемъ напр. цѣлые ряды углеродныхъ соединеній, въ которыхъ каждый послѣдующій членъ представляетъ дальнѣйшее механическое развитіе предыдущаго и каждый изъ нихъ можетъ быть сведенъ къ своему общему корню. Но равнѣ можно сказать, что и всѣ члены всѣхъ многочисленныхъ рядовъ углеродныхъ соединеній произошли и развились одинъ отъ другаго и могутъ быть сведены къ одному общему, для всѣхъ первичному корню? Мы знаемъ цѣлые ряды, положимъ, млекопитающихъ животныхъ, и въ каждомъ изъ этихъ родовъ каждый послѣдующій членъ есть дальнѣйшее механическое видоизмѣненіе предыдущаго и происходитъ отъ общаго предка. Слѣдуетъ ли отсюда, что рядъ обезьянъ родословнымъ путемъ произошелъ отъ ряда сумчатыхъ, а отъ ряда обезьянъ тѣмъ же путемъ развился наконецъ и человѣкъ? ✓

Дѣло вовсе не въ томъ, что гипотеза Дарвина насквозь ошибочна и никуда не годна. Въ ней есть *vera causa*, истинная причина извѣстныхъ явленій: подъ влияніемъ борьбы за существованіе и т. д. въ животныхъ и растеніяхъ дѣйствительно происходятъ по механическимъ законамъ различныя видоизмѣненія, и чѣмъ эти видоизмѣненія выгоднѣе, цѣлесообразнѣе для борьбы и приспособленія, т.-е. для поддержанія жизни, тѣмъ успѣшнѣе видоизмѣнившіяся животныя и растенія переживаютъ всѣхъ другихъ, а менѣе способныя къ жизни переводятся. Это вѣрно. Невѣрно только, что *vera causa* *esse* обеспечиваетъ вѣрность гипотезы и въ частности гипотезы развитія. Такъ-называемая истинная причина въ гипотезѣ ручается за ея вѣрность только въ тѣхъ случаяхъ, когда гипотеза имѣетъ задачей объяснить существующій фактъ, существующій порядокъ явленій. Когда же гипотеза направляется къ объясненію *происхожденія*, развитія даннаго факта или порядка явленій, тогда едва ли можно довѣрять „истинной причинѣ“, потому что самая эта причина происходитъ или начинается дѣйствовать не раньше фактовъ или порядка явленій, къ объясненію которыхъ ее прилагаютъ. Предположимъ напр., что у электрическаго угря электрической аппаратъ построенъ

на подобіе нашихъ батарей или вольтовыхъ столбовъ. Въ самомъ дѣлѣ, явленія, производимыя электрическимъ угремъ, совпадаютъ съ явленіями, производимыми электрическими токами нашихъ батарей. Въ нашей гипотезѣ будетъ *vera causa*. Но даетъ ли эта *vera causa* хоть малѣйшій намекъ, малѣйшее основаніе предполагать дальше, что электрической токъ или зарядъ въ угрѣ произошелъ или развился такъ же, какъ и въ нашихъ батареяхъ уже послѣ того, какъ самый аппаратъ былъ готовъ? Не больше ли основаній убѣдиться, что электричество угря и всѣ его причины произошли, или если угодно „постепенно развивались“ вмѣстѣ? Конечно никто изъ знающихъ не станетъ отрицать факта, что животныя формы измѣняются въ природѣ такъ же, какъ въ прирученномъ состояніи при вмѣшательствѣ чловѣка, и видоизмѣненія ихъ обуславливаются общими механическими причинами, а въ частности борьбою, подборомъ, приспособленіями, наследственностью. Этими причинами позволительно и научно объяснить великое множество видоизмѣненій. Но можно ли на основаніи этого факта рѣшить вопросъ о происхожденіи и развитіи всѣхъ органическихъ формъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же причинъ, когда самыя эти причины начинаютъ дѣйствовать не раньше появленія тѣхъ или другихъ животныхъ или ихъ уже состоявшихся видоизмѣненій? Безъ всякаго сомнѣнія прежде должны явиться растенія или животныя, а потомъ уже борются за свое существованіе, приспособляться и т. д. Едва ли можно сомнѣваться также, что когда у птицы развивающіяся крылья уже могутъ служить на пользу, тогда употребленіе ихъ въ борьбѣ за существованіе, подборъ и т. д. такъ или иначе понятно; но пока эти крылья остаются случайными и бесполезными рудиментарными придатками, тогда значеніе ихъ для борьбы и подбора становится болѣе, чѣмъ непонятнымъ. Превращеніе или развитіе сначала случайнаго и бесполезнаго, даже иногда вреднаго придатка или видоизмѣненія въ организмъ въ полезный, цѣлесообразный органъ или свойство, — это похоже на непонятный для насъ фокусъ, прихоть, „игру природы“. Здѣсь Дарвинъ противъ Галіани такъ же безсиленъ, какъ энциклопедистъ прошлаго вѣка. О борьбѣ и подборѣ среди растеній при такихъ условіяхъ нечего было бы и говорить, если бы не было такъ много наговорено. Во всякомъ случаѣ борьба

и подборъ начинаются не прежде, чѣмъ является матеріаль и средство. Приспособленіе и наслѣдственность равнымъ образомъ имѣетъ мѣсто только съ того момента, когда дана извѣстная органическая форма или ея видоизмѣненіе. И за всѣмъ тѣмъ приспособляемость организмовъ въ данныхъ условіяхъ имѣетъ опредѣленные границы, далѣе которыхъ видоизмѣненія не могутъ идти. Растенія приспособлены и приспособляются къ условіямъ климата, почвы и т. д. Въ рядъ этихъ механическихъ условій ихъ существованія безъ сомнѣнія входятъ и травоядные животныя, къ которымъ извѣстныя растенія приспособлены въ качествѣ пищи. Однако такого рода приспособленіе для растеній невыгодно, и по теоріи развитія рѣшительно непонятно, какъ растенія, съдаемыя животными, въ борьбѣ за существованіе и подборѣ приспособляются ко всѣмъ механическимъ условіямъ, но затѣмъ живутъ и размножаются такъ, какъ будто бы травоядныхъ животныхъ не существовало.

Наконецъ извѣстно,—и это особенно важно,—что на высшихъ ступеняхъ растительной и животной жизни, отъ которыхъ будто бы развились всѣ растительные и животныя виды и самъ человѣкъ, нѣтъ родословнаго порядка, нѣтъ самцовъ и самокъ. Зародыши грибовъ, амебы, монады, путемъ сліянія одной формы съ другой, или разъединенія, почкованія, видоизмѣняются безъ всякаго опредѣленнаго порядка и развитія, какъ это мы видимъ въ высшихъ растительныхъ и животныхъ видахъ. Здѣсь о борьбѣ за существованіе пожалуй еще можно говорить, но о приспособленіи, а тѣмъ больше о подборѣ и наслѣдственности не можетъ быть и рѣчи. А при отсутствіи родословныхъ и преемственныхъ поколѣній и безъ унаслѣдованія случайныхъ, механическихъ видоизмѣненій, безъ подбора, одна мистическая борьба за существованіе ни малѣйше не объясняетъ перехода отъ низшихъ растеній и животныхъ къ высшимъ. Механическія видоизмѣненія всегда остаются механическими; вещество и его энергія „сохраняются“ не какъ отвлеченныя научныя понятія, а какъ опредѣленные формы. Въ существѣ дѣла, т.-е. на основаніи законовъ механики, говорить о „механическомъ развитіи“ все равно, что говорить о неподвижномъ теченіи или о развитіи юренбергскаго яйца въ наши хронометры.

Весь дарвинизмъ держится на той мысли, что всѣ явленія жизни

и развитія объясняются изъ обыкновенныхъ, общихъ механическихъ началъ. Механическое истолкованіе природы и происхожденія всѣхъ животныхъ существъ составляетъ основную задачу гипотезы. Допустимъ, что такая „научная“ задача въ дарвинизмъ достигнута, допустимъ, что въ природѣ и въ кругу живыхъ существъ все совершается *только* по механической причинной связи. Оставимъ всякіе разговоры о разумности, цѣлесообразности и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія въ механизмѣ природы, разсматриваемой съ такой безусловно механической точки зрѣнія, никто не допуститъ одновременнаго присутствія разныхъ механикъ и разныхъ механическихъ законовъ, т.-е. чтобы напр. одна механика и одни законы были для звѣздъ и планетъ, другая механика и другіе законы для физико-химическихъ явленій или для явленій жизни. Напротивъ, какъ извѣстно, всѣ явленія природы научнымъ образомъ сводятся къ единству механическихъ началъ и механическихъ законовъ. Самымъ основнымъ и кореннымъ механическимъ закономъ слѣдуетъ признать законъ сохранения вещества и энергіи. Одно изъ самыхъ общихъ слѣдствій этого закона гласитъ, что въ природѣ всякое дѣйствіе равно противодѣйствію. Сообразно съ этимъ слѣдствіемъ закона сохранения всякое видоизмѣненіе въ природѣ, вызываемое данными причинами, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ разлагается и уступаетъ мѣсто новымъ видоизмѣненіямъ, новымъ явленіямъ. Въ концѣ всего вся сумма видоизмѣняющагося вещества и энергіи во всѣхъ неживыхъ и живыхъ существахъ остается постоянной. Такимъ образомъ во всей неживой и живой природѣ происходитъ эквивалентное круговращеніе вещества и энергіи. Но при такихъ всеобщихъ и единообразныхъ механическихъ условіяхъ совершенно необъяснимо и нѣтъ мѣста тому, что въ теоріи развитія объясняется подъ именемъ развитія и что имѣетъ опредѣленный смыслъ движенія впередъ, къ лучшему, къ совершенству. По закону равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ во всей природѣ происходятъ безконечныя и разнообразныя видоизмѣненія неорганическихъ, растительныхъ и животныхъ формъ, но безъ перехода въ какое-нибудь преимущественное и наследственное развитіе. Съ особенною ясностію это мы видимъ въ кругу низшихъ организмовъ. Но и въ кругу высшихъ растений и животныхъ разно-

образнѣйшія видоизмѣненія, происходящія въ борьбѣ за существованіе, въ приспособленіи, въ подборѣ и наследственной передачѣ, безразлично ведутъ къ лучшему и худшему. Случаи упадка и вырожденія высшихъ, развитыхъ формъ въ пользу процвѣтанія низшихъ также часты и общи, какъ и случаи развитія. Принципы теоріи постепеннаго развитія столько же ведутъ къ прогрессу, сколько и къ регрессу. Если же приложить ихъ къ объясненію *происхожденія* всѣхъ рядовъ палеонтологическихъ и существующихъ растений и животныхъ, тогда эти принципы не только не ведутъ къ прогрессу, а скорѣе должны бы поворачивать все міровое развитіе назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, по механическимъ условіямъ и законамъ, въ борьбѣ за существованіе низшія существа имѣютъ всѣ выгоды предъ высшими. Напр. существованіе земноводныхъ животныхъ обставлено гораздо выгоднѣе, чѣмъ тѣхъ, которые могутъ жить *только* на землѣ или *только* въ водѣ. Скорѣе не отъ земноводныхъ разовьются виды насущныхъ и водныхъ животныхъ, а эти отдѣльные и болѣе развитые виды возвратятся путемъ подбора, приспособленія и наследственности къ простѣйшимъ видамъ амфибій. Такого рода постепенное возвращеніе человѣчества, всѣхъ животныхъ и растений въ первобытное состояніе органической протоплазмы, когда не было необходимости въ борьбѣ, когда не было ни подбора, ни наследственности, представляетъ не менѣе, можетъ быть даже болѣе „естественный“ результатъ борьбы и подбора, чѣмъ тотъ, какой мы видимъ. Тогда законъ сохраненія энергіи и вещества и вообще ни одинъ механическій законъ не былъ бы нарушенъ и притомъ не былъ бы смѣшанъ съ мистическими и зооморфическими элементами, которые ни съ того, ни съ другаго происходятъ и развиваются *вмѣстѣ* съ растениями и животными и въ то же время служатъ будто бы причинами происхожденія и развитія самихъ растений и животныхъ.

Невидно, какимъ образомъ въ силу закона сохраненія вещества и энергіи и равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ всѣ видоизмѣненія въ природѣ, особенно въ живыхъ существахъ, а еще особеннѣе въ человѣкѣ и въ человечествѣ имѣютъ опредѣленное направленіе къ разностороннему развитію и совершенствованію. Въ калейдоскопѣ безконечно варьируются различныя фигуры по тѣмъ же законамъ, по какимъ происходятъ

многія видоизмѣненія и во всей природѣ, но никакія перевертыванья, никакіе толчки, никакія случайныя комбинаціи, продолжайся они тысячи лѣтъ безъ всякаго перерыва, не поведутъ къ тому, чтобы съ теченіемъ времени фигуры калейдескопа становились совершеннѣе. До этого не допускаютъ механическіе законы. Дѣйствіе равно противодѣйствию: въ природѣ, въ границахъ механики, что создается, то и разрушается и что создается, то и разрушаетъ. Круговращаются теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ, сродство, механическое движеніе, переходя изъ одной формы энергіи въ другую, отъ движенія къ равновѣсію и наоборотъ; круговращаются извѣстныя намъ вещества, переходя изъ одной формы въ другую: гдѣ ихъ начало, гдѣ конецъ? которая изъ этихъ формъ первая, которая послѣдняя? какая изъ нихъ менѣе совершенна, какая болѣе?..

Исключите изъ этого круга, изъ всей природы, все что называется развитіемъ,—ни механическіе законы, ни ихъ дѣйствія не измѣнятся и не будутъ нарушены. Если бы напр. до сихъ поръ вся Европа была покрыта льдомъ, для міровой механики это было бы совершенно нормальное положеніе вещей. И если бы міръ пошелъ обратнымъ порядкомъ, къ первобытному состоянію, механическіе законы стояли бы по прежнему: ни одинъ изъ нихъ не былъ бы ни на одну іоту ни нарушенъ, ни измѣненъ. Въ этомъ порядкѣ природы дѣйствіе борьбы за существованіе и т. д. равно противодѣйствию. Въ интересахъ, т. е. въ естественныхъ условіяхъ механической борьбы за механическое существованіе гораздо выгоднѣе, т. е. естественнѣе оставаться полипомъ, чѣмъ изъ полипа „развиваться“ въ высшія формы, сдѣлаться наконецъ человѣкомъ, который въ борьбѣ за существованіе страдаетъ въ тысячу разъ больше и гибнетъ въ тысячу разъ скорѣе, чѣмъ многія изъ низшихъ формъ. Самъ Дарвинъ понималъ, что принципы въ теоріи одинаково ведутъ и впередъ и назадъ Такъ гдѣ же въ нихъ объясненіе происхожденія и развитія растительныхъ и животныхъ формъ, а тѣмъ больше человѣка?

Когда вы видите, что все богатство и разнообразіе живыхъ и вымершихъ растений „отъ кедра до иссопа,“ до послѣдняго микроскопическаго грибка, представляетъ постепенные и незамѣтные переходы отъ простой и невидной для невооруженнаго

глаза мѣточки до сложныхъ и роскошныхъ гигантовъ растительнаго царства; когда въ этомъ естественномъ порядкѣ вы находите и пшеницу и пальму и ядовитую мансенилу, причудливую плотоядную мухоловку, деликатную миому и роскошную викторію; когда вы видите такой же порядокъ между живыми и вымершими животными отъ слона до послѣдней инфузоріи, когда вы находите въ этомъ порядкѣ такія разнородныя и разнохарактерныя группы животныхъ, какъ напр. насѣкомыя, птицы, рыбы, четвероногія; когда вы знаете, что изъ ряда всѣхъ животныхъ выдѣляется животное, имѣющее науку, религію, нравственность; когда вы знаете, что на низшихъ ступеняхъ растительной и животной жизни нѣтъ ни родовъ, ни видовъ, нѣтъ подбора, наслѣдственности, а все ежедневное „развитіе“ немислимыхъ мириадъ грибовъ, инфузорій изъ вѣка въ вѣкъ такъ сказать вертится калейдоскопически на одномъ мѣстѣ, не развиваясь ни назадъ, ни впередъ; когда вы знаете, что о борьбѣ за существованіе и подборѣ можно говорить, не впадая въ грубый зооморфизмъ или въ утонченный анимизмъ, только тогда, когда у борющихся есть и ощущеніе и воля; когда наконецъ вы знаете, что все разнообразіе и весь порядокъ природы безъ исключенія составляетъ изъ опредѣленныхъ химическихъ веществъ, энергіи и ихъ механическихъ отношеній; когда вы все это видите, изучаете и знаете, вы не задумываясь говорите, что все это механическія причины, борьба и подборъ. А вотъ еслибы какой нибудь изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ механиковъ показалъ вамъ скоропечатную машину въ то время, какъ она печатаетъ новое изданіе „Естественной исторіи міровданія“ Гѣккеля, и сталъ бы на основаніи точныхъ математическихъ вычисленій и остроумнѣйшихъ научныхъ соображеній развивать мысль, что въ его мастерской не было ничего, кромѣ инструментовъ, рабочихъ рукъ, металла, дерева и механической нервной дѣятельности, что изъ механическаго „естественнаго“ взаимодействія этихъ элементовъ „естественно“ возникъ весь этотъ механизмъ, вы конечно затруднились бы происхожденіе и развитіе этого механизма назвать также естественнымъ, какъ вы называете „естественнымъ“ происхожденіе и развитіе міроваго механизма. Если бы этотъ механикъ вдобавокъ прибавилъ, что возникшая въ его мастерской машина способна изъ кучи

типографскаго шрифта подбирать фразы, имѣющія смыслъ „Естественной исторіи міроздавія“, этому разумѣется повѣрилъ бы только какой нибудь лаззарони, а вы прямо сказали бы на основаніи вашихъ знаній, что механикъ морочитъ васъ. На основаніи тѣхъ же самыхъ вашихъ знаній вы увѣрены, что такіе естественные механическіе результаты и подборы и приспособленія существуютъ только въ природѣ, а не въ мастерской механика и не въ кабинетѣ ученаго, и не въ типографіи, хотя впрочемъ всѣ эти мѣста, равно какъ и сами ученые, механики и наборщики существуютъ тоже только въ природѣ. Когда садовникъ покажетъ вамъ необыкновенной величины землянику; или овцеводъ своихъ овецъ съ необыкновенно шелковистою шерстью или короткими ногами, и когда тотъ и другой скажутъ, что они тутъ ни при чемъ, что у нихъ сначала были обыкновенныя ягоды, обыкновенныя овцы, а новыя породы произошли путемъ подбора и наследственности, вы конечно поймете, что тутъ дѣло не обошлось безъ подбора и т. д. Но если садовникъ и овцеводъ скажутъ, что въ то время, какъ у нихъ перерождались и совершенствовались ягоды и овцы, ихъ самихъ и дома не было, и все это вышло само собою путемъ борьбы и приспособленія, тогда пожалуй вамъ покажется это уже черезъ чуръ естественнымъ и механическимъ, и вы сообразите или вспомните, что для такихъ превращеній требуется знанія, опытность, уходъ и вообще большія хлопоты. Вы полагаете, что только въ природѣ сами собою, естественно, изъ одного вида дикихъ голубей происходятъ и развиваются десятки новыхъ видовъ, и даже всѣ растительныя и животныя виды и самъ человѣкъ естественно, механически произошли и развились изъ первичныхъ зародышей, изъ нашихъ организмовъ...

Конечно это трудно, черезъ чуръ „естественно“ и требуетъ въ свою очередь новаго объясненія. Чтобы сдѣлать сколько-нибудь понятнымъ переходъ одной группы животныхъ въ другую, дарвинисты пользуются могущественнымъ средствомъ, которымъ до сихъ поръ не пользовался еще ни одинъ метафизикъ: они открыли безусловный кредитъ на *время*. Стоитъ только отнестись какой-нибудь предполагаемый процессъ происхожденія и развитія за миллионы и билліоны лѣтъ, и дѣло будто бы становится яснымъ, процессъ происхожденія и развитія представляется

„естественнымъ“, механическимъ; отнимите кредитъ на билліоны лѣтъ, и вся естественность будто бы исчезаетъ. Случай и время сдѣлались въ геологіи и біологіи настоящимъ *deus ex machina*. Конечно въ теченіе билліоновъ лѣтъ чего не могло случиться? Но что длинные періоды времени, выражаемые именованными числами, а не отвлеченнымъ математическимъ знакомъ *t*, что-нибудь объясняютъ въ геологіи и біологіи, обезпечиваютъ „естественность“ и механическую причинность въ гипотезахъ о происхожденіи и развитіи міра, и въ частности растений, животныхъ и человѣка, — это болѣе чѣмъ сомнительно. Когда мы понимаемъ, какъ можно видоизмѣнить породу голубей или земляники, тогда извѣстная продолжительность времени, необходимаго для этого видоизмѣненія, дѣло второстепенное: результатъ можетъ выйти и скорѣе и медленнѣе, и время ровно ничего не прибавитъ къ пониманію процесса. Напротивъ, если мы не понимаемъ, какъ отъ сумчатыхъ „произшли“ обезьяны и человѣкъ, или какъ отъ „общаго предка“ въ одну сторону пошли рыбы, въ другую птицы, въ третью насѣкомыя, тогда отнесеніе всего этого процесса на счетъ билліоновъ лѣтъ нисколько не проливаетъ свѣта, а скорѣе оглушаетъ всякое пониманіе, не хуже какой-нибудь абсолютной идеи. Факты такихъ видоизмѣненій общаго предка въ различные виды животныхъ можно считать объясненными борьбою за существованіе и т. д., но билліоны лѣтъ тутъ ни при чемъ. Точно также, если мы уже понимаемъ, что двѣ прямыя взаимно пересѣкающіяся линіи не заключаютъ пространства, или что параллельныя линіи не могутъ встрѣтиться, тогда, будутъ ли эти линіи равны дюйму или мы ихъ растянемъ мысленно въ билліоны верстъ, для насъ не будетъ понятнѣе, что онѣ дѣйствительно не заключаютъ пространства, или не могутъ встрѣтиться одна съ другой. А если мы не понимаемъ этихъ геометрическихъ истинъ, тогда растяженіе линій въ пространствахъ едва ли уяснитъ намъ, въ чемъ тутъ дѣло. Всѣ эти милліоны и билліоны лѣтъ, щедро отпускаемые геологами и біологами на „естественное“ происхожденіе и устройство міра, такъ что для нихъ сотня тысячъ лѣтъ равно ничего не стоитъ, — имѣютъ только одинъ небольшой недостатокъ: міръ не становится отъ нихъ естественнѣе, но сами они никакой естественности не имѣютъ. Въ существѣ дѣла они составляютъ

такое же злоупотребленіе *идеи* времени и безконечности, въ какомъ повинны метафизики. Знаменитый образчикъ такого злоупотребленія мы имѣемъ въ извѣстномъ умозаключеніи стараго греческаго мудреца Зенона, у котораго выходили какъ дважды два четыре, что быстроногій Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи. Эти милліоны и билліоны лѣтъ представляютъ нѣчто въ родѣ непроницаемаго колпака, подъ которымъ происходитъ механическій фокусъ „естественнаго“ происхожденія и развитія міра и человѣка. Когда этотъ колпакъ снять, все уже готово: изъ ничтожнаго вещества развился весь неорганическій міръ и органическіе зародыши; снова накроемъ эти зародыши, снимемъ и предъ нами растенія, животныя и человѣкъ. Толпа лаззарони и зѣвакъ удивляется искусному фокусу ученыхъ, воображая, что они выкидываютъ настоящія, а не искусственныя кости. Не мѣшало бы милліонерамъ и билліонерамъ въ геологіи и біологіи, безъ мѣры и контроля спекулирующимъ кредитомъ на время, познакомиться съ ученіемъ Канта о времени и пространствѣ и принять во вниманіе результаты современныхъ психофизиологическихъ изслѣдованій. Одинъ изъ христіанскихъ учителей (бл. Августинъ) глубже и вѣрнѣе понималъ идею времени, когда сказалъ, что міръ созданъ вѣсть съ временемъ. Въ дѣйствительности и дѣйствительныя видоизмѣненія растительныхъ и животныхъ видовъ совершаются скорѣе, чѣмъ предполагаетъ теорія развитія. Извѣстно напр., что у овецъ, привезенныхъ въ Гвинею, шерсть скоро замѣнилась жесткими волосами, такъ что несвѣдущій человѣкъ только по голосу догадается, что это настоящія овцы. По разсказу Дарвина отъ одного вида дикихъ голубей произошло до 150 новыхъ видоизмѣненій, и многія изъ этихъ видоизмѣненій такъ значительны, что систематики легко могутъ признать ихъ отдѣльными, самостоятельными видами. Подобнаго рода фактовъ можно найти безчисленное множество, особенно въ кругу домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній. Между тѣмъ самая невообразимая медленность, постепенность и незамѣтность преобразованій по теоріи развитія дѣлаетъ невѣроятнымъ и даже невозможнымъ, чтобы одна обособленная группа животныхъ развивалась въ другую, и такимъ путемъ *все* растенія и животныя произошли бы отъ общихъ предковъ, отъ первоначальныхъ низшихъ формъ.

Мудрено предположить, чтобы какое нибудь животное, какъ только у него „случайно“ появится первый признакъ его предполагаемыхъ будущихъ поколѣній, былъ изолированъ отъ всѣхъ окружающихъ условій и отъ себѣ подобныхъ, еще не имѣющихъ вновь прибрѣтеннаго отличія. Мудрено также предположить, что и ближайшіе потомки этого животнаго, уже унаслѣдовавшіе случайную особенность, изолированы отъ тѣхъ же самыхъ условій и отъ тѣхъ же себѣ подобныхъ, еще не имѣющихъ даннаго видоизмѣненія. Притомъ новые органы или какія-нибудь новыя особенности въ строеніи и отправленіяхъ растений и животныхъ при своемъ первомъ появленіи, въ зачаточномъ состояніи далеко не всегда представляютъ немедленныя выгоды и преимущества для успѣха въ борьбѣ за существованіе. Часто они не только бесполезны, но и вредны. Положимъ напр. лошади могутъ встряхивать своей кожей и такимъ образомъ отгонять докучливыхъ и даже вредныхъ и опасныхъ для жизни мухъ. Это встряхиваніе онѣ дѣлаютъ при помощи спеціальнаго мускула, прикрѣпленнаго къ кожѣ. Въ борьбѣ за существованіе такой благодѣтельный мускулъ безъ сомнѣнія составляетъ большія выгоды: животное, котораго не изнурять и не закусать крылатые враги, переживаетъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ мускула для ихъ стряхиванья. По теоріи развитія этотъ мускулъ явился въ организмѣ нѣкоторыхъ млекопитающихъ вѣроятно не сразу, „случайно“, а развивался медленно и постепенно, путемъ борьбы и т. д., изъ зачаточнаго, можетъ быть микроскопическаго состоянія. Но пока онъ при своемъ первомъ появленіи не могъ стряхнуть ни одной мухи,—какая механическая причинность гнала впередъ его развитіе и при чемъ тутъ борьба, подборъ и приспособленіе? Какая борьба, приспособленіе и какая механика выгнала изъ микроскопическаго зачатка жало пчелы и притомъ въ такой формѣ, которая страшна для врага, но убійственна и для самой пчелы? Видоизмѣненія растений и животныхъ, происходящія при такихъ естественныхъ условіяхъ, едва ли могутъ ускользнуть отъ общихъ вліяній окружающей среды, отъ противодѣйствія тѣхъ же самыхъ причинъ, которыми эти видоизмѣненія вызваны только „случайно“, механически. И чѣмъ дальше мы растянемъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же причинъ на невообразимо продолжительное время, тѣмъ неизбѣжнѣе и естес-

твеннѣе онѣ должны вести къ нейтрализаціи, къ выравниванію и единообразію колебаній между возможными подѣ ихъ вліяніемъ видоизмѣненіями организмовъ. Другими словами: чѣмъ долѣше дѣлится вліяніе или дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ, тѣмъ постояннѣе и единообразнѣе ихъ слѣдствіе. Въ этомъ можно убѣдиться при внимательномъ изученіи природы и размышленіи о томъ, что въ ней называется единообразіемъ и закономъ, а еще проще при помощи напр. логики Милля. Въ мірѣ растеній и животныхъ, какъ и во всемъ мірѣ, отъ однихъ и тѣхъ же механическихъ причинъ должны происходить и сходные результаты. Пока видоизмѣненія, происходящія въ одной, опредѣленной окружающей условіями, группѣ растеній и животныхъ соотвѣтствуютъ (эквивалентны) вызвавшимъ ихъ причинамъ, развитіе разновидностей и даже если угодно новыхъ видовъ, расъ, вымираніе однихъ и переживаніе другихъ возможно и объяснимо по теоріи развитія; но всякое превращеніе растеній и животныхъ изъ одного рода въ другой становится непонятнымъ выходомъ за сферу вліянія данныхъ, милліоны лѣтъ дѣйствующихъ причинъ.

Въ виду сказаннаго всего удивительнѣе въ теоріи развитія то обстоятельство, что пока міръ развивался „самъ собою“, механически, безъ разума, безъ цѣлей, это дѣло шло такъ трудно и медленно, что геологи не находятъ достаточнаго числа билліоновъ лѣтъ, чтобы міръ дошелъ до развитія только первичныхъ органическихъ зародышей. За ними въ свою очередь биологи дѣлаютъ одинъ заемъ за другимъ изъ неистощимой кассы безконечности цѣлыми билліонами лѣтъ, чтобы только выдержать свой „научный“ характеръ и во что бы то ни стало развить первичные зародыши во все разнообразіе растеній и животныхъ и наконецъ въ человѣка „естественно“, безъ „всякаго „произвола“, безъ „посторонняго вмѣшательства“. Сотни тысячъ лѣтъ отпускаются на то только, чтобы первобытный „обезьяноподобный“ человѣкъ „естественно“ развился до границъ человѣческой культуры, языка и исторіи. Но—какъ только началось историческое развитіе человечества, милліоны лѣтъ вдругъ сдѣлались ненужными. Человѣкъ вдругъ пошелъ впередъ съ такою быстротою, что въ какихъ-нибудь двѣ-пять тысячъ лѣтъ своей исторіи опередилъ всю природу и достигъ до „высоты

современной науки⁴. Мало того: не болѣе 200—300 лѣтъ тому назадъ начали развиваться точныя науки о природѣ и человѣкѣ, а человѣкъ уже достигъ возможности *дѣлать* въ природѣ и жизни такія видоизмѣненія вещества и его энергіи, до какихъ природа сама собою не дошла и не дойдетъ въ теченіи новыхъ биліоновъ лѣтъ. И что наконецъ еще болѣе удивительно, законъ сохраненія вещества и энергіи и вообще всѣ механическіе законы во всѣхъ этихъ случаяхъ остаются непоколебимыми и неизмѣнными. Великое существо должно быть этотъ homo sapiens, съ появленіемъ котораго милліоны лѣтъ стали излишними не только для его собственнаго развитія, но и для механическихъ видоизмѣненій въ природѣ!... Унижаясь до родства съ обезьянами и летучими мышами, не простымъ царемъ только хотеть быть въ природѣ ученый умъ, достигшій своей современной власти отъ разбитаго корыта некультурной жизни, а многовѣдушимъ и многомогущимъ владыкой, и чтобы въ природѣ никого выше его и умнѣе не было...

Безъ всякаго сомнѣнія было бы очень симметрично и удобно для научнаго пониманія и объясненія природы, если бы причины, опредѣленные Дарвиномъ и объясняющія различныя видоизмѣненія растений и животныхъ, пластичность органическаго вещества и организмовъ, объясняли самое происхожденіе и развитіе органическаго міра; было бы еще симметричнѣе, если бы тѣже самыя причины охватили не только организмы, но и весь неорганическій міръ. Но если факты и ихъ логика противъ этой симметріи и повидимому имѣютъ другую, — зачѣмъ приносить ихъ въ жертву научному характеру? *Гегелю* не спускаютъ за его стремленіе къ подобнаго же рода симметріи, когда онъ отождествилъ бытіе съ небытіемъ и охватилъ развитіемъ абсолютной идеи весь міръ, почему же *Гукелю* все позволительно?

Высокое реальное научное значеніе теоріи развитія ограничивается опредѣленіемъ общихъ *эмпирическихъ* законовъ жизни и объясненіемъ весьма многихъ частныхъ случаевъ въ измѣненіяхъ растительныхъ и животныхъ видовъ. Въ приложеніи ко всему міру живыхъ существъ эта теорія объясняетъ не происхожденіе и развитіе, а видоизмѣненія. На сколько она касается развитія, она представляетъ только формальное, эвристическое, какъ говорятъ нѣмцы, начало для лучшей, болѣе совер-

шенной чѣмъ прежде систематики и классификаціи видовъ, а потому открываетъ новые пути для научныхъ изслѣдованій и развитія биологіи. Она не объясняетъ, а только *описываетъ* готовый порядокъ палеонтологическихъ и существующихъ организмовъ, которые дѣйствительно представляютъ постепенный переходъ отъ низшаго къ высшему. Въ этомъ порядкѣ человекъ стоитъ послѣднимъ членомъ, какъ высшая форма, и имѣетъ физико-химическія, анатомическія и физиологическія отношенія къ окружающему его міру и живымъ существамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если заключаютъ, что въ силу этихъ отношеній человекъ не только явился послѣ всѣхъ живыхъ существъ, но отъ нихъ и произошелъ: *post hoc, ergo propter hoc*.

Въ свою очередь неудивительно, что старый Катраажъ не дается въ обманъ на такомъ „естественномъ“, но рискованномъ заключеніи и считаетъ всеобъясняющія объясненія теоріи развитія неудовлетворительными. Съ критической осторожностью онъ принимаетъ только тотъ очевидный и несомнѣнный фактъ, что человекъ есть крайнее и высшее звено въ цѣпи живыхъ существъ и во всей природѣ. Обсуждая этотъ фактъ по мѣрѣ своихъ обширныхъ специальныхъ познаній и изслѣдованій, Катраажъ выдѣляетъ изъ круга растений и животныхъ „царство человеческое“.

П. Милославскій.

(Продолженіе будетъ).

ГЕННАДІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ

(*Церковно-историческая монографія*).

Геннадій Гонзовъ или Гонововъ, архіепископъ Новгородскій принадлежитъ безспорно къ числу тѣхъ немногихъ замѣчательныхъ людей, которыхъ выставила наша церковь въ XV в. Несмотря на это, личность Геннадія въ нашей церковно-исторической литературѣ изслѣдована далеко не со всѣхъ сторонъ. Правда, ея часто касаются и церковные и гражданскіе историки; но нѣкоторыя стороны жизни и дѣятельности Геннадія или опускаются совершенно или разсматриваются мимоходомъ. Притомъ обыкновенно авторъ историческаго изслѣдованія говоритъ только о тѣхъ сторонахъ жизни и дѣятельности Геннадія, которыя стоятъ въ связи съ предметомъ его повѣствованія, такъ что нѣтъ никакой возможности представить себѣ цѣльный образъ Геннадія ¹⁾. Цѣльности представленія мѣшаетъ и различіе вы-

¹⁾ Въ послѣднее время сдѣлана попытка свести и обработать всѣ извѣстія о Геннадіи, сохранившіяся въ памятникахъ (см. статью *Геннадій, архіепископъ новгородскій*, въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1875 г., май). Эта статья несравненно обстоятельнѣе житія Геннадія, помѣщеннаго въ *Житіяхъ святыхъ Рос. Церкви*, преосв. Филарета. Но и здѣсь нѣкоторыя стороны дѣятельности Геннадія задѣты мимоходомъ или опущены вовсе; притомъ въ очеркѣ не достаточно ясно указаны связь и ближайшія историческія причины отдѣльныхъ явленій въ немъ описываемыхъ.

сказанныхъ въ нашей литературѣ взглядовъ на Геннадія или на отдѣльныя стороны его дѣятельности. Между тѣмъ какъ для однихъ Геннадій предметъ восторженныхъ похвалъ, другіе смотрятъ на него совершенно иначе.

Все сказанное нами приводитъ насъ къ тому заключенію, что необходима особая монографія, спеціальныи предметъ которой составлялъ бы Геннадій и которая поставила бы себѣ задачу подвести итогъ всему написанному о Геннадіи, гдѣ нужно дополнить и провѣрить сообщаемыя свѣдѣнія, примирить противорѣчивыя взгляды и установить на личность Геннадія твердый взглядъ, — однимъ словомъ необходима монографія, которая бы представила полный, всесторонній критическій очеркъ жизни и дѣятельности Геннадія.

Предлагаемый вниманію любознательныхъ читателей трудъ и беретъ на себя эту задачу.

I.

Геннадій до возведенія его въ санъ архимандрита московскаго Чудова монастыря.

О жизни Геннадія до того времени, когда онъ сдѣлался архимандритомъ Чудова монастыря, не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Изъ житій Геннадія, если таковыя когда-нибудь существовали, до насъ ни одно не дошло, а извѣстія лѣтописей объ этой порѣ жизни Геннадія слишкомъ скудны, неопредѣленны. Степенная книга, говоря о Геннадіѣ, называетъ его мужемъ сановитымъ ²⁾. Известно также, что въ числѣ жертвователей Іосифова Волоколамскаго монастыря былъ и Геннадій, который подарилъ монастырю село Мечевское, сельцо Чемесово въ Рузѣ и двѣ деревни ³⁾. Отсюда слѣдуетъ, что отецъ Геннадія владѣлъ вотчинами, которыя послѣ его смерти, за неимѣніемъ быть можетъ другихъ наслѣдниковъ-сыновей ⁴⁾, достались его сыну,

²⁾ Степ. вѣд. ч. I стр. 475.

³⁾ См. грам. Іосифа вол. къ княгинѣ Голешиной. Напеч. у Хрушова въ приложеніяхъ къ его „Исслѣдованію о сочиненіяхъ Іосифа Санина“, стр. 258.

⁴⁾ Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: упомянувъ въ посланіи къ Борису Кутузову о жертвователяхъ въ свой монастырь, въ числѣ которыхъ

Геннадію. Лѣтописи Софійская первая и Воскресенская, говоря о zaloженіи Геннадіемъ церкви и трапезы въ Чудовомъ монастырѣ, называютъ его—первая Гонозовымъ, а вторая Гонзовымъ⁵⁾. Изъ свидѣтельства Степенной книги о сановитости Геннадія и изъ той книжной начитанности, какою обладалъ Геннадій и какую всего легче можно было приобрести въ Москвѣ, можно заключить, что отецъ его Гонозовъ или Гонзовъ жилъ въ Москвѣ, служилъ, быть можетъ, даже при дворѣ великаго князя, занимая какую-нибудь не низкую должность намъ неизвѣстную⁶⁾.

Когда родился сынъ Геннадій и какое первоначально было его имя, остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ можно думать, что Геннадій родился въ началѣ и во всякомъ случаѣ не позднѣе первой четверти XV столѣтія. Когда Савватій жилъ на Валаамѣ, Геннадій былъ здѣсь ученикомъ его. „Савватій егда на Валаамѣ былъ, азъ у него ученикъ, а онъ мнѣ старецъ былъ“, говорилъ Геннадій игумену Досифею, благословляя его написать житіе соловецкихъ подвижниковъ⁷⁾. Удаленіе Савватія съ Валаама одни относятъ къ 1425 г.⁸⁾, другіе къ 1429 г.⁹⁾. Безъ сомнѣнія когда Геннадій поступилъ въ число братіи Валаамскаго монастыря, ему было не менѣе 15 или 16 лѣтъ. Иначе онъ едва ли былъ бы принятъ въ монастырь. Съ другой стороны время поселенія Геннадія на Валаамѣ никакъ нельзя относить ко времени позднѣйшему 1428 г. Но при этомъ могъ Геннадій поселиться на Валаамѣ и ранѣе указаннаго года.

Намъ ничего неизвѣстно ни о жизни Геннадія въ дому родителей ни объ обстоятельствахъ его ухода въ монастырь.

былъ и Геннадій, Иосифъ волоколамскій продолжаетъ: „а то, господине, давали по себѣ и по своимъ родителямъ“. Посланіе напеч. въ Др. Рос. Вѣд. ч. XIV, стр. 177—203.

⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI, стр. 36 т. VIII, стр. 215.

⁶⁾ Мнѣніе, что Гонозовъ жилъ въ Москвѣ, высказываетъ и преосв. Филаретъ, когда говоритъ, что Геннадій былъ родомъ изъ первопрестольной столицы. См. житія св. Рос. Церкви. Декабрь, стр. 165.

⁷⁾ См. Обзоръ рус. дух. литературы преосв. Филарета стр. 156.

⁸⁾ О. Ключевскій въ *Древне-русскихъ житіяхъ святыхъ*, стр. 200. Онъ основывается при этомъ на рукописи соловецк. библ. № 488.

⁹⁾ Преосвящ. Филаретъ въ Исторіи Р. Ц. ч. III, стр. 138,—преосв. Макарій въ Исторіи Р. Ц. т. IV, стр. 204; авторъ соч. „Валаамскій монастырь“ стр. 34 и др.

Рѣшившись посвятить себя монашеской жизни, Геннадій избралъ мѣстомъ для своихъ подвиговъ Валаамскій монастырь на далекомъ сѣверѣ. Сѣверъ давно уже привлекалъ къ себѣ пустыннолюбцевъ. Сильное движеніе послѣднихъ на сѣверъ началось еще въ XIV вѣкѣ, не прекращалось и въ XV. На сѣверъ направилъ свой путь и Геннадій. Здѣсь всѣмъ монастырямъ онъ предпочелъ Валаамскій. Это предпочтеніе можно объяснить годами мѣстоположенія Валаама. Здѣсь монастырь находится не въ городѣ или вблизи селеній, а на островѣ со всѣхъ сторонъ окруженномъ водою ¹⁰⁾. Здѣсь ничто не могло нарушить прелестей безмятежной, тихой созерцательной жизни монаха. Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду и пребываніе Савватія на Валаамѣ въ то время, когда Геннадій рѣшился удалиться въ монастырь. Савватій былъ тогда звѣздою не послѣдней величины въ монашескомъ мірѣ. Молва о его строгой подвижнической жизни могла достигнуть и до ушей Геннадія и послужить одною изъ причинъ, почему Геннадій рѣшился поселиться именно въ Валаамскомъ монастырѣ.

По приходѣ на Валаамъ, какъ мы видѣли изъ словъ самого Геннадія, онъ сдѣлался непосредственнымъ ученикомъ Савватія.

Смиреніе, послушаніе, отсюда безропотное исполненіе нерѣдко тяжелыхъ монастырскихъ трудовъ, молитва, богомысліе въ связи съ чтеніемъ божественныхъ книгъ—вотъ обыкновенно тѣ общія черты, какими въ житіяхъ отмѣчается жизнь новопостриженниковъ, ставшихъ потомъ знаменитыми. Такими же чертами должна быть отмѣчена и жизнь Геннадія на Валаамѣ. Не даромъ ради аскетическаго идеала онъ оставилъ родительскій домъ. Притомъ Геннадій былъ ученикомъ Савватія, а этотъ подвижникъ, по жизнеописаніямъ его, и самъ проходилъ „со всяцѣмъ смиреніемъ и многимъ терпѣніемъ и кротостію зълною“ всѣ монастырскія послушанія: онъ требовалъ послѣднихъ безъ сомнѣнія и отъ учениковъ своихъ.

Поступивъ на Валаамъ подъ руководство Савватія, Геннадій едва ли долго пользовался этимъ руководствомъ. Савватій любилъ уединенную созерцательную жизнь. Ему сроднѣе была

¹⁰⁾ Ближайшіе къ Валааму острова, населенные мирянами, отстоятъ отъ него не менѣе, какъ на 25 верстъ. Валаамскій монастырь. Сиб. 1864 г., стр. 11.

пустыня, гдѣ онъ не слышалъ бы похвалъ и не видѣлъ бы почитателей своихъ подвиговъ. Въ этомъ отношеніи Валаамъ, при всемъ его удаленіи отъ міра, не могъ удовлетворить потребностямъ жаждавшей одиночества души Савватія, а потому послѣдній, сколько ни просили его настоятель и братія остаться навсегда на Валаамѣ, въ 1425 или въ 1429 году все-таки ушелъ съ этого острова, покинувъ на немъ Геннадія. Неизвѣстно, почему послѣдній, горячо любя и уважая Савватія, не отправился вмѣстѣ съ нимъ на Соловецкій островъ. Причина этого лежитъ быть-можетъ въ личномъ характерѣ Геннадія: онъ болѣе былъ пастырь словеснаго стада, чѣмъ пустыльникъ, стремившійся къ созерцательному уединенію.

Но и Геннадій не навсегда остался на Валаамѣ. По уходѣ Савватія въ его душѣ естественно могла образоваться нѣкоторая пустота, которой всецѣло не могла быть-можетъ заполнить окружавшая его жизнь ¹¹⁾. Поэтому проживъ годъ, два, три или болѣе на Валаамѣ послѣ Савватія, Геннадій оставилъ этотъ островъ. Куда же теперь Геннадій направилъ свой путь?

Послѣ Валаама мы видимъ Геннадія въ Москвѣ. Именно сюда, а не въ какое-нибудь другое мѣсто могло влечь Геннадія желаніе, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, снова видѣть своихъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ; притомъ здѣсь онъ былъ среди тѣхъ практическихъ, нравственно-общественныхъ отношеній, къ которымъ онъ стремился по своему характеру.

По прибытіи въ Москву Геннадій поселился въ Чудовъ монастырь, гдѣ въ то время почивали мощи святителя Алексія, къ которому Геннадій питалъ особенное уваженіе, по выраженію Степенной книги, былъ „влечомъ къ этому святителю велию вѣрою“ ¹²⁾. Воспитанникъ Савватія, Геннадій и въ Москвѣ, конечно, съ жаромъ предавался тѣмъ подвигамъ, какимъ онъ предавался, живя на Валаамѣ. По крайней мѣрѣ Степенная книга, говоря о Ген-

¹¹⁾ Замѣчательно, что Геннадій, много жертвовавшій въ Чудовъ монастырь, когда уже былъ архіепископомъ в. Новгорода, не жертвовалъ въ монастырь Валаамскій. По крайней мѣрѣ о пожертвованіяхъ его въ этотъ монастырь мы не находимъ свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что съ Чудовскимъ монастыремъ у Геннадія было болѣе нравственныхъ связей, чѣмъ съ монастыремъ Валаамскимъ.

¹²⁾ Степен. кн. ч. I, стр. 476.

надіѣ, не иначе называетъ его, какъ „добродѣтельнымъ, разумнымъ и божественному писанію довольнымъ“¹³⁾. Эта добродѣтельная жизнь Геннадія, его разумность, знаніе божественнаго писанія не остались незамѣченными. Въ 1472 году архимандритъ Чудова монастыря Θεодосій II возведенъ былъ въ санъ епископа рязанскаго¹⁴⁾. Въ томъ же или въ 1473 году Геннадій занялъ его мѣсто въ монастырѣ.

II.

Геннадій архимандритъ Чудова монастыря.

Съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Геннадій приобрѣтаетъ большую извѣстность. Теперь расширился кругъ дѣятельности Геннадія.

Къ сожалѣнію намъ ничего неизвѣстно о дѣятельности Геннадія по внутреннему управленію Чудовымъ монастыремъ. Но ревнитель порядка и законности, какимъ Геннадій заявилъ себя въ званіи архіепископа великаго Новгорода и Пскова, онъ безъ сомнѣнія требовалъ отъ чудовскихъ иноковъ строгаго исполненія монашескихъ уставовъ, уча ихъ этому и словомъ и приѣмомъ своей жизни.

Болѣе извѣстна для насъ дѣятельность Геннадія по внѣшнему устройству Чудова монастыря. Этотъ монастырь основанъ былъ еще святителемъ Алексѣемъ,—по предположенію преосв. Филарета, въ память исцѣленія жены хана Тайдулы. Благодарный за исцѣленіе, которое совершилось 6 сентября, въ день, когда церковь воспоминаетъ чудо архангела Михаила въ Колоссахъ, и относя это исцѣленіе къ архистратигу, святитель Алексій, по возвращеніи въ Москву, построилъ обитель, которая потому, что главный храмъ ея посвященъ былъ колоссайскому чуду архангела Михаила, получила названіе Чудовской. Вновь основанная обитель состояла изъ немногихъ построекъ, именно: были построены деревянная церковь и такая же трапеза для братіи.

¹³⁾ Ibid.

¹⁴⁾ Ист. Рос. Іерархіи ч. II, стр. 361.

Улучшеніе существовавшихъ и основаніе новыхъ зданій святитель предоставилъ времени. Дѣйствительно спустя 60 лѣтъ послѣ его смерти, на мѣсто деревянной церкви великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ была построена каменная и въ то же время были обрѣтены мощи святителя¹⁵⁾. Обрѣтеніе мощей святителя Алексія самымъ естественнымъ образомъ вело къ умноженію братіи монастыря и обогащенію послѣдняго. Впрочемъ ни изъ чего не видно, чтобы при постепенномъ умноженіи братіи и богатствъ монастыря росли и постройки. Сдѣлавшись архимандритомъ Чудова монастыря, Геннадій обратилъ вниманіе на это обстоятельство. При существовавшей уже церкви, онъ рѣшился построить новую, которую въ знакъ своей любви и уваженія къ святителю Алексію онъ посвятилъ его имени, а на мѣсто деревянныхъ палатъ онъ задумалъ построить каменные. Свою мысль онъ началъ приводить въ исполненіе въ 1483 г.¹⁶⁾ Геннадій однако не дождался полного осуществленія своего плана. Въ 1483 начались постройки въ Чудовскомъ монастырѣ, а 1485 г. Геннадій былъ возведенъ въ санъ новгородскаго архіепископа. Въ такое короткое время и при усердной работѣ невозможно было начать и окончить построеніе всѣхъ задуманныхъ Геннадіемъ зданій. Впрочемъ ставши архіепископомъ великаго Новгорода, Геннадій не переставалъ и оттуда заботиться о томъ, что начато было по его инициативѣ. Отправляясь въ Новгородъ, „о созданіи церкви съ трапезою и прочихъ палатъ въ монастыри св. архангела Михаила и великаго чудотворца Алексія“ онъ „попеченіе вручи сообщникомъ своимъ, иже бяху самобратніи вельможи Дмитрій и Сергій и сынъ Дмитріевъ Юрьи, зовомый Малый, гречестіи Траханиоти“, говоритъ о Геннадіи Степенная книга¹⁷⁾. Въ этой же книгѣ въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „и довольно сребра посылаша на Москву изъ великаго Новаграда на совершеніе тоя церкви и трапезы и прочихъ полатъ“¹⁸⁾. Въ какомъ году были окончены постройки въ

¹⁵⁾ Житія св. Р. Церкви. Октябрь, стр. 133, 142, ср. Степ. кн. ч. I, стр. 470.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 36; т. 8, стр. 215.

¹⁷⁾ Степ. кн. ч. I стр. 477.

¹⁸⁾ Ibid.

Чудовъ монастырѣ, мы не знаемъ; но когда онѣ были окончены и Геннадій увидѣлъ ихъ, онъ остался навѣрное очень доволенъ имъ. „И Божію благодатію, говорится въ Степенной книгѣ о чудовскихъ постройкахъ,—и пречистыя его Матери и великаго святителя и чудотворца Алексія молитвами, совершена бысть церковь и трапеза вельми чудна и велика и высока, имѣя многія полаты горная и долная, удобны на всяку потребу монастырскую, и живущимъ ту братіямъ на преупокоеніе“¹⁹⁾.

Но занимаясь внутреннимъ управленіемъ и внѣшнимъ устройствомъ Чудова монастыря, Геннадій не ограничивалъ однимъ этимъ своей дѣятельности. Какъ настоятель одного изъ главныхъ русскихъ монастырей, Геннадій принималъ участіе въ рѣшеніи вопросовъ, имѣвшихъ общецерковное значеніе. Изъ такихъ вопросовъ намъ извѣстенъ одинъ, который, какъ увидимъ ниже, послужилъ для Геннадія источникомъ нѣкоторыхъ непріятностей.

Иванъ Васильевичъ III, знаменитый въ исторіи объединеніемъ Руси, любилъ по примѣру своихъ предковъ строить церкви, благотворить монастырямъ. Женившись на царевнѣ Софіи, онъ задумалъ украсить Москву постройкою новаго каменнаго собора, и чтобы соборъ вышелъ какъ можно лучше, выписалъ изъ-за границы мастеровъ, главою которыхъ былъ Аристотель Фіоравенти. Въ 1478 году постройка собора была окончена и въ томъ же году приступили къ освященію храма (12 августа). Освящалъ храмъ самъ митрополитъ Геронтій съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, епископами: суздальскимъ — Евеніемъ, сарскимъ—Прохоромъ, съ архимандритами, игуменами, протопопами и со всѣмъ московскимъ освященнымъ соборомъ. По освященіи начались пиры. „Бысть радость велія тогда, заиѣчаетъ лѣтописецъ, во градѣ Москвѣ... великій князь повелѣ тогда раздати милостыню по монастыремъ и нищимъ, а митрополитъ и епископы, и архимандриты и протопопы ядоша и пиша у великаго князя“²⁰⁾. Никто и не подозрѣвалъ, чтобы освященіе Успенскаго собора могло поднять церковную бурю. По-

¹⁹⁾ Ibid. ср. стр. 470.

²⁰⁾ Лѣтописецъ русскій, стр. 120, ч. II.

водомъ къ ней послужило то, что когда митрополитъ Геронтій освящалъ соборъ и совершалъ крестный ходъ вокругъ храма, то ходилъ не по солнцу, а противъ солнца. Такой образъ крестнаго хожденія показался нѣкоторымъ „прелестникамъ“ противозаконнымъ. Это были люди, которые держались противоположнаго обычая, чѣмъ какого держался митрополитъ Геронтій при освященіи собора ²¹⁾. Привыкши къ обряду и въ обрядѣ полагая всю сущность христіанства, они возмутились до глубины души, когда увидѣли, что митрополитъ Геронтій во время крестнаго хода при освященіи храма ходилъ не по ихъ старинѣ, т.-е. не по ихъ обычаю. Возмущенные до глубины души, они жалуются на митрополита великому князю, „яко не по солонь ходилъ со кресты около церкви, егда свѣчалъ: и того ради гнѣвъ Божій приходитъ“ ²²⁾. Князь Иванъ Васильевичъ въ религіозномъ отношеніи былъ истымъ русскимъ человѣкомъ. Рѣчи прелестниковъ произвели на него такое сильное впечатлѣніе (особенно напоминаніе о гнѣвѣ Божіемъ), что услышавъ ихъ, онъ разразился гнѣвомъ на митрополита и на всѣхъ освящавшихъ соборъ. „Сего ради гнѣвъ воздвиге на ны князь велики, говоритъ лѣтописецъ, яко того ради, рече, гнѣвъ Божій приходитъ“ ²³⁾. Даже и тогда, когда прошло первое впечатлѣніе и великій князь имѣлъ возможность взглянуть на дѣло хладнокровнѣе, эти рѣчи оставили въ немъ сильное сомнѣніе относительно правильности совершеннаго Геронтіемъ крестнаго хода. Придавая послѣднему чрезвычайное значеніе и желая разрѣшить свое сомнѣніе, вскорѣ послѣ освященія Успенскаго собора (вѣроятно въ сентябрѣ 6987, т.-е. 1479 сент. года ²⁴⁾), онъ созвалъ

²¹⁾ Несомнѣнно, что еще за долго до 1479 г. въ различныхъ мѣстахъ Россіи при крестныхъ ходахъ вокругъ храмовъ, при освященіи послѣднихъ, употреблялось различное хожденіе: въ однихъ мѣстахъ ходили противъ солнца, но были и тѣя мѣста, гдѣ ходили „по солонь“. Иначе нельзя объяснить появленіе тѣхъ прелестниковъ, которые въ указанномъ году подняли бурю изъ-за того только, что митр. Геронтій во время крестнаго хода вокругъ Успенскаго собора, при освященіи его, ходилъ противъ солнца.

²²⁾ Лѣтоп. Рус., стр. 120 ч. II, ср. П. С. Р. Л. VI, стр. 221.

²³⁾ П. С. Р. Л. т. VI стр. 221. Ср. Лѣтоп. Русск. ч. II стр. 120.

²⁴⁾ Ibid.

соборъ. Началось публичное разслѣдованіе вопроса: какъ нужно ходить во время крестнаго хода вокругъ храмовъ при освященіи послѣднихъ, противъ солнца или по солнцу. Въ рѣшеніи возбужденнаго вопроса отцы собора не отличались единодушіемъ. Они раздѣлились на двѣ партіи: одна была за митрополита, другая—за прелестниковъ. Стали спорить. Прежде всего схватились за книги, „но по замѣчанію лѣтописца, написанія не обрѣтается о священіи церкви, что по солонь ли ходити или не посолонь“. Спорили и безъ книгъ. „Рѣчей же много, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, овѣи по митрополитѣ глаголаху архимандриты и игумены, иной рече: во святѣй горѣ видѣль, что также свѣщали церковь, а со кресты противъ солнца ходили, и много о томъ спору учинися ²⁵⁾).

Но сколько ни спорили, однако обѣ стороны не пришли ни къ какому результату. Тогда великій князь, видя безуспѣшность споровъ, рѣшился призвать на соборъ архимандрита чудовскаго Геннадія. Какъ отъ человѣка начитаннаго, онъ думалъ услышать отъ него рѣшающее слово, которое своимъ авторитетомъ прекратитъ всѣ соборныя пренія и выведетъ князя изъ томительнаго сомнѣнія. Выѣстъ съ Геннадіемъ приглашенъ былъ на соборъ и владыка ростовскій Вассіанъ. Начались новыя пренія. Еъ удивленію всѣхъ Геннадій и Вассіанъ стали на сторону прелестниковъ. „Митрополитъ, говоритъ лѣтописъ, свидѣтельство приводя, егда престолъ діаконъ кадитъ въ алтарѣ, на правую руку ходитъ съ кадиломъ, а они свидѣтельства никоего не приношаху, но глаголаху: солнце праведное Христось на ада наступи и смерть связа и души свободы, и того ради, рече, исходятъ на пасху, тоже преобразуютъ на утреніи, и много спиравшеся, необрѣтоша истины“ ²⁶⁾).

Почему Геннадій и Вассіанъ на соборѣ противорѣчили митрополиту, мы не знаемъ, но конечно не потому, что Геннадій не любилъ митрополита и желалъ лѣстить великому князю, который склонялся на сторону прелестниковъ. Нелюбовь къ Геронтію пока еще ничѣмъ лично не была вызываема въ Генна-

²⁵⁾ Ibid.

²⁶⁾ Ibid.

діи. Что же касается в. князя, то льстить ему не было никакихъ разчетовъ. Соборныя пренія были еще не окончены и в. князь только склонялся къ прелестникамъ, но не былъ положительно на ихъ сторонѣ. Скорѣе всего льстить можно было Геронтію, на сторонѣ котораго было большинство. По нашему мнѣнію, если Геннадій отстаивалъ хожденіе по солонь, то отстаивалъ потому, что отождествлялъ смыслъ крестнаго хода вокругъ храмовъ при освященіи послѣднихъ со смысломъ крестнаго хода на пасху и священнослужительскихъ выходовъ на утрени и литургии. Въ его глазахъ то и другое и третье дѣйствія означали одно и тоже, именно явленіе Христа, пришедшаго съ востока на западъ. Это видно изъ тѣхъ основаній, какія Геннадій приводилъ въ свою пользу во время соборныхъ преній. Если таково было пониманіе Геннадіемъ смысла крестнаго хода вокругъ храмовъ при освященіи ихъ, то на соборѣ ему естественно было стагъ на сторону не митрополита, а прелестниковъ. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ разсматриваемомъ отношеніи Геннадій не былъ фанатикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и до соборныхъ преній и послѣ на практикѣ онъ слѣдовалъ общепринятому обычаю, т.-е. ходилъ противъ солнца. Если на соборѣ онъ высказался не за этотъ обычай, то онъ все-таки и не отрицалъ его. Онъ выражалъ только, что хожденіе по солонь наиболѣе сообразно съ тѣмъ смысломъ, какой заключалъ въ себѣ (какъ понималъ этотъ смыслъ Геннадій) крестный ходъ вокругъ храмовъ при освященіи церквей. На соборѣ никого не нашлось, кто бы могъ представить убѣдительныя доказательства противъ Геннадія. Сторонники митрополита и самъ Геронтій ссылались на обычай, на то какъ принято дѣлать; Геннадій ссылался на смыслъ дѣйствія.

Какъ бы то ни было, спорный вопросъ не былъ рѣшенъ, не смотря на присутствіе на соборѣ Геннадія и Вассіана. Кромѣ несогласія спорившихъ сторонъ, этому способствовали и важныя государственныя дѣла, случившіяся въ то время у в. князя. Въ это время Иванъ III разсорился съ своими братьями Борисомъ и Андреемъ, которые будучи недовольны деспотическимъ отношеніемъ къ нимъ старшаго брата собрались уѣхать въ Литву. Тогда же пришла вѣсть о нашествіи на Русь Татаръ. Нужно было съ одной стороны примириться съ братьями, съ

другой—всевать съ Татарами. Все это не могло не отвлечь вниманія в. князя отъ начатыхъ споровъ. Дѣйствительно споры замогли, но не навсегда.

Когда государственныя дѣла были окончены, великій князь снова поднялъ оставшійся безъ рѣшенія вопросъ. Это случилось уже спустя три года послѣ освященія Успенскаго собора. Новымъ разсужденіямъ предшествовала новая распря. „Того же лѣта (6990) бысть распря митрополиту съ великимъ княземъ, что свѣщаль соборную церковь митрополить, да не по солнцу ходилъ со кресты около церкви⁴, пишетъ лѣтописецъ²⁷⁾. На новую распрю в. князя съ Геронтіемъ повліяло конечно то обстоятельство, что какъ ни счастливо кончились для Ивана Васильевича политическія затрудненія, они стоили ему тѣмъ не менѣе большихъ непріятностей. Поэтому, если и прежде онъ склонялся на сторону прелестниковъ, то теперь полученныя непріятности служили въ глазахъ князя какъ бы фактическимъ подтвержденіемъ справедливости когда-то высказанныхъ прелестниками словъ: „яко того ради (т.-е. ради искаженія обряда) гнѣвъ Божій приходитъ“.

Новой распри съ великимъ княземъ Геронтій не вынесъ. Было время, когда митрополить, несправедливо ставшій на сторону кирилловскихъ монаховъ во время ссоры послѣднихъ съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, чувствуя себя виноватымъ кланялся предъ великимъ княземъ, молилъ его не доводить его—митрополита до соборнаго осужденія²⁸⁾. Теперь въ глазахъ мп-

²⁷⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 233.

²⁸⁾ Вотъ въ чѣмъ была сущность этого дѣла: въ 1478 г. иноки Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря задумали освободиться отъ власти ростовскаго архіепископа Вассіана и перейти въ вѣдѣніе своего удѣльнаго князя Михаила Андреевича Верейскаго. Михаилъ просилъ о томъ митрополита. Геронтій уважилъ просьбу князя. Тогда Вассіанъ сталъ бить челомъ митрополиту, чтобы онъ не вступался въ дѣла неподлежавшія его вѣдѣнію. Геронтій на званіе Вассіана не обратилъ вниманія. Вассіанъ пожаловался на митрополита в. князю. Но митрополить и на в. князя не обратилъ вниманія. Оскорбленный митрополитомъ в. князь велѣлъ быть въ Москвѣ собору. Начались продолжительныя изысканія. Боясь осужденія, митрополить сталъ молить в. князя, чтобы онъ простилъ его и примирилъ съ Вассіаномъ. Миръ состоялся и иноки Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря опять перешли въ вѣдѣніе Вассіана. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 33, 34; т. VIII, стр. 200. Нян. Лѣт., т. VI, стр. 106.

трополита предъ нимъ оказывался виновнымъ самъ в. князь. Поэтому „оставивъ свой посохъ въ церкви, толико ризницу взя“, Геронтій уѣхалъ на Симоново. Онъ и до конца хотѣлъ „оставити санъ митрополской и въ кельи жити“, если великій князь „ѣхавъ не добіеть ему челомъ и роптанія того не оставитъ, что по солонь ходити“.

Между тѣмъ въ отсутствіе митрополита вновь начаты были споры о старомъ предметѣ. Опять былъ вызванъ Геннадій, но на этотъ разъ съ ростовскимъ архіепископомъ Іоасафомъ. Во время споровъ, говоритъ лѣтописецъ, „вси священники, и книжники, и иноки, и міряне, по митрополитѣ глаголаху, а по великомъ князѣ мало ихъ, единъ владыка ростовской князь Асафъ да архимандритъ чудовской Генадей“.

Тогда в. князь рѣшился покончить споры. Къ этому побуждало его съ одной стороны то, что „много церквей князь велики своихъ Ивана Златоустаго на посадѣ каменнаго съ годъ не велѣлъ святии и Рожества рѣ городѣ, и Онуфрея святаго придѣла его и иныхъ многихъ, доколѣ переложитъ на одно“, т.-е. доколѣ не будетъ рѣшенъ спорный вопросъ. Съ другой стороны то обстоятельство, что на сторонѣ прелестниковъ было меньшинство, не могло рано или поздно не обратить на себя вниманія в. князя и не заставить его подумать: не въ самомъ ли дѣлѣ истина на сторонѣ противной партіи. Наконецъ и удаленіе митрополита безъ сомнѣнія заставило его задуматься надъ положеніемъ дѣлъ. Митрополитъ былъ постоянно нуженъ церкви и съ удаленіемъ его необходимо должна была произойти остановка въ церковныхъ дѣлахъ. Все это послужило причиною того, что в. князь вознамѣрился наконецъ совершенно прекратитъ разсужденія о томъ, какъ нужно ходить во время крестнаго хода вокругъ храмовъ при ихъ освященіи—по солонь или противъ солнца. Разсужденія дѣйствительно были прекращены, а для примиренія съ митрополитомъ „князь велики посла къ нему сына своего, моля его дабы ся возвратилъ на столъ свой“. Но не сынъ в. князя былъ виноватъ предъ митрополитомъ, а самъ в. князь. Вотъ почему митрополитъ „не послуша“ моленія. Дѣлать было нечего: нужно было самому в. князю ѣхать къ митрополиту. Такъ онъ и сдѣлалъ: „князь же велики,—читаемъ въ лѣтописи,—самъ ѣхавъ и би ему (митрополиту) челомъ, моля, да

возвратится на столъ свой, а самъ во всемъ виновать сотворися, а митрополита же во всякихъ рѣчахъ общася слушати и въ хожденіи въ волѣ митрополиту дать, яко же велить, какъ было въ старину⁴. Поклонъ самого великаго князя, моленіе его и раскаяніе въ своемъ грѣхѣ, обѣщаніе во всемъ слушаться митрополита оказались дѣйствительнѣе всякихъ другихъ средствъ для возвращенія Геронтія на митрополичій столъ. „Онъ возвратился на столъ свой“²⁹).

Споры повидимому окончились для всѣхъ благополучно, но только повидимому. Лѣтопись рассказываетъ, что въ лѣто 6990 (1482 г.) канунъ Богоявленія случился въ воскресенье. Къ вечеру въ этотъ день нужно было святить воду. Но прежде освященія воды Геннадій позволилъ инокамъ своего монастыря вкусить немного пищи. Онъ не видѣлъ грѣха въ томъ, что послѣ принятія пищи иноки будутъ пить освященную воду, ибо, говоритъ лѣтописецъ, „въ уставѣ написано: литургію отпѣвъ, вкусити по укруху хлѣба въ церкви и по чаши вина, и вечерню начинати и воду свѣщати; о питьи же не писано, коли ее пити“⁴. Но чего не считалъ грѣхомъ Геннадій, то возвелъ на степень уголовного преступленія Геронтій. Геннадій былъ вдвойнѣ виновать предъ нимъ: а) во время споровъ онъ противорѣчилъ митрополиту; б) противорѣча митрополиту, онъ тѣмъ самымъ поддерживалъ заблужденіе великаго князя относительно митрополита. Вотъ почему Геронтій, услышавъ о поступкѣ Чудовскаго архимандрита, придрался къ нему. Дѣйствительно случай былъ самый удобный для отищенія противнику.

Узнавъ, что Геннадій разрѣшилъ Чудовскимъ монахамъ пить освященную воду послѣ принятія пищи, Геронтій немедленно послалъ „вызвати“ его и „сило привести“ къ себѣ. Испуганный неожиданностію Геннадій отправился къ великому князю просить его защиты. Но преслѣдованіе нашло его и здѣсь. Митрополитъ самъ пошелъ къ великому князю „и много, говоритъ лѣтописецъ, глаголаше на нь“, т. е. на Геннадія. Онъ говорилъ, что Геннадій: а) поступилъ „самовластно“, не спросившись его митрополита; б) „свищенную воду обезчестилъ, юже святимъ отци огла-

²⁹) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 233, 234.

шеннымъ въ причастіа мѣсто повелѣша единою въ году на Пасху испивати, а непокаянникомъ тогда на Богоявленіе пити прежде дары, а онъ и ѣдши велѣлъ пити“. Какъ ни уважалъ великій князь Геннадія, но обвинительные пункты были достаточно сильны для того, чтобы великій князь обратилъ на нихъ вниманіе. Поднималъ же онъ (великій князь) бурю изъ-за того только, что митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора ходилъ со крестами противъ солнца. Поступокъ Геннадія, въ какомъ видѣ представилъ его Геронтій, также могъ вызвать въ душѣ великаго князя волненіе. Поэтому великій князь склонился на сторону митрополита и выдалъ ему Геннадія. Какъ же поступилъ теперь съ Геннадіемъ митрополитъ? Онъ „повелѣ skoвати Геннадія и подъ полатою въ ледникъ посадити“.

Но такое жестокое наказаніе вызвало участіе къ Геннадію въ самомъ великомъ князѣ и въ боярахъ, знавшихъ и уважавшихъ Геннадія. Они стали печаловаться за Геннадія предъ митрополитомъ, „приводяще свидѣтельство, егда владыка ростовскій Θεодосій въ Ростовѣ повелѣ также мяса ѣсти въ навечерьи Богоявленія, зане случися въ субботу, митрополитъ же Іона, иже нынѣ чудотворецъ, потязавъ его и покаявшася прости и повелѣ такъ паки не дерзати, а того грѣха каятися и до смерти“⁸⁰⁾. Удовлетворенный наказаніемъ своего противника, умиrotворенный просьбами самого великаго князя и бояръ, митрополитъ Геронтій выпустилъ Геннадія изъ ледника.

Но не долго послѣ этого пришлось Геннадію оставаться архимандритомъ Чудова монастыря. Въ 1483 году не стало архіепископа въ Великомъ-Новгородѣ. Великій князь и сынъ его Иванъ (Молодой) обмыслили это дѣло съ отцомъ своимъ Геронтіемъ митрополитомъ, съ Ростовскимъ архіепископомъ Іоасафомъ, епископами: Рязанскимъ Симеономъ и Сарскимъ Прохоромъ. Слѣдующаго обычая, они назначили троиxъ кандидатовъ на архіепископство въ Великій-Новгородъ. Въ числѣ этихъ кандидатовъ видимъ и Геннадія. Но въ 1483 году Геннадію не удалось стать Новгородскимъ архіепископомъ. Тогда вынужденъ жребій Троицкаго старца, прежде бывшаго Вогородицкаго протопопа Сергія (треть-

⁸⁰⁾ Ibid., стр. 284.

нмъ кандидатомъ былъ Спасскій архимандритъ Елисей³¹⁾). Только чрезъ годъ, когда Сергій изъ Новгорода снова перешелъ на житье въ Троицкій монастырь³²⁾, Геннадій занялъ его мѣсто³³⁾.

III.

Состояніе Новгородско - Псковской церкви предъ временемъ Геннадія — архіепископа.

Посвященный въ санъ архіепископа Великаго Новгорода и Пскова, Геннадій недолго оставался въ Москвѣ. Посвященіе состоялось въ Филипповскій постъ, а въ мясоѣдъ мы видимъ Геннадія уже въ Новгородѣ. Много труда предстояло здѣсь Геннадію. Его положеніе въ званіи Новгородскаго архіепископа имѣло нѣкоторыя особенности въ сравненіи съ положеніемъ другихъ епископовъ, и дѣлало его архіепископское служеніе особенно труднымъ.

Прежде всего необходимо помнить, что Геннадій былъ москвичъ и слѣдовательно оставался всегда чужимъ человѣкомъ для Новгорода. Дѣло въ томъ, что еще слишкомъ недалека была та роковая минута, когда вольный городъ потерялъ свою независимость, когда Москва наложила на него свою тяжелую руку. Съ тѣхъ поръ до прибытія Геннадія въ Новгородъ прошло всего только семь лѣтъ, а въ такой короткій срокъ могли ли заглушить въ Новгородѣ народныя страсти, народное озлобленіе противъ Москвы и всего московскаго? Даже во времена архіепископства Геннадія во многихъ новгородскихъ церквахъ не молились за великаго князя московскаго и во всей области не чествовались самыя знаменитыя московскіе святые. Эти два факта краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о той антипатіи, какую въ разсматриваемое нами время питали новгородцы къ Москвѣ и все му московскому. Тѣже факты показываютъ и то, какъ много

³¹⁾ Ibid. т. IV, стр. 155, т. VIII, стр. 214 и 215.

³²⁾ Сергій поставленъ былъ въ архіепископа 17 июня 1483 г., оставилъ архіепископію 27 июня 1484 г.

³³⁾ Посвященъ въ 1484 г. по однимъ лѣтописямъ 9, по другимъ 12 декабря П. С. Р. Л. IV. 155. III, 143 и 214. Лѣтоп. Русск. II, 142.

такта требовалось отъ Геннадія, чтобы онъ могъ поладить съ новгородцами. Держи себя Геннадій въ отношеніи къ новгородцамъ какъ москвичъ, подобно своему предшественнику Сергію, его ожидала участь послѣдняго ²⁴⁾.

Но если отъ Геннадія требовалась извѣстная доля умѣнія держать себя въ отношеніи къ новгородцамъ, то такая же доля умѣнія держать себя требовалась отъ него и въ отношеніи къ Москвѣ. Посылая Геннадія архіепископомъ въ Великій-Новгородъ, Москва дѣлала его чрезъ то своимъ духовнымъ представителемъ въ покоренномъ городѣ. Какъ представитель Москвы, Геннадій не долженъ былъ забывать интересовъ ея; на немъ лежала обязанность защищать эти интересы, мирить съ ними новгородцевъ.

Это примиреніе, трудное само по себѣ, дѣлалось еще болѣе труднымъ отъ того, что оно должно было простирается и на другой вольный городъ Псковъ. Не менѣе Новгорода Псковъ былъ недоволенъ своею политическою зависимоścią отъ Москвы и чувствуя себя не въ состояніи освободиться отъ этой зависимости, не хотѣлъ однакожь забыть и своей старины, отказаться отъ вѣхъ своихъ вольностей. Во времена архіепископ-

²⁴⁾ На пути въ Новгородъ Сергіи заѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ лежали мощи новгородскаго святителя Алексѣя, одного изъ самыхъ уважаемыхъ новгородцами. Но это уваженіе не было понятно чужеземцу Сергію. Онъ обидѣлся, когда священникъ, по его приказанію, не согласился открыть мощи святаго. „Святителю только подобаетъ открыть мощи святителя“, сказалъ священникъ. „Стану я смотрѣть этого смердяго сына“, отвѣчалъ новый владыка. Такимъ образомъ святыня Новгорода была презрѣна. На каедрѣ древнихъ новгородскихъ владыкъ сѣлъ пришлецъ, для котораго чужда была церковная старина Новгорода. Оглушенный ударами недавняго московскаго завоеванія новгородскій народъ молчалъ. Но тогда поднялась изъ гроба священная старина Новгорода и многожды начаша являтися (Сергію) святители новгородскія, лежащіе въ дому св. Софїи, овогда во снѣ, овогда явѣ, обличающе явѣ безумное дерзнутіе на поставленіе святительства ему, яко презрѣвшу и поруганію оставашу положенные каноны св. отцевъ. Они говорили ему: „престани, безумне, отъ сего начинанія“. Проходя мимо св. Софїи или св. Евѣмїи, горожане не разъ видѣли, что Сергіи сидитъ въ какомъ-то забѣтыи на паперти и безъ мантии, въ одной рясѣ. Гордый владыка москвичъ не вынесъ, значить, своего положенія: онъ сошелъ съ ума П. С. Р. Д. т. III стр. 183, т. V, стр. 42.

скаго служенія Геннадія Псковъ все еще не могъ примириться съ московскимъ единодержавіемъ и долгъ Геннадія, какъ представителя Москвы, былъ мирить и другой вольный городъ съ новыми государственными порядками. Ниже мы увидимъ, въ какое положеніе поставилъ себя Геннадій въ отношеніи къ Новгороду, Пскову и Москвѣ; теперь же замѣтимъ, что однимъ сказаннымъ не ограничивалась трудность архіепископскаго служенія Геннадія.

По самому званію своему Геннадій долженъ былъ сосредоточить свое вниманіе главнымъ образомъ на управленіи епархіей. Эта епархія совмѣщала въ себѣ двѣ громадныя области, Новгородскую и Псковскую, и была во всей тогдашней Руси едва ли не самою обширною. Уже одна эта громадность епархій не могла не представлять для Геннадія многихъ важныхъ неудобствъ. Чтобы познаться съ ея состояніемъ нужно было лично обзрѣть ее. Но сколько требовалось для этого времени и труда? Вообще, чтобы облегчить управленіе новгородской епархіей, Геннадію необходимо было уменьшить ея объемъ отдѣленіемъ отъ нея какой-нибудь части. Часть епархій Геннадія сама давно желала этого отдѣленія и почти два вѣка вела борьбу съ новгородскими владыками изъ-за церковной независимости отъ Новгорода. Мы разумѣемъ псковскую церковь³⁵⁾. Стремленія псков-

³⁵⁾ Церковная борьба Пскова съ Новгородомъ началась еще въ началѣ XVI стол. Подъ 1397 г. въ лѣтописи замѣчено, что „бысть тогда псковичамъ немирѣ со владыкою Теокистомъ и съ новгородци“ (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 183). Хотя это немирѣ ничѣмъ не кончилось для Пскова, но въ 1329 г. произошла новая распря между псковичами и владыкою Моисеемъ, который проклялъ псковичей за то, что они отказали Новгороду въ выдачѣ князя Александра Михайловича Татарамъ. Крутая мѣра со стороны владыки Моисея раздражила псковичей и заставила ихъ по смерти Моисея просить митрополита Теогноста посвятить имъ особаго епископа, нѣкоего монаха Арсенія, который и былъ отправленъ на Волынь для посвященія. Теогностъ отказалъ псковичамъ; но отказъ возбудилъ еще болѣе сильное неудовольствіе псковичей на Новгородскаго владыку. Въ 1330 г. владыка пріѣзжалъ въ Псковъ, но потомъ не былъ въ немъ 7 лѣтъ и когда въ 1337 г. пріѣхалъ во Псковъ и по старымъ обычаямъ потребовалъ суда, то псковичи отказали ему и Василій, проклявъ Псковъ, уѣхалъ (ibid. стр. 186, т. III, 78). Война Новгородцевъ со Шведами побудила первыхъ просить помощи у псковичей. Псковичи согласились, но подъ тѣмъ условіемъ, если прежняя власть надъ Пско-

ской церкви не были результатомъ одного своеволія вольнаго города.

Здѣсь умѣстно остановиться на внутреннемъ состояніи псковской церкви. Но такъ какъ нѣкоторые недостатки и нужды церковной жизни Пскова были общи съ недостатками церковной жизни Новгородѣ, то мы сначала опишемъ незавидное состояніе новгородско-псковской церкви вообще, а затѣмъ перейдемъ къ ненормальнымъ явленіямъ церковной жизни собственно въ Псковѣ.

Прежде всего довольно непривлекательную картину представляетъ состояніе церковнаго благочинія въ обѣихъ областяхъ. По всей Руси всегда существовалъ обычай, въ силу котораго простые міряне исполняли въ церквахъ обязанность причетниковъ. Но въ то время, которое подлежитъ нашему разсмотрѣнію, въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ зависимость духовенства отъ земства была гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ земство не только пользовалось правомъ выбора себѣ священнослужителей, но нерѣдко дѣлало попытки присвоить себѣ власть суда надъ духовными лицами, гдѣ возможны были даже такіа аномаліи, какъ напр. исполненіе простымъ міряниномъ чисто священническихъ обязанностей ³⁶⁾, въ Новгородѣ и Псковѣ этотъ обычай имѣлъ особенно широкое практическое приложеніе. Здѣсь міряне, входя въ церковь, свободно становились на клирость, пѣли и читали, беззащитно входили въ алтарь и вообще дѣ-

вомъ новгородскаго владыки будетъ ограничена. Новгородцы приняли всѣ условія, предложенныя имъ псковичамъ. Заключенъ былъ договоръ на Болотовѣ. Въ силу этого договора, вмѣсто прежняго намѣстника, присылаемаго во Псковъ изъ Новгорода, владыка обязался имѣть своихъ намѣстниковъ во Псковѣ природнаго псковитина, вмѣсто прежняго призыва псковскаго духовенства на судъ въ Новгородѣ владыка обязанъ былъ самъ посѣщать Псковъ и устроить притомъ правильную визитацію псковской церкви, замѣнивъ прежніе неопредѣленные поѣзды обычными посѣщеніями Пскова черезъ три года (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 158. *Никитскаго* Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 212). Псковичи не были довольны и этими ограниченіями власти новгородскаго владыки. Въ XV в. они не разъ пытались сбросить съ себя зависимость отъ новгородскаго владыки и добывались отдѣльнаго епископа для Пскова. Эти попытки извѣстны.

³⁶⁾ О мірянинѣ, самовольно присвоившемъ санъ священника и совершавшемъ крещеніе, упоминаетъ м. Фотій въ своемъ посланіи въ Псковъ. Посланіе наход. въ сборн. Рум. муз. № 204.

дали все, что предоставлено дѣлать одному церковному причту. Конечно, такой обычай не заслуживалъ бы осужденія, еслибы міряне пѣли и читали „благообразно и по чину“, еслибы ихъ чтеніе и пѣніе не соединялось съ нарушеніемъ церковнаго порядка и благочинія. Но не даромъ Геннадій, жалуюсь митрополиту Симону на „мужиковъ“, поющихъ въ церкви, читающихъ на амвонѣ пареміи и апостолъ, входящихъ въ алтарь, называетъ ихъ дѣйствія „беззаконіемъ“, а самимъ имъ усвоетъ эпитетъ „озорныхъ“. „А пуши того, пишетъ онъ изъ Новгорода, беззаконіе во всей русской землѣ ведется, мужики озорные на клиросѣ поютъ и паремью и апостолъ на амвонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ“ 27).

Нарушаемое „мужиками озорными“ церковное благочиніе не менѣе страдало и отъ самихъ священнослужителей, отъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, и двоеженцевъ дьяковъ. Первыхъ всегда было много въ нашей древней Руси, многіе изъ нихъ потому не могли отправлять церковныхъ службъ, что отличались безнравственною жизнію. Нельзя сказать того, чтобы наше церковное правительство не заботилось объ искорененіи существовавшего въ русской церкви зла. Въ началѣ XIV столѣтія митрополитъ Петръ написалъ особое поученіе противъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, запрещаая имъ священнодѣйствовать, если они не пойдутъ въ монастырь 28). Въ XV в. митрополитъ Феодосій также долгое время боролся со вдовыми попами и дьяконами 29). Зло особенно сильно распространено было въ епархіи новгородскаго владыки, преимущественно въ той ея части, которую составляла псковская церковь. Здѣсь вооружались противъ него не одни митрополиты, но и само земство. Еще въ 1395 году митрополитъ Кипріянь писалъ псковичамъ, чтобы X они не судили и не казнили тѣхъ молодыхъ поповъ, которые, овдовѣвъ, снова „поженились“, не оставляя въ то же время поповства 30). Въ самомъ началѣ своего служенія русской церкви митрополитъ Фотій также писалъ во Псковъ грамоту, въ кото-

27) Посл. напеч. въ А. И. т. I, № 104.

28) Истор. Р. Церкви преосвящ. Макарія, т. V, стр. 373.

29) Ibid. т. VI, стр. 54 и 55.

30) Посланіе Кипріяна напеч. въ А. И., т. I, № 9.

рой запрещалъ священнодѣйствовать вдовымъ попомъ и дьяконамъ, если они не облечутся „во иноческое одѣяніе“⁴¹⁾. Наконецъ въ 1469 году псковичи такъ вооружились противъ этой церковной язвы, что отлучили отъ службы всѣхъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ по всей псковской волости⁴²⁾. Но несмотря на всѣ мѣры, какія предпринимали противъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ наше церковное правительство и даже само земство, зло продолжало существовать какъ во всей русской церкви, такъ въ частности въ епархіи новгородскаго владыки, такъ что когда Геннадій прибылъ въ Новгородъ и нѣсколько ознакомился съ состояніемъ дѣлъ мѣстной церкви, то поведеніе вдовыхъ поповъ и дьяконовъ было несомнѣнно однимъ изъ явленій, особенно поразившихъ его благочестивыя чувства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій пораженъ былъ и другимъ явленіемъ, котораго съ точки зрѣнія каноническихъ правилъ также нельзя назвать нормальнымъ. Намъ неизвѣстно, какъ наши древніе епископы, исключая новгородскихъ владыкъ, относились къ ставленію дьяковъ, т.-е. поставляли ли они въ дьяки двоеженцевъ. Что касается новгородскихъ владыкъ, то въ этомъ случаѣ они не отличались разборчивостію. Оттого, если въ новгородско-псковской церкви много было вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, то еще болѣе было двоеженцевъ дьяковъ. Какъ и тѣ вдовые попы и дьяконы, которые отличались безнравственною жизнію, двоеженцы дьяки также не могли оставаться въ составѣ клира. Не смотря на то, они свободно правили свои дьяческія обязанности. Это видно изъ двухъ посланій Геннадія, — одного къ митрополиту Зосимѣ о причетникѣ двоеженцѣ⁴³⁾, другаго къ митрополиту Симону. Въ послѣднемъ сказавъ объ „озорныхъ мужикахъ“ и о томъ, что онъ, ставя дьяковъ, даетъ имъ ставленныя грамоты, Геннадій продолжаетъ: „на клиросѣ поютъ дьяки двоеженцы“⁴⁴⁾.

Но если въ составѣ новгородско-псковскаго духовенства не мало было лицъ, которыя или по своей безнравственной жизни или по другимъ причинамъ не могли быть въ числѣ членовъ

⁴¹⁾ Исторія Р. Ц. пр. Макарія, т. V, стр. 373.

⁴²⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 35.

⁴³⁾ Оно напеч. въ А. Ист., I, № 101.

⁴⁴⁾ Ibid. № 104.

духовенства, то и все новгородско-псковское духовенство того времени не могло представить главамъ наблюдателя нивъ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи утѣшительнаго зрѣлища.

Характеристическую черту нашего древне-русскаго духовенства составляло между прочимъ то, что оно не отличалось той изолированностью, какою отличается современное намъ русское духовенство. Оно было своимъ для земства и это свойство выражалось какъ въ происхожденіи духовенства, такъ и въ выборѣ земствомъ священнослужителей. Въ выборѣ духовныхъ лицъ земство принимало самое дѣятельное участіе, что особенно должно сказать про наши вольные города Новгородъ и Псковъ. При извѣстныхъ условіяхъ этотъ выборъ могъ бы имѣть благотворное дѣйствіе. Но въ русскомъ обществѣ XV в. такихъ условій не было и участіе мірянъ въ выборѣ духовныхъ лицъ нерѣдко вело ко многимъ злоупотребленіямъ. При выборѣ себѣ духовныхъ лицъ, земство часто руководилось корыстными побужденіями и избирало на церковныя мѣста не самыхъ достойныхъ людей, а такихъ, которые наиболѣе удовлетворили матеріальнымъ расчетамъ земской общины. Въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора между прочимъ читаемъ, что въ Новгородѣ, принимая къ церкви поповъ, дьяконовъ, причетниковъ и просвиренъ, уличане ⁴⁵⁾ брали съ нихъ большія деньги, напр. съ поповъ рублей по 15, 20, 30; кто давалъ деньги, съ тѣмъ шли ко владыкѣ всей улицей; а если владыка присылалъ къ церкви попа хорошаго и грамотъ гораздаго, а этотъ попъ не давалъ денегъ уличанамъ, то они его не принимали ⁴⁶⁾. Если такъ было въ XVI в., то тѣмъ болѣе злоупотребленій можно предполагать при выборѣ духовныхъ лицъ земствомъ въ вѣка предшествовавшіе.

Другой причиною печальнаго состоянія просвѣщенія и нрав-

⁴⁵⁾ Въ Новгородѣ и его пригородахъ церкви часто строились улицами, корпораціями и т. под. Такъ напр. хуццы прасоды устроили церковь въ Русѣ, Ивановская церковь въ Новгородѣ содержалась на счетъ Ивановаго дущечества и т. д. Это обстоятельство было важно въ томъ отношеніи, что строяшіе церковь присвоивали себѣ право избирать въ священнослужителей, кого они хотѣли. См. замѣтки касательно устройства древней новгородской іерархіи. Прав. Собесѣдн. 1869 г., ч. I, стр. 276.

⁴⁶⁾ Стогл. по изд. Каз. д. Акад., ст. 176, 177.

ственности духовенства была симонія. Извѣстно, что во взглядѣ древне-русскихъ епископовъ на епископское званіе и управленіе преобладалъ финансовый интересъ. Какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ намѣстникъ смотрѣлъ на свою должность какъ на средство *кормленія*, такъ эта же самая финансовая точка зрѣнія на церковное управленіе была усвоена и епископами. Отъ того епископы даже такія дѣйствія, какъ поставленіе духовныхъ лицъ, совершали не иначе, какъ подѣ условіемъ *мзды*. Ненормальность финансовой точки зрѣнія на церковное управленіе, породившей симонію, сознавали и сами древне-русскіе епископы. Въ 1274 г. митрополитъ Кириллъ II на соборѣ во Владимірѣ вмѣстѣ съ другими епископами опредѣлили, чтобы ставленники отличались добрыми умственными и нравственными качествами, и какъ бы въ обезпеченіе этого опредѣленія постановилъ, чтобы епископы не брали съ ставленниковъ никакихъ уроковъ или даровъ, кромѣ 7 гривенъ за расходы, необходимые при поставленіи; притомъ если и эта сумма тяжела для ставленника, то съ него ничего не должно брать, а также не должно заставлять его работать въ поляхъ или лугахъ за его несостоятельность⁴⁷⁾. Ни изъ чего не видно, чтобы опредѣленіе Владимірскаго собора исполнялось русскими епископами. Въ XIV и XV в. стригольники и жидовствующие, какъ извѣстно, обвиняли русскихъ епископовъ въ симоніи. Въ 1503 г. на соборѣ въ Москвѣ снова было вмѣнено епископамъ въ обязанность не брать никакой мзды со ставленниковъ. Финансовый взглядъ на поставленіе духовныхъ лицъ самъ по себѣ несообразный съ церковными канонами естественно велъ еще къ тому, что русскіе епископы мало обращали вниманія на умственные и нравственные достоинства поставляемыхъ и церковныя мѣста часто доставались лицамъ самымъ недостойнымъ.

Наконецъ для объясненія занимающаго насъ явленія необходимо имѣть еще въ виду недостатокъ общихъ средствъ для образованія духовенства въ тогдашней Руси. Со времени введенія въ Россіи христіанства и до XIV в., судя по крайней мѣрѣ по

⁴⁷⁾ См. опредѣленія Владимірскаго собора 1274 г. Прав. Собесѣдн. 1863 г., ч. I, стр. 229.

нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, русскіе князья дѣлали иногда попытки ввести и распространить въ Россіи образованіе. Въ XIV в. мы не видимъ уже ни одной такой попытки. И это нисколько не удивительно, потому что даже иные великіе князья XIV вѣка не умѣли ни читать, ни писать. Таковъ былъ напр. знаменитый побѣдитель татаръ Димитрій Донской. Заботъ со стороны правительства объ образованіи духовенства и народа мы не видимъ и въ XV вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ на всей Руси не видно ни одного училища общественнаго, въ которомъ можно было бы получить хотя какое-нибудь образованіе.

Тремя высказанными нами причинами легко объясняется тотъ низкій умственный и нравственный уровень, которымъ отличалось русское духовенство XV в. Въ числѣ членовъ послѣдлаго тогда и прежде не мало было даже такихъ лицъ, которые вовсе не умѣли ни читать, ни писать. На Владимірскомъ соборѣ 1274 г. было постановлено, чтобы ставленники были грамотъ горазды. Ясный знакъ, что въ XIII в. между ними были такіе, которые не были горазды грамотъ. Въ посланіи къ митрополиту Симону Геннадій говоритъ о нерадѣніи, которое вошло въ русскую землю и подъ которымъ онъ разумѣетъ невѣжество всего русскаго духовенства. Въ томъ же посланіи, говоря о своихъ ставленникахъ, онъ такими красками рисуеъ степень ихъ образованія: „А се приведуть ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и по тому едва бредеть, и язъ его оторку, и они извѣтъ творять: земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы грамотъ гораздъ..... Да мнѣ бьютъ челомъ: „пожалуй бей, господине, вели учти, и язъ прикажу учти ихъ октеніи, и онъ и къ слову пристати не можетъ, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учти азбуку, и они, поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотятъ ее учти. А инымъ вѣдь силы книжные немощно достати.... а иные хотя и учатся, а не отъ усердія, и онъ живетъ долго..... А се мужики невѣжи учятъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принеси коша, да гривна денегъ, а завтрена также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ понинки опроче могорца, что радилъ отъ него; а отъ мастера отидеть, и онъ ничего не умѣетъ, толко-то бредеть по книгѣ, а

церковнаго постація ничего не знаетъ.... Чтобъ и поповъ ставленныхъ (государь) велѣлъ учить, занеже то нерадѣніе въ землю вошло.... А нынѣ у меня побѣжали ставленники четыре, Максимка да Куземка до Оеонаско до Омельяно мисяигъ, а тотъ, съ недѣлю не поучився, ступилъ прочь съ ними жъ; а и православными тѣ будутъ ⁴⁸⁾?....

Тоже самое должно сказать и о нравственномъ состояніи духовенства. Опредѣляя нравственные качества ставленниковъ, Владимірскій соборъ 1274 года постановилъ лишать сана тѣхъ священнослужителей, которые предаются пьянству. Это опредѣленіе собора было вызвано дѣйствительною болѣзнію русскаго духовенства, преимущественно въ новгородской епархіи, гдѣ многіе священнослужители предавались пьянству до самоубвенія, особенно „отъ свѣтлыя недѣли вербныя до всѣхъ святыхъ“ ⁴⁹⁾. Опредѣленіе Владимірскаго собора, при всей его строгости, не исправило нравовъ русскаго духовенства. Соборъ 1503 г. снова обличалъ въ пьянствѣ все русское духовенство. Въ частности опредѣленіе Владимірскаго собора не исправило нравовъ новгородско-псковскаго духовенства. О низкомъ нравственномъ уровнѣ послѣдняго достаточно свидѣтельствуетъ вишательство мірянъ въ церковныя дѣла. Въ 1392 году митрополитъ Кипріанъ писалъ въ Новгородъ грамоту о подсудности духовенства архіепископу Іоанну, о неотниманіи мірянами Софійскихъ отчинъ и церковныхъ пошлинъ ⁵⁰⁾. Такая же грамота была написана въ Новгородъ митр. Θεодосіемъ въ 1463 году ⁵¹⁾. Въ 1467 году митрополитъ Филиппъ снова писалъ новгородскому архіепископу Іонѣ, запрещая мірянамъ отнимать села и имѣнія, отписанныя монастырямъ ⁵²⁾. Подобныя же грамоты писались и во Псковѣ. Въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ писалъ псковичамъ, чтобы міряне не судили поповъ безъ святительскаго суда и не отнимали селъ и земель церковныхъ ⁵³⁾.

⁴⁸⁾ А. И., т. 1, № 104.

⁴⁹⁾ Опредѣленія Влад. собора 1274 г. Прав. соб. 1863 г., ч. 1, стр. 235.

⁵⁰⁾ А. И., т. I, № 7.

⁵¹⁾ *ibid.* № 77.

⁵²⁾ *ibid.* № 82.

⁵³⁾ *ibid.* № 9.

Въ первой половинѣ XV в. новгородскій архіепископъ Симеонъ — прислалъ въ псковскій Снѣтогорскій монастырь грамоту о соблюденіи общежительнаго устава, несужденіи игумна и старцевъ мірскими судьями и обращеніи имуществъ умершихъ братьевъ въ достояніе обители ⁵⁴⁾ Въ 1418 г., въ тотъ же Снѣтогорскій монастырь писалъ митр. Фотій о томъ, чтобы міряне не вступались въ духовныя дѣла ⁵⁵⁾. Всѣ приведенныя нами грамоты показываютъ, что еслибы новгородско-псковское духовенство возвышалось надъ мірянами своимъ нравственнымъ авторитетомъ, то міряне никогда не позволили бы себѣ попытокъ подчинить нравственную и имущественную жизнь духовенства своей земской юрисдикціи. Кромѣ грамотъ о низкомъ нравственномъ уровнѣ особенно псковскаго духовенства говорить и другія свидѣтельства. Въ пьянствѣ и корыстолюбіи, которое заставляло духовенство каждую церковную потребу обращать въ источникъ доходовъ, какъ извѣстно, обличали духовенство стригольники, что видно изъ посланія константинопольскаго патріарха Антонія псковичамъ объ обличеніи стригольниковъ ⁵⁶⁾. На пьянство какъ на выдающійся порокъ псковскаго духовенства указывалъ и митрополитъ Кипріанъ, когда въ одномъ посланіи псковскому духовенству онъ давалъ ему наставленіе, что если „случится какова напасть въ поповствѣ или дьяконствѣ..., ино ему въ тотъ часъ престати отъ службы; нѣсть ему никакой опитеми, но только не пити и до смерти“ ⁵⁷⁾. Въ посланіи отъ 1416 г., митр. Фотій обличалъ псковское духовенство въ ростовщичество. „Слышаніе же мое есть, яже возбраняема суть божественными правилами, отлученаа *рызоиманія*“ ⁵⁸⁾. Подъ 6979 г., слѣдовательно, за 14 лѣтъ до прибытія Геннадія въ Новгородъ, въ псковской первой лѣтописи записанъ случай, показывающій, какъ черное духовенство старалось эксплуатировать доходы блага. Здѣсь мы читаемъ: „нѣсть лѣпо и сего таити... другіи

⁵⁴⁾ *ibid.* № 24.

⁵⁵⁾ *ibid.* № 26.

⁵⁶⁾ *ibid.* № 6.

⁵⁷⁾ *ibid.* № 11.

⁵⁸⁾ *ibid.* № 22.

человѣцы... отрешися отъ міра и яже въ мірѣ, и пришедше въ міръ и начаша воздвизатися и препростую чада воздымати (случай происходилъ на вѣчѣ) по міру на самую соборную и апостольскую Церковь, на домъ Святыя Троица, изтызая отъ нея воды и земли, данныя въ наслѣдіе Божіе, въ домъ Святыя Троица, а міръ облеская лживыми словесы, а рка міру тако: „нѣсть въ томъ вамъ никакого грѣха, только вы, отнемъ тую воду и землю отъ дому Святыя Троица, да мнѣ дайте въ монастырь; а то язъ вѣдаю“⁵⁹⁾.

Низкій умственный и нравственный уровень русскаго духовенства не остался безъ соотвѣтствующихъ ему послѣдствій. Невѣжествомъ духовенства въ умственномъ отношеніи и распущенностью въ нравственномъ между прочимъ объясняется слабая степень вліянія древне-русскаго духовенства на народъ въ религіозномъ отношеніи. Христіанство въ его духѣ и истинѣ не было введено духовенствомъ въ жизнь русскаго народа. Послѣдній усвоилъ лишь одну внѣшнюю сторону религіи. Надъ формами и обрядами христіанства работала всегда и мысль нашихъ книжниковъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятными становятся вопросы Кирика и отвѣты Нифонта, споры о постѣ въ среду и пятокъ и т. под. XV в. представляетъ намъ два замѣчательныхъ спора. Это а) уже извѣстный намъ споръ о крестномъ хожденіи при освященіи храмовъ и б) споръ объ аллилуіа, возбужденный ранѣе препод. Евфросиномъ въ псковской землѣ. Съ легкой руки Евфросина споры объ аллилуіа были возбуждены и въ другихъ мѣстахъ Россіи, между прочимъ и въ Новгородѣ. Мѣстные новгородскіе книжники во времена Геннадія архіепископа уже очень горячо разсуждали о томъ: двугубить или трегубить при богослуженіи аллилуіа. Геннадій вынужденъ былъ нарочно обратиться къ Димитрію Герасимову съ просьбой рѣшить спорный вопросъ.

Другое слѣдствіе, также отчасти вытекавшее изъ низкаго умственнаго и нравственнаго уровня духовенства, касалось богослуженія. При умственномъ невѣществѣ, при нравственной распущенности духовныя лица не могли надлежащимъ обра-

⁵⁹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 238.

зомъ отправлять церковныя службы. Этому имъшало еще и другое обстоятельство. Несомнѣнно, что до второй половины XV в. въ Руси существовалъ уже полный кругъ богослужебныхъ книгъ ⁶⁰⁾, равно какъ существовали и уставы Студійскій, Саввы или іерусалимскій ⁶¹⁾. Несомнѣнно также, что нѣкоторые наши митрополиты и архіепископы старались списывать и распространять тѣ и другіе. Таковы были митрополиты Кипріанъ и Фотій, приславшіе во Псковъ уставы службъ Златоустаго и Василія Великаго и разрѣшившіе недоумѣнія псковичей относительно различныхъ предметовъ богослужебной практики ⁶²⁾; таковы же были новгородскіе архіепископы Моисей, Давидъ, Алексѣй, Іоаннъ II и особенно Евенкій ⁶³⁾. Но несмотря на заботы нѣкоторыхъ нашихъ митрополитовъ и архіепископовъ о снабженіи церквей богослужебными книгами и уставами, послѣдніе имълись не во всѣхъ церквахъ. Дѣло въ томъ, что ихъ списыванье требовало много времени и труда, а пріобрѣтеніе большихъ издержекъ. Оттого во многихъ церквахъ, особенно сельскихъ и бѣдныхъ ⁶⁴⁾, не было ни полного состава богослужебныхъ книгъ, ни церковныхъ уставовъ, и приходскіе священнослужители относительно „церковнаго постатія“ оставались при тѣхъ же познаніяхъ, съ какими отходили отъ своихъ мастеровъ, т.-е. церковнаго постатія почти ничего не знали. Отъ такого недостатка не была свободна ни одна русская епархія; не была свободна отъ него и епархія новгородскаго владыки. Когда Геннадій прибылъ въ Новгородъ и сталъ испытывать въ умънѣи отправлять церковныя службы приводимыхъ къ нему для поставленія лицъ, то былъ изумленъ ихъ незнаеміемъ церковнаго устава. „А отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣеть, толко то бредеть по книгѣ; а церковнаго постатія ничего не знаетъ“, пишетъ онъ митрополиту Симону.

Обратимся къ рассмотрѣнію ненормальныхъ явленій собственно псковской церковной жизни.

⁶⁰⁾ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, т. IV, стр. 266.

⁶¹⁾ *ibid.* стр. 270—271.

⁶²⁾ А. И., т. I, №№ 8, 11, 22.

⁶³⁾ Ист. Р. Ц. Преосв. Макарія, т. IV, стр. 268—271.

⁶⁴⁾ *ibid.* стр. 267.

Псковъ почти два вѣка боролся съ новгородскими владыками, добиваясь церковной независимости отъ Новгорода. Кромѣ общей неустроенности церковныхъ дѣлъ, Псковъ имѣлъ на то особыя причины.

Псковъ былъ въ XV в. вольнымъ городомъ, въ политическомъ отношеніи независимымъ отъ Новгорода. Между тѣмъ онъ не имѣлъ у себя особаго епископа. Могъ ли онъ при этомъ считать полной свою политическую независимость отъ Новгорода? Этого мало. Сами живя въ Новгородѣ, новгородскіе владыки управляли Псковомъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Но кто были эти намѣстники? Простые міряне. Они надѣлены были обширными правами. Въ своихъ рукахъ они сосредоточивали все мѣстное церковное управленіе. Помимо наблюденія за доходами съ земель и водъ, которыя отводились владыкѣ въ разныхъ краяхъ епархіи,—заботъ объ исправномъ отправленіи духовенствомъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ владыкѣ, они уполномочены были еще судить ⁶⁵⁾, при чемъ ихъ суду подлежали не только всѣ собственно духовныя лица, но и лица, относившіяся къ разряду духовныхъ, не только дѣла, касавшіяся вѣрученія, не только масса чисто церковныхъ дѣлъ, но и дѣла, касавшіяся семейныхъ отношеній, со включеніемъ дѣлъ по наследству ⁶⁶⁾. Однимъ словомъ владычній намѣстникъ пользовался во Псковѣ почти властію архіепископа. Но неудобство сосредоточенія этой власти въ рукахъ свѣтскаго человѣка было очевидно съ перваго взгляда. Могъ ли быть компетентенъ его судъ по дѣламъ касавшимся не одной церковной дисциплины, но и церковнаго вѣрученія? Все это отнимало у представителя новгородскаго владыки во Псковѣ авторитетъ въ глазахъ псковичей. Отсюда понятно, почему не видно такого участія владычняго намѣстника въ общественныхъ дѣлахъ Пскова, какое самъ владыка принималъ въ дѣлахъ Новгорода. Это общественное

⁶⁵⁾ Необходимо замѣтить, что до Болотовскаго договора церковный судъ, особенно въ важнѣйшихъ случаяхъ, сосредоточивался непосредственно въ рукахъ владыки. Отсюда такъ-называемые „позвы“. Только послѣ Болотовскаго договора владыка пересталъ вызывать псковское духовенство на судъ въ Новгородъ своими соеяними.

⁶⁶⁾ *Никитскою*. Очеркъ внутрен. ист. Пскова. Стр. 195—196.

значеніе перешло отъ намѣстника къ мѣстному духовенству, благословеніемъ котораго обыкновенно освящались рѣшенія псковскаго вѣча. Слова: „все божіе священство и весь Псковъ“ стали обычною фразой для обозначенія псковскаго вѣча. Въ 1438 году митрополитъ Исидоръ отпраплялся на Флорентійскій соборъ, псковичи обратились къ нему съ просьбою — оторвать ихъ отъ новгородскаго владыки и подчинить московскому митрополиту. Исидоръ согласился на просьбу псковичей, и когда нужно было ему назначить намѣстника въ Псковъ, то онъ понималъ, каковъ долженъ быть этотъ намѣстникъ. Такъ какъ въ средѣ русской іерархіи XV в. мало было лицъ съ званіемъ архимандрита, и такъ какъ это званіе пользовалось почти такимъ же почетомъ и уваженіемъ, какимъ пользовался епископскій санъ ⁶⁷⁾, то Исидоръ, принявъ Псковъ подъ свое покровительство, оставилъ своимъ намѣстникомъ здѣсь не мірянина, но архимандрита Геласія, который уже по самому сану своему долженъ былъ вліять на псковское духовенство и мірянъ ⁶⁸⁾. При этомъ, чтобы сообщить еще большій авторитетъ своему намѣстнику, Исидоръ, передавъ ему всю власть новгородскаго владыки, за исключеніемъ права поставленія духовныхъ лицъ, предоставилъ намѣстнику и связанные съ этою властію доходы; следовательно въ отношеніи къ церковному управленію являлся сдѣлать его лицомъ сравнительно съ прочими намѣстниками болѣе самостоятельнымъ, однимъ словомъ сдѣлать его своимъ суффраганомъ. Такая перемѣна въ значеніи намѣстника была любя псковичамъ, что и отзывалось и на его значеніи въ общественной жизни Пскова: онъ сталъ во главѣ мѣстнаго духовенства и въ составѣ правительственной іерархіи Пскова, занялъ мѣсто подлѣ князя и посадника. Но основанная Исидоромъ во Псковѣ архимандрія была недолговѣчна. Въ скоромъ времени Псковъ опять долженъ былъ признать надъ собою власть

⁶⁷⁾ Напр. во всей новгородской землѣ былъ только одинъ архимандритъ. Въ избраніи его принималъ участіе весь В. Новгородъ, какъ и въ избраніи архіепископа; назывался онъ архимандритомъ В. Новгорода, опять подобно архіепископу, который носилъ титулъ архіепископа В. Новгорода. *Никитская*. Оч. внутр. ист. Пскова, стр. 319.

⁶⁸⁾ *ibid.* стр. 320.

новгородскаго владыки,¹ а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстниками послѣдняго во главѣ церковнаго управленія Пскова стали опять свѣтскія лица, и такъ продолжалось до времени архіепископа Геннадія.

Къ сказанному необходимо присовокупить еще одно явленіе псковской церковной жизни, которое также побуждало псковичей стремиться къ церковной независимости отъ Новгорода. Мы разумѣемъ тяжесть для псковскаго духовенства его тягловыхъ отношеній къ новгородскому владыкѣ. Правда, Болотовскимъ договоромъ эта тяжесть была значительно облегчена. Со времени этого договора владычинимъ намѣстникомъ въ Псковѣ сталъ природный псковитинъ, псковское духовенство перестали вызывать на судъ въ Новгородъ и прежніе неопредѣленные пріѣзды владыки въ Псковъ, всегда требовавшіе большихъ издержекъ со стороны псковскаго духовенства, были замѣнены посѣщеніемъ города разъ въ три года. Но и послѣ Болотовскаго договора владычиніе пріѣзды во Псковъ чрезъ три года были обременительны для псковскаго духовенства тѣми пошлинами, которыя псковское духовенство должно было платить владыкѣ въ каждый его пріѣздъ. Пошлины эти были двоякія: *кормовыя* и *пошлиныя*. Первыя были обременительны для духовенства своимъ количествомъ и потомъ тѣмъ, что до Геннадія онѣ собирались съ духовенства натурою. Владыка пріѣзжалъ въ Псковъ обыкновенно не одинъ, а съ цѣлою толпою бояръ, софіянъ и т. под. Толпа эта была такъ многочисленна, что когда въ 1434 г. прибылъ въ Псковъ владыка Евѣимій и началъ здѣсь распрю съ городами, то софіяне чувствовали себя въ состояніи побиться съ псковичами. Эту-то буйную толпу съ владыкой во главѣ псковичи должны были кормить не одинъ день, а цѣлый мѣсяцъ и притомъ самымъ приличнымъ образомъ. Вотъ какого количества кормовыхъ пошлинъ требуетъ Геннадій въ своей уставной грамотѣ: „корму на всякъ день по полтораста калачей, да по пятидесять хлѣбовъ денежныхъ, да по сороку гривенъ за мясную вологу, да за рыбу за всякую по сороку денегъ, да по двѣ бочки меду русскаго..., да рублевая гривенка перцу, да рублевая жъ гривенка пшена сорочинскаго, да по безмѣну меду русскаго“⁶⁹).

⁶⁹) Евг. И. К. П., ч. II, стр. 91.

Если столько кормовыхъ пошлинъ требуетъ отъ псковскаго духовенства Геннадій, то, конечно, не менѣе требовали и бывшіе до Геннадія владыки.

Обязанное доставлять владыкѣ и его свитѣ богатые средства для содержанія въ продолженіе мѣсяца, псковское духовенство кромя того должно было готовить къ прїѣзду владыки разные продукты для пировъ, которые давали владыки хотя въ честь псковичей, но на ихъ же счетъ. Относительно рода и количества этихъ продуктовъ Геннадій пишетъ въ своей уставной грамотѣ: „коли у архіепископа пиръ, ино по двѣ гривенки перцу, по двѣ гривенки пшена сорочинскаго, по два безмѣну меду, пудъ соли, масло коровье и конопляное, яйца, сыры, просо, крупы житныя, уксусъ, лукъ, крошиво поваромъ, а солоду на квасъ, сколько надобѣ, да за свѣчи за вошанья полтретьятцеть денегъ, да по двѣ свѣчи вошаныхъ большихъ витыхъ, да по сту свѣчъ салвыныхъ, да по пятнадцати зобней овса, да по пятнадцати возовъ сѣна, да по пятнадцати возовъ дровъ, по возу лучины, а соломы подъ коней сколько надобѣ“⁷⁰⁾. Изъ всего сказаннаго нельзя не видѣть, какъ тяжелы были для псковскаго духовенства кормовыя пошлины въ пользу владыки.

Не менѣе тяжелы были для псковскаго духовенства и пошлины поплѣшныя⁷¹⁾. Въ уплатѣ этихъ пошлинъ должно было участвовать все духовенство, и бѣлое и черное, и приходское и безиѣстное. Мы не знаемъ, какова была валовая сумма поплѣшныхъ пошлинъ, получаемая съ псковскаго духовенства новгородскими владыками, но конечно она не была обидна для владыки и легка для духовенства. Тяжесть ея усложнялась еще тѣмъ, что при неопредѣленности валовой суммы поплѣшныхъ пошлинъ, какъ и кормовыхъ, не была также опредѣлена и та доля ихъ, которая падала на каждое отдѣльное духовное лицо. Раскладка поплѣшныхъ пошлинъ производилась обыкновенно соборскими старостами; но соборскіе старосты, какъ городскіе жители, при раскладкѣ пошлинъ часто поступали въ ущербъ пригородному и сельскому духовенству. Въ 1544 г. псковскіе сельскіе и при-

⁷⁰⁾ Ibid.

⁷¹⁾ Поплѣшныя пошлины получили свое названіе отъ взиманія ихъ съ плѣши, т. е. съ головы священнослужителя.

городные попы, игумены и діаконы жаловались митрополиту Феодосію, что городскіе попы вѣли съ нихъ корма для архіепископа болѣе, чѣмъ съ себя. Если подобныя жалобы были возможны тогда, когда Псковъ имѣлъ уже у себя уставную грамоту Геннадія, то можно представить себѣ, что бывало въ прежнія времена.

Впрочемъ, говоря о владычныхъ пошлинахъ, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Вообще тяжелыя для псковскаго духовенства, владычнія пошлины иногда не получались владыками сполна, несмотря на бдительность въ этомъ отношеніи владычнаго намѣстника и соборскихъ старость. И это очень естественно. Владычнія пошлины получались съ духовенства. Но кто опредѣлялъ общее количество престоловъ въ псковскихъ церквахъ, кто точно зналъ численность всего псковскаго духовенства? Не даромъ въ 1477 году архіепископъ Феодилъ сдѣлалъ такой наказъ псковскимъ священникамъ и соборскимъ старостамъ: „а которые священники не заплатятъ подъѣзда моего, и язъ тѣмъ литургисати не вѣлю. И то, старосты соборскіе и священники соборскіи, положено на вашихъ душахъ“⁷²⁾. Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что такъ какъ до Геннадія не было опредѣлено общее количество владычныхъ пошлинъ, то псковичамъ открывалась возможность пользоваться этою неопредѣленностію и обращать ее въ свою пользу. Какъ бы то ни было впрочемъ, владычнія пошлины вообще были не легки для псковскаго духовенства.

Когда Геннадій былъ чудовскимъ архимандритомъ, ему пришлось принимать участіе въ спорѣ о крестномъ хожденіи во кругъ храмовъ при ихъ освященіи. Когда онъ сдѣлался архіепископомъ Великаго Новгорода и Пскова, его вниманіе занялъ споръ объ аллилуіа, происходившій между новгородско-псковскими „философами“ и книжниками. На этомъ дѣло не остановилось. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ во Псковъ Геннадію случайно пришлось видѣть на одной иконѣ изображеніе, странность котораго не могла не броситься ему въ глаза съ перваго же взгляда. На иконѣ представленъ былъ І. Христосъ съ вѣнцемъ

⁷²⁾ А. И. т. 1 № 284.

царскимъ на главѣ и въ святительской одеждѣ, въ образѣ царя Давида. Предъ нимъ крестъ; на верху креста отрочъ младъ, также въ царскихъ ризахъ и вѣнцѣ; ниже его пригвожденный ко кресту бѣлый серафимъ; по конецъ крестныхъ роговъ два херувима багряновидныхъ; при подножіи креста Адамова глава. Нельзя съ точностію опредѣлить, откуда могло явиться подобное изображеніе. Когда псковскіе иконописцы были поставлены предъ Геннадіемъ, посадниками и псковитянами, то старшій изъ нихъ Переплавъ сказалъ: „тѣ образы пишемъ съ мастерскихъ образцовъ старыхъ, у коихъ есмя училися, а сниманы съ греческихъ“. Но этимъ рѣчамъ псковскихъ иконописцевъ едвали можно вѣрить. Когда въ XVI в. обратились къ Максиму греку съ вопросомъ: какого онъ мнѣнія объ этомъ изображеніи, то Максимъ грекъ отвѣчалъ, что онъ „не видалъ тѣмъ подобіемъ образа ни въ коей землѣ“⁷³). По всей вѣроятности разсматриваемое изображеніе произведеніе фантазіи псковскихъ иконописцевъ. Геннадій обратилъ вниманіе на странное изображеніе и ниже мы увидимъ, какія мѣры предпринялъ онъ противъ псковскихъ иконописцевъ.

Симонія, корыстолюбіе духовенства, пьянство и вообще безнравственная жизнь духовныхъ лицъ, привязанность русскаго народа къ церковному обряду въ ущербъ духу и истинѣ христіанской религіи еще въ концѣ XIV в., какъ извѣстно, вызвали у насъ на Руси особую такъ-называемую ересь стригольниковъ. Въ первый разъ ересь открылась во Псковѣ; почва здѣсь была для нея особенно благопріятна. Дѣло въ томъ, что нигдѣ русское духовенство не было отягощено такъ сильно епископскими поборами, какъ въ Псковѣ. Не даромъ Псковъ такъ долго и настойчиво боролся съ новгородскими владыками за церковную независимость отъ Новгорода. Съ другой стороны безпорядки въ церковномъ управленіи Пскова, распри съ владыкой, жившимъ далеко и пріѣзжавшимъ ирѣдка только за своими пошли-

⁷³) Свѣдѣнія о разсматриваемомъ изображеніи заимствованы изъ посланія Дмитрія Герасимова къ дяку Мисюрю Мунехину во Псковъ. Посланіе напеч. въ приб. къ твор. св. Отцовъ, г. 1859, ч. XVIII, въ статьѣ. „Максимъ Грекъ Святогорецъ“, стр. 189—192.

нами, оставляли мѣстное духовенство безъ надлежащаго пастырскаго надзора и руководства и содѣйствовали особенно сильному развитію въ немъ пороковъ, которыми страдало русское духовенство того времени.

Мы не станемъ излагать подробно исторію ереси стригольниковъ. Замѣтимъ только, что стригольники вообще дѣлились на два толка, изъ которыхъ одинъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ другаго. Первый толкъ возставалъ собственно противъ корыстолюбія и безнравственности духовенства. Онъ училъ, что недостойны епископы, потому что они берутъ мзду со ставленниковъ, недостойны ставленники, потому что за мзду отправляютъ церковныя службы и требы, объѣдаются, упиваются и т. под. Если недостойно духовенство, то недостойно и все то, что имъ совершается. Поэтому не нужно каяться предъ священниками; можно каяться предъ Богомъ, припадая къ землѣ; не нужно крестить дѣтей, причащаться у священниковъ: не нужно пѣть за умершихъ, совершать по нихъ поминки, приносить приносы къ церкви, творить пиры, давать милостыню; такъ какъ умершіе во всемъ этомъ не нуждаются. Но если недостойно духовенство и все то, что имъ совершается, то кто же можетъ замѣнить духовенство? Первый толкъ стригольниковъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ: обязанности духовенства можетъ исполнять каждый человекъ. Дѣйствительно у стригольниковъ были свои молитвенные дома, гдѣ учителемъ вѣры, совершителемъ службъ выступалъ простолюдинъ. Другой толкъ стригольниковъ пошелъ далѣе: онъ подвергалъ критикѣ самое христіанство, не вѣрилъ евангельскимъ благовѣстіямъ, отвергалъ всѣ церковныя апостольскія и отеческія преданія, отвергалъ воскресеніе мертвыхъ, отрицалъ всякое чувственное поклоненіе Богу, молитвы въ храмахъ, почитаніе иконъ, мощей и т. под., своимъ отцомъ называлъ Бога и къ Нему непосредственно обращался съ молитвами, взирающе на небо. Приверженцевъ втораго толка митрополитъ Фотій называетъ саддукеями ⁷⁴⁾.

⁷⁴⁾ О стригольникахъ см. посланія во Псковъ патріарховъ: Нила, Антонія и нашего русск. митр. Фотія, напеч. въ А. И., т. 1. подъ №№ 4, 5, 21, 33, 34.

Вновь открывшаяся въ Псковѣ ересь почти на первыхъ же порахъ встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны какъ мірянъ, такъ и духовенства. Свѣтское общество хватало и предавало еретиковъ смертной казни, церковь въ лицѣ ея представителей, константинопольскихъ патріарховъ Нила и Антонія и русскаго митрополита Фотія, запрещая смертную казнь и предписывая болѣе легкія тѣлесныя наказанія, съ своей стороны старалась дѣйствовать на еретиковъ мѣрами убѣжденія и обличенія. Отъ дружныхъ усилій церкви и общества къ половинѣ XV вѣка ересь повидимому исчезла. На дѣлѣ ересь только замогла, уstraшенная преслѣдованіями. Тайные послѣдователи ея оставались и хотя въ тихомолку, но не переставали распространять свое ученіе. Благодаря ихъ подпольной пропагандѣ, ересь распространилась въ Новгородѣ, гдѣ ей сочувствовали многія духовныя и свѣтскія лица. Во второй половинѣ XV вѣка стригольничество перешло даже въ особую ересь, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Много разъ было рассказано, преимущественно со словъ преп. Іосифа Волоколамскаго, какъ эта ересь около 1471 г. возникла въ Новгородѣ, въ чемъ состояло ея ученіе, кто были ея первые приверженцы и распространители, какъ въ 1480 г. она перешла въ Москву и т. д. Но происхожденіе этой ереси еще недостаточно разъяснено. Историки обыкновенно отдѣляютъ ее отъ ереси стригольниковъ и рассматриваютъ безъ связи съ послѣднею (Рудневъ, пр. Макарій, Филаретъ и др.) Такое отдѣленіе не оправдывается ни исторіей ни доктриной ереси жидовствующихъ. Первые послѣдователи ея въ Новгородѣ, первые ученики жида Старія священники Денисъ и Алексій, какъ по всему видно, были тайные стригольники. Разбирая ученіе жидовствующихъ, легко замѣтить самое близкое сродство его съ стригольнической доктриной. Всѣ стригольники, какъ извѣстно, возставали противъ духовенства, монашества и вообще противъ всей церковной іерархіи, жидовствующіе тоже. Нѣкоторые стригольники не вѣровали евангельскимъ и апостольскимъ благовѣстіямъ и преданіямъ отеческимъ, писаніямъ отцовъ церкви; жидовствующіе поступали точно также. Нѣкоторые стригольники, нарицая своихъ отцомъ Бога, поклонялись ему, взирающе на небо, отверга-

ли всякое чувственное поклоненіе и служеніе Богу, молитвы въ храмахъ, поклоненіе иконамъ, почитаніе и призываніе святыхъ и т. п., жидовствующіе также отвергали поклоненіе иконамъ и другимъ христіанскимъ реликвіямъ, хулили святыхъ и т. д. Нѣкоторые стригольники не вѣрили безсмертію души; въ лицѣ Зосимы жидовствующіе также не вѣровали этому. Неизвѣстно, какъ стригольники втораго толка учили о догматѣ тринности и въ частности о лицѣ Богочеловѣка, но едва ли и въ этомъ пунктѣ они не сходились съ жидовствующими. Если въ ученіи о тринности и лицѣ Богочеловѣка этотъ толкъ и не пришелъ къ какой-нибудь положительной теоріи, то нѣтъ сомнѣній, что онъ подвергалъ по крайней мѣрѣ критикѣ тотъ и другой догматъ. Недаромъ стригольники этого толка не вѣровали евангельскимъ и апостольскимъ благовѣстіямъ и преданіямъ отеческимъ. Вообще между обѣими ересями существуетъ очень тѣсная связь. А если такъ, то не зачѣмъ образованіе доктрины жидовствующихъ приписывать исключительно жиду Схаріи: послѣднему принадлежитъ собственно жидовскій элементъ въ ереси. Кромѣ того Схарія далѣе развилъ нѣкоторыя положенія стригольниковъ, а то, что служило только предметомъ сомнѣнія для стригольниковъ, Схарія раскрылъ, уяснилъ имъ и ихъ сомнѣніе возвелъ на степень положительнаго убѣжденія въ ложности того, что прежде стригольники подвергали только нерѣшительной критикѣ.

Новая ересь успѣла уже значительно распространиться не только въ Новгородъ, но и въ Москвѣ, а ни церковь ни общество не предпринимали никакихъ мѣръ противъ нея. Этому способствовало то, что еретики наружно казались христіанами и подобно стригольникамъ отличались кажущимся благочестіемъ. „Таяхуся яко зміеве въ скважиѣ, говоритъ о еретикахъ ихъ Волоколамскій обличитель, челоуѣкомъ являющесе святил и кротци, праведни и воздержницы, тайно же съюще съми скверно“.

Такъ было до 1487 года, когда одно случайное обстоятельство помогло открыть, какое зло гнѣздилося въ русскомъ обществѣ, и заставило правительство и церковь принять мѣры противъ него. Это случайное открытіе ереси произошло въ Новгородѣ и конечно на Геннадіи, который въ то время былъ уже новго-

родскимъ архіепископомъ, лежала обязанность прежде всѣхъ обратить на нее свое вниманіе.

Описанныя явленія достаточно характеризуютъ состояніе, въ какомъ нашелъ свою епархію архіепископъ Геннадій. Это состояніе представляло рядъ опасностей, разстроивавшихъ порядокъ церковнаго управленія, ронявшихъ авторитетъ іерархіи и колебавшихъ самыя основанія церкви. Можно понять, какая сложная и трудная дѣятельность предстояла новому владыкѣ въ Новгородѣ. Опишемъ ее въ томъ порядкѣ, въ какомъ изображены выше явленія ее вызывавшія.

М. Грандицкій.

(Продолженіе дудетъ).

ЧТЕНІЯ О БОГОЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ.

*Чтеніе пятое *).*

Ученіе объ идеяхъ, правильно развитое, указываетъ намъ объективную сущность божественнаго начала или то, что составляетъ собственную метафизическую область его бытія, независимую отъ природнаго міра явленій, хотя и связанную съ нимъ. Мы узнали, какъ должно мыслить тѣ коренныя основы и послѣдніе элементы всякаго бытія, которые съ одной стороны относятся къ видимому міру явленій какъ его субстанціальныя начала или производящія причины, а съ другой стороны образуютъ собою собственное содержаніе или внутреннюю полноту божественнаго начала. Мы прошли для этого три мысленныя ступени и достигнутый нами отвѣтъ, говоря школьнымъ языкомъ, представляетъ три момента: 1) для того, чтобы быть *основами реальности*, искомыя сущности должны представлять собою недѣлимыя или неразложимыя единицы, реальные центры бытія — атомы ¹⁾; 2) Для того, чтобы *производить действительное*

*) См. кн. „Прав. Обзорнія“ за апрѣль, май, іюнь и іюль текущаго года.

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ пока въ виду только ихъ отношеніе между собою и къ тому вышнему феноменальному бытію, для котораго они суть основы и центры. По отношенію же къ абсолютному существу они не могутъ имѣть значенія безусловно реальныхъ центровъ: для него они являются проникаемыми, поскольку они сами въ немъ коренятся. Поэтому говоря объ недѣлимыхъ единицахъ или атомахъ мы употребляемъ только относительное опредѣленіе.

многообразіе бытія, эти центральныя единицы должны дѣйствовать и воспринимать дѣйствіе, т. е. находиться во взаимодействіи между собою, и слѣдовательно онѣ должны быть дѣйствующими или живыми силами—монадами. 3) Наконецъ для того, чтобы составлять существенное все или быть содержаніемъ безусловнаго начала, эти единичныя силы должны сами представлять собою извѣстное содержаніе или быть опредѣленными идеями.

Различныя метафизическія системы останавливались преимущественно на одномъ изъ этихъ трехъ моментовъ, упуская изъ виду остальные, хотя логически они не только не исключаютъ, а напротивъ требуютъ другъ друга, и такимъ образомъ полная истина въ отвѣтъ на основной метафизическій вопросъ заключается въ синтезѣ этихъ трехъ понятій: атома, живой силы (монады) и идеи—синтезѣ, который можетъ быть выраженъ простымъ и общеупотребительнымъ словомъ, именно словомъ *существо*.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе существа внутренно соединяетъ въ себѣ три сказанныя понятія, такъ какъ существо, чтобы быть таковымъ, должно во первыхъ составлять отдѣльную единицу, особенный центръ бытія, ибо въ противномъ случаѣ оно будетъ несамостоятельнымъ существомъ, а только принадлежностью другаго существа; во вторыхъ существо должно обладать дѣятельною силою, быть способнымъ къ дѣйствію и видоизмѣненію, ибо мертвая и косная масса не есть существо; въ третьихъ наконецъ существо должно имѣть качественно-опредѣленное содержаніе или выражать опредѣленную идею, ибо въ противномъ случаѣ оно не будетъ настоящимъ, т. е. особеннымъ, этимъ, а не другимъ существомъ; иными словами, существо какъ такое необходимо есть вмѣстѣ и атомъ и живая сила (монада) и идея.

Необходимо признать *множественность* основныхъ существъ, и безусловное *все* мыслить, какъ ихъ совокупность; ибо безъ такой множественности невозможно дѣйствіе,—такъ какъ всякое дѣйствіе есть отношеніе одного къ другому,—слѣдовательно невозможна *дѣйствительность какъ система дѣйствій, и реальность какъ результатъ ихъ*. И если въ такомъ случаѣ міръ превращается въ чистый призракъ, то съ другой стороны этимъ отнимается и у бытія Божія его необходимое условіе, ибо лишенный предмета дѣйствія Богъ самъ теряетъ всякую дѣйствительность, становится

чистою возможностью или чистымъ ничто. Но если отрицаніе множественности существъ приводитъ заразѣ къ отрицанію и Бога и міра, то къ такому же точно результату приводитъ и противоположное признаніе безусловной множественности, т.-е. допущеніе многихъ безусловно-самобытныхъ существъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ безусловно-самостоятельныхъ, т.-е. имѣющихъ все отъ самихъ себя, эти существа лишены были бы всякой внутренней необходимой связи между собою, не было бы никакого основанія для ихъ взаимодѣйствія, и слѣдовательно вся происходящая изъ такого взаимодѣйствія дѣйствительность и реальность была бы невозможна. Съ другой стороны при полной самобытности многихъ существъ они были бы независимы и отъ единого безусловнаго начала, были бы совершенно чужды ему; оно не имѣло бы въ нихъ своего собственнаго внутренняго содержанія и оставалось бы при своемъ мертвомъ единствѣ какъ безразличное, пустое бытіе; будучи ограничено отъ внѣ самостоятельными существами оно не могло бы быть безусловнымъ или абсолютнымъ,—болѣе того, имѣя *отъ себя* всю полноту существъ, оно тѣмъ самымъ превращалось бы въ чистое ничто.

Если такимъ образомъ и признаніе безусловнаго единства и признаніе безусловной множественности существъ приводятъ одинаково къ отрицательнымъ результатамъ и отнимаютъ возможность всякаго разумнаго мировоззрѣнія, то очевидно истина лежитъ въ соединеніи того и другаго, или въ допущеніи *относительнаго* единства и *относительной* множественности. Утверждать невозможность такого соединенія есть очевидное *petitio principii*: оно дѣйствительно невозможно, если уже признать заравнѣ эти противоположные термины *истинными въ ихъ исключительности*, т.-е. отдѣльно одинъ отъ другаго. Если признавать, что единое можетъ быть какъ такое только само въ себѣ, исключая всякую множественность, то отъ этого единаго конечно нѣтъ никакого перехода къ множественности; точно также если признавать чистую множественностьсаму по себѣ внѣ всякаго внутренняго единства, то очевидно отъ такой множественности нѣтъ жоста къ единому. Но вѣдь именно признаніе за исходную точку исключительнаго единства и исключительной множественности и есть произвольная мысль, разумомъ не оправ-

дываемая, и невозможность прійти съ этой точки зрѣнія къ какому нибудь удовлетворительному результату уже указываетъ на ея несостоятельность. Напротивъ, такъ какъ мы можемъ логически начинать только съ безусловнаго, безусловное же по самому понятію своему не можетъ быть чѣмъ нибудь исключительнымъ, т.-е. ограниченнымъ, не можетъ слѣдовательно быть *только* единымъ или *только* многимъ: то и слѣдуетъ прямо призвать въ согласіи какъ съ логикой такъ равно и съ внѣшнимъ и съ внутреннимъ опытомъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни чистаго единства, ни чистой множественности, что все, что есть, есть необходимо и единое и многое. Съ этой точки зрѣнія многія существа не имѣютъ подлиннаго бытія въ своей отдѣльности или въ безусловномъ обособленіи, но каждое изъ нихъ можетъ существовать въ себѣ и для себя, лишь поскольку оно *внѣсть* съ тѣмъ находится во взаимодействіи и взаимнопроникновеніи съ другими, какъ неразрывные элементы одного цѣлаго, такъ какъ и собственное качество или характеръ каждаго существа въ своей объективности состоитъ именно въ опредѣленномъ отношеніи этого существа ко *всему* и слѣдовательно въ опредѣленномъ взаимодействіи его со *всѣмъ*. Но это очевидно возможно лишь въ томъ случаѣ, если эти существа имѣютъ между собою существенную общность, т.-е. если они коренятся въ одной общей субстанціи, которая составляетъ *существенную среду* ихъ взаимодействія, обнимая ихъ всѣ собою и не заключааясь ни въ одномъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Такимъ образомъ множественность существъ не есть множественность безусловно-отдѣльныхъ единицъ, а лишь множественность элементовъ одной органической системы, обусловленной существеннымъ единствомъ ихъ общаго начала (какъ и жизнь извѣстныхъ намъ природныхъ организмовъ обусловлена единствомъ органической души ихъ образующей). Такой органический характеръ основныхъ существъ съ другой стороны зависитъ отъ того, что эти существа суть идеи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы основныя существа были только реальными единицами или же только дѣйствующими силами и слѣдовательно относились бы другъ къ другу чисто внѣшнимъ образомъ, каждое было бы только въ себѣ и внѣ другихъ, въ такомъ случаѣ и единство ихъ было бы лишь внѣшнимъ, механическимъ, причемъ са-

мая возможность даже такого единства, самая возможность какого бы то ни было взаимодействия подлежала бы вопросу. Если же, какъ мы это должны были признать, основныя существа не суть только единицы обладающія силами или единицы силъ, а еще и опредѣленные идеи, и слѣдовательно связь ихъ состоитъ не только въ ихъ внѣшнемъ дѣйствіи другъ на друга какъ реальныхъ силъ, а прежде всего опредѣляется ихъ идеальнымъ содержаніемъ, дающимъ каждому особенное значеніе и необходимое мѣсто во всемъ: то отсюда прямо вытекаетъ внутренняя связь всѣхъ существъ, въ силу которой ихъ система является какъ *организмъ идей*.

Какъ уже было замѣчено въ прошломъ чтеніи, общій характеръ идеальнаго космоса представляетъ нѣкоторое соотвѣтствіе съ взаимоотношеніемъ нашихъ разсудочныхъ понятій—именно въ томъ, что частныя существа или идеи обнимаются другими болѣе общими какъ видовыя понятія обнимаются понятіемъ родовымъ.

Но съ другой стороны между взаимоотношеніемъ въ области разсудочныхъ понятій и таковымъ же въ области существенныхъ идей есть коренное различіе и даже противоположность. Какъ извѣстно изъ формальной логики, объемъ понятія находится въ обратномъ отношеніи къ его содержанію: чѣмъ шире какое-нибудь понятіе, чѣмъ больше его объемъ, т.е. чѣмъ большее число другихъ частныхъ понятій подъ него подходитъ, тѣмъ менѣе у него признаковъ, тѣмъ оно бѣднѣе содержаніемъ, общѣе, неопредѣленнѣе (такъ напримѣръ „человѣкъ“ какъ общее понятіе, обнимающее собою всѣ человѣческія существа и слѣдовательно по объему гораздо болѣе широкое, нежели напримѣръ понятіе „монахъ“, настолько же бѣднѣе этого послѣдняго содержаніемъ, такъ какъ въ понятіи о человѣкѣ *вообще* заключаются только тѣ признаки, которые общи всѣмъ людямъ безъ исключенія, тогда какъ въ понятіи „монахъ“ кромѣ того заключается еще множество другихъ признаковъ, составляющихъ особенность монашескаго званія, такъ что это послѣднее понятіе, болѣе узкое чѣмъ понятіе „человѣкъ“, въистѣ съ тѣмъ богаче его внутреннимъ содержаніемъ, т.е. богаче положительными признаками.

Такое отношеніе зависитъ очевидно отъ самаго происхожденія общихъ разсудочныхъ понятій. Будучи получаемы чисто-

отрицательнымъ путемъ отвлеченія, они не могутъ имѣть влѣдствіе этого никакой самостоятельности, никакого собственнаго содержанія, а суть лишь общія схемы тѣхъ конкретныхъ даныхъ, отъ которыхъ они отвлечены. Отвлеченіе же именно состоитъ въ устраниеніи или отрицаніи тѣхъ особенныхъ признаковъ, которыми опредѣляются частныя понятія, входящія въ объемъ понятія общаго. (Такъ въ приведенномъ примѣрѣ отвлеченное понятіе „человѣкъ“ составляется именно чрезъ устраниеніе или отрицаніе всѣхъ тѣхъ частныхъ отличительныхъ признаковъ, которые могутъ заключаться въ понятіяхъ о различнаго рода людяхъ).

Совершенно напротивъ—*между идеями*, какъ положительными опредѣленіями особенныхъ существъ: *отношеніе объема къ содержанію необходимо есть прямое*, т.-е. чѣмъ шире объемъ идеи, тѣмъ богаче она содержаніемъ. Если общее родовое понятіе, какъ простое отвлеченіе, какъ пассивное слѣдствіе разсудочной дѣятельности, можетъ только отрицательно опредѣляться своими видовыми понятіями, исключая изъ себя ихъ положительные признаки, то идея какъ самостоятельная сущность должна находиться напротивъ въ дѣятельномъ взаимоотношеніи съ тѣми частными идеями, которыя ею покрываются или составляютъ ея объемъ, т.-е. она должна опредѣляться ими положительно. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ и общая идея сама по себѣ есть уже нѣчто или выражаетъ самостоятельное существо, то находясь въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ другими частными идеями или существами, воспринимая ихъ дѣйствіе и влѣдствуя на нихъ сообразно своему собственному характеру, она очевидно тѣмъ самымъ осуществляетъ на нихъ этотъ свой собственный характеръ, развиваетъ свое собственное содержаніе съ различныхъ сторонъ и въ различныхъ направленіяхъ, реализуетъ себя въ различныхъ отношеніяхъ; и слѣдовательно чѣмъ съ большимъ числомъ частныхъ идей она стоитъ въ непосредственномъ отношеніи или чѣмъ больше идей составляютъ ея объемъ, тѣмъ многообразнѣе и опредѣленнѣе она себя осуществляетъ, тѣмъ болѣе полнымъ и богатымъ является ея собственное содержаніе. Такимъ образомъ, влѣдствіе положительнаго характера необходимо принадлежащаго взаимодействию идеальныхъ существъ, частныя идеи составляющія объемъ идеи общей имѣтъ

съ тѣмъ составляютъ и ея содержаніе, или точнѣе говоря, — содержаніе этой болѣе широкой идеи въ ея осуществленіи или объективности прямо или положительно опредѣляется тѣми болѣе узкими идеями, которыя входятъ въ объемъ ея, и слѣдовательно чѣмъ шире объемъ, тѣмъ богаче содержаніе.

Поэтому извѣстное изреченіе Спинозы „*omnis determinatio est negatio*“ (всякое опредѣленіе есть отрицаніе) никакъ не можетъ примѣняться къ дѣйствительнымъ существамъ, обладающимъ положительнымъ содержаніемъ или идеей⁴⁾; ибо здѣсь опредѣленіе т.-е. дѣйствіе на это существо другихъ встрѣчаетъ въ немъ уже нѣкоторую собственную положительную силу, которая этимъ дѣйствіемъ вызывается къ проявленію или обнаруженію своего содержанія. Какъ живая сила, существо не можетъ относиться чисто страдательно къ дѣйствію другихъ: оно само дѣйствуетъ на нихъ и восполняясь ими само ихъ восполняетъ; слѣдовательно опредѣленіе другими есть для него вмѣстѣ съ тѣмъ и самоопредѣленіе; результатъ одинаково зависитъ какъ отъ вышнихъ силъ на него дѣйствующихъ, такъ и отъ него самого, и все отношеніе имѣетъ такимъ образомъ характеръ положительный. Такъ на примѣръ всякое человеческое лице, имѣющее свой собственный характеръ и представляющее нѣкоторую особенную идею, вступая во взаимодействіе съ другими или опредѣляясь другими и опредѣляя ихъ, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свой собственный характеръ и реализуетъ свою собственную идею, безъ чего этотъ характеръ и эта идея были бы чистою возможностью: они становятся дѣйствительностью только въ дѣятельности лица, въ которой оно необходимо опредѣляется и другими; слѣдовательно здѣсь опредѣленіе есть не отрицаніе, а осуществленіе; отрицаніемъ же оно было бы лишь въ томъ же случаѣ, еслибы лицо не имѣло никакого характера, не представляло никакой, особенности, еслибы оно было пустымъ мѣстомъ, но это очевидно невозможно.

Изъ всего сказаннаго ясно, что мы разумѣемъ подъ идеями совершенно опредѣленныя, особенныя формы метафизическихъ

⁴⁾ Разумѣется я беру здѣсь этотъ афоризмъ въ его общемъ значеніи для поясненія своей мысли, не входя въ разсмотрѣніе того спеціальнаго смысла, который можетъ ему принадлежать въ системѣ самого Спинозы.

существовъ, присущія имъ самимъ по себѣ, а никакъ не производснія нашей отвлекающей мысли; по этому возарвнію идеямъ принадлежитъ предметное (объективное) бытіе по отношенію къ нашему познанію и вмѣстѣ съ тѣмъ подлежательное (субъективное) бытіе въ нихъ самихъ, т.-е. онѣ сами суть субъекты или точище, имѣють своихъ собственныхъ особенныхъ субъектовъ. Идеи равно независимы какъ отъ разсудочныхъ отвлеченій, такъ и отъ чувственной реальности. Въ самомъ дѣлѣ, если вещественная дѣйствительность, воспринимаемая нашими внѣшними чувствами, сама по себѣ представляетъ лишь условныя и переходящія явленія, а никакъ не самобытныя существа или основы бытія, то эти послѣднія, хотя бы и связанныя извѣстнымъ образомъ съ этою внѣшнею реальностью, должны однако формально отъ нея различаться, должны имѣть свое собственное независимое отъ явленій бытіе, и слѣдовательно для познанія ихъ какъ дѣйствительныхъ необходимъ особенный способъ мыслительной дѣятельности, который мы назовемъ уже извѣстнымъ въ философіи терминомъ умственного созерцанія или интуиціи (*intellektuelle Anschauung, Intuition*), и который составляетъ первичную форму истиннаго знанія, ясно отличающуюся какъ отъ чувственного воспріятія и опыта, такъ и отъ разсудочнаго или отвлеченнаго мышленія; это послѣднее, какъ было показано, не можетъ имѣть никакого собственнаго положительнаго содержанія: отвлеченное понятіе по самому опредѣленію своему не можетъ идти дальше того, отъ чего оно отвлечено, не можетъ само по себѣ превращать случайные и частные факты въ необходимыя и всеобщія истины или идеи. Тѣмъ не менѣ отвлеченному мышленію несомнѣнно принадлежитъ особенное, хотя лишь отрицательное и посредствующее значеніе, какъ переходу или границѣ между чувственнымъ воспріятіемъ явленій и умственнымъ созерцаніемъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ общемъ отвлеченномъ понятіи содержится отрицаніе всѣхъ входящихъ въ объемъ его явленій въ ихъ частной, непосредственной особенностяхи, и вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ утвержденіе ихъ въ какомъ-то новомъ единствѣ и новомъ содержаніи, котораго однако отвлеченное понятіе въ силу своего чисто-отрицательнаго происхожденія не даетъ само, а только указываетъ,—всякое общее понятіе такимъ образомъ есть отрицаніе частнаго явленія

и указаніе всеобщей идеи. Такъ въ прежнемъ примѣрѣ общее понятіе „человѣкъ“ не только заключаетъ въ себѣ отрицаніе частныхъ особенностей того или другаго человѣка въ отдѣльности, но также еще утверждаетъ нѣкоторое новое высшее единство, которое обнимаетъ собою всѣхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ ихъ различается и слѣдовательно должно имѣть свою особенную независимую отъ нихъ объективную, дѣлающую его общею для нихъ объективною нормою (на такую норму мы прямо указываемъ, когда говоримъ: „будь человѣкомъ“, или „поступай сообразно человѣческому достоинству“ и т. п.): но самой этой объективной нормѣ, самаго содержанія высшаго единства, обнимающаго всю человѣческую дѣйствительность, хотя и свободнаго отъ нея, мы очевидно не достигнемъ путемъ отвлеченія, въ которомъ это новое единство получается лишь какъ пустое мѣсто послѣ отрицанія того, что не есть оно. Отсюда ясно, что отвлеченное мышленіе есть переходное состояніе ума, когда онъ достаточно силенъ, чтобы освободиться отъ исключительной власти чувственного воспріятія и отрицательно отнестись къ нему, но еще не въ состояніи овладѣть идеею во всей полнотѣ и цѣльности ея дѣйствительнаго предметнаго бытія, внутренне и существенно съ нею соединиться, а можетъ только (говоря метафорически) касаться ея поверхности, скользить по ея внѣшнимъ формамъ. Плодомъ такого отношенія является не живой образъ и подобіе сущей идеи, а только тѣнь ея, обозначающая ея внѣшнія границы и очертанія, но безъ полноты формъ, силъ и цвѣтовъ. Такимъ образомъ отвлеченное мышленіе, лишенное собственнаго содержанія, должно служить или *сокращеніемъ чувственнаго воспріятія* или *предвареніемъ умственнаго созерцанія*, поскольку образующія его общія понятія могутъ утвердяться или какъ *схемы явленій* или какъ *тѣни идей* ³⁾.

³⁾ На смѣшеніи идей съ понятіями основанъ между прочимъ знаменитый въ схоластикѣ споръ номиналистовъ и реалистовъ. Обѣ стороны были въ сущности правы. Номиналисты, утверждавшіе *universalia post res*, разумѣли первоначально подъ *universalia* общія понятія и въ этомъ смыслѣ справедливо доказывали ихъ несамостоятельность и безсодержательность, хотя, опредѣляя ихъ какъ только *nomina* или *verbes*, впадали въ очевидную крайность. Съ другой стороны реалисты, утверждавшіе *universalia ante res*, разумѣли

Что касается этихъ послѣднихъ, то еслибы даже необходимость ихъ признанія и не опиралась на ясныя логическія основанія, то мы все-таки должны были бы признать ихъ на иныхъ, фактическихъ основаніяхъ, сообщающихъ имъ достовѣрность общечеловѣческаго опыта: дѣйствительность идей и умственно-го созерцанія несомнѣнно доказывается фактомъ *художественнаго творчества*. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ идеальные образы, которые воплощаются художникомъ въ его произведеніяхъ, не суть во-первыхъ ни простое воспроизведеніе наблюдаемыхъ явленій въ ихъ частной и случайной дѣйствительности, ни во-вторыхъ—отвлеченныя отъ этой дѣйствительности общія понятія. Какъ наблюденіе, такъ и отвлеченіе или обобщеніе необходимы для разработки художественныхъ идей, но не для ихъ созданія, — иначе всякій наблюдательный и размышляющій человѣкъ, всякій ученый и мыслитель могъ бы быть истиннымъ художникомъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Всѣ сколько-нибудь знакомые съ процессомъ художественнаго творчества хорошо знаютъ, что художественныя идеи и образы не суть сложные продукты наблюденія и рефлексіи, а являются умственному взору разомъ въ своей внутренней цѣлости (художникъ *видитъ* ихъ, какъ это прямо утверждали про себя Гёте и Гофманъ), и дальнѣйшая художественная работа сводится только къ ихъ развитію и воплощенію въ матеріальныхъ подробностяхъ. Всякому извѣстно, что отвлеченная рассудочность, такъ же какъ и рабское подражаніе внѣшней дѣйствительности, суть одинаково недостатки въ художественномъ произведеніи; всякому извѣстно, что для истинно-художественнаго образа или типа безусловно необходимо внутреннее соединеніе совершенной индивидуальности съ совершенною общностью или универсальностью, а такое соединеніе и составляетъ существенный признакъ или собственное опредѣленіе умосозерцаемой идеи въ отличіе отъ отвлеченнаго понятія, которому принадлежитъ только общность, и отъ частна-

подъ ними настоящія идеи и потому основательно приписывали имъ самостоятельное бытіе. Но такъ какъ обѣ стороны плохо различали эти два значенія слова *universalia* или во всякомъ случаѣ не опредѣляли этого различія съ достаточною точностью, то между ними и должны были возникнуть нескончаемые споры.

го явленія, которому принадлежит только индивидуальность. Если такимъ образомъ предметомъ художества не можетъ быть ни частное явленіе, воспринимаемое во внѣшнемъ опытѣ, ни общее понятіе, производимое разсудочною рефлексіей, то этимъ предметомъ можетъ быть только сущая идея, открывающаяся умственному созерцанію.

Въ силу этой прямой связи художества съ метафизическимъ міромъ идеальныхъ существъ мы находимъ, что тотъ же самый національный гений, который впервые постигъ божественное начало какъ идеальный космосъ, — тотъ же самый національный гений былъ и настоящимъ родоначальникомъ художества. Поэтому, говоря о греческомъ идеализмѣ, должно разумѣть подъ нимъ не философскій только идеализмъ Платона, а все идеальное міросозерцаніе греческаго народа, выражавшееся во всей его культурѣ и бывшее настоящею его религіей. Платонизмъ возвелъ только къ философскому сознанію тѣ идеальныя основы, которыя уже лежали въ художественной религіи или религіозномъ искусствѣ Грековъ. Отъ Платона Греки узнали только философскую формулу того идеальнаго космоса, который уже былъ имъ извѣстенъ какъ живая дѣйствительность въ Олимпѣ Гомера и Фидія. Если древній Грекъ познавалъ божественное начало только какъ гармонію и красоту, то конечно онъ не познавалъ *всей* его истины, ибо оно *боже* чѣмъ гармонія и красота, но не обнимая собою *всей* истины божественнаго начала, этотъ идеализмъ очевидно представлялъ однако нѣкоторый видъ, нѣкоторую сторону Божества, заключалъ въ себѣ нѣчто положительно божественное. Утверждать противное, признавать этотъ идеализмъ только языческимъ заблужденіемъ значить утверждать, что истинно божественное не нуждается въ гармоніи и красотѣ формы, что оно можетъ и не осуществляться въ идеальномъ космосѣ. Если же, какъ это очевидно, красота и гармонія составляютъ необходимый и существенный элементъ Божества, то безъ сомнѣнія должно признать греческій идеализмъ какъ первый положительный фазисъ религіознаго откровенія, къ которому божественное начало, удаленное изъ чувственной природы, явилось въ новомъ свѣтлѣ царствъ, населенномъ не блѣдными тѣнями матеріальнаго міра и не случайными созданіями нашего воображенія, а дѣйствительными существами, ко-

торья съ чистотою идеи соединяють всю силу бытія, и будучи предметами созерцанія (для насъ), въ то же время суть и субъекты существованія (въ себѣ самихъ).

Какъ мы видѣли, всѣ идеи внутренно между собою связаны, будучи одинаково причастны одной всеобъемлющей идеѣ безусловной любви, которая уже по самой природѣ своей внутренно содержитъ въ себѣ все другое, есть сосредоточенное выраженіе всего ли *все какъ единство*. Но для того, чтобы это сосредоточеніе или это единство было дѣйствительнымъ, т. е. было *соединеніемъ чего нибудь*, очевидно необходимо обособленное существованіе соединяемаго или его существованіе *для себя* въ дѣйствительномъ отличіи отъ одинаго; для того же, чтобы идеи были обособлены, онѣ должны быть самостоятельными существами съ особыми дѣйствующими силами и особыми центрами или фокусами этихъ силъ, т. е. онѣ должны быть не только идеями, но монадами и атомами.

Такимъ образомъ и со стороны единства, съ точки зрѣнія всеединой идеи мы необходимо приходимъ ко множественности идеальныхъ существъ, ибо безъ такой множественности, т. е. при отсутствіи того, что должно быть соединяемо, самое единство не можетъ быть дѣйствительнымъ, не можетъ обнаружиться, а остается какъ чисто потенциальное, непроявленное бытіе, какъ пустая возможность или ничто. Съ другой стороны, какъ всякая идея, т. е. всякое положительное содержаніе, необходимо предполагаетъ опредѣленнаго субъекта или носителя, обладающаго опредѣленными силами для ея осуществленія, точно также и всеединая или безусловная идея не можетъ быть только чистою идеею или чистымъ объектомъ: чтобы быть существеннымъ единствомъ всего и дѣйствительно все связывать собою, она очевидно должна сама обладать существенностью и дѣйствительностью, должна существовать въ себѣ и для себя, а не въ другомъ и для другаго только,—иными словами, *всеединая идея должна быть собственнымъ опредѣленіемъ единичнаго центрального существа*. Но какъ же мы должны мыслить это существо?

Если предметная идея или идея какъ предметъ, т. е. въ созерцаніи или для другаго, отличается отъ всѣхъ другихъ идей своимъ существеннымъ качествомъ или характеромъ, различается *объективно*, то съ своей стороны носитель этой идеи или

субъектъ ея (точнѣе идея какъ субъектъ) долженъ отличаться отъ другихъ *субъективно* или по существованію, т. е. долженъ имѣть собственную, особенную дѣйствительность, быть самостоятельнымъ центромъ *для себя*, долженъ слѣдовательно обладать самосознаніемъ и *личностью*, ибо въ противномъ случаѣ т. е. еслибы идеи различались только объективно, по своимъ познаваемымъ качествамъ, а не саморазличались бы во внутреннемъ своемъ бытіи, то онѣ и были бы только представленіями для другаго, а не дѣйствительными существами, чего, какъ мы знаемъ, допустить нельзя.

Итакъ, носитель идеи, или идея какъ субъектъ, есть *лицо*. Эти два термина, лицо и идея — соотносительны какъ субъектъ и объектъ и для полноты своей дѣйствительности необходимо требуютъ другъ друга. Личность лишенная идеи была бы чѣмъ-то пустымъ, виѣшнею бессмысленною силой, ей нечего было бы осуществлять, и потому ея существованіе было бы только стремленіемъ, усиленіемъ жить, а не настоящею жизнью. Съ другой стороны, идея безъ соответствующаго субъекта или носителя, ее осуществляющаго, была бы чѣмъ-то вполнѣ страдательнымъ и безсильнымъ, чистымъ предметомъ, т. е. чѣмъ-то только представляемымъ, а не дѣйствительно существующимъ: для настоящаго же полнаго бытія необходимо внутреннее единство личности и идеи, какъ жара и свѣта въ огнѣ.

Примѣняя сказанное къ идеѣ безусловной, мы находимъ, что она, опредѣляясь по своей объективной сущности какъ всеобъемлющая или всеединая, виѣсть съ тѣмъ опредѣляется и въ своемъ внутреннемъ субъективномъ существованіи какъ единичное и единственное лицо, все одинаково ль себя заключающее и тѣмъ самымъ ото всего одинаково отличающееся.

Этимъ дается намъ впервые понятіе *живаго Бога*, и виѣсть съ тѣмъ прежнее наше понятіе о Богѣ какъ *всему* получаетъ нѣкоторое новое поясненіе. Богъ есть все,—это значитъ, что какъ всякое дѣйствительное существо имѣетъ опредѣленную сущность или содержаніе, котораго оно есть носитель, по отношенію къ которому оно говорить „я есмь“, т. е., я есмь *это*, а не другое, точно также и божественное существо утверждаетъ свое „я есмь“, но не по отношенію къ какому-нибудь отдѣльному частному содержанію, а по отношенію ко *всему*, т. е. вовер-

выхъ по отношенію къ безусловной всеединой и всеобъемлющей идеѣ, а черезъ нее и въ ней—и по отношенію ко всѣмъ особеннымъ идеямъ составляющимъ объемъ и содержаніе идеи безусловной.

Въ Библии—на вопросъ Моисея объ имени Божіемъ онъ получаетъ отвѣтъ: *ehjen ash'g chieh* т. е. (буквально) „я буду, который я буду“ т. е. я есмь я, или я есмь безусловное лицо ⁴⁾. Если въ индійскомъ буддизмѣ божественное начало опредѣлилось отрицательно какъ Нирвана или ничто, если въ греческомъ идеализмѣ оно опредѣляется объективно какъ идеальное все или всеобщая сущность, то въ іудейскомъ монотеизмѣ оно получаетъ внутреннее субъективное опредѣленіе какъ *чистое я* или безусловная личность. Это есть первое индивидуальное, личное откровеніе божественнаго начала.

Не только буддизмъ, но и платоническій идеализмъ не утверждаютъ божественнаго начала въ немъ самомъ, не выражаютъ его собственной дѣйствительности *оля него самою*: идеальное все или безусловная идея можетъ быть только принадлежностью или содержаніемъ безусловнаго, начала, а не имъ самимъ. Если всякая идея имѣетъ дѣйствительность только тогда, когда она представляется опредѣленнымъ особеннымъ существомъ, то и безусловная идея или идеальное все можетъ имѣть дѣйствительность не само по себѣ, а какъ содержаніе сущаго, которое есть субъектъ или носитель этой идеи.

Божество, понимаемое только какъ идеальный космосъ, какъ все или какъ гармонія всего — такое божество является для человека только какъ чистый объектъ, слѣдовательно только въ идеальномъ созерцаніи, и религія, которая этимъ ограничивается, имѣетъ характеръ умозрительный и художественный, исключительно созерцательный, а не дѣятельный; божественное начало

⁴⁾ По всей вѣроятности здѣсь будущее *ehjen* есть только замѣна настоящаго, котораго для этого глагола нѣтъ въ еврейскомъ языкѣ. Толкованія этихъ словъ, предполагающія здѣсь прямое значеніе будущаго времени и видящія въ этомъ указаніе на грядущія откровенія Божіи, кажутся намъ весьма натянутыми. Во всякомъ случаѣ помятое о Богѣ какъ о чистомъ я съ достаточною ясностью высказывается въ Ветхомъ Завѣтѣ и помимо приведеннаго изреченія, такъ что то или другое пониманіе этого послѣдняго не имѣетъ для насъ большаго значенія.

открыто здѣсь для воображенія и чувства, но ничего не говорить воли чловѣка. И дѣйствительно, нравственный элементъ совершенно чуждъ всему эллинскому міровоззрѣнію ⁵⁾. Вся область практической дѣятельности была предоставлена инстинктамъ, а не принципамъ. Хотя греческая философія и занималась этическими вопросами, въ результатѣ ея ученія приходили къ простому отрицанію нравственнаго начала какъ такого. Если уже Сократъ сводилъ добродѣтель къ знанію, устраняя такимъ образомъ ея существенную особенность, то великій ученикъ его съ большею опредѣленностью признавалъ за высшее благо чловѣка, за норму и цѣль его жизни такое состояніе, въ которомъ исчезаютъ всѣ желанія и всякая воля. Идеаломъ чловѣка для Платона былъ философъ, характеристическая же особенность философа, по выраженію самого Платона (въ Федонѣ), состоитъ въ томъ, что онъ постоянно *умираетъ* для практической жизни, т.-е. находится въ состояніи чистаго созерцанія вѣчныхъ идей, исключаящемъ всякое дѣятельное стремленіе, всякую дѣятельную волю. Поэтому и идеальное государство по Платону должно быть царствомъ философозъ, т.-е. высшая цѣль и для общества состоитъ въ развитіи теоретической сѣры и ея безусловномъ господствѣ надъ практическою жизнью. Точно также у стоиковъ нравственною нормою признавалась совершенная невозмутимость духа (*атаракіа*), т.-е. чистое отрицаніе всякой опредѣленной воли. Но если такимъ образомъ здѣсь (какъ и въ буддизмѣ) нравственною цѣлью ставилось простое погашеніе воли, то это очевидно происходило отъ того, что безусловная норма, т.-е. божество, понималось здѣсь только какъ чистый объектъ, безличный и безвольный, открывающійся поэтому только въ чистомъ созерцаніи, какъ состояніи нравственнаго безразличія (по скольку добро и зло суть качества воли, а не знанія); ибо если бы въ божествѣ признавалось дѣятельное начало воли, то нравственною задачею чловѣка являлось бы уже не простое уничтоженіе собственной воли, а замѣна этой его воли волею бже-

⁵⁾ Поэтому, давая абсолютной идеѣ нравственное опредѣленіе любви, мы имѣли въ виду полную истину идеализма, а не одностороннее его выраженіе въ греческомъ міровоззрѣніи: для этого послѣдняго абсолютное качество было не благость или любовь, а только благо, т. е. опять-таки лишь объектъ.

ственной. Поэтому только та религія могла имѣть положитель-но-нравственное значеніе, могла опредѣлить собою и наполнить область практической жизни,—только та религія, въ которой божество открылось какъ волящее лицо, котораго воля даетъ высшую норму волѣ человѣческой. Въ этомъ существенное значеніе ветхозавѣтнаго откровенія, ставящее его неизмѣримо выше всѣхъ другихъ религій древности. Что божество должно быть волящимъ лицомъ, живымъ Богомъ для того, чтобы положительно опредѣлять личную волю человѣка, — это ясно. Но спрашивается, *можетъ ли* божество по своей безусловной природѣ быть лицомъ? Этотъ вопросъ затемняется недоразумѣніями, происходящими отъ односторонности противоположныхъ взглядовъ, которые впрочемъ въ одинаковой мѣрѣ противорѣчатъ самому первоначальному понятію божества какъ безусловнаго. Такъ съ одной стороны утверждающіе личность божества обыкновенно утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что божество есть *только* личность, т.-е. известное личное существо съ такими-то и такими-то атрибутами. Противъ этого основательно возстаютъ пантеисты, доказывая, что это значитъ ограничивать божество, отнимать у него безконечность и безусловность, дѣлать его однимъ изъ многихъ. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что божество какъ абсолютное не можетъ быть *только* личностью, только *я*, что оно болѣе чѣмъ личность. Но возстающіе противъ этого ограниченія сами впадаютъ въ противоположную односторонность, утверждая, что божество просто *нишено* личнаго бытія, что оно есть лишь безличная субстанція всего. Но если божество есть субстанція, т.-е. самоеущее, то содержа въ себѣ все, оно должно различаться ото всего или утверждать свое собственное бытіе, ибо въ противномъ случаѣ не будетъ содержащаго, и божество, лишенное внутренней самостоятельности, станетъ уже не субстанціей, а только атрибутомъ всего. Такимъ образомъ уже въ качествѣ субстанцій божество необходимо обладаетъ самоопредѣленіемъ и саморазличеніемъ, т.-е. личностью и сознаниемъ.

Итакъ, истина очевидно въ томъ, что божественное начало не есть личность только въ томъ смыслѣ, что оно не исчерпывается личнымъ опредѣленіемъ, что *оно не есть только единое, но и все*,

не есть только индивидуальное, но и всеобъемлющее существо, не только сущій, но и сущность.

Какъ безусловное, будучи субъектомъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и субстанція; будучи личностью или обладая личнымъ бытіемъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безусловное содержаніе или идея, наполняющая это личное бытіе. Божество больше личнаго бытія, свободно отъ него, но не потому, чтобы оно было лишено его (это было бы плохою свободой), а потому, что обладая имъ оно имъ не исчерпывается, а имѣетъ и другое опредѣленіе, которое дѣлаетъ его свободнымъ отъ перваго.

Въ историческомъ развитіи религіознаго сознанія, постепенно доходившаго до полной истины, міръ языческой, цвѣтъ котораго выразился въ эллинизмъ, утвердилъ преимущественно божество какъ все. Изъ двухъ необходимыхъ моментовъ божественной дѣйствительности: личнаго или субъективнаго и идеальнаго или объективнаго,—этотъ міръ воспринялъ и выразилъ извѣстнымъ образомъ только второй. Іудейство же напротивъ, составляющее въ этомъ отношеніи прямую противоположность эллинизму, восприняло и извѣстнымъ образомъ осуществило первый моментъ личной или субъективной дѣйствительности, познало божество какъ сущее или чистое я.

Разумѣется эта противоположность не была и не могла быть безусловною. Если величайшій представитель эллинскаго духа Платонъ развилъ ученіе объ идеяхъ и о божествѣ какъ высшей идеѣ, то съ другой стороны у того же Платона мы находимъ и опредѣленіе божества какъ диміурга, т. е. творческаго существа, образующаго міръ по безусловнымъ нормамъ или идеямъ. Но такой взглядъ является у Платона и во всей греческой философіи только мимоходомъ; онъ заслоняется другимъ господствующимъ взглядомъ, по которому божественное начало не есть существо, а только идеальное все.

Точно также въ іудействѣ, хотя божество опредѣляется какъ сущій или я, но встрѣчается также и понятіе объ этомъ я, какъ обладающемъ безусловнымъ содержаніемъ. Но тутъ точно также это второе понятіе вообще поглощается первымъ: господствующее представленіе о Богѣ въ іудействѣ безъ сомнѣнія есть представленіе о немъ какъ о чистомъ я, помимо всякаго содержанія: есмь, иже есмь—и только.

Но я въ своей безусловной центральности есть нѣчто совершенно непроницаемое, есть исключеніе изъ себя всего другаго, всего, что не есть я: безусловное я должно быть единственнымъ самостоятельнымъ существомъ, недопускающимъ независимой дѣйствительности ни въ чемъ другомъ. „Я огонь поѣдающій“, говоритъ про себя ветхозавѣтный Богъ. Какое же можетъ быть отношеніе человѣческой личности къ божественному началу такимъ образомъ утверждаемому? какая можетъ быть связь между ними или религія? Если божественное начало, какъ безусловное я, какъ единственное самостоятельное существо, исключаетъ всякую другую самостоятельность, то отношеніе человѣка къ нему можетъ быть только безусловнымъ подчиненіемъ, безусловнымъ отреченіемъ отъ всякой самостоятельности. Человѣкъ долженъ признать, что онъ во всемъ своемъ существѣ и во всей жизни есть только слѣдствіе, только продуктъ безусловной воли этого безусловнаго я. Воля же безусловнаго я, свободная отъ всякаго содержанія, отъ всякой идеи и всякой природы, есть чистый произволъ. Но этотъ произволъ для человѣческой личности, подчиняющейся ему, есть законъ.

Безусловное я непроницаемо для другаго я; оно является для него какъ внѣшняя сила, дѣйствіе этой силы для него есть необходимость, признаніе же необходимости есть законъ. Такимъ образомъ религія безусловнаго личнаго [Бога] есть религія закона, потому что для самоутверждающагося человѣческаго я, пока оно остается въ этомъ самоутвержденіи, безусловное существо необходимо должно являться какъ внѣшнее и воля его какъ внѣшній законъ.

Но ветхозавѣтное откровеніе—и въ этомъ его полная истина и оправданіе—само содержитъ въ себѣ признаніе, что религія закона не есть нормальная, истинная религія, а что это только необходимый переходъ къ другому невнѣшнему отношенію или связи съ божественнымъ началомъ. Это признаніе выражается пророками и истина ветхозавѣтной библейской религіи состоитъ въ томъ что она есть не только религія закона, но и религія пророковъ.

Въ пророческихъ книгахъ мы находимъ ясныя указанія что законъ и законный культъ имѣютъ значеніе чисто условное, переходящее.

„Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Іегова. Я пресыщенъ всесоженіямъ овновъ и тукомъ скота откормленнаго и не желаю крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ. Если вы и приходите являться предъ лицо Мое, то кто требуетъ сего отъ васъ, чтобы вы топтали двory Мои? Впредь не носите даровъ пустыхъ; куреніе отвратительно для Меня, новомѣсячій и субботъ, собраній праздничныхъ не могу терпѣть. Беззаконіе и празднованіе! Новомѣсячія ваши и торжества ваши ненавидитъ душа Моя; онѣ для Меня бремя, Мнѣ тяжело нести“ (Исаи I, 11—14).

„Такъ говоритъ Іегова воинствъ, Богъ израилевъ: всесоженія ваши прилагайте къ жертвамъ вашимъ и ѣшьте мясо: ибо отцамъ вашимъ Я не говорилъ и въ день изведенія ихъ изъ земли египетской не давалъ заповѣди о всесоженіи жертвъ. Но сію заповѣдь Я завѣщалъ имъ говоря: слушайте слово Мое, и Я буду вашимъ Богомъ, а вы будете Моимъ народомъ, и ходите всякимъ путемъ, который Я укажу вамъ, чтобы вамъ благоугодствовать“ (Иереміи VII, 21—23).

Установленные закономъ обряды и жертвы сами по себѣ не могутъ никакимъ образомъ выражать волю Божию: какъ безусловная эта воля не можетъ быть связана ни съ какимъ вѣщнымъ предметомъ, никакое вѣщное дѣйствіе не можетъ удовлетворить ее,—передъ нею исчезаютъ всѣ различія святаго и нечистаго во вѣщныхъ предметахъ и дѣйствіяхъ. Хотя извѣстные дѣйствія и установлены закономъ Іеговы, но между ними и Іеговою не можетъ быть никакого внутренняго отношенія, и если человѣкъ думаетъ однимъ исполненіемъ этихъ дѣйствій удовлетворить абсолютную волю, то тѣмъ самымъ эти дѣйствія становятся нечистыми и преступными.

„Такъ говоритъ Іегова: престолъ Мой небо, а земля подножіе ногамъ Моимъ: гдѣ же вы построите домъ для Меня, и гдѣ мѣсто для Моего упокоенія? ибо все сіе Моя рука сотворила, что бы все сіе существовало, говоритъ Іегова. Закалающій вола то же что поражающій человѣка; приносящій овцу въ жертву дуть пса; представляющій хлѣбное приношеніе подносить свиную кровь: кадящій ойміамомъ благословляетъ идола (Исаи, LXVI, 1—3).

Но если божественная воля не можетъ имѣть никакого отдѣльнаго опредѣленнаго предмета, а между тѣмъ какъ воля она должна относиться къ чему нибудь, то очевидно этимъ ея предметомъ можетъ быть только *все*. Воля Божія какъ абсолютная не можетъ что-либо исключать изъ себя, или что тоже, хотѣть чего-нибудь *исключительно*: не зная лишенія, она не знаетъ и зависти; она одинаково утверждаетъ бытіе и благо всѣхъ, и поэтому сама опредѣляется какъ безусловная благодѣтельность или любовь. „Я люблю тебя любовью вѣчною, говоритъ Іегова своему созданію, и потому продлю къ тебѣ благоволеніе“ (Іереміи, XXXI, 3).

Если же воля Божія есть любовь, то этимъ опредѣляется и внутренней законъ для воли человѣческой.

„Сними оковы неправды, разрѣши узы ярма, и измученныхъ отпусти на свободу, и разсторгни всякія узы. Когда голодному будешь преломлять хлѣбъ твой и скитающихся несчастныхъ будешь принимать въ домъ; когда увидишь нагаго и одѣнешь его и отъ единокровнаго твоего не спрячешься: тогда проглянетъ какъ заря свѣтъ твой, и исцѣленіе твое процвѣтетъ скоро, и праведность твоя будетъ тебѣ предшествовать, и слава Іеговы будетъ сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Іегова отвѣтитъ; возопіешь, и скажетъ: се, Я! Когда ты уничтожишь ярмо у себя, перестанешь поднимать персть и говорить обидное, и отдашь голодному душу свою и питаешь душу страждущую; тогда свѣтъ твой взойдетъ во тмѣ, и мракъ твой будетъ какъ полдень“. (Исаи, LVIII, 6—10).

Воля Божія должна быть закономъ и нормою для воли человѣческой не какъ *признанный произволъ*, а какъ *сознанное добро*. На этомъ внутреннемъ отношеніи имѣетъ быть новый завѣтъ между Богомъ и человѣчествомъ, новый богочеловѣческій порядокъ, который долженъ замѣнить ту предварительную и переходную религію, которая утвердилась на внѣшнемъ законѣ.

„Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Іегова, когда Я заключу съ домою Израилевымъ и съ домою Іудинымъ новый завѣтъ, не такой завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ, когда взялъ ихъ за руку чтобы вывести изъ земли Египетской; тотъ завѣтъ Мой они нарушили, такъ что Я отвергъ ихъ, говоритъ Іегова.

Ибо вотъ завѣтъ, который я заключу съ домою Израилевымъ послѣ тѣхъ дней, говоритъ Іегова: вложу законъ Мой внутрь ихъ, и на сердца ихъ напишу его; и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. И уже не будутъ учить другъ друга, братъ брата и говорить: познайте Іегову, ибо всѣ они будутъ знать Меня отъ малаго до великаго,—говоритъ Іегова, потому что Я прощу вину ихъ и грѣха ихъ уже не буду помнить⁴. (Іеремія XXXI, 31—34).

Этотъ новый богочеловѣческій завѣтъ, основанный на внутреннемъ законѣ любви, долженъ быть свободенъ ото всякой исключительности: здѣсь уже не можетъ быть мѣста произвольному избранію и осужденію лицъ и народовъ; новый внутренній завѣтъ есть завѣтъ всемірный, восстанавлиющій все чело-вѣчество, а чрезъ него и всю природу.

„И будетъ въ послѣдніе дни, гора дому Іеговы будетъ поставлена во главу горъ; и возвысится надъ холмами, и потекутъ къ ней всѣ народы. И выступятъ народы великіе и скажутъ: пойдемъ и взойдемъ на гору Іеговы, въ домъ Бога Іаковлева, дабы Онъ указалъ намъ пути свои, и будемъ ходить стязами Его. Тогда Онъ будетъ судить народы, и управлять народами великими; и перекуютъ мечи свои на орала и копья свои на серпы⁴ (Исаіа II, 2—4).

„Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козлищемъ, и телець и левъ молодой и быкъ вмѣстѣ будутъ ходить, и дитя малое будетъ водить ихъ. И корова съ медвѣдицею будутъ пастись, дѣти ихъ вмѣстѣ будутъ лежать, и левъ какъ волъ питаться травкою. И будетъ играть младенецъ надъ норою аспида, и дитя направить руку свою на пещеру змѣи; не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей: ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Іеговы, какъ водами покрыто дно морское. И будетъ въ оный день—къ корню Іессееву, который будетъ стоять какъ знамя народовъ, обратятся язычники, и покоище его будетъ слава“ (Исаіа, XI, 6.—10)

Чтеніе шестое.

Мы видѣли, что существенный принципъ іудейства — откровеніе Бога въ Его безусловномъ единствѣ, какъ чистаго я, уже освобождается отъ своей исключительности въ откровеніи пророковъ израильскихъ, которымъ Богъ является уже не какъ чистое я *только*, не имѣющее въ своей дѣятельности никакого другаго основанія кромѣ исключительно-субъективнаго начала произвола, подчиняющаго себѣ человѣка въишнюю силу, возбуждаѣ въ немъ страхъ (такимъ являлся первоначально для еврея Ель-Шадаѣй—Богъ силы и страха, такимъ по преимуществу является и теперь Аллахъ для магометанина); пророкамъ Богъ открывается какъ обладающій извѣстнымъ существеннымъ идеальнымъ опредѣленіемъ, какъ всеобъемлющая любовь,—вслѣдствіе чего и дѣйствіе Бога на другое, Его отношеніе къ человѣку опредѣляется уже *объективною* идеей абсолютнаго блага, и законъ Его бытія является уже не какъ чистый произволъ (въ Немъ) и въишняя насильственная необходимость (для человѣка), а какъ внутренняя необходимость или истинная свобода. Соответственно этому расширенію религіознаго начала расширяется у пророковъ и національное іудейское сознаніе. Если откровенію Бога какъ исключительнаго я отвѣчало и въ народъ Божиѣмъ исключительное утвержденіе своего національнаго я среди другихъ народовъ, то сознаніе, которому Богъ открылся какъ универсальная идея, какъ всеобъемлющая любовь, необходимо должно освободиться отъ національнаго эгоизма, необходимо должно стать общечеловѣческимъ.

И дѣйствительно таково сознаніе пророческое. Иона проповѣдуетъ волю Іеговы язычникамъ Вавилоніи, Исаѣя и Іеремія возвѣщаютъ грядущее откровеніе какъ знамя языковъ, къ которому притекутъ всѣ народы. И между тѣмъ именно еврейскіе пророки были величайшими патриотами, всецѣло проникнутыми національною идеею іудейства, но именно потому, что они были ею всецѣло проникнуты, они и должны были понять ее какъ всеобщую, для всѣхъ предназначенную,—какъ достаточно великую и широкую, чтобы внутренне объединить собою все человѣчество и весь міръ. Съ этой стороны примѣръ еврейскихъ пророковъ—

величайшихъ патріотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшихъ представителей универсализма, въ высшей степени поучителенъ для насъ, указывая на то, что если истинный патріотизмъ необходимо свободенъ отъ народной исключительности и эгоизма, то вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ истинное общечеловѣческое возрѣніе, истинный универсализмъ для того, чтобы быть чѣмъ нибудь, чтобы имѣть дѣйствительную силу и положительное содержаніе, необходимо долженъ быть расширеніемъ или универсализаціей положительной народной идеи, а не пустымъ и безразличнымъ космополитизмомъ.

Итакъ въ пророческомъ сознаніи впервые соединились субъективный чисто личный элементъ ветхозавѣтнаго Ягве (Сушаго) съ объективной идеей универсальной божественной сущности. Но такъ какъ пророки были вдохновенными *дѣятелами*, были практическими людьми въ высшемъ смыслѣ этого слова, а не созерцательными мыслителями, то синтетическая идея божественнаго существа была у нихъ болѣе воспріятіемъ духовнаго чувства и возбужденіемъ нравственной воли, нежели предметомъ умозрѣнія. Между тѣмъ для того, чтобы наполнить и опредѣлить собою все сознаніе человѣка, эта идея должна была сдѣлаться и предметомъ мысли. Если истина божества состоитъ въ единствѣ Бога какъ сущаго или безусловнаго субъекта съ его абсолютною сущностью или объективною идеей, то это единство, это внутреннее отношеніе двухъ элементовъ (личнаго и существеннаго) въ Божествѣ должно быть извѣстнымъ образомъ мыслимо, должно быть опредѣлено. И если одинъ изъ этихъ божественныхъ элементовъ (безусловная личность Бога) открылся по преимуществу гению народа іудейскаго, другой же (абсолютная идея Божества) былъ въ особенности воспринятъ гениемъ эллинизма, то весьма понятно, что синтезъ этихъ двухъ элементовъ (необходимый для полноты богопознанія) всего скорѣе могъ произойти тамъ и тогда, гдѣ и когда столкнулись іудейская и греческая народности.

И дѣйствительно, выполненіе этой великой умственной задачи началось въ Александріи среди Іудеевъ—эллинистовъ (т. е. воспринявшихъ греческое образованіе), выдающимся представителемъ которыхъ является знаменитый Филонъ (родившійся нѣсколько ранѣе Р. Х., а умершій во времена апостольскія), раз-

вившій какъ извѣстно ученіе о Логосѣ (словъ или разумъ) какъ выразителѣ божественной универсальной сущности и посредникѣ между единымъ Богомъ и всѣмъ существующимъ. Въ связи съ этимъ ученіемъ о Логосѣ какъ его дальнѣйшее развитіе въ той же Александріи явилось ученіе неоплатониковъ о трехъ божественныхъ ипостасяхъ, осуществляющихъ абсолютное содержаніе или выражающихъ опредѣленнымъ образомъ отношеніе Бога какъ единого ко всему или какъ сущаго къ сущности¹⁾. Это ученіе было развито неоплатониками независимо отъ христіанства: важнѣйшій представитель неоплатонизма Плотинъ, хотя жилъ во II вѣкѣ по Р. Х., но очень мало зналъ о христіанствѣ²⁾. Тѣмъ не менѣе отрицать связь между эллиновымъ ученіемъ и неоплатонизмомъ съ одной стороны и христіанствомъ, т.-е. именно христіанскимъ ученіемъ о Троицѣ или тріединомъ Богѣ—совершенно невозможно. Если сущность божественной жизни была опредѣлена александрійскими мыслителями путемъ чистомыслительнымъ на основаніи теоретической идеи Божества, то въ христіанствѣ *та же самая* всеединя божественная жизнь являлась какъ фактъ, какъ историческая дѣйствительность,—въ живой индивидуальности историческаго лица. Единственно христіане впервые познали Божественный Логосъ и Духа не со стороны тѣхъ или другихъ логическихъ или метафизическихъ категорій, подъ которыми они являлись въ философіи александрійской, они познали Логосъ въ своемъ распятомъ и воспреспшемъ Спасителѣ, а Духъ въ живомъ, непосредственно ими ощутимомъ началѣ ихъ духовнаго возрожденія. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы тѣ метафизическія и логическія опредѣленія триничности были чужды христіанству, какъ ученію, и не выражали собою нѣкоторой части истины? Напротивъ, какъ только у самихъ христіанъ является потребность сдѣлать предметомъ мысли эту открывшуюся для нихъ божественную жизнь, то-есть объяснить ее изъ ея внутреннихъ основаній въ самомъ божествѣ, — потребность уразумѣть какъ всеобщую

¹⁾ Выраженіе: три божественныя или три начальныя ипостаси есть собственное выраженіе Плотина, причѣмъ разумѣется, оно имѣетъ свой философскій смыслъ, а не христіанскій.

²⁾ Это утвержденіе, представленное здѣсь безъ научнаго оправданія, лежитъ на отвѣтственности автора. *Цемз.*

идею то, что они ощущали как частный фактъ, то они естественно обращаются къ умозрительнымъ опредѣленіямъ греческихъ и греко-іудейскихъ мыслителей, уже познавшихъ теоретическую истину тѣхъ началъ, которыхъ проявленіе они, христіане, испытали какъ живую дѣйствительность. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что первыя умозрѣнія о Богѣ и его внутренней жизни у христіанскихъ учителей—у Іустина Философа, у Ипполита, Климентя Александрійскаго, въ особенности у Оригена—воспроизводятъ существенную истину филонова и неоплатоническаго ученія, представляясь какъ различныя варіаціи той же умозрительной темы -- самооткровенія всеединого Божества, а между тѣмъ, какъ извѣстно, св. Афанасій Великій, устанавливая истинную догму о Троицѣ, опираясь прямо на того же Оригена, пользовавшагося въ то время въ Церкви тѣмъ высокимъ авторитетомъ, который онъ вполне заслуживалъ ³⁾.

Утвержденіе существеннаго сродства между христіанскимъ догматомъ Троицы и греко-іудейскими умозрѣніями о томъ же предметѣ нисколько не уменьшаетъ самобытнаго значенія самого христіанства какъ положительнаго откровенія. Въ самомъ дѣлѣ, оригинальность христіанства не въ общихъ взглядахъ, а въ положительныхъ фактахъ, не въ умозрительномъ содержаніи его

³⁾ Что касается вообще до формулъ этого догмата, установленныхъ церковію на вселенскихъ соборахъ противъ Арія, Евномія и Македонія, то будучи, какъ мы увидимъ, вполне истинными и съ умозрительной точки зрѣнія, эти формулы ограничиваются понятно лишь самыми общими опредѣленіями и категоріями, каковы единосущіе, равенство и т. д.; метафизическое же развитіе этихъ опредѣленій и слѣдовательно умозрительное содержаніе этихъ формулъ естественно было предоставлено церковію свободной дѣятельности богословія и философіи, и несомнѣнно, что къ этимъ опредѣленіямъ можетъ быть сведено и этимъ православными формулами покрывается все существенное содержаніе alexandрійскихъ умозрѣній о трехъ ипостасяхъ,—разумѣется если смотрѣть на мысли, а не привязываться къ однимъ словамъ. Съ другой стороны, для полнаго логическаго уясненія этого основнаго догмата неопціннымъ средствомъ могутъ служить намъ тѣ опредѣленія чистой логической мысли, которыя съ такимъ совершенствомъ были развиты въ новѣйшей германской философіи, которая съ этой формальной стороны имѣетъ для насъ тоже значеніе, какое для древнихъ богослововъ имѣли доктрины Академіи и Лихей; и тѣ, кто теперь востаютъ противъ введенія этого философскаго элемента въ религіозную область, должны были бы сначала отвергнуть всю прежнюю исторію христіанскаго богословія, которое можно сказать питалось Платономъ и Аристотелемъ.

идеи, а въ ея личномъ воплощеніи. Эта оригинальность отъ христіанства неотъемлема и для утвержденія ея нѣтъ надобности вопреки исторіи и здравому смыслу доказывать, что всѣ идеи христіанской догматики явились какъ что-то безусловно новое, такъ-сказать упали готовыми съ неба. Не такого мнѣнія были тѣ великіе отцы древней церкви, которые утверждали, что тотъ же самый божественный Разумъ, который открылся во Христѣ, и до своего воплощенія просвѣщаль вѣчною истиною вдохновенныхъ мудрецовъ язычества, бывшихъ *христіанами до Христа* ²⁾.

Перехода теперь къ изложенію самаго этого ученія о тринитности Божества какъ всеединого, — ученія сѣставляющаго вмѣстѣ и вѣнецъ дохристіанской религіозной мудрости и основное умоизрительное начало христіанства, — я не буду останавливаться на частностяхъ этого ученія, являющихся въ той или другой системѣ — у Филона или Плотина, у Оригена или Григорія Богослова: я имѣю въ виду только существенную истину этого ученія, общую всѣмъ его видоизмѣненіямъ, и буду выводить эту истину въ той формѣ, которую признаю наиболѣе логичною, наиболѣе отвѣчающею требованіямъ умоизрительнаго разума.

Богъ есть *сушій*, т. е. Ему принадлежитъ бытіе, Онъ обладаетъ бытіемъ. Но нельзя быть просто, *только быть*: утвержденіе *я есмь*, или *это есть* необходимо вызываетъ вопросъ, *что* есмь или есть? Бытіе вообще обозначаетъ очевидно лишь отвлеченное понятіе; дѣйствительное же бытіе необходимо требуетъ не только извѣстнаго сущаго какъ субъекта, о которомъ говорится, что онъ *есть*, но также и извѣстнаго предметнаго содержанія, или сущности, какъ снѣзумаго отвѣчающаго на вопросъ: *что* есть этотъ субъектъ или что онъ собою представляетъ? Такимъ образомъ

²⁾ Выраженіе св. Іустина о нѣкоторыхъ греческихъ философахъ. — Хотя тѣсная внутренняя связь между александрійскою теософіей и христіанскимъ ученіемъ есть одно изъ твердо-установленныхъ положеній западной науки, но такъ какъ въ нашей богословской литературѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ это вполне достовѣрное положеніе не пользуется общимъ признаніемъ, то я считаю нужнымъ въ концѣ этихъ чтеній посвятить этому вопросу особое приложеніе, въ которомъ мнѣ придется также коснуться значенія туземной египетской теософіи (откровеній Тота или Гермеса) въ ея отношенія къ обоимъ названнымъ ученіямъ.

если грамматически глаголь „быть“ составляет лишь связь подлежащаго со сказуемымъ, то въ соответствіи этому и логически бытіе можетъ быть мыслимо лишь какъ *отношеніе сущаго къ его объективной сущности или сдв. рожанію*,—отношеніе, въ которомъ онъ такъ или иначе утверждаетъ, полагаетъ или проявляетъ это свое содержаніе, эту свою сущность⁵⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы предположили существо, которое *никакимъ образомъ не утверждаетъ и не полагаетъ никакого объективнаго содержанія, не представляетъ собою ничего, не является ничѣмъ ни въ себѣ и для себя, ни для другаго*, то мы не имѣли бы логическаго права признать самое бытіе такого существа, такъ какъ за отсутствіемъ всякаго дѣйствительнаго содержанія бытіе становилось бы здѣсь пустымъ словомъ, подъ которымъ ничего бы не разумѣлось, или которымъ ничего бы не утверждалось, и единственнымъ отвѣтомъ на вопросъ: что есть это существо?—было бы здѣсь: *ничто* 6).

Если такимъ образомъ Богъ какъ сущій не можетъ представлять только бытіе *вообще*, такъ какъ это значило бы, что Онъ есть ничто (въ отрицательномъ смыслѣ) или просто, что Яго нѣтъ совсѣмъ, и если съ другой стороны Богъ какъ абсолютное не можетъ быть *только чѣмъ-нибудь*, не можетъ ограничиваться какимъ-нибудь частнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ,—

5) Этому не противорѣчатъ тѣ выраженія, въ которыхъ глаголь *быть* самъ повидимому играетъ роль сказуемаго, именно когда утверждается простое существованіе чего-нибудь. Дѣло въ томъ, что это есть лишь способъ выраженія для отвлекающей мысли, причемъ вовсе и не ищется въ виду выражать полную истину предмета. Такъ напримѣръ если я скажу просто: дьяволъ есть, или есть дьяволъ, то хотя здѣсь и не говорю, *что такое* есть дьяволъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хочу сказать и того, чтобы онъ не былъ чѣмъ-нибудь, я здѣсь никакъ не предполагаю, чтобы онъ *только* былъ или былъ только сущимъ, субъектомъ безъ всякаго объективнаго качественнаго опредѣленія, безо всякой сущности или содержанія,—я здѣсь только *не остаюсь* на вопросѣ объ этой сущности или содержаніи, ограничиваясь указаніемъ лишь на самое существованіе этого субъекта. Такимъ образомъ подобныя выраженія представляютъ лишь *опущеніе* настоящаго сказуемаго, а никакъ не отрицаніе его или отождествленіе съ простымъ бытіемъ.

6) Въ этомъ заключается глубоко-вѣрный смыслъ знаменитаго Гегелева парадокса, которымъ начинается его логика, именно, что бытіе, какъ такое, т. е. чистое, пустое бытіе тождественно со своимъ противоположнымъ, или есть ничто.

то единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на вопросъ: что есть Богъ, является уже извѣстный намъ, именно что Богъ есть все, т.-е. что все въ положительномъ смыслѣ или *единство всехъ составляетъ собственное содержаніе, предметъ или объективную сущность Бога*, и что бытіе, дѣйствительное бытіе Божіе есть утвержденіе или положеніе этого содержанія, этой сущности, а въ ней и самого полагающаго или сущаго. Логическая необходимость такого положенія очевидна. Еслибы божественная сущность не была всеединою, не заключала въ себѣ всего, то слѣдовательно что нибудь могло бы быть существенно внѣ Бога, но въ такомъ случаѣ Богъ ограничивался этимъ внѣшнимъ для него бытіемъ, не былъ бы абсолютнымъ, т.-е. не былъ бы Богомъ. Такимъ образомъ утвержденіемъ всеединства Божія устраняется дуализмъ, ведущій къ атеизму. Съ другой стороны, это же утвержденіе, полагая въ Богѣ всю полноту или дѣлность всякаго бытія какъ его вѣчную сущность, не имѣетъ ни побужденія, ни логической возможности связывать божественное существо съ частною условною дѣйствительностью этого природнаго міра, слѣдовательно этимъ утвержденіемъ устраняется натуралистическій пантеизмъ, который подъ всѣмъ разумѣетъ не вѣчную полноту божественнаго бытія, а только совокупность природныхъ явленій, единство которыхъ и называетъ Богомъ. Наконецъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, это же наше утвержденіе Бога какъ всеединого устраняетъ и идеалистическій пантеизмъ, отождествляющій Бога какъ сущаго съ его объективною идеей.

Въ самомъ дѣлѣ, если *все* представляетъ содержаніе или сущность Божію, то Богъ, какъ субъектъ или сущій, т.-е. какъ обладающій этимъ содержаніемъ или сущностію, необходимо различается отъ нея, какъ во всякомъ существѣ мы должны различать его самого какъ субъекта отъ того, что составляетъ его содержаніе, что имъ или въ немъ утверждается или выражается,—различать какъ выражающаго отъ выражаемаго или какъ себя отъ своего. Различіе же есть *отношеніе*. Итакъ Богъ какъ сущій находится въ нѣкоторомъ отношеніи къ своему содержанію или сущности: Онъ проявляетъ или утверждаетъ ее. Для того чтобы утверждать ее какъ свое, онъ долженъ обладать ею субстанціально, т.-е. быть всѣмъ или единствомъ всего въ вѣчномъ внутреннемъ актѣ. Какъ безусловное начало, Богъ долженъ

заключатъ или содержать въ себѣ все въ неразрывномъ и непосредственномъ субстанціальномъ единствѣ. Въ этомъ *первомъ положеніи* все содержится въ Богѣ, т. е. въ божественномъ субъектѣ или сущемъ, какъ въ своемъ общемъ корнѣ, все поглощено или погружено въ немъ какъ въ своемъ общемъ источникѣ; слѣдовательно здѣсь оно какъ *все* не различается *актуально*, а существуетъ только въ возможности, потенциально. Другими словами, въ этомъ первомъ положеніи дѣйствителенъ, актуаленъ только Богъ какъ сущій, содержаніе же его—*все* или всеобщая сущность, хотя существуетъ и здѣсь, ибо безъ нея самъ сущій, какъ мы видѣли, былъ бы мичѣвъ, т. е. не существовалъ бы, но существуетъ лишь въ скрытомъ состояніи, потенциально. Для того же, чтобы она была дѣйствительной, Богъ долженъ не только содержать ее *въ себѣ*, но и утверждать *для себя*, т. е. онъ долженъ утверждать ее какъ *другое*, долженъ проявлять и осуществлять какъ нечто отъ него самого различное.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ *второй видъ* или *второе положеніе* сущаго: то все или всеобщее содержаніе, та собственная сущность Божія, которая въ первомъ положеніи или въ первомъ образѣ (способѣ) существованія заключалась лишь въ скрытомъ состояніи, какъ только потенциальная, здѣсь въ этомъ второмъ видѣ выступаетъ какъ нѣкоторая идеальная *дѣйствительность*; если въ первомъ положеніи она скрывается въ глубинѣ субъективнаго, непроявленнаго бытія, то здѣсь она полагается какъ предметъ.

Разумѣется этотъ предметъ не можетъ быть внѣшнимъ для божественнаго субъекта. Такъ какъ этотъ послѣдній въ качествѣ абсолютнаго не можетъ имѣть ничего внѣ себя, то это есть лишь его собственное внутреннее содержаніе, которое онъ своимъ внутреннимъ дѣйствіемъ различаетъ отъ себя какъ сущаго, выдѣляетъ изъ себя или объективируетъ. Если мы захотимъ поискать для этого отношенія какую нибудь аналогію въ мірѣ нашего опыта, то наиболѣе сюда подходящимъ является отношеніе художника къ художественной идеѣ въ актѣ творчества. Въ самомъ дѣлѣ, художественная идея не есть что нибудь чуждое, внѣшнее для художника; это есть его собственная внутренняя сущность, *суть* его духа и содержаніе его жизни, дѣлающее его тѣмъ, чѣмъ онъ есть; и стремясь осуществить или

воплотить эту идею въ дѣйствительномъ художественномъ сознаніи онъ хочетъ только имѣть эту свою суть, эту идею не только въ себѣ, но и для себя или передъ собою какъ предметъ, хочетъ представить свое какъ иное или въ иномъ объективномъ видѣ ⁷⁾.

Итакъ второе положеніе или второй способъ существованія сущаго есть только иное *выраженіе* того, что есть уже и въ первомъ. Но въ первомъ положеніи выражаемое, т. е. абсолютное содержаніе какъ цѣлость всѣхъ существенныхъ формъ или полнота всѣхъ идей, является только внутренно, въ положительной возможности или мощи абсолютнаго субъекта, имѣетъ слѣдовательно лишь существенное, а не дѣйствительное бытіе, такъ какъ вся дѣйствительность принадлежитъ здѣсь самому этому безусловному субъекту или сущему, въ его непосредственномъ единствѣ; онъ какъ единое есть здѣсь чистый актъ, чистая безусловная дѣйствительность, о которой мы можемъ получить нѣкоторое познаніе, когда отвлекаясь отъ всего проявленнаго, опредѣлившись содержанія нашей жизни внѣшней и внутренней, отвлекаясь не только отъ всѣхъ впечатлѣній, но и отъ чувствъ, мыслей и желаній, мы соберемъ всѣ наши силы въ единомъ средоточіи непосредственнаго духовнаго бытія, въ положительной мощи котораго заключаются всѣ акты нашего духа и которымъ опредѣляется вся окружность нашей жизни: когда мы погрузимся въ ту нѣмую и неподвижную глубину, въ которой мутный потокъ нашей дѣйствительности беретъ свое начало, не нарушая ея чистоты и покоя,—въ этомъ родоначальномъ источникѣ нашей собственной духовной жизни мы внутренно соприкасаемся и съ родоначальнымъ источникомъ жизни всеобщей, существенно познаемъ Бога, какъ первоначало или субстанцію всего, познаемъ Бога Отца. Таковъ первый образъ сущаго—дѣйствительность его *одною*. Для того же, чтобы не

⁷⁾ Разумѣется эта аналогія неполная, поскольку наше художественное творчество предполагаетъ нѣкоторое пассивное состояніе вдохновенія или внутреннего воспріятія, въ которомъ художникъ не обладаетъ, а бываетъ обладаемъ своею идеей. Въ этомъ смыслѣ справедливы слова поэта.

Тщетно мнишь ты художникъ,
Что твореній своихъ ты создатель и проч.

только онъ самъ какъ субъектъ, но и то, чего онъ есть субъектъ т.-е. вся полнота абсолютнаго содержанія, получила такую же дѣйствительность и изъ потенціальной стала актуальной, необходимо нѣкоторый актъ самоопредѣленія или самоограниченія сущаго. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ внѣ Бога какъ абсолютнаго нѣтъ и не можетъ быть ничего безусловно самостоятельнаго, ничего такого, что было бы изначала его другимъ или извнѣ его опредѣляло, то поэтому всякое опредѣленное бытіе можетъ быть первоначально только *актомъ самоопредѣленія абсолютно-сущаго*. Въ этомъ актѣ съ одной стороны сущее противопоставляетъ или противопоставляетъ себя своему содержанію какъ своему другому или предмету,—это есть актъ саморазличенія сущаго на два полюса, коихъ одинъ выражаетъ безусловное единство, а другой все или множественность; съ другой стороны чрезъ свое самоопредѣленіе сущій получаетъ нѣкоторую дѣйствующую силу, становится энергіей.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы сущее было только въ первомъ положеніи, т.-е. если бы оно было только безпредѣльнымъ, а следовательно безразличнымъ актомъ, то оно не могло бы дѣйствовать, такъ какъ у него не было бы тогда никакого дѣйствительнаго предмета, для котораго оно (будучи само въ себѣ дѣйствительностью) являлось бы какъ положительная возможность или сила. Ибо всякое дѣйствіе по понятію своему есть единство силы или мощи и дѣйствительности, или явленіе своей внутренней дѣйствительности на другомъ или для другаго какъ силы. А такъ какъ внѣ божества нѣтъ ничего и его предметъ заключается въ немъ самомъ, то и дѣйствіе его не есть опредѣленіе другаго другимъ, а самоопредѣленіе, т.-е. выдѣленіе изъ себя своего содержанія или объективация его чрезъ самоограниченіе въ своемъ непосредственномъ, безпредѣльномъ или чисто-актуальномъ бытіи. Какъ абсолютное, божество не можетъ быть только непосредственнымъ актомъ, оно должно быть и потенціей или мощью, но какъ въ абсолютномъ же эта мощь есть только его собственная сила надъ собою или надъ своимъ непосредственнымъ. Если ограниченіе другимъ противорѣчитъ понятію абсолютнаго, то самоограниченіе не только не противорѣчитъ ему, но прямо требуется имъ. Въ самомъ дѣлѣ самоопредѣляясь и тѣмъ осуществляя свое содержаніе, сущее оче-

видно не только не перестаетъ быть чѣмъ оно есть, т.-е. абсолютно-сущимъ, не только не теряетъ своей дѣйствительности, а напротивъ осуществляетъ ее вполне, дѣлаясь дѣйствительнымъ не только въ себѣ, но и для себя. Такъ какъ то, что Богъ осуществляетъ въ актѣ своего самоопредѣленія—*се* или полнота всѣхъ—есть его собственное содержаніе или сущность, то и осуществленіе ея есть только полное выраженіе или проявленіе того, кому это содержаніе или сущность принадлежитъ, и который въ ней или ею выражается такъ же, какъ подлежащее выражается сказуемымъ. Такъ возвращаясь къ нашему сравненію, поэтъ, всецѣло предающійся творчеству и такъ сказать переводящій свою внутреннюю жизнь въ объективныя художественныя созданія, не только не теряетъ чрезъ это, а напротивъ въ высшей степени утверждаетъ и полнѣе осуществляетъ свою собственную индивидуальность.

Абсолютно-сущее, неподлежащее само по себѣ никакому опредѣленію, опредѣляетъ себя, проявляясь какъ безусловно-единое чрезъ положеніе своего другаго или содержанія, т.-е. всего; ибо истинное единое есть тотъ, который не исключаетъ множественности, а напротивъ производитъ ее въ себѣ и при этомъ не нарушается ею, а остается тѣмъ, чѣмъ есть, остается единымъ и тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ есть безусловно единый, т.-е. единый по самому существу своему, не могущій быть снятымъ или уничтоженнымъ въ своемъ единствѣ никакою множественностью. Если бы единый былъ таковымъ только по отсутствію множественности, т.-е. былъ бы простымъ лишеніемъ множественности, и слѣдовательно съ возникновеніемъ ея терялъ бы свой характеръ единства, то очевидно это единство было бы только случайнымъ, а не безусловнымъ, множественность имѣла бы надъ единымъ силу, онъ былъ бы подчиненъ ей. Истинное же безусловное единство необходимо сильнѣе множественности, превосходитъ ее, доказать же или осуществить это превосходство оно можетъ только производя или полагая въ себѣ дѣйствительно всякую множественность и постоянно торжествуя надъ нею, ибо все испытывается своимъ противнымъ. Такъ и нашъ духъ есть истинно-единое не потому, чтобы былъ лишентъ множественности, а напротивъ потому, что проявляя въ себѣ божію вечную множественность чувствъ, мыслей и желаній вмѣ-

ствѣ съ тѣмъ всегда остается самими собою и характеръ своего духовнаго единства сообщаетъ всей этой стихійной множественности проявленій, дѣлая ее своею, ему одному принадлежащею.

Какъ глубь недвижима въ мощномъ просторѣ
 Все та же, что въ бурномъ волненіи,—
 Духъ ясенъ и свѣтелъ въ свободномъ покоѣ,
 Но тотъ же и въ страстномъ хотѣніи,
 Свобода, неволя, покой и волненье
 Проходить и снова являются,
 А онъ все одинъ, и въ стихійномъ стремлѣніи
 Лишь сила его открывается.

Въ *другомъ* существе остается тѣмъ же, во множественности остается единымъ. Но это тождество и это единство необходимо различаются отъ того тождества, того единства, которыя представляются первымъ положеніемъ сущаго: тамъ оно есть непосредственное и безразличное,—здѣсь же оно есть *утвержденное*, проявленное или опосредствованное, прошедшее чрезъ свое противоположное, т. е. чрезъ различеніе, и тѣмъ самымъ *усиленное* (потенцированное). Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ новое *третье положеніе* или видъ абсолютно-сущаго—видъ законченнаго, соверщеннаго единства, или абсолютнаго, утвердившаго себя *какъ такое*.

Итакъ мы имѣемъ *три отношенія* или *три положенія* абсолютно-сущаго какъ опредѣляющаго себя относительно своего содержанія. *Вопервыхъ*, оно полагается какъ обладающее этимъ содержаніемъ въ непосредственномъ субстанціальномъ единствѣ или безразличіи съ собою—оно полагается какъ единая субстанція, все существенно заключающая въ своей безусловной мощи; *во вторыхъ* оно полагается какъ проявляющееся или осуществляющее свое абсолютное содержаніе, противопоставляя его себѣ или выдѣляя его изъ себя актомъ своего самоопредѣленія; *наконецъ въ третьихъ*, оно полагается какъ сохраняющее и утверждающее себя въ этомъ своемъ содержаніи, или какъ осуществляющее себя въ актуальномъ, опосредствованномъ или различенномъ единствѣ съ этимъ содержаніемъ или сущностью, т. е. со *всѣмъ*.— другими словами какъ находящее себя въ другомъ, или вѣчно къ себѣ возвращающееся и у себя сущее.

Это есть еще только тройственность *отношеской*, положеній или способовъ существованія. Подобную же тройственность пред-

ставляетъ намъ необходимо нашъ собственный духъ, если мы только признаемъ его самостоятельно существующимъ, т.-е. настоящимъ существомъ. Если мы обратимъ вниманіе на нашу внутреннюю, психическую жизнь, то здѣсь для наблюденія прежде всего представится нѣкоторая совокупность опредѣленныхъ душевныхъ явленій: мы найдемъ здѣсь рядъ переживаемыхъ нами состояній — желаній, мыслей, чувствъ, въ которыхъ или которыми такъ или иначе выражается нашъ внутренний характеръ, проявляется качественное содержаніе нашего духа. Въ эти состоянія, непосредственно нами наблюдаемыя, переживаются нами сознательно (ибо въ противномъ случаѣ они очевидно не были бы доступны для примаго наблюденія), и въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы состояніями нашего сознанія; въ нихъ нашъ духъ есть дѣйствующая или проявляющаяся сила, они составляютъ его внутреннюю дѣйствительность или выраженное, опредѣленное бытіе.

Но легко видѣть, что существо нашего духа не исчерпывается этою психическою дѣйствительностію, что она составляетъ только одну періодическую фазу нашего существованія, за свѣтлымъ полемъ которой лежатъ глубины духовнаго бытія, не входящаго въ актуальное сознаніе настоящей минуты. Было бы и нелогично и противорѣчливо бы опыту ограничивать бытіе нашего духа только его актуальной, раздѣльной жизнью, его обнаруженною, осязательною дѣйствительностію; т.-е. предполагать, что въ каждый моментъ духъ есть только то, что онъ въ этотъ моментъ въ себѣ сознаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, со стороны логической очевидно, что духъ какъ проявляющійся или въ своей внутренней цѣлости долженъ быть всегда первѣ своего даннаго проявленія, — со стороны же эмпирической несомнѣнный опытъ указываетъ, что не только область нашего *реального* сознанія, т.-е. сознанія о внѣшнихъ вещахъ, но и область нашего внутреннего *актуального* сознанія, т.-е. раздѣльнаго испытыванія нашихъ собственныхъ состояній, есть лишь поверхностное или точнѣе вторичное положеніе нашего духа, и что этого вторичнаго положенія можетъ въ данный моментъ и не быть, причемъ его отсутствіе не уничтожаетъ нашего духовнаго существа, — я имѣю здѣсь въ виду всѣ тѣ состоянія, въ которыхъ прерывается нить нашего раздѣльнаго сознанія какъ о внѣшнемъ,

такъ и о внутреннемъ мірѣ, причеиъ разумѣется самъ духъ не исчезаетъ, если только вообще допустить его существованіе: таковы состоянія сна простаго и магнетическаго, обморока и т. д.

Такииъ образомъ признавая вообще существованіе нашего духа, мы должны признать, что онъ имѣетъ первоначальное субстанціальное бытіе независимо отъ своего частнаго обнаруженія или проявленія въ рядѣ раздѣльныхъ актовъ и состояній,—должны признать, что онъ существуетъ глубже всей той внутренней дѣйствительности, которая составляетъ нашу текущую, наличную жизнь. Въ этой первоначальной глубинѣ лежатъ и корни того, что мы называемъ *собой* или нашимъ я, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы наше я, наше личное существо, было привязано исключительно къ обнаруженнымъ раздѣльнымъ актамъ нашей душевной жизни, въ такъ-называемымъ состояніямъ нашего сознанія, то въ упомянутыхъ случаяхъ (сна и проч.) съ исчезновеніемъ раздѣльнаго сознанія исчезали бы мы сами какъ духовное существо для того, чтобы потомъ съ возвращеніемъ сознанія вдругъ явиться во всеоружіи своихъ духовныхъ силъ,—предположеніе (разумѣется опять таки если признавать существованіе духа) совершенно безсмысленное.

Итакъ во первыхъ мы имѣемъ нашъ первоначальный нераздѣльный или цѣльный субъектъ; въ немъ уже заключается извѣстнымъ образомъ все собственное содержаніе нашего духа, наша сущность или идея, опредѣляющая нашъ индивидуальный характеръ; ибо въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы эта идея и этотъ характеръ были лишь произведеніями нашей феноменальной (являемой) жизни или зависѣли бы отъ нашихъ сознательныхъ дѣйствій и состояній, то было бы непонятно, почему мы не теряемъ этого характера и идеи вмѣстѣ съ потерей витальнаго сознанія (въ указанныхъ состояніяхъ), почему наша сознательная жизнь возобновляясь каждый день не создаетъ намъ новаго характера, новаго жизненнаго содержанія; тождество же основнаго характера или личной идеи среди всѣхъ иамѣняеіей сознательной жизни ясно показываетъ, что этотъ характеръ и идея заключаются уже въ томъ первоначальномъ субъектѣ, который глубже или первѣе сознательной жизни,—заключается разумѣется только субстанціально, въ непосредственномъ единствѣ съ нимъ самимъ, какъ его внутренняя, еще не обнаружен-

ная или невоплощенная идея. — Во-вторыхъ, мы ищемъ нашу раздѣльную сознательную жизнь, — проявленіе или обнаруженіе нашего духа: здѣсь содержаніе или сущность наша существуетъ *дѣйствительно* (актуально) во множествѣ различныхъ проявленій, которымъ она сообщаетъ опредѣленный характеръ, обнаруживая въ нихъ свою особенность. Наконецъ въ третьихъ, такъ какъ при всей множественности этихъ проявленій всѣ они суть только обнаруженія одного и того же духа одинаково всѣмъ имъ присущаго, то мы можемъ рефлексировать или возвращаться къ себѣ отъ этихъ проявленій или обнаруженій и утверждать себя актуально какъ единого субъекта, какъ опредѣленное я, единство котораго такимъ образомъ чрезъ свое различеніе или проявленіе въ множествѣ состояній и дѣйствій сознательной жизни не только не теряется, но напротивъ полагается въ усиленной степени; это возвращеніе къ себѣ, рефлексія на себя или утвержденіе себя въ своемъ проявленіи и есть собственно то, что называется самосознаніемъ, и является каждый разъ, когда мы не только переживаемъ извѣстныя состоянія, чувствуемъ, мыслимъ и т. д., но еще особеннымъ внутреннимъ дѣйствіемъ, останавливаясь на этихъ состояніяхъ, утверждаемъ себя какъ переживающаго ихъ субъекта, какъ чувствующаго, мыслящаго и т. д., т. е. когда мы внутренне говоримъ: я чувствую, я мыслю и т. д. Если во второмъ положеніи нашъ духъ проявляетъ или обнаруживаетъ свое содержаніе т. е. выдѣляетъ его изъ себя какъ нѣчто другое, то здѣсь въ этомъ третьемъ положеніи, въ самосознаніи, нашъ духъ утверждаетъ это содержаніе какъ *свое*, и слѣдовательно себя какъ проявившаго его.

Такимъ образомъ тройственное отношеніе нашего субъекта къ его содержанію такое же, какъ и указанное нами прежде отношеніе субъекта безусловнаго или абсолютно-сущаго къ его безусловному содержанію или всеобщей сущности. Но этимъ и кончается равенство между нашимъ существомъ и абсолютнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности нашего духа три указанныхъ положенія суть только періодическія фазы внутренняго бытія, снѣжняющія другъ друга, точнѣе говоря, только первое положеніе, въ себѣ сущаго духа есть постоянное и неизмѣнно пребывающее, два же другія могутъ быть и не быть — это только явленія, а не субстанции. Духъ какъ субстанція (пер-

вое положеніе) есть всегда и необходимо, но затѣмъ онъ можетъ попеременно то ограничиваться этимъ субстанціальнымъ существованіемъ, пребывать во внутреннемъ бездѣйствіи, удерживая всѣ свои силы и все свое содержаніе во глубинѣ существеннаго нераздѣльнаго бытія (первая фаза), то проявлять и обнаруживать эти силы и это содержаніе въ раздѣльной сознательной жизни, въ рядѣ переживаемыхъ имъ душевныхъ состояній и производимыхъ дѣйствій (вторая фаза), то наконецъ рефлектируя на эти состоянія и эти дѣйствія какъ пережитыя и совершенныя имъ, находить ихъ какъ свои и вслѣдствіе этого утверждать себя, свое я какъ обладающее тѣми силами и проявившее это содержаніе въ этихъ опредѣленныхъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ (третья фаза). Такимъ образомъ здѣсь одинъ и тотъ же сущій субъектъ, одинъ и тотъ же духъ является въ различные моменты то какъ только существенный или субстанціальный, то какъ сверхъ того дѣйствующій и дѣйствительный, то наконецъ еще какъ самосознательный или утверждающій себя въ своей обнаруженной дѣйствительности. Эта смена трехъ положеній происходитъ *во времени*, и она возможна лишь поскольку мы существуемъ во времени. Въ самомъ дѣлѣ, эти три положенія исключаютъ другъ друга: нельзя быть заразъ и бездѣйствующимъ и дѣйствующимъ, проявлять свои силы и свое содержаніе и держать ихъ скрытыми, нельзя заразъ и переживать извѣстныя состоянія и вѣствовать съ тѣмъ рефлексировать на нихъ,—нельзя заразъ мыслить и думать о своей мысли.

Итакъ, эти три положенія или способа существованія, несомнѣнныя въ одномъ субъектѣ *разомъ*, могутъ принадлежать ему только *въ различные моменты* времени,—ихъ принадлежность этому субъекту какъ различныхъ фазъ его бытія по необходимости обусловлена формой времени. Но такимъ образомъ это можетъ относиться только къ существамъ ограниченнымъ, во времени живущимъ. Для абсолютнаго же существа, которое по своему понятію своему не можетъ опредѣляться этою формой времени, такое чередованіе трехъ положеній или трехъ отношеній его къ сущности или содержанію является совершенно невозможнымъ: онъ долженъ представлять эти три положенія разомъ, въ одномъ вѣчномъ актѣ. Но три исключаютія другъ друга положенія *въ одномъ и томъ же актѣ одного и того же субъ-*

ска рѣшительно немислимы. Одинъ и тотъ же вѣчный субъектъ не можетъ вмѣстѣ и скрывать *въ себя* всѣ свои опредѣленія, и проявлять ихъ *для себя*, выдѣляя ихъ какъ другое, и пребывать въ нихъ *у себя* какъ въ своихъ; или, говоря библейскимъ языкомъ, одна и та же Божественная вѣчностъ не можетъ быть вмѣстѣ и „живущимъ во свѣтѣ неприступномъ, его же никто не видѣлъ изъ человѣковъ,“ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть „свѣтомъ просвѣщающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“,— одна и та же вѣчностъ не можетъ быть и „Словомъ, имъ же вся быша, и Духомъ вся испытующимъ“.

А если такъ, если съ одной стороны въ абсолютномъ существѣ не можетъ быть трехъ послѣдовательныхъ актовъ другъ друга смѣняющихъ, а съ другой стороны три вѣчные акта, исключаютіе другъ друга по своему опредѣленію, немислимы въ одномъ субъектѣ, то необходимо для этихъ трехъ вѣчныхъ актовъ предположить *три вѣчные субъекта (ипостаси)*, изъ коихъ *второй, непосредственно пораждается первымъ*, есть прямой образъ ипостаси его, выражаетъ своею дѣйствительностью существенное содержаніе перваго, служитъ ему *вѣчнымъ выраженіемъ или Словомъ*, а *третій, исходя изъ перваго, какъ уже имѣющая свое проявленіе во второмъ, утверждаетъ его какъ выраженнаго или въ его выраженіи*.

Но можно спросить: если Богъ уже какъ первый субъектъ заключаетъ въ себѣ безусловное содержаніе или все, то какая еще надобность въ двухъ другихъ субъектахъ? Но Богъ какъ абсолютное или безусловное не можетъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ *въ себѣ* все, онъ долженъ имѣть все не только въ себѣ, но также *для себя* и *у себя*. Безъ такой полноты существованія Божество не можетъ быть завершеннымъ или абсолютнымъ, т. е. не можетъ быть Богомъ, и слѣдовательно спрашивать: какая надобность Богу въ этомъ тройственномъ самоположеніи все равно что спрашивать: какая надобность Богу быть Богомъ?

Но какимъ образомъ, признавая трехъ божественныхъ субъектовъ, можно избѣжать противорѣчій съ требованіями единобожія? Не являются ли эти три субъекта тремя Богами? Но нужно условиться, что собственно разумѣть подъ словомъ Богъ. Если этимъ именемъ обозначать всякаго субъекта причастнаго тѣмъ

или иначе божественной сущности, въ такомъ случаѣ необходимо признать не только трехъ, а великое множество боговъ, ибо всякое существо такъ или иначе участвуетъ въ божественной сущности согласно слову Божию: „Я сказалъ: *вы боги* и сыны Вышняго *всѣ*“. Если же съ именемъ Бога соединять всецѣлое и актуальное обладаніе всею полнотою божественнаго содержанія во всѣхъ его видахъ, въ такомъ случаѣ (не говоря уже о конечныхъ существахъ) и тремъ божественнымъ субъектамъ (ипостасямъ) названіе Бога принадлежитъ, лишь посколькѣ они необходимо находятся въ безусловномъ единствѣ, въ неразрывной внутренней связи между собою. Каждый изъ нихъ есть истинный Богъ, но именно потому, что каждый нераздѣленъ съ двумя другими. Еслибы одинъ изъ нихъ могъ существовать въ отдѣльности отъ двухъ другихъ, то очевидно въ этой отдѣльности онъ не былъ бы абсолютнымъ, слѣдовательно не былъ бы Богомъ въ собственномъ смыслѣ, но именно такая отдѣльность и невозможна. Правда, каждый божественный субъектъ уже въ самомъ себѣ заключаетъ всю полноту божества, но именно потому, что онъ въ самомъ себѣ уже находитъ неразрывную связь или единство съ двумя другими, такъ какъ его отношеніе къ нимъ не обходимо есть внутреннее, существенное, ибо ничего внѣшняго въ божествѣ быть не можетъ. Богъ—Отецъ по самому существу своему не можетъ быть безъ Слова, Его выражающаго, и безъ Духа, Его утверждающаго; точно также Слово и Духъ не могутъ быть безъ перваго субъекта, который есть то, что выражается однимъ и утверждается другимъ, есть ихъ общій источникъ и первоначало. Отдѣльность же ихъ существуетъ только для нашей отвлекающей мысли, и очевидно было бы совершенно празднымъ и неинтереснымъ дѣломъ опредѣлять, принадлежитъ ли божественнымъ субъектамъ въ такой отвлеченной отдѣльности названіе Бога, разъ несомнѣнно, что эта отвлеченная отдѣльность не соотвѣтствуетъ сущей истинѣ. Въ сущей же истинѣ хотя каждый изъ трехъ субъектовъ обладаетъ божественнымъ содержаніемъ или полнотою Божества и слѣдовательно есть Богъ, но такъ какъ онъ обладаетъ этою полнотою, дѣлающею Его Богомъ, не самъ по себѣ исключительно, а лишь въ безусловномъ и нераздѣльномъ внутреннемъ и существенномъ единствѣ съ двумя остальными, то этимъ и не утверждаются три

Бога, а только единый въ трехъ нераздѣльныхъ и единосущныхъ субъектахъ (ипостасяхъ) себя осуществляющій Богъ.

Должно замѣтить, что общая идея тріединства Божія, будучи столько же истинною умозрительнаго разума какъ и откровенія, никогда не встрѣчала возраженій со стороны наиболее глубоко-мысленныхъ представителей умозрительной философіи: напротивъ, они относились къ этой идеѣ не только съ признаніемъ, но и съ энтузіазмомъ, какъ къ величайшему торжеству умозрительной мысли. Непонятною же или и просто нелѣпою являлась эта идея лишь для внѣшняго, механическаго разсудка, который не усматриваетъ внутренней связи вещей въ ихъ цѣльномъ бытіи, не усматриваетъ единаго во многомъ и саморазличенія въ единомъ, а мыслить всѣ предметы въ ихъ односторонней отвлеченной исключительности, въ ихъ предполагаемѣй отдѣльности п внѣшнемъ отношеніи другъ къ другу въ формахъ пространства и времени. Отрицательное отношеніе *такого* разсудка къ идеѣ тріединства служитъ только подтвержденіемъ ея истины, такъ какъ оно зависитъ отъ общей неспособности механическаго мышленія постигать внутреннюю истину или смыслъ (логосъ) предметовъ.

Механическое мышленіе есть то, которое беретъ различныя понятія въ гдхъ отвлеченной отдѣльности, разсматриваетъ слѣдовательно предметы подъ какимъ-нибудь частнымъ одностороннимъ опредѣленіемъ и затѣмъ сопоставляетъ ихъ между собою внѣшнимъ образомъ или сравниваетъ въ какомъ-нибудь столь же одностороннемъ, но болѣе общемъ отношеніи. Въ противоположность этому *мышленіе органическое* разсматриваетъ предметъ въ его всесторонней цѣлости и слѣдовательно въ его внутренней связи со всѣми другими, что позволяетъ изнутри каждаго понятія выводить всѣ другія или развивать одно понятіе въ полноту всецѣлой истины. Поэтому органическое мышленіе можетъ быть названо развивающимъ или эволюціоннымъ, тогда какъ мышленіе механическое (разсудочное) есть только сопоставляющее и комбинирующее. Легко видѣть, что органическое мышленіе постигающее или схватывающее цѣльную идею предмета сводится къ тому умственному или идеальному созерцаю, о которомъ говорилось въ предъидущемъ чтеніи. Если это созерцае соединено съ яснымъ сознаніемъ и сопровождается рѣ-

флексіей, дающей логическія опредѣленія созерцаемой истинѣ, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ то умозрительное мышленіе, которымъ обусловливается собственно философское творчество; если же умственное созерцаніе остается въ своей непосредственности, не налагая логическихъ формъ на свои конкретные образы, то оно является тѣмъ живымъ мышленіемъ, которое свойственно людямъ еще не вышедшимъ изъ непосредственной жизни въ общемъ родовомъ или народномъ единствѣ; такое мышленіе выражаетъ то, что называется народнымъ духомъ, проявляясь въ народномъ творествѣ религиозномъ и художественномъ—въ живомъ развитіи языка, въ мѣтахъ и повѣрьяхъ, въ формахъ народнаго быта, въ сказкахъ, пѣсняхъ и т. д. Такимъ образомъ органическое мышленіе вообще въ двухъ своихъ видахъ принадлежитъ съ одной стороны истиннымъ философамъ, съ другой народнымъ массамъ. Что касается до стоящихъ между тѣми и другими, т. е. до большинства такъ-называемыхъ образованныхъ или просвѣщенныхъ людей, отдѣлившихся вслѣдствіе большаго формальнаго развитія умственной дѣятельности отъ непосредственнаго народнаго міровоззрѣнія, но не достигшихъ цѣльнаго философскаго сознанія, то имъ приходится ограничиваться тѣмъ отвлеченнымъ и механическимъ мышленіемъ, которое разбиваетъ или разлагаетъ (анализируетъ) непосредственную дѣйствительность,—и въ этомъ его значеніе и заслуга,—но не въ состояніи дать ей новаго высшаго единства и связи—и въ этомъ его ограниченность ¹⁾. Разумѣется возможно и въ дѣйствительности постоянно бываетъ, что одни и тѣ же люди, руководясь въ практической жизни идеями чужаго органическаго

¹⁾ Эта способность анализа, необходимая какъ средство или какъ переходъ къ дѣльному, но сознательному міровоззрѣнію отъ инстинктивнаго народнаго разума,—но совершенно бесплодная или и вредная, если ею ограничиваться, составляетъ именно въ этой ограниченности настоящую гордость людей погуобразованныхъ (къ которымъ принадлежитъ и большинство ученыхъ специалистовъ, въ наше время мало что понимающихъ внѣ своей специальности)—гордость передъ „непросвѣщенными массами погруженными въ суевѣрія“, а также и передъ настоящими философами, преданными мистическимъ фантазіямъ. Впрочемъ значеніе этихъ беспочвенныхъ отрицателей также призрачно, какъ ихъ знаніе—поверхностно.

мышленія въ формѣ религиозныхъ вѣрованій^{*)}, въ своей собственной теоретической дѣятельности стоятъ на точкѣ зрѣнія отвлеченнаго и механическаго разсудка, вслѣдствіе чего разумѣется происходитъ двойственность и противорѣчіе въ ихъ общемъ міровоззрѣніи, сглаживаемое и прямиряемое болѣе или менѣе вышнимъ образомъ.

Такая двойственность естественнымъ образомъ явилась и въ христіанствѣ, когда христіанское ученіе, принадлежащее всецѣло области органическаго мышленія въ обоихъ его видахъ, сдѣлалось общепризнанною религіею не только для народа и для теософовъ, а для всего образованнаго класса того времени; естественно изъ этого класса на всѣхъ ступеняхъ христіанской іерархіи явились люди, хотя искренно принявшіе христіанскія идеи какъ догматы вѣры, но не бывшіе въ состояніи, находясь на точкѣ зрѣнія механическаго мышленія, понять эти идеи въ ихъ умозрительной истинѣ. Отсюда мы видимъ, что многіе учителя церкви признавали христіанскіе догматы, въ особенности основной догматъ Троицы, чѣмъ-то непостижимымъ для разума человѣческаго. Ссылаться на авторитетъ этихъ учителей церкви противъ нашего утвержденія догмата Троицы въ смыслѣ умозрительной истины было бы совершенно неосновательно, такъ какъ очевидно, что эти учителя, будучи великими по своей практической мудрости въ дѣлахъ церковныхъ или же по своей святости, могли быть очень слабы въ области философскаго пониманія, причѣмъ разумѣется они были склонны границы своего мышленія принимать за границы человѣческаго разума вообще. За то, какъ извѣстно, были между великими отцами церкви многіе настоящіе философы^{*)}, которые не только призна-

^{*)} Говоря о религиозныхъ вѣрованіяхъ какъ о произведеніи органическаго мышленія должно помнить, что это мышленіе основано на идеальномъ созерцаніи, и это послѣднее, какъ было указано въ предыдущемъ чтеніи, не есть субъективный процессъ, а дѣйствительное отношеніе къ міру идеальныхъ существъ или взаимодействіе съ ними; слѣдовательно результаты этого созерцанія не суть произведенія субъективнаго произвольнаго творчества, не суть выдумки и фантазіи, а суть дѣйствительныя *откровенія* сверхчеловѣческой дѣйствительности, воспріятыя человекомъ въ той или другой формѣ

^{*)} Это утверждаетъ и Гегель въ своей исторіи философіи.

вали глубокую умозрительную истину въ догматъ Троицы, но и сами много сдѣлали для развитія и уясненія этой истины.

Впрочемъ есть нѣкоторый смыслъ, въ которомъ необходимо признать тріединство Божіе совершенно непостижимымъ для разума, а именно: это тріединство, будучи дѣйствительнымъ и существеннымъ отношеніемъ живыхъ субъектовъ, будучи внутренней жизнью сущаго, не можетъ быть покрыто, вполне выражено или исчерпано никакими опредѣленіями разума, которые всегда по самому понятію своему выражаютъ лишь общую, формальную, а не существенную и матеріальную сторону бытія; всѣ опредѣленія и категоріи разума суть только выраженія объективности или познаваемости существа, а не его собственнаго внутреннего субъективнаго бытія и жизни. Но очевидно, что *такая* непостижимость, вытекающая изъ самой природы разума вообще какъ способности формальной, не можетъ быть приписана ограниченности разума человѣческаго; ибо всякій, чей бы то ни было, разумъ *какъ разумъ* можетъ постигать только логическую сторону существующаго, его понятіе (Лорос) или общее отношеніе ко всему, а никакъ не само это существующее въ его непосредственной единичной и субъективной дѣйствительности. Далѣе, отсюда же ясно, что непостижимымъ *въ этомъ смыслѣ* является не только жизнь Божественнаго существа, но и жизнь всякой твари; ибо всякое существо какъ такое не исчерпывается своею формальною объективною стороною или своимъ понятіемъ: оно какъ существующее необходимо имѣетъ свою внутреннюю субъективную сторону, составляющую самый актъ его существованія, въ которомъ оно есть нѣчто безусловно единичное и единственное, нѣчто совершенно невыразимое, и съ этой стороны оно всегда есть нѣчто другое для разума, нѣчто не могущее войти въ его сферу, нѣчто иррациональное⁴⁰⁾. Такимъ образомъ Божество въ небѣ и

⁴⁰⁾ Иррациональное не въ смыслѣ неразумнаго, а въ смыслѣ неподлежащаго разуму, несонвѣрнаго съ нимъ; ибо неразумность есть противорѣчіе между понятіями, слѣдовательно принадлежитъ къ области разума, судится и осуждается имъ, та же сторона бытія, о которой мы говоримъ именно, находится внѣ предѣловъ разума и слѣдовательно не можетъ быть ни разумной, ни неразумной, также какъ напримѣръ вкусъ лимона не можетъ быть ни бѣлымъ, ни чернымъ.

былинка на землѣ одинаково непостижимы и одинаково постижимы для разума: и то и другое въ своемъ общемъ бытіи, какъ понятія составляютъ предметъ чистой мысли и всецѣло подлежатъ логическимъ опредѣленіямъ и въ этомъ смыслѣ вполне понятны и постижимы для разума, и точно также и то и другое въ своемъ собственномъ бытіи *какъ существующіе, а не какъ мыслимы*, суть нѣчто большее чѣмъ понятіе, лежатъ за предѣлами разума какъ такого и въ этомъ смыслѣ непроницаемы или непостижимы для разума.

Возвращаясь къ истинѣ тріединства должно сказать, что она не только вполне понятна съ логической стороны, но и основана на общей логической формѣ, опредѣляющей всякое дѣйствительное бытіе, и если эта форма въ примѣненіи къ божеству кажется болѣе трудною для пониманія, нежели въ примѣненіи къ другимъ предметамъ, то это зависитъ не отъ того, чтобы божественная жизнь менѣе чѣмъ все другое подлежала въ своей формальной, объективной сторонѣ логическимъ опредѣленіямъ (для такого предположенія нѣтъ никакого основанія), а только отъ того, что самая область божественнаго бытія не составляетъ обычнаго предмета нашего мышленія. Поэтому для лучшаго усвоенія самой формы тріединства необходимо указывать ее въ примѣненіи къ такому бытію, которое для насъ болѣе близко, болѣе намъ знакомо нежели бытіе божественное; усвоивши общую форму тріединства въ бытіи конечномъ непосредственно намъ извѣстномъ, мы уже безъ труда можемъ развить и тѣ видоизмѣненія этой формы, которыя обусловлены особенностями того новаго содержанія, къ которому форма эта должна быть примѣнена при опредѣленіи бытія абсолютнаго. Въ этомъ отношеніи аналогіи, указывающія на форму тріединства въ существахъ и явленіяхъ міра конечнаго, имѣютъ дѣйствительное значеніе для истины тріединства Божія, не какъ доказательства ея,—ибо она доказывается или выводится чисто логически изъ самой идеи Божества,—а какъ примѣры, облегчающія ея усвоеніе. Но для этого недостаточно указать только на присутствіе въ томъ или другомъ предметѣ тройственности вмѣстѣ съ единствомъ, какъ это обыкновенно дѣлали богословы, стоявшіе на точкѣ зрѣнія механическаго мышленія, причѣмъ разумѣется такими совершенно внѣшними аналогіями только отъѣяная предполагаемая

непостижимость этой истины,—для настоящей аналогіи необходимо, чтобы тріединство являлось какъ внутренній законъ самой жизни существа, необходимо вопервыхъ, чтобы тріединство имѣло существенное значеніе для этого предмета, было его существенной формой, а не внѣшнимъ случайнымъ признакомъ, и во вторыхъ необходимо, чтобы въ самой этой формѣ тройственность вытекала изъ единства и единство изъ тройственности, чтобы эти два момента были въ логической связи между собою, внутренне другъ друга обусловливали. Поэтому для такихъ аналогій пригодна только область бытія духовнаго какъ носящаго законъ своей жизни внутри самого себя. Выше мною было уже указано общее тріединство въ жизни человѣческаго духа во всемъ его объемѣ; заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія болѣе частныя и опредѣленныя аналогіи въ той же области, изъ которыхъ я приведу здѣсь двѣ.

Первая впервые указана съ полною ясностью Лейбницемъ и потомъ играла большую роль въ германскомъ идеализмѣ.—Нашъ разумъ, говоритъ Лейбницъ, представляетъ необходимо внутреннее тріединство, когда обращается на самого себя,—въ самосознаніи. Здѣсь онъ является какъ три въ одномъ и одно въ трехъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ разумѣ какъ сознающемъ или разумьющемъ себя, сознающее (субъектъ) и сознаваемое (объектъ) суть одно и то же, — именно одинъ и тотъ же разумъ, но и самый актъ разумѣнія или сознанія соединяющій сознаваемое съ сознающимъ (субъектъ—объектъ) есть не что иное, какъ тотъ же самый разумъ въ дѣйствіи, и тѣ два первые момента существуютъ только при этомъ третьемъ и въ немъ, такъ же и онъ существуетъ только при нихъ и въ нихъ, такъ что здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ нѣкоторую единосущную и нераздѣльную троицу.

Менѣе извѣстна, хотя еще болѣе остроумна другая аналогія, указанная блаженнымъ Августиномъ въ его *Confessiones*. Почему-то она кажется обращала на себя гораздо менѣе вниманія, нежели другія указанія тріединства въ различныхъ предметахъ, во множествѣ помѣщенныхъ тѣмъ же Августиномъ въ его книгахъ *de Trinitate* и относящихся въ числу тѣхъ внѣшнихъ и не идущихъ въ дѣлу аналогій, о которыхъ я выше упоминалъ. Въ *Confessiones* же Августинъ говоритъ слѣдующее. Въ нашемъ духѣ должно различать простое непосредственное бытіе его (*esse*),

знаніе его (scire) и волю (velle); эти три акта тождественны не столько по своему содержанію, поскольку сущій знаетъ и хочетъ самого себя,—ихъ единство идетъ гораздо глубже: каждый изъ нихъ уже заключаетъ въ себѣ два другіе въ ихъ собственнымъ характеристическомъ качествѣ, и слѣдовательно каждый уже содержитъ въ себѣ внутренне всю полноту тріединого духа. Въ самомъ дѣлѣ, во первыхъ я есмь, но не просто есмь,—я есмь знающій и волищій (sum sciens et volens), слѣдовательно здѣсь мое бытіе какъ такое уже заключаетъ въ себѣ и знаніе и волю; вовторыхъ если я знаю, то знаю или сознаю свое бытіе и свою волю, знаю или сознаю, что я есмь и что я хочу (scio me esse et velle); такимъ образомъ и здѣсь въ знаніи какъ такомъ или подъ формой (въ атрибутивѣ) знанія уже заключается и бытіе и воля; наконецъ въ третьихъ, я хочу себя, но не просто себя, а себя какъ сущаго и знающаго, хочу своего бытія и своего знанія (volo me esse et scire), слѣдовательно и форма воли содержитъ въ своемъ атрибутивѣ и бытіе и знаніе и слѣдовательно каждый изъ этихъ трехъ основныхъ актовъ духа въ самомъ себѣ восполняется двумя другими и такимъ образомъ какъ бы обособляется въ полное тріединое бытіе.

Это соображеніе уже очень близко подходитъ къ истинѣ тріединства Божія и можетъ служить для насъ естественнымъ переходомъ къ дальнѣйшему развитію этой истины, именно со стороны особеннаго индивидуальнаго отношенія трехъ божественныхъ субъектовъ къ ихъ единой сущности или идеѣ, которую они осуществляютъ и въ которой сами конкретно осуществляются.

Влад. Соловьевъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ПО РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

- 1) *Учебно-воспитательная Библиотека*. Изд. учебнаго отдѣла Общества техн. знаний. Т. II. М. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к.
- 2) *Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы*. Изд. Комитета Грамотности при В. Э. О. Спб. 1878. Ц. 2 р. сер.

Въ прошедшемъ году, въ августовской и сентябрьской книжкахъ, „Прав. Обзорніе“ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовало грандіозное предпріятіе Учебнаго Отдѣла Моск. Общества Распространенія Техническихъ знаний—ежегодно обозрѣвать народившуюся за предшествующій годъ учебную литературу,—предпріятіе, успѣвшее проявить себя въ текущемъ году изданіемъ втораго тома „Учебно-воспитательной Библиотеки“. Въ настоящее время навстрѣчу той же потребности текущего времени, которой стремится удовлетворить своимъ предпріятіемъ Учебный Отдѣлъ М. Общества Распространенія Техническихъ Знаний, вслѣдъ за Москвою идетъ и Петербургъ. Комитетъ Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, вызываемый, съ одной стороны, настоятельно неоднократно и прямо предъ Комитетомъ въ разнообразныхъ формахъ заявленною нуждой для учителей народныхъ школъ, учредителей и распорядителей училищныхъ библиотекъ, народныхъ читаленъ и публичныхъ чтеній—имѣть подъ руками руководство, при помощи котораго можно было бы разобратъ

въ массѣ существующихъ учебно-воспитательныхъ книгъ, съ другой стороны—своею собственною задачею, заключающеюся главнымъ образомъ въ бесплатномъ снабженіи книгами бѣднѣйшихъ нашихъ народныхъ школъ (для чего точно также требуется для непосредственныхъ распорядителей *справочная книга по народно-учебной литературѣ*, составленная специалистами),—образовалъ изъ членовъ своихъ комиссію, которой и поручилъ составить удовлетворяющую сказанной потребности справочную книгу. Таковая книга въ настоящее время и издана комиссіею подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ.

Это изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности очевидно очень сходно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и одинаково съ изданіемъ Московскаго Учебнаго Отдѣла. Одинаковы они между собою какъ предпріятія не одиночныя, а цѣлыхъ обществъ; одинаковы они между собою какъ предпріятія союза лицъ, связанныхъ между собою не торговыми интересами, но великими, благороднѣйшими цѣлями отечественной образованности; одинаковы они между собою наконецъ и въ томъ отношеніи, что составляютъ собою труды лицъ, специально знакомыхъ съ дѣломъ и потому вполне компетентныхъ въ сужденіи о предметѣ, къ сужденію которыхъ поэтому можно относиться съ полнымъ довѣріемъ. Сходны они между собою и по задачѣ, которую они преслѣдуютъ. Но въ этомъ отношеніи есть между ними и различіе: тогда какъ московскіе труженики учебнаго дѣла взялись пересматривать всю учебную литературу, по всѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ (за исключеніемъ заведеній духовнаго вѣдомства), петербургскіе ихъ собратія взяли на себя болѣе ограниченную и болѣе опредѣленную задачу—обозрѣть собственно *народно-учебную* литературу; тогда какъ первые намѣрены давать отчетъ объ учебной литературѣ за предшествующій годъ, т.-е. о книгахъ, какъ въ первый разъ изданныхъ, такъ и переизданныхъ въ этотъ годъ,—последніе не сочли нужнымъ ограничить себя временемъ появленія въ свѣтъ книгъ, а рѣшились по возможности рассмотреть всю наличную народно-учебную литературу, или точнѣе, всѣ книги, и въ настоящее время по сужденію Комиссіи годныя для употребленія въ народныхъ шко-

лахъ и среди народа, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ изданы были въ первый разъ 20 лѣтъ тому назадъ.

Изъ сказаннаго уже видно, что эти два родственныя изданія не находятся между собою въ отношеніи конкуренціи и одно не дѣлаетъ излишнимъ другаго. Это еще болѣе должно будетъ сказать, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ того и другаго изданія, на выполненіе каждымъ изъ нихъ своей задачи. Въ этомъ отношеніи на первый взглядъ они представляются точно также очень сходными: система обзора въ каждомъ изъ нихъ одна и та же: на первомъ мѣстѣ—педагогика, на второмъ—законъ Божій, на третьемъ—родной языкъ и т. д.; въ каждомъ въ частности отдѣлѣ имѣется руководящая статья, за которою слѣдуютъ отзывы о книгахъ этого отдѣла. Есть тутъ конечно и очевидное различіе между этими двумя изданіями какъ со стороны отдѣловъ, составляющихъ содержаніе каждаго изъ нихъ, такъ и со стороны порядка этихъ отдѣловъ. Но это происходитъ уже отъ различія задачъ ихъ; отъ того, что „Систематическій Обзоръ“ имѣетъ специальное назначеніе для народной школы, учебный курсъ которой и опредѣляетъ содержаніе „Обзора“. Вслѣдствіе этого specialнаго своего назначенія „Обзоръ“ заключаетъ въ себѣ, напримѣръ, такіе отдѣлы, какъ: *Сельское Хозяйство*, *Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества*, а въ приложеніи разобрана книжка: „О земскихъ учрежденіяхъ“ Вл. Формаковского (Вятка, 1874.) Но всмотримся повнимательнѣе въ тѣ отдѣлы, которые имѣются въ томъ и другомъ изданіи. Каждый отдѣлъ, какъ сказано, въ томъ и другомъ изданіи имѣетъ руководящія статьи; обратимъ сначала вниманіе на нихъ. „Учебно-воспитательная Библіотека“ не обазала себя ежегодно каждый отдѣлъ сопровождать руководящею статьею. Причина этого понятна: изданію предположено быть ежегоднымъ; въ такомъ случаѣ стремиться къ невозможному—сразу и однакоже основательно порѣшить всѣ безчисленные вопросы педагогическіе, дидактическіе и методическіе—и не для чего, потому что успѣется, и не удобно, потому что въ послѣдующіе годы пришлось бы повторяться; кромѣ того изданіе въ этомъ случаѣ приняло бы разнѣры, непосильные ни для издателей, ни для покупателей. Но не украшая ежегодно всѣхъ отдѣловъ руководящими статьями, „Учебно-воспитательная Библіотека“ за-

то имѣетъ возможность представлять своимъ читателямъ обстоятельныя руководящія статьи; авторы ея большею частію берутъ какой-нибудь одинъ небольшой вопросъ изъ области той или другой науки, того или другаго учебнаго предмета, и не отдѣляваясь тѣмъ, что называется общими мѣстами, обрабатываютъ его съ полною добросовѣстностію и стремясь лишь развѣ къ краткости изложенія. Такъ напр. во второмъ томѣ „Учебно-воспитательной Библіотеки“ по Закону Божию разсмотрѣнъ лишь вопросъ о „Библейской Исторіи, какъ учебномъ предметѣ“, но зато авторъ (г. Д. Боголюбвъ) рассматриваетъ здѣсь всѣ вопросы, касающіеся преподаванія Св. Исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, въ „Учебно-воспитательной Библіотекѣ“ руководящія статьи всегда стоятъ въ прямой связи съ рецензіями на книги, вслѣдствіе чего первыя не могутъ много страдать отъ общности мыслей, краткости и сжатости изложенія: въ отзывахъ о книгахъ онѣ имѣютъ и свое прямое приложеніе, оправданіе, и свое уясненіе и раскрытіе въ частностяхъ, подробностяхъ и примѣрахъ. Что касается теперь „Систематическаго Обзора русской народно-учебной литературы“, то и здѣсь авторы руководящихъ статей сдѣлали для себя ограниченіе, которымъ въ нѣкоторой мѣрѣ облегчили себѣ задачу: каждый изъ нихъ имѣетъ въ виду исключительно учителя русской народной школы, не касаются даже и того, какъ онъ долженъ приготовиться, чтобы сдѣлаться учителемъ народной школы, а рассматриваютъ его уже служащимъ и дѣйствующимъ. Но зато каждая руководящая статья беретъ свой предметъ во всей его обширности, во всемъ его цѣломъ. Понятно само собою, что въ данномъ случаѣ авторы могли высказывать въ своихъ статьяхъ большею частію только самыя общія мысли, многое оставляя вовсе неразсмотрѣннымъ, а иного лишь коснуться. Такъ напр. руководящая статья по Закону Божию въ предисловіи объявлена въ числѣ имѣющихъ обстоятельную обработку. Между тѣмъ оказывается, что авторъ ея (о. М. И. Соколовъ), въ вопросѣ о преподаваніи Закона Божія, съ нѣкоторою подробностію говоритъ лишь о „способѣ преподаванія библейскихъ исторій и ихъ отношеніи къ тексту Библии“. Что же касается „отношенія Св. Исторіи къ молитвамъ, Катихизису, богослуженію, изрѣченіямъ изъ Св. Пи-

санія“, то здѣсь рѣшенъ лишь общій вопросъ. Другія же руководящія статьи сама коммиссія въ предисловіи признаетъ такими, въ которыхъ авторы ограничивались „только установленіемъ наиболѣе вѣрнаго взгляда на дѣло, съ цѣлю дать возможность читателю оріентироваться въ массѣ появившихся въ печати по его предмету книгъ“. Какія именно статьи нужно отнести къ этой категоріи, коммиссія нѣсколько указываетъ, говоря объ основаніи, въ силу котораго появилась такая категорія статей: „есть предметы, и теоретически и практически почти установившіеся, и для преподаванія которыхъ въ нашей литературѣ существуетъ множество учебниковъ, руководствъ и наглядныхъ пособій: таковы, напр., *Начальная грамота, Арифметика* и другіе“. Мы съ своей стороны сюда же отнесемъ еще первую статью—„о педагогическомъ самообразованіи народнаго учителя“. Что касается отношенія руководящихъ статей къ рецензіямъ, то первыя даютъ собственно оправданіе тому, почему въ известномъ отдѣлѣ народному учителю рекомендуются известныя книги: къ отзывамъ же о книгахъ, при общности и краткости ихъ самихъ и элихъ отзывовъ, при разнообразіи обнимаемыхъ послѣднимъ книгъ, отношенія ихъ не видно.

Переходимъ къ отзывамъ о книгахъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ была замѣтка, авторъ которой, какъ на немаловажное достоинство „Систематическаго Обзора русской народно-учебной литературы“, указываетъ на то, что въ немъ отзывы о книгахъ даются очень краткіе, а „Учебно-воспитательной Библіотекѣ“ дѣлаетъ маленькій упрекъ въ томъ, что въ ней иногда отзывы о книгахъ по объему болѣе самихъ разсматриваемыхъ книгъ. Между тѣмъ въ нашей печати были и такія замѣтки объ „Учебно-воспитательной Библіотекѣ“, авторы которыхъ дѣлали ей критикамъ упрекъ въ томъ, что нѣкоторые отзывы ихъ о книгахъ бессодержательны, пусты, т.-е. употребляя выраженія, болѣе справедливыя,—заключаютъ въ себѣ голое обозначеніе предметовъ, составляющихъ содержаніе известной книги, безъ опредѣленія достоинствъ или недостатковъ ея. Очевидно, каждое изъ этихъ сужденій страдаетъ односторонностью: обстоятельство рецензіи, а отсюда и значительный объемъ ея отнюдь не могутъ быть отнесены къ числу ея недостатковъ; если предметъ, котораго касается разсматриваемая книга, по своей важности

заслуживаетъ болѣе длинныхъ разсужденій, нежели каковыя заключаются въ ней, то критикъ хорошо сдѣлаетъ, если своими разсужденіями восполнить ея недостатки, хотя бы рецензія его по объему вышла болѣе критикуемой книги. Съ другой стороны, о заурядной, ничѣмъ не выдающейся книгѣ только въ томъ случаѣ можно много говорить, еслибы критику пришлось давать отзывы только объ одной этой книгѣ; если же у него подъ руками пять-шесть книгъ одного рода, то критикъ по необходимости пережевывалъ бы нѣсколько разъ одно и то же, еслибы о каждой книгѣ говорилъ подробно; не говорить же вовсе о такого рода книгахъ противорѣчило бы задачѣ изданія. Мы съ своей стороны, снисходительно относясь къ такимъ краткимъ отзывамъ, или, точнѣе, сообщеніямъ о книгахъ, къ особенному достоинству „Учебно-воспитательной Библіотеки“ относимъ то, что въ ней очень многіе отзывы такъ обстоятельно мотивируются, что сами являются руководящими статьями по отдѣльнымъ вопросамъ, которыхъ касаются разсматриваемыя книги. Напротивъ, трудно отнести къ достоинствамъ „Систематическаго Обзора“ то, что отзывы его о книгахъ вообще очень кратки; очень часто они не идутъ далѣе обзора содержанія книги, а если и высказываются въ нихъ сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ ея, то въ первыхъ—такія сужденія не сопровождаются доказательствами, во вторыхъ—высказываются болѣею частію слишкомъ обще и потому мало-поучительно, и въ третьихъ наконецъ касаются лишь свойствъ книги, а не разсматриваютъ ее въ подробностяхъ.

Но не относя указанную черту отзывовъ о книгахъ къ достоинствамъ „Систематическаго Обзора“, мы не считаемъ ее и за недостатокъ отзывовъ, а просто опредѣляемъ ее, какъ характерное ихъ свойство, вызванное задачей изданія—дать разнымъ дѣтелямъ по народному образованію *справочную книгу*, подъ руководствомъ которой они могли бы узнать, какія книги имъ выписать для удовлетворенія известной потребности. Если такого рода дѣтели и прежде обращались къ Комитету Грамотности за рекомендаціей книгъ того или другаго рода и конечно безъ возраженій выслушивали его авторитетный голосъ; то съ такимъ же довѣріемъ и послушаніемъ они тѣмъ болѣе должны читать теперь его отзывы, которые во всякомъ слу-

чаѣ подробнѣе простой рекомендаціи или голаго реестра книгъ. Мы хотимъ только сказать здѣсь еще разъ, что разсматриваемыя два критическія изданія, московское и петербургское, отнюдь не исключаютъ себя взаимно даже и въ томъ случаѣ, когда они говорятъ напр. объ одной и той же книгѣ. Если не обращать вниманія на то, что могутъ повстрѣчаться и различія во взглядахъ и сужденіяхъ, и предположить такой случай, что въ томъ и другомъ изданіи извѣстная книга оцѣнивается одинаково; то отношеніе между „Учебно-воспитательною Библиотекою“ и „Систематическимъ Обзоромъ“, по нашему мнѣнію, будетъ вообще такое: первая заключаетъ въ себѣ всю черновую работу по разбору извѣстной книги, въ послѣднемъ подводятся итоги, дѣлаются заключенія. Если составители „Систематическаго Обзора“ въ имѣющихъ время отъ времени появляться въ свѣтъ приложеніяхъ къ нему не будутъ трудиться надъ постепеннымъ раскрытіемъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, ограничатся тѣми руководящими статьями, какія уже напечатаны, и въ приложеніяхъ будутъ заниматься лишь обзоромъ книгъ, то ихъ изданіе вполне оправдываетъ названіе его *справочной* книгой. А „Учебно-воспитательная Библиотека“ будетъ, кромѣ того и главнымъ образомъ, книгой *руководящей*.

Къ особенностямъ „Систем. Обзора“, которыя не могли быть отмѣчены въ предыдущемъ, принадлежитъ то, что въ немъ, кромѣ собственно учебниковъ, учебныхъ руководствъ и пособій, обозрѣваются еще книги *для самообразованія учителя*, и книги *для народнаго чтенія*. Такъ напр., въ отдѣлѣ по Закону Божию для самообразованія учителя указаны, кромѣ славянской и русской Библии, творенія Св. Златоуста, „Записки на книгу Бытія“, семинарскіе учебники по Св. Писанію, „Толковое Евангеліе и Апостоль“, „Земная жизнь І. Христа“ Орды, „Жизнь І. Христа“ Фаррара и т. под. Отъ этого рода книгъ составители „Систем. Обзора“ въ отдѣлѣ Закона Божія отличаютъ твердо „книги религіознаго содержанія для чтенія взрослыхъ и дѣтей.“ Но нѣкоторыя изъ указанныхъ здѣсь книгъ совершенно справедливо могутъ быть отнесены къ разряду книгъ для самообразованія учителя (точно такъ же, какъ и нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ могутъ быть отнесены къ книгамъ для народнаго чтенія, какъ напр. „Толковое Евангеліе“). Такъ напр. это можно сна-

зять относительно „Обзорѣнія употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ“ свящ. Нечаева, о твореніяхъ св. Тикона, который обзорѣватель прямо рекомендуетъ имѣть подъ руками законоучителю, о сочиненіи архіеп. Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни І. Христа“, и др. Но это чисто формальная недоблданность „Систем. Обзора“, нисколько не вредящая дѣлу. Обратимъ вниманіе на самое дѣло. Въ этомъ случаѣ мы недоумѣваемъ, во первыхъ, почему въ числѣ книгъ для самообразования учителя не указаны книги противураскольническаго содержанія. Въ предисловіи составители „Обзора“ говорятъ: „послѣ священника народный учитель, какъ извѣстно, является въ селѣ главною, если не единственною, интеллигентною силою; къ нему крестьянинъ обращается часто за всевозможными совѣтами и указаніями. Учитель поэтому долженъ, можетъ, да это на практикѣ уже и дѣлается, воспользоваться такимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы благотворно вліять не только на подрастающее поколѣніе, но и на взрослыхъ, а для того въ „Обзорѣ“ помѣщены не только книги для его *педагогическаго* самообразования, но и такія, какъ — по гигиенѣ, сельскому хозяйству и сельскимъ ссудо-охранительнымъ товариществамъ, все болѣе и болѣе распространяющимся среди нашего сельскаго населенія, и въ которыхъ одну изъ главныхъ ролей обыкновенно играетъ мѣстный сельскій учитель.“ Если, такимъ образомъ, составители „Обзора“ желаютъ, чтобы народный учитель путемъ самообразования содѣлалъ себя достойнымъ своего призванія—быть, вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ, свѣтломъ среди деревенской тьмы; то, по нашему мнѣнію, прежде всякихъ гигиеническихъ и подобныхъ знаній онъ долженъ быть свѣдуещъ въ вопросахъ религіознаго свойства. Въ деревнѣ на учителя дѣйствительно смотрятъ именно, какъ на свѣтило, и къ нему обращаются за разными совѣтами; но сообразно съ духовнымъ складомъ русскаго крестьянина, на мѣстнаго учителя онъ смотритъ главнымъ образомъ, какъ на знающаго божественные предметы, а не какъ на агронома или банкира; равнымъ образомъ и интересуется нашъ крестьянинъ въ минуты досуга вопросами религіознаго свойства, съ которыми онъ и является или къ мѣстному учителю или къ священнику; сюда принадлежатъ, конечно, и вопросы, волнующіе раскольническій міръ. Говоримъ это не:

по предположенію, а по знанію, что указываемая потребность действительно существуетъ. Точно также очень хорошо народному учителю сколько нибудь понимать Апокалипсисъ—книгу, любимую нашими начетчиками изъ народа, надъ пониманіемъ которой они праздно, но съ энергіею ломаютъ свои головы. Единственная книга, которая можетъ руководить народнаго учителя въ пониманіи Апокалипсиса, есть сочиненіе покойнаго Яковлева: она точно также не упомянута въ „Обзорѣ“ ни среди книгъ для самообразования учителя, ни среди книгъ для народнаго чтенія. Тогда какъ такихъ дѣльныхъ и отвѣчающихъ действительной потребности книгъ нѣтъ въ „Обзорѣ“,—такая худородная и не безвредная книга, какъ: „Жизнь І. Христа по евангеліямъ и народнымъ сказаніямъ“ К. Скворцова, указана въ числѣ книгъ для самообразования учителя на ряду съ „земною жизнью І. Христа“ Х. Орды и „жизнью І. Христа“ Фаррара и даже наименована книгою *прекрасною!* Какимъ образомъ книга г. Скворцова попала въ число даже „прекрасныхъ“, рѣшительно понять не можемъ. Это напротивъ есть предсмертный грѣхъ покойнаго Скворцова, который не иначе можно объяснить, какъ общею наивностію натуры автора. Такъ впрочемъ объясняютъ происхожденіе этого труда люди, лично знавшіе честный характеръ покойнаго. Кому же неизвѣстенъ былъ лично покойный или кто не знаетъ его по сообщеніямъ другихъ, тотъ можетъ подумать, что книга его есть плодъ эксплуатаціи, рассчитанный на народное суевѣріе, на любовь народа къ религіознымъ легендамъ. Правда, г. Скворцовъ воздержался отъ сообщенія въ своей книгѣ самыхъ грубыхъ сказокъ. Однакоже и тѣ апокрифическія сказанія, которыя нашли мѣсто въ его книгѣ и который онъ считалъ непротивными евангельскому духу, за немногими исключеніями, рѣшительно искажаютъ евангельскій образъ Христа. И однакоже такія сказанія, привлекательныя для грубаго воображенія, идутъ на ряду съ сказаніями истинными, евангельскими, безъ яснаго различенія однихъ отъ другихъ, и назначены къ тому, чтобы читатель на основаніи всѣхъ сказаній, истинныхъ и ложныхъ, сообразилъ въ своемъ умѣ образъ Христа! Неразвитый умъ крестьянина действительно сможетъ это сдѣлать и при обычномъ своемъ довѣрїи къ тому, что сказано въ книгѣ, будетъ утверждать, оправды-

вая свое довѣріе къ сказкѣ, что такъ сказано „въ Писаніи“... На ряду съ этою книжкою суздальскаго древлеправославія, рекомендується въ „Обзорѣ“ научно обработанная, но для русскаго пожалуй очень либеральная „Жизнь І. Христа“ Фаррара, — сочиненіе, назначенное для образованныхъ классовъ. И дѣйствительно, чтобы правильно понимать эту книгу и многими въ ней не соблазниться, нужна значительная степень умственного развитія. Мы слышали, что Отдѣлъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ при московскомъ О. любителей дух. просвѣщенія исключилъ ее изъ числа книгъ, распространяемыхъ имъ въ народъ. Если это—правда, то это во всякомъ случаѣ показываетъ, какъ сочиненіе англійскаго богослова отражается въ нѣкоторыхъ русскихъ умахъ. Но ужъ если составители „Обзора“ нашли нужнымъ рекомендовать народному учителю сочиненіе Фаррара, по духу своему отражающее въ себѣ очень ярко современный религіозно-умственный складъ западныхъ образованныхъ классовъ, то тѣмъ болѣе они могли бы отнести сюда же не указанное ими „Учебное руководство къ чтенію Евангелій въ духовныхъ семинаріяхъ“ г. Боголюбова, — сочиненіе, по приѣмамъ изслѣдованія нѣсколько сходное съ трудомъ Фаррара, но по духу строго православное. Для вынесенія евангельскаго текста, смысла рѣчей и переченій Христовыхъ, ходъ евангельской исторіи въ цѣломъ и подробностяхъ—это сочиненіе можетъ принести много пользы для законоучителей!).—Подъ особою рубрикою въ „Обзорѣ“ указываются для народно-училищной бібліотеки нѣкоторые духовные журналы, имѣющіе: „Воскресные рассказы“, „Воскресное Чтеніе“ (въ „Адресъ-календарѣ духовнаго вѣдомства“ не указанное въ числѣ существующихъ духовныхъ журналовъ въ 1878 г.). „Руководство для сельскихъ пастырей“, „Странникъ“. Съ особенною любовью обозрѣватель останавливается на послѣднемъ, изображая его кладомъ для народно-училищной бібліотеки, советуя спѣшить покупкою его за всѣ годы его существованія, пока есть возможность достать его, объявляя весьма малую цѣну: „въ 72 тома съ 40 портретами и другими изображеніями 45 руб.“, и наконецъ предлагая уплату раз-

1) Отзывъ о немъ см. „Прав. Обзор.“ 1876, февраль, отдѣлъ „Извѣстій и Забѣтокъ“.

срочить на цѣлый годъ по третямъ. Подробность, съ которою обозрѣватель очерчиваетъ содержаніе „Странника“ за всѣ годы его существованія, указываетъ въ немъ человека, очень близкаго къ редакціи этого журнала. Послѣ такой широковѣщательной рекламы о „Странникѣ“ слѣдовало бы ожидать, что еще болѣе существенное слово обозрѣватель скажетъ о „Душеполезномъ Читеніи“, какъ журналѣ, по задачѣ и характеру своему болѣе всѣхъ существующихъ дух. журналовъ подходящемъ къ разряду книгъ для народно-училищной бібліотеки. Однакоже объ немъ въ „Обзорѣ“ вовсе не упоминается. Но этимъ замѣчаніемъ можно ограничиться только, говоря о дѣлѣ съ точки зрѣнія „Обзора“. Независимо же отъ нея едвали будетъ несправедливымъ наше замѣчаніе, что хорошо было бы, если бы въ сельскихъ бібліотекахъ находились всѣ русскіе духовные журналы; ихъ и всѣхъ-то, по „Адресъ-календарю духовнаго вѣдомства“ за 1878 г., если не считать „Епарх. Вѣд.“ и церковныхъ газетъ, числомъ девять, а съ „Миссіонеромъ“ — полугазетой — полужурналомъ — десять. Правда, въ ученыхъ журналахъ много статей спеціальнаго содержанія или же написанныхъ слишкомъ нелегкимъ слогомъ. Но, во первыхъ, и среди рекомендованныхъ „Обзоромъ“ книгъ есть столь же нелегкія для чтенія, а во вторыхъ, въ каждомъ и ученомъ журналѣ за годъ скопится не мало статей доступныхъ во всякомъ случаѣ для народныхъ учителей и сельскихъ священниковъ. По этому составители „Обзора“ лучше бы сдѣлали, если бы въ своемъ изданіи дали мѣсто правдивой характеристикѣ каждаго духовнаго журнала.

Почему мы въ духовномъ журналѣ съ нѣкоторою подробностію остановились на отдѣлѣ Закона Божія, это самопонятно.

X.

З А П И С К А

ЧИТАННАЯ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНИИ ЧЛЕНОВЪ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА 14 МАЯ 1878 Г.

Первымъ словомъ настоящаго отчета должно быть изъясненіе радости о высочайшемъ благоволеніи, которымъ изволила осясчастивить Православное Миссіонерское Общество Августѣйшая Покровительница его, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна. Г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ отношеніи къ предсѣдателю Общества высокопреосвященнѣйшему Иннокентію, митрополиту московскому, отъ 13 февраля 1878 года (№ 712) увѣдомилъ, что „отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1876 годъ представлень былъ на высочайшее возвращеніе Государыни Императрицы, и Ея Величество изволила повелѣть благодарить его высокопреосвященство и *Миссіонерское Общество* и просить обратить особенное вниманіе на Японскую миссію“.

Такимъ всемилоостивѣйшимъ вниманіемъ къ дѣятельности Общества увѣнчался благополучно, по милости Божіей, имъ проведенный 1876 годъ, — седьмой со времени его учрежденія.

Истекшій 1877 годъ представляетъ нѣкоторыя особенности, имѣвшія вліяніе на положеніе дѣлъ Общества. Въ этомъ году вниманіе и жертвы русскаго народа направлены были преимущественно на удовлетвореніе нуждъ русскаго воинства, доблестно подвизавшагося въ войнѣ съ Турціей за свободу единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ нашихъ. По этой причинѣ произошло

нѣкоторое сокращеніе въ доходахъ Общества ¹⁾). При другихъ обстоятельствахъ можно было бы пожалѣть объ этомъ, но дѣло, совершенное нашимъ Царемъ и народомъ въ прошедшемъ году, такъ высоко въ нравственномъ отношеніи и такъ велико въ значеніи историческомъ, что ему по справедливости должны были уступить всѣ такъ-сказать текуція или обычныя нужды и потребности нашей церкви и отечества.

Для насъ весьма важно то обстоятельство, что въ это трудное время народъ нашъ не прекратилъ или не уменьшилъ слишкомъ замѣтно своихъ богоугодныхъ жертвъ на распространеніе вѣры Христовой, но продолжалъ приносить ихъ обычнымъ порядкомъ по доброму навыку, который успѣлъ уже въ немъ утвердиться въ восьмилѣтнее существованіе Общества. Это приводитъ насъ къ мысли, что по прошедшему году, и отчасти по началу настоящаго, какъ живущаго съ нимъ по характеру событій тѣсную связь, можно судить о прочности существованія Православнаго Миссіонерскаго Общества и съ нѣкоторою точностію опредѣлить крайніе предѣлы, далѣе которыхъ не будетъ сокращаться какъ составъ Общества, такъ и его средства.

Составъ и средства Общества за прошедшій годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ московскомъ отдѣленіи Общества было въ истекшемъ 1877 году действительныхъ членовъ 2210 ²⁾).

Членскихъ взносов, и пожертвованій въ кассу совѣта Общества поступило 52.828 р. 46^{1/2} коп. ³⁾.

¹⁾ Доходы Православнаго Миссіонерскаго Общества въ 1877 г. были еще сравнительно съ 1876 годомъ на 2.969 р. 77 к.

²⁾ Въ томъ числѣ членовъ, обеспечивавшихъ ежегодные взносы капиталами, 366.

³⁾ Въ числѣ 52.828 р. 46^{1/2} коп. полученныхъ приходомъ по кассѣ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго общества, включаются: а) 32.018 р. 39^{1/2} к. взносов и пожертвованій отъ членовъ и благодѣтелей, б) 1.778 р. 84^{1/2} к. сбора въ деревнѣ послѣ проповѣданія поучаній въ надѣлѣ Православія, в) 107 р. 33^{1/2} к. изъ кружечекъ, находящихся въ разныя общественныя предпріятія, г) 17.206 р. 55 к. процентовъ съ казначействъ Общества, д) 1.530 р. 64 к. номинальной прибыли отъ приобрѣтенія облигацій Восточнаго займа, е) 34 р. отъ продажи пожертвованныхъ вещей и ж) 148 р. 70 к. представленнаго бывшимъ облорскимъ миссіонеромъ іеромонахомъ Викторомъ въ возвратъ выданныхъ ему въ 1874 году Совѣтомъ Общества на путевые расходы отъ Москвы до Тобольска. Сверхъ того получено: а) 14.172 р. 64 к. церковно-кружечнаго сбора на распространеніе Православія между язычниками въ Имперіи; б) 1.848 р. 59^{1/2} к. переданныхъ въ Совѣтъ изъ епархіальныхъ

Въ Астраханскомъ комитетѣ членовъ было.....	251
пожертвованій поступило..... 5.156 р. 18 ¹ / ₄ к. 4).	
„ Благовѣщенскомъ комитетѣ членовъ.....	84
пожертвованій..... 508 р. 9 к.	
„ Витебскомъ комитетѣ членовъ.....	39
пожертвованій..... 166 р. 62 к.	
Владимірсскомъ комитетѣ членовъ.....	215
пожертвованій..... 2.007 р. 44 к.	
„ Вологодскомъ комитетѣ членовъ.....	116
пожертвованій..... 1.807 р. 13 к.	
„ Воронежскомъ комитетѣ членовъ.....	118
пожертвованій..... 1.452 р. 61 к.	
„ Вятскомъ комитетѣ членовъ.....	139
пожертвованій..... 1.524 р. 39 ¹ / ₂ к.	
„ Донскомъ комитетѣ членовъ.....	108
пожертвованій..... 1.682 р. 60 к.	
„ Енисейскомъ комитетѣ членовъ.....	137
пожертвованій..... 669 р. 7 к.	
„ Иркутскомъ комитетѣ членовъ.....	469
пожертвованій..... 19.988 р. 68 ¹ / ₂ к.	
„ Казушскомъ комитетѣ членовъ.....	30
пожертвованій..... 1.302 р. 66 к.	
„ Кіевскомъ комитетѣ членовъ..... до	100
пожертвованій..... 1.005 р. 87 ¹ / ₂ к.	
„ Костромскомъ комитетѣ членовъ.....	280
пожертвованій..... 4.000 р. 55 к.	
„ Минскомъ комитетѣ 4).	
„ Оренбургскомъ комитетѣ членовъ.....	138
пожертвованій..... 796 р. 80 к.	
„ Орловскомъ комитетѣ членовъ 4).	
пожертвов. (въ майск. треть 1877 г.)..... 682 р. 28 к.	
„ Пермскомъ комитетѣ членовъ.....	107
пожертвованій..... 1.416 р. 4 ¹ / ₂ к.	
„ Рязанскомъ комитетѣ членовъ.....	133
пожертвованій..... 1.319 р. 68 к.	

комитетовъ Общества и в) 350 р. суммъ переходящихъ. Итого всѣхъ суммъ въ Совѣтъ Православнаго Миссіонернаго Общества за 1877 годъ на приходъ поступило 69.494 р. 69¹/₂ к. Подобныя свѣдѣнія обо всѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ были печатаемы въ изданіи „Миссіонеръ“.

4) За вычетомъ 300 р., отпущенныхъ комитету изъ кассы Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества и 300 руб. 71 к. церковно-кружечнаго сбора. Таковыя суммы въ вышезложенномъ численіи исключены изъ приходныхъ статей и по прочимъ комитетамъ.

5) Свѣдѣній не имѣется.

Въ Самарскомъ комитетѣ членовъ.....	154
пожертвованій.....	1.500 р. 31 к.
„ Сибирскомъ комитетѣ членовъ.....	225
пожертвованій.....	949 р. 55½ к.
„ Тамбовскомъ комитетѣ членовъ.....	241
пожертвованій.....	2.061 р. 85 к.
„ Тобольскомъ комитетѣ членовъ.....	468
пожертвованій.....	4.183 р. 27¼ к.
„ Томскомъ комитетѣ членовъ.....	161
пожертвованій.....	629 р. 21¼ к.
„ Харьковскомъ комитетѣ членовъ.....	420
пожертвованій.....	2.481 р. 70 к.
„ Черниговскомъ комитетѣ членовъ.....	92
пожертвованій.....	281 р. 66½ к.
„ Якутскомъ комитетѣ членовъ.....	57
пожертвованій.....	877 р. 35 к.

Въ прошедшемъ году 2 января открытъ комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Могилевской епархіи *). Составъ сего новооткрытаго комитета слѣдующій: предсѣдатель высокопреосвященнѣйшій Евсеій архіепископъ могилевскій и мстиславльскій, товарищъ предсѣдателя г. могилевскій губернаторъ Александръ Станиславовичъ Дембовецкій; члены: предсѣдатель казенной палаты Яковъ Леонтьевичъ Эйлеръ, губернский предводитель дворянства Левъ Александровичъ Титовъ, вице-губернаторъ Константинъ Николаевичъ Гортынский, управляющій контрольною палатою Никандръ Григорьевичъ Тычино, городской голова Григорій Николаевичъ Гортынский, ректоръ семинаріи архимандритъ Александръ, кафедральный протоіерей Петръ Ѳеодоровичъ Ганкевичъ (онъ же и казначей) и законоучитель гимназіи протоіерей Стефанъ Космичъ Гласко; дѣлопроизводитель, секретарь канцеляріи преосвященнаго могилевскаго Анатолій Елевѣрьевичъ Космачевскій.

Двѣствительныхъ членовъ въ Могилевскомъ комитетѣ было 45, пожертвованій поступило 273 р. 17 к.

*) Приготовленія къ открытію Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Уфимской епархіи замѣтно приближаются къ концу. Отъ священниковъ сей епархіи и другихъ лицъ, изъявившихъ желаніе быть членами предполагаемаго къ открытію въ Уфѣ Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества въ прошломъ 1877 году получено Совѣтомъ чрезъ Уфимскую консисторію пожертвованій на нужды Общества 155 р. 9 к.

Всего же въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ въ 1877 году: дѣйствительныхъ членовъ было 6.587⁷⁾, пожертвованій получено 111.453 р. 15 к. ⁸⁾, что съ присоединеніемъ церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между явчичками въ имперіи, поступившаго въ количествѣ 27.275 р. 73²⁾ к. ⁹⁾ составляетъ 138.728 р. 88³⁾ к. ¹⁰⁾. Съ остаточными отъ 1876 года 506.364 р. 22 к. въ слѣдствіи по 1 января 1878 года всѣхъ суммъ въ приходѣ было 645.093 р. 10⁴⁾ к., а по принятому раздѣленію на капиталы: неприкосновеннаго 285.474 руб. 4 коп., запаснаго 183.000 р. 78¹⁾ к. и расходнаго 176.618 р. 28¹⁾ к. За исключеніемъ же 113.522 р. 73¹⁾ к. ¹¹⁾ поступившихъ въ 1877 г.: въ расходѣ (о которомъ будетъ объяснено ниже), къ настоящему 1878 году осталось 531.570 р. 37²⁾ к.; въ томъ числѣ: неприкосновеннаго капитала 285.474 р. 4 к., запаснаго 162.035 р. 75¹⁾ к. ¹²⁾ и расходнаго 84.060 р. 57²⁾ к. ¹³⁾.

Къ замѣчательнымъ пожертвованіямъ, поступившимъ въ Общество въ прошедшемъ году, мы относимъ впервыхъ суммы, жалуемыя ежегодно отъ членовъ Императорской Фамиліи, Ихъ Высочествъ: В. К. Константина Николаевича и В. К. Александры Іосифовны 100 р., В. К. Николая Николаевича Старшаго 50 руб., В. К. Михаила Николаевича и В. Кн. Ольги Феодоровны 100 рублей.

За тѣмъ изъ значительныхъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ первое мѣсто занимаютъ 10.000 руб. пожертвованные отъ

⁷⁾ Въ предшествовавшемъ 1876 году было дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 7560.

⁸⁾ Въ 1876 году получено пожертвованій, не включая церковно-кружечнаго сбора 111.598 р. 28¹⁾ к.

⁹⁾ Въ 1876 году церковно-кружечнаго сбора поступило 30.100 р. 37¹⁾ к.

¹⁰⁾ За 1876 годъ всѣхъ суммъ съ церковно-кружечнымъ сборомъ въ приходѣ было 141.698 р. 65¹⁾ к.

¹¹⁾ Въ томъ числѣ: а) 20.965 р. 2¹⁾ к. изъ запаснаго капитала Общества и 92.557 р. 70¹⁾ к. изъ суммъ расходныхъ. Въ предшествовавшемъ 1876 году весь расходъ Православнаго Миссіонерскаго Общества простирался до 100.659 р. 36 к.

¹²⁾ Къ неприкосновенному капиталу, состоявшему въ остаткѣ отъ 1876 г., прибавилъ въ 1877 году 24.300 р. 64 к., а отъ запаснаго убавилось 8.347 р. 43²⁾ коп.

¹³⁾ Въ томъ числѣ суммъ, имѣющихъ особое назначеніе, 58.244 р. 4¹⁾ к. Эти суммы не входятъ въ число ассигнуемыхъ по сибѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества на общія нужды миссій и Миссіонерскихъ учрежденій.

неизвѣстнаго. Сіе пожертвованіе доставлено въ октябрѣ мѣсцѣ прошлаго года къ вѣдомопроеосвященнѣйшему митрополиту Иннокенгію при запискѣ слѣдующаго содержанія: „покорнѣйше прошу Миссіонерное Общество принять отъ неизвѣстнаго въ пользу православныхъ миссій десять тысячъ рублей, которыя при семъ прилагаю“. Доставитель таковой значительной суммы ушелъ, не сказавъ ни слова и не взявъ никакой росписки. Вотъ благотвореніе истинно христіанское! Отецъ небесный, видящій тайное, да воздастъ благотворителю явно. Это—третье крупное пожертвованіе въ пользу Общества со времени его открытія. Первое въ 10,000 р. съ назначеніемъ для Алтайской миссіи было въ 1870 году, вскорѣ по открытіи Общества, отъ статскаго совѣтника Марья Михайловны Киселевой. Второе въ 11,200 руб. поступило въ 1874 году отъ преосвященнѣйшаго Митрофана, епископа оренбургскаго и уральскаго. Всѣ они причислены въ свое время къ непривосновенному капиталу Общества и составляютъ вѣчный памятникъ жертвователей и неиссякающій источникъ пособій для православныхъ миссій. Изъ прочихъ пожертвованій, имѣющихъ особое значеніе по количеству суммъ ихъ составляющихъ, поступили въ истекшемъ году слѣдующія: по духовному завѣщанію умершаго московскаго мѣщанина Федора Сергѣевича Зимулина 2500 р. Заслуживаетъ вниманія, что покойный Зимулинъ завѣщалъ Православному Миссіонерскому Обществу до половины почти часть изъ всего оставшагося послѣ него состоянія. По духовному завѣщанію умершаго псаломщика С.-Петербургской епархіи Алексѣя Ивановича Виноградова 300 р.¹⁴⁾ Отъ камергера, статскаго совѣтника Ивана Яковлевича Яковлева ежегодное пожертвованіе для Алтайской миссіи 300 р. Изъ г. Кутаиса отъ г. Юрія Струйскаго, въ видѣ ежегодно и неопустительно повторяющагося взноса 200 руб., отъ неизвѣстнаго чрезъ В. Крохина 200 р., отъ неизвѣстнаго чрезъ діакона московской Николо-красновонской церкви С. І. Борзе-

¹⁴⁾ Заявленія въ 1876 и 1877 годахъ пожертвованія по духовнымъ завѣщаніямъ: почетнаго гражданина Василія Герасимовича Солодовникова на расходы по просвѣщенію православною вѣрою сибирскихъ и кавказскихъ мнѣврцевъ 1,000 р. и кандидата духовной академіи Петра Григорьевича Климентова 100 р. получены въ настоящемъ 1878 году. Назначенная по духовному завѣщанію вдовы гвардіи поручика Елизаветы Ивановны Щербачевой сумма 500 р., о которой заведено было въ 1875 году, до сего времени еще не получена.

повскаго 150 р.; отъ отставнаго унтеръ-офицера Михея Васильевича Дворянчикова 150 р. (изъ коихъ 100 р. въ пользу Японской миссиі и 50 р. на нужды другихъ миссій); отъ профессора московскаго университета Василя Александровича Басова 100 р.; отъ архимандрита московскаго Заиконоспасскаго монастыря Николая 100 р.; отъ неизвѣстнаго чрезъ протоіерея московской Введенской, въ Барашихъ, церкви 100 р., отъ Давыдовой пустыни ежегодное пожертвованіе 100 р., отъ Почаево-Успенской лавры за 1876 годъ 100 руб., отъ преосвященнаго Леонтія архіепископа варшавскаго въ пользу Японской миссиі 100 р., отъ протоіерея Николая Дмитриевича Лаврова въ пользу сей же миссиі 100 р., отъ графини Елизаветы Егоровны Ламбертъ для воспитанія въ Японской школѣ одной дѣвочки за 1877 годъ 100 р., отъ покойнаго Павла Григорьевича Цурикова 100 руб., и отъ гг. Хомяковыхъ двухъ братьевъ дворянъ, ежегодно вносящихъ значительныя пожертвованія 100 р. Долгомъ почитаемъ упомянуть здѣсь о добромъ участіи въ сборахъ, которое принимала въ 1877 году редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, доставившая 1380 р., изъ коихъ 1333 руб. на Японскую миссію, а остальные 47 р. въ пользу отечественныхъ миссій.

Изъ вышепоименованныхъ пожертвованій есть такия, которыя внесены съ завлеченіемъ желанія, чтобы въ церквахъ нашихъ миссій совершаемы были моленія о здравіи или о упокоеніи указаннѣйшхъ благотворителяхъ ихъ сродниковъ. По принятому порядку сообщены начальствамъ миссій томяники, дадныя жертвователями, и имѣтъ сошнѣнія, что миссіонеры, годъ отъ году болѣе освобождаемы отъ тяжкихъ нуждъ и лишеній попеченіями Православнаго Миссіонерскаго Общества, съ полнѣйшмъ усердіемъ исполняютъ благочестивое желаніе благотворителей.

Вещей, пожертвованныхъ для миссій отъ благотворителей, въ прошедшемъ году въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества поступило не менѣе, чѣмъ въ предѣльные годы. Между сими вещами были: церковная утварь, различныя принадлежности, богослужбеныя книги, цѣльны безъ ризъ и въ ризахъ серебряныя и новолочечныя, книги и брошюры для школъ и вообще для новокрещенныхъ и, наконецъ, крестики со шнурками, пояски, холсты на бѣлье и самое бѣлье для крещаемыхъ¹⁵⁾.

Всѣ вещи, поступившія въ канцелярію совѣта въ 1877 году,

15) О пожертвованныхъ вещахъ были напечатаны подробныя объявленія въ изданіи „Миссіонеръ“.

равно и оставшіяся отъ предшествовавшаго года, были распределены и отосланы: пожертвованныя съ определеннымъ назначеніемъ — по увѣзанію благотворителей въ Яконскую, а также отечественныя миссіи, прочія частію въ Пріамурскую и другія миссіи, большею же частію въ миссіи Иркутской епархіи и Алтайскую⁴⁶⁾. Изъ пожертвованной вещами обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія. Известный Обществу членъ его, коллежскій ассессоръ Максимъ Ивановичъ Ивановъ пожертвовалъ въ прошедшемъ году для раздачи инородцамъ, принявшимъ православную вѣру, 12 тысячъ литографированныхъ на бумагахъ картинъ священнаго содержанія, и для мисіонерскихъ школъ 200 экз. русской исторіи и 100 экз. географіи Пудыковича. Отъ московскаго купца Николая Васильевича Немцова-Болодина для миссіи Иркутской епархіи пожертвовано 260 разныхъ иконъ, писанныхъ на кипарисныхъ доскахъ⁴⁷⁾. Членъ совѣта протоіерей Н. Д. Давровъ пожертвовалъ въ Иркутскую миссію походные серебряные вызолоченные сосуды для употребленія при совершеніи литургіи, при таинствахъ крещенія и миропомазанія и при причащеніи больныхъ. Изъ иконъ особенно цѣнныя пожертвованы: иконы — Божіей Матери „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“ и св. Николая, — обѣ въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, — по духовному завѣщанію покойной жены титулярнаго совѣтника Александры Андреевны Плотниковой для Алтайской миссіи; отъ московской купчихи Варвары Николаевны Евсеевой двѣ иконы: Богоматери „Утоли Моя Печали“ и Преподобной Маріи Египетской, обѣ также въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, и отъ неизвестной икона Знаменія Божіей Матери, довольно большаго размѣра, въ ризѣ серебряной позолоченной. Говоря объ иконахъ, замѣтимъ, что миссіи имѣютъ въ нихъ большую нужду. Начальникъ Иркутской миссіи въ письмѣ къ одному изъ членовъ совѣта, объясняя нужду для миссіи въ иконахъ, высказалъ: „откуда мы возьмемъ иконъ въ Сибирь, гдѣ мастерство иконописное въ рѣдкость и требуетъ немалой цѣны“?

Расходъ Православнаго Мисіонерскаго Общества въ 1877 году до исполненія сметныхъ назначеній, утвержденныхъ Общимъ

⁴⁶⁾ Всѣхъ иконъ съ вещами канцелярію Совѣта послано въ 1877 году по почтѣ 118.

⁴⁷⁾ Въ началѣ 1878 году г. Немцовъ-Болодинъ пожертвовалъ для миссіи въ распоряженіе Совѣта еще 313 таковыхъ же иконъ.

Собраниемъ, простирается до 79.017 р. 79¹/₂ к. ¹⁸⁾). Переслано съ-
вѣтомъ суммъ по назначенію жертвователей въ опредѣленные
миссіи 7559 р. 24¹/₂ к. ¹⁹⁾). На пособіе миссіонерамъ и другія мис-
сіонерскія нужды израсходовано сверхъ смѣтнаго назначенія
1239 р. 26 к. ²⁰⁾). Епархіальными комитетами, открывшими у себя
миссіонерскую дѣятельность, издержано на мѣстныхъ нужды
16.854 р. 78¹/₂ к. Вся же сумма, употребленная Обществомъ въ
прошедшемъ году для развитія миссіонерскаго дѣла, простирает-
ся до 104.671 р. 8¹/₂ к. ²¹⁾), а съ расходами самого Общества въ
8.851 р. 65 к. ²²⁾) составляетъ 113.522 р. 78¹/₂ к.

Расходы по содержанію миссій и миссіонерскихъ учрежденій
съ каждымъ годомъ возвышаются по причинѣ увеличенія мис-
сіонерскихъ нуждъ. Въ прошедшемъ году по смѣтѣ Общества
было прибавлено для миссій на постоянные годичные расходы,
какъ-то: на дополнительные и новые оклады жалованья миссіо-
нерамъ, на разъѣзды имъ, на содержаніе училищъ, учениковъ и
учителей, на пособія новокрещенымъ и на поддержку церквей и
миссіонерскихъ домовъ, всего до 2500 р. Особенное же вниманіе
обращено было въ прошедшемъ году на Японскую миссію, для
которой по смѣтѣ ассигновано изъ суммъ Общества пособіе въ

¹⁸⁾ Болѣе смѣтнаго расхода за 1876 годъ на 5.706 р. 89¹/₂ к.

¹⁹⁾ 7.528 р. 24¹/₂ к. въ Японскую миссію и 31 р. въ миссію Казанской епархіи.

²⁰⁾ Въ томъ числѣ: Съѣздомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества
839 р. 26 к. и Енисейскимъ епархіальнымъ комитетомъ по предложенію со-
вѣта 400 р.

²¹⁾ Съ присоединеніемъ 100 р. зачтенныхъ 104,771 р. 8¹/₂ к. Въ предше-
ствовавшемъ 1876 году всѣхъ суммъ на содержаніе миссій и миссіонерскихъ
учрежденій было употреблено 92,643 р. 89¹/₂ к.

²²⁾ Изъ 8,851 р. 65 к. употребленныхъ на расходы самого Общества: 1)
4.118 р. 32 к. издержано епархіальными комитетами и 2) 4,733 р. 33 к. Со-
вѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Статьи расходовъ въ Со-
вѣтѣ были слѣдующія: а) на путевыя издержки миссіонерамъ 415 р., б) на
жалованье редактору изданія „Миссіонеръ“ 1,000 р., в) на жалованье служи-
вающимъ въ канцеларіи Совѣта 1,790 р., г) на наемъ и содержаніе помѣщеній
для канцеларіи, на приобретение и починку мебели 490 р. 72 к., д) на печата-
ніе отчетовъ, газетныхъ объявленій и бланковъ 580 р. 2 к., е) на пересылку
суммъ, вещей, пакетовъ и телеграммъ 161 р. 26 к., ж) на обстановку па-
латы для общаго собранія 108 р., з) остальные же 188 р. 33 к. употреблены:
на уплату за храненіе въ банкѣ процентныхъ бумагъ, на выписку газетъ,
на письменныя и пр. конторскія принадлежности, на разъѣзды и другія не-
мелочныя издержки и за печать для Могилевскаго комитета.

10.000 р., сверхъ пожертвованныхъ съ назначеніемъ въ пользу сей миссіи отъ разныхъ благотворителей. Съ прошедшаго также года Общество начало выдавать извѣстные подъ названіемъ „пятилѣтій“ особы прибавочные оклады въ содержанію священнослужителямъ сибирскихъ миссій, состоящимъ на миссіонерской службѣ не менѣе пяти лѣтъ. Изъ 80 сибирскихъ миссіонеро-священнослужителей къ 1877 году пятилѣтія выслужены 37 лицами, которымъ и ассигновано было прибавочныхъ окладовъ всего 1900 р.³³⁾ Какъ въ первый разъ миссіонерами принято это новое пособіе, можно видѣть изъ письма начальниа Иркутской миссіи архимандрита Мелетія отъ 6 января текущаго года къ члену совѣта протоіерею Н. Д. Лаврову, которому принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи пятилѣтій, предложенная имъ совѣту въ 1875 году. „Въ минувшемъ году, пишетъ о. Мелетій, вами употреблено было ходатайство о прибавкѣ миссіонерамъ нашихъ миссій за каждое пятилѣтіе жалованья, и это ваше ходатайство достигло своей цѣли. Истинно-отеческое участіе ваше въ судьбѣ труженниковъ-миссіонеро-въ вызвало слезы радости и благодаренія къ Господу Богу и благодѣтелямъ нашимъ. Примите же, какъ главный виновникъ улучшенія быта миссіонеро-въ, за ваши просвѣщенные заботы общую благодарность Иркутской духовной миссіи. Любовь, согрѣвающая миссіонеро-въ сибирскихъ чрезъ такое сочувствіе къ нимъ, послужитъ великимъ поощреніемъ къ трудамъ благовѣствованія о Христѣ Исусѣ и во спасенію многихъ, искупленныхъ безцѣнною Его кровію; труждающіеся ради спасенія ближнихъ дѣйствительно достойны такой помощи и постараются оправдать себя“.

Сверхсѣтныя расходы Общества были въ прошедшемъ году слѣдующіе: на построеніе храма для крещеныхъ калмыковъ въ селеніи Уланъ-Эргѣ Астраханской епархіи 300 руб., на выписку для Алтайской, Иркутской и Забайкальской миссій противомусульманскаго сборника и другихъ изданій миссіонерскаго характера 389 р. 26 к., на пособіе занимающемуся переводами религиозныхъ книгъ на остяцко-самодскій языкъ Н. П. Григорьевскому 150 руб., на путевыя издержки отъ Москвы до С.-Петербурга и обратно уральской миссіонерки М. К. Кабановой 25 р., на прогоня отъ Москвы до Иркутска священнику В. М. Гижиц-

³³⁾ Въ настоящаго, 1878 году на пятилѣтія 40 сибирскимъ миссіонерамъ назначено 2,010 р.

кому, отправившемуся на миссионерское служеніе въ Иркутскую епархію, 350 руб., на вспомошествованіе бывшему иркутскому миссионеру іеромонаху Нилу при возвращеніи его въ Москву 185 р. и на пособіе заслуженному миссионеру, бывшему начальнику Туруханской миссіи, священнику Капитолу Доможилу 400 рублей.

Въ текущемъ году, промѣ обыкновенныхъ прибавокъ на годичные расходы въ мѣсяцѣхъ, предстоятъ Обществу новыя значительныя расходы. Ограничившись здѣсь пока этимъ общимъ замѣчаніемъ, съ намѣреніемъ представить объясненіе о нихъ въ послѣдующемъ обзорннмъ предположеніи Совѣта, скажемъ, что при увеличеніи неотложныхъ расходовъ самымъ естественнымъ представляется желаніе приобрѣтенія новыхъ средствъ.

Вѣрнаго новаго источника средствъ мы ожидаемъ съ открытіемъ новыхъ комитетовъ Общества въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ они доселѣ не открыты, и надѣемся, что ожиданіе наше не останется напраснымъ ³⁴⁾.

Не менѣе этого мы можемъ ожидать, что не перестанетъ приносить пользу Обществу учрежденное въ 1872 году по благословенію Святѣйшаго Синода повсемѣстное въ Россіи произвожденіе съ церковныхъ казедръ поученій о миссионерскомъ дѣлѣ.

Давно (1873 г.) начатое дѣло объ устройствѣ въ башнѣ у Варварскихъ воротъ часовни для постановленія чудотворной Боголюбской иконы Божіей Матери, благодареніе Богу, приблизилось къ осуществленію, и Совѣтъ Православнаго Миссионерскаго Общества устройство Боголюбской часовни признаетъ однимъ изъ очередныхъ неотложныхъ дѣлъ своихъ. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 17 октября 1877 года (№ 3186) дано знать, что по ходатайству Его Высокопреосвященства Иннокентія митрополита Московскаго о разрѣшеніи устроить внутри Варварской башни Китайской стѣны въ г. Москвѣ часовню, подъ названіемъ Боголюбской, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 1/2 марта 1877 года, сдѣлано было сообщеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который увѣдомилъ, что Государь Императоръ въ 10-й день августа 1877 года Высочайше соизволилъ на устройство означенной часовни по проекту, одобренному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Совѣтъ надѣется,

³⁴⁾ 11-го мая текущаго 1878 года открытъ комитетъ П. М. Общ. въ Нижегородской епархіи.

что боголюбивые граждане Москвы не откажутся принять участие къ благоугодномъ дѣлу, имѣющемъ значеніе для всѣхъ московскихъ православныхъ жителей. Пожертвованія на устройство часовни будутъ принимаемы съ искреннею благодарностію ими, по своей вѣроятности, много облегчатся расходы назначаемые Совѣтомъ изъ суммъ Общества.

Въ истекшемъ также году Высочайшею властію разрѣшено другое дѣло, имѣющее для Общества важное значеніе, именно приобрѣтеніе имъ въ свою собственность и на свое имя недвижимыхъ имуществъ. Въ указѣ Святѣйшаго Синода по этому дѣлу послѣдовавшемъ 6 іюня прошедшаго года (№ 1708) изъяснено, что Его Величество Государь Императоръ въ 20-й день апрѣля 1877 года Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 26 января того же года о дозволеніи Православному Миссіонерскому Обществу приобрѣтати на свое имя недвижимую собственность и о дополненіи сообразно съ симъ § 11 устава сего Общества. Это дополненіе къ 11 § устава Общества, въ указѣ Святѣйшаго Синода изобразило слѣдующими словами: „для устройства новыхъ миссіонерскихъ учрежденій и съ дѣлію увеличенія средствъ для пособія миссіямъ, разрѣшается Православному Миссіонерскому Обществу приобрѣтати на свое имя недвижимую собственность посредствомъ покупки, дара и духовнаго завѣщанія жертвователей, но съ тѣмъ, чтобы на приобрѣтеніе таковой собственности Общество испрашивало каждый разъ чрезъ Святѣйшій Синодъ Высочайшее соизволеніе“.

Относительно дѣйствій и предположеній Совѣта для развитія разныхъ сторонъ миссіонерскаго дѣла имѣемъ сообщить слѣдующее.

Изявляющихся желаніе поступить на миссіонерское служеніе было въ прошедшемъ году мало, только трое, и изъ нихъ двое имъ, за неполученіемъ ими достаточнаго научнаго образованія, отказано въ опредѣленіи на миссіонерское служеніе; и только одинъ признавъ соответствующимъ назначенію, именно Владимиръ Михайловичъ Гимницкій. Гимницкій дворянскаго происхожденія, отъ роду 43 лѣтъ, холостой, образованіе получилъ въ бывшемъ Мясниковомъ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ, гдѣ въ 1851 году окончилъ полный курсъ наукъ; въ последнее время онъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Астраханской губерніи. Полагая, что опыты, приобрѣтенные имъ на службѣ и въ жизни, будутъ и въ избл-

раемомъ имъ новомъ служеніи полезны, и основываясь на благопріятныхъ отзывахъ объ немъ, Совѣтъ рекомендовалъ его преосвященному Веніамину, епископу Иркутскому, какъ чловѣка способнаго и благонадежнаго. Преосвященный Веніаминъ согласился принять Гижицкаго на службу въ Иркутскую епархію и просилъ по рукоположеніи въ священника отправить его въ Иркутскъ. Вслѣдствіе сего Гижицкій рукоположенъ въ Москвѣ 1 августа 1877 года во священника, а въ концѣ того же года отправился чрезъ Оренбургъ къ мѣсту назначеннаго ему миссіонерскаго служенія. По прибытіи въ Иркутскъ въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1878 года священникъ Гижицкій опредѣленъ миссіонеромъ въ Тугнуйскій станъ Забайкальской миссіи.

Есть предложеніе о приумноженіи дѣятелей для Алтайской миссіи. Оно находится въ наразрывной связи съ предположеніемъ объ открытіи въ этой миссіи новыхъ четырехъ станомъ. Нужда въ прибавленіи къ десяти существующимъ станамъ новыхъ четырехъ заявлена была начальникомъ Алтайской миссіи архимандритомъ Владиміромъ еще въ первой смѣтѣ 1871 года, которая Совѣту прислана была Томскимъ комитетомъ на второмъ году по открытіи Общества. Затѣмъ о той же необходимости были неоднократныя заявленія въ годовыхъ отчетахъ миссіи. Наконецъ въ прошедшемъ году Томскій комитетъ, съ согласія мѣстнаго общаго собранія членомъ Общества, предпринялъ новое ходатайство о пособіи Алтайской миссіи на устройство новыхъ четырехъ станомъ. По смѣтѣ, составленной о. архимандритомъ Владиміромъ и полученной Совѣтомъ изъ Томскаго комитета 30 июня 1877 года, предположено открыть станы въ слѣдующихъ четырехъ отдѣленіяхъ миссіи: Улалинскомъ, Черно-Ануйскомъ, Чулышманскомъ и Кузнецкомъ. На содержаніе миссіонеровъ съ причетниками и толмачами въ первыхъ двухъ станомъ, соразмѣрно съ общею нормою окладовъ, назначено по 840 р. для каждаго стана, на станы же въ Чулышманскомъ и Кузнецкомъ отдѣленіяхъ, по причинѣ ихъ отдаленности, трудности сообщеній и дороговизны содержанія, болѣе: на первый 930 р., а на второй 1.020 р.; вся же сумма вновь назначаемая на ежегодное содержаніе служащихъ въ предполагаемыхъ станомъ представляетъ размѣръ уже значительный, именно 3.630 р. Но еще значительнѣе заявленный алтайскою смѣтою расходъ на устройство церквей и домовъ для помѣщенія миссіонеровъ съ причетниками и училищъ, простирающійся до 19.500 р. Сверхъ сего по смѣтѣ назначается дополнительная сумма: на школы

миссіи 1.000 р., на лѣчебницу 610 р., на пособія новокрещеннымъ 455 р., на добавочное жалованье помощнику начальника миссіи о. игумену Макарію (получающему 600 р.) 100 р., и другимъ членамъ миссіи 110 р. Всего же по новой смѣтѣ алтайской миссіи требуется добавочной суммы 25.405 р., изъ коихъ 5.905 р., на расходы ежегодные и 19.500 р. одновременно. Такъ какъ этого вновь назначаемого огромнаго расхода нельзя не признать обременительнымъ для средствъ Общества, то Совѣтъ, не смотря на свое сильнѣйшее сочувствіе предположеніямъ почтеннаго о. архимандрита Владиміра, не рѣшился исполнить его желанія сразу, а намѣренъ постепенно по мѣрѣ возможности открывать новые станы въ алтайской миссіи, и судя по средствамъ отпускать новыя суммы какъ на постройку зданій, такъ на содержаніе служащихъ, а равно и на другія заявленныя въ смѣтѣ потребности миссіи. На первый разъ Совѣтъ предположилъ открыть на Алтаѣ два новыхъ миссіонерскихъ стана, и назначилъ по своей смѣтѣ къ отпуску въ нынѣшнемъ году: одновременно на расходы по постройкамъ 7.500 р., и на содержаніе новыхъ лицъ 1.680 р., всего же 9.180 р. Въ выполненію этого особеннаго расхода Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества имѣетъ въ настоящее время въ виду особенное весьма значительное пожертвованіе. 29-го марта сего года получено Совѣтомъ отъ прокурора Московскаго окружнаго суда г. Зорина извѣщеніе, что этимъ судомъ 7 ноября 1877 года утверждено къ исполненію духовное завѣщаніе покойнаго титулярнаго совѣтника Николая Николаевича Плотникова, между многочисленными и великими своими жертвами для разныхъ монастырей, церквей и благотворительныхъ учрежденій, назначившаго въ алтайскую миссію на устройство св. храмовъ преимущественно въ селеніяхъ новокрещенныхъ 15.000 р. Надѣмся, что Господь, дарующій особые средства на устройство храмовъ въ новооткрываемыхъ алтайскихъ миссіонерскихъ станахъ, пошлетъ новыя средства и для тѣхъ, которые будутъ служить при этихъ храмахъ.

Предположено Совѣтомъ сдѣлать пособія также на построеніе храмовъ въ населенныхъ инородцами язычниками и магометанами мѣстностяхъ уѣмской и астраханской епархій.

Въ кавказской епархіи въ гор. Ставрополѣ съ 1873 года существуетъ братство св. апостола Андрея Первозваннаго, считающее своею задачею между прочимъ обращеніе въ православную вѣру калмыковъ-язычниковъ и татаръ и осетинъ-магометанъ. Первыхъ въ Кавказской губерніи насчитывается

20 тыс., а послѣднихъ до 200 тыс. Это братство вошло въ сношеніе съ нашимъ комитетомъ, находящимся въ сосѣдней съ кавказскою, астраханской епархіи, и оба эти учрежденія обмѣниваются между собою своими взглядами на дѣло христіанскаго просвѣщенія язычествующихъ калмыковъ. Дай Богъ, чтобы общія усилія того и другаго учрежденія нашли вѣрнѣйшій путь къ просвѣщенію многочисленнаго калмыцкаго племени свѣтомъ истины Христовой! Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества съ своей стороны также содѣйствуетъ Андреевскому братству въ его миссіонерской дѣятельности противъ язычниковъ по слѣдующимъ причинамъ. Братство, почитая для исполненія своихъ цѣлей недостаточнымъ свой годовой доходъ, простирающийся до 2.000 р., и заботясь объ увеличеніи средствъ, желало получить вспомошествованіе отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Но здѣсь встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что Кавказскій край по силѣ примѣчанія къ § 6 Высочайше утвержденнаго устава общества былъ исключенъ изъ круга его дѣятельности. Равнымъ образомъ на основаніи своего устава и Общество возстаивающаго православнаго христіанства на Кавказѣ не могло принять братства въ Ставрополѣ Кавказскомъ подъ свое покровительство. Поэтому совѣтъ предпринялъ ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Православному Миссіонерскому Обществу распространить свои дѣйствія и на кавказскую епархію, и выдавать изъ суммъ общества по 300 р. ежегодно для вспомошествованія Андреевскому братству въ дѣлѣ обращенія язычниковъ. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ (указъ 1 марта 1877 г. № 621) опредѣлилъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на исключеніе изъ устава Православнаго Миссіонерскаго Общества примѣчанія къ § 6 и на предоставленіе сему обществу права распространять свою дѣятельность и на кавказскую епархію съ цѣлію обращенія въ христіанскую вѣру находящихся тамъ язычниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ Совѣту выдать братству изъ суммъ общества въ пособіе 300 р., что и было въ предшедшемъ году исполнено. Въ томъ же размѣрѣ Совѣтъ предположилъ выдать пособіе братству и въ настоящемъ году.

Ходатайства комитетовъ и другихъ учрежденій объ удѣленіи для нихъ изъ общихъ средствъ Православнаго Миссіонерскаго Общества пособій на миссіонерское дѣло Совѣтъ всегда принимаетъ съ полнымъ сочувствіемъ и по мѣрѣ возможности забо-

тится объ удовлетвореніи ихъ. Но при назначеніи пособій онъ всегда руководствуется точнымъ смысломъ устава Общества и другими правительственными указаціями. Поэтому, не смотря на постоянное свое желаніе относиться ко всемъ ходатайствамъ съ готовностію къ удовлетворенію ихъ, Совѣтъ бываетъ вынужденъ останавливаться въ ихъ исполненіи. Такъ наприимѣръ были изъ епархій ходатайства объ удѣленіи изъ средствъ Общества епархіальнымъ учрежденіямъ имѣющимъ цѣлю дѣйствованіе къ ослабленію раскола и разныхъ сектъ и къ возвышенію нравственной жизни народа: Совѣтъ не могъ и не можетъ исполнять такія требованія, какъ несогласныя съ уставомъ Общества. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ уже существуютъ комитеты Общества, открываются еще епархіальныя братства, которыя въ программу своихъ дѣйствій вносятъ то, что принадлежитъ комитетамъ, ранѣе братствъ начавшимъ и успѣшно исполняющимъ свое дѣло. Нѣкоторыя вновь открываемыя братства даже начинаютъ сами себѣ извѣстную часть изъ средствъ мѣстныхъ комитетовъ нашего Общества, безъ предварительнаго сношенія съ его Совѣтомъ. Справедливость требуетъ сказать, что при существующихъ въ епархіяхъ комитетахъ Православнаго Миссіонерскаго Общества открытіе новыхъ братствъ съ миссіонерскою цѣлю въ тѣхъ же епархіяхъ можетъ не содѣйствовать, а скорѣе препятствовать успѣшному достиженію цѣли, разъединяя силы и сочувствіе ревнителей миссіонерскаго дѣла и поставляя какъ бы въ нѣкоторое соперничество учрежденія желающія служить одной цѣли. Были также заявленія изъ нѣкоторыхъ епархій объ уступкѣ въ распоряженіе мѣстныхъ миссіонерскихъ учрежденій мѣстнаго церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи: подобнымъ требованіямъ удовлетворять Совѣтъ также не могъ и не можетъ, потому что церковно-кружечному сбору при передачѣ его въ вѣдѣніе Общества дано Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленное назначеніе, согласно съ которымъ онъ и употребляется.

Отъ переводческой комиссіи при Братствѣ св. Гурія въ Кавани, открывшей свою дѣятельность 30 ноября 1876 года, получены уже первые плоды ея трудовъ. Въ прошедшемъ году на средства, данныя отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества²⁵⁾, ею напечатаны: святое Евангеліе отъ Маттея и Свя-

²⁵⁾ Въ 1876 и 1877 годахъ переводческою комиссіею получено отъ Православнаго Миссіонерскаго общества 7.000 руб.

ценная исторія Ветхаго и Новаго Завета на вотяцкомъ языкѣ; воскресная служба шестаго гласа на крещено-татарскомъ языкѣ; ученіе о святой христіанской вѣрѣ наложенное въ бесѣдахъ съ бурятами, съ переводомъ на нарѣчіе сѣверо-байкальскихъ бурятъ, и букварь для крещеныхъ татаръ²⁶⁾. Эти изданія напечатаны буквами русскаго гражданскаго алфавита. Относительно распространенія издаваемыхъ на средства Общества инородческихъ переводовъ комиссія предложила и Совѣтъ Общества вполне согласился, чтобы переводы эти, по вниманію къ настоятельнымъ мѣстнымъ нуждамъ въ нихъ, были раздаваемы инородцамъ безмездно по усмотрѣнію переводческой комиссіи.

Въ истекшемъ году переводческая комиссія приняла въ число своихъ сотрудниковъ, для занятія подъ руководствомъ члена ея г. Миротворцева бурятскими переводами, двухъ бурятъ, вызванныхъ ею въ Казань изъ Иркутской миссіи: Якова Чистохина и Спиридона Боровкова-Никольскаго.

Кромѣ лицъ, вошедшихъ въ составъ Казанской переводческой комиссіи и занимающихся инородческими переводами въ качествѣ ея сотрудниковъ, въ прошедшемъ году заявили Совѣту о своихъ трудахъ въ этомъ родѣ и другія лица.

Составитель грамматики маньчжурскаго языка и краткаго наѣхизиса на монгольскомъ языкѣ, почтенный Иркутскій протоіерей Александръ Матвѣевичъ Орловъ прислалъ Совѣту въ прошедшемъ году оконченный имъ сорокалѣтній трудъ свой, грамматику монголо-бурятскаго разговорнаго языка, въ рукописи, и просилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ касательно напечатанія грамматики, по разсмотрѣніи ея въ факультетѣ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, на синодскія суммы. Но такъ какъ по учрежденіи переводческой комиссіи нѣтъ уже надобности Совѣту обращаться къ С.-Петербургскому университету, а Святѣйшій Синодъ суммы для печатанія миссіонерскихъ книгъ передалъ въ распоряженіе Общества и разрѣшилъ ему ежегодную выдачу изъ миссіонерскаго капитала по 4000 р. въ комиссію переводчиковъ при братствѣ Гурія въ Казани (Указ. 13 мая 1877 г. № 1494), то Совѣтъ препроводилъ рукопись монголо-бурятской грамматики, составленной о. протоіереемъ Орловымъ, на усмотрѣніе этой комиссіи,

²⁶⁾ Сверхъ того издана брошюра: „о переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки. Практическія замѣчанія Н. Ильинскаго“.

предоставивъ ей напечатать еяую въ Казани на средства Общества²¹⁾.

Коллежскій секретарь Николай Петровичъ Григоровскій, проживающій въ Нарымскомъ краѣ Томской губерніи, продолжалъ и въ прошедшемъ году свои труды по переводу священнаго Писанія на языкъ, которымъ говорятъ населяющіе Нарымскій край инородцы. Изъ прошлогодняго отчета Обществу извѣстно, что г. Григоровскій прислалъ въ 1876 г. въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества составленные имъ: азбуку, священную исторію, христіанскія молитвы и разныя статьи духовно-нравственнаго содержанія на языкъ инородцевъ Нарымскаго края (остяцко-самоѣдскомъ), и переводъ на этотъ языкъ св. Четверо-Евангелія, и что всѣ эти труды Григоровскаго препровождены были Совѣтомъ въ распоряженіе переводческой комиссіи при Братствѣ св. Гурія въ Казани. Изъ этихъ трудовъ Григоровскаго комиссія рѣшила издать на первый разъ Остяцко-самоѣдскую азбуку заключающую буквы, отдѣльныя слова, правоучительныя изреченія, всѣ необходимыя молитвы съ символомъ вѣры и заповѣдями, счетъ и народныя разказы. Что же касается перевода св. Четверо-Евангелія, то комиссія рѣшилась отложить печатаніе его до времени. Между тѣмъ неутомимый труженикъ г. Григоровскій въ письмѣ, полученномъ здѣсь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, извѣстилъ Совѣтъ, что при помощи Божіей онъ окончилъ переводъ всего Новаго завіта. Въ пособіе г. Григоровскому при такихъ трудахъ его Совѣтъ послалъ ему изъ суммъ Общества 150 р. Въ январѣ сего 1878 года получена Совѣтомъ отъ Григоровскаго рукопись его перевода на Остяцко-самоѣдскій языкъ Дѣяній и Посланій св. апостоловъ и Откровенія св. Іоанна Богослова. Этотъ переводъ, также какъ и прежній, отослалъ на рѣзсмотрѣніе переводческой комиссіи при Братствѣ св. Гурія въ Казани. Теперь г. Григоровскій занятъ приготовленіемъ нѣсколькихъ статей для Западно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества и словаря мѣстнаго языка русско-инородческаго и инородческо-русскаго. По окончаніи этихъ трудовъ онъ намѣренъ написать²²⁾ для Нарымскихъ инородцевъ статью о молитвѣ съ объясненіемъ необходимыхъ молитвъ и краткое объясненіе православнаго богослуженія. Кромѣ того онъ имѣетъ мысль перевести Новый Заветъ и написать статьи религіознаго содержанія на сургутскомъ

²¹⁾ Монголо-бурятская грамматика печатается. Расположение текста.
АВК/FR

и тунгусскомъ языкахъ, для изученія которыхъ ихъ много уже сдѣлано. Имѣя въ виду готовность г. Григоровскаго къ такимъ трудамъ, Совѣтъ призналъ справедливымъ и въ нынѣшнемъ году оказать ему изъ суммъ Общества денежное вспоможеніе въ размѣрѣ прошлагодняго. Было бы желательно, чтобы переводческая коммиссія при Братствѣ св. Гурія въ Казани приняла Николая Петровича Григоровскаго въ число своихъ постоянныхъ сотрудниковъ и вошла съ нимъ въ соглашеніе какъ относительно порядка переводовъ, такъ и о назначеніи ему опредѣленнаго вознагражденія за его переводческіе труды.

Въ Казани продолжаетъ также свое существованіе особая коммиссія учрежденная въ 1873 году для изданія „Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника“. Этотъ Сборникъ составляется изъ трудовъ студентовъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія при Казанской духовной академіи, и имѣетъ цѣлю ознакомленіе православныхъ съ магометанскимъ ученіемъ и средствами борьбы съ нимъ. До настоящаго времени съ 1873 года издано уже 14 выпусковъ сборника. Всѣ эти выпуски Совѣтомъ Общества были приобрѣтаемы въ количествѣ 46 экземпляровъ для бесплатнаго распредѣленія въ бібліотеки всѣхъ становъ Иркутской, Забайкальской и Алтайской миссій, а также и для миссіонерской бібліотеки Покровскаго монастыря. Въ прошедшемъ году на этотъ предметъ употреблено изъ суммъ Общества 389 р. 26 коп.

Велики и многи нужды всѣхъ нашихъ миссій и вообще для миссіонерскаго; но на миссію въ Японіи не только самое ея современное состояніе, но и Высочайшая воля Ея Императорскаго Величества, Августѣйшей Покровительницы Православнаго Миссіонерскаго Общества, обязываетъ насъ обратить особенное вниманіе.

Современное расположеніе Японцевъ къ принятію христіанскаго ученія и стремленіе ихъ къ вступленію въ церковь Христову можно выразить словами Спасителя: „Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“ (Іоан. 4, 35). При такомъ состояніи нивъ японскихъ, можно ли не желать, чтобы нивы эти вошли въ область Православной церкви, и можемъ ли мы не почитать своею христіанскою обязанностію ускореніе жатвою, чтобы она не досталась чуждымъ намъ по вѣрѣ? Благодареніе Богу, при Его помощи наша православная миссія приобрѣла уже значительное къ себѣ довѣріе

въ Японіи. Она, при ревности и христіанской чистотѣ дѣйствій нашихъ миссіонеровъ, даже получила преобладающее вліяніе предъ миссіями неправославными. Тамъ наши русскіе миссіонеры, благодаря молчаливой религіозной терпимости японскаго правительства, совершаютъ теперь открыто путешествія по странѣ и пріемлются съ любовью не только чадами новонаслажденной въ Японіи церкви Христовой, но и не вступившими еще въ общеніе съ нею. Чтобы не пропустить столь благоприятнаго времени для привлеченія Японцевъ къ единенію и братству съ нами по православной Вѣрѣ Христовой, на насъ лежитъ долгъ оказать особенное содѣйствіе Японской миссіи и именно теперь.

Изъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ газетахъ и собранныхъ „Миссіонеромъ“, видно, что насколько умножается число новыхъ членовъ въ Японской церкви, настолько усложняются нужды и требованія.

Оказывается особенная нужда въ способныхъ дѣятеляхъ. Христіанъ насчитывается уже болѣе трехъ тысячъ, а миссіонеровъ всего трое ²⁸⁾. Множество мѣстъ требуетъ новыхъ проповѣдниковъ и священниковъ. Трудомъ о Павла Савабе, перваго, и пока единственнаго священника изъ Японцевъ ²⁹⁾, обращено уже свыше 800 душъ, и трудно во всѣхъ мѣстахъ ему одному управиться. Для раздѣленія такихъ трудовъ въ дѣлѣ евангельскомъ, собраніе Японскихъ православныхъ христіанъ избрало въ прошедшемъ году къ рукоположенію во іереи четырехъ катихизаторовъ. Съ ними, по указу Святѣйшаго Синода, іеромонахъ Анатолій въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года отправлялся въ предѣлы Сибири, чтобы представить ихъ въ Благовѣщенскѣ преосвященному Камчатскому Павлу для рукоположенія во священники, но узнавъ во Владивостокѣ о кончинѣ преосвященнаго Павла и не имѣя возможности отправиться далѣе къ другому Епископу въ Сибири, долженъ былъ возвратиться изъ Владивостока назадъ въ Японію, не достигши цѣли. Теперь Японская церковь возлагаетъ свои надежды на новаго преосвященнаго Камчатскаго Мартиніана. Если онъ въ благоприятные лѣтніе мѣсяцы настоящаго года посѣтитъ Японію, или по крайней мѣрѣ прибудетъ въ Владивостокъ, то члены Японской

²⁸⁾ Архимандритъ Николай и іеромонахи: Анатолій и Евекій.

²⁹⁾ Рукоположенъ 13 іюля 1875 года покойнымъ преосвященнымъ Епископомъ Камчатскимъ Павломъ. Изъ Японцевъ есть еще діаконъ Іоаннъ Сакай, посвященный въ одинъ день съ о. Павломъ Савабе тѣмъ же преосвященнымъ.

миссиі будутъ имѣть возможность снова явиться сюда для вышеозначенной цѣли. Такое затрудненіе въ приобрѣтеніи священно-служителей для Японской миссиі приводитъ къ мысли о необходимости имѣть ей своего архіерея.

Матеріальныя нужды Японской миссиі въ прошедшемъ году были весьма ощутительны, и недостатокъ средствъ затрудняетъ ея дѣйствія, но подоспѣвшія отъ Совѣта Православнаго, Миссіонерскаго Общества и отъ преосвященнѣйшаго Вениамина Епископа Иркутскаго пособія дали возможность продолжать дѣло просвѣщенія Японцевъ св. вѣрою. И школы и проповѣди и храмы получили поддержку; основано и основывается много новыхъ мѣстъ для проповѣди. Хакодатскіе христіане и сами по общему совѣщанію жертвуютъ по мѣрѣ силъ на поддержаніе новонасажденной тамъ Христовой церкви, но много помочь дѣлу не могутъ, потому что въ хакодатской церкви много бѣдныхъ людей. Впрочемъ въ настоящее время православіе въ Японіи начинаетъ проникать и въ состоятельные классы народа, такъ что, можно надѣяться, со временемъ сами прихожане будутъ содержать своихъ священниковъ, храмы Божіи и школы. Такъ на Ниппонѣ въ городахъ Моріюка, Такасимицу и Санума и въ деревнѣ Зюмонзи довольно вѣстительные храмы устроены и поддерживаются уже на средства мѣстныхъ христіанъ. Только миссиі въ Іеддо и Хакодате должны существовать помощію изъ русской церкви, потому что основанныя въ этихъ мѣстахъ учрежденія не могутъ быть поддерживаемы мѣстными средствами. Здѣсь, какъ въ центрахъ дѣятельности миссиі, находятся большія школы для обоюго пола Японскихъ дѣтей, изъ коихъ многія по бѣдности пользуются содержаніемъ отъ миссиі; здѣсь на всѣхъ области Японіи приготавливаются проповѣдники, требующіе отъ миссиі пособій, какъ во время своего приготовления къ служенію проповѣдническому, такъ даже и при самомъ служеніи, и не только сами, но и семейства ихъ. Число же проповѣдниковъ въ настоящее время возрасло до 70. Здѣсь издаются христіанскія книги на Японскомъ языкѣ. Понятно, что все это расширить до необходимыхъ размѣровъ миссиі можетъ только при достаточныхъ средствахъ. Кроме того, признается необходимымъ постройеніе въ Іеддо новаго помѣстительнаго храма, потому что церковь при миссіонерскомъ домѣ становится крайне недостаточною по числу приходящихъ, и многимъ за тѣсною этого храма приходится съ великою скорбію лишаться участія въ общественной церковной молитвѣ. На эти нужды

миссія не имѣетъ возможности пріобрѣсти мѣстныхъ средства и надѣется на помощь изъ Россіи.

Въ прошедшемъ году съ разрѣшенія Общаго Собранія назначено было изъ запасныхъ суммъ Общества въ пособіе Японской миссіи 10.000 р. Изъ нихъ 2.500 р. на миссіонерскій станъ въ Хакодате, а 7.500 р. въ распоряженіе начальника миссіи о. архимандрита Николая для миссіонерскаго стана въ Иеддо и на другія потребности миссіи. Сверхъ того было послано изъ пожертвованныхъ въ 1877 году отъ разныхъ благодѣтелей съ опредѣленнымъ назначеніемъ въ пользу Японской миссіи 7528 р. 24¹/₂ коп. Кромѣ сихъ суммъ получено о. Анатолиемъ въ прошедшемъ году отъ преосвященнаго Веніамина Епископа Иркутскаго для Хакодатскаго стана 700 долларовъ, которыми и покрыты были неотложные расходы истекшаго года по Хакодатскому стану, такъ что 2500 р., посланныя отъ Общества, назначены о. Анатолиемъ на нужды текущаго года.

И на настоящій годъ Совѣтъ покорнѣйше проситъ разрѣшенія Общаго Собранія сдѣлать изъ запасныхъ суммъ Общества пособіе Японской миссіи въ 10.000 р., не включая въ это число особыхъ пожертвованій на миссію отъ благодѣтелей ³⁰⁾.

Свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности нашихъ отечественныхъ миссій за истекшій 1877 годъ, получаемыя отъ ихъ начальствъ и отъ комитетовъ Общества могутъ быть названы вообще благопріятными. Имѣя въ виду, что эти свѣдѣнія со всеми ихъ подробностями будутъ напечатаны въ „Миссіонеръ“, мы ограничимся здѣсь только указаніемъ на сдѣланныя миссіями пріобрѣтенія Церкви Христовой изъ міра нехристіанскаго, такъ какъ по количеству ловокрепцаемыхъ мы болѣе привыкли судить объ успѣхахъ миссій. Въ Алтайской миссіи въ прошедшемъ году трудами миссіонеровъ просвѣщено св. крещеніемъ 301 человекъ, въ Иркутской 2683, Забайкальской 317, въ миссіи Камчатской епархіи 337, Тобольской епархіи 118, Енисейской 1522, Астрханской 315 и Самарской 13.

Заключивъ наше обозрѣніе, почитаемъ пріятнымъ сообщить о миссіонерствѣ русской церкви благожелательный отзывъ иноземной печати. Бывшій секретарь цѣлѣнаго, своею всемірною дѣятельностію „Англо-Континентальнаго общества“, князь священникъ американской церкви въ Балтиморѣ, Карлъ Рубеновичъ Хейль издалъ въ прошедшемъ году въ Нью-Йоркѣ неболь-

³⁰⁾ Это назначеніе Совѣта утверждено Общимъ Собраніемъ.

шое сочиненіе на англійскомъ языкѣ ³¹⁾, съ дѣлюю познать съ дѣлами нашей миссіи американское и западно-европейское общества, имѣющія противъ русской церкви много предубѣжденій. Въ этомъ сочиненіи о. Хейль, защищая православную церковь отъ обвиненій въ маложизненности о миссіонерскомъ дѣлѣ русской церкви, заключаетъ: „она исполняетъ это тихо, не замѣтно, но вѣрно, прочно и успѣшно“.

Вознося благодареніе Господу, благословляющему наше святое дѣло, мы твердо уповаемъ, что и въ будущемъ Онъ не оставитъ насъ Своею всеильною помощію и Своимъ божественнымъ благословеніемъ.

Въ заключеніе долгомъ почитаемъ напомнить настоящему общему собранію, что нынѣ предстоитъ произвести требуемые уставомъ выборы изъ дѣйствительныхъ членовъ общества въ составъ его Совѣта на слѣдующее двухлѣтіе втораго помощника предсѣдателя и членовъ.

Здѣсь представляется умѣстнымъ вспомнить что, совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ прошедшее двухлѣтіе лишился трехъ помощниковъ предсѣдателя: преосвященнѣйшихъ Леонидъ и Никодима, князя Владиміра Александровича Черкаскаго, и одного члена, Василия Михайловича Бостанджогло. Почтимъ ихъ память благодарнымъ воспоминаніемъ.

Преосвященнѣйшій Леонидъ въ 1870 году принималъ участіе въ открытіи и устройствѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества, и потомъ съ самаго основанія Общества до назначенія своего въ 1876 году на ярославскую кафедру, въ теченіе шести лѣтъ былъ помощникомъ предсѣдателя его Совѣта, и во все это время, при сложныхъ и трудныхъ обязанностяхъ епископскаго служенія, не отказывался отъ участія въ занятіяхъ дѣлами Общества. Вскорѣ по перемѣщеніи въ Ярославль, архіепископъ Леонидъ въ томъ же 1876 году 15 декабря скончался въ Никола-Бабаевскомъ монастырѣ, сосѣдней съ ярославской костромской епархіи, который онъ посвятилъ при обзорѣи сосѣднихъ съ монастыремъ церквей своей епархіи. Одною изъ душевныхъ мыслей покойнаго архіепископа въ послѣдній годъ его жизни было предположеніе объ открытіи комитета общества въ ярославской епархіи, гдѣ при многочисленности и богатствѣ населенія,

³¹⁾ Подъ заглавіемъ „Innocent of Moscow, the apostle of Kamchatka and Alaska“.

недавно отличавшагося усердіемъ къ св. Церкви, можно было бы ожидать много пользы для миссіонерскаго дѣла.

Мѣсто помощника предсѣдателя въ Совѣтъ послѣ преосвященнѣйшаго Леонида занялъ въ августѣ 1876 года новый викарій московскій, перемѣщенный изъ новгородской епархіи преосвященнѣйшій епископъ Никодимъ. При его дарованіяхъ и дѣятельности, Общество многого могло ожидать отъ него, но преждевременная кончина (послѣдовавшая 14 октября прошедшаго 1877 года), отняла его у Общества, прежде нежели онъ успѣлъ ознакомиться съ его дѣлами. Только въ трехъ засѣданіяхъ совѣта и въ одномъ общемъ собраніи Общества онъ имѣлъ возможность присутствовать.

Скончавшійся 19 февраля сего 1878 года вблизи Царьграда, въ Санъ-Стефано, князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій въ первые два года по открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества былъ членомъ его совѣта, а съ 1872 года, по единодушному избранію членомъ Общества, состоялъ въ совѣтъ вторымъ помощникомъ предсѣдателя. Высокія дарованія и характеръ покойнаго князя извѣстны всѣмъ. И въ засѣданіяхъ совѣта, при разсужденіяхъ о дѣлахъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, онъ всегда оставлялъ слѣдъ своего глубокаго ума и опытности.

Покойный Василій Михайловичъ Бостанджогло, († въ Ниццѣ 25 ноября 1876 года), какъ старшина московскаго купечества, оказалъ великія услуги обществу при самомъ его учрежденіи возбужденіемъ къ нему сочувствія въ средѣ наиболѣе вліятельнаго московскаго купечества и обильнымъ сборомъ пожертвованій, и съ самаго открытія общества былъ постояннымъ и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членомъ его совѣта.

Память ихъ останется незабвенною въ лѣтописяхъ Общества *).

*) Изъ „Миссіонера“.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Рядъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣяній, предпринятыхъ горстью злонамѣренныхъ лицъ, съ цѣлю поколебать существующій въ Россіи строй государственнаго управленія, достигъ 4-го сего августа крайней степени злодѣянія совершеніемъ въ здѣшней столицѣ убійства шефа жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова.

Правительство, несмотря на обнаружившіяся по временамъ проявленія пропаганды преступнаго свойства, съ особеннымъ долготерпѣніемъ направляло всѣ подлежащія судебному преслѣдованію дѣла о пропагандистахъ, путемъ указаннымъ закономъ, воздерживаясь отъ принятія какихъ-либо особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Нынѣ терпѣніе правительства исчерпано до конца; нынѣ оно считаетъ долгомъ и своею святою обязанностью по отношенію къ каждому честному и доброму гражданину Русскаго государства оградить общественную, частную жизнь и права собственности отъ тѣхъ правонарушеній, которыя по ихъ зловредному и преступному свойству задерживаютъ спокойное и правотѣрное развитіе государственной жизни и правильное исполненіе разнородными органами управленія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

Правительство не можетъ и не должно относиться къ людямъ, глумящимся надъ закономъ и попирающимъ все, что дорого и священно русскому народу,—такъ, какъ оно относится къ остальнымъ вѣрноподаннымъ Русскаго Государя. Еще менѣе можетъ оно оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ кровавымъ преступленіямъ, которыми люди, выдѣлившіеся изъ среды добрыхъ гражданъ государства, ознаменовали свою возмутительную дѣятельность. Требуя правъ гражданства своимъ извращеннымъ, лишеннымъ здраваго смысла идеямъ,—они попираютъ идею о законности и законахъ государственныхъ; проповѣдая свободу, они угрозами и подметными письмами вознамѣрились угнетать

свободу тѣхъ, которые исполняютъ свои обязанности по чувству долга и совѣсти; ратуя за принципы своей личной неприкосновенности, они не глушаются прибывать къ убійствамъ изъ-за угла!

Въ виду сего, правительство отнынѣ съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности.

Русскій народъ во всеуслышаніе провозглашаетъ нарушителей государственнаго и общественнаго спокойствія и виновниковъ совершенныхъ преступленій—отверженниками и съ негодованіемъ отворачивается отъ ихъ кровавой дѣятельности. Онъ громко требуетъ и ожидаетъ защиты отъ законныхъ властей и проситъ правительство вырвать съ корнемъ позорящее русскую землю зло.

Представители нашихъ сословныхъ и общественныхъ учреждений высказались уже въ этомъ смыслѣ, а каждый рядъ полученныхъ разными правительственными учреждениями частныхъ писемъ и заявленій отъ лицъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и крестьянскаго, свидѣтельствуютъ, что населеніе Имперіи возмущено до глубины души дѣятельностью преступниковъ и пропагандистовъ ажеученій чуждыхъ русскому народу.

Но какъ ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственные власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ,—правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго сдѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навывываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій.

Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподанный Русскаго Государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага.

Въ заключеніе правительство считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому, учащемуся поколѣнію, съ напоминаніемъ и просьбою—зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ его средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здоровое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно не мало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность. (*Прав. Вѣстн.*).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Общественная благотворительность въ Россіи за послѣдніе годы обнаружила стремленіе придать своей дѣятельности возможно большую цѣлесообразность и изыскать такіе способы, чтобы личныя силы посвященныя благотворительности и матеріальная помощь достигали наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ труда и средствъ. Починъ въ этомъ столь важномъ дѣлѣ принадлежитъ крупнѣйшему представителю общественной благотворительности въ Россіи, Императорскому Человѣколюбивому Обществу, въ средѣ котораго еще въ 1872 году возникла мысль поднять благотворительность на эту высоту путемъ установленія *взаимодѣйствія между всеми благотворительными учрежденіями въ Россіи*. Такая постановка вопроса была удостоена одобренія Государя Императора. Для разработки же вопроса въ данномъ направленіи была учреждена въ 1873 году коммиссія и по Высочайшему повелѣнію сдѣлано распоряженіе о собраніи свѣдѣній о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Россіи отъ всѣхъ министерствъ.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ 1874—76, какъ видно изъ отчета Человѣколюбиваго Общества, коммиссія успѣла собрать и разработать матеріалы и статистическія данныя о с.-петербургскихъ приходскихъ попечительствахъ и ихъ пріютахъ а также о дневныхъ для дѣтей рабочаго класса пріютахъ, состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Вы-

сочества Великой Княгини Александры Петровны. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что независимо отъ Человѣколюбиваго Общества въ С.-Петербургѣ существуютъ еще другія благотворительныя общества, въ томъ числѣ немало приходскихъ попечительствъ, которыя стали возникать лишь съ 1862 года, но во время переписи благотворительныхъ учреждений уже обнимали собою $\frac{2}{3}$ столицы. Число же лицъ, посвящающихъ себя обслѣдованію положенія бѣдныхъ обращающихся къ этимъ учреждениямъ за помощію, простиралось болѣе 400. Приходскими попечительствами, вмѣстѣ съ вѣдомствомъ дѣтскихъ приютовъ, поддерживалось въ то время 28 заведеній, въ которыхъ привѣвалось на время рабочихъ часовъ 3,460 дѣтей бѣдныхъ родителей.

Многочисленность членовъ, принимающихъ на себя трудъ обслѣдованія семействъ нуждающихся въ помощи, и сравнительно малый районъ, ограничивающійся приходомъ, прямо указывали на то, что приходскія попечительства могутъ лучше всякаго другаго учрежденія знать въ своемъ районѣ не только положеніе обслѣдуемаго семейства, но и всѣхъ бѣдныхъ своего прихода и даже степень нужды каждаго.

Въ совершенно другомъ положеніи находился попечительный о бѣдныхъ комитетъ Человѣколюбиваго Общества. Кругъ его дѣятельности простирается на всю столицу, а между тѣмъ личный составъ его состоялъ изъ 16 попечителей, на которыхъ лежало обслѣдованіе положенія лицъ, обращающихся къ обществу за помощію. Если принять въ расчетъ, что въ комитетъ ежегодно поступаетъ отъ 11 до 15 тысячъ просьбъ о помощи, то очевидно, что при самомъ добросовѣстномъ выполненіи обязанностей со стороны попечителей, они не въ состояніи производить точныхъ дознаній и вынуждены основывать свои заключенія лишь на поверхностномъ обзорѣ домашней обстановки просителя или даже ограничиваться однимъ словеснымъ его разпросомъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ между помощію общества и степенью и характеромъ нужды не всегда могла быть строгая соотвѣтственность.

Выяснивъ положеніе и условія общественной благотворительности въ С.-Петербургѣ, совѣтъ Человѣколюбиваго Общества, согласно съ мнѣніемъ комиссіи, пришелъ къ убѣжденію, что вся масса благотворительныхъ учреждений, дѣйствующихъ въ чертѣ города, въ ихъ совокупности, должна всецѣло принадлежать всей массѣ бѣдныхъ, находящихся въ предѣлахъ того же

города. Совету: одинаково не ждать никакой надобности создавать для этого никаких либо средоточий в видях этих учреждений: последние могут и должны сформироваться самостоятельно продолжать свою деятельность в той мере зависимости, какая для каждого существовала до сих пор. Для работы благотворительных учреждений первый вопрос состоит в том: принять составление общ. с действительной нуждающимися, или не с кажуемою бедности; и разделение благотворительного труда между ними есть лучший способ плодотворных результатов помощи. Для такого разделения труда необходима связь не только между отдельными учреждениями, преследующими одинаковые цели, но даже между разными группами заведений; взаимно дополняющими друг друга в достижении главной задачи — свести бедного из падающей его среды. Чем более будет связь с бедными и чем ограничители для каждого из этих лиц круг обследований, тем правднее можно определять действительную степень бедности, тем менее бедность будет ускользать от должной оценки и тем ясвеннее будет выражаться спобобь, которыми все по мере и всего: существование можно вывести нуждающегося из его беспомощного положения.

Признавая затем приходения попечительства на тот именно орган обследований бедных, который должен служить проводником: а) удостоверить тем как действительной нужды просящим, так и самой формы помощи для них; советъ Человѣколюбиваго общества предложил приступить въ взаимодѣйствию, собственно въ вѣдѣнной столицѣ, пока въ трехъ формахъ помощи беднымъ; именно: а) въ обследованіи ихъ положеніи и въ первоначальномъ пособіи имъ денежною раздачею; б) въ медицинской помощи немощнымъ; и в) въ призраніи бедныхъ дѣтей.

Основанія къ такому общенію должны, по мнѣнію совета, главнымъ образомъ заключаться въ томъ: 1) чтобы при взаимодѣйствіи благотворительныхъ учреждений каждое изъ нихъ руководствовалось собственными правилами, имѣло полную самостоятельность въ своихъ дѣятельностяхъ; 2) чтобы лица, имѣющія удостоверенія о бедности отъ приходныхъ попечителей и приютовъ, получали медицинскую помощь отъ врачей для бедныхъ, новивальщихъ бабамъ отъ швейницы для приходныхъ и членовъ медицинскаго общественаго комитета вѣдомства Человѣколюбиваго общества наравнѣ съ немощными, покровители

отвѣтственнымъ самими Обществами; 3) чтобы приходскія попечительства имѣли право рекомендовать бѣдныхъ для пріема, въ установленномъ порядкѣ, во всѣ принадлежащія Человѣколюбивому Обществу, с. петербургскія воспитательныя и богадѣльныя заведенія; 4) чтобы приходскими попечительствами, приступающими къ взаимодѣйствию, тотчасъ же были переданы мѣсячные еднени проживающимъ въ нихъ приходскъ бѣдныхъ, коимъ назначено производить отъ Человѣколюбиваго Общества пособие, съ приложеніемъ и ассигновкой на это сумми, для выдачи ея попечительствомъ по назначенію, съ тою цѣлію чтобы приходскія попечительства могли имѣть время ознакомиться съ личностію и положеніемъ получающихъ пособие и затѣмъ на слѣдующій годъ распределить это пособие уже по своему ближайшему усмотрѣнію, не отъсаясь прежнимъ назначеніемъ; 5) чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣры пособій будутъ превышать собственныя средства попечительства, то послѣднее увѣдомляло объ этомъ Человѣколюбивое Общество, которое будетъ отпускать необходимую для этого сумми изъ своихъ средствъ, и наконецъ, 6) чтобы попечительства принимали отъ Человѣколюбиваго Общества поступающія къ нему прошенія бѣдныхъ о пособіи и призрѣніи частію для обследованія положенія просителей и возвращенія затѣмъ Человѣколюбивому Обществу, частію же къ окончательному разрѣшенію по нравлѣмъ попечительствъ. Обязательно возвращаются въ Человѣколюбивое Общество лишь прошенія отъ тѣхъ лицъ и семействъ, для коихъ ассигнуются особыя сумми, распределяемыя по соображеніямъ не съ одной только бѣдностію, но и съ другими основаніями, не подходящими къ общему уровню денежныхъ вспоможеній. Всѣ же прочія прошенія подлежатъ окончательному разрѣшенію попечительствъ, по требованію коихъ — еслибы нѣкоторыя изъ нихъ затруднились удовлетворять признанныхъ достойными пособія просителей своими средствами — необходимая для этого сумми будетъ высылаема отъ Человѣколюбиваго Общества авансомъ, или въ нѣкоторые сроки по желанію попечительствъ, не выходя въ общей сложности изъ размѣра, который на это будетъ ассигнованъ.

Нѣкоторыя приходскія попечительства изъявили полное согласіе на взаимодѣствіе съ Человѣколюбивымъ Обществомъ, а Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, Августѣйшая Покровительница дѣтскихъ пріятель, удостоила почтить особаннымъ Своимъ сочувствіемъ дѣла общаго и сопоставила

сдѣлать распоряженіе объ открытіи при каждомъ дѣтскомъ прию-
тѣ 30 вакансій — что при 20 столичныхъ приютахъ въѣдомства
Ея Высочества равняется 600 мѣстамъ, для заимчивія ихъ един-
ственно по заявленію Человѣколюбиваго Общества и приход-
скихъ попечительствъ. О каждомъ изъ оныхъ, принятомъ въѣдом-
ствомъ дѣтскихъ приютовъ, Великая Княгиня, какъ лично и
въ отзывѣ Ея Императорскаго Высочества, изволила изъ-
яснить приходскія попечительства объ имени и фамиліи питома
равно и о мѣстѣ его жительства, дабы имѣть непрерывную
связь съ приходскими попечительствами. Сверхъ того Ея Вы-
сочеству благоугодно было предложить, относительно вопроса
о медицинской помощи, считать некровителствуемую Ею По-
провожую общину сестеръ милосердія въ числѣ тѣхъ учрежде-
ній, которыя вполне желаютъ способствовать взаимодействию
благотворенія.

Полагая, что изложенные выше три вида помощи бѣднымъ,
упрочивъ на первый разъ основаніе для дальнѣйшаго общенія
благотворительныхъ учреждений между собою, послужатъ жи-
вымъ примѣромъ и для другихъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ
наглядно выскрѣются, какія взаимныя права и обязанности вы-
зываетъ отъ нихъ система взаимодействія и чего можно ожи-
дать отъ этой системы при совершенно добровольномъ къ ней
присоединеніи, — совѣтъ Человѣколюбиваго Общества испросилъ
Высочайшее Государя Императора соизволеніе на приведеніе
вышелезенныхъ его предположеній въ дѣйствіе въ видѣ опы-
та. Таковое соизволеніе послѣдовало 27-го января 1877 года.

Между тѣмъ коммиссія изъ членовъ совѣта продолжаетъ даль-
нѣйшую разработку вопроса о взаимодействіи. Но такъ какъ
опытъ показавъ, что статистическія данныя могутъ быть собра-
ны съ необходимою полнотой и выработаны только посред-
ствомъ центрального статистическаго комитета Министерства
Внутреннихъ Дѣлъ, — предсѣдатель котораго П. П. Семеновъ,
участвующій въ дѣйствіяхъ коммиссіи въ качествѣ члена, из-
далъ уже часть подобныхъ трудовъ, кои собственно и была
дана возможность приступить къ опыту взаимодействія, — то
Человѣколюбивое Общество обратилось къ нему же и по полу-
ченіи согласія передало ему доставленныя отъ Министерствъ
и отъ начальниковъ губерній свѣдѣнія о существующихъ въ
Россіи благотворительныхъ заведеніяхъ, для допущенія и окон-
чательной разработки. (Привѣт. Высш.)

ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ОПІУМОМЪ.

и Англійская торговля опиумомъ въ Китаѣ въ послѣднее время оправдалась едѣлаась предметомъ самой рѣзкой критики, и много откровенныхъ словъ, сочиненій, явившихся по большей части даже на англійской почвѣ, а также журнальныхъ извѣстій, касающихся этого предмета, весьма значительно. Какими главами начали уже смотреть на этотъ предметъ, — это можно видѣть между прочимъ изъ того обстоятельства, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовалось „англо-восточное общество для прекращенія торговли опиумомъ“. Къ комитету этого общества принадлежатъ не только англійскіе епископы и пасторы, а также протестантскихъ вѣроисповѣданій, но и офицеры, вѣзятельныя купцы и члены парламента. При выдѣломъ культурно-историческомъ значеніи этого обстоятельства весьма интересно познакомиться съ предметомъ, и для этой цѣли можно указать на весьма ученое, серьезное и основательное на тщательномъ изученіи издѣланное сочиненіе проф. доктора „Христиана“ въ Боннѣ подъ заглавіемъ: „Индостанская торговля опиумомъ и ея слѣдствія“. Въ этомъ сочиненіи систематически изложено и обработано почти все, что доселѣ было написано объ этомъ предметѣ. Уже изъ весьма подробнаго и ученаго обзора историческаго развитія англійской торговли опиумомъ, сдѣланнаго авторомъ, становится яснымъ, что при этомъ явилась самая вѣзятельная сторона, оказалась болѣе правою и чуждою, чѣмъ христіанская (яко бы) совѣсть англійскаго правительства. Именно съ одной стороны мы видимъ, что отрешеніи Китаецевъ къ уничтоженію зла привели даже къ формальной войнѣ для прекращенія торговли опиумомъ въ 1842 году, и къ нѣсколькимъ воеваніямъ для той же цѣли, съ другой стороны видимъ, что даже торговля опиумомъ не была допущена на равнономъ основаніи, Англичане вели гнусную контрабандную торговлю этимъ товаромъ, которая иногда доходила до полупакистскихъ таможенныхъ чиновниковъ. И съ тѣхъ поръ, какъ началось доблестное китайское правительство, вынуждено было по договору позволить ввозъ опиума, безрѣзвѣстность англійской торговлею допущена нѣсколько летъ уменьшилась. Каждый годъ изъ Ост-Индіи ввозится въ Китай 80.000 ящиковъ этого яда, тогда какъ въ Великобританію для медицинскихъ потребностей выписывается только

100 миллионов. Увадные сведения этой торговли немыслимы для всякого. Уже теперь в Китае курительный опиум считается наркотиком, и статистически доказано, что ежегодно сотни тысяч делаются жертвою этой явы. В одном только городе Нинпо, имеющем около 400,000 жителей, находится 2,900 га-вок, торгующих опиумом, который большею частью ибсе-щаются именно беднейшей частию народонаселения; на 140 жи-телей там приходится одна лавка, торгующая опиумом. Если сообразить, что действие опиума деморализующее, разрушающее тело и душу и неодолимо овладевающее человеком, гораздо сильнее, чем действие водки (1); то можно иметь некоторое по-нятие о страшной ответственности английского правительства, которое, несмотря на весьма громкий протест даже из среды его собственных подданных, по финансовым соображениям не хочет оставить тот путь, на который оно раз вступило. Оудь Вомп нахъ этой беззаконной политикой отчасти уже об-наружился на Чита, и английское правительство должно было бы обратить хотя в некотором виде внимание на эти важные указания пролетариата. В Индии маковые плантации занимают большое пространство; по известиям Times'a под маковые плантации употребляется 1,033,000 акров (2) самой плодородной земли; всле-дствие этого производство хлеба там весьма значительно умень-шается—обстоятельство, которое при весьма недостаточных путях сообщения в этой стране имеет большую важность, особенно во время неурожая. Поэтому иметь ничего удивитель-ного в том, что во время страшного голода, в 1863—64 го-дах, когда родители пожирали собственных детей, погибло 1,250,000 человек; число находящееся в замечательном со-ответствии съ количеством земли, пожертвованной опиуму; за-мечательно, что голод особенно сильно свирепствовал в техъ округах, где самая лучшая почва была употреблена подъ ма-ковые плантации. Не говоря уже об этихъ наказаниях, кото-рые были несколько разъ следствием торговли опиумом, ука-жемъ на то, что в самой Англии мало-по-малу начинает рас-пространяться тайное употребление опиума и обнаруживаетъ

1) Между темъ какъ в Англии и Соединенныхъ Штатахъ ежегодно поги-баютъ отъ пьянства 60,000 человекъ, въ Китае около 600,000 человекъ еже-годно дѣлается жертвою опиума.

2) Акръ=889 квадрат. саж.

свои гибельныя дѣйствія. Но дальнѣйшее, грядущее, нѣбывшее величайшую культурно-историческую важность, есть почти неодолимое, предубѣжденіе китайскаго правительства и китайскаго народа противъ всего не только англійскаго, но и вообще иностраннаго: на все иностранное смотрять съ такимъ же недовѣріемъ, какъ и на ежегодно ввозимые ящики опиума, отъ котораго погибаетъ благосостояніе народа. Это полная замкнутость, это враждебное отношеніе ко всякому европейскому культурному явленію въ особенности чувствуется въ области христіанской миссіонерской дѣятельности. Такъ напримѣръ въ 1869 году одинъ миссіонеръ протестантской епископальной церкви въ Америкѣ былъ изгнанъ изъ китайскаго города Кайфонгъ-Фу при слѣдующихъ крикахъ раздраженной толпы народа: „вы убиваете нашихъ императоровъ, вы разрушили нашъ дѣтній дворецъ, вы внесли ядъ въ нашу страну, чтобы погубить насъ, а теперь приходите учить насъ добродѣтели“. Но это лишь одинъ примѣръ изъ множества другихъ подобныхъ. Посему-то авторъ вышеозначенной книги при обсужденіи вопроса о томъ, можно ли еще поправить зло, совершенно справедливо даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Итакъ спрашивается: что же дѣлать? Мы отвѣчаемъ: прежде всего нужно спросить объ этомъ совѣсть, а не кошелькъ. Справедливо или нѣтъ продолжать эту торговлю, которая могла быть узаконена только силою оружія, между тѣмъ какъ Китай молить объ избавленіи отъ нея, ибо гибель миллионовъ, отравленныхъ ею, вопіетъ на небо? Можетъ ли эта торговля быть оправдана передъ людьми и передъ Богомъ? Если вы, разсуждая по-человѣчески, должны непремѣнно отвѣчать: нѣтъ; то ради Бога послѣдуйте этому внушенію, не смущаясь никакими маловѣрными заботами, и уничтожьте эту несправедливость; чѣмъ скорѣе ее уничтожите, тѣмъ лучше!“ Можетъ быть послѣдующія событія оправдаютъ слѣдующее сужденіе автора: „Если говорить правду, не Россія, а опиумъ составляетъ въ настоящее время великую опасность для Индо-Британскаго государства. Въ финансовомъ отношеніи опасность эта является вслѣдствіе легкомыслія, съ какимъ Англія основываетъ свой бюджетъ главнымъ образомъ на доходахъ, которые изсякнутъ какъ только китайскій опиумъ по качеству сравняется съ индійскимъ. Въ политическомъ отношеніи опасность произойдетъ отъ затрудненій, которыя Англія испытываетъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ нравственномъ отношеніи Англія терзаетъ вслѣд-

стѣе возмущенія, которое она вызываетъ на себя въ Индіи и въ южной Африкѣ, благодаря этой грязной торговлѣ, и какъ дѣйствіе проклятій, которыя еще рано или поздно призвуютъ на себя чрезъ эту вѣнющую несправедливость“.

ОТКРЫТІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО ЦЕРКОВНО-СВѢЧНАГО ЗАВОДА ВЪ МОСКВѢ.

16 января этого года совершилось открытіе епархіальнаго свѣчнаго завода въ Москвѣ при Спасеной въ Баретномъ ряду церкви, устроеннаго духовенствомъ со старостами церкви Новоименовскаго благочинія. Принимы, вызвавшія устройство завода, его цѣли и главные основанія, на которыхъ осуществилось это предпріятіе, изложены въ прошеніи къ Высокопреосв. митрополиту московскому, поданномъ благочиннымъ протоіереемъ А. Гр. Нивольскимъ съ настоятелями и старостами подъяемыхъ ему церквей, которое я приводимъ здѣсь въ извлеченіи.

„Определеніемъ Святейшаго Синода, Высочайше утвержденнымъ 19 января 1870 года, даровано духовенству право устраивать въ епархіяхъ на мѣстныхъ церковныхъ средства свѣчные заводы съ тою преимущественно дѣлюю, чтобы доходами отъ нихъ покрывались расходы на содержанію духовныхъ училищъ. Нѣкоторыя, правда немногія, епархіи уже воспользовались симъ правомъ, и въ устроенныхъ заводахъ находятъ значительное пособіе на содержаніе не только своихъ училищъ, но и другихъ благотворительныхъ заведеній. По примѣру сихъ епархій и въ виду многообразныхъ нуждъ и московское духовенство рассуждало на своихъ съѣздахъ объ устройствѣ обще-епархіальнаго свѣчнаго завода. Къ сожалѣнію рассужденія сія не привели ни къ какому окончательному рѣшенію. На одномъ изъ съѣздовъ большинствомъ голосовъ положено устроить заводъ, а на другомъ также большинствомъ голосовъ положено для пособія училищамъ образовать училищный фондъ, а устройство завода отложить до болѣе удобнаго времени.“

„Нать сомнѣнія, что, принимая послѣднее рѣшеніе, депутаты духовенства съ одной стороны ожидали отъ училищнаго фонда гораздо болѣе того, сколько могъ и обѣщаль онъ дать, съ другой,—вслѣдствіе незнакомства съ выдѣлкою свѣчь на заводахъ представляли это дѣло крайне труднымъ, дорогимъ и рискованнымъ.“

и „Училищный фондъ существуетъ не по одной годъ, но училищныя дѣла удовлетворяются трудомъ, и усомъ тѣмъ же сборомъ съ церкви и причетовъ, и съ некоторого сорбасно, хотѣлось бы сойти духовенству. И отъ него и отъ фонда не такъ много богать средствами и не такъ устроенъ, чтобы училища наши въ скоромъ времени могли найти въ немъ полное удовлетвореніе своихъ нуждъ, а училищныя нужды не идутъ. Теперь фондъ только запасается средствами на счетъ церкви: помощи же отъ него по необходимости придется ждать. Между тѣмъ и не одни училища работаютъ духовенство, и другія, и не менѣе насущныхъ, неотложныхъ нуждъ у насъ не мало. Все это само собою побуждаетъ оный обратится на городскую, для поддержанія училищъ, рекомендованному Свѣтѣйшимъ Синодомъ, и в. в. къ устройству свѣчнаго завода. Во всякомъ случаѣ и при училищномъ фондѣ епархіальный заводъ не онаято лишняя, при скудныхъ доходахъ духовенства, при необходимости ивомахъ вдовъ и сиротъ, неблагоугодно пренебрегать ашшимъ, ничто, никомъ доходовъ, указанными самимъ правительствомъ. . . .

„Впрочемъ не одни только матеріальные расчеты должны побуждать духовенство къ устройству своего свѣчнаго завода. Жалобы на дурное качество свѣчей слышатся все чаще и чаще, и не только отъ синодальныхъ и церковныхъ старостъ, но и отъ лицъ постороннихъ — охотскихъ: они полагаютъ уже въ печати, какъ на равнодушна послѣдняя относитя къ дѣламъ церковнымъ. И действительно, въ видѣхъ свѣчъ къ настоящему востку прибавляются самыя разнообразныя, червѣно нечистыя вещества, какъ тѣ сало, парфинъ, маслѣ, известь, муку, воскъ японскій, австрійскій и т. п. Съ подобною примѣсью жечь въ храмахъ свѣчи во-первыхъ не подобаетъ, а во-вторыхъ они грешатъ, плавутъ, отбрасываютъ искры, а свѣтитъ мало и коптитъ много. Съ грубыми свѣчами бываетъ и то, что свѣтильня, смоченная предварительно масломъ, а можетъ быть и ке- а синобъ; горить, а вещество, окружающее свѣтильню таетъ только около ней самой, такъ что огонь опущается въ глубь горитъ никакъ не видимый, пока онойчатея не погаснетъ.

„Такая злоупотребленія въ дѣлѣ свѣчнаго производства возлагаютъ, по нашему мнѣнію, обязанность на духовенство, взять это дѣло въ свои руки и охранить храмы отъ сежиганія въ нихъ негодныхъ веществъ.

„Что касается до насемей, что устройство завода дѣло трудное, сложное и рискованное; то противъ этого можно предста-

духовно-учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій Московской епархіи.

4. Повѣщеніе для завода предполагается имѣть на первый разъ въ количестве, и производить свѣчи въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ потребуютъ церкви, заведенія желаніе братьюныя съ устроенаго завода.

3. Средства для первоначальнаго устройства завода, для закупки воска и для несѣдущаго производства свѣчъ доставляются церквами въ видѣ аванса за нѣсколько пудовъ свѣчъ съ метра по средствамъ каждой.

4. Если такихъ взносов окажется недостаточно для упомянутого хода работы на заводѣ, то деньги берутся заимообразно съ увеличенными процентами у той изъ церквей, у которой окажется возможность дать потребную сумму. Во всякомъ случаѣ этотъ заемъ не долженъ превышать 10.000 р. Такъ какъ и въ настоящее время имѣются въ виду заявленія частныхъ лицъ желающихъ дать сумму безъ процентовъ на устройство завода, то и подобныя ссуды принимать не воспрещается.

5. Для устройства завода и завѣдыванія имъ настоятели и церковные старосты избираютъ изъ среды себя комиссію, которая дѣйствуетъ по инструкціи, утвержденной собраніемъ настоятелей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ благочиннаго.

6. Запись прихода и расхода суммъ по заводу ведется въ книгѣ, надлежащимъ образомъ скрѣпленныхъ.

7. По истеченіи года, комиссія представляетъ полный и подробный отчетъ по заводу собранію настоятелей и церковныхъ старостъ Новониколаевскаго благочинія, которые избираютъ изъ среды себя лицъ для повѣрки отчета на мѣстѣ завода.

8. Проверенный такимъ образомъ отчетъ представляется его высокопреосвященству и съ его соизволенія общепархіальному съезду.

9. Прибыль распределяется, а равно и убыль вознаграждается по усмотрѣнію собранія настоятелей и церковныхъ старостъ Новониколаевскаго благочинія.

10. Устроенный такимъ образомъ заводъ будетъ переданъ въ видѣніе общепархіальнаго съезда, если послѣдній пожелаетъ сдѣлать оный общепархіальнымъ.

Получивъ въ январѣ текущаго года разрѣшеніе епархіальнаго начальства, поддержанное сочувствіемъ благомыслящихъ старостъ церковныхъ, особенно почтенныхъ Н. П. Азачевского, И. И. Шаховскаго, Д. О. Мельгунова, И. П. Вочкова и др., ду-

маленькаго — въ обще-епархіальномъ. На наше дѣло съ униваліемъ стотритъ вся епархія.

Послѣ молебна въ освященномъ мѣстѣ были луги, а въ концы стани и началось производство свѣтъ, на которое съ живымъ интересомъ смотрѣли присутствующіе, выносили орудія: вичатлѣнія, послѣ скромнаго, но важнаго по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ торжества.

БАРОНЕССА МАРІА АЛЕКСАНДРОВНА БОДЕ†

5-го септ. іюля скончалась въ Витебскѣ, на 67 году отъ рожденія, начальница Полоцкаго женскаго училища, духовнаго въ дѣтствѣ баронесса Марія Александровна Бодѣ.

Для училища и духовенства Полоцкаго епархіи, она, которая весьма тяжкая, которую дележка будетъ, забыть. Покойная заводила училище, устроила и устроива его, достойна въ теломъ 15 лѣтъ была душой его и умѣла, при ограниченныя, сравнительно средствахъ, держать свое заведеніе на высотѣ примѣрной.

Счастливо одаренная отъ природы, Марія Александровна получила и образованіе высшее и многостороннее не только въ научномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; а предшествовавшая, 7-лѣтняя педагогическая служба, въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, при свѣтломъ умѣ, глубокомъ знаніи людей и христіански развитомъ сердцѣ, приготовила въ ней образцовую, начальницу женскаго учебнаго заведенія. Трудно повѣрить, а между тѣмъ, это была дѣйствительность, что въ теченіе 15 лѣтъ начальница училища непрерывно бодрствовала и слѣдила за всѣмъ, всѣмъ руководила, все устроила, будучи нѣжнѣйшею матерью для воспитанницъ, добрѣйшею наставницей и подругой классныхъ дамъ, неуслышною распорядительницей по училищному хозяйству, отъ вниманія которой не ускользало ничто, до дождя въ кустѣ въ училищномъ саду. Для мѣстнаго духовенства особенно отрадно будетъ вспоминать, что за 15 лѣтъ въ училищѣ не оказалась ни одной плохой воспитанницы и не случилось никакой сколько-нибудь неприятой исторіи.

Въ частную жизнь покойной не смѣемъ входить. Но что извѣстно всѣмъ, того нѣтъ нужды скрывать. Марія Александровна была добрая и разумная христіанка, умѣла со всѣми обійтись, всякаго принять и понять, для всѣхъ слѣдять, что только было въ ея силахъ и ничего не забыть; горе и нужда особенно

находили въ ней не только доброту и преданность; всегда приветливая и внимательная, она не имѣла часовъ, когда ее нельзя было беспокоить, и какъ будто не знала ни утомленія, ни чего-нибудь похожего на раздраженіе или досаду или огорченіе.

Напряженная дѣятельность не могла не вредить здоровью: Марья Александровна два раза должна была вызвѣзжать для пользования за границу (въ 1874 и 1875 гг.). Въ послѣднее время однако она казалась бодрой и здоровой, какъ и всегда, и вѣсѣ постоянно сама распоряжалась. Съ наступленіемъ канікулъ надлежало бы дать себѣ нѣсколько отдыху: но покойная пренебрегла этой необходимой при ея дѣлахъ предосторожностью, и, говоря, усидчиво задумалась пересмотрѣть училищныхъ дѣлъ и книгъ. 29 іюня вечеромъ она въ первый разъ почувствовала приступы болячки, которая черезъ нѣсколько дней свела ее въ могилу. Покойная стала жаловаться на необыкновенное стѣсненіе въ груди и впала въ обморокъ. Поданы были врачебныя пособія и черезъ три дня покойная вновь принялась за работу. Но 3 іюля вечеромъ припадкъ повторился въ сильнѣйшей степени и послѣдовалъ параличъ сердца. 5-го іюля въ 2 часа 40 минутъ по полудни Марья Александровна тихо скончалась.

Погребеніе совершено Ею Пресвященствомъ 8 іюля, по сѣлтургии, при участіи почти всего пероденаго духовенства.

Мѣсто для могилы покойная сама избрала еще при жизни. Вблизи училищной церкви когда-то существовало небольшое кладбище, на этомъ кладбище, съ котораго почти весь Витебскъ виденъ надъ на лѣвомъ, Марья Александровна не разъ высказывала желаніе быть погребенною. Тамъ ее и похоронили. Могила матери всегда будетъ на глазахъ дѣтей... Воспитанницы, посѣщая дорогую могилу, будутъ вспоминать уроки и примѣры матери-воспитательницы. (Дочери. Еп. Вѣдом.)

О. В. Г У С Е В Ъ †.

Мы только что получили печальную вѣсть о кончинѣ *Осодора Осодоровича Гусева*, послѣдовавшей въ ночь съ 26 на 27 августа. Въ лицѣ нашего дорогаго сотрудника, автора изслѣдованія о епископѣ П. П. Плетенгауерѣ, даровитаго доцента кievской духовной академіи, общества науки носили весьма чувствительную потерю... Некрологическія подробности отлагаемъ до сѣдѣющей книжки.

Слѣдующія статьи при окрѣпѣ стилиста — акад. еп. Вѣдом.

Лекции по философии, философия и так назыв. метафизика в немецких университетах. Метафизика как самостоятельная наука. Философские вопросы, их постановка, приемы в решении и изложении. Упадок старых типов немецкой философии. Критический идеализм. Реформа идеалистической логики. Субъективный реализм. Абсолютный реализм. Пессимизм и философия бессознательного. Философия действительности. Философия и наука. Коренная ошибка немецкой и всякой метафизики. Философское направление современного естествознания. Задачи философии как специальной науки.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

НОВАЯ КНИГА

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ГЕРМАНИИ.

Очерки изъ заграничнаго путешествія П. Милославскаго.

Содержаніе ея: Положеніе философіи и такъ назыв. метафизика въ нѣмецкихъ университетахъ. Метафизика какъ самостоятельная наука. Философскіе вопросы, ихъ постановка, приемы въ рѣшеніи и изложеніи. Упадокъ старыхъ типовъ нѣмецкой философіи. Критическій идеализмъ. Реформа идеалистической логики. Субъективный реализмъ. Абсолютный реализмъ. Пессимизмъ и философія бессознательнаго. Философія дѣятельности. Философія и наука. Коренная ошибка нѣмецкой и всякой метафизики. Философское направленіе современнаго естествознанія. Задачи философіи какъ спеціальной науки.

Цѣна 2 р. 25 к. съ пер. книгопродавцамъ 20" уст.
Требованія адресовать въ Казань, доценту Академіи П. А. Милославскому, или въ книжный магазинъ А. А. Дубровина, въ Гостиномъ дворѣ. Тамъ же можно получать оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры книги „Древнее языческое ученіе о душепереселеніи и слѣды его въ первые вѣка христіанства“, изслѣдованіи П. Милославскаго. Ц. 2 р. съ пер., — рѣчи Дю-буа Реймонда „О предѣлахъ естествознанія“, Ц. 40 к. съ пер.

КАРТИНЫ ПО СВЯЩЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ГЛАВНѢЙШІЕ ПРАЗДНИКИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, съ текстомъ и примѣрными уроками подъ редакцію священ. В. Я. Михайловскаго, рисованіе В. А. Варвитова, рѣзаль на деревѣ Ѳ. Г. Герасимовъ. Выпускъ I. Изданіе законоучителя 4-ой С.-Петербургскойprogимназіи Мѣнистерства Народнаго Просвѣщенія, Протектунтскаго Артиллерійскаго Училища и Арсенальной Школы, священ. Спасо-бочаринской Тихвинской церкви, магистра Вас. Яков. Михайловскаго. Цѣна 1 руб. 75 к., съ перес. 2 руб. С.-Петербургъ. 1876 г.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ законченное число экземпляровъ. Москва, сентября 2 дня 1878 г.

Цензоръ протоіерей О. Зерновъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВ. АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДМИТРИЕМЪ, АРХИЕПИСКОПОМЪ ВО-
ЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМІРСКИМЪ,

ВЪ СОВОРЪ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ.

*Поминайте наставники ваша,
уже малолѣта вамъ слово Божіе.
Евр. 18, 7.*

Пріятно конечно и вспоминать такихъ наставниковъ, нахо-
вы были св. апостолы Петръ и Павелъ, коихъ богодухновен-
ная проповѣдь обращала тысячи, заставляла умолкать уста
мудрыхъ и сильныхъ міра, коихъ живое и дѣйственное слово
гремѣло до концовъ вселенной и потрясло самыя запертыя
сердца, коихъ святая и чудодѣйственная жизнь свѣтилась во
тьмѣ міра, подобно лучезарному свѣтилу, озаряющему насъ
свѣтомъ полудня. Но при этомъ свѣтломъ воспоминаніи мо-
жетъ-быть возникаетъ въ душѣ вашей, братіе, и нѣкое грустное
чувство. Какъ счастливы, подумаете, были тѣ люди, которые
сами слышали богодухновенную проповѣдь св. апостоловъ, ви-
дѣли собственными очами ихъ великіе подвиги и ихъ славныя
чудотворенія! И не несчастны ли мы, на долю коихъ осталось

одно воспоминаніе, а не видѣніе или слышаніе великихъ, богоизбранныхъ проповѣдниковъ евангелія Христова, самовидцевъ и свидѣтелей ипостаснаго Слова Божія, пріившихъ непосредственно отъ самого Господа и слово жизни и спасенія и силу чудотворенія и власть отпушати грѣхи человѣкомъ?

Правда, вспоминать наставниковъ давно умершихъ — не то, что пользоваться живущими: и слова и дѣла живаго человѣка такъ же живы, какъ и онъ самъ, дѣйствуютъ непосредственно на наши чувства, а потому и впечатлѣніе ихъ живѣе, полнѣе и совершеннѣе. Но съ другой стороны и воспоминаніе имѣетъ свои преимущества предъ видѣніемъ и слышаніемъ, именно въ томъ, что оно дѣйствуетъ не на чувства внѣшнія, способныя поражаться, но вмѣстѣ и обманываться и заблуждаться, а на чувство внутреннее, на сердце, разумъ и совѣсть: потому и поученіе чрезъ воспоминаніе менѣе паразитально, но болѣе глубоко и сильно. Въ этомъ отношеніи благоговѣйное воспоминаніе наставниковъ умершихъ даже лучше и полезнѣе, нежели слышаніе или видѣніе живыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы читаемъ въ Писаніи о чудныхъ дѣйствіяхъ святой ревности мужей богоизбранныхъ, когда видимъ Илію, приводящаго въ трепетное молчаніе студныхъ пророковъ Вааловыхъ и весь народъ Израильскій; когда смотримъ на Моисея и Данила, коихъ грозное слово потрясаетъ страхомъ чертоги царей, гдѣ слышались дотогѣ одни боязливыя слова ласкательства; когда взираемъ на Предтечу Христова, смѣло обличающаго Ирода, — на Петра, укоряющаго цѣлый синодріонъ въ христубійствѣ, — на Павла, неустрашимаго и въ узакъ и устрашающаго правителей народныхъ: то сердце наше исполняется благоговѣніемъ, душа соревнуетъ симъ ревнителямъ славы Божіей, мы приходимъ въ восторгъ и умиленіе, мы желали бы видѣть этихъ чудныхъ мужей, слышать ихъ моленосное слово. Но если вникнуть глубже въ эти чувствованія, то откроется, что пламенная ревность посланниковъ Божіихъ пріятна для насъ только ядами, во глубинѣ время, когда она не касается насъ самихъ, не трогаетъ нашихъ слабостей и пороковъ, нашихъ привязанностей и страстей. Чтожъ, еслибы эти великіе ревнители славы Божіей и чистоты нравовъ явились между нами, еслибы мы сами съ своими слабостями и

воронами были предметомъ ихъ грознаго обличенія; еслибы ихъ прозорливое око проникло въ глубину сердца нашего, и ихъ молниеносное слово обнаружило наши тайныя мысли и чувства, желанія и стремленія; еслибъ Илья или Претеча стали посрединѣ насъ и сказали: что храмлете на обою плесну? Како убьжете отъ грядущаго гнѣва? „Сотворите убо плоды достойныя покаянїя?“ Еслибы Петръ, видя невѣрность сердца нашего предъ Богомъ, сказалъ намъ: „почто сатана исполни сердце ваше одарити Духу Святому?“ Еслибы Павелъ пришелъ съ своею палицею, чтобы предать сатанѣ беззаконующихъ, и сказалъ намъ со властію апостольскою: „измите злое отъ васъ самихъ, очистьте себе отъ всякаго сиверныя плоти и духа; или не вѣсте, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живеть въ васъ? Аще кто Божій храмъ раставитъ, раставитъ сего Богъ?“ Не убивали ли бы мы сами отъ ихъ всепроницающаго взора, какъ убивали отъ нихъ многіе современники? Не возненавидѣли ли бы ихъ и мы, какъ ненавидѣли ихъ обличаемые ими? Не стали ли бы злоловити и преслѣдовать ихъ, и не подверглись ли бы за то страшной участи, на которую осуждены избившіе пророковъ? Вспомните, братіе, что жъ іудеи распявшіе Господа и гнавшіе последователей Имъ апостоловъ говорили: еслибы мы были, во дни отцевъ нашихъ, не были бы сообщниками въ пророчїи пророковъ; что и люди, преслѣдовавшіе посланниковъ Божіихъ, „мнили службу приносить Богу“. Итакъ, не есть ли это дѣло любви, милосердія и снисхожденія Божія въ нашей немощи, что намъ дано видѣть и слышать сихъ грозныхъ провозвѣстниковъ правды и суда Божія не вблизи, а въ отдаленіи вѣковъ; что ихъ живое и дѣйственное слово не падаетъ на главу нашу, какъ близкая молнія и не поражаетъ насъ громомъ, а тихо проникаетъ въ сердце наше, какъ животворный лучъ отдаленнаго свѣтила; что мы можемъ прилагать грозное слово ихъ къ язвѣмъ своей совѣсти не какъ раскаленное жалѣзо всенароднаго обличенія, а какъ умягчающій пластырь тайнаго вразумленія?

Съ другой стороны, живя въ тѣлѣ, самые великіе праведники являлись и были подобострастными намъ человекнами. „Вся славадщери царевой—души богоподобной—внутри“, а со внѣ они являютсѣ якоже и прочіи человекны, какъ говорить преподобный Макарій,

Высота совершенства ихъ покрыта покровомъ глубокаго смиренія и ихъ святые подвиги сокрыты отъ очей міра въ тайнѣ всевѣднїя Божественнаго, а совнѣ ихъ дѣйствїя могутъ быть неодинаково судимы, пересуждаемы и осуждаемы по произволу человѣческому. Нуженъ даръ разсужденїя духовомъ, чтобы отличать истинно духовныхъ учителей отъ живыхъ пророковъ. Нужна крѣпкая вѣра, чтобы не соблазняясь униженнымъ видомъ и смиренною долей, въ коихъ являлись современникамъ истинные посланники Божїи, постигнуть ихъ духовную высоту и славу. И не здѣсь ли причина, почему между современниками великихъ наставниковъ вѣры и благочестїя христіанскаго весьма немногіе, не соблазняясь ничѣмъ видимымъ, могли постигнуть ихъ духовное величіе, пригвѣститься къ нимъ сердцемъ своимъ и успѣшно воспользоваться ихъ обличенїями и наставленїями? Не говорили ли и о самомъ Спасителѣ: „не сей ли есть сынъ Іосифовъ, и мати Его Марїамъ и братїя Его въ насъ суть?“ И говоря такимъ образомъ, отвращали слухъ свой отъ Его спасительнаго слова, не вѣровали даже чудесамъ Его. Не говорили ль и о св. Павлѣ: „что сей еусловный хочетъ глаголати“, когда онъ проповѣдывалъ глаголы живота вѣчнаго? Не изгоняли ли изъ градовъ, не заключали ли въ темницы, не предавали ли смерти св. пророковъ и апостоловъ? Не лишали ли святительскихъ кафедръ и не изгоняли ли въ ссылку великихъ Аванасїевъ, Григорїевъ и Златоустовъ, которые были свѣтилами своего вѣка, украшенїемъ церкви Божїей? Не издѣвались ли надъ великими подвижниками, какъ надъ малоумными и странными? То же самое въ большей или меньшей мѣрѣ бываетъ со всеми святыми, которые въ очахъ міра всегда кажутся буими, которыхъ житїе неподобно другимъ. И такъ не блаженнѣе ли мы, не видѣвшїе апостоловъ Христовыхъ тѣлесными очами, но видящіе ихъ вѣрою, взирающїе на скончанїе жителства ихъ, ознаменованное присутствїемъ въ нихъ благодати Божїей, когда самъ нелицепріятный Судїя міра оправдалъ ихъ жизнь и ученїе чудодѣйственнымъ прославленїемъ; когда смерть отъяла и очистила все земное и явила небесную чистоту ихъ жизни и ученїя? Не блаженнѣе ли мы, видящіе ихъ не въ униженїи и безчестїи, а въ славѣ вѣчной; не въ гоненїи, темницахъ и узахъ, а въ обителяхъ блаженства и въ славѣ царства

Христовъ? Сія-то небесная слава прославленныхъ Богомъ святыхъ мужей, глаголавшихъ намъ слово Божіе, и служить для насъ, братіе, несомнѣннымъ залогомъ того, что исповѣданное и проповѣданное ими ученіе вѣры и благочестія истинно и спасительно, что пройденный ими путь жизни ведетъ несомнѣнно ко пристанищу живота вѣчнаго; что вѣрованіе ихъ слову и послѣдованіе ихъ ученію и жизни можетъ привести и насъ туда, гдѣ они царствуютъ нынѣ со Христомъ Господомъ въ Его славу.

Но какъ, скажете, поучаться у наставниковъ, которыхъ не видимъ? Какъ слышать уроки человѣка, жившаго за многія столѣтія и тысячелѣтія? Чѣмъ замѣнить близость живаго наставленія? Близость въ духъ измѣряется, братіе, не разстояніемъ мѣста и времени, но мыслію, желаніемъ и любовію, созерцаніемъ, молитвою и вѣрою. Что сближаетъ живущихъ другъ съ другомъ? Не видѣніе и слышаніе, а единомысліе, сочувствіе и любовь. Чѣмъ приедемъ и усвоимъ себѣ слова живаго наставника? Не слухомъ внѣшнимъ, а слухомъ внутреннимъ, вниманіемъ, довѣріемъ или вѣрою. Безъ вѣры все слышанное нами есть для насъ пустой звукъ. Невѣрію и въ словахъ самого Христа Спасителя слышалась хула: „что сей глаголетъ хулы“? говорили фарисеи, между тѣмъ какъ вѣра истинная обрѣтала въ нихъ „глаголы живота вѣчнаго“. Невѣрію и изъ устъ св. Павла слышалось суесловіе: „что сей суесловный хочетъ глаголати?“ говорили о немъ Аѳиняне, между тѣмъ какъ вѣра истинная принимала слово его, „яко воистину слово Божіе“. Но вѣра, братіе, не знаетъ разстоянія мѣстъ и временъ: она сближаетъ насъ и съ давно жившимъ, но благоговѣнно воспоминаемымъ наставникомъ точно также какъ и съ присутствующимъ. И это тѣмъ болѣе удобно для насъ, что ничто важное, полезное и необходимое изъ ученія и жизни первыхъ учителей христіанства не утрачено; все сохранено для насъ въ богатой сокровищницѣ слова Божія и преданія церковнаго. Ихъ богодуховенные глаголы всегда оглашаютъ слухъ нашъ въ храмахъ Божіихъ; ихъ духовные опыты жизни сохранились въ руководство намъ въ церковныхъ сказаніяхъ; ихъ живая и плодотворная вѣра олицетворяется предъ нами въ живыхъ образахъ ихъ богоугоднаго житія.

Итакъ поминайте сихъ богодухновенныхъ наставниковъ нашихъ воспоминаніемъ вѣры, приемиа чистымъ сердцемъ духовное слово ихъ, „не аки слово человѣческое, но якоже есть воистину слово Божіе“. Поминайте воспоминаніемъ любви и возбуждайте въ сердцѣ своемъ сочувствіе къ ихъ святой жизни, къ ихъ святымъ помысламъ, чувствамъ и стремленіямъ, къ ихъ великимъ подвигамъ вѣры и любви. Поминайте воспоминаніемъ благодарности и молитвы, воздавая имъ честь, хвалу и благодареніе за ихъ великіе труды и подвиги въ благоговѣствованіи міру евангелія Христова, въ просвѣщеніи насъ свѣтомъ вѣры и благочестія, прося ихъ заступленія и ходатайства о насъ предъ Господомъ. Поминайте паче всего подражаніемъ ихъ богоугодному житію по вѣрѣ: „ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ“. Иначе, что пользы восхвалять святыхъ мужей, но не слушать ихъ богодухновеннаго слова, или слушая, не исполнять ихъ наставленій, не послѣдовать ихъ ученію, житію, привѣту, вѣрѣ, долготерпѣнію, любви, терпѣнію? Что пользы не отвращать слуха своего отъ глаголаннаго ими слова Божія, но и не обращаться всѣмъ сердцемъ къ глаголавшему въ нихъ Духу Божію? Прославляемые нами св. апостолы стануть нѣкогда съ нами на судъ и обличать насъ. Вы, скажутъ они намъ, вы справедливо почитали насъ истинными слугами Божіими, истинными друзьями Христовыми, ибе этой чести дѣйствительно сподобилъ насъ Господь: почему же вы не хотѣли, подобно намъ, служить единому Господу преподобіемъ и правдою вся дни живота своего, благоугождать Ему всесердечнымъ послушаніемъ святѣйшей волѣ Его, исполненіемъ святыхъ и животворныхъ заповѣдей и повелѣній Его? Вы почитали память нашу празднествами: для чего же оскорбляли вмѣстѣ съ тѣмъ священныя дни нашей памяти неблагоприличными забавами, грѣховными удовольствіями, непристойнымъ невоздержаніемъ, богопротивными дѣлами? Почему не освящали ихъ чувствами особеннаго благоговѣнія и страха Божія, чистотою и воздержаніемъ, дѣлами святыми и богоугодными? Вы прославляли наши добродѣтели и подвиги, восхваляли нашу ревность о славѣ Божіей, нашу кротость и смиреніе, наше незлобіе и терпѣніе, наше милосердіе и состраданіе къ обратившимъ своимъ, наше самоотверженіе и любовь: почему же не подра-

жали намъ въ своей жизни, не старались усвоить себѣ эти богоподобныя и боголюбезныя добродѣтели, чтобы сдѣлаться, подобно намъ, сынами Вышняго, царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ, людьми обновленія, человѣками воистину Божиими? Вы слышали или читали проповѣданное нами слово Божіе: почему же не принимали его какъ истинное слово Божіе съ живымъ и искреннимъ усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ, не покорялись ему, какъ истинному слову Божію, съ самоотверженіемъ и готовностію на всякое дѣло благое? Почему не возлюбили слова Божія такъ, чтобы оно было пищею души вашей, отрадою и услажденіемъ сердца, свѣтильникомъ ногамъ и свѣтомъ стезямъ вашимъ, чтобы оно сіяло въ сердцахъ вашемъ свѣтомъ живой вѣры, пламенемъ горячей любви къ Богу и ближнимъ, отраднымъ сіяніемъ живой надежды на Бога и упованія жизни вѣчной; чтобы оно служило живымъ и животворнымъ источникомъ всѣхъ вашихъ помысловъ и желаній, всѣхъ чувствованій и поступковъ, чтобы имъ управлялась и освящалась вся ваша жизнь и дѣятельность и внутренняя и внѣшняя, и домашняя и общественная? Такъ скажутъ намъ апостолы Христовы и сдѣлаютъ насъ безотвѣтными на судъ Божіемъ. Тогда мы на себѣ самихъ познаемъ, что „не слышатели закона, а творцы закона, сіи и только сіи оправдятся предъ Богомъ“. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДИМИТРІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ВО
ЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМІРСКИМЪ,

ВЪ СОВОРЪ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ.

*Величаемъ Тя, Пресвятая Дѣво,
и чтемъ покровъ Твой святой.*

Что это за покровъ Пресвятой Дѣвы Матери Божіей? — Это Ея всемогущее ходатайство предъ Сыномъ ея и Богомъ, которымъ покрываются немощи и грѣхи человѣческіе предъ взоромъ божественнаго правосудія, ради котораго продолжается время долготерпѣнія Божія къ міру лежащему во злѣ, ради котораго Господь щадитъ насъ и милуетъ, продолжаетъ сіять солнце свое на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя. Это ея матернее милосердіе, которое охраняетъ и покрываетъ насъ отъ всякаго зла, милуетъ и ущедряетъ насъ многоразличными дарами благодати Божіей, доколѣ не переполнится мѣра грѣховъ нашихъ, доколѣ неправды человѣческія не возопіютъ на небо громкимъ гласомъ и не отвратятъ отъ насъ милосердаго ея взора.

Надъ кѣмъ простирается этотъ благодатный покровъ Матери

Божіей? Надъ церковію Божественнаго Сына ея, Господа Иисуса Христа, которая есть тѣло Его, которой потому самому пресвятая Матерь Господа есть благодатная матерь и царица. Посему и мы всѣ, братіе мои, доколѣ пребываемъ членами первыи Христовой, хранимъ святую вѣру въ Господа Иисуса Христа, послѣдуемъ Его божественному евангелію, участвуемъ въ Его благодатныхъ и спасительныхъ таинствахъ, — находимся несомнѣнно подъ благодатнымъ покровомъ Матери Божіей.

Отчего же, подумаете, многіе какъ бы вовсе не примѣчаютъ надъ собою сего благодатнаго покрыва Матери Божіей? Оттого, что не могутъ ни видѣть, ни ощущать благодатныхъ дѣйствій по неспособности, ни принимать даровъ Божіихъ по недостойнству. (Чтобы видѣть свѣтъ, нужно здоровое око; чтобы слышать звукъ, нужно здоровое ухо. Духовное око ума нашего есть живая вѣра, какъ извѣщеніе уповаемыхъ, вещей обличеніе невидимыхъ. У кого это око ума свѣтлѣе, у кого чище, тверже и совершеннѣе вѣра, тотъ видитъ болѣе, прозрѣваетъ далѣе. Тотъ во всемъ окружающемъ его мірѣ усматриваетъ присносущную силу Божію, которая все содержитъ, все оживляетъ, всѣмъ управляетъ по законамъ премудрости, благодати и правды, тотъ и въ самыхъ обыкновенныхъ повидимому обстоятельствахъ жизни своей видитъ всеуправляющій перстъ Божій, дѣйствующій сокровенно, невидимо, таинственно, но тѣмъ не менѣе дѣйственно, животворно и спасительно. Тотъ предаетъ всецѣло и себя и всю жизнь всеблагой волѣ Господа Иисуса Христа и пречистой Его Матери, во всемъ полагается на ея премудрость, всего ожидаетъ отъ ея благодати и милосердія. Напротивъ, у кого сіе око ума ослѣплено или прахомъ суеты и страстныхъ увлеченій или прахомъ суевѣрія и тьмою невѣрія, тотъ кромѣ грубаго вещества въ мірѣ, мертвой необходимости въ явленіяхъ природы и слѣпаго случая въ обстоятельствахъ собственной жизни не видитъ ничего. Св. Давидъ живомъ вѣрою предзрѣлъ Господа предъ собою выну, потому и видѣлъ надъ собою покрывъ милости Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни. „Господи,—исповѣдуется онъ,—искусилъ мя еси и позналъ мя еси, Ты разумѣлъ еси помышленія моя издавеча, стезю мою и уже мое Ты еси изслѣдовалъ;—и вся пути моя провидѣлъ еси, не утаится кость моя отъ Тебе, несодѣланная моя видѣсть очи Твои. Господи

упованіе мое отъ юности моея, отъ чрева матере моя. Ты еси мой покровитель, о Тебѣ пѣніе мое выну". Напротивъ тѣ безумцы, о которыхъ упоминается въ книгѣ Премудрости Соломоновой, погрязши въ тинѣ чувственныхъ наслажденій, ослѣпленные тьмою невѣрія, утѣшали себя тою кощунственною надеждою: „яко самослучайно рождени есмы, и потомъ будемъ яко же не бывше, и духъ нашъ разліется яко мягкій воздухъ: яко жребій человекъ и жребій скотомъ жребій единъ есть". Слухъ души нашей есть совѣсть и сердце. У кого чище и свѣтлѣе совѣсть, сердце нѣжнѣе и чувствительнѣе, внутреннее чувство тонѣе и благочестивѣе, тотъ живо ощущаетъ всякое прикосновеніе высшей силы, ясно примѣчаетъ всякое дѣйствіе благодати всесвятаго Духа Божія, тотъ и въ самыхъ сокровенныхъ движеніяхъ сердца своего,—свѣтлыхъ или мрачныхъ, добрыхъ или злыхъ,—ощущаетъ присутствіе или Духа Божія или духа лукаваго. Напротивъ у кого совѣсть омрачена злыми дѣлами, сердце заглушено шумомъ страстей и порочныхъ вожделѣній плоти, внутреннее чувство изсохло и загрубѣло отъ зноя самолюбія и корыстолюбія,—тотъ не чувствуетъ иногда и самыхъ сильныхъ толканій благодати Божіей въ его сердце, не сознаетъ и самыхъ поразительныхъ дѣйствій или благости и милосердія или гнѣва и прещенія Божія, подобно какъ камень не чувствуетъ ни благотворнаго паденія дождя, ни сильныхъ ударовъ молніи.

Такимъ образомъ можно даже дойти до такого состоянія, что не только не будешь видѣть или чувствовать надъ собою, но и вовсе лишишься благодатнаго покровя Матери Божіей. Малыя повидимому сомнѣнія и недоумѣнія о предметахъ вѣры Христовой поражаютъ охлажденіе вѣры, потомъ маловѣріе и наконецъ невѣріе и ожесточеніе, которыя отторгаютъ насъ отъ животворной лозы—Господа Іисуса Христа, дѣлаютъ сухими вѣтвями въ вертоградѣ Христовомъ, годными только для сожженія. Малыя повидимому слабости и пороки, неисправляемые благовременно, дѣлаются мало-по-малу сильными, увлекающими наклонностями, потомъ закоренѣлыми привычками и страстями, которыя умерщвляютъ все доброе, дѣлаютъ насъ мертвыми предъ Богомъ, отчужденными отъ жизни Божіей и чуждыми заветамъ обѣтованія. О такихъ-то людяхъ говоритъ сердцеѣдаецъ Господь: „вѣшь твои дѣла: имя имаши, яко живѣ, а мертвы еси". Мертвы

омъ сердцемъ, ибо не трогаетъ его ни убѣжденія ни угрозы евангельскія, ни радостныя обѣтованія жизни вѣчной ни страшныя прещенія вѣчныхъ мученій. Мертвъ умомъ своимъ, ибо не сознаетъ и не разумѣетъ того, что ясне солнца открыто намъ въ словѣ Божіемъ, не видитъ разверстой подъ стопами его бездны погибели. Мертвъ своею совѣстію, ибо она безсилна противъ вопля страстей, спитъ какъ обуморенная и не чувствуетъ въ себѣ язвъ грѣховныхъ. Мертвъ своимъ желаніемъ, ибо оно движется не къ дѣламъ свѣта и жизни, святости и правды, а къ мертвымъ дѣламъ тмы и нечестія, неправды и беззаконія. Въ такомъ состояніи достоинъ ли человекъ, хотя бы и назывался христіаниномъ, благодатнаго покрова Матери Божіей? Честнѣйшая херувимовъ можетъ ли покровительствовать беззаконіямъ, которыми второе распіяютъ Сына ея и Господа? Пречистая и пренепорочная Дѣва можетъ ли взирать благоволятельнымъ взоромъ на нечистоту и срадѣ грѣховной? Нѣтъ, не милости, а гнѣва,—не покрова и заступленія, а конечнаго отверженія должны ожидать отъ нея нераскаянные грѣшники.

Посему-то и нужно, братіе мои, хранить вопервыхъ вѣру свою, яко зѣницу ока, не предаваться сомнѣніямъ, колебаніямъ, недоумѣніямъ о предметахъ вѣры христіанской, которыми дѣволъ силится отвлечь насъ отъ истины и запутать въ сѣтяхъ лжи и заблужденій. Тѣмъ паче должно закрывать и отвращать слухъ свой отъ глумленія и кощунства тѣхъ сожженныхъ совѣстію людей, которые поработившись страстямъ и плотскимъ похотямъ ищутъ успокоенія своему духу не только въ собственномъ невѣріи, но и въ развращеніи другихъ. Святое Евангеліе, которому вѣруемъ, есть живое и живоносное слово едиnorodнаго Сына Божія, который сотворилъ насъ въ началѣ, искушилъ насъ падшихъ своею божественною кровію и будетъ судить насъ въ послѣдній день: „небо и земля прейдутъ, словеса же Его не прейдутъ.“

Нужно преимущественно хранить свою совѣсть въ чистотѣ и святости, или же очищать ее благовременно отъ сквернъ грѣховныхъ банею истиннаго покаянія. Чистая совѣсть, братіе мои, есть такая драгоценность, ея же въ мирѣ ничтоже дороже, какъ говорить одинъ св. мужъ. Съ нею можете провести жизнь свою въ мирѣ и спокойствіи, хотя бы не только всѣ скорби и

бѣдствія земныя, но и всѣ силы вражія вооружились на насъ. Съ нею безтрепетно и съ благодареніемъ сръбтимъ и смерть свою, кѣтъ друга и благодѣтеля, когда бы и гдѣ бы она ни постигла насъ. Съ нею непостыдно предстанемъ и на страшный судъ Божій—въ упованіи оправданія и жизни вѣчной. Напротивъ не заботясь очищать совѣсть свою слезами покаянія, опускаясь все глубже въ бездну нечувствія и окаменѣнія сердечнаго—долго ли дойти наконецъ до ужаснаго состоянія тѣхъ людей, которыхъ апостолъ называетъ соженными совѣстію, которыхъ ожидаетъ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его?

Нужно наконецъ умягчать свое сердце, возвышать и облагораживать свое внутреннее чувство—любовію къ ближнимъ, милосердіемъ и сострадательностію къ несчастнымъ, чтобъ уготовить душу свою въ достойную обитель всеблагаго Духа Божія, чтобы сдѣлать сердце свое способнымъ чувствовать и наслаждаться духовными благами, которыя приноситъ Духъ Божій душѣ вѣрующей. Ибо можно ли ощутить въ сердцѣ своемъ благодатный миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, тому, кто не примирился искренно съ соперникомъ своимъ, не отпустилъ отъ всего сердца причиненнаго ему оскорбленія и обиды? Можно ли восчувствовать все блаженство прощенія грѣховъ своихъ тому, кто не простилъ самъ должнику своему неоплатнаго долга, кто не избавилъ когда-либо несчастнаго изъ темницы, куда заключило его корыстолюбіе и лихоимство, у кого въ сердцѣ таится зависть, недоброжелательство и злоба къ ближнему? Можно ли постигнуть, сознать и восчувствовать все величіе безконечной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, и упиться, по выраженію пророка, чувствомъ благоговѣнія и восторга тому, кто не расширилъ сердца своего любовію ко всѣмъ собратіямъ своимъ — человѣкамъ, не возвышался духомъ до той высоты самоотверженія и любви, на которой человѣкъ готовъ душу свою положить за братію свою, кто не обнималъ искреннею любовію самыхъ враговъ своихъ, не молился отъ всего сердца за ненавидящихъ и обидящихъ его? Способенъ ли наслаждаться чистою и святою радостію о Господѣ тотъ, кто самъ не обрадовалъ плачущаго, не утѣшилъ скорбящаго, не осчастливилъ несчастнаго, не сочувствовалъ всѣмъ сердцемъ ни скорби ни радости своего ближ-

няго? Очерствѣвшее и озлеменившееся сердце себялюбиваго и корыстолюбиваго челоуѣка способно ли дышать этими небесными чувствованіями мира и радости о Душѣ Святѣ? •

Вотъ почему, братіе мои, святая церковь поучаетъ насъ прежде и паче всего умолять пресвятую Матерь Божию о томъ, чтобы она воздвигла насъ изъ глубины грѣховныя, просвѣтила сердечныя очи наши ко зрѣнію спасенія, оживотворила сердца наши духомъ благочестія и страха Божія, духомъ чистоты и правды, духомъ любви и милосердія. Будемъ просить у Нее этого первѣйшаго блага! Тогда будемъ способны и достойны видѣть и ощущать благодатный покровъ ея надъ собою. Аминь.

ЮАННЪ КАЛЬВИНЪ—РЕФОРМАТОРЪ XVI ВѢКА*).

III.

Мартинъ Буцеръ, одинъ изъ ученыхъ поборниковъ реформации XVI столѣтія въ городѣ Страсбургѣ, съ 1533 года знакомый съ Кальвиномъ по перепискѣ, а съ 1536 года лично, прежде другихъ понялъ и оцѣнилъ реформаторскій талантъ автора „Наставленія въ христіанской вѣрѣ.“ Только-что вышло въ свѣтъ это сочиненіе, Буцеръ приглашалъ автора его въ Страсбургъ для совѣтовъ по устройству церковныхъ дѣлъ въ существовавшей здѣсь протестантской общинѣ. По изгнаніи Кальвина изъ Женевы, Буцеръ немедленно рѣшился употребить всѣ усилія къ тому, чтобы вызвать его сюда изъ Базеля. „Такъ трогательно онъ упрашивалъ насъ и выражалъ сожалѣніе о насъ,— писалъ Кальвинъ къ Вире, что эта печаль мужественнаго чело­вѣка еще болѣе увеличивала нашу глубокую скорбь“¹⁾. Подъ живыми впечатлѣніями печальнаго своего положенія Кальвинъ вовсе не былъ расположенъ выступить на какую-либо общественную дѣятельность. „Прежде всего лежитъ на моей душѣ забота не предпринимать никакой новой борьбы, не подавать никакого повода къ ненависти, писалъ Кальвинъ Фарелю изъ Базеля. „Лучше хотѣлось бы совсѣмъ уступить нашимъ врагамъ, чѣмъ своимъ сосѣдствомъ возбуждать въ нихъ какое-либо

* См. кн. „Прав. Об.“ за май и августъ текущаго года.

¹⁾ Stähel. 1, 165.

подозрѣніе“^{*)}). Послѣ женеvскихъ тревогъ Кальвинъ прежде всего искалъ себѣ покоя. Ктому же мѣстомъ служенія, къ которому приглашалъ его Буцеръ, былъ нѣмецкій городъ, а онъ, какъ извѣстно, не говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Но послѣ настоятельныхъ увѣщаній Буцера, въ которыхъ Кальвинъ видѣлъ заклинанія, подобныя тѣмъ, которыми произвелъ на него потрясающее дѣйствіе Фарель въ Женевѣ,—наконецъ по совѣтамъ Фареля и Гриня, Кальвинъ уступилъ имъ. Въ предисловіи къ „Толкованію псалмовъ“ онъ говоритъ: „я, какъ Іона, устрашенный въ глубинѣ души, послѣдовалъ увѣщанію, которое влекло меня на новое поприще учительства.“^{*)} Къ концу сентября 1538 года Кальвинъ отправился въ Страсбургъ. Онъ едва ли могъ найти лучшую школу для усовершенія реформаторскаго своего таланта, какою былъ для него Страсбургъ. По своему географическому и политическому положенію этотъ городъ имѣлъ важное значеніе въ историческихъ религіозныхъ движеніяхъ того времени. Стоя близъ границъ Франціи и Швейцаріи на рейнской большой дорогѣ, онъ былъ однимъ изъ очаговъ реформаторскихъ стремленій XVI вѣка. Въ одно и то же время волнуемый приливами Виттенбергской и Цюрихской реформациі и поддерживавшій связь съ оппозиціею католицизма въ романскихъ странахъ, Страсбургъ за своими гостепріимными стѣнами давалъ пріютъ изгнанникамъ за вѣроисповѣдныя убѣжденія; особенно французскіе эмигранты удалялись въ него отъ преслѣдованій въ отечествѣ, считая его для себя „новымъ Іерусалимомъ.“ Страсбургъ посѣщали поборники реформациі Эколампадій, Буллингеръ, Бренцъ и друг. Когда же между Лютеромъ и Цвингли возникъ споръ о таинствѣ причащенія, прозвѣдшій раздѣленіе между единомысленными доселѣ протестантами, въ Страсбургѣ открыто высказана была мысль о принименіи лютеранъ и послѣдователей Цвингли и страсбургскіе богословы, особенно стоявшій во главѣ ихъ Буцеръ, не мало употребляли попытокъ къ соглашенію разномыслящихъ^{*)}). Такимъ

*Страсбургъ
работалъ
со реформаци
таинствъ*

*) Stäbel. 1, 164.

*) Opp. Calv. tom. III editio A.

*) См. Rullinger's Leben Bucers und Pestalozzi's въ изданіи Väter und Begründer R. K.

образомъ Страсбургъ подавалъ руку примиренія и соеѣдямъ своимъ Швейцарцамъ и единоплеменникамъ Нѣмцамъ Сѣверной Германіи: несмотря на ихъ разногласіе въ ученіи о причащеніи одинаково входитъ съ ними въ церковное общеніе⁴⁾. Понятно, какъ благопріятно развитію реформаторскихъ идей Кальвина могло быть пребываніе его въ Страсбургѣ. До сего времени Кальвинъ ограничивалъ свою дѣятельность неширокою областью. Но съ переселеніемъ въ Страсбургъ онъ вступалъ въ живыя отношенія ко всему протестантскому міру.

Въ Страсбургѣ Кальвинъ, по предложенію Буцера, принялъ должность проповѣдника протестантской общины французскихъ эмигрантовъ, для которыхъ насущною потребностію было слушать ученіе слова Божія на родномъ ихъ языкѣ. Но Кальвинъ не ограничился только проповѣдію, онъ рѣшился изъ общины своихъ земляковъ устроить по своему плану такую церковь, которая могла бы быть образцомъ для протестантовъ во всей Франціи⁵⁾. Для этого онъ встрѣтилъ здѣсь благопріятныя условія. Городской магистратъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій въ средѣ иностранцевъ; между ними не было партій, которыя бы ставили препятствія къ осуществленію его плана. Въ обществѣ Французовъ, покинувшихъ свое отечество ради протестантскихъ убѣжденій, не было привязанности къ католическому и не было недостатка ревности къ евангелическому исповѣданію. Поэтому тѣ проекты реформаціи, которые встрѣчали противодѣйствіе въ Женевѣ, нетрудно было ему осуществить въ Страсбургѣ. Образцомъ для церковной организаціи послужили навѣтъ учрежденія, которыя Кальвинъ пытался ввести въ Женевѣ, такъ иъкоторыя и новыя, уже существовавшія въ Страсбургской церкви. Здѣсь введено было пресвитеріальное церковное управленіе по плану Ламберта и Эколампадія. Кроме

*пресвитеріальное
о Французской*

⁴⁾ Ce fut dans Argentine, говоритъ католическій писатель Floritoud de Remond (I, p. 838), qu'ils appelloient la nouvelle Jerusalem, laquelle se glorifie d'estre voisine de la France, où l'heresie à plusieurs testes dressa son arsenal et recueillit une partie de ses forces, pour la venir assaffir. Ce fut la retraite et le rendez—vous des Lutheristes et Zvingliens, sous la conduite de Martin Bucer, grand ennemi du nom catholique. Ce fust le receptacle des bannis de la France et l'hostesse de celui, etc. cf. Kampschul. B. 1. 5. 323.

⁵⁾ См. письмо Кальвина къ Фарелю у Henry. 1, 215.

проповѣдниковъ, въ Страсбургѣ избирались изъ міранъ старшинны, обязанные слѣдить за нравственностію членовъ церковной общины и діаконы, завѣдывавшіе дѣлами церковной благотворительности. Должности пасторовъ, старшинъ и діаконввъ, равно какъ и собранія этихъ служителей церкви учредилъ Кальвинъ въ общинахъ своихъ земляковъ. Всѣ они каждый четвертокъ собирались вмѣстѣ для молитвы, объясненія Библии и совѣщаній по дѣламъ церковнымъ. Кромѣ того Кальвинъ, обязавши своихъ единовѣрцевъ всѣхъ безъ исключенія пріобщаться каждый мѣсяцъ, установилъ предварительное приготовленіе къ нему чрезъ испытаніе. Объ этомъ новомъ для протестантовъ своемъ установленіи Кальвинъ писалъ Фарелю: „до сихъ поръ вѣрующіе обыкновенно прямо приступали къ причащенію. Теперь, назначивши въ первый разъ совершеніе этого священнодѣйствія въ Пасху, я объявилъ, что никто не будетъ допущенъ къ нему, если не будетъ испытанъ мною“ 7). Въ чемъ состояло такое испытаніе, объясняетъ самъ Кальвинъ въ другомъ письмѣ къ Фарелю 8) по случаю неправильныхъ толковъ о значеніи его: „когда наступаетъ день совершенія вечера Господней, я съ каедръ прежде всего требую, чтобы готовящіеся къ пріобщенію непременно явились ко мнѣ и исповѣдались предо мною и въ то же время объясняю, зачѣмъ я этого требую, именно: а) за тѣмъ, чтобы наставить въ истинахъ спасенія тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ понятій о нихъ; б) я обращаюсь къ сердцу тѣхъ, которые нуждаются въ особенномъ увѣщаніи, почитаю нужнымъ успокоить и утѣшить смущающихся и чувствующихъ страхъ въ совѣсти. Но чтобы простые и непонимающіе, которые не умѣютъ видѣть различіе между установленіемъ Христа и тиранніею антихриста, не подумали, что хотятъ возложить на нихъ новое иго рабства, я объясняю самымъ недвусмысленнымъ образомъ, что совѣмъ отвергаю папскую исповѣдь и подробно указываю основанія, почему я отвергаю ее. Затѣмъ я повторяю, какъ вообще отвратительны заблужденія, вкравшіяся въ церковь Христову и какъ не позволительно обя-

7) Stahel. 1, 172.

8) Ib. 173.

зывать совѣсть какими-либо человѣческими установленіями, такъ какъ Господь есть единственный законодатель, заповѣди котораго безусловно обязательны для насъ; потому я указываю, что упомянутыми требованіями нисколько не нарушается христіанская свобода, такъ какъ я не требую ничего, кромѣ заповѣданнаго самимъ Господомъ... Кто ищетъ высшаго общенія съ церковію, тотъ не долженъ стыдиться исповѣдывать предъ нею свою вѣру, и какой стыдъ и какое печальное и неприличное для церкви было бы состояніе, еслибы она къ величайшему таинству допускала тѣхъ, которыхъ она совершенно не знаетъ или въ настроеніи которыхъ съ какой-либо стороны имѣетъ серьезное сомнѣніе? Дѣло это касается не церкви только вообще, но лежитъ на обязанности каждаго пастыря. Онъ долженъ совершать и преподавать дары благодати, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не повергать ихъ предъ псами или свиньями, не преподавать ихъ безразлично достойнымъ и недостойнымъ. Но какъ бы онъ могъ правильно исполнить этотъ долгъ, соединенный съ его отвѣтственностію, еслибы твердый порядокъ не давалъ ему возможности узнать, кто достоинъ и кто недостоинъ? Послѣ всего этого я объясняю въ немногихъ словахъ, какъ необходимо и полезно такое установленіе для спасенія души и внутренней жизни каждаго⁹⁾. Что послѣ испытанія нѣкоторые изъ вѣрующихъ были отлучаемы отъ причащенія, это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ Кальвинъ пишетъ къ Фарелю объ одномъ студентѣ, въ продолженіе мѣсяца опускавшемъ проповѣдь и предававшемся игрѣ и пьянству, что онъ остановилъ его, когда тотъ не раскаявшись рѣшился приступить къ священнѣйшему таинству. На представленія Кальвина, обращенныя къ молодому человѣку, послѣдній отвѣчалъ, что онъ не папистъ и потому не долженъ исповѣдываться. „Но все же ты христіанинъ, замѣтилъ ему я, и если ты отказываешься отъ исповѣданія грѣховъ, безъ котораго нѣтъ отпущенія, то ты тѣмъ самымъ отлучаешь себя отъ трапезы Господней“¹⁰⁾. Въ Страсбургѣ община протестантовъ изъ Французовъ подѣ управле-

⁹⁾ I Bonnet. 1. p. III.

¹⁰⁾ I. Bonnet 1. p. III; cf. Stähel. 1, 174.

ніемъ Кальвина въ короткое время приобрѣла извѣстность; нѣкоторые пасторы передавали одинъ другому о новыхъ ея учрежденіяхъ ¹¹⁾).

Съ должностію пастора Кальвинъ совмѣщалъ должность учителя въ основанной Штурмомъ Страсбургской академіи. Черезъ два мѣсяца по прибытіи своемъ, Кальвинъ по настоянію Капитана принялъ на себя чтеніе библейскихъ лекцій въ этой академіи. Онъ объяснялъ евангеліе отъ Іоанна, затѣмъ посланіе ап. Павла къ Римлянамъ. Читая свои лекціи три раза въ недѣлю, онъ принималъ участіе въ академическихъ богословскихъ диспутахъ, которые почитались главнымъ образовательнымъ средствомъ ¹²⁾. Управляя диспутами, онъ давалъ мѣсто полемикѣ противъ католической системы. По свидѣтельству Штурма, слава Кальвина, какъ учителя священнаго Писанія, скоро распространилась и внѣ Страсбурга. Многіе любознательные юноши и даже ученые мужи приходили слушать его уроки ¹³⁾. При такой извѣстности Кальвина, городской магистратъ почтилъ его правомъ гражданина и приглашалъ его на совѣщанія по самымъ важнѣйшимъ церковнымъ вопросамъ ¹⁴⁾. Особенно вниманіе заслужилъ Кальвинъ обращеніемъ въ протестанство анабаптистовъ; которые до того времени еще при Мелхіоръ-Госманѣ смотрѣли на Страсбургъ какъ „на новый Сіонъ“. Между ними мы встрѣчаемъ Германа фонъ-Лютиха, который въ 1537 году въ Женевѣ вступалъ въ жарія съ нимъ пренія. Тѣперь онъ обратился къ Кальвину за совѣтомъ и послѣ непродолжительныхъ бесѣдъ о свободной волѣ, о божеской и человѣческой природѣ Иисуса Христа, возрожденіи и крещеніи дѣтей и другихъ истинахъ вѣры, согласился, что въ ядрѣхъ протестанства—истинная церковь. У анабаптистовъ Кальвинъ пользовался такимъ уваженіемъ, что даже изъ окрестностей Страсбурга они приводили къ нему своихъ дѣтей для крещенія ¹⁵⁾.

При такихъ обстоятельствахъ Кальвинъ чувствовалъ себя въ

¹¹⁾ Kampschul. B. 1. S. 324.

¹²⁾ Opp. Calv. Vol. V p. LV proleg.

¹³⁾ Henry, 1, 224—6.

¹⁴⁾ Beza, p. 9.

¹⁵⁾ J. Bonnet. Lettr. II, 578; Opp. Calv. Vol. VI p. XVIII prolegom.

нѣмецкомъ городѣ канъ въ родномъ и здѣсь рѣшился вступить въ бракъ подобно Лютеру, Меланхтону и другимъ. Осенью 1540 года кроткая, скромная и экономная вдова анабаптиста Иделетта Буре стала его женою. Съ этою, по свидѣтельству Беаки, *gravè honestaque foemina* Кальвинъ жилъ только десять лѣтъ и имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей, которыя впрочемъ скоро умерли.

Но въ Страсбургѣ важнѣе проповѣдей, лекцій и обращенія анабаптистовъ были ученыя труды Кальвина, которымъ отъ другихъ своихъ занятій онъ умѣлъ удѣлать время. Здѣсь онъ, мало довольный первымъ изданіемъ Наставленія въ христіанской вѣрѣ ¹⁶⁾, предпринялъ переработку его. Вышедшее въ свѣтъ въ 1539 году страбургское изданіе „Наставленія“ есть одна изъ важныхъ его обработокъ ¹⁷⁾. Кальвинъ въ теченіе трехъ лѣтъ, протекшихъ послѣ базельскаго изданія, обогатившись опытами практической дѣятельности въ Женевѣ и Страсбургѣ въ борьбѣ съ иномыслищими, каковы анабаптисты, католики и другіе, и учеными трудами по визегесу св. Исаіи въ Страсбургской академіи, значительно дополнилъ и расширилъ это сочиненіе, которое стоитъ у него во главѣ всѣхъ его богословскихъ трудовъ и что особенно примѣчательно, передѣлалъ съ научною цѣлію дать руководство изучающимъ богословіе и въ особенности св. Писаніе ¹⁸⁾. Наставленіе въ христіанской вѣрѣ въ страбургскомъ изданіи стало примѣчательнымъ произведеніемъ въ области протестантской теологіи XVI вѣка. Другимъ плодомъ ученыхъ занятій Кальвина въ Страсбургѣ было объясненіе на посланіе къ Римлянамъ, посвященное Гриніею ¹⁹⁾: это былъ одинъ изъ капитальныхъ истолковательныхъ трудовъ Кальвина. Матеріаломъ для сего служили какъ академическія его чтенія, такъ и объясненія, произнесенныя имъ въ церкви св. Николая. Не менѣе замѣчательнаго изданія имъ въ 1540 году на французскомъ языкѣ небольшой трактатъ о святой Вечери Господа нашего

¹⁶⁾ См. предисл. къ Страсб. изд. Наставленія. Opp. Calv. Vol. I, p. 255; prolegom. XXXII et. Vol. III, XXII Introd. ed. A.

¹⁷⁾ Ib. Vol. II. p. 255. Оно вышло подъ такимъ заглавіемъ: *Institutio Christianae Religionis nunc vere demum suo titulo respondens.*

¹⁸⁾ Ib. Vol. II. p. 255.

¹⁹⁾ Opp. Calv. T. III ed. Amst.

Исуса Христа ²⁰⁾. Въ немъ Кальвинъ представилъ свой опытъ примиренія ученія Лютера и Цвингли о таинствѣ Причащенія, что, какъ мы знаемъ, занимало умы страсбургскихъ богослововъ. Разсмотрѣвши воззрѣнія Лютера и Цвингли на это таинство и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе Эколампадія, Кальвинъ въ заключеніе говоритъ, что взгляды ихъ въ сущности правильны и здравы и одна только страстность споровъ удаляетъ ихъ отъ истины; по этому не должно произносить поспѣшныхъ и несправедливыхъ сужденій о двухъ этихъ мужахъ, но нужно не забывать великихъ благодѣяній и милости, которыя Богъ явилъ чрезъ нихъ людямъ. Вѣрующіе должны надѣяться на примиреніе спорящихъ сторонъ, но это возможно подъ тѣмъ условіемъ, если всѣми будетъ принято мнѣніе Кальвина о духовномъ причащеніи ²¹⁾.

Пребываніе Кальвина въ Страсбургѣ имѣетъ значеніе для него, какъ реформатора, еще потому, что онъ теперь обратилъ свое вниманіе на германскій міръ и познакомился съ состояніемъ въ немъ протестанства, вошелъ въ письменныя сношенія съ нѣмецкими богословами при посредствѣ обширныхъ связей Буцера. Такъ онъ въ октябрѣ 1538 года сталъ переписываться съ Меланхтономъ по вопросамъ вѣры, и самъ Лютеръ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ изданное имъ сочиненіе о тайной Вечери, доставленное ему чрезъ книгопродавца Гольтца ²²⁾.

Ходъ событій скоро вызвалъ Кальвина принять участіе въ дѣлахъ нѣмецкой реформачіи въ Германіи. Время пребыванія его въ Страсбургѣ совпадаетъ съ временемъ сейшовъ, собиравшихся въ разныхъ городахъ Германіи для примиренія (уніи) протестантовъ и католиковъ чрезъ взаимныя уступки. Около этого времени шмалькальденскіе союзники и лютеранскіе богословы

²⁰⁾ Petit traité de la sainte cene de nostre seigneur Iesus Christ, auquel est démontré la vraie institution, profit et utilité d'icelle, ensemble la cause pourquoy plusieurs des modernes semblent en avoir écrit diversement. Opp. Calv. Vol. V p. 429—460 et prolegom. XLIX—L ed. B.

²¹⁾ Opp. Calv. Vol. V, 460. Подробное разсмотрѣніе этого сочиненія и этого ученія мы сдѣлаемъ въ трактатѣ о богословской дѣятельности Кальвина.

²²⁾ Лютеръ писалъ Буцеру: Saluta mihi Sturmium et Calvinum reverenter quorum libellos singulari cum voluptate legi. ex. Opp. Calv. Vol. V, LVI proleg.

приобрѣтали реформаціи успѣхъ за успѣхомъ. Обширныя провинціи на сѣверѣ и югѣ Германіи отлагались отъ католической церкви, ей угрожали новыя отпаденія. Императоръ Карлъ V, желая найти поддержку въ протестантахъ въ предстоящей войнѣ съ Турками, пытался примирить ихъ съ католиками чрезъ взаимное обсужденіе и разрѣшеніе спорныхъ религіозныхъ вопросовъ ²³⁾. Съ конца 1539 года и Кальвинъ на сеймахъ принималъ участіе въ переговорахъ объ уніи между спорящими сторонами. Но бывшія здѣсь конференціи не привели ни къ какимъ практически-важнымъ результатамъ для дѣла реформаціи. Здѣсь намъ придется видѣть только то, какъ относился Кальвинъ къ реформаціи въ Германіи, и какіе практическіе выводы онъ сдѣлалъ для себя, приложенные имъ въ послѣдствіи къ своей дѣятельности. Во Франкфуртѣ въ первый разъ онъ познакомился съ сословіями нѣмецкаго государства и его устройствомъ и видѣлся съ протестантскими богословами Озіандеромъ, Бренцемъ и другими поборниками реформаціи. Изъ нихъ особенно сблизился съ Меланхтономъ, чего давно онъ желалъ, и навсегда остался въ самой искренней съ нимъ дружбѣ ²⁴⁾. Съ этимъ ученымъ теологомъ реформаціи, искреннимъ другомъ и ближайшимъ сотрудникомъ Лютера, онъ разсуждалъ о многихъ церковныхъ вопросахъ, которые тогда составляли живые вопросы времени. До личнаго еще свиданія Кальвинъ письмомъ спрашивалъ Меланхтона, соглашается ли онъ съ мнѣніями его о таинствахъ причащенія, печатно изложенными, или находитъ въ нихъ какія-либо ошибки? Теперь ему весьма пріятно было выслушать лично отъ Меланхтона, что этотъ послѣдній признаетъ ихъ согласными съ своими мнѣніями. Заѣхавъ Кальвинъ въ личнымъ бесѣдакъ съ нимъ, разсуждалъ о церковной дисциплинѣ, о формахъ богослуженія, въ чемъ Швейцарцы и Саксонцы значительно разогласили между собою. Кальвинъ несочувственно отнесся къ немалочисленнымъ обрядамъ, удержаннымъ Лютеромъ изъ католичества, видя въ нихъ іудейство ²⁵⁾.

²³⁾ Ranke's *Deutsch. Gesch. im Zeitalter der Reform.* IV, 192—234; Hagenbach, *Reformation* S. 516—518.

²⁴⁾ *L. Bonnet*, 1, 92.

²⁵⁾ *Bonnet*, 1, 112.

Въ Гагенау, прежде переговоровъ съ католиками, Кальвинъ подписался подъ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ, признаннымъ исповѣданіемъ всего германскаго протестанства, чрезъ что онъ прямо ставился въ ряды нѣмецкихъ протестантовъ. Здѣсь онъ былъ доволенъ тѣмъ, что богословы почти единодушно признали необходимость ввести дисциплину въ протестантской церкви. „Это было самое важное, что мы здѣсь сдѣлали,“ писалъ объ этомъ Кальвинъ ²⁶⁾. Въ Гагенау среди богослововъ личность Кальвина настолько была замѣтна, что онъ не имѣя официальнаго полномочія ²⁷⁾ участвовать въ сеймѣ, вступалъ съ богословами въ разсужденія и сдѣлалъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ впечатлѣніе своею богословскою ученостію и ревностію къ протестантству. Но здѣсь не одни богословскіе вопросы занимали Кальвина. Когда въ 1540 году изданъ былъ эдиктъ во Франціи о преслѣдованіи всѣхъ уклоняющихся отъ католической церкви, какъ государственныхъ преступниковъ, Кальвинъ старался возбудить на сеймѣ въ нѣмецкихъ государяхъ участіе въ положеніи своихъ единовѣрцевъ и писалъ къ королеви Наварской Маргаритѣ, уже извѣстной намъ, чтобы она вступилась за гонимыхъ во Франціи протестантовъ.

Осенью 1540 года Кальвинъ отправился на сеймъ въ Вормсъ какъ уполномоченный магистратомъ города Страсбурга, и Герцогомъ Люнебургскимъ ²⁸⁾. Потому официально принималъ участіе въ переговорахъ, и представители католичества: Эккъ, Кохлей и Мальвенда должны были испытать тяжесть его присутствія. Здѣсь, какъ и во Франкфуртѣ и Гагенау, Кальвинъ не доволенъ нерѣшительностію и уступчивостію нѣмецкихъ богослововъ. По его мнѣнію, нужно было бы начинать переговоры отверженіемъ всего того, что одобрилось папствомъ. Задача сеймовъ, по его убѣжденію, состояла въ раскрытіи предъ нѣмецкою націею дѣйствій папства и его поборниковъ; чрезъ это, по его предположенію, должно пасть само папство. Въ такомъ радикальномъ направленіи Кальвинъ и дѣйствовалъ какъ на

²⁶⁾ Stähel, 1, 152.

²⁷⁾ Opp. Calv. Vol. V, LVI.

²⁸⁾ Opp. Calv. Vol. V, LVI proleg.

самомъ сеймѣ, такъ и внѣ сейма на диспутахъ съ богословами ²⁹⁾).

Вормскій сеймъ, какъ и предшествовавшіе, не привелъ къ униі католиковъ съ протестантами. Въ январѣ 1541 г. созванъ былъ сеймъ въ Регенсбургѣ, куда, въ слѣдствіе убѣжденій Меланхтона, отправился Кальвинъ, какъ уполномоченный отъ города Страсбурга. Папа Павелъ III, употребивъ посредникомъ униі императора Карла V, преслѣдовалъ затаенную свою мысль возвратить протестантовъ въ католическую церковь; а императору представлялъ, что онъ, примиривъ ихъ съ нею, можетъ воспользоваться силами ихъ въ войнѣ, которою угрожали Турки. Съ этою цѣлію папскій легатъ Фарнезъ до открытія сейма отъ имени папы Павла III представилъ императору отеческое увѣщаніе. Чтобы уничтожить дѣйствіе этого увѣщанія, Кальвинъ въ псевдонимной брошюрѣ ³⁰⁾ подъ именемъ Евсевія Памфила разоблачаетъ затаенные виды папы, которыхъ онъ хотѣлъ достигнуть, показывая видъ, будто онъ искренно желаетъ примиренія съ протестантами, а не привлеченія ихъ въ католичество. Тономъ патріота называя Германію „своею“, Кальвинъ возбуждаетъ ее отложиться отъ римскаго первосвященника и прервать съ нимъ союзъ, за который она должна заплатить кровію протестантовъ. По его словамъ, которыя еще прежде повторялись и другими реформаторами, Христосъ не можетъ имѣть ничего общаго съ вельяромъ, божественная истина должна быть сохранена въ чистотѣ, нельзя замѣнить ее ложью и двусмысленностями ³¹⁾. Предъ комиссіею, составленною императоромъ изъ католическихъ и протестантскихъ богословъ для обсужденія поставленныхъ вопросовъ объ оправданіи вѣрою,

²⁹⁾ Во дни переговоровъ, долго и безплодно тянувшихся въ Вормсѣ, Кальвинъ написалъ гимнъ (epinicion) Христу побѣдителю, которымъ приветствовалъ наступленіе новаго 1541 года. Въ этомъ стихотворномъ произведеніи Кальвиномъ высказывается надежда, что Христосъ рано или поздно явится побѣдителемъ святотатственнаго воинства. Opp. Calv. Vol. V. prolegom, XLVIII et p. 425.

³⁰⁾ Consilium admodum paternum Pauli III Pontificis Romani datum Imperatori in Belgis per Cardinalem Farnesium Pontificis Nepotem pro Lutheranis. Anno 1540, et Evsepii Pamphili eiusdem sensillii pia et salutaris explicatio. Opp. Calv. Vol. V, p. 461—508.

³¹⁾ Evsepii Pamphili, explicatio p. 507—8.

первородномъ грѣхѣ, церкви и таинствѣ причащенія, Кальвинъ, какъ онъ самъ говорилъ въ письмѣ къ Фарелю ³²⁾, рѣшительнѣе всѣхъ высказался противъ пресуществованія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христова, противъ храненія и почитанія запасныхъ святыхъ Даровъ, такъ какъ, по его мнѣнью, для этого нѣтъ основанія въ Словѣ Божіемъ и отрицалъ мѣстное присутствіе Тѣла Христова въ таинствѣ Евхаристіи. Меланхтонъ и Буперъ, бывши членами сказанной комиссіи, вслѣдствіе излишней своей ревности о примиреніи съ католиками, по мнѣнью Кальвина, были очень уступчивы въ вопросѣ о пресуществованіи ³³⁾. Католическіе прелаты, изображая печальныя слѣдствія продолжающагося раздѣленія, пытались склонить Кальвина къ соглашенію ³⁴⁾, но онъ поставлялъ условіемъ его полное и рѣшительное принятіе протестантскаго вѣроученія. Кальвину предлагали вступить въ переговоры съ кардиналомъ Контарини ³⁵⁾, но первый отказался отъ сего, не смотря на то, что Контарини примирительно смотрѣлъ на протестантовское ученіе объ оправданіи вѣроу. Нерасположеніе Кальвина къ вождямъ католической партіи доходило до личной къ нимъ ненависти ³⁶⁾. Въ Регенсбургѣ Кальвинъ, вслѣдствіе своего непримирительнаго отношенія къ поборникамъ католичества и несочувствія къ уступчивости и нерѣшительности протестантовъ, тяготился своимъ изолированнымъ положеніемъ ³⁷⁾, неохотно слѣдилъ за ходомъ переговоровъ и даже уклонялся отъ официальныхъ засѣданій. Своими желаніями онъ теперь стремился изъ Регенсбурга. Состояніе реформациі въ нѣмецкомъ государствѣ онъ находилъ несоотвѣтствующимъ тому идеалу, который предносился его сознанію. Непріятно смотрѣлъ на то, что церковная дисципли-

³²⁾ Stäbel. 1, 236.

³³⁾ Stäbel. 1, 237.

³⁴⁾ De scandalis, Opp. Calv. tom. VIII, p. 89, ed. A.

³⁵⁾ См. предисловіе къ толкованію на соборное посланіе. Opp. Calv., t. VII, ed. A.

³⁶⁾ Когда Энкъ, въ продолженіе сейма, тяжело заболѣлъ Кальвинъ не скрылъ своей радости, но когда прошелъ слухъ о его выздоровленіи, Кальвинъ писалъ къ Фарелю: „миръ еще недостойнъ того, чтобы избавиться отъ этого изверга.“

³⁷⁾ Stäbel. 1, 233.

на, за которую онъ крѣпко стоялъ въ Женевѣ, почти не существовала у протестантовъ, равно какъ и на то, что ими удержаны были нѣкоторые обряды изъ католической церкви. Но еще непріятнѣе было для него видѣть духовенство въ подчиненіи свѣтскимъ властямъ. Онъ возмущался тѣмъ, что въ Германіи образованные, достойные всякаго уваженія пасторы, не смотрѣвшіе снисходительно на пороки общества, были отрѣшаемы отъ должностей магистратами и изгонялись, какъ это случилось въ Ульмѣ и Аугсбургѣ. Ниспроверженіе богоучрежденнаго порядка и униженіе духовнаго служенія Кальвинъ видѣлъ въ зависимости нѣмецкихъ богослововъ отъ князей и курфюрстовъ даже на сеймахъ при разсужденіяхъ о предметахъ вѣры ³⁸⁾. Не видя хорошаго результата для дѣла реформациі отъ своего пребыванія въ Регенбургѣ, Кальвинъ до окончанія сейма оставилъ этотъ городъ и въ половинѣ іюля былъ уже въ Страсбургѣ. Въ 1541 году, по примѣру Меланхтона, Буцера и другихъ участвовавшихъ въ регенбургскомъ сеймѣ, написавши отчетъ ³⁹⁾ о происходившихъ на сеймахъ переговорахъ, Кальвинъ объяснял бѣдныя результаты ихъ для уни протестантовъ и католиковъ многими затрудненіями, которыя были противопоставлены этому дѣлу, но главную причину, почему не оправдались надежды на унию, находилъ въ томъ, что антихристъ (разумѣется папа) еще сидитъ. Впрочемъ Кальвинъ не сомнѣвался въ окончательной побѣдѣ реформациі.

Возвратившись изъ Германіи въ Страсбургъ, Кальвинъ не долго здѣсь оставался, потому что онъ былъ связанъ своимъ обѣщаніемъ возвратиться туда, откуда за три года предъ тѣмъ былъ изгнанъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали его въ Женевѣ. Здѣсь подготовилась чрезвычайная перемѣна въ убѣжденіяхъ. Къ разъясненію того, какъ она произошла, переходимъ теперь.

По изгнаніи въ 1538 году Кальвина и Фареля изъ Женевы, на ихъ мѣсто избраны были совѣтомъ города два проповѣдника

³⁸⁾ Henry 1, 221 и дал.

³⁹⁾ Les actes de la journée imperiale, tenue en la cite de Regensburg, autrement dicte Ratispone, l'an mil cinq cens guarant et un sur les differens qui sont auiordhuyen la religion. Opp. Calv. V. V; p. 509—684 и Prol. LVI—VII.

изъ туземцевъ: Іакова Бернарда и Генрихъ де ла Маре, къ нимъ присоединены еще два изъ Берна Морандъ и Марку (Магсоит). Новые проповѣдники далеко не пользовались въ женевскомъ обществѣ вліяніемъ и авторитетомъ своихъ предшественниковъ. Правительство города относилось къ нимъ какъ къ своимъ подвластнымъ, и съ своей стороны проповѣдники старались угодить ему безпрекословнымъ исполненіемъ его требованій по дѣламъ церкви. Такъ чрезъ мѣсяцъ по удаленіи Фареля и Кальвина, по распоряженію правительства, въ Женевѣ введены были церковные обряды бернскіе. Пренія дисциплинарныя правила хотя и не были отмѣнены, но къ нарушителямъ ихъ не всегда строго примѣнялись наказанія, какъ это было при реформаторахъ, потому что сами члены городского совѣта не сознавали важности церковной дисциплины. Съ начала 1539 года наказанія за нравственные проступки, если они не имѣли уголовного характера, не были уже примѣняемы къ гражданамъ, а въ мартѣ мѣсяцъ заявлено было совѣту, чтобы отмѣнена была присяга въ принятіи формы исповѣданія. Несмотря на то женевское правительство сообщало бернскому, что въ городѣ все въ порядкѣ, все умиротворено и всѣ граждане единодушны ⁴⁰⁾. Но скоро правительству пришлось убѣдиться, что въ Женевѣ не все умиротворено, не всѣ единодушны.

Въ Женевѣ остались сторонники и приверженцы реформаторовъ, которые осуждали опредѣленіе генеральнаго собранія объ изгнаніи ихъ. Составляя въ свое время меньшинство, они не сильны были противодѣйствовать большинству гражданъ, но когда прошелъ первый пылъ страстей, они стали возвышать въ обществѣ сначала единичные голоса противъ изгнанія реформаторовъ. Въ маѣ мѣсяцъ одинъ изъ женевцевъ открыто заявлялъ, что новые слѣдники, враги реформаторовъ, поставили для себя задачу терпѣть въ городѣ распущенность нравовъ. Другой говорилъ, что евангеліе, которое возвѣщается теперь, недолго устоитъ ⁴¹⁾. Распространителей невыгодныхъ отзыовъ о религиозно-нравственномъ состояніи женевского общества явилось немало. Сожалѣніе объ изгнанныхъ пастыряхъ и сочувствіе къ

⁴⁰⁾ Kamperschul 364.

⁴¹⁾ Kamperschul. B. 1. S. 347.

нимъ раздѣляли и тѣ, которые прежде тяготились неуиѣренными и настойчивыми ихъ требованіями. Недовольные новымъ положеніемъ дѣлъ организовались въ партію крѣпкую единодушнымъ и энергією. Въ женевскомъ обществѣ членовъ этой партіи презрительно называли гиллерминами (guillermains) по имени учителя Гилльома, какъ обыкновенно народъ называетъ Фареля. Гиллермины не хотѣли знать тѣхъ проповѣдниковъ, которые избраны были совѣтомъ города, вслѣдствіе чего перестали посѣщать богослуженіе совершаемое ими и не хотѣли принимать отъ нихъ причащеніе. Гиллермины стояли въ живой связи съ Кальвиномъ, особенно съ Фарелемъ, поселившимся въ сосѣднемъ Нейбургѣ. Центромъ реакціи и какъ бы очагомъ возбуденій противъ проповѣдниковъ Женевы и правительства была школа ⁴²⁾ состоявшая прежде въ вѣдѣніи реформаторовъ. Начальникомъ ея былъ французъ Сонье, въ 1536 году приглашенный на эту должность Фарелемъ и смотрѣвшій на участь постигшую почтенныхъ имъ реформаторовъ какъ на собственное несчастье. Въ школѣ придумывалось все, чѣмъ только можно было поставить въ затрудненіе правительство; возбуждалось недовѣріе къ новымъ проповѣдникамъ, глумились надъ ихъ проповѣдями, отсюда распространялись въ народѣ внушенія уклоняться отъ самаго богослуженія, совершаемаго ими. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ совѣтъ удалилъ изъ школы двухъ помощниковъ Сонье. Но этимъ не была прекращена агитація противъ проповѣдниковъ. Общество охотно слушалось внушеній выходившихъ изъ школы. Кальвинъ и самъ и чрезъ Фареля увѣщевалъ своихъ братьевъ не производить раздѣленій и не возмущать мира и согласія въ женевской общинѣ ⁴³⁾. Совѣтъ города рѣшился наконецъ нанести ударъ оппозиціи въ самой главѣ ея. Около праздника Рождества онъ потребовалъ отъ Сонье приобщиться по обряду бернскому. Сонье отказался и за то изгнанъ былъ изъ города. Тогда же оставилъ Женеву и единомыслящій съ нимъ Карде, въ свое

⁴²⁾ Kampschul. В. 1, 348.

⁴³⁾ См. письмо Кальвина отъ 10 октября къ „вѣрнопробывающимъ остаткамъ разрушенной церкви женевской, своимъ братьямъ о Господѣ“. Bonnet I, II et. Stähel. I, 284 и письма къ Фарелю отъ 24 окт., Bonnet. I, 77 et. Stähel. I, 287.

время бывшій наставникомъ Кальвина. Но сторонники реформаторовъ ⁴⁵⁾ довели дѣло до того, что 31 декабря 1538 года четыре женевоскихъ проповѣдника вида, что граждане Женевы чуждаются ихъ, ненавидятъ и поносятъ, подали въ совѣтъ прошеніе объ увольненіи ихъ отъ должности. Но совѣтъ не уволилъ ихъ, но и не нашелся, что сдѣлать въ ихъ пользу въ затруднительномъ ихъ положеніи.

Отношеніемъ общества женевокаго къ своимъ проповѣдникамъ воспользовалась партія приверженцевъ католичества, оставшихся еще въ Женевѣ, и замышляла возстановить его въ городѣ. Въ это время еще живъ былъ Петръ de la Baume, прежній епископъ женевоскій, который послѣ своего изгнанія все еще носилъ этотъ титулъ. Въ старцѣ ожива теперь надежда возвратитъ себѣ власть надъ городомъ. На конференціи въ Лионѣ составившейся по благословенію папы изъ прелатовъ, кардиналовъ и епископовъ, положено было обратиться къ правительству и гражданамъ Женевы съ пастырскимъ посланіемъ, чтобы они отреклись отъ реформаци и возвратились въ нѣдра католической церкви. Написать посланіе было поручено одному изъ образованныхъ кардиналовъ Салолету епископу Шарцентра ⁴⁶⁾. Кардиналъ въ посланіи ⁴⁶⁾ „къ вѣрнымъ братьямъ, синдикамъ, совѣту и гражданамъ женевоскимъ“ съ большимъ тактомъ избѣгаетъ укоризнь населенію города за отпаденіе отъ католической церкви, приписываетъ это безпокойнымъ чужестранцамъ, которые вездѣ нарушаютъ христіанскій миръ и единодушіе. „О, если бы отторгшіеся отъ церкви, говорится между прочимъ въ посланіи, открыли свои глаза, чтобы видѣть, и разумъ, чтобы изслѣдовать! они увидѣли бы съ одной стороны единую основанную Христомъ католическую церковь, всегда руководимую Духомъ Божиимъ, преподающую благословенія и твердо стоящую, съ другой—непостоянныхъ, безымянныхъ, огорченныхъ

⁴⁵⁾ См. письмо Кальвина отъ 15 марта 1539 г. къ „разрушеннымъ остаткамъ церкви Христовой въ Женевѣ“. Stähel. I. 288—9.

⁴⁶⁾ Opp. Calv. v. V, XLIV—V prolegom.

⁴⁶⁾ Iacobi Sadoleti Romani Cardinae is epistola ad senatum populumque Genevensem, qua in obedientiam Romani Pontificis eos reducere conatur. Opp. Calv. v. V, p. 365—84. ed. B.

людей, которыхъ здѣсь и тамъ гонять и которые не знаютъ, гдѣ найти себѣ покой.“ Посланіе Садолета отправлено было съ нарочитымъ въ совѣтъ синдиковъ и онъ не отказался принять его. Католическая партія въ Женевѣ, не видѣвшая въ правительствѣ противодѣйствія своимъ видамъ, поспѣшила распространить въ спискахъ посланіе и сопровождала его отзывами одобренія. Кальвинисты вѣ себя отъ негодванія обвиняли городскій совѣтъ въ сочувствіи къ католичеству. Поспѣшили послать въ Страсбургъ съ нарочитымъ экземпляръ Садолетова посланія. Кальвинъ не замедлилъ прислать отвѣтъ на него. Въ этомъ отвѣтѣ онъ говоритъ, что хотя теперь онъ свободенъ отъ служенія женевской церкви, тѣмъ не менѣе чувствуетъ отеческую любовь къ ней въ своемъ сердцѣ, которое неразрывно связано съ нею тѣмъ союзомъ, которымъ самъ Богъ соединилъ. Поэтому онъ не можетъ покойно смотрѣть, будутъ ли или не будутъ обольщены тѣ, въ спасенія которыхъ состоитъ задача его жизни. Это обязываетъ его стоять за тѣхъ, для кого онъ назначенъ стражемъ, и охранять жизнь близкихъ его душъ. Выказавши такія чувства, Кальвинъ переходитъ къ опроверженію посланія кардинала: въ рѣзкихъ чертахъ изображая испорченность католической церкви, онъ немилосердно рукою разрушаетъ начертанный ученымъ кардиналомъ образъ ея, какъ истинной церкви, и защищаетъ основные догматы своего вѣроученія ⁴⁷⁾. Дѣйствіе, произведенное этимъ посланіемъ Кальвина на умы женевцевъ, было необычайное. Особенное впечатлѣніе произвело на нихъ увѣреніе Кальвина въ своей неизмѣнной любви къ прежнимъ своимъ пасомымъ, къ которымъ привязано сердце его неразрывнымъ союзомъ. Гиллермины заранѣе предвидѣли побѣду своего дѣла: они распространили въ городѣ списки Кальвинова посланія ⁴⁸⁾. Слухъ о попыткѣ католической партіи возстановить римское исповѣданіе, распространившійся въ сосѣднихъ городахъ, побудилъ Бернъ отправить въ Женеву пословъ съ напоминаніемъ о сохраненіи въ чистотѣ евангелической вѣры. Совѣтъ города волею или неволею дол-

- ⁴⁷⁾ I. Calvini Responsio ad epistolam Iacobi Sadoleti. Opp. Calv. v. V. p. 365—416; ed. B.

⁴⁸⁾ Gaberel Histoire de l'Eglise de Genève 1, 312 cf. Stähel. 1, 304.

женъ былъ принятъ за католиковъ. Назначено было слѣдствіе надъ католическимъ духовенствомъ, замыслившимъ возстановить католичество въ Женевѣ, которое по изгнаніи реформаторовъ возвратилось въ нее. Отъ духовенства перешли и къ гражданамъ, стоявшимъ за старую вѣру: слѣдовали аресты изгнанія изъ города, конфискація имѣній. Послѣ слѣдствій 30-го марта 1540 года повелѣно было совѣтомъ всѣ иконы, какія еще оставались въ частныхъ домахъ, отыскать и отобрать. Такъ кончилась попытка партіи католиковъ потрясти дѣло реформации въ Женевѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ эта попытка заставила почувствовать нужду въ Кальвинѣ. Самъ совѣтъ синдиковъ опредѣлялъ напечатать на городскія деньги отвѣтъ Кальвина Садолету, равно какъ и самое посланіе послѣдняго, какъ бы для того, чтобы всякій могъ видѣть разность между тѣмъ и другимъ сочиненіемъ. Въ то же время напечатанъ былъ переводъ Кальвинова отвѣта на французскомъ языкѣ съ тою цѣлю, чтобы и простой народъ могъ читать это сочиненіе ⁴⁹⁾. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ примиренію между реформаторомъ и его противниками. Съ этого времени въ Женевѣ болѣе и болѣе стали обращаться желаніями къ Страсбургу, чтобы оттуда прибылъ учитель положить конецъ церковнымъ нестроеніямъ.

При такомъ настроеніи умовъ въ женевскомъ обществѣ, партія кальвинистовъ рѣшилась совсѣмъ уничтожить членовъ правительства враждебныхъ ихъ главѣ, и для этого не упустила случая воспользоваться политической ихъ ошибкою. Въ 1539 году городскими правителями заключенъ былъ съ Берномъ договоръ, по которому между другими статьями (article) небольшая часть территоріи близъ Женевы предоставлялась Берну. Сторонники Кальвина обвинили въ государственной измѣнѣ артикулянтовъ (такъ называли синдиковъ, заключившихъ этотъ договоръ, и ихъ приверженцевъ). Народъ, подстрекаемый гиллерминами, потребовалъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу и четыре синдикана совѣта были одни изгнаны изъ города, другіе казнены. Мѣсто ихъ заняли граждане преданные Кальвину.

⁴⁹⁾ Opp. Calv. v. V, caput VII, p. XLIV—XLV, proleg. ed. B.

При такой перемѣнѣ въ составѣ правительства, служеніе въ Женевѣ бернскихъ проповѣдниковъ Марку и Моранда, къ которымъ до интригамъ гиллерминовъ женевское общество относилось презрительно, стало невозможнымъ. Они отказались отъ своихъ должностей и возвратились въ свой городъ. Съ новымъ выборомъ членовъ въ городскіе совѣты изъ гражданъ стоявшихъ за Кальвина или по крайнѣй мѣрѣ не расположеннымъ къ нему непріязненно, 17 іюня 1540 года внесена была петиція возстановить прежній порядокъ въ церковныхъ дѣлахъ, установленный въ Женевѣ три года тому назадъ. Сторонники Кальвина теперь убѣждали его занять прежнее мѣсто въ Женевѣ. Но онъ на первый разъ, не уступилъ этимъ убѣжденіямъ: „когда я подумаю о томъ, писалъ онъ Фарелю, какую жизнь я проводилъ въ Женевѣ, то ужасъ овладѣваетъ моею душою. Послѣ Бога, ты мой первый свидѣтель, что я такъ долго оставался въ ней потому только, что не смѣлъ сложить обязанностей моего званія. Но теперь, освободившись отъ нихъ, долженъ ли я добровольно ринуться въ эту пучину бѣдствій? И если бы тамъ лично мнѣ не грозила опасность, то смѣю ли я твердо надѣяться, что въ Женевѣ могу дѣйствовать съ пользою? Какого духа тѣ сыны ея, которые составляютъ въ ней большинство? Какой успѣхъ могутъ имѣть труды одного человѣка, которому отвсюду противостоятъ опасности и препятствія? Ктому же въ Страсбургѣ, при моихъ мирныхъ занятіяхъ, я разучился искусству управлять массою“⁵⁰⁾. Но общественное мнѣніе такъ настоятельно требовало вызова Кальвина въ Женеву, что 13-го октября 1540 года, по предложенію сандика Ами Перрена⁵¹⁾, ревностнаго гиллермина, совѣтъ 25-ти, двухъ сотъ и затѣмъ, генеральное собраніе опредѣлили вызвать Кальвина чрезъ посредство Берна, Базеля и для этого послать въ Страсбургъ Перрена вмѣстѣ съ герольдомъ. Посланные прибыли въ Страсбургъ въ то время, какъ Кальвинъ совсѣмъ приготовился выехать въ Ворисъ на сеймъ. По прибытіи его въ этотъ городъ, явились къ нему другіе посланные съ болѣе настоячи-

⁵⁰⁾ Письмо Кальвина къ Фарелю изъ Страсбурга отъ 21 октября 1540 г. cf. Kampsch. B. 1. s. 370.

⁵¹⁾ Audin. 241.

вымъ пригласительнымъ посланіемъ женеваго правительст-
ва. Въ Вормсѣ онъ получилъ письмо въ томъ же смыслѣ отъ
Фареля и Вире. Кальвинъ, по его словамъ, уступая многимъ сле-
замъ и мольбамъ, далъ слово исполнить желаніе умоляющей его
общины, но съ условіями. Онъ писалъ софѣту синдиковъ: „если
вы искренно желаете моего возвращенія, то изгоните пороки,
съ которыми я не могу ужиться въ вашемъ городѣ. Я не могу
жить при упадкѣ церковной дисциплины и безнаказанномъ упор-
ствѣ во злѣ. Ни папа, ни тиранны, которые отънѣ возмущаютъ
церковь, но сладострастіе, распутство, клятвopреступленіе и
другіе пороки явно ниспровергаютъ мое ученіе и помрачаютъ
Евангеліе“⁵²⁾. Но и давши свое согласіе возвратиться въ Же-
неву, Кальвинъ боролся съ сильными сомнѣніями и опасеніями.
Онъ не былъ еще увѣренъ, дѣйствительно ли опредѣленіе пра-
вительства, постановленное 13-го октября, было искреннимъ вы-
раженіемъ всеобщаго желанія гражданъ? Опасеніе, что въ Же-
невѣ должна повториться прежняя борьба, тревожила его⁵³⁾.
Когда Кальвинъ испытывалъ внутреннюю борьбу вслѣдствіе
своихъ сомнѣній и опасеній, къ нему присылались увѣщанія отъ
многихъ частныхъ лицъ. Даже преемникъ его по званію жене-
вскій проповѣдникъ Іаковъ Бернардъ просилъ его возвратиться
къ осиротѣвшей церкви и общалъ ему полное свое послуша-
ніе⁵⁴⁾. Протестантскія общины въ Швейцаріи, Франціи и Гер-
маніи не менѣе женевацевъ убѣждали Кальвина возвратиться⁵⁵⁾.
Цюрихскіе проповѣдники писали ему: „ты знаешь, что Женева
лежитъ на границахъ Германіи, Италіи и Франціи, и есть на-
дежда, что евангеліе распространится отсюда въ сосѣдніе города
и виноградникъ Господа расширится. Какъ много пользы при-
несешь ты царству Божію изъ этого города и живымъ словомъ

⁵²⁾ Henry 1, 386.

⁵³⁾ 4-го марта 1541 года онъ писалъ Вире: „нѣтъ на свѣтѣ другаго мѣ-
ста, котораго бы я боялся болѣе, чѣмъ Женева— не потому, чтобы я для нея
былъ ненавистенъ, но потому, что, по моему предположенію, мнѣ не избѣ-
жать тѣхъ затрудненій, которыя тамъ ожидаютъ меня. Душа моя трепещетъ
при воспоминаніи о прошедшихъ временахъ и о томъ, что я опять долженъ
вступить въ борьбу. Henry. 1, 395 и прилож. 5. 84.

⁵⁴⁾ Audin 237.

⁵⁵⁾ Op Henry 1, Veil p. 76.

и писаніемъ, это хорошо извѣстно тебѣ. Поэтому просимъ, умоляемъ, заклинаямъ тебя, не противься болѣе приглашенію, отправляйся безъ замедленія“ ⁵⁶⁾. Замедленіе Кальвина возбуждало даже ропотъ въ друзьяхъ его. „Можетъ-быть, ты ожидаешь, чтобы наконецъ камни заговорили, писалъ изъ Нейбурга Фарель. Всѣ вѣрующіе и церковь находятъ достойнымъ порицанія и загадочнымъ твое замедленіе и постоянныя отсрочки твоего отъѣзда“ ⁵⁷⁾! Кальвивъ, уступая всеобщему желанію, по возвращеніи изъ Регенсбурга, сталъ готовиться ѣхать въ Женеву.

Здѣсь еще съ весны начались приготовленія къ торжественному приему реформатора. Все лѣто городскія власти занимались уничтоженіемъ слѣдовъ всего того, что Кальвину не нравилось въ дѣлахъ церковныхъ. Въ угодность ему приглашали въ Женеву стараго друга его Матурина Кардые для завѣдыванія школою, которая съ изгнаніемъ Сонье пришла въ упадокъ. Еще до прибытія Кальвина пытались осуществить любимую его мысль объ особомъ учрежденіи для надзора за нравственностію гражданъ. Наконецъ 3 мая генеральное собраніе, отмѣнивъ опредѣленіе 23 апрѣля 1538 года, свидѣтельствовало своимъ постановленіемъ, что между гражданами Женевы нѣтъ никого, кто не призналъ бы Кальвина, Фареля и Сонье достопочтенными мужами и истинными служителями Божиими. Были изданы постановленія о школахъ и госпиталяхъ, о празднованіи воскреснаго дня. Подтверждались прежнія постановленія, чтобы говорить больше проповѣдей и неопустительно посѣщать храмы. Короче—дѣлалось все, что нѣкогда угодно было Кальвину. Самъ совѣтъ занялся присканіемъ для него дома съ садомъ. Еще Кальвинъ не выѣхалъ изъ Страсбурга, какъ былъ посланъ герольдъ на встрѣчу ему съ привѣтствіемъ отъ лица города. Почетныя встрѣчи дѣлались Кальвину и въ тѣхъ городахъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ. Наконецъ 13 сентября 1541 года Кальвинъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Женеву и встрѣченъ былъ радостными кликами населенія. Прежде всего онъ обратился къ гражданамъ

⁵⁶⁾ Цюрихское духовенство Кальвину 4-го апр. 1541 г. Ep. et respons. p. 262; ex Kampsch. B. 1, 379.

⁵⁷⁾ Farel an Calvin 25 apr. 1541 г. Epistol. et respons. p. 262; cf. Ib. B. I S. 379.

съ извиненіемъ въ своемъ долгомъ замедленіи. Правительство города отправило къ страсбургскому магистрату посланіе съ просьбою уничтожить сдѣланное имъ условіе о томъ, что онъ отпускаетъ Кальвина только на время, и ему должно обратно вернуться въ Страсбургъ; самому реформатору поднесло почетные подарки и отправило посольство къ Фарелю въ Нейбургъ съ приглашеніемъ возвратиться въ Женеву и въ Орбе, чтобы здѣсь на гробъ Куро возданы были ему почести отъ лица жевцевъ.

Триумфъ о казаннй Кальвину, какъ бы великому побѣдителю, не могъ не подѣйствовать на холоднаго, суроваго реформатора. Геллермины, ожидавшіе отъ него мщенія противникамъ и возвратившіеся въ городъ французы, старавшіеся побудить его къ тому же, обманулись въ своихъ расчетахъ. Кальвинъ по видимому хотѣлъ показаться всѣмъ не главою партіи своихъ приверженцевъ, но общимъ пастыремъ душъ. Въ своей первой рѣчи къ совѣтамъ онъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ защищалъ права и достоинство своего званія, но ничего не сказалъ противъ своихъ прежнихъ враговъ. Одного его слова было бы достаточно, чтобы удалить нѣкоторыхъ духовныхъ отъ занимаемыхъ еще ими должностей, но онъ не сдѣлалъ этого.

На первый разъ Кальвину нужно было начать свое служеніе въ Женевѣ проповѣдію о покаяніи. Поводомъ къ этому была эпидемія чумы въ сосѣднихъ городахъ, потомъ и въ самой Женевѣ. Было назначено экстраординарное всеобщее причащеніе, опредѣлены дни покаянія и молитвы. Кальвинъ проповѣдывалъ о покаяніи въ главной церкви. Къ воскреснымъ проповѣдямъ присоедилены были проповѣди въ будничные дни, въ продолженіе которыхъ работы должны были прекратиться. Окружные надзиратели должны были наблюдать, чтобы никто не уклонялся отъ посѣщенія храмовъ. Но не въ этомъ состояло главное дѣло возвратившагося реформатора.

Дѣятельность его въ Женевѣ во второй разъ главнымъ образомъ посвящена была устройству церкви въ дальнѣйшемъ ея развитіи, законодательнымъ реформамъ государственной жизни въ соотвѣтствіе преобразованіямъ церковнымъ, проведенію въ жизнь новыхъ церковныхъ и политическихъ законовъ, борьбѣ за ихъ существованіе съ началами, которыя противопоставлены

были реформаторскимъ дѣйствіемъ Кальвина враждебными ему партіями и производили въ Женевѣ бурныя волненія.

Въ первое еще свое пребываніе въ Женевѣ, Кальвинъ трудясь совмѣстно съ Фарелемъ пытался дать органическое устройство церкви. Важный, хотя и незаконченный опытъ этой организаціи мы видѣли въ извѣстномъ намъ проектѣ, въ 1536 году представленномъ этими двумя реформаторами женевскому правительству. Но мы знаемъ, какъ неудачно прошло примѣненіе къ жизни этой организаціи. Кальвинъ и Фарель изгнаны были изъ Женевы и вслѣдствіе того организація церковная едва не распалась. Но вызовъ Кальвина въ Женеву правительствомъ и населеніемъ служилъ знакомъ того, что ими сознана была необходимость въ твердомъ устройствѣ церкви на тѣхъ началахъ, которыми руководился Кальвинъ въ реформаторской своей дѣятельности. По возвращеніи въ Женеву онъ путемъ опытности, пріобрѣтенной имъ къ Страсбургѣ и въ сношеніяхъ съ нѣмецкими вождями реформаціи на германскихъ сеймахъ, болѣе уяснившій для своего сознанія основы церковнаго устройства, нашелъ теперь полный просторъ для своихъ дѣйствій потому, что теперь правительство и населеніе Женевы безпрекословно преклонилось предъ авторитетомъ и непоколебимою волею реформатора.

14 сентября 1541 года Кальвинъ подалъ совѣту синдиковъ представленіе о необходимости издать уставы управленія женевскою церковію. Правительство, еще прежде согласившееся на его условія касательно возстановленія разрушенной церкви и утвержденія дисциплины, приняло это представленіе. Въ тотъ же день назначена была коммиссія изъ пасторовъ и шести свѣтскихъ лицъ ⁵⁹⁾, подъ предсѣдательствомъ самого Кальвина, для составленія проекта болѣе широкой церковной организаціи и чрезъ два мѣсяца выработала уставы женевской церкви (*Ordonnance à ecclésiastiques de l'Eglise de Geneve*). При обсужденіи въ маломъ совѣтѣ потерпѣвъ незначительныя измѣненія въ интересѣ вліянія гражданской власти на дѣла церковныя, уставы были одобрены большимъ совѣтомъ, не смотря на недовольство нѣкоторыхъ суровымъ нравственнымъ ихъ направленіемъ; 20 ноября 1541 года они конфирмованы были генеральнымъ собра-

⁵⁹⁾ Audin, 248.

ніемъ и 2 января слѣдующаго года изданы съ значеніемъ государственныхъ законовъ республики. Въ постановленіи правительства говорилось: „мы, синдики, большой и малый совѣты съ нашимъ народомъ, созваннымъ по старымъ нашимъ обычаямъ звукомъ трубы и большого колокола, разсудили, что самое законное дѣло изъ всѣхъ состоитъ въ храненіи Евангелія Господа нашего во всей чистотѣ, защищеніи христіанской церкви, воспитаніи юношества въ истинномъ духѣ и попеченіи о бѣдныхъ. Но нельзя достигнуть всего этого, если нѣтъ опредѣленнаго устройства и правилъ жизни, посредствомъ которыхъ каждое сословіе могло бы знать обязанности своего призванія. Поэтому мы благоразсудили привести въ порядокъ церковное управленіе, какъ указалъ и установилъ его нашъ Господь въ своемъ словѣ, съ тѣмъ чтобы оно введено было и ему повиновались“⁵⁹⁾.

С. НАЗАРЕВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ).

⁵⁹⁾ Kampschult. B. I, 894.

НОВОЕ ПРОТЕСТАНТСКОЕ УЧЕНИЕ

О ЦЕРКВИ ВЪ ЕЯ ОТЛИЧИИ ОТЪ ЦАРСТВА БОЖІЯ.

(Продолженіе *).

Обращаемся теперь къ представителямъ новаго протестантскаго ученія съ вопросомъ такого рода: какъ мы должны представлять себѣ самый *объемъ* или *границы* той видимой, наблюдаемой церкви, которая признается съ одной стороны земнымъ обнаруженіемъ царства Божія, а съ другой—его земною посредницей или матерью? Какъ видимая, какъ наблюдаемая церковь должна конечно имѣть и свои видимые признаки. Какіе же это признаки? Какъ узнать и отличить церковь отъ того, что не есть церковь? Какъ узнать, кто принадлежитъ къ ней и кто нѣтъ?

Узнать это—дѣло повидимому не трудное, такъ какъ церковь въ отличіе ея отъ царства Божія есть, говорятъ, не только нѣчто видимое, внѣшнее, но именно *видимое организованное общество*. Царство Божіе само по себѣ опредѣленной организаціи не имѣетъ; члены его образуютъ изъ себя только лишь „дискретное число или множество“, тогда какъ церковь напротивъ должна имѣть опредѣленную внѣшнюю организацію, и члены ея должны представлять собою не простое только число или множество, но

*) См. июльскую кн. „Прав. Обзор.“ текущаго года..

именно „видимое историческое конкретное общество“. О царствѣ Божіемъ мы не можемъ сказать, что вотъ оно здѣсь или тамъ; о церкви же напротивъ мы всегда это можемъ сказать ⁶⁰). Такимъ образомъ церковь повидимому есть величина строго опредѣленная; но однако въ какомъ смыслѣ опредѣленная? вотъ это-то и требуютъ разъясненія.

Со стороны читателя было бы большою ошибкою, еслибы онъ предположилъ, что подъ церковью вообще, или иначе подъ христіанскою церковью у протестантскихъ богослововъ, ученіе которыхъ мы излагаемъ, разумѣется въ собственномъ смыслѣ какая-либо только одна — пусть вообще такая или иная, но во всякомъ случаѣ одна опредѣленная церковь съ однимъ опредѣленнымъ вѣроученіемъ и однимъ опредѣленнымъ устройствомъ ⁶¹). Совершенно напротивъ: церковь въ такомъ опредѣленномъ видѣ ея цѣнится здѣсь весьма невысоко и въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, господствуетъ согласіе поистинѣ замѣчательное. Но въ то же время, что касается собственно *положительныхъ взглядовъ* на объемъ или границы церкви, то здѣсь можно усмотрѣть и нѣкоторую нелишнюю значенія разницу, нѣкоторые довольно любопытные оттѣнки. Не можемъ оставить безъ вниманія и этихъ оттѣнковъ, и чтобы показать яснѣе, въ чемъ представители излагаемаго ученія въ данномъ случаѣ вполне согласны между собою и въ чемъ между ними есть разница, находимъ болѣе удобнымъ сказать о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Что касается прежде всего Ричарда Ротэ, то его положитель-

⁶⁰) *Schweizer*, стр. 325, 335; *Krauss*, стр. 172 и многія другія; *Rothe Dogmatik*, стр. 34 и дал.; *Ebrard*, стр. 393.

⁶¹) Относительно того, существовала ли церковь въ до-христіанской періодъ исторія человечества, богословы, о которыхъ у насъ рѣчь, не всѣ одинаковаго мнѣнія. По *Ротэ*, *Эбрарду* и *Крауссу* до I. Христа церкви не было и быть ея не могло. У ветхозавѣтнаго народа Божія мы видимъ не церковь въ собственномъ смыслѣ, но только еоекратію. Церковь впервые стала возможна (на чемъ въ особенности настаиваетъ Ротэ) именно только въ христіанствѣ. (См. *Anfänge*, стр. 66—72, 95; ср. у Краусса стр. 63 и у Эбрарда стр. 380—382) *Швейцеръ* же думаетъ объ этомъ иначе: онъ допускаетъ, что церковь была и до I. Христа, была „подъ закономъ“ и „до закона“, не было ея только въ раю — въ невинномъ состояніи человѣка, такъ какъ „церковь принадлежитъ къ религіи искупленія“. (*Швейцеръ*, стр. 314—320).

ный взглядъ на объемъ или границы церкви далеко еще не отличается тою ясностью и опредѣленностью, которая можно было бы назвать достаточными. Тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что подъ церковью у Ротэ разумѣется не какая-либо только одна, напимѣръ—протестантская или католическая или какая другая опредѣленная церковь. Подъ церковью, какъ земною посредницей царства Божія, у него разумѣются *многія* церкви, т.-е. многія существовавшія и существующія религиозно-христіанскія общества, имѣвшія и имѣющія обыкновеніе называть себя церквами. И отдаетъ ли Ротэ какому-либо отдѣльнымъ частямъ этого множества въ чемъ-либо преимущество передъ другими отдѣльными частями, сказать положительно очень трудно, по крайней мѣрѣ если имѣть въ виду слѣдующія данныя.

Говоря о церкви, Ричардъ Ротэ старается строго различать между церковью въ философскомъ и церковью въ историческомъ смыслѣ, или — между церковью, какъ она должна быть по ея понятію, и церковью, какъ она есть въ данной исторической дѣйствительности ⁶³⁾. Церковь въ первомъ т.-е. философскомъ смыслѣ или церковь по ея понятію никогда вообще не осуществляется въ дѣйствительности ⁶⁴⁾. Однако зависитъ это вовсе не отъ того, чтобы „мысли или понятію церкви было чуждо стремленіе къ осуществленію“; напротивъ „оно (понятіе церкви) желаетъ реализироваться“ и пытается осуществить себя. Но именно потому, что оно реализуется, и въ той самой мѣрѣ, въ какой оно реализуется, оно необходимо вступаетъ въ противорѣчіе само съ собою, оно искажаетъ и умерщвляетъ себя. „Уже первымъ приступомъ къ своему осуществленію оно наноситъ само себѣ смертельное поврежденіе, уже первый шагъ (*erste Ansatz*) къ образованію церкви есть отпаденіе отъ ея понятія“; такъ что значить церковь собственно историческая никогда и ни-коимъ образомъ не соответствуетъ церкви философской ⁶⁵⁾. Но

⁶³⁾ *Rothe*, Anfänge, стр. 77.

⁶⁴⁾ *Rothe*, Anfänge, стр. 84.

⁶⁵⁾ *Rothe*, Anfänge, стр. 76. „Ближайшій результатъ этого отпаденія церкви отъ ея понятія, замѣчаетъ Ротэ на слѣдующей (77) страницѣ,—не тогъ, что вообще ничего не реализуется; на самомъ дѣлѣ все-таки образуется нѣко-

любопытно узнать однако, отчего же это зависит? Гдѣ коренная причина этого несоотвѣтствія?

„Въ природѣ религіознаго общества, говоритъ Ротэ, лежитъ необходимое требованіе вселенства и единства. Это требованіе есть также и существенное требованіе церкви: но она (церковь) доселѣ не была еще въ состояніи реализовать его исторически; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе она распадается на множество церквей. И это не есть что-либо случайное, но имѣетъ свое необходимое основаніе въ тѣхъ національныхъ различіяхъ, на почвѣ (Grundlage) которыхъ церковь создается. Здѣсь такимъ образомъ встрѣчаются двѣ противоположныя необходимости. Съ одной стороны противоположности различныхъ церквей, по требованію понятія религіознаго общества, должны быть уничтожены; съ другой же стороны не можетъ быть уничтоженъ тотъ самый корень, изъ котораго необходимыми образомъ вырастаютъ тѣ церковныя противоположности, т. е. національная опредѣленность и различіе ея оттѣнковъ“⁶⁵). Вотъ почему церковь такъ-называемая историческая никогда и не можетъ соотвѣтствовать церкви философской.

Кажется, послѣ этого намъ нѣтъ нужды спрашивать: какую именно церковь разумѣетъ Ричардъ Ротэ, когда называетъ ее средствомъ или подготовительнымъ учрежденіемъ для утвержденія на землѣ исполненнаго царства Божія? Разумѣется, не философскую, которая никогда не осуществляется въ дѣйствительности, а историческую, т. е. именно ту, которая была, есть и можетъ быть только лишь „множествомъ церквей различныхъ“ или, по выраженію Ротэ, „противоположныхъ,“—которая только „желаетъ“ и „претендуетъ“ быть церковью,⁶⁶ хотя, какъ оказывается на дѣлѣ, вполне безуспѣшно.

торое внѣшнее религіозное общество, которое имѣетъ весьма реальное бытіе, и которое мы, несмотря на то, что оно *никоимъ образомъ не соответствуетъ понятію церкви, и чѣмъ далѣе само въ себя развивается, тѣмъ все менѣе и менѣе ему соответствуетъ, все-таки имѣетъ право называть церковью, частью потому, что оно (т. е. означенное внѣшнее религіозное общество) желаетъ быть церковью и претендуетъ быть церковью, хотя и безуспѣшно, частью потому, что оно дѣйствительно не есть ни государство, ни есоократія“.*

⁶⁵) Roth—Anfänge—стр. 60.

Но если такъ, то не слишкомъ ли широки у Ротэ оказываются границы церкви? Вѣдь въ дѣйствительности такого рода желаніе и претензію, на которыя онъ указываетъ, имѣли и имѣютъ, какъ извѣстно, весьма многія и весьма разнообразныя христіанскія общества. Неужели же *есть* они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ равное право на названіе церкви? Неужели *есть* они въ одинаковой мѣрѣ готовятъ утвержденіе на землѣ исполненнаго царства Божія ⁶⁶⁾? Неужели между ними въ этомъ отношеніи нѣтъ рѣшительно никакого различія?

Въ виду приведенныхъ нами соображеній Ротэ конечно предположить такое различіе довольно трудно. Но мы однако не должны и того забывать, что церковь у Ротэ есть существенно *видимое*, виѣшнее общество, что она имѣетъ у него и свои особенныя *внѣшнія* средства, которыя съ одной стороны должны служить связью между ея членами уже существующими, съ другой же — должны давать ей возможность пріобрѣтать себѣ новыхъ и новыхъ членовъ, дѣйствовать вообще съ цѣлю распространенія царства Божія на мѣръ еще виѣ ея находящійся, на мѣръ фактически къ ней не принадлежащій ⁶⁷⁾. Для выполненія этой цѣли своей, т. е. для утвержденія и распространенія царства Божія на землѣ, церковь имѣетъ такъ называемыя *спасительныя* или *благодатныя средства*, которыя именно, какъ ея виѣшнія средства, должны быть также и ея виѣшними, отличительными признаками. Церковными благодатными средствами у Ротэ признаются: вопервыхъ, Слово Божіе въ его виѣшнемъ или словесномъ выраженіи (in sprachlichem Ausdruck) и вторыхъ, видимымъ образомъ совершаемыя таинства (именно крещеніе и евхаристія) ⁶⁸⁾. Такимъ образомъ съ этой стороны дѣ-

⁶⁶⁾ Позволительно конечно было бы и о томъ спросить: могутъ ли даже церкви историческія, какія бы то ни было и въ какой бы то ни было мѣрѣ, дѣйствительно способствовать утвержденію царства Божія на землѣ, если вообще признается, что церковь такъ-называемая историческая *никогда и никакъ* не можетъ *соотвѣтствовать* церкви еилософской, т. е. *не можетъ быть* такою, какою она *должна быть*? Но объ этомъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

⁶⁷⁾ *Wohle*, Anfänge—стр. 91, 98—99; *Dogmatik*—стр. 18—19.

⁶⁸⁾ Изложеніе ученія Ротэ о благодатныхъ средствахъ см. въ его „*Dogmatik*“ zweiter Theil. Erste Abtheil. стр.—284—356. Необходимо замѣтить,

ло представляется совѣмъ уже въ иномъ видѣ. Желаніе и претензія быть церковью, какъ бы они велики ни были у извѣстнаго христіанскаго общества, сами по себѣ оказываются какъ будто уже недостаточными для того, чтобы давать такому обществу право на названіе церкви. Кромѣ! простаго желанія и претензіи его быть церковью, нужно также, чтобы ему дѣйствительно были присущи и самые признаки церкви, какъ *видимую* вѣншнаго общества,— нужно, чтобы оно не только стремилось къ достиженію цѣли церкви, но и имѣло необходимыя для этого указанныя *внѣшнія* средства. Съ этой точки зрѣнія объемъ церкви у Ротэ, разумѣется, значительно суживается, такъ какъ всѣ тѣ христіанскія общества, у которыхъ мы не находимъ вѣншнаго Слова Божія и видимыхъ таинствъ, очевидно изъ состава церкви должны быть исключены и поставлены внѣ церкви.

Но такъ ли дѣйствительно? Вѣншнее Слово Божіе и видимыя таинства, имѣющія у Ротэ значеніе отличительныхъ признаковъ

что дѣленіе спасительныхъ или благодатныхъ средствъ у Ротэ мы находимъ иное. чѣмъ то, которое нами высказано. Признавая церковныя благодатныя средства *главными* въ ряду многихъ другихъ, существующихъ также „и внѣ церкви,“ и допуская вообще, что „число благодатныхъ средствъ должно съ теченіемъ времени постоянно увеличиваться,“ Ротэ замѣчаетъ: „Итакъ передъ нами три главныхъ класса благодатныхъ средствъ: Слово Божіе, таинства и церковь.“ (Тамъ же стр. 286—288). Дѣленіе для насъ совершенно непонятное, и мы не сочли нужнымъ держаться его; потому что рѣшительно ни откуда не видно, чтобы церковь у Ротэ была благодатнымъ средствомъ такъ сказать сама по себѣ—независимо отъ Слова Божія и таинствъ; она у него сама по себѣ признается только „необходимымъ условіемъ для сохраненія и дѣйственности (Wirksamkeit) Слова Божія и таинствъ“ (тамъ же стр. 288); но отсюда конечно насколько еще не слѣдуетъ, чтобы она составляла собою отдѣльный, особый классъ благодатныхъ или спасительныхъ средствъ.—(Кстати замѣтимъ также, что когда мы цитуемъ „Dogmatik“ Ротэ съ указаніемъ только на страницу, но безъ обозначенія тома, то здѣсь имѣется въ виду собственно тотъ, уже разъ процитованный нами; томъ, въ которомъ излагается ученіе Ротэ о церкви, именно *Zweiter Theil, Zweite Abtheilung*. Когда же окажется нужнымъ, какъ напримеръ въ настоящемъ случаѣ; сослаться на какой-либо другой томъ „Догматики“ Ротэ, то мы всегда будемъ обозначать его. Того же правила будемъ держаться, цитируя сочиненія Эбрарда и Швейцера, т. е. обозначать томъ только въ томъ случаѣ, когда окажется нужнымъ сослаться на какіе-либо другіе томы, а не на тѣ, которые уже разъ указаны).

церкви, дѣйствительно ли оказываются у него такими *опредѣленными и существенными* ея признаками, которые бы прямо и ясно обозначали ея границы и прямо показывали, какія именно изъ христіанскихъ обществъ, претендующихъ на званіе церкви, дѣйствительно имѣютъ право на такое званіе, и какія нѣтъ? На самомъ дѣлѣ у Ротэ это болѣе чѣмъ сомнительно; Слово Божіе и таинства именно въ томъ смыслѣ, какъ они понимаются у него, также мало могутъ быть опредѣленными признаками церкви, какъ и ея спасительными или благодатными средствами. Но мы здѣсь однако не будемъ останавливаться на этомъ ⁶⁹⁾; повѣримъ Ротэ на-слово въ томъ, что виѣшнее Слово Божіе и видимыя таинства суть дѣйствительно у него то самое, за что онъ намъ выдаетъ ихъ. Однако же и при этомъ условіи все остается мѣсто недоумѣніямъ. Возьмемъ, напримѣръ, таинства. Развѣ на свѣтѣ мало существуетъ такихъ христіанскихъ обществъ, у которыхъ таинства не отрицаются и совершаются они видимымъ образомъ, и именно тѣ самыя, какія указываетъ Ротэ,—но которыя (общества) между тѣмъ въ самомъ своемъ *ученіи* о таинствахъ, въ *ученіи* объ ихъ сущности, значеніи и дѣйствиі обнаруживаютъ между собою такое значительное несходство, что иногда оказываются даже прямо противорѣчащими? Спрашивается: какое должно имѣть значеніе это несходство или это противорѣчіе съ точки зрѣнія понятія о границахъ церкви? Можетъ ли оно существовать въ церкви или нѣтъ? Можетъ ли въ церкви существовать различіе въ томъ, что называется вообще вѣроученіемъ, вѣроисповѣданіемъ, или же въ этомъ отношеніи требуется согласіе и единство? Безъ сомнѣнія, вопросы очень немаловажные; но никакого прямого и яснаго отвѣта на нихъ мы у Ротэ не находимъ. Правда мы знаемъ,

⁶⁹⁾ Не останавливаемся на этомъ вовсе не потому, что не стоимъ, не слѣдуетъ останавливаться, но единственно только во избѣжаніе повтореній. Съ указаніемъ на виѣшнее Слово Божіе и видимыя таинства, какъ на существенныя признаки церкви, мы встрѣтимся еще и у Швейцера. И такъ какъ общія и основныя положенія у Швейцера въ этомъ случаѣ тѣ же, что и у Ротэ,—разница только лишь въ развитіи этихъ положеній; то поэтому на *ученіи* Ротэ относительно вышеозначеннаго предмета мы въ настоящее время и не останавливаемся; коснемся его, насколько будетъ нужно, именно при изложеніи *ученія* Швейцера.

что такъ-называемая церковь историческая есть вообще не что иное, какъ „множество церквей“ и даже именно церквей „противоположныхъ“; но въ чемъ выражаются эти противоположности, въ какихъ отношеніяхъ и въ какой степени онѣ проявляются и касаются ли онѣ того, что называется вѣроученіемъ,—этого самъ Ротэ прямо и опредѣленно, такъ чтобъ уже не оставалось никакихъ сомнѣній, нигдѣ не высказываетъ и не разъясняетъ ⁷⁰). А при неразъясненности такихъ вопросовъ и самое понятіе его объ объемѣ церкви остается въ значительной степени смутнымъ.

Гораздо прямѣе, проще и опредѣленнѣе дѣло представляется у Эбрарда. У него, хотя еще и не все, далеко не все, однако вѣчто немаловажное изъ того, что у Ротэ остается неяснымъ, находитъ себѣ уже достаточное разъясненіе. Опредѣляя церковь какъ „учрежденіе благодатныхъ средствъ“ и разумѣя подъ послѣдними *главнымъ образомъ* таинства (крещеніе и евхаристію ⁷¹)

⁷⁰) Конечно, Ричарда Ротэ въ виду уже тѣхъ данныхъ, которыя нами указаны, было бы трудно причислить къ какимъ бы то ни было *конфессионалистамъ*, къ строгимъ защитникамъ единого опредѣленнаго вѣроученія въ церкви (такъ-называемой исторической). Но мы указываемъ собственно на то, что Ротэ, при изложеніи своего ученія о церкви, нигдѣ прямо и опредѣленно еще не ставитъ и не рѣшаетъ вопроса: возможно ли въ церкви исторической разнообразіе вѣроученій? Онъ даетъ только такъ-сказать общія основанія для его рѣшенія, тогда какъ у Эбрарда, Швейцера и Краусса дѣло, какъ мы увидимъ, отнюдь уже не ограничивается въ этомъ случаѣ одними только общими основаніями.

⁷¹) Говоримъ „главнымъ образомъ таинства“. Это требуетъ нѣкотораго разъясненія. Эбрардъ не отказываетъ въ значеніи благодатнаго средства и Слово Божію, онъ даже прямо такъ и называетъ его „благодатнымъ Словоиъ“, „благодатнымъ средствомъ“. Но „Слово Божіе, по собственному изъясненію Эбрарда, *есть благодатное средство въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ таинства*“ (стр. 588). Оно сообщаетъ только *благодать предваряющую*, которая подъ условіемъ свободнаго принятія ея со стороны человѣка производитъ въ немъ *только* лишь „субъективное покаяніе“ и „субъективную вѣру“, т.-е. именно только то, что называется у Эбрарда *обращеніемъ* (metanoia, convergio), но того, что называется у него *возрожденіемъ* (ἀναγέννησις, regeneratio), т.-е. дѣйствительнаго объективнаго единенія „обращенной“ души грѣшника со Христомъ, дѣйствительнаго рожденія въ немъ „новаго человѣка“,—Слово Божіе, несмотря ни на какія условія со стороны человѣка, еще не производитъ въ немъ. Это происходитъ въ „обращенной“

какъ *видимыя, доступныя вѣншему наблюденію дѣйствія*, Эббардъ эти самыя дѣйствія именно и считаетъ прямыми и наглядными такъ-сказать показателями „внѣшнихъ границъ христіанской церкви“ ⁷²⁾. Особеннымъ же спеціальнымъ показателемъ ихъ признается у него крещеніе, какъ такое учрежденное Христомъ видимое таинство, которое уже по самой природѣ своей есть актъ принятія въ христіанскую церковь. „Кто крещенъ, говоритъ Эббардъ, по, установленію Христа, водою во имя Отца и Сына и Св. Духа, тотъ—членъ христіанской церкви“. Что же касается того собственно, „предшествуетъ ли крещенію истинное, сознательное обращеніе, и происходитъ ли такимъ образомъ вмѣстѣ съ крещеніемъ возрожденіе, или же (какъ у Симона Дѣян. 8, 13) вѣра бываетъ внѣшняя и нечистая и обращеніе по крайней мѣрѣ несовершенное, такъ что и возрожденія въ собственномъ смыслѣ еще не можетъ быть—это здѣсь совершенно безразлично; крещеный, хотя бы онъ и не былъ еще членомъ невидимаго царства Божія, царства благодатныхъ *святостей*, принять (черезъ крещеніе) въ учрежденіе благодатныхъ *средствъ*,—а это и есть церковь“ ⁷³⁾. Точно также, по мнѣнію Эббарда, совершенно безразлично и то, совершается ли крещеніе въ обществѣ такого или иного христіанскаго исповѣданія, даже „внутри исповѣданія, *зablуждающагося въ болѣе или менѣе существенныхъ пунктахъ ученія*, лишь бы только оно (крещеніе)

душѣ человѣка именно *только* посредствомъ таинствъ, черезъ которыя собственно и подается ему *благодать дѣйствующая и содѣйствующая*, т.-е. благодать, безъ которой невозможно возрожденіе или рожденіе новаго человѣка въ человѣкѣ. И такъ какъ только дѣйствительно возрожденные могутъ принадлежать къ царству Божію, ко вторадамову человѣчеству, церковь же между тѣмъ именно для того и существуетъ, чтобы въ ней совершался „переходъ изъ первоадамова человѣчества во вторадамово“, то отсюда понятно, почему въ церкви таинства, какъ орудія „возрожденія“, оказываются, по Эббарду, выше, главнѣе, важнѣе, нежели Слово Божіе, орудіе простаго „обращенія“,—и почему Эббардъ такъ усиленно защищаетъ обычай старыхъ, реформатскихъ богослововъ излагать ученіе о таинствахъ, какъ благодатныхъ *средствахъ*, совершенно отдѣльно отъ ученія о Словѣ Божіемъ (стр. 583—584).

⁷²⁾ *Ebbarad*, стр. 384, 388, 409, 582.

⁷³⁾ *Ebbarad*, стр. 409.

совершалось по установленію Христа⁴⁾, т.-е. было крещеніемъ „водою и во имя Тріединого“⁷⁴⁾).

И такъ значитъ, все то, что называется вообще „исповѣданіемъ“, при опредѣленіи границъ церкви не слѣдуетъ принимать въ соображеніе? Да, не слѣдуетъ. Эбрардъ сильно настаиваетъ на томъ, чтобы мы ни подъ какимъ видомъ не смѣшивали „церковь“ съ „исповѣданіемъ“. Это — двѣ вещи совершенно различныя. Церковь, какъ *общество крещенныхъ*, оставаясь церковью единою и вселенскою, обнимаетъ въ то же время „многія и различныя исповѣданія“: въ ней имѣетъ мѣсто и „болѣе чистое и менѣе чистое развитіе догмата“; но однако не по этому различному развитію догмата въ церкви, не по различію исповѣданій слѣдуетъ судить о томъ, кто принадлежитъ къ церкви и кто нѣтъ. Напримѣръ, что въ равныхъ христіанскихъ обществахъ существуютъ различныя ученія о таинствахъ—это само по себѣ здѣсь дѣло неважное. „Церковь основывается на таинствахъ, а не на ученіи о таинствахъ“ и вообще не на томъ, что называется „вѣроученіемъ“ или „вѣроисповѣданіемъ“.⁷⁵⁾

Такимъ образомъ всѣ гдѣ христіанскія общества, которыя, какъ напримѣръ квакеры, не признаютъ и не совершаютъ у себя видимаго крещенія и вообще видимыхъ таинствъ, должны, по Эбрарду, быть поставлены очевидно внѣ церкви⁷⁶⁾. Но за то, напримѣръ соцініане антитринитаріи (отвергающіе Тріединого Бога и усматривающіе въ лицѣ Иисуса Христа не болѣе, какъ только „истиннаго человѣка“, хотя въ то же время удерживающіе видимое крещеніе, а также и видимую евхаристію, какъ простую внѣшнюю „церемонію“, да и то обязательную только для взрослыхъ, обращающихся въ христіанство изъ среды не христіанскихъ обществъ),—соцініане антитринитаріи должны повидимому пользоваться въ церкви полнѣйшимъ правомъ

⁷⁴⁾ *Ebrard*, 410, 604.

⁷⁵⁾ *Ebrard*, стр. 398, 399; ср. 402—404.

⁷⁶⁾ Вотъ что по поводу такихъ обществъ говоритъ самъ Эбрардъ (стр. 441): „Такія секты, у которыхъ, какъ у квакеровъ, оба таинства не совершаются видимымъ образомъ, хотя и не могутъ быть причислены къ извѣстникамъ (однако почему неизвѣстно), но точно также не могутъ быть разсматриваемы и какъ *circa ecclesiae* въ полномъ смыслѣ,—на нихъ нужно смотрѣть, какъ на *омлащеныхъ* (хотя какъ и чѣмъ оглашены—тоже неизвѣстно).“

гражданства!.. Правда, Эбрардъ, какъ мы слышали, оговаривается, что крещеніе „по установленію Христа“ должно быть совершаемо „во имя Тріединого“; но эта оговорка въ устахъ Эбрарда служитъ доказательствомъ только того, что Эбрардъ самъ себя противорѣчитъ и смѣшиваетъ двѣ вещи далеко не одинаковыя, именно: несомнѣнный положительный библейскій фактъ и извѣстное толкованіе или пониманіе этого факта. Несомнѣнный положительный фактъ въ данномъ случаѣ только тотъ, что крещеніе водою, по установленію Іисуса Христа, должно быть совершаемо *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, — и только; но что собственно разумѣть подъ этими именами — Тріединое ли существо, или можетъ быть, три разныхъ и одно отъ другаго отдѣльныхъ существа, или можетъ быть, даже не три личныя и дѣйствительныя существа, а просто три какія-либо только воображаемыя, умопредставляемыя силы, или же только три проявленія какой-либо одной умопредставляемой силы,—истолковать, разъяснить и рѣшить это въ такомъ или иномъ опредѣленномъ смыслѣ есть уже дѣло того „исповѣданія“, которому Эбрардъ въ вопросѣ о границахъ церкви не придаетъ однако, какъ мы знаемъ о рѣшительно никакого значенія. Итакъ въ самомъ дѣлѣ почему же не принадлежать къ церкви и социніанамъ—антитринитаріямъ ??) Или: почему не принадлежать къ церкви удерживающимъ также видимое крещеніе и вообще

??) Встрѣчается у Эбрарда еще и такая оговорка: что крещеніе, когда оно принимается и совершается „*противохристіанскими, отрицающими Сына Божія сектами*“, есть крещеніе не дѣйствительное, слѣдовательно и не даетъ права на принадлежность къ церкви (стр. 595). Не въ виду ли социніанъ сдѣлана эта оговорка? Не препятствуетъ ли она имъ принадлежать къ церкви? Нѣтъ—нисколько не препятствуетъ. Во первыхъ, Эбрардъ не говоритъ здѣсь, что онъ разумѣетъ именно социніанъ и вообще невидно, кого онъ тутъ разумѣетъ; во вторыхъ, еслибы онъ даже и прямо указалъ на социніанъ, сама по себѣ приведенная оговорка на самомъ дѣлѣ не давала бы ему права лишать социніанъ дѣйствительнаго крещенія и вмѣстѣ съ тѣмъ исключать ихъ изъ церкви. Развѣ социніане не говорятъ о Сынѣ Божіемъ и развѣ они не называютъ Іисуса Христа этими именами? Называютъ, равно какъ называютъ Его и исключителемъ челоѣчества и пр. А *въ какомъ смыслѣ* называютъ, не все ли это равно для Эбрарда? Видъ это вопросъ, касающійся уже „исповѣданія“...

совершающимъ видимыя таинства арминіанамъ — субординаціонистамъ (допускающимъ нѣкоторое различіе между тремя Божественными Лицами въ отношеніи ихъ достоинства и власти!)? Что съ точки зрѣнія Эбрарда ни тѣхъ, ни другихъ, ни подобныхъ имъ нельзя исключить изъ церкви—кажется это ясно.

Вообще по Эбрарду выходитъ: кто крещень 1) водою,—хотя бы онъ на это крещеніе водою смотрѣлъ только, какъ на простое омовеніе тѣла, какъ на простое купанье и 2) во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—хотя бы онъ подъ этими именами разумѣлъ что-либо въ родѣ индійской „тримурти“ или вообще что ему заблагоразсудится и что только онъ найдетъ для себя болѣе желательнымъ,—тотъ есть дѣйствительный, истинный членъ единой *единственно истинной* христіанской церкви ⁷⁸⁾!... Связывать же церковь съ такъ-называемымъ „исповѣданіемъ“ и приписывать какому-либо одному опредѣленному исповѣданію—на томъ основаніи, что „будто оно имѣетъ абсолютно чистое ученіе“,—предикать *истинной церкви*,—это по Эбрарду просто „*ирреступленіе и обожествленіе твари*“ (*Krevel und Creaturvergötterung*) ⁷⁹⁾. Да, именно „*обожествленіе твари*“: потому что въдь всякое исповѣданіе, какое бы оно ни было, есть дѣло чисто и исключительно человѣческое; а такъ какъ людямъ всегда свойственны заблужденія, ошибки, погрѣшности въ пониманіи Евангелія“ или „Слова Божія, то, разумѣется, о какомъ-либо абсолютно истинномъ „абсолютно чистомъ ученіи“ или исповѣданіи, даже и рѣчи быть не можетъ. Вотъ откуда намъ и объясняется, почему о непогрѣшимости церкви Эбрардъ—ни слова. Вообще онъ признаетъ, что исповѣданіе въ церкви не есть что-либо абсолютно важное, но только лишь „*относительно важное*“ ⁸⁰⁾. И при всемъ томъ онъ же намъ говоритъ о какомъ-то „*болѣе чистомъ и менѣе чистомъ развитіи догмата*“ въ церкви, онъ же говоритъ о „*болѣе существенныхъ и менѣе существенныхъ пунктахъ ученія*“, въ которыхъ могутъ заблуждаться христіанскія исповѣданія! Мало того, онъ же говоритъ и о *сектахъ* и называетъ сектами не только такія христіанскія общества, у которыхъ нѣтъ

⁷⁸⁾ Ebrard, стр. 398—399.

⁷⁹⁾ Ebrard, стр. 402.

⁸⁰⁾ Ebrard, стр. 402.

видимыхъ таинствъ, но иногда и такия, которыя видимыхъ таинствъ не отрицаютъ ⁸¹⁾. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ съ его точки зрѣнія можетъ существовать какое-либо различіе между ученіемъ существеннымъ и несущественнымъ, чистымъ и нечистымъ, ⁸²⁾ и какъ будто у него, кромѣ видимыхъ таинствъ, имѣются еще какіе-то другіе признаки церкви, опредѣляющіе ея границы и отличающіе ее отъ секты!.. Очевидно есть у Эбрарда что-то еще недоразвитое, недоразъясненное, недосказанное...

У Швейцера, какъ мы увидимъ, есть точно также немало недоразвитаго и недосказаннаго, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ высказывается однако уже гораздо опредѣленнѣе Эбрарда, во всякомъ случаѣ гораздо смѣлѣе и откровеннѣе. Такъ, напри- мѣръ, относительно социніанъ и арминіанъ и вообще подобнаго рода обществъ, Эбрардъ все еще не обнаруживаетъ достаточной рѣшительности: съ одной стороны, конечно онъ даетъ намъ неоспоримое право включать подобныя общества въ составъ его церкви; съ другой же стороны самъ онъ нигдѣ прямо не говоритъ намъ, какъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на нихъ? Дѣйстви- тельно ли они представляютъ собою „*cives ecclesiae*“ въ полномъ

⁸¹⁾ Такъ напри- мѣръ Эбрардъ говоритъ о „сектахъ анабаптистовъ“ (стр. 410), несмотря на то, что анабаптисты видимыхъ таинствъ вообще отнюдь не отвергаютъ, а отвергаютъ только въ частности необходимость крещенія дѣтей. Точно также и социніане съ арминіанцами, не отвергая вообще видимыхъ таинствъ, признаютъ однако крещеніе дѣтей не необходимымъ, а просто только позволительнымъ. Но мы увидимъ далѣе, что и самъ Эбрардъ понимаетъ необходимость таинствъ вообще и въ частности необходимость крещенія дѣтей—въ такомъ смыслѣ, что онъ едва ли имѣетъ право называть анабаптистовъ сектантами въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. обществами, отдѣлившимися отъ церкви и стоящими внѣ ея.

⁸²⁾ Что самъ Эбрардъ, рассматривая разныя ученія и мнѣнія, признаетъ одни изъ нихъ какъ бы болѣе чистыми и существенными, другія менѣе чистыми и существенными, а иные прямо даже грубыми заблужденіями, — это, разумеется, еще не очень важно. Важно то, существуютъ ли вообще какіе-нибудь объективные признаки истины въ отличіе ея отъ заблужденія? Чтобы имѣть дѣйствительное право дѣлать различіе между ученіями болѣе и менѣе чистыми, нужно имѣть въ виду, какъ образецъ, какъ норму, какое-нибудь уже данное, опредѣленное и притомъ абсолютно чистое ученіе; а гдѣ же оно у Эбрарда? Ссылка же на Слово Божіе, на Св. Писаніе, какъ на критерій для различенія истины отъ заблужденія,—такая ссылка въ устахъ Эбрарда и всѣхъ подобныхъ ему не имѣетъ, какъ увидимъ далѣе, никакого смысла.

смыслъ“, или же ихъ почему-либо слѣдуетъ относить къ числу сектъ? Швейцеръ въ этомъ случаѣ оказывается не въ примѣръ рѣшительнѣе. Онъ заявляетъ прямо, категорически, что дѣйствительно „социніане и арминіане не секты“; „они только малыя протестантскія церковныя партіи“, имѣющія такія же права на принадлежность къ составу церкви, какъ напримѣръ реформаты, лютеране, греки, англикане, католики и другіе ⁸³⁾. Но за то бѣднымъ квакерамъ, а равно и всѣмъ тѣмъ обществамъ, которыя находятся съ ними въ родствѣ, — рѣшительно не счастливится: они и по Швейцеру не находятъ себѣ мѣста въ церкви и по видимому не попадаютъ даже и въ число „оглашенныхъ“. Вообще всѣ тѣ общества, которыя принадлежали и принадлежатъ къ разнаго рода иллюминатистическимъ, мистическимъ, а равно и такъ-называемымъ у Швейцера „только библейскимъ“ (т.-е. утверждающимся только на Библии, „связаннымъ ея буквою“ и питающимъ „неуваженіе къ тысячелѣтнему церковному опыту и развитію“) направленіямъ христіанской мысли и жизни, — всѣ эти общества изъ состава церкви рѣшительно исключаются ⁸⁴⁾. Впрочемъ относительно мистическихъ направленій вопросъ по видимому еще не рѣшенъ окончательно; такъ по крайней мѣрѣ можно думать относительно pietistovъ, которые въ одномъ мѣстѣ у Швейцера какъ будто не принадлежатъ къ церкви ⁸⁵⁾, въ другомъ же какъ будто принадлежатъ къ ней ⁸⁶⁾.

Неудивительно, если читатель недоумѣваетъ и спрашиваетъ: чѣмъ же собственно, какимъ началомъ руководится Швейцеръ, включая въ составъ церкви однихъ и выключая изъ него другихъ? Чтѣ онъ разумѣетъ подъ сектою вообще, говоря напримѣръ съ такою рѣшительностью, что „социніане и арминіане — не секты“? Когда Швейцеръ заявляетъ намъ, что подъ сектою онъ разумѣетъ „партію, выдѣляющуюся изъ церкви“ ⁸⁷⁾, то изъ этихъ словъ его мы еще не узнаемъ ничего опредѣленнаго. Такъ какъ, по его же словамъ, „могутъ существовать партіи органи-

⁸³⁾ *Schweizer*, стр. 367.

⁸⁴⁾ Тамъ же.

⁸⁵⁾ Тамъ же.

⁸⁶⁾ *Schweizer*, стр. 365.

⁸⁷⁾ *Schweizer*, стр. 365—366.

зованныя и обособленныя и внутри церкви“, могут существовать „ереси здравыя“ (gesunde Häresien) въ отличіе отъ „нездоровыхъ“ (ungesunde) ⁸⁸⁾; то медоумѣніе въ данномъ случаѣ не только не устраняется, но напротивъ получаетъ еще большую силу. Становится еще любопытнѣе узнать, какъ же въ самомъ дѣлѣ отличить „партію выдѣляющуюся изъ церкви“ отъ „партіи организованной и обособленной“ и однако существующей „внутри церкви“? Какъ отличить ересь „здравую“ отъ „нездоровой“?

Что Швейцеръ желалъ и пытался разрѣшить эти вопросы, — не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, но какъ разрѣшилъ онъ ихъ и разрѣшилъ ли какъ-нибудь, — это дѣло иное. Чтобы охарактеризовать дѣйствительные результаты, которыхъ достигаетъ въ настоящемъ случаѣ Швейцеръ, мы должны коснуться общихъ и основныхъ понятій его о церкви.

Нужно знать, что при изложеніи вообще своего взгляда на церковь Швейцеръ настаиваетъ на необходимости строгаго различенія между *основаніемъ* или *фундаментомъ* (Grundlegung, Grundlage, Fundament) церкви и ея *продолженіемъ* или *созиданіемъ* (Fortbestehen, Ausbau) ⁸⁹⁾. Думаемъ, что не будетъ большимъ преступленіемъ съ нашей стороны, если мы въ настоящемъ случаѣ начнемъ такъ-сказать съ конца, — покажемъ прежде всего, какъ Швейцеръ смотритъ на церковь въ ея продолженіи или созиданіи.

Созиданіе церкви отмѣчается у него двумя характеристическими чертами: *большою измѣчивостію въ ея развитіи и одновременнымъ разнообразіемъ въ ея образованіи* (sehr veränderliche Entwicklung und gleichzeitige Mannigfaltigkeit der Gestaltung) ⁹⁰⁾.

Первую черту мы должны понимать такъ: церковь какъ общество, имѣющее цѣлью то, что называется вообще „освященіемъ“ ⁹¹⁾, призвана развиваться все болѣе и болѣе, призвана идти

⁸⁸⁾ Schweizer, стр. 365.

⁸⁹⁾ Schweizer, стр. 366 и дал.

⁹⁰⁾ Schweizer, стр. 353.

⁹¹⁾ Подъ „освященіемъ“ Швейцеръ разумѣетъ *развитіе*—какъ въ отдѣльной личности, находящейся въ церкви, такъ равно и въ цѣлой церкви, какъ обществѣ,—„такъ-называемой „спасительной“ или „истинной жизни“, т.-е. жизни святой въ смыслѣ нравственно-чистой, праведной, непорочной. См. у Швейцера, стр. 150—152.

по пути осуществленія указанной цѣли все далѣе и далѣе. Но однако въ дѣйствительности эта цѣль церкви осуществляется ею не всегда одинаково. Вопервыхъ, освященіе церкви не бываетъ „всегда равномерно прогрессирующимъ“; напротивъ въ немъ „обнаруживается то приостановка, то медленное, то быстрое движеніе впередъ и послѣ особенно быстрого роста спокойное обладаніе приобретеннымъ въ ней дѣлается даже потребностью“. Во вторыхъ, „этотъ неравномерный ростъ (церкви) не всегда также идетъ и по прямой линіи“. Церковь иногда „оставляетъ прямой путь“; въ ней происходятъ „заблужденія, недостатки, состоянія поврежденія, требующія очищенія, реформаторскаго возстановленія“. Да и вообще „освященіе церкви никогда не бываетъ абсолютно чистымъ“; напротивъ, оно „всегда остается въ столь же значительной степени нечистымъ (so sehr eine doch immer noch getrübt), какъ и освященіе каждой отдѣльной личности“, — съ тою только немаловажною разницею, что въ церкви, такъ какъ она состоитъ изъ многихъ лицъ, никогда всѣ члены ея во всей ихъ совокупности не находятся на одинаковой степени прогресса или регресса въ дѣлѣхъ освященія, и кромѣ того церкви, какъ бы ни заблуждалась она и сколько бы ни терпѣла поражений отъ грѣшнаго міра, къ борьбѣ съ которыми она призвана, — во всякомъ случаѣ дано обѣтованіе конечной побѣды надъ міромъ — обѣтованіе, что врата адавы не одолѣютъ ее²¹⁾.

Теперь далѣе—вторую особенность церкви созидающей, состоящую въ разнообразіи самаго ея образованія, слѣдуетъ понимать такъ, что церковь въ ея продолженіи или созиданіи никогда не чужда своего рода „раздѣленій“, что она представляетъ собою вообще „множество и разнообразіе церковныхъ организмовъ“. Эти „раздѣленія внутри церкви“ естественны и законны; они „основываются на божественномъ распоряженіи (Ordnung) и на законахъ человѣческой природы: вотъ почему они и не могутъ быть порицаемы“²²⁾. И замѣчательно, что хотя они обнаруживаются въ церкви уже очень рано — начиная съ самаго первоначальнаго времени (Urzeit) ея существованія, од-

²¹⁾ Schweizer, стр. 353—355.

²²⁾ Schweizer, стр. 364.

нако въ то же время нисколько не препятствовали и не препятствуютъ ей быть церковью единою и вселенскою. На единствѣ и вселенствѣ церкви Швейцеръ настаиваетъ также сильно, какъ на множествѣ и разнообразіи ея отдѣльныхъ организмовъ. Въ виду этого разумѣется, тѣмъ интереснѣе намъ узнать: о какихъ „раздѣленіяхъ внутри церкви“, о какомъ разнообразіи и множествѣ церковныхъ организмовъ идетъ рѣчь у Швейцера? Въ чемъ обнаруживаются всѣ эти разнообразныя и многія церковныя раздѣленія, нисколько однако не препятствующія церкви быть единою и вселенскою? Оказывается, что очень и очень во многомъ. Не подлежитъ разнообразію единственно только то, что называется у Швейцера „основаніемъ“ или „фундаментомъ“ церкви. Именно только этотъ фундаментъ и долженъ быть вездѣ и всегда одинаковымъ; затѣмъ во всемъ остальномъ—свобода и разнообразіе. Разнообразіе можетъ обнаруживаться не только въ „формахъ культа и церемоніальныхъ обычаевъ“ (Cultformen und ceremonielle Gebräuche), но вообще во всей церковной организаціи, лишь бы только эта послѣдняя не отрывалась совершенно отъ основанія церкви и могла такъ или иначе быть пригодною для него; потому что „то, что отклонилось (или оторвалось) отъ основанія, уже не есть церковь“ ⁴¹). „Позволительна, говоритъ Швейцеръ, всякая церковная организація, какая только оказывается пригодною для того (т.-е. для основанія или фундамента церкви); потому что все это не можетъ быть дѣломъ совѣсти, не можетъ быть условіемъ для достиженія цѣли церкви,—для спасенія“. Мало того, не можетъ быть дѣломъ совѣсти „даже и процессъ догматизированія“ (Dogmatisierungsprozess), т.-е. поясняетъ Швейцеръ—опредѣленное, научное (Lehrhafte) формулированіе содержанія вѣры; потому что какъ скоро сформулированное положеніе взваливаютъ на совѣсть, происходитъ суевѣріе, будто эти опредѣленія и построенія (Präzisiren und Ausbauen) имѣютъ такое же безусловное достоинство, какое присуще фундаменту, будто само по себѣ принятіе (Aufsichnehmen) догматическаго положенія есть заслуга. Скорѣе должна *испасть свобода* здѣсь христіанская свобода, тѣмъ болѣе, что различныя вѣка въ процессѣ догматизированія такъ замѣтно несходны, неодина-

⁴¹) *Schweizer*, стр. 356.

ковы, что ортодоксальное теперь оказывается въ иной разъ гетеродоксіей. *Вообще непогрѣшимость не имѣетъ мѣста въ догматизированіи не говоря уже о положеніяхъ нравственнаго ученія или церковнаго права*“⁹⁵⁾.

И такъ относительно догматовъ вѣры, относительно вѣроученія въ церкви должна существовать свобода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнообразіе исповѣданій. Но не можетъ ли однако такая свобода вредить каѳолическому единству церкви? Нисколько. „Каѳолическое единство церкви, говоритъ Швейцеръ, не исключаетъ множества и разнообразія церковныхъ организмовъ съ неодинаково образовавшимся исповѣданіемъ (mit ungleich gestaltetem Bekenntniss), скорѣе только чрезъ это оно и можетъ осуществляться“⁹⁶⁾. Желательно только, чтобы всѣ эти многіе и разнообразные церковные организмы не только имѣли между собою взаимное „братское“ общеніе, но чтобы каждый изъ нихъ за всѣми остальными признавалъ вообще право на существованіе, чтобы всѣ они однимъ словомъ имѣли между собою „истинную унію“, т.-е. такую унію, задача которой, по идеалу Швейцера, должна состоять не въ томъ, чтобы множество церковныхъ организмовъ уничтожилось или „сплавилось“ въ какомъ-либо одномъ организмѣ⁹⁷⁾, но наоборотъ—въ томъ, чтобы существующіе церковные организмы признавали именно одинъ за другимъ право на существованіе и имѣли между собою взаимное братское общеніе — такъ, чтобы члены одного опредѣленнаго „конфессіональнаго типа“ могли въ случаѣ надобности находить себѣ религіозное возбужденіе и утѣшеніе между членами другаго „конфессіональнаго типа“, чтобы члены, напримѣръ, лютеранской церкви не затруднились принимать евхаристію отъ реформатовъ, а реформаты въ свою очередь отъ лютеранъ⁹⁸⁾. Но главное, что не только желательно, но и положительно необходимо

⁹⁵⁾ *Schweizer*, стр. 357.

⁹⁶⁾ *Schweizer*, стр. 368.

⁹⁷⁾ „Такъ-называемая, говоритъ Швейцеръ, ортодоксальная вѣроисповѣданная уніа (т.-е. уніа между нѣсколькими церковными организмами подъ условіемъ и на основаніи приматія ими какого-либо одного опредѣленнаго исповѣданія, какъ истиннаго, какъ православнаго) есть просто небылица“ (Unding). Стр. 369.

⁹⁸⁾ *Schweizer*, стр. 367—370.

димо для каждаго церковнаго организма, насколько онъ есть дѣйствительно *церковный* организмъ, а не ересь, не секта, — это то, чтобы всѣ организмы такого рода, какъ бы ни было велико различіе между ними, утверждались на одномъ общемъ основаніи, на одномъ фундаментѣ церкви; потому что то, что сдвинулось съ этого фундамента, оторвалось отъ него, или не имѣло его, уже не есть церковь⁹⁹⁾. Значить, когда Швейцеръ совѣтуетъ намъ „не смѣшивать правильно происходящаго (*rechtmässig entstehende*) множества разнообразныхъ церковныхъ организмовъ съ ересями, схизмами, сепарациями и сектами“¹⁰⁰⁾, то воспользоваться этимъ совѣтомъ мы можемъ (если только можемъ) не иначе, какъ только познакомившись съ тѣмъ, что называется у него „основаніемъ“ или „фундаментомъ“ церкви. И познакомиться съ этимъ безъ сомнѣнія тѣмъ необходимѣе и тѣмъ любопытнѣе, что на основаніи всего, доселѣ узнаннаго нами, намъ не только трудно различать между правильно и неправильно происходящими церковными раздѣленіями, но трудно даже и предположить, придумать здѣсь какое-либо различіе.

Итакъ обращаемся теперь къ основанію церкви или, какъ иначе выражается Швейцеръ, — къ неизмѣннымъ, неотъемлемымъ, всегда одинаково пребывающимъ, основнымъ чертамъ церкви и ея *существеннымъ отличительнымъ признакамъ*. Посмотримъ, какіе это „признаки“ церкви.

Къ неизмѣннымъ, неотъемлемымъ, основнымъ чертамъ церкви и ея существеннымъ признакамъ относятся прежде всего „*церковныя* благодатныя средства“ именно „установленное употребленіе Слова Божія и таинствъ“ (*geordnete Zudienung des Wortes und der Sacramente*)¹⁰¹⁾. Главнымъ изъ этихъ церковныхъ, благодатныхъ средствъ признается у Швейцера Слово Божіе, таинства же (крещеніе и евхаристія) имѣютъ значеніе только

⁹⁹⁾ *Schweizer*, стр. 356—357.

¹⁰⁰⁾ *Schweizer*, стр. 363.

¹⁰¹⁾ *Schweizer*, стр. 333. Подобно Ричарду Ротъ, Швейцеръ допускаетъ множество благодатныхъ, средствъ, и указаннаго собственно „церковныя“ благодатныя средства „суть только наиболѣе важныя между очень многими подобными образомъ дѣйствующими средствами.“ См. стр. 162. Благодатное средство какъ такое *всегда* есть *чувственно наблюдаемое*. Стр. 170—171.

лишь „вспомогательнаго благодатнаго средства (unterstützende Gnadenmittel), которое само по себѣ безъ Слова не можетъ посредствовать благодати, тогда какъ Слово можетъ дѣлать это и само по себѣ, хотя гораздо легче и вѣрнѣе дѣлаетъ это при содѣйствіи таинствъ“¹⁰²). Вообще Швейцеръ (въ отличіе отъ Эбрарда) признаетъ, что Слово Божіе важнѣе таинствъ, и если послѣднія называются у него „средствами и проводниками благодати“¹⁰³), то это вовсе не слѣдуетъ понимать въ прямомъ; собственномъ смыслѣ; потому что на самомъ дѣлѣ таинства, сами по себѣ взятая, рѣшительно никакой благодати не проводятъ и не даютъ человѣку. „Спасительная благодать сообщается чрезъ Слово, таинствами же, какъ нѣкоторыми символическими залогоми (in sinnbildlichen Unterpfand) это сообщеніе подкрѣпляется и подтверждается“¹⁰⁴). Таинства въ отношеніи къ слову Божію, какъ благодатному средству, служатъ только его „придатками“ (Anhängel), его символическими „печатами и залогоми“¹⁰⁵). Но само собою понятно, что даже и символическими

¹⁰²) *Schweizer*, стр. 189, 170.

¹⁰³) *Schweizer*, стр. 190.

¹⁰⁴) *Schweizer*, стр. 170. Вообще Швейцеръ (вмѣстѣ съ Ротэ) въ данномъ случаѣ рѣзко отличается отъ Эбрарда. По Эбрарду, какъ мы видѣли, благодать возраждающая (gratia operans et cooperans) сообщается именно чрезъ таинства, а чрезъ посредство Слова Божія сообщается только благодать *обращающаяся* (gratia operariens). У Швейцера (а также у Ротэ) совсѣмъ иначе: благодать Божія не только обращающаяся, но и возраждающая, освящающая, подается именно и „существенно“ чрезъ Слово Божіе; чрезъ него Св. Духъ даруетъ человѣку „вполнѣ“ и оправданіе и новое начало жизни; чрезъ посредство же таинствъ только лишь подтверждается, подкрѣпляется (для вѣры) то самое, чтó сообщается чрезъ Слово Божіе. См. у Швейцера стр. 150—200. Ср. у Ротэ, *Dogmatik*, zweiter Theil, erste Abtheil.—стр. 294.

¹⁰⁵) *Schweizer*, стр. 189, 194. Такой точно взглядъ на таинства и у Ротэ. Таинства, по его ученію, суть такія вѣщныя, видимыя, „символическія *действія*“, которыя по своей природѣ соотвѣтствуютъ внутреннимъ, сокровеннымъ. не подлежащимъ вѣшнему наблюденію, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ, реальнымъ актамъ или процессамъ,“ и именно процессамъ не просто естественнымъ, нравственнымъ, но „существенно сверхъестественнымъ“ и „*символически христианскимъ*.“ Соотвѣствуя такимъ „духовнымъ реальностямъ,“ таинства имѣютъ дѣлю указывать на нихъ, свидѣтельствовать о нихъ, запечатлѣвать вѣру въ нихъ и служить для вѣры дѣйствительными ихъ залогоми. (Rothe, *Dogmatik*, zweiter Theil, erste Abtheil. стр. 303—306). Воз-

залогами, укрѣпляющими и запечатлѣвающими *сѣру* чловѣка въ даруемую ему чрезъ посредство Слова Божія спасительную благодать, — таинства могутъ быть только для того, кто дѣйствительно вѣруетъ, что ему чрезъ посредство Слова Божія сообщается благодать, и ищетъ только лишь внѣшняго подкрѣпленія, внѣшняго запечатлѣнія своей вѣры; а кто не вѣруетъ и слѣдовательно вообще не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, засвидѣтельствованияхъ и запечатлѣніяхъ своей вѣры, для того таинства не имѣютъ никакого значенія, т. е. они въ немъ ничего не укрѣпляютъ и не запечатлѣваютъ ¹⁰⁶).

вѣрніе, конечно, для протестантовъ не новое, но оно и не выдается за новое ни Швейцеромъ, ни Ротъ. Что же касается Эббарда, то хотя напримѣръ крещеніе и называется у него точно также символомъ, печатью и залогомъ духовнаго возрожденія (стр. 598—596), но вообще взглядъ его на сущность таинствъ, какъ увидимъ ниже, не отличается опредѣленностью.

¹⁰⁶) Вотъ что, напримѣръ, мы узнаемъ о крещеніи: тамъ гдѣ нѣтъ внутренняго обращенія, а только наружный видъ его,—тамъ крещеніе ничего не можетъ запечатлѣвать. (Швейцеръ, стр. 201). Вообще „дѣйствіе ихъ (таинствъ)“, говоритъ Швейцеръ, равно какъ и дѣйствіе Слова Божія — отнюдь не есть какое-либо магическое, которое должно слѣдовать въ силу внѣшняго акта *eo ipso*...., спасительная благодать всегда (*überall*) воспринимается только вѣрою. Какъ Слово Божіе не очищаетъ (чловѣка) потому только, что оно высказано, но именно потому что вѣруютъ въ него, такъ и сообщаемое въ таинствахъ (*Sache des Sacraments*) воспринимается не вслѣдствіе простого употребленія знаковъ (т. е. внѣшнихъ элементовъ таинства), но только лишь вѣрою.“ При этомъ однако Швейцеръ увѣряетъ насъ, что „благодѣтельныя средства достигаютъ своей спасительной силы“ вовсе не потому, что они „дополняются нашею вѣрою;“ они сами *по себѣ* всегда дѣйствительно приносятъ благодать съ собою, приносятъ ее *не смотря на нашу вѣру*, но только не могутъ безъ вѣры сообщить ее: вѣра необходима именно, какъ воспринимающая сила или воспринимающій органъ. Вѣру же, предполагаемая, можетъ и долженъ имѣть всякій чловѣкъ, пользующійся благодѣтельными средствами: вотъ почему именно „какъ непріятіе (вѣрою) Слова Божія, такъ равно и непріятіе представляемой въ сакраментальномъ образѣ (*Abbild*) благодати, служатъ (непринятому) въ осужденіе, привлекаетъ на него судъ.“ (Швейцеръ, стр. 193, 201). Возвѣрніе сходное со Швейцеровымъ, только не такъ подробно раскрытое, находимъ мы и у Ротъ. Такъ, напримѣръ, отнюдь не таинства мы узнаемъ отъ него, что „*ges sacramentales*“ т. е. тѣ внутренніе, реальныя и существенно сверхъестественныя процессы, которые соотвѣтствуютъ и на которые указываютъ таинства, „не необходимо связаны, не безусловно посредствуются, а потому и по времени не всегда со-

Приписывая такое не высокое значеніе таинствамъ, считая ихъ не болѣе какъ „придатками“ къ Слово Божію, Швейцерь въ одномъ мѣстѣ не напрасно спрашиваетъ: нельзя ли даже совсѣмъ обойтись безъ этихъ придатковъ? Нельзя ли остаться

падаютъ“ съ тѣмъ, что называется „actus sacramentales“ т. е. таинствами, какъ „вѣшними, видимыми, символическими дѣйствіями.“ Таинства дѣйствуютъ вообще не ex opere operato и потому не всѣмъ безъ исключенія даютъ то, что обозначаютъ, но только лишь вѣрующимъ (Dogmatik zweit. Theil, Erste Abtheil. стр. 302, 304, 306). Со Швейцеровъ и Ротѣ въ сущности согласенъ и Эбрардъ, согласенъ именно въ томъ, что благодатныя средства „дѣйствуютъ не безусловно,“ не магически, не ex opere operato.“ Напримѣръ, не всѣ крещенные потому только, что они крещены, становятся дѣйствительно „возрожденными,“ но именно только внутренно „обращенные“ дѣйствительно возрождаются чрезъ крещеніе; равно какъ не всѣ слушающіе Слово Божіе потому только, что слушаютъ его, дѣлаются дѣйствительно „обращенными,“ но только лишь тѣ изъ слушающихъ, которые „дозволяютъ“ Богу обратить себя. (Эбрардъ—стр. 379, 414, 595, 738). Но въ то же время у того же Эбрарда мы читаемъ, что „благодатное средство всегда имѣетъ какое-нибудь дѣйствіе и никогда не бываетъ бездѣйственнымъ (Gnadenmittel immer irgend etwas wirken und nie wirkungslos sind), а о Слово Божіемъ узнаемъ даже, что „оно всегда безусловно (unbedingt) имѣетъ какое-нибудь дѣйствіе и никогда не бываетъ бездѣйственнымъ (Эбрардъ—стр. 566, 584). Какъ понимать эти выраженія? По видимому у Эбрарда выходитъ противорѣчіе: съ одной стороны благодатныя средства „дѣйствуютъ не безусловно,“ съ другой же стороны они не только „никогда не бываютъ бездѣйственными, но что касается собственно Слова Божія, то оно всегда „безусловно имѣетъ какое-нибудь дѣйствіе. Безъ сомнѣнія выражаться такъ неточно, неопредѣленно Эбрарду не слѣдовало бы ни въ какомъ случаѣ, еслибы даже онъ, говоря о безусловномъ и безусловномъ дѣйствіи благодатныхъ средствъ, допускалъ здѣсь различіе между собственно благодатными дѣйствіями и благодатными средствами или словами, и именно только первыя признавалъ безусловными, а вторыя условными. Но хотя у него и допускается различіе между дѣйствіями благодатныхъ средствъ и слѣдствіями этихъ дѣйствій, однако нужно знать, какое это различіе? „Христосъ, говоритъ онъ, къ каждому благодатному средству прилагаетъ извѣстное дѣйствіе своего Св. Духа; но, конечно, при этомъ только отъ вѣры и покаянія, или же отъ невѣрія и нераскаянности именно того лица, которому преподано извѣстное благодатное средство, зависитъ то, какое слѣдствіе будетъ имѣть то дѣйствіе,—будетъ ли оно благодатнымъ дѣйствіемъ (Gnadenwirkung), или же послужитъ ему въ осужденіе, будетъ ли оно къ жизни или къ смерти, къ благословенію или къ проклятію“ (стр. 391; ср. 566, 584). Итакъ дѣйствіе благодатныхъ средствъ не всегда бываетъ „благодатнымъ“ дѣйствіемъ. Но въ какомъ же смыслѣ оно

при одномъ Словѣ Божиємъ ¹⁰⁷⁾? И хотя въ этомъ мѣстѣ, а также и во многихъ другихъ, онъ старается доказать, что нельзя, что „тайинства (равно какъ и проповѣдь Слова Божія) для церкви совершенно необходимы“ ¹⁰⁸⁾; однако, рассуждая напримѣръ о необходимости крещенія, онъ же самъ высказываетъ вотъ что: „необходимость крещенія не есть какая-либо абсолютная, потому что спасеніе происходитъ отъ сообщенія благодати, а не отъ ея запечатлѣнія“ ¹⁰⁹⁾. Мало того, мы узнаемъ, что не только крещеніе, но и вообще „тайинства не безусловно необходимы для спасенія“ ¹¹⁰⁾. И нужно замѣтить, что такъ думаетъ не одинъ Швейцеръ. Также мѣстѣ съ нимъ думаютъ и Эбрардъ и Ротъ. Признавая тайинства „совершенно необходимыми для церкви,“ они въ то же время утверждаютъ, что необходимость ихъ для спасенія отнюдь

иногда (т. е. при недостаткѣ вѣры и покаянія) не бываетъ благодатнымъ дѣйствіемъ?—въ томъ ли именно, что невѣрующіе и некаящіеся вообще отъ благодатнаго средства не получаютъ никакой благодати Божіей, или въ томъ, что хотя они и получаютъ благодать Божію наравнѣ съ вѣрующими, какъ нѣкоторое дѣйствительно имъ преподанное, реальное благо, но именно только вслѣдствіе ихъ невѣрія и нераскаянности это полученное ими реальное благо не становится такъ-сказать *въ нихъ и для нихъ* дѣйствительнымъ благомъ, не преобразовываетъ ихъ соотвѣтственно своей природѣ, не дѣлаетъ ихъ по ихъ винѣ тѣмъ, чѣмъ оно при извѣстныхъ условіяхъ можетъ и должно ихъ дѣлать? На этотъ-то важнѣйшій и существеннѣйшій вопросъ мы у Эбрарда и не находимъ отвѣта, такъ что остается совершенно непонятнымъ, въ чемъ, но Эбрарду, должно заключаться то *дѣйствіе* благодатныхъ средствъ, которое не бываетъ *благодатнымъ* дѣйствіемъ? Конечно, не можетъ же оно заключаться прямо въ „обужденіи“ или „проклятіи.“ Осужденіе или проклятіе не есть *дѣйствіе* благодатныхъ средствъ — сами по себѣ благодатныя средства, съ чѣмъ согласенъ и Эбрардъ, имѣютъ свою единственную цѣль давать всѣмъ спасеніе, благословеніе, жизнь вѣчную,—но именно только *средствіе* выше означеннаго недостойнаго или ненормальнаго внутренняго отношенія со стороны *человѣка* къ благодатнымъ средствамъ. Такимъ образомъ отличается ли Эбрардъ въ данномъ случаѣ отъ Швейцера и Ротъ — сказать очень трудно, хотя, какъ мы видѣли, въ ученіи о безусловномъ, немагическомъ дѣйствіи благодатныхъ средствъ онъ совершенно съ ними согласенъ.

¹⁰⁷⁾ *Schweizer*, стр. 169.

¹⁰⁸⁾ *Schweizer*, стр. 334.

¹⁰⁹⁾ *Schweizer*, стр. 203.

¹¹⁰⁾ *Schweizer*, стр. 324.

„не есть какаа-либо абсолютная“ ¹¹¹). Что же это значитъ? Противорѣчiе здѣсь или нѣтъ?

Увѣряютъ, что противорѣчiя никакого нѣтъ. Положенiемъ: *necessitas sacramentorum non est absoluta*—выражается, говорятъ, только та мысль, что Богъ отнюдь такъ-сказать не связанъ таинствами, что Онъ можетъ спасать, можетъ приобщить къ своему царству даже и такихъ людей, которые по какимъ-либо независающимъ отъ нихъ обстоятельствамъ не могли получить установленнаго и совершаемаго въ церкви крещенiя, что спасенiе однимъ словомъ возможно и внѣ церкви ¹¹²). Допустимъ. Но несмотря на такое объясненiе, все же какъ-то трудно понять, какимъ образомъ таинства могутъ быть „совершенно необходимы для церкви,“ если они „не безусловно необходимы для спасенiя.“ Церковь, спрашивается, для чего существуетъ? Развѣ не для того именно, чтобы всѣмъ ищущимъ спасенiя давать спасенiе, всѣмъ желающимъ быть общниками и наслѣдниками царства Божiя указывать истинный путь къ этому царству и предлагать истинныя средства войти въ него? Не сами ли представители излагаемаго ученiя (и въ томъ числѣ Швейцерь), желая доказать связь между царствомъ Божiимъ и церковью, единогласно утверждаютъ, что церковь на землѣ затѣмъ существуетъ, чтобы быть здѣсь столько же обнаруженiемъ, сколько именно посредницей царства Божiя, т.-е. столько же посредницей спасенiя, сколько и обществомъ спасаемыхъ? ¹¹³)

¹¹¹) См. у Эбрарда стр. 603, 631, 693. Что касается Рота, то ни въ его „Anfange“ ни въ его „Dogmatik“ мы правда не находимъ ясно выраженнаго ученiя о неабсолютной необходимости таинствъ для спасенiя, но это предполагается съ одной стороны его ученiемъ о существованiи благодатныхъ средствъ и внѣ церкви, съ другой же стороны цѣлымъ возрѣнiемъ его на то значенiе церкви, какое она имѣетъ въ дѣлѣ развитiя царства Божiя на землѣ. Да и вообще, какъ справедливо замѣчаетъ Эбрардъ, это ученiе не есть ученiе новое, — его можно найти у многихъ древнихъ протестантскихъ и въ особенности *реформатскихъ* богослововъ.

¹¹²) Ebrard, стр. 603; Schweizer, стр. 203.

¹¹³) Что касается собственно Швейцера, то мы уже имѣли случай замѣтить, что въ возрѣнiи на посредничество церкви онъ въ сущности согласенъ съ Крауссомъ. Хотя онъ и настаиваетъ на томъ, что церковь есть посредница благодати Божiей или царства Божiя, въ смыслѣ учрежденiя (An-

Развѣ кромѣ этой цѣли есть у церкви еще какая-либо другая цѣль, другое назначеніе, которымъ объяснялся бы смыслъ и опредѣлялась бы необходимость ея земнаго существованія? Нѣтъ, никакой другой цѣли намъ не указываютъ. А если нѣтъ, если единственная цѣль церкви—быть посредницей спасенія и вмѣстѣ обществомъ спасаемыхъ, то отсюда самъ собою получается такой выводъ: все, что безусловно необходимо для спасенія, должно быть безусловно необходимо и для церкви—и наоборотъ: все, что для спасенія не безусловно необходимо, должно быть таковымъ же и для церкви. Если такимъ образомъ таинства признаются „не безусловно необходимыми для спасенія“, то значить они и для церкви, какъ посредницы спасенія и общества спасаемыхъ, не могутъ быть „совершенно необходимыми“; и тѣмъ болѣе не могутъ, что они, какъ мы знаемъ, и по самой сущности своей таковы, что отъ нихъ прямо и непосредственно и не зависитъ спасеніе. „Спасеніе зависитъ отъ сообщенія благодати, а не отъ ея запечатлѣнія“. Таинства же сами по себѣ только лишь запечатлѣваютъ благодать, но и то не всегда: „крещеніе, напримѣръ, ничего не запечатлѣваетъ тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго обращенія“. Да и вообще таинства (равно какъ и Слово Божіе) „дѣйствуютъ отнюдь не безусловно“, но именно только подъ условіемъ *внутренняго обращенія* ¹⁴⁾.

stalt, anstaltliches Institut), т.е. въ смыслѣ именно совершительницы таинствъ и проповѣдницы Слова Божія (стр. 333, 334; ср. 165), но въ то же время онъ какъ будто и самъ не вѣритъ этому и спѣшитъ заявить, что церковь во всякомъ случаѣ есть „прежде всего общество вѣрующихъ“, „организмъ вѣрующаго общества“ (стр. 335, ср. 333), которое оказывается посредникомъ благодати Божіей (или царства Божія) настолько, „насколько оно представляетъ самого Христа, Его принципъ и дѣло. (Sein Princip und Wirken, стр. 162).

¹⁴⁾ Крещеніе младенцевъ при этомъ однакоже не отвергается, несмотря на то, что Швейцеру представляется просто „чудовищнымъ“ ученіе о существованіи въ младенцахъ какой-либо вѣры или вообще того „внутренняго обращенія“, при которомъ только и возможно сообщеніе благодати, запечатлѣваемой въ таинствахъ. Крещеніе младенцевъ есть „торжественное запечатлѣніе спасенія, даннаго въ христіанствѣ“. Возможность же этого запечатлѣнія объясняется такимъ образомъ. Спасительная благодать, запечатлѣваемая таинствами, „сообщается въ дѣйствительности не необходимо въ мо-

Но если такъ, то позволительно спросить: въ какомъ же смыслѣ таинства (т.-е. ихъ совершеніе и употребленіе) могутъ быть существеннымъ и отличительнымъ признакомъ церкви? Какую церковь мы можемъ узнать на основаніи такого признака? Разумѣется не ту, которая на самомъ дѣлѣ есть *посредница спасенія и вмѣстѣ и общество спасаемыхъ*,—не ту, въ которой дѣйствительно совершается „переходъ изъ первоадамова человечества во втораадамово“. Узнать эту церковь и сказать определенно, гдѣ она находится и гдѣ нѣтъ ея, кто принадлежитъ къ ней и кто нѣтъ,—узнать ее на основаніи вѣшняго употребленія таинствъ (равно какъ и Слова Божія) не только трудно, но и совершенно невозможно съ точки зрѣнія излагаемаго ученія. Никто еще не придумалъ, не изобрѣлъ намъ такого показателя, съ помощью котораго можно бы было точно, вѣрно опредѣлить: въ комъ именно изъ числа тѣхъ, которымъ преподаются благодатныя средства, существуетъ дѣйствительное „внутреннее обращеніе“ и въ комъ только „наружный видъ

ментъ совершенія таинства, но очень часто прежде, очень часто и послѣ“. На этомъ-то основаніи, думаетъ Швейцерь, позволительно крестить и младенцевъ, т.-е. въ виду именно будущаго ихъ развитія, когда они сдѣлаются способными къ вѣрѣ и чрезъ нее къ принятію спасительной благодати. Крещеніе для младенцевъ служитъ печатью, приложенною къ чистому листу, на которомъ уже потомъ, позднѣе должно быть написано то, что подтверждается печатью. Впрочемъ оно вообще отнюдь „не необходимо“, но просто только „позволительно въ виду практическихъ основаній“. Богъ можетъ спасти и не крещеныхъ дѣтей. Поэтому крещеніе по нуждѣ—мірянномъ или бабкою—отвергается. (Швейцерь, стр. 203—211). Не болѣе какъ только „позволительнымъ“, но отнюдь „не необходимымъ“, признаетъ крещеніе дѣтей также и Эбрардъ (какъ признавали и признаютъ его, нужно замѣтить, *реформатскіе богословы*) и отличается отъ Швейцера только тѣмъ, что допускаетъ въ младенцахъ если не вѣру и покаяніе въ собственномъ смыслѣ, то все-таки нѣкоторую потребность и способность быть въ нѣкоторой мѣрѣ „возрожденными“ чрезъ крещеніе (Эбрардъ, стр. 596, 622—625, 631—634). Что же касается Ротэ, то онъ своего взгляда на крещеніе дѣтей не высказываетъ съ надеждою определенностью. Мы узнаемъ только, что обращенія въ новорожденныхъ дѣтяхъ не можетъ быть, но что крещеніе ихъ тѣмъ не менѣе имѣетъ гораздо болѣе основаній за себя нежели противъ себя. А какъ затѣмъ смотреть Ротэ на это крещеніе, какъ на необходимое или же просто только какъ на позволительное—неизвѣстно. (Dogmatik, zweiter Theil Erste Abtheil, стр. 316—317).

его“, слѣдовательно, въ комъ церковь, какъ посредница спасенія, дѣйствительно достигаетъ своей цѣли, сообщая дѣйствительно спасительную благодать чрезъ Слово Божіе и запечатлѣвая ее чрезъ таинства, и въ комъ—нѣтъ. На основаніи такого признака, какъ внѣшнее употребленіе таинствъ, мы можемъ узнать церковь именно какъ внѣшнее общество, какъ общество *принявшихъ видимое крещеніе и принимающихъ видимую евхаристію*,—но и только. Съ этой точки зрѣнія употребленіе таинствъ, разумѣется, признакъ церкви довольно опредѣленный. Съ этой точки зрѣнія Швейцеръ (вмѣстѣ съ Эбрардомъ и Ротэ) конечно имѣетъ право исключать изъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые подобно квакерамъ не принимаютъ видимыхъ таинствъ. Но съ другой стороны такое полное, рѣшительное, совершенное отрицаніе видимыхъ таинствъ, какое мы находимъ на примѣрѣ у квакеровъ, не есть ли именно тотъ результатъ, къ которому прямымъ и естественнымъ путемъ должны были бы придти и Швейцеръ и Эбрардъ и Ротэ, еслибы только въ развитіи своего взгляда на таинства, на ихъ сущность, значеніе и дѣйствіе они не останавливались на половинѣ пути, а развили и провели его до самаго до конца? Въ самомъ дѣлѣ, не ясно ли, что въ этомъ случаѣ квакеры оказываются именно только болѣе послѣдовательными, отвергая совершенно тѣ видимыя таинства, которыя для спасенія не безусловно необходимы, отъ которыхъ совсѣмъ и не зависитъ спасеніе, и изъ которыхъ самое важное, самое необходимое для церкви таинство, именно крещеніе ¹¹⁵⁾, признается для дѣтей вовсе даже „не необходимымъ“, но просто только „позволительнымъ“? Что на сторонѣ квакеровъ только

¹¹⁵⁾ Таинство крещенія—по крайней мѣрѣ у Швейцера—признается вообще гораздо важнѣе таинства евхаристіи: сколько потому, что оно есть „таинство или актъ принятія въ церковь“, столько же и потому, что въ развитіи „спасительной жизни“ лица, вступающаго чрезъ него въ составъ церкви, оно имѣетъ вообще „основополагающее значеніе“; чрезъ посредство же таинства евхаристіи, преподаваемого человѣку уже крещеному, въ этомъ послѣднемъ только укрѣпляется, развивается и воспитывается то, что уже произошло въ немъ или по крайней мѣрѣ должно было произойти, благодаря крещенію. (Швейцеръ, стр. 194, 196, 211 и дал.). И если крещеніе признается не безусловно необходимымъ для спасенія, то послѣ этого можно судить, насколько необходимо для спасенія таинство евхаристіи...

болѣе прямоты и послѣдовательности—кажется это ясно. А вмѣстѣ съ этимъ ясно и то, что употребленіе видимыхъ таинствъ, признаваемыхъ не безусловно необходимыми для спасенія, а иногда и совсѣмъ не необходимыми для него, представители излагаемаго ученія совершенно напрасно стараются выдавать за *существенный и отличный* признакъ той церкви, о которой сами же они утверждаютъ, что единственная цѣль ея, единственная задача—именно только спасеніе грѣшнаго человечества. По этому признаку, какъ было уже замѣчено, мы можемъ отличить только крещеныхъ и принимающихъ видимую евхаристію отъ некрещеныхъ и непринимającychъ евхаристіи; но это отличіе для членовъ церкви было бы дѣйствительно существеннымъ только въ томъ случаѣ, еслибы намъ прямо, откровенно сказали, что совершеніемъ таинствъ какъ видимыхъ дѣйствию именно только и ограничивается цѣль церкви, что этимъ только и исчерпывается, въ этомъ только и состоитъ задача ея. Однако высказываютъ ли это прямо? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; напротивъ насъ увѣряютъ именно въ томъ, что само по себѣ совершеніе таинствъ—не цѣль церкви, но только лишь средство для достиженія единственной цѣли ея, какъ посредницы спасенія, какъ посредницы царства Божія. А такъ какъ при томъ дѣйстви и значеніи таинствъ, какое имъ приписывается, мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности знать, въ комъ изъ принимающихъ таинства дѣйствительно достигается цѣль церкви и въ комъ нѣтъ, и даже достигается ли она въ комъ-нибудь, хотя бы въ какой бы то ни было мѣрѣ (потому что мы рѣшительно никогда и ничѣмъ не гарантированы отъ опасности смѣшенія дѣйствительнаго „внутренняго обращенія“ съ однимъ только „наружнымъ видомъ его“): то вотъ поэтому-то именно совершеніе и употребленіе таинствъ ни коимъ образомъ и не можетъ быть такимъ признакомъ церкви, по которому мы могли бы узнать ее не просто только какъ внѣшнее общество, неизвѣстно для чего существующее, но именно какъ посредницу царства Божія, какъ общество, въ которомъ, по словамъ Эбрарда, совершается „переходъ изъ первоадамова человечества во второадамово“.

Телерь далѣе—о Словѣ Божіемъ. Можетъ ли проповѣданіе

Слова Божія въ церкви быть ея существеннымъ отличительнымъ признакомъ, и если можетъ, то въ какомъ смыслѣ?

Что оно такъ же какъ употребленіе таинствъ не можетъ быть отличительнымъ признакомъ собственно той церкви, которую желаютъ представлять посредницей спасенія и вмѣстѣ обществомъ спасаемыхъ, объ этомъ послѣ сказаннаго о таинствахъ кажется много распространяться нѣтъ надобности. Хотя Слово Божію (у Швейцера и у Ротэ) и приписывается болѣе важное значеніе чѣмъ таинствамъ, хотя оно (у Швейцера) и называется *главнымъ* благодатнымъ средствомъ, не просто только запечатлѣвающимъ, но *сообщающимъ* благодать Божію; однакоже дѣйствуетъ оно такъ же какъ и таинства „не безусловно“, „не магически“; само по себѣ слушаніе его, равно какъ и употребленіе таинствъ „рѣшающаго дѣйствія не имѣетъ“¹¹⁶⁾; оно сообщаетъ спасительную благодать только тому, кто вѣруетъ въ него, а тому, кто не вѣруетъ, оно вообще ничего не сообщаетъ. Но такъ какъ не только очень трудно, но и невозможно отличить истинно вѣрующихъ отъ мнимо вѣрующихъ, то на основаніи проповѣданія Слова Божія, значить, мы никоимъ образомъ и не можемъ знать, гдѣ находится та церковь, которая представляетъ собою общество дѣйствительно вѣрующихъ, слѣдовательно общество облагодатствованныхъ или иначе общество спасаемыхъ. Но мало этого. На основаніи такого признака церкви, какъ проповѣданіе Слова Божія, мы едвали можемъ узнать церковь и опредѣлить объемъ ея даже просто въ смыслѣ *внѣшняго общества* безотносительно къ той связи, которая, какъ говорятъ, существуетъ между этимъ обществомъ съ одной стороны и царствомъ Божіимъ съ другой. Чтобы оправдать это заявленное нами сомнѣніе, намъ нужно только показать: что именно у Швейцера разумѣется подъ Словомъ Божіимъ?

Что „Слово Божіе состоитъ изъ закона и евангелія“¹¹⁷⁾, и что оно должно имѣть внѣшнюю „словесную“ форму (*sprachliche Ausdruck*)¹¹⁸⁾, такого рода опредѣленія сами по себѣ, разу-

¹¹⁶⁾ *Schweizer*, стр. 157, 208.

¹¹⁷⁾ *Schweizer*, стр. 172. Это вообще обычное протестантское опредѣленіе. Его же мы находимъ и у Ротэ. (*Dogmatik. Zweiter Theil. Erste Abtheil.*, стр. 297) и у Эбарда (*Christl. Dogm. Erster Band*, стр. 86).

¹¹⁸⁾ *Schweizer*, 170. Ср. *Rothé*, *Dogmatik Zweiter Theil. Erst. Abtheil.*, стр. 293.

имѣется, еще ничего не даютъ намъ опредѣленнаго, да и не въ нихъ здѣсь дѣло. Намъ въ настоящемъ случаѣ нужно знать, гдѣ именно находится Слово Божіе? гдѣ мы должны искать его? Въ отвѣтъ на это сообщается, что Слово Божіе прежде всего мы не должны смѣшивать съ Св. Писаніемъ, и именно вотъ по какимъ основаніямъ. Существованіе и употребленіе въ церкви Слова Божія есть такая существенная, неотъемлемая и характеристическая черта церкви, которая должна быть присуща ей всегда, во всѣ времена ея историческаго существованія; между тѣмъ было въ жизни церкви время, именно первоначальное время ея исторіи, „когда Св. Писанія, по крайней мѣрѣ Новаго Завѣта, у нея еще совсѣмъ не было“¹¹⁾ Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, „какъ Слово Божіе не содержится только и исключительно въ Писаніи“, такъ равно и „не все заключающееся въ Писаніи есть Слово Божіе“¹²⁾. Поэтому „хотя Писаніе и имѣ-

¹¹⁾ *Schweizer*, стр. 328.

¹²⁾ *Schweizer*, стр. 171. То же и у Ротэ (*Dogm. Zweit. Theil Erste Abtheil.*, стр. 293). Свой взглядъ на отношеніе Св. Писанія къ слову Божію Ротэ раскрываетъ преимущественно въ своихъ статьяхъ въ „*Theol. Studien und Kritiken*“ 1860 г., гдѣ онъ между прочимъ „открыто заявляетъ“, что хотя Библия для него и есть несомнѣнно священная книга, однако онъ „богочеловечности не приписываетъ (*Inspiration nicht beilege*) ей. По крайней мѣрѣ все, что въ Библии представляетъ собою „простое историческое повѣствованіе“, а также все, что есть „результатъ рефлексіи“ или „развитіе ученія“ (*Lehrentwicklung*), равно какъ и всякое содержаніе „научнаго свойства“, все это въ Библии не есть что-либо непогрѣшимое. Обязательное значеніе въ Библии имѣть только то, что относится къ „непосредственному возвѣщенію спасенія“, „въ особенности самое содержаніе евангелія“, но впрочемъ изъ этого содержанія евангелія, напримѣръ, исторія дѣтства Іисуса исключается. А такъ какъ кромѣ того оказывается, что „христология синоптиковъ иная чѣмъ христология Іоанна“, то Эбрардъ по этому поводу не безъ основанія спрашиваетъ: что же въ концѣ-концовъ остается у Ричарда Ротэ какъ „непосредственное содержаніе самого евангелія“, если исключить изъ Библии все то, что по его мнѣнію не имѣетъ въ ней характера непогрѣшимости? (См. *Ebrard, Christl. Dogm. I B.*, стр. 38—40). Самъ же Эбрардъ не только не согласенъ съ Ротэ, но и сильно оспариваетъ его. По его мнѣнію, хотя „Слово Божіе въ тѣсномъ смыслѣ (какъ Слово откровенія) не просто въ Писаніи объявляется“, хотя „многія пророческія и апостольскія рѣчи только высказаны, но не записаны“ (стр. 39), тѣмъ не менѣе все, что записано, богочеловечно (апокрифы, какъ произведенія небогочеловечныя, внесены

еть важность для проповѣди въ устраненіе всякаго мутнаго преданія (*aller trübenden Tradition gegenüber*), однакоже не Писаніе какъ такое, (т.-е. потому что оно написано) есть благодатное средство ¹²¹⁾, и не въ Писаніи только заключается спасительная истина или откровенное Слово Божіе. Кромѣ Св. Писанія можно находить Слово Божіе и „въ церковномъ преданіи“, но разумѣется только въ такомъ, которое согласно съ Писаніемъ ¹²²⁾. Однако кто именно при этомъ долженъ судить о согласіи или несогласіи, и почему Св. Писаніе поставляется нормою при опредѣленіи подлинности или неподлинности церковнаго преданія, какъ Слова Божія, да въ какихъ наконецъ частяхъ своихъ, въ какихъ книгахъ, Св. Писаніе можетъ быть этою нормою, т.-е. что въ немъ самомъ мы должны признавать за Слово Божіе и что не признавать за таковое, и почему слѣдуетъ считать въ немъ Словомъ Божиимъ это или то, а не другое что: вотъ эти-то вопросы, безъ сомнѣнія очень немало-важные, и остаются у Швейцера къ сожалѣнію неразрѣшенными ¹²³⁾. А впрочемъ, едвали кажется и сожалѣть объ этомъ

въ Писаніе „по невѣжеству“) и потому „Слово Божіе есть во всѣхъ частяхъ и частичкахъ Писанія, даже въ самыхъ по видимому незначительныхъ“, хотя и не всѣ части Писанія имѣютъ въ этомъ отношеніи одинаковое значеніе и достоинство (стр. 40—41).

¹²¹⁾ *Schweizer*, стр. 171.

¹²²⁾ *Schweizer*, стр. 172.

¹²³⁾ Говоримъ: „неразрѣшенными“ не въ томъ смыслѣ, чтобы не было попытки разрѣшить ихъ,—напротивъ Швейцерь пытается разрѣшить ихъ, равно какъ пытается это сдѣлать и Ротэ и Эбрардъ; но только дѣло въ томъ, что всѣ эти рѣшенія въ сущности рѣшительно ничего не разрѣшаютъ. Швейцерь, какъ и Ротэ, принадлежатъ къ числу тѣхъ новыхъ протестантскихъ богослововъ, возрѣніе которыхъ въ настоящемъ случаѣ совершенно вѣрно характеризуетъ Эбрардъ такимъ образомъ: „Библию въ ея исторической формѣ желаютъ называть Писаніемъ, а постигаемый чрезъ субъективное богословское познаніе духъ (ея)—Словомъ Божиимъ“. Такимъ образомъ „предоставляется человѣческому разуму разсудить и рѣшить, что въ Священномъ Писаніи есть Слово Божіе и что нѣтъ“. (*Christl. Dogmatik* 1 Bd., стр. 39). Развѣ подобнымъ рѣшеніемъ дѣла можно удовлетвориться?... Но и самъ Эбрардъ, какъ онъ ни вооружается противъ „новыхъ богослововъ“, приходитъ въ разрѣшеніи указанныхъ вопросовъ къ результатамъ отнюдь не лучшимъ. Откуда, наприимѣръ, видно, что Св. Писаніе дѣйстви-

слѣдуетъ, потому что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ вообще на свѣтѣ протестанство, ни одному протестанту, пока онъ стоитъ хотя бы только одною ногою на протестантской почвѣ, рѣшительно еще не удавалось и безъ сомнѣнія не удастся никогда дать на высказанные вопросы такого рода отвѣтъ, съ которымъ могла бы помириться хотя бы самая невзыскательная, самая нестрогая критика. Наконецъ, что особенно замѣчательно—спасительнымъ или благодатнымъ средствомъ въ церкви могутъ быть не одно только то Слово Божіе, не однѣ только тѣ „спасительныя истины“, которыя можно находить въ Писаніи и преданіи: благодатнымъ церковнымъ средствомъ можетъ быть всякая, служащая какимъ-либо образомъ дѣлу нашего спасенія, „истина, какъ такая, откуда бы она ни была заимствована: изъ Писанія ли или изъ благочестиваго сознанія“ (die irgendwie zugeordnete Wahrheit als solche, woher sie jedesmal genommen sein mag ob aus der Schrift oder aus dem frommen Bewusstsein) ¹²³⁾.

На этомъ многозначительномъ Швейцеровомъ „или“ мы и остановимся. Допытываться послѣ этого „или“ болѣе отъ Швейцера уже не о чемъ, да и не зачѣмъ. Кажется, намъ теперь уже достаточно видно, въ какомъ широкомъ и въ то же время неопредѣленномъ смыслѣ понимается у Швейцера (равно какъ и у Ротэ) Слово Божіе, и какъ трудно вообще на основаніи проповѣданія *такого* Слова Божія опредѣлить дѣйствительный, настоящій объемъ церкви даже, какъ мы сказали, въ смыслѣ внѣшняго общества, не говоря уже о церкви какъ посредницѣ спасенія и общества спасаемыхъ; какъ трудно, на основаніи этого Швейцера признака церкви, дѣйствительно отличить церковь истинную отъ секты, „ересь здравую“ отъ „нездравой“. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно было бы узнать отъ Швейцера,

только богодухновенно, что оно есть Слово Божіе? Изъ самаго же Писанія, изъ его содержанія, отвѣчаетъ Эбрардъ. (Christl. Dogm. 1 Bd., стр. 32—36), Вотъ и все! Странно однако и совершенно непонятно, почему одно и то же содержаніе Св. Писанія однихъ убѣждаетъ въ его богодухновенности, а другихъ нѣтъ“...

¹²³⁾ Schweizer, стр. 171. Точно также и Ротэ. См. Dogm. 2 Theil. 1 Abtheil., стр. 293.

найдетъ ли онъ хотя бы одно какое-либо христіанское общество изъ существовавшихъ или существующихъ, которое, по собственному его признанію, не имѣло бы у себя „спасительныхъ истинъ“ и не считало бы эти истины заимствованными: или изъ Писанія или изъ преданія или же наконецъ просто изъ благочестиваго сознанія? Особенно хорошо придумано это „благочестивое сознаніе“. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ когда нибудь существовали такіа христіанскія общества, которыя выдавали бы сами свои религіозныя ученія не за истину спасительную, но именно за вредную для спасенія ложь, и считали бы источникомъ этихъ ученій не свое благочестивое, но именно свое *нечестивое* сознаніе! Насколько извѣстно, такихъ странныхъ обществъ не только въ христіанскомъ, но и въ нехристіанскомъ религіозномъ мірѣ никогда не бывало; напротивъ, всѣ какія только бывали и есть, старались и стараются всячески доказывать и увѣрять, что они учатъ такъ, а не иначе, и считаютъ за истину это, а не другое ученіе не по какому-либо иному основанію, какъ именно по требованію своего благочестиваго сознанія.

Но если такъ, то кто же изъ всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ и увѣряютъ, что они находятся въ церкви, долженъ быть въ самомъ дѣлѣ исключенъ изъ нея? Съ точки зрѣнія разсматриваемаго Швейцера признака церкви выходитъ, что рѣшительно никто. А что касается собственно анабаптистовъ, квакеровъ и всѣхъ вообще, столь нелюбимыхъ Швейцеромъ, иллюминатовъ и мистиковъ, то они, повидимому, даже съ большею такъ сказать несомнѣнностью должны быть включены въ составъ Швейцеровой церкви, нежели какія-либо другія христіанскія общества, потому что ихъ „благочестивое сознаніе“ изъ котораго они извлекаютъ свои „спасительныя истины“, имѣетъ за себя ручательство повидимому самое твердое, основывается, по ихъ увѣренію, на непосредственномъ просвѣщеніи, на непосредственномъ озареніи отъ самаго Божественнаго Духа истины. Если же Слово Божіе или „спасительныя истины“ должны непременно, какъ требуетъ этого Швейцеръ, существовать въ церкви въ ихъ ви́шнемъ „словесномъ выраженіи“, то квакеры или анабаптисты и по этому требованію отнюдь не могутъ быть

исключены изъ церкви. Не выражай они своихъ „спасительныхъ истинъ“ in sprachlichen Ausdruck, — тогда мы объ нихъ и объ ихъ ученіи просто ничего и не знали бы... Но довольно однако о Словѣ Божіемъ, какъ объ отличительномъ признакѣ Швейцеровою церкви.

Кромѣ такъ называемыхъ благодатныхъ средствъ, Слова Божія и его „придатковъ“—таинствъ, Швейцерь указываетъ намъ также и еще нѣкоторыя неотъемлемыя или основныя черты церкви, которыя какъ таковыя должны конечно служить и ея существенными, отличительными признаками. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ Швейцеровыхъ „неотъемлемыхъ чертъ церкви“, укажемъ только на нѣкоторыя—на тѣ, которыя именно въ виду того, что мы уже знаемъ, представляются наиболѣе заслуживающими вниманія, причѣмъ само собою видно будетъ и то, можемъ ли мы дѣйствительно по этимъ неотъемлемымъ чертамъ церкви отличить церковь истинную, дѣйствительную отъ секты ⁽²⁵⁾.

⁽²⁵⁾ Замѣтимъ впрочемъ, что изъ всѣхъ указываемыхъ Швейцеромъ неотъемлемыхъ чертъ церкви и ея отличительныхъ признаковъ, мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе только лишь одного признака, именно „христіанской молитвы.“ Разсужденія Швейцера объ этомъ предметѣ, хотя и довольно пространныя (стр. 338 — 349), отличаются такою темнотою, такою неопредѣленностью, что рѣшительно нельзя понять, въ какомъ смыслѣ христіанская молитва принадлежитъ къ числу неотъемлемыхъ чертъ церкви и ея отличительныхъ признаковъ. Когда Швейцерь говоритъ, что „молитва есть живое выраженіе благочестія“, есть „бесѣда съ Богомъ въ рѣчи или въ мысли“ (стр. 340); или—что истинная христіанская молитва должна быть не столько средствомъ для цѣли, т.е. для того, чтобы получить отъ Бога желаемое, сколько само себѣ цѣлью (Selbstweck), т.е. именно удовлетвореніемъ потребности благочестиваго духа“ и что поэтому она „у всякаго становится помраченною (getrübtes), нехристіанскою по мѣрѣ помраченія (Trübung) его благочестія“ (стр. 342); или—что истинная христіанская молитва должна имѣть предметомъ своимъ только то, „что угодно Богу, что есть воля Божія“ (стр. 345): то въ виду всѣхъ такихъ опредѣленій „истинной христіанской молитвы“ намъ ясно только то, что эта молитва признакомъ видимой церкви никакимъ образомъ быть не можетъ. Впрочемъ здѣсь же кстати у Швейцера ясно и еще нѣчто весьма неважное для характеристики его богословскихъ воззрѣній. Именно, когда онъ заявляетъ, что

Изагая выше взглядъ Швейцера на церковь въ ея продолженіи или созиданіи, мы замѣтили, что Швейцеръ также сильно настаиваетъ на единствѣ и вселенствѣ церкви, какъ на множествѣ и разнообразіи отдѣльныхъ церковныхъ организмовъ. Но мы имѣли тамъ возможность убѣдиться только въ томъ, что церковь у Швейцера дѣйствительно представляетъ собою множество и разнообразіе, а представляетъ ли она у него собою, хотя въ какомъ бы то ни было видѣ, единство и вселенство, — этого тамъ ни откуда еще не было видно и въ этомъ по истинѣ можно было даже и сомнѣваться. Но однако, какъ оказывается, сомнѣваться въ этомъ не слѣдуетъ. „Единство, вселенство, утверждение (Gegründetsein) на Христѣ, пророкахъ и апостолахъ, и отсюда способность — подъ руководствомъ Духа и Слова выражать (darzubieten) непогрѣшимо то, что необходимо для спасенія“: — всѣ эти „высокія преимущества“ церкви дѣйствительно принадлежать ей и относятся именно къ постоянно пребывающимъ, къ неотъемлемымъ, основнымъ чертамъ ея¹²⁶). Въ чемъ же, спрашивается, выражаются эти преимущества, какъ они проявляются въ церкви и какимъ образомъ могутъ быть отличительными ея признаками? Весьма любопытно узнать объ этомъ у Швейцера, любопытно именно въ виду того, что мы уже знаемъ о Швейцеровой церкви въ ея продолженіи или созиданіи; но насколько здѣсь суждено нашему любопытству быть удовлетвореннымъ, это мы сейчасъ увидимъ.

Разсужденію обо всѣхъ указанныхъ „преимуществахъ“ церкви Швейцеръ посвящаетъ не болѣе трехъ страницъ; и мы на этихъ

„чистая истинная христіанская молитва есть молитва, направленная только къ Богу во имя Христа какъ посредника“ (стр. 342—349), но что „Христосъ и второе Лице Св. Троицы — не одно и то же“, что „божественныя свойства всемогущества, всевѣднія и проч. не сообщены человѣческой природѣ Христа“ (стр. 348) и вообще „догматическая Троица (dogmatische Trinität) не согласуется съ нормальною христіанскою молитвою“ (стр. 349); то въ виду такихъ заявленій, кажется, достаточно ясно и то, почему Швейцеръ такъ рѣшительно утверждаетъ, что „соцініане (антитринитаріи) и армініане (субординаціонисты) — не секты“.

¹²⁶) *Schweizer*, стр. 349.

страницахъ напрасно стали бы искать не только обстоятельнаго, но хоть какого-либо разъясненія сущности этихъ преимуществъ. Мы узнаемъ только, что не слѣдуетъ ихъ никомъ образомъ, какъ дѣлала и дѣлаетъ это протестантская ортодоксія, приписывать такъ-называемой церкви невидимой (потому что церковь невидимая не есть церковь), что слѣдуетъ напротивъ приписывать ихъ именно церкви видимой, наблюдаемой, организованной¹²⁷⁾. Но при этомъ однако нужно строго различать между церковью въ ея началѣ, какъ она была „при ея происхожденіи“, и церковью въ ея дальнѣйшемъ историческомъ продолженіи¹²⁸⁾. Всѣ означенныя высочія преимущества церкви являются прежде всего присущими ей въ самомъ ея началѣ „во времена апостольскія“ и присущими именно въ такой значительной степени, въ такой большой мѣрѣ, что она, эта именно въ тѣснѣйшемъ смыслѣ церковь апостольская, должна оставаться „нормою“ (normierend) для всего дальнѣйшаго существованія церкви¹²⁹⁾. Поэтому церкви послѣ временъ апостольскихъ всѣ означенныя преимущества принадлежать лишь настолько и слѣдовательно настолько могутъ отличать ее, какъ церковь дѣйствительную, истинную, отъ всякой секты, насколько она утверждается на основаніяхъ церкви временъ апостольскихъ, насколько она согласна съ „первохристіанствомъ первыхъ христіанъ.“ (Urchristenthum den Urchristen)¹³⁰⁾.

Такимъ образомъ постановка дѣла, какъ видимъ, вообще не новая. Извѣстно, что протестанты едва ли не съ первыхъ дней реформаціи любили и любятъ устремлять свои взоры на церковь временъ апостольскихъ и искать себѣ тамъ опоры и оправданія. Но позволительно спросить: зачѣмъ же однако Швейцеры и именно *въ данномъ случаѣ* понадобилось это согласіе съ церковью временъ апостольскихъ? Вѣдь рѣчь собственно идетъ объ извѣстныхъ преимуществахъ церкви, которыя, какъ утверждаетъ

¹²⁷⁾ *Schweizer*, стр. 349 — 350

¹²⁸⁾ *Schweizer*, стр. 350 — 351.

¹²⁹⁾ *Schweizer*, стр. 351.

¹³⁰⁾ *Schweizer*, стр. 350 — 352.

Швейцеры, должны принадлежать церкви видимой, слѣдовательно также должны быть и сами видимы—по крайней мѣрѣ въ ихъ проявленіяхъ, въ ихъ обнаруженіяхъ. Почему же бы прямо по этимъ преимуществамъ церкви, долженствующимъ быть видимыми, т. е. по ихъ существованію или несуществованію, не заключать о томъ, гдѣ есть дѣйствительная церковь и гдѣ—только секта? Въ томъ-то и затрудненіе, что на дѣлѣ это оказывается не совсѣмъ удобнымъ и именно вотъ почему: они (т. е. означенныя высокія преимущества церкви) хотя и заключаются „существенно въ понятіи церкви“ и хотя поэтому непремѣнно должны быть „болѣе или менѣе“ присущими ей всегда, „пока она существуетъ въ мірѣ“¹²¹⁾, однако „во всякой позднѣйшей церкви“ (т. е. въ церкви послѣ временъ апостольскихъ) можетъ случиться и такъ, что они „иногда бывають до такой степени неузнаваемы, незамѣтны, затемнены (so miszkannt, so gehemmt), что людьми даже и не могутъ быть наблюдаемы, а остаются вѣдомы только одному Богу“¹²²⁾. Вотъ въ виду именно такихъ-то затруднительныхъ случаевъ Швейцеру по всей вѣроятности и понадобилось согласіе съ церковью временъ апостольскихъ.

Но если такъ, то чѣмъ же однако въ подобныхъ случаяхъ могло бы выражаться требуемое согласіе? Чѣмъ могло бы оно быть доказано и провѣрено? Отвѣтъ на это такой: сохраненіемъ Слова Божія и таинствъ¹²³⁾, такъ какъ это, — предполагается, такіе признаки церкви, по которымъ мы уже съ несомнѣнностью можемъ судить о согласіи или несогласіи „всякой позднѣйшей церкви“ съ церковью временъ апостольскихъ, слѣдовательно, всегда можемъ узнать дѣйствительную, истинную церковь и вездѣ отличить отъ секты. Притомъ же кажется нужно представлять дѣло и такимъ образомъ: гдѣ Слово Божіе и таинства сохраняются, тамъ указанныя преимущества церкви, хотя „иногда“ и могутъ быть не наблюдаемы, однако, благодаря дѣйствию

¹²¹⁾ *Schweizer*, стр. 350. Не слѣдуетъ забывать, что рѣчь идетъ о церкви видимой.

¹²²⁾ Тамъ же.

¹²³⁾ *Schweizer*, стр. 352.

тайнствъ и Слова Божія, „иногда“ могутъ быть и наблюдаемы, а гдѣ Слова Божія и тайнствъ нѣтъ, тамъ они (т.-е. тѣ преимущества церкви) вообще уже никогда не могутъ быть наблюдаемы. Но, вопервыхъ, кажется мы уже достаточно знаемъ, что такое у Швейцера его „Слово Божіе“ и таинства и какое онъ приписываетъ имъ значеніе и дѣйствіе. А вовторыхъ, дѣло въ настоящемъ случаѣ вовсе и не въ Словѣ Божіемъ и не въ таинствахъ, но именно въ тѣхъ высокихъ преимуществахъ церкви, которыя указаны выше. Если эти преимущества, по собственному сознанию Швейцера, иногда могутъ быть и не наблюдаемы въ церкви, то значить они и не составляютъ такихъ ея признаковъ, по которымъ бы мы могли всегда и вездѣ узнать ее и отличить, какъ истинную церковь, отъ сектъ, т.-е. отъ такихъ обществъ, у которыхъ, предполагается, означенныхъ высокихъ преимуществъ нѣтъ.

Итакъ, по разсмотрѣніи всего того, что у Швейцера относится къ „основанію“ или „фундаменту“ церкви и считается ея признаками, мы имѣемъ право сказать, что на самомъ дѣлѣ единственный, отличительный признакъ, по которому мы еще можемъ узнать Швейцерову церковь, но не какъ посредницу спасенія и не какъ общество спасаемыхъ, а просто какъ *внѣшнее видимое общество*, называющее себя церковью и неизвѣстно для чего существующее—это совершеніе *видимаго крещенія* ¹²⁴⁾. Кто крещенъ, тотъ и въ церкви, кто нѣтъ, тотъ внѣ ея. Церковь у Швейцера, такъ же какъ и у Эбрарда, есть *общество крещенныхъ*—и только. Именно и единственно въ этомъ смыслѣ она и отличается отъ того, что не есть церковь. И вотъ эта-то церковь, эта-то пестрая масса крещенныхъ, въ которой для однихъ крещеніе—дѣйствительное благодатное средство, а для другихъ—только внѣшняя „церемонія“,—въ которой одни вѣруютъ въ живаго Тріеднаго Бога, а другіе обзываютъ эту вѣру „глу-

¹²⁴⁾ Евхаристія здѣсь не можетъ быть признакомъ, такъ какъ, напримѣръ, дѣти могутъ быть крещены, но до извѣстнаго возраста (по протестантскому возрѣнію, раздѣляемому также и Швейцерами) они не могутъ приобщаться евхаристіи.

постью“, одни исповѣдуютъ Христа едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, а другіе усматриваютъ въ Немъ не болѣе какъ только „истиннаго человека“,—въ которой однимъ словомъ совершенно объ одномъ и томъ же одни говорятъ „да“, а другіе „нѣтъ“,—эта-то церковь, напоминающая собою времена вавилонскаго столпотворенія, учреждена, какъ увѣряетъ насъ Швейцеръ вмѣстѣ съ Эбрардомъ, самимъ Спасителемъ Иисусомъ Христомъ и основана Св. Духомъ въ день Пятидесятницы ¹³⁵)!?

Докторъ Крауссъ въ этомъ отношеніи несравненно послѣдовательнѣе. Онъ по крайней мѣрѣ не только не говоритъ, но даже и слышать не хочетъ о божественномъ учрежденіи церкви. Церковь у него со всѣми ея атрибутами—съ исповѣданіемъ, культомъ и устройствомъ, есть, какъ мы знаемъ, не что иное какъ только результатъ или продуктъ „естественно—необходимыхъ вліяній данныхъ историческихъ факторовъ“. А такъ какъ самыя эти естественно необходимыя вліянія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, по различію именно условій и отношеній географическихъ, этнографическихъ и историческихъ, непременно должны быть различныя; то у Крауса сами собою должны вытекать два слѣдующія положенія: во первыхъ, что церковь никогда не можетъ представлять изъ себя чего-либо единаго, цѣлаго, стройнаго, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ своихъ самому себѣ равнаго, и вовторыхъ, что церковь никогда не можетъ представлять изъ себя и чего-либо твердаго, устойчиваго, не можетъ заключать въ себѣ чего-либо постояннаго и неизмѣннаго, кромѣ развѣ того только, что она непременно должна быть видимою и должна имѣть какую-нибудь организацію. Высказываются ли эти положенія у Краусса и раскрываются ли они у него? Высказываются и раскрываются и притомъ съ ясностью, не оставляющею желать ничего болѣе. Но намъ здѣсь едвали нужно слѣдить за подробнымъ раскрытіемъ ихъ у Краусса, такъ какъ иначе пришлось бы повторить мно-

¹³⁵) *Schweizer*, стр. 162, 321, 328, 332, 334 и 370.

го такого, что уже мы слышали и отъ Ротэ и отъ Эббарда и отъ Швейцера. Ограничимся только общими указаніями.

Вотъ, напримѣръ, какъ Крауссъ понимаетъ церковь въ ея цѣлости. „Церковь, говоритъ онъ, раздѣлена на множество различныхъ отдѣльныхъ церквей, и всѣ эти (различныя отдѣльныя церкви) я и имѣю въ виду, когда кратко говорю о церкви“¹³⁶⁾ Или: „когда я говорю о церкви, то употребляю это слово подобно тому, какъ юристъ говоритъ о государствѣ“. Какъ „государство имѣетъ реальное бытіе только въ отдѣльныхъ государствахъ“, существующихъ видимо и вполне познаваемыхъ „по ихъ опредѣленнымъ учреждениямъ и признакамъ“, такъ точно и „церковь имѣетъ свою реальность... въ отдѣльныхъ церквяхъ, доступныхъ наблюденію каждаго, и въ отличіе отъ этихъ конкретныхъ, отдѣльныхъ церквей есть простая абстракція“¹³⁷⁾. Такимъ образомъ въ исторической дѣйствительности существуетъ не церковь, какъ нѣчто единое и цѣлое, но только *церкви*—отдѣльныя, обособленныя и различныя. И всѣ эти различія не только могутъ, но и постоянно должны переходить все въ новыя и новыя различія. Это необходимо предполагается, вызывается и требуется съ одной стороны самымъ существомъ царства Божія, какъ начала чисто внутренняго, какъ идеи, какъ силы или духа и съ другой—существомъ церкви, въ которой та сила, идея или духъ стремится найти себѣ внѣшнее проявленіе, выраженіе, оболочку, одежду. Дѣло въ томъ, что „въ существѣ міра явленій, говоритъ Крауссъ, лежитъ относительная неспособность выполнить свою задачу (der Aufgabe zu genügen), сдѣлать изъ внутренняго внѣшнее, обнаружить (или выразить) бытіе. Всегда при переходѣ силы въ дѣйствіе отъ силы теряется нѣчто, такъ что никогда не можетъ мысль вполне воплотиться въ словѣ, воля вполне перейти въ дѣло, чувство выразиться въ чистомъ видѣ“¹³⁸⁾. Дѣйствительность (историческая) повсюду представляетъ собою нѣкоторое помраченіе (Trübung)

¹³⁶⁾ Крауссъ, стр. 203.

¹³⁷⁾ Крауссъ, стр. 204, 226.

¹³⁸⁾ Крауссъ, 173.

идеи“. Вотъ почему мы и должны „различать между вѣчно достаточною, невидимою, только для Бога вполне прозрачною идеей и для насъ земныхъ обитателей видимымъ... ея осуществленіемъ“ ¹³⁹⁾. Отсюда по отношенію къ церкви выводъ такой. Съ одной стороны церковь въ ея реальности (т.-е. какъ всякая частная церковь, такъ и всѣ церкви въ ихъ совокупности) никогда не можетъ быть чистымъ, истиннымъ и полнымъ выраженіемъ царства Божія, но можетъ быть именно только относительнымъ, несовершеннымъ его выраженіемъ. Съ другой же стороны въ этой-то относительности, при постоянномъ стремленіи духа, т.-е. собственно царства Божія къ болѣе совершенному и болѣе полному обнаруженію, именно и заключается мотивъ и залогъ постояннаго, дальнѣйшаго развитія церкви, постояннаго ея измѣненія и обновленія. „Всякая церковь имѣетъ своею задачей, говорить Краусъ, выразить религиозный принципъ, явившійся въ І. Христѣ, возможно полноѣ и дать ему дѣйствовать возможно интенсивнѣе“ ¹⁴⁰⁾. Вотъ почему „Духъ (т.-е. царство Божіе) постоянно изготавляетъ себѣ новыя одежды (т.-е. новыя формы церковной организаціи). Послужатъ они (ему) нѣкоторое время и потомъ оставляются, находя себѣ употребленіе въ качествѣ матеріала для новыхъ и новыхъ покрововъ“ ¹⁴¹⁾.

Не касаемся здѣсь вопроса: дѣйствительно ли у Краусса церковь постоянно измѣняется отъ того, что „духъ“ ея, т.-е. царство Божіе, постоянно стремится найти себѣ въ ней наиболѣе совершенное обнаруженіе. Мы уже разъ замѣтили, что у Краусса это болѣе, чѣмъ сомнительно. Въ своемъ мѣствѣ мѣствѣ мы еще возвратимся къ этому пункту Крауссова ученія и постараемся доказать справедливость нашего замѣчанія. Въ настоящемъ же случаѣ для насъ гораздо важнѣе такой вопросъ: если церковь подвергается постоянному измѣненію и обновленію, которыя въ ней протѣкаютъ и на исповѣданіе и на культъ и на устройство ея, то можемъ ли мы послѣ этого по какимъ бы

¹³⁹⁾ Krauss, стр. 27.

¹⁴⁰⁾ Krauss, стр. 233.

¹⁴¹⁾ Krauss., стр. 172, 173.

то ни было признакамъ узнать церковь какъ церковь всегда и вездѣ, не смотря на всѣ эти измѣненія и обновленія ея? Есть ли у церкви такіе признаки? Оказывается, что вообще признаки есть и даже „неотъемлемые признаки“, но можно ли по нимъ узнать церковь, это дѣло иное. Вотъ каковы эти признаки: всѣ они, говоритъ Краусъ, „сводятся къ требованію нѣкоторыхъ особенныхъ нравовъ, нѣкотораго особеннаго культа, нѣкотораго особеннаго устройства и нѣ котораго особеннаго исповѣданія (reduciren sich auf die Forderung einer eigenthümlichen Sitte, eines eigenthümlichen Cultus, einer eigenthümlichen Verfassung und eines eigenthümlichen Bekenntnisses)“¹⁴²). Вотъ и все! И что особенно удивительно, самъ же Краусъ тутъ же сознается, что „всѣ эти признаки могутъ имѣть приложеніе и къ нехристіанскимъ религіознымъ обществамъ“, что это вообще „критеріи только формальнаго рода“¹⁴³). Но почему же только формальнаго, а не материальнаго? Потому что въ такомъ случаѣ, думаетъ Краусъ, нужно было бы имѣть въ виду какое-нибудь опредѣленное конкретное понятіе о церкви. Но „такого конкретнаго понятія о церкви, которое имѣло бы всеобщую значимость, не существуетъ“¹⁴⁴). „Фактически въ опредѣленіи понятія о церкви господствуетъ великое разнообразіе“: одни смотрятъ на церковь такъ, другіе иначе, третьи еще иначе¹⁴⁵). „Считать ли истинно христіанскимъ это или то исповѣданіе—вопросъ спорный“. „Опредѣленныя отдѣльныя формы культа—тоже спорный вопросъ“¹⁴⁶). Вотъ почему намъ и остается удовольствоваться только „простыми категоріями, какъ критеріями церковности“, удовольствоваться только тѣмъ, что—за выдѣленіемъ всего спорнаго и случайнаго—имѣетъ въ христіанскихъ обществахъ всеобщую необходимость и всеобщую значимость¹⁴⁷). Но дѣло здѣсь въ томъ, какая же именно польза отъ этихъ, указанныхъ Краусомъ, „формальныхъ критеріевъ церковности?“ Зачѣмъ они

¹⁴²) Krauss, стр. 232.

¹⁴³) Krauss, стр. 233.

¹⁴⁴) Krauss, стр. 226—227.

¹⁴⁵) Тамъ же.

¹⁴⁶) Krauss, стр. 232.

¹⁴⁷) Krauss, стр. 232—234.

нужны и какой вообще смыслъ имѣютъ какъ признаки церкви, если они не опредѣляютъ намъ *специфически* существеннаго въ церкви и если они могутъ имѣть приложеніе и къ нехристіанскимъ религіознымъ обществамъ? Самъ Крауссъ намъ нисколько не разъясняетъ этого. И неудивительно. Такъ онъ поступаетъ вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его оригинальныя соображенія или заимствованныя изреченія требовали бы по-видимому особенно тщательнаго разъясненія.

Н. И в а н д о в ъ .

С Л О В О

НА МОЛЕБСТВІИ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВЕННАГО АКТА МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗИИ ФР. КРЕЙМАНА 2 ОКТЯБРЯ 1878 ГОДА.

Нынѣ въ нашемъ домѣ праздникъ и — ученія нѣтъ: однако и праздникъ нашъ почителенъ.

Поучителемъ и для дѣтей и для родителей, и для учителей и воспитателей, равно и для всѣхъ, кому дорого дѣло воспитанія и образованія отечественнаго.

При такомъ обиліи заинтересованныхъ здѣсь сторонъ, нелегко мнѣ рѣшить, куда направить первое слово; и особенно — какъ направить цѣлое слово, чтобъ оно было непреткновенно и всецѣло свидательно. Учители, воспитатели, цѣнители воспитанія конечно понимаютъ, въ чѣмъ тутъ трудность, и помогутъ мнѣ своимъ разумѣніемъ. Обращу слово къ дѣтямъ.

Любезныя дѣти! Нынѣ день рожденія вашего училища, и притомъ 21-й день его рожденія. Училище прожило двадцать лѣтъ и вступаетъ въ свой 21-й годъ. Важность этого обстоятельства праздника для васъ пока сокровенна. Нынѣшній праздникъ для васъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы вы съ радостію нынѣ вспомнили ваши успѣхи въ прошедшемъ году ученія и обратились сердцемъ съ благодарностію Богу за эти успѣхи; а также — чтобы вы, желая и радостно надѣясь успѣховъ ученія и въ новомъ начинающемъ

ся году, обратились съ молитвою сердечною къ Нему же Богу помощнику вашему. Нынѣ потому вамъ и праздникъ, свобода отъ ежедневнаго ученія, чтобъ настоящій день, какъ день пограничный между прошедшимъ и новымъ годомъ ученія, былъ для васъ памятенъ прежде всего этою особенною годовою, торжественною молитвою, которую вы совершаете вмѣстѣ съ вашими родителями, вашими учителями и воспитателями и со всѣми, кому дорого ваше воспитаніе и образованіе. Что будетъ послѣ этой молитвы, — торжественное засѣданіе всѣхъ здѣсь собравшихся, чтеніе исторіи нашего училища за прошедшія двадцать лѣтъ, опыты вашихъ открытыхъ отвѣтовъ по предметамъ ученія прошлаго года, наконецъ вся праздничная радость и утѣшеніе для васъ въ остальное время дня — всё это средства къ тому, чтобъ запечатлѣлся этотъ день въ вашей памяти, какъ самый торжественный, самый радостный въ году день вашей жизни въ училищѣ; а въ этомъ днѣ — замѣтьте это — чтобъ особенно запечатлѣлись въ вашемъ сердцѣ и разумѣ первыя, торжественнѣйшія минуты настоящаго дня, минуты великой молитвы къ Богу разумовъ и сердець — молитвы *за цѣлые два года ученія!*

Чтобъ помочь вамъ легче удержать это священное и святое впечатлѣніе, скажу вамъ, что настоящая великая годовая молитва, по содержанію своему, одинакова съ тою малою ежедневною молитвою, какою вы молитесь за успѣхъ каждаго дня ученія, благоговѣнно собираясь въ этой самой комнатѣ. Предъ началомъ ученія вы молитесь:

„Преблагій Господи, ниспосли намъ пресвятаго Твоего Духа, дарствующаго смыслъ и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы мы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрасли — Тебѣ нашему Создателю во славу, родителямъ нашимъ на утѣшеніе, и Церкви и отечеству на пользу.“

Читая и слушая эту молитву, въ простотѣ дѣтскаго сердца, вы просите и получаете на каждый день помощь отъ Бога въ вашемъ ученіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ слова этой молитвы ежедневно научаютъ васъ и напоминаютъ вамъ: для чего вы учитесь, и отъ чего зависитъ успѣхъ вашего ученія?

Чему вы учитесь и для чего вы учитесь — это двѣ вещи разные. Вы учитесь многому, многимъ предметамъ; но всё

ваше ученіе направляется къ одному главному, что стоитъ впереди всѣхъ цѣлей частныхъ, покрываетъ все эти цѣли, царствуетъ надъ ними, какъ сводъ небесный надъ землею, какъ солнце въ самомъ небѣ предъ прочими свѣтилми, наконецъ какъ Богъ Творецъ самого солнца предъ самимъ солнцемъ. Что же это именно? Для чего вы главнымъ образомъ учитесь?—Вспомните слова молитвы: *для славы Божіей*,—для славы самого Бога! Какая высокая цѣль! Это означаетъ, что вы учитесь для того, чтобы изъ васъ вышли такіе люди, какіе угодны Богу, люди разумные и вмѣстѣ добрые и непорочные; такіе люди—слава Богу, какъ хорошія дѣти—слава родителямъ: а люди, хотя бы и умные, но злые и порочные—уничженіе Богу, какъ дѣти злыя и порочныя—безславіе и печаль родителямъ. Поймите это сравненіе, оно не случайное: ибо Богъ есть всѣхъ насъ небесный Отецъ, и всякое отчество на небѣ и на землѣ отъ Него именуется. — Вотъ почему, чтобы высокая цѣль ученія была понятнѣе дѣтямъ, да и самимъ родителямъ, въ словахъ молитвы рядомъ со славою Божіею поставляется и *утѣшеніе родителямъ*. Примѣйте же, и дѣти и родители, величіе Божіей истины, раскрываемой въ такой доступной простотѣ. Дѣло Отца небеснаго тѣсно связано съ дѣломъ земныхъ родителей; слѣдственно и земные родители, въ своихъ собственныхъ видахъ, должны прежде всего и желать и искать того же, что угодно Богу и къ чему Богъ ведетъ всецѣлое человѣческое домостроительство. Такъ слово святой молитвы легко и вѣрно ведетъ внимающаго по ступенямъ разумнія, указывая и сопоставляя сродное въ высшемъ и низшемъ, и такимъ образомъ опять возводя къ большому разумнью высшаго.—Направляя ученіе дѣтей къ славы Божіей и нераздѣльно съ этимъ къ утѣшенію родителей, слова молитвы продолжаютъ: *и церкви и отечеству на пользу*. Церковь, это опять—слава Божія въ людяхъ, но притомъ уже не отдѣльныхъ людяхъ, но въ людяхъ какъ одномъ семействѣ Божіемъ; Богу угодны не просто люди добрые, но люди связанные взаимною любовію между собою и одною и тою же вѣрою, люди вѣрующіе въ единаго всѣхъ Спасителя, Сына Божія, во Христа Господа, словомъ—добрые христіане. Теперь *отечество*, это опять—семейство, только большое человѣческое семейство; и польза отечества также тѣсно связана съ пользою церкви, какъ

слава или счастье родителей въ ихъ дѣтяхъ внутренно сопряжено со славою Отца небеснаго въ людяхъ. И такъ надобно желать и искать того, чтобъ изъ дѣтей вышли добрые сыны церкви, добрые христіане; тогда только изъ нихъ выйдутъ добрые сыны отечества, вѣрные достойные граждане. Соединяя же начало и конецъ молитвы, надобно еще сказать: только тѣ родители могутъ искренно радоваться о своихъ дѣтяхъ, чьи дѣти выходятъ добрыми и вѣрными сынами отечества; и только въ тѣхъ прославится Отецъ Богъ, отъ кого не потерпитъ униженія Христова церковь.

Дѣти и родители, учителя и воспитатели, и всѣ, кому дорого дѣло воспитанія и образованія отечественнаго! Примѣтимъ, что все дѣло ученія и воспитанія сводится къ одной послѣдней и великой цѣли, при достиженіи которой достигаются всѣ прочія цѣли стоящія на пути; въ противномъ же случаѣ и эти цѣли посредствующія не достигаются. Не будетъ достойныхъ гражданъ, не будетъ добрыхъ сыновъ отечества, не будетъ и радости родителямъ отъ дѣтей,—если изъ дѣтей не будетъ выходить людей угодныхъ Богу, чтущихъ Его святой законъ, истинныхъ послушныхъ сыновъ церкви, добрыхъ христіанъ. Въ инія времена эти истины не для всѣхъ бываютъ ясны; наше время постаралось поставить эти истины такъ рѣзко, что нѣтъ нужды разъяснять ихъ. Наше время, доводя ложь до конца, даетъ и истинѣ выступить въ большемъ свѣтѣ. Послѣднѣя цѣль обнимающая все есть цѣль Божественнаго всечеловѣческаго домостроительства! Дѣтямъ повторю простѣе: Богу угодно сдѣлать всѣхъ людей разумными, добрыми и непорочными. Этому же въ своей мѣрѣ помогаетъ и дѣло ученія, чтобы вышли изъ васъ люди угодные Богу, вѣрующіе христіане,—разумные, добрые и непорочные. Въ этомъ слава Божія и вмѣстѣ слава человѣческая, однимъ словомъ — слава Богочеловѣческая! Слава Божія уничтожается, и все строеніе человѣческое со всею его славою колеблется и грозитъ паденіемъ.

Какъ же дѣлу ученія достигнуть цѣли своего созиданія?

Средство указывается въ словѣ той же молитвы. Одними средствами человѣческими, одними уряліями человѣческими этого не достигнешь. Отъ людей можно требовать только того, чтобы они, каждый въ своемъ призваніи, учителя, воспитатели, ро-

дители дѣлали въ мѣру своихъ силъ, по совѣсти, и главное — чтобъ они остерегались, какъ бы чѣмъ не помѣшать великой святой цѣли, дѣлу славы Богочеловѣческой, какъ и самъ Богочеловѣкъ Христосъ Иисусъ требовалъ отъ Своихъ учениковъ, вѣхъ учителей вселенскихъ, и по слову св. Павла — родителей церкви: *оставите отъей приходити ко Мнѣ и не браните имъ*. Тогда самъ Богъ довершаетъ невозможное для нашихъ искреннихъ добрыхъ усилій; гдѣ изнемогаетъ человѣческое руководство, тамъ Онъ Свою всемогущую десницу съ благословіемъ возлагаетъ на главу дѣтей; въ Свои отеческія объятія заключаетъ ихъ, и отъ Своихъ устъ дѣшетъ въ нихъ Духомъ истины и святости; открываетъ имъ разумъ и созидаетъ въ нихъ сердце чистое. Еще же и самимъ учителямъ и воспитателямъ даетъ отъ того же Духа Своего, просвѣщаетъ очи сердца свѣтомъ Своего Евангелія, очищаетъ чистотою слова Своего, укрѣпляетъ силою крестной любви Своей.

Поэтому дѣти сами молятся и просятъ, и мы съ ними всѣ будемъ молиться и просить: „Преблагій Господи! Ниспосли намъ благодать пресвятаго Твоего Духа, дабы и преподаваніе ученія и принятіе ученія и все дѣло воспитанія совершалось въ славу Твою, въ славу Христа Твоего, вѣчной Премудрости и вседѣтельной Силы!“ Аминь.

ПРОТОІЕРЕЙ Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ТѢЛА ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ЮСИФА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАРВИНСКАГО, СЕНТЯВРЯ 29 ДНЯ 1878 ГОДА.

Многое отъ насъ уносить этотъ гробъ. Мы лишаемся крупнаго и заслуженнаго дѣятеля науки, — по достоинству прославленнаго и не пережившаго своей славы практическаго врача, — выдающагося общественнаго дѣятеля и внѣ особеннаго его служенія, — человѣка богатыхъ и разнообразныхъ дарованій, крѣпкаго духомъ, твердаго въ убѣжденіяхъ, — преданнаго сына отечества, вѣрнаго и добраго товарища, и въ вѣнцѣ всего — человѣка вѣры и церкви. Такъ богатъ этотъ гробъ, и такъ много онъ уносить съ собою. Но — куда, какъ, зачѣмъ?

Неужели — въ ничтожество, по закону ничтожества, для пѣлей ничтожества?..

Неужели все призваніе человѣка, одареннаго стремленіемъ и силою знанія, состоитъ именно въ томъ, чтобы онъ въ продолженіи всей своей жизни мучился собирая сокровища знанія, но чтобы въ концѣ концовъ ему сразу и навсегда лишиться этихъ сокровищъ и самому сгинуть безслѣдно? — Разумъ возмущается противъ этого.

Неужели все призваніе человѣка, одареннаго высокими да-

рами служенія благу общественному, на примѣръ благу общественнаго здравія, состоитъ именно въ томъ, чтобы имѣть на этомъ служеніи источникъ собственнаго здоровья, наконецъ лечь въ гробъ какъ человекъ ни на что больше не нужный, и его жизнь сгнбла бы на вѣкъ? — Сердце возмущается противъ этого.

Неужели все призваніе человека, вѣрнаго чувству нравственнаго долга, — вѣрующаго въ живаго Бога Законодателя; въ Бога Отца и Спасителя людей, — вѣрующаго и вѣрнаго члена святаго семейства Божія, то есть церкви Христа Бога, неужели все призваніе такого человека состоитъ именно въ томъ, чтобы всю жизнь свою, подвизаясь въ этомъ многообразномъ подвигѣ вѣры, совершить этотъ подвигъ лишь затѣмъ, чтобъ съ послѣднимъ дыханіемъ жизни потонуть въ безднѣ погибельнаго ничтожества? — Совѣсть возмущается противъ этого.

Всѣ силы духа человѣческаго, силы благороднѣйшія, силы зиждительныя возмущаются противъ ничтожества. Только съ извращеніемъ этихъ силъ лжезнаніемъ или суетною жизнію, дѣло можетъ представляться въ превратномъ видѣ, да и то — не всегда. Какъ молнія прорѣзываетъ тучи и освѣщаетъ темный небосклонъ; такъ внутреннѣйшій свѣтъ, исходя изъ глубины самой души человѣческой, рано-ли поздно-ли просвѣщаетъ её, не смотря на всю облакающую мглу.

Призваніе человека по его собственному, не поверхностному, но на днѣ души лежащему сознанію, — по его собственному въ минуты строгія провидящему чувству, сказывающемуся внутреннѣйшимъ біеніемъ сердца, наконецъ по голосу совѣсти, этого негнбущаго остатка образа Божія въ человекѣ, — по всѣмъ этимъ невольнымъ откровеніямъ Божественной истины *въ насъ*, призваніе человека не можетъ состоять только въ томъ, чтобы ему въ своемъ мѣстѣ, въ свое время и въ средѣ своего поколѣнія принести и вложить свой камень драгоценный или прѣстой въ вавилонскую, никогда не совершаемую, башню здѣшняго, земнаго строенія, и затѣмъ услышать вѣчно-смертный приговоръ: „дѣло твоей жизни кончено, она вся исчерпана, ты долженъ уйти, совсѣмъ отойти, сгннуть, исчезнуть на вѣки“. — Нѣтъ!

Какъ бы ни была наполнена и чѣмъ бы ни была наполнена земная жизнь человѣка, всѣ ея явленія никогда не исчерпываютъ внутренней жизни духа человѣческаго. Эта жизнь больше чѣмъ жизнь знанія цѣлаго міра, — даже больше, чѣмъ жизнь служенія цѣлому міру, — даже больше самого обладанія цѣлымъ міромъ. Поэтому сказано: „если человѣкъ приобрететъ цѣлый міръ, а душу свою погубитъ, — какая ему польза, какую цѣну поставитъ онъ за душу свою, — цѣна всего міра ничтожна предъ цѣною одной души“. Въ самомъ дѣлѣ, въ цѣломъ мірѣ только человѣкъ есть *личное* существо какъ сознание и міра и себя самого, и какъ воля и законъ въ себѣ самомъ; всѣ прочія существа возникаютъ къ бытію *безличному*, потому высшая цѣль ихъ жизни служить для продолженія своего рода, и только: исполнено это назначеніе, и жизнь вся исчерпана и она отходитъ въ то общее, откуда возникла. Напротивъ человѣкъ не для рода только возникаетъ къ бытію; въ человѣческомъ родѣ цѣль есть каждый человѣкъ своею собственною личностію, и каждая личность равна только себѣ, какъ единственная въ родѣ; потому-то все небо радуется объ *одномъ* грѣшникѣ кающемся. Безличное существо имѣетъ свою жизнь въ *родѣ* и отдаетъ ее роду; *человѣкъ имѣетъ жизнь въ самомъ себѣ*, т.-е. *человѣку дано имѣть жизнь въ себѣ*. Кѣмъ дано? Тѣмъ единымъ Самосущимъ, р. номъ сказано: *Якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако и Сынови даде имати животъ въ Себѣ*; а Сынъ Бога по Своему образу создалъ сыновъ человѣческихъ. Итакъ, личность человѣка, по дару Божію, есть *жизнь текущая въ себѣ*, вышешірная; поэтому личность неистощима, негиблема, потому же она и не исчерпывается жизнью всего міра преходящаго. *Аще міръ весь пріобрѣтеша, какую дашу имѣти за душу свою?*

Душа человѣческая, — уразумѣй свое истинное достоинство и пойми свое внутреннѣйшее существо, а съ существомъ и его назначеніемъ Тебѣ дано *имѣть жизнь въ себѣ*, слѣдственно жизнь не теряющуюся въ родѣ, жизнь неистощающуюся въ теченіяхъ вѣшняго міра, не изсякающую и въ дѣятельностяхъ твоего собственного тѣла; слѣдственно жизнь текущую за предѣлы міра и за предѣлы жизни тѣла, — *текущую въ животѣ отчуждѣннѣй*, къ единому истинному и вѣчному Самоисточнику жизни, въ которомъ

однако ты не будешь поглощена какъ рѣка моремъ, но въ которомъ ты останешься собою; который далъ тебѣ имѣть жизнь въ себѣ и не отъиметь у тебя подаянаго дара, — который *будетъ всяческая во всякъ*, но въ которомъ и всѣ и каждый будутъ вѣчными Его образомъ и подобіемъ, — живыми и своею личною жизнью радующимися дѣтьми Божиими.

Такъ назначеніе человѣка состоитъ не въ томъ только, чтобъ онъ выполнилъ свои отношенія къ природѣ, къ исторіи, къ знанію, но чтобъ онъ какъ личное существо состоялъ въ должномъ отношеніи къ вѣчному личному Богу, и всѣ прочія свои отношенія освѣщалъ и освѣщала этимъ главнымъ божественнымъ отношеніемъ. Самъ Богъ хочетъ быть *Богомъ Авраама, Богомъ Исаака, Богомъ Иакова* (Мтѣ. XXII, 32), — Богомъ, надеяго человѣка; и каждый человѣкъ долженъ сдѣлаться *человѣкомъ Божиимъ*. Если же человѣкъ долженъ состоять въ отношеніяхъ любви и жизни къ вѣчному Богу; то его назначеніе не можетъ заканчиваться и достигаться смертью тѣла: *нѣтъ Бога, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ*.

Такъ говорить намъ откровеніе Слова Божія во Христѣ Спасителѣ, но также свидѣтельствуетъ и откровеніе дѣла Божія въ томъ же Христѣ Создателѣ, ибо также говоритъ каждому собственной его душа, если кто будетъ спрашивать свою душу искренно, твердо, сосредоточенно. „Душа человѣческая по природѣ есть христіанка“, съ дерзновеніемъ сказалъ одинъ древній учитель церкви.

Недостало бы намъ времени говорить о томъ, какъ невѣрующіе въ Бога и Христа и въ иную жизнь кромѣ настоящей неизбежно не вѣрують и въ собственную свою душу и въ ея благородныя зидительныя силы. Но если эти люди по крайней мѣрѣ любятъ себя: *никтоже бо когда плоть свою возненавидитъ, не питаетъ и грѣтъ ю*; если любя себя, они желаютъ *быть собою*: то пусть они подумаютъ, что быть собою, дорожить своею личностію — безъ увѣренности въ *устойчивости* своей внутренней жизни — есть пустое притязаніе; что безъ мысли о Богѣ и о вѣчномъ назначеніи человѣка, для личности человѣка нѣтъ опоры въ цѣломъ мірѣ, что міръ напротивъ раститъ для человѣка именно то дерево, изъ котораго сколотятъ гробъ человѣку. Богъ же всего пусть подумаютъ, кто имъ сказалъ, какой всевѣдецъ

и каинѣмъ: *отцѣмъ доказалъ, будто нѣтъ вѣчнаго назначенія и будущей непреходящей жизни, будто всё для человѣка должно ограничиться случайнымъ плаваніемъ по морю наличной здѣшней жизни?* Правда, корабль всякаго несётся всегда и для всѣхъ въ одномъ и томъ же главномъ направленіи и сокрывается всегда неизмѣнно въ одной и той же безднѣ: но въ эту бездну вѣдь не проникаетъ ни одинъ глазъ смотрящій изъ здѣшняго міра. Какъ же не задуматься, какъ не разсудить, до какой степени неблагоуразумно, имѣя на своемъ пути неизбѣжную и неизслѣдимую пропасть, идти закрывши глаза, отвергая всякое руководство, съ одною мечтательною мыслию, что, *можетъ быть, та пропасть—чистое ничто и за нею нѣтъ ничего!..* А когда спадетъ съ глазъ покрывало?.. А когда мнимое ничто окажется строгою дѣйствительностію, такую дѣйствительностію, предъ которою всё настоящее есть по истинѣ исчезающій моментъ?.. А руководство есть, мы предварены, намъ заранѣе открыто, что *„хотя тѣло возвращается въ землю, отъ которой взято, но духъ возвращается къ Богу, иже даде его“.* Роковую ошибку не поправишь: *однажды человѣку приходится умереть, — единому человеку надлежитъ умереть, потомъ же судъ.*

Жизнь будущаго вѣка не безъ связи съ жизнью настоящею. Здѣсь начало, тамъ совершеніе. Каково начало, таково и совершеніе. Начинаящій плотію и кончить безчестіемъ плоти. Начинаящій духомъ и скончаетъ славою и полнотою духа.

Одаренный стремленіемъ и силою познанія и свершающій свой подвигъ въ страхѣ Божіемъ, *нынѣ разумѣваетъ отъ части, тогда же познаетъ въ совершенствѣ — въ мѣру Богознанія, какъ это открыто словомъ апостольскимъ.*

Одаренный дарами служенія благу ближнихъ и свершающій свой подвигъ здѣсь съ вѣрою въ Того, кто оттуда *пришелъ въ сей міръ, не да послужатъ Ему, но послужити,*—тамъ увидитъ, какъ дѣла его любви къ людямъ, малыя или великія, назовутся совершенными дѣлами его любви къ самому Богу, по Его собственному предваренію: *понеже сотвористе единому отъ малыя снѣга, Мнѣ сотвористе.*

Вѣрующій и дѣломъ жизни являющій свою вѣру во Христа и въ Его церковь, въ простотѣ соблюдая Его заповѣди и ея

уставы, уже здѣсь получаетъ залогъ *Божественныхъ силъ, яже къ животу и благодетію* — въ приобщеніи животворящихъ таинствъ Христовыхъ, — тамъ же сподобится *истѣе, существеннѣе приобщенія* Лица Христова, животворящаго Духа Христова и безсмертной тѣлесности Христовой. И нынѣ — только *душа живая, немогущая сдѣлать своего тѣла безсмертнымъ*, тогда — съ преображеніемъ *въ духъ животворящій* возмимзетъ преображеннымъ и *тѣло смиренія* во образъ славнаго тѣла, исполненнаго жизни духа, жизни же вѣчной.

Послѣ этихъ размышленій, мы уже не безотрадно смотримъ на сей гробъ. Онъ увезетъ многое изъ сей жизни, но не за тѣмъ, чтобы погубить, но чтобы сохранить и въ часъ Божій возвратить еще большее. Ибо мы имѣемъ основаніе вѣрять, что обитованія жизни новой, совершенной и вѣчной не мимо идутъ сего усопшаго собрата нашего. Въ жизни настоящей, въ многообразномъ служеніи своемъ и въ личной жизни вѣры, душою своею онъ ждалъ жизни будущаго вѣка, и уже здѣсь вкушалъ отъ начала истока этой жизни — благодати Христа Бога, дарованной отъ Него людямъ своимъ, церкви своей святой еще въ земномъ ея образѣ. Вѣрою и любовію черпающіе отъ сей благодати Христа Ему отдають свою душу и чрезъ Него *въ жизнь вѣчную сохраняють ее*. И не только сохраняють, но обогащаютъ сокровищами совершеннѣйшими, отъ Него даруемыми.

Такъ да будетъ новопреставленному! „Едина же яко чловѣкъ, плоть носяй и въ мірѣ живяй, согрѣши Богу словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, — вѣденіемъ или невѣденіемъ, та вся да проститъ Ему чловѣколюбець Богочловѣкъ“, покрывъ Своими безвѣчными крестными заслугами. Объ этомъ помолимся всею церковію.

Да совершитъ же Онъ и встѣхъ насъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, чтобы жить намъ по Его волѣ, и Его силою творить благоудное предъ Нимъ; чтобы намъ возмощи и себя и другъ друга и всю жизнь нашу несомнѣнною вѣрою отдать Христу Богу, да въ Немъ сохраняемъ души наши въ животѣ вѣчномъ. *Ему же единому истинному Богу*, источнику нашего нетлѣнія, слава въ церкви земной и небесной во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прот. Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

ИСКУССТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ

ВЪ НАУКѢ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе Н. Заозерскаго. Кострома. 1878 г.

Изслѣдованіе г. Заозерскаго, какъ это можно видѣть съ перваго взгляда, находится въ прямой связи съ тѣми толками о церковномъ судѣ, которые были въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ при выработкѣ извѣстнаго *проекта церковно-судной реформы*. „Въ этихъ толкахъ,— говоритъ авторъ въ предисловіи своего труда,— вопросъ о церковномъ судѣ повидимому исчерпанъ и разрѣшенъ окончательно, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе его должно считаться излишнимъ. Но такое возрѣніе на дѣло, если и можетъ быть оправдано въ виду практическихъ его интересовъ, ни мало не оправдывается интересами теоретическими, научными“. Авторъ очевидно придаетъ слишкомъ много значенія практическому разрѣшенію вопроса о церковномъ судѣ, и высказываетъ такое сужденіе о немъ вѣроятно въ смыслѣ ироніи или простой любезности. Всѣмъ извѣстно, что послѣ всѣхъ толковъ о преобразованіи у насъ церковнаго суда вопросъ этотъ не только не исчерпанъ и не разрѣшенъ, но совершенно запутанъ и оставленъ безъ всякаго движенія. Между тѣмъ настоятельная нужда въ разрѣшеніи

этого вопроса остается доселѣ во всей своей силѣ, и всякая новая попытка къ такому разрѣшенію, при правильномъ пониманіи дѣла и искреннемъ отношеніи къ нему, была бы въ высшей степени желательна. Но авторъ предполагаетъ идти въ своемъ трудѣ другимъ путемъ. Онъ имѣетъ въ виду цѣль исключительно теоретическую, научную. „Отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, онъ желаетъ дать въ своемъ изслѣдованіи полное и точное изображеніе церковнаго суда въ первые пять вѣковъ христіанства“. Въ добрый часъ! И съ этой стороны разъясненіе вопроса о церковномъ судѣ, при достаточномъ пониманіи дѣла и искренности отношенія къ нему, весьма желательно и необходимо для нашего общества.

Но съ этой стороны авторъ, намъ кажется, удѣляетъ уже слишкомъ мало вниманія всѣмъ предшествовавшимъ его изслѣдованію работамъ по разъясненію вопроса о церковномъ судѣ. Нельзя же сказать, чтобы всѣ эти работы, задаваясь исключительно практическими цѣлями, не имѣли никакого научнаго значенія. Участвовавшіе въ литературномъ разъясненіи вопроса о церковномъ судѣ были большею частію лица съ специальнымъ каноническимъ образованіемъ; у каждаго изъ нихъ въ основѣ практическихъ предположеній о такомъ или другомъ устройствѣ церковнаго суда лежали пзвѣстные представленія о каноническомъ устройствѣ древней церкви; въ пониманіи каноническаго строя древней церкви между писавшими объ этомъ предметѣ обнаружались нѣкоторыя разногласія, подавшія поводъ къ оживленному литературному спору, но и въ этомъ спорѣ затронуто было немало научныхъ вопросовъ. Автору, намъ кажется, не слѣдовало игнорировать все это. Ему слѣдовало прямо высказать, признаетъ ли онъ хотя бы и съ общенаучной точки зрѣнія какое-либо значеніе за всею этою возникшею у насъ и довольно обильною литературой о церковномъ судѣ, и какъ самъ онъ къ ней относится, къ какимъ изъ высказывавшихся въ литературѣ мнѣній примыкаютъ его собственные представленія о церковномъ судѣ или онъ не желаетъ быть солидарнымъ ни съ какими изъ нихъ, какія собственно научныя данныя выработаны доселѣ въ литературѣ по вопросу о церковномъ судѣ, и въ чемъ его собственное изслѣдованіе

представляет пополнение или исправление къ этимъ даннымъ. Относительно всего этого изслѣдованіе г. Заозерскаго отличается замѣчательною сдержанностью, которая впрочемъ можетъ быть объяснена болѣе практическими, чѣмъ научно-теоретическими соображеніями. Можетъ быть г. Заозерскій человекъ мирный, не любящій при раскрытіи своихъ мнѣній касаться чужихъ мнѣній, съ которыми нужно спорить? Въ такомъ случаѣ ему лучше было бы избрать для своего изслѣдованія такой предметъ, въ которомъ бы менѣе представлялось спорныхъ и щекотливыхъ сторонъ. Въ наукѣ немало предметовъ такого рода. Но кажется, споръ изъ-за дѣла истины, изъ-за научнаго разъясненія вопроса, не можетъ быть принимаемъ какъ заявленіе немиролюбія съ чьей бы то ни было стороны.

Совершенное игнорированіе г. Заозерскимъ предшествовавшей его изслѣдованію литературы о церковномъ судѣ представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что въ этой литературѣ были между прочимъ такія статьи, которыя и по самой темѣ, и по методу и порядку раскрытія, и по многимъ частностямъ въ содержаніи имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ изслѣдованіемъ г. Заозерскаго, хотя и отличаются отъ него иными научными приемами. Мы разумѣемъ статьи о судѣ церковномъ въ первые вѣка христіанства, писанныя покойнымъ профессоромъ каноническаго права Н. К. Соколовымъ и напечатанныя въ Православномъ Обзорѣнн 1870 и 1871 годовъ. Г. Заозерскій въ своемъ изслѣдованіи не упоминаетъ ни единымъ словомъ объ этихъ статьяхъ: между тѣмъ при сличеніи съ ними его изслѣдованія оказывается, что г. Заозерскій не только беретъ ту же самую тему, что и профессоръ Соколовъ, но и разсматриваетъ ее въ томъ же порядкѣ, и доводитъ разсмотрѣніе до тѣхъ же предѣловъ — отъ начала христіанства до V вѣка, и начинаетъ также какъ г. Соколовъ разсмотрѣніемъ мѣстъ св. Писанія изъ Евангелія Маттея XVIII глава 15 — 18 ст. и посланій апостола Павла къ Коринѣянамъ V гл. 1 — 5 ст. и Тимофею V гл. 19 — 21 стр. и оканчиваетъ также разборомъ судебныхъ процессовъ по изложенію актовъ IV вселенскаго собора, и въ частностяхъ руководствуется большею частію тѣми же источниками, какъ и г. Соколовъ, беретъ изъ нихъ такія же свидѣтельства, и нерѣдко пользуется даже тѣми самыми приемами

раскрытія и аргументаціи, какіе находятся въ статьяхъ Соколова. Мы далеки отъ того, чтобы упрекать г. Заозерскаго въ подражанія профессору Соколову или ставить его изслѣдованіе въ одинъ разрядъ съ статьями Соколова. Это было бы конечно несправедливо. Не говоря уже о различіяхъ внутренняго характера и направленія, равно какъ и внѣшняго таланта изложенія, есть не мало различій и въ содержаніи и въ приемахъ раскрытія той и другой работы. Напримѣръ: 1) профессоръ Соколовъ рассматриваетъ исторію образованія церковнаго суда въ связи съ общимъ развитіемъ церковной жизни въ первые вѣка, и объясняетъ данныя и свидѣтельства объ этомъ судѣ не отрывочно, а въ связи съ общимъ характеромъ тѣхъ памятниковъ, изъ которыхъ они заимствуются. Напротивъ г. Заозерскій рассматриваетъ исторію церковнаго суда изолированно отъ общаго развитія церковной жизни, и большею частію рассматриваетъ данныя и свидѣтельства памятниковъ отрывочно. Отъ этого, по нашему мнѣнію, освѣщеніе и разъясненіе дѣла не выигрываетъ: но г. Заозерскій такой способъ раскрытія дѣла вѣроятно считаетъ болѣе для себя удобнымъ. 2) Г. Заозерскій рассматриваетъ дѣло гораздо подробнѣе, чѣмъ профессоръ Соколовъ. Въ его книгѣ есть много частныхъ, разъясненій и доказательствъ, какихъ нѣтъ въ статьяхъ Соколова. Мы не скажемъ опять, чтобы этими частностями лучше разъяснялось рассматриваемое дѣло. Напротивъ ими во многихъ мѣстахъ болѣе затемняется дѣло; ~~общій характеръ древняго церковнаго суда и его развитіе~~ въ статьяхъ г. Соколова, представляются гораздо яснѣе и живѣе, чѣмъ въ изслѣдованіи Заозерскаго. Но во всякомъ случаѣ отъ частныхъ дополненій и разъясненій книга г. Заозерскаго на видъ представляется болѣе спеціальнымъ трудомъ по исторіи церковнаго суда, чѣмъ статьи Соколова. 3) Есть въ изслѣдованіи г. Заозерскаго такая часть, которая по существу дѣла раскрывается у него гораздо полнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ статьяхъ Соколова. Профессоръ Соколовъ, имѣя главною задачею раскрытіе началъ и формъ древняго церковнаго суда, мало обращалъ вниманія въ своихъ статьяхъ на опредѣленіе вѣдомства церковнаго суда, на перечисленіе предметовъ подлежащихъ ему. Г. Заозерскій обращаетъ на эту сторону дѣла особенное вниманіе, и разрабатываетъ ее съ особенною подробностью. Правда рас-

крытие этого предмета не могло представлять автору большой трудности и требовать от него особеннаго умѣнья. Авторъ выписалъ изъ древнихъ правилъ церковныхъ всѣ упоминаемые въ нихъ виды проступковъ и преступленій подлежащихъ церковному суду, и распредѣлилъ ихъ примѣнительно къ формуламъ и рубрикамъ современнаго уложенія о наказаніяхъ (преступленія противъ вѣры, противъ должности, противъ нравственности, брачныя дѣла). Но во всякомъ случаѣ эту заслугу его мы не смѣрены отрицать и умалять. 4). Состороны наунныхъ приѣмовъ въ книгѣ г. Заозерскаго обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ мѣста, гдѣ авторъ отправляясь отъ тѣхъ же самыхъ свидѣтельствъ и данныхъ древней церковной практики, какія имѣлъ въ виду и профессоръ Соколовъ, приходитъ совершенно къ другимъ выводамъ и заключеніямъ о древнемъ церковномъ судѣ, чѣмъ какіе проводятся въ статьяхъ Соколова. Такихъ мѣстъ довольно въ книгѣ г. Заозерскаго, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ будто видно особенное и преднамѣренное усиліе представить дѣло иначе, чѣмъ представляется оно въ статьяхъ Соколова, хотя на эти послѣднія и не дѣлается никакихъ прямыхъ указаній. Изъ такихъ мѣстъ по преимуществу конечно можно видѣть независимое отношеніе взглядовъ г. Заозерскаго къ взглядамъ профессора Соколова, хотя и здѣсь можетъ представиться вопросъ, говоритъ ли въ этомъ случаѣ независимость взглядовъ г. Заозерскаго въ его пользу или нѣтъ, и не есть ли она вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость отъ чьихъ-нибудь другихъ взглядовъ несогласныхъ съ взглядами Соколова. 5) Наконецъ съ внѣшней стороны изложеніе книги г. Заозерскаго отличается отъ статей профессора Соколова множествомъ цитатъ. Профессоръ Соколовъ писалъ свои статьи для журнала, и разчитывая главнымъ образомъ на такихъ читателей, которые сами должны быть хорошо знакомы съ тѣми историческими памятниками, изъ которыхъ заимствовался имъ ученый матеріалъ, не считалъ нужнымъ пестрить ихъ обширною цитаціей. Г. Заозерскій писалъ свою книгу для полученія степени магистра, и желалъ дать ей такой видъ, чтобы она и людямъ не особенно знакомымъ съ дѣломъ представлялась спеціальнымъ ученымъ произведеніемъ. Подробность и точность цитаціи во всякомъ случаѣ могутъ быть поставлены въ достоинство книгѣ г. Заозерскаго. Тѣмъ

не менѣе г. Заозерскій, какъ человекъ самъ понимающій дѣло, могъ увидѣть и въ статьяхъ профессора Соколова, хотя и не испещренныхъ учеными цитатами, не легкую журнальную статью, а настоящій ученый трудъ, основанный на серьезномъ изученіи дѣла, и потому долженъ былъ, по нашему мнѣнію, внимательно отнестись къ работѣ своего предшественника, который первый въ нашей литературѣ положилъ начало ученой разработкѣ вопроса, взятаго г. Заозерскимъ темою для магистерской диссертациі.

Впрочемъ не въ одномъ г. Соколову, а и къ другимъ ученымъ русскимъ и иностраннымъ, писавшимъ и разсуждавшимъ о предметахъ тождественныхъ или соприкосновенныхъ съ предметами диссертациі, г. Заозерскій относится съ большою невнимательностью. Изъ произведеній иностранной литературы онъ указываетъ на нѣкоторыя сочиненія по каноническому праву, но лишь на такія, которыя наиболее подходятъ къ его собственнымъ взглядамъ; на произведенія же русскихъ канонистовъ въ книгѣ рѣшительно почти не обращается вниманія. Большую часть своихъ положеній г. Заозерскій раскрываетъ такъ, какъ будто ему первому и ему одному приходится касаться тѣхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его диссертациі. Особенно это представляется неумѣстнымъ тамъ, гдѣ автору приходится говорить о предметахъ сомнительныхъ, спорныхъ, относительно которыхъ, какъ ему самому должно быть извѣстно, существуютъ разномыслія, возраженія. Авторъ большею частію не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Освѣщая съ своей точки зрѣнія извѣстный фактъ или раскрывая извѣстное положеніе, онъ большею частію не даетъ ни малѣйшаго намека о томъ, что этому факту можетъ быть дано другое освѣщеніе или что противъ этого положенія могутъ быть серьезныя возраженія. Въ иныхъ мѣстахъ, только по усилію аргументаціи въ извѣстную сторону, можно догадаться, что авторъ имѣетъ въ виду не только раскрыть свой собственный взглядъ, но и опровергнуть какое-то несогласное съ нимъ мнѣніе, котораго однако же онъ прямо не приводитъ. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ (напр. на стр. 108, 110, 107) г. Заозерскій прямо указываетъ несогласныя съ его взглядами мнѣнія и разбираетъ ихъ, но разбираетъ очень легко, избирая для опроверженія наиболее удобныя для себя

стороны и основанія. Все это—такіе приемы, которые едва ли можно практиковать въ нашей *молодой*, какъ выражается самъ г. Заозерскій, *канонической литературы*, и которые едва ли къ лицу ученымъ, начинающимъ свою литературную дѣятельность. Конечно, въ нашей *молодой* литературѣ въ виду того, что и читателей она имѣетъ мало *зрѣлыхъ и опытныхъ*, можно проводить какія угодно теоріи и мнѣнія не обращая вниманія на то, что можетъ быть противъ нихъ сказано. Но едвали серьезный ученый сталъ бы пользоваться такимъ положеніемъ. Въ литературѣ болѣе зрѣлыхъ одно подобное игнорированіе взглядовъ несогласныхъ съ тѣми, которые требуется доказать, возраженій, которыя могутъ быть высказаны, и вообще игнорированіе литературы предмета могло бы подорвать достоинство изслѣдованія, хотя бы не только украшеннаго богатымъ вѣдшимъ аппаратомъ учености, но и дѣйствительно основаннаго на серьезномъ и самостоятельномъ изученіи дѣла.

Посмотримъ теперь, насколько въ книгѣ г. Заозерскаго выдерживается данное имъ обѣщаніе „отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, представить полное и точное изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства“.

Вопервыхъ, что касается до *практическихъ задачъ настоящаго времени*, то вѣроятно всякому, кто помнитъ толки и споры о церковномъ судѣ, бывшіе у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу преобразования церковнаго суда, при чтеніи диссертациі г. Заозерскаго не могло не представиться, что отрѣшеніе отъ практическихъ задачъ настоящаго времени здѣсь только *мнимое* или такъ-сказать *маскированное*. Правда г. Заозерскій нигдѣ не касается непосредственно тѣхъ нуждъ и задачъ, какія вызываються состояніемъ нашей современной церковно-судной практики. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что самую древне-церковную практику онъ *разсматриваетъ съ тѣхъ именно сторонъ, какія затронуты были въ учрежденномъ у насъ комитетѣ по преобразованію церковнаго суда, въ проектахъ составлявшихся тогда и въ литературныхъ толкахъ и спорахъ вызванныхъ этими проектами.* Такою исходною точкою изслѣдованія опредѣляются у автора и всѣ его ученые приемы и все отношеніе къ древней церковной жизни, къ древнимъ церковнымъ памятникамъ. Въ изслѣдованіи г. Заозерскаго мы видимъ: не сами

памятники непосредственно представляют намъ образъ древняго церковнаго суда, а современный юристъ или канонистъ водить насъ по древнимъ памятникамъ и выискиваетъ и выбираетъ изъ древнихъ памятниковъ тѣ черты, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему современному церковному суду и къ нашимъ толкамъ о его преобразованіи. Современные юридическіе термины и формулы „органы судебной власти, инстанціи суда, обвинительная власть, слѣдственный процессъ и т. н. такъ и сыплются у автора при изслѣдованіи такихъ памятниковъ, которые повидимому очень мало имѣютъ съ ними общаго, начиная съ самыхъ евангелій и посланій апостольскихъ. Такія историческія сочиненія, въ которыхъ новые изслѣдователи пускаются въ изслѣдованіе древней жизни и древнихъ памятниковъ съ тѣхъ только сторонъ, которыя имѣютъ отношеніе къ строю современной жизни. ея задачамъ и вопросамъ, едва ли, вообще говоря, могутъ давать *полныя и точныя* изображенія древней жизни. И такіе приемы научнаго изслѣдованія едва ли могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ *историческими*.

И мало того, что авторъ вообще разсматриваетъ древнюю жизнь съ такихъ сторонъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ вопросамъ и задачамъ настоящаго времени: онъ ищетъ отъ ней отвѣта на эти вопросы только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ это представляется нужнымъ для оправданія лишь извѣстныхъ мнѣній объ устройствѣ церковнаго суда. Напрасно авторъ старается представить, что его изслѣдованіе не имѣетъ никакого отношенія къ партіямъ и спорамъ, высказавшимся у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этому вопросу, и что онъ задается лишь чисто-научными цѣлями. Едвали кто-нибудь, читая его книгу, можетъ остаться въ недоразумѣніи относительно того, что наука имѣетъ здѣсь не самостоятельное, а служебное значеніе, и что изслѣдованіе предпринято и написано съ тою цѣлью, чтобы практикою древней церкви и свидѣтельствами древнихъ памятниковъ доказать правильность *известныхъ* представленій о церковномъ судѣ, тѣхъ именно, какія высказываемы были *одною* изъ партій, полемизировавшихъ по вопросу о нашей духовно-судебной реформѣ. Тема для изслѣдованія здѣсь была намѣчена заранее, и заключительные выводы готовы были прежде самаго изслѣдованія; изслѣдователю оставалось только подобрать подъ

эти выводы возможно болѣе ученыхъ аргументовъ, что онъ и исполнилъ весьма точно. Мы и не думаемъ ставить этого автору въ большой упрекъ, особенно если онъ убѣжденъ въ безусловной правильности тѣхъ взглядовъ и мнѣній, какіе взялъ доказывать и проводить въ своей книгѣ. Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ говорить объ *отрѣженности отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, о полнотѣ и точности изслѣдованія?* Почему бы автору не высказать прямо, что его изслѣдованіе находится въ тѣсной связи со взглядами одной изъ партій высказывавшихся по вопросу о церковномъ судѣ, и имѣть въ виду научное обоснованіе и оправданіе этихъ взглядовъ? И тѣ выводы, которые авторъ высказываетъ въ концѣ книги, какъ заключеніе къ изслѣдованію, почему бы не поставить ему въ самомъ началѣ какъ исходные пункты для изслѣдованія или лучше сказать для подтвержденія? Въ такомъ случаѣ если бы въ изслѣдованіи автора было и не болѣе научности, по крайней мѣрѣ болѣе было бы прямоты.

Мы высказываемъ свои сужденія о книгѣ г. Заозерскаго, не подтверждая ихъ частными доказательствами. Признаемся, намъ представляется трудно и скучно выбирать изъ книги отдѣльные доказательства на то, чему на нашъ взглядъ вся книга представляетъ ясное доказательство. Впрочемъ чтобы наши сужденія не показались придиричвыми и голословными, достаточно просмотрѣть одну первую часть изслѣдованія Заозерскаго (стр. 7—53). Въ ней можно найти подтвержденіе всему нами выше сказанному. Эта часть притомъ составляетъ центръ тяжести всего изслѣдованія, въ ней его основа и исходные пункты. Изъ этой части мы достаточно можемъ познакомиться съ учеными приемами г. Заозерскаго и къ сожалѣнію не одного Заозерскаго, а цѣлой школы, духъ и приемы которой постарался усвоить себѣ г. Заозерскій.

Въ первой части изслѣдованія авторъ прежде всего старается раскрыть то положеніе, что церковный судъ, какъ *внѣшнее формальное юридическое* учрежденіе (въ такомъ именно смыслѣ г. Заозерскій желаетъ разсматривать „церковный судъ“ въ своемъ изслѣдованіи, см. введеніе стр. 1—5) есть учрежденіе непосредственно установленное Иисусомъ Христомъ, что въ ученіи Иисуса Христа въ Евангеліи предначертанъ планъ организаціи цер-

ковно-судебнаго строя, въ которомъ находятся: опредѣленіе органовъ церковно-судебной власти, подсудности, отношеній судящихъ къ судимымъ и наоборотъ, и указаніе существенныхъ моментовъ судопроизводства и основной характеръ и назначеніе въ церкви *формальнаго суда*“ (стр. 314 въ заключеніи, гдѣ формулируются выводы изслѣдованія).

На чемъ же все это основывается?

Единственное мѣсто въ Евангеліи, изъ котораго канонисты извѣстной школы издавна стараются вывести положеніе объ учрежденіи Иисусомъ Христомъ формальнаго суда въ церкви и которое они съ незапамятныхъ временъ толкуютъ на всевозможные лады, примѣняя къ позднѣйшимъ юридическимъ понятіямъ и учрежденіямъ, находится у евангелиста Маттея XVIII гл. 15—18 ст. „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ. Аще тебѣ послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего: аще ли тебе не послушаетъ, поиди съ собою аще единого или два да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь: аще же не послушаетъ ихъ, повѣдь церкви; аще же и церковь преслушаетъ; буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь“⁴. Это изреченіе и г. Заозерскій беретъ въ основаніе своихъ изслѣдованій. Но нужно ли и можно ли находить въ немъ опредѣленіе или предписаніе Спасителя объ учрежденіи въ церкви формальнаго суда, а тѣмъ бѣлѣе предначертаніе цѣлаго плана организаціи церковно-суднаго строя? Вопервыхъ, что касается до нужды, то напрасно канонисты представляютъ себѣ (изъ этого представленія исходятъ всѣ ихъ усилія истолковать приведенное изреченіе въ извѣстномъ смыслѣ), что возведеніе учрежденія *формальнаго суда* въ церкви къ самому Иисусу Христу необходимо для утвержденія его авторитета и компетентности. Если бы въ Евангеліи не было рѣшительно никакого упоминанія о церковномъ судѣ; еслибы несомнѣнно извѣстно было, что онъ устроенъ апостолами послѣ сошествія Св. Духа или пастырями и учителями церкви на соборахъ позднѣйшихъ вѣковъ; если бы судъ церковный представлялся намъ просто учрежденіемъ разившимся изъ необходимыхъ историческихъ условій жизни церковной, помимо непосредственныхъ предписаній на то отъ Иисуса Христа, апостоловъ и учителей церкви,—это учрежденіе никакъ не могло бы терять въ глазахъ христіанъ своего авторитета и компетентности. Въ церкви Хри-

стовой дѣйствуютъ не только высшіе естественные историческіе законы и силы, дающіе компетентность всѣмъ правильно развивающимся въ жизни церковной явленіямъ и учрежденіямъ, но и сверхъестественная благодать Духа Святаго, сообщающая высшее божественное освященіе тѣмъ установленіямъ, которыя учреждаются въ церкви для правильнаго развитія ея жизни хотя бы и чрезъ посредство призванныхъ къ тому человѣческихъ органовъ и орудій. Иисусъ Христосъ не во время только земной Своей жизни пребывалъ съ церковью, но пребываетъ съ нею непрестанно *во вся дни до скончанія вѣка*. Поэтому не тѣ только учрежденія въ церкви получаютъ отъ Него божественный авторитетъ, которыя непосредственно установлены Имъ во время Его земной жизни, но и всѣ тѣ, которыя развиваются въ церкви—живомъ тѣлѣ Христовомъ, согласно съ духомъ Его ученія, хотя бы и безъ непосредственныхъ буквальныхъ на то евангельскихъ предписаній... Но сущность дѣла состоитъ конечно не въ томъ, крѣпче или не крѣпче будетъ компетентность церковнаго суда, если мы найдемъ въ Евангеліи доказательства объ учрежденіи его Иисусомъ Христомъ, а въ томъ, дѣйствительно ли есть въ Евангеліи такіа доказательства или нѣтъ ихъ. Чего нѣтъ въ Евангеліи, того мы не смѣемъ впадать въ него, какъ бы это ни назалось намъ нужнымъ для оправданія какихъ либо возрѣній и учрежденій; а что есть въ немъ, того мы не смѣемъ отрицать.

Итакъ дѣйствительно ли въ приведенномъ выше мѣстѣ Евангелія Маттея находится свидѣтельство объ учрежденіи Иисусомъ Христомъ *формальнаго суда* въ церкви?

Чтобы правильно понять и истолковать это мѣсто, необходимо принять во вниманіе нѣкоторыя существенныя герминевтическія правила.

Нужно относиться къ словамъ Евангелія—къ словамъ Иисуса Христа со всевозможною внимательностью и осторожностью. Нельзя вырывать изъ Евангелія отдѣльныхъ текстовъ и на нихъ строить цѣлыя теоріи и системы. Нельзя толковать частныя изреченія Евангелія безотносительно не только къ ближайшему контексту рѣчи, въ которомъ онѣ находятся, но и вообще ко всему смыслу Евангелія, духу ученія Христова. Нельзя произвольно расширять смыслъ изреченій Христовыхъ, вкладывать

вать въ нихъ то, чего нѣтъ въ нихъ и т. п. Все это такія положенія, которыя необходимо вытекаютъ не только изъ общихъ требованій истины, но и изъ особеннаго нашего отношенія къ личности и ученію Іисуса Христа. Безъ соблюденія этихъ требованій можно различными евангельскія изреченія толковать, какъ угодно, и Евангелію и христіанству приписать все, что угодно и чего въ ученіи Христовомъ вовсе нѣтъ.

Имѣя въ виду эти общія требованія при разрѣшеніи вопроса о началѣ церковнаго суда, мы должны обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1) Всѣ усилія канонистовъ, старающихся возвести къ Іисусу Христу учрежденіе *формальнаго* церковнаго суда, не могли и не могутъ найти для себя въ Евангеліи никакого другаго основанія, кромѣ указаннаго выше изреченія изъ XVIII главы ев. Маттея. Изреченіе это какъ по его частному смыслу, такъ и по связи съ контекстомъ рѣчи, въ которомъ оно находится, нельзя относить къ числу вполне ясныхъ изреченій Евангелія (т.-е. само по себѣ и по естественному ходу своей рѣчи, изъ которой оно берется, это изреченіе можетъ быть и не должно бы представляться неяснымъ; но послѣ различныхъ истолкованій высказывавшихся по поводу этого изреченія смыслъ его значительно затемненъ). Толкованія на это мѣсто Евангелія существуютъ разнообразныя; самое слово „церковь“ о которомъ говорится въ 17 стихѣ указанной главы, не всѣми понимается одинаково. Уже это одно не должно ли бы нѣсколько умѣрять въ канонистахъ ту увѣренность, съ какою они на основаніи указаннаго мѣста стараются утвердить положеніе объ учрежденіи *формальнаго* суда въ церкви самимъ Іисусомъ Христомъ?

2) Едвали бы кто сталъ оспаривать то, что духъ внѣшняго формализма не есть духъ Евангелія, что Іисусъ Христосъ подробно раскрывая въ своемъ ученіи начала, изъ которыхъ должна развиваться духовная жизнь церкви, мало говоритъ о внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ она должна развиваться, что церковь Христова, какъ учрежденіе Іисуса Христа, по Его мысли должна имѣть духовно-нравственный, а не политическій характеръ (Іоанн. XVIII, 36), что отъ рѣшенія политическихъ и юридическихъ вопросовъ Іисусъ Христосъ устранился (Лук. XII, 14; Мате. XXII, 16—21), и въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, ко-

гда ему представлялись поводы коснуться въ какомъ нибудь дѣлѣ юридической стороны, Онъ какъ бы намѣренно обходя ее, старался обратить вниманіе Своихъ послѣдователей на нравственную сторону дѣла (Мате. V, 21—22), что Иисусъ Христосъ старался предостерегать своихъ послѣдователей отъ формальныхъ отношеній другъ къ другу—отъ преобладанія, превозношенія, привилегій власти однихъ предъ другими (Лук. XXI, 25—26; Марк. X, 42—45; Мате. XXIII, 7—11). Отправленіе духовныхъ обязанностей въ церкви по смыслу всего Новаго завета есть служеніе, а не власть и привилегія и т. д. (Петр. V, 3; I Кор. IV, I; Марк. IX, 35; X, 43—45). И это также не должно ли бы нѣсколько сдерживать канонистовъ въ ихъ усиліяхъ—возводить самую формалистику церковнаго суда съ его инстанціями и процессами къ самому Иисусу Христу?

3) Въ частности если мы возьмемъ во вниманіе тѣ мѣста Евангелія, въ которыхъ говорится о судѣ (о ви́шнемъ *формальномъ* судѣ и вообще о судѣ людей надъ людьми, а не о внутреннемъ судѣ совѣсти у каждаго человѣка и не о высшемъ судѣ Божіемъ надъ всѣми людьми): то едвали изъ этихъ мѣстъ можно вывести какое либо благоприятное заключеніе въ пользу людскихъ судовъ и въ пользу предрасположенія къ тому, чтобы самого Иисуса Христа представлять устроителемъ и организаторомъ какого-либо изъ такихъ судовъ. Иисусъ Христосъ предостерегалъ людей какъ отъ частнаго суда и осужденія другъ надъ другомъ (Мате. VI, 1—2; Лук. VI, 37), такъ и отъ формальнаго, облеченнаго силою закона, приговора другъ надъ другомъ въ такихъ даже случаяхъ, когда преступленіе подлежащее суду можетъ представляться чуждымъ всякаго сомнѣнія и судъ надъ нимъ опредѣляется буквальной предписаніемъ высшаго закона (Иоан. VIII, 3—11). Что касается до частныхъ распрій и неудовольствій между людьми, на этотъ предметъ Иисусъ Христосъ внушалъ Своимъ послѣдователямъ то общее правило, чтобы елико возможно не доводить ихъ до суда. Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, прости ему не до седми только разъ, но до седмидесяти седмерицею (т.-е. до неопредѣленнаго числа разъ все прощай—такъ понимаютъ это мѣсто лучшіе толкователи Писанія (Мате. XVIII, 22). Если кто захочетъ судиться съ тобою, чтобы взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одеж-

ду (Мате. V, 40). Мирись съ соперникомъ твоимъ, пока ты съ нимъ на пути, чтобы соперникъ не предалъ тебя судья, а судья не отдалъ тебя слугъ, и не ввергъ бы тебя въ темницу: истинно тебѣ говорю, не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта (Мате. V, 25—28). Какъ же понимать при этомъ приведенное выше изреченіе Спасителя: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ“ и т. д.?

Скорѣе всего такъ, какъ требуетъ этого весь духъ Евангелія, весь смыслъ ученія Христова, всѣ другія изреченія Іисуса Христа, въ которыхъ Онъ учитъ Своихъ послѣдователей превращать взаимныя распри и неудовольствія возникающія между ними путемъ примиренія, всепрощенія, взаимной уступчивости, братскаго увѣщанія, а не путемъ формальнаго суда. Никакой рѣчи о рѣшеніи распрей и неудовольствій формальнымъ судомъ здѣсь, по нашему мнѣнію, нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и во всемъ Евангеліи.

„Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, если сдѣлаетъ тебѣ какую несправедливость или обиду,—ты долженъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы примириться съ нимъ, возстановить его добрыя отношенія къ тебѣ. Ты самъ обиженный первый долженъ позаботиться о примиреніи съ обидѣвшимъ (все равно какъ если бы кто захотѣлъ отнять у тебя что нибудь, ты долженъ быть готовъ отдать ему и болѣе того, что онъ желаетъ отнять (Мате. V, 40). Пойди и поговори съ нимъ наединѣ. Можетъ быть онъ тебя послушаетъ (такъ какъ путь братскаго увѣщанія есть самый лучший и самый нравственный путь къ тому, чтобы подѣйствовать на душу и совѣсть ближняго). Тогда ты *приобрълъ* брата твоего. (Вотъ о чемъ тебѣ при этомъ нужно думать—не о томъ чтобы возстановить твое нарушенное право или загладить тебѣ сдѣланную обиду или несправедливость, а о томъ, чтобы брата *приобрѣсти*, спасти и удержать въ добрыхъ отношеніяхъ съ собою, душу и совѣсть его очистить, развязать отъ грѣха, отъ дурнаго чувства, отъ сдѣланной несправедливости). Если жъ онъ тебя не послушаетъ, призови еще одного или двухъ братьевъ на помощь себѣ (съ тою же конечно цѣлю, чтобы тѣмъ же путемъ братскаго увѣщанія подѣйствовать на обидѣвшаго тебя). Если и это не подѣйствуетъ,

призови всѣхъ братьевъ, призови церковь для увѣщанія имѣющаго зло на тебя (т.-е. употреби всѣ возможные мѣры къ тому, чтобы нравственно подѣйствовать на брата, развязать его отъ грѣха, приобрести, спасти его). Если же наконецъ и это не подѣйствуетъ, если увѣщанія всей церкви останутся недействительными для обидѣвшаго; тогда нѣтъ болѣе средствъ—по крайней мѣрѣ земныхъ, человѣческихъ средствъ—нравственно подѣйствовать на него. Тогда ты можешь оставить его. Человѣкъ не слушающій многократныхъ братскихъ увѣщаній, не слушающій *всей церкви*, чужой человѣкъ для церкви — *язычникъ и митарь*“.

Что такой именно путь—путь братскихъ увѣщаній съ начала до конца направленныхъ къ тому, чтобы нравственно подѣйствовать на брата и спасти его, а не путь формальнаго суда для возстановленія на немъ личныхъ нарушенныхъ правъ—указывается въ рассматриваемомъ изреченіи Спасителя какъ единственный, согласный съ духомъ Евангелія путь къ разрѣшенію возникающихъ въ церкви распрей, это видно и изъ всего содержанія той XVIII главы Евангелія Матвея, въ которой находится приведенное изреченіе.

Въ началѣ главы говорится о дѣтскомъ незлобїи и простотѣ, какъ условїяхъ принадлежности къ царству небесному (ст. 1—5), и дѣлается предостереженіе, чтобы никто не соблазнялъ (ст. 6) и не пренебрегалъ единымъ отъ малыхъ, которыхъ ангелы на небесахъ выну видятъ лице Отца небеснаго (ст. 10). Далѣе представляется людямъ въ примѣръ безконечная любовь Сына человѣческаго, пришедшаго выискать и спасти погибшихъ, и предлагается притча о человѣкѣ имѣющемъ сто овецъ, который потерявъ одну изъ нихъ оставляетъ девяносто девять въ горахъ и идетъ искать заблудшую, и нашедши ее радуется о ней болѣе нежели о девяносто девяти незаблудшихъ (ст. 11—13). „Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ“, говоритъ Иисусъ Христосъ въ заключеніе притчи (ст. 14). Непосредственно за этимъ и слѣдуютъ тѣ вышеприведенныя слова, въ которыхъ Иисусъ Христосъ указываетъ, какъ и мы всѣ, во исполненіе воли Отца небеснаго и въ подражаніе любви Сына человѣческаго, должны употреблять всѣ мѣры къ спасенію заблуждающихъ братїй. Высшая степень братской любви

указывается здѣсь именно въ томъ, что первая забота о нравственномъ увѣщаніи и обращеніи брата, сдѣлавшаго обиду и несправедливость, влущается тому именно брату, которому сдѣлана обида или несправедливость. „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего“ и т. д... Что эти слова поняты были слушающими ихъ апостолами именно въ томъ смыслѣ, что всякую нанесенную обиду и несправедливость нужно покрывать любовію и прощеніемъ, это видно изъ слѣдующаго за симиъ вопроса апостола Петра, обращеннаго къ Иисусу Христу: Господи! сколько же разъ долженъ я прощать брату моему согрѣшающему противъ меня; ужели до семи разъ долженъ я прощать ему? „Не до семи разъ, но до седми-десяти седмицею“ (т.-е. сколько бы ни нанесено было обидъ— все нужно прощать), отвѣчалъ Иисусъ Христосъ: слова исключаящая всякую возможность такого толкованія, будто Иисусъ Христосъ разрѣшалъ или даже *предписалъ* намъ, послѣ одной или двухъ неудавшихся попытокъ къ примиренію съ оскорбившимъ братомъ, тащить его къ формальному суду... Чтобы еще яснѣе раскрыть предъ слушающими смыслъ Своихъ словъ, Иисусъ Христосъ сказалъ имъ въ заключеніе притчу о человѣкѣ царѣ, который отпустилъ должнику своему долгъ въ тѣмъ талантовъ. А должникъ тотъ, вышедши отъ царя и встрѣтивъ своего должника, который былъ ему долженъ лишь сто динариевъ, *емъ давляше его и веде всади его въ темницу* (т.-е. сначала расправился съ нимъ собственною силой, а потомъ сталъ тѣснить его посредствомъ суда на юридическихъ основаніяхъ), *дондеже воздастъ должное*. „Тогда призвавъ его господинъ глагола ему: рабе лукавый! Весь долгъ азъ отпустихъ тебе, понеже умолилъ мя еси. Не подобаше ли и тебѣ помиловати брата твоего, якоже и азъ тя помиловахъ? И прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой. *Тако Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ презрѣшя изъ* (ст. 28—35).

Есть ли возможность во всей этой рѣчи видѣть какое-либо указаніе на учрежденіе Иисусомъ Христомъ формальнаго суда въ церкви, и разрѣшеніе или даже предписаніе со стороны Иисуса Христа предавать этому суду согрѣшавшаго брата послѣ

одной или двухъ неудавшихся попытокъ къ его вразумленію и исправленію?.. Что въ означенномъ мѣстѣ говорится не объ одномъ братскомъ увѣщаніи согрѣшившаго брата, а и о формальномъ судѣ надъ нимъ, канонисты въ особенности стараются доказать это заключительными словами приведеннаго мѣста: „аще церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“, и слѣдующими затѣмъ словами „аминь глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будутъ разрешена на небесѣхъ“ (ст. 18). „Если говорится о возможности преслушать церковь, — такъ разсуждаютъ канонисты, — значитъ предполагается *формальный приговоръ* со стороны церкви, который можно преслушать. Въ словахъ „буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“ вѣно обозначается *наказаніе*, слѣдующее за ослушаніемъ церкви — *отлученіе* отъ церкви. Здѣсь такимъ образомъ представляются всѣ признаки *формального* суда; а въ слѣдующихъ словахъ: „елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси“ этому суду и его приговорамъ сообщается высшее божественное полномочіе“. Но почему же такъ? Развѣ все это не можетъ быть примѣнимо къ нравственному увѣщанію грѣшника со стороны церкви? Развѣ нельзя быть преступникомъ нравственнаго увѣщанія церкви также, какъ и формальнаго судебного приговора? И развѣ преслушаніе нравственнаго увѣщанія всей церкви менѣе преступно, чѣмъ преслушаніе какого бы то ни было формальнаго приговора?.. Въ словахъ „буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“ можно видѣть выраженіе той именно мысли, что человекъ способный не внять братскому увѣщанію всей церкви, ослушаться его — самъ собою безъ всякаго формальнаго отлученія — разрываетъ всѣ связи съ нею, становится для нея чужимъ человекомъ — язычникомъ и мытаремъ. Что касается до дальнѣйшихъ словъ ст. 18—20; то въ нихъ вообще выражается сила братскаго единодушія, братской любви церкви, какъ бы она ни выражалась — въ формѣ ли общаго приговора, увѣщанія, совѣщанія, молитвы и какъ бы то ни было (ст. 18—20). Эти слова, если и ставить ихъ въ непосредственную связь съ ст. 17 (а нужно ли ихъ непременно ставить въ такую связь, объ этомъ также есть различныя мнѣнія, такъ какъ у евангелиста Матѳея, какъ извѣстно, и въ другихъ главахъ сносятся по сходству смысла какъ бы въ одну

рѣчь такіа изреченія Спасителя, которыя у другихъ евангелистовъ представляются сказанными въ различное время),—эти слова вообще выражаютъ ту мысль, какъ преступно было бы не послушаться голоса всей церкви, въ какой бы формѣ голосъ этотъ ни выражался, въ формѣ ли братскаго увѣщанія или приговора. Относить эти слова лишь къ судебному приговору, и именно къ приговору *формальному* церковнаго суда, нѣтъ обязательности: большею частію эти слова у православныхъ богослововъ относятся къ таинству покаянія, а не къ приговорамъ формальнаго церковнаго суда. И ужели же на самомъ дѣлѣ по существу предмета формальнымъ приговорамъ церковныхъ судовъ какихъ бы то ни было—не только духовныхъ консисторій, мѣстныхъ синодовъ, но даже и соборовъ—непремѣнно нужно придавать такое значеніе, что все связываемое такими приговорами на землѣ навѣкъ связывается на небесахъ и все разрѣшаемое разрѣшается на небесахъ?.. Развѣ неизвѣстно, что *формальными* приговорами церковныхъ судовъ осуждались напр. и такіа личности, какъ Афанасій Великій и Іоаннъ Златоустый?

Но что же теперь, если по нашему представленію въ указанномъ мѣстѣ Евангелія нѣтъ рѣчи объ установленіи церковнаго суда, равнымъ образомъ и въ другихъ мѣстахъ ничего не говорится объ этомъ,—ужели можно думать, что формальные суды появились въ церкви помимо или даже вопреки предначертаній Божественнаго Основателя церкви? Ужели съ другой стороны можно думать, что Іисусъ Христосъ представлялъ возможнымъ, чтобы всѣ неудовольствія и распри возникающія между его послѣдователями покрывались и рѣшались лишь взаимнымъ прощеніемъ, примиреніемъ, братскимъ увѣщаніемъ и подобными лишь чисто-нравственными мѣрами? Не было ли бы такое представленіе дѣла слишкомъ идеально и непримѣнимо къ земнымъ порядкамъ человѣческой жизни? Собственно говоря, намъ нѣтъ прямой надобности и обязательности пускаться здѣсь въ разъясненіе такихъ важныхъ общихъ вопросовъ. Но дабы безъ этого высказанное выше представленіе дѣла не показалось неяснымъ и не дало повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ, выскажемъ нѣсколько общихъ мыслей по этому предмету.

Ученіе Іисуса Христа есть вообще ученіе идеальное. Въ немъ не мало предлагается такихъ совѣтовъ и наставленій, которые

представляются какъ бы совершенно непримѣнными къ нашимъ земнымъ порядкамъ, къ нашимъ сложившимся общественнымъ отношеніямъ: Но въ томъ-то и заключается его высшее поистинѣ божественное достоинство, что оно не вступаетъ ни въ какія сдѣлки съ условіями и отношеніями нашей настоящей жизни, условіями и отношеніями сложившимися подъ вліяніемъ не вполне чистыхъ и здоровыхъ началъ, дѣйствующихъ въ нашей падшей природѣ, — но указываетъ намъ высшій идеалъ въ самой жизни божественной (Матѣ. V, 48). Идеалъ этотъ конечно никогда не можетъ быть осуществленъ въ жизни человѣческой, но въ томъ-то и его достоинство и его вѣчно усовершенствующее вліяніе на природу человѣческую, что онъ постепенно и непрестанно возвышаетъ жизнь человѣческую до уподобленія вѣчно совершенной и святой жизни божественной. И совершенно несогласно съ духомъ ученія Христова и преступно было бы низводить этотъ идеалъ съ его безконечной высоты и облекать его чертами снятыми съ нашей настоящей дѣйствительности, чтобы сдѣлать его болѣе примѣнимымъ къ этой дѣйствительности, иначе свазать—придавать совѣтамъ и наставленіямъ Спасителя тотъ практическій—въ нашемъ земномъ смыслѣ — характеръ, какого они не имѣютъ. Не только относительно условій и порядковъ общественной жизни, но и относительно необходимаго удовлетворенія физическихъ потребностей природы Іисусъ Христосъ давалъ людямъ такія высокія наставленія, которыя представляются намъ будто совершенно непримѣнными къ нашей настоящей жизни. „Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ... Не заботьтесь о томъ, что вамъ ѣсть и пить и во что одѣваться. Смотрите на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ“ (Матѣ. VI, 25—34). Что это—преувеличенная фраза или идеальное невѣдѣніе жизни? Нѣтъ, это именно тотъ высокій жизненный идеалъ, который, хотя и не можетъ сразу и вполне отвлечь людей отъ матеріальныхъ заботъ, тѣмъ не менѣе постоянно находясь у нихъ передъ глазами постепенно и непрестанно возвышаетъ ихъ жизнь надъ матеріальными заботами. Какъ относительно устройства матеріальной жизни Іисусъ Христосъ указывалъ людямъ высшій идеалъ—полную отрѣшенность отъ матеріальныхъ заботъ, такъ относительно неустройствъ общественныхъ, могущихъ возни-

затъ изъ столпновеній людей другъ съ другомъ, Іисусъ Христосъ указывалъ полнѣйшую отрѣшенность — возвышеніе надъ ними духомъ братской любви, примиренія, всепрощенія. „Не воздавай зломъ за зло... Не протівься злу... Кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему и другую... Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два“ (Матѣ. V, 39—41). Если согрѣшитъ протівъ тебя братъ твой, употреби всѣ средства къ тому, чтобы примириться съ нимъ, думая не о заглаженіи несправедливости тебѣ нанесенной, а о томъ, чтобы съ души брата твоего снять грѣхъ или злое чувство протівъ тебя. Если братъ твой согрѣшитъ протівъ тебя не только семь разъ, но семьдесятъ седмерицею, — прости ему. Не суди брата твоего. Если обстоятельствѣ доведутъ тебя до суда съ братомъ, постарайся помириться съ нимъ, пока ты съ нимъ на пути, пока дѣло не доходило до суда... Грѣшно было бы тебѣ, испрашивая у Отца небеснаго прощеніе въ великихъ прегрѣшеніяхъ, не простить брату малыхъ согрѣшенія протівъ тебя... Если вы не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“ (Матѣ. VI, 14). Вотъ тотъ идеальный взглядъ на людскія отношенія, который повидимому представляется столько же непримѣнимымъ къ условіямъ настоящей жизни, какъ и наставленіе Спасителя о полной отрѣшенности отъ матеріальныхъ заботъ, но который тѣмъ не менѣе долженъ имѣть такое же постоянно усовершеншающее вліяніе на возвышеніе нашихъ взаимныхъ общественныхъ отношеній, какъ и наставленіе объ уподобленіи птицамъ небеснымъ имѣть постоянно усовершеншающее вліяніе на возвышеніе нашихъ отношеній къ требованіямъ матеріальной жизни. И какъ наставленіе Спасителя о полной отрѣшенности отъ мірскихъ заботъ мы должны принимать во всей его безусловной строгости и чистотѣ, не подкладывая подъ него какихъ-нибудь практическихъ истолкованій такого рода, что это Спаситель такъ — для усиленія смысла рѣчи — сказалъ „не заботьтесь, что вамъ ѣсть и пить“, а въ сущности въ этихъ словахъ нужно видѣть указаніе, чтобы мы лишь *умѣренно* заботились о пищѣ и питіи (*умѣренно*, какъ кому представляется): точно также и наставленіе Спасителя о безусловномъ прощеніи

обидѣ мы должны принимать во всей его широтѣ и чистотѣ, не истолковывая его въ такомъ смыслѣ, что въ ученіи Спасителя заповѣдуется прощать обиды до извѣстной степени (напр. до двухъ или до трехъ разъ), а затѣмъ предоставляется обиженному, по примѣру немилосердаго должника, расправиться съ обидчикомъ собственной силой или тащить его къ суду. И какъ несогласно со смысломъ Евангелія представлять, чтобы Спаситель въ одной своей рѣчи говорилъ „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“, а въ другомъ давалъ своимъ послѣдователямъ совѣты, какъ они могутъ составлять себѣ состояніе (какъ и толкуютъ иные наставленіе Спасителя въ притчѣ Луки XVI, 1—9): точно также и даже еще болѣе несогласно со смысломъ Евангелія толковать, чтобы Спаситель въ той же самой рѣчи, въ которой онъ раскрывалъ мысль о безусловномъ прощеніи обидѣ, внушалъ Своимъ послѣдователямъ такое правило, что каждый изъ нихъ прежде обращенія къ суду съ жалобой на своего обидчика долженъ сдѣлать двѣ попытки къ примиренію съ нимъ (именно двѣ, и хотя бы только *для виду, ради соблюденія формальности — ради очищенія собственной совѣсти*, какъ у насъ иногда говорится), а затѣмъ въ случаѣ неудачи этихъ попытокъ можетъ тащить его къ суду, относясь къ нему, какъ къ язычнику и мытарю.

Что же, когда Спаситель давалъ наставленія о безусловной отрѣшенности отъ мірскихъ заботъ или о безусловномъ прощеніи обидѣ, ужели Онъ думалъ, что Его послѣдователи во всей точности и полнотѣ будутъ исполнять такія требованія? Конечно Спаситель не представлялъ невозможнаго. Когда Онъ говорилъ: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“, конечно Онъ не представлялъ возможнымъ, чтобы Его послѣдователи сразу дѣлались совершенными подобно Отцу небесному. Тѣмъ не менѣе онъ не находилъ нужнымъ въ виду ограниченности человѣческихъ силъ и условій настоящей жизни понижать свои идеальныя требованія относительно безконечнаго усовершенствованія. Почему такъ? Вопервыхъ потому, что Тотъ, кто самъ есть безусловная истина и высшій нравственный идеалъ, не могъ проповѣдывать людямъ истины безусловной и нравственныхъ требованій-неидеальныхъ. Во вторыхъ потому, что въ виду хотя бы и постепеннаго—возможнаго усовершенствованія людей, нѣтъ надобности понижать и смягчать для нихъ

вышшія нравственныя требованія, что люди и сами сдѣлаютъ, а нужно держать ихъ передъ людьми во всей строгости и чистотѣ, чтобы тѣмъ сильнѣе было въ людяхъ сознаніе несоотвѣтствія ихъ настоящаго состоянія съ идеаломъ жизни. Т.-е. нѣтъ надобности говорить людямъ: вы можете быть несовершенными, но не такъ, какъ теперь вы несовершенны, вы можете заботиться объ устройствѣ матеріальной жизни, но не столько, сколько теперь заботитесь; вы можете искать въ судахъ удовлетворенія за наносимыя вамъ обиды, но не ходите въ суды такъ часто, какъ вы ходите въ настоящее время.—Людямъ нѣтъ надобности давать такіе совѣты потому, что они и безъ совѣтовъ будутъ поступать такъ, т.-е. заботиться о завтрашнемъ днѣ, ходить въ суды и т. д. Но чтобы они менѣ заботились о завтрашнемъ, имъ нужно говорить „не заботьтесь“; чтобы они менѣ платили за обиды наносимыя, имъ нужно говорить „прощайте всякую обиду“. Такой смыслъ имѣли изреченія Спасителя.

Предлагая Своимъ послѣдователямъ, какъ основу христіанства, заповѣдь о братской любви, Иисусъ Христосъ конечно зналъ, что эта заповѣдь не будетъ выполняться ими во всей полнотѣ, что будутъ между ними распри, неудовольствія, столкновенія, что не всегда такія неудовольствія и столкновенія будутъ прекращены чисто-нравственнымъ путемъ братскаго примиренія, взаимнаго прощенія и т. д.,—что необходимо поэтому должны явиться между христіанами и суды для разбора распрей, для возстановленія нарушенныхъ правъ, для заглаженія нанесенныхъ обидъ. При всемъ томъ нужно ли Ему было учить Своихъ послѣдователей, какъ имъ устраивать подобные суды, вести судебные процессы, постановлять приговоры? Иисусъ Христосъ зналъ, что не смотря на Его слова „не заботьтесь о томъ, что вамъ ѣсть и пить, во что одѣваться“, Его послѣдователи будутъ заботиться о заготовленіи себѣ пищи, одежды и т. д.; но нужно ли было Ему учить ихъ, какъ готовить пищу, какъ устраивать одежду? Или возьмемъ сферу выше. Иисусъ Христосъ зналъ, что въ обществѣ Имъ образуемомъ, какъ и въ другихъ человѣческихъ обществахъ будутъ развиваться науки, искусства и т. д.: но нужно ли Ему было давать Своимъ послѣдователямъ наставленія о томъ, какъ устраивать школы, какія новые пути и направленія пролагать въ искусствѣ и т. д.? Мы знаемъ, что Иисусъ

Христось этого не дѣлалъ. Онъ не считалъ нужнымъ наставлять людей въ томъ, что люди сами могутъ изобрѣсти и устроить себѣ своимъ собственнымъ разумѣніемъ и своими силами. Онъ не имѣлъ въ виду формальными предписаніями стѣснять развитіе человѣческой жизни въ томъ, въ чемъ она сама свободно должна развиться по естественнымъ законамъ и историческимъ условіямъ. Христіанство должно было стать духомъ оживотворяющимъ всѣ законныя отправления и отношенія человѣческой жизни, а не формою сковывающею свободное развитіе этихъ отравленій и отношеній.

Если такимъ образомъ въ христіанскомъ обществѣ, въ церкви христіанской многое должно развиваться по духу Христова ученія, но безъ непосредственныхъ на то наставленій Иисуса Христа,—какъ мы должны представлять себѣ это послѣдующее развитіе жизни церковной по отношенію къ началу христіанства — къ Евангелію? Наука богословская развивается въ христіанской церкви въ такихъ или другихъ отрасляхъ и направленіяхъ: согласно это съ предназначеніями Иисуса Христа или нѣтъ? Суды церковные устроются въ такихъ или другихъ формахъ,—согласно это съ Евангеліемъ или нѣтъ? Можетъ быть согласно и несогласно—согласно тогда, когда во всемъ этомъ отражается духъ Евангелія; несогласно, когда въ развитіи всего этого обнаруживается уклоненіе отъ евангельскаго духа.

Съ такой точки зрѣнія можно и въ приведенномъ выше изреченіи XVIII главы Евангелія Матѳея искать началъ для церковнаго суда. Но не съ формальной стороны: формъ суда въ этомъ изреченіи, какъ и во всемъ Евангеліи, не указывается никакихъ ¹⁾; а по духу съ нравственной стороны церковные суды должны всегда оставаться вѣрными указанному изреченію и

¹⁾ Не замѣчаютъ ли тѣ, которые въ изреченіи Иисуса Христа „повѣдай церкви... аще же и церковь преслушаетъ и т. д.“ желаютъ видѣть указаніе на учрежденіе въ церкви *формальнаго* суда, что даже и по ихъ представленію все-таки о самыхъ формахъ суда, о процессѣ судебномъ здѣсь ничего не говорится? Повинный суду здѣсь такъ-сказать доводится только до *веротъ суда* (и скажи церкви) и потомъ опять является уже по произнесеніи надъ нимъ приговора (аще же и церковь преслушаетъ); а какъ производится или долженъ производиться судъ надъ нимъ, объ этомъ все-таки ничего не говорится.

другимъ подобнымъ изреченіямъ Евангелія, т.-е. въ церковныхъ судахъ при всемъ разнообразіи внѣшнихъ формъ всегда долженъ господствовать этотъ духъ братской любви и попечительности о спасеніи всякой человѣческой души, какой раскрывается въ Евангеліи. Съ формальной стороны церковные суды могутъ развиваться естественнымъ путемъ юридическаго развитія; но съ нравственной стороны они всегда должны оставаться вѣрны духу Евангелія ²⁾.

Вотъ въ какомъ отношеніи, по нашему представленію, вопросъ о церковномъ судѣ находится къ приведенному выше изреченію Иисуса Христа и вообще ко всему Евангелію. Мы не ручаемся съ увѣренностью за полноту всѣхъ сдѣланныхъ нами разъясненій. Мы не имѣли въ виду выступать съ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса во всѣхъ его частностяхъ и примѣненіяхъ. Но мы сочли своимъ долгомъ высказать нѣсколько замѣчаній въ виду той, по нашему убѣжденію, фальшивой постановки, какая дается этому вопросу.

Посмотримъ теперь, какъ г. Заозерскій для развитія своихъ идей о церковномъ судѣ пользуется вышеприведеннымъ мѣстомъ Евангелія Маттея и вообще всѣмъ Евангеліемъ, другими священными книгами Новаго Завѣта и вообще древнѣйшими памятниками христіанства.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

²⁾ Намъ могутъ сказать, что взаимное отношеніе нравственной и формальной стороны въ судахъ церковныхъ нельзя представлять себѣ такъ, что они находятся какъ бы совершенно изолированными одна отъ другой, и что развитіе каждой изъ нихъ можетъ идти независимо отъ развитія другой. Не всякая форма суда, вырабатываемая юридическимъ развитіемъ жизни народной, годится для осуществленія въ ней христіанскихъ началъ; принятіе иныхъ формъ можетъ сказаться стѣснительными и вредными послѣдствіями для самихъ внутреннихъ началъ жизни церковной. Совершенно справедливая задача канонической дѣятельности церковной въ томъ всегда и состояла и должна состоять, чтобы между формами вырабатываемыми юридическимъ народнымъ развитіемъ выбирать лучшія наиболѣе удобныя для осуществленія въ нихъ христіанскихъ началъ, или если такихъ формъ въ юридическомъ народномъ развитіи не оказывается, составлять новыя по духу ученія Христа—по примѣрамъ прежней жизни церковной, по потребностямъ настоящей, по идеалу будущей. Мы говоримъ только о томъ, что въ самомъ Евангеліи готовыхъ и однажды навсегда данныхъ формъ для воплощенія христіанскихъ началъ каноническая наука искать не должна.

ПАМЯТИ

ДОЦЕНТА КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ **Ө. Ө. ГУСЕВА.**

Читателямъ „Правосл. Обзорнія“ уже была сообщена при-
скорбная вѣсть о кончинѣ доцента Киевской духовной академіи
Федора Федоровича Гусева. Кончина его послѣдовала въ 11 часу
вечера съ 26-го на 27-е августа. По справедливому замѣчанію
газетъ въ лицѣ почившаго „корпорация профессоровъ Киевской
духовной академіи лишилась замѣчательнѣйшаго труженика, а сту-
денты—даровитнѣйшаго профессора“ (см. 243 № „Русскаго Мира“).
Мы вполне сочувствуемъ скорби почтенныхъ наставниковъ Ки-
евской духовной академіи и уважаемыхъ слушателей покойнаго.
Печальное сообщеніе о смерти Федора Федоровича было и для
насъ не менѣе тяжелымъ ударомъ. Въ лицѣ покойнаго слишкомъ
много потеряли не одни сослуживцы и слушатели его, но и все
общество, не лишенное интереса къ наукѣ, и всего болѣе чи-
татели нашего журнала. На страницахъ нашего журнала уже
было высказано, какая умственная крупная сила заявила въ
почтенныхъ трудахъ покойнаго. Бренное тѣло Федора Федоро-
вича дѣйствительно носило въ себѣ „могучій умъ“. Редакція
„Правосл. Обзорнія“, въ виду современныхъ запросовъ обще-
ственной мысли желающая давать одно изъ предпочтительныхъ
мѣстъ на страницахъ своего журнала дѣльнымъ философскимъ
произведеніямъ, была весьма рада встрѣтить въ почившемъ сер-
дечный откликъ на ея стремленія и была счастлива приобрѣте-
ніемъ талантливаго и трудолюбиваго сотрудника. Зная о пло-
хомъ здоровьѣ Федора Федоровича, редакція ожидала отъ него

не многихъ по числу, но важныхъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ трудовъ, могущихъ плодотворно воздѣйствовать на распространеніе въ нашемъ обществѣ здоровыхъ философскихъ симпатій и воззрѣній. И вдругъ злая чахотка прервала въ одно мгновеніе жизнь столь молодаго человѣка, въ которомъ безъ усталости работала сильная мысль, который полонъ былъ жажды труда на общую пользу, который видѣлъ для себя источникъ счастья въ посильномъ служеніи интересамъ отечественной науки!.. Вѣчная, вѣчная память тебѣ, дорогой нашъ сотрудникъ въ общей работѣ на нивѣ Божіей! Да упокоитъ тебя Всевышній тамъ, гдѣ мѣсто всѣмъ служителямъ духа, а не плоти! Вмѣстѣ съ горячей молитвой о тебѣ намъ остается исполнить и другой долгъ къ тебѣ, незабвенный почившій, — сообщить твоимъ почитателямъ хотя краткія свѣдѣнія о твоей жизни, обрѣвавшейся такъ преждевременно...

Федоръ Федоровичъ Гусевъ, сынъ пономаря Тверской Николо-Звѣринской церкви Федора Ивановича Гусева, умершаго на 78 году своей жизни 22-го января текущаго года, родился въ гор. Твери въ 1844 году. Это былъ послѣдній, самый младшій сынъ бѣднаго и многосемейнаго причетника отъ первой его жены Вѣры Николаевны, умершей тогда, когда Федору Федоровичу былъ еще только 2-й годъ.

Дѣтство покойнаго было далеко не веселое. Семья родителя его, еще до вступленія во второй бракъ, была многочисленна. Трудно, крайне трудно было причетнику при его ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ содержать большую семью. Будучи человѣкомъ труда, родитель покойнаго, чтобы не оставлять своихъ дѣтей безъ куска хлѣба, бралъ въ аренду кусочки земли и занимался огородничествомъ, что все-таки служило для него не маловажнымъ подспорьемъ въ матеріальномъ отношеніи. Овдовѣвъ, родитель покойнаго увидѣлъ, что если онъ не вступитъ во второй бракъ, то при отсутствіи помощницы въ его занятіяхъ онъ долженъ будетъ прервать ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обречь себя и дѣтей на еще большія лишенія. Вдовый родитель покойнаго скоро же по смерти первой своей жены вступилъ во второй бракъ. И прежде большая семья съ женьбой отца покойнаго съ каждымъ годомъ стала увеличиваться. Какъ ни трудился отецъ, не жалѣя себя и своихъ силъ, его средства къ жизни были до крайности плохи. Положимъ, дѣти голодными по цѣлымъ

днямъ не оставались, но за то были лишены того, что имѣютъ дѣти самымъ посредственнымъ по матеріальнымъ условіямъ жизни семействъ. Съ увеличеніемъ числа и возрастаніемъ дѣтъ дѣтей отъ второй жены чаще и чаще возникали недоразумѣнія между мачихою и младшими дѣтьми первой жены родителя покойнаго... Естественно, разныя дѣтскія огорченія сближали тѣсно между собою младшихъ дѣтей бѣднаго причетника отъ первой его жены: они и горевали вмѣстѣ, и вмѣстѣ же дѣлились какими-либо рѣдкими радостями, выпадавшими и на ихъ долю. У покойнаго нѣсколько постарше его былъ еще братъ Александръ¹⁾, съ которымъ покойный въ дѣтствѣ вмѣстѣ росъ и раздѣлялъ горести и мимолетныя радости въ общемъ очень невеселого дѣтства. Обученіе Федора Федоровича съ его братомъ началось вмѣстѣ, хотя и не рано для ихъ лѣтъ. Домашнее обученіе покойнаго не могло идти сколько-нибудь удовлетворительно уже по тому одному, что старшимъ грамотнымъ членамъ семьи, отвлекавшимся постоянно хлопотами по домашнимъ дѣламъ или работами въ огородахъ, не было времени достаточно наблюдать за занятіями учившихся. Съ другой стороны, послѣдніе часто должны были оставлять часословъ или псалтырь для того, чтобы нянчиться съ малютками отъ второй ихъ матери. Тѣмъ не менѣе они кое-какъ были подготовлены къ переходу на училищную скамью, благодаря особенному старанію ихъ старшаго брата Николая Федоровича, тогда постулившаго діакономъ въ Тверской Христорождественскій женскій монастырь.

Во многомъ тяжела была эта училищная жизнь для покойнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что ей частью онъ обязанъ и слабостію своего здоровья: въ жизни человѣка ничто не проходитъ совершенно безслѣдно. Тверское духовное училище отстояло болѣе чѣмъ на три версты отъ дома, гдѣ жилъ родитель покойнаго: каково было мальчикамъ, одѣтымъ въ самую плохую, составленную изъ разныхъ кусковъ, одежку и имѣвшимъ на ногахъ нерѣдко обувь продранную (о калошахъ тогда и не мечтали), бѣгать въ училище осенью и весной и особенно въ зимніе морозные дни? Покойный иногда являлся въ часто остававшіяся нетопленными училищныя классныя комнаты чуть не оконченѣвшимъ отъ холода. Какъ и гдѣ было согрѣться мальчику законченѣвшему при заведенномъ въ училищѣ порядкѣ не топить за небольшими исклю-

¹⁾ Это Александръ Федоровичъ Гусевъ—знакомый читателямъ сотрудникъ нашего журнала.

ченіями классныя комнаты даже въ зимніе большіе холода²⁾? Начиналось обычное тогда боксерство, бѣганье въ запуски по партамъ и т. под. Во время образованія въ училищѣ покойному нерѣдко приходилось буквально голодать по цѣлымъ днямъ. Въ то время занятія въ училищѣ въ день два раза происходили: отъ 8 часовъ утра до 12 и съ 2 часовъ пополудни до 4-хъ. По дальности разстоянія отъ училища покойному съ его братомъ нельзя было ходить домой для обѣда. Обыкновенно при отправленіи въ классъ они завтракали большей частью однимъ чернымъ хлѣбомъ (чай въ домѣ родителя покойнаго не всегда пили и въ праздничные дни) и брали съ собою въ училище въ мѣшечкѣ по ломтю черного хлѣба съ солью и изрѣдка по куску пирога или мяса. Не особенно рѣдкимъ явленіемъ было, что голодные или шаловливые товарищи похищали всё принесенное если не удавалось куда-либо поискуснѣ скрыть, или вытребовали такъ-называемые тогда всемільные аудиторы и секуторы, предварительно обыскавши. Въ такихъ весьма частыхъ случаяхъ приходилось отъ половины 7-го утра и до свыше пяти часовъ вечера быть буквально голодными. Назябшись и наголодавшись въ училищѣ, всегда-ли могъ покойный по возвращеніи въ родительскій домъ какъ должно приготовить текущій урокъ? Да и другія препятствія были. Весь домъ отца состоялъ изъ одной собственно комнаты съ русской большой печью и такъ-называемыми палатами, гдѣ спало большинство семейства. Въ домѣ стоялъ плачь маленькихъ дѣтей, которыхъ нужно было „покачать“ или поносить на рукахъ и вообще какъ-нибудь занять. По своей бѣдности родитель покойнаго не могъ держать свѣчей, а употребляли для освѣщенія такъ-называемые „ночники“. Недостатокъ свѣта нерѣдко прерывалъ письменныя или другія занятія товарищей-школьниковъ. Далѣе, имъ приходилось тогда уже помогать родителю своему въ содержаніи ихъ. Такъ покойный съ первыхъ же годовъ училищной жизни долженъ былъ поступить въ частный хоръ, содержавшійся однимъ тверскимъ купцомъ на свои средства. Да и по хозяйству родителя особенно въ извѣстные мѣсяцы приходилось нерѣдко отдавать время, нужное для занятій, то на поливку огурцовъ и капусты, то на что-либо другое; недостатокъ книгъ и учебныхъ пособій также неблагоприятствовалъ должнымъ занятіямъ. Наконецъ, должно замѣтить, что въ покойномъ въ описываемый періодъ его жизни и некому было пробудить любознательность... Положимъ, ро-

²⁾ Преподаватели вынуждались сидѣть въ шубахъ и кашахъ.

датель всячески желалъ, чтобы его школьники хорошо учились, и давалъ во время „явокъ“ зрителю и учителямъ возможное изъ своего скуднаго достоянія съ цѣлю побудить ихъ къ наибольшему присмотру за дѣтми и къ особой взыскательности съ нихъ за неприготовленные уроки. Но развѣ здѣсь источникъ любовнательности?... Изъ училищныхъ преподавателей одинъ былъ весьма знающимъ свой предметъ и усерднымъ къ дѣлу лицомъ, но онъ какъ-то для всякаго курса школьниковъ превращался въ предметъ поддразниваній, задираній и т. под. Рѣдкій школьникъ не считалъ за величайшее для себя удовольствіе быть высѣченнымъ (преподаватель былъ близорукъ и потому „секунторъ“ бичевалъ воздухъ или платье на казуемаго) или поставленнымъ на колѣни этимъ преподавателемъ, чтобы развлечь весь классъ... Благодаря всему этому, въ общемъ занятія покойнаго въ училищѣ шли слабо и держали его очень не высоко въ училищныхъ спискахъ. Богъ знаетъ, пришлось ли бы покойному перейти въ семинарію, еслибы покойный съ своимъ товарищемъ-братомъ не перешелъ на жительство въ домъ упомянутаго своего старшаго брата. Этотъ послѣдній, видя, какъ неудобно двоимъ его братьямъ-школьникамъ какъ слѣдуетъ учиться при указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, просилъ родителя отпустить къ нему въ домъ на его попеченіе учащихся сыновей. Отецъ съ радостью исполнилъ благое желаніе старшаго сына, который и имѣлъ на своемъ попеченіи учившихся до самаго поступленія ихъ въ академію. Покойный глубоко сознавалъ, чѣмъ онъ обязанъ былъ почтенному о. діакону Николаю Федоровичу... Очевидно, занятіе покойнаго пошла гораздо лучше съ переходомъ на жительство въ домъ попечительнаго и добрѣйшаго брата, и вотъ покойный перешелъ въ семинарію, о чемъ болѣе всего мечталъ, находясь въ старшемъ классѣ училища.

Жизнь покойнаго во періодъ семинарскаго образованія представляетъ много свѣтлыхъ сторонъ. Въ семинаріи подъ благопріятными условіями возникла въ покойномъ любовь къ мышленію и труду. Покойный всегда съ живѣйшей благодарностью вспоминалъ знаменитаго о. ректора тверской духовной семинаріи, нынѣ самарскаго епископа, Серафима. Это былъ замѣчательно тонкій, глубокий и независимый мыслитель — богословъ. Только имѣвшіе счастье быть непосредственными слушателями этого преподавателя могутъ вполне оцѣнить его, какъ рѣзко выдѣляющую личность изъ среды дюжинныхъ мыслителей по

заграничнымъ книжкамъ и вообще по чужимъ трудамъ.... Покойному съ его братомъ два раза пришлось быть ученикомъ тогда еще архимандрита Серафима. Сперва въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, гдѣ этотъ поистинѣ профессоръ по собственному желанію читалъ „Православное Исповѣданіе“ Петра Могилы, а потомъ—въ старшемъ классѣ, гдѣ онъ же преподавалъ догматическое богословіе, хотя и не весь, къ сожалѣнію, курсъ вслѣдствіе назначенія на викаріальную епископскую кафедру. Читенія этого наставника отличались, вмѣстѣ съ глубиною и широтою мысли, необыкновенной ясностью и живостью изложенія. Прослушавъ бывало живую бесѣду съ учениками этого талантливейшаго преподавателя, покойный на возвратномъ пути изъ семинаріи и по возвращеніи въ домъ брата долго неуспокоивался: одно хочется повторить, чтобы не забыть, другое разрѣшить съ точки зрѣнія слышаннаго, третье провѣрить собственной работою мысли и т. под. Понятно, что сдѣлали живыя и вдохновенныя бесѣды такого наставника для пробужденія работы мысли въ покойномъ. Изъ-подъ вліянія такого наставника способный ученикъ долженъ былъ выходить не буквоѣдомъ науки или начетчикомъ Библіи, а болѣе или менѣе замѣтнымъ *мыслителемъ*—богословомъ. Наставникъ, о которомъ идетъ рѣчь, требовалъ отъ своихъ учениковъ не зазубриванія уроковъ по учебнику и главнымъ образомъ заучиванія массы текстовъ, къ дѣлу и не къ дѣлу относящихся, что могъ воспитанникъ узнать и въ послѣдствіи, но участія мысли и ея самостоятельности въ изученіи учебника, и это участіе внутреннее къ дѣлу ставилъ выше исправнаго и болѣе или менѣе механическаго изученія уроковъ; какъ ректоръ семинаріи, этотъ достоцитимый наставникъ и на экзаменахъ по разнымъ предметамъ проводилъ тотъ же разумный принципъ. Иногда достаточно было дать самостоятельный дѣльный отвѣтъ на какой-либо частный вопросъ, предложенный ректоромъ-экзаменаторомъ, чтобы получить въ спискѣ отличную отмѣтку и уже болѣе не подвергаться вызову для отвѣта „по системѣ“, какъ тогда выражались. Не только характеръ преподаванія, но и такой образъ дѣйствій на экзаменахъ и на репетиціяхъ тогдашняго о. ректора тверской семинаріи воспитывалъ въ учащихся уваженіе къ мыслительной самостоятельной дѣятельности и стремленіе къ ней. На ряду съ о. ректоромъ Серафимомъ дѣйствовали въ подобномъ же направленіи и нѣкоторые другіе наставники семинаріи, какъ напр. А. В. Соколовъ и другіе. Кромя развивающаго вліянія живыхъ бесѣдъ о. рек-

тора Серафима и частію нѣкоторыхъ другихъ наставниковъ, благотворное вліяніе на духовный ростъ покойнаго обнаруживала и товарищеская среда. Тѣ годы, когда покойный учился въ тверской семинаріи, какъ извѣстно, были годами особаго возбужденія въ Россіи умственной жизни. Волна общаго возбужденія охватила и лучшихъ учениковъ семинаріи. Тогда въ тверской семинаріи были извѣстны всѣмъ учащимся въ ней нѣсколько даровитѣйшихъ и весьма разносторонне образованныхъ учениковъ. Покойному пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Эти молодые люди, работавшіе безъ устали надъ собственнымъ самообразованіемъ и живо интересовавшіеся такими хорошими вещами, о которыхъ теперешній семинаристъ, кромѣ единичныхъ счастливыхъ исключеній, едвали и понятіе имѣть, своимъ нечувствительнымъ вліяніемъ воодушевили и покойнаго на благородный трудъ изслѣдованія и изученія того, что выходитъ изъ предѣловъ требованій программъ и учебниковъ, дѣйствовавшихъ тогда въ семинаріяхъ. Личныя устныя бесѣды и пренія о вопросахъ науки, столь обычные тогда въ кругу лучшихъ семинаристовъ, вносили свою долю вліянія на развитіе мысли въ покойномъ. Читаніе дѣльныхъ книгъ, размышленія о прочитанномъ и непрочитанномъ и письменныя ученическія упражненія—вотъ чему отдавалось время покойнаго въ этотъ періодъ его жизни и къ чему сводились его стремленія и старанія. Что касается до уроковъ и приготовленій къ экзаменамъ, то покойный, какъ и вообще тогдашніе развитые семинаристы, мало заботился объ этомъ. Само собою разумѣется, въ глазахъ большинства преподавателей покойный именно по этой причинѣ не могъ считаться даже однимъ изъ наилучшихъ учениковъ, а не только-что наилучшимъ. Впрочемъ, къ концу семинарскаго курса покойный стоялъ за немногими исключеніями въ числѣ первыхъ учениковъ у наставниковъ семинаріи. Братъ его и товарищъ попалъ въ число отправляемыхъ на казенный счетъ въ петербургскую дух. академію. Трудно представить горе покойнаго, когда онъ увидѣлъ, что за недостаткомъ средствъ ему придется разстаться съ мыслью о поступленіи тоже въ академію. Старшій братъ, и безъ того очень въ это время истратившійся, при своихъ вообще скудныхъ средствахъ не могъ снабдить покойнаго достаточнымъ количествомъ денегъ, чтобы онъ ѣхалъ въ петербургскую духовную академію по крайней мѣрѣ въ качествѣ волонтера. Къ счастію покойнаго, ему особенно въ денежномъ отношеніи помогъ тогдашній незабвенный инспекторъ тверской

семинаріи р. Авраамій, а затѣмъ новый ректоръ семинаріи архимандритъ Наонаилъ. Именно этимъ лицамъ покойный обязанъ своимъ отправленіемъ въ указанную академію въ качествѣ волонтера. Да будутъ благословенны дни этихъ почтенныхъ лицъ, которыя и послѣ были такъ обязательно добры къ „братьямъ-студентамъ“, какъ выражался одинъ изъ нихъ!..

Но видно суждено было покойному пережить немало тревогъ, прежде чѣмъ онъ поступитъ въ академію. Въ виду значительнаго наплыва въ 1867 году въ петербургскую духовную академію желающихъ поступить въ нее, а быть-можетъ и по другой причинѣ, экзамены въ этой академіи производились и строго весьма и долгое время. Не успѣвъ сдать экзаменъ еще по многимъ предметамъ, Федоръ Федоровичъ простудился и слегъ въ академическую больницу. Онъ былъ съ братомъ въ отчаяніи отъ этого ужаснаго обстоятельства. Но сколь велико было горе, столь же велика была и радость Федора Федоровича, когда онъ сперва чрезъ брата достопочтеннымъ о. ректоромъ академіи І. Л. Янышевымъ, а затѣмъ лично посѣтившимъ его тогдашнимъ о. инспекторомъ академіи архим. (нынѣ епископомъ Нижегород.) Хрисанеомъ былъ извѣщенъ, что въ виду его прекраснаго сочиненія по логикѣ найденнаго лучше всѣхъ подобныхъ работъ, онъ даже и въ случаѣ невозможности сдать весь экзаменъ непременно будетъ принятъ въ академію въ число казеннокоштныхъ. Скоро сбылось это радостное для покойнаго поступленіе въ академію. Для такихъ лицъ, какъ покойный, поступить въ академію значило обречь себя на энергическій и систематическій трудъ, хотя бы онъ и не касался исправнаго отбыванія лекцій и усидчивыхъ приготовленій къ экзаменамъ. И вотъ закипѣла работа. Прежде всего покойному предстояло изучить какой-либо изъ новыхъ языковъ, и онъ по совѣту знакомыхъ студентовъ старшаго курса принялся за изученіе нѣмецкаго языка, начиная съ азбуки. Какъ сожалѣлъ покойный, что онъ, вслѣдствіе неразъясненія ему во время пребыванія его въ семинаріи необходимости изученія новыхъ языковъ, долженъ былъ губить дорогое время на механическую работу, тогда какъ его тянуло къ иной работѣ, болѣе сообразной съ его развитіемъ и внутренними влеченіями... Затѣмъ предстояло избрать какую-либо специальность, но она — свойственная складу его ума специальность — не скоро открылась ему: еще въ концѣ втораго курса Федоръ Федоровичъ колебался между влеченіемъ къ историческимъ и философскимъ предметамъ. Пере-

ходъ на третій курсъ положилъ конецъ этимъ колебаніямъ: его заинтересовала философія и преимущественно нравственная философія ³⁾. На развитіе любви къ этой послѣдней имѣлъ особое влияние своими воодушевленными лекціями по нравственному богословію профессоръ и ректоръ академіи незабвенный для его слушателей Иванъ Леонтьевичъ Янышевъ. Съ этого времени и занятія его направились болѣе цѣлесообразно и приняли болѣе напряженный характеръ. Понимая глубокую связь нравственныхъ вопросовъ съ вопросами другихъ специальностей, Федоръ Федоровичъ еще въ академіи знакомился и съ психологіей и съ психіатріей, и съ исторіей поэзіи, и съ политической экономіей, и съ юридическими науками. Естественно, усиленные занятія должны были отразиться неблагоприятно на здоровьи Федора Федоровича, тѣмъ болѣе, что онъ и отъ природы былъ сложенъ не особенно счастливо: его высокій ростъ, худощавость, впалость груди, самый темпераментъ были плохимъ ручательствомъ крѣпкаго здоровья даже при иномъ образѣ жизни и дѣятельности... Федоръ Федоровичъ получилъ хроническій катарръ легкихъ, внѣшнимъ образомъ выражавшійся въ кашлѣ, хотя и далеко нечасто. Какъ слѣдствіе болѣзненнаго состоянія и расположенія, въ Федорѣ Федоровичѣ тогда еще стала замѣчаться мнительность—боязнь наибольшей болѣзни и смерти. Тѣмъ не менѣе въ общемъ расположеніе духа Федора Федоровича было [большей частью] веселое: онъ любилъ въ видѣ отдыха отъ работъ поговорить и попѣть съ товарищами, побывать у добрыхъ петербургскихъ знакомыхъ, послушать оперу или вокальный концертъ. Еще въ академіи онъ отличался въ видахъ гигиеническихъ разборчивостью и умѣренностью въ пищѣ и питъѣ. Жизнь свою въ академіи онъ и въ послѣдствіи вспоминалъ, какъ самую отрадную и свѣтлую полосу въ его жизни...

1871 годъ—годъ окончанія курса Федоромъ Федоровичемъ въ академіи—былъ въ тоже время годомъ разлуки съ его братомъ и товарищемъ дѣтскихъ и школьныхъ годовъ его жизни. Послѣдній двинуть былъ судьбою въ Казань, а Федоръ Федоровичъ

³⁾ Не только магистерскую диссертацию писалъ Федоръ Федоровичъ на тему по нравственной философіи, но по тому же предмету работалъ и надъ другимъ произведеніемъ (о происхожденіи нравственныхъ понятій), которое мало-помалу подготавливалось въ несистематизированныхъ матеріалахъ. Это изслѣдованіе было бы полезнѣйшимъ и капиталнѣйшимъ вкладомъ въ нашу философскую литературу....

остался въ Петербургѣ при духовной академіи приватъ-доцентомъ по вновь для него открытой кафедрѣ антропологии. Намѣсто своей службы Федоръ Федоровичъ прѣѣхалъ уже женатымъ. Впрочемъ ему недолго пришлось служить въ Петербургѣ: въ 1872 же году онъ былъ приглашенъ въ кievскую духовную академию на кафедру метафизики и логики. „Съ честью занималъ Федоръ Федоровичъ мѣсто профессора и былъ любимъ и уважаемъ студентами“, пишутъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Иначе едва ли могло быть. Покойный при своей выдающейся даровитости всецѣло отдавался изученію любимой специальности, хотѣлъ быть въ ней полнымъ хозяиномъ и горѣлъ желаніемъ, не щадя силъ, служить интересамъ своихъ слушателей. Молодые же люди умѣютъ иногда больше старыхъ оцѣнить своихъ наставниковъ и отличить чиновника отъ педагога. Но развѣ такая преданность дѣлу не должна была дурно отражаться на здоровьѣ покойнаго? Уже не говоря о кабинетныхъ работахъ медленно, но неуклонно подтачивавшихъ и безъ того хилый организмъ,— и чтеніе лекцій, въ которыя такъ-сказать вкладывалъ почившій всю свою душу, должно было служить условіемъ для развитія болѣзни, такъ преждевременно открывшей для Федора Федоровича нѣдра метери-земли. Современная наука свидѣтельствуетъ, что продолжительное говоренье или чтеніе въ слухъ сопровождаются потерями въ вѣсѣ тѣла даже у здоровыхъ натуръ. Во чтѣ же обходилась Федору Федоровичу каждая его воодушевленная академическая рѣчь?.. Она увлекала жаждущую знанія благородную молодежь, но и сжигала частицу за частицей хилаго организма *). Но особенно вредно дѣйствовали на здоровье

*) Для характеристики покойнаго приводимъ слѣдующія слова изъ статьи близкаго къ нему почтеннаго профессора Киевской академіи А. Д. Воронова (Труд. Киев. академіи): „Въ теченіи 6½ лѣтъ ученой дѣятельности въ Киевѣ значительно сложился и образовался въ Федорѣ Ф-чѣ весьма замѣчательный типъ ученаго. Для научной дѣятельности, и прежде составлявшей высшій жизненный интересъ Федора Ф-ча, открывалось теперь особенно широкое и удобное поприще; между тѣмъ всѣ внѣшнія условія жизни въ Киевѣ, начиная съ города, отличнаго отъ городовъ великорусскихъ, съ общества ему незнакомаго, были для него мало симпатичны,— и вотъ онъ удалился въ свой внутренний міръ, безусловно и всецѣло предался наукѣ. Рѣдкая безграничная преданность наукѣ и была общею и самою выдающеюся чертою его характера. Вся жизнь его, за исключаеніемъ періодовъ его болѣзни, была всецѣло отдана наукѣ. Въ наукѣ, и собственно въ философіи, заключался для Федора Ф-ча въ полномъ и буквальный смыслѣ весь интересъ, вся задача,

полойнаго письменныхъ работы. Однако и избѣгая по возможности ихъ, онъ для одной печати написалъ кромѣ магистерской диссертациі три цѣнныхъ труда: 1) Поповоду сочиненія Кавелина: „Задачи Психологіи“ въ 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 34 нум. „Гражданина“ за 1872 г. 2) Теистическая теорія Фихте младшаго (Труды К. д. акад. 1874 г. 3) Къ вопросу о философіи (Прав. Обзор. 1876 года). Къ работамъ и лекціямъ нужно присоединить матеріальныя тяжелыя условія жизни Федора Федоровича, котораго семейство увеличивалось почти съ каждымъ годомъ. Въ качествѣ привать-доцента покойный получалъ очень жалкое для Кіева въ особенности жалованье. До какой степени тяжело жилось покойному въ этомъ отношеніи,

вся цѣль жизни. Помимо этой цѣли его не интересовало ничто и все въ его глазахъ имѣло цѣну лишь настолько, насколько соединено было прямо или косвенно съ этими основными, поразительно исключительными интересами его жизни и мысли. Онъ велъ уединенную жизнь и имѣлъ мало знакомыхъ; но когда случалось ему бывать въ обществѣ, онъ оживлялся лишь тогда, когда заходила рѣчь о предметѣ философскаго характера, и въ нимъ онъ постоянно сводилъ бесѣды и пренія. Онъ читалъ лучшія произведенія литературы, посѣщавъ иногда театръ, любилъ музыку; но всѣ эти и подобныя занятія имѣли значеніе не сами по себѣ и безотносительно, но въ качествѣ только средствъ для цѣли, въ качествѣ матеріала, въ анализѣ или примѣненіи къ наукѣ, къ которой сводилась вся его дѣятельность. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но семейная жизнь далеко отходила на задній планъ въ его работахъ и симпатіяхъ, и кроткая снисходительная супруга съ самоотверженіемъ служила ему лишь для того, чтобъ устранять отъ него самую заботу обыденной матеріальной жизни, которыя могли бы отвлекать его отъ его ученыхъ трудовъ. Получая недостаточное для семьянина содержаніе и при частыхъ своихъ болѣзняхъ много расходуя на лѣченіе Ф. Ф. жилъ бѣдно и часто нуждался; но онъ отклонялъ всякое предложеніе увеличить свои средства путемъ какихъ либо стороннихъ занятій. Отвлекаться хоть сколько нибудь отъ своего основнаго интереса, отъ своей исключительной жизненной задачи Ф. Ф.-чу казалось преступленіемъ, было для него даже психическою невозможностію. По совѣту знакомыхъ онъ однажды занялъ было не безвыгодную должность преподавателя педагогикі при одной изъ гимназій, но чрезъ мѣсяць эти занятія оставилъ потому только, что они заставляли его спускаться до элементарныхъ понятій и отрывать отъ нормальнаго уровня его мысли. Цѣлю его ученой дѣятельности было философское самообразование, и задачи этого самообразованія въ безконечно-любимомъ предметѣ были поставлены безпощадно широко. Федоръ Ф.-чъ жилъ интересами всего, что входитъ въ содержаніе философ. наукъ и какой-либо узкой спеціальности себя не отмежевывалъ. Исторія фи-

видно уже изъ того одного, что почтенной супругѣ его Прасковѣ Ильиничнѣ, дочери тверскаго покойнаго уже теперь протоіерея, привыкшей въ родительскомъ домѣ къ своего рода комфорту, приходилось нерѣдко при грудномъ одномъ ребенкѣ и другихъ малолѣтнихъ дѣтвахъ быть въ одно и то же время и кормилицей и нянькой и горничной, и сидѣлкой при больномъ мужѣ, и кухаркою,—словомъ, всѣмъ для всѣхъ членовъ немалой семьи. Но сколько разъ сердце покойнаго должно было обливаться кровью въ виду такого положенія горячо любимой супруги?.. Если бы не великодушная кіевская духовная академія, не рѣдко дававшая покойному возможное для ней денежное вспомоствованіе, то въ иное время положеніе покойнаго было бы

лософіи наприхѣръ и психологія не входили въ кругъ его профессіи, но онъ изучалъ эти науки съ такимъ же вниманіемъ, какъ и логику и метафизику, а вопросы психологіи интересовали его едва ли не болѣе, чѣмъ вопросы, этихъ послѣднихъ наукъ. Войти въ сферу спеціального изученія частнаго отдѣла или вопроса науки для того чтобы изъ этого изученія сдѣлать какое либо практическое примѣненіе, составить диссертацию, напечатать статью, для Ф. Ф-ча, по свойству его отношеній къ наукѣ, соединено было съ большимъ нравственнымъ усиліемъ. Отъ этого онъ за все время своей дѣятельности въ Кіевѣ почти ничего не писалъ для печати, и когда настоятельная необходимость пріобрѣсти степень магистра стала понуждать его къ изданію какого-либо спеціального изслѣдованія, онъ могъ остановиться лишь на самомъ широкомъ и коренномъ вопросѣ философіи, на вопросѣ о свободѣ воли, и лишь самыя настоятельныя убѣжденія его знакомыхъ и собственное сознаніе громадности этого вопроса склонили его къ ограниченію этой задачи изложеніемъ и критич. разборомъ нрав. ученія Шопенгауера, которое и было представлено и публично защищено для полученія степени магистра. Даже приготовленіе лекцій и академическое преподаваніе при всѣхъ его достоинствахъ никогда не было главнымъ дѣломъ Ф. Ф-ча, но всегда стояло въ подчиненіи его общей дѣли — саморазвитія и изученія науки въ всякихъ вышшихъ побужденій. Федоръ Ф-чъ былъ, можно сказать, аскетъ науки, жертвовавшій для нея всѣмъ и всѣми пренебрегавшій ради ея. Онъ предавался умственной работѣ, мало сказать—съ увлеченіемъ, съ полнѣйшимъ напряженіемъ силъ: онъ предавался ей со страстію, съ самозабвеніемъ. Въ этой работѣ была его жизнь,—она была постоянною потребностію и высшимъ наслажденіемъ его духа. На умственный трудъ онъ не щадилъ силъ и не думалъ соблюдать соразмѣрности между неутомимою энергіею воли и слабостію своего организма. Въ своихъ ученыхъ занятіяхъ онъ поступалъ совершенно въ противоположность всѣмъ приложеніямъ латинской пословицы: *mens sana in corpore sano*, и научнымъ образомъ опровергая эту теорію въ одномъ изъ своихъ сочиненій, былъ убѣжденъ, что на-

безвыходнымъ не въ метафорическомъ смыслѣ этого слова, а въ буквальномъ. Вся тѣ, кому дорога память Федора Федоровича, навсегда будутъ за это признательны къ почтенной и благородной корпораціи профессоровъ кievской духовной академіи. Такимъ образомъ служебная жизнь покойнаго есть скорбная исторія его сверхсильныхъ трудовъ, борьбы съ бѣдностью, нравственныхъ страданій въ виду лишеній супруги и дѣтей-малютокъ. Только минуты творческой работы мысли, мужество и покорность судьбѣ супруги его и заявленія сочувствія со стороны его друзей вносили лучъ свѣта въ мракъ его жизни. Здоровье и безъ того хилое разстроивалось болѣе и болѣе. Къ несчастію Федора Федоровича, онъ болѣе года тому назадъ серьезно простудился. Чахотка до тѣхъ поръ только начавшая свивать себѣ гнѣздо въ надломленномъ организмѣ покойнаго послѣ этого окончательно овладѣла имъ. Тѣмъ не менѣе Федоръ Федоровичъ только въ случаяхъ особыхъ болѣзненныхъ припадковъ терялъ надежду на дальнѣйшее и дальнѣйшее продолженіе жизни. Когда же онъ чувствовалъ себя лучше, то мечталъ о болѣе широкой и плодovitой дѣятельности. Особенно надежды открыли покойнаго, какъ видно изъ его писемъ къ брату-товарищу, со времени блистательной защиты имъ 12 марта текущаго года магистерской диссертациі и послѣ полученія доцентуры. Не болѣе какъ за два мѣсяца до кончины покойный выказывалъ желаніе написать для напечатанія въ „Православномъ Обозрѣніи“ большую статью по одному изъ важнѣйшихъ современныхъ

и болѣе энергическія и интенсивныя проявленія духа требуютъ извѣстнаго перевѣса духа надъ тѣломъ. Степень духовнаго напряженія онъ доводилъ до максимума и въ параллель этому удовлетвореніе физическихъ потребностей до минимума. Когда былъ здоровъ, онъ посвящалъ только на *серьезную* работу 15 часовъ въ сутки, и до какого высочайшаго напряженія доводилъ свои нервы, видно изъ того, что однажды, заинтересовавшись публичнымъ диспутомъ по философіи, онъ *въ одну ночь* написалъ статью по этому поводу въ объемѣ около двухъ печатныхъ листовъ. Время сна онъ сокращалъ до 5, 4 и наконецъ даже до 3 часовъ въ сутки и сообразно съ этимъ до *pes plus ultra* уменьшалъ и свое питаніе, чуть не съ математическою точностію измѣрялъ, насколько интенсивность мысли ослабляется каждымъ сухаремъ хлѣба или ложкою супа... Энергія мысли конечно выигрывала отъ такой дѣтетики, но покойный ошибался, полагая что такое напряженіе нормально и можетъ пройти безнаказанно.“

философскихъ вопросовъ, именно по вопросу объ источникахъ и критеріумѣ человѣческаго познанія, и затѣмъ заняться спеціальнымъ изученіемъ вопроса объ аскетизмѣ вообще и о христіанскомъ въ особенности. Тѣмъ, которые и раньше получали отъ покойнаго письма съ выраженіемъ увѣренности въ скорой смерти, не имѣя возможности видѣть его лично, не могла казаться послѣ этого рѣшительною и вѣсть въ началѣ августа о неизбѣжности скорой кончины Федора Федоровича: надежда любить хвататься за послѣднія опоры, хотя бы и шаткія.. однако смерть подкралась внезапно для родныхъ покойнаго и похитила его у нихъ, у русской науки, у нашихъ читателей на вѣки. Федоръ Федоровичъ сошелъ въ могилу, оставивъ послѣ себя вдовую жену и троихъ дѣтокъ, изъ которыхъ старшему 4-й годъ, а младшему не болѣе года, въ безпомощномъ матеріальномъ положеніи.

Выносъ тѣла почившаго изъ квартиры въ церковь Братскаго монастыря совершилъ 28-го августа вечеромъ о. инспекторъ Киевской академіи архим. Сильвестръ съ другими священнослужителями. Почтенные слушатели покойнаго заявили было желаніе нести дорогой для нихъ гробъ съ квартиры до указанной церкви на своихъ рукахъ, но вслѣдствіе дальности разстоянія гробъ посовѣтовано было возложить на катафалкъ. 29-го совершилась и послѣдняя печальная церемонія отпѣванія и погребенія почившаго вѣрнаго служителя науки. Досточтимый ректоръ Киевской духовной академіи епископъ Михаилъ въ сослуженіи двохъ оо. архимандритовъ: инспектора академіи Сильвестра и эконома Софійскаго митрополичьяго дома Смарагда, четырехъ іеромонаховъ Братскаго монастыря, троихъ діаконовъ, при хорѣ прекрасныхъ академическихъ пѣвчихъ, совершилъ божественную заупокойную литургію и отпѣваніе. За литургіей было произнесено задушевное слово извѣстнаго почтеннаго профессора Киевской духовной академіи и замѣчательнаго оратора Василія Федоровича Пѣвницкаго. Во время отпѣванія предъ умиленнымъ пѣніемъ глубоко-трогательнаго гимна: *со святыми упокой* произнесъ теплую рѣчь доцентъ академіи Митрофанъ Филипповичъ Ястребовъ. Скорбь студентовъ по почившемъ нашла себѣ прекрасное выраженіе въ рѣчи студента г. Богословскаго ⁵⁾. Вся

⁵⁾ Всѣ эти рѣчи, какъ мы слышали, будутъ напечатаны въ окт. книжкѣ „Трудовъ Киевской Духовной Академіи“ за текущей годъ.

картина погребенія производила умиляющее и трогательное впечатлѣніе. Былъ моментъ, когда исторглись слезы у постороннихъ къ покойному лицѣ въ многочисленной публикѣ, находившейся въ церкви. Это—тогда, когда преосвященный Михаилъ, читая такъ-называемую отпустительную молитву надрывавшимся отъ слезъ и рыданій голосомъ произносилъ великія слова молитвы, давая чувствовать силу и смыслъ cadaго слова. Вообще вся почтенная академическая семья соединилась у гроба покойнаго въ чувствѣ глубокой скорби по почившемъ и теплаго сочувствія къ его осиротѣвшей семьѣ. Изъ родныхъ покойнаго у гроба находился только одинъ старшій его братъ, пріѣхавшій изъ Твери въ Кіевъ по первому извѣстію о безнадежномъ положеніи дорогаго брата, но уже не заставшій его въ живыхъ. Къ еще большей своей скорби, при гробѣ покойнаго не могъ находиться по весьма серьезнымъ семейнымъ обстоятельствамъ тотъ братъ покойнаго, который былъ товарищемъ дѣтскихъ и школьныхъ годовъ жизни почившаго и видѣлъ въ немъ не только брата, но и друга—соратника: онъ не имѣлъ даже утѣшенія взглянуть въ послѣдній разъ на дорогой прахъ.. Тѣло Феодора Феодоровича погребено на кладбищѣ Щековицкой всѣхъ святыхъ церкви. Покойся, незабвенный труженикъ, до общаго воскресенія мертвыхъ, и да вселить тебя Господь въ селенія праведныхъ...

—

Было замѣчено, что послѣ покойнаго осталась вдова—супруга съ трини дѣтками въ безпомощномъ положеніи. Положеніе это, сколько мы знаемъ, дѣйствительно безпомощное. Покойный не могъ оставить даже на что можно было бы погребсти его. И если бы не почтенные сослуживцы покойнаго, начиная съ преосвящ. ректора академіи и оканчивая послѣднимъ изъ гг. чиновниковъ академіи, принявшіе на себя заботы по погребенію, то супруга покойнаго не была бы въ состояніи на свои средства купить даже гробъ вѣрному и талантливому служителю науки. Чтѣ же станется съ осиротѣвшею семьей? Родные покойнаго, при всемъ своемъ горячемъ желаніи быть надежащей опорой его семьи, не въ состояніи оказывать ей *дѣйствительно-существеннаго* пособія. Благородные сослуживцы покойнаго, сколько мы знаемъ, рѣшились хлопотать, во вниманіе честной и пло-

дотворной службѣ почившаго и во вниманіе къ безпомошному положенію семьи его, о дарованіи этой семьѣ хотя небольшой, но постоянной пенсіи. Мы и надѣмся, что тѣ, отъ кого зависитъ благопріятный исходъ этого благаго ходатайства, съ сочувствіемъ отнесутся къ благородной просьбѣ академіи и исполнятъ ее, тѣмъ болѣе, что небольшая пенсія не освободитъ бѣдной семьи отъ необходимости искать вспоможенія средствъ къ существованію...

МАГИСТЕРСКИЙ ДИСПУТЪ

ВЪ МОСКОВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ 5-го СЕНТЯБРЯ.

Наступающій учебный годъ для Московской духовной академіи открылся ученымъ диспутомъ. 5-го сентября преподаватель Костромской духовной семинаріи Н. И. Троицкій защищалъ на степень магистра богословскихъ наукъ свое сочиненіе „О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій,“—сочиненіе, съ которымъ читатели „Прав. Обзорнія“ уже знакомы по отзыву о немъ помѣщенному въ августовской книжкѣ. Официальными оппонентами были доценты: по предмету Св. Писанія Ветхаго Завета—Н. А. Елеонскій и по Библейской исторіи—А. П. Смирновъ. Изъ стороннихъ возражалъ только преподаватель Московской духовной семинаріи Д. П. Боголѣповъ.— Не смотря на столь малое число оппонентовъ, диспутъ продолжался часа три,— время, совершенно достаточное для рѣшенія многихъ серьезныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, этого не случилось; вопросы были поставлены, но не разрѣшены. Произошло это первое всего отъ того, что цѣлая треть этого времени совершенно непродуманно затрачена была на рѣчь, которую держалъ предъ своими судьями и прочими слушателями г. магистрантъ предъ началомъ диспута. Рѣчь эта по меньшей мѣрѣ странная. Всякій изъ присутствующихъ конечно ожидалъ, что диспутантъ прежде всего постарается познакомить публику съ сущностью своего вопроса; среди слушателей всегда слѣдуетъ

предполагать лицъ, совершенно незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ дѣломъ, обсужденіе котораго предстоить на диспутѣ; тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ необходимо было диспутанту это сдѣлать, что предметъ его изслѣдованія очень спеціаль- ный. Между тѣмъ нашъ диспутантъ началъ съ того, что въ тонѣ патетическомъ выразивши всю божественную важность Евангелія и совершенно не къ дѣлу вопросивши: смѣемъ ли мы, не будетъ ли съ нашей стороны дерзостью, послѣ 19-ти вѣко- ваго существованія Евангелій, спрашивать объ ихъ происхо- жденіи?—отсюда повелъ рѣчь о прирожденномъ и неистребимомъ стремленіи человѣческаго духа къ знанію, породившемъ великія изобрѣтенія и открытія во всѣхъ областяхъ знанія. Долго го- ворилъ онъ объ этомъ, но наконецъ какъ-то возвратился къ изслѣдованіямъ въ области Библиологіи. На душѣ слушателей полегчало, но вдругъ нашъ лекторъ очутился на темѣ: о зна- чительномъ распространеніи образованности среди русскаго на- рода и о любви его читать книги. О многомъ и еще чемъ-то го- ворилъ диспутантъ, но за ходомъ его мыслей могъ слѣдить только стенографъ, каковаго, къ счастью диспутанта, быть мо- жетъ и не было налицо... Всѣ это нѣсколько понятно было-бы и не было бы странно, еслибы эта рѣчь была импровизован- ная, а не тщательно обдуманная и въ точной записи лежавшая предъ глазами лектора. Другая причина, по которой настоящій ученый диспутъ, не смотря на свою продолжительность, не при- велъ къ рѣшенію никакого ученаго вопроса, заключалась въ пріемахъ, какихъ держался диспутантъ во все время диспута въ отвѣтахъ своихъ на поставляемые ему вопросы. Въ этихъ отвѣтахъ вполне выразился діалектической складъ ума г. Троиц- каго, уже давшій себя знать въ его магистерскомъ сочиненіи, какъ это читатели видѣли изъ отзыва г. Куплетскаго. Но діалектика бываетъ и силою ума, бываетъ и его слабостью. Въ послѣднемъ случаѣ она проявляется въ спорливости, въ неспо- собности спорящаго схватить вдругъ умомъ своимъ сущность вопроса и угадать всѣ послѣдствія такого или иного его рѣше- нія, отсюда—привязчивость къ частностямъ и словамъ и увле- ченіе противника, посредствомъ встрѣчныхъ вопросовъ, въ сто- рону отъ дѣла. Именно такими качествами и отличались отвѣ- ты г. Троицкаго. Въслѣдствіе этого отлично поступилъ первый официальный оппонентъ, г. Елеонскій, который велъ бесѣду свою съ диспутантомъ такимъ образомъ: высказавши свой взглядъ на дѣло, онъ начиналъ его развивать и доказывать,

представляя изъ своей рѣчи дѣльный маленькій трактатъ на извѣстную тему; доразвивши мысль свою до конца, онъ представлялъ говорить диспутанту, что ему угодно; дождавшись терпѣливо конца отвѣта, онъ ставилъ новый вопросъ и опять представлялъ свое рѣшеніе его въ дѣльномъ законченномъ видѣ, предоставляя потомъ говорить диспутанту и почти вовсе не прерывая его отвѣта, хотя онъ говорилъ иногда вещи, то обидныя для оппонента (какъ напр. обличеніе въ заимствованіи высказываемаго мнѣнія у такого-то ученаго), то не идущія къ дѣлу и даже запутывающія его. Но вслѣдствіе этого же самъ себѣ создалъ бѣду второй официальный оппонентъ, г. Смирновъ, давая диспутанту частные вопросы и приглашая его каждый разъ разрѣшать ихъ. Диспутантъ въ этихъ случаяхъ почти всегда отвѣчался не понимающимъ прямо и точно, къ чему клонится возраженіе; но такъ какъ молчать онъ не умѣетъ, то тотчасъ начинался какой-то беспорядочный споръ и чрезъ нѣсколько секундъ слушатель забывалъ, съ чего началось дѣло, а оппонентъ, видя невозможность добиться толку, переходилъ къ другому вопросу. Ту же почти участь испыталъ и неофициальный возражатель, г. Боголюбъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не былъ такъ снисходителенъ, какъ г. Смирновъ,—настойчиво стремился удержать диспутанта въ предѣлахъ поставленнаго вопроса и неотступно, хотя и бесплодно, призывалъ его рѣшить возникающее недоумѣніе. Но за то отсюда произошла и нѣкоторая горячность взаимныхъ объясненій..

Вслѣдствіе указанныхъ свойствъ диспута, нѣтъ никакой возможности представить, на основаніи воспоминанія, послѣдовательный и обстоятельный отчетъ о его содержаніи. Да и для дѣла это не важно, какъ это видно точно также изъ сказаннаго. Вмѣсто того мы передадимъ нѣкоторые изъ возраженій оппонентовъ, какия и какъ мы ихъ запомнили.

Считаемъ нужнымъ предварительно напомнить читателямъ, что вопросъ „о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій“ возникаетъ изъ того, что эти Евангелія представляютъ разительное сходство между собою и по содержанію и по порядку расположенія историческаго матеріала и даже по изложенію. Будучи такъ сходны между собою, они однако и значительно различаются между собою во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ. Съ давнихъ временъ христіанскіе богословы и ученые различныхъ направленій напрягаютъ свои умы, чтобы объяснить происхожденіе такого сходства и различія между

означенными Евангеліями. Какъ ни разнообразны эти многочисленныя рѣшенія сказаннаго вопроса, но вообще они сводятся къ двумъ теоріямъ или гипотезамъ: 1) предполагаютъ, что наши первыя три каноническія Евангелія имѣютъ въ основѣ своей письменныя источники, которые и переработаны каждымъ евангелистомъ съ большею или меньшею самостоятельностью; 2) предполагаютъ, что въ основѣ этихъ Евангелій лежитъ *устное* апостольское преданіе, устное Евангеліе, изъ котораго и черпалъ содержаніе для своихъ произведеній каждый евангелистъ, заимствуя изъ этого источника что ему было нужно. Ученые Эвальдъ и Гольцманъ построютъ и защищаютъ первую теорію; г. Троицкій, представившій въ своемъ сочиненіи „опытъ разбора гипотезъ Эвальда и Гольцмана“, выступаетъ защитникомъ второй.

Г. Елеонскій началъ свою мирную бесѣду съ диспутантомъ тѣмъ, что пригласилъ его согласиться, что поставленные имъ 8 тезисовъ въ сущности сводятся къ двумъ, изъ коихъ одинъ выражается въ отрицательной формѣ, а другой—въ положительной: 1) первыя три каноническія Евангелія не имѣютъ за собою письменныхъ источниковъ, какъ думаютъ Эвальдъ и Гольцманъ; 2) въ основѣ ихъ лежитъ устное апостольское преданіе. Признавши потомъ, что теорія письменныхъ источниковъ синоптическихъ Евангелій Эвальдомъ и Гольцманомъ дѣйствительно неосновательно построена, что съ основательностію и доказалъ г. магистрантъ, г. Елеонскій однакоже высказалъ то свое мнѣніе, что по существу своему эта теорія болѣе состоятельна, а защищаемая диспутантомъ напротивъ—менѣе. Мы видимъ, говорилъ оппонентъ, что такъ-называемый маккавейскій періодъ исторіи еврейскаго народа и непосредственно за нимъ слѣдующій евангельскій и апостольскій отличаются сильнымъ стремленіемъ іудеевъ къ образованности и литературѣ. Въ это время, какъ извѣстно, произошли многія неканоническія книги, таргумы, апокрифы. Тогда вообще стремились записывать все сколько-нибудь замѣчательное, какъ это доказываютъ произведенія Іосифа Флавія. Послѣ этого, не можетъ быть, чтобы среди іудеевъ не было стремленія передать памяти потомства въ такой или иной формѣ, въ такомъ или иномъ объемѣ, дѣянія такого великаго лица какъ Іисусъ Христосъ, производившій такое сильное впечатлѣніе на современниковъ и многими изъ нихъ признанный за Мессію. Тогда любили и писать книги, любили и читать ихъ, какъ это можно видѣть изъ примѣра апостола

Павла, который, несмотря на свое стѣсненное положеніе въ узахъ, просить Тимофея принести къ нему „книги, особенно кожаныя“ (2 Тим. 4, 13), а также апостола Петра, который имѣлъ у себя подъ руками собраніе посланій апостола Павла (2 Пет. 3, 15—16). Послѣдній примѣръ показываетъ кромѣ того, что христіане первенствующие изъ іудеевъ любили читать не только произведенія ветхозавѣтной письменности, но и писанія новозавѣтныхъ писателей. Если же была таковая потребность, то трудно придумать причины, которыя препятствовали бы ея удовлетворенію. А имѣя въ виду прежде сказанное о стремленіи іудеевъ къ образованности и литературѣ, должно и прямо предполагать, что такая потребность въ христіанскомъ чтеніи въ разнообразныхъ формахъ дѣйствительно удовлетворялась. Если же вообще произведенія христіанской письменности тогда были особенно любезны христіанамъ, то конечно тѣмъ болѣе такія, которыя имѣли предметомъ своимъ исторію Спасителя. А что дѣйствительно такія произведенія были тогда въ обращеніи среди христіанъ, объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ ев. Лука въ своемъ предисловіи (1, 1—4). Какъ бы ни толковали это предисловіе, во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ, что еще до ев. Луки уже *многіе* начали писать о жизни и дѣлахъ І. Христа. Это же доказываетъ существованіе нѣсколькихъ каноническихъ Евангелій, происшедшихъ близко по времени одно къ другому, равно какъ и появленіе въ свѣтъ евангелій апокрифическихъ. Этой общей потребности и желанію христіанъ читать о жизни и дѣлахъ своего Спасителя могли удовлетворять и сами апостолы. Хотя сдѣлалось обычнымъ положеніе, что апостолы Христовы были люди неученые, необразованные; но во всякомъ случаѣ ихъ необразованность не до того простиралась, чтобъ у нихъ не было вовсе стремленія къ литературѣ. Извѣстной мѣры просвѣщенность ихъ доказываетъ уже то, что они знали чуждый имъ греческій языкъ и писали на немъ довольно совершенно. Но они не только могли,—они и должны были стремиться записывать событія изъ жизни Христа. Чѣмъ болѣе они благоговѣли предъ лицомъ своего Спасителя и Господа, и чѣмъ болѣе они чувствовали себя обязанными сохранить для всѣхъ людей и временъ исторію Христа въ неизмѣнной вѣрности; тѣмъ болѣе они должны были стремиться къ записыванію событій изъ жизни Христа. Вопросъ теперь только въ томъ: пользовались ли наши евангелисты этими записями апостоловъ и неапостоловъ о жизни, ученіи и дѣлахъ Христа? По-

ложительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ сходство первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, которое всего естественнѣе объясняется пользованіемъ одними источниками. Конечно, они пользовались этими готовыми записями не рабски, но самостоятельно ихъ перерабатывали и дополняли свѣдѣніями изъ устнаго апостольскаго преданія.

Что же касается взгляда на происхожденіе синоптическихъ Евангелій, котораго держится диспутантъ, то, по мнѣнію г. Елеонскаго, онъ менѣе вѣроятенъ. Этотъ взглядъ признаетъ, что синоптическія Евангелія произошли изъ устнаго апостольскаго преданія, и тѣмъ самымъ предполагаетъ, что до написанія ихъ никакихъ письменныхъ обозначеній евангельскихъ исторій не было въ употребленіи у апостоловъ и среди христіанскихъ обществъ, что тѣ и другія жили до нихъ только воспоминаніемъ. Но это невѣроятно. Хотя мы съ точностію не знаемъ, въ какіе именно годы произошло каждое изъ синоптическихъ Евангелій, но приблизительно можемъ съ достовѣрностію опредѣлять время происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Евангелій Марка и Луки: они произошли во всякомъ случаѣ послѣ 60 года. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что апостолы и прочіе христіане хранили только въ памяти, безъ помощи письменъ, евангельскія исторіи въ теченіи 25—30 лѣтъ. Возможно ли допустить, что такое продолжительное время человѣческая память могла съ точностію хранить то, что дано ей на храненіе, и съ тѣми мелкими подробностями, какія мы находимъ сохраненными въ нашихъ Евангеліяхъ? Положимъ, что апостоламъ въ этомъ случаѣ помогала Духъ Святой, согласно съ обѣтованіемъ Христа (Іоан. 14, 26). Но въ ученыхъ разсужденіяхъ, да еще съ такими людьми, какъ Эвальдъ и Гольцманъ, едва ли уместно ссылаться на дѣйствіе Божества для объясненія историческихъ явленій. А такъ какъ въ самихъ апостолахъ мы должны несомнѣнно предполагать желаніе и стремленіе сохранить въ памяти людей евангельскія исторіи вполнѣ вѣрными и предохранить ихъ отъ искаженія или отъ забвенія; то и можно думать, что апостолы во время проповѣдыванія уже имѣли въ рукахъ, въ томъ или другомъ видѣ, письменныя Евангелія, которыя и помогали имъ утверждать въ сознаніи новообращенныхъ исторію Христа. То, что апостолы говорили устно о Христѣ, какъ показываютъ рѣчи апостоловъ предъ еще неувѣровавшими, сохраненныя книгою Дѣяній апостольскихъ, было только общимъ очеркомъ жизни Христа. Впослѣдствіи апостолы конечно бесѣдова-

ли о Христѣ съ новообращенными; но вѣроятно бесѣдовали только объ отдѣльныхъ, частныхъ событіяхъ изъ жизни Спасителя. Болѣе же обстоятельное и болѣе твердое ознакомленіе новообращенныхъ съ исторіею Христа совершалось чрезъ письменныя Евангелія. А что апостолы дѣйствительно не полагались на свое устное слово въ дѣлѣ утвержденія новообращаемыхъ въ истинѣ Христовой, свидѣтельство этого предлагаетъ то же предисловіе Евангелія Луки: въ немъ евангелистъ говоритъ Теофилу, своему первому читателю, что онъ пишетъ ему сіе Евангеліе для того, чтобы онъ *узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ* (1, 4).

Память наша слишкомъ слабо удержала третью часть рѣчи г. Елеонскаго, гдѣ онъ говорилъ о трудности объяснить сходство и различіе между синоптиками съ точки зрѣнія защищаемого диспутантомъ взгляда на вопросъ о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Чтобы не навязать г. оппоненту того, что мы сами думаемъ объ этомъ предметѣ, мы уклоняемся отъ передачи этой послѣдней части его бесѣды съ диспутантомъ и переходимъ къ возраженіямъ втораго оффиціального оппонента.

Г. Смирновъ, какъ это видно было изъ его возраженій, стоялъ на той же точкѣ зрѣнія на дѣло, какъ и г. Елеонскій. Но точно такъ же, какъ и этотъ, могъ бы изъ своихъ частныхъ, отрывочныхъ замѣчаній составить одно законченное цѣлое, съ послѣдовательнымъ рядомъ обоснованій проводимаго взгляда. Но быть-можетъ потому, что такое цѣлостное развитіе его взгляда уже сдѣлано было его предшественникомъ, онъ давалъ диспутанту лишь отрывочные вопросы, добавляя ими доказательства мысли, развитой г. Елеонскимъ. Первые возраженія его направлены были на отрицательный тезисъ магистранта. Такъ, между прочимъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Одно изъ самыхъ сильныхъ основаній для своей теоріи *устнаго* апостольскаго преданія, какъ единственнаго источника нашихъ синоптическихъ Евангелій, диспутантъ находитъ въ словахъ св. Луки, что онъ писалъ свое Евангеліе, „якоже *предаша* (παρέδοσαν) намъ, иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе“ (1, 2). Но это-то, говорилъ оппонентъ, основаніе и неосновательно. Неосновательно именно подъ *преданіемъ* (παράδοσις) апостольскимъ разумѣть только устное преданіе, а и не письменное вмѣстѣ; ибо въ посланіи къ Солунянамъ (2 Соh. 2, 15) апостолъ Павелъ говоритъ: „стойте и держите *преданія*, которыми

вы научены или *словомъ* или *посланиемъ* нашимъ.“ Отсюда очевидно, что апостольское преданіе передавалось върующими двойнымъ способомъ: устно и письменю. Значить, и евангелисты могли пользоваться для написанія своихъ Евангелій и письменными источниками, произведениями апостоловъ, и устнымъ ихъ преданіемъ. Что по крайней мѣрѣ св. Лука пользовался письменными источниками, на это указываютъ, по мнѣнію оппонента, слова того же предисловія къ его Евангелію: „разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Теофилъ“ (1, 3). *Изслѣдованіе*, да еще *тщательное*,—изслѣдованіе *всего*—само собою предполагаетъ изслѣдованіе *письменныхъ* источниковъ: иначе не было бы и предмета изслѣдованія. Конечно, нельзя представлять евангелиста-историка во время написанія Евангелія обложеннымъ книгами. Но еще несообразнѣе съ дѣломъ представлять — съ точки зрѣнія устнаго преданія, какъ единственнаго источника нашихъ синоптиковъ, — что евангелистъ или ходитъ по городамъ и селеніямъ, допрашивая свидѣтелей-очевидцевъ, или призываетъ ихъ для той же дѣли къ себѣ. Далѣе оппонентъ обратилъ вниманіе на слова апостола Павла къ Тимоею: „принеси и книги, паче же *кожаныя*“ (2 Тим. 4, 13). Какія это *кожаныя* книги, которыя *паче* нужны апостолу? Конечно тѣ, которыя особенно нужны были ему, апостолу, въ дѣлѣ *проповѣданія Евангелія Христова*. Отсюда нельзя не догадываться, что эти кожаныя, пергаментныя книги заключали въ себѣ повѣствованіе о Христѣ. Хотя эта догадка не единственная, какую можно сдѣлать въ объясненіе подчеркнутыхъ словъ апостола; но во всякомъ случаѣ лучше отказать-ся вовсе отъ догадокъ, нежели какую высказалъ въ отвѣтъ диспутантъ: „паче же кожаными книгами апостолъ дорожить потому, что это — книги по матеріалу болѣе цѣнныя“ (изъ-за переплета, такъ сказать)!..—Противъ мысли, развиваемой диспутантомъ въ своемъ сочиненіи, что для апостоловъ не было никакихъ трудностей въ припоминаніи евангельскихъ событій, хотя бы спустя много времени послѣ ихъ совершенія, и что слѣдовательно, припоминая въ послѣдствіи и собирая въ одно Евангеліе отдѣльныя событія изъ жизни Спасителя, писатели Евангелій не нуждались въ помощи письменныхъ источниковъ, оппонентъ возражалъ, что трудность эта могла заключаться въ самихъ апостолахъ: они иногда были невнимательны къ тому, что дѣлалъ и чему училъ Христосъ. Такъ мы видимъ, что во время пребыванія на горѣ Преображенія они предаются сну; то

же случилось съ ними въ саду Геосиманскомъ. Отчего не предположить, что и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ они были подобнымъ же образомъ мало внимательны къ дѣламъ и словамъ Христа, подробныи и точныи свѣдѣнія о которыхъ поэтому они могли и должны были получить отъ другихъ, причемъ путь письменныхъ источниковъ долженъ былъ быть для нихъ особенно удобенъ? Да и сами они въ этихъ по крайней мѣрѣ случаяхъ могли стремиться къ записыванію евангельскихъ исторій. — Далѣе г. Смирновъ спросилъ диспутанта: аналогія образованія синоптиковъ съ образованіемъ народныхъ былинъ, какую проводитъ диспутантъ въ своемъ сочиненіи, не подрываетъ ли достоинства Евангелій и ихъ достовѣрности, такъ какъ былинны обыкновенно легендарны? На это диспутантъ отвѣтилъ, что Евангелія въ аналогію съ былинами онъ ставитъ только со стороны выработки формы повѣствованій, а не со стороны содержанія. Другое возраженіе того же оппонента, точно также направленное противъ положительнаго тезиса диспутанта, было слѣдующее: защищаемый диспутантомъ взглядъ предполагаетъ, что въ основѣ синоптическихъ Евангелій лежитъ только устное апостольское преданіе—устное первоевангеліе. Но апостольское преданіе, сообразно со своею природою, должно было имѣть свой обычный ростъ, постепенно увеличиваясь въ своемъ содержаніи; поэтому предполагаемое устное первоевангеліе первоначально должно было быть очень кратко, заключая въ себѣ только общій очеркъ жизни Спасителя, потомъ принять видъ болѣе обширный и т. д., пока наконецъ оно было заключено въ письмена. Кто теперь заключалъ преданіе въ письмена, тотъ принялъ конечно самую подробную его формацію для своего произведенія. Предположимъ теперь, что кромѣ этого подробнѣйшаго Евангелія были раннѣйшія, болѣе краткія записи устнаго преданія. Обыкновенно бываетъ такъ, что подробнѣйшая редакція изгоняетъ изъ употребленія кратчайшія, и эти наконецъ затериваются для потомства. Какъ же однако случилось, что мы имѣемъ теперь три синоптическихъ Евангелія, изъ которыхъ второе есть кратчайшее, а третье — подробнѣйшее? Это былъ послѣдній вопросъ г. Смирнова; услышавши характерный для діалектики г. Троицкаго отвѣтъ: „существованіе Св. Исторіи прот. Богословскаго, вмѣщающей въ себѣ всѣ три синоптическія Евангелія, и даже болѣе, развѣ дѣлаетъ излишнимъ употребленіе среди насъ каноническихъ Евангелій?“ — оппонентъ умолялъ.

Последнимъ возражалъ, какъ сказано, г. Боголѣповъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на неточность заглавія книги г. Троицкаго. По его мнѣнію, вполне соответственное содержанію книги заглавіе будетъ: „О происхожденіи и взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій“ (вѣсто: „О происхожденіи первыхъ трехъ К. Ев.“) Но это возраженіе устранено было диспутантомъ замѣчаніемъ, что употребленное имъ выраженіе есть исторически выработавшійся—болѣе краткій, чѣмъ предлагаемый—терминъ для изслѣдованнаго имъ вопроса, заимствованный имъ притомъ у своихъ противниковъ, теоріи которыхъ онъ разбираетъ въ своемъ сочиненіи. — Далѣе, г. Боголѣповъ припомнилъ рецензію на книгу г. Троицкаго, помѣщенную въ „Прав. Обзорѣніи“ въ августовской книжкѣ, и заявилъ, что онъ находитъ справедливымъ сужденіе автора этой рецензіи о трудѣ диспутанта. Дѣйствительно, говорилъ диспутанту г. Боголѣповъ, трудъ вашъ страдаетъ тѣмъ, что въ немъ отрицательной части изслѣдованія дано слишкомъ много мѣста сравнительно съ положительной. А такъ какъ вы кромѣ того свой взглядъ лишь только излагаете, не предлагая для него научныхъ данныхъ, а съ противниками ведете борьбу чисто діалектическую, привязываясь къ словамъ; то трудъ вашъ нельзя назвать научнымъ въ строгомъ значеніи этого слова. Чтобы трудъ вашъ былъ научный, для этого нужно бы вамъ совершить въ немъ изслѣдованіе, которое бы выработало положительныя научныя данныя для обоснованія признаваемого вами взгляда, а этого у васъ нѣтъ. Единственныя научныя, историческія данныя, которыя можно бы было повидимому считать за данныя, изслѣдованныя для обоснованія теоріи устного преданія, какъ единственнаго источника нашихъ синоптиковъ, суть: предисловіе Евангелія Луки и свидѣтельство Папія Іерапольскаго. Но это суть данныя *противъ* означенной теоріи, которыя поэтому такъ или иначе приходится устранять, чтобы расчищать для нея дорогу; это суть данныя, подтверждающія теорію письменныхъ источниковъ для нашихъ синоптиковъ.—И вы, продолжалъ говорить диспутанту г. Боголѣповъ, дѣйствительно всѣ силы употребляете, чтобы устранить эти, свидѣтельствующія противъ защищаемой вами теоріи, данныя и для этого совершенно произвольно истолковываете ихъ, особенно же предисловіе Евангелія Луки. Это предисловіе оппонентъ по своему изъяснилъ такъ. Исходя изъ того, что труды „многихъ“ подали поводъ ев. Лукѣ писать Евангеліе, онъ заключалъ, что эти труды

были письменные. Такъ какъ придаточное предложіе: „якоже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе,“ зависитъ отъ управляющаго глагола: *начаша чинити*; то выходитъ, что эти труды были добрыя, основывались на преданіи апостоловъ. А такъ какъ ἀνατάξασθαι (*чинити*) значитъ: „упорядочивать, приводить въ порядокъ,“ а διήγησιν (*повѣсть*) значитъ „повѣсть упорядоченную“; то и со стороны формы эти труды были въ своей мѣрѣ удовлетворительныя. Принимая, наконецъ во вниманіе точное значеніе слова ἐπεχειρήσας (*начаша*)—„братся за очень трудное дѣло,“ получаемъ тотъ общій смыслъ предисловія Евангелія Луки, что ев. Лука *ободренъ* былъ въ своемъ трудномъ предпріятіи трудами своихъ предшественниковъ. Толкуя такъ предисловіе Луки, оппонентъ дѣлалъ упрекъ г. Троицкому, что онъ произвольно искажаетъ смыслъ означеннаго свящ. мѣста, на страницѣ 485 своего труда утверждая, будто „еще неизвѣстно, пользовались ли πολλοί предашіемъ „самовидцевъ и служителей Слова,“ мотивъ для ев. Луки писать свое Евангеліе передавая такъ: „поелику „многіе“ начали слагать рассказы не по порядку,“ и даже выказывая предположеніе, что эти рассказы многихъ были „вѣроятно, апокрифическаго характера) о томъ, что не имѣло полной исторической достовѣрности,“ а на страницѣ 486 противоположая слово: *многіе* слову: *въ насъ* и утверждая, будто ев. Лука не ставитъ себя, какъ писателя, въ рядъ „многихъ.“

Въ настоящемъ своемъ возраженіи г. Боголюбовъ, заявивъ, что онъ считаетъ болѣе состоятельнымъ въ научномъ отношеніи тотъ взглядъ на вопросъ о происхожденіи синоптическихъ Евангелій, который обстоятельно развитъ былъ гг. Елеонскимъ и Смирновымъ и по которому эти Евангелія въ основѣ своей имѣютъ письменное и устное апостольское преданіе,—противъ теоріи устнаго апостольскаго преданія, какъ единственнаго источника первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, сдѣлалъ слѣдующія два замѣчанія. Хотя мы не знаемъ точно времени происхожденія сказанныхъ Евангелій, во всякомъ случаѣ историческое свидѣтельство за нихъ то, что они произошли до разрушенія Иерусалима, еще въ апостольскій періодъ. И это очень важно для православно-вѣрующаго, такъ что они всячески должны защищать истинность такого свидѣтельства церковнаго преданія о времени происхожденія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, ибо только въ этомъ случаѣ послѣднія суть произведенія современниковъ евангельскихъ событій; только въ этомъ случаѣ

можно говорить объ ихъ *подлинности*, а слѣдовательно и достовѣрности и истинности ихъ содержанія. Итакъ, первые три Евангелія произошли до разрушенія Иерусалима, не позже 60-хъ годовъ, слѣдовательно спустя лѣтъ 30-ть послѣ совершенія событий, въ нихъ описываемыхъ. Не можетъ быть, — говорилъ г. Боголѣповъ, чтобы въ такое короткое время исторія Христа, виждась исключительно на устномъ преданіи, успѣла вылиться въ такую однообразную форму, какая господствуетъ въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ, чтобы за это время успѣлъ путемъ устнаго преданія только утвердиться типъ апостольскаго Евангелія. Диспутантъ въ своемъ сочиненіи образованіе синоптическихъ Евангелій со стороны *формы* ставитъ въ аналогію съ образованіемъ народныхъ былинъ, но народные былины, замѣтилъ оппонентъ, принимали однообразную форму въ теченіи многихъ десятилѣтій и даже вѣковъ. Итакъ что-нибудь одно: или наши синоптическія Евангелія произошли при помощи, кромѣ устнаго преданія, письменныхъ источниковъ, и тогда объяснимо скорое утвержденіе въ нихъ однообразнаго вида; или же, если въ основѣ ихъ лежитъ только устное преданіе, — они произошли гораздо позднѣе апостольскаго періода. Диспутантъ на это отвѣчалъ: развѣ не бываетъ, что рассказанное намъ однажды въ дѣтствѣ твердо и точно нами запоминается, а потомъ послѣ передается нами слѣдующему поколѣнію, которое въ томъ же точно видѣ передаетъ этотъ рассказъ поколѣнію дальнѣйшему и т. д., и что такимъ путемъ чисто устнаго преданія быстро слагаются въ цѣломъ народѣ извѣстныя однообразныя сказанія? Но оппонентъ выразилъ готовность свою согласиться только съ тѣмъ, что такъ и такъ скоро слагаться могутъ и слагаются краткія народныя сказанія о какихъ нибудь отдѣльныхъ событіяхъ, но не цѣльныя, законченныя и обширныя исторіи, богатыя притомъ разнообразнымъ содержаніемъ. — Другое замѣчаніе г. Боголѣпова состояло въ томъ, что съ точки зрѣнія теоріи устнаго апостольскаго преданія, какъ единственнаго источника нашихъ синоптическихъ Евангелій, рѣшительно необъяснимъ тотъ замѣчательнѣйшій фактъ, что эти Евангелія изображаютъ въ себѣ только *галилейскую* дѣятельность Иисуса Христа и вовсе опускаютъ то, что было въ Иудеѣ и что рассказано въ Евангеліи отъ Іоанна. Если наши евангелисты писали только на основаніи преданія (устнаго) апостоловъ, а апостолы конечно бесѣдовали съ вѣрующими и о томъ, что дѣлалъ и чему училъ Иисусъ Христосъ

въ Іудеѣ: то рѣшительно нельзя придумать причинъ, по которымъ всѣ три евангелиста не приняли на страницы своихъ произведеній извѣстныхъ имъ іудейскихъ исторій изъ жизни Христа. Оппонентъ призывалъ диспутанта объяснить эту особенность синоптиковъ съ точки зрѣнія защищаемой имъ теоріи. Естественно было ожидать отъ защиты отвѣта (хоть это, вѣроятно, и повело бы къ новому ряду вопросовъ), что таковъ былъ сложившійся типъ устнаго апостольскаго Евангелія, которое записали синоптики. Но диспутантъ сначала говорилъ, что синоптики записали только *галилейскую* дѣятельность Спасителя потому, что Спаситель преимущественно въ Галилеѣ дѣйствовалъ, а потомъ послѣ нѣсколькихъ перекрестныхъ вопросовъ, замѣтилъ: „какъ возможно отъ каждаго писателя спрашивать: почему онъ о томъ-то сказалъ, а объ этомъ-то умолчалъ?“ Этимъ диспутъ и закончился.

Настоящій диспутъ интересуетъ насъ не съ той стороны, какъ вели себя на немъ оппоненты или защита, почему мы нисколько и не сожалѣемъ, что не можемъ представить о немъ стенографически точнаго отчета. Важенъ этотъ диспутъ со стороны взгляда на вопросъ о происхожденіи синоптическихъ Евангелій, какой поддерживали всѣ три оппонента. До сихъ поръ въ нашей русской богословской литературѣ по этому вопросу исключительно господствовала теорія *устнаго* апостольскаго преданія, какъ *единственнаго* источника синоптическихъ Евангелій. Даже болѣе можно сказать: при неуясненномъ еще у насъ понятіи о вдохновеніи св. писателей опаснымъ казалось и выступить съ противною теоріею. Казалось, что всякое предположеніе о письменныхъ источникахъ Евангелій подрываетъ вѣру въ ихъ богодухновенность, ибо это значило предполагать для труда евангелистовъ обычные человѣческія средства. Правда, пользование устнымъ преданіемъ апостоловъ при написаніи Евангелій есть такое же человѣческое средство, какъ и пользованіе письменнымъ ихъ преданіемъ. Но таковъ былъ общепринятый взглядъ... Впрочемъ предоставляемъ подробное разъясненіе для и защиту своихъ взглядовъ самимъ специалистамъ.

N.

ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЪ НА ДУХОВЕНСТВО*).

Въ № 3-мъ „Церковнаго Вѣстника“ за 1877 годъ, прот. І. Я-мъ помѣщена была замѣтка подъ заглавіемъ: „Нѣчто изъ современной религіозной жизни протестантскихъ общинъ въ С.-Петербургѣ“. По поводу этой замѣтки нѣкто Ѡ. Т. обратился въ редакцію названнаго Вѣстника съ письмомъ, озаглавленнымъ словами: „Жалобы на духовенство“ и помѣщеннымъ въ № 5 того же Вѣстника и за тотъ же годъ. Въ письмѣ этомъ онъ, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ заботамъ, прилагаемымъ въ протестантствѣ къ облегченію душевныхъ недуговъ каждаго, ищущаго духовной помощи и опоры, сѣтуетъ на то, что у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Противъ такихъ сѣтованій возвысилъ голосъ составитель помянутой замѣтки въ своемъ „Отвѣтѣ на жалобы“, занявшемъ мѣсто вслѣдъ за письмомъ Ѡ. Т. Но отвѣтъ этотъ самъ І. Я. находитъ недостаточнымъ, говоря: „лучше всего могъ бы дать отвѣтъ кто-нибудь изъ приходскихъ священниковъ столицы (№ 5 Ц. Вѣст.)“.

Уже къ концу минувшаго года появился въ Православномъ Обзорѣннн разборъ книги „Кругъ поученій“ прот. Бѣлоцвѣтова,

*) Печатаемъ эту статью въ увѣренности, что читатели „Правосл. Обзорѣнн.“ по достоинству оцѣнятъ этотъ искренній и горячій, хотя нѣсколько и рѣвкій голосъ мірянина о дѣлѣ, столь важномъ для церкви и священномъ для духовенства: намъ надлежитъ внимать тому, что честно высказываютъ о нашемъ дѣлѣ члены церковнаго общества. *Ред.*

написанный П. Лебедевымъ, подъ названіемъ: „Современное русское проповѣдничество“, въ которомъ послѣдній указываетъ нашему бѣлому духовенству, сверхъ „требо-и обрядо-исправлений“, на другую дѣятельность—проповѣдническую. Тамъ же помѣщена статья Н. Лѣскова „Дикія фантазіи“, направленная уже противъ порицающихъ духовенство за его невниманіе къ духовнымъ нуждамъ мірянъ. За тѣмъ преосвященный Амвросій, новый викарій Московской епархіи въ рѣчи, произнесенной имъ 13 января текущаго года въ Святѣйшемъ Синодѣ, единственнымъ средствомъ къ разсвѣнію въ душахъ дѣтей церкви православной ихъ сомнѣній и колебаній, вредящихъ твердости и силѣ вѣры ихъ, предлагаетъ тоже проповѣдь. Но на жалобы, какія видимъ въ письмѣ Ѳ. Т., равно какъ и на отзывъ на нихъ прот. І. Я. отвѣта полного со стороны духовенства ни столичнаго, ни внѣстоличнаго до сихъ поръ еще не появлялось. Вызываемые великою важностію предмета съ одной и самимъ молчаніемъ тѣхъ, отъ кого тщетно ожидался желаемый отвѣтъ съ другой стороны, мы, въ ожиданіи все-таки отвѣта болѣе твердаго, беремъ смѣлость подать скромный голосъ изъ глуши далеко внѣстоличной и изъ среды вовсе недуховной. Не обходя молчаніемъ, гдѣ уместно, и того, о чемъ говорятъ въ своихъ статьяхъ какъ П. Лебедевъ и Н. Лѣсковъ, такъ и лица, скрывшія свои имена, и отдавая полную справедливость просвѣщенному взгляду викарія Амвросія, мы главнымъ образомъ посмотримъ: 1) въ чемъ заключаются жалобы, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ Ѳ. Т., также 2) въ какой мѣрѣ удовлетворителенъ на нихъ отвѣтъ прот. І. Я. и скажемъ нѣсколько словъ по тому и другому вопросу.

Первый и величайшій учитель нашъ—самъ Спаситель. Касательно того, какъ велика заслуга духовнаго учительства, Онъ возвѣщаетъ: „кто исполнитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ“ (Матѣ. 5. 19). И ученикамъ Своимъ какое велѣніе даетъ Онъ? Учить. „Идите“, говоритъ Онъ,—„научите всѣ народы“, какъ? „уча ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ“ (28. 19—20). Такимъ образомъ непосредственными продолжателями ученія Спасителя являются первые послѣдователи и ближайшіе ученики Его—апостолы. Отъ апостоловъ дѣло учительства перешло на епископовъ и священниковъ. И такъ дѣло священниковъ—не служить только, но и учить. Первое мы видимъ вездѣ, а послѣднее? Въ письмѣ Ѳ. Т. читаемъ: „бесѣды и лекціи у насъ нѣтъ въ С.-Петербургѣ, по край-

ней мѣрѣ для образованнаго класса жителей; хорошая проповѣдь иногда изрѣдка раздается“. Если въ столицѣ голосъ призывающій ко спасенію такъ недостаточно слышенъ; то въ мѣстахъ отдаленныхъ въ глуши уѣздной, станичной и сельской раздается еще рѣже, а есть и такіе уголки, гдѣ вовсе не слышенъ онъ. Отъ чего это? Скажутъ можетъ-быть, что вѣдь не всѣ же священники такъ образованы, чтобъ въ состояніи были писать бесѣды. Это правда. Но для такихъ у насъ есть готовые бесѣды, кромѣ Златоуста и другихъ древнихъ святителей, митрополита Филарета, архіепископа Иннокентія, протоіереевъ Путятина и Бѣлоцвѣтова и еще кое-кого изъ отечественныхъ проповѣдниковъ. Стоитъ только подготовиться предварительнымъ чтеніемъ дома, чтобъ потомъ внятно, ясно, по возможности выразительно прочесть въ церкви, и такимъ образомъ за немѣніемъ своего предложить въ назиданіе хоть чужое.

Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію и то, что между лицами занимающими мѣста священническія, въ наше время преобладаетъ число такихъ, которыя получили если не академическое, то по крайней мѣрѣ семинарское образованіе. Отъ чего же изъ этихъ, за исключеніемъ едва замѣтнымъ, одни очень рѣдко говорятъ бесѣды и притомъ только частію свои, частію же чужія по книжечкѣ, а другія не произносятъ никакихъ? Въ слушателяхъ недостатка нѣтъ. Каждый разъ, когда случалось намъ гдѣ-либо присутствовать при произнесеніи священникомъ проповѣди, находившіеся во храмѣ подвигались со всѣхъ сторонъ впередъ, чтобъ лучше разслышать проповѣдника. А одинъ изъ священниковъ постоянно по праздникамъ ведущій катихизическія бесѣды, видитъ передъ собою мірянъ не только своей, но и другихъ церквей, приходящихъ послушать его. Это впрочемъ единственный примѣръ постоянныхъ бесѣдъ въ нашихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ еще о комъ-либо, постоянно ведущемъ подобныя бесѣды съ прихожанами мы не слышали. Но и такіе, которые изрѣдка говорятъ проповѣди, едва замѣтны. Отъ чего бы это? Иногда это происходитъ отъ того, что нѣкоторымъ изъ священнослужителей въ городахъ произнесеніе бесѣдъ кажется трудомъ вовсе излишнимъ, въ томъ мнѣніи, что тѣ, кого стали бы учить они, учились же вѣдь закону Божію и значить сами знаютъ, какъ благоустроить свою жизнь согласно съ волею Божіею, что пришлось намъ слышать въ одной церкви изъ устъ проповѣдника, высокій санъ имѣющаго. Отговорка такая можетъ конечно имѣть въ виду только слушателей, принадлежа-

щихъ къ средѣ людей образованныхъ. Но и тутъ умѣстна ли она? Развѣ образованіемъ устраняется потребность въ духовномъ наставленіи? Конечно нѣтъ: съ одной стороны никакое преподаваніе закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ обыкновенно учатся ему, не можетъ во всей глубинѣ исчерпать слово Божіе и сдѣлать проповѣдь ненужною, а съ другой какъ бы ни былъ просвѣщенъ слушатель, житейскія заботы и свѣтскія развлеченія, отвлекая его вниманіе и помышленія отъ небеснаго и вѣчнаго и обращая ихъ только къ земному и временному, поселяютъ въ немъ безпечность въ отношеніи къ тому, что ведетъ ко спасенію, а такое расположеніе дѣлаетъ тѣмъ болѣе не лишнимъ слушаніе поученій, что послѣдніе приводятъ на память то, что хоть и предполагается уже извѣстнымъ, однакожь забыто и потому остается безплоднымъ для души. И первые великіе учителя, исполняя заповѣдь Спасителя, не только учили, но и прилагали особыя заботы къ тому, чтобъ наученные уже ими не забывали то, чему научены. Такъ апостолъ Петръ во 2-мъ посланіи своемъ указывая на то, что ведетъ cadaго въ царство небесное, присовокупляетъ: „я никогда не перестану напоминать вамъ о томъ, хотя вы то и сами знаете и утверждены въ содержимой вами истинѣ. Справедливымъ считаю, доколѣ нахожусь въ этомъ тѣлѣ, возбуждать васъ напоминаніемъ“ (1, 12—14). Тѣмъ же видимъ мы озабоченнымъ и апостола Павла въ 1-мъ его посланіи къ Коринѳянамъ. „Напоминаю вамъ“, пишетъ онъ, — „благовѣствованіе“, — какое? — то, „которое уже сообщилъ вамъ, которое уже приняли вы и въ которомъ утвердились, которымъ и спасаетесь, содержа ученіе, какое я благовѣствовалъ вамъ (15. 1—2)“. Таковы истинные свѣтели слова жизни. О подобныхъ учителяхъ совѣтуетъ апостолъ по смерти ихъ вспоминать и приводя на память наставленія ихъ, брать въ подражаніе вѣру ихъ. „Поминайте“, пишетъ онъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ, „наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе и смотря на кончину жизни ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ (8. 7)“. При жизни же ихъ велитъ онъ оказывать имъ повиновеніе и покорность, говоря въ томъ же посланіи: „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны“. Почему этого требуетъ онъ? „Потому“, отвѣчаетъ онъ, „что неусыпно пекутся они о душахъ вашихъ, такъ какъ должны будутъ дать отчетъ (8. 17)“. Посмотримъ вокругъ себя и спросимъ у другихъ: гдѣ у насъ подобные учителя, гдѣ подражатели столь высокихъ при-

мѣровъ заботливости наставниковъ о спасеніи наставляемыхъ ими? Невидимъ и не знаемъ.

Отъ чего большинство населенія нашего отечества составляютъ такіе недѣлимые, которые сами называютъ себя людьми темными, слѣпыми, то-есть полными неучами? Но отъ кого же научиться имъ, если безмолвствуютъ тѣ, чья прямая обязанность есть учить? Сколько разъ случалось встрѣчать въ простонародь дѣтей незнающихъ самыхъ краткихъ молитвъ, какова напр. молитва Иисуса. Причина ясная: родители сами не знаютъ, а учителя нѣтъ. Лица знакомыя съ первыми началами христіанскаго ученія въ этой средѣ составляютъ рѣдкость. Правда, такому недостатку духовнаго просвѣщенія помогаютъ и поодиночно священники и цѣлыя братства ихъ народными чтеніями и устными бесѣдами какъ съ прихожанами, такъ съ раскольниками, магометанами и язычниками. Особенно замѣтные плоды принесла просвѣтительная дѣятельность братства астраханскаго, содѣйствіемъ котораго крещено около 270 калмыковъ и построено среди новообращенныхъ двѣ церкви (Церк. Вѣстн. за 1878 г., № 15). И на Дону при бывшемъ тамъ передъ этимъ архіепископъ начали дѣло миссіонерства—чѣмъ? пожертвованіями, посѣщеніями калмыковъ, газетными описаніями этихъ посѣщеній; но далае этого не пошли. Знанія дѣла и полной готовности идти неуклонно къ избранной цѣли незамѣтно. Вотъ, кажется, и причина того, что задуманное обращеніе идолопоклонниковъ остановилось на точкѣ начинанія. А въ одномъ мѣстѣ отвергнувшіе Коранъ ради Евангелія явились даже отступниками отъ христіанства, возвратясь въ магометанство. Собесѣдованія съ раскольниками также не совсѣмъ успѣшны. Да и бесѣды съ прихожанами ведутся только въ нѣкоторыхъ, допустимъ даже во многихъ, но еще далеко, далеко не во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствуется въ нихъ нужда. Сколько есть такихъ темныхъ уголковъ, гдѣ нѣтъ учителей никакихъ—ни духовныхъ, ни школьныхъ. Если и существуютъ уже и не перестаютъ вновь открываться по селамъ и хуторамъ училища, то какъ много остается мѣстъ, гдѣ нѣтъ ихъ, и какъ незначительно еще въ простомъ народѣ число грамотныхъ сравнительно съ числомъ вовсе безграмотныхъ?

Нравственное состояніе тѣхъ, которые при безграмотности своей, не наученные началамъ христіанской нравственности книжно, не слышатъ и устныхъ наставленій, очень неутрадно. При отсутствіи всякаго наставленія распространенію пороковъ

нѣтъ удержу. Кто не знаетъ, какъ распространено въ простонародѣ пьянство, которымъ многіе даже тщеславятся и не будучи еще пьяны притворяются пьяными? Такъ видъ пьянаго нравится имъ. Что располагаетъ ихъ къ этому? Примѣръ. А кто останавливаетъ? Никто. Еще болѣе обыкновенны въ мужской половинѣ всѣхъ возрастовъ и особенно въ нетрезвомъ видѣ дикая брань поматерно и омерзительное сквернословіе, которымъ оглашаютъ и поля, и лошади, и улицы, и жилища, не стыдясь ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Кто вразумляетъ ихъ, что это бессмысленно, безнравственно и безчино? Кажется, никто. И противъ безразсудной привычки прибѣгать, часто безъ всякой нужды, къ божбѣ и клятвамъ кто возвышаетъ голосъ? Тоже никто. Спросимъ также: какъ проводятся у насъ праздники и принимаются ли дѣйствительныя мѣры какъ противъ торжищъ, собирающихся въ эти дни во время самаго совершенія богослуженія во храмъ, такъ еще болѣе противъ разнаго рода безчинствъ, съ которыми проводятся дни воскресные и вообще праздничные? Что сказать въ отвѣтъ на это? Всякій знаетъ. Присовокупимъ къ этому укоренившіеся повсюду ложь, обманъ и стремленіе къ наживѣ безъ разбора средствъ. И науку и законъ и совѣсть, сказалъ кто-то, прибрала безнравственность въ свои руки, наклоня ихъ въ ту сторону, гдѣ больше выгоды для кармана. Хоть это видимъ мы, конечно не всегда и не вездѣ сплошь, но видимъ, и притомъ ужъ слишкомъ нерѣдко. Думали ослабить зло, выводя темное на свѣтъ, и принялись было обличать злоупотребленія властію. Но, посмотрѣвъ внимательно вокругъ себя и увидѣвъ, что корень зла лежитъ въ томъ же самомъ обществѣ, изъ котораго выходятъ злоупотребляющіе властію, всѣ запускающіе свои руки въ ящики съ деньгами казенными, церковными или вѣренными имъ какимъ-нибудь обществомъ или учрежденіемъ, всѣ взяточники и грабители, всѣ возвышающіе кумовой и пройдохъ, всякая моющая руку руку, всѣ прикрыватели и поблажатели вредныхъ для общества пороковъ и защитники неправдъ и преступленій изъ-за личныхъ выгодъ и расчетовъ, — увидѣвъ это, оставили безплодныя обличенія сбившихся съ прямой дороги, изъ которыхъ одни, занявъ мѣсто Климьча, при чтеніи имъ про взятки киваютъ украдкой на Петра, а другіе, имѣя уши, какъ бы не слышать, и имѣя глаза, какъ бы не видятъ. Такая дремота оковала разумъ, такое отупѣніе охватило чувства ихъ.

Что же можетъ мракъ невѣдѣнія разсвѣять или отъ нравственнаго усыпленія пробудить такъ, какъ слово Божіе? И кому быть просвѣтителемъ и пробудителемъ, если не священнику, которому, какъ служителю Божію и молитвеннику, всего ближе, всего свойственнѣе къ тѣмъ, за кого возсылаетъ молитвы онъ, обратиться со словомъ истины, со словомъ спасительнаго участія, совѣта и назиданія, краткимъ и согрѣтымъ любовію и искреннимъ благожеланіемъ, не прибѣгая ко властямъ, не приглашая „къ содѣйствію въ исправленіи нравственности волостное правленіе,“ какъ постановлено одною изъ консисторій для прекращенія блудныхъ сожитій (Ц. Общ. Вѣстн. за 1878 годъ № 8), и ужь конечно не доходя до тѣхъ видовъ внѣшняго принужденія, употребленіе которыхъ одинъ изъ священниковъ въ своемъ письмѣ въ редакцію Телеграфа считаетъ законнымъ и священнымъ, утверждая, что „розги, сельская холодная, цѣпи, тюрьмы, Сибирь... все, все законно и священно, такъ какъ направлено къ тому, чтобы обуздывать зло, развратъ и тѣмъ избавлять цѣлыя общества не только отъ временныхъ бѣдъ, но и отъ вѣчныхъ мукъ (Телегр. за 1878 г. № 49). Спасенія достигать предлагается словомъ Божіимъ—путемъ свободной вѣры и покоренія собственной воли волѣ Божіей, а не внѣшняго насилуванія, какъ и Христосъ никого не заставлялъ принудительными мѣрами принимать ученіе Его. Священникъ можетъ учить и въ церкви—въ видѣ воскресныхъ и праздничныхъ поученій, катихизическихъ объясненій, негласнаго убѣжденія и внушенія на исповѣди, и дома, да и по другимъ мѣстамъ,—въ видѣ краткихъ объясненій и бесѣдъ. Спаситель училъ во храмѣ, въ синагогахъ, на мѣстахъ открытыхъ, по домамъ и вообще гдѣ находилъ это удобнымъ. Почему же и священнику не учить вездѣ, гдѣ только представится удобный случай? На это скажутъ можетъ быть, что повести такъ дѣло исполненія обязанностей священника было бы очень трудно. Не споримъ, но не всегда исполняется; только то, что легко исполнить. Притомъ не все же тутъ такъ трудно, это первое, а второе непосильнаго или вообще почему либо невозможнаго для исполненія нельзя и требовать.

Иные въ лицахъ, принадлежащихъ къ образованному обществу, замѣчаютъ нерасположеніе къ слушанію православной проповѣди и относятъ это къ крайней свѣтскости воспитанія. Такъ прот. А. С.—въ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ № 18 Ц. Вѣстн. за 1878 годъ, говорить: „слабость религіознаго образо-

ванія, замѣчаемая въ нашемъ свѣтскомъ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ приноситъ горькіе плоды: въ однихъ, преимущественно въ мужчинахъ, какое-то странное и ложное равнодушіе ко всему, что называется религіею и церковью, или прямое, хотя ни на какомъ разумномъ убѣжденіи не основанное невѣріе; въ другихъ, большею частію въ женщинахъ, жалкое тревожное и суетливое ханжество;.. первый иностраннѣйшій проповѣдникъ, подмѣтившій ихъ настроеніе, свободно эксплуатируетъ его и уловляетъ ихъ въ свои сѣти, будетъ ли то католическій патеръ, протестантскій пасторъ или методистскій лордъ-апостоль, ирвингянскій евангелистъ (стр. 9).⁴ Мы этого не отрицаемъ; но спросимъ: если при воспитаніи свѣтскою стороною занялись по преимуществу и въ ущербъ духовной, то въ возможное восполненіе недостаточности неоспоримо важной для каждаго духовной стороны образованія слышится ли у насъ изъ устъ проповѣдниковъ что-нибудь достаточно сильное для того, чтобы возбудить вниманіе тѣхъ, въ комъ замѣчается нерасположеніе слушать ихъ? Вопросъ очень немаловажный; только отвѣтъ на него придется, къ сожалѣнію, дать скорѣе отрицательный, чѣмъ утвердительный. Помянутый прот. А. С.—въ считаетъ— „крайне несправедливымъ жаловаться на недостаточность у насъ хорошихъ проповѣдниковъ (тамъ же).“⁴ Но гдѣ же они? Если насчитается шесть—семь сколько-нибудь извѣстныхъ, какъ хорошихъ, современныхъ намъ отечественныхъ проповѣдковъ; то кажется и все тутъ. Гдѣ же несправедливость? Впрочемъ онъ самъ же въ слѣдъ за приведенными нами передъ нимъ словами его продолжаетъ: „но нельзя не сознаться, что развитіе проповѣдничества вообще у насъ довольно слабо (стр. 9).“⁴ И потомъ дополняетъ: „можетъ статься, и теперь многія изъ великосвѣтскихъ дамъ не увлекались бы французскими проповѣдниками, лордами-апостолами и ирвингянскими евангелистами, съ которыми даже причащаются виѣтъ (причащаясь и въ своей церкви!), переводя и распространяя въ своемъ кругу ихъ сочиненія, еслибы солидною проповѣдью были наставляемы въ своей стѣнѣ, узнавали и учились цѣнить ея высокое достоинство (стр. 10).“⁴ Вотъ въ томъ-то и дѣло, что этой солидною, просвѣщенной, будящей, разъясняющей, убѣждающей, исправляющей, назидательной проповѣди нѣтъ.

П. Лебедевъ въ статьѣ „Русское проповѣдничество“ съ одной стороны неуспѣшность проповѣди относитъ къ тому, что на священника привыкли смотрѣть какъ только на „требо“ и

„обрядо-исправителя“ — не болѣе, а съ другой онъ причину нерасположенія просто народа къ слушанію проповѣди видитъ въ недостаточномъ „развитіи“ въ послѣднемъ „способности воспріятія и усвоенія нравственно-религіозныхъ истинъ (стр. 691).“ Если такъ, то эту недостаточно развитую способность и слѣдуетъ развить болѣе катихизическими бесѣдами и устными объясненіями въ словахъ и выраженіяхъ понятныхъ для слушателей; уча же, не довольствоваться словомъ, но и слѣдить за тѣмъ, чтобъ начала христіанской нравственности проводить въ жизнь, слѣдуя апостолу, который велитъ „настаивать во время и не во время, обличать, угрожать, увѣщевать со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ (2-е къ Тим. 4. 2);“ какъ и самъ составитель названной статьи считаетъ обязанностію проповѣдника „будить сознаніе и жизнь и поддерживать ихъ въ состояніи бдѣнія (стр. 697).“

Сравнивая дѣло просвѣтителя съ дѣломъ огородника, Н. Лѣсковъ въ статьѣ „Дикія фантазіи“ говоритъ, что хотя бы онъ сдѣлалъ со своей стороны и все необходимое для того, чтобъ сѣмя вошло; но... въ воздухѣ можетъ случиться нѣчто такое, что мѣшаетъ всходамъ (стр. 504).“ Но дѣло въ томъ,—что можетъ въ воздухѣ случиться, то обстоятельство случайное и помѣха всходамъ не обыкновенная; мы же говоримъ о веденіи дѣла обыкновенномъ и объ уходѣ, лежащемъ всегда на обязанности священника—просвѣтителя, а этого-то смотрѣнія, этого-то ухода и не видимъ. Да и случайныя препятствія должны же предполагаться и вызывать противъ себя надлежащія мѣры: много ли есть такихъ дѣйствій, которымъ не было бы и противодействій? И чѣмъ выше цѣль дѣйствій, тѣмъ больше и противодействій, тѣмъ труднѣе путь. А кто пугается препятствій, тотъ и не берись. И такіе дѣйствительно или вовсе не берутся за дѣло или плохо берутся за него. Трудящійся же съ любовью и терпѣніемъ увидитъ и плоды трудовъ своихъ. Впрочемъ и въ малой мѣрѣ, но не для вида только, дѣлать все лучше, чѣмъ ничего недѣлать.

Въ другомъ мѣстѣ составитель названной передъ этимъ статьи говоритъ, что русскій простолюдинъ, „взявшись за религіозное чтеніе, никогда не отстанетъ отъ книгъ этого рода и нерѣдко достигаетъ начитанности самой твердой и замѣчательной.“ И отсюда дѣлаетъ выводъ, что „наше просто народье—очень удобная почва для добрыхъ сѣмянъ и что атмосфера ее обвивающая не благопріятствуетъ всходамъ (стр. 510).“ Но почему

всходить-то. Кѣмъ посѣяно то, чему всходить? Этого-то, къ прискорбію, и нѣтъ. А гдѣ нѣтъ сѣятелей и рачителей о посѣянномъ, тамъ и „благораствореніе воздухонъ“ не въ пользу. И потому нечему удивляться, слыша, что въ ранцахъ солдатъ мѣсто Евангелія занимаетъ Ерусалая или Бова, хотя бы кто-нибудь и выдалъ имъ безмездно книжки Новаго Завѣта и хотя многіе изъ нихъ сами охотно покупали эти книжки у книгоношъ (стр. 509). Бездѣйствіе священниковъ просвѣтителей во многихъ мѣстахъ такъ обычно, что на проповѣдь смотрятъ уже какъ на что-то лишнее и напрасное, а потому и неудивительно, если не расположены слушать ее. Значить, причина-то нерасположенія этого кроется первоначально и главнымъ образомъ въ священникахъ, а затѣмъ уже и въ прихожанахъ. Нерасположеніе же это ослабляетъ ту силу нравственнаго воздѣйствія на другихъ, которая необходима для нихъ, какъ для священниковъ-просвѣтителей.

Но есть еще иная причина слабости нравственнаго воздѣйствія духовенства на прихожанъ. Священникъ N. N. въ № 13 Ц. Вѣстн. за 1878 годъ говоритъ: „Тѣмъ изъ насъ, которые смотрятъ на свою службу, какъ только на средство къ собранію своихъ скудныхъ крохъ (а такіе есть, въ этомъ къ сожалѣнію надобно признаться), тѣмъ конечно трудно опираться на свое нравственное значеніе среди паствы, а еще болѣе тѣмъ, которые имѣли несчастіе подать поводъ къ сомнѣніямъ прихожанъ въ ихъ благоповеденіи. Не могутъ истинно пастьерски дѣйствовать и тѣ мнимые любимцы прихожанъ— священники, которые снискали себѣ въ приходѣ популярностъ, братаясь съ духовными чадами своими за чарной водки, въ состязаніяхъ за зеленымъ столомъ и т. п. Морально воздѣйствовать на приходъ и въ особенности мѣрами пастьерскаго суда можетъ только священникъ, который ясно сознаетъ свои задачи, свой долгъ и свое назначеніе (стр. 5).“ Вотъ безпристрастный языкъ священника, языкъ, движимый яснымъ сознаніемъ высоты своего призванія и духомъ любви и истиннаго благожеланія ближнему. И думаешь, что еслибъ довелось написавшему такъ-названнаго „Дикія фантазіи“ увидѣть или услышать частіцу того что совершается подъ часъ духовными отцами и учителями, какъ напр. хоть бы недавно слышанный нами рассказъ о томъ, какъ два упившіеся на одной общественной закускѣ священника вступили межъ собою открыто въ рукопашный бой: то съ мѣста защит-

ника обвиняемыхъ вѣроятно подался бы онъ хоть на шагъ назадъ и уступилъ бы кое въ чемъ, припомнивъ глубоко поучительныя слова апостола: еслибы мы судили сами себя, то не были бы судимы (1-е къ Кор. 11. 31).“ Не споримъ, что есть обвинения неосновательныя и неумѣстно придиричныя, къ числу каковыхъ относятся и тѣ различныя намеки и придирки, которые собраны въ помянутой статьѣ. Но желательно, чтобъ какъ подобныя, такъ и болѣе вѣскія обвинения опровергались не столько бойкимъ словомъ задѣтаго защитника, сколько самою жизнію и дѣятельностію духовенства, этого свѣта міра. И когда свѣтъ его, по словамъ Спасителя, сталъ бы свѣтить передъ людьми такъ, что видимы были бы добрыя дѣла его и прославляться сталъ бы Отецъ нашъ небесный (Мате. 5. 16): тогда узнали бы иную, болѣе могучую силу нравственнаго воздѣйствія духовенства на прихожанъ; тогда съ наибольшимъ расположеніемъ послушали бы и слово.

Желательно, чтобы о томъ, когда и на какой предметъ предполагается сказать слово, дѣлалось напередъ извѣстнымъ во всемъ при маломъ населеніи словесно, а въ значительныхъ городахъ чрезъ газетъ или особыя объявленія. Въ С.-Петербургскомъ Евангелическомъ Воскресномъ Листкѣ за 1877 годъ въ отдѣлѣ „церковный указатель“ въ каждомъ номерѣ перечисляются с.-петербургскія отдѣльныя и домовыя протестантскія церкви, съ указаніемъ, въ какіе дни и часы проносятся въ нихъ проповѣди, принимается исповѣдь и объясняется Библія (Церк. Вѣсти. за 1877 г., № 3, стр. 13). Почему бы и у насъ не ввести чего-нибудь изъ этого? Но если что особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе наше, такъ это приглашеніе, съ которымъ въ послѣдней статьѣ № 2 помянутаго Воскреснаго Листка ученый пасторъ Далтонъ обращается ко всемъ желающимъ являться каждую среду вечеромъ къ нему въ домъ для посильнаго разрѣшенія вопросовъ и недоумѣній въ дѣлахъ вѣры и совѣсти. Чтобы спокойнѣе разобрать и основательнѣе обсудить предметы недоумѣній, онъ проситъ посѣтителей,—изложивъ свои вопросы на бумагѣ, опускать въ ящикъ при его квартирѣ и потомъ уже въ назначенный день слушать его отвѣты (Церк. Вѣсти. за 1877 г., № 3, стр. 14). Какъ бы благодѣтельны, какъ бы душеполезны могли быть такія приглашенія для инаго сомнѣвающагося сына православной церкви! Но у насъ „всѣ тѣ“, говорить въ своемъ письмѣ О. Т., „которые борются и которые по этому особенно нуждаются въ поддержкѣ и духовномъ пособіи,

остаются безъ живой помощи, не находятъ этого пособія, по крайней мѣрѣ въ живомъ словѣ. Католики, лютеране, реформаторы идутъ на встрѣчу колеблющимся, сомнѣвающимся, ищущимъ, стремясь облегчить обрѣтеніе вѣры, а у насъ (Церк. Вѣстн. за 1877 г., № 5, стр. 11)? Да, у насъ этого пока не видимъ. Но вотъ возвышается голосъ на защиту православныхъ священнослужителей. Послушаемъ.

„Быть не можетъ“, гласить въ своемъ отвѣтѣ отецъ прот. І. Я., „чтобы православный священникъ, не говоря уже объ епископахъ, въ С.-Петербургѣ не далъ серьезнаго и разумнаго отвѣта своему духовному сыну, ищущему у него помощи въ своей религіозной нуждѣ (Церк. Вѣстн. за 1877 г., № 5, стр. 12)“. На слова такъ смѣло, съ такою увѣренностію произнесенныя, осмѣлимся замѣтить, что какъ видъ С.-Петербурга, такъ, думаемъ, и въ этомъ городѣ, найти священника, обладающаго такимъ запасомъ свѣдѣній, съ какимъ не затруднился бы онъ во всякое время дать удовлетворительный отвѣтъ на всякій вопросъ сомнѣвающагося, не говоримъ—совсѣмъ невозможно, но полагаемъ, что и весьма не легко. На это, можетъ быть, также смѣло и также голословно возразятъ: быть не можетъ! или съ недоумѣніемъ спросятъ: это жъ почему? Такимъ мы сказали бы только: не разъ приходилось вопрошающему слышать отъ просвѣщеннаго духовнаго лица въ отвѣтъ или откровенное признаніе въ невѣдѣніи, или совѣтъ обратиться къ епископу. А если епископъ и тамъ же получилъ образованіе и ту же ученую степень имѣеть, какъ и вопрошаемый священникъ, который сверхъ того еще, можетъ стать, много лѣтъ преподаетъ законъ Божій въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, то есть ли тутъ достаточное основаніе ожидать искомаго отвѣта отъ перваго, когда не можетъ дать его послѣдній? Прибавимъ къ этому, что какъ съ одной стороны и ученая-то степень не всегда соответствуетъ объему дѣйствительныхъ познаній лица, эту степень носящаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и независимо отъ ученой степени много ли найдется изъ образованныхъ священнослужителей такихъ, которые постоянно слѣдили бы за ходомъ развитія наукъ богословскихъ и прилагали бы къ свѣдѣніямъ свѣдѣнія? такъ съ другой чѣмъ дагѣе опускаться станемъ въ глубь изслѣдованій, тѣмъ чаще придется намъ встрѣчать такіе вопросы, рѣшить которые въ мочь не только не питомцу семинаріи, но и не всякому изъ тѣхъ, которые носятъ высокія ученые степени, хотя бы это было даже и

въ С.-Петербургѣ. Во всякомъ же случаѣ и гдѣ бы то ни было, ясный и опредѣленный отвѣтъ на какой-нибудь трудный вопросъ сомнѣвающагося можетъ дать иной разъ вопрошаемый не прежде, какъ самъ поосновательнѣе разобравъ и зрѣло пообдумавъ предметъ недоразумѣнія, а на это потребно иногда нѣкоторое время, да, можетъ быть, и еще кое-что.

Въ замѣнъ оказанія дѣйствительной духовной помощи сомнѣвающемуся, прот. І. Я. предлагаетъ въ назиданіе церковное богослуженіе и чтенія псалмовъ, пророчествъ, евангелій и апостольскихъ посланій, не возбраняя желающему и самому стать на мѣсто чтеца (№ 5, стр. 11). Никто, надѣмся, не станетъ возражать противъ благодѣтельнаго дѣйствія богослуженія на душу молящагося; но этимъ еще не разрѣшается вопросъ сомнѣющагося. Что же касается чтеній церковныхъ, то многія чтенія возвышенныя и поучительныя ведутся зачастую такъ однозвучно, скороговорочно, невнятно, что не допускають и мысли о томъ, чтобъ не только найти въ нихъ разрѣшеніе какого-либо вопроса, но даже и получить отъ нихъ какое-нибудь назиданіе. Замѣнить же такія чтенія церковнослужителей ясными, внятными и одушевленными чтеніями лицъ постороннихъ очень трудно по той простой причинѣ, что псаломщики, чтецы и пѣвцы церковныя знаютъ порядокъ, въ какомъ ведутся всѣ церковныя службы, будучи приготовлены къ тому долговременнымъ и каждодневнымъ участіемъ въ дѣйствіи служенія или же не только участіемъ, но и наукою, избравъ церковнослуженіе дѣятельностію для себя исключительною и служебною, тогда какъ постороннее лице, отвлекаемое отъ церковныхъ службъ ремесленными или торговыми или служебными или другими внѣцерковными занятіями, не имѣетъ для узнанія порядка чтеній достаточнаго времени или здоровья, а иной разъ и способности къ такому чтенію, при всемъ желаніи помочь дѣлу личнымъ участіемъ.

Итакъ возраженіе прот. І. Я. оказывается построеннымъ на основаніи нетвердомъ. Находя самъ „невозможнымъ указать какое-либо одно опредѣленное врачество“, онъ не сомнѣвается однакожъ въ томъ, что „научно развитые люди будутъ искать рѣшенія смущающихъ ихъ религіозныхъ сомнѣній въ научно-богословской письменности“, а „менѣе строгіе мыслители“ — въ „твореніяхъ древнихъ святыхъ отцевъ церкви“ и нашихъ позднѣйшихъ отечественныхъ святителей (Ц. Вѣст. за 1877 г. № 5, стр. 12)“. Но для этого нужно имѣть цѣлую бібліотеку однихъ богословскихъ и святоотеческихъ сочиненій, на что не у каждого

хватить средствъ. При недостаткѣ книжныхъ пособій въ столицныхъ и въ некоторыхъ губерскихъ, особенно университетскихъ, городахъ можно обратиться къ публичной, университетской или другой какой-либо богатой библиотекѣ; но въ такихъ городахъ прибѣгнуть не къ чему, а церковныя библиотекы, сколько знаемъ мы ихъ, такъ скудны, что обращаться къ ихъ помощи—напрасный трудъ. На вопросъ же: всегда ли и вполнѣ ли могутъ и въ столицахъ извѣстныя православно-богословскія сочиненія успокоить всякаго сомнѣвающагося? отвѣчать утвердительно не рѣшаемся.

Желающій блага ближнему и дорожающій его спасеніемъ не останется равнодушнымъ къ его душевнымъ недугамъ. Но мы видимъ напротивъ равнодушіе. *Ө. Т.* въ поминутомъ письмѣ въ редакцію выражаетъ свою скорбь объ этомъ равнодушіи, говоря: „и наша церковь и наше общество ужасающимъ образомъ равнодушны ко всѣмъ честнымъ духовнымъ борцамъ сердца и ума“ (*Цер. Вѣст.*, № 5, стр. 11). Это въ С.-Петербургѣ. У насъ же, вдали отъ столицъ, что видимъ? Въ отвѣтъ на это утѣшительнаго сказать пришлось бы очень немного.

Спаситель называетъ Себя пастухомъ добрымъ и объясняетъ: „пастухъ добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ“ (*Іоан. 10, 11*). При пастухахъ добрыхъ и заботливыхъ не пребывалъ бы у насъ въ столь темномъ невѣжествѣ народъ; при пастухахъ такихъ не укоренились бы въ немъ такъ глубоко пороки. „Непастухъ“, присовокупляетъ Учитель, „которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка, и оставляетъ овецъ и бѣжитъ, и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ“ (*10. 12*). При такихъ-то пастухахъ, — пастухахъ, нерадящихъ о вѣрренныхъ ихъ смотрѣнію овцахъ словесныхъ, когда являются ересеучители и расколочители, овцы отдѣляются отъ своего стада и переходятъ въ ереси и расколы, которые растутъ и размножаются предъ глазами пасущихъ. Вотъ вблизи отъ насъ, всего верстахъ въ двадцати пяти, населеніе въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человекъ, изъ которыхъ въ не очень давнее время не было ни одного отдѣлившагося отъ церкви; а теперь едва ли наберется половина православныхъ, остальные же всѣ состоятъ въ расколѣ. По словамъ старожиловъ, причина отдѣленія такого множества отъ церкви заключается въ невѣжествѣ, а главное—въ неприглядной, въ нравственномъ отношеніи, жизни священниковъ. У насъ свѣжи еще въ памяти два примѣра совращенія и одинъ добровольнаго перехода изъ православія въ расколъ въ другомъ также недалѣ-

немъ населеніи, происшедшихъ отчасти по другимъ, не всегда легко устранимымъ причинамъ, отчасти же и по безопасности духовенства.

Еслибы замѣтки, мнѣнія и желанія, нами изложенныя, не подошли подъ взглядъ кого-либо изъ тѣхъ, служебной дѣятельности которыхъ касаются они, то такнхъ попросилъ бы я только подумать, не могутъ ли и къ нимъ отнесены быть слова, которыми отъ лица Божія грозить пророкъ Іезекиль, говоря: „пасли пастухи самихъ себя, а овецъ Моихъ не пасли: вотъ Я на пастуховъ“ (34 8 и 10).

И. АРХИПОВЪ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА *).

Среди попеченій духовнаго правительства о благоустройствѣ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ юношество къ служенію Церкви и духовному просвѣщенію, заботливое вниманіе обращено было и на женскія училища духовнаго вѣдомства, предназначенныя служить образованію дочерей духовенства и получающія особое значеніе при современной потребности женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

Заведенія сія попрежнему раздѣлялись на два рода: одни изъ нихъ имѣли счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы и получали (за исключеніемъ одного Кіевскаго, содержащагося на мѣстныхъ средства) содержаніе изъ суммъ Святѣйшаго Синода; другія ввѣрены ближайшему попеченію епархіальнаго духовенства и содержались на средства, изыскиваемые духовенствомъ каждой епархіи. Число заведеній перваго рода въ минувшемъ году увеличилось присоединеніемъ къ нимъ женскаго училища, существовавшего съ 1860 г. въ мѣстечкѣ Паричахъ, Бобруйскаго уѣзда, Минской епархіи. Училище это, учрежденное вдовою генерал-маіора Пушиною на собственныя ея средства, существовало на особомъ положеніи, находясь подъ непосредственнымъ христіански-попечительнымъ руководствомъ учредительницы и не имѣя ни опредѣленныхъ правилъ для руководства, ни опредѣленныхъ способовъ къ содержанію, кромѣ ежегодно жалуемыхъ Государынею Императрицею 1.300 руб. и пособія изъ духовно-учебнаго капитала по 3.000 руб. въ годъ. Въ 1875 году учредительница Паричскаго училища, представивъ составленные ею проекты устава и штата сего заведенія, ходатайствовала какъ объ утвержденіи этихъ проектовъ, такъ и о принятіи училища подъ Августѣйшее покровительство Ея Величества. По надлежащемъ исправленіи означенные проекты, какъ составленные примѣни-

*) Извлеч. изъ отчета г. оберъ-прок. Св. Синода за 1876 г.

тельно къ уставамъ и штатамъ прочихъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, имѣющихъ счастье пользоваться Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни императрицы, были одобрены Святѣйшимъ Синодомъ, который положилъ: ежегодно отпускать изъ состоящаго въ его вѣдѣніи капитала духовенства западнаго края сумму въ 3.905 руб., недостающую на покрытие расходовъ, исчисленныхъ по проекту штата Паричскаго училища съ преобразованиемъ онаго въ 6-ти классное. Затѣмъ, въ 23 день октября 1876 года Государь императоръ удостоивъ Высочайшаго утвержденія проекты устава и штата Паричскаго училища, всеиждивѣйше соизволилъ и на принятіе сего училища подъ августѣйшее покровительство Государыни императрицы.

Прочія одиннадцать училищъ духовнаго вѣдомства, имѣющія счастье состоять подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества, неуклонно слѣдуя по начертанному для нихъ пути и успѣшно выполняя свое назначеніе, продолжали доставлять своимъ воспитанницамъ, дочерямъ духовенства, достаточное образованіе, соответствующее ихъ положенію и проникнутое высоко-нравственнымъ направленіемъ. Между тѣмъ, сообразно открывавшимся потребностямъ сихъ заведеній, Святѣйшимъ Синодомъ предпринимаемы были, съ Высочайшаго соизволенія августѣйшей ихъ Покровительницы, нѣкоторыя распоряженія для большаго ихъ благоустройства въ учебномъ и экономическомъ отношеніяхъ, или для открытія къ нимъ большаго доступа нуждающимся въ образованіи дочерямъ духовенства. Мнѣю общюю для всѣхъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, пользующихся Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества, было послѣдовавшее въ прошломъ году постановленіе относительно производства въ нихъ приѣмныхъ испытаній, которыхъ дотоле не было установлено. Принимая во вниманіе, что большинство епархіальныхъ преосвященныхъ, въ ближайшемъ вѣдѣніи коихъ находятся эти училища, высказалось за необходимость производства предварительнаго испытанія дѣтямъ, поступающимъ въ оныя, — такъ какъ неподготовка дѣтей къ обученію въ училищахъ влечетъ за собою неизбѣжныя затрудненія въ ходѣ учебнаго дѣла, — и имѣя затѣмъ въ виду, что элементарный курсъ перваго класса означенныхъ училищъ не требуетъ большой подготовки для усвоенія преподаваемаго въ ономъ, Святѣйшій Синодъ положилъ: поступающимъ въ женскія училища духовнаго вѣдомства дѣтямъ, производить предварительное испытаніе, ограничивъ оное умѣньемъ читать и знаніемъ молитвъ: „Царю небес-

ный“, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво, радуйся“. Въ устраненіе же затрудненій отъ двукратныхъ поѣздокъ, нерѣдко изъ другихъ епархій, родителей или родственниковъ съ дѣтьми для представленія ихъ сначала къ испытанію, а потомъ къ поступленію въ училища, Святейшимъ Синодомъ постановлено предварительно составлять училищнымъ начальствамъ попрежнему порядку списокъ дѣвицъ подлежащихъ поступленію, а за тѣмъ производить испытаніе и приѣмъ въ училища при началѣ учебнаго года, и по составленіи списковъ дѣвицъ, удостоенныхъ приѣма, представлять эти списки на Высочайшее Государыни Императрицы утвержденіе, въ ожиданіи коего начинать съ назначенными къ приѣму въ училища учебный курсъ.

Изъ распоряженій, насавшихся того или другаго училища въ отдѣльности, могутъ быть упомянуты слѣдующія. По ходатайству преосвященнаго Подольскаго, засвидѣтельствовавшаго, что число дѣтей, желающихъ поступить въ тамошнее женское училище своекоштными пансіонерками, значительно превышаетъ положенную штатомъ онаго норму для нихъ (45), съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, разрѣшено увеличить въ означенномъ училищѣ штатъ своекоштныхъ воспитанницъ на 30 вакансій, по 10 въ каждомъ классѣ.

Въ Могилевское женское училище, согласно ходатайству преосвященнаго и просьбѣ духовенства, дозволено принимать до 20 приходящихъ своекоштныхъ воспитанницъ. Мѣра эта допущена по вниманію, съ одной стороны, къ тому, что въ Могилевскомъ училищѣ, при недостаткѣ помѣщенія для жительства воспитанницъ, сверхъ числа ихъ опредѣленнаго штатомъ, имѣется недостаточное помѣщеніе для ихъ обученія, а съ другой—къ тому, что представилась возможность обезпечить квартирную жизнь приходящихъ воспитанницъ вполне удовлетворительнымъ образомъ,—именно: нѣкоторыхъ изъ нихъ изъявили готовность принять къ себѣ на житье два священника—наставники училища, а другихъ—монахини Буйницкаго монастыря, въ которомъ помѣщается училище.

Въ Полоцкомъ женскомъ училищѣ, съ Высочайшаго Его Величества разрѣшенія, увеличенъ взносъ за содержаніе своекоштныхъ воспитанницъ до 85 руб., вмѣсто 70 руб. Мѣра эта принята была, по заявленному духовенствомъ Полоцкой епархіи желанію, въ видахъ лучшаго обезпеченія училища въ матеріальномъ отношеніи.

При развивающейся болѣе и болѣе въ средѣ духовенства, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, потребности женскаго образованія, развиваются и постепенно приобрѣтаютъ большее благоустройство и епархіальныя женскія училища. Какъ усматривается изъ годичныхъ отчетовъ о состояніи этихъ заведеній и отзывы членовъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, обозрѣвавшихъ въ минувшемъ году нѣкоторыя изъ нихъ (Полтавское, Смоленское, Черниговское, Вятское и Московское—Филаретовское),—учебно воспитательное дѣло въ нихъ поставлено и ведется вообще удовлетворительно. Нѣкоторое затрудненіе къ большому улучшенію учебной части въ этихъ заведеніяхъ встрѣчается со стороны ограниченности матеріальныхъ средствъ для достаточнаго вознагражденія преподавателей, получающихъ нынѣ лишь по 35 руб. за годовую часъ, вслѣдствіе чего во многихъ училищахъ замѣчается частая смѣна преподавателей, болѣе или менѣе неблагоприятно отражающаяся на ходѣ учебнаго дѣла. Принимая во вниманіе, что для лучшаго благоустройства епархіальныхъ женскихъ училищъ въ учебномъ отношеніи весьма желательно замѣщеніе преподавательскихъ вакансій въ нихъ окончившими курсъ воспитанниками духовныхъ академій, Святѣйшій Синодъ въ минувшемъ году постановилъ, чтобы служба таковыхъ воспитанниковъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ зачислялась въ срокъ обязательной службы ихъ по духовно-учебному вѣдомству.

Съ каждымъ годомъ возрастающее число учащихся въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ и вызываемое этимъ явленіемъ открытіе параллельныхъ классовъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также постепенное преобразование трехклассныхъ училищъ въ шестиклассныя, — все это свидѣтельствуетъ, что епархіальныя женскія училища съ успѣхомъ удовлетворяютъ насущной потребности и пользуются довѣріемъ мѣстнаго духовенства и даже свѣтскаго общества. По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ 24 училищахъ, получившихъ до 1876 г. шестиклассное или трехклассное устройство по уставу 1868 г., въ минувшемъ году обучалось 3723 воспитанницы. Нѣкоторыя изъ епархіальныхъ училищъ имѣли уже отъ 200 до 300 воспитанницъ (Екатеринославское, Тульское, Нижегородское, Полтавское, Воронежское, Кишиневское, Харьковское), а въ Вятскомъ училищѣ число ихъ простиралось до 374. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлись параллельные классы. Такъ въ Вятскомъ училищѣ состояли три параллельныхъ класса, въ Черниговскомъ—два, въ Кишиневскомъ и Ека-

теринославскомъ — по одному. Преобразование по уставу 1868 года произведено въ минувшемъ году въ епархіальныхъ училищахъ—Смоленскомъ, Рязанскомъ и Симбирскомъ. Смоленское училище получило шестиклассное устройство; училища Рязанское и Симбирское преобразованы въ трехклассныя. Последнее изъ слухъ училищъ, помѣщавшееся прежде въ Спасскомъ женскомъ монастырѣ въ тѣсномъ и неудобномъ зданіи, вмѣстѣ съ преобразованиемъ, переведено въ новый помѣстительный домъ, приобретенный духовенствомъ. Число учащихся въ немъ возросло съ 32 до 97 воспитанницъ. Въ минувшемъ году возникло еще одно новое епархіальное училище,—въ г. Ригѣ,—на первое время въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Оно помѣщено въ наемномъ домѣ и содержится на пожертвованія, сдѣланныя Рижскимъ преосвященнымъ, тамошнимъ архіерейскимъ домомъ и графинею Ламбертъ; сверхъ сего на этотъ предметъ имѣется капиталъ въ 1.000 руб., пожертвованный бывшимъ Рижскимъ, нынѣ Херсонскимъ, архіепископомъ Платономъ.

Въ жизни епархіальныхъ женскихъ училищъ за минувшій годъ достопримѣчательное событіе составляетъ принятіе Кавказскаго училища подъ покровительство Ея Высочества Великой Княгини Ольги Θεодоровны. Таковой чести училище удостоилось по ходатайству мѣстнаго преосвященнаго вслѣдствіе просьбы о томъ духовенства Кавказской епархіи, которое въ милостивомъ соизволеніи Ея Высочества на означенное ходатайство находитъ себѣ вознагражденіе за свои труды и жертвы, понесенныя при открытіи училища, и будетъ имѣть еще новое побужденіе не ослабѣвать и впредь въ трудахъ и не отказывать въ новыхъ жертвахъ для того, чтобы поддержать въ надлежащемъ благоустройствѣ заведеніе, удостоенное покровительства Высочайшей Особы.

О Т Ч Е Т Ъ

ПРИХОДСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ, СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОЙ СМОЛЕНСКОЙ НА АРБАТѢ ЦЕРКВИ ЗА 1877—78 ГОДЪ.

(Годъ седьмой).

Смоленское приходское попечительство, не смотря на колебательное состояніе его доходовъ, постепенно получаетъ болѣе твердое положеніе чрезъ присоединеніе къ фонду его капи-

тальныхъ пожертвованій. Въ прошедшемъ году оно получило вкладъ, открывшій для него новый видъ благотворительной дѣятельности и надежды на расширеніе его средствъ въ будущемъ.

Особа, пожелавшая сохранить свое имя до времени въ неизвѣстности, въ письмѣ на имя предсѣдателя попечительства отъ 22 мая, изъяснила слѣдующее: „Имя въ виду, что Высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта о приходскихъ попечительствахъ возлагается на обязанность оныхъ попечительствъ учрежденіе при церквахъ приходскихъ больницъ и богадѣльнъ, и желая положить основаніе къ осуществленію такихъ учрежденій при Рождественской, за Смоленскими воротами, церкви, я предлагаю принять отъ меня шесть билетовъ государственнаго внутренняго съ выигрышами займа, — три билета 1 и три билета 2 займовъ, — на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Билеты сіи должны быть переданы въ вѣдѣніе попечительства, существующаго при означенной Рождественской церкви, и составить фондъ для устройства больницы, а въ случаѣ возможности — и богадѣльни для престарѣлыхъ и больныхъ женщинъ. 2) Выигрыши, какіе могутъ послѣдовать на сіи билеты, равно и другія пожертвованія, какія угодно будетъ кому-либо сдѣлать на этотъ предметъ съ тѣмъ же назначеніемъ, а также и проценты на оныя суммы, причисляются къ основному капиталу, до тѣхъ поръ пока составитя сумма, достаточная для выполненія настоящаго предположенія. 3) Предоставляю себѣ право составленія въ свое время проекта устройства больницы и богадѣльни. 4) Если въ теченіе 20 лѣтъ не составитя капитала, потребнаго для осуществленія сего предположенія, хотя бы и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ; то предоставляю приходскому попечительству, съ подлежащаго разрѣшенія, дать капиталу иное назначеніе, сообразное съ основною мыслию, какъ-то: устроить лѣчебницу для приходскихъ больныхъ, или внести деньги на устройство въ какой-либо общественной больницѣ кровати для Смоленскаго прихода, или производить бесплатную выдачу лѣкарствъ и т. под. 5) Проценты съ жертвуемыхъ мною шести билетовъ, впредь до употребленія самаго капитала, нынѣ же назначаю въ распоряженіе приходскаго попечительства: а) на застрахованіе билетовъ отъ ежегодныхъ тиражей и б) на уплату въ аптеки за медикаменты, потребныя для бѣдныхъ приходскихъ больныхъ. 6) Имя свое желаю оставить до времени въ неизвѣстности для попечительства.“

На донесеніи о семъ епархіальному начальству послѣдовала слѣдующая резолюція Его высокопреосвященства: 1) „дозволить означенному здѣсь попечительству принять пожертваніе съ благодарностію, и билеты хранить надлежащимъ порядкомъ, такъ чтобы они не могли подвергнуться ни огню, ни утратѣ, ни вохищенію; 2) завѣщаваемое въ письмѣ жертвователемъ исполнять въ точности, и все, что будетъ имъ предпринято или сдѣлано по сему, доносить епархіальному начальству; 3) духовная консисторія, снявъ конію съ приложеннаго при семъ письма жертвователя, а также и съ сего прошенія, оставитъ при своихъ дѣлахъ, а подлинники препроводитъ въ означенное попечительство; 4) пожертваніе означенныхъ шести билетовъ велитъ вписать куда слѣдуетъ, не упоминая имени жертвователя, а написать *отъ желающаго скрыть свое имя.*“

Получивъ сіе разрѣшеніе, попечительство 18 іюня приняло отъ жертвователя шесть выигрышныхъ билетовъ и девять истекшихъ купоновъ отъ нихъ на сумму 22 р. 50 к., и билеты внесло на храненіе въ Волжско-Камскій банкъ.

Достопочтенный членъ попечительства А. Ф. Гинде, содержатель Смоленской аптеки, изъявилъ попечительству готовность отпускать изъ своей аптеки медикаменты для бѣдныхъ больныхъ Смоленскаго прихода за половинную цѣну. Принявъ съ благодарностію такое предложеніе, попечительство предоставило председателю онаго назначать по его усмотрѣнію пользованіе медикаментами на счетъ попечительства нуждающимся больнымъ, и для сего прилагать штампель попечительства къ рецептамъ врачей или аптекарскимъ сигнатуркамъ, — по каковымъ въ концѣ года и производить уплату денегъ въ аптеку.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ того было 35 требованій медикаментовъ, за которые и уплачено, за ссудкою 50^{р.}, 7 р. 48 к.

Предлагаемъ денежный отчетъ о движеніи суммъ попечительства за прошедшій годъ.

1) По счету пособій бѣднымъ.

Въ остаткѣ къ 1 марта 1877 г. состояло:

1) два билета 1 и 2 внутреннихъ съ выигрышами займовъ, прибрѣтенные въ 1871 г. за . . .	288 р. 10 к.
2) Закладной листъ Московскаго земельнаго банка. . .	500 „ — „
3) Билетъ Волжско-Камскаго Банка въ . . .	300 „ — „

4) наличными	346 р. 42 к.
5) въ ссудахъ	17 " — "

Итого . . . 1451 р. 52 к.

На приходъ поступило:

1) взносов отъ 29 членовъ	524 р. — к.
2) единовременныхъ пожертвованій	6 " 12 "
3) процентовъ	64 " 96 "
4) кружечнаго сбора	59 " 40 "
5) возвращено ссудъ	10 " — "

Итого . . . 664 р. 48 к.

А съ остаткомъ . . . 2116 р. — к.

Изъ сего поступило въ расходъ:

1) на помѣсячныя пособія:

24 лицамъ за годъ	636 " — "
1 лицу за 11 мѣсяцевъ	33 " — "
1 — — 9 мѣсяцъ	27 " — "
1 — — 1 мѣсяцъ	2 " — "

Всего 27 лицамъ 698 р. — к.

2) единовременнаго пособія потерпѣвшей отъ похищенія	3 р. — к.
3) на погребеніе двухъ пенсионеровъ	4 " — "
4) за напечатаніе отчета и на застраховку билетовъ	9 " 50 "
5) выдано въ ссуду	10 " — "

Итого 724 р. 50 к.

Затѣмъ къ 1 марта 1878 г. состоитъ на лицо:

въ двухъ выигрышныхъ билетахъ и въ закладномъ листѣ Моск. Зем. Банка	788 р. 10 к.
наличными	587 " 40 "
въ ссудахъ	17 " — "

Итого 1391 р. 50 к.

2) По счету церковно-приходской школы.

Въ остаткѣ къ 1 сентября 1876 г. состояло наличными деньгами 328 р. 53 к.

На приходъ поступило:

1) взносовъ отъ 16 членовъ	212	н	—	н
2) по сборнымъ книжкамъ пожертвованій	25	н	—	н
3) за обученіе дѣтей	3	н	—	н
4) процентовъ по оборотнымъ суммамъ	3	н	60	н

Итого 248 р. 60 к.

А съ остаткомъ 572 н 13 н

Въ расходъ употреблено:

1) на вознагражденіе учителей	240	н	—	н
2) на квартиру	180	н	—	н
3) на отопленіе	36	н	—	н
4) на учебныя пособія	6	н	10	н

Итого 462 р. 10 к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 1 сентября 1877 г. состояло наличными деньгами 110 р. 3 к.

3) По счету больничнаго капитала.

Пожертвовано шесть выигрышныхъ билетовъ 1 и 2 внутреннихъ займовъ	600	н	—	н
и истекшихъ купоновъ къ нимъ на	22	н	50	н
получено процентовъ по нимъ съ 1 юля 1877 г. по 2 января 1878 г.	22	н	50	н

Итого 645 р. — к.

Израсходовано:

на уплату въ аптеку за медикаменты	7	р.	48	к.
— устройство штемпеля	5	н	—	н
— застраховку билетовъ	4	н	50	н
— храненіе билетовъ въ банкѣ	—	н	90	н

Итого 17 р. 88 к.

Затѣмъ въ 1 марта 1878 г. состояло на лицо: билетами 600 р. и наличными 27 р. 12 к., всего 627 р. 12 к.

Всего же по тремъ статьямъ:

въ остаткѣ къ 1877—78 г. было 1780 р. 5 к.
на приходъ поступило 1553 " 8 "

Всего. 3333 р., 13 к.

Въ расходѣ 1204 " 48 "
Въ остаткѣ къ 1878—79 г. 2128 " 65 "

Всего. 3333 р. 13 к.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые Братствомъ св. Петра Митрополита подъ редакціею Н. Сурбогана. Третій томъ. Третій. Москва 1878 г.

Почтенное изданіе московскаго противораскольническаго Братства продолжаетъ продвигаться впередъ, и въ нынѣшнемъ году выиель третій томъ печатаемыхъ имъ матеріаловъ для первоначальной исторіи раскола. Не говоря о безспорно важномъ значеніи подобныхъ изданій для спеціальной разработки того сложнаго явленія, которому посвятило свою дѣятельность Братство, издаваемые имъ документы привлекаютъ и вниманіе неспеціалиста читателя, какъ живое изображеніе той эпохи, какъ наглядный, а иногда и художественно правдивый очеркъ тѣхъ личностей, которымъ суждено было играть видную роль въ первоначальной исторіи раскола, и наконецъ какъ мѣткая и яркая характеристика нравовъ, понятій и всей обстановки, подъ вліяніемъ которой сложились сильные, своеобразные характеры тогдашнихъ дѣятелей. Письма первыхъ расколуучителей, изданныя по рукописямъ гг. А. С. Уварова и Синодальной бібліотеки, представляютъ чрезвычайно любопытные шедевры, въ которыхъ отыкась типичныя черты тогдашней интеллигентной церковной среды и рисуются какъ будничныя такъ и оффиціальныя отношенія ея представителей. Невольно увлекаешься, читая эти вырванные изъ жизни страницы, начерченные перомъ тѣхъ са-

ныхъ личностей, около которыхъ вращались важнѣйшія событія тогдашней церковной жизни. Рядомъ съ этими записками идутъ и документы официальные: распоряженія и приказы властей, судебные акты и соборныя постановленія, вызванныя старообрядческимъ движеніемъ.

Третій выпускъ освѣщаетъ передъ нами замѣчательный эпизодъ изъ первоначальной исторіи раскола, извѣстный подъ именемъ Соловецкаго возмущенія, длившійся безъ малаго 20 лѣтъ и прекратившійся лишь тогда, когда сопротивление недовольныхъ сломлено было военною силою. Исторія этого кроваваго событія хорошо извѣстна, благодаря прежде изданнымъ документамъ, но настоящее изданіе дополняетъ ихъ многими новыми извлеченными изъ рукописей Синодальной бібліотеки, и разъясняетъ любопытныя подробности соловецкаго дѣла по подлиннымъ запискамъ его участниковъ. Кромя того здѣсь немало разсѣяно данныхъ для характеристичнаго внутренняго и внѣшняго быта знаменитой Соловецкой обители, а отчасти всего бѣломорскаго края, съ которымъ она состояла въ постоянныхъ сношеніяхъ, обрисовываются тогдашніе церковные хозяйственные и судебные порядки и много другихъ культурно-историческихъ подробностей. Мы не думаемъ конечно излагать по этимъ документамъ ходъ и детали Соловецкаго дѣла, но остановимся лишь на тѣхъ сторонахъ этой драмы, которыя получаютъ живое освѣщеніе благодаря вновь изданнымъ матеріаламъ и имѣютъ интересъ для внутренней исторіи тогдашняго общества. Съ чего началось соловецкое дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ соборномъ приговорѣ соловецкихъ старцевъ. Въ 1658 г. 30 августа пріѣхавъ въ Холмогоры, по указу митрополита Новгородскаго и Великихъ Лукъ Макарія, боярскій сынъ Иванъ Малгинъ и привезъ съ собою новопечатныя богослужебныя книги для раздачи по монастырямъ и погостамъ Заонежскаго края. Въ Холмогорахъ въ это время находился приказный старецъ Соловецкаго монастыря Іосифъ. Иванъ Малгинъ, призвавъ старца, „макнулъ на него тѣхъ печатныхъ книгъ церковныхъ три книги да служебниковъ пятнадцать книгъ и за тѣ книги доправилъ на немъ денегъ 28 рубль, восемь алтынъ да три деньги“. Вотъ прологъ соловецкой исторіи. Монастырь, составившій себѣ громкую извѣстность именами своихъ первыхъ устроителей, привлекавшій тысячи богомольцевъ изъ внутренней Россіи, съ твердо сложившимися внутреннею организаціею и порядкомъ церковной службы, наконецъ монастырь богатый ма-

теріальными средствами и стоявшій во главѣ колонизаціи всего сѣвернаго бѣломорскаго побережья,—не могъ не чувствовать себя самостоятельнымъ хозяиномъ своего внутреннего быта и измѣнять свои старинные порядки службы. „Мы привыкли служить по старымъ службникамъ, говорятъ соловецкіе старцы, и по новымъ мы старые священники очередей своихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, учиться по своей старости также не сможемъ да и некогда; что и учено было, и того мало видимъ... Лучше будетъ съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“. Настроеніе большинства братства было враждебно всякой даже самой незначительной новизнѣ въ области обряда. Цѣлое дѣло съ допросами и перепискою возникаетъ здѣсь изъ-за того, что „дьяконъ Іовъ Евангеліе чель безъ пелены и по заамвонной молитвѣ святыни (παυαία—богородиченъ хлѣбъ) не выносили“. Священника, допустившаго этотъ беспорядокъ, обвинили „что онъ въ службѣ являетъ новое“, а бывшіе за обѣденою пришли съ жалобою къ келарю и казначею и били челомъ со слезами. Въ другой разъ вышла великая смута въ святилищѣ изъ-за того, что „одни изъ священниковъ причащались по правую сторону престола, а другіе по лѣвую“, и нужно было особенное постановленіе, чтобы однажды навсегда пресѣчь смуту и ввести въ обрядъ однообразіе. Въ новоисправленныхъ книгахъ, присланныхъ для монастырскаго употребленія, такихъ вариантовъ обряда было безъ смятѣнія много; такъ какъ исправленіе производилось по спискамъ имѣвшимъ каждый свои особенности, число которыхъ должно было возрасти еще больше при пользованіи старопечатными греческими изданіями. Въ Соловецкомъ монастырѣ были свои служебныя книги особой и вѣроятно однообразной редакціи, потому что онѣ вели свое начало отъ первыхъ устроителей обители, и принятыя въ извѣстномъ изводѣ переписывались и распространялись съ него, сохраняя свой особый мѣстный обрядовый колоритъ и становясь такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ своеобразными. Исправленіе служебныхъ книгъ никогда не могло предусмотрѣть этихъ мѣстныхъ типовъ церковнаго устава, выработавшихся путемъ долгой практики, да и невозможно было усмотрѣть ихъ въ виду разнообразія мѣстныхъ центровъ книжнаго матеріала. Исправители могли опереться на массу даже хорошо выбранныхъ образцовъ, могли руководиться соображеніями вполне уважительными, и все-таки не могли не придти въ разногласіе съ другими компетентными литургическими подлинниками, установившимися и принявшими своеобраз-

ный типъ. Когда соловецкихъ пуристовъ мѣстнаго обряда хотѣли убѣдить въ неосновательности ихъ подозрѣній ссылкой на слѣдованную псалтирь, по которой служилъ ихъ первоначальникъ Зосима, тогда они выразили сомнѣніе, точно ли это книга зосимовскаго употребленія, и сомнѣвался съ своей точки зрѣнія основательно, потому что въ ихъ мѣстномъ зосимовскомъ изводѣ, положимъ слѣдованной псалтири, такихъ особенностей не встрѣчалось. Поэтому Соловецкая книжная палата была для старцевъ рѣшительницею вопроса о старомъ и новомъ, о правомъ и неправомъ въ области службы, хотя рѣшительницею мѣстною и одностороннею. А разъ такое мнѣніе установилось, они ссылались на свой чинъ какъ на компетентный и недопускали патріаршаго слѣдователя въ свою бібліотеку, боясь потерять тѣ документы, на которыхъ держалась ихъ почти двухвѣковая практика. Въ Соловецкой челобитной этотъ приемъ доказательства встрѣчается очень часто, и приводимыя ею составителями разности новоисправленныхъ книгъ отъ древнихъ основываются на фактическомъ разногласіи ихъ съ чинами соловецкими. Опровергать эти доводы съ фактической стороны едва ли можетъ безпристрастная критика челобитной: на ея долю остается мотивъ этихъ доводовъ, — неразумная и скрупулезная попытка во что бы то ни стало отстоять неприкосновенность и правоту одного стараго традиціоннаго текста. Церковная власть, отъ лица которой велось дѣло исправленія книгъ, противопоставляла недовольнымъ авторитетъ греческой церкви и ссылалась на имена греческихъ патріарховъ; но въ сожалѣнію этотъ аргументъ былъ не въ духъ того времени и не имѣлъ убѣдительности въ глазахъ тѣхъ, для кого предназначался. Тогдашнія наши церковныя отношенія къ Греціи носили уже натянутый характеръ, и ея политическое положеніе вмѣстѣ съ вытекавшими отсюда церковными затрудненіями сильно роняло авторитетъ этой страны исконнаго православія. Принявъ христіанство подъ обаяніемъ славы древней Византіи, какъ наслѣдницы стараго Рима, Русь дожила наконецъ до той поры, когда слава ея церковной митрополіи рушилась совершенно и самое политическое значеніе было потеряно съ переходомъ столицы въ руки мусульманъ. Рядомъ съ постепеннымъ паденіемъ Византіи шло возрастаніе московскаго государства, завершившееся въ церковной сферѣ учрежденіемъ патріаршества и формальнымъ іерархическимъ обособленіемъ русской церкви. Въ литературу того времени становится любимою темою мысль, что царству рус-

скому предназначено быть наследникомъ славы новаго Рима и сплотомъ православія, поруганнаго на Востоку агарянами. Сказанія о бѣломъ клобукѣ, о переселеніи на Русь святынь греческихъ и наиболѣе чтимыхъ чудотворныхъ иконъ, преданія о древнихъ монастыряхъ и ихъ благочестіи, цѣлый рядъ угодниковъ и святыхъ просіявшихъ въ русской землѣ и ставшихъ какъ бы залогомъ ея духовной зрѣлости — вотъ любимые мотивы этой основной темы, для которой однакожъ нашъ старинный книжникъ бралъ черты и краски изъ византійскихъ источниковъ и такимъ образомъ сближалъ славное прошедшее древней Греціи съ неменѣе славнымъ настоящимъ православной Руси. Характеристическій образецъ этой тенденціи даютъ рукописные святцы нашей Академической бібліотеки № 201. Перечисляя славяно-русскихъ угодниковъ въ одномъ полномъ историческомъ каталогѣ, составитель направляетъ свой трудъ противъ притязанія грековъ, будто у нихъ однихъ процвѣтаетъ истинная вѣра и изъ ихъ земли вышли все святые и все святыни христіанскаго міра. Противъ этого притязанія русскій книжникъ выставляетъ цѣлый сонмъ отечественныхъ святыхъ и съ желчью укоряетъ грековъ, что они потеряли свои прежнія преимущества, что святыни ихъ разошлись по разнымъ землямъ, православіе ихъ стѣснено мусульманами, патріархи въ совершенномъ подчиненіи турецкимъ властямъ, переняли въ угоду побѣдителямъ ихъ обычаи, и что только русская земля служитъ теперь единственною представительницею православія, померкшаго во всемъ мірѣ.

Вотъ почва, по крайней мѣрѣ книжная почва, — на которой держались отношенія тогдашняго интеллигентнаго слоя къ Византіи и на которой созидались первыя основы нашего національнаго сознанія, бывшаго до сихъ поръ въ совершенномъ подчиненіи византійскимъ образцамъ, или по крайней мѣрѣ считавшаго необходимымъ къ этому идеалу возводить и съ нимъ сближать проявленія національнаго духа. И вотъ въ такую-то пору и при такихъ-то невыгодныхъ условіяхъ самого греческаго быта наши церковныя власти обращаются къ авторитету іерархій греческой и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое, какъ тогда казалось, шло на перекоръ стародавнимъ обычаямъ русской церковной практики. Нѣтъ нужды, что эти формы на самомъ дѣлѣ были взяты первоначально изъ Византіи. Но онѣ прожили у насъ столько времени, сдѣлались такими привычными, такъ ассимилировались съ лицами и событіями родной почвы, наконецъ получили такую мѣстную переработку, что казались уже

туземнымъ произведеніемъ, нашимъ исконнымъ достояніемъ и авторизовались практикою великихъ людей церкви русской, съ ними жившихъ и достигшихъ святости. Соловецкое братство раздѣляло на этотъ счетъ тѣ же убѣжденія и высказывало ихъ со всею рѣшительностію.

„Имъ, Государь, грекамъ,—пишуть въ своей челобитной соловецкіе старцы,—православную христіанскую вѣру изронить не дивно: понеже живутъ толико множество лѣтъ посреде безбожныхъ и поганныхъ турковъ, во всякомъ озлобленіи и неволѣ и православную вѣру держать дни свои окупаючи, и многіе монастыри и церкви Божіи у нихъ стали въ конечномъ раззореніи. А книги, Государь, у нихъ отняли послѣ цареградскаго взятія римляне, и перепечатали ихъ по своему латинскому обычаю.“ (257—258). А разъ это было высказано, не трудно было сдѣлать еще шагъ впередъ и сочинить въ укоръ грекамъ разныя басни и выдумки, дискредитирующія ихъ набожность: будто самыя лучшія греческіе учителя, пріѣзжая на Русь, лица своего перекрестить не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ, чему дивятся самыя неграмотныя поселяне (252), что Арсеній грекъ богоотступникъ и еретикъ и по свидѣтельству духовника его, старца Мартирія (273) трижды отрицался Христа для какихъ-то еллинскихъ ученій, что посылаемые на исправленіе въ Соловки „начальнѣйшія ихъ власти архіереи ни мало истиннаго благочестія и иноческаго чина и церковнаго и келейнаго начала не знаютъ.“ (275) Не доставало того, что стануть выставять на показъ разныя дразги изъ ихъ монастырской жизни, которая конечно не могла быть безупречною, такъ какъ посылаемые подъ начальъ греки не отличались конечно строгими нравами. Не далеко было отсюда и до того, что въ глазахъ старообрядцевъ все греческое какъ иноземное сдѣлалось синонимомъ антиправославнаго и нововводнаго, и къ этому-то сводилась во многихъ случаяхъ ихъ аргументація: „попы мірскіе, Никонова преданія ревнители, ходятъ по римски безъ скуфей, оброслыми главами и волосы распустивъ по глазомъ аки паны, или опальные тюремные сидѣльцы, а иные носятъ вмѣсто скуфей колпаки черныя и шапки нумыцкія (sic) и платье все не русское же, а чернцы ходятъ въ церковь Божію и по торгомъ безъ манатей безобразно и безчинно, аки иноземцы или кабацкіе пропойцы“ (303 — 304).

Впрочемъ строгій обрядовый пуризмъ соловецкой общины далеко не соответствовалъ ея нравамъ и образу жизни. Борьба партій, сутяжничество, интрига, недовольство уставомъ и раз-

гульная жизнь давали себя чувствовать очень сильно во внутреннемъ быту братства. Эта непривлекательная сторона соловецкихъ нравовъ рисуется яркими красками въ челобитной, поданной отъ монастыря Алексѣю Михайловичу, на тамошняго архимандрита Вареоламея. Если и половина того, въ чемъ обвиняють его старцы, было справедливо, и тогда нельзя не согласиться, что во главѣ монастырскаго управленія стоялъ человѣкъ совершенно деморализованный и тѣмъ больше, что оффиціальное слѣдствіе признало это обвиненіе въ извѣстной мѣрѣ справедливымъ. Челобитчики пишутъ о Вареоламеѣ, что онъ „своею слабостію и небреженіемъ преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія во всемъ нарушилъ, и во всемъ монастырское благочиніе вконецъ растлилъ и разорилъ нестройнымъ своимъ житіемъ и пьянствомъ... Въ церкви Божіи безобразно кричить и братію безъ вины всякими непригодными словами бранить... недовольныхъ священниковъ и дьяконовъ безъ милости бьетъ плетью... Онъ настоятель держитъ у себя не тоцію чернцовъ молодыхъ, но и мірской чинъ, дѣтина въ 20 лѣтъ, Янушкою имя ему, ночуетъ у него и живетъ. (Уставы нашихъ монастырей, какъ извѣстно, строго запрещали не только держать, но и входить въ монастырь голоусымъ ребятамъ). Онъ опомлъ виномъ старца Анорью, такъ что тотъ умеръ, до того же довелъ онъ и сторожа Прокоѣя. Пользуясь слабостію настоятеля и его позволеніемъ привозить и продавать въ монастырь вино, братія „слабостію побѣдени и покупаючи пьютъ безобразно и опиваются до смерти“. Опасаясь доноса, архимандритъ посылалъ своихъ клеветовъ обыскивать по кельямъ, нѣтъ ли у кого какихъ писемъ, и если находилъ какія записки, то отбиралъ ихъ, хотя бы то были „тѣ свиточки писанные“, на которыхъ братія грамотная отмѣчала для смертнаго часа свои грѣхи. А богомольцевъ онъ заставлялъ съ клятвою на св. дарахъ ничего не раскрывать о монастырскихъ порядкахъ въ Москвѣ и хранить втайнѣ чему были свидѣтелями. Много поводовъ къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ давали монастырскія вотчины и промыслы. Для сношенія съ своими службами нужно было имѣть особыхъ надзирателей на мѣстѣ, вести торговля дѣла и заниматься промышленными спекуляціями. Результатомъ этой оживленной колонизаторской дѣятельности были богатые доходы монастыря въ видѣ капитала (или казны) и разнаго рода запасовъ хлѣбныхъ, рыбныхъ и провизіонныхъ, которые шли на монастырскія нужды и въ продажу. Какъ вели-

ли были денежные средства монастыря, видно изъ того, что повѣренный по монастырскимъ дѣламъ въ Москвѣ, старецъ Кириллъ въ два года издержалъ болѣе 19 тысячъ; а вошедшіе въ милость у настоятеля приказчики распоряжались монастырскими угодами безконтрольно и такимъ образомъ разоряли братскую казну. Надобно прибавить къ этому и еще одно обстоятельство, отзывавшееся крайне невыгодно на стрѣгъ тогдашней соловецкой жизни—равумѣемъ обыкновеніе, ссылатъ сюда на покаяніе и исправленіе разнаго рода лицъ какъ духовныхъ такъ и служилыхъ, подвергшихся суду за свои проступки. Эти лица обыкновенно сдавались съ наказомъ держать ихъ за крѣпкимъ присмотромъ и строгимъ послушаніемъ; но на практикѣ выходило иначе: опираясь на свои знатныя имена и прежнюю видную службу, они не подчинялись монастырскимъ порядкамъ, позволяли себѣ разныя вольности и оближаясь съ подобными себѣ изъ монаховъ, тѣмъ самымъ деморализовали и прочіихъ членовъ монастырской семьи. Образъ жизни этихъ случайныхъ соловецкихъ жильцовъ описываетъ монастырскій келарь въ челобитной царю (N XXI). А еще рельефнѣе рисуетъ тамошніе нравы оправдательная челобитная самого Варсоломея. Изъ нея оказывается, что монастырь держалъ въ числѣ своихъ братій такихъ людей, которыхъ иначе нельзя назвать какъ отчаянными ворами, мошенниками и душегубцами, (Докум. N XX) и на которыхъ монастырская расправа не разъ испытывала „нешадное біеніе плетью“ и другіе не менѣе жестокіе приемы „смирненія“. Если прибавить къ этому, что приемъ новыхъ членовъ братства былъ обставленъ очень легко, что въ среду ихъ допускались лица подозрительныя благодаря посуламъ, и настоятель распоряжался дѣлами безъ согласія братства, мы поймемъ, что въ составъ монастырской семьи такого многолюднаго учрежденія могло войти и вошло много негодныхъ членовъ, которые производили смуту и раздоры, являлись ложными доносчиками и недовольными.

Мы не хотимъ впрочемъ сказать, чтобы пора, о которой у насъ идетъ рѣчь, была эпохою разложенія соловецкой общины. Нѣтъ, древнія преданія монастыря окрѣплили по прежнему большинство, и изъ него-то составилась тотъ крѣпкій фондъ, та дружная оппозиція, которая въ волрѣсѣ о принятіи новоисправленныхъ книгъ обнаружила такую стойкость и энергію, что рѣшилась стоять на своемъ во что бы то ни стало и которую нужно было сломать силою. 22 января 1676 г. „ратные люди

Великаго государя, какъ говорить докладъ воеводы Ивана Мещерянова, Соловецкій монастырь взяли, воровъ и мошенниковъ побили, а иныхъ на бою ранили, и изъ тѣхъ раненыхъ 28 человекъ казнены смертію... А пушіе къ воровству заводчики да съ ними 32 человекъ до указа В. Государя вкинуты въ тюрьму." Монастырь нужно было колонизовать съизнова и притомъ людьми инаго закала, иныхъ убѣжденных, чѣмъ его прежніе поселники, выросшіе на почвѣ старинныхъ преданій обители и воспитанные въ духѣ исключительнаго уваженія къ своей домашней практикѣ, что касалось обрядовъ и порядка службы. Этимъ эпилогомъ соловецкой исторіи и заканчиваются изданные въ третьемъ томѣ документы. Но колонизація, какъ видно, шла не очень успѣшно, и репрессивныя мѣры властей безсильны были установить твердый строй жизни въ разшатанномъ обществѣ. Присланные изъ Москвы съ новымъ архимандритомъ Макаріемъ попы, дьяконы и крылошане, не доходя до Соловокъ, въ Вологдѣ, „хотѣли всѣ врозь разбрестись“, чувствуя нужду въ содержаніи, а прибывъ въ монастырь, „многіе изъ нихъ поскучали“ и уговаривались между собою бѣжать, если не будутъ отпущены домой по доброй волѣ. Архимандритъ проситъ у патріарха святительской грамоты къ военнымъ властямъ, чтобы они „насъ богомольцевъ твоихъ отъ бунтовщиковъ оборонили“, и патріархъ дѣлаетъ распоряженіе „такихъ оковавъ вкинуть въ земляную тюрьму“, а для расправы съ безчинниками рекомендуетъ брать у воеводы стрѣльцовъ, „сколько пригоже“. Какъ успѣшны были эти мѣропріятія для удержанія недовольныхъ и для возстановленія порядка, изданные документы не говорятъ, но видно новый настоятель былъ не въ состояніи справиться съ дѣлами, и едва проживъ одинъ годъ уже бьетъ челомъ и плачется патріарху Іоакиму „за скудость ума и сердечныя ради скорби отпустить его на обѣщаніе въ Никандрову пустынь, а Соловецкаго монастыря мнѣ богомольцу твоему не управить“. Впрочемъ, ближайшее ознакомленіе съ бібліотекою и ризницею монастыря, при новомъ управленіи, убѣдило патріаршаго слѣдователя, что соловецкіе раздорники дѣйствовали не столько по убѣжденію, сколько по упрямству и вопреки очевидной истинѣ. Такъ въ міротворномъ кругѣ онъ сыскалъ символъ безъ прилогу „истиннаго“, въ уставѣ чинъ церковный написанный согласно съ новоисправленнымъ и печатнымъ, а на паперти соборной церкви преподобные чудотворцы Зосима, Савватій и Германъ были изображены въ греческихъ

влобукахъ и камилавкахъ, а писанъ тотъ образъ по представле-
ніи преп. Зосимы по тридесяти лѣтъхъ. Вслѣдствіе такихъ оче-
видныхъ уликъ „воры и мятежники учинились безсловесни яко
скоти и во всемъ соборной и апостольской церкви покорни яви-
лися“ (443).

И. М—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Біографія папы Пія IX. Изъ многочисленныхъ со-
чиненій, имѣющихъ предметомъ изображеніе жизни и личности
покойнаго папы Пія IX, особеннаго вниманія заслуживаетъ книга
пастора доктора *Пфлейднера*, въ Эссингенѣ (въ Вюртембергѣ)
подъ заглавіемъ: „Пій IX. Историческій очеркъ.“ Это — сжатое
и цѣльное изображеніе жизни и дѣятельности Пія IX во внѣш-
немъ и внутреннемъ отношеніяхъ; задача автора — изобразить
покойнаго папу въ отношеніяхъ его къ современнымъ ему яв-
леніямъ и очертить характеръ его, какъ человѣка. Матеріалъ
распредѣленъ въ книгѣ по четыремъ рубрикамъ кратко, ясно
и крупными чертами изображается здѣсь офицеръ и кавалеръ,
священникъ и прелатъ, папа и либераль, реакціонеръ и непо-
грѣшимый. Необыкновенно пріятно дѣйствуетъ на читателя то
безпристрастіе, съ какимъ авторъ соотвѣтственно своему плану
отдаетъ справедливость человѣку въ личности папы. Отдѣль-
ными мѣткими чертами выставляется на видъ личная привле-
кательность папы, которая не исчезла даже тогда, когда Пій IX
ради куріалистическаго принципа и подъ вліяніемъ іезуитской
партіи сталъ прибѣгать къ весьма крутому образу дѣйствій.
Весьма наглядно и убѣдительно изображено, какъ изъ этого
повидимому столь либеральнаго папы могло и должно было
образоваться послушное орудіе ультрамонтанства, чрезъ кото-
рое римско-католическая система получила свое завершеніе.
Особенное преимущество этого сочиненія состоитъ въ томъ,
что авторъ обращаетъ особенное вниманіе на изложеніе психо-
логическаго развитія характера папы. О характерѣ Пія IX ав-
торъ справедливо говоритъ, что исторія должна будетъ отдать
ему справедливость въ томъ, что онъ въ теченіе послѣднихъ 48
лѣтъ неизмѣнно остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ началѣ, т. е. не
человѣкомъ высокаго или пронизательнаго ума, но человѣкомъ
со страстными и бурными чувствами, съ характеромъ мягкимъ

и въ то же время необыкновенно упругимъ, дружески-кроткимъ и въ то же время суровымъ и строгимъ человѣкомъ, въ глубинѣ души своей чистымъ и благороднымъ, въ своихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ доброжелательнымъ, человѣкомъ дѣйствовавшимъ всегда подъ вліяніемъ чувства. Изъ этихъ свойствъ характера объясняется и то, что Пій IX, какъ говоритъ авторъ, былъ одинъ изъ величайшихъ революціонеровъ и одинъ изъ величайшихъ абсолютистовъ, обладающій яснымъ сознаниемъ и всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ характеръ, и въ то же время послушное орудіе умной, властолюбивой партіи, — что хотя онъ имѣлъ глубоко-благочестивую, истинно-религіозную душу, однако своей системой болѣе способствовалъ внутреннему отчужденію даже католиковъ отъ своей церкви, болѣе содѣйствовалъ независимости отъ церкви—государства, семьи и школы и распространенію „истинно-либеральныхъ“ и либералистическихъ идей, чѣмъ какой бы то ни было изъ проповѣдниковъ этихъ идей въ настоящемъ столѣтіи. Если въ этомъ мнѣніи есть преувеличеніе, то все-таки есть и извѣстная доля истины. Самъ Пій IX, окруженный почтеніемъ безчисленныхъ своихъ поклонниковъ, какъ священная, хранимая Богомъ, верховная глава католической церкви, едва ли чувствовалъ весь трагизмъ своей судьбы во всей его горечи. Спокойно и мирно скончался этотъ „21 папа“. Надгробную надпись онъ самъ нѣкогда составилъ себѣ для начертанія въ небольшой церкви Св. Лоренцо. Надпись эта гласитъ слѣдующее: „Здѣсь лежитъ папа Пій IX; молитесь за него“. Почтеніе милліоновъ сопровождаетъ его и за гробомъ: одна нѣмецкая книжная торговля въ короткое время продала около 100,000 его портретовъ.

— Впечатлѣніе папской энциклики въ Италіи. Когда кардиналъ Печчи былъ избранъ въ преемники папы Пія IX и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Льва XIII. въ Италіи явились предположенія, что онъ измѣнитъ прежнія отношенія куріи къ италіянскому королевству и въ особенности къ его правительству, находящемуся въ Римѣ. Даже тѣ, которые не вѣрили въ дѣйствительное примиреніе между папой и италіянскимъ правительствомъ, надѣялись по крайней мѣрѣ на какое-нибудь соглашеніе, на какую-нибудь сдѣлку между ними. Извѣстная энциклика новаго папы разрушила всѣ подобныя тайныя и явныя желанія и ожиданія италіянцевъ. Въ ней высказывается та мысль, что главное преступленіе современнаго общества есть его возмущеніе противъ папства, и что для спа-

сенія общества нѣтъ иного средства кромѣ возстановленія папскаго авторитета; а авторитетъ папы ослабленъ тѣмъ, что у него отняли свѣтскую власть. Папа остается папой; личности могутъ мѣняться, но самая система не можетъ быть измѣнена, еслибы даже и захотѣли этого; ибо въ отношеніи къ папству это было бы равносильно самоубійству.

Характеристичны мнѣнія, высказанныя италіанскою періодическою печатью по поводу папской энциклики. „Nazione“ говоритъ: „папская энциклика совсѣмъ не оправдала нашихъ ожиданій. Въ осужденіи и порицаніи всѣхъ стремленій и усилій современнаго общественнаго духа новый папа является абсолютнымъ, суровымъ, неприкрашеннымъ, неумолимымъ и почти столь же рѣшительнымъ какъ и его предшественникъ. Нѣтъ въ энцикликѣ ни одного слова, ни одной мысли, въ которой обнаруживалось бы, что римская церковь можетъ когда-нибудь помириться съ современною культурой. Папа не желаетъ мира и не даетъ надежды на примиреніе: напротивъ онъ призываетъ къ борьбѣ“. „Diritto“ высказывается такъ: „Главное значеніе энциклики есть тотъ фактъ, что она обманула всѣ ожиданія. Съ другой стороны она отнюдь не противорѣчитъ книгѣ Курчи, и непримиримость языка нисколько не исключаетъ хитрыхъ и коварныхъ намѣреній.“ Въ газетѣ „Avvenire“ читаемъ: „въ энцикликѣ выражается абсолютное противорѣчіе современной культурѣ. Да и всегда папство было старымъ врагомъ свободы, а также культуры и единства Италіи“. „Opinione“ говоритъ: „энциклика уничтожила многія иллюзіи относительно поведенія новаго папы; но мы этимъ не поражены и не опечалены. Энциклика вызываетъ на борьбу; общество охотно принимаетъ этотъ вызовъ; ибо борьба благородна“. „Italie“: „откровенныя и рѣшительныя объясненія по вопросу о свѣтской власти папы, а также касательно безбожія современности и европейскихъ правительствъ отнимаютъ всякую надежду на возможность примиренія. „Riforma“: „мы признаемъ, что энциклика вообще приготовила намъ разочарованіе. Мы не удивляемся возобновленнымъ притязаніямъ папы на свѣтскую власть, но весьма удивились подтвержденію силлабуса и осужденію гражданскаго брака. Однако обманутыя ожиданія относительно поведенія папы составляютъ для насъ великое утѣшеніе“. „Gazetta Piemontese“: „мы не ожидали отъ новаго папы ни большаго, ни лучшаго. Наши учрежденія остаются такъ какъ они есть, а если церковь хочетъ бо-

роться за свое дѣло и побѣдить, то въ этомъ она вполнѣ права; однако она должна помнить, что невѣріе можно преодолѣть и побѣдить только наукой". „Perseveranza": „мы находимъ мало сходства между энцикликой и пастырскими посланіями прежняго епископа Перуджіи; весьма преувеличенно представлены общественныя бѣдствія; несправедливо утвержденіе, что всѣ они произошли отъ культуры, и что единственное средство спасенія есть возвращеніе въ нѣдра церкви. Что же касается возстановленія свѣтской власти,—то самъ папа очень хорошо знаетъ, что къ этому требованію 'всѣ останутся глухи". „Ragione": „первое слово Льва XIII есть вызовъ, обращенный къ культурѣ. Истинные друзья культуры будутъ этому только радоваться; ибо они знаютъ, что будущее создается только на развалинахъ прошедшаго. Левъ XIII стоитъ не ниже Пія IX; онъ — священникъ съ головы до ногъ. Умѣренные рѣчи изъ его устъ, которыя сначала возбуждали столько же надежды, сколько и страха,—суть только отраженіе сознательной увѣренности его въ самомъ себѣ". „Provincia di Brescia": „папство, желающее быть другомъ Италіи, внушило бы намъ страхъ, а посему настоящее положеніе для насъ лучше; все остается по прежнему." „Pungolo" (въ Неаполѣ): „энциклика является предъ нами какъ старая картина, реставрированная и вставленная въ новую раму. Съ какой стороны ни будете ее разсматривать, всегда найдете, что она находится въ противорѣчій съ исторіей, съ истинной, съ здравымъ человѣческимъ смысломъ и съ современнымъ прогрессомъ".

Но довольно. Изъ этихъ отзывовъ очевидно, что положеніе вещей вполнѣ разъяснилось и что дѣло остается постарому, вражда между куріей и италіянскимъ правительствомъ не прекращается.

— О культурной борьбѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ папа Левъ XIII въ собственноручномъ письмѣ объявилъ Германскому императору о своемъ восшествіи на напскій престолъ,—между Берлиномъ и Римомъ идутъ переговоры о прекращеніи культурной борьбы, которые хранятся въ глубокой тайнѣ. Итакъ наконецъ начались труды относительно примиренія между государствомъ и церковію. Съ обѣихъ сторонъ являются попытки ко взаимному сближенію. Но будетъ-ли это сближеніе искреннее и дѣйствительное, или же только видимое, — это еще вопросъ. Можно усомниться въ томъ, что склонность къ примиренію истекаетъ изъ чистаго, христіанскаго источника, т. е. изъ со-

чувствія къ народу, страдающему подъ опустошительными вліяніями культурной борьбы, и изъ желанія прекратить тѣ бѣдствія, которыя причиняетъ эта борьба и государству и церкви. Можно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ хитрыми дипломатическимъ расчетами. Дѣло имѣетъ такой видъ, что при вышеупомянутыхъ мирныхъ переговорахъ съ обѣихъ сторонъ главную роль играетъ желаніе обмануть другъ друга и отодвинуть противную партію на задній планъ.

На какой стадіи находятся переговоры между Берлиномъ и Римомъ, объ этомъ возможны одни предположенія. Фактъ тотъ, что нунцій Мазелла отправился изъ Мюнхена въ Киссингенъ и имѣлъ нѣсколько свиданій съ княземъ Бисмаркомъ. На какомъ основаніи велися переговоры, — также совершенно неизвѣстно. Впрочемъ здѣсь должны быть сначала утверждены тѣ „устные прелиминаріи“, о которыхъ упоминается въ послѣднемъ письмѣ папы къ кронпринцу и на основаніи которыхъ могутъ и должны начаться переговоры въ собственномъ смыслѣ. Эти „устные прелиминаріи“ также неизвѣстны и было бы напрасной тратой времени стараться отгадать ихъ содержаніе. Что бы тамъ ни было, — но судя по настроенію, господствующему въ римскихъ сферахъ, римская курія не намѣрена дѣлать уступокъ и ни за что не пожертвуетъ нѣмецкими католиками. Точно также съ другой стороны и князь Бисмаркъ не имѣетъ намѣренія въ принципѣ и рѣшительно вступить на корсервативный путь. Онъ старается лишь получить послушное большинство для проведенія своихъ экономическихъ плановъ. Посему католики по необходимости должны сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли происходящіе переговоры имѣютъ цѣлю рѣшительное и честное окончаніе культурной борьбы. Многіе выражаютъ такое мнѣніе, что во всѣхъ этихъ переговорахъ должно видѣть лишь избирательный маневръ или такъ сказать брошенную Бисмаркомъ приманку, чтобы произвести въ нѣмецкомъ рейхстагѣ и въ прусской палатѣ депутатовъ перемѣну настоящихъ отношеній между партіями. Если даже и признать, что у германскаго правительства есть серьезное намѣреніе прекратить культурную борьбу, то все-таки многіе думаютъ, что цѣль эта имѣется въ виду не столько ради ея самой, сколько для того, чтобы чрезъ это получить послушное большинство. При такихъ обстоятельствахъ многіе, — и не одни католики, но и лютеране, — полагаютъ что нельзя ожидать дѣйствительнаго и продолжительнаго мира. Напротивъ они думаютъ, что при первомъ удобномъ случаѣ,

какъ скоро экономическая реформа будетъ проведена и социаль-демократія будетъ низложена, имперскій канцлеръ вновь направитъ все свое могущество противъ римско-католической церкви. Поэтому католики вообще очень мало довѣряютъ происходящимъ мирнымъ переговорамъ и видятъ въ нихъ лишь искусный маневръ касательно выборовъ. Конечно, официозные органы встаютъ противъ этой мысли и утверждаютъ, что переговоры не имѣютъ ничего общаго съ выборами. Но нужно сказать, что ни во мнѣніяхъ католиковъ, ни во мнѣніяхъ официозныхъ органовъ нѣтъ полной правды. Вѣрнѣе всего то, что первоначально прекращеніе культурной борьбы было задумано совершенно серьезно, ибо предполагали, что Римъ нетерпѣливо желаетъ примиренія, что онъ укрощенъ и согласится на всякія условія. Но когда Римъ не обнаружилъ ожидаемой покорности и поставилъ свои условія, то политика и дипломатія ухватилась за мысль о примиреніи уже со своими особыми цѣлями, и теперь уже хотятъ сдѣлать это примиреніе *modus vivendi* вознагражденіемъ за извѣстныя политическія услуги центра (умѣренной партіи). Мы опасаемся, что дипломатія въ этомъ случаѣ становится уже чрезчуръ тонкою (чтобы не сказать хуже), и что поэтому дѣло останется въ прежнемъ положеніи и культурная борьба не будетъ окончена.

Въ самомъ дѣлѣ успѣхъ начатыхъ переговоровъ весьма сомнителенъ. Прежде всего нужно замѣтить, что имперскій канцлеръ, намѣреваясь возстановить миръ съ Римомъ, пытается достигнуть этого лишь небольшими уступками въ мелочахъ и подробностяхъ; онъ хочетъ такъ-сказать уничтожить въ законодательствѣ культурной борьбы нѣкоторые отдѣльные параграфы и даже цѣлыя отдѣлы, не уничтожая самаго принципа этого законодательства. Эта попытка совершенно напрасна. Именно относительно мелочей и подробностей Римъ будетъ необыкновенно уступчивъ и обнаружитъ большую терпимость, коль скоро уничтоженъ будетъ принципъ *государственной всемогущества* (*Staatsomnipotenz*). И именно въ противодѣйствіи этому принципу который мало по малу выросъ матеріально на почвѣ юридическаго государства (*Rechtsstaat*), лишеннаго религіи, т. е. враждебнаго ей, именно, говоримъ, въ противодѣйствіи этому принципу заключается сила и могущество Рима, которыхъ онъ добровольно никому не уступитъ. Путь къ миру откроется только тогда, когда нѣмецкое правительство, — увидѣвъ, что дѣйствовавшее доселѣ церковное законодательство произвело большія

затрудненія и не достигло цѣли,—по собственной инициативѣ и на основаніяхъ государственнаго блага вступить на путь новаго лучшаго церковнаго законодательства, въ которомъ будетъ господствовать та мысль, что при всемъ верховномъ значеніи государства въ формальномъ отношеніи, — церковь есть матеріально-самостоятельный организмъ рядомъ съ государствомъ.

Если германское правительство не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что оно со своимъ церковнымъ законодательствомъ попало на ложный путь, то пусть оно послушается хоть своего прежняго искреннѣйшаго приверженца и одного изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ при составленіи упомянутаго законодательства. Это—профессоръ докторъ Ф.-Шульте въ Боннѣ; онъ помѣстилъ въ „Contemporary Review“ отъ 1 Іюля статью „О современной жизни и мысленіи въ Германіи.“ Въ этой статьѣ онъ доказываетъ, что майское законодательство было совершенно неудачно и не достигло своей цѣли, и объясняетъ, почему это такъ случилось. Ходъ мыслей въ этой статьѣ, насколько онъ касается обсуждаемаго здѣсь предмета, есть слѣдующій. Результатомъ происшедшей доселѣ борьбы между государствомъ и церковію было то, что за ничтожными исключениями все католики сдѣлались ультрамонтанами. Это произошло не отъ того, что государство вообще старалось помѣшать распространенію догмата о непогрѣшимости папы (это было, напротивъ, обязанностію правительства), но отъ того, что правительство при исполненіи своихъ обязанностей не пошло на надлежащій путь. Оно пошло прежней фальшивой дорогой; оно продолжало старую систему, давно уже практиковавшуюся. Такъ какъ правительства послѣ наполеоновскихъ войнъ въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка вели переговоры постоянно только съ папой, „не спрашивая совѣта у епископовъ, клира и народа“, то чрезъ это они сами содѣйствовали успѣхамъ и побѣдѣ куріальной системы. Въ этомъ и состояла „близорукость“ прежнихъ государственныхъ людей. Истинная политическая мудрость вмѣсто того, чтобы заключать договоры съ папскимъ престоломъ, постаралась бы о томъ, чтобы путемъ государственнаго законодательства довести до всеобщаго признанія тѣ требованія, на которыя государство имѣло право въ силу своей верховной власти, и это можно было бы сдѣлать безъ вреда для внутренняго церковнаго управленія. Проф. Ф.-Шульте недоволенъ также и новѣйшимъ законодательствомъ культурной борьбы. Не говоря уже о томъ, что и въ немъ выражается ста-

рая фальшивая система, авторъ особенно осуждаетъ то, что эти законы явились слишкомъ поздно. До 1870 года народъ ничего не зналъ объ опасномъ для государства догматѣ о непогрѣшимости папы; только пасторы боролись противъ него. Правительство должно было бы оградить и поддержать пасторовъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ и защитить ихъ противъ епископовъ; тогда епископатъ оказался бы безсильнымъ. "Если бы правительства дѣйствовали съ истинной государственной проицательностію, то они имѣли бы средства ослабить и уничтожить куріализмъ, поддерживая стремленіе къ реформамъ, явившееся въ католической церкви, — стремленіе, которое, хотя и не преслѣдовало политическихъ цѣлей, но имѣло въ виду единеніе между государствомъ и церковію, а также соединеніе различныхъ вѣроисповѣданій." Итакъ, по мнѣнію автора, государство должно было бы энергически поддерживать старо-католицизмъ и даже объявить его всеединою католическою церковію. Но вмѣсто того, чтобы поступать такимъ образомъ и чрезъ это эмансипировать народъ,—правительство провело законы Фалька. А эти законы произвели на народъ такое впечатлѣніе, будто у него отнимаютъ его религію и будто совѣсть обязываетъ его къ защитѣ этой религіи. Онъ сталъ смотрѣть на государство, какъ на врага церкви, а на епископовъ и пасторовъ, которые прежде протестовали противъ догмата о непогрѣшимости, а теперь согласились съ нимъ,—какъ на мучениковъ. При такомъ положеніи вещей было бы самообольщеніемъ предполагать, что культурная борьба скоро окончится: напротивъ того, можно ожидать мира съ римско-католическою церковію лишь въ отдаленномъ будущемъ. Отъ старо-католическаго движенія нечего больше ждать, ибо правительство не умѣло поддержать его въ достаточной степени и въ надлежащее время; теперь весь католическій міръ сталъ ультрамонтанскимъ, іезуитскій духъ побѣдилъ,—и въ этомъ виновато поведеніе нѣмецкаго правительства, которое (поведеніе) въ свою очередь основывается на прежнемъ неправильномъ образѣ дѣйствій, на фальшивой системѣ, которой правительство держится и теперь еще. Таковъ справедливый взглядъ доктора Шульте на ходъ культурной борьбы.

Измѣнить ли нѣмецкое правительство упомянутую фальшивую систему? Или же оно пойдетъ по старому пути? Изъ всѣхъ взаимно-противорѣчащихъ мнѣній объ этомъ предметѣ видно, что относительно путей и средствъ, какъ выйти изъ затрудненной культурной борьбы, существуетъ еще значительная неяс-

ность. Само правительство повидимому не составило еще себя опредѣленнаго плана касательно того, сколько уступить и что удержать при заключеніи мира съ Римомъ, и слѣдуетъ въ этомъ случаѣ политикѣ случайностей. Посему нельзя еще вѣрить въ скорое окончаніе культурной борьбы не смотря на всевозможные мирные переговоры и конференціи въ Киссингенъ или въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ болѣе нельзя этому вѣрить, что нѣмецкое правительство не измѣняетъ своего образа дѣйствій, т.-е. ведетъ культурную борьбу по прежнему и вызываетъ противодѣйствіе со стороны католиковъ.

— Письмо папы Льва XIII. Въ *Voce della Verità* напечатанъ текстъ письма адресованнаго 27 августа папой Львомъ XIII новому государственному секретарю его, кардиналу Нинѣ, и возбудившаго уже много толковъ не только въ Италиі но и во всей Европѣ. Вотъ текстъ этого документа:

Г. кардиналъ,—Тяжкимъ испытаніемъ и живѣйшею скорбью для души нашей была неожиданная кончина кардинала Александра Франка, нашего государственнаго секретаря. Призванный на этотъ высокій постъ довѣріемъ, которое внушили намъ рѣдкія качества его ума и сердца и продолжительныя услуги, которыя онъ оказывалъ церкви, онъ въ теченіе краткаго времени, когда состоялъ при насъ, умѣлъ исполнѣ оправдать наше ожиданіе, такъ что воспоминаніе о немъ никогда не взглядится изъ нашего ума и имя его будетъ всегда любимо и благословляемо какъ между потомками, такъ и между современниками.

Но такъ какъ Господу угодно было послать намъ это испытаніе, то преклоняясь съ покорнымъ сердцемъ предъ Его Божественною волей, мы немедленно обратили мысли наши къ избранію ему преемника, и остановили взоры наши на васъ, г. кардиналъ, такъ какъ намъ хорошо извѣстны были ваша великая опытность въ веденіи дѣлъ, твердость мыслей и духъ благороднаго самоотверженія, которыми вы одушевлены ко благу церкви.

Тѣмъ не менѣе мы нашли умѣстнымъ, въ ту минуту когда вы готовитесь вступить въ отправленіе вашей новой должности, адресовать вамъ сіе письмо, чтобъ открыть вамъ наши воззрѣнія на нѣкоторые весьма важные пункты, къ которымъ должны быть въ особенности направлены ваши неусыпныя заботы.

Уже съ первыхъ дней нашего понтификата, съ высоты нашего апостольскаго престола мы обратили взоры наши на настоящее общество, дабы узнать его условія, изыскать его потребности и озаботиться средствами для его исправленія. И тогда же въ энцикликахъ писанныхъ нашимъ почтеннымъ братьямъ по епископству мы оплакивали паденіе не только сверхъестественныхъ истинъ признанныхъ вѣрой, но даже истинъ естественныхъ, спекулятивныхъ и практическихъ, какъ равно и господство самыхъ пагубныхъ за-

блужденій и величайшую опасность, которой подвергается общество вслѣдствіе все возрастающих беспорядковъ, нынѣ его потрясающихъ.

Мы сказали, что самую могущественною причиною подобнаго разстройства было явное раздѣленіе и отступничество, учиненное настоящимъ обществомъ, чтобъ удалиться отъ Христа и Его церкви, въ которой одной пребываетъ сила достаточная для исправленія великихъ золъ общественныхъ. При ослѣпительномъ блескѣ фактовъ мы доказали тогда, что церковь, основанная Христомъ для обновленія міра, съ перваго появленія своего въ мірѣ начала заявлять ему о великомъ благѣ своей 'превыше человѣческой силы и что во времена самыя мрачныя и самыя гибельныя она была единственнымъ свѣточемъ указывавшимъ вѣрный путь, единственнымъ убѣжденіемъ общающимся спокойствіе и спасеніе. Изъ этого нетрудно заключить, что если во времена прошедшія церковь могла разливать по землѣ столь великія благодѣянія, то она можетъ конечно разливать ихъ также и въ настоящее время, что церковь, какъ вѣруетъ каждый католикъ, всегда оживленная духомъ Іисуса Христа общающаго ей Свою неотлучную помощь, была устроена какъ учительница истины и хранительница святаго и непорочнаго закона, и въ этомъ качествѣ владѣетъ и нынѣ достаточною силою, чтобы воспротивиться умственному и нравственному разстройству, которымъ страдаетъ наше общество и возвратитъ ему здоровье. А такъ какъ хитрые враги, старающіеся возбудить міръ противъ нея, не перестаютъ распространять противъ нея клеветы, то мы съ самаго начала старались разсѣять предрасудки и устранить обвиненія, въ увѣренности что народы, какъ только они узнаютъ церковь, какова она дѣйствительно есть, и ея благодатное свойство, со всѣхъ сторонъ съ готовностью возвратятся въ ея нѣдра.

Руководимые этими идеями, мы желали бы, чтобы голосъ нашъ былъ услышанъ также тѣми, кто управляютъ судьбами націй, и горячо приглашали ихъ не отвергать въ настоящія времена, когда обстоятельства такъ важны, могущественной поддержки предлагаемой имъ церковью. Движимые апостольскимъ милосердіемъ мы обратились также и къ тѣмъ которые не соединены съ нами узами католической религіи, желая, чтобъ ихъ подданные также пользовались благодѣтельнымъ влияніемъ этого божественнаго учрежденія.

Вамъ хорошо извѣстно, г. кардиналъ, что повинуясь движеніямъ нашего сердца, мы обратились также съ нашимъ словомъ къ могущественному императору знаменитой Германской націи, которая вслѣдствіе затруднительныхъ условій, въ какія тамъ были поставлены католики, требовада нашей особенной заботливости. Слово это, внушенное исключительно желаніемъ, чтобы Германія снова возвращенъ былъ религіозный миръ, было благосклонно принято августѣйшимъ императоромъ и имѣло то доброе послѣдствіе, что повело къ дружественнымъ переговорамъ, при коихъ намѣреніемъ нашимъ было достигнуть не простаго перемирія, которое открывало бы путь новымъ столкновеніямъ, но устранить всѣ препятствія и заключить миръ дѣйствительный, прочный и продолжительный. Важность этой дѣли, оцѣненная по достоинству высокою мудростію тѣхъ кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбы этой имперіи, побудитъ ихъ, мы въ томъ увѣрены, протянуть намъ друже-

скую руку для достиженія этой цѣли. Безъ сомнѣнїя церковь возрадуется сему, ибо она увидитъ возстановленіе мира среди благородной націи; но имперїя возрадуется не менѣе, ибо, когда совѣсть будетъ умиротворена, она найдетъ, какъ и прежде, въ сынахъ католической церкви самыхъ вѣрныхъ и самыхъ великодушныхъ своихъ подданныхъ.

Наша отеческая заботливость не могла также не заняться странами Востока, гдѣ совершающіяся нынѣ важныя событія готовятъ быть-можетъ лучшую будущность для интересовъ религїи. Со стороны апостольскаго престола будутъ употреблены всѣ средства чтобы благопрїятствовать имъ, и мы питаемъ надежду что знаменитыя церкви этихъ странъ могутъ снова и окончательно жить плодотворною жизнью и блистать древнею пышностію.

Этотъ бѣглый очеркъ достаточно показываетъ вамъ, г. кардиналъ, наше намѣреніе внести въ самыхъ широкихъ размѣрахъ благотворное дѣйствіе церкви и папства въ среду всего современнаго общества; необходимо также, чтобы и вы употребили въ дѣло ваши познанія и все ваше стараніе, чтобы осуществитъ это желаніе, которое Богъ вложилъ намъ въ сердце.

Сверхъ того вы должны обратить самое серіозное вниманіе ваше на другой пунктъ также высочайшей важности, именно на крайне затруднительное положеніе созданное для главы церкви въ Италїи и Римѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ лишень былъ свѣтскаго владѣнїя, которое Провидѣніе даровало ему для огражденїя свободы его духовной власти. Мы не желаемъ останавливаться здѣсь, чтобы замѣтить, что нарушеніе священнѣйшихъ правъ апостольскаго престола и римскаго первосвященника гибельно даже для благосостоянїя и спокойствїя народовъ, между которыми зрѣлище самыхъ древнихъ и самыхъ священныхъ правъ нарушенныхъ въ особъ самого намѣстника Христова глубоко потрясаетъ идею долга и справедливости, ослабляетъ уваженіе къ закону, и такимъ образомъ они доходятъ до желанїя ниспровергнуть самыя основанїя цивилизованнаго общества.

Мы также не имѣемъ намѣренїя подробно излагать вамъ, что католики различныхъ государствъ никогда не будутъ спокойны до тѣхъ поръ, пока ихъ верховный первосвященникъ, блюститель ихъ вѣры, руководитель совѣсти, не будетъ окруженъ истинною свободой, дѣйствительною независимостію. Мы не можемъ однако не замѣтить, что наша духовная власть, которая по причиѣ своего божественнаго происхожденїя необходимо должна пользоваться полною свободой для употребленїя своего благотворнаго вліянїя ко благу человечества, такъ стѣснена во своемъ дѣйствїи, что управленіе всемірною церковью намъ становится крайне труднымъ.

Дѣло ясно и подтверждается ежедневными фактами. Торжественныя сѣванїя, изложенныя нашимъ предшественникомъ блаженной памяти Пїемъ IX въ консисторїальной аллокуціи 12 марта 1877 года, могутъ также основательно быть повторены нами, съ присоединенїемъ другихъ, также важныхъ, касательно новыхъ препятствїй поставленныхъ отправленію нашей верховной власти.

Само собою разумѣется, что мы должны не только оплакивать, подобно нашему знаменитому предшественнику, отиѣну религіозныхъ корпорацій, яв-

шающую первосвященника мощной опоры въ конгрегаціяхъ, гдѣ ведутся самыя важныя дѣла церкви; не только должны жаловаться, что отнимаютъ служителей у алтара закономъ о рекрутскомъ наборѣ, принуждающимъ всякаго безразлично служить въ военной службѣ, что отнимаютъ у нашей власти и у власти духовенства благотворительныя и богоугодныя заведенія воздвигнутыя въ Римѣ или епископами или католическими націями, поставившими ихъ подъ надзоръ церкви; не только мы принуждены съ безмѣрною скорбію для нашего отеческаго и пастырскаго сердца видѣть предъ нашими глазами успѣхъ ереси въ этомъ самомъ городѣ Римѣ, центрѣ католической религіи, гдѣ вновь вѣрные храмы и школы воздвигаются въ большомъ числѣ, и замѣчать развращеніе отъ того происходящее въ большой части молодежи, которой дается воспитаніе противное доброй вѣрѣ, но какъ будто всего этого мало, пытаются еще уничтожить самыя акты нашей духовной юрисдикціи.

Вамъ хорошо извѣстно, г. кардиналъ, какимъ образомъ со времени занятія Рима, дабы успокоить отчасти совѣсть католиковъ, крайне озабоченныхъ участію ихъ главы, посредствомъ публичныхъ и торжественныхъ декларацій утверждали, что желаютъ предоставить полную свободу первосвященнику при назначеніи епископовъ на различныя каберды въ Италіи. Но затѣмъ, подъ предлогомъ что акты ихъ каноническаго посвященія не были представлены на одобреніе правительства, вновь назначеннымъ епископамъ не только отказали въ доходахъ съ ихъ имуществъ, нанося тѣмъ тягостный расходъ апостольскому престолу, принужденному заботиться объ ихъ содержаніи, но еще, къ великому ущербу для душъ вѣрныхъ ихъ попеченіямъ, не захотѣли признать въ исходящихъ отъ нихъ актахъ, каковы назначенія въ приходы и другія церковныя распоряженія, епископской юрисдикціи.

И когда для устраниенія этихъ столь важныхъ золъ, апостольскій престолъ допустилъ, чтобы вновь избранные епископы Италіи представляли буллы объ ихъ назначеніи и объ ихъ посвященіи сдѣланномъ согласно съ канонами, то положеніе церкви не стало выносимѣе отъ того, ибо несмотря на требуемое представленіе продолжали подъ пустыми предлогами отказывать въ доходахъ многимъ епископамъ и не признавать ихъ юрисдикціи.

Что касается тѣхъ, которые могутъ достигнуть дѣлан, то они видятъ, что ихъ требованія передаются изъ канцеляріи въ канцелярію и подвергаются продолжительнымъ отсрочкамъ; и люди почтенные, извѣстные своими добродѣтелями, которыхъ первосвященникъ нашелъ достойными занимать первыя ступени церковной іерархіи, принуждены подвергаться униженію тайныхъ и мелочныхъ розысковъ, какъ будто бы это были люди подозрительные и самаго низкаго сословія. Даже почтенный братъ назначенный нами для управленія нашимъ именемъ церковью въ Перуджіи, хотя и былъ предложенъ правительству въ другой епархіи и признанъ тамъ законнымъ образомъ, давно уже и напрасно ждетъ себѣ отвѣта. Такимъ образомъ съ помощью недостойныхъ ухищреній по политическимъ причинамъ у церкви отнимаютъ лѣвою рукой то, что притворно даютъ ей правою.

Чтобъ усложнить еще болѣе положеніе вещей, недавно пожелали для блага италіянскихъ епархій поставить на видъ право королевскаго патроната, съ

притязаніями столь преувеличенными и съ мѣрами столь неванастными, что у нашего почтеннаго брата, архіепископа Кіети, судебнымъ приговоромъ не только оспариваютъ юрисдикцію, но объявляютъ его назначеніе неправильнымъ и даже не признаютъ его епископскаго характера.

Мы не имѣемъ намѣренія останавливаться здѣсь, чтобы доказывать несостоятельность подобныхъ правъ, несостоятельность, которая признается и многими изъ нашихъ противниковъ. Намъ достаточно напомнить, что апостольскій престолъ, коему принадлежитъ замѣщеніе епископствъ, никогда не имѣлъ обыкновенія предоставлять права патроната иначе какъ государямъ, оказавшимъ великія услуги церкви поддержкой ея правъ, охраненіемъ ея наслѣдія, и что государи возстающіе противъ нея, нападающіе на ея права, присвоивающіе себѣ ея наслѣдіе, этииъ однимъ уже, на основаніи законовъ, становятся неспособными къ пользованію означеннымъ правомъ.

Факты, которыхъ мы касались до сихъ поръ, очевидно имѣютъ въ виду доказать намѣреніе продолжить въ Италіи систему все возрастающей вражды противъ церкви и свидѣлствуютъ ясно, какого рода свобода ей предоставлена, какимъ уваженіемъ желаютъ окружить главу католической вѣры.

Въ такомъ плачевномъ положеніи вещей намъ не безызвѣстны, г. кардиналъ, священныя обязанности налагаемыя на насъ апостольскимъ служеніемъ, и воздвѣвъ очи къ небу, подкрѣпивъ душу нашу твердою надеждою на божественную помощь, мы стараемся никогда не отступать отъ нихъ. Что касается васъ, то призванные нашимъ довѣріемъ къ развитію нашихъ высокнхъ заботъ, вы благоволите, подобно вашему знаменитому предшественнику, внести въ исполненіе вашихъ намѣреній содѣйствіе вашего твердаго и разумнаго трудолюбія, и будьте увѣрены что наша помощь никогда не оставитъ васъ.

Въ ожиданіи этого, въ видѣ залога нашей особенной любви, примите апостольское благословеніе, которое мы вамъ даемъ отъ глубины сердца. “

— „Разсужденія германской печати о письмѣ папы Льва XIII къ кардиналу Нинѣ обнаруживаютъ весьма замѣчательную перемену въ отношеніяхъ германскаго общества къ Ватикану. Насколько либеральныя берлинскія газеты до сихъ поръ оказывали недоувѣрія къ папскому правительству и старались видѣть въ его заявленіяхъ твердое намѣреніе продолжать слѣдовать образу дѣйствій, вызвавшему современныя церковныя столкновенія, — настолько же теперь эти самыя газеты относятся съ довѣріемъ къ миролюбивымъ намѣреніямъ Льва XIII и стараются въ письмѣ его отъ 27 августа найти оправданіе своимъ предположеніямъ. Тѣ части папскаго посланія, которыя относятся къ Германіи, проникнуты дѣйствительно такимъ миролюбивымъ духомъ, что если бы прусская либеральная печать ограничилась указаніемъ на такую особенность письма Льва XIII, то въ этомъ не было бы ничега удивительнаго. Но она идетъ

дальше. Достойны замѣчанія, на примѣръ усилія „National Zeitung“—главнаго органа національ-либеральной партіи — доказать, что сама Италия должна радоваться недавнимъ заявленіямъ Ватикана. Названная газета видитъ въ нихъ признакъ „полнаго превращенія“ папской политики относительно Италии. „Безъ сомнѣнія—замѣчаетъ „National Zeitung“—римскій первосвятитель обсуждаетъ въ подробностяхъ право назначенія епископовъ и энергически защищаетъ права Церкви по отношенію къ королевской власти; но самый фактъ этого обсуждения и то обстоятельство, что папа требуетъ разграниченія соответственныхъ правъ государства и церкви въ Италиі, не возобновляя традиціонныхъ протестовъ противъ новаго королевства и уничтоженія свѣтской власти—все это придаетъ его письму большое значеніе. Посланіе Льва XIII заключаетъ въ себѣ косвенное, безмолвное признаніе итальянскаго королевства и утраты свѣтской власти. Папа энергически опирается на духовную власть; но онъ не утверждаетъ, чтобы для свободы папства свѣтская власть была безусловно необходима. Онъ сильно сожалеетъ о недостаточности свободы, предоставленной церкви; но онъ не отождествляетъ желаемаго имъ излишка свободы съ обладаніемъ Римомъ. Левъ XIII отказался отъ протеста противъ уничтоженія свѣтской власти. Нужно конечно имѣть много мужества, чтобы оставить такимъ образомъ борьбу, начатую Шиемъ IX. Но эти миролюбивыя намѣренія, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ приняты съ великою радостью въ Римѣ и во всей Италиі“. Последнее предвидѣніе „National Zeitung“ до сихъ поръ еще не осуществилось. Напротивъ того, изъ Рима пишутъ, что письмо Льва XIII произвело въ Италиі непріятное впечатлѣніе. Итальянскій народъ не только не видитъ въ этомъ письмѣ признава миролюбивыхъ стремленій, но напротивъ того усматриваетъ въ немъ предвзятую мысль оскорбить Италию и уединить ее, такъ какъ Ватиканъ, продолжая оказывать ей враждебность, въ тоже время выражаетъ готовность заключить миръ съ другими правительствами. Не измѣнится ли эта оцѣнка, сдѣланная съ перваго взгляда, впоследствии, когда ближе ознакомятся съ письмомъ къ кардиналу Нинѣ? Во всякомъ случаѣ, замѣчанія „National Zeitung“ заслуживаютъ быть принятыми въ соображеніе. Совершится или нѣтъ переворотъ возрвній въ Италиі на Ватиканъ, вслѣдствіе посланія Льва XIII, но онъ уже ясно обнаружился въ Германіи („Le Nord“).

— По поводу происходившихъ недавно въ Константинополь выборы вселенскаго патріарха, корреспондентъ газеты „Темръ“ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о порядкѣ избранія патріарха: „Прежде всего слѣдуетъ припомнить тѣ учрежденія, изъ которыхъ составлена церковная греческая община въ Турціи; они слѣдующіе: 1) патріархатъ и его канцелярія; 2) святѣйшій синодъ 3) смѣшанный совѣтъ и 4) собраніе народныхъ делегатовъ. Святѣйшій синодъ состоитъ изъ двѣнадцати митрополитовъ, подъ предсѣдательствомъ вселенскаго патріарха. Въ прежнее время двѣнадцать митрополитовъ или архіепископовъ болѣе извѣстныхъ епархій, и притомъ постоянно одни тѣ же, составляли по праву это собраніе. Теперь же всѣ митрополиты въ имперіи поочередно должны состоять членами святѣйшаго синода. Каждый изъ нихъ засѣдаетъ по одному году. Смѣшанный совѣтъ, самое названіе котораго указываетъ на его назначеніе, т. е. веденіе гражданскихъ и нѣкоторыхъ религіозныхъ дѣлъ, состоитъ изъ четырехъ митрополитовъ, членовъ святѣйшаго синода, и шести мірянъ, назначаемыхъ на два года собраніемъ народныхъ выборныхъ. Это послѣднее собраніе состоитъ изъ уполномоченныхъ областей, приходовъ и корпорацій константинопольскихъ. Оно баллотируетъ имена прелатовъ, которые, по его мнѣнію, достойны занимать патріаршій престолъ. Такимъ образомъ составляется списокъ кандидатовъ, представляемый Высокой Портѣ. По уставу, Высокая Порта имѣетъ право вычеркнуть изъ каждаго трехъ именъ одно. Затѣмъ списокъ отсылается обратно въ общину и собраніе уполномоченныхъ собирается вторично для назначенія трехъ окончательныхъ кандидатовъ изъ оставшихся невычеркнутыми. Часто между народомъ и духовенствомъ возникаетъ различіе во взглядахъ относительно назначенія патріарха. Интересы народа заключаются только въ томъ, чтобы будущій патріархъ былъ самый достойный человекъ, духовенство же, смотрящее на этотъ вопросъ съ мѣткою патріотической точки зрѣнія, поддерживаетъ такого кандидата, который защищалъ бы его частные интересы самымъ энергическимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ народъ старается оставить за собою послѣднее слово, и вотъ какимъ образомъ онъ дѣйствуетъ на святѣйшій синодъ, которому принадлежитъ право окончательнаго выбора. Мы только-что сказали, что въ первый списокъ, представляемый Высокой Портѣ, вносятся имена многихъ митрополитовъ. Такимъ образомъ въ этомъ длинномъ спискѣ заключаются имена нѣкоторыхъ епископовъ, получившихъ только нѣ-

сколько голосовъ отъ своихъ друзей или уполномоченныхъ ихъ округа, другими словами, имена епископовъ, менѣе достойныхъ для столь высокаго сана. Во вторичномъ собраніи міряне, которые составляютъ большинство, вычеркиваютъ кандидата духовенства, ставятъ своего впереди и вслѣдъ за нимъ двухъ другихъ изъ вышеупомянутыхъ менѣе достойныхъ епископовъ. Этотъ списокъ передается въ святѣйшій синодъ, который въ тотъ же день долженъ немедленно собраться въ патріаршей церкви. Члены святѣйшаго синода обязаны выбрать патріарха изъ трехъ представленныхъ имъ кандидатовъ. Каждый изъ нихъ опускаетъ въ священную дароносицу свой избирательный бюлеть. Будучи поставлены въ необходимость выбрать одно изъ двухъ: или назначить неспособнаго кандидата, или сообразоваться съ волею народа, они конечно склоняются на сторону послѣдняго. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности патріархомъ назначается всегда избранный народомъ. По окончаніи баллотировки и счета голосовъ, провозглашается имя избраннаго вселенскаго патріарха, а Высокой Портѣ посылается о томъ официальное извѣщеніе⁴.

— О дѣятельности Берлинской Городской Миссіи. Евангелическая Городская Миссія въ Берлинѣ дѣйствуетъ весьма успѣшно. Въмѣсто прежнихъ 6 городскихъ миссіонеровъ подъ руководствомъ одного пастора теперь въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе 15 миссіонеровъ подъ руководствомъ двухъ пасторовъ. Кромѣ того, на попеченіе миссіи могли быть приняты пять новыхъ приходовъ и въ томъ числѣ—два самыхъ большихъ прихода въ Берлинѣ, именно: приходъ св. Фомы, имѣющій около 90,000 душъ, и св. Марна, имѣющій около 70,000 душъ. Равнымъ образомъ и доходы миссіи увеличились болѣе, чѣмъ втрое. Отчетъ кассы за 1877 годъ показываетъ доходъ въ 34,646 марокъ, и такъ какъ расходы въ то же время доходили до 27,786 марокъ; то у миссіи осталось наличнаго капитала для расхода около 6,859 марокъ. Кромѣ того въ Берлинѣ три парохіальныхъ общества и семь дамскихъ обществъ приняли на себя обязанность поддерживать городскую миссію; въ Помераніи, въ Гавелландѣ а также и въ Западной Пруссіи возникли вспомогательныя общества съ той же цѣлю. Прогрессъ состоитъ еще и въ томъ, что во главѣ этого дѣла недавно сталъ свободный комитетъ, не находящійся ни въ какомъ прямо официальномъ отношеніи къ церковнымъ органамъ, между тѣмъ какъ прежде это дѣло было вѣрено руководству берлинскаго генераль-суперинтендента, и

безъ того сильно обремененнаго занятіями. Дѣятельность миссіи стала въ настоящее время настоятельною необходимостію. Ибо цѣфра берлинскаго населенія превысила уже милліонъ. Въ однихъ только предмѣстіяхъ города живетъ 600,000 человекъ: на это огромное число приходится только 37 духовныхъ лицъ. Нѣтъ нужды особенно доказывать, что при такихъ обстоятельствахъ пастырская задача берлинскихъ духовныхъ лицъ стала необычайно трудною, даже невыполнимою, и что самые честные, дѣятельные пасторы не могутъ даже приблизительно удовлетворить духовнымъ нуждамъ своихъ приходовъ; ибо извѣстно, что въ послѣдніе годы не только населеніе города возросло до громадныхъ размѣровъ, но и отчужденіе отъ церкви, безнравственность, преступленія и бѣдность безпримѣрнымъ образомъ усилились. По официальнымъ извѣстіямъ въ періодъ времени отъ 1871 до 1875 года цѣфра преступленій, судившихся въ прусскихъ судахъ присяжныхъ, отъ 6,403 повысилась до 10,268; именно число убійствъ и покушеній на убійство отъ 92 дошло до 221; число дѣтубійствъ — отъ 82—до 150; число вѣтвопреступленій—отъ 594 до 900; число преступленій противъ нравственности — отъ 501 до 1,013; число лжесвидѣтельствъ — отъ 1,344 до 2,556. Что же касается собственно города Берлина, то отношеніе во всѣхъ этихъ случаяхъ представляется въ еще худшемъ видѣ. „Берлинская Статистическая Лѣтопись“ 1877 года замѣчаетъ слѣдующее: между тѣмъ какъ въ цѣломъ государствѣ число всѣхъ преступленій, судившихся въ судахъ присяжныхъ въ 1875 году, относится почти какъ 1:2,500 жителей, въ Берлинѣ отношеніе это почти вдвое неблагопріятнѣе, именно: 1 на 1,400 жителей. и притомъ усиленіе преступленій въ Берлинѣ сравнительно съ предшествующимъ годомъ (1:1,500 жителей) особенно значительно. Отчетъ, заключающій послѣднія извѣстія о дѣятельности Берлинской городской миссіи, сообщая отдѣльные факты и событія, набрасываетъ по истинѣ ужасающую картину нравственнаго, религіознаго и церковнаго состоянія тѣхъ частей народонаселенія, съ которыми городская миссіи приходила въ соприкосновеніе. Для достиженія цѣлей миссіи въ различныхъ приходахъ основаны общества и союзы, соединяющіе различныхъ лицъ для совокупной христіанской дѣятельности, общества для ухода за больными, для посѣщенія заключенныхъ въ тюрьмахъ, общества воздержанія и т. под. Съ особеннымъ успѣхомъ городская миссіа занимается такъ-называемыми воскресными школами, причѣмъ замѣчается, что доброе христіанское направленіе, получае-

мое дѣтвѣ въ этихъ школахъ, отражается и на родителяхъ. Равнымъ образомъ распространеніе Библіи и различныхъ религиозныхъ сочиненій является однимъ изъ главныхъ средствъ миссіонерской дѣятельности; а посему городская миссія обратила на это средство особенное вниманіе. Такимъ образомъ въ теченіе семи мѣсяцевъ въ сѣверномъ округѣ распространено было 11,396 экземпляровъ религиозныхъ периодическихъ изданій, другихъ мелкихъ сочиненій — 18,673 экземпляра, а въ теченіе пѣлаго года — почти 49,000 экземпляровъ.

КЪ ЦЕРКОВНО-СВѢЧНОМУ ДѢЛУ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу открытія въ Москвѣ епархіальнаго церковно-свѣчнаго завода помѣщена статья, авторъ которой останавливается на опасеніяхъ и недоразумѣніяхъ, существующихъ въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ относительно веденія этого дѣла духовенствомъ.

Вполнѣ сочувствуемъ, — говоритъ авторъ, — устройству епархіальнаго свѣчнаго завода какъ предпріятію въ высшей степени полезному для нуждъ церкви и духовенства. При всемъ томъ устройство епархіальнаго свѣчнаго завода вызываетъ разныя возраженія, которыя можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „Свѣчной заводъ можетъ лопнуть, и устройство его — не дѣло священнослужителей“. Не отрицая возможности лопанія свѣчныхъ и всякихъ заводовъ, мы тѣмъ не менѣе должны, по простому здравому смыслу, признать таковую возможность относительно епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ въ весьма минимальныхъ размѣрахъ, коль скоро примемъ во вниманіе обязательную для первой епархіи покупку свѣчъ изъ этихъ заводовъ: если подъ такимъ условіемъ заводъ можетъ лопнуть, то что же можно сказать о всякихъ другихъ свѣчныхъ заводахъ, которые не находятся въ столь благоприятныхъ условіяхъ и однако не лопаются, а многіе весьма и весьма процвѣтаютъ? Да пусть говорятъ факты сами за себя. Обращаемъ вниманіе читателей на тѣ результаты, какіе даны саратовскимъ и нижегородскимъ заводами даже при конкуренціи съ ними частныхъ свѣчепромышленниковъ (см. „Православное Обзорніе“ 1875 — 7 годовъ). Развѣ ужъ остается предположить, что въ другихъ епархіяхъ возможно устраивать свѣчные заводы и только въ одной Москвѣ обстоятельства складываются столь неблагоприятно, что въ ней должны лопаться всѣ благія предпрі-

літія духовенства?.. Но не входя въ подробный разборъ практической стороны вопроса объ устройствѣ епархіального свѣчнаго завода въ Москвѣ и предоставляя его разъясненіе спеціалистамъ, мы перейдемъ къ сторонѣ теоретической.

Было бы неприлично для духовенства устраивать свѣчныя заводы для вѣтренныхъ ихъ попеченію церквей, еслибъ это было возбранено церковными правилами. Но церковныя правила, при всей строгости взгляда на священный санъ, не заключаютъ въ себѣ такого запрещенія. Правилами апостольскими и соборными запрещаются духовнымъ лицамъ съ одной стороны занятія несомвѣстныя съ прохожденіемъ пастырскаго служенія, съ другой—прямо неприличныя духовному сану. Ни той, ни другой категоріи не подлежитъ устройство свѣчнаго завода.

Устройство завода не можетъ отвлечь духовенство отъ исполненія его прямыхъ обязанностей пасенія стада Христова. Духовенство не само же будетъ лить свѣчи на заводѣ. Да и ближайшая забота и надзоръ надъ устройствомъ завода лягутъ не на все духовенство, а лишь на комиссію, состоящую изъ нѣсколькихъ лицъ. Сверхъ того, труды комиссіи значительно могутъ быть облегчены со стороны старостъ и лицъ изъ заштатнаго духовенства, которыя могли бы получить чрезъ это кусокъ хлѣба. Да не гораздо ли болѣе духовенство отвлечено отъ своихъ прямыхъ обязанностей своими житейскими дѣлами, при настоящемъ неустройствѣ его экономическаго быта, особенно по селамъ? Такимъ образомъ устройство епархіального свѣчнаго завода не можетъ представляться несомвѣстнымъ съ прохожденіемъ пастырскаго служенія. Тѣмъ болѣе нельзя причислить это дѣло къ занятіямъ прямо неприличнымъ для священнаго сана. Согласно наставленію апостола Павла, запрещается духовнымъ лицамъ „взимать лихву, заниматься ростовщичествомъ“. ап. пр. 42—44; 1 Всел. пр. 17; Лаод. пр. 4; Трулл. пр. 11, „содержать корчемницы“. Трулл. пр. 9, „быть откупателями ради корысти, или управителями“, Карѣ. пр. 19. По смыслу этихъ правилъ можно было бы сказать что устройство свѣчнаго завода обнаруживаетъ въ духовенствѣ страсть къ наживѣ и и вовлекаетъ его въ фабричную промышленность, въ торговлю. Но какъбы мы ни разукрашали этотъ аргументъ, все же онъ будетъ несостоятеленъ. Страсть къ наживѣ развивается именно тамъ, гдѣ преслѣдуются личные интересы; но устройство епархіального свѣчнаго завода должно быть отнесено къ разряду чисто общественныхъ предпріятій, направленныхъ къ улучшенію

цѣлой массы, а не тѣхъ или другихъ лицъ въ отдѣльности. Прямая цѣль устройства епархіального завода—увеличить средства для образованія будущихъ пастырей, а никакъ не увеличеніе чьихъ-либо личныхъ выгодъ. Сверхъ того, еслибы духовенство наше было богатымъ сословіемъ въ родѣ купечества, или имѣло бы хоть сколько-нибудь экономически обезпеченное положеніе, то пріобрѣтеніе лишннихъ матеріальныхъ средствъ дѣйствительно обличало бы въ немъ страсть къ наживѣ: но, какъ извѣстно, у насъ и въ столицахъ не много состоятельныхъ приходовъ, большинству же городского и особенно сельскаго духовенства приходится довольствоваться крупницами падающими отъ трапезы господъ. Далѣе самое пуганье словами: „фабричная промышленность, торговля“ болѣе чѣмъ странно. Свѣчной промыселъ не можетъ быть поставленъ на ряду, напримѣръ, съ содержаніемъ корчемницъ или заорныхъ гостиницъ: пчеловодство и промыслъ воскомъ и свѣчами едва ли опозорятъ и самыхъ идеальныхъ пустынножителей. Равно и сами по себѣ промышленность и торговля безъ обмана и надувательства производителей и потребителей не представляютъ ничего достойнаго нареканія.

Занятія имѣющія торговый характеръ входятъ въ житейскій кругъ и духовенства. Мы не говоримъ о продажѣ сельскими пастырями произведеній сельскаго хозяйства, или о продажѣ профоръ при церквахъ, мы указываемъ на такія статьи дохода, какъ отдача земель въ аренду сельскимъ духовенствомъ, или отдача квартиръ въ наймы городскимъ духовенствомъ: такія статьи дохода заключаютъ въ себѣ чисто денежный характеръ, свойственный торговымъ коммерческимъ предпріятіямъ—и однако, едва ли можно серіозно говорить о неприличіи для духовенства сдавать земли въ аренду или отдавать квартиры внаймы. По церковнымъ правиламъ, епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ дозволяется посѣщать „свои имѣнія“ даже и въ „чужихъ епархіяхъ“. Сард. соб. пр. 12 и 16: изъ этихъ правилъ ясно вытекаетъ, что духовенству не запрещается не только продавать издѣлія собственныхъ рукъ, но и владѣть такою собственностью, съ которою необходимо связаны обороты имѣющіе болѣе или менѣе торговый характеръ. Если мы примемъ во вниманіе свѣчную продажу въ самыхъ церквахъ, то имѣтъ уже никакой возможности доказать неприличіе для духовенства имѣть производство свѣчъ для церквей: тамъ перепродается изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, здѣсь же продается то, о производствѣ чего заботится само духовенство. Да наконецъ страннымъ пред-

ставляется то, почему ревнители пастырскаго достоинства не говорятъ о неприличіи отцамъ монашествующимъ, давшимъ объѣтъ нестяжательности, не только имѣть свои свѣчные заводы, но и содержать помѣщенія для гостинницъ, и порицають бѣлое духовенство, не связанное въ такой мѣрѣ какъ монашествующее объѣтомъ нестяжательности, за дѣло, которое не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго?...

Устройство епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ не только не можетъ считаться неприличнымъ для духовенства, но напротивъ должно лежать на его обязанности. Въ послѣднее время уже гласно стали обнаруживаться злоупотребленія нашихъ свѣчепромышленниковъ; обязанность духовенства блюсти, чтобы храмы были освѣщаемы свѣчами чисто-восковыми, а не какою-либо издающею смрадь смѣсью, какъ не рѣдко бываетъ теперь. Но главный нашъ вопросъ: на какое употребленіе идутъ восковыя свѣчи, на домашнее или на церковное? На домашнее употребленіе, какъ извѣстно, онѣ не идутъ по своей дороговизнѣ, и потому *въ массѣ онѣ исключительно идутъ для освѣщенія церквей.* Но если такъ, то существенно измѣнится самая почва вопроса о томъ, имѣетъ ли духовенство законное основаніе, чтобы производство восковыхъ свѣчъ сдѣлать предметомъ своего попеченія и завѣдыванія.

Достойно примѣчаніе, что наши свѣчные заводы, поколику они находятся въ рукахъ торговаго сословія, обязаны своимъ происхожденіемъ не какимъ-либо глубокимъ историческимъ причинамъ, а чисто-внѣшней случайности; прежде было ручное домашнее производство восковыхъ свѣчъ и находилось преимущественно въ рукахъ такъ-называемыхъ черновииковъ, (такъ же какъ и теперь просфоры) и лишь въ послѣднее время, съ развитіемъ механическаго производства, начали устраиваться и восковыя свѣчные заводы; но какъ устройство ихъ требовало затраты матеріальныхъ средствъ, то мало-по-малу свѣчное производство перешло въ руки торговаго сословія, и если осталось за церквами, то лишь въ большихъ монастыряхъ и нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ. Но если устройство свѣчныхъ заводовъ перешло въ руки торговаго сословія благодаря лишь перевѣсу капитала, то такой порядокъ въ дѣлахъ церковнаго хозяйства не можетъ казаться нормальнымъ. Еще при ручномъ приготовленіи восковыхъ свѣчъ за церковью была утверждена монополія ихъ продажи: „понеже мнози бывають при церквахъ продающе тѣя, — говорится въ указѣ Петра

Великаго февраля 28 1721 года, — съ получениемъ не церкви, но себѣ прибытка, который не иному кому, но церковному имѣнію приобщатися долженъ“, то „продающимъ не отъ лица церкви свѣчи, но себѣ точію отъ сея церковныя вещи пребытокъ получающимъ, учинить заказъ, дабы они впредь оныхъ свѣчъ не продавали и въ купечествѣ своемъ не содержали“. Наши свѣчные торговцы не прямо ли подходятъ подъ категорію „продающихъ свѣчи не отъ лица церкви, но себѣ точію отъ сея церковныя вещи пребытокъ получающихъ“?

АКТЪ ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1 октября Московская Духовная Академія торжественно праздновала свой годичный актъ. Наканунъ этого дня всенощное бдѣніе въ домовоі академической церкви совершено было преосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ Можайскимъ. Онъ же совершалъ и литургію въ самый день праздника, въ сослуженіи ректора Академіи, протоіерея С. К. Смирнова, эконома, іеромонаха Анастасія, и другихъ лицъ находящихся при Академіи и имѣющихъ священныи санъ. По окончаніи торжественнаго богослуженія, преосвященный Алексій, всѣ служащіе въ Академіи, студенты и многіе изъ посторонней публики, собрались въ актовую залу, гдѣ предъ началомъ засѣданія стройно пропѣта была церковная пѣснь *Царю Небесный*. Актъ открылся рѣчью профессора Академіи (на сверхштатной кафедрѣ) Д. Θ. Голубинскаго. Предметомъ рѣчи было изслѣдованіе *О соотношеніи между устройствомъ земнаго шара и условіями развитія жизни на немъ*. Эта рѣчь, небольшая по объему, была выслушана съ большимъ вниманіемъ и интересомъ всѣми присутствовавшими. Послѣ нея прочитанъ былъ въ извлеченіи отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ минувшемъ 1877—78 учебномъ году. Изъ этого отчета видно слѣдующее:

Личный составъ служащихъ при Московской Духовной Академіи въ началѣ истекшаго учебнаго года простирался до 37 лицъ. Въ это число входили: 4 ординарные и 9 экстраординарныхъ профессоровъ, 7 доцентовъ, 6 приватъ-доцентовъ на штатныхъ кафедрахъ, три лектора новыхъ языковъ, два сверхштатныхъ преподавателя въ званіи ординарныхъ профессоровъ и шесть другихъ должностныхъ лицъ. Въ теченіе года произошли

слѣдующія перемѣны въ составѣ служащихъ при Академіи: ректоръ Академіи, докторъ богословія, архимандритъ Михаилъ, былъ рукоположенъ во епископа Уманскаго, викаріи Кіевской митрополіи, и назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ Кіевской Духовной Академіи, а потому со второй половины истекшаго учебнаго года оставилъ службу при здѣшней Академіи. Бывшій инспекторъ Академіи, ординарный профессоръ С. К. Смирновъ, принялъ священство и будучи возведенъ въ санъ протоіерея, назначенъ ректоромъ здѣшней Академіи съ апрѣля мѣсяца текущаго года. Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ библейской археологіи и еврейскаго языка П. И. Горскій-Платоновъ совѣтомъ избранъ въ инспектора Академіи и утвержденъ въ этой должности св. Синодомъ. Экстраординарный профессоръ Академіи, по кафедрѣ каноническаго права, А. Ѳ. Лавровъ-Платоновъ въ январѣ, нынѣшняго года принялъ монашество; затѣмъ, въ началѣ марта, былъ возведенъ въ санъ архимандрита, и наконецъ въ апрѣлѣ рукоположенъ во епископа Можайскаго, втораго викарія Московской митрополіи. Съ конца истекшаго учебнаго года онъ совершенно оставилъ службу при Московской Духовной Академіи. Кандидатъ той же Академіи Ив. Соколовъ, послѣ защиты имъ диссертациі *pro venia legendi* и по прочтеніи положенныхъ уставомъ трехъ пробныхъ лекцій въ присутствіи членовъ отъ историческаго отдѣленія, принятъ былъ въ число преподавателей Академіи въ качествѣ приватъ-доцента по вновь учрежденной здѣсь нештатной кафедрѣ византійской церковной исторіи. Помощникъ секретаря А. О. Ключаревъ уволенъ, по прошенію, изъ состава служащихъ при Академіи для поступленія на духовную службу въ Московское епархіальное вѣдомство. Помощникъ бібліотекаря В. П. Лучининъ, онъ же и лекторъ нѣмецкаго языка, также уволенъ, по прошенію, отъ должности помощника бібліотекаря.

Съ выбытіемъ и перемѣщеніемъ на другія должности упомянутыхъ выше лицъ составъ совѣта Академіи во второй половинѣ учебнаго года измѣнился. Вмѣсто выбывшаго ректора, архимандрита Михаила (нынѣ епископа Уманскаго) до назначенія новаго, предсѣдалъ въ совѣтѣ Академіи заслуженный ординарный профессоръ и деканъ богословскаго отдѣленія В. Д. Кудрявцевъ. Въ теченіе года Совѣтъ имѣлъ тридцать собраній: одно торжественное, въ день тодичнаго акта, одно публичное, по случаю докторскаго диспута, и остальные — обыкновенными.

Кромѣ замѣщенія вакантныхъ кафедръ въ Академіи, наиболѣе

важными предметами занятій совѣта были: 1) обсужденіе вопросовъ по предложенію высшаго начальства; 2) избраніе въ почетные члены Академіи; 3) возведеніе въ ученые степени; 4) пополненіе академической бібліотекы книгами; 5) присужденіе премій изъ пожертвованныхъ на то суммъ; 6) составъ учебныхъ курсовъ, устройство занятій и оцѣнка успѣховъ и поведенія студентовъ.

Въ почетные члены Московской Духовной Академіи избраны были и утверждены въ этомъ званіи: бывший ректоръ Киевской Духовной Академіи преосвященный Филаретъ, бывший Уманскій, нынѣ Рижскій епископъ, во уваженіе его многолѣтняго и значительнаго содѣйствія успѣхамъ духовнаго просвѣщенія и его ученыхъ трудовъ по исследованію о священныхъ книгахъ Вѣтхаго Завета, и протоіерей Московскаго Архангельскаго собора, докторъ богословія М. И. Богословскій, во уваженіе къ его многолѣтнему и плодотворному служенію церкви и ученымъ его трудамъ по изображенію судебъ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной въ духъ библейскихъ повѣствованій.

Въ истекшемъ году Московская Духовная Академія, на основаніи новаго устава, удостоила ученыхъ степеней: 1) доктора богословія—экстраординарнаго профессора Московскаго университета, протоіеря А. М. Ивандова-Платонова, послѣ публичнаго защищенія имъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства* (часть I, обзорніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ), изд. 1877 года; 2) степени кандидата богословія—37 студентовъ окончившихъ полный курсъ академическаго образованія; 3) по прежнему уставу, нѣсколько человекъ окончившихъ курсъ до 1870 года, сообразно съ достоинствами ихъ сочиненій и отвѣтовъ на устныхъ испытаніяхъ, удостоены степени кандидата и магистра богословія.

Въ распоряженіи совѣта Академіи были четыре премія: одна для наставниковъ Академіи, въ 640 рублей, изъ процентовъ съ капитала пожертвованнаго покойнымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ по случаю совершившагося въ 1864 году пятидесятилѣтія Московской Духовной Академіи; и три для студентовъ, въ 200 руб., 160 и 33 руб. 50 коп. изъ процентовъ съ капиталовъ пожертвованныхъ протоіереями Невоструевымъ и Орловымъ и бывшимъ архіепископомъ литовскимъ Юсифомъ, въ награды студентамъ наиболѣе отличившимся въ составленіи кандидатскихъ сочиненій и проповѣдей. Первая премія присуждена одному изъ экстраординарныхъ профессоровъ, Петру Каванско-

му, а три послѣднія — наиболѣе отличившимся въ указанномъ отношеніи студентамъ.

Занятія наставниковъ Академіи состояли въ разработкѣ и преподаваніи предметовъ академическаго образованія, въ руководствѣ студентовъ при ихъ самостоятельныхъ научныхъ занятіяхъ, въ повѣркѣ и оцѣнкѣ ихъ успѣховъ, въ исполненіи порученій совѣта и отдѣленій и въ учено-литературныхъ трудахъ.

Къ началу 1877—78 учебнаго года оставались отъ предшешаго года три академическіе курса: четвертый, третій и второй; а первый курсъ въ полномъ составѣ образовался въ началѣ отчетнаго учебнаго года, послѣ повѣрочныхъ испытаній студентовъ семинарій желавшихъ поступить въ составъ этого курса. Къ повѣрочнымъ испытаніямъ явились по назначенію семинарскихъ правленій 22 студента семинарій, но своему желанію 29. Устные испытанія произведены были по священному Писанію, церковной исторіи, обзору философскихъ ученій и по одному изъ древнихъ языковъ избранному по желанію испытуемыхъ; письменные же отвѣты давались на вопросы по священному Писанію, нравственному богословію и словесности. По окончаніи испытаній изъ 51 державшихъ испытанія 47 человекъ приняты въ число студентовъ Академіи, а четверо признаны недостаточно подготовленными къ слушанію академическихъ лекцій. Изъ вновь принятыхъ 30 человекъ по обычаю зачислены на штатныя казеннокоштные вакансіи, нѣсколько человекъ на частныя, остававшіяся свободными, стипендіи, а остальнымъ предоставлено содержаться на собственный счетъ. Число всѣхъ своекоштныхъ студентовъ въ истекущемъ году простиралось до 25 человекъ. Въ виду этого, сказано въ отчетѣ, весьма было бы желательно увеличеніе числа стипендій при Московской Духовной Академіи. Въ истекшемъ году впрочемъ къ удовольствію Академіи, были учреждены три полныя стипендіи для студентовъ, по 200 рублей каждая, посвященныя памяти покойнаго ректора Академіи протоіея А. В. Горскаго, преосвященнаго Никодима, бывшаго епископа могайскаго, и Ю. Ѡ. Самарина, бывшаго почетнаго члена Московской Духовной Академіи.

Въ концѣ отчетнаго учебнаго года произведены были испытанія студентовъ трехъ первыхъ курсовъ въ преподаваемыхъ ими наукахъ и магистерскія испытанія студентовъ четвертаго курса по предметамъ избранныхъ ими группъ. Студенты трехъ первыхъ курсовъ были испытываемы посредствомъ письменнаго рѣшенія двухъ задачъ для каждаго курса и посредствомъ уст-

ныхъ отвѣтовъ по каждому изъ преподанныхъ имъ предметовъ. Испытанія студентовъ четвертаго курса состояли въ устныхъ отвѣтахъ по предметамъ ихъ практически-спеціальныхъ занятій, причемъ требовалось не только основательное знаніе предмета и отчетливое его изложеніе, но и достаточное знакомство съ источниками и литературой предмета. Изъ всѣхъ студентовъ четвертаго курса (числомъ 37 человѣкъ) подвергавшихся магистерскимъ испытаніямъ, 33 студента дали удовлетворительные отвѣты по всѣмъ предметамъ избранныхъ ими группъ, а четыре студента неудовлетворительные по одному изъ предметовъ.

Вслѣдъ за чтеніемъ отчета, отецъ ректоръ Академіи провозгласилъ о состоявшемся въ тотъ день на засѣданіи совѣта избраніи въ почетные члены Академіи: преосвященнаго Евгенія, бывшаго епископа сибирскаго, преосвященнаго Амвросія, епископа дмитровскаго, преосвященнаго Алексія, епископа Можайскаго, и протоіерея Ст. И. Зернова. Затѣмъ розданы были изъ рукъ предѣдателя преосвященнаго Алексія награды деньгами и книгами лучшимъ студентамъ Академіи 3-го и 2-го курсовъ. Въ заключеніе акта была пропѣта Богородичная пѣснь: *Достойно есть. (Моск. Вѣд.)*.

ОБЪ ЯПОНСКОЙ МИССІИ.

Православная японская миссія пріобрѣла недавно новаго дѣятеля въ лицѣ кандидата казанской духовной академіи Василія Григорьевича Соколовскаго, окончившаго курсъ въ нынѣшнемъ году. Онъ еще съ первыхъ дней академической жизни обратилъ вниманіе на замѣчательные успѣхи проповѣди нашихъ японскихъ миссіонеровъ, постоянно слѣдилъ за извѣстіями о миссіи, появлявшимися въ разныхъ газетахъ и журналахъ, и предъ окончаніемъ курса почувствовалъ въ себѣ рѣшительную готовность посвятить себя на служеніе св. Церкви въ Японіи. Онъ написалъ объ этомъ начальнику миссіи архимандриту Николаю, и въ отвѣтъ получилъ отъ него самую горячую и трогательную просьбу поторопиться пріѣздомъ къ нему во чтобы то ни стало, такъ какъ дѣла въ миссіи чрезвычайно много, а дѣлателей мало. Г. Соколовскій дѣйствительно энергически сталъ стремиться къ своей завѣтной дѣли: въ юлѣ же подалъ прошеніе въ святѣй-

шій Синодъ, въ сентябрѣ вызванъ былъ въ Петербургъ и 29-го числа принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Владиміра. Постригалъ наместникъ лавры архимандритъ Симоонъ, связавшій новопостриженному глубоко-назидательную рѣчь. 1-го октября о. Владиміръ посвященъ во іеродіакона, а 3-го октября — въ іеромонаха. Какъ только окончатся обычные путевыя приготовленія, о. Владиміръ немедленно отправится къ мѣсту своего назначенія.

Такимъ образомъ теперь въ японской миссіи четверо русскихъ миссіонеровъ, изъ которыхъ трое съ академическимъ образованіемъ, и кромѣ того — псаломщикъ (и регентъ) съ семинарскимъ образованіемъ, и шесть священниковъ изъ японцевъ. По отзывамъ нашихъ миссіонеровъ, священники изъ японцевъ такъ хорошо знакомы съ христіанскимъ ученіемъ и вообще развиты, что равняются въ этомъ отношеніи нашимъ лучшимъ сельскимъ священникамъ. Православныхъ японцевъ теперь уже болѣе 3,000. Конечно, они разсыяны по разнымъ провинціямъ. Туземцы-священники обязаны постоянно обходить всѣ мѣста, гдѣ есть православные, для совершенія христіанскихъ требъ и обученія вѣрѣ, и потому каждый долженъ имѣть съ собою всѣ церковныя принадлежности для Богослуженія. Въ миссіи нашлись эти вещи только для трехъ изъ нихъ; для остальныхъ она ждетъ пожертвованій изъ Россіи и проситъ прислать: свещ. облачений, вѣнцовъ брачныхъ, дароносицъ и т. под. Особенно удобно было бы послать эти вещи съ отправляющимися туда о. Владиміромъ, проживающимъ теперь въ Александро-Невской лаврѣ, въ С.-Петербургѣ. (*Миссіон.*)

МОСКОВСКІЙ ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТЪ для сбора пожертвованій на пріобрѣтеніе морскихъ судовъ добровольнаго флота извѣщаетъ, что пожертвованія принимаются:

Въ Москвѣ: 1) Въ Московскомъ Главномъ Комитетѣ, при управленіи московскаго генералъ-губернатора. 2) Въ правленіи Общества для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству, у Колымажнаго двора, въ домѣ княгини Долгоруковой. 3) У казначея главнаго комитета И. А. Лямина (Ильинка, домъ Московскаго Купеческаго банка).

Въ другихъ городахъ: 1) Въ мѣстныхъ Комитетахъ по сбору пожертвованій и 2) въ Правленіяхъ мѣстныхъ отдѣленій Общества для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Очерки изъ заграничнаго путешествія П. Милославскаго.

Содержаніе ея: Положеніе философіи и такъ назыв. метафизики въ нѣмецкихъ университетахъ. Метафизика какъ самостоятельная наука. Философскіе вопросы, ихъ постановка, приемы въ рѣшеніи и изложеніи. Упадокъ старыхъ типовъ нѣмецкой философіи. Критическій идеализмъ. Реформа идеалистической логики. Субъективный реализмъ. Абсолютный реализмъ. Пессимизмъ и философія безсознательнаго. Философія дѣйствительности. Философія и наука. Коренная ошибка нѣмецкой и всякой метафизики. Философское направленіе современнаго естествознанія. Задачи философіи какъ специальной науки.

Цѣна 2 р. 25 к. съ пер. книгопродавцаъ 20" уст.

Требованія адресовать въ Казань, доценту Академіи, П. А. Милославскому, или въ книжный магазинъ А. А. Дубровина, въ Гостиномъ дворѣ. Тамъ же можно получать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экзempl. книги „Древнее языческое ученіе о душепереселеніи и слѣды его въ первые вѣка христіанства“, изслѣдованіи П. Милославскаго, Ц. 2 р. съ пер.,—и рѣчи Дю-буа Реймонда „О предѣлахъ естествознанія“, Ц. 40 к. съ пер.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ НИКОЛАЯ БАРСОВА, Э. О. ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. (532 страници убористаго шрифта, цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 25 к.). Книга содержитъ въ себѣ статьи частію *историческія* (русскіе проповѣдники XVII ст.: „Арсеній Маціевичъ митрополитъ Ростовскій. и его довошенія“,—по поводу XXV томѣ „Исторіи Россіи“ г. Соловьева; мистицизмъ въ Россіи въ XIX ст., матеріалы для исторіи церковнаго законодательства въ ц. Екатерины II, личность Теофана Прокоповича; къ біографіи А. П. Волынскаго и пр.), составленныя по архивнымъ матеріаламъ доселѣ неизвѣстнымъ; частію—*духовно-публицистическія*, посвященныя защитѣ и выясненію принциповъ православія въ сопоставленіи его съ католичествомъ и протестантствомъ (новый методъ въ богословіи,—по поводу богосл. сочиненій Хомякова), а равно интересныя правосл. церквы и духовенства—въ ихъ соприкосновеніяхъ съ современными интересами общества („по вопросу о вѣротерпимости въ Россіи и о русскомъ клерикализмѣ; возможно ли въ Россіи возникновеніе „церковно-политическаго вопроса“, о религиозномъ состояніи современ-

наго русск. общества.—по поводу Радстока; типы духовенства въ белетристикѣ: по поводу разсужденій „От. Зап.“ о духовенствѣ въ духовной администраціи и о выходѣ изъ духовнаго званія; современный русскій юдаизмъ; о внѣ церковныхъ обязанностяхъ духовенства; о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ; за что русскіе любятъ славянъ, и пр. и пр.), частію собственно-критическія (преосв. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ; проповѣдники-публицисты; книга для народа; о соборѣдовательномъ богословіи, объ исторіи проповѣдничества и проч.), частію, наконецъ, педагогическія (о преподаваніи словесности и русскаго языка; о подвижныхъ школахъ и учителяхъ изъ солдатъ и пр.). Получать можно у автора (С.-Петербург., Знаменская ул., д. 39, кв. 9) и въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова въ Петербургѣ и Москвѣ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАТѢТА, составленное ректоромъ владимірской духовной семинаріи, протоіереемъ *Михаиломъ Херасковымъ*, удостоенное преміи (пятисотенной) преосв. Макарія, и одобренное Святѣйшимъ Синодомъ къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго руководства по Священному Писанію. Книга состоитъ изъ 31 листа убористой печати, страницъ XXIV и 471. Цѣна книги 1 р. 80 к. съ пересылкой. Выписывающимъ не менѣе 50 экземпляровъ дѣлается уступка 10%. Выписывающимъ не менѣе 100 экземпляровъ 20%. Адресоваться съ требованіями исключительно въ губ. гор. Владиміръ, на имя ректора духовной семинаріи, протоіерея Хераскова.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
 въ 1879 г.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ издается по благословенію Святѣйшаго Синода, при Кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таянъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. Насколько добросовѣстно редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понятно и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1879 года редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклониться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ по прежнему будутъ входить:

1. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія

и выписки из творений св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библиотекъ.

II. Исслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіяся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанию своему могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику, въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствования на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предрасудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ въ матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ. Въ 5-хъ, библиографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служитъ источникомъ свѣдѣній о жизни церкви и государства, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“; 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣдѣнія о положеніи иновѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи; и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, не возможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитие того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ поставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи поговоронныхъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и приличнымъ вознагражденіемъ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полтора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., а съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи 5 руб. серебромъ. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1879 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы. При требованіяхъ журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года, на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб. за пересылку 20 коп., Выписывающіе не менѣе 20 экземпляровъ пользуются уступкою 15%.

3) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковно-служителей. Цѣна 35 коп. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 к. съ пересылкою.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: Въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, въ Кіевѣ.—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе кіевской семинаріи, такъ какъ посылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замедлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, ректоръ семинаріи архимандритъ *Виталий*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 21 дня 1878г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ВВЕДЕНІЯ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШАГО ДИМИТРИЯ, АРХІЕПИСКОПА ВОЛЫНСКАГО И ЖИТОМІРСКАГО,
СКАЗАННОЕ ВЪ ДОМОВОЙ ЦРКВИ ПРИ УЧИЛИЩѢ ДѢВЦЪ ДУХОВНАГО ВЪДОМСТВА.

Мы празднуемъ нынѣ Введеніе во храмъ прелюболюбивой Дѣвы Маріи, трехлѣтней отроковицы. Престарѣлые, но бездѣтныя дотолѣ родители ея, Іоакимъ и Анна, предъизвѣщенные свыше, что у нихъ родится въ старости дитя, положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ — посвятить Господу богодарованное дитя свое. Во исполненіе сего-то священнаго обѣта, когда родившаяся у нихъ дщерь воздана была матерію и достигла трехлѣтняго возраста, они привели ее съ великимъ торжествомъ во храмъ Господень и вручили первосвященнику, какъ многоцѣнный животъ святыхъ, для храненія въ святилищѣ Божіемъ. Для чего привели ее въ храмъ Божій? Воспитатися предъ Господемъ, какъ говорится въ пѣсняхъ церковныхъ.

Не безпримѣрно было въ Церкви ветхозавѣтной такое воспитаніе при храмѣ Божіемъ. Воспитывался при снѣжнѣ свидѣній отрокъ Самуиль, — и это воспитаніе было такъ благоуспѣшно, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ Самуиломъ при храмѣ, священный историкъ замѣчаетъ уже: „отроча же Самуиль хождаше преуспѣвая и бѣ благъ предъ Господемъ и чловѣки“, и сдѣлался потомъ великимъ пророкомъ и другомъ Божіимъ. Не-

сравненно благоуспѣшнѣе было воспитаніе пресвятой Дѣвы. Воспитываясь при храмѣ, она столько преуспѣла во всѣхъ боголюбезныхъ добродѣтеляхъ, что и сама сдѣлалась чистою и святою обителію Духа Божія, живымъ храмомъ Господа вседержителя. Своимъ глубочайшимъ смиреніемъ, кротостію и покорностію волѣ Божіей, своимъ богобоязненнымъ исполненіемъ заповѣдей Господнихъ обрѣла она благодать предъ Отцемъ небеснымъ, который благоволилъ родиться отъ нея однородному Сыну Своему для спасенія міра; своею серафимскою чистотою она содѣлалась достойною того, чтобы вмѣстить въ себѣ самага источника чистоты и святости, взаимодейать плоть и кровь Сыну Божію, и быть виною нашего освященія и обоженія; своимъ неисповѣдимымъ терпѣніемъ и преданностію волѣ Божіей она сдѣлалась достойною служительницею и хранительницею таинъ спасенія нашего, слагая въ чистомъ сердцѣ своемъ живоносныя глаголы Сына своего и Бога. Сдѣлавшись наконецъ Матерію Господа и владыки вселенной, она явилась превознесенною выше всѣхъ тварей царицею небесе и земли, заступницею и ходатаицею всѣхъ притекающихъ къ ней съ молитвою вѣры и упованія. Таковы были плоды воспитанія ея при храмѣ Божіемъ.

Это счастье воспитаться при храмѣ Божіемъ выпало на долю и вамъ, возлюбленные дѣти, которыя введены въ этотъ храмъ воспитанія и вмѣстѣ въ это святилище Божіе съ тою же цѣлію воспитаться предъ Господемъ. И можно ли не пожелать, чтобы ваше воспитаніе здѣсь было столь же благоуспѣшно, какъ воспитаніе Матери Божіей? Матерію Господа конечно могла быть только одна пресвятая Дѣва Марія; но сродниками Господа, братьями и сестрами Его, присными и искренними чадами пречистой Его Матери, соучастниками пренебесной чести и славы ея въ царствѣ Христовомъ, не только могутъ, а и должны быть всѣ призванные Господомъ въ благодатное царство Его, всѣ просвѣщенные св. вѣрою и крещеніемъ во имя пресвятыя Живоначальныя Троицы, словомъ: всѣ чада православной церкви Христовой. Помните ль, что сказалъ Господь, когда говорилъ Ему, что „мати Его и братія Его ищутъ глаголати къ Нему? Кто мати Моя и братія Моя“? сказалъ Онъ, и, „оглядѣвъ сущихъ окрестъ Его, рече: се мати Моя и братія Моя: иже бо сотворить волю Отца Моего, иже на небесѣхъ, той братъ и сестра Ми

есть". Вотъ почему пророкъ Божій, созерцая издавеча небесную славу пресвятой Дѣвы, яко царицы предстоящей одесную Царя царствующихъ, видѣлъ и безчисленныя лики дѣвъ приходящихъ вслѣдъ ея въ небесный чертогъ Царя славы: „приведутся Царю дѣвы вслѣдъ ея, искреннія ея приведутся Тебѣ, приведутся къ веселію и радованію, введутся въ храмъ Царевъ". Кто же эти искреннія Матери Божіей? Это тѣ благочестивыя души, которыя, послѣдуя стопамъ ея, сродняются съ нею духомъ и сердцемъ своимъ, стараются усвоить себѣ самый духъ ея благочестія и богоподобныхъ добродѣтелей, ея живую и крѣпкую вѣру слову Божію, ея пламенную любовь къ Богу и ближнимъ своимъ, ея боголюбивую чистоту и непорочность, ея всесовершенную преданность волѣ Божіей, ея глубочайшее смиреніе и кротость, ея несповѣдимое терпѣніе и послушаніе слову Господню даже до смерти.

Но до этой высоты совершенства духовнаго надобно восходить, возлюбленные, постепенно, путемъ долгаго воспитанія отъ юности своей, какъ и сама Матерь Божія восходила путемъ немаловажнаго воспитанія при храмѣ Божіемъ съ самаго нѣжнаго возраста. Посему-то и нужно и полезно вамъ, какъ совоспитанницамъ пресвятой Дѣвы Маріи, имѣть въ виду хотя нѣкоторыя черты изъ жизни ея при храмѣ Іерусалимскомъ, которыя сохранило для насъ благочестивое преданіе. И впервыхъ, никогда не забывайте, возлюбленные,—напротивъ живо представляйте всегда въ умѣ своемъ, что вы, подобно пресвятой Дѣвѣ, живете здѣсь дѣйствительно при храмѣ Божіемъ, въ непрестанномъ присутствіи и всевѣдѣніи самаго Господа Иисуса Христа, предъ очами Его пречистой и пресвятой Матери; ибо она преблагая никогда не оставляетъ тѣхъ, которые не только призываютъ ее въ молитвахъ, но и ревностно желаютъ послѣдовать ей въ своей жизни, уподобиться ей въ благочестіи и благоговѣніи предъ Богомъ, въ чистотѣ и святости. Одно такое настроеніе ума и сердца уже много поможетъ вамъ къ очищенію ума вашего отъ всякихъ праздныхъ и недобрыхъ помысловъ и мечтаній, къ обузданію страстныхъ порывовъ сердца, къ возбужденію благоговѣнія и страха Божія. Ибо какъ позволить себѣ какое-либо не только дурное или, по выраженію апостола, гнилое, но и неприличное и неумѣстное слово при святомъ храмѣ

Божіемъ, въ присутствіи Господа Иисуса Христа? Какъ увлечься или гнѣвомъ или огорченіемъ или досадою или злобою или завистию предъ лицемъ кроткой и смиренной сердцемъ Матера Господа? Какъ допустить между собою или распри или свары или брани или злословія или оклеветанія или что-либо подобное предъ лицемъ пречистой, пресвятой и пренепорочной Дѣвы? Какъ допустить себя не только сдѣлать, а и помыслить что-либо недоброе предъ лицемъ самаго Господа, испытующаго сердца и утробы, слышащаго всѣ наши тайныя мысли и желанія, видящаго самыя сокровенныя наши чувства? „Се раба Господня“! вотъ я вся предъ Господомъ и душею и тѣломъ, и умомъ и сердцемъ, и мыслию и желаніемъ,—въ Его всепроницающемъ всевѣдѣніи и въ Его всеобъемлющей и вседержавной волѣ! Такъ причила себя и мыслить и чувствовать и говорить пресвятая Дѣва Марія, живя при храмѣ Божіемъ. А потому не только никакое нечистое пожеланіе, но и никакая неподобная мысль не смѣла коснуться ея чистой и непорочной души.

Къ этому конечно способствовали и постоянныя занятія ея при храмѣ Божіемъ.

Первымъ изъ нихъ было благоговѣнное поученіе въ законѣ Господнемъ, въ которомъ поучалась она день и ночь. /И съ этимъ святымъ упражненіемъ такъ сроднилась она душею и сердцемъ своимъ, что никогда не оставляла его во всю послѣдующую жизнь. При чтеніи пророческой книги Исаи, въ благоговѣнномъ размышленіи о словахъ пророка о чудесномъ рожденіи Мессіи отъ Дѣвы обрѣлъ ее архангелъ Гавріиль, благовѣстившій ей сверхъестественное зачатіе и рожденіе отъ нея Сына Божія. И для васъ, возлюбленныя дѣти, (это святое и истинно душеполезное занятіе должно быть любимымъ занятіемъ. Нѣтъ и не можетъ быть лучшаго употребленія свободнаго отъ уроковъ вашихъ времени какъ внимательное и благоговѣнное поученіе въ словѣ Божіемъ. Въ немъ открываетъ намъ всеблагую волю Свою о насъ Отецъ нашъ небесный, въ немъ бесѣдуетъ съ нами, какъ со своими братьями едиnorodный Сынъ Божій; въ немъ поучаетъ насъ самъ всесвятый Духъ Божій, глаголавшій устами св. пророковъ и апостоловъ. Въ немъ всѣ сокровища премудрости и разума Божія,—неоскудѣваемый источникъ поученія; вразумленія и утѣшенія нашего. (Какъ бы ни утоми-

лась и ни изнемогла среди разнообразныхъ занятій душа ваша и плоть: откройте св. Евангеліе, этотъ драгоценнѣйшій заветъ сладчайшаго Испытателя нашего,— и свѣтлые образы царствія Божія, гдѣ обрящутъ покой душамъ своимъ воѣ труждающіе и обремененные, ободрятъ и оживятъ васъ сладостною надеждою покоя вѣчнаго.) Сколько бы ни преогорчился чѣмъ-либо духъ вашъ: воспойте псаломъ Давидовъ; и тяжелое чувство, дававшее душу, отойдетъ отъ нея и (свѣтлое чувство радости о Господѣ согрѣетъ ваше сердце и усладитъ вашу горестъ.) Какія бы мысли ни занимали умъ вашъ, какіе бы вопросы жизни ни тревожили ваше сердце: обращайтесь къ писаніямъ апостольскимъ или къ бесѣдамъ Господа Иисуса Христа; въ нихъ найдете все, что намъ нужно знать, что надобно дѣлать, чего ожидать и надѣяться, чего страшиться и убѣгать, для того, чтобы пройти безпорочно все поприще жизни и дойти безиретковенно къ небеснымъ обителямъ вѣчнаго покоя и блаженства. И всего лучше, если это святое упражненіе въ словѣ Божіемъ будетъ у васъ хотя по временамъ общимъ. Тутъ ваши мысли соединятся въ одно святое размышленіе о предметахъ божественныхъ, ваши чувства сольются въ одно святое чувство благоговѣнія предъ Богомъ; и врагъ нашъ діаволъ не посмѣетъ посвятъ въ васъ своего злаго сѣмени разномыслія и раздоровъ.

Другое занятіе живущихъ при храмѣ Иерусалимскомъ было служеніе, или что то же, тѣлесные труды въ исполненіи различныхъ потребностей и храма и живущихъ при немъ. Въ тогдашнее время при храмѣ Иерусалимскомъ образовалось нѣчто подобное нашимъ богоугоднымъ заведеніямъ. Тамъ воспитывались юныя дѣвы, обучаясь всему, что въ тогдашнее время считалось необходимымъ для будущей ихъ жизни въ семействахъ. Тамъ жили благоговѣйныя вдовы и старицы, въ числѣ коихъ была и св. Анна пророчица, благоговѣйно встрѣтившая Богомладенца Иисуса и возвѣстившая о Немъ людямъ. Тамъ призрѣвались и нищіе, увѣчные и больные. Посему служеніе живущихъ при храмѣ дѣвъ и вдовицъ было разнообразно,— и нѣтъ сомнѣнія, что пресвятая Дѣва, по мѣрѣ возраста своего, участвовала во всѣхъ видахъ сего служенія: занималась свойственнымъ полу ея руководѣіемъ, исполняла сообразныя возрасту своему работы при храмѣ, служила нищимъ и увѣчнымъ, которымъ, какъ гово-

риту преданіе, отдавала и свою пищу, сама питаясь хлѣбомъ ангельскимъ. Тогда-то приобучилась она ко всему, что потомъ встрѣтило ее въ жизни. Такъ въ дому Іосифовомъ, называясь его женою, она исполняетъ всѣ самыя тяжелыя труды домашняго хозяйства, приготовляетъ пищу и одежду всему семейству Іосифову. Преданіе указываетъ еще тотъ кладязь, изъ котораго приносила она воду на высокую гору, на которой находился Назаретъ; а драгоценный хитонъ, который истгала она своему Божественному Сыну, который пожалѣли раздрать на части даже распинавшіе Его грубые воины, показываетъ, съ какимъ не только трудолюбіемъ, а и искусствомъ исполняла она свои обязанности хозяйки дома. Въ дому усыновленнаго ей ученика Христова, когда уже сбылось ея пророчество, яко ублажать ее вси роди, она, пребывая въ глубокомъ смиреніи и уединеніи, собираетъ около себя вдовицъ и дѣвъ, обучаетъ ихъ закону Божію, правиламъ вѣры и жизни христіанской и свойственнымъ ихъ полу руководствамъ, и сама съ непрестанною молитвою и богомысліемъ соединяетъ столь же непрестанный трудъ. Плодомъ этого труда былъ, между прочимъ, и драгоценный омофоръ, сдѣланный ея пречистыми руками для друга Іисусова Лазаря, бывшаго епископомъ въ Критѣ. Видите, возлюбленныя дѣти, какимъ высочайшимъ примѣромъ освящены всѣ занятія и труды ваши и умственные и тѣлесныя въ этомъ домѣ воспитанія вашего! Не есть ли это лучшее удостовѣреніе въ томъ, что всѣ труды ваши не только благоугодны и пріятны пресвятой Матери Божіей, но и сближаютъ васъ съ нею въ единомъ духѣ смиренія и послушанія, прилежанія и трудолюбія? Да послужитъ вамъ это поощреніемъ къ прилежанію, облегченіемъ въ трудахъ, отрадою и утѣшеніемъ вашей жизни здѣсь. Все, что преподается вамъ, все, къ чему приобучаетесь здѣсь, послужитъ вамъ наилучшимъ напутіемъ въ вашей будущей жизни. Гдѣ бы и въ какой бы долѣ ни привелъ васъ Господь провести вашу жизнь, вездѣ и всегда вы будете счастливы и спокойны духомъ, если, по примѣру пресвятой Дѣвы, предавъ себя всецѣло волѣ Божіей, употребите приобрѣтенныя здѣсь познанія и искусства въ пользу себѣ и другимъ, съ тѣмъ же смиреннымъ трудолюбіемъ, съ тою же послушливою готовностію служить своимъ ближнимъ,—какъ бы служили самому Господу; если будете съ усердіемъ и стра-

хотѣ Божіимъ исполнять все, чего потребуетъ отъ васъ и къ чему будетъ обязывать ваше будущее положеніе въ обществѣ, каково бы оно ни было,—велико или мало, высоко или смиренно.

Но главнымъ и наиболѣе любимымъ упражненіемъ пресвятой Дѣвы была святая молитва, для которой она часто уединялась во внутреннѣйшая храма. Тамъ она единая съ единымъ бесѣдовала съ Богомъ отцевъ своихъ; тамъ изливала предъ Нимъ свою душу и сердце, предаваясь всесовершенно Его всеблагот и вседержавной волѣ. Тамъ укрѣплялась она на тотъ непримѣрный подвигъ своей жизни, на которомъ ожидали ее не одиѣ высочайшія радости, но и жесточайшія скорби, когда, по выраженію праведнаго Симеона, оружіе проходило самую душу ея. (И для васъ, возлюбленные, святая молитва должна быть главною подпорою силъ вашихъ, источникомъ воодушевленія въ вашей дѣятельности, утѣшенія и одобренія въ трудахъ. Двери храма Божія не должны быть заключены отъ васъ во всякое время. Станетъ ли одолавать скука, уныніе и печаль? Спѣшите во храмъ Божій, припадите предъ Отцемъ небеснымъ, излейте предъ Нимъ всю печаль вашу, выскажите всю болѣзнь души вашей и не претавайте вопіять къ Нему духомъ своимъ, доколѣ свѣтъ благодати Божіей не коснется сердца вашего и не облегчитъ души вашей отъ подавляющаго ее бремени. Помните ль — самъ Исусъ Христосъ троекратно возвращался къ молитвѣ, когда душа Его прискорбна была даже до смерти, и „бывъ въ подвизѣ прилежнѣе моляшеся.“ И тогда только „явился Ему ангелъ съ небесъ, укрѣпляя Его“.—Срѣтится ль какое огорченіе, обида или оскорбленіе? Прежде всего спѣшите во храмъ Божій, и отъ всего сердца вашего, со всею искренностію любви помолитесь за огорчившаго васъ. Повѣрьте, что ничѣмъ нельзя такъ скоро исцѣлить раны сердечной и заслужить милость и благоволеніе Отца небеснаго, какъ молитвою за оскорбляющаго. Пошлетъ ли вамъ Господь какую-либо радость? Благословитъ ли вождѣльнымъ успѣхомъ ваши занятія и труды? Опять спѣшите во храмъ Божій, и здѣсь въ уединеніи принесите Господу сердечную жертву хвалы и благодаренія. Ибо вѣдайте, что Господь подаетъ и ущедряетъ дары Свои тому, кто пріемлетъ ихъ со смиреннымъ благодареніемъ, а отъ неблагодарнаго вземлется и то, что мнится имѣти. Встрѣтите ль какое затрудненіе, недоумѣніе или неуспѣхъ въ

занятіяхъ своихъ? Повѣдайте въ смиренной молитвѣ Матери Божіей свое неразуміе и немощь и просите усердно ея благодатной помощи, озаренія, вразумленія. Она—всеблагая мать наша—не отрицетъ смиренной молитвы чадъ своихъ, отверзетъ умъ вашъ къ уразумѣнію и подастъ силы къ достиженію желаемого успѣха, какъ отверзла нѣкогда и умъ и уста св. Роману Сладкопѣвцу. Но можно ли указать напередъ всѣ случаи, гдѣ первѣ всего бываетъ потребна для насъ молитва? Она есть дыханіе души нашей, жизнь нашего духа и столько же необходима для насъ во всякое время, какъ дыханіе для жизни тѣлесной. И можно ли исчислить всѣ блага, которыя приносятъ душѣ нашей усердная сердечная молитва? Она, какъ золотой ключъ, отверзаетъ намъ всѣ сокровища милосердія и щедротъ Божіихъ.

„Такъ тецѣте“, возлюбленные, „да постигнете“! Такъ идите по стопамъ Матери Божіей, чтобы и ваше воспитаніе здѣсь было также благоуспѣшно и плодоносно, каково было ея воспитаніе при храмѣ Божіемъ. Такъ уподобляйтесь ей кротостію и смиреніемъ, чистотою и благоговѣніемъ, благодушіемъ и терпѣніемъ, послушаніемъ и трудолюбіемъ! Такъ сродняйтесь съ нею въ духъ вѣрою и любовью, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, усердною молитвою и преданностію вождѣ Божіей. И она возлюбитъ васъ, какъ любимѣйшихъ чадъ своихъ, и сохранитъ васъ подъ кровомъ своимъ. Аминь.

АССИРІЙСКІЯ КЛИНООБРАЗЧІЯ НАДПИСИ

и ихъ значеніе для исторіи народа еврейскаго *).

Время правленія царей израильскихъ Иоахазъ и Иоаса, слѣдовавшихъ за Іиуемъ, ни въ дошедшихъ до насъ надписяхъ, ни въ „канонѣ правителей“ не отмѣчено ничѣмъ. Посему отъ Салманассара II мы переходимъ прямо къ Биннирару царю ассирийскому, а отъ Іиуя къ Іеровоаму II.

Отъ Биннирара дошла до насъ надпись съ точнымъ обозначеніемъ ея принадлежности именно этому царю. Въ этой надписи между странами, которыя этотъ могущественный царь подчинилъ своему владычеству, упоминается между прочимъ и земля Амвріева, именно между Тиромъ, Сидономъ, Едомомъ и землею Филистимскою. Судя по „канону правителей“, походъ Биннирара противъ земли Амвріевой случился между 804 и 803 гг. предъ Р. Хр. и между 7 и 8 гг. правленія Биннирара. Въ „канонѣ правителей“ впрочемъ не обозначено, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ, чѣмъ сопровождался походъ Биннирара на царство израильское. Здѣсь, подъ названными годами, сказано только: „походъ на морскую страну (Финикію и Палестину)“. А въ такъ-называемыхъ „Verwaltunglisten“ противъ этихъ годовъ вовсе нѣтъ и упоминанія объ этомъ походѣ (тамъ ска-

* См. сент. кн. „Прав. Обзорѣнія“.

зано только о походѣ Биннирара противъ неизвѣстнаго намъ города Бали). Судя же по самой надписи, походъ Биннирара сопровождался подчиненіемъ земли Амвриевой ассирійскому владѣтельству и наложеніемъ на нее дани.

Позволимъ привести эту надпись, за неимѣніемъ подлинника, въ переводѣ Шрадера.

„Дворецъ Биннирара, великаго царя, могущественнаго царя, царя народовъ, царя земли Асуръ, царя, котораго усыновили Асуръ царь и Истара, въ руки котораго они вложили власть надъ націями, правленіе котораго, равно какъ.... они сдѣлали благословеннымъ для жителей Ассиріи, которому они приготовили тронъ,—смиреннаго, великаго хранителя храма Асурова, безпорочнаго, который возвелъ переднюю часть храма Куръ, который дѣйствовалъ въ почитаніи Асура, своего господа и подчинилъ своему игу царей четырехъ странъ земли. Я овладѣлъ землею Силуна, которая лежитъ на восходѣ солнца, именно землями Кибъ, Иллипи, Каргарью, Араціей, Мишу, Мидіей, Гиратбундошъ,—во всемъ объемѣ, землями Мунну, Персіей, Агляріей, Абдадану, землею Напри со всѣми областями ея, землею Андіей, которая лежитъ далѣе, крѣпостію Балькъ, со всею областію ея—до великаго моря, лежащаго на Востокѣ, подчинилъ себѣ земли отъ Евфрата до земли Сирской, западную землю во всемъ ея объемѣ, именно Тиръ, Сидонъ, землю Амвриеву, Едомъ, землю Филистимскую до великаго моря на западѣ и наложилъ на нихъ дань. Ходилъ я также противъ земли Имирису (Сирійскій Дамаскъ), противъ Маріа, царя земли Имирису. Въ Дамаскѣ—его царскомъ городѣ—заклучилъ я его: сильный страхъ Асура, моего господа, объялъ его, онъ цѣловалъ мои ноги, онъ подчинился мнѣ“. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе дани, которую взялъ Биннираръ съ этого царя въ Дамаскѣ, его столицѣ.

При чтеніи надписи Биннирара прежде всего бросается въ глаза то, что говоря о походѣ этого царя на землю Амвриеву, она не называетъ по имени царя израильскаго, во времени котораго слѣдуетъ относить описанное въ ней событіе. Въ этомъ отношеніи надпись Биннирара и еще одна надпись (надпись Сарданапала) представляютъ довольно странное исключеніе, ибо во всѣхъ другихъ надписяхъ, которыя намъ приходилось разсматривать и которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи народа

еврейскаго, точно обозначаются цари этого народа. Въ виду этого обстоятельства очевидно, и самое событіе (походъ Биннирара на землю Амвриеву) не прежде можетъ быть разсматриваемъ въ значеніи факта, какъ определено будетъ время правленія царя народа еврейскаго, при которомъ оно (событіе) могло имѣть мѣсто.

Если выраженіе „mat Niunigi“ находящееся въ переводѣ этой надписи дѣйствительно соотвѣтствуетъ словамъ подлинника, то несомнѣнно, во первыхъ, то, что событіе, описанное въ надписи Биннирара, случилось въ правленіе одного изъ царей израильскихъ, ибо эти слова (mat Niunigi) означаютъ царство израильское. Слѣдовательно весь вопросъ въ такомъ случаѣ будетъ состоять въ томъ, кто же этотъ царь израильскій, правленіе котораго отмѣчено въ надписи походомъ Биннирара на царство израильское. Съ точки зрѣнія современной ассириологии вопросъ этотъ считается рѣшеннымъ. Шрадеръ, а за нимъ и другіе ¹⁾, положительно, нисколько повидимому не задумываясь, отвѣчаютъ, что неназванный въ надписи царь израильскій есть Героваамъ II Мы говоримъ „не задумываясь“, потому что въ дѣйствительности такой отвѣтъ можетъ быть данъ только послѣ долгихъ и тщательныхъ размышленій. Что касается въ частности Шрадера, то онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе еще и въ другомъ отношеніи; интересенъ весьма его выводъ, дѣлаемый на основаніи надписи Биннирара въ объясненіе личности Героваама II, какъ политическаго дѣятеля. Относя походъ Биннирара ко времени Героваама II, Шрадеръ пытается объяснить отсюда, что успѣхъ похода Героваама II противъ Дамаска, кончившійся, какъ извѣстно, присоединеніемъ Дамаска къ царству израильскому (4 Цар. 14, 28), зависѣлъ исключительно отъ того, что Героваамъ II признавалъ надъ собою верховенство Ассиріи ²⁾.

Такъ нужно представлять событіе описанное въ надписи Биннирара, если смотрѣть на него чрезъ призму ассириологии. Но не такъ слѣдуетъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія Библіи.

¹⁾ Schenkel, Bibel-Lexikon, H. XXIII, s. 508; ср. Schrader—Die Keilinschriften und alte Testament, s. 114; Riehm—Handwörterbuch d. bibl. Alterthums. S. 103.

²⁾ Schenkel, Bibel-Lexikon; H. XXII, s. 508 fin.

Главными мѣстами въ Библии, въ которыхъ должно искать отвѣта на вопросъ объ исторической достовѣрности описаннаго въ надписи Биннирара событія, нужно назвать 4 кн. Царствъ, 2 книгу Паралипоменонъ, книги пророковъ Іоны и Осіи, пророчествовавшихъ въ послѣдніе годы правленія Іеровоама II. Повидимому при такомъ количествѣ источниковъ для изученія политической исторіи народа израильскаго рассматриваемаго времени и притомъ такихъ, писатели которыхъ, по крайней мѣрѣ названные пророки, несомнѣнно были современниками Іеровоама II и слѣдовательно могли ясно знать и подробно описать событія, случившіяся въ царствованіе этого царя, можно бы ожидать, что и рассматриваемое нами событіе, описанное въ надписи Биннирара, описано будетъ и въ этихъ источникахъ съ надлежащею полнотою, какъ событіе, сопровождавшееся, если вѣрить разсказу о немъ надписи, непріятельскимъ вторженіемъ Биннирара въ царство израильское и подчиненіемъ послѣдняго владычеству Ассиріи, слѣдовательно событіе знаменательное въ политической жизни народа еврейскаго. Однако на дѣлѣ выходитъ совершенно не такъ. Объ этомъ событіи мы узнаемъ изъ Библии столько же, сколько и о рассмотрѣнномъ уже нами событіи, случившемся въ правленіе Іуза *). Слѣдовательно съ

*) Правда, книга пр. Осіи повидимому намекаетъ на это событіе. Собственно пророчества Осіи относятся ко времени послѣ Іеровоама II, каковы напр. пророчества о паденіи дома Іузева, случившемся 11 или 12 лѣтъ спустя послѣ смерти Іеровоама II, если полагать время его правленія въ 41 годъ, и пророчество на Самарію, относящееся несомнѣнно ко временамъ Салманассара (Ос. 10, 5 и дал.). Но нѣкоторые указываютъ при этомъ на такія мѣста изъ этой книги, въ которыхъ рѣчь идетъ будто бы о событіяхъ предшествовавшихъ паденію напр. дома Іузева. Къ такимъ мѣстамъ, по мнѣнію Генгстенберга (Delitzsch,—Bibl. Comm. uber d. a. Test. 3 Th. 4 Bnd. S. 10 fin) нужно отнести 10 главу книги пророка Осіи и параллельное ей мѣсто пятой главы (ст. 13). Въ 10 гл. упоминается неизвѣстный намъ царь ассирійскій Іаримъ, къ которому, какъ видно изъ параллельнаго мѣста, израильтяне обращались за помощью: *и виде Ефремъ немощь свою и Иуда болязнь евою: и иде Ефремъ ко ассиріомъ и посла послы къ царю Іариму* (5, 13). Основываясь на самой формѣ выраженія пророка (и „иде“), дѣйствительно можно подумать, что Іаримъ является какъ бы предшественникомъ Салманассара, ко времени котораго относится пророчество Осіи на Самарію,—а самое это событіе—предшествовавшимъ паденію Самаріи. Можно дагѣе подумать на пер-

точки зрѣнія Библии событіе описанное въ надписи Биннирара не можетъ быть помѣщено на страницахъ исторіи еврейскаго народа.

Но будетъ ли основателемъ такой аргументъ противъ исторической достовѣрности описаннаго въ надписи событія? Намъ скажутъ вмѣстѣ съ Шрадеромъ: „кто будетъ упрекать Библию въ томъ, что она ничего не говоритъ о такомъ временномъ обладаніи землею израильскою, которое такъ мало имѣетъ отношенія къ исторіи благоденствія Израиля? И кто, далѣе, ex silentio Библии объ этомъ событіи будетъ аргументировать къ не-правильности разбора клинообразнаго письма въ данномъ случаѣ“ *)? Не теряетъ ли такимъ образомъ нашъ аргументъ ex silentio всякую силу доказательности въ данномъ случаѣ?

По нашему мнѣнію—нѣтъ. Мы вполне согласны въ томъ, что аргументъ ex silentio не имѣетъ самъ по себѣ объективной силы убѣдительности. Но этотъ аргументъ можетъ получить силу ар-

вый взглядъ, что 13 стихъ говорить въ пользу мнѣнія Шрадера, будто Іеровоамъ II счастливо покончилъ съ сирійскими царями въ борьбѣ за Дамаскъ благодаря именно помощи Ассиріи. Наконецъ и видимое созвучіе упомяну-го здѣсь царя и царя надписи: (Биннираръ — и Іаримъ) повидимому также располагають видѣть въ 10 гл. пр. Осія намекъ на событіе надписи. Но не много нужно вниманія, чтобы убѣдиться, что какъ 10 гл., такъ и этотъ стихъ (5, 13) положительно нельзя приурочить къ тому времени Іеровоама II, къ которому относить ассиріологія разсказъ надписи. Это потому, что въ этомъ же стихѣ сказано далѣе, что Іаримъ, къ которому обращались Израильтине за помощію, *не возможе исцѣлѣти васъ и не престанетъ отъ васъ болѣзмь*. Нельзя опираться здѣсь и на форму выраженія пророка, ибо несомнѣнно извѣстно, что пророки, предсказывая событія будущія, нерѣдко сверцали ихъ уже какъ бы совершившимися и потому вмѣсто futurum употребляли perfectum. Послѣ этого и видимое созвучіе между Іаримомъ и Биннираромъ, какъ аргументъ къ тождеству этихъ двухъ именъ, теряетъ всякую силу убѣдительности. Кто же; спрашивается, этотъ Іаримъ, царь ассирійскій, о которомъ упоминаетъ пророкъ? Вопросъ этотъ разрѣшится самъ собою, если мы обратимся къ еврейскому тексту. Іаримъ (пб евр. jarev) значить съ еврейскаго: „противникъ“, а въ соединеніи съ „melech“—„могущественный царь“,—а это есть обыкновенное титулъ ассирійскихъ царей (см. напр. надпись того же Биннирара, приведенную выше). Такимъ образомъ Іаримъ не есть имя собственное, и потому не указываетъ на какой-либо индивидуумъ; это есть просто зпнать, который можно приложить къ каждому изъ царей ассирійскихъ.

*) Schrader, Die assyrischbabylonischen Keilinschriften. S. 331.

гумента убѣдительнаго отъ другихъ обстоятельствъ, которыми мы и имѣемъ въ настоящемъ случаѣ.

Когда мы разсматривали повѣствованіе надписи Салманассара II о дани Іууд, о которой Библия умалчиваетъ точно также, какъ и о событіи, описанномъ въ надписи Биннирара, то мы не придавали тогда особеннаго значенія молчанію Библии; мы признали, по извѣстнымъ уже причинамъ, это событіе возможнымъ и такимъ образомъ приняли открытіе современной ассириологіи. Здѣсь къ извѣстнымъ уже читателю основаніямъ для возможности этого событія мы можемъ присовокупить и то, что дань Іууд, какъ дань добровольно принесенная имъ Салманассару II, и какъ дань, которой не предшествовало со стороны послѣдняго ни непріятельскаго вторженія въ землю израильскую, ни временнаго обладанія этою землею, дѣйствительно мало имѣла отношенія къ исторіи благоденствія народа израильскаго. Но нельзя представлять такъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Іеровоамъ II, на основаніи яснаго и опредѣленнаго выраженія надписи Биннирара, приноситъ дань этому царю не добровольно, не по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ, но потому что она была наложена на него, слѣд. принужденно. Далѣе. Дѣло не ограничивается въ настоящемъ случаѣ одною данью; къ ней присоединяется еще завладѣніе землею израильскою. Наконецъ, какъ бы мы ни понимали это завладѣніе землею „Амврию“, въ смыслѣ ли временнаго обладанія ею или нѣтъ, необходимо думать, что это обладаніе не обошлось безъ сопротивленія со стороны израильскаго народа,—не обошлось безъ войны и соединенныхъ съ нею матеріальныхъ бѣдствій. По всѣмъ этимъ причинамъ разсматриваемое событіе нужно всего скорѣе причислить къ разряду такихъ, которые должны имѣть и при томъ большое отношеніе „къ исторіи благоденствія“ народа израильскаго. А вслѣдствіе этого и молчаніе Библии о такомъ великомъ и важномъ въ политической жизни народа еврейскаго событіи странно и непонятно; непонятно особенно потому, что это событіе нисколько напр. не менѣе того, которое случилось въ правленіе Манайма царя израильскаго и о которомъ Библия не только не умолчала, но и описала съ желаемою полнотою, не опустивъ изъ вида даже и того обстоятельства, которымъ вызвано было

это событіе (оно было вызвано желаніемъ Манаима, незаконно занявшаго престолъ израильскій, утвердиться на этомъ престолѣ съ помощію Фула, царя ассирійскаго (4 Цар. 15, 19. 20. 21).

Есть и другое обстоятельство, которое въ настоящемъ случаѣ также весьма важно и которое придаетъ аргументу *ex silentio* особенную силу доказательности и убѣдительности. Оно заключается въ самой надписи Биннирара.

Въ надписи Биннирара мы читаемъ между прочимъ: „пошелъ я также противъ земли Имирису, — противъ Маріа, царя земли Имирису; въ Дамаскъ—его столицѣ—я заключилъ его. Сильный страхъ Асура, моего господя, объялъ его; онъ цѣловалъ мои ноги, онъ подчинился мнѣ“ и проч. Отсюда съ несомнѣнностію нужно заключить, что Дамаскъ находился въ подданствѣ у Биннирара, какъ подчиненный ему городъ. А между тѣмъ по Библии Дамаскъ принадлежалъ, и притомъ съ самаго начала правленія Іеровоама II⁵⁾, царству израильскому, ибо Іеровоамъ II „по слову Господа Бога израилева, его же глагола рукою раба своего Іоны сына Амаѳина, возврати Дамаскъ и Емаѣ Іудѣ во Израили“ (4 Цар. 14, 25. 28). Нельзя сомнѣваться далѣе и въ томъ, что этотъ городъ оставался за царствомъ израильскимъ на все время царствованія Іеровоама II, потому что Библия говоритъ о присоединеніи Дамаска къ царству израильскому Іеровоамомъ II, ни слова не говоритъ о томъ, чтобы Іеровоамъ II снова лишился этого города. Вѣроятнѣйшій выводъ изъ всего сейчасъ сказаннаго тотъ, что Биннираръ ходилъ противъ Дамаска въ то время, когда онъ принадлежалъ уже царству израильскому. Но въ такомъ случаѣ не понятно будетъ его столкновение съ Маріа, царемъ дамасскимъ, — потому что онъ (Маріа) не могъ владѣть тогда Дамаскомъ. Или же нужно предположить, что подчиненіе Дамаска Биннирару случилось прежде его похода противъ земли Амвриевой и прежде подчиненія послѣдней Ассиріи? Но въ такомъ случаѣ выводъ будетъ еще менѣе благопріятенъ.

⁵⁾ Что борьба Іеровоама II съ сирійскимъ царствомъ, которому принадлежалъ въ то время Дамаскъ, падаетъ на самые первые годы его (Іеровоама II) правленія, это можно предполагать со всею вѣроятностію потому, что эта борьба съ Сирією была только продолженіемъ и окончаніемъ борьбы, начатой его отцемъ—Іоасомъ (4 Цар. гл. 13).

тень, потому что въ такомъ случаѣ нужно будетъ допустить, что Іеровоамъ II, присоединивъ Дамаскъ къ землѣ израильской, — Дамаскъ, который прежде того былъ въ подданствѣ у Ассиріи, — имѣлъ столкновеніе съ Ассиріей и слѣдовательно не только самъ не могъ подчиниться Биннирару, — напротивъ отнялъ у Ассиріи то, что ей принадлежало, т.-е. освободилъ Дамаскъ отъ подданства Биннирару. Словомъ, ни тотъ, ни другой выводъ не гармонируютъ съ характеромъ разсказа надписи; въ томъ и другомъ случаѣ походъ Биннирара на землю Амвріеву оказывается загадочнымъ и сомнительнымъ. Да и самый разсказъ надписи, по своему содержанію, возбуждаетъ много сомнѣній, много страннаго и загадочнаго заключаетъ онъ самъ въ себѣ. И это по той простой причинѣ, что самыя военныя предпріятія Биннирара противъ такого громаднаго количества земель, которыя поименованы въ надписи его, несомнѣнно требовали продолжительнаго времени, ибо нельзя же предполагать, что всѣ эти земли подчинились ему безъ боя, — это даже и неестественно. А между тѣмъ по канону правителей выходитъ, что походъ Биннирара противъ всѣхъ этихъ земель и ихъ подчиненіе Ассиріи случились въ промежутокъ времени между 804 и 803 годами.

На основаніи всего сказаннаго нами аргументъ *ex silentio* приобрѣтаетъ, по нашему мнѣнію, непререкаемую силу доказательности, и потому мы положительно отказываемся помѣстить описанное въ надписи Биннирара событіе въ ряду другихъ событій изъ исторіи политической жизни народа еврейскаго и такимъ образомъ внести его на страницы Библии.

Положеніе дѣла не даетъ намъ возможности прямо и непосредственно перейти къ разсмотрѣнію другихъ ассирійскихъ надписей и по нимъ слѣдить за хронологическою преемственностію событій политической исторіи народа еврейскаго. Съ настоящаго времени мы должны разсматривать эти событія уже въ той преемственности ихъ, въ какой они стоятъ въ Библии. Это потому, что послѣ надписи Биннирара до времени правленія ассирійскаго царя Тиглатъ-Фелассара или Пилезера ассиріология не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ народа еврейскаго къ Ассиріи; между тѣмъ какъ Библия упоминаетъ объ одномъ событіи, которое случилось въ этотъ именно промежутокъ времени. Мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ событіе,

описанное въ 15 гл. 4 книги Царствъ. Здѣсь мы читаемъ: „Водни его“ (Манаимъ), сына Гаддина, царя израильскаго“ (ст. 17), „въыде Фула, царь ассирійскій на землю израилеву и Манаимъ даде Фулѣ тысящу талантъ серебра, да будетъ рука его съ нимъ (еже укрѣпити царство въ руку его). И возложи Манаимъ дань на Израиля, на всѣхъ сильныхъ, дати царю ассирійску пятьдесятъ сикль серебра мужу коемуждо, и возвратися царь ассирійскій и не ста тамо въ земли“ (стт. 19, 20. 21). Съ этого именно времени, какъ мы уже замѣчали, и начинается по Библии вассальная зависимость Израиля отъ Ассиріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыя политическія столкновенія между Израилемъ и Ассиріей.

Ассирійскія надписи, какъ мы сказали, ничего не говорятъ намъ объ этомъ событіи. Мало того,—мы не встрѣчамъ даже и самаго имени Фула ни въ имѣющихся у насъ подъ руками надписяхъ, ни въ канонѣ правителей ассирійскихъ, ни въ такъ называемыхъ „правительственныхъ спискахъ“⁶⁾. Явленіе это, въ области ассириологіи весьма странное, а для насъ весьма интересное, заставляеть насъ остановиться на немъ внимательнѣе.

Чѣмъ объяснить этотъ пробѣлъ въ надписяхъ? Защитники ассириологіи, желающіе во чтобы то ни стало оправдать показанія надписей и по возможности согласить эти показанія съ показаніями Библии, дабы на основаніи данныхъ ассириологіи произвести открытія замѣчательныя и неслыханныя еще доселѣ въ области библейской археологіи, такимъ образомъ смотрять на молчаніе надписей о помннутомъ событіи.

О царѣ Фулѣ, говоритъ Шрадеръ, ничего нельзя прочесть на ассирійскихъ памятникахъ. Но такъ какъ мы знаемъ непрерывный рядъ ассирійскихъ царей отъ 900 до 650 г. предъ Р. Х. (по всей вѣроятности Шрадеръ разуметь здѣсь ассирійскій

⁶⁾ Правда, Бунзенъ (см. его: Vollständiges Bibelwerk für die Gemeinde 1 Bnd. SS. CCXCV и CCXCVI) дважды упоминаетъ объ ассирійскомъ царѣ Фулѣ, известномъ будто бы изъ одной ассирійской надписи. Имя этого царя который, по Бунзену, былъ послѣднимъ царемъ 22 ассирійской династии, въ надписи звучитъ: Phalukhas. Если Бунзену дѣйствительно удалось встрѣтить это имя въ ассирійскихъ надписяхъ, то онъ сдѣлалъ важное открытіе и въ области самой ассириологіи. Къ сожалѣнію, надписи, въ которой Бунзену удалось прочесть имя Фула, составляющаго въ настоящее время предметъ горячихъ споровъ для ассириологіи, мы еще не имѣемъ.

канонъ правителей, который начинается впрочемъ съ 898 года и кончается 665 г. предъ Р. Х.) и между ними не находимъ царя съ именемъ Фуль, то нужно предположить, что или это вавилонскій царь, который ложно, а не по аналогіи, названъ израильтянами царемъ ассирійскимъ, или же это военачальникъ ассирійскаго царя, впрочемъ не Тиглатъ-Фелассара, который вступилъ на престолъ въ 745 г. предъ Р. Х.⁷⁾ Въ другомъ же мѣстѣ тотъ же Шрадеръ разсуждаетъ объ этомъ уже совершенно иначе. Относительно Фула онъ дѣлаетъ здѣсь два слѣдующія предположенія: или Фуль, упоминаемый въ Библии, былъ современникомъ Тиглатъ-Фелассара; причемъ онъ склоняется въ пользу втораго предположенія и старается всячески оправдать оное. Онъ говоритъ, что имя Фуль есть не болѣе, какъ простое сокращеніе имени Тиглатъ-Фелассара. А что изъ имени Tuklat habal Asag (такъ пишется имя Тиглатъ-Фелассара въ надписяхъ) могло выйти прежде всего habal Asag, потомъ просто habal Bal, Pal, которое потомъ было произносимо какъ Pul (Phul), этого, по Шрадеру, не будетъ отрицать тотъ, кто припомнитъ, что Меродахъ Баладанъ называется просто Баладанъ; Asur nadin sum сокращается просто въ Asordan и кто далѣе припомнитъ, что и въ имени Набополасара ассирійское среднее habal перешло въ pal, pul.⁸⁾ Конечно, продолжаетъ онъ, могутъ возразить при этомъ, что Фуль и Тиглатъ Фелассаръ (по Библии Фалга Фелассаръ) тщательно различаются библейскимъ писателемъ. Однако нельзя игнорировать и противоположнаго, потому что возможно было напр. библейскому писателю осаждателя Самаріи Салманассара назвать завоевателемъ этого города, которымъ между тѣмъ былъ Саргонъ,—совершенно другая личность. Почему же библейскій писатель (отожествившій такъ двухъ различныхъ личностей), не могъ въ настоящемъ случаѣ поступить наоборотъ,—почему не могъ онъ раздѣлить одну и ту же личность Тиглатъ-Фелассара на двѣ: Фула и Тиглатъ Фелассара на основаніи неточныхъ извѣстій или собственныхъ традицій?⁹⁾

Мы не знаемъ, какую положительную цѣль преслѣдовалъ въ

⁷⁾ Schenkel, Bibel-Lexikon, Heft XXIII, S. 509.

⁸⁾ Schrader, Die Keilinschr ft и. d. a Testam. S. 126.

⁹⁾ Ibid. S. 127.

настоящемъ случаѣ Шрадеръ, желая во что бы то ни стало защитить свое предположеніе тождества двухъ помянутыхъ личностей; этой цѣли онъ прямо не высказываетъ. Но намъ кажется, что цѣль его состояла въ желаніи примирить двѣ хронологіи—библейскую и ассирійскую, которыя, по его словамъ, разнятся на 30—35 лѣтъ, или точнѣе доказать абсолютную точность послѣдней хронологіи¹⁰⁾. Этою-то цѣлю объясняется какъ то, что Шрадеръ не отнесся критически къ высказаннымъ имъ соображеніямъ въ пользу тождества извѣстныхъ уже намъ личностей, такъ и то особенно, что не игнорируя примѣровъ Библии, доказывающихъ по его мнѣнію возможность со стороны библейскихъ писателей раздѣленія одной и той же личности на двѣ, онъ совершенно игнорировалъ то важное обстоятельство, что составъ доселѣ открытыхъ и изслѣдованныхъ надписей далеко еще не полонъ; что изъ того поистинѣ громаднаго количества надписей, которое Смитъ опредѣляетъ въ 10,000, изслѣдована еще только часть и притомъ незначительная. Можно ли поэтому ручаться, что въ числѣ непрочитанныхъ надписей не найдется надписи съ именемъ Фула? Припомнимъ то, что уже сказано было нами относительно имени Фула по Бунзену.

Но главное то, что Шрадеръ безъ всякаго положительно права и даже насильственно обращаетъ въ свою пользу тѣ мѣста Библии, которыя, какъ легко можетъ видѣть каждый, говорятъ въ дѣйствительности противъ него. Почему напримѣръ можно думать, что тамъ, гдѣ въ Библии упоминаются раздѣльно Фулъ и Тиглатъ-Фелассаръ, писатель раздѣляетъ одну и ту же личность Тиглатъ-Фелассара? Напротивъ, мѣсто, каково: *и возведиже Богъ духъ Фула, царя ассирійска и духъ Фалла Фелассара, царя ассирійска* (Пар. 5, 26) ясно даетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ библейскій писатель имѣетъ въ виду двѣ совершенно различныя личности. Замѣтимъ при этомъ еще то, что событія совершившіяся при Фулѣ и Тиглатъ-Фелассарѣ отдѣляются такимъ незначительнымъ промежуткомъ времени, по прошествіи

¹⁰⁾ Что принятіе или непринятіе предположенія о тождествѣ Фула и Тиглатъ-Фелассара имѣетъ ближайшее отношеніе къ вопросу о сравнительной достовѣрности показаній той и другой изъ двухъ хронологій, объ этомъ мы скажемъ немного ниже.

котораго писатель ясно и отчетливо могъ представлять какъ самыя эти событія, такъ и главныхъ дѣйствующихъ при этихъ событіяхъ лицъ ¹¹⁾). Посему вполне справедливо замѣчаніе Роша, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со временами, которыя стоятъ въ полномъ дневномъ свѣтѣ исторіи, гдѣ фантазія уступаетъ мѣсто памяти, о прочности и объемѣ которой у Израилѣтянъ мы имѣемъ убѣдительныя свидѣтельства ¹²⁾). И напрасно, задавая во-

¹¹⁾ Походъ Фула имѣлъ мѣсто въ царствованіе Мананна, царя израильскаго и именно, какъ справедливо думаетъ Бунзенъ (Bibelverk Bnd. S. CCXCVI), въ самомъ началѣ его правленія. Это потому, что приходъ Фула въ землю Израильскую вызванъ былъ, какъ намъ уже извѣстно, желаніемъ Мананна утвердиться при помощи Фула на незаконнозанятомъ имъ престолѣ Израильскомъ, наковое желаніе могло явиться въ немъ, естественно, только въ началѣ его правленія. Изъ исторіи предшествующихъ Мананну царей израильскихъ Захарія и Селлума видно, что то было время анархіи въ царствѣ Израильскомъ: Захарія, сынъ Іеровоама II царствовалъ только 6 мѣсяцевъ, явился претендентъ на престолъ израильскій въ лицѣ Селлума (Цар. 15, 10) произошло возмущеніе, Захарія былъ убитъ Селлумомъ и престолъ израильскій перешелъ въ руки послѣдняго. Но и Селлумъ не могъ прочно утвердиться на престолѣ; при немъ повторилось такое же возмущеніе, въ которомъ Селлумъ былъ убитъ и убійца Мананнъ овладѣлъ престоломъ израильскимъ. Весьма вѣроятно, что и Мананнъ если и не видѣлъ открытаго претендента на занятый имъ незаконно престолъ, то въ виду предшествующихъ возмущеній могъ предполагать такого претендента. И вотъ, желая въ самомъ началѣ предотвратить возможность возмущенія и такимъ образомъ упрочить за собою престолъ, Мананнъ и обращается за помощію къ Фулу, показывая этимъ уже однимъ, что онъ имѣетъ на своей сторонѣ могущественнаго защитника, могущаго, въ случаѣ покушенія на него и на занятый имъ престолъ, легко устранить всякое возмущеніе, и что такимъ образомъ претенденты и возмутители не такъ легко и безопасно могутъ спорить съ нимъ, какъ они спорили съ предшествующими слабыми противниками своими. Нашествіе же Тиглатъ-Фелассара случилось въ царствованіе Факея израильскаго, вступившаго на престолъ въ 52 году Азарія іудейскаго. Слѣдовательно отъ 1-го года Мананна, вступившаго на престолъ въ 39 г. Азарія или отъ нашествія Фула до Факея протекло всего 14 лѣтъ; а до нашествія Тиглатъ-Фелассара если даже предположить оное въ самыхъ послѣднихъ годахъ правленія Факея (Факея царствовалъ 20 лѣтъ—4 Цар. 15, 27), протекло только 34 года,—такой періодъ времени, по прошествіи котораго странно предполагать со стороны библейскаго писателя смѣшеніе двухъ совершенно отдѣльныхъ личностей или наименованіе Тиглатъ-Фелассара другимъ именемъ.

¹²⁾ Theologische Studien und Kritiken. S. 777.

прось, почему же въ настоящемъ случаѣ библейскій писатель не могъ раздѣлить одну и ту же личность Тиглатъ-Фелассара на двѣ,—напрасно Шрадеръ не спросилъ самаго себя: а почему же въ самомъ дѣлѣ этотъ писатель въ одномъ случаѣ назвалъ Тиглатъ-Фелассара его собственнымъ именемъ, а въ другомъ несобственнымъ? Предполагать, что въ настоящемъ случаѣ традиція измѣнила писателю, невозможно послѣ того, что сказано было нами о промежуткѣ, раздѣлявшемъ оба событія. Далѣе,—традиція сохранила же на примѣръ имена даже такихъ царей, каковы Захарія, Селлумъ и др., правленіе которыхъ было вовсе ни чѣмъ незамѣчательно и притомъ весьма непродолжительно. Но можетъ быть библейскій писатель допустилъ въ настоящемъ случаѣ предполагаемое Шрадеромъ раздѣленіе одной и той же личности потому только, что подобное раздѣленіе, какъ утверждаетъ тотъ же Шрадеръ, допускали другіе писатели? Но можно ли назвать такой аргументъ этимъ именемъ?

Но если нельзя признать тождества Фула и Тиглатъ-Фелассара, если Фулъ есть совершенно отличная отъ послѣдняго личность, то стало-быть въ данномъ случаѣ библейское повѣствованіе оказывается полнѣе повѣствованія надписей? Намъ представляется дѣло совершенно иначе; по нашему мнѣнію и въ настоящемъ случаѣ Библия говоритъ то же самое, что и надписи.

Выше мы говорили и теперь повторяемъ, что мы не имѣемъ надписей, въ которыхъ бы точно обозначено было имя Фула. Но за то у насъ есть подъ руками нѣкоторые анонимные отрывки, которые съ полнымъ основаніемъ можно приписать Фулу и которые хотя и не такъ подробно, какъ Библия, говорятъ о дани Манайма израильскаго этому царю. Это на томъ основаніи, что въ этихъ отрывкахъ упоминаются тѣ именно лица, которыя по Библии были современниками Фула. Эти личности: Манаймъ царь израильскій, въ отрывкѣ названный самарійскимъ,—Азарія іудейскій ¹¹⁾, Рецинь или Раасонъ дамасскій. А

¹¹⁾ Имя Азарія іудейскаго встрѣчается въ этихъ анонимныхъ отрывкахъ въ двухъ формахъ: Asriyaahu mat Iahudaai и Asuriyahu mat Iahudi. Эпитетъ Iahudaai или Iahudi дѣлаетъ невозможнымъ принятіе предположенія Опперта, который въ имени Asriyaahu видитъ враждебнаго Ахазу царя, поставленнаго будто бы Рециномъ дамасскимъ и именно упоминаемаго въ Библии „сына Тавеилева“ (Ис. 7, 6).

что и по Библии названныя три личности дѣйствительно были современниками и дѣйствовали во время правленія Фула, это ясно видно изъ 4й книги Царствъ (15, 17, 19, 27, 37).

Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ мы читаемъ: „19 округовъ гаматскихъ, вмѣстѣ съ ихъ городами, лежавшихъ въ этой (гаматской) области, на западномъ морѣ, которые въ вѣроломной намѣнѣ перешли къ Азаріи іудейскому, я присоединилъ къ области ассирійской, своихъ чиновниковъ и намѣстниковъ поставилъ я надъ ними“. Упомянутое же о Мананимѣ израильскомъ и Редиямъ дамаскомъ, какъ данникахъ ассирійскаго царя, встрѣчаемъ мы въ другомъ отрывкѣ, въ которомъ перечисляются вообще имена данниковъ ассирійскаго царя. Мѣсто это, находящееся въ анналахъ царя, читается такъ: „дань Кустаспа Куммухскаго, Редина Дамаскаго, Менаима Самарійскаго, Гирама Тирскаго, Сибиттибила Библосскаго, Ирикка изъ Куи, Пизириса Керхемишскаго, Иниля Гаматскаго, Панамма Самальскаго, Тархуляра Гамгумскаго и пр.“.

Относя эти анонимные отрывки къ Фулу, мы выигрываемъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ мы освобождаемся отъ того грубаго противорѣчія, въ которое мы неминуемо должны были бы впасть, еслибы вмѣстѣ съ Шрадеромъ стали относить ихъ къ Тиглатъ-Фелассару. Потому что, относя отрывокъ, гдѣ говорится, наприм., о дани царю ассирійскому, принесенной Мананимомъ къ Тиглатъ-Фелассару, мы должны по необходимости признать Мананима современникомъ Тиглатъ Фелассара, а между тѣмъ онъ не могъ быть таковымъ по той простой причинѣ, что когда началъ царствовать Тиглатъ-Фелассаръ, Мананима не было даже и въ живыхъ; не было въ живыхъ и преемника его—Факии; тогда царствовалъ уже преемникъ этого послѣдняго—Факея. Основанія для такого заключенія даютъ самыя надписи, именно отрывокъ одной надписи, дѣйствительно принадлежащей Тиглатъ-Фелассару. Въ этомъ отрывкѣ мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: „землю дома Амвриева, отдаленную..... ея знатныхъ жителей, вмѣстѣ съ имуществомъ ихъ, я отвелъ въ Ассирію. Факея своего царя; они умертвили (кто это „они“, и по какому поводу послѣдовало умерщвленіе Факея, этого изъ надписи не видно), Осію поставилъ я надъ ними“ и пр. Отсюда съ необходимостію слѣдуетъ, что Тиглатъ-Фелассаръ дожидъ

до конца правленія Факея. А если такъ, то по Пирадеру выходило бы, что Тиглатъ-Фелассаръ, который, по нему же, царствовалъ только 18 лѣтъ (а по канону правителей онъ царствовалъ и того менѣе, — только 16 лѣтъ), бралъ дань съ Манаима еще прежде, чѣмъ сдѣлался царемъ, ибо отъ послѣдняго года Факея до вступленія на престолъ Манаима и слѣдов. до нашего вступленія на землю израильскую Фула, упоминаемаго въ Библии, протекло 20 лѣтъ царствованія Факея (4 Цар. 15, 27) и 10 лѣтъ правленія Манаима, слѣдовательно всего около 32 лѣтъ, включая сюда около двухъ лѣтъ правленія его предшественника — Факии (4 Цар. 15, 23). Слѣдовательно походъ Фула и Тиглатъ-Фелассара на землю израильскую, если допустить ихъ тожество, имѣлъ мѣсто за 14 или 16 лѣтъ до начала царствованія Тиглатъ-Фелассара. Несообразность очевидна.

Во 2-хъ мы получаемъ возможность смотрѣть болѣе правильно на самую личность Факея, царя израильскаго. — правильный взглядъ на которую, какъ мы сейчасъ увидимъ, много зависитъ именно отъ того, къ кому будемъ мы относить приведенныя выше отрывки. Собственно мы выигрываемъ въ настоящемъ случаѣ въ хронологическомъ отношеніи ¹⁴⁾).

По Библии Факей царствовалъ 20 лѣтъ (4 Цар. 15, 27). Но на основаніи той же Библии повидимому можно утверждать, что онъ царствовалъ гораздо болѣе, — именно около 28 или 29 лѣтъ. Въ 4 Цар. 15, 27 сказано, что Факей вступилъ на престолъ въ послѣднемъ году царствованія Азаріи іудейскаго, — въ 52 г.; между тѣмъ убійца Факея и вмѣстѣ преемникъ его Осія вступилъ на престолъ израильскій въ 12 году Ахаза, царя іудейскаго (4 Цар. 17, 1). Выходитъ такимъ образомъ, что Факей царствовалъ одновременно съ Азаріей около года, затѣмъ 16 лѣтъ съ Іоааимомъ, сыномъ Азаріи (4 Цар. 15, 33) и наконецъ 11 лѣтъ съ Ахизомъ, сыномъ Іоааима, — всего 28 лѣтъ. Обстоятельство это повидимому прямо говоритъ противъ достовѣрности хронологическихъ показаній Библии. Какъ же объяснить это видимое противорѣчіе

¹⁴⁾ Затрогивая вопросъ о хронологіи въ настоящемъ отдѣлѣ, а не въ послѣднемъ, какъ бы слѣдовало, мы имѣемъ цѣлю подготовить только нѣсколько почву для разсужденій по этому вопросу, которыя будутъ нами высказаны въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

библейскихъ хронологическихъ показаній? Вотъ здѣсь-то собственно и можетъ имѣть существенное значеніе рѣшеніе вопроса—кому приписывать анонимные отрывки надписей—Фулу или Тиглатъ-Фелассару?

Тѣ, которые относятъ эти отрывки къ Тиглатъ-Фелассару, представляютъ слѣдующее объясненіе разногласія хронологическихъ показаній Библии. Это странное обстоятельство объясняется, говорятъ ¹⁵⁾, двумя ассирійскими надписями. Изъ этихъ надписей видно, что царствованіе Факеи было прервано на 7 лѣтъ, что онъ свергнутъ былъ съ престола вторымъ Манаимомъ, вѣроятно сыномъ Факии. Объясняютъ это такъ. Тиглатъ Фелассаръ II отправился въ Сирію для покоренія города Арпада, который отказался повиноваться ему; осада продолжалась три года (741—739). Присутствіе царя ассирійскаго въ сосѣдствѣ съ царствомъ израильскимъ произвело здѣсь революцію: Факею низвергнуть былъ Манаимомъ II, который въ надписи 8 года правленія Тиглатъ Фелассара (737) считается между его данниками. Но съ 734 года Факея, пользуясь тѣмъ, что царь Ниневіи былъ занятъ войною съ Арменіею, снова овладѣлъ короной, объявивъ себя независимымъ отъ Ассиріи и заключилъ союзъ съ Раасономъ, царемъ дамасскимъ для противодѣйствія Ассиріи.

Согласиться съ такимъ объясненіемъ рѣшительно невозможно. Вопервыхъ, положительно произвольно предположеніе какого-то втораго Манаима. Библия, сколько мы ни знаемъ подобныхъ революцій, всегда отмѣчала ихъ; такъ, она отмѣтила революцію, бывшую въ правленіе Захаріи, сына Іеровоама II, далѣе революціи въ правленіе Селлума, Манаима, Факии и даже Факея, произведенную Осіею. Принимая все это во вниманіе, мы должны были бы съ правомъ ожидать, что Библия рассказала бы и о возмущеніи противъ Факея, произведенномъ Манаимомъ II, если бы такое возмущеніе дѣйствительно имѣло мѣсто въ исторіи царства израильскаго. Въ дѣйствительности же ничего такого она не говоритъ. Что молчаніе Библии въ настоящемъ случаѣ игнорировать нельзя, это засвидѣтельствовалъ даже Шрадеръ, который въ другихъ случаяхъ, именно когда библейскія показанія почему-либо несходятся съ показаніями надписей, поступалъ

¹⁵⁾ См. Творенія св. Отець. 1872 г. кн. 1, стр. 160.

весьма просто, безъ стѣсненія признавая ихъ невѣрными. Шрадеръ сначала самъ склонился на сторону тѣхъ, которые признавали Манаимъ Библии за враждебнаго Факею царя, но потомъ отказался защищать это свое мнѣніе и именно на томъ основаніи, что Библия не даетъ для него положительно никакихъ основаній. Трудно далѣе согласиться и съ тѣмъ, будто въ виду сосѣдства Тиглатъ-Фелассара, нагъ это допускаетъ представленное нами объясненіе, съ царствомъ израильскимъ могла произойти въ послѣднемъ революція, жертвою которой сдѣлался Факей. Напротивъ, такое опасное сосѣдство могущественнаго ассирійскаго царя, по нашему мнѣнію, всего скорѣе и всего естественнѣе должно было предупреждать всякую революцію и безпорядки внутренніе по той простой причинѣ и потому вполне естественному опасенію, чтобы царь ассирійскій, узнавъ о безпорядкахъ въ сосѣднемъ съ нимъ царствѣ, тѣмъ скорѣе не началъ на него и тѣмъ легче и удобнѣе не сокрушилъ его, и чтобы такимъ образомъ послѣдствія не были еще горше.

Но что всего болѣе говоритъ противъ прочности представленнаго объясненія, это именно то, что надписи, на которыхъ хотятъ обосновать такое объясненіе, суть тѣ именно анонимныя отрывки, которые, какъ нами было доказано, не принадлежали и не могли принадлежать Тиглатъ-Фелассару, и упоминаемый въ нихъ Манаимъ есть не кто иной, какъ Манаимъ Библии, правившій престоломъ израильскимъ за два года до вступленія на престолъ Факея, а вовсе не враждебный ему (Факею) царь, не какой-то Манаимъ II.

Итакъ, относя анонимныя отрывки къ Фулу, а не къ Тиглатъ-Фелассару, мы получаемъ прежде всего возможность смотрѣть на правленіе Факея не черезъ мерцающій свѣтъ догадокъ или гипотезъ, не имѣющихъ для себя основаній, а черезъ дневной свѣтъ Библии,—смотрѣть на его правленіе, какъ на нѣчто, если позволительно такъ выразиться, цѣлое, не прерываемое какими-либо возмущеніями или революціями. А въ такомъ случаѣ и объясненія видимаго разногласія библейскихъ хронологическихъ показаній, раскрытаго нами выше, мы не вынуждаемся искать именно въ исторіи Факея. Гдѣ именно мы можемъ искать правительнаго объясненія, объ этомъ мы будемъ подробно говорить

въ слѣдующемъ отдѣлѣ, специально посвященномъ вопросу о хронологіи.

Послѣ разсмотрѣнія анонимныхъ отрывковъ, безъ достаточнаго основанія приписываемыхъ Тиглатъ-Фелассару, переходимъ къ разсмотрѣнію надписей, дѣйствительно ему принадлежащихъ. Изъ этихъ надписей мы должны указать собственно на отрывокъ, содержаніе котораго имѣетъ для насъ особенный интересъ. Въ этомъ отрывкѣ ¹⁶⁾ говорится о походѣ Тиглатъ-Фелассара на землю Израильскую въ царствованіе Факея. Вотъ что читаемъ мы въ немъ. „Городъ Гааль ¹⁷⁾..... Абель..... который вверху земли беть Омри (т.-е. дома Амврива), отдаленной..... отдаленную (при этомъ всего естественнѣе разумѣть существительное „земля“) я присоединилъ къ области ассирійской на всею ея пространство; поставилъ надъ нею (или надъ ними, если разумѣть названные выше города Гааль и Абель) своихъ чиновниковъ и намѣстниковъ. Ганно Газскій, который схваченъ былъ предъ моими войсками, убѣжалъ въ землю Египетскую. Газу..... завоевалъ я, ея имущества, ея боговъ..... вынесъ ея, своихъ..... и мой царскій образъ..... въ домъ..... я считалъ боговъ земли..... какъ птицъ..... перемѣстилъ я его (неизвѣстно кого) въ свою землю..... золото, серебро, изъ Борома одежды, шерсть..... великіе я принялъ какъ дань. Землю дома Амврива, отдаленную....., ея знатныхъ жителей, вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, отправилъ я въ Ассирію, Факея, своего царя, они (не сказано—кто) убили. Осію поставилъ я надъ ними; 10 талантовъ золота, 1000 талантовъ серебра, вмѣстѣ съ ихъ..... взялъ я отъ нихъ какъ дань и принесъ въ Ассирію“.

Сравнивая рассказъ этого отрывка съ повѣствованіемъ Библіи о походѣ Тиглатъ-Фелассара на землю израильскую въ царствованіе Факея, мы замѣчаемъ между тѣмъ и другимъ нѣкоторую разность, хотя весьма незначительную. Библейское повѣство-

¹⁶⁾ Въ сохранившемся подлинномъ текстѣ этого интереснаго отрывка во многихъ мѣстахъ очень поврежденъ и потому трудно воспроизводить его дѣйствительное содержаніе; хотя, впрочемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о землѣ Амвривой, поврежденій сравнительно не много.

¹⁷⁾ Вѣроятно же всего подъ этимъ именемъ разумѣется Галаадъ, упоминаемый въ Библіи (4 Цар. 15, 29).

важѣе оказывается болѣе вѣрнымъ, чѣмъ повѣствованіе приведеннаго отрывка надписи, — или вѣрнѣе библейское повѣствованіе передаетъ фактъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ: *во дни Факея царя Израилева прииде Фемафелассаръ царь ассирійскій и взя Ашм..... и преведе я ко Ассирияномъ* (4 Цар. 15, 29). Такииъ образомъ Библия умалчиваетъ, во первыхъ, о дани, которую взялъ „отъ нихъ“ Тиглатъ-Фелассаръ. Какъ мы уже сказали, въ надписи не сказано ясно, кого нужно разумѣть подъ „они“. Если же обратиться за разъясненіемъ этого вопроса къ контексту рѣчи, то подъ „они“ можно будетъ разумѣть, во первыхъ, значныхъ жителей Амвріевой „земли“, которыхъ Тиглатъ-Фелассаръ отвелъ въ плѣнъ, взявъ вѣсотъ и самое имущество ихъ, во вторыхъ, и кажется всего вѣроятнѣе можно разумѣть подъ „они“ убійцъ Факея, въ числѣ которыхъ былъ и Осія. А если такъ, если дань принесена была Тиглатъ-Фелассару убійцами Факея, то и молчаніе о ней Библии становится весьма понятнымъ. Далѣе Библия не говоритъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ вступилъ на престолъ Осія, убійца Факея, — не говоритъ собственно о томъ, самъ ли по себѣ овладѣлъ Осія престоломъ израильскимъ, или же при содѣйствіи Тиглатъ-Фелассара. Впрочемъ, библейское повѣствованіе объ Осіи, не будучи яснымъ и опредѣленнымъ, не исключаетъ все-таки и такого представленія дѣла: *и воста Осія сынъ Илм на Факея сына Ромелима, и порази его и умертви его и воцарися вмѣсто его* (4 Цар. 15, 30). Но съ другой стороны, нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго въ томъ, если библейскій писатель и не зналъ о томъ, самъ ли Осія овладѣлъ престоломъ израильскимъ, или же утвержденъ былъ на немъ Тиглатъ-Фелассаромъ. Очень возможно, что утвержденіе Осія въ правахъ царя израильскаго не было объявлено со стороны Тиглатъ-Фелассара оффиціально; очень можетъ быть далѣе, что это утвержденіе, какъ и думаютъ нѣкоторые ¹⁸⁾, послѣдовало не въ самой Самаріи, а внѣ ея и такимъ образомъ могло не быть извѣстнымъ народу израильскому. Да и важно ли наконецъ это событіе само по себѣ, чтобы обязывать повѣствователя библейскаго непременно упоминать о немъ? Для послѣдняго важно было только то, что Факей былъ убитъ, убитъ именно Осіею, и

¹⁸⁾ Theologische Studien und Kritiken. 1874 г. Н. 4. S. 779.

что этотъ убійца сдѣлался вмѣстѣ и его преемникомъ на престолѣ израильскомъ.

Говоря о значеніи разсмотрѣннаго нами отрывка изъ надписи Тиглатъ-Фелассара, мы можемъ сказать только то, что рассказъ этого отрывка важенъ для насъ именно въ томъ отношеніи, что въ существенномъ онъ вполне подтверждаетъ сказаніе Библіи о томъ же самомъ событіи, а въ частности, раскрытыхъ уже нами, дополняетъ сказаніе послѣдней, — именно упоминаемъ о дани и объ утвержденіи Осии въ правахъ царя израильскаго ассирійскимъ царемъ Тиглатъ-Фелассаромъ.

Въ согласіи съ Библіей стоятъ надписи въ повѣствованіи и о другомъ походѣ Тиглатъ-Фелассара, случившемся въ царствованіе Ахаза, сына Иоаѳамова, царя іудейскаго.

Вотъ что говоритъ намъ объ этомъ событіи Библія. По случаю войны, объявленной противъ Ахаза Раасономъ, царемъ сирійскимъ и Факеемъ, сыномъ Ромелиинымъ, царемъ израильскимъ, Ахазъ посылаетъ пословъ къ Тиглатъ-Фелассару, царю ассирійскому, прося смиренно его помощи и избавленія отъ рукъ Раасона и Факея. Желая расположить Тиглатъ-Фелассара на свою сторону, Ахазъ, вмѣстѣ съ посольствомъ, посылаетъ ему и дары: золото и серебро изъ сокровищницъ храма и своего дома. Тиглатъ-Фелассаръ дѣйствительно исполняетъ его просьбу: идетъ сначала на Дамаскъ, беретъ его жителей и отводитъ въ плѣнъ въ Ассирію, а Раасона царя сирійскаго убиваетъ. Покончивши съ Раасономъ, онъ предпринимаетъ походъ и противъ его союзника Факея; повѣствованіе о походѣ Тиглатъ-Фелассара противъ Факея мы уже разсмотрѣли ранѣе.

Повѣствованіе надписей о походѣ Тиглатъ-Фелассара на землю іудейскую въ царствованіе Ахаза мы читаемъ въ слѣдующемъ отрывкѣ, въ которомъ впрочемъ объ этомъ событіи говорится весьма кратко. Здѣсь упомянуто только, что Ахазъ іудейскій былъ данникомъ Тиглатъ-Фелассара. „Данъ Кустаспа изъ Комана, Урика изъ Ку..... Мутусибала Арвадскаго, Саниба Аммонитскаго, Сальмана Моавскаго, Митинти Аскалонскаго, Ахаза Іудейскаго (Iahuhazi Iahudaai)¹⁹⁾, Касмаляка Едомскаго, Муси.....

¹⁹⁾ Такая форма выраженія имени Ахаза дала поводъ нѣкоторымъ изъ ассириологовъ къ разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, отождествляющимъ

Ганно Газскаго⁴. Больше подробно говорится о походѣ Тиглатъ-Фелассара противъ Раасона дамаскаго. Мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ походѣ, находится въ анналахъ Тиглатъ-Фелассара. Вотъ что именно говорится въ этомъ, весьма впрочемъ поврежденномъ, мѣстѣ „.....которыхъ не пересчитать..... я приказалъ обезглавить ихъ..... Адара, дворець отца Рецинова (или Раасонова) изъ Дамаска (расположенный) на неприступныхъ горахъ..... я осадилъ, взялъ я его; 8,000 жителей, вмѣстѣ съ имуществомъ (т.-е. взялъ; Митинти Аскалонскаго..... отвелъ его въ плѣнь, 750 ввѣтыхъ..... отвелъ я, 500 и..... городовъ изъ 16 округовъ дамаскаго царства опустошилъ я на подобіе сорныхъ кучъ“.

Сравнивая разсказъ Библии о походѣ Тиглатъ-Фелассара противъ Ахаза царя іудейскаго съ приведеннымъ сейчасъ повѣствованіемъ принадлежащей этому царю надписи, мы получаемъ въ результатъ слѣдующее: 1) въ общемъ и надпись и Библия совершенно согласны между собою, ибо и та и другая относятся этотъ походъ Тиглатъ-Фелассара ко времени правленія Ахаза; но что касается 2) частности, то въ этомъ отношеніи надпись и Библия взаимно восполняютъ другъ друга. Библия подробнѣе, чѣмъ надпись, говоритъ о самой причинѣ (надпись объ этой причинѣ даже вовсе не говоритъ), вызвавшей походъ Тиглатъ-Фелассара, указывая эту причину въ самомъ Ахазѣ; надпись же съ своей стороны восполняетъ краткое повѣствованіе Библии о походѣ Тиглатъ-Фелассара противъ Дамаска и Раасона царя дамаскаго. 3) Походъ Тиглатъ-Фелассара въ царствованіе

Iahuhazi то съ Іоасомъ, то съ Осией или Азаріей. Іоаса хочетъ видѣть въ Iahuhazi Рѣшъ (Theologische Studien und Kritiken 1874 г. Heft. 4, S. 781); а имя Осии видятъ въ Iahuhazi Раулисонъ (Die Keilinschriften und d. A. Testament. S. 151). Но ни то, ни другое предположеніе не можетъ быть принято. Права на отождествленіе Iahuhazi съ Іоасомъ не даетъ уже самая этимологія этихъ именъ (ассирійскій знакъ ha, входящійся въ имени Iahuhazi= еврейскому sha, между тѣмъ какъ въ имени Іоасъ встрѣчается знакъ ha). Всего скорѣе можно было бы отождествить Iahuhazi съ Іоахазомъ (смыслъ Іугуз); но противъ такого тождества положительно возстаютъ хронологія; точно также не даетъ она права и на отождествленіе Iahuhazi съ Іоасомъ и Осией. Что касается имени Осія, то и по самой формѣ выраженія (Uzia) оно не имѣетъ ничего сходнаго съ Iahuhazi.

Ахаза и по надписи и по Библии былъ первымъ походомъ, положившимъ начало вассальной зависимости іудейскаго царства отъ Ассиріи.

Преемникомъ Тиглатъ-Фелассара былъ Салманассаръ III, управлявшій, по канону правителей ассирійскихъ, пять лѣтъ (727—723). Памятниковъ съ надписями, въ которыхъ бы этотъ царь рассказывалъ о своей дѣятельности, до насъ не дошло; мы имѣемъ только памятники малые, въ большомъ впрочемъ количествѣ, изданные уже послѣ Салманассара и между прочимъ царскіе вѣсы, на которыхъ встрѣчаемъ имя этого царя. Въ виду такой недостаточности собственно ассирійскихъ свидѣтельствъ о жизни и дѣятельности этого царя, мы можемъ говорить о случившемся въ его правленіе на основаніи источниковъ не ассирійскихъ; но поэтому же самому мы проходимъ молчаніемъ время правленія этого царя, потому что говорить о его жизни и дѣятельности по другимъ источникамъ, помимо надписей, не входитъ въ предѣлы нашей специальной задачи. Замѣтимъ при этомъ только то, что мы узнаемъ о дѣятельности Салманассара III изъ ассирійскаго „канона правителей“. Здѣсь подъ самыми послѣдними годами царствованія Салманассара III мы встрѣчаемъ слѣдующія не безынтересныя, хотя и слишкомъ краткія отмѣтки: подъ предпослѣднимъ годомъ правленія этого царя отмѣчено: „начало осады Самаріи“, а подъ послѣднимъ годомъ: „продолженіе оной“. Мы остановимся на этихъ замѣчаніяхъ послѣ, когда будемъ говорить вообще о паденіи Самаріи, потому что тогда значеніе этихъ краткихъ отмѣтокъ будетъ гораздо яснѣе для читателя.

Болѣе интересныя свидѣнія сообщаютъ намъ надписи преемника Салманассара III — Саргона, который, по „канону правителей“ вступилъ на престолъ въ самый годъ паденія Самаріи. Такимъ образомъ самое начало царствованія Саргона было ознаменовано такимъ важнымъ для насъ политическимъ событіемъ, каково окончательное разрушеніе Самаріи. Событіе это интересно для насъ еще и потому главнымъ образомъ, что въ Библии не означено прямо имени завоевателя столицы царства израильскаго, а вмѣстѣ съ этимъ и всего этого царства.

Итакъ, первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ настоящемъ случаѣ, — это именно то, что съ личностію Саргона, по

надписамъ, соединяется величайшее событіе въ политической исторіи народа израильскаго,—паденіе этого царства.

Мы уже сказали, что начало правленія Саргона по канону правителей ознаменовано было разрушеніемъ Самаріи и всего царства израильскаго. Но это есть только краткое замѣчаніе о дѣятельности Саргона. Что же касается болѣе подробныхъ свѣдѣній о той замѣчательной катастрофѣ, которой подверглось царство израильское во дни Осія, то мы имѣемъ ихъ въ одной надписи Саргона. Въ ней мы читаемъ: „городъ Самарію осадилъ я и взялъ; 27,280 жителей отвелъ я (вѣроятно въ плѣнъ); 50 возницъ отдѣлилъ я для себя и другіе пожитки я взялъ; своихъ чиновниковъ поставилъ я надъ ними, дань предшествующаго царя наложилъ я на нихъ“.

Такимъ образомъ, и по замѣчанію „канона правителей“ и по разсказу надписи Саргона виновникомъ паденія Самаріи былъ Саргонъ; въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливымъ продолжателемъ своего предшественника Салманассара III, которому, какъ мы видѣли, въ ассирійскомъ канонѣ правителей приписывается начало осады Самаріи и ея продолженіе. Такъ ли это дѣло представляется по Библии?

Что касается до начала осады Самаріи, то Библия, согласно съ ассирійскимъ канономъ правителей, относитъ оное къ Салманассару: *и въиде нань* (на Осію, царя израильскаго) *Салманассаръ* (4 Цар. 17, 3). Ему же (Салманассару) приписываетъ Библия и продолженіе осады Самаріи (4 Цар. 17, 4, 5), указывая при этомъ и самую даже причину, побудившую Салманассара III вторично предпринять походъ противъ Самаріи: причиною этого вторичнаго похода была *неправда Осія*, состоявшая въ томъ, что Осія не захотѣлъ платить Салманассару дани во второй годъ, и то, что онъ послалъ пословъ къ царю египетскому (въ Библии цѣль этого посольства не обозначена, но очевидно, что цѣль эта состояла въ желаніи Осія приобрести въ лицѣ царя египетскаго союзника себѣ и сообща съ нимъ дѣйствовать противъ Ассиріи). Но приписывая начало осады Самаріи и ея продолженіе Салманассару согласно съ канономъ ассирійскихъ правителей, Библия повидимому расходится съ нимъ и надписью Саргона въ отношеніи окончательнаго разрушенія Самаріи, приписывая оное не Саргону, а тому же Салманассару: *и прииде царь*

ассирійскъ (т.-е. названный въ ст. 3 Салманассаръ) во всю землю его и взыде въ Самарію и воева ю три лѣта. Въ лѣто девятое Осія взя царь ассирійскъ Самарію и заведе израильтянъ во Ассирію. (4 Цар. 17, 5. 6).

Чѣмъ же объяснить такую разность въ показаніяхъ Библии и надписи относительно завоевателя Самаріи?

Что касается того, почему Библия не назвала Саргона, который, по ясному замѣчанію его собственной надписи и одного мѣста изъ анналовъ этого царя²⁰⁾, былъ завсевателемъ Самаріи, то это, по нашему мнѣнію, можно просто объяснить тѣмъ, что самъ Саргонъ, какъ только еще вступившій на престолъ ассирійскій, не участвовалъ лично въ послѣдней осады Самаріи, а предоставилъ дѣло осады кому либо изъ своихъ полководцевъ. А такъ какъ послѣдняя осада Самаріи была лишь продолженіемъ начатой Салманассаромъ — его предшественникомъ осады и послѣдовала къ тому же вслѣдъ за первой и второй (осадой),—то очень естественно, что народу израильскому могло представиться, что дѣло осады Самаріи и въ этотъ разъ продолжалъ тотъ же царь, который и началъ оную въ первый разъ. Вообще нужно замѣтить, что въ 4 книгѣ Царствъ мы вовсе не встрѣчаемъ упоминанія о Саргонѣ, а потому на основаніи этого можно было бы повидимому заключать, что и всѣ другія нападенія на царство израильское въ промежутокъ времени отъ паденія Самаріи до 14 года Езекиа, царя іудейскаго, принадлежали тому же Салманассару — какъ напр. завоеваніе Авдода или Азота, которое случилось спустя 10 лѣтъ послѣ паденія Самаріи и несомнѣнно послѣ смерти Салманассара. Указаніе на Саргона, хотя и не прямое можно видѣть развѣ только у Исаи: *въ лѣто, въ неже видѣ Танафанъ*²¹⁾ *во Азотъ, егда посланъ бысть отъ страны*²²⁾ *царь ассирійскаго и воева на Азотъ и взя его.* (20, 1). Въ канонѣ ассирійскихъ правителей походъ этотъ отмѣченъ подъ 11 годомъ правленія Саргона, въ архонтство Сарруитураннс. Намъ, по-

²⁰⁾ См. Die Keilinschriften und d. a. Testament. Schrader s. 264.

²¹⁾ Ассирійское названіе полководца (по ассирійски: tuttanu),

²²⁾ Шрадеръ видитъ въ этомъ имени сокращенное имя Саргона, которое по ассирійски звучитъ „Sarrukin“. см: ero die Keilinschr. u. d. A. Testam. S. 264.

вторимъ, кажется, что нѣтъ ничего страннаго какъ въ томъ, что Библія не назвала Саргона завоевателемъ Самаріи, такъ и въ томъ, что Саргонъ не лично участвовалъ въ осадѣ Самаріи, а чрезъ одного изъ полководцевъ, вслѣдствіе чего и могло произойти отождествленіе его Библіей съ его предшественникомъ Салманассаромъ III.

Не можемъ пройти въ настоящемъ случаѣ молчаніемъ тѣхъ довольно оригинальныхъ соображеній, которыя высказываетъ по поводу завоеванія Самаріи Sause въ своемъ трактатѣ: „*Über den Zerstörer Samaria's*“²⁵⁾.

По мнѣнію этого ученаго, Салманассара, царя ассирійскаго, какъ предшественника Саргона, никогда не существовало, и потому Саргонъ не былъ преемникомъ Салманассара; онъ получилъ скипетръ тотчасъ послѣ смерти Тиглатъ-Фелассара. Что же касается того, почему Салманассаръ поименованъ въ ассирійскомъ канонѣ правителей въ качествѣ царя ассирійскаго и предшественника Саргона, то Sause отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ. Каждый знаетъ, говоритъ онъ, какъ часто греческіе и латинскіе писатели перемѣшивали имена восточныхъ, а особенно ассирійскихъ и вавилонскихъ царей. Въмѣсто, напр., *Assarrezzirpal* они писали Сарданапаль; имя же Салманассаръ они прилагали, кажется, къ тѣмъ ассирійскимъ царямъ, собственныхъ именъ которыхъ они не знали.

Несмотря на то, что Sause говоритъ отчасти въ нашу пользу, когда окончателно отрицаетъ существованіе Салманассара и такимъ образомъ послѣднюю осаду Самаріи приписываетъ Саргону, взглядъ его на дѣло представляется намъ положительно страннымъ. Во первыхъ, если можно еще заподозрить правильность передачи именъ ассирійскихъ царей греческими или латинскими писателями, если можно упрекать ихъ въ произвольномъ наименованіи этихъ царей или въ искаженіи ихъ дѣйствительныхъ именъ, то уже никакъ нельзя сказать того же относительно самихъ ассирійскихъ писателей или писателей ассирійскихъ надписей. Въ канонѣ ассирійскихъ правителей очень ясно отмѣчено правленіе Салманассара, какъ царя ассирійскаго; въ немъ проведена горизонтальная линія (значеніе этихъ линій — от-

²⁵⁾ Theologische Studien und Kritiken. 1871 г. ss. 318—320.

дѣлать правленіе одного царя отъ другаго), отдѣляющая правленіе Тиглатъ-Фелассара отъ правленія Салманассара; а спустя 5 лѣтъ проведена другая такая же линія отдѣляющая конецъ царствованія Салманассара отъ начала правленія Саргона, его преемника,—черта, прямое и единственное назначеніе которой и состоитъ, какъ мы сказали, именно въ томъ, чтобы отдѣлать конецъ правленія одного царя отъ начала царствованія другаго. Далѣе. Въ томъ же канонѣ правителей, кромѣ горизонтальной линіи, отдѣляющей правленіе Салманассара отъ правленія Саргона, находится, какъ мы уже говорили выше, и именно подъ первымъ годомъ Саргона, еще словесное замѣчаніе: „паденіе Самарин. Саргонъ овладѣваетъ трономъ“,—замѣчаніе, указывающее ясно, что начало правленія Саргона не восходитъ далѣе 722 года, подъ которымъ и сдѣлано приведенное замѣчаніе. Слѣдовательно, Саргонъ и упомянутый выше Salmanassar, что можетъ означать не иного кого, какъ только Салманассара, суть двѣ различныя личности, при чемъ Салманассаръ очевидно уже не есть какое-то общее наименованіе царей ассирійскихъ, имена которыхъ, какъ думаетъ Sause, не были извѣстны латинскимъ или греческимъ писателямъ.

Что касается того, будто имѣющійся у насъ канонъ ассирійскихъ правителей не совсѣмъ вѣрно отмѣчаетъ начало и конецъ правленія царей ассирійскихъ и что по другому канону въ настоящемъ случаѣ горизонтальная линія, опредѣляющая начало правленія Саргона, проведена на два года ниже (т.-е. она должна быть проведена не подъ 722, а подъ 724 г.), откуда будто бы слѣдуетъ, что Салманассаръ былъ не царь, а архонтъ ассирійскаго царя, т.-е. Саргона, то на это можно замѣтить то, что Sause не обратилъ вниманіе на анналы Саргона, въ которыхъ какъ и въ канонѣ правителей начало правленія Саргона точно также падаетъ на 722 г. предъ Р. Хр., а не на 724 и не на какой либо другой.

Не имѣетъ основанія и то положеніе Sause, будто Саргонъ вступилъ на престолъ тотчасъ послѣ смерти Тиглатъ-Фелассара. Это, не говоря уже о томъ, что Салманассаръ, какъ дѣйствительный царь, предшествовалъ Саргону, признается почему-то и самимъ Sause, который, перенося горизонтальную раздѣльную линію отъ 722 г. на два года выше, уменьшаетъ такимъ обра-

заять лишь время притязаннаго правленія Салманассара, не остав-
ляеть три года отъ конца правленія Тиглатъ-Фелассара, — про-
межутокъ времени, въ продолженіе котораго на престолѣ асси-
рійскомъ очевидно сидѣлъ какой-либо царь, не ли Тиглатъ-Фе-
лассаръ и не Саргонъ.

Признавая Салманассара личностію никогда не существовав-
шею, Sauee какъ начало осады Самаріи, такъ и продолженіе оной
и наконецъ самое окончаніе по необходимости долженъ былъ
приписать Саргону, что онъ дѣйствительно и сдѣлалъ. Но дож-
ность такого жончимаія дѣла вытекаетъ уже изъ того, что оно
основано тоже на ложномъ предположеніи, будто Салманассара,
какъ личности реальной, никогда не существовало. Повторяя,
противъ такого пониманія убѣдительно говорятъ Библія, канонъ
ассирійскихъ правителей, анналы Саргона и наконецъ его над-
пись, въ которой Саргонъ ясно и опредѣленно замѣчаетъ, что
начало осады Самаріи сдѣлано было не имъ, а предшествую-
щимъ ему царемъ; онъ говоритъ: „онъ осадилъ Самарію и на
жителей ея наложилъ дань предшествующаго царя“, т.-е. Салма-
нассара, который дѣйствительно наложилъ раиѣ его дань на
Самарію, собственно на Осію царя израильскаго“ (4 Цар. 17, 3).

Съ окончательнымъ разрушеніемъ Самаріи отношенія Саргона
къ царству израильскому не кончились; они только прерваны
были на нѣкоторое время, и именно на 7 лѣтъ (по канону ас-
сирійскихъ правителей). Въ 8-мъ же году правленія Саргона и
именно въ архонтство Таклинабиза, послѣдовало второе не-
приятельское вторженіе Саргона въ землю израильскую, слѣд-
ствіемъ котораго было совершенное разрушеніе царства изра-
ильскаго, отведеніе Израильтянъ въ плѣнъ въ Ассирію и замѣ-
щеніе ихъ другими народами, какъ объ этомъ говоритъ 4 Цар.
17, 24, 26; ср. 1 Езд. 4, 1²⁴).

Надписи, съ замѣчательнымъ сходствомъ съ Библіей, говорятъ
объ этомъ событіи слѣдующее. „(Меродахъ-Валадана), такъ какъ
онъ не по волѣ боговъ получилъ владычество надъ Вавилономъ....
жителей, вмѣстѣ съ имуществомъ, переселилъ я и поселилъ ихъ

²⁴) Мѣсто это (т.-е. 1 Езд. 4, 1) замѣчательно еще особенно тѣмъ, что
здѣсь довольно ясно называется Саргонъ, именно въ выраженіи: „Асараданъ“
царь Асурскъ.

въ странѣ Хатти²⁵⁾. Это говорится въ одной надписи. Другая же надпись перечисляетъ нѣкихъ народовъ, которые поселены были въ Самаріи,—на мѣстѣ отведенныхъ въ плѣнъ Израилѣтянъ. „Жителей Тазида, Ибадида, Марсшана, Хайяпы, Арбеевъ—отдаленныхъ, жителей земли Баръ, которой ученые не знали, и которые (т. е. жители поименованныхъ городовъ) никогда не платили дани царямъ, моимъ отцамъ, — я подчинилъ ихъ себѣ, а остатки ихъ перемѣстилъ и поселилъ въ городѣ Самаріи“.

Третій и послѣдній походъ Саргона на царство израильское есть его походъ на Азотъ или Азодъ, о которомъ упоминаетъ пророкъ Исаія (20, 1). Впрочемъ походъ этотъ, какъ видно изъ повѣствованія о немъ надписи Саргона, направленъ былъ не специально противъ этого города; онъ стоялъ въ связи съ походомъ противъ Египтянъ, возставшихъ противъ Саргона, на что намекаетъ ясно и самъ Исаія, когда (въ той же главѣ) говоритъ о постыдной для Египтянъ побѣдѣ надъ ними ассирійскаго царя и отведеніи ихъ въ плѣнъ.

Надпись, повѣствующая объ этомъ походѣ Саргона противъ Азота, читается такъ. „Апуръ, царь Азодскій, ожесточилъ сердце свое не платить дани и послалъ къ сосѣднимъ князьямъ съ предложеніемъ отпасть отъ Ассиріи; за это я отштилъ ему и правленіе надъ его областію поручилъ вмѣсто его брату его Ахимигу. Сирійцы, замышлявшіе объ отпаденіи, стали тяготиться его владычествомъ и вовели на престолъ Ямана, который не имѣлъ на то права и прѣч.“ За симъ идетъ разсказъ о новомъ нападеніи Саргона на Азодъ, которое кончилось тѣмъ, что Яманъ „услышавши о близости моего морскаго похода, убѣжалъ въ страну Египетскую, лежащую на границѣ Мерое и остылъ слѣдъ его. Азодъ, Гимтъ-Авдудима осадилъ я, взялъ я его; его боговъ, его супругу, его сыновей, сокровища, имущество, дорогія издѣлія его дворца, вмѣстѣ съ жителями его земли, я назначилъ въ плѣнъ; тѣ города я возстановилъ; жителей восточныхъ земель, которыми завладѣли мои руки, я переселилъ туда и сравнилъ ихъ съ ассиріянами. Царь Меройскій..... отцы котораго съ давнихъ временъ и до настоящаго не посылали посольствъ къ моимъ царскимъ предкамъ, дабы испросить миръ

²⁵⁾ Такъ-называется въ надписяхъ израильская Сирія.

для себя: сила Меродаха (разумѣется божество ассирійское) овладѣла имъ, сильный страхъ напалъ на него, страхъ объялъ его. Въ оковы..... желѣзные цѣпи заключилъ я его²⁴.

Слѣдовавшій за Саргономъ царь, въ разсмотрѣнію надписей котораго мы теперь переходимъ, называется въ Библии Сеннахиримомъ (4 Цар. 18, 13). Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ Сеннахиримъ есть Санхерибъ надписей, который по ассирійски называется Sinahiirib или Sinahiirba. Кромѣ очевиднаго сходства этихъ обоихъ именъ, сомнѣніе въ тождествѣ Сеннахирима Библии и Санхериба надписей становится положительно невозможнымъ въ виду сходства самаго разсказа надписей о Санхерибѣ съ повѣствованіемъ Библии о Сеннахиримѣ.

Отъ Санхериба мы имѣемъ нѣсколько надписей, изъ которыхъ для насъ важны собственно двѣ большія надписи, подробно разсказывающія о дѣяніяхъ этого могущественнаго ассирійскаго царя, именно надпись, начертанная на шестистороннемъ цилиндрѣ и надпись, помѣщенная въ Койюнджикскихъ буллахъ²⁵). Нужно замѣтить впрочемъ, что объ эти надписи, за исключеніемъ немногихъ частныхъ, говорятъ одно и тоже; поэтому мы считаемъ за лучшее представить здѣсь одну изъ нихъ — послѣднюю, дополнивъ ее, что вполнѣ возможно и удобно сдѣлать, нѣкоторыми замѣчаніями изъ первой. Вотъ что говорить намъ эта надпись о дѣятельности Санхериба.

„Во время моего третьяго военнаго предпріятія²⁶) пошелъ я на землю Хатти. Елюлей царь Сидонскій: на него напалъ сильный страхъ моего могущества. Онъ убѣжалъ на островъ Кипръ, который посреди моря. Землю его взялъ я; Этобала поставилъ на престолъ его и наложилъ на него дань моего владычества въ постоянный окладъ ему (Этобалу). Менаимъ Самарійскій, Этобалъ Сидонскій, Абдилидъ Арвадскій, Уруйски Библосскій, Маникрамъ Едомскій.— всѣ цари запада принесли мнѣ богатые дары въ городъ Шемешъ и цѣловали мои ноги. Но Цидка царь Ас-

²⁴) Санхерибъ имѣлъ свой пышный дворецъ въ Койюнджикъ-Ниневіи, на противъ Мозуля.

²⁷) Счетъ въ этой надписи идетъ не по годамъ правленія Санхериба, какъ это мы видаемъ въ другія ассирійскія надписяхъ, а по военнымъ походамъ или военнымъ предпріятіямъ его.

кадонскій же подчинился моему игу; я взялъ боговъ дома его отца, вмѣстѣ съ его сокровищами, его жену, сыновей, дочерей, братьевъ, фамилію дома отца его и отвелъ въ Ассирію. Салюдари, сына Рукибтова, изъ прежняго царя, поставилъ я надъ людьми Аскалонскими и наложилъ на него дань моего владычества. Во время моего военнаго предпріятія я взялъ города Бетъ-Дагонъ, Іопсію, Бенебаракъ, Ануръ,—города Цидни, которые не были подчинены моей власти, взялъ я ихъ и отвелъ въ плѣнь (т. е. жителей этихъ городовъ). Высшихъ чиновниковъ и народъ Екронскій, которые заключили своего царя въ желѣзныя оковы и при тѣни ночной выдали Езекию іудейскому, — царя (Пади) — союзника ассирійскаго: устрашилось сердце ихъ. Цари египетскіе призвали и вывели на помощь имъ стрѣлковъ, возницъ, коней царя Меройскаго и безчисленное множество племенъ. Вблизи города Альтака устроены были противъ меня боевой порядокъ, ихъ войска готовы были къ бою; я воевалъ съ ними и нанесъ имъ пораженіе. Возницъ и сыновей царя Египетскаго я взялъ своими руками живыми среди боя. Города Альтаку, Тиннатъ я взялъ, взялъ и отвелъ (жителей ихъ) въ плѣнь. Напалъ я на городъ Екронъ; высшихъ чиновниковъ, произведшихъ возмущенія я умертвилъ оружіемъ; жителей города, которые произвели насиліе, я назначилъ къ отведенію въ плѣнь; остальнымъ же жителямъ, которые ничего..... не произвели, я даровалъ амнистію. Я сдѣлалъ то, что Пади, ихъ царь, оставилъ Іерусалимъ, я поставилъ его на престолъ надъ ними и наложилъ на него дань моего владычества. Но Езекиа іудейскій не подчинился мнѣ и я осадилъ 26 укрѣпленныхъ городовъ его, безчисленное множество укрѣпленныхъ мѣстъ и малыхъ мѣстечекъ, которыя лежали въ его округѣ, взялъ и отвелъ въ плѣнь ихъ жителей, считая ихъ военною добычею; 200,150 человекъ мужскаго и женскаго пола, лошадей, муловъ, ословъ, верблюдовъ, быковъ и овецъ безъ числа вывелъ я отсюда и счелъ ихъ за военную добычу. Самого же Езекию, какъ птицу въ клѣткѣ, заключилъ я въ Іерусалимъ, его столицѣ; поставилъ укрѣпленія, уничтожилъ выходъ изъ большихъ воротъ его города. Тѣ города, жителей которыхъ я отвелъ въ плѣнь, отдѣлилъ отъ его владѣній и отдалъ ихъ царямъ Авдода, Аскалона, Екрона и Газы и такимъ образомъ умень-

шилъ его страну. Къ прежней дани присоединилъ я новую, какъ дань подчиненія моему владычеству и возложилъ на нихъ такую. Его, Езекию, объялъ сильный страхъ моего владычества, также и его гарнизоны и его народъ, а равно и народъ, взятый имъ для защиты Іерусалима. Такимъ образомъ онъ согласился на присягу въ дани, именно на 30 талантовъ золота и 800 талантовъ серебра, —металлическія издѣлія, камни блѣднокраснаго цвѣта....., большіе дорогіе камни....., обшивки для пышныхъ стульевъ, предметы (издѣлія) изъ Амсской кожи, Амсскій рогъ (?), черное дерево (?), богатые сокровища, его дочерей, его придворныхъ женъ, его слугъ гаремныхъ мужскаго и женскаго пола я приказалъ отвести въ Ниневію, мою столицу. Къ дани и обѣту подчиненности онъ присоединилъ посольство (ко мнѣ).⁴

Таковы были отношенія Санхериба или Сеннахирима (по Библии) къ царству іудейскому по даннымъ надписей этого царя.

Что касается библейскаго повѣствованія о Сеннахиримѣ, то оно можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Въ 14 годъ царствованія Езекии, царя іудейскаго, на укрѣпленные іудейскіе города напалъ Сеннахиримъ, царь ассирійскій и взялъ ихъ. И послалъ Езекиа пословъ къ Сеннахириму въ Лахисъ съ просьбою, чтобы царь ассирійскій удалился изъ Іудеи, выразивъ при этомъ согласіе платить ему такую дань, какую наложить на него онъ самъ. Сеннахиримъ дѣйствительно налагаетъ дань на Езекию (эта дань равнялась 300 талантамъ серебра и 30 талантамъ золота), которую послѣдній и уплачиваетъ ему, оставаясь такимъ образомъ вѣрнымъ данному слову. Этимъ однако дѣло не кончается; отношенія Сеннахирима къ Езекии простираются далѣе. Сеннахиримъ не довольствуется вассальною зависимостію отъ него Езекии, онъ желаетъ имѣть послѣдняго своимъ союзникомъ въ задуманномъ имъ предпріятіи, о характерѣ котораго въ Библии не сказано впрочемъ ни одного слова. Съ этою цѣлю Сеннахиримъ отправляетъ свое посольство къ Езекии, дабы оно объявило послѣднему, чтобы онъ (Езекиа), не надѣясь ни на чью помощь, ни даже на помощь Бога своего, ни тѣмъ менѣе на помощь Египтянъ, присоединился къ нему. Когда донесено было объ этомъ Езекии, онъ раздралъ ризы свои, облекся во вретисе и отправился въ храмъ для молитвы, отправивъ предварительно посольство къ пророку Исаи за совѣтомъ, какъ поступить ему

въ настоящемъ случаѣ. Пророкъ ободряетъ Езекию и общается ему, по молитвѣ его къ Богу, побѣду надъ царемъ ассирійскимъ. Слово пророка дѣйствительно исполняется: въ одну ночь ангелъ Господень истребляетъ изъ полка ассирійскаго 185,000 чело- вѣкъ и такимъ образомъ принуждаетъ Сеннахирима отступить отъ предѣловъ іудейскихъ и возвратиться въ Ниневію, гдѣ по возвращеніи Сеннахиримъ убить былъ своими сыновьями.

Въ такомъ видѣ представляется отношеніе Сеннахирима къ Езекии по разсказу четвертой книги Царствъ (18 и 19 гл.).

Нѣсколько въ иномъ повидимому свѣтѣ представляетъ дѣло вторая книга Паралипоменонъ. По повѣствованію ея Сеннахиримъ, царь ассирійскій, пошелъ на Іудею и ополчился на укрѣпленные города, съ цѣлію взять ихъ. Узнавъ о нашествіи Сеннахирима и о его намѣреніи воевать противъ Іерусалима, Езекиа, по совѣту со старѣйшинами своими, рѣшается сопротивляться царю ассирійскому и съ этою цѣлію дѣлаетъ все нужныя для войны приготовленія. Въ это время являюся послы отъ Сеннахирима въ Іерусалимъ (самъ царь Сеннахиримъ окружилъ между тѣмъ своимъ войскомъ Лахисъ) и объявляютъ Езекии, что онъ долженъ преклониться предъ могуществомъ царя ассирійскаго, — чему впрочемъ не суждено было исполниться. По молитвѣ Езекии и Исаи пророка ангелъ Господень поражаетъ войско ассирійское и заставляеть Сеннахирима со стыдомъ возвратиться домой.

На первый взглядъ представляется, что надписи и Библия положительно противорѣчатъ другъ другу въ разсказѣ объ отношеніяхъ Санхериба (Сеннахирима) къ Езекии, потому что въ то время какъ Библия представляетъ попытку царя ассирійскаго овладѣть Іерусалимомъ окончившеюся въ концѣ концовъ полною неудачею, надписи представляютъ развязку этого дѣла совершенно въ противоположномъ видѣ: по нимъ Санхерибъ овладѣваетъ городами іудейскими, получаетъ отъ Езекии богатую дань и наконецъ принимаетъ отъ него посольство, какъ доказательство покорности Езекии и полнѣйшей зависимости послѣдняго отъ Ассиріи и уже послѣ всего этого возвращается въ Ниневію. О какомъ-либо несчастіи Санхериба или какой-либо неудачѣ въ его предпріятіи противъ царства іудейскаго въ над-

писяхъ нѣтъ ни одного слова и даже тѣни намёка. Однако на самомъ дѣлѣ такого противорѣчiя нѣтъ. Вся разность между надписями и Библiей въ повѣствованiи о военномъ предпрiятiи Санхериба противъ Езекии состоитъ только въ томъ; что въ надписяхъ это предпрiятiе описано не такъ полно, какъ въ Библии, или, вѣрнѣе, въ надписяхъ описанiе его недокончено. Здѣсь сказано только о томъ, что было въ началѣ этого предпрiятiя, и пройдено молчанiемъ его окончанiе или развязка. Такъ смотрятъ на это даже сами ассирiологи, и такъ нужно смотрѣть, если относиться къ дѣлу безпристрастно. „Что касается въ особенности этого эпизода (разумѣется здѣсь именно та часть приведенной выше надписи Санхериба, въ которой идетъ рѣчь о походѣ царя ассирiйскаго противъ Езекии), то, говоритъ Шрадеръ, изъ повѣсти ассирiянина легко объясняется его стремленiе сказать лишь только то, что было хорошаго для него въ этомъ предпрiятiи и умолчать о дурномъ: сказать о богатой дани, полученной отъ Езекии и умолчать о полномъ пораженiи, которымъ кончилось это предпрiятiе для Ассирiи. Такъ, продолжаетъ Шрадеръ, иронически было замѣчено потому, что ассирiянинъ заключилъ Езекию въ Иерусалимѣ, какъ птицу въ клеткѣ; упомянуто далѣе о томъ, что онъ (Санхерибъ) принудилъ Езекию къ выдачѣ Падя, царя евронскаго, а равно и къ уплатѣ большой дани. Что же касается того, что дѣло относительно Иерусалима Санхерибъ долженъ былъ оставить неоконченнымъ, то объ этомъ надписи Санхериба не сказали ни одного слова. Намѣренно измѣняютъ онѣ и хронологическую послѣдовательность, заключая повѣсть богатою данью, между тѣмъ какъ изъ Библии мы знаемъ, что эта дань была уплачена Езекией еще во время пребыванiя Санхериба въ Лакисѣ ²³⁾).

Въ словахъ Шрадера нѣтъ ничего преувеличеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, заподозрить Библию въ томъ, что она намѣренно упомянула о пораженiи Санхериба и постыдной для него развязкѣ его предпрiятiя противъ Езекии, окончившагося по надписи полнымъ успѣхомъ, невозможно; потому что такое намѣренiе представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ никакъ не гармонировало бы съ

²³⁾ Die Keilinschriften und d. alte Testament. S. 190.

чистосердечнымъ разсказомъ библейскаго повѣствователя о дани посланной Евекіей Санхерибу и о видимомъ смущеніи и страхѣ Евекіи при извѣстіи о нападеніи Санхериба на его города. Не даетъ основанія для такого предположенія и предшествующая исторія царствъ іудейскаго и израильскаго, изъ которой мы узнаемъ, что библейскіе писатели не проходили молчаніемъ даже и такихъ событій изъ исторіи политической жизни народа еврейскаго, которыя служили преградой для ея нормальнаго теченія; такъ напр. о дани Мананима, которую онъ платилъ Фулу ассирійскому, о непріятельскомъ вторженіи въ землю израильскую Тиглатъ-Фелассара въ царствованіе Факея; не умолчали и о совершенномъ разрушеніи Самаріи и плѣненіи израильскаго народа сначала Салманассаромъ, а потомъ Саргономъ, царями ассирійскими. Почему же въ настоящемъ только случаѣ библейскій писатель пожелалъ представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ? Не всего ли естественнѣе напротивъ могло явиться подобное желаніе у самаго ассирійскаго писателя? Если вѣрить Раулсону, то Санхерибъ проигралъ и сраженіе съ Египтомъ; между тѣмъ какъ надпись его приписываетъ ему блистательную и рѣшительную побѣду и надъ царемъ египетскимъ.

Обратимъ при этомъ вниманіе и на хронологическую непоследовательность надписи въ разсказѣ о походѣ Санхериба противъ Евекіи, о которой мы кратко уже упомянули выше и которая можетъ служить однимъ изъ всѣхъ доказательствъ неправильнаго пониманія дѣла писателемъ надписи Санхериба.

Какъ мы видѣли, разсказъ ассирійскаго писателя о предпріятіи Санхериба противъ Евекіи и Іерусалима составляетъ заключеніе всей надписи. На этомъ основаніи очевидно нужно было бы предположить, что и самый походъ Санхериба противъ Евекіи точно также былъ заключеніемъ его цѣлаго предпріятія описаннаго въ надписи, послѣ чего онъ возвратился въ Ассирію (Ниневію), какъ объ этомъ и говоритъ надпись. Въ дѣйствительности же это было не такъ. Библия говоритъ, что получивши дань отъ Евекіи, Санхерибъ послалъ самъ къ нему посольство, прося его союза. Правда, Библия не говоритъ, для чего нуженъ былъ этотъ союзъ,—но и при молчаніи Библии легко можно понять, что, прося этого союза, Санхерибъ имѣлъ въ виду какое либо военное предпріятіе, и всего вѣрнѣе—противъ Египтянъ, о

второмъ надпись говоритъ прежде его предпріятія противъ Евекіи. Это потому, что о другихъ предпріятіяхъ Санхериба, слѣдовавшихъ за его походомъ противъ Евекіи, если представлять его заключеніемъ всего предпріятія, описаннаго въ надписяхъ, послѣднія не говорятъ ни слова. Вообще дѣло нужно представлять такъ. Въ началѣ правленія Санхериба въ царяхъ хананейскихъ и филистимскихъ, со включеніемъ Іудей, стоявшихъ въ вассальныхъ къ Ассиріи отношеніяхъ еще со времени Саргона, пробудилось стремленіе освободиться отъ вѣгъ ассирійскаго. Съ этою цѣлю цари Сидона, Аскалона и Іудей заключаютъ между собою союзъ (на что намекаетъ и Библія 4 Цар. 18, 20. 21. 22) въ которому присоединяются и цари египетскіе и вавилонскіе. Санхерибъ заблаговременно узнаетъ объ этомъ союзѣ, является неожиданно для союзниковъ, т. е. прежде, чѣмъ они въ состояніи были соединить свои силы и влѣдетвіе этого безъ особеннаго труда сводитъ счеты со своими непокорными вассалами. Сначала Санхерибъ овладѣваетъ Сидономъ и ему подчиненными городами, потомъ идетъ противъ Аскалона и одновременно отряжаетъ корпусъ противъ Іудей, наводнившій послѣднюю и налагаетъ на нее контрибуцію. По причинѣ запоздавшаго прибытія Египтянъ, считая себя слабымъ для сопротивленія ассирійскому царю, Евекія посылаетъ къ Санхерибу, расположившемуся въ то время въ Лажисѣ, дань. Что Евекія дѣйствительно рассчитывала на помощь Египтянъ въ борьбѣ съ Санхерибомъ, объ этомъ нужно заключать изъ 4 Цар. 18, 24, гдѣ Санхерибъ выражаетъ желаніе отклонить Евекію отъ союза съ Египтомъ. Отсюда же, т. е. изъ предложенія Санхериба, чтобы Евекія вмѣсто того, чтобы рассчитывать на помощь Египта, присоединилась къ нему, со всюю вѣроятностію, если не болѣе, можно заключать, что дѣло его (Санхериба) съ Евекіей было прежде похода противъ Египта. При такомъ представленіи дѣла видимое противорѣчіе Библии и надписей въ повѣствованіи объ этомъ походѣ Санхериба примиряется безъ всякаго труда.

Исключая изъ надписей Санхериба все то, чего не было въ дѣйствительности, мы должны сказать, что въ остальномъ эти надписи могутъ служить прекраснымъ подтвержденіемъ библейскаго повѣствованія о томъ же событіи.

Этимъ впрочемъ не ограничивается все значеніе надписей Санхериба. Будучи важны какъ надписи подтверждающія библейское повѣствованіе объ отношеніяхъ Санхериба къ царству іудейскому, эти надписи имѣютъ и другое немаловажное значеніе, именно въ дѣлѣ пониманія нѣкоторыхъ темныхъ библейскихъ личностей. Мы разумѣемъ здѣсь личность Меродаха Валадана въ его отношеніи къ Езекии, которое (отношеніе) по Библии остается для читателя совершенно непонятнымъ. Въ Библии о Меродахѣ Валаданѣ сказано только, что онъ былъ царь вавилонскій, сынъ Валадана, приславшій Езекии, во время его бодръзни, книги (письма) и дары (4 Цар. 20, 12).

Въ клинообразныхъ надписяхъ мы встрѣчаемъ двѣ личности съ именемъ Меродаха Валадана. Въ первый разъ упоминаеніе о Меродахѣ Валаданѣ мы находимъ въ надписи Тиглатъ-Фелассара, гдѣ говорится: „Меродахъ Валаданъ, сынъ Якинъ, царь моря, во время его (Тиглатъ-Фелассара) дарскихъ предковъ не попалъ въ списокъ даниковъ и не цѣловалъ ихъ ногъ: сильный страхъ Асура, моего господя, сбѣжалъ его и онъ пришелъ ко мнѣ въ городъ Сапійю и цѣловалъ мои ноги.“ Тотъ же Меродахъ Валаданъ, сынъ Якинъ, выступаетъ на сцену и въ правленіе Саргона съ титуломъ уже царя халдейскаго или собственно вавилонскаго, тогда какъ въ надписи Тиглатъ-Фелассара онъ названъ только „царемъ моря“ или царемъ южно-вавилонскимъ. Изъ надписи Саргона мы узнаемъ между прочимъ, что во время похода Саргона на Меродаха Валадана этотъ послѣдній былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, а городъ Дуръ-Сакинъ, въ который онъ убѣжалъ (вѣроятно изъ плѣна) былъ сожженъ Саргономъ. Нужно думать, что Меродахъ Валаданъ, упоминаемый Тиглатъ-Фелассаромъ и Саргономъ, есть одно и то же лице съ Меродахомъ Валаданомъ, упоминаемомъ въ Птоломеевомъ канонѣ вавилонскихъ правителей. Поэтому канону Меродахъ Валаданъ вступилъ на престолъ въ 721 году и царствовалъ 12 лѣтъ.

Но очевидно, что этотъ Меродахъ Валаданъ не есть Меродахъ Валаданъ—современникъ Езекии и Санхериба, такъ какъ первый называется въ надписяхъ сыномъ Якина, а послѣдній сыномъ Валадана. Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что Меродахъ Валаданъ, сынъ Якинъ былъ отецъ Меродаха Валадана—совре-

менника Езекии и Санхериба, хотя, къ сожалѣнію, въ надписяхъ Санхериба онъ не пишетъ подлѣ себя даже и краткой родословной,—какое обстоятельство и было главнымъ поводомъ къ предположенію тождества Меродаха Валадана, современника Саргона и Меродаха Валадана современника Санхериба, освободившагося будто бы изъ плѣна при Саргонѣ и снова потомъ овладѣвшаго престоломъ вавилонскимъ,—предположенію, съ которымъ согласиться нельзя. Уже то обстоятельство, что Дуръ-Сакинъ, въ который бѣжалъ плѣненный Меродахъ Валаданъ, по надписи Саргона, былъ сожженъ, даетъ основаніе думать, что и Меродахъ Валаданъ, вмѣстѣ съ городомъ, сдѣлался жертвою огня и слѣдовательно долженъ быть считаемъ не существовавшимъ во времена Санхериба и Езекии. Къ предположенію, что Меродахъ Валаданъ, современникъ Саргона, былъ отцомъ Меродаха Валадана—современника Санхериба и Езекии приводитъ прямо то обстоятельство, что Меродахъ Валаданъ, упоминаемый въ надписяхъ Санхериба, называется „сыномъ прежняго“,—очевидно—одноименнаго царя, которымъ могъ быть только Меродахъ Валаданъ,—современникъ Саргона, которому (Саргону) наследовалъ престолъ ассирійскій Санхерибъ. Поэтому Меродаха Валадана, современника Саргона, мы будемъ называть для краткости первымъ, а Меродаха Валадана—современника Санхериба и Езекии—вторымъ.

Время правленія Меродаха Валадана II можно опредѣлить почти съ точностію. Въ одной изъ надписей Санхериба сказано, что онъ (Санхерибъ) имѣлъ дѣло съ этимъ царемъ въ началѣ своего правленія; между тѣмъ какъ плѣнъ и въ этомъ же вѣроятно году послѣдовавшая смерть его отца—Меродаха Валадана I, какъ видно изъ надписи Саргона, имѣли мѣсто въ 12 или 13 г. царствованія Саргона. И дѣйствительно, по ассирійскому канону смерть Меродаха Валадана I отмѣчена подъ 710 г. предъ Р. Хр. или подъ 13 г. правленія Саргона, а подъ слѣдующимъ (709) годомъ отмѣчено вступленіе Саргона на престолъ вавилонскій. Но отъ этого года до конца царствованія Саргона протекло только полгода, слѣдовательно начало правленія Меродаха Валадана II, полагая начало войны противъ него Санхериба не далѣе трехъ первыхъ лѣтъ послѣ вступленія Санхериба на пре-

столь ассирійскій, нужно искать въ періодъ времени, что 5 до 6 лѣтъ. Можно впрочемъ, и съ достаточнымъ основаніемъ, собрать этотъ періодъ на половину. Можно думать, что Меродахъ Валаданъ II, желая съ одной стороны отметить Саргону за смерть своего отца, а съ другой—за отнятіе у него престола, явился претендентомъ на престоль вавилонскій въ самомъ скоромъ времени послѣ того, какъ Саргонъ завладѣлъ престоломъ вавилонскимъ. Что касается того, почему это событіе не отмѣчено ни въ надписяхъ Саргона, ни въ ассирійскомъ канонѣ правителей, то это обстоятельство вовсе не будетъ страннымъ и удивительнымъ, если мы припомнимъ при этомъ то, что мы знаемъ о характерѣ ассирійскихъ надписей изъ надписей напр. Санхериба, повѣствующей о походѣ этого царя противъ царства іудейскаго. Наше предположеніе, что Меродахъ Валаданъ II явился претендентомъ на вавилонскій престоль въ самомъ скоромъ времени послѣ смерти своего отца, подтверждается еще однимъ отрывкомъ изъ Евсевія—въ армянскомъ переводѣ, въ которомъ говорится: „за тѣмъ, т. е. послѣ войны Санхериба съ Меродахомъ Валаданомъ II и сверженія послѣдняго съ престола вавилонскаго, управлялъ братъ Санхериба, а послѣ того господствовалъ надъ Вавилономъ Ацивъ, носившій скипетръ не болѣе 30 дней и умерщвленный Меродахъ Валаданомъ II, который такимъ образомъ захватилъ въ свои руки господство надъ Вавилономъ и господствовалъ надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не устранилъ его мужъ, по имени *Елибъ* или *Белибъ* (по надписямъ“²⁹⁾. Что здѣсь идетъ рѣчь о второмъ походѣ противъ Меродаха Валадана II, это мы увидимъ ниже—изъ самыхъ надписей. Такимъ образомъ нужно представлять дѣло такъ. Меродахъ Валаданъ II овладѣлъ вавилонскимъ престоломъ въ самомъ скоромъ времени послѣ того, какъ Саргонъ отнялъ этотъ престоль у отца его. Но въ началѣ своего правленія Санхерибъ, изъ желанія—по призыву своего предшественника Саргона—самъ владѣть этимъ престоломъ, объявилъ войну (именно въ самый первый годъ

²⁹⁾ Отрывокъ этотъ приведенъ Брандисомъ въ его: Ueber den historisch. Gewinn aus der Entzifferung der assyrisch. Inschriften. а. 45.

послѣ вступленія на престолъ ассирійскій) Меродаху Валадану II и отнялъ у него престолъ. Длиннѣе престола, Меродахъ Валаданъ однако не отказался отъ претензіи на него и ждалъ теперь только удобнаго случая для того, чтобы вторично высказать свои права на этотъ престолъ. Прекрасный для этого случай скоро представился. Санхерибъ пошелъ войною противъ Езекии и египтянъ; Меродахъ Валаданъ узнаетъ объ этомъ. И вотъ, желая самъ отмстить Санхерибу,—онъ присоединяется къ союзу съ Езекией и царемъ египетскимъ и посылаетъ къ первому посольство и дары, съ цѣлюю приобрести въ Езекии вѣрнаго себѣ союзника въ дѣлѣ противъ своего врага. Итакъ вотъ чѣмъ объясняется то непонятное на первый разъ посольство Меродаха Валадана къ Езекии, о которомъ говоритъ Библия и которому Езекиа весьма обрадовался (4 Цар. 20, 12, 13),

О дѣятельности Меродаха Валадана II мы узнаемъ изъ надписей Санхериба слѣдующее. Въ цилиндровой надписи Санхериба мы читаемъ: „въ началѣ моего господства произошло то, что я нанесъ поражение Меродаху Валадану, царю Кардунійскому, вмѣстѣ съ войсками Елама вблизи города Кисъ. Онъ (Меродахъ Валаданъ II) убѣжалъ въ землю Куцуманъ, скрылся въ болотахъ и топяхъ и такимъ образомъ спасъ свою жизнь.... Въ его дворецѣ, въ Вавилонѣ, вступилъ я полный радости и открылъ его сокровищехранилищны.... Отсюда послалъ я въ Куцуманъ къ нему своихъ солдатъ. Прошло пять дней и не осталось слѣда отъ него. Белмба, сына одного мудреца вблизи города Суанны, котораго воспитывали въ обществѣ малыхъ мальчиковъ въ моемъ дворцѣ, назначилъ я господствовать надъ Сумиромъ и Аккадой. Впрочемъ этотъ походъ, который мы относимъ къ самому первому году правленія Санхериба ³⁰⁾, не былъ его послѣднимъ походомъ и дѣятельность Меродаха Валадана II не ограничивалась отмѣщеною въ этой надписи войною съ Санхерибомъ. По всей вѣроятности Меродахъ Валаданъ II, бѣжавъ

³⁰⁾ Къ первому же году правленія Санхериба относить этотъ походъ Брандсъ (см. его сочин. über d. historisch. Gewinn aus d. Entziff. assyrisch. Inschrift. s. 46), а Раулинсонъ—къ второму году (ibid s. 46. 1 Anmerk.).

шій въ Кудуманъ, не долго оставался тамъ и снова явился претендентомъ на престолъ вавилонскій, и именно въ правленіе Белиба. Но теперь онъ дѣйствуетъ уже не одинъ, а въ союзъ съ Езекіей и съ египтянами—союзниками Езекіи. Объ этомъ второмъ походѣ противъ Меродаха Валадана II рассказываетъ другая надпись Санхериба, въ которой читаемъ слѣдующее. „Тотъ Меродахъ Валаданъ, которому я нанесъ пораженіе во время моего перваго похода: я сокрушилъ силу его войскъ, ударъ моего оружія и страшнаго пораженія напугалъ его. Боговъ, защиту его земли, онъ поставилъ въ шпалы, поставилъ ихъ на корабль.... Его братьевъ, родственниковъ дома отца его, которыхъ онъ оставилъ на берегу моря, вмѣстѣ съ остальными жителями его земли, я вывелъ изъ земли дома Якинова, (которая) среди болотъ и топей, и сдѣлалъ ихъ своими роботами. Его города я разрушилъ, опустошилъ и обратилъ ихъ въ развалины....., моего единороднаго сына Асурнадинсума поставилъ я на престолъ его (Меродаха Валадана); отдаленную землю Сумирь и Аккаду отдалъ я ему“. Такимъ образомъ, дѣятельность Меродаха Валадана II направлена была исключительно на пріобрѣтеніе и упроченіе за собою престола вавилонскаго, чего впрочемъ ему, судя по надписямъ Санхериба, не удалось достигнуть. Владычество надъ Вавилономъ, собственно надъ южнымъ, удалось получить, какъ это видно изъ одной надписи Асаргаддона, только Наидъ Меродаху,—второму сыну Меродаха Валадана II.

Санхерибу наследовалъ Асаргадонъ, который въ одной изъ оставшихся послѣ него надписей прямо называется сыномъ Санхериба: „земля Асаргаддона, царя ассирійскаго, сына Санхериба, сына Саргонова, царя ассирійскаго“. Изъ надписей этого царя для насъ важна собственно только одна, начертанная на плитѣ. Къ сожалѣнію, эта надпись не сообщаетъ намъ болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Асаргаддона къ царству іудейскому. Надпись Асаргаддона представляетъ собою не что иное, какъ голый перечень царей, платившихъ дань этому ассирійскому царю; въ числѣ этихъ данниковъ упомянутъ между прочимъ Манассія іудейскій. Вотъ эти цари: „Баалъ Тирскій, Манассія Іудейскій, Кадумуль Едомскій, Муссури Моавскій, царь Гааскій (не названный по имени), Митинти Аскалонскій, Итуцу

Евронскій....., царь самарійскій Абибаль, Пудуилъ Аммонскій и проч.⁴.

Надпись Асаргаддона, упоминающая о Манассіи, какъ данникъ ассирійскаго царя, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ Библии, хотя въ Библии нигдѣ не называется по имени тотъ царь ассирійскій, которому платилъ дань Манассія іудейскій. Въ книгѣ Паралипоменонъ мы читаемъ слѣдующее: *и наведе Господь на нить (Манассію и народъ его) начальники всѣхъ царй ассирійска, и ява Манассію во узакъ и связаша его оковы южными и отведоша въ Вавилонъ* (2 Пар. 33, II). Въ книгѣ Царствъ напротивъ не сказано ни слова о томъ, что въ царствованіе Манассіи существовали какія-либо отношенія между Іудеею и Ассиріею. Это обстоятельство и послужило мнѣ поводомъ къ предположенію, что приведенное нами мѣсто изъ книги Паралипоменонъ есть вставочное и что Манассія въ дѣйствительности не былъ отведенъ въ плѣнъ въ Вавилонъ. Но не много нужно вниманія, чтобы и въ книгѣ Царствъ усмотрѣть намекъ на это событіе. При внимательномъ разсмотрѣніи 21 главы этой книги оказывается, что въ царствованіи о дѣятельности и самой личности Манассіи книга Царствъ вовсе не противорѣчитъ книгѣ Паралипоменонъ; она только не упоминаетъ о царѣ ассирійскомъ, а говорить вообще: „и простру на Іерусалимъ мѣру; самарійскую и всѣхъ дома Ахаавля, и истреблю Іерусалима..... и изрину останки достоянія Моего и предамъ ихъ въ руки враговъ ихъ, и будутъ въ рехищеніе и въ плѣнъ всѣмъ врагомъ своимъ“ (4 Цар. 21, 13, 14). Намъ кажется, что не будетъ никакого насилія, если подѣ „врагами ихъ“ мы будемъ разумѣть и Ассиріянъ.

Что же касается того обстоятельства, что по Библии Манассія отведенъ былъ въ плѣнъ въ Вавилонъ, а не куда-нибудь въ Ассирію, какъ бы слѣдовало ожидать, еслибы онъ отведенъ былъ въ плѣнъ Асаргаддономъ, то это обстоятельство объясняется очень просто тѣмъ, что къ тому времени Асаргадонъ былъ не только царемъ ассирійскимъ, но вмѣстѣ и царемъ вавилонскимъ и такимъ образомъ имѣлъ своею столицею и Вавилонъ. Что Асаргадонъ дѣйствительно былъ вмѣстѣ и царемъ вавилонскимъ, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ канонѣ ассирійскихъ правителей подъ 680 г. предъ Р. Хр. мы встрѣча-

имъ такую заимству: „1 году Асаргадона, когда царя вавилонскаго“. Но еще яснѣе сказано въ одной изъ оставшихся частей Асаргадона надписей: Въ ней мы читаемъ: „въ Асаргадонъ, великій царь, могущественный царь, царь націй, царь земли Асуръ, царь сумирскій и аккадскій (т. е. вавилонскій), царь царей египетскихъ, пат.,..., Египти, построилъ дворецъ въ Тарбидъ въ мѣсто жительства Асурбанипалу, сыну великаго царя, скинтроноосца..., отпрыску моея любви и окончилъ ево (т. е. дворецъ)“.

Въ заключеніе этого отъѣзда мы должны сказать еще нѣсколько словъ о Сарданапалѣ, сынѣ Асаргадона, отъ котораго мы имѣемъ одну надпись, съ упоминаемъ, о царѣ иудейскомъ. Этотъ царь является въ надписи данникомъ Сарданапада; но имя его въ надписи не означено. Не имѣя возможности опредѣлить, въ какое время своего царствованія ваятъ были въ плѣнъ Манассія, мы не можемъ дать положительнаго отъѣзда и на вопросъ о томъ, кого нужно разумѣть подъ анонимнымъ иудейскимъ царемъ, упомянутымъ въ надписи Сарданапада. Если предположить, что плѣнъ Манассія и его освобожденіе изъ плѣна (2 Пар. 33, 19) послѣдовали не въ концѣ его царствованія, которое продолжалось 55 лѣтъ (2 Пар. 33, 1), то очень возможно, что анонимный царь иудейскій, упомянутый въ надписи, есть тотъ же Манассія. Если же плѣнъ Манассія и освобожденіе изъ него падаютъ на послѣдніе годы правленія этого царя, то подъ царемъ иудейскимъ нужно разумѣть сына и преемника Манассія — Амона. Последнее предположеніе намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что издѣніе Манассія было слѣдствіемъ изреченнаго ему Богомъ наказанія за его отступленіе отъ Иеговы и за обладанъ иудеевъ къ идолопоклонству его примѣромъ; между тѣмъ какъ возвращеніе изъ плѣна было слѣдствіемъ его обращенія къ Иеговѣ (2 Пар. 33, 9). Намъ кажется, что по аналогіи съ этимъ можно заключить, что и нападеніе Сарданапада на царство иудейское и подданство ему царя иудейскаго были также допущеніемъ Божиимъ или наказаніемъ Иудей за отступленіе отъ Иеговы въ лицѣ ея правителя. А такое наказаніе всего болѣе дѣлать къ Амону, сыну Манассія, о которомъ въ Библии извѣстно, что онъ не отступилъ отъ предѣла

О СООТНОШЕНИИ УСТРОЙСТВА

ЗЕМНАГО ШАРА СЪ УСЛОВІЯМИ ЖИЗНИ.

Рѣчь читанная на публичномъ актѣ Моск. Д. Академіи 1 октября 1878 г.

Назадъ тому четырнадцать лѣтъ въ настоящій день мы праздновали пятидесятилѣтіе нашей Академіи. Незабвенный наставникъ нашъ, покойный отецъ ректоръ Александръ Васильевичъ Горскій въ приснопамятной рѣчи, произнесенной имъ въ этотъ торжественный день, приводилъ такія слова святаго Григорія Богослова: „немаловажно и то, что мудрые мужи парящимъ умомъ посредствомъ тонкихъ изслѣдованій, каждый обзрѣвая свою область, открыли въ глубинахъ и предали книгамъ: они уразумѣли природу вещей и воздушныхъ и земныхъ и морскихъ и небесныхъ, и сверхъ сего постигли мысль неизреченнаго Бога, постигли, какъ Богъ управляетъ вселенной, къ чему ведетъ ее, и какой конецъ положенъ для цѣлаго міра, исполненнаго многихъ красоть“¹⁾.

Этотъ свѣтлый взглядъ вселенскаго учителя на цѣль и значеніе изслѣдованій о видимой природѣ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ, для кого дорого дѣло истиннаго образованія. Обратимъ еще вниманіе и на слѣдующія слова святаго Григорія Бо-

¹⁾ Сборникъ изданный Академію 1864 года, стр. 27 и 28.

господна „небо, земля, море, словомъ — весь сей міръ“ есть „великая и преславная книга Божія, въ которой открывається самыя безмолвіемъ проповѣдуемыи Божіи“).

Какъ святыи Григорій, такъ и другіе отцы и учителя Церкви, между которыми были люди основательно изучавшіе自然界 въ ихъ время изслѣдованія о природѣ, согласно указываютъ намъ на разсматриваніе творенія какъ на существенно важное пособие въ дѣлѣ Богопознанія. Это является какъ общее ученіе православной Церкви, которая есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15).

И по ученію слова Божія изслѣдованіе видимой природы должно вести насъ къ познанію Бога: *„что невидимое Его, видная сила Его и Божество, было обозримъ міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Рим. 1, 20). Слово Божіе даетъ намъ въ этомъ отношеніи руководство: во многихъ мѣстахъ оно возводитъ наши взоры отъ явленій видимаго міра къ созерцанію совершенствъ Творца, изображаетъ намъ Его величіе и въ разныхъ явленіяхъ природы указываетъ намъ дѣйствія Его Промысла. И самъ Господь Спаситель раскрываетъ намъ великое дѣло домостроительства спасенія нашего и научаетъ насъ обязанностямъ нашимъ чрезъ образы взятые изъ видимой природы.

Отъ величія красоты созданія сравнительно познается виновникъ бытія ихъ (Прем. Солом. 13, 5). Основанія возможности восходить умомъ отъ творенія къ Творцу лежать глубоко въ самой природѣ человека, какъ существа разумно-чувствительнаго. И этотъ способъ Богопознанія есть всеобщій, доступный людямъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Къ той же цѣли должно вести и научное изслѣдованіе, разсматривающее предметы и явленія видимаго міра посредствомъ наблюденія и опыта. Если же естествознаніе теряетъ изъ вида эту высокую цѣль, то оно находится на ложномъ пути.

Да, много мрачныхъ сторонъ представляетъ намъ современное естествознаніе. Некоторые изъ представителей его своими умствованіями стараются затмить предъ людьми и тѣ высокія истины о Богѣ, о безсмертіи души, о назначеніи человека, о

ИЗДАНО ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1894 Г. ВЪ ТИПОГРАФИИ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

*) Творенія Свят. Григорія въ русск. переводѣ, часть I, стр. 291.

міръ, какія открыты намъ въ словѣ Божіемъ, и тѣ, которыя доступны естественному разуму. Ученые, пользующіеся извѣстностію, не стыдятся довѣрять только грубому, нурственному опыту, оставляя безъ вниманія внутренній, и доходятъ до обоготворенія матеріи. Замѣчательно и легковѣріе однихъ естествоиспытателей къ мнѣніямъ другихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ опытахъ и повѣркахъ чужаго мнѣнія не могутъ пособить ни химическій анализъ, ни микроскопъ (или какой другой инструментъ, нужны начала здраваго разума. И мы нерѣдко встречаемъ, что односторонніе естествоиспытатели явно нарушаютъ требованія логики и высказываютъ безразсудныя мнѣнія, спутываютъ представленія о предметахъ и не могутъ понять вещей простыхъ, доступныхъ даже мало образованному, но правильно развивающемуся уму. А главная причина такого омраченія есть невѣріе и невниманіе къ истинамъ открытымъ въ словѣ Божіемъ. Люди, отвергающіе свѣтъ дарованный въ Откровеніи, осуждаютъ себя на заблужденія и мракъ, какъ *неиспроважившіе истину, по взлюбившіе неправду* (2 Сад. 2, 10—12).

Однако же, если оставимъ въ сторонѣ произвольныя мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ и обратимъ вниманіе на дѣйствительныя открытія и точныя изслѣдованія въ области естественныхъ наукъ, то и здѣсь увидимъ свѣтлыя стороны. А именно: путемъ наблюденія и опыта отрывается много новыхъ фактовъ, служащихъ къ разясненію устройства видимаго міра, и правильный взглядъ на эти факты приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ ученіи о видимомъ мірѣ, какое даровано намъ въ словѣ Божіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, между сверхъестественнымъ откровеніемъ Божіимъ и естественнымъ, дарованнымъ человѣку въ природѣ видимой, не можетъ быть противорѣчія. Конечно, во многихъ сочиненіяхъ современныхъ ученыхъ до такой степени открытія смѣшиваются съ произвольными гипотезами, что трудно бываетъ опредѣлить значеніе фактовъ, но при правильномъ разборѣ ихъ и обсужденіи предмета съ равныхъ сторонъ и верные факты много могутъ послужить дѣлу истины.

Какъ опытъ такого рода, позвольте предложить вашему вниманію изслѣдованіе о соотношеніи устройства земнаго шара съ условіями жизни на его поверхности.

Во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія мы находимъ то

ученіе о нашей землѣ, что она сотворена Богомъ для обитанія чловѣка и другихъ живыхъ существъ; которыя въ первобытномъ невинномъ состояніи чловѣка были покорены его власти. Съ божественною лѣнностію цѣль сотворенія и устройнія землѣ изобразается въ такомъ нареченіи изъ книги святаго пророка Исая: *Вотъ образовавшии землю и создавшии ее. Онъ утвердилъ ее; не напрасно соорудилъ ее; Онъ образовалъ ее для жительства* (Исайя 45, 18). Это ученіе слова Божія тѣмъ яснѣе раскрывается предъ здравнымъ умомъ, чѣмъ внимательнѣе онъ разсматриваетъ явленія видимаго міра. Правда, на землѣ видѣть съ явленіями жизни усматриваютел и происшедшія отъ грѣхопаденія чловѣка грозныя явленія смерти и разрушенія, но смерть не побуждаетъ жизни. И въ настоящемъ поврежденномъ состояніи природы не сокрыты отъ внимательнаго взора слѣды того, что земной шаръ обильно надѣленъ дарами благодати Божіей для поддержанія жизни существъ его населяющихъ, и что различныя части его поставлены премудростію Божіею въ такомъ соотношеніи и соразмѣрности, какія нужны для цѣлей жизни.

Для разъясненія этого дивнаго плана обратимъ вниманіе на общее устройство землѣ и главныхъ частей ея.

Земля наша, хотя и не есть совершенный шаръ, но вообще имѣетъ фигуру шарообразную. И величина и фигура землѣ поставлены въ тѣсной связи съ условіями жизни.

Такъ, сила тяжести имѣетъ опредѣленную степень напряженія на поверхности землѣ. Это напряженіе въ свою очередь поставлено въ удивительной соразмѣрности съ устройствомъ тѣлесной природы органическихъ существъ. Сила тяжести даетъ прочную устойчивость нашему тѣлу, не препятствуетъ движеніямъ членовъ, даже помогаетъ въ нѣкоторыхъ работахъ. Но если бы притяженіе землѣ дѣйствовало гораздо сильнѣе, то и живыя существа не могли бы свободно двигаться и многія растенія не могли бы прозябать и возрастать. Между тѣмъ точныя изслѣдованія удостовѣряютъ, что напряженіе силы тяжести на поверхности землѣ зависитъ отъ ея величины и массы. Такъ на примѣръ вычислено, что на поверхности солнца сила притяженія должна быть почти въ двадцать восемь разъ болѣе чѣмъ у насъ: чловѣкъ перенесенный туда долженъ былъ бы для поднятія одного фунта употреблять большее усиліе, чѣмъ какое употреб-

дѣтъ здѣсь на поднятіе полуплуда, а потому не могъ бы свободно двигать ни руку, ни ногу.

Далѣе, наблюденія показываютъ, что на землѣ напряженіе силы тяжести бываетъ болѣе значительнымъ въ мѣстахъ низменныхъ и менѣе на высотахъ горъ; но эти разности такъ невелики, что съ трудомъ могутъ быть замѣчаемы, и потому можно сказать, что на земной поверхности тяжесть дѣйствуетъ почти съ одинаковою силою. И это зависитъ отъ разбросъ и фигуры земли. Ибо земля есть громадный шаръ, котораго радиусъ составляетъ безъ малаго шесть тысячъ верстъ. При такихъ размѣрахъ различіе въ разстояніи отъ центра самыхъ близкихъ и самыхъ возвышенныхъ мѣстъ будетъ весьма незначительно, а измѣненіе напряженія тяжести въ разныхъ мѣстахъ будетъ малоощутительно. Но это определенное, немного измѣняющееся, напряженіе тяжести на всей поверхности земли есть одно изъ условий развитія органической жизни. Представьте себѣ, что на землѣ нѣтъ однообразія въ дѣйствіяхъ тяжести, и тогда очень многое должно было бы принять другой видъ. Справедливо замѣчаетъ одинъ наблюдатель: „для созданія какою-нибудь дождя, этого милаго вѣстника наступающей весны, нужно было завѣсить и вымѣрять всю громаду земнаго шара отъ одного полюса до другаго, отъ периферіи до центра, дабы водоизмѣнъ этого нѣжнаго цвѣтка дать надлежащую крѣпость“¹⁾.

Потомъ, только при шарообразной фигурѣ земли теченіе водъ по ея поверхности и въ ея нѣдрахъ можетъ происходить съ такою правильностію, каковая повсюду замѣчается; а при иномъ видѣ многія мѣста были бы совсѣмъ лишены воды и необитаемы. А также при этой фигурѣ воздухъ можетъ сохранять въ разныхъ мѣстахъ ту степень плотности, каковая необходима для дыханія живыхъ существъ; и движеніе вѣтра можетъ повсюду совершаться удобно и безпрепятственно.

Наконецъ, обращая вниманіе на ежедневныя переизмѣненія, мы вездѣ замѣчаемъ, что разные мѣста земли постепенно согрѣваются и освѣщаются лучами солнца, ночь сменяется днемъ, сѣвныя суточныхъ и годовыхъ переизмѣненія совершаются правильно; и эти

¹⁾ Моря, физическая географія моря, глава III, въ концѣ.

ни благами тогда и сейчас солнечного земля пользуется. Дѣйствительно, порядокъ и стройности потому, что ей дана шарообразная фигура.

Должно замѣтить, что эти изслѣдованія о связи фигуры земли съ условіями жизни вполне сокрѣпляютъ свое значеніе, если мы и согласимся съ тѣмъ, что шарообразная фигура земли есть слѣдствіе дѣйствій силы притяженія. Пусть будетъ такъ, но не забудемъ и того, что силы природы, не суть что-либо самостоятельное; ихъ дѣйствованіе въ видимомъ мірѣ такъ же, какъ и бытіе самого міра; не есть что-либо безусловно необходимымъ и вполне опредѣляется волею Господа Бога. Силы природы суть цокерныя орудія Его вѣли, и эти силы предѣстательно было даны землѣ съ фигурою, даная была сообразна съ цѣлями Его благости и дремудрости. Блага, какія даруетъ намъ Творецъ въ устройствѣ міра, неведомо не переносятъ своей цѣны отъ того, какими средствами осуществлены. Его планъ: не одинъ шаръ. Слѣды этого дивнаго плана замѣчаются и въ распредѣленіи воды и суши. Вода на землѣ преобладаетъ надъ сушею, то есть вся суша въ видѣ материковъ и острововъ занимаетъ не болѣе одной трети всей поверхности земнаго шара, тогда какъ болѣе двухъ третей его покрыто водою океановъ, морей, пазеръ и другихъ водохранилищъ воды. Также отношеніе воды и суши является благотворнымъ для обитателей земли; ибо воды покрывающія ее, занимая огромную поверхность, могутъ отдѣлять отъ себя такое количество испареній, которое вполне достаточно для потребностей всего земнаго шара. Въ самомъ дѣлѣ, на землѣ постоянно происходятъ въ огромномъ размѣрѣ процессы кругообращенія влаги, поддерживающій жизнь ея. Главный источникъ этой влаги есть океанъ; когда же жарятся воды его, то соли въ нихъ растворенныя не могутъ удобно выдѣляться изъ нихъ въ атмосферу; и потому испаренія, отдѣляющіяся съ поверхности моря содержатъ въ себѣ чистую воду. Атмосфера принимаетъ въ себя и носитъ громадное количество испареній, которыя постепенно, но постоянно передаются землѣ, орошаютъ ее, даютъ начало источникамъ и рѣкамъ, возвращающимъ избытокъ влаги океану. Нельзя же сравнивать, замѣчать покойный Лейбъ, „это круговращеніе воды, совершающееся въ огромномъ масштабѣ и оживляющее мертвыя скалы земной коры, съ круговращеніемъ крови въ жилахъ животныхъ, которое, хотя въ меньшемъ видѣ

совершается, но также и поддерживает жизнь животных⁴⁾. Если же водные пары по поверхности суши выпадают осадки в атмосфере, то и атмосфера нуждается в обыкновенной пополнении влагою; для сего и служит существующее на земном шарѣ отношение между водою и сушею. А при иномъ отношеніи многія мѣста могли бы страдать отъ недостатка влаги.

Разсматривая самое расположение материковъ и острововъ на земномъ шарѣ, мы можемъ замѣчать то, въ какомъ удивительномъ соотноствіи всеблагій Творецъ поставилъ устройство земнаго шара съ условіями жизни.

Въ расположеніи суши на земномъ шарѣ поверхностный взглядъ не видитъ вышнато порядка и правильности. Прежде всего въ этомъ замѣчается большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ суша занимаетъ огромныя пространства и притомъ такъ, что средина ихъ значительно удалена отъ морей, а береговныя линіи имѣютъ мало извилинъ; на противъ того въ другихъ мѣстахъ моря весьма далеко вдаются во внутренность суши представляя собою огромныя заливы, а изъ частей материка образуются многочисленныя полуострова, и тогда материкъ имѣетъ весьма разчлененный видъ, какъ напримеръ это особенно замѣтно въ Европѣ. Но кромѣ того на земномъ шарѣ находится множество мѣстъ отсюду окруженныхъ водою, то-есть острововъ разнообразнаго вида и величины.

Итакъ очень многія мѣста земнаго шара представляютъ намъ, что суша повидимому весьма разнообразно переиъшана съ моремъ. Но въ этомъ самомъ внимательное исследование указываетъ намъ слѣды вышнато порядка. Въ самомъ дѣлѣ, эта близость моря и суши даетъ возможность обитателямъ суши пользоваться и влагою отдѣляющеюся въ атмосферу съ поверхности моря и дѣйствіемъ его смягчающимъ крайности тепла и холода, и многими другими благами, какія доставляетъ море не только для вещественной жизни живыхъ существъ, но даже для разумной и нравственной жизни человека, одареннаго разумомъ и свободою.

Съ другой стороны, хотя и можно замѣчать, что на огромныхъ материкахъ теплыхъ странъ нѣкоторыя мѣста отдаленныя отъ

*) Физика Линда, третье изданіе 1846 года, часть вторая, стр. 233.

мори страдать отъ недостатка влаги и даже превращаются въ пустыни и степи, однако въ общемъ порядкѣ и видахъ явленій и такія пространства не остаются безплодными. Когда обширная каменистая степь сильно испрѣвняется лучами солнца, то образуется гадъ и тогда отронившися разнѣобразъ въходящія потоки воздуха, имѣютъ воздуха подымающагося вверхъ нѣтъ къ солнцу сильно отъ бойшнхъ слоевъ въ видѣ вѣтровъ: порухи нахъ: стражи: сѣдннхъ; эго: передвиженіе: нѣрѣдко: пера: етл: на: огромныя: пространства: Если сухая степь отдалена отъ моря обширную: страну, то воздухъ: стремится: къ: степи: не: тогда: отъ: этой: страны, но и отъ моря къ ней: прилежащаго. Но: проходя: надъ: расположенными: между: степью: и: моремъ: странами: воздухъ: выдѣляетъ: изъ: себя: для: нихъ: большое: количество: влаги: способствующее: изъ: плодородію: . Особенно: паразительно: это: явленіе: обнаруживается: на: полуостровахъ: Индіи: тамъ: въ: это: неа: время, вѣдасвіе: сильного: нагрѣванія: странъ: лежащихъ: къ: сѣверу, теченія: воздуха: какъ: бы: отъеваются: назадъ, такъ: что: автомъ: постоянно: тамъ: дуютъ: вѣтры: съ: юго-запада: въ: направ- леніи: прямо: противоположномъ: тому, какое: имѣли: они: анюкъ, и: приносятъ: огромное: количество: испареній: съ: обширныхъ: про- странствъ: Индійскаго: океана. Эти: страны: на: югѣ: материке: Азіи, суть: страны: самыя: обильныя: влагою: растительность: до: стигаетъ: здѣсь: могучихъ: раамѣровъ. Но: плодородіемъ: своимъ: много: обдавъ: онѣ: пустынями: и: степями: лежащими: внутри: ма- терика: Азіи. А: подобныя: явленія: замѣчаются: и: въ: другихъ: мѣ- стахъ: земнаго: шара. Такъ, въ: твореніи: Божиемъ: и: предметы, съ: перваго: взгляда: представляющіеся: безплъными, имѣютъ: су- щественно: важное: значеніе: въ: общемъ: порядкѣ.

Самое: расположеніе: большихъ: материковъ: много: способству- етъ: правильному: распредѣленію: влаги: и: тепла: по: всей: земной: поверхности. Замѣчательно, что: Восточный: океанъ: расположенъ: на: огромномъ: пространствѣ: по: направленію: отъ: сѣвернаго: по- лярнаго: круга: до: южнаго; Атлантическій: же: океанъ: отъ: сѣвер- наго: полюса: до: отдаленныхъ: полярныхъ: предѣловъ: югъ: прости- рается: между: материками: такъ, что: общее: его: расположеніе: от- вѣтствуетъ: теченію: пассатныхъ: и: противоположныхъ: имъ: вѣтровъ. При: такомъ: размѣщеніи: большихъ: океановъ: въ: дви- женіи: адмосферы: возможны: та: всеобщность: и: то: единство, по:

которому воздухъ движется отъ жаркаго пояса къ южнымъ, отдаленнымъ странамъ сѣвера и обратно. Десима: важно и то, что на самомъ экваторѣ, да и вообще въ жаркомъ поясе находится много воды, а суши относительно немного.

Такима образомъ воды океановъ, направляемыя тѣмъ же падающими лучами солнца, отдѣляются отъ своей поверхности въ атмосферѣ громадное количество испареній. Ватмосферѣ жаркихъ странъ, при своей высокой температурѣ, много можеть поглощать ихъ и выдѣлять изъ себя съ большою скоростью по мѣрѣ передвиженія слоевъ ея въ отдаленныя холодныя страны.

Съ другой стороны передвиженіе слоевъ воздуха изъ странъ полярныхъ въ экваторіальныя способствуетъ смиренію крайностей тепла и холода, какъ это и замѣчается повсюду. Той же мѣрѣ содѣйствуютъ и моренія теченій. Но кромѣ того огромное количество тепла въ жаркомъ поясе поглощается при самомъ процессѣ испаренія воды, и потому это тепло отдѣляется тамъ, гдѣ оно особенно нужно.

Если же сравнимъ оба полушарія (земли мы видимъ какъ бы неравномѣрность между ними, т.-е. что въ южномъ северномъ полушаріи находится гораздо болѣе суши нежели въ южномъ, то и въ этомъ можно замѣчать вышній планъ. Въ самомъ дѣлѣ, тщательныя наблюденія надъ движеніемъ вѣтровъ приводятъ къ тому заключенію, что потоки воздуха переходятъ съ одного полушарія на другое, что тѣмъ непереннымъ, которыя отдѣлились въ атмосферѣ съ обширной поверхности океановъ находящихся въ южной полушаріи, по преимуществу пользуются страны нашего полушарія.

А какое значеніе для жизни имѣеть разчлененный видъ материковъ, объ этомъ справедливо замѣчаетъ Гартвичъ въ сочиненіи подъ названіемъ: „Богъ въ природѣ“, „Нужно-ли говорить о томъ, какое благотворное влияние на международныя отношенія имѣло вътр. равнообразное разчлененіе материковъ, эти многочисленные острова, вдающіеся въ океанъ мысы и вдающіеся въ землю заливы? Сильное развитіе береговой линии, происходящее вследствие этого, было не только благотворно въ климатическомъ отношеніи—оно составляло одно изъ существенныхъ условий, способствовавшихъ успѣхамъ цивилизаціи; этимъ разчлененіемъ берега облегчались отношенія устанавливав-

пились между народами — первоначально для торговли, а впоследствии для общаго промысла и знаний^(*).

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію той связи, какая существуетъ между устройствомъ суши и условиями развитія на ней жизни.

Поверхность суши представляетъ много неровностей: на ней встрѣчаются равнина и углубленія, такъ что нѣкоторыя мѣста суши лежатъ ниже морскаго уровня; другія же обширныя пространства наклоняются и болѣе сажень поднимаются надъ нимъ, составляя плоскія возвышенности или плоскогорія; третьяго же, во мнѣхъ мѣстахъ, надъ поверхностію земли крутыя склона и возвышаются или отдѣльныя горы или же обширныя цепи горъ, въ которыхъ вершины лежатъ на нѣсколько верстъ выше уровня моря. Все это имѣетъ большое значеніе для явленій совершающихся на земномъ шарѣ. Особенно замѣчательное соотвѣтствіе между оными явленіями тогда, вверху и ввысотѣ горы. Воздухъ, по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли, становится и рѣже и холоднѣе; на высотѣ явствуетъ лавная область, гдѣ температура бываетъ или начеио замерзшая. А многія горы и цѣпи горныя дѣли, разсыпаны по земному шару, такъ высоки, что далеко простираются въ эту область жюдрда. И потому онѣ являютоя для суши главныя орудія, чрезъ которыя она получаетъ влагу изъ атмосферы. Ибо испаренія, приносимыя къ горамъ долинами воздуха, спускаются на нихъ холоднѣе, вершины же задерживаютъ и обращаютъ въ огромныя массы снѣга. Область такъ-называемаго вѣчнаго снѣга, постоянно покрывающаго вершины горъ, находится и при экваторѣ на высотѣ четырёхъ съ половиною верствъ, и в. Кавказѣ на высотѣ трехъ верствъ, въ въ громадныхъ странахъ эта обшная линия опускается гораздо ниже. Этого горнаго снѣга (оставляемаго для суши такое хранилище влаги, изъ котораго она выдѣляется съ большою постепенностію). Зимніе слои егда, особенно въ тепломъ времѣ года, являютья образуемыхъ изъ себя и отучіе горныя потрці, дающія начало ручьямъ и рѣкамъ произходящимъ собою.

Но въ другой исторіи каменныя породы, входящія въ составъ горъ, въ значительной мѣрѣ доставляютъ и матеріалъ, изъ

*) Цифра седьмая ладно по дробу да не сдѣлать, а по дробу да не сдѣлать

разныхъ мѣстахъ его, не и здѣсь можно найти, никто общему и именно то, что верхніе слои земли по большей части представляютъ изъ себя среду удобную для развитія растений. И мы действительно видимъ, что растительная жизнь проявляется повсюду, гдѣ есть достаточная влага и тепло, хотя проявленія этой жизни весьма разнообразны на землѣ. Царство растений и царство животныхъ имѣютъ между собою тѣсную внутреннюю связь.

Жизнь живыхъ тварей поставлена въ дивной соразмѣрности съ устройствомъ окружающей ихъ среды. Такъ свойства воды, ея способность поглощать воздухъ, подвижность, особенности при заморзаніи находятся въ соответствіи съ потребностями рыбъ и другихъ обитателей воды. Подобное замѣчаемъ и относительно другихъ тварей воздушныхъ и земныхъ: все они на земномъ шарѣ находятъ средства для поддержанія жизни.

Потребности человека какъ существа разумнаго и нравственнаго гораздо выше и разнообразнѣе, и онъ можетъ находить гораздо болѣе средствъ для удовлетворенія ихъ. Силою своего разума онъ покрываетъ себя силы природы и пользуется дарами обильно приготовленными для него попечительностію Творца не только на поверхности, но и во глубинахъ земли. И царство ископаемое доставляетъ много сокровищъ и для естественной и для разумной жизни человека. Но повсюду ему предлежитъ усердный трудъ.

Жизнь на земномъ шарѣ зависитъ отъ причинъ какъ на немъ такъ и внѣ его находящихся. Для нея необходимо постоянное дѣйствіе на землю лучей солнца и опредѣленная сила этого дѣйствія, необходимы суточное и годовое движеніе земли около солнца по строго опредѣленному пути, отъ положенія котораго зависитъ тотъ порядокъ перемѣнъ года, какой замѣчаемъ нынѣ. И когда мы размышляемъ о всемогуществѣ и премудрости Творца направляющаго различныя части мірозданія къ достиженію благихъ цѣлей, то предъ нами раскрывается глубокое значеніе тѣхъ библейскихъ изреченій, въ которыхъ величіе Творца изображается чрезъ указанія на разныя явленія природы. Такъ говоритъ намъ слово Божіе: *кто изчерпалъ воды горстію своею, и пядю измѣрилъ небеса, и вмѣстилъ въ мѣру прахъ земли, и отвѣсилъ на вѣсахъ горы и на чашахъ въсовыхъ холмы (Исаи 40, 12)? Господь*

НАТУРАЛИСТЪ УОЛЛЭСЪ И ЕГО РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ.

(По поводу переводовъ книги Уоллеса: *Естественный подборъ* 1878 г.)

I.

Предисловіе.

Современное невѣріе начинаетъ прибѣгать къ самымъ безчестнымъ средствамъ для противоудѣйствія христіанскому міровоззрѣнію. Эти средства такъ сродни невѣрію, для котораго не могутъ имѣть надлежащаго значенія нравственные принципы.. Въ 1875 году въ „Правосл. Обзорніи“ была помѣщена статья Д. Ѳ. Голубинскаго подъ заглавіемъ: „Книга Секки: *Единство физическыхъ силъ и тенденціи* вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ“¹⁾. Въ этой статьѣ, вызвавшей сочувственное къ ея автору письмо аббата Секки, указывалось, до какой степени безцеремонно г. Павленковъ, издавшій въ русскомъ переводѣ произведеніе этого знаменитаго физика-аббата, выбрасывалъ изъ книги всѣ тѣ мѣста ея, гдѣ мысль читателя возводилась строго-логическимъ путемъ отъ естественныхъ причинъ данныхъ физическихъ явленій къ Творцу и Промыслителю вселенной. Въ 1877 году Е. Н. Воронецъ въ „Православномъ Обзорніи“²⁾ указывалъ науч-

¹⁾ См. книжки 4 и 7.

²⁾ См. книжку 2.

ную недобросовѣстность журнала „Знаніе“, редакция котораго, при изданіи на русскомъ языкѣ знаменитаго сочиненія Пальгрэва объ Аравіи, ея жителей и магометанствѣ, не стѣснилась, съ цѣлю возвеличенія мусульманской религіи, выкинуть изъ произведенія Пальгрэва тѣ мѣста, въ которыхъ высказывается надлежащій судъ надъ магометанствомъ. Къ сожалѣнію, раскрытіе нечестной продѣлки Павленкова, совершенной надъ книгой знаменитаго ученаго, осталось вѣдомымъ только читателямъ „Правосл. Обозрѣнія“: наши газеты, иногда столь пространно толкующія о совершенно ничтожныхъ вещахъ, прошли совершеннымъ молчаніемъ опубликованный и доказанный фактъ искаженія ученія знаменитаго ученаго и искусственнаго сокрытія отъ читателей истины, тогда какъ на обязанности газетъ лежало предать наибольшей гласности возмутительный поступокъ Павленкова, заклеить его должнымъ презрѣніемъ и предостеречь чрезъ то другихъ нашихъ недоразвитыхъ умственно и нравственно прогрессистовъ отъ подражанія Павленкову. Болѣе посчастливилось замѣткѣ г. Воронца по поводу мусульманофильства либеральной редакціи „Знанія“. Редакция „Новаго времени“, къ чести ея, помѣстила на страницахъ своей газеты замѣтку по поводу напечатаннаго въ „Правосл. Обозрѣніи“ разоблаченія продѣлки журнала „Знаніе“ и довольно энергично высказалась противъ такихъ вошіющихъ средствъ для пропаганды сочувствія къ магометанству. Но если такіе господа, какъ Павленковъ и редакторы покойнаго „Знанія“, не стѣснились, ради проведенія въ общество отрицательныхъ идей, уродовать переводимыя произведенія авторитетныхъ ученыхъ и искажать образъ мыслей послѣднихъ въ глазахъ русской публики, то это, какъ ни безнравственно само по себѣ, не могло еще возбуждать особаго изумленія: отъ недоученыхъ фанатиковъ отрицательнаго направленія можно ожидать всего...

Болѣе поразительнымъ представляется поступокъ профессора Петровской Академіи Линдемана по отношенію къ знаменитой книгѣ Уоллеса: *Естественный подборъ*. Г. профессоръ Линдеманъ, отъ котораго такъ естественно ожидать уваженія къ ученымъ произведеніямъ и къ образу воззрѣній авторовъ ихъ, оказался не выше какого-либо Павленкова и подобныхъ Павленкову, считающихся сотнями у насъ.... Дѣло вотъ въ чемъ. Уоллэсъ нахо-

дѣтъ невозможнымъ объяснить происхожденіе человѣка съ отличающимися его физиологическими и психологическими особенностями дѣйствіемъ только одного такъ-называемаго естественнаго подбора и силою самихъ вещей вынуждается признать участие высочайшей разумной, т.-е. божественной силы въ процессъ происхожденія человѣка. Профессоръ Линдеманъ, редактировавшій первый переводъ на русскій языкъ замѣчательной книги Уоллэса, отважился на тенденціозную передѣлку многихъ мѣстъ подлинника и на урѣзку цѣлой главы и конца этой книги. Спрашивается: какія возвышенныя побужденія руководили проф. Линдемана въ совершеніи этого недостойнаго подвига? Разрушительныя инстинкты г. Линдемана не безъ причины же остановились на искаженіи и истребленіи тѣхъ частей въ сочиненіи Уоллэса, въ которыхъ этотъ послѣдній указываетъ невозможность объяснить одними натуральными дѣятелями важнѣйшіе феномены природы, каковъ напр. человѣкъ, и постулируетъ воздѣйствіе на міровые процессы творческо-промыслительной дѣятельности Бога. Исканіе и выбрасываніе такихъ частей въ произведеніи Уоллэса не говоритъ ли само собою въ пользу того предположенія, что г. Линдеману кажутся ненаучными и вообще несостоятельными указанія Уоллэса на высочайшій Разумъ, обнаруживающійся въ природѣ, на ея Творца и Промыслителя? Это наиболѣе вѣроятно. Но спрашивается: кто же уполномочилъ г. Линдемана навязывать свой мнимо-прогрессивный образъ мыслей знаменитому англійскому натуралисту, когда этотъ послѣдній вооружается противъ такого образа мыслей? Вѣдь никто не принуждалъ г. Линдемана переводить изслѣдованіе, авторъ котораго дерзаетъ свидѣтельствовать свою вѣру въ бытіе высочайшаго творческо-промыслительнаго Разума. Для публики быть-можетъ совершенно безразлично, какъ мыслить о мірѣ проф. Петровской Академіи. Да и Уоллэсъ—не ребенокъ и вовсе не нуждается въ опекѣ русскаго малоизвѣстнаго ученаго. Что научно и ненаучно, это Уоллэсъ понимаетъ конечно не хуже г. Линдемана и не нуждается въ урокахъ послѣдняго. Или г. Линдеманъ воображаетъ, что онъ только постигаетъ сущность научнаго и ненаучнаго? Но вѣдь это требовалось бы доказать. Не только другіе обыкновенные смертные, но и весьма великіе ученые, какъ Дарвинъ и Уоллэсъ, почитаютъ вполне совмести-

мымъ съ требованіями науки допущеніе участія высочайшаго Разума и высочайшей Воли въ процессъ образованія и развитія то однихъ, то другихъ міровыхъ феноменовъ. Находятся еще ученые, которые идутъ дальше, утверждая, что не одни какіе-либо отдѣльные феномены, но все сущее и въ своемъ происхожденіи и въ дальнѣйшей судьбѣ съ истинно-научной точки зрѣнія должно стоять подѣ опредѣляющимъ и руководящимъ воздѣйствіемъ высочайшаго Существа. Все это не обязывало ли г. Линдемана передавать содержаніе книги Уоллеса безъ малѣйшихъ урѣзковъ и передѣлокъ? Тогда онъ явился бы гораздо болѣе понимающимъ требованія науки и уважающимъ науку. Не можетъ служить къ оправданію г. Линдемана ссылка на то, что онъ находилъ полезнымъ передать русской публикѣ изъ произведенія Уоллеса только доказанное научнымъ образомъ и гармонирующее съ теоріей самаго Уоллеса. Вопервыхъ, англійскій натуралистъ на научныхъ данныхъ обосновываетъ свою мысль объ участіи высочайшаго Существа въ процессъ происхожденія и образованія человѣческой природы. Во вторыхъ, если бы г. Линдеманъ былъ законно-требовательнымъ критикомъ теоріи естественнаго подбора, а не слѣпымъ ея сторонникомъ, то легко усмотрѣлъ бы, что эта теорія не можетъ считаться научно доказанной въ настоящее время: самъ уже по себѣ фактъ существованія сильныхъ ученыхъ противниковъ этой теоріи, находящихся въ ней столько Ахиллесовыхъ пятъ, говорить въ пользу этого. Наконецъ, мысль Уоллеса, такъ непонравившаяся нашему ученому, не есть что-либо случайное по отношенію къ научному міровоззрѣнію англійскаго натуралиста: напротивъ, эта мысль составляетъ такую особенность въ его теоріи, которая только дѣлаетъ возможнымъ изъясненіе подлежащихъ научному истолкованію явленій и предметовъ природы. Если г. Линдеманъ не чуждъ интереса къ правильному изъясненію предметовъ и явленій природы и въ тоже время не удовлетворялся теоріей Уоллеса въ ея полномъ видѣ, то могъ, передавши сполна на русскій языкъ сочиненіе англійскаго ученаго, приложить къ переводу собственную статью съ поправками взгляда этого ученаго, какъ это сдѣлалъ г. Вагнеръ. Такимъ образомъ поступокъ г. Линдемана является дѣйствительно таковымъ, каковымъ

его находить г. Вагнеръ, т.-е. недобросовѣстнымъ и невѣжественнымъ. Но быть-можетъ руководящимъ побужденіемъ для г. Линдемана при совершеніи этого недоброкачественнаго подвига служило не отвращеніе къ теистическому мировоззрѣнію какъ якобы ненаучному, а боязнь, чтобы по причинѣ нерасположенія большинства нашей интеллигенціи ко всему, указывающему на высшій духовный порядокъ вещей, книга Уоллэса не вызвала къ себѣ полного равнодушія въ русской публикѣ. Допустимъ это. Но поступокъ г. Линдемана чрезъ это является ли сколько-нибудь извинительнымъ? Вопервыхъ, что это за ученый, который, въ угоду разнымъ фанатичнымъ невѣждамъ, стѣсняется даже чрезъ посредство произведенія, принадлежащаго перу иностраннаго ученаго, распространять въ общественномъ сознаніи до рога для него идеи? Не значить ли это, что для него эти идеи—дѣло постороннее, а главное—заискиваніе популярности или набиваніе кармана. Вовторыхъ, урѣзками и передѣлками многихъ мѣстъ въ произведеніи Уоллэса развѣ г. Линдеманъ могъ внушить русской публикѣ любовь и уваженіе къ научнымъ изслѣдованіямъ, которыя всегда должны быть чужды пристрастій и предразсудковъ? Очевидно, нѣтъ: г. Линдеманъ этимъ только могъ содѣйствовать укрѣпленію въ нашей quasi интеллигенціи того антинаучнаго духа, которымъ она отличается въ большинствѣ своихъ представителей, слѣпо преклоняющихся предъ различными „последними словами науки“ и не хотящихъ знать никакихъ отрезвляющихъ возраженій и замѣчаній противъ нихъ. Къ чему же ученому поддерживать это болѣзненное состояніе русской мысли? Это угодничество и покровительство предубѣжденіямъ и предразсудкамъ нашей извѣстной среды составляетъ просто преступленіе. Истинный другъ ея не долженъ ли скорѣе всего всячески содѣйствовать расширенію кругозора русской мысли и направленію ея на болѣе здоровые пути? Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ этому является именно распространеніе въ русской публикѣ такихъ переводныхъ или оригинальныхъ произведеній, въ которыхъ „последнія слова науки“ подвергаются строгому научному суду и въ которыхъ проводятся не новомодныя, а болѣе здоровыя теоріи и ученія. Между тѣмъ у насъ намѣренно при переводѣ урѣзываются и передѣлываются

ся или совсѣмъ не переводятся такія произведенія^{*)}. Недавно газета „Голось“ въ лицѣ своего сотрудника г. Маркова выступила съ обвиненіемъ дѣятелей нашей печати въ *развращеніи* общества. Но не развращается ли всего болѣе наше общество подвигами, какіе совершаются въ отношеніи къ произведеніямъ иностранной литературы, напоминающимъ о Творцѣ и Промыслителѣ вселенной?

И что хуже всего, эти подвиги не встрѣчаютъ дружнаго и энергическаго преслѣдованія, а проходятъ совершенно благополучно: до такой степени мы индифферентны къ проявленіямъ зла. Протестъ духовныхъ журналовъ, по причинѣ предразсудочнаго отношенія къ нимъ такъ-называемой свѣтской публики, бездѣйственъ: эти журналы мало распространены, а большинству этой публики даже едва ли извѣстны непосредственно. И въ настоящемъ случаѣ еслибы не протестъ г. Вагнера, сперва заявленный кажется въ газетѣ „Голось“, то г. Линдеманъ прѣблагополучно остался бы въ мнѣніи незнакомыхъ съ подлинникомъ книги Уоллеса добросовѣстнымъ ученымъ. Но чѣмъ хуже поступокъ г. Линдемана, тѣмъ важнѣе оппозиція г. Вагнера противъ него. Нельзя поэтому не выразить признательности Н. П. Вагнеру за его протестъ противъ продѣлки переводчиковъ книги Уоллеса. Почтенный профессоръ Спб. университета однако не ограничился однимъ только протестомъ: онъ взялъ на себя редакцію третьяго по числу перевода почтенной книги Уоллеса и издалъ ее не только ослонна и изящно, но и дополнилъ книгу нѣкоторыми немаловажными приложеніями. Такимъ образомъ только въ переводѣ подъ редакціей Н. П. Вагнера, Уоллесъ является передъ русской публикою съ своимъ настоящимъ и полнымъ образомъ мысли по вопросу и о происхожденіи человѣка. Пе-

*) Книга Уоллеса наша подобнаго г. Линдеману переводчика еще въ лицѣ какого-то Г. Б. Вотъ что значить выгодный гешефтъ!... Сочиненіе же знаменитаго Катрежа, противника Дарвина, явившееся подъ заглавіемъ: „L'espèce humaine“, до сихъ поръ не появляется въ рускомъ переводѣ конечно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Павленковы, Гольсмиты, Линдеманы и Г. Б. уродуютъ ради торжества отрицательныхъ идей произведенія лучшихъ европейскихъ ученыхъ. Невольно возникаетъ вопросъ: неужели на „святой“ Руси не найдется человѣка, который бы взялся за добросовѣстный переводъ и изданіе названнаго произведенія Катрежа?

чтенный русскій натуралистъ этимъ не только совершилъ доброе дѣло для русской науки вообще, но и для богословской въ частности. Въ иностранной богословской, а частію и въ нашей литературѣ почти со времени самаго появленія Дарвинова сочиненія *О происхожденіи видовъ* высказывалась мысль, что самое принятіе Дарвиновыхъ принциповъ изъясненія развитія органической жизни, при болѣе глубокомъ уразумѣніи дѣла, отнюдь не устраняетъ дѣйствія въ мірѣ творческо-промыслительной силы Божіей. Эта-то мысль высказывается въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи человѣка Уоллэсомъ въ его сочиненіи: „*Естественный подборъ*“, при чемъ она подкрѣпляется данными отчасти прежде неуказывавшимися. Нужно-ли говорить, насколько важно то обстоятельство, что съ этой мыслью русскій читатель встрѣтится не въ богословскомъ трактатѣ, а въ замѣчательномъ произведеніи первокласснаго натуралиста? Конечно есть люди, настолько сжившіеся съ извѣстными предубѣжденіями, что ихъ ничѣмъ „непроймешь“, какъ говорится, но они—сами для себя судъ неумолимый. Для другихъ же будетъ истинной радостью найти въ такомъ произведеніи мысль дорогую и святую для нихъ. Впрочемъ Н. П. Вагнеръ оказался противникомъ мысли Уоллэса объ участіи высшаго Разума и высшей Воли въ процессъ происхожденія у человѣка нѣкоторыхъ физическихъ и психическихъ особенностей. Находя съ своей стороны возможнымъ объяснить естественнымъ образомъ безъ участія высшей разумно-свободной [силы] происхожденіе у человѣка этихъ особенностей, г. Вагнеръ, переводя сполна сочиненіе Уоллэса приложилъ въ концѣ книги свою особую статью, въ которой онъ противопоставляетъ объясненіямъ англійскаго натуралиста свои собственныя касательно этого предмета. Въ этомъ мы не видимъ ничего кромѣ ученаго благородства Н. П. Вагнера. Быть-можетъ его объясненія не дѣлаютъ чести его ученой сообразительности и дару критики, но это—другой вопросъ, о которомъ рѣчь впереди. Здѣсь же, по поводу приложенія Н. П. Вагнеромъ особой статьи къ сочиненію Уоллэса, мы должны отдать справедливость искренности почтеннаго профессора, которая заставила его идти прямой дорогой, а не прибѣгать къ іезуитскимъ мѣрамъ.

Воздавъ должное ученой недобросовѣстности и ученому благородству, мы не исполнили бы въ отношеніи къ читателямъ

важной, лежащей на насъ обязанности: 1) познакомить ихъ въ точномъ, хотя и сжатомъ изложеніи съ мыслями Уоллеса касательно происхожденія въ человѣкѣ и въ некоторыхъ весьма важныхъ и только одному ему свойственныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ особенностей, а съ другой стороны 2) высказаться касательно достоинства тѣхъ соображеній, которыя приводитъ Н. П. Вагнеръ, желая отстранить мысль Уоллеса объ участіи высшаго Разума и высшей Воли въ процессѣ происхожденія этихъ особенностей человѣческой природы. Мы не только не уклоняемся отъ посильнаго исполненія этой обязанности, но и видимъ въ ней самую существенную задачу нашего труда. Представляя важное значеніе для читающей публики взгляда Уоллеса на указанный предметъ мы передадимъ этотъ взглядъ съ возможной полнотою и объективною. При этомъ мы находимъ неособенно нужнымъ знакомить читателя какъ съ сущностью вообще ученія Уоллеса о происхожденіи и развитіи органической жизни, такъ и съ подробностями его теоріи: предполагаемъ, что читатели знакомы съ теоріей Дарвина по тому же вопросу, а теорія Дарвина есть въ тоже время по общему своему характеру и теорія Уоллеса. Для читателей, ищущихъ научнаго оправданія ихъ христіанскихъ воззрѣній на происхожденіе и природу человѣка, имѣетъ спеціальную важность собственно только трактатъ Уоллеса о предѣлахъ естественнаго подбора въ примѣненіи къ человѣку. Съ этимъ трактатомъ мы и ознакомимъ съ возможной полнотою и объективною. Это составитъ первую половину нашего труда. Затѣмъ, мы сообщимъ свѣдѣнія о характерѣ возраженій, выставляемыхъ г. Вагнеромъ Уоллесу по этому отдѣлу въ разсматриваемой книгѣ и сдѣлаемъ свои замѣчанія насчетъ силы и достоинства этихъ возраженій: это будетъ второй и послѣдней половиной. Въ заключеніе всего считаемъ необходимымъ сказать два-три слова относительно качества взглядовъ самаго Уоллеса. Не претендуя на спеціальность по части естественныхъ наукъ, въ настоящемъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло собственно съ логической стороною мыслей того и другаго ученаго, будучи увѣрены, что въ естествознаніи логика имѣетъ значеніе не меньшей мѣрѣ равносильное съ значеніемъ фактовъ...

II.

Ученіе Уоллэса о происхожденіи нѣкоторыхъ важныхъ физическихъ и духовныхъ особенностей въ человѣкѣ.

Разсматривая вопросъ о развитіи человѣка подѣ влияніемъ извѣстныхъ естественныхъ законовъ мы должны, говоритъ Уоллэсъ ⁴⁾, всегда имѣть въ виду сущность естественнаго подбора и общей теоріи развитія. Основная мысль естественнаго подбора и общей теоріи развитія заключается въ томъ, что въ какомъ-либо организмѣ тогда только могутъ произойти какія-нибудь измѣненія строенія и формы его, когда эти измѣненія клонятся непременно къ пользѣ измѣняющагося существа. Если напр. у насѣкомаго измѣняется цвѣтъ покрововъ, у птицы удлиняется клювъ, у млекопитающаго видоизмѣняется строеніе конечностей и т. д., то это должно служить осязательнымъ доказательствомъ того, что въ этихъ измѣненіяхъ существенно нуждаются эти существа для своего существованія и размноженія. Словомъ, всякое измѣненіе, происходящее въ какомъ бы то ни было организмѣ, должно являться и является полезнымъ для него измѣненіемъ. Такимъ образомъ природа производитъ съ этой стороны все болѣе и болѣе совершенные, т.-е. болѣе и болѣе приспособленные къ условіямъ жизни, организмы. Но очевидно природа производитъ не абсолютно совершенные, а относительно совершенные организмы. Это значитъ, что природа одаряетъ организмы только въ такой степени совершенными особенностями, въ какой онѣ требуются при данныхъ только условіяхъ, но вовсе не снабжаетъ организмы такими особенностями, которыя были бы желательны независимо ни отъ какихъ въ данное время существующихъ условій, непосредственно опредѣляющихъ жизнь и размноженіе организмовъ. Но если естественный подборъ хлопочетъ только о непосредственно и ближайше полезномъ для организмовъ, оставляя безъ попеченій отдаленнѣйшія и только еще предполагаемыя полезности организмовъ, то тѣмъ

⁴⁾ Трактатъ о происхожденіи въ человѣкѣ нѣкоторыхъ важныхъ особенностей занимаетъ у Уоллэса въ сочиненіи стр. 362—393.

болѣе естественный подборъ не долженъ производить и не производить такихъ измѣненій въ организмахъ, которыя были бы вредны для нихъ хотя бы въ самой незначительной степени. И Дарвинъ нѣсколько разъ повторяетъ, что если бы былъ найденъ хотя одинъ только видъ организмовъ, у котораго есть какія-либо устойчивыя особенности, вредныя для его существованія и размноженія,—въ такомъ случаѣ этимъ однимъ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ для его теоріи, т.-е. она оказалась бы ополна ложной. Какое же необходимое заключеніе вытекаетъ отсюда въ отношеніи къ человѣку? Не иначе, какъ слѣдующее: если найдемъ у человѣка какія бы то ни было особенности, которыя при первомъ своемъ появленіи были по всѣмъ соображеніямъ дѣйствительно вредны для него, то эти особенности никакимъ образомъ не могутъ считаться продуктомъ естественнаго подбора; равнымъ образомъ если мы найдемъ у человѣка въ его первобытномъ состояніи какой-либо органъ, который или самъ по себѣ былъ бы излишенъ для него въ это время или по степени своего развитія превосходилъ бы мѣру надобности въ ней для человѣка, то и этого рода особенность не можетъ быть приписана дѣйствіямъ естественнаго подбора. Но чему же въ такомъ разѣ обязаны могли быть своимъ происхожденіемъ въ человѣкѣ особенности или прямо вредныя для него или ненужныя въ извѣстное время? Если не естественному подбору, то—какой-нибудь другой силѣ или какому-нибудь другому закону. Свойства этой силы или этого закона могутъ быть опредѣлены посредствомъ слѣдующаго строго-логическаго умозаключенія: такъ какъ мы видимъ, что вредныя или въ данное время совершенно излишнія для человѣка особенности его организаціи сдѣлались современемъ въ высшей степени полезными для него и въ настоящее время существенно необходимы для полнаго умственнаго и нравственнаго развитія человѣческой природы, то вынуждаемся думать, что въ произведеніи этихъ особенностей принимала участіе какая-то разумная сила, предвидѣвшая будущее человѣка и подготовлявшая его для этого будущаго. Это умозаключеніе совершенно сходно съ тѣмъ, которое мы сдѣлали бы при видѣ садовода или скотовода, предпринимающаго произвести какое-нибудь опредѣленное улучшеніе въ культивированныхъ растеніяхъ или въ домашнихъ живот-

ныхъ. Подобнаго рода изслѣдованіе совершенно научно и законно, составляя обратное, провѣрочное рѣшеніе задачи о происхожденіи видовъ органическаго царства и сводясь къ открытію новой силы опредѣленнаго характера съ цѣлю объяснить факты, необъяснимые теоріей естественнаго подбора. Подобныя задачи хорошо извѣстны въ наукѣ, и стремленіе разрѣшить ихъ часто приводило къ блистательнѣйшимъ результатамъ. Однако, имѣемъ ли мы въ природѣ такіе факты, которые свидѣтельствовали бы о дѣйствіи въ ней высшей разумной Силы? Это дѣйствіе болѣе или менѣе ясно мы можемъ подмѣтить въ способѣ развитія типа человѣческаго. Объ этой высшей Силѣ свидѣлствуютъ тѣ особенности въ тѣлесно-духовной организаціи человѣка, которыя никакъ не могутъ быть изъяснены съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Какія же эти особенности? Обратимся къ обзорнѣю ихъ.

а) Мозгъ дикарей по величинѣ своей превышаетъ мѣру надобности въ немъ. Всѣ согласны въ томъ, что мозгъ есть органъ ума, и почти такъ же всеобщее убѣжденіе, что величина мозга—одна изъ важнѣйшихъ элементовъ, обуславливающихъ силу ума. Отсюда наиболѣе авторитетные современные писатели находятъ тѣсную связь между меньшей величиной мозга низшихъ человѣческихъ расъ и ихъ низшими умственными способностями. Нельзя однако доказать, чтобы абсолютная величина мозга значительно была менѣе у дикарей, нежели у цивилизованныхъ народовъ. Такъ извѣстны эскимосскіе черепа въ 113 кубическихъ дюймовъ, т.-е. почти равные по объему самымъ крупнымъ изъ европейскихъ череповъ. Но всего поразительнѣе то обстоятельство, что остатки доисторическаго человѣка не указываютъ никакого замѣтнаго увеличенія мозговой полости съ тѣхъ отдаленныхъ временъ. Швейцарскій черепъ каменнаго періода, найденный въ свайныхъ постройкахъ Мейлена, вполне соответствуетъ черепу молодаго швейцарца нашихъ дней. Окружность знаменитаго неандертальскаго черепа была больше средняго, а объемъ его, указывающій дѣйствительную величину мозга, былъ въ 75 кубич. дюймовъ, т.-е. равнялся приблизительно средней емкости череповъ теперешнихъ австралійцевъ. Англійскій черепъ, древнѣйшій, по мнѣнію ученыхъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ череповъ доисторическаго періода и по убѣжденію Дж. Лоббока, являю-

щійся современникомъ мамонта и пещернаго медвѣдя, смѣло можно считать, по словамъ Гексли, среднимъ черепомъ, который могъ бы принадлежать философу или по крайней мѣрѣ могъ бы содержать мозгъ смышленнаго дикаря. Профессоръ Брокъ говоритъ о человѣкѣ изъ пещеръ Эйзійскихъ, который безъ сомнѣнія былъ современникомъ сѣвернаго оленя въ южной Франціи, слѣдующее: „большой объемъ мозга, развитіе лба, прекрасная эллиптическая форма передней части профиля — все это такіе безспорные признаки совершенства, какіе мы привыкли встрѣчать у цивилизованныхъ племенъ“. Но въ тоже время значительная ширина лица, чудовищное развитіе восходящей вѣтви нижней челюсти, значительная величина и шероховатость поверхностей прикрѣпленія мускуловъ, особенно жевательныхъ, чрезвычайное развитіе гребня бедра указываютъ на громадную мышечную силу и на нравы дикаго и грубаго племени.

Въ виду такихъ фактовъ легко усумниться въ томъ, что между величиной мозга и силой ума существуетъ прямая и тѣсная связь, еслибы не было налицо болѣе ясныхъ доказательствъ справедливости этой мысли. Развѣ неизвѣстно, что каждый взрослый европеецъ, имѣющій черепъ менѣе 19 дюймовъ въ окружности и объемъ мозга въ 5 кубич. дюймовъ, есть непременно идиотъ? Съ другой стороны, имѣетъ значеніе безспорнаго факта, что великіе люди, соединявшіе тонкость ощущеній съ значительной умственной силой, съ сильными страстями и энергіей характера, — люди, подобные Кювье, Наполеону и т. д., всегда отличались объемомъ головы, значительно превосходящимъ среднюю величину. Положимъ, что между различными мозгами существуетъ значительное и качественное различіе, состоящее въ большей или меньшей сложности извилинъ, въ различномъ количествѣ сѣраго вещества и быть-можетъ еще въ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ особенностяхъ строенія. Но это качественное различіе развѣ уничтожаетъ вліяніе на размѣръ умственной силы количественныхъ особенностей мозга? Качественныя особенности въ структурѣ мозга могутъ только увеличивать или уменьшать вліяніе количественныхъ особенностей. Указанные сейчасъ факты скорѣе всего свидѣтельствуютъ, что объемъ мозга есть можетъ-быть даже наиболѣе существенная мѣра умственныхъ способностей. Но если это справедливо, то не представ-

ляется ли изумительнымъ и ненормальнымъ тотъ фактъ, что многіе дикари, по своему духовному развитію стоящіе весьма низко, обладаютъ однакожъ мозгомъ столь же значительнаго объема, какъ и средній мозгъ развитаго современнаго европейца? А это обстоятельство заставляетъ думать, что человѣку дана сила, превышающая его потребности, или дано орудіе, производящее болѣе того, что нужно его обладателю.

Сравненіе мозга человѣка съ мозгомъ обезьяны подтверждаетъ основательность этого послѣдняго замѣчанія. Взрослый орангъ-утангъ самецъ равняется малорослому человѣку, тогда какъ горилла значительно превышаетъ среднюю величину человѣка по росту и по вѣсу. Какого же размѣра мозгъ этихъ животныхъ? Орангъ-утангъ имѣетъ мозгъ только въ 28 куб. дюймовъ, а горилла въ 30 куб. дюймовъ, или въ наибольшемъ изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ индивидовъ въ 34 $\frac{1}{2}$ куб. дюйма. Принимая въ соображеніе среднія величины, оказывается что средняя емкость черепа низшихъ расъ дикарей, болѣе близко подходящихъ къ животнымъ, составляетъ вѣроятно не менѣе $\frac{1}{2}$ емкости черепа наиболѣе цивилизованныхъ племенъ, тогда какъ мозгъ человѣкообразныхъ обезьянъ едва достигаетъ только $\frac{1}{3}$ величины человеческого мозга. Эти пропорціи быть-можетъ будутъ болѣе ясны, если мы скажемъ, что емкость черепа европейца будетъ 32, у дикаря она равняется 26, а у обезьянъ — 10.

Но представляють ли эти числа хоть приблизительно относительную степень развитія умственныхъ способностей каждой изъ этихъ трехъ группъ? Неужели дикарь въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ какому-нибудь философу и такъ далеко отстоитъ отъ обезьяны, какъ можно было бы заключить по этимъ числамъ? Разсматривая этотъ вопросъ, мы не должны упускать изъ виду, что головы дикарей представляютъ почти такія же индивидуальныя измѣненія, какъ и головы цивилизованныхъ людей. Напримѣръ, самый большой германскій черепъ въ коллекціи д-ра Дэвиса представляетъ 112,4 куб. дюймовъ, одинъ арауканскій черепъ — 115,5, эскимосскій — 113,1, черепъ съ острововъ маркизскихъ — 110,6, негрятинскій — 105,8 и одинъ австрайлскій — даже 104,5. Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего нелогическаго сравнивать съ одной стороны дикаря и самаго совершеннаго европейца, а съ другой — орангъ-утанга, шимпанзе и гориллу, и заключать

при этомъ о существованіи или несуществованіи связи между относительнымъ развитіемъ мозга и умственными способностями. Посмотримъ же, насколько велико колебаніе умственныхъ способностей въ человѣческомъ родѣ.

Для уясненія этого предмета сначала требуется разсмотрѣть: къ чему становится способнымъ мозгъ, достигая высшей точки своего развитія. Гальтонъ въ своемъ изслѣдованіи *О наследственности таланта* указываетъ громадную разницу между умственной силой и понятливостью хорошо обученнаго напр. математика и умомъ человѣка среднихъ дарованій. Число балловъ, полученныхъ отличившимися въ математикѣ въ англійскихъ университетахъ, часто превышаетъ въ тридцать разъ число балловъ, полученныхъ учениками *среднихъ* успѣховъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о слишкомъ рѣзкомъ различіи индивидуальныхъ способностей, хотя экзаменическіе баллы и не могутъ съ окончательной вѣрностью опредѣлять размѣръ этихъ способностей? Если мы теперь спустимся къ тѣмъ дикимъ племенамъ, которыя могутъ сосчитать только отъ 3 до 5 и не могутъ сложить въ умѣ 2 и 3, а нуждаются для этого въ какихъ-нибудь предметахъ передъ глазами, то мы должны сознаться, что разница между ними и хорошимъ математикомъ настолько велика, что вѣроятно не вполне выразится отношеніемъ 1000 къ 1. Между тѣмъ мы знаемъ, что масса мозга приблизительно одинакова у обоихъ или различна не болѣе чѣмъ въ отношеніи 5 къ 6. Отсюда мы можемъ смѣло вывести, что если мозгъ дикаря поставить въ условія правильного воспитанія, то онъ способенъ исполнять дѣло, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, гораздо больше того, которое приходится обыкновенно исполнять. Но если относительно математика такъ различна умственная сила представителей одной и той же человѣческой породы, то она не иною должна являться и въ отношеніи къ составленію отвлеченныхъ понятій и произведенію болѣе или менѣе сложныхъ разсужденій. Нашъ языкъ изобилуетъ словами для выраженія самыхъ отвлеченныхъ понятій; наши занятія и развлеченія сами по себѣ заставляютъ постоянно предвидѣть много возможныхъ явленій; наши законодательства, наше правленіе, наша наука постоянно заставляютъ насъ обдумывать сложные ряды фактовъ, чтобы найти искомый результатъ, а

равно самыя игры наши, какъ напр. шахматы, требуютъ весьма большаго напряженія нашихъ способностей. Сравните это съ языкомъ дикаря, который не содержитъ даже словъ для отвлеченныхъ понятій, съ полнымъ отсутствіемъ у него предусмотрительности дѣлать заключеніа о будущемъ въ вещахъ, превышающихъ самыя простыя его потребности, съ отсутствіемъ способности комбинировать, сравнивать или обобщать что бы то ни было, не поражающее непосредственно его чувства. Въ нравственныхъ и эстетическихъ способностяхъ дикаря нѣтъ также чувства общей привязанности, понятій о безконечности, о благѣ, о возвышенномъ, о прекрасномъ, словомъ о всемъ томъ, что занимаетъ широкое мѣсто въ жизни цивилизованнаго человѣка. Развитие этихъ способностей было бы для него дѣломъ бесполезнымъ или даже вреднымъ, потому что это развитіе уменьшило бы до нѣкоторой степени преобладаніе тѣхъ животныхъ способностей, отъ которыхъ часто зависитъ само его существованіе въ ожесточенной борьбѣ, которую онъ долженъ вести съ природой и со своими братьями. Тѣмъ не менѣе въ дикарѣ есть зачатки всѣхъ этихъ способностей и чувствъ. Неоспоримымъ доказательствомъ этого служитъ то, что эти способности и чувства часто обнаруживаются у дикарей въ исключительныхъ случаяхъ или когда особенныя обстоятельства вызываютъ ихъ проявленіе. Нѣкоторыя племена, какъ напр. Санталы, извѣстны любовью къ правдѣ, отличающеюся такой же силою, какъ и любовь самыхъ нравственныхъ людей изъ нашей среды. Индусы и Полинезійцы отличаются замѣчательно развитымъ артистическимъ чувствомъ, первые зачатки котораго мы ясно видимъ въ грубыхъ рисункахъ людей палеолитическаго періода и въ произведеніяхъ современниковъ сѣвернаго оленя и мамонта во Франціи. Примѣры самоотверженности, глубокой благодарности, глубокаго религіознаго чувства точно также иногда встрѣчаются между наиболѣе дикими племенами. Такимъ образомъ, на основаніи таковыхъ данныхъ, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: низкій уровень дикаря, который мы доказали по отношенію къ ариметикѣ, распространяется и на все его умственное развитіе. Но такъ какъ всѣ его способности могутъ проявляться при особыхъ обстоятельствахъ, случайно, то мы можемъ заключить, что всѣ онѣ существуютъ въ скрытомъ со-

стояніи и что величина его мозга далеко идетъ за предѣлы той необходимости, которая обусловливается потребностями его настоящей жизни. Не иное ли что свидѣлствуется однако сравненіемъ ума дикарей съ умомъ животныхъ? Посмотримъ. Жизнь жителей Андамана, Австраійцевъ, жителей Тасманіи, Огненной земли и нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ сѣверной Америки требуетъ упражненія только немногихъ умственныхъ способностей въ той же степени, которыми пользуются животныя. Ихъ способъ лова дичи или рыбы столь же остроуменъ и не требуетъ большей предусмотрительности, какъ и тотъ, которымъ пользуется ягуаръ. Они роняютъ въ воду свою слюну и ловятъ хватающую ее рыбу. Подобно волкамъ и шакаламъ, эти племена охотятся толпами, или подобно лисицамъ они зарываютъ про запасъ избытокъ своей пищи. Сторожевые, выставленные антилопами и обезьянами, сложные постройки полевыхъ мышей и бобровъ, ночлеги орангъ-утанга и другихъ челоѣкообразныхъ обезьянъ, устраивающихъ жилища на деревьяхъ,—все это можно прямо сравнить со степенью заботливости и предусмотрительности, проявляющейся у дикарей въ подобныхъ обстоятельствахъ. Правда дикарь имѣетъ свободныя усовершенствованныя руки, которыя, неслужа для передвиженія съ мѣста на мѣсто, позволяютъ дикарю готовить и пользоваться оружіемъ и различными снарядами, приходящимися не по силамъ животному. Но приготовивъ орудіе, дикарь навѣрное не выскажетъ въ употребленіи его болѣе ума, чѣмъ многія изъ животныхъ.

Итакъ сравнивая дикаря съ высокоразвитыми людьми и съ животными, окружающими его, мы одинаково приходимъ къ заключенію, что его большой и хорошо развитый мозгъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его дѣйствительнымъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое вся жизнь его, какъ не удовлетвореніе естественныхъ побужденій болѣе простымъ и легкимъ путемъ? Какія мысли, идеи или дѣйствія значительно возвышаютъ его надъ слономъ и обезьяной? Между тѣмъ, какъ мы видѣли, онъ обладаетъ мозгомъ, стоящимъ неизмѣримо выше мозга этихъ животныхъ и въ величинѣ и въ сложности, и этотъ мозгъ, т.-е. мозгъ дикаря заключаетъ въ неразвитомъ состояніи такія способности, въ которыхъ онъ никогда не нуждается. Если это вѣрно относительно дикарей нынѣ живущихъ, то во сколько разъ это вѣр-

нѣе относительно тѣхъ людей, которые были вооружены единственно грубо отколотыми кремнями и которые по крайней мѣрѣ въ лицѣ немногихъ, а быть-можетъ даже большинства, стояли ниже какихъ бы то ни было изъ нынѣ существующихъ племенъ? Однакожъ тѣ факты, которые мы имѣемъ по этому предмету, показываютъ, что мозгъ первобытныхъ людей никакъ не былъ меньшей величины, чѣмъ средняя величина мозга у нынѣ существующихъ низшихъ дикихъ племенъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ органъ, который повидимому приготовленъ заранее для будущихъ историческихъ судебъ человѣка, съ той цѣлью, чтобы по мѣрѣ успѣховъ человѣческаго духовнаго развитія находить себѣ дѣйствительное соотвѣтствующее примѣненіе. Насколько намъ извѣстно, мозгъ, немного превышающій по объему мозгъ гориллы, является вполнѣ достаточнымъ для существующаго умственнаго уровня какого-нибудь дикаря. Поэтому большой объемъ его мозга не можетъ быть результатомъ исключительно однихъ естественныхъ дѣятелей или законовъ въ родѣ борьбы за существованіе, приспособленія къ наличнымъ условіямъ жизни, естественнаго подбора производителей, унаслѣдованія полезныхъ особенностей въ организаціи и т. д. Существенная принадлежность этихъ законовъ въ томъ и состоитъ, что эти законы приводятъ организацію каждаго вида организмовъ какъ разъ на степень, соотвѣтственную его потребностямъ, но не превышающую эти потребности. Подъ вліяніемъ этихъ обычныхъ законовъ въ индивидуумахъ органическаго міра не вырабатывается ничего излишняго и ненужнаго въ данное время. Эти законы не допускаютъ никакой подготовки организмовъ къ отдаленному будущему времени въ ихъ развитіи. Значить, никакой органъ, а слѣдовательно и мозгъ, не можетъ увеличиться или какъ-нибудь усложниться, если это непременно не требуется насущными потребностями всего организма. Вотъ почему мнѣ кажется, говорить Уоллэсъ, мозгъ доисторическаго человѣка и дикаря доказываетъ существованіе нѣкоторой силы, отличной отъ той, которая руководила развитіемъ низшихъ животныхъ среди такого множества разнообразныхъ формъ.

б) Особенная черта въ человѣческой организаціи—именно отсутствіе волосъ на спинѣ—опускалась доселѣ изъ виду всѣми, писавшими о происхожденіи человѣка. Одинъ изъ наиболѣе об-

щихъ внѣшнихъ признаковъ сухопутныхъ млекопитающихъ животныхъ составляютъ волоса, покрывающіе ихъ тѣло и при мягкости, гибкости и чувствительности кожи образующіе естественную защиту животнаго противъ непогоды и особенно противъ дождя. Главнѣйшее назначеніе этого покрова и состоитъ въ этого рода защитѣ животнаго. Уже самое расположеніе волосъ на кожѣ неоспоримо доказываетъ ихъ подлинное назначеніе: волосы всегда направлены внизъ на болѣе выдающихся частяхъ тѣла, такъ что по нимъ легко стекаетъ дождевая вода, причемъ нижняя поверхность тѣла, какъ менѣе страдающая отъ дождя, всегда менѣе покрыта волосами, а иногда и вовсе непокрыта. Замѣчательно, что на переднихъ конечностяхъ всѣхъ *ходящихъ* млекопитающихъ животныхъ волоса направлены отъ плечъ къ пальцамъ, но у орангъ-утанга они направлены отъ плечъ къ локтю и отъ кисти также къ локтю. Последняго рода явленіе находится въ зависимости отъ образа жизни животнаго, которое отдыхая держитъ свои длинныя руки надъ головой или захватываетъ ими за сучекъ и такимъ образомъ дождевая вода стекаетъ и по плечу и по предплечію къ длиннымъ волосамъ на локтѣ. По той же причинѣ волоса всегда длиннѣе и гуще отъ затылка до хвоста по длинѣ хребта, на которомъ часто образуется даже родъ гребня изъ толстыхъ волосъ или щетины. Эти свойства волосъ сохраняются во всѣхъ отдѣлахъ млекопитающихъ отъ сумчатыхъ до четверорукихъ и вслѣдствіе этого постоянства они должны были бы пріобрѣсти въ сильной мѣрѣ стремленіе къ переходу на послѣдующія поколѣнія путемъ унаслѣдованія. Если бы даже эти свойства въ нѣкоторыхъ видахъ животныхъ были уничтожены вѣковымъ дѣйствіемъ самаго строгаго подбора, то и тогда мы могли бы ожидать *постояннаго* возврата этихъ свойствъ по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Точно также мы можемъ быть увѣрены, что волоса были бы уничтожены естественнымъ подборомъ *только* въ томъ случаѣ, когда они сдѣлались бы для даннаго вида существъ *положительно вредными*, и притомъ настолько вредными, что вели бы почти къ неизбѣжному вымиранію обладающихъ ими индивидуумовъ.

Имѣя этотъ законъ въ виду, нельзя не поражаться тѣмъ, что у челоуѣка волоса почти совсѣмъ исчезли, и при томъ—особенно на спинѣ. Бородатые и безбородые племена одинаково имѣ-

ютъ голую спину, и если даже грудь и конечности у людей бываютъ иногда покрыты значительнымъ количествомъ волосъ, то всетаки спина и въ особенности хребетъ совершенно лишены волосъ. Это прямо противоположно тому, что мы встрѣчаемъ у *всѣхъ* другихъ млекопитающихъ. Говорятъ впрочемъ, будто Айны съ Курильскихъ острововъ и Японцы покрыты волосами. Однакожъ мист. Бикморъ, имѣвшій случай видѣть нѣсколько такихъ индивидуумовъ и опубликовавшій результаты своихъ наблюдений, вовсе не говоритъ прямо о существованіи у этихъ индивидуумовъ волосъ на спинѣ, а свидѣтельствуетъ только о томъ, что у нихъ много волосъ не только на головѣ и лицѣ, но и на *всѣхъ* тѣлѣ. Но развѣ этого самаго нельзя сказать о *всякомъ* человѣкѣ, у котораго руки и грудь покрыты волосами? Между тѣмъ намъ нужно имѣть *неоспоримыя* свѣдѣнія и томъ, была ли покрыта волосами у этихъ индивидуумовъ о спина. Положимъ, извѣстное бирманское семейство, покрытое волосами, имѣло дѣйствительно волосы на спинѣ, притомъ болѣе длинныя, чѣмъ на груди, такъ что въ этомъ отношеніи члены бирманскаго семейства приближались вполнѣ къ млекопитающимъ. Но этого рода фактъ опровергаетъ-ли общій выводъ изъ наблюдений объ отсутствіи у людей волосъ на спинѣ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что члены этого семейства отличались нѣкоторыми такими особенностями, которыя скорѣе низводятъ ихъ въ разрядъ уродовъ, чѣмъ свидѣтельствуютъ о проявленіи въ нихъ того, чѣмъ нѣкогда отличались люди. Во первыхъ, у членовъ этого семейства были еще *болѣе* длинныя, чѣмъ на спинѣ, волосы на лицѣ, на лбу, на внутренней сторонѣ ушей, а это составляетъ уже чистѣйшую аномалію. Во вторыхъ, у членовъ этого семейства найдено было *весьма* слабое развитие зубовъ, что въ свою очередь представляется тоже ненормальнымъ явленіемъ.

Отсутствіе у дикарей на спинѣ волосъ само собою вызываетъ въ ученомъ вопросъ: существуютъ-ли какія-нибудь основанія предполагать, что спина дикаря или ближайшаго къ чековѣку животнаго, будучи покрыта волосами, являлась бы дѣйствительно вредною для того или для другаго на какой бы то ни было прежней ступени ихъ развитія? Если бы волосы были только для нихъ бесполезны, но не прямо вредны, то какимъ обра-

зомъ могли бы они совершенно уничтожиться и никогда не возвращаться при смѣшеніи расъ или другихъ обстоятельствахъ? Чтобы выяснить этотъ вопросъ, необходимо обратиться къ даннымъ въ жизни дикарей, имѣющимъ отношеніе къ занимающему насъ предмету. Вредны ли были бы для дикарей волосы на спинѣ? На это лучшимъ отвѣтомъ служить обычай дикарей закрывать себѣ спину и плечи, даже если все остальное тѣло остается нагимъ. Первые путешественники удивлялись тому, что жители Тасманіи обоюго пола носили только шкуру извѣстнаго животнаго—кенгуру не изъ чувства стыдливости, а просто затѣмъ, чтобы защитить спину отъ дождя и холода. Точно также національный костюмъ Маорисовъ состоитъ изъ плаща, накинутаго на плечи. Патагонцы также носятъ плащъ на плечахъ, а жители Огненной земли носятъ часто на спинѣ кусокъ кожи и перекладываютъ его то на ту, то на другую сторону, смотря по направленію вѣтра. Готтентоты также носятъ подобную кожу на плечахъ никогда не снимая ее. Замѣчательно, что и подъ тропиками большинство дикарей сильно заботится защитить свою спину отъ дождя и частію отъ зноя. Жители Тимора употребляютъ листъ одного вида вѣрной пальмы. Они старательно складываютъ его, шиваютъ затѣмъ и всегда носятъ съ собою: развертывая его на спинѣ, отлично защищаются этимъ покровомъ отъ дождя. Почти всѣ малайскія племена точно также какъ индѣйцы Южной Америки носятъ большія шляпы въ 4—5 футовъ въ поперечникѣ изъ пальмовыхъ листовъ. Эти шляпы служатъ имъ для защиты отъ ливней во время ихъ морскихъ перѣздовъ. Такія же шляпы, но меньшихъ размѣровъ, они употребляютъ и во время своихъ странствій на сушѣ. Такимъ образомъ очевидно, нѣтъ даже поводовъ думать, что развитіе волосъ на спинѣ было вредно, а тѣмъ менѣе бесполезно для доисторическаго человѣка. Напротивъ, привычки нынѣшнихъ дикарей свидѣтельствуютъ совершенно противоположное: они очевидно для всякаго чувствуютъ отсутствіе полезнаго покрова и усиленно придумываютъ различныя замѣны его. Можно подумать, что вертикальное положеніе человѣка могло вызвать сохраненіе волосъ на головѣ и исчезаніе ихъ на всемъ остальномъ тѣлѣ, но когда человѣкъ ходитъ во время вѣтра или дождя, то онъ инстинктивно сгибается и выставляетъ свою спину. Что же это

послѣднее означаетъ? Не то ли, что дикари съ наибольшей силой чувствуютъ послѣдствія холода и сырости именно на спинѣ? Какимъ же образомъ можно думать, будто волоса на спинѣ у первобытныхъ людей исчезли вслѣдствіе ихъ бесполезности? Наконецъ, исчезновеніе особенности, столь упорно сохранившейся въ цѣломъ классѣ существъ, мыслимо-ли объяснять только *уменьшеніемъ* полезности? Вѣдь въ этомъ случаѣ для дѣйствія естественнаго подбора не было бы надлежащаго побудителя..

Мнѣ кажется, говоритъ Уоллэсъ, что обычные естественные дѣятели или законы не могли произвести накопленіемъ измѣненій и унаслѣдованіемъ ихъ безволосое тѣло человѣка прямо отъ тѣла его волосатыхъ предковъ. Такія измѣненія, т.-е. уменьшеніе и наконецъ исчезновеніе волосъ не только не были бы полезны, но даже являлись бы вредными въ той или другой степени. Если и предположить, что, благодаря какой-нибудь неизвѣстной связи волосъ съ другими какими-либо вредными особенностями человѣческаго тѣла, волоса исчезли у тропическихъ предковъ рода человѣческаго, то все же остается непонятнымъ, отъ чего послѣ распространенія людей въ болѣе холодномъ климатѣ волосы не появились вновь подъ могущественнымъ вліяніемъ стремленія возврата къ столь постоянному типу предковъ. Но не выдерживаетъ критики самая основа такого предположенія. Нельзя же предположить, чтобы волоса, общіе *всѣмъ* млечнитоющимъ, могли только у *одного* вида ихъ стать въ *постоянную* связь съ какой-нибудь вредной особенностью и быть уничтоженными естественнымъ подборомъ, и притомъ такъ радикально, что затѣмъ никогда уже не являться въ помѣсяхъ самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ племенъ. Трудно найти два признака, которые отстояли бы такъ далеко другъ отъ друга, какъ развитіе человѣческаго мозга и распределеніе волосъ на тѣлѣ. Однако оба они ведутъ къ тому же заключенію, что въ ихъ образованіи участвовала какая-нибудь другая сила, а не естественный подборъ.

в) Руки и ноги человѣка также представляютъ затрудненіе для теоріи естественнаго подбора. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить естественнымъ подборомъ специализацію и совершенствованіе рукъ и ногъ человѣка? У всѣхъ четверорукихъ—ноги хватательныя. Слѣдовательно необходимо былъ бы весьма строгій

подборъ для такого измѣненія костей и мускуловъ, чтобы способность противоположенія большаго пальца ноги всѣмъ другимъ совершенно исчезла во всѣхъ человѣческихъ племенахъ, хотя многіе путешественники въ этомъ случаѣ и показывали противное въ весьма неопредѣленныхъ чертахъ. Трудно понять, почему исчезла эта способность хватанія,—она навѣрно приносила пользу при лазаньи по деревьямъ; съ другой стороны, бабуины свидѣтельствуютъ, что хватательная способность можетъ быть вполне совмѣстною съ передвиженіемъ по землѣ. Правда, эта способность можетъ стѣснять походку при совершенно вертикальномъ положеніи, но мы не можемъ понять, что же собственно выигралъ примитивный человѣкъ или какое-нибудь животное отъ этого вертикальнаго положенія. Кромѣ того, въ рукѣ дикаря въ скрытомъ состояніи находятся такія способности, которыми онъ никогда не пользуется и которыми вѣроятно еще меньше пользовался доисторическій человѣкъ, а тѣмъ болѣе его грубые предшественники. Рука имѣетъ видъ инструмента, приготовленнаго для цивилизованнаго человѣка, и безъ этого инструмента цивилизація была бы невозможна. Обезьяны не вполне пользуются своими раздѣльными пальцами и способностью противоположенія большихъ пальцевъ ногъ. Онѣ охватываютъ предметы грубо, неуклюже и кажется конечности, гораздо менѣ совершенныя, были бы вполне достаточны для ихъ нужды. Я не придаю, говорить Уоллесъ, много значенія этому факту, но если разъ доказано, что интеллигентная сила руководила или опредѣлила развитіе человѣка, то мы можемъ видѣть слѣды ея дѣйствія и въ такихъ фактахъ, которые сами по себѣ повидимому еще не доказываютъ ея существованія.

г) Таковыя же замѣчанія можно приложить и къ другой особенности, свойственной человѣку—именно къ силѣ, разнообразію, мягкости и пріятности музыкальныхъ звуковъ, производимыхъ гортанью, въ особенности женской. Нравы дикарей не указываютъ, какимъ образомъ могъ развиться голосъ подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Въ такомъ голосѣ онъ вовсе не нуждается и не пользуется имъ. Пѣніе дикарей—просто жалобный болѣе или менѣ мотонный *вой*, а женщины вообще вовсе не поютъ. Дикари въ выборѣ себѣ женъ навѣрное не руководствуются достоинствами голоса, а только—кряпкнми здоровьемъ

емъ, силой и тѣлесной красотою. Слѣдовательно половой подборъ не могъ произвести этой удивительной способности, находящей себѣ примѣненіе только у цивилизованныхъ народовъ. Кажется, что и этотъ органъ приготовленъ для будущаго духовнаго прогрессивнаго развитія человѣческаго, такъ какъ онъ содержитъ въ скрытомъ состояніи такія способности, которыя для человѣка бесполезны въ ихъ младенческомъ состояніи. Тѣ тонкія соотношенія въ строеніи, которыя придаютъ разсматриваемому органу столь удивительныя способности, не могли бы поэтому быть приобрѣтены естественнымъ подборомъ.

д) Происхожденіе нѣкоторыхъ умственныхъ способностей человѣка нельзя объяснить сохраненіемъ полезныхъ измѣненій. Такъ напримѣръ, чувство абстрактной справедливости или любви къ ближнему никогда не могло бы быть приобрѣтено такимъ образомъ, такъ какъ эти чувства не совмѣстимы съ закономъ переживанія сильнѣйшаго,—съ закономъ, составляющимъ сущность естественнаго подбора. Но эта невозможность только кажущаяся здѣсь. Мы должны разсматривать не отдѣльныя особи, но цѣлыя общества. Очевидно, что справедливость и любовь къ ближнему должны усиливать общество при взаимности упражненій въ этихъ чувствахъ между членами какого-нибудь племени, и это общество одержитъ вслѣдствіе этого верхъ надъ другими племенами, въ которыхъ будетъ преобладать право сильнѣйшаго, а слабые и больные будутъ оставлены на произволъ судьбы или даже убиты сильнѣйшими членами. Но есть другая категорія способностей, которая не связывается съ общественными отношеніями человѣка и вслѣдствіе этого не можетъ быть объяснена тѣмъ же способомъ. Къ такимъ способностямъ принадлежитъ возможность постигать идеи пространства и времени, безначальности и безконечности, вѣчности вообще, способность къ глубокимъ эстетическимъ наслажденіямъ посредствомъ извѣстнаго сочетанія формъ и красокъ и наконецъ способность къ отвлеченнымъ понятіямъ о формахъ и числахъ, дѣлающая возможными математическія науки. Какимъ образомъ та или другая изъ этихъ способностей могла *начать* свое развитіе, когда онѣ не могли принести *никакой* пользы человѣку въ его первоначальномъ варварскомъ или животномъ состояніи? Какъ вообще могъ естественный подборъ или переживаніе при-

способнѣйшаго въ борьбѣ за существованіе благопріятствовать развитію собственно такихъ умственныхъ способностей, которыя такъ удалены отъ матеріальныхъ потребностей дикаря? Какимъ образомъ могъ бы этотъ подборъ произвести тѣ умственныя способности, которыя даже при нашей, сравнительно высокой цивилизаціи идутъ дальше своего времени и повидимому имѣютъ ближайшее отношеніе скорѣе къ будущимъ эпохамъ въ жизни человѣчества, чѣмъ къ настоящему его состоянію.

е) Естественный подборъ встрѣчаетъ затрудненія и въ объясненіи происхожденія у человѣка нравственныхъ чувствъ или совѣсти. Правда, упражненіе въ развитіи честности, правдивости и любви могло бы быть полезнымъ для племени, уже обладавшаго этими качествами, но эта полезность *никакимъ* образомъ не объясняетъ намъ того, почему всѣ человѣческія племена приписываютъ *особую святость* поступкамъ, почитаемымъ ими за *добрыя* въ нравственномъ спеціально отношеніи, сравнительно съ поступками, считающимися просто *полезными*, придавая первымъ совершенно иную цѣну. Утилитарная теорія нравственности, являющаяся собственно не инымъ чѣмъ какъ теоріею же естественнаго подбора въ примѣненіи къ умственнымъ способностямъ *человѣка*, кажется не можетъ дать объясненія для происхожденія и развитія нравственнаго чувства или совѣсти. Достаточно привести хотя одинъ примѣръ въ подтвержденіе справедливости такого сужденія. То, въ чемъ утилитаризмъ указываетъ побужденіе къ правдивости на примѣръ, не обладаетъ ни должнымъ всемогуществомъ, ни требуемой всеобщностью. Санкція этого рода, указываемая утилитаризмомъ, поддерживается очень немногимъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ напр. лживость влечетъ за собою особенно строгія порицанія? Всегда и вездѣ ложь считалась позволительной въ мирное время, а въ военное даже похвальною. Въ наше время ложь считается большинствомъ людей за простительный грѣхъ въ торговлѣ, въ промышленности и въ спекуляціи. Нѣкоторая примѣсь лжи есть необходимый элементъ вѣжливости и на востокѣ и на западѣ, и даже самые строгіе моралисты считали извинительною ложь, направленную къ тому, чтобы спастись отъ непріятеля или предупредить преступленіе. Вотъ съ какими затрудненіями при-

ходится бороться этой добродѣтели. Если такимъ образомъ правдивость должна бороться съ такой массою затрудненій, если ея примѣненіе допускаетъ столько исключеній и если наконецъ не одинъ разъ она приводила къ разоренію или смерти самыхъ горячихъ изъ ея приверженцевъ, то какъ же мы можемъ допустить, чтобы значеніе полезности могло прикрыться святостью самой высшей добродѣтели и постоянно развивать ее, не обращая вниманіе ни на какія послѣдствія?

Существуетъ однакожъ тотъ фактъ, что не только среди высшихъ классовъ цивилизованныхъ народовъ, но даже среди цѣлыхъ племенъ совершеннѣйшихъ дикарей какое-то таинственное чувство возстановляетъ людей противъ лжи. Сэръ Вальтеръ Эллиотъ сообщаетъ, что Курубары и Санталы, варварскія племена горъ центральной Индіи, извѣстны своей правдивостью. Выраженіе: *Курубаръ всегда скажетъ правду* обратилось въ пословицу. Мейеръ Джервисъ говоритъ, что Санталы—самые правдивые люди изъ всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Вотъ замѣчательный примѣръ ихъ честности: нѣсколько плѣнниковъ, взятыхъ во время возстанія Санталовъ, были отпущены на слово для заработковъ. Спустя нѣсколько времени между ними появилась холера, и они должны были оставить работу. Но что же? Они всѣ вернулись и отдали свои заработки стражѣ. Такимъ образомъ двѣсти дикарей съ деньгами въ ихъ поясахъ предпочли лучше пройти 30 миль и вернуться въ тюрьму, чѣмъ нарушить данное слово. Собственное мое знакомство съ дикарями, говоритъ Уоллэсъ, доставило мнѣ возможность наблюдать въ нихъ проявленіе этого благороднаго чувства. Могутъ-ли такіе факты быть объясненными теоріей полезности? Представляется весьма важнымъ, почему эта полезность только въ немногихъ случаяхъ оставляетъ глубокое впечатлѣніе, тогда какъ въ большинствѣ она вовсе не ощущается. Между тѣмъ опыты относительно правдивости приблизительно должны бы производить одинаковый результатъ для всѣхъ. Спрашивается: почему же въ нѣкоторыхъ случаяхъ результатъ этихъ опытовъ произвелъ такое чувство благоговѣнія къ правдѣ, изъ-за котораго пренебрегаютъ всеми личными выгодами, тогда какъ въ другихъ случаяхъ явился только едва замѣтный зачатокъ подобнаго чувства?

Теорія прирожденныхъ чувствъ, которую я защищалъ, говорить Уоллэсъ, въ этихъ случаяхъ объясняетъ приведенные факты предположеніемъ, что чувства справедливости и несправедливости лежатъ въ самой природѣ человѣка, предшествуя такимъ образомъ всякимъ опытамъ о полезности и не завися отъ нихъ. Тамъ, гдѣ взаимныя отношенія людей свободны отъ всякихъ стѣсненій, это чувство связано съ тѣми дѣйствіями, которыя направлены къ общему благу или самоотверженію въ пользу другихъ. Эти дѣйствія суть продукты нашихъ склонностей и мы ихъ называемъ нравственными. Но они часто могутъ извращаться, и тогда является сильнѣйшее побужденіе къ такимъ дѣйствіямъ, польза которыхъ слишкомъ узка и условна и которыя на самомъ дѣлѣ совершенно безнравственны. Такъ, Индусъ солжетъ безъ всякаго стѣсненія и въ тоже время скорѣе согласится умереть съ голоду, чѣмъ дотронуться до нечистой, по его убѣжденію, пищи, а замужество вдовой женщины онъ считаетъ возмутительной безнравственностью. А если такъ, то отъ чего же зависитъ сила нравственнаго чувства? Очевидно, она обуславливается съ одной стороны индивидуальной или племенной организаціей, а съ другой стороны воспитаніемъ и привычками. Дѣйствія, освящаемыя этимъ чувствомъ, зависятъ отъ того, насколько измѣнились подъ влияніемъ религіозныхъ вѣрованій, обычаевъ или законодательства грубыя чувства и склонности нашей природы.

Трудно понять, какъ это таинственное чувство справедливости и несправедливости, настолько сильное, что заглушаетъ всякую мысль о личной выгодѣ—какъ такое чувство могло бы развиваться накопленіемъ въ ряду поколѣній опытовъ доказывающихъ его полезность. Еще труднѣе понять, какъ чувства, развившіяся такимъ путемъ, могли бы быть перенесены на такія дѣйствія, которыя принесутъ пользу только воображаемую или которыя даже вовсе бесполезны.

Таковы особенности, отличающія тѣлесную и духовную организацію человѣка. Всѣ онѣ, а именно: значительно большой объемъ мозга, отсутствіе волосъ на спинѣ, особое развитіе конечностей—рукъ и ногъ, строеніе гортани, особаго рода умственныя способности и наконецъ нравственное чувство или совѣсть, или совершенно излишни для человѣка въ первобытномъ состоя-

ни, или даже вредными должны были для него быть. А между тѣмъ мы видимъ, что каждая изъ этихъ особенностей необходима для совершенствованія человѣческой природы. Быстрые успѣхи, которые дѣлаеть цивилизація при благопріятныхъ условіяхъ, опредѣляются прежде всего тѣмъ, что органъ мысли былъ заготовленъ заранѣе. Онъ былъ вполне развитъ по объему, строенію, относительнымъ размѣрамъ частей до такой степени, что достаточно было упражненія мозга такого у нѣсколькихъ поколѣній, и онъ получилъ бы возможность какъ должно совершать сложныя отправленія. Это и случилось въ дѣйствительности. Голая и чувствительная кожа побуждала человѣка одѣваться и укрываться въ жилища, а эти обстоятельства повели за собою болѣе быстрое развитіе способностей изобрѣтательности. Съ другой стороны, эта же обнаженность произвела мало-по-малу чувство стыдливости, а это въ свою очередь могло повліять на развитіе его нравственной природы. Далѣе, вслѣдствіе того, что человѣкъ держится прямо, руки его вовсе не служатъ ему при передвиженіи, а эта свобода рукъ была необходима для совершенствованія его умственныхъ способностей. Только эта вышая степень совершенства его рукъ могла сдѣлать возможнымъ то превосходство во всѣхъ искусствахъ, которое такъ возвышаетъ цивилизованнаго человѣка надъ дикаремъ и которое быть-можетъ служить только провозвѣстникомъ еще болѣе и болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго прогресса. Совершенство голосовыхъ органовъ человѣка повело за собою образованіе членораздѣльной рѣчи, а затѣмъ и развитіе тѣхъ музыкальныхъ звуковъ, которые одѣняются надлежащимъ образомъ только высшими расами. Вѣроятно, эти звуки назначены для болѣе возвышенныхъ цѣлей и болѣе утопченныхъ наслажденій въ состояніи вышемъ, чѣмъ то, котораго мы теперь достигли. Способности, позволяющія намъ переноситься мысленно чрезъ время и пространство, дающія намъ возможность вырабатывать удивительныя понятія математики и философіи, внушающія намъ горячее стремленіе къ поискамъ за отвлеченной истиной,—всѣ эти способности иногда проявляются въ такомъ раннемъ періодѣ человѣческой исторіи, что изъ нихъ не можетъ быть сдѣлано даже тѣхъ немногихъ практическихъ приложений, которыя явились въ послѣдствіи времени. Но эти способности

существенно необходимы для полнаго развитія человѣка, какъ духовнаго существа, и совершенно непонятно, какъ онѣ произошли подъ вліяніемъ такого закона, который ведетъ за собою единственно тольکو матеріальное благосостояніе особи или племени.

Я вывожу изъ этого ряда явленій, говоритъ Уоллэсъ, то заключеніе, что нѣкоторое *высшее разумное* Существо давало опредѣленное направленіе развитію человѣка, приспособляя его къ спеціальной цѣли совершенно такъ, какъ человѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ. Законы развитія можетъ-быть никогда бы сами по себѣ не произвели зерна, столь хорошо принаровленнаго къ нуждамъ человѣка, какъ пшеница или маисъ, такихъ плодовъ, какъ безсѣмянные бананы и плоды хлѣбнаго дерева, или такихъ животныхъ, какъ гернсейскія дойныя коровы или лондонскія ломовыя лошади. Но этого рода растительныя и животныя формы такъ похожи на тѣ, которыя произведены самой природою безъ вмѣшательства человѣка, что мы легко можемъ себѣ представить, что лицо, основательно знакомое съ законами геологическаго развитія органическихъ формъ, не захочетъ повѣрить, чтобы въ произведеніи ихъ участвовала какая-то особая и новая сила, и презрительно отвергнетъ теорію, утверждающую, что въ этихъ немногихъ случаяхъ нѣкоторая разумная сила для собственныхъ цѣлей направляла и контролировала дѣйствіе законовъ измѣчивости, размноженія и переживанія приспособленнѣйшихъ. Однакожь, вѣдь мы положительно знаемъ, что эта разумная сила несомнѣнно участвовала въ выработкѣ культивированныхъ растительныхъ формъ и домашнихъ животныхъ. Поэтому, не должны ли мы по крайней мѣрѣ допустить возможность того, что нѣкоторое сравнительно съ нами наивысшее разумное Существо направляло и процессъ развитія человѣческаго рода, совершая это такими тонкими средствами, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ даже понятія на основаніи употребляемыхъ нами средствъ? Въ то же время я долженъ сознаться, говоритъ Уоллэсъ, что эта теорія неудобна тѣмъ, что требуетъ вмѣшательства какой-то высшей разумной индивидуальности въ образованіе того, что мы можемъ разсматривать какъ *конечную цѣль* всего органическаго міра, т.-е. въ образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго;

безконечно совершенствующагося человѣка. Теорія эта заставляетъ допустить, что великіе законы, управляющіе матеріальнымъ міромъ, недостаточны сами по себѣ для произведенія человѣка. Но еслибы въ этомъ видѣ наше предположеніе являлось неудобопріемлемымъ, то мы по крайней мѣрѣ должны допустить, и при томъ на вѣру, *контроль* высшаго Разума, какъ необходимую составную часть этихъ законовъ, настолько же необходимую, насколько необходимо дѣйствіе окружающей среды для развитія органическаго міра. Если дѣло происходило дѣйствительно такъ, какъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, то я все-таки не могу, говорить Уоллэсъ, допустить, чтобы это хоть въ малой степени ослабило истину или общность великаго открытія Дарвина. Законы органическаго развитія не нарушались, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ были направлены для спеціальной цѣли, какъ направляетъ ихъ иногда и человѣкъ для такихъ же цѣлей. Доказывая, что человѣкъ при его умственномъ и нравственномъ развитіи не подчиняется естественному подбору съ предполагаемыми имъ естественными дѣятелями, мы вовсе не желаемъ опровергать существованіе этого подбора. Вѣдь не станетъ же никто опровергать естественный подборъ существованіемъ такихъ животныхъ, какъ пудели и дутыши, которые тоже не могли быть произведены исключительно только однимъ естественнымъ подборомъ. Таковы возраженія, которыя я желалъ, говорить Уоллэсъ, выставить противъ взгляда ⁵⁾, допускающаго, будто бы превосходство духовнаго и физическаго развитія человѣка обязано тѣмъ же причинамъ, которыя были достаточны для образованія растительныхъ и животныхъ формъ. Эти возраженія, я несомнѣваюсь, продолжаетъ Уоллэсъ, подвергнутся нападкамъ, и многіе постараются устранить ихъ, но смѣю думать, что они *выдержатъ* эти нападенія и что можно будетъ устранить ихъ *только* открытіемъ новыхъ фактовъ или новыхъ законовъ, которые *должны* весьма отличаться отъ известныхъ намъ въ настоящее время. Уже и теперь помимо естественнаго подбора иные допускаютъ

⁵⁾ Взглядъ, противъ котораго направляетъ Уоллэсъ свои возраженія, принадлежитъ Дарвину, изложившему свое ученіе объ этомъ предметѣ въ сочиненіи: „Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу“. Что разныя маленькіе Дарвины еще упорнѣе держатся такого взгляда, это разумѣется само собою....

для объясненія развитія органической жизни существованіе нѣ- котораго другаго болѣе общаго и болѣе основнаго закона. Докторъ Леконъ и мистеръ Мурфи считаютъ таковымъ закономъ такъ-называемый законъ „бессознательнаго разума“^{*)}, допуска- ющая, что таковымъ разумомъ проникнута вся органическая при- рода. Но по моему мнѣнію, замѣчаетъ Уоллэсъ, въ этомъ законѣ два неудобства: онъ непонятенъ и никакимъ образомъ не можетъ быть доказаннымъ. Болѣе вѣроятно, что настоящій законъ скрытъ слишкомъ глубоко отъ насъ, но во всякомъ случаѣ повторяю, говоритъ Уоллэсъ, есть *достаточно* доказательствъ, что такой законъ существуетъ, и онъ вѣроятно находится въ связи съ *абсолютнымъ* началомъ жизни и организаціи. Такое воззрѣніе опирается на такіе факты и на такіе доводы, которые по суще- ству своему ничѣмъ не разнятся отъ тѣхъ фактовъ и доводовъ, изъ которыхъ умъ, одаренный *достаточною* силою сообразитель- ности и логики, могъ бы, разъ убѣдившись въ существованіи на землѣ культивированныхъ растений и домашнихъ животныхъ, умозаключить о присутствіи и дѣйствіяхъ разумаго существа высшаго разряда, чѣмъ эти послѣднія.

(Окончаніе будетъ).

*) Это *самопротиворѣчащее* понятіе о „бессознательномъ разумѣ“, какъ извѣстно, составляетъ главный предметъ ученія Гартмана. См. Philosophie des Unbewussten (Siebente erweiterte Auflage) 1876.

Давать ч) Ван. Криво
с прикладом 4-197 10. 11.

ИСКУССТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ

ВЪ НАУКѢ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА *).

Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе Н. Заозерскаго. Кострома. 1878.

(Окончаніе.)

Г. Заозерскій, полагая въ основаніе своего изслѣдованія изреченіе Іисуса Христа XVIII главы Евангелія Маттея ст. 15—18, и усиливаясь на основаніи этого изреченія утвердить свою мысль объ учрежденіи самимъ Іисусомъ Христомъ формальнаго церковнаго суда съ его органами, инстанціями и процессами, рассматриваетъ это изреченіе совершенно вѣтъ всякой связи какъ съ содержаніемъ той главы, изъ которой оно берется, такъ и со всемъ смысломъ Евангелія и духомъ ученія Христова. Въ какомъ отношеніи вообще его воззрѣнія на церковный судъ находятся къ самому духу Евангелія, онъ объ этомъ мало заботится, и ни мало не старается это выяснить. Правда въ заключеніе своего изслѣдованія (стр. 348) г. Заозерскій упоминаетъ мимоходомъ съ укоромъ о тѣхъ, которые утверждаютъ, что не въ духѣ христіанства всякій формализмъ и внѣшнія стѣснительныя условія для религіозной жизни и дѣятельности. Но самъ онъ съ своей стороны ничѣмъ не доказываетъ того, что формализмъ и

*) См. октябрскую кн. „Прав. Обзор.“ текущаго года.

ствѣнительныя условія для религіозной жизни — *въ духъ христіанства*.

Изъ всѣхъ изреченій Евангелія, которыя могли бы быть противопоставлены принимаемому авторомъ воззрѣнію о началѣ церковнаго суда, онъ рассматриваетъ только одно Мате. V, 39—40 (другое и самое ближайшее къ предмету Мате. XVIII, 22 онъ только приводитъ, но оставляетъ безъ всякаго разсмотрѣнія). Находя въ этомъ необыкновенно съ юридической точки зрѣнія изреченіи „повелѣніе — *удовлетворять не правдѣ, а явно несправедливому притязанію* (стр. 10 въ концѣ)“, г. Заозерскій (въ срединѣ тоже на 8) старается примирить его съ своими болѣе строгими юридическими понятіями. Но это усиліе подвести Евангеліе подъ юридическія понятія и требованія съ самаго же начала оказывается тщетнымъ. Объясненія и примиренія автора выходятъ очень неясны и сбивчивы, ничего не объясняютъ и ничего не примиряютъ (стр. 10—11). Между прочимъ онъ беретъ себѣ на помощь объясненіе Златоуста на это мѣсто, имѣющее смыслъ совершенно противоположный тому, какой выходитъ изъ его собственныхъ объясненій.

Приступая затѣмъ къ объясненію самаго текста XVIII гл. Мате. 15—18 стр. г. Заозерскій находитъ въ немъ слѣдующія каноническія данныя, которыя конечно неканоническому уму никогда бы и на мысль придти не могли.

Во первыхъ въ словахъ Спасителя—*повѣждай церкви*—авторъ видитъ ясное повелѣніе *принести въ судъ жалобу на нанесшаго обиду брата* (на страницѣ 8 послѣдняя отрока) Будто ужъ и *повелѣніе?* Будто согласно съ заповѣдью Спасителя мы непременно послѣ двухъ увѣщаній должны тащить въ судъ обидѣвшаго брата и не имѣемъ права въ третій разъ обратиться къ нему съ словомъ примиренія и прощенія?

Вовторыхъ въ словахъ Спасителя—*аще согрѣшишь къ тебѣ братъ твой „и т. д.“* г. Заозерскій ясно различаетъ три формы или инстанціи суда: „судъ наединѣ, судъ при посредствѣ двухъ или трехъ свидѣтелей и наконецъ судъ предъ всею церковію“ (стр. 11). Вотъ какая замѣчательная тонкость юридическаго анализа! Неюридическому уму никогда бы не придти къ такой мысли, что даже разговоръ съ обидѣвшимъ братомъ наединѣ, и далѣе при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, особенныя инстанціи

суда. При такомъ толкованіи Евангелія, пожалуй, во всякомъ встрѣчномъ братѣ придется видѣть судебного слѣдователя или прокурора?

Оставляя въ сторонѣ двѣ первыя *инстанціи*, авторъ особенно останавливаетъ свое вниманіе на третьей, такъ какъ здѣсь представляется ему особенно богатая почва для юридическихъ выводовъ. Но не увлекается ли и здѣсь юридическая фантазія автора далѣе возможныхъ предѣловъ, и не находитъ ли онъ въ евангельскомъ текстѣ того, чего вовсе нѣтъ въ немъ?

„Здѣсь, говоритъ авторъ (стр. 13) различаются: судьи, подданный, обвинитель и свидѣтели. Здѣсь... одни слушаютъ дѣло, другіе излагаютъ его и уже обязаны къ тому (?); одни судятся, другіе судятъ. Здѣсь необходимо предполагаются — отношенія лицъ имѣющихъ власть къ подвластнымъ“.

Удивительное дѣло! Опять-таки простому взгляду въ 17 стихъ XVIII главы Евангелія Маттея никакъ не усмотрѣть того, что видитъ здѣсь юридическая пронизательность автора: на простой взглядъ, если въ 17 стихѣ и можно видѣть указаніе на судъ, то во всякомъ случаѣ самый составъ и процессъ суда въ немъ ни мало не опредѣляются. Иисусъ Христосъ ничего не говоритъ о томъ, какой этотъ судъ и что на немъ дѣлается. Его указаніе (какъ мы уже говорили въ первой статьѣ) только доводитъ насъ до дверей суда—*„скажи церкви“*— и потомъ опять встрѣчаетъ уже тогда, когда судъ кончился и приговоръ произнесенъ—*„аше церковь преслушаетъ“*. Гдѣ же здѣсь судьи, обвинители, свидѣтели? Гдѣ говорится о томъ, какъ одни излагаютъ дѣло, другіе слушаютъ? Гдѣ эта цѣльная юридическая картина, начертанная авторомъ?

„Обвинитель, объясняетъ г. Заозерскій, это лице, противъ котораго совершенъ грѣхъ, т. е. которое приноситъ жалобу“.

Здѣсь кажется есть маленькая юридическая неточность: лице, приносящее жалобу, называется на юридическомъ языкѣ истцомъ, а обвинитель—это другое юридическое понятіе.

Свидѣтели... Здѣсь авторъ разумѣетъ тѣхъ, о которыхъ говорилось во второй *инстанціи* суда — *пойми съ собою еще единого или два...* Но изъ словъ Спасителя вовсе не видно, чтобы эти *едины или два*, которые приглашаются быть посредниками для примиренія обиженнаго съ обидѣвшимъ путемъ братскаго увѣ-

шанія, непремѣнно являлись въ качествѣ *формальныхъ свидѣтелей* противъ непримиряющагося обидчика на формальный судъ. Понятіе посредника въ цѣляхъ примиренія и понятіе свидѣтеля въ юридическомъ смыслѣ этого слова — опять два различныхъ понятія. Не всякій посредникъ захочетъ и не всякій можетъ быть формальнымъ свидѣтелемъ на судѣ; посредникомъ можетъ быть и такое лицо, которое не было непосредственнымъ свидѣтелемъ самаго факта нанесенія обиды, и потому не можетъ свидѣтельствовать о немъ на судѣ. Въ евангельскомъ изреченіи понятіе посредника имѣющее мѣсто при братскомъ примиреніи обиженнаго съ обидѣвшимъ только сопоставляется, а не отождествляется съ понятіемъ свидѣтеля, примѣняемымъ закономъ Моисеевымъ къ формальному суду.

„Судьи—это *церковь*, которой принесится жалоба на обидѣвшаго брата.“ Такъ говоритъ нашъ авторъ, но сейчасъ же и переначиваетъ свои слова; понятіе всей церкви оказывается слишкомъ широко для г. Заозерскаго. Приносить жалобу всей церкви на обидѣвшаго брата ему представляется *неудобнымъ*, а главное—это было бы совершенно не въ видахъ г. Заозерскаго—предоставлять всей церкви полномочіе высшаго суда надъ ея членами. Ему нужно „выдѣлить изъ церкви лишь *нѣсколькихъ* лицъ, которыя считали бы себя вправѣ призывать къ своему суду обвиняемаго и свидѣтелей, и могли бы сообщить суду надъ нимъ характеръ суда *карательнаго*, причемъ и обвиняемый и свидѣтели находили бы себя обязанными оказывать въ отношеніи къ нимъ полное повиновеніе, (стр. 131).“ Такими лицами, по заранѣе опредѣленной идеѣ, естественно представляются автору предстоятели церкви — епископы. *Скажи церкви, т.-е. ея предстоятелямъ...* Коротко и ясно! Автора нѣсколько смущаетъ здѣсь то обстоятельство, что пожалуй въ то время, когда Иисусомъ Христомъ сказаны эти слова, въ церкви еще не было епископовъ, что тогда и *вся церковь состояла изъ однихъ апостоловъ*. Но могутъ ли такіа сомнѣнія остановить канониста, смѣло идущаго къ своимъ выводамъ? Съ одной стороны указаніемъ на 18—19 ст. XVI главы Маттея авторъ объясняетъ намъ (хотя для многихъ вѣроятно и послѣ его объясненія это останется неяснымъ), что учрежденіе Иисусомъ Христомъ формальнаго церковнаго суда послѣдовало уже въ то время, когда сдѣлано было Имъ *ясное различіе между церковію и*

апостолами; съ другой стороны если и такъ представлять дѣло, что слова—скажи церкви—произнесены, были еще въ то время, когда въ церкви не было епископовъ, въ этихъ словахъ по толкованію автора можно разумѣть „только *имѣющее быть*, по плану Спасителя, состояніе церкви“. Конечно!.

Замѣчательна въ этомъ случаѣ та безцеремонность софистики, съ которою авторъ перескакиваетъ отъ одного понятія къ другому и подставляетъ на мѣсто одного понятія другое. На стр. 13 при объясненіи словъ Иисуса Христа—скажи церкви—у автора на мѣсто понятія *церковь* подставлено понятіе—*предстоятели церкви*, такъ какъ въ этомъ случаѣ эти два понятія будто бы равнозначущи между собою. А на слѣдующей 14 страницѣ, когда приходится говорить о полномочіяхъ или обѣтованіяхъ дарованныхъ Иисусомъ Христомъ церкви, эти два понятія уже противопоставляются одно другому; съ понятія церкви совершенно снимается то, что сначала было лишь перенесено съ этого понятія на другое—предстоятели церкви—какъ будто равнозначущее ему. „Истинно говорю *вамъ предстоятелямъ, а не церкви*, такъ говоритъ будто (по толкованію г. Заозерскаго) Иисусъ Христосъ въ 18 ст. XVIII гл. Матѳея: кого вы удалите изъ церкви, тотъ останется таковымъ на землѣ и на небѣ и т. д.“ Автору очевидно нужно здѣсь нѣсколько поправить слова Иисуса Христа не совѣмъ соответствующія его видамъ, и онъ дѣлаетъ это ни мало не стѣсняясь. Далѣе на стр. 15 говорится, что постановленіе о церковномъ судѣ было произнесено Иисусомъ Христомъ тогда, когда Онъ сдѣлалъ *ясное разграниченіе между церковію и апостолами*; по прямой логикѣ при такомъ разграниченіи слова—скажи церкви—кажется нельзя было бы относить къ апостоламъ (если они отдѣлены отъ церкви). У автора же на оборотъ изъ этого разграниченія дѣлается такой выводъ, что слова — *скажи церкви* — это значить не церкви, а апостоламъ, т. е. въ лицѣ ихъ епископамъ (это послѣднее, т. е. перенесеніе всѣхъ апостольскихъ полномочій на епископовъ, съ точки зрѣнія автора, безъ всякихъ объясненій представляется яснымъ). Наконецъ на стр. 13-й автору нужно было изъ церкви выдѣлать *нѣсколькихъ* лицъ, имѣющихъ право производить судъ въ церкви—епископовъ. На стр. 15-й это право усвоется *и одному* лицу. „Производить этотъ судъ уполномочены Иисусомъ Христомъ только нѣкоторые члены

церкви, имѣющіе право производить его и совокупно и *каждый отдѣльно*.⁴ Слѣдовательно слова—*скажи церкви*—можно разумѣть прямо такъ—*скажи епископу*. Едва ли у средневѣковыхъ схоластическихъ писателей можно найти большее искусство въ примѣненіи евангельскихъ словъ къ развитію іерархическихъ тенденцій насчетъ правъ и полномочій всей церкви.

Этимъ лицамъ, т. е. епископамъ, по толкованію автора, предоставляется право производить *карательный судъ* въ церкви. Это слово *карательный* съ особенною выразительностью нѣсколько разъ повторяется у автора на двухъ-трехъ страницахъ. Какъ однако же жестко звучитъ это слово, когда мы читаемъ въ Евангеліи исполненныя глубочайшею любовью наставленія Иисуса Христа! Какія несоотвѣтственныя представленія о характерѣ истинной церкви возбуждаетъ оно! Иисусъ Христосъ въ противоположность карательнымъ судамъ людскимъ говорилъ о себѣ, что Онъ посланъ въ міръ не судить, не карать, а *спасать*. (Іоан. III, 17; XII, 47). Пастыри церкви, имѣя предъ собою образъ верховнаго пастыря Иисуса Христа, также всегда должны помнить, что ихъ главное назначеніе состоитъ не въ томъ, чтобы карать, а чтобы спасать. Въ Евангеліи немало говорится о судѣ—высшемъ, духовномъ, строгомъ судѣ. Но тамъ же обозначенъ и тотъ характеръ, который имѣетъ этотъ судъ. Судить человѣка не лицо, но само слово Божіе—истина Божія, (Іоан. XII, 47—48). Несоотвѣтствіе мысли и жизни человѣка слову Божію есть судъ человѣку. Въ самомъ фактѣ этого несоотвѣтствія существеннымъ образомъ заключаются и обвиненіе и судъ и наказаніе. Слишкомъ осторожнымъ нужно быть въ примѣненіи юридическихъ понятій „кара, наказаніе“ (разумѣемыхъ въ юридическомъ смыслѣ, какъ что-то *внѣшнее* наказуемому преступленію), когда рѣчь идетъ о преступленіи или грѣхѣ съ нравственно-христіанской точки зрѣнія. Когда православнымъ богословамъ приходится вести споръ съ католиками о значеніи церковныхъ епитимій, запрещеній, наказаній и т. д., православные богословы обыкновенно говорятъ, что эти такъ-называемыя у католиковъ наказанія имѣютъ у насъ не юридическій, а нравственный смыслъ, т. е. что они собственно не наказанія, а мѣры вразумленія, исправленія, врачеванія и т. д. Понятія, о церковномъ *наказаніи*, о *карѣ* церковной въ строгомъ юриди-

ческомъ смыслѣ этого слова по преимуществу выработаны на почвѣ католицизма, и тамъ же они нашли себѣ примѣненія, опозорившія всю христіанскую церковь. Нѣтъ надобности развивать такія понятія въ нашей молодой канонической наукѣ. Понятіе о карательномъ характерѣ церковнаго суда у автора основывается главнымъ образомъ на словахъ Иисуса Христа—*аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и митарь*. Въ этихъ словахъ, по толкованію автора, предоставляется пастырямъ церкви налагать на упорнаго грѣшника *высшую мѣру наказанія* церковнаго — отлученіе, удаленіе изъ церкви, *анаѳемѣ*. А въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ „елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси,“ карательному приговору церковному усвоится безусловное значеніе не только на всю земную жизнь, но и *на всю вѣчность*... Такъ ли однако здѣсь понимаются эти слова, какъ нужно ихъ понимать? Въ словахъ—*буди тебѣ, яко же язычникъ и митарь*—не выражается ли просто та мысль, что человѣкъ, остающійся упорнымъ противъ увѣщаній всей церкви, самъ себя дѣлаетъ чуждымъ для церкви? Не церковь, собственно говоря, выгоняетъ изъ своей среды грѣшника, отступника, еретика, а самъ нераскаянный грѣшникъ, еретикъ, отступникъ своимъ образомъ дѣйствій и мыслей, не соответствующихъ церкви, дѣлаетъ себя чуждымъ ей, удаляетъ себя отъ ней. Анаѳема церковная не есть собственно мѣра карательная, удаленіе изъ церкви, а есть лишь объявленіе или засвидѣтельствованіе о томъ, что такой-то человѣкъ своимъ образомъ мыслей или дѣйствій, не соответствующихъ церкви, сдѣлалъ себя чуждымъ ей. Не въ такомъ ли смыслѣ обыкновенно объясняютъ значеніе церковной анаѳемы православные писатели, когда имъ приходится защищать церковь отъ нареканій въ караніи анаѳемой?.. И приговоръ церкви въ этомъ случаѣ остается непрѣмняемымъ на вѣки лишь тогда, когда самъ человѣкъ остается нераскаяннымъ на вѣки. Иначе сказать — человѣкъ остается подъ церковною анаѳемою, отлученнымъ отъ церкви до тѣхъ поръ, пока самъ онъ желаетъ оставаться въ этомъ положеніи. Когда же человѣкъ искренно раскаивается въ образѣ мыслей или въ образѣ дѣйствій, разлучающихъ его съ церковью, и оставляетъ такой образъ мыслей и дѣйствій, не было случаевъ, чтобы церковь (истинная церковь) когда-либо

отказывалась вновь принять такого челоуѣка въ число своихъ членовъ, требуя въ этомъ случаѣ лишь предварительнаго засвидѣтельствованія искренности раскаянія такимъ или инымъ образомъ (епитимія назначаемая въ этомъ случаѣ, также имѣетъ значеніе не кары, не наказанія, а главнымъ образомъ именно засвидѣтельствованія искренности раскаянія, или усилія и возбужденія недостаточно возбужденнаго покаяннаго расположенія, или утвержденія раскаяивающагося грѣшника на добромъ пути, или уврачеванія и успокоенія больной совѣсти и т. д., но никакъ не кары, не наказанія, не возмездія, какъ учатъ католики). Церковь съ материнскою любовью принимающая въ свои нѣдра всѣхъ раскаяивающихся грѣшниковъ, еретиковъ, отступниковъ, прямо свидуетъ въ этомъ случаѣ божественному примѣру своего Основателя и Учителя, который даровалъ прощеніе разбойнику на крестѣ, который по сужденію многихъ толкователей Писанія конечно принялъ бы раскаяніе и самого Іуды предателя, если бы онъ обратился къ Нему съ искреннимъ раскаяніемъ.

До какой степени наконецъ представленія г. Заозерскаго о церкви и церковномъ судѣ расходятся съ тѣми понятіями, какія внушаетъ намъ Евангеліе, это видно въ особенности изъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ опредѣляются у него отношенія лицъ судящихъ къ судимымъ на церковномъ судѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, исчезаетъ равенство въ отношеніяхъ; здѣсь необходимо предполагаются отношенія *лицъ имѣющихъ власть къ подвластнымъ*, (12 стр.). Здѣсь г. Заозерскій, по нашему мнѣнію, удаляется уже не только отъ высшей евангельской или нравственно-христіанской, но и также отъ строго-юридической точки зрѣнія на предметъ. Никакой серьезный юристъ не скажетъ, чтобы отношенія судей къ подсудимымъ на судѣ были отношенія *властвующихъ къ подвластнымъ*. Эти воззрѣнія о властвованіи и подвластности вынесены очевидно не изъ юридической сферы, а изъ какой-нибудь другой, напр. изъ сферы вотчинныхъ отношеній. А до какой степени духу Евангелія и характеру истинной христіанской церкви противны эти представленія о властвованіи и подвластности, объ этомъ мы уже говорили въ своей первой статьѣ. (Срав. Матѣ, XXIII, 7—11; Марк. X, 42—45; Лук. XXII, 25—26 и т. д.). Намъ могутъ сказать, что мы слишкомъ строги къ г. Заозерскому, слишкомъ придирчивы къ частнымъ выраженіямъ

см. Свѣд. 1/1

встрѣчающимся въ его книгѣ. Но въ такихъ-то выражѣніяхъ и сказывается характеръ цѣлаго воззрѣнія, котораго держится или которое старается усвоить себѣ и передать другимъ разсматриваемый авторъ.

Пойдемъ далѣе за сужденіями и открытіями г. Заозерскаго.

Анализъ одного лишь изреченія Мате. XVIII гл. 15—18 ст. далъ автору самыя богатыя юридическія данныя. Здѣсь представились ему и различныя инстанціи церковнаго суда и органы судебной власти: и судьи, и обвинители и свидѣтели, и судебный процессъ, и судебный приговоръ съ его особенными вѣчно-непремѣняемыми послѣдствіями; тѣмъ не менѣе однакожь въ разсматриваемомъ изреченіи Евангелія авторъ не успѣлъ найти всего того, что ему нужно. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ Евангелія Маттея, по представленію автора, говорится лишь о тѣхъ случаяхъ церковнаго суда, которые бывають по жалобамъ частныхъ лицъ для рѣшенія частныхъ распрей. Но автору нужно еще отыскать въ Евангеліи такія основанія, которыя бы давали полномочіе органамъ церковной власти (т.-е. епископамъ) *возбуждать открытое судебное преслѣдованіе противъ согрѣшившаго по собственной инициативѣ безъ жалобъ частныхъ лицъ* (стр. 16). И такія основанія онъ находитъ уже не въ изреченіяхъ, а въ собственномъ прихвѣрѣ Іисуса Христа (извѣстно, что по ученію канонистовъ и богослововъ той школы, которой держится авторъ, всѣ права и полномочія, какія въ Свящ. Писаніи приписываются апостоламъ и самому Іисусу Христу, смѣло можно переносить на епископовъ). Іисусъ Христосъ *торжественно* обличалъ книжниковъ и фарисеевъ; *торжественно* изгналъ продавцевъ и покупателей изъ храма Іерусалимскаго; *торжественно* предъ апостолами обличилъ Іуду Искаріотскаго *въ замышляемомъ имъ преданіи, послѣдствіемъ чего было немедленное лишеніе его апостольскаго служенія и достоинства* (sic)... На той же 16 стр. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что предстоятели церкви имѣють право возбуждать открытое судебное преслѣдованіе противъ согрѣшившаго по собственной инициативѣ безъ жалобъ частныхъ лицъ, т.-е. что въ ихъ рукахъ должна быть сосредоточена не только административная, судебная, но и прокурорская обвинительная власть. Такъ!.. Какіе богатые выводы можно извлечь отсюда для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ поднимавшихся у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ

въ Комитетъ по преобразованію церковныхъ судовъ?.. Но намъ кажется, что авторъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ все-таки далеко не извлекъ тѣхъ богатыхъ юридическихъ выводовъ, какіе можно бы извлечь отсюда съ его тонкимъ искусствомъ подводить Евангеліе подъ извѣстные взгляды и тенденціи... Напр. изъ отлученія Іуды отъ тайной вечери, какъ толкуетъ его авторъ, можно бы пожалуй вывести право предстоятелей церкви безъ всякаго суда и слѣдствія отлучать отъ священнодѣйствія и лишать степеней церковныхъ тѣхъ священниковъ, которые имѣютъ на мысли что-нибудь непріязненное противъ лица епископа? Изгнаніе торжниковъ изъ храма Іерусалимскаго могло бы дать право предстоятелямъ церкви *бичемъ отъ вервий* наказывать небрежныхъ и неповорныхъ клириковъ и т. д?.. Чего нельзя вывести и доказать, пользуясь тѣми приемами *безпристрастнаго научнаго изслѣдованія*, какими пользуется г. Заозерскій!..

Далѣе (на стр. 17—20) авторъ на основаніи Евангелія разсматриваетъ вопросъ о *въдомствѣ* церковнаго суда, т. е. о предметахъ подлежащихъ ему. Оказывается, что и въ этомъ отношеніи Евангеліе даетъ весьма опредѣленный юридическій матеріалъ, и притомъ совершенно подходящій подъ формулы и рубрики современнаго *Уложенія о Наказаніяхъ*... Такъ въ Евангеліи, по толкованію г. Заозерскаго (стр. 17—18), какъ предметъ *формальнаго* церковнаго суда, указываются слѣдующія преступленія:

а) *Преступленія противъ вѣры*. Сюда относятся, на основаніи Матѳ. XII, 31—32, хула на Духа Святаго и хула на Сына Человѣческаго... Жаль однакожь, что авторъ не обратилъ здѣсь вниманія на слѣдующія обстоятельства:

1) Дѣйствительноли въ указанномъ мѣстѣ Евангелія говорится о хулѣ на Сына Человѣческаго и хулѣ на Духа Святаго, какъ о предметахъ, подлежащихъ *формальному* церковному суду?

2) Такое преступленіе, какъ хула на Духа Святаго въ томъ смыслѣ, какъ говорится о ней здѣсь, можетъ ли даже быть предметомъ *формальнаго* церковнаго суда?

и 3) Что собственно въ опредѣленной юридической терминологіи нужно разумѣть здѣсь подъ хулою на Сына Человѣческаго и хулою на Духа Святаго?.. Авторъ ничего этого не объяснилъ, ограничившись лишь краткимъ замѣчаніемъ такого рода, что „два указанныхъ (sic) Спасителемъ грѣха предполагаютъ множе-

ство ихъ частнѣйшихъ проявленій, что это, такъ сказать, общіе типы тѣхъ преступленій, которыя извѣстны подъ общою формулою „преступленій противъ вѣры“.

б) „Близко сходная по своему характеру, продолжаетъ г. Заозерскій, указана Спасителемъ и другая обширнѣйшая область преступленій, какъ подсудныхъ тому же церковному суду. Это преступленія противъ нравственности. Нѣсколько типическихъ примѣровъ этихъ преступленій изчислено въ нагорной проповѣди Спасителя (Матѣ, V, 21, 22, 27, 28, 31, 32, 33, 34)“. И только всего! Авторъ не только не пояснилъ, какія это преступленія противъ нравственности, но даже не потрудился привести тѣ мѣста изъ нагорной проповѣди, на которыя онъ лишь ссылается въ примѣчаніи подъ чертою. Такимъ образомъ намъ самимъ оказывается здѣсь нужнымъ привести въ ясность то, о чемъ намѣренно или ненамѣренно умолчалъ авторъ. Именно вотъ что мы читаемъ въ процитованныхъ имъ мѣстахъ нагорной проповѣди:

Ст. 21 — 22. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исхода XX, 13). А я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду: кто же скажетъ брату своему *рака*—подлежитъ сунедриону; а кто скажетъ—*безумный*—подлежитъ гееннѣ огненной“.

По мнѣнію автора выходитъ, что здѣсь говорится о *формальномъ церковномъ судѣ*, и ему подлежитъ такимъ образомъ не только всякое бранное слово, но и гнѣвъ противъ брата *въ сердцѣ*!..

Ст. 27—28. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исход. XX, 14). А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. Отсюда выходитъ, что всякое нечистое вожделѣніе на женщину подлежитъ суду церкви *формальному, карательному, торжественному*!..

Ст. 33—34. „Еще слышали вы, что сказано: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятву свою. А я вамъ говорю: не клянись вовсе ни небомъ, потому что оно престолъ Божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ его и т. д.“

На основаніи этого стиха, суду церковному, по воззрѣнію г. Заозерекаго, должно подлежать всякое употребленіе клятвы.

Дѣйствительно эта область церковнаго суда, по объясненію г. Заозерскаго, оказывается—*обширнѣйшая* ³⁾!..

с) Наконецъ суду церковному на основаніи Евангелія подлежать, по толкованію г. Заозерскаго, преступленія противъ должности, противъ церковнаго служенія, *„грѣхи лицъ облеченныхъ апостольскою властію. Въ примѣръ открытаго суда надъ лицами такого рода авторъ опять указываетъ отлученіе Іуды предателя отъ апостольскаго служенія и достоинства (припомнилъ бы онъ слова пѣсни церковной: еда отъ лика ты апостольскаго отлучи?)... Изъ этого объясненія мы узнаемъ, что преступленіе Іуды предателя было преступленіе противъ должности...*

Вообще, заключаетъ г. Заозерскій эту часть своего изслѣдованія, *„церковному суду (формальному) подлежатъ всѣ преступленія (курсивъ въ подлинникѣ) противъ христіанскаго и церковнаго законодательства“*,—т. е. иначе сказать—*всѣ грѣхи совершаемые словомъ, дѣломъ, мыслью и всеми нашими чувствами...*

Нельзя не сказать, что въ опредѣленіи предметовъ церковнаго суда авторъ показываетъ такую же тонкость, изобрѣтательность и опредѣлительность, какъ и въ различеніи судебныхъ инстанцій и органовъ судебной власти...

Опредѣливъ вѣдомство церковнаго суда съ положительной стороны (указаніемъ предметовъ подлежащихъ ему) г. Заозерскій старается еще опредѣлительнѣе ограничить эту область отрицательнымъ способомъ (указаніемъ того, что не входитъ въ эту область). Здѣсь на основаніи словъ Спасителя у Луки XII гл. 13—14 ст. авторъ дѣлаетъ такой выводъ, что суду церковному не подлежатъ дѣла чисто гражданскія, напр. споръ о наследствѣ. Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ авторъ дѣлаетъ объясненіе, что и такія дѣла могутъ подлежать суду членовъ церкви съ общаго согласія тяжущихся или по уполномоченію высшей гражданской власти (стр. 19—20). Неясно въ этомъ объ-

³⁾ Если бы авторъ получше вникнулъ въ процитованные имъ мѣста нагорной проповѣди, они бы могли ясно показать ему различіе евангельской точки зрѣнія на нравственные дѣйствія людей съ формальною юридическою точкою зрѣнія, на которой еще отчасти держатся постановленія Моисеева закона, но которая представляется совершенно неудовлетворяющею нравственнымъ требованіямъ Новаго Завѣта.

ясненіи, что хочетъ авторъ сказать: то ли что члены церкви могутъ быть судьями гражданскихъ дѣлъ *въ гражданскихъ судахъ*, или то, что *церковные суды* могутъ разсматривать гражданскія дѣла по согласію тяжущихся или по полномочію гражданской власти. Два эти представленія существенно различны и съ юридической и съ церковной точки зрѣнія. Поэтому и здѣсь опять можно бы пожелать большей ясности и опредѣленности въ сужденіяхъ канониста.

Перебравъ и объяснивъ по своимъ соображеніямъ всѣ тѣ мѣста Евангелія, которыя по его мнѣнію имѣютъ отношеніе къ учрежденію формальнаго суда въ церкви (а по нашему никакого), г. Заозерскій переходитъ далѣе къ Дѣянїямъ и Посланїямъ Апостольскимъ, чтобы на основаніи ихъ возстановить образъ и состояніе церковнаго суда во время управленія церкви апостолами. Здѣсь авторъ могъ найти для себя болѣе твердую почву, такъ какъ въ церквахъ христіанскихъ судъ церковный несомнѣнно существовалъ уже во времена апостоловъ, какъ бы этотъ судъ ни образовался—по непосредственному ли указанію Іисуса Христа и апостоловъ, или просто потому, что съ умноженіемъ числа христіанъ и образованіемъ цѣлыхъ христіанскихъ церквей само собою должна была явиться потребность въ такомъ судѣ. Въ Посланїяхъ апостольскихъ дѣйствительно можно найти нѣсколько указаній на существованіе такого суда, по которымъ можно составить и нѣкоторое понятіе о немъ. Автору нужно было только взять эти указанія и возможно точнѣе объяснить ихъ. Къ сожалѣнію и здѣсь онъ не могъ воздержаться отъ искусственныхъ толкованій, преувеличеній, натяжекъ и подтасовокъ всякаго рода.

1) Въ Посланїяхъ апостольскихъ, какъ издавна принято всѣми канонистами и экзегетами, находятся собственно два опредѣленныя (по выраженію самаго г. Заозерскаго) *классическія* указанія на существованіе церковнаго суда. Одно изъ нихъ находится въ первомъ посланіи къ Тимоѳею V гл. 19—20 ст. („Обвиненіе на пресвитера не иначе принимай, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ“); второе въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ въ VI и V главѣ. („Какъ смѣетъ кто у васъ имѣя дѣло съ другимъ судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ“?) Но авторъ не довольствуется этими двумя твердыми свидѣтельствами о

церковномъ судѣ. Онъ старается найти болѣе указаній на него въ самой практикѣ апостольской. Въ примѣрѣ церковнаго суда (формальнаго) онъ приводитъ между прочимъ обличеніе Ананіи и Сапфіры апостоломъ Петромъ (Дѣян. V, 1—11), и заочный судъ апостола Павла надъ коринѳскимъ кровосмѣшникомъ (1 Кор. V, 1—5). Тотъ и другой случай представляются автору весьма пригодными преимущественно для оправданія той его мысли, что судъ церковный отъ самаго начала своего имѣлъ характеръ *карательнаго* суда. Но совершенно напрасно авторъ чрезвычайныя дѣйствія апостольской силы и власти смѣшиваетъ съ обычными отправленіями формальнаго церковнаго суда, какъ учрежденія юридическаго. Можно привести изъ практики апостольской о еще нѣсколько примѣровъ, подобныхъ приводимымъ у г. Заозерскаго. Можно указать на ослѣпленіе волхва Варисуса апостоломъ Павломъ (Дѣян. XII, 10—11), на обличеніе Симона волхва апостоломъ Петромъ (Дѣян. VIII, 20—21). Этотъ случай все-таки ближе можно подвести подъ отправленія церковнаго суда въ обычномъ смыслѣ этого слова. Но всѣ подобныя дѣйствія съ обычными отправленіями церковнаго суда, какъ учрежденія юридическаго формальнаго, постоянно дѣйствующаго въ церкви, также мало имѣютъ общаго, какъ и удаленіе Іуды предателя съ тайной Вечери, и изгнаніе торжниковъ изъ храма Іерусалимскаго... Ставить совершенно въ одинъ разрядъ чрезвычайныя дѣйствія божественной силы и власти съ обычными отправленіями хотя бы и церковнаго правосудія едва ли ктонибудь имѣетъ право... Мѣста изъ посланія апостола Павла къ Титу (1 гл. 9, 13 ст. и II гл. 15 ст.), указываемыя авторомъ (на стр. 26), также совершенно не идутъ сюда. Авторъ процитовалъ ихъ, но не привелъ прямо, вѣроятно опять потому, что еслибы привелъ, то всякій могъ бы увидѣть, что здѣсь говорится объ обличеніи словомъ, проповѣдью преимущественно еретиковъ, противящихся церкви, а не о производствѣ церковнаго суда надъ членами церкви.

2) Въ указанныхъ двухъ свидѣтельствахъ Посланій апостольскихъ о судѣ церковномъ, существовавшемъ во времена апостоловъ, ясно различаются два вида суда. Въ посланіи къ Тимоѳею говорится о судѣ предстоятеля или правителя церкви надъ под-

чиненными ему клириками²⁾; въ посланіи же къ Коринтянамъ говорится вообще о выборномъ, братскомъ, общинномъ судѣ между членами церкви. Авторъ не могъ скрыть того, что во времена апостоловъ существовали эти двѣ существенно различныя съ юридической точки зрѣнія формы суда, — не могъ скрыть, можетъ быть потому, что этотъ предметъ ясно былъ раскрытъ до его диссертациі въ нашей литературѣ профессоромъ Секоловымъ (о чемъ онъ конечно умалчиваетъ, представляя въ своей диссертациі это различіе двухъ видовъ церковнаго суда во времена апостольскія какъ бы за свое научное открытіе). Но такъ какъ г. Заозерскому оказывается нужнымъ въ диссертациі раскрыть собственно значеніе суда начальническаго, епископскаго, то о значеніи суда выборнаго, общиннаго, хотя и оказалось невозможнымъ умалчать совсѣмъ, онъ старается сказать какъ можно легче, желая поставить этотъ судъ на гораздо низшую въ каноническомъ отношеніи степень сравнительно съ судомъ епископскимъ... а) Г. Заозерскій старается доказать, что выборному общинному суду подлежали въ церкви апостольской только *гражданскія дѣла*, — дѣла „по сущности своей не представляющія ничего такого, что имѣло бы непосредственное отношеніе или давало бы достаточный поводъ къ оцѣнкѣ нравственнаго состоянія, какъ самаго подсудимаго, такъ и къ оцѣнкѣ причиненнаго имъ вліянія на нравственное состояніе всѣхъ членовъ церкви“ (стр. 28). Совершенно несправедливо. Въ VI главѣ посланія къ Коринтянамъ апостолъ дѣйствительно говорить о дѣ-

²⁾ Какъ бы ни было понимаемо положеніе Тимофея въ церкви Ефесской — въ смыслѣ ли постояннаго правителя этой церкви (епископа въ обычномъ значеніи этого слова), или въ смыслѣ лишь временно-уполномоченнаго устроителя дѣлъ церковныхъ, каковымъ бывалъ Тимофей и прежде въ другихъ церквахъ (Дѣян. XVII, 14—15; 1 Солун. III, 1—31), — судъ надъ пресвитерами, о которомъ пишетъ ему апостолъ Павелъ, вообще можетъ быть принятъ за образецъ суда епископскаго... Поднимаемый г. Заозерскимъ (стр. 26) вопросъ о томъ, можно ли между лицами, подлежащими этому суду, кромѣ пресвитеровъ, разумѣть и діаконовъ и другихъ клириковъ, есть вопросъ совершенно лишній; едва ли у кого-нибудь могло бы возникнуть сомнѣніе такого рода... Но объ отношеніи мирянъ къ этому суду въ указываемомъ мѣстѣ посланія къ Тимофею ничего не говорится, и представляемая при этомъ авторомъ ссылка на другое мѣсто въ посланія къ Титу не имѣетъ никакого значенія.

лахъ *житейскихъ*, подлежащихъ братскому суду христіанъ (4 ст.). Но рядомъ съ этимъ, и еще прежде этого въ V главѣ, которую авторъ здѣсь же цитуетъ, и изъ которой онъ извлекаетъ выводы совершенно противоположные показанію дѣла, апостолъ прямо говоритъ коринѣскимъ христіанамъ, чтобы они своимъ судомъ *извержали людей развращенныхъ изъ среды своей* (V гл., 13 ст.), чтобы они не сообщались съ тѣми, которые, называясь христіанами, остаются блудниками или лихоимцами или идолослужителями или злорѣчивыми или пьяницами или хщницами (ст. 11). Разъясняя въ другихъ мѣстахъ (гдѣ не о томъ говорится), какія преступленія должны подлежать церковному суду, авторъ какъ нарочно пропустилъ такое мѣсто, въ которомъ наиболѣе прямо, опредѣленно и характерно указываются такія преступленія. Тотъ самый примѣръ, который авторъ приводитъ (на стр. 28—въ примѣчаніи) въ доказательство своей мысли, будто братскому общинному суду церкви подлежали лишь *гражданскія дѣла*, а *нравственныя* собственно церковныя исключительно епископскому, этотъ самый примѣръ даетъ совершенно другое показаніе. По толкованію автора, апостолъ Павелъ заочно долженъ былъ произнести судъ надъ коринѣскимъ кровосмѣшникомъ потому, что сами Коринѣяне своимъ общиннымъ судомъ, которому подлежали лишь *мажоважныя дѣла гражданскія*, не могли судить кровосмѣшенія, какъ преступленія нравственнаго. Неправда... Во всей V главѣ апостолъ раскрываетъ такую именно мысль, что коринѣскіе христіане имѣли право и должны были своимъ братскимъ судомъ осудить кровосмѣшника и извергнуть его изъ своей среды. Апостолъ укоряетъ коринѣскихъ христіанъ за то, что они не сдѣлали этого, не исполнили своего долга и права, и вынудили его *вмѣсто нихъ* сдѣлать то, что они сами должны были сдѣлать — произнести свой судъ надъ кровосмѣшникомъ, вопреки обычнымъ требованіямъ суда—*заочно*... И произнося этотъ судъ, апостолъ высказываетъ его не отъ своего лица, не во имя своего верховнаго права, а во имя права той же самой коринѣской общины, непримѣннаго ея... „Отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, какъ бы находясь среди васъ, въ собраніи вашемъ во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, я рѣшилъ сдѣлавшаго такое дѣло предать сатанѣ во изможденіе плоти“ (ст. 3—5). б) Авторъ старается предста-

вить дѣло такъ, что общинный выборный судъ въ церкви во времена апостоловъ имѣлъ значеніе „не болѣе, какъ частное домашнее разрѣшеніе спора между двумя лицами, происходящее только при посредствѣ и въ присутствіи одного или вообще не многихъ избранныхъ для того лицъ“ (стр. 27), не болѣе какъ нравственное увѣщаніе тяжущихся къ примиренію, на основаніи изреченія Спасителя Матѣ. XVIII, 16 ст., (т.-е. какъ выше объяснилъ авторъ—это лишь низшая вторая инстанція суда). Напротивъ, судъ епископскій—это *открытый, торжественный* судъ, на основаніи 17 ст. XVIII главы Матѣея—судъ высшей инстанціи, и притомъ *формальный*. Ни изъ чего это не видно. Хотя объ особенной какой-нибудь формальности и обрядовой торжественности не говорится у апостола ни при изображеніи епископскаго суда въ посланіи къ Тимоѣю, ни при изображеніи общиннаго суда въ посланіи къ Коринѣянамъ: хотя тотъ и другой судъ во времена апостоловъ, надобно думать, имѣлъ характеръ суда простаго братскаго, несложнаго въ своихъ приемахъ, чуждаго юридическихъ формальностей и всякой импозантной обстановки; тѣмъ не менѣе однакожъ общинный судъ церковный въ посланіи къ Коринѣянамъ представляется во всякомъ случаѣ въ чертахъ болѣе внушительныхъ и торжественныхъ, нежели судъ епископскій въ посланіи къ Тимоѣю. О послѣднемъ говорится: „обвиненіе на пресвитера принимай не иначе, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ“,—а о первомъ: „въ собраніи вашемъ во имя Господа Иисуса Христа обще съ моимъ духомъ“. Если эти два вида суда ставить въ отношеніе къ изреченію Спасителя Матѣ. XVIII гл. 15—17 ст., и различать ихъ какъ низшую и высшую инстанцію церковнаго суда: то скорѣе епископскій судъ посланія къ Тимоѣю придется сопоставить съ 16 ст. XVIII главы Матѣея (какъ судъ низшей инстанціи), а общинный судъ посланія къ Коринѣянамъ съ 17—18 стихами (какъ высшую степень суда).

в) Судъ общинный выборный, по толкованію г. Заозерскаго имѣлъ значеніе лишь суда *посредническаго*; на немъ рѣшались лишь *взаимныя частныя распри*, и то въ такомъ только случаѣ, когда къ нему изъявляли желаніе обратиться *объ спорящія стороны* (стр. 27). Но когда у апостола этому суду усвоится право судить и блудниковъ, и лихоимцевъ идолослужителей и пья-

ницъ, и хищниковъ; то очевидно область этого суда была гораздо шире посредническаго разбора частныхъ распрей съ общаго согласія лицъ тяжущихся. г) Вся дѣятельность этого суда, по предположенію г. Заозерскаго, направлена была къ тому, „чтобы взаимнымъ примиреніемъ предотвратить открытый формальный судебный процессъ“ (стр. 28). Хотя по всей вѣроятности цѣль всякаго суда во времена апостольскія состояла въ томъ, чтобы предварительнымъ увѣщаніемъ и разслѣдованіемъ дѣла примирять возникающія распри, и прекращать распространяющіеся соблазны: но ни изъ чего не видно, чтобы дѣятельность суда выборнаго, о которой говорится въ посланіи къ Коринѳянамъ, была подготовительною къ дальнѣйшему формальному процессу суда епископскаго. Суду общинному, выборному въ V главѣ посланія къ Коринѳянамъ вполнѣ усвоится значеніе суда высшаго окончательнаго, и ни о какой дальнѣйшей за нимъ инстанціи епископскаго суда во всемъ посланіи ни слова не говорится. д) Приговоры суда общиннаго, выборнаго, по толкованію г. Заозерскаго, не имѣли рѣшительнаго обязательнаго значенія; „власть этого суда, говоритъ авторъ, была чисто нравственная, основывающая свои дѣйствія по отношенію къ подсудимымъ на нравственномъ авторитетѣ признанномъ добровольно“ (стр. 28), т.-е. приговорамъ этого суда по доброй волѣ всякій могъ подчиниться или не подчиниться: „между тѣмъ власть епископскаго суда, продолжаетъ авторъ, есть чисто юридическая, т.-е. основывающая свои судебныя дѣйствія на правѣ, предоставленномъ ей самимъ Богомъ, и въ силу этого права *обязывающая подсудимаго, даже и противъ его воли, подчиняться ея распоряженіямъ*“ (тамъ же на 28 стр.). Опять различеніе авторитета судебной власти и судебныхъ приговоровъ совершенно произвольное и ни на чемъ не основанное. Когда апостолъ Павелъ приписываетъ суду церковной общины право *извергать развращенныхъ людей изъ своей среды*; то этимъ онъ усволяетъ общинному суду такое право, значительнѣе котораго авторъ едва ли могъ бы отыскать между правами, приписываемыми въ посланіи къ Тимоѳею суду епископскому. е) Вообще авторъ всѣми своими разъясненіями старается показать, что значеніе общиннаго выборнаго суда въ церкви было совсѣмъ не такое, какъ суда епископскаго, что оно было лишь временное, случайное, не относя-

щеся къ существу жизни церковной. Автору не хочется даже и называть этотъ судъ судомъ церковнымъ въ собственномъ смыслѣ (стр. 29), хотя апостолъ Павелъ прямо называетъ его *судомъ Святымъ* (VI, 1—2). Въ дальнѣйшихъ частяхъ своего изслѣдованія авторъ совершенно упускаетъ изъ виду судъ общинный выборный, и занимается лишь развитіемъ идеи епископскаго суда. Конечно въ жизни церковной дальнѣйшихъ вѣковъ были особенныя обстоятельства, въ силу которыхъ судъ общинный все болѣе терялъ свое значеніе, а судъ епископскій развивался. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы первый видъ суда, по самому существу своему — по началу, какъ онъ существовалъ въ первыя времена устроенія церкви, имѣлъ значенія менѣе, чѣмъ судъ другаго вида.

3) Наконецъ вся та часть изслѣдованія г. Заозерскаго, въ которой онъ говоритъ о состояніи церковнаго суда въ вѣкъ апостольскій, въ особенности грѣшитъ тѣмъ, что авторъ придаетъ этому суду слишкомъ много формальности. Онъ старается представить этотъ судъ какъ бы вполнѣ опредѣлившимся юридическимъ учрежденіемъ, со всѣми точными и неизмѣнными формами, на всѣ времена установленными по непосредственнымъ предписаніямъ самаго Иисуса Христа и апостоловъ. Всѣ самыя краткія и отрывочныя извѣстія памятниковъ о состояніи церковнаго суда въ то время онъ старается подвести подъ опредѣленные юридическія понятія и формулы, выработанныя позднѣйшимъ развитіемъ юридическихъ наукъ, совершенно не обращая вниманія на то, что историческіе памятники апостольскаго времени всего менѣе отличаются юридическимъ характеромъ, и что въ самой церковной жизни того времени идеи и интересы другіе высшаго нравственнаго свойства имѣли значенія гораздо болѣе, чѣмъ формальные юридическіе. „Въ вѣкъ апостольскій, говоритъ авторъ, мы видимъ организацію церковно-судебнаго строя по плану, предначертанному Иисусомъ Христомъ въ Евангеліи, опредѣленіе органовъ церковно-судебной власти, подсудности, характера отношеній судящихъ къ судимымъ и наоборотъ, указаніе существенныхъ моментовъ судопроизводства, и основной характеръ и назначеніе въ церкви формальнаго суда (стр. 344). „Отъ апостоловъ церковь получила право и полномочіе подвергать суду непокорныхъ ей сочленовъ (sic.). Мало того: какъ собствен-

нымъ примѣромъ, такъ въ особенности своими наставленіями они ясно и точно установили понятіе церковнаго суда и общій типъ его, *сдѣлавъ указанія по всемъ существеннымъ частямъ его, именно подсудности, внѣшнему устройству (органовъ его) и судопроизводству* (стр. 44). „Господствующая форма этого суда—обвинительная; способъ производства устный, состязательный, открытый. Сознаніе подсудимаго, показаніе свидѣтелей—основанія для постановленія приговора. Постановляется и произносится приговоръ немедленно за окончаніемъ слѣдствія самимъ судьей и выслушивается остальными присутствующими на судѣ для немедленнаго его исполненія. Недовольный подсудимый не теряетъ права подать жалобу на ежегодномъ епископскомъ соборѣ. Вотъ общій типъ апостольскаго суда“¹.. Къ чему все эти преувеличенныя фразы, къ чему весь этотъ пышный наборъ юридическихъ формулъ и терминовъ, когда и всего-то о состояніи церковнаго суда во вѣкъ апостольскій до насъ дошло лишь два краткихъ отрывочныхъ извѣстія въ посланіяхъ апостола Павла?.. Согласно ли съ положеніемъ дѣла представлять себѣ апостоловъ такими тонкими и строгими юристами, организаторами церковныхъ судовъ по современнымъ юридическимъ образцамъ? Соотвѣтственно ли вообще съ тогдашнимъ строемъ жизни церковной представлять себѣ въ ней такъ сильно развитую юридическую формалистику судебную? Тысячами, миллионами христіанъ читаются писанія апостольскія, и навѣрное не нашлось бы по одному на тысячу изъ этихъ читателей, который бы самъ собою безъ предзанятыхъ мыслей могъ найти въ писаніяхъ апостольскихъ всю ту юридическую мудрость, какую открываютъ въ нихъ канонисты, подобные г. Заозерскому ²).

¹) Въ посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ апостоль Павелъ говоритъ объ общинномъ судѣ въ церкви, ничего не говорится о самыхъ формахъ и процессѣ этого суда. Въ посланіи къ Тимоѳею говорится, что обвиненіе на пресвитера нужно принимать при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, что согрѣшающихъ нужно предъ всеми обличать; но и только всего... Притомъ и эти немногія черты (трудно сказать формы) суда нужно ли принимать, какъ обязательно предписываемыя апостоломъ на все времена, на все случаи церковнаго суда? Всегда ли соблюдались онѣ въ самыя апостольскія времена? Г. Заозерскій въ примѣрѣ церковнаго суда этихъ временъ указываетъ судъ апостола Петра надъ Аваніей и Сапѳирю, и апостола Павла надъ коринѳскими кровосмѣс-

Г. Заозерскій понимаетъ впрочемъ; что на основаніи тѣхъ извѣстій о судѣ церковномъ, какія находятся собственно въ писаніяхъ апостольскихъ, нельзя нарисовать такую полную и ясную въ самыхъ мелкихъ деталяхъ картину церковнаго суда въ вѣкъ апостольскій, какую ему хочется имѣть. Чтобы составить такую картину г. Заозерскій находитъ необходимость прибавить къ краткимъ извѣстіямъ писаній апостольскихъ другія болѣе подробныя и опредѣленныя данныя о состояніи суда церковнаго въ то время. Гдѣ же ихъ взять? Въ изобрѣтеніи этихъ новыхъ данныхъ для характеристики церковнаго суда въ вѣкъ апостольскій и состоитъ тотъ послѣдній, такъ сказать, каноническій фортель, которымъ завершается первая часть изслѣдованія г. Заозерскаго.

Прежде всего авторъ подходитъ къ этому новому своему каноническому и историческому источнику, рядомъ силлогизмовъ такого рода: „извѣстіе о церковномъ судѣ, находящіяся въ посланіяхъ апостола Павла, очень кратки;.. быть не можетъ чтобы апостолъ не оставилъ въ дополненіе къ нимъ болѣе подробныхъ наставленій объ этомъ предметѣ въ преданіи церковномъ“.. „Кромѣ апостола Павла, ни у одного изъ апостоловъ нѣтъ никакихъ извѣстій о церковномъ,.. вѣроятно другіе апостолы оставили свои постановленія объ этомъ предметѣ въ преданіи“.. Апостолу Іакову преданіе церковное приписываетъ составленіе литургіи: нельзя думать, чтобы этотъ апостолъ не оставилъ премникамъ своимъ никакихъ заповѣдей относительно церковнаго управленія и церковнаго суда“ (стр. 32—33). Какое научное значеніе могутъ имѣть наведенія такого рода, и можно ли на нихъ что нибудь построить. понятно само собою.

никомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ мы вовсе не видимъ примѣненія какъ тѣхъ правилъ о судѣ, которыя находятся въ посланіи къ Тимоѳею V гл. 19—21 ст., такъ и тѣхъ, которыя, по объясненію г. Заозерскаго, находятся въ Евангеліи Маттея XVIII гл. 15—17... Что же? Апостолы сами были первыми нарушителями тѣхъ правилъ о судѣ, которыми они установляли или которыя они приняли отъ самаго Іисуса Христа? Или вообще эти правила не имѣли обязательнаго значенія на всякое время — на всякій случай церковнаго суда?.. Что-нибудь одно нужно принять, по смыслу сужденій самаго г. Заозерскаго.

„Не сохранило ли намъ преданіе церковное другихъ узаконеній относительно суда церковнаго и вообще церковнаго устройства, необходимыхъ для разъясненія весьма многого изъ того, что намъ оставило священное Писаніе, и притомъ такихъ узаконеній, *которыя вышли изъ устъ самихъ апостоловъ*“ (стр. 32).

„Преданіе дѣйствительно сохранило такія узаконенія подъ именемъ „Правилъ св. апостоловъ“, въ апостольское происхожденіе которыхъ и вѣрили и вѣрять вся вселенская церковь, утвердивши ихъ апостольскій авторитетъ своимъ вселенскимъ законодательствомъ“ (стр. 34).

Сдѣлавши такой неожиданно смѣлый и быстрый переходъ къ новому историческому источнику о состояніи церкви въ вѣкъ апостольскій, авторъ далѣе уже ни мало не стѣсняясь и начинаетъ рисовать свою картину церковнаго суда въ вѣкъ апостольскій по свѣдѣніямъ заимствуемымъ изъ этого источника въ той его редакціи, какая находится въ церковномъ употребленіи въ настоящее время.

Что же это такое? Ужели автору неизвестно, что въ настоящее время ни одинъ *сколько нибудь уважающій научныя требованія* ученый не станетъ при изображеніи состоянія церкви въ вѣкъ апостольскій пользоваться свѣдѣніями изъ этого источника, безъ всякихъ предварительныхъ оговорокъ о его историческомъ значеніи, составѣ нынѣшней редакціи и т. д. Ужели автору неизвестно, что въ настоящее время ни одинъ серьезный ученый не станетъ утверждать, что постановленія находящіяся въ этомъ памятникѣ *вышли изъ устъ самихъ апостоловъ* въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ? Ужели автору неизвестно, что между этими постановленіями есть такія, которыя по самому содержанию своему никакъ не могутъ быть отнесены не только ко времени апостольскому, но и къ ближайшимъ затѣмъ двумъ столѣтіямъ христіанской исторіи (напр, правила 7, 47; 81, 83)?

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы г. Заозерскій этого не зналъ, потому что обо всемъ этомъ довольно писано и переписано не только въ иностранной, но и въ нашей русской *молодой* канонической литературѣ, потому наконецъ, что самыя правила апостольскія были у автора передъ глазами, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе. Что же показываетъ этотъ необыкновенно смѣлый и развязный приемъ, съ которымъ авторъ *ничтоже сумняся* ста-

вить апостольскія Правила въ число прямыхъ источниковъ для исторіи церкви въ вѣкъ апостольскій безъ всякихъ оговорокъ, предварительныхъ замѣчаній, безъ всякаго упоминанія о тѣхъ мнѣніяхъ и вопросахъ, какія существуютъ въ наукѣ относительно историческаго значенія этого памятника? Этотъ приемъ показываетъ, какъ вообще нашъ *новый канонистъ* относится къ требованіямъ науки. Собственно говоря, по существу дѣла намъ и многія предшествовавшія объясненія его, въ особенности тѣ, въ которыхъ онъ перетолковывалъ тексты Священнаго Писанія по своимъ воззрѣніямъ, и навязывалъ ученію Иисуса Христа и апостоловъ такой смыслъ, какого нѣтъ въ нихъ, представляются не менѣе возмутительными... Но тамъ злоупотребленіе научными приемами для большинства читателей по крайней мѣрѣ менѣе замѣтно. Тамъ работа мелкая, состоящая въ перетолковываніи отдѣльных словъ и выраженій и въ постепенномъ такъ-сказать нанизываніи произвольныхъ и искусственныхъ положеній одного на другое; это не всякій сразу можетъ разобрать и распутать. Здѣсь же оборотъ дѣла крупный и болѣе безперомонный. Въ виду всего читающаго общества, въ виду ученой корпораціи, которой на разсмотрѣніе представлялось новое каноническое изслѣдованіе,—прямое безъ всякихъ объясненій игнорированіе цѣликомъ всей литературы предмета, всѣхъ мнѣній и вопросовъ, относящихся къ уясненію историческаго значенія одного изъ важнѣйшихъ каноническихъ памятниковъ, такого памятника, на которомъ строятся важнѣйшіе выводы предлагаемаго изслѣдованія. Если ту первую работу можно сравнить въ научномъ отношеніи съ отцѣживаніемъ комаровъ, то этотъ послѣдній приемъ прямо напоминаетъ глотаніе верблюдовъ. Кажется, только у насъ и возможны такіе приемы въ книгахъ, выдаваемыхъ за научныя изслѣдованія?

„Апостольское происхожденіе Правиль признавала и признаетъ вся вселенская церковь“,—коротко и ясно. Не мѣшало бы однако же изъ различныхъ вѣковъ христіанства привести рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ бы видно было, что вся вселенская церковь всегда эти правила признавала и въ какомъ смыслѣ признавала. Намъ кажется однакоже, что собственно о той редакціи этого памятника, какую мы имѣемъ, едвали можно было бы привести какія-нибудь свидѣтельства ранѣе VI вѣка, да

и вообще объ этомъ памятникѣ, какъ писанномъ памятникѣ, двали можно было бы найти упоминанія ранѣ IV вѣка. И что собственно признавала церковь въ этомъ памятникѣ? Каноническое руководительное значеніе его для практики церковной — а вовсе не несомнѣнное историческое происхожденіе его *изъ устъ самихъ апостоловъ* въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился (такъ что имъ и въ этомъ видѣ можно было бы пользоваться, какъ несомнѣннымъ источникомъ, для воспроизведенія исторіи церкви въ вѣкѣ апостольскій). Въ томъ самомъ 2-мъ правила Трулльскаго собора, на которомъ главнымъ образомъ основывается каноническій авторитетъ этихъ правилъ, они называются только „правилами преданными намъ именемъ св. апостоловъ“ (*παράδοθέντας ἡμῖν ὀνόματι τῶν ἀγίων καὶ ἐνδόξων Ἀποστόλων κανόνας*). А въ другихъ древнихъ каноническихъ же сборникахъ эти правила прямо называются только такъ *называемыми апостольскими* (У Діонисія малаго *canones qui dicuntur Apostolorum*... Въ предисловіи къ синагигѣ Фотія, перешедшемъ въ славянскую Кормчую: „глаголемая св. апостолъ правила, аще и нѣдѣи сія претивна, нѣкихъ ради винъ, вмѣниша). Въ Западной церкви, когда она еще была и православною, эти правила всегда принимались не въ томъ составѣ и пользовались не такимъ авторитетомъ, какъ въ Восточной...

Наконецъ если авторъ нашелъ возможнымъ принять въ число историческихъ памятниковъ для изображенія исторіи церкви въ вѣкѣ апостольскій апостольскія *Правила*, то почему бы ему не воспользоваться также для своей цѣли и такъ называемымъ апостольскими *Постановленіями*?⁴⁾ Эти *Постановленія* также считались иными происходящими отъ самыхъ апостоловъ, и въ самомъ содержаніи ихъ (въ нѣкоторыхъ частяхъ) есть признаки происхожденія сравнительно съ *Правилами* по крайней мѣрѣ не менѣе древняго, и изъ другихъ церковныхъ памятниковъ о *Постановленіяхъ* можно привести свидѣтельства даже болѣе древнія, чѣмъ о *Правилахъ*, и наконецъ историческій и каноническій авторитетъ *Постановленій* утверждается самими *Правилами* (85 прав.).

Мы слышали, что такого рода вопросы были предлагаемы

⁴⁾ Авторъ пользуется ими, но уже при изображеніи другой позднѣйшей эпохи развитія церковнаго суда.

г. Заозерскому во время публичнаго защищенія имъ его магистерской диссертациі. Онъ на такіе вопросы будто бы отвѣчалъ: „Я послушный сынъ Трульскаго собора, исключеннаго апостольскія постановленія изъ числа каноническихъ памятниковъ“.

Должны ли мы въ заключеніе пожелать г. Заозерскому и впредь руководиться въ своихъ ученыхъ работахъ глзвнымъ образомъ принципомъ *послушанія*? Конечно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ г. Заозерскому лучше разумѣть то, чему онъ обязуется оказывать послушаніе. Въдь отцы Трульскаго собора только и имѣли въ виду во 2-мъ Правилѣ разъяснить практической вопросъ о церковномъ употребленіи *Правилъ* и *Постановленій* апостольскихъ, а не научный—о ихъ происхожденіи.

С Л О В О

ПРИ ОБНОВЛЕНІИ ХРАМА НА ПОДВОРЬИ СЕРБСКОЙ МИТРОПОЛИИ
ВЪ МОСКВѢ 5-го НОЯБРЯ 1878 Г. *).

*Благословенъ Господь Богъ Израилевъ,
яко посети и сотвори избавленіе людемъ
Своимъ. Луки I, 68.*

Четыре года назадъ мы молились въ этомъ храмѣ, торжествуя въ его освященіи видимый залогъ братскаго общенія народа русскаго съ народомъ сербскимъ и церкви русской съ церковію сербскою. Четыре года назадъ здѣсь въ первый разъ совершена была литургія, при которой вмѣстѣ возглашено было многолѣтствоваіе благочестивѣйшему Государю русскому и Князю сербскому.

Сколько великихъ дѣлъ совершилось съ того времени для народа русскаго, для народа сербскаго, для всего племени славянскаго, для всего міра православнаго!

Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ освященія этого храма, какъ въ Герцеговинѣ и Босніи раздался призывный кличъ

*) Храмъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери на Сербскомъ подворьи (устроенный изъ бывшей приходской церкви Кири и Іоанна) былъ освященъ 30 ноября 1874 года, нынѣ вновь обновленъ и украшенъ усердіемъ попечительнаго настоятеля подворья о. архимандрита Саввы и церковнаго старосты С. И. Камынина.

въ защитѣ угнетаемаго христіанства и славянства отъ притѣсненій мусульманства. Горсть самоотверженныхъ храбрцевъ, не имѣвшихъ почти никакихъ средствъ для усѣбной войны — ни правильно организованнаго войска, ни денегъ, ни хорошаго оружія, ни даже достаточнаго пропитанія, подняла отчаянную борьбу на жизнь и на смерть съ врагомъ, цѣлые вѣка душившимъ жизнь и свободу христіанства и южнаго славянства, — съ врагомъ, котораго имя когда-то было страшно для всей Европы, который и теперь имѣетъ несмѣтное число подданныхъ и союзниковъ въ трехъ частяхъ свѣта. Черезъ годъ къ этимъ храбрцамъ, изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ, присоединились воинственная Черногорія и братолюбивая Сербія — обѣ издавна отличавшіяся братскимъ состраданіемъ къ угнетаемымъ соплеменникамъ, но обѣ слишкомъ недостаточно сильныя для того, чтобы положить конецъ этому угнетенію. Не остались холодны и русскія сердца къ этой родной борьбѣ, хотя совершавшейся и далеко за предѣлами нашего отечества. Тысячи сыновъ свободной Россіи съ русскимъ вождемъ во главѣ добровольно явились въ рядахъ бойцовъ за свободу южнаго славянства. Тысячи братскихъ приношеній изъ царскихъ и княжескихъ чертоговъ и изъ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинъ отправлены на пособіе подвижающимся и страдающимъ. Много горячихъ молитвъ вознеслось къ престолу Отца небеснаго объ успѣхъ роднаго дѣла.

Много пролилось славянской крови, и русской въ томъ числѣ, въ ущельяхъ Герцеговины и Черногоріи, въ долинахъ Моравы, на поляхъ Алексинаца, у стѣнъ Никшича, у высотъ Дюниша... Но врагъ христіанства собралъ страшныя силы, и грозилъ не только сдѣлать тщетными всѣ доселѣ предпріятыя усилія къ освобожденію находящихся подъ его гнетомъ христіанъ, но и подавить начатки свободы и благосостоянія и въ тѣхъ странахъ, которыя ранѣе освободились отъ него.

Тогда раздалось мощное слово русскаго Царя, и врагъ былъ остановленъ въ его стремленіи нести разрушеніе и гибель въ неразоренныя еще войною земли южныхъ славянъ.

Раздалось другое слово, и полчища сѣверныхъ славянъ русскихъ пошли въ предѣлы мусульманской имперіи кончать то дѣло, которое начато было южнымъ славянствомъ. Не остановили ихъ ни отдаленность и трудность похода, ни тяжесть при-

несенныхъ жертвъ, ни непреодолимыя преграды природы, ни упорныя силы разъяренныхъ враговъ, ни угрозы открытой злобы, ни совѣты фальшивой дружбы, ни предостереженія близорукой разсчетливости, ни опасенія слабого малодушiя, ни испытанныя неудачи и разочарованiя, ни труды необыкновенныя, ни болѣзни тяжелыя, ни смерть цѣлыми тысячами и десятками тысячъ въ чужой далекой сторонѣ. Почти у воротъ Царяграда заключенъ славный миръ, даровавшiй южнымъ славянамъ не только то, о чемъ они могли мечтать при началѣ борьбы съ своими угнетателями, но и болѣе того...

Дорого намъ стоилъ этотъ подвигъ. Многiя русскiя семейства, начиная съ царственной семьи, съ прошлаго года не досчитываются любимыхъ членовъ въ своей средѣ. Много благородныхъ сыновъ Россiи осталось въ могилахъ на вѣчную память южному славянству о нелицемѣрной дружбѣ русской — въ Македонiи и Болгарiи, подѣ Плевной, подѣ Шибкой, подѣ Горнымъ Дубнякомъ, подѣ Телишемъ, подѣ Ташкиссеномъ, подѣ Филиппополемъ, — и въ другихъ мѣстахъ по тому же дѣлу подѣ Ардаганомъ, подѣ Карсомъ, подѣ Эрзерумомъ и т. д...

Но велики и плоды, прибрѣтенныя этими усилiями и жертвами. Жизнь и свобода начинаютъ разцвѣтать тамъ, гдѣ доселѣ было рабство и угнетенiе. Слава имени христіанскаго вновь повышается, гдѣ оно цѣлые вѣка находилось въ поруганiи. Болгарiя восстановлена! Сербiя сдѣлалась совершенно независимою! Черногорiя увеличена! Мало намъ этого? Братскому сердцу желалось бы сдѣлать болѣе того, что сдѣлано. Братскому участию жалко и обидно, что зависть и недоброжелательство успѣли у него отнять и часть того, что уже было имъ прибрѣтено. Но будущее въ рукахъ Божіихъ; не будемъ не благодарны предѣ Богомъ и за настоящее, которое во всякомъ случаѣ несравненно легче и радостнѣе прошедшаго. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтiя не было на всемъ юговостокѣ Европы, на всемъ Балканскомъ полуостровѣ ни одного свободнаго христіанскаго государства (кромѣ независимой Черногорiи, никогда никому не поклонявшей выи своей). Нынѣ тамъ четыре христіанскiя государства вполне независимыя, и пятое создается почти независимое. Подѣ властью мусульманства остается еще значительная

часть христіанъ: но и ихъ судьба, надо ожидать, такъ или иначе будетъ ограждена отъ мусульманскихъ насилій и притѣвленій..

Какая же это великая сила на нашихъ глазахъ совершила великое дѣло?..

Прежде всего нужно помнить, что не человѣческими лишь силами совершаются такія дѣла въ судьбахъ царствъ и народовъ. *Господь возводитъ и низводитъ, убожитъ и богатитъ, поставяетъ царства и престаиваетъ, низлагаетъ сильныхъ съ престоловъ и возвышаетъ смиренныхъ.* Ему, дарующему Свой свѣтъ сѣдющимъ во тмѣ и снви смертной, исцѣляющему сокрушенныхъ сердцемъ, изводящему измученныхъ на свободу, да будетъ слава и благодареніе. *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ... сужити Ему пренеподобимъ и правдою предъ Нимъ вся дни живота нашего!..*

А изъ силъ человѣческихъ какая сила всего болѣе совершаетъ великія дѣла въ судьбахъ человѣчества, привлекая на нихъ благословеніе и милость отъ Господа?

Любовь братская. Любовь животворитъ и возвышаетъ какъ союзы отдѣльныхъ лицъ, такъ и союзы цѣлыхъ племенъ и государствъ. Любовь есть та сила, которая вонъ изгоняетъ страхъ, побуждаетъ малодушіе, укрѣпляетъ слабость, удесятеряетъ силу, преодолеваетъ злобу, совершаетъ дѣйствія чудесныя, необыкновенныя, вопреки всякимъ ожиданіямъ и соображеніямъ человѣческой прозорливости и обыденной житейской разсудительности. Любовь братская отъ начала до конца вела то великое дѣло, за которое мы теперь благодаримъ Господа. Любовь подняла храбрецовъ Герцеговины возстать на защиту угнетаемыхъ братьевъ безъ всякихъ почти средствъ для борьбы съ сильнымъ врагомъ. Любовь привлекла Сербовъ и Черногорцевъ подать помощь ослабѣвающимъ Герцеговинцамъ—подъ опасеніемъ самимъ быть раздавленными страшною силою турокъ. Любовь побудила русскихъ добровольцевъ, оставивъ дома, семьи, удобства спокойной жизни, идти въ далекую Сербію—сражаться и умирать вмѣстѣ съ братьями. Любовь внушила русскому Царю великодушную мысль—вступить за южныхъ славянъ и объявить войну туркамъ, безъ расчетовъ на выгоды и пріобрѣтенія для своего государства, скорѣе подъ опасеніями возстановить противъ него союзы враговъ.. и не въ одномъ мусульман-

ствѣ... Любовь воодушевила русскихъ воиновъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и доблестью совершить указаннй имъ подвигъ—пройти тысячи верстъ въ своей и чужой странѣ, перенести величайшія трудности и лишенія, преодолѣть страшныя преграды природы, сокрушить силы враговъ, презрѣть всякія опасенія, предостереженія, неудачи, разочарованія и идти къ своей цѣли—съ тѣмъ лишь главнымъ опасеніемъ, какъ бы шествіе ихъ не было остановлено, не достигши своей цѣли... Оставимъ въ сторонѣ другія побужденія присоединившіяся у частныхъ дѣятелей этой священной борьбы къ главному побужденію. Въ дѣлахъ человѣческихъ, особенно въ крупныхъ дѣлахъ историческихъ, совершаемыхъ цѣлыми народными массами, никогда не бываетъ полной цѣльности—единства руководящихъ побужденій; къ главному побужденію всегда присоединяется много другихъ частныхъ, и иногда совершенно несродныхъ ему. Но существенное достоинство и характеръ всякаго великаго историческаго дѣла опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ основнымъ побужденіемъ, которое руководитъ имъ. Въ славномъ дѣлѣ, совершеніе котораго мы воспоминаемъ теперь, такимъ основнымъ руководящимъ побужденіемъ была несомнѣнно любовь, братскій союзъ, не писанный, не условіями какими-либо и трактатами скрѣпленный, но кровію созданный и запечатлѣнный союзъ славянскихъ племенъ между собою. Не будь этой любви, этого братскаго влеченія славянъ другъ къ другу и болѣнія другъ о другѣ, то дѣло, о которомъ мы говоримъ, не было бы и начато, и начатое десять разъ могло бы остановиться, и не доведено было бы до конца... Такъ нравственная сила любви и въ наши времена совершаетъ чудеса, непонятныя, невозможныя съ точки зрѣнія холоднаго эгоизма, мелкаго самолюбія, сухой расчетливости, трусости, малодушія и т. д.

Да сохранится же и укрѣпится навсегда между славянскими народами это братское чувство, нынѣ вновь освященное и скрѣпленное кровью пролитою другъ за друга. Да возрастетъ и расширится подъ вліяніемъ его великій союзъ славянскихъ народовъ — новыхъ историческихъ дѣятелей во славу Божию и во благо человѣчеству. Да не ослабятъ, да не расторгнутъ этого союза никакія случайныя столкновенія и частныя недоразумѣнія, ни навѣты и угрозы открытыхъ враговъ, ни соблазны и прель-

щенія мнимыхъ друзей, ни племенной эгоизмъ, ни взаимное соперничество, ни зависть, ни малодушіе, ни холодность, ни равнодушіе другъ къ другу. Только при взаимной любви, только въ братскомъ союзѣ славянскія племена могутъ достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя укажетъ имъ рука Господня, и осуществить въ человѣчествѣ свое историческое призваніе.

Св. храмъ сей, четыре года назадъ устроенный во свидѣтельство братскаго союза между народомъ русскимъ и народомъ сербскимъ, и нынѣ вновь обновленный какъ бы въ подтвержденіе этого союза, да будетъ на многія и многія лѣта видимымъ знаменіемъ непрекащающейся любви между двумя родными племенами. Да благословитъ Господь всѣхъ принимавшихъ участіе въ устроеніи, обновленіи и украшеніи этого храма. Да не ослабнетъ и на будущее время усердіе добрыхъ попечителей и благотворителей къ поддержанію и приумноженію благолѣпія въ этомъ храмѣ, соотвѣтственно великой Тайнѣ въ немъ совершаемой, и достоинству двухъ народовъ, имѣющихъ въ немъ видимый залогъ братскаго общенія.

Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ.

Ж И З Н Ъ

ПО ЗАКОНУ ВНѢШНЯГО ДОЛГА И ПО ЗАКОНУ ПРАВСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ *).

Приступль же и прїемый единь талантъ рече: Господи! вѣдяхъ тя, яко жестокъ еси человекъ, жнешши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси; и убоявся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли: и се, имашь твое (Мв. 25, 24—25).

Однажды Исусъ Христосъ предложилъ ученикамъ своимъ слѣдующую притчу.

Нѣкоторый человекъ, богатый собственникъ, отправляясь въ чужую далекую страну, призвалъ къ себѣ рабовъ своихъ и вручилъ одному пять талантовъ серебра, другому два, третьему одинъ, съ тѣмъ, чтобы они во время его отсутствїя торговали на его счетъ, а потомъ, когда онъ возвратится въ домъ свой, отдали ему какъ довѣренный имъ капиталъ, такъ и невѣстное количество процентовъ на него. Раздавши рабамъ, каждому сообразно съ его силами, деньги, - господинъ удалился. По долгомъ же времени онъ возвратился и потребовалъ отъ рабовъ своихъ отчета. И вотъ оказалось, что первые два раба, изъ которыхъ

* Слово произнесенное въ день празднованїя годовщины освященїя церкви въ Московскои Семинари преподавателемъ ея Д. П. Богодѣповымъ.

одинъ получилъ пять, а другой два таланта, приумножили до-
вѣренный имъ капиталъ вдвое. И такъ какъ оба они оказались
одинаково усердными, вѣрными и трудолюбивыми, то и услы-
шали они отъ господина своего одинаковое слово похвалы и
награжденія: имъ обоимъ за вѣрность въ маломъ обѣщано до-
вѣріе во многомъ и кромѣ того даровано участіе въ радости
господина своего, такъ что они будутъ теперь въ домъ его не
столько рабами, сколько друзьями и членами его семейства. Но
когда пришелъ давать отчетъ получившій одинъ талантъ, то
онъ сказалъ своему господину: „господинъ! я зналъ тебя, что
ты человекъ жестокой, жнешь гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ
не разсыпалъ; и убоявшись, пошелъ и скрылъ талантъ твой въ
земль: вотъ тебѣ твое“. Очевидны были ложь и клевета, при-
думанная въ оправданіе себя лукавою лѣнностію, а потому го-
сподинъ обличилъ клеветника его же собственными словами:
„лукавый рабъ и лѣнливый! ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ,
и собираю, гдѣ не разсыпалъ. Посему надлежало тебѣ отдать
серебро мое торгующимъ, и я пришедъ получилъ бы мое съ
прибылью“. Обличенный въ своемъ лукавствѣ, лѣнливый рабъ
подвергнутъ былъ строгому наказанію: на мѣсто довѣрія во
многомъ, что было обѣщано рабамъ вѣрнымъ, онъ лишенъ былъ
и того таланта, которымъ доселѣ обладалъ; на мѣсто участія
въ радости господина своего, въ чему призваны были рабы вѣр-
ные, онъ совсѣмъ былъ лишенъ свѣтлаго и теплаго крова и вы-
брошенъ былъ во тьму вѣшнюю, на холодъ и сырость улич-
ную. (Мѡ. 25, 14—30).

Въ этой притчѣ человекъ, отираившійся въ далекую сторону
и потомъ по долгомъ времени возвратившійся въ домъ свой,
есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который по окончаніи
искупительнаго дѣла на землѣ вознесся на небо къ Богу Отцу,
въ концѣ же времени имѣетъ снова придти на землю для суда
надъ живыми и мертвыми; рабы же, получившіе каждый въ
свою мѣру таланты отъ господина своего, суть вѣрующіе во
Христа. Таланты, получаемые вѣрующими отъ Господа, много-
различны; подъ ними разумѣется все то, что человекъ отъ при-
роды имѣетъ и что въ жизни получаетъ для преуспѣянія въ
добромъ: природныя силы и способности, какъ духовныя такъ
и тѣлесныя; благодатные дары Духа Святаго, сообщаемые важ-

дому вѣрующему въ таинствахъ для укрѣпленія его естественныхъ способностей и силъ; положеніе въ обществѣ, богатство, просвѣщеніе и вообще все то, что помогаетъ человѣку съ большимъ совершенствомъ проявлять свое нравственное существо. Не всѣ вѣрующіе получаютъ отъ Бога одни и тѣ же таланты, такъ какъ не всѣ имѣютъ въ жизни одинаковое призваніе и назначеніе. Равнымъ образомъ не всѣ и въ одинаковой мѣрѣ одаряются Богомъ одними и тѣми же талантами: одному дается больше, другому меньше. Но каждому дается *по его силѣ*. А посему ты, получившій одинъ талантъ, не сѣлуй, какъ бы обиженный природою и забытый Богомъ: помни, что премудрый и всевѣдущій Раздаятель даровъ вещественныхъ и духовныхъ лучше тебя знаетъ, какая мѣра даровъ по силѣ тебѣ, сколько ихъ ты можешь употреблять въ дѣло съ пользою для себя и для другихъ. Довѣрившись міроправящему Промыслу, ты вмѣсто бесплоднаго и часто лукаваго сѣтованія, все вниманіе свое утверди на томъ, что именно отъ тебя требуется сообразно съ даннымъ тебѣ талантомъ; ибо это особенно не должно быть забыто тобою: получившій одинъ талантъ рабъ признанъ отъ господина своего способнымъ къ приумноженію довѣреннаго ему капитала и призванъ къ отчету въ успѣхахъ своего дѣланія точно также, какъ и получившій пять талантовъ.

Однакоже сѣтованіе на свою безталантность, безсиліе, бѣдность, незначительность, и именно — въ извиненіе своей нравственной малодѣтельности, составляетъ самый обычный нравственный недугъ нашъ. Мало того: даже не всегда мы считаемъ это нравственнымъ недугомъ, судя потому, что нѣкоторые любятъ хвалиться этого рода сѣтованіемъ, можно догадываться, что въ ихъ сознаніи означенное сѣтованіе на свою духовную или матеріальную бѣдность если не составляетъ добродѣтели, то и не заключаетъ въ себѣ ничего достойнаго осужденія. Такимъ образомъ оказывается, что мы часто и не замѣчаемъ внутри себя лѣниваго и лукаваго раба притчи Христовой о талантахъ, не узнаемъ себя въ этомъ рабѣ, тогда какъ онъ отображается въ насъ всѣми существенными чертами своего нравственнаго облика. А посему настоятъ потребность для насъ, братіе, уяснить себѣ и точнѣе опредѣлить дѣйствительный нравственный обликъ этого раба, чтобы потомъ правильнѣе судить и о себѣ.

Кто же этотъ рабъ лѣнивый и лукавый? Бываютъ рабы, которые подобно неправильному домоправителю одной изъ притчей Христовыхъ (Лк. 16 гл.) расточаютъ вѣренное имъ отъ Господа имущество, употребляя его не на пользу, а во вредъ себѣ и ближнимъ; бываютъ еще рабы, которые подобно блудному сыну другой Христовой притчи (Лк. 15 гл.) живутъ раскутно и тѣмъ убиваютъ въ себѣ совершенно силы духовныя и раззоряютъ свое матеріальное состояніе. Все это такіе великіе пороки, зло возрасло здѣсь до такихъ большихъ размѣровъ, что предъ сознаниемъ каждаго сразу выдаетъ себя въ своемъ действительномъ достоинствѣ. Даже сами этого рода несчастные пронесутъ надъ собою справедливый приговоръ, если милосердый Господь дастъ имъ „прийти въ себя“, и они испытуютъ при этомъ страхъ и трепеть при мысли предстать нѣкогда предъ лице нелицепріятнаго Судии Бога. Но не таковъ рабъ лѣнивый и лукавый: какъ вы видите, онъ считаетъ себя правымъ предъ своимъ господиномъ и даже не трепещетъ держать предъ нимъ дерзкій отвѣтъ. И это очевидно потому, что по его сужденію, онъ не растратилъ и не потерялъ вѣреннаго ему таланта, а напротивъ тщательно сохранилъ его,—онъ скрылъ его въ землѣ.

Итакъ прежде всего онъ *скрылъ* талантъ свой: онъ слѣдовательно не употребилъ даннаго ему таланта въ дѣло, на пользу себѣ и ближнимъ и во славу Божию; имѣя, напр., матеріальный достатокъ, не благотворилъ ближнимъ, обладая значительною силою ума, не воспользовался имъ для приумноженія своихъ знаній, обладая знаніемъ, не сдѣлалъ изъ него приложенія къ просвѣщенію невѣдущихъ и къ защитѣ истины отъ ея враговъ. Но скрывши талантъ свой въ землѣ, онъ *сохранилъ* его въ цѣлости: онъ не расточилъ его какъ неправедный домоправитель, и не потерялъ его, какъ блудный сынъ; ни въ какихъ крупныхъ порокахъ совѣсть его не обличаетъ. Замѣчательно еще и то, что онъ сохранилъ свой талантъ, зарывши его *въ землю*, а не завернувши его *въ платокъ*, какъ сдѣлалъ это негодный рабъ притчи Христовой о десяти минахъ (Лк. 19, 20): это показываетъ, что онъ сохранилъ талантъ свой самымъ обдуманнѣмъ, осторожнѣмъ способомъ. Итакъ, мало того, что онъ не страдаетъ нравственною распущенностью: онъ даже въ чемъ-то яв-

ляетъ стараніе, рачительность, исправность, подъ которою въ особенности и укрывается очевидно лѣньность его въ отношеніи къ данному ему таланту. Въ чемъ же? Въ домѣ господина своего онъ имѣлъ конечно нѣкоторыя и другія обязанности, кромѣ той особенной, какая возлагалась на него ввѣреннымъ ему талантомъ. Въ отношеніи къ этимъ-то обычнымъ обязанностямъ своего положенія, можно думать, онъ и былъ вполне исправнымъ рабомъ.

Въ этой притчѣ достойно замѣчанія еще и то, что лѣнивымъ и лукавымъ рабомъ оказался получившій одинъ талантъ. Почему таковымъ не оказался получившій пять талантовъ или два? Не бываетъ ли часто, что нравственно малодѣтельными являются между нами люди не малоталантливые, а напротивъ одаренные богато и духовными силами и матеріальными благами? Не приходится ли встрѣчаться и съ тѣмъ, что люди, отъ природы небогато надѣленные дарами, чрезъ усердіе, терпѣніе и трудолюбіе дѣлаютъ большія духовныя пріобрѣтенія? Въ дѣствительной жизни, слѣдовательно, нравственная малодѣтельность не стоитъ въ непремѣнной связи съ мѣрою средствъ для дѣланія, а потому и въ притчѣ, безъ ущерба истинѣ и даже ясности ея выраженія, лукавымъ и лѣнивымъ рабомъ могъ бы быть кажется изображенъ получившій пять талантовъ. Почему же однако Господь образъ раба лѣниваго и лукаваго начерталъ именно въ получившемъ одинъ талантъ? Потому, думается, что имѣлъ въ виду обличить особеннаго рода лѣньность, которая прикрывается малоталантливостью и успокоиваетъ его нравственное сознаніе, требующее отъ челоука болѣе широкой дѣятельности. Лукавая лѣньность заставляетъ негоднаго раба прежде всего понять себя какъ малоталантливаго, а потомъ думать, что при малыхъ средствахъ, какими онъ обладаетъ, для него рискованно было бы вступать на болѣе широкое поле дѣятельности, что для него достаточно, если онъ будетъ точно исполнителемъ въ необходимомъ и безусловно обязательномъ для него. Это собственно онъ прямо высказываетъ предъ своимъ господиномъ, и здѣсь достойна замѣчанія нѣкотора новая черта нравственнаго характера лѣниваго и лукаваго раба: „и убоюся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ землю“. Онъ прямо высказываетъ, что онъ боится своего господина; только страхъ,

который есть основное чувство, всегдашнее настроеніе его души, подвигаетъ его на дѣятельность; онъ дѣлаетъ только то и настолько, что и на сколько можетъ внушить ему страхъ предъ наказаніемъ; высшаго начала нравственной дѣятельности онъ не знаетъ, не ощущаетъ въ себѣ. Такимъ образомъ лукавая лѣнь и успокоиваетъ и устрашаетъ его: успокоиваетъ мыслию о малоталантливости, устрашаетъ—мыслию о предстоящей каждому рабу строгой отвѣтственности предъ господиномъ.

Если мы соединимъ всѣ указанныя черты лѣниваго и лукаваго раба въ одинъ образъ и приложимъ его къ той нравственной средѣ, въ которой намъ приходится жить и дѣйствовать, то намъ не трудно будетъ угадать, какой разрядъ людей обличаетъ Спаситель въ образѣ лѣниваго раба притчи о талантахъ. Это люди, отличающіеся иногда строгою правильностію вѣшняго благоповеденія, но въ то же время не имѣющіе внутри себя, въ душѣ своей никакихъ возвышенныхъ стремленій, не полагающіе себѣ въ жизни никакихъ задачъ, болѣе высокихъ и широкихъ, нежели отправленіе своихъ прямыхъ, непосредственныхъ обязанностей: точное исполненіе послѣднихъ, это для нихъ идеаль нравственнаго совершенства. Это люди, быть можетъ, и безъ крупныхъ пороковъ, но зато и безъ какихъ-нибудь положительныхъ добродѣтелей; они пожалуй и не обижаютъ ближнихъ, но за то и не благотворятъ имъ. Въ возрастѣ призывающемъ человѣка къ дѣятельности общественной, такіе люди стремятся всячески освободить себя отъ нея и ограничиваютъ кругъ своихъ нравственныхъ обязанностей дѣлами нравственности индивидуальной; если же обстоятельства поставятъ ихъ на службу общественную, они не идутъ далѣе строго формальнаго отношенія къ дѣлу. Общее же между всѣми такого рода рабами остается то, что всѣ они всячески избѣгаютъ трудовъ и подвиговъ, которыхъ можно избѣгать, но которые однако необходимы, неизбѣжны, если хотять полученныя отъ Бога таланты развить и усовершенить, давая имъ болѣе и болѣе широкое употребленіе и приложеніе. Страхъ, который только и побуждаетъ ихъ къ дѣятельности, конечно не можетъ внушить имъ болѣе широкой дѣятельности кромѣ той, какая необходима, чтобы не быть наказанными.

Отсюда является понятною и та чрезвычайная дерзость, съ

которою негодный рабъ предъ своего господина и оправдывается предъ нимъ въ своей лѣности. Приумноженіе талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, онъ считаетъ для себя дѣломъ второстепеннымъ, а при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, даже и невозможнымъ; потому онъ ограничивается выполненіемъ первой половины жизненной задачи—сохраненіемъ талантовъ, что, думается ему, онъ и дѣлаетъ, строго и точно выполняя свои ближайшія обязанности. До послѣдней возможности сѣзвивши кругъ своей нравственной дѣятельности и являясь въ этомъ кругу строго исправнымъ дѣлатель, человѣкъ успокоивается своею совѣстью, приходитъ къ сознанию, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ все, что отъ него требуется. Трудно разумѣется думать, чтобы на страшномъ судѣ Христовомъ, предъ лицомъ всевидящаго Судіи, какой смертный осмѣлился держать подобный дерзкій отвѣтъ, какой держитъ предъ господиномъ негодный рабъ притчи. Но тогда сердце каждаго сдѣлается нагимъ и откровеннымъ въ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ своихъ изгибахъ, и не только предъ всевидящимъ Богомъ, но и предъ его собственною совѣстью, и то, что нынѣ онъ считаетъ плодомъ страха Божія, окажется дѣломъ лѣнливой и лукавой воли. Но нынѣ, когда грѣхъ опутываетъ насъ часто самыми тонкими сѣтями, когда духъ злобы является намъ иногда въ образѣ ангела свѣта, нынѣ не странно подобное успокоеніе себя въ малодѣятельности нравственной и подобное сознание себя строгимъ исполнителемъ своего жизненнаго призванія, своихъ обязанностей предъ Богомъ и ближними. Прислушайтесь напр., какъ молится фарисей извѣстной притчи Христовой: „Боже! благодарю тебя, что я не таковъ какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ сей мытарь. Пощусь два раза въ недѣлю; даю десятую часть изъ всего, что приобретаю“ (Лк. 18, 11—12). Исполняя кромѣ закономъ установленнаго два поста, введенные обычаемъ, исправно уплачивая требуемую закономъ десятину изъ имѣнія своего, фарисей считалъ себя исполнившимъ не только все повелѣнное ему отъ Бога, но даже болѣе того,—сознаетъ за собою подвиги нравственные и готовъ требовать себѣ отъ Бога награду за вѣрную службу. На страшномъ судѣ фарисей разумѣется сознаетъ, что онъ въ земной жизни даже и не ищѣлъ

положительныхъ добродѣтелей; но здѣсь, на землѣ, онъ сознаетъ себя дѣлателемъ правды Божіей непостыднымъ. Подобнымъ же образомъ и рабъ лѣнивый и лукавый, о которомъ говоритъ притча Христова о талантахъ, сознаетъ себя честно исполняющимъ обязанности своего жизненнаго призванія, если онъ сохраняетъ вѣренный ему отъ Бога талантъ въ цѣлости, — не употребляетъ его во зло себѣ и ближнимъ и не растрчиваетъ его распутною жизнію, если онъ не притѣсняетъ, не обидѣваетъ, не обвѣшиваетъ, не убиваетъ, не грабитъ и не ведетъ порочной жизни, — словомъ, если не допускаетъ въ жизни своей преступленій закона и такимъ образомъ обладаетъ добродѣтелями отрицательными.

Образъ лѣниваго и лукаваго раба не легко уловимъ и узнаваемъ въ дѣйствительномъ своемъ достоинствѣ. Мы слишкомъ слабы и грѣшны, а потому и слишкомъ снисходительны въ сужденіи о своемъ нравственномъ состояніи. Если Господь Богъ даетъ намъ освободиться отъ крупныхъ пороковъ сердца и воли, то мы уже готовы бываемъ успокоиться своею совѣстію и признавать себя вѣрными рабами предъ Богомъ. Мы забываемъ, что даже совершенное отсутствіе зла не есть еще добро, что и совершенно освободившись отъ порочныхъ склонностей и дѣлъ, мы еще не въ правѣ считать себя добродѣтельными, что самое строгое сохраненіе талантовъ, полученныхъ нами отъ Бога, не есть еще ихъ приумноженіе. Быть можетъ, именно вслѣдствіе того, что духовный образъ лѣниваго и лукаваго раба не ясно указывается намъ немощною совѣстью нашею, — въ настоящее время въ этотъ образъ начинаетъ облекаться все большее и большее число людей. Настоящій вѣкъ обыкновенно характеризуютъ, называя его вѣкомъ утилитарнымъ, т. е. вѣкомъ, въ которомъ люди слишкомъ исключительно и односторонне стремятся къ извлеченію личной пользы, личныхъ выгодъ изъ своей дѣятельности; погоня за наживой, поклоненіе золотому тельцу, — вотъ, говорятъ, духъ нашего времени. Это совершенно справедливо къ сожалѣнію, но недостаточно. Немного нужно наблюденія, чтобы среди окружающихъ насъ людей замѣтить значительное число лицъ, которыхъ отнюдь нельзя упрекнуть въ ненасытной жаждѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній, но которыя однако далеко не блистаютъ и противоположными этой грубой страсти

добродѣтелями. Немного нужно наблюденія, чтобы замѣтить среди себя лицъ, которые идеаломъ земнаго счастья ставятъ свой личный покой и свободу отъ тревоженій публичной дѣятельности и которые, для осуществленія этого идеала, эгоистически замыкаются въ тѣсный кругъ обязанностей въ отношеніи къ себѣ самимъ; это — лица, которые, обладая достаточнымъ запасомъ и духовныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, избѣгаютъ однако всякой общественной службы, какъ сопряженной съ трудами и подвигами; дѣятельность въ направленіи къ ближнимъ ограничивается у нихъ почти только внѣшне-правильными отношеніями къ нимъ; нравственная жизнь такого рода лицъ состоитъ почти только въ такой дѣятельности, какая требуется отъ всякаго, кто бы онъ ни былъ и какое бы положеніе въ обществѣ и государствѣ онъ ни занималъ. На первый взглядъ такое поведеніе можетъ показаться достойнымъ похвалы: повидимому человѣкъ хочетъ здѣсь избѣгать разбросанности своихъ силъ среди множества и разнообразія жизненныхъ задачъ, чтобы тѣмъ удобнѣе сосредоточиться на достиженіи единаго на потребу; повидимому въ основѣ такого поведенія лежитъ смиреніе, помнящее, что въ церкви Божіей первые будутъ послѣдними и послѣдніе первыми, смиреніе, которое христіанское нравственное сознаніе полагаетъ одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей послѣдователей Христовыхъ. Такъ дѣйствительно и бываетъ. Но не всегда такъ. Иногда въ такомъ сосредоточеніи на самомъ себѣ смиреніе есть только личина, прикрывающая собою эгоизмъ и лѣность, поставляющую высшимъ счастьемъ человѣка личный покой, несвязанность никакими обязательствами и отношеніями. Еслибы въ основѣ такого поведенія лежало истинное христіанское смиреніе, то оно неразрывно было бы соединено съ христіанскою любовію, которая неминуемо вызвала бы человѣка изъ бѣдныхъ рамокъ внѣшне-правильныхъ отношеній къ другимъ и увлекла бы его, еслибы то оказалось нужнымъ, пожертвовать собою, своими силами и средствами, своимъ временемъ и покоемъ, для интересовъ и нужды общественнаго служенія. Рядомъ съ этими лицами добропорядочнаго поведенія стоятъ въ еще большемъ числѣ лица, которыхъ обстоятельства волей-неволей привлекаютъ на поприще общественнаго служенія, но которые имѣютъ одинаковую съ первыми нравственную физиогно-

мию. Это люди, которые къ дѣламъ и обязанностямъ индивидуальной нравственности присоединяютъ еще лишь очень незначительный кругъ обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ, ограничивая его самыми элементарными требованиями исправности, честности и справедливости. Но что особенно замѣчательно,—это то, что такого рода общественные дѣятели не потому такъ суживаютъ кругъ своихъ нравственныхъ обязанностей, что чувствуютъ себя безсильными стать на путь болѣе просторный и широкій, но по убѣжденію, что болѣе отъ нихъ ничего и не требуется. Встрѣчаются люди, которые любятъ хвалиться своимъ взглядомъ, что идеальныя стремленія—мечта, ребичество, несвойственныя человѣку вполне здороваго ума, или же ханжество, лицемеріе, возлагающее на другихъ бремена неудобносымыя, себя же освобождающее и отъ движенія пальцемъ для осуществленія на словахъ проповѣдуемыхъ идеаловъ, что для всякаго человѣка, дѣйствительно честнаго, достаточно исполненія его прямыхъ, непосредственныхъ обязанностей, и что исправное, точное исполненіе прямо отъ каждаго требуемаго — и есть высшая нравственная дѣйствительность. Такимъ образомъ лукавая лѣнь, ищущая личнаго покоя и съ этою дѣлю по возможности суживающая кругъ нравственныхъ обязанностей, успѣла здѣсь уже эмансипировать себя нѣкоторымъ философскимъ обобщеніемъ фактовъ бѣдной и грѣшной дѣйствительности и достигнуть, на самомъ дѣлѣ печальнаго, нравственнаго самодовольства.

Нетрудно видѣть, въ какое состояніе приходитъ нравственная жизнедѣятельность при такомъ направленіи нравственнаго сознанія. Очевидно, что здѣсь нравственный христіанскій законъ обращенъ въ законъ гражданскій; требованія внутренняго долга умалены до границъ требованій долга высшаго; свободному, безграничному закону христіанской нравственности положены предѣлы высшей правильности жизни,—и на мѣсто нравственности теплой, сердечной и смиренной, задняя забывая въ предняя простирающейся, выступаетъ нравственность умственная, сухая, холодная, самодовольная и неподвижная. Думается, что людей такой нравственности тайнозритель имѣлъ въ виду, когда отъ лица вѣчной Истины говорилъ: „знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ! Но

посланку ты теплъ, а не горячъ и не холоднъ, то извержу тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Ап. 3, 15—17).

Нѣтъ, братіе, христіанская нравственность требуетъ отъ насъ во всякомъ дѣлѣ именно добровольности, съ которою неразрывно соединено исполненіе всякой своей обязанности болѣе совершенное, нежели сколько требуетъ отъ насъ-внѣшній долгъ. Недостаточно сохранять ввѣренные отъ Бога таланты,—надобно приумножать ихъ, какъ бы малозначительна ни была мѣра ихъ, и только въ этомъ последнемъ случаѣ мы можемъ надѣяться услышать отъ Господа похвалу и одобреніе себѣ и призывъ къ участию въ радости Его божественно-славной жизни. Законъ христіанской нравственности есть совершенный законъ свободы (Іак. 1, 25),—онъ не полагаетъ границъ нашимъ силамъ и средствамъ для добра ни въ ихъ развитіи, ни въ ихъ проявленіи и приложеніи. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мѣ. 5, 48), — вотъ идеаль духовнаго совершенства, стремиться къ достиженію котораго призванъ христіанинъ. Можно ли самодовольно успокоиться, стремясь къ этому идеалу, на какой либо ступени нравственнаго совершенства (Лук. 17, 7—10)? Законъ христіанской нравственности есть законъ духа сыноположенія, а не духа рабской боязни (Рим. 8, 15), и какъ таковой—онъ есть законъ внутренній, написанный въ сердцахъ нашихъ, а не заключенный въ письмени, въ формѣ извѣстнаго числа предписаній (2 Кор. 3, 6); поэтому онъ и требуетъ отъ насъ каждый разъ стремиться стать выше, выйти за предѣлы тѣхъ обязанностей, которыя прямо предписываются и неисполненіе которыхъ влечетъ за собою кару правосудія; онъ требуетъ отъ насъ внутренняго, сердечнаго отношенія къ дѣламъ своихъ обязанностей, а не внѣшне-формальной исправности только; онъ требуетъ отъ насъ каждый разъ добровольныхъ трудовъ и подвиговъ, которые составляютъ необходимую принадлежность христіанскаго духа сыноположенія Богу и братства человечеству. Св. апостоль Навель, апостольскіе подвиги котораго представляютъ едва достигаемый образецъ христіански-нравственнаго геройства, не удовлетворялся однако этими подвигами, а стремился къ еще большому: имѣя право отъ проповѣди жить, онъ однако

проповѣдывалъ безмездно, чтобы совершать сверхъобязательное и тѣмъ снискать себѣ похвалу отъ Бога. „Если благовѣстную говорить онъ, то нечѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣстную. Ибо если дѣлаю это добровольно, то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только вѣренное мнѣ служеніе. За что же мнѣ награда? За то, что, проповѣдуя Евангеліе, благовѣстную о Христѣ безмездно, непользуясь моею властію въ благовѣствованіи“ (1 Кор. 9, 16—18). Это дѣло и слово апостольское намъ слѣдуетъ тверже помнить и чаще вспоминать, чтобы дѣйствительно направлять жизнь свою по нравственному христіанскому закону.

Теперь слово мое къ вамъ, будущіе дѣятели на нивѣ общественной и церковной. Прежде всего, не считаю нужнымъ скрывать предъ вами, что вы доставляли и доставляете вашимъ наставникамъ и воспитателямъ истинно-христіанское утѣшеніе и радость каждый разъ, какъ только до слуха ихъ доходитъ, что духъ святаго воодушевленія, обнимающій теперь всю Россію и влекущій сыновъ ея на подвиги мученичества въ борьбѣ за вѣру царя и отечества, касается и вашихъ юныхъ сердець, подвигая и васъ на возможныя для васъ жертвы, чтобы сколько-нибудь облегчить тяжкую участь больныхъ и раненыхъ воиновъ: эти жертвы ваши тѣмъ цѣннѣе предъ Богомъ, что вамъ приходится удѣлять ихъ отъ самыхъ скудныхъ средствъ своихъ, даваемыхъ вамъ родителями и родственниками на необходимое и развѣ еще иногда на малую долю самыхъ невинныхъ удовольствій, такъ что вашу малую лепту достойно назвать именно жертвою. Это приобщеніе ваше духомъ своимъ въ великомъ и святомъ дѣлѣ духу своего народа тѣмъ болѣе цѣнно предъ Богомъ, что въ этомъ случаѣ вы совершаете подвигъ нравственный, который лежитъ неизмѣримо далеко за предѣлами вашихъ прямыхъ обязанностей, такъ что этотъ подвигъ совершенно справедливо назвать добровольнымъ въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимаетъ ап. Павелъ. Впрочемъ слѣдовало ожидать этого: ваши юныя, свѣжія, отзывчивыя на все доброе и прекрасное сердца не могутъ не переживать порывовъ любви, состраданія и милосердія, а также и благодарности къ тѣмъ, которые несутъ на себѣ подвигъ мученической за общее русское дѣло. И дай Богъ

чтобы настоящее великое время, многозначительное по своимъ послѣдствіямъ для всей Россіи, не прошло для васъ даромъ, но отложило неизгладимый слѣдъ на только еще образующейся нравственной личности каждаго изъ васъ.

Но жизнь общественная еще не отворила предъ вами во всю широту дверей своихъ и не показала вамъ всю область своихъ многосложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, запутанныхъ отношеній и противорѣчивыхъ взглядовъ и стремленій; лишь небольшое оконце открываетъ она предъ вами, призывая принять участіе въ ея злобахъ, да и то лишь время отъ времени, при такихъ чрезвычайныхъ событіяхъ, какъ переживаемыя въ настоящее время нашимъ отечествомъ. Вообще же жизнь ваша течетъ пока внутри стѣнъ этого заведенія, не въ пространственномъ смыслѣ только, но и въ смыслѣ тѣхъ интересовъ, стремленій и надеждъ, которыми живетъ духъ вашъ. Вы еще только приготовляетесь къ жизни, къ жизненной дѣятельности внѣ стѣнъ вашего училища, и всѣ обязанности, какія налагаетъ на васъ это ваше положеніе, сокупаются въ одномъ словѣ: *учитесь*. И такъ, какъ вы учитесь? — вотъ въ чемъ отчетъ вы почтѣе должны отдавать предъ вашимъ нравственнымъ сознаниемъ. Учиться—это до извѣстнаго времени составляетъ для васъ единственное назначеніе жизни, исключительную жизненную задачу. И для выполненія этой задачи своей вы получили и имѣете многіе таланты: ваши природныя способности, вспооществуемыя незримо для человѣческаго глаза, по мѣрѣ вашего собственнаго усердія и трудолюбія, благодатію Божіею, — ваша школа со всѣми удобствами и приспособленіями ея къ цѣлямъ образованія, со всѣми учебными и научными средствами ея для достиженія этихъ цѣлей, ваши наставники и воспитатели и наконецъ и въ особенности самое сокровище научныхъ знаній, скопленное многотысячными усиліями и трудами всего человѣчества, — сокровище, овладѣть которымъ хотя въ самой малой мѣрѣ есть вѣстѣ и цѣль вашего настоящаго возраста и которое ваши учителя и руководители готовы открывать предъ вами болѣе и болѣе, по мѣрѣ вашего собственнаго усердія и трудолюбія и вашихъ успѣховъ въ своемъ развитіи духовномъ—по написанному: „какою мѣрою мѣрите; такую отмѣрено будетъ вамъ и прибавлено будетъ вамъ слушающимъ. Ибо кто имѣетъ, тому дано бу-

дѣть; а кто не имѣеть, у того отнимется и то, что имѣеть (4, 24—25). Съ должнымъ усердіемъ, прилежаніемъ и терпѣніемъ пользоваться всѣми этими талантами для своего духовнаго развитія и усовершенія, чтобы болѣе и болѣе овладѣвать сокровищницею научныхъ знаній,—вотъ ваша первая и главная нравственная обязанность. Не слѣдуетъ думать такъ, что служеніе Богу—одно, а ученіе—другое, нѣчто безразличное для вашего нравственнаго существа, для служенія Богу. Есть общехристіанскія нравственныя обязанности каковы напр. молитва, дѣятельная любовь къ ближнимъ, сохраненіе въ здравіи тѣла и духа своего. Но каждый человекъ сверхъ этого имѣеть свою жизненную задачу, достиженіе которой есть для него точно также нравственная обязанность, есть то, въ чемъ онъ выражаетъ свое служеніе Богу. И вотъ эту-то вамъ только подлежащую жизненную задачу и составляетъ пока возможно большее духовное развитіе себя посредствомъ ученія. Поэтому, учась съ возможно большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, вы совершаете именно служеніе Богу. И такъ, говорю, вы должны отдавать отчетъ себѣ возможно чаще въ томъ: какъ вы учитесь?

Не думаю вселить въ васъ сомнительное сужденіе о себѣ, если, своимъ искреннимъ словомъ приходя вамъ на помощь въ трудѣ сказаннаго отчета, прежде всего отдамъ должное тому дѣлу усердія вашего къ общему дѣлу своего духовнаго развитія, что у васъ есть своя особенная бібліотека, созданная, поддерживаемая и приумножаемая на ваши послѣдныя жертвы. Разумѣется, ваша ревность въ приложеніи къ этому дѣлу имѣеть въ виду собственную вашу пользу, но пользу образованія, а достигать этой пользы и составляетъ прямую вашу обязанность, какъ учениковъ. Поэтому, чѣмъ добровольнѣе и охотнѣе вы поступаете вашими маленькими средствами для поддержанія и усовершенствованія своей бібліотеки, тѣмъ болѣе нравственной цѣны имѣеть это дѣло ваше. Оно имѣеть тѣмъ болѣе нравственной цѣны, что, поступая такъ и дѣйствуя въ этомъ случаѣ совершенно добровольно, вы идете далѣе, становитесь выше того, что для васъ безусловно обязательно и чего отъ васъ требуютъ прямыя, непосредственныя ваши обязанности. Въ этомъ случаѣ, подражая великому апостолу языковъ, вы въ своей мѣрѣ въ правѣ сказать о себѣ: „если я учусь, то нечѣмъ мнѣ хвалиться;

потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ предъ Богомъ, а не людьми только, если я не учусь. За что же мнѣ похвала? Но если я дѣлаю нѣчто добровольно въ ученіи своемъ, то буду имѣть награду отъ Бога⁴.

Что же касается исполненія вами вашихъ прямыхъ обязанностей, то въ этомъ случаѣ пусть рѣшить поставленный вопросъ ваша собственная совѣсть. Я же помогу вамъ въ этомъ дѣлѣ лишь нѣкоторыми общими разсужденіями. Могутъ быть ученики, которые ведутъ себя настолько недобропорядочно, что выходятъ изъ предѣловъ требованій простаго благоповеденія, увлекаются шалостями, на которыя и расточаютъ свои природныя дарованія; могутъ быть потомъ ученики, которые проводятъ жизнь прямо безпорядочную, — разумѣется, въ предѣлахъ своего возраста. Тѣ и другіе ясно сами сознаютъ свой грѣхъ, свое нерадѣніе, беспечность въ отношеніи къ своему дѣлу, именно потому, что здѣсь нравственный недугъ возросъ до такихъ размѣровъ, когда онъ уже ничѣмъ не можетъ прикрыть своего дѣйствительнаго качества. Про этихъ несчастныхъ мало сказать, что они скрываютъ данный имъ отъ Бога талантъ, — они расточаютъ и убиваютъ его въ себѣ. Но могутъ быть ученики просто лѣнивые, лѣнивые по какой-то жалкой слабости воли, по отсутствію терпѣнія въ препобѣжденіи трудностей на пути къ извѣстной цѣли; нѣтъ терпѣнія, и они не учатся или слишкомъ слабо учатся. Эти именно скрываютъ свой талантъ, вовсе не дѣлая изъ него никакого употребленія, скрываютъ, часто и не подозревая, что вмѣстѣ съ тѣмъ они теряютъ его. Они не подозреваютъ, что и у нихъ, какъ и у тѣхъ несчастныхъ, постепенно умаляются природныя способности, потому что всякая сила, какъ при дѣятельности противной ей природѣ, такъ и при отсутствіи дѣятельности, непременно ослабѣваетъ; здѣсь оправдывается тотъ же законъ божественнаго правосудія, вложенный въ самую природу вещей, который Христосъ Господь выразилъ присловіемъ: „кто имѣетъ, тому дано будетъ; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ“. Но скрытіе даннаго отъ Бога таланта имѣетъ свои степени. Сейчасъ сказанные рабы укрываютъ его слишкомъ небрежно, такъ что ихъ можно сравнить съ лѣнивымъ и лукавымъ рабомъ притчи Христовой о минахъ, который скрылъ свой талантъ, „завернувши его въ платокъ“. Но бываютъ рабы,

хотя менѣ лѣнныя, но не менѣ лукавыя, которые зарываютъ талантъ свой „въ землю“. Вы уже теперь знаете, что къ такимъ по справедливости могутъ быть отнесены тѣ, которые при исполненіи своихъ обязанностей не идутъ далѣ формальнаго отношенія къ дѣлу, далѣ того, что безусловно обязательно, неисполненіе чего ведетъ за собою неизбѣжную кару. Бываютъ впрочемъ воспитанники, которые при своихъ малыхъ способностяхъ далѣ сего и идти не могутъ, такъ что они вполне добросовѣстно относятся къ дѣлу своего духовнаго развитія, если точно исполняютъ только прямо требуемое отъ нихъ. Но къ прискорбію не всегда такъ бываетъ. Иногда пониманіе себя мало талантливымъ бываетъ внушено лукавою лѣнностію. есть то, чѣмъ лѣнность прикрывается предъ собственнымъ нравственнымъ сознаніемъ человѣка, а внешне-строгимъ исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей онъ скрываетъ свой недугъ и отъ себя и отъ другихъ. На самомъ дѣлѣ онъ достаточно силенъ для того, чтобы самодѣтельно относиться къ дѣлу своего образованія, чтобы совершать труды саморазвитія. Но въ душѣ его нѣтъ никакихъ болѣе высшихъ интересовъ, кромѣ той училищной мѣрки, которою измѣряются его успѣхи; въ немъ нѣтъ собственно любви къ знанію, а потому въ умѣ его не рождается и никакихъ вопросовъ, которые онъ жемалъ бы разрѣшить, для разрѣшенія которыхъ онъ добровольно подвигся бы на трудъ, требующій большаго напряженія духовныхъ силъ, нежели сколько нужно для того, чтобы быть внешне исправнымъ; онъ живетъ въ духѣ рабской боязни и потому исполняетъ лишь то и настолько, что и насколько необходимо для высвобожденія себя изъ тревожнаго состоянія страха. Къ сожалѣнію, онъ дѣйствительно достигаетъ иногда самодовольнаго покоя, думая, что онъ добросовѣстно исполняетъ долгъ свой, такъ какъ въ точности исполняетъ все, требуемое отъ него. Къ сожалѣнію,—потому что на самомъ дѣлѣ и надъ нимъ во всей силѣ оправдывается законъ божественнаго правосудія, царящій надъ жизнію конечныхъ существъ: „кто имѣетъ, тому дано будетъ, а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ“. Еслибы онъ самодѣтельно относился къ усвоенію знаній, то конечно онъ пріобрѣталъ бы не только то, что познать онъ волей-неволей долженъ, но ему данъ былъ бы входъ и въ сокровищницу научныхъ знаній, и видѣть съ прі-

умноженіемъ познаній въ душѣ его все болѣе и болѣе возрасталъ бы интересъ къ познанію истины. При страдательномъ же воспріятіи преподаваемаго, никакое знаніе не прочно: лишь то знаніе прочно, которое перерабатывается въ горнилѣ нашего сознанія самостоятельною работою души; какъ тѣлесный организмъ нашъ только тогда растетъ отъ входящей въ него со вняѣ пищи, когда перерабатываетъ ея въ кровь и плоть свою,—въ противномъ же случаѣ воспріятая отъ нея пища служитъ къ подавленію его,—такъ и организмъ души нашей долженъ совершать самостоятельную переработку сообщаемыхъ знаній, чтобы обработать ихъ въ свою собственность, слить ихъ съ собою, ввести ихъ въ процессы своей постоянной жизнедѣятельности. И только такое внутреннее честное, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу духовнаго своего развитія и усовершенія достойно можетъ быть сравнено съ поведеніемъ вѣрныхъ рабовъ яричи Христовой, приумножившихъ таланты свои вдвое.

Пусть же собственная совѣсть cadaго изъ васъ рѣшитъ, къ какому разряду рабовъ Божіихъ онъ можетъ причислить себя, не уклоняя сердца своего въ словеса лукавствія.

Всѣ же, братіе, потщимся жить и дѣйствовать такъ, чтобы отъ нелицепріятнаго Судіи Бога услышать въ свое время этотъ вождѣльный для cadaго гласъ: *добръ, рабе благій и вѣрный! о малъ былъ еси въренъ, надъ многими ты поставлю! вниди въ радость Господа твоего* (Мѡ. 25, 21). Аминь.

ЧЕЛОВѢКЪ — ЦАРЬ И РАБЪ ПРИРОДЫ*).

(Окончаніе.)

Явленія, которыя мы наблюдаемъ и изучаемъ во вселенной, разсуждаетъ Катреажъ, можно свести на нѣсколько самостоятельныхъ группъ, связанныхъ извѣстными причинами по опредѣленнымъ законамъ. Къ первой изъ этихъ группъ относятся наиболѣе простыя явленія, сидерическія или астрономическія, ихъ причины и законы. Затѣмъ каждая послѣдующая группа сложнѣе предыдущей: мы найдемъ въ ней тоже, что и въ предыдущей, но сверхъ того еще новыя причины и специфическіе законы, которые, насколько это до сихъ поръ извѣстно, не сводимы на законы и причины предыдущей группы. Астрономическія явленія, происходящія въ небесныхъ пространствахъ, различныя движенія и отношенія планетъ и звѣздъ имѣютъ свою причинную связь въ тяготѣніи и его законахъ. Когда же далѣе мы изучаемъ небесныя тѣла и въ частности нашу землю отдѣльно, предъ нами открывается новая группа явленій, гдѣ тяготѣніе и его законы имѣютъ свое мѣсто, но къ нимъ присоединяются еще новыя причины и законы, по мнѣнію Катреажа несводимыя на тяготѣніе. Это—группа физико-химическихъ явленій. Специальную причинную связь этихъ явленій мы приписы-

* См. кн. „Прав. Обзор.“ за сентябрь текущаго года.

ваемъ движенію частицъ вещества и такъ-называемаго зѣира. Группа физическихъ и химическихъ явленій обнимаетъ весь неограничскій міръ. Дѣлая шагъ далѣе, въ растеніяхъ мы встрѣчаемъ новую группу явленій: ростъ, питаніе, воспроизведеніе и размноженіе, наконецъ умираніе и разрушеніе. Во всѣ эти явленія входятъ и астрономическіе и физико-химическіе законы; тѣмъ не менѣе растительныя явленія отличны отъ всего, что мы видимъ въ неограничской природѣ. Они имѣютъ свою специфическую, обособленную причинную связь, свои собственные—біологическіе законы. Но явленія растительной жизни въ свою очередь осложняются новыми, свойственными нервно-мышечной системѣ животныхъ организмовъ, — явленіями ощущенія и воли. По всему, что мы знаемъ о жизни животныхъ, слѣдуетъ думать, что въ животныхъ причинная связь происходящихъ въ нихъ явленій сложнѣе и специальнѣе, чѣмъ въ растеніяхъ, и что законы этихъ явленій не могутъ быть безъ остатка подведены къ законамъ предыдущей группы. Въ концѣ всего человекъ, находясь въ ряду всѣхъ предшествующихъ группъ, въ общей причинной связи по законамъ тяготѣнія, механической, физико-химической, растительной и животной дѣятельности, представляетъ новый классъ явленій и потому выдѣляется изъ всего существующаго въ особую группу. По мнѣнію Картофажа, человекъ отличается отъ животныхъ главнымъ образомъ не анатомически и не физиологически, даже не своимъ умственнымъ превосходствомъ, а тѣмъ, что *только* человекъ есть существо нравственное и религіозное. Ни одно животное не имѣетъ понятія о долгѣ; ни одно не имѣетъ вѣрованій въ нематеріальныя существа и не воздастъ ничему такого почитанія, которое мы назовемъ религіознымъ у человѣческихъ племенъ, стоящихъ на самой низшей, „животной“ ступени развитія.

Такимъ образомъ весь міръ явленій по Картофажу распадается на пять главныхъ группъ, связанныхъ между собою единствомъ общихъ причинъ и законовъ, но въ тоже время обособленныхъ и самостоятельныхъ. Нельзя не согласиться, если бы кто замѣтилъ, что такая группировка явленій искусственна. Но это еще не значитъ, что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку вещей и не имѣетъ научнаго значенія. Въ главныхъ своихъ чертахъ она напоминаетъ „іерархію“ или классификацію явленій

(и наука) у Конта. И какъ у Конта, такъ и у Катрежа: въ основѣ ихъ классификаціи лежатъ вѣрная научная мысль и истинно научное пониманіе основныхъ сходствъ и различій между всѣми вещами и явленіями въ природѣ. До тѣхъ поръ, пока наука не знаетъ единой сущности или причины и закона всѣхъ вещей,—всѣ материалистическія или монистическія попытки отождествить человѣка по происхожденію и жизни его съ животными, животными съ растениями, организмами съ неорганической природой, неорганическое вещество съ какими-нибудь атомами, первобытной туманной матеріей, увлекаютъ человѣка въ самую плачевную метафизику. Нѣтъ сомнѣній, что вѣзвѣстныя намъ сходства между всѣми порядками явленій показываютъ общую причинную связь во всей природѣ и въ частности между человекомъ и остальными существами, отъ малѣйшей частицы углерода, отъ одноклеточныхъ организмовъ до великихъ тѣлъ небесныхъ пространствъ. Повсюду во всей природѣ мы видимъ тяготѣніе, физико-химическую или вообще механическую дѣятельность вещества; гдѣ бы и въ какой бы формѣ мы ни ощущали и не представляли себѣ матерію и ея энергію, мы убѣждаемся въ постоянствѣ и неизмѣнности закона ея сохранения. Тѣмъ не менѣе въ общей механической связи всей природы существуютъ различія, которые далеко не поддаются однимъ механическимъ истолкованіямъ и отождествленіямъ. Во всей природѣ найдутся законы механики, но не во всей природѣ спеціальныя явленія жизни, какія мы наблюдаемъ и изучаемъ только въ растеніяхъ и животныхъ. Что касается человѣка, то и въ немъ, какъ во всей природѣ есть механика, физика, химія,—есть явленія жизни, свойственныя растеніямъ и животнымъ; но въ то же самое время онъ у всѣхъ на глазахъ и всѣмъ понятно выдѣляется изъ круга всѣхъ органическихъ существъ. Этотъ простой фактъ можно толковать различно, но отрицать нельзя никакъ. Отличительныя черты, которые по мнѣнію Катрежа отдѣляютъ человѣка отъ животныхъ, можетъ-быть недостаточны и неопредѣлены, но и онъ, при свободномъ и безпристрастномъ всестороннемъ сравненіи человѣка съ животными, выступаютъ рѣзче, чѣмъ всѣ такъ-называемыя „поразительныя сходства.“ На дѣлѣ такіа сходства между человекомъ и животными, какія любятъ выставять на видъ анатомы и физіологи, „поражаютъ“ именно

рядомъ съ ихъ различіями; по рѣзкому контрасту между человекомъ и животными. Этотъ контрастъ получаетъ полную определенность и положительность, если его выразить въ болѣе общей формѣ, чѣмъ это мы находимъ у Кэтрэжа и др. Не только въ неживой природѣ, а даже въ высшихъ животныхъ, въ такъ-называемыхъ человекоподобныхъ обезьянахъ, мы не находимъ специальныхъ явленій, свойственныхъ человеку: явленій умственного и нравственного социальнаго развитія. Оставимъ въ сторонѣ всю высоту современной науки и культуры; пусть будетъ вѣрно, что образованный европеецъ болѣе отличается отъ негра, чѣмъ негръ отъ человекоподобныхъ обезьянъ. Применимъ только тотъ простой фактъ, что между результатами воспитанія или дрессировки неглупаго дикаря и неглупой обезьяны всегда остается нѣкоторая немаловажная разница,—болѣе поразительная, чѣмъ всѣ сходныя черты въ строеніи ихъ черепа, мозга и т. д. И съ другой стороны, между предполагаемимъ *космическимъ* развитіемъ матеріальнаго міра изъ ничего во все, отъ первичнаго газа до человѣческаго организма, и *историческимъ* развитіемъ человека и человечества такая разница, предъ которою исчезаютъ всѣ сходства и теряютъ смыслъ механическія объясненія человѣческой жизни. И тѣмъ необъяснимѣе *человѣческое* положеніе человека въ ряду живыхъ существъ и во всей природѣ, чѣмъ больше въ самомъ дѣлѣ сходствъ между негромъ и обезьяной и различій между негромъ и образованнымъ европейцемъ. Дайте же мыслящимъ людямъ свободу подождать лучшихъ объясненій, не связывайте умы и совѣсти образованныхъ людей современными теоріями! Имѣетъ же какое-нибудь значеніе то обстоятельство, что самыя высшія обезьяны, ближайшія къ человеку, вмѣстѣ со всѣми низшими животными, самыя далекіи отъ человека, безразлично съ самимъ человекомъ составляютъ общій предметъ біологическихъ наукъ, но только человекъ составляетъ предметъ особой и обширной области наукъ антропологическихъ и историческихъ.

Вся современная наука, не смотря на ея величину и высоту, не встала выше своей исторіи; не обладаетъ какими-нибудь абсолютными истинами. Если же судить по исторіи науки, и въ частности по исторіи біологіи, то еще равно звѣзды съ неба брать,—считать вопросъ о происхожденіи и природѣ человека

въ главномъ рѣшеннымъ современными теоріями. На дѣлѣ нѣтъ ничего противонаучнаго въ томъ предположеніи, что человекъ, поскольку онъ животное, слагается изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ вещества и энергіи, существуетъ по одинымъ и тѣмъ же механическимъ причинамъ и законамъ, какъ и весь остальной міръ, но что въ составъ его, далеко неизвѣстный намъ, въ то же самое время входятъ элементы не метафизическіе, а реальные, которые не нарушая общей причинной связи человека съ природой, все-таки свойственны только человеку. Приблизительно также нѣтъ ничего противонаучнаго въ томъ предположеніи, что въ природѣ, не говоря уже о другихъ планетахъ и небесныхъ тѣлахъ, существуютъ элементы вещества и формы энергіи, которыя до сихъ поръ остаются намъ неизвѣстными. Напримѣръ цезій, рубидій, или галлій открыты только въ недавнее время. Формы энергіи, извѣстныя подъ именемъ гальваническихъ явленій, магнито-электрическихъ, обнаруживаются не такъ универсально какъ напр. тяготѣніе, химическія измѣненія или теплота, и сдѣлались извѣстными только въ недавнее время. И во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ наше незнаніе нисколько не нарушаетъ извѣстныхъ намъ законовъ природы, нисколько не отнимаетъ у нихъ значенія; но съ другой стороны и эти законы, а въ частности законъ сохраненія, вовсе не обязываютъ насъ заключать, что такъ какъ въ человекѣ мы не знаемъ ничего кромѣ извѣстныхъ элементовъ вещества и формъ энергіи, то въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ; или такъ какъ по естественнымъ наукамъ человекъ извѣстенъ только какъ животное, то отсюда слѣдуетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ есть только животное. Ни ходъ вещей въ действительной природѣ, ни развитіе науки, ни законъ сохраненія не нарушаются, когда научное воображеніе въ дополненіе къ химическимъ элементамъ вещества наводитъ всю вселенную эфиромъ, — веществомъ, которое называется веществомъ только условно, потому что не имѣетъ количественныхъ опредѣленій, ни величины, ни вѣса, ни фигуры. Но еслибы при дальнѣйшемъ развитіи науки пришлось исключить изъ природы эфиръ, — законъ сохраненія, если только онъ вѣренъ, не потерпитъ никакого ущерба, какъ онъ не терпитъ ущерба и съ эфиромъ. Ни наше незнаніе не вредитъ значенію вѣрныхъ законовъ природы; ни

вѣрные законы природы не мѣшаютъ быть въ природѣ тому, чего мы не знаемъ. Нѣтъ ничего противонаучнаго и противнаго закону сохранения, если предполагать на опредѣленныхъ основаніяхъ, что человѣкъ по общимъ законамъ сосуществуетъ со всѣми живыми и неживыми существами на одной и той же планетѣ, на землѣ, но съ извѣстными элементами и формами вещества и энергіи совмѣщаетъ въ себѣ свой собственный, ему только свойственный элементъ, хотя условія существованія этого элемента намъ могутъ быть мало извѣстными, а законы и вовсе неизвѣстны.

Что человѣкъ дѣйствительно не можетъ быть низведенъ съ высоты своего человѣческаго положенія и брошенъ въ общій потокъ животной жизни и механической необходимости, это прежде всего видно изъ достаточно ясныхъ признаковъ *единства* человѣческаго рода (моногенизмъ, монофилетизмъ). Еслибы было вѣрно, что человѣческія расы и племена произошли не отъ одной родоначальной семьи, а отъ многихъ (полигенизмъ, полифилетизмъ), что все человечество не одна семья, не одинъ родъ, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, — тогда само собою человѣкъ теряетъ еще одинъ и притомъ важный признакъ своей обособленности среди другихъ живыхъ существъ. Тогда несравненно легче „развѣнчать“ человѣка“ и прозвонить его отъ гипотетическихъ обезьянъ. Такъ и думаютъ полигенисты, считая внѣшнія различія между человѣческими расами и племенами, населяющими земной шаръ, существенными, родовыми, такъ что напр. негры произошли отъ однихъ первобытныхъ предковъ, а европейцы отъ другихъ. Только уже между низшими животными въ восходящей линіи будте бы все человечество имѣетъ общаго предка. Во время американской войны за освобожденіе негровъ-невольниковъ такое предположеніе было особенно на руку негровладельцамъ, потому что оно вполне оправдывало невольничество: выходило, что владѣть негромъ также непредосудительно, какъ напр. владѣть орангомъ, лошадыю или собакой.

Съ чисто научной стороны вопросъ о единствѣ или множественности человѣческаго рода, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ и малодоступныхъ для изслѣдованія, и конечно никому изъ людей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ

съ дѣломъ, не придетъ въ голову, что этотъ вопросъ рѣшенъ современной наукой или даже хотъ близокъ къ рѣшенію. Но въ кругу личныхъ научныхъ мнѣній и убѣжденій подобные вопросы рѣшаются гораздо проще. Именно благодаря относительной простотѣ научныхъ убѣжденій въ истинахъ, которыхъ въ чистой наукѣ нѣтъ, идеи полигенизма не менѣе „устарѣли“, чѣмъ и убѣжденія моногенистовъ. Еще Анаксагоръ приписывалъ происхождение деревьевъ, животныхъ и людей влажной землѣ, согрѣваемой солнечными лучами. По Анаксимандру люди происходили отъ животныхъ, измѣнившихъ свою природу. Демокритъ абдерскій производилъ людей изъ ила и воды, на подобіе червей. По Эпикуру и Лукрецію мать земля произвела на свѣтъ первыхъ младенцевъ. Зенонъ и стоики думали, что люди произошли изъ земли дѣйствіемъ теплоты, при участіи божественной силы. По Пармениду также происхождение людей приписывается влажной землѣ, и это мнѣніе раздѣляетъ наконецъ Аристотель. Но за исключеніемъ отдѣльныхъ философскихъ мнѣній древніе религиозно-космогоническіе мифы повсюду и наибольшую частію говорятъ объ одной родоначальной семьѣ человѣческаго рода. Въ XVII в. кальвинистъ Исаакъ Пейрера старался доказать на основаніи Св. Писанія, соображеній разума и историческихъ преданій, что на землѣ существовали люди до Адама, а Адамъ, по его мнѣнію, былъ родоначальникъ только однихъ евреевъ. Подобныя идеи развивались далѣе у деистовъ XVIII в. Мысль о происхожденіи человѣческаго рода отъ многихъ родоначальниковъ высказывалъ Вольтеръ, а Руссо въ своей мечтательной теоріи о первобытномъ состояніи человѣка ставилъ его въ ближайшее родство съ животными. По этому же направленію въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи человѣка пошли археологическія изысканія и догадки, особенно по древнимъ памятникамъ Египта. Новую и болѣе прочную постановку и поддержку идеи полигенизма получили въ антропологическихъ и біологическихъ теоріяхъ Вирея и Ламарка ¹⁾ и наконецъ въ наше время полигенизмъ, въ связи съ теоріей дарвинистовъ, является во всей

¹⁾ Обширное изслѣдованіе о единствѣ человѣческаго рода можно найти въ прибавл. къ изд. Твореній Св. Отц. 1852—1854. О происхожденіи человѣческаго рода см. также „Прав. Обзор.“ 1860 г., ст. В. Д. Еудрявцева.

силѣ и считается блестящимъ результатомъ, послѣднимъ словомъ новой науки.

И однако не всѣ представители новой науки, которымъ это послѣднее слово болѣе понятно, чѣмъ кому-нибудь другому, дѣлаютъ изъ слова научное убѣжденіе. Оставляя въ сторонѣ такихъ ученыхъ, не пользующихся довѣріемъ, какъ Причардъ, припомнимъ, что единство человѣческаго рода казалось наиболѣе очевиднымъ А. Гумбольдту, Оуэну, Блюменбаху, Бару, даже Лайеллю и Гексли. Къ нимъ примыкаетъ и Катрѣажъ.

Единство человѣческаго рода Катрѣажъ основываетъ главнымъ образомъ не на анатомическихъ и вообще вышнихъ отличіяхъ человѣка отъ другихъ животныхъ, особенно отъ высшихъ обезьянъ, а обращаетъ вниманіе на болѣе важные факты—измѣненія растительныхъ и животныхъ видовъ. Понятно въ самомъ дѣлѣ, что эти факты скорѣе и вѣрнѣе всякихъ отличій и сходствъ могутъ показать, на сколько и въ какихъ условіяхъ растенія и животныя способны видоизмѣняться, и возможно ли далѣе путемъ ихъ видоизмѣненій превращеніе или развитіе животнаго въ человѣка. Несмотря на нѣсколько „метафизическое“ понятіе о родахъ и видахъ, Катрѣажъ ставитъ факты, которые независимо отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ идей показываютъ, что человѣчество образуетъ на землѣ обособленную семью. Эти факты пожалуй давно извѣстны, но отъ этого они ни мало не теряютъ своего значенія. Именно, существуютъ группы растеній и животныхъ, болѣе или менѣе сходныя, близкія другъ къ другу, которыя, смѣшиваясь между собою, даютъ въ результатъ новыя растительныя и животныя формы; но эти помѣси или остаются бесплодными (гибридами), или въ ближайшемъ ряду поколѣній возвращаются къ первоначальнымъ, исходнымъ типамъ своихъ предковъ, или наконецъ не представляютъ прочихъ и опредѣленныхъ результатовъ. Между тѣмъ есть также и такія сходныя группы растеній и животныхъ, между которыми помѣси не только остаются плодовитыми, но отличаются особенною плодовитостью. Въ ихъ поколѣніяхъ также бывають случаи возврата къ типу предковъ, но дѣло на томъ не останавливается, и размноженіе смѣшанныхъ породъ идетъ далѣе. Прямой выводъ изъ этихъ фактовъ тотъ, что группы растеній и животныхъ, между которыми не происходитъ помѣ-

сей, способныхъ для дальнѣйшаго размноженія и развитія, по тому самому нельзя считать связанными единствомъ происхожденія отъ общихъ предковъ, кровнымъ родствомъ. Одна группа не смѣшивается съ другою, живетъ и размножается по определенному руслу, а если и смѣшивается случайно или искусственно, то не выходитъ ни прочныхъ, ни определенныхъ результатовъ. Отношенія сюда факты представляютъ сильное и до сихъ поръ неустранимое противорѣчье гипотезѣ происхожденія всѣхъ растительныхъ и животныхъ видовъ путемъ постепеннаго видоизмѣненія ихъ и перехода изъ одной группы въ другую. Другое дѣло тѣ группы, помѣи которыхъ уживчивы, плодовиты и развиваются въ определенные разновидности: растенія и животные этихъ группъ дѣйствительно и согласно съ началами гипотезы развитія показываютъ свое общее происхожденіе, свою родовую общность, кровное родство, какъ бы они ни были различны по своимъ внѣшнимъ признакамъ и особенностямъ. Первые группы Картоажъ и называетъ родами, а вторыя—расами. Дѣло очевидно не въ названіяхъ и неопредѣлимыхъ понятіяхъ о томъ, что такое родъ, видъ, раса и т. д., а въ томъ фактѣ, что въ предѣлахъ одной группы, или, по выраженію Картоажа, одного рода вполне возможенъ переходъ къ многообразію видовъ или расъ, тогда какъ переходъ отъ одной группы или отъ одного рода къ другой оказывается недействительнымъ.

Теперь обращаясь къ человѣческому роду мы находимъ, что со времени великихъ географическихъ открытій, съ тѣхъ поръ какъ европейцы вошли въ ближайшія, тѣсныя сношенія съ народами Америки, Африки, Азии, Австраліи и Полинезіи, всѣ происходившіе при этомъ смѣшенія различныхъ человѣческихъ расъ и поколѣній отличаются плодовитостью и способностью къ продолженію существованія видоизмѣненной. Смѣшеніе бѣлой, желтой и черной человѣческой расы одной съ другою безпрепятственно продолжается въ рядахъ пѣлыхъ поколѣній. „Опыты этого рода, справедливо говоритъ Картоажъ, такъ многообразны и такъ полны, какъ только можетъ измѣлать этого самый неутомимый и искусный экспериментаторъ.“ Сопоставляя эти факты съ тѣми, какіе наблюдаются между растеніями и животными, мы необходимо должны придти къ заключенію, что всѣ люди и африканские негры и австралийцы и жители Огненной земли и евро-

пейцы, и Ньютонъ и Печерегъ, составляютъ одну обособленную группу живыхъ существъ въ указанномъ выше смыслѣ, — родъ Батрака. Другими словами, всѣ когда-либо существовавшіе и гдѣ-либо существующіе на землѣ люди — одна *человѣческая* семья, всѣ члены которой связаны кровнымъ родствомъ только между собою, составляютъ одинъ родъ *отъ единыхъ крове*. Къ нему нѣтъ перехода отъ сосѣдняго съ нимъ рода животныхъ, какъ нѣтъ и возврата отъ человѣка въ обезьянѣ. Единный родъ человѣческій и раскоидтся уже обыкновенными научно извѣстными путями, можно сказать, на бесконечное множество различныхъ расъ и племенъ, которые мы можемъ сводить къ нѣсколькимъ или даже одному первоначальному типу.

Самое ученіе Дарвина объ измѣняемости растительныхъ и животныхъ видовъ, будучи, помимо всякихъ метафизическихъ тенденцій и преувеличеній, достаточно вѣрнымъ и научнымъ, доказываетъ полную возможность происхожденія различныхъ человѣческихъ расъ отъ одного родоначального человѣческаго предка. Мало того, признаніе единства человѣческаго рода по происхожденію составляетъ неизбежное логическое требованіе гипотезы развитія въ самой необузданной ея формѣ, въ какой развивается ее напр. извѣстный дарвинистъ до пес ризъ — профессоръ Гэккель. Въ самомъ дѣлѣ, коренную основу всей гипотезы образуетъ *единство* исходныхъ растительныхъ и животныхъ формъ, отъ которыхъ, по предположенію, „естественнымъ“ порядкомъ, путемъ послѣдовательныхъ, постепенныхъ и незамѣтныхъ измѣненій, разлилось все разнообразіе растительнаго и животнаго міра. Если допустить, что люди стали нарождаться въ разныхъ мѣстахъ, въ разные времена, отъ разныхъ родоначальниковъ, тогда нужно допустить также, что напр. кошки, львы, тигры и вообще всѣ представители кошачьяго семейства въ различныхъ странахъ нарождались независимо одинъ отъ другихъ и не имѣютъ между собою ближайшаго кровнаго родства. Очевидно тоже самое слѣдуетъ думать и о *каждой* группѣ растительныхъ и животныхъ видовъ и т. д., до самыхъ первичныхъ зародышей растений и животныхъ. Въ заключеніе всего придется признать, что въ первые моменты происхожденія жизни на землѣ живыя существа, живые организмы, пошли не отъ единаго зародыша а отъ многихъ. Какъ бы то ни было, такого рода предположе-

ние весьма естественно и можетъ быть съ успѣхомъ доказываемо во асоруиѣ современной биологической науки. Но тогда вся гипотеза развитія должна принять другой видъ: между различными растительными и животными видами не будетъ единства происхожденія, требуемаго основными началами гипотезы, и предъ глазами ученыхъ натуралистовъ окажется не цѣльная система организмовъ, связанная единствомъ происхожденія и развитія, а нѣсколько параллельныхъ, то въ высшей степени сходныхъ, то различныхъ, но независимо происшедшихъ и развившихся растительныхъ и животныхъ системъ. Короче сказать, окажется нѣсколько независимыхъ родовъ растений и животныхъ, изъ которыхъ каждый произошелъ и развивался своимъ порядкомъ, отъ своего собственнаго зародыша. При такомъ раздѣленіи гипотезы развитія самой на себя и при существующихъ познанияхъ о живыхъ организмахъ, уже едва ли можно утверждать, что то или другое растение, животное есть переходная ступень въ общемъ порядкѣ развитія, или потомокъ отдаленнаго за миллионы лѣтъ предка. Почему въ самомъ дѣлѣ можемъ мы знать тогда, что напр. волкъ и собака находятся въ близкомъ родствѣ? Что помѣшаетъ предположенію, что въ восходящей линіи отдаленные предки этихъ животныхъ произошли отъ различныхъ зародышевыхъ и вообще первичныхъ формъ, не связанныхъ кровнымъ родствомъ, а если такъ сходны между собою, то это просто объясняется одинаковыми условіями развитія ихъ изъ двухъ, совершенно независимыхъ первичныхъ зародышей, возникшихъ въ первую пору появленія жизни на землѣ? Можетъ быть въ виду этого самъ Геккель говоритъ: «согласно со всѣми предшествующими изслѣдованіями²⁾ не можетъ быть сомнѣнія, что въ широкомъ смыслѣ теорія развитія моноэмбрическая гипотеза во всякомъ случаѣ правильна». Правда, въ «тѣсномъ смыслѣ» Геккель допускаетъ и полицембризмъ и говоритъ, что моногенезисъ не слѣдуетъ понимать такъ, что будто всѣ люди произошли отъ одной пары. По мнѣнію Геккеля спрашивать о происхожденіи человека отъ одной пары также смѣшно, какъ спросить напр. отъ одной пары или отъ многихъ произошли русскіе или нѣм-

²⁾ Т.-е. изложенными въ *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Указываемое мѣсто находится на 599 стр. 6 изданія.

цы, кошки или куры. Не станемъ доказывать; что одно дѣло спрашивать о первоначальномъ происхожденіи *всего* человечества, другое дѣло — о происхожденіи *одной* племени или расы. Если „широкій смыслъ“ монотеизма, допускаемаго Геккелемъ „безъ сомнѣній“, какъ правильная гипотеза, относится ко всему человечеству, а „тѣсный смыслъ“ полигенизма ограничивается расами и племенами, тогда мы съ нимъ не станемъ спорить, и никто не будетъ задавать смѣшныхъ вопросовъ, отъ одной или многихъ паръ произшедшій нѣмцы и т. д. Но Геккель разумѣетъ совсѣмъ не то: онъ объ одномъ и томъ же предметѣ, т.-е. о первоначальномъ происхожденіи всего человечества въ широкомъ смыслѣ думаетъ одно, а въ тѣсномъ — другое. Мы и тутъ не станемъ спорить, а просто ограничимъ приложеніемъ широкаго и тѣснаго смысла къ тому же примѣру, который Геккель выставилъ смѣшнымъ: нѣмцы или русскіе, куры или кошки въ широкомъ смыслѣ конечно тоже происходятъ отъ одного корня, а въ тѣсномъ — отъ многихъ, и такимъ образомъ если „смѣшо“ спрашивать о происхожденіи ихъ отъ одной пары, то это только въ тѣсномъ смыслѣ, а въ широкомъ — нѣтъ ничего смѣшнаго. Гораздо смѣшнѣе, или по крайней мѣрѣ не понятно то, какъ въ широкомъ смыслѣ человечество произошло отъ одного корня, а въ тѣсномъ отъ многихъ.

Немаловажнымъ показаніемъ въ пользу единства человеческого рода служитъ отношеніе различныхъ языковъ къ различнымъ человеческимъ расамъ. Безъ сомнѣнія еслибы человечество дробилось на различные роды, не имѣющіе между собою кровнаго родства и единства, тогда разнообразіе языковъ совпадало бы съ разнообразіемъ этихъ родовъ. Нѣтъ никакихъ основаній и совершенно естественно предполагать, что два различныхъ и независимо развивавшихся человеческихъ рода съ самаго начала, ab origine, выработывали одинъ языкъ, или наоборотъ, одинъ родъ развилъ бы два коренныхъ образомъ различныхъ языка. Между тѣмъ въ дѣйствительности равенство языковъ и въ самомъ дѣлѣ не совпадаетъ съ разностью расъ. Напр. индогерманцы и семиты принадлежатъ къ одной расѣ, а языки ихъ представляютъ коренныя различія. Точно такъ же въ высшей степени различны языки, которыми владѣютъ племена африканскихъ негровъ, несмотря на очевидное единство

ихъ расы. За всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ вопросѣ о происхожденіи человечества на энтологическія данныя много полагаться пока еще нельзя. Видно только, что если нельзя почерпать въ нихъ прочныхъ доказательствъ въ пользу единства человеческого рода, то еще менѣе можетъ разсчитывать на нихъ противоположное предположеніе.

Вопросъ о единствѣ человеческого рода и объ особенностяхъ положенія человѣка въ природѣ этимъ не исчерпывается. Для моногенистовъ и полигенистовъ одинаково рѣшеніе его связывается съ рѣшеніемъ другаго, болѣе важнаго вопроса—о происхожденіи самаго перваго человѣка или первыхъ людей. Всякій научно знающій съ предметомъ болѣе или менѣе хорошо понимаетъ, что происхожденіе перваго человѣка для науки неразгаданная и непроницаемая тайна. Несмотря на то, эту тайну въ настоящее время покушаются «орскрывать гипотезой», что первый человѣкъ или первые люди произошли путемъ незамѣтныхъ измѣненій и послѣдовательнаго развитія въ теченіи милліоновъ лѣтъ отъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ и зумъ частности отъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Въ свою очередь обезьяны и высшія животныя вообще происходятъ такимъ же путемъ отъ низшихъ и т. д. до первоначальныхъ элементарныхъ растительныхъ и животныхъ формъ и еще дальше, до первичныхъ элементовъ всего міроздавія. Такимъ образомъ происхожденіе перваго человѣка связывается по началамъ дарвинизма съ происхожденіемъ растительныхъ и животныхъ видовъ.

Рискуя заслужить отъ своихъ собратьевъ по наукѣ репутацію обскуранта, Катрфаажъ, по его собственному выраженію, хватается быка за рога, т. е. настолько имѣетъ нравственнаго мужества и научной совѣстливости, что открыто и рѣшительно заявляетъ свое несогласіе съ дарвинизмомъ. Это несогласіе онъ основываетъ на тщательномъ спеціальному изученіи предмета. Факты и соображенія, которыя онъ приводитъ, разбирая дарвинизмъ, ясны и убѣдительны. Съ его доводами можно не соглашаться, но нельзя считать ихъ пустыми, и сколько извѣстно, послѣ появленія его книги нѣкто изъ дарвинистовъ не рѣшился сказать, что несправимый старикъ несправедливъ. Фонтъ упрекаетъ его не за то, что онъ несправедливъ къ гипотезѣ Дарвина.

на, а напротивъ за то, что Катраажъ придаетъ ей больше значенія, чѣмъ она она должна имѣть. Фогтъ какъ будто хочетъ навинтить предъ Катраажемъ дарвинизмъ тѣмъ; что ему въ частствѣ гипотезы простительны все научныя слабости. Самъ Фогтъ заявляетъ, что онъ дарвинистъ, но только потому, что наука иначе, безъ дарвинизма, не въ состояніи объяснить взаимныхъ отношеній между живыми существами вообще и человѣкомъ въ частности. Но на самомъ дѣлѣ Катраажъ такъ и смотритъ на дарвинизмъ какъ и слѣдуетъ, т. е. какъ на гипотезу, въ которой далеко не все представляетъ научную истину. Именно это онъ и старается показать, когда дѣло идетъ о происхожденіи человѣка и человѣческаго рода. Катраажъ знаетъ и признаетъ факты, показывающіе, что подъ влияніемъ борьбы за существованіе, подбора, приспособленія и наследственности животныя виды измѣняются; но онъ не находитъ достаточныхъ основаній растянуть эластическій фактъ измѣняемости животныхъ на все организмы и на всю вселенную, превратить эту измѣнимость въ безусловный принципъ природы, въ начало всехъ началъ. Катраажъ соглашается даже, что генеалогія животныхъ и человѣка, придумываемая дарвинистами, и особенно богатою фантазіей Геккеля, пожалуй возможна, только въ томъ дѣлѣ, что возможности—не факты. Катраажъ и сравниваетъ гипотетическія возможности съ действительными фактами.

Главная точка опоры, на которой держится несокрушимое убѣжденіе Катраажа въ неудовлетворительности дарвинизма, заключается въ тѣхъ же фактахъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ онъ выводитъ единство человѣческаго рода. Совершенно вѣрно, что старая такъ называемая „Естественная исторія“, т. е. ботаника и зоологія, неестественно дѣлила животныхъ и растенія на замкнутыя классы, семейства, роды и виды, такъ что весь живой міръ превращался въ мертвый зоологическій кабинетъ и гербарій съ варварскими латинскими названіями. Дарвинъ своимъ ученіемъ оживилъ все эти недвижные, педантически классифицированныя группы растеній и животныхъ, показалъ измѣчивость ихъ формъ и отпавленій, пластичность органическаго вещества. Къ сожалѣнію; какъ всегда бываетъ, дарвинисты увлеклись новымъ ученіемъ и ввали въ другую крайность, — отвергли все

границы между опредѣленными группами растений и животныхъ, такъ что послѣ этого кажется нѣтъ ничего легче и возможнѣе развитія и превращенія въ послѣдовательномъ и длинномъ рядѣ поколѣній, сказать наприимѣръ, моржа въ левретку. Катреажъ и понимаетъ эту ошибку. Онъ твердо стоитъ на томъ фактѣ, что растенія и животныя распадаются на отграниченныя другъ отъ друга „роды“, и видитъ это отграниченіе не во внѣшнихъ признакахъ, а въ физиологическихъ условіяхъ ихъ жизни, размноженія и видоизмѣненій. Какъ мы видѣли, онъ останавливаетъ вниманіе на томъ фактѣ, что группы, которыя онъ называетъ родами, смѣшиваясь другъ съ другомъ, или не даютъ потомства или это потомство въ свою очередь бесплодно и непрочное, тогда какъ группы, называемыя имъ расами одного и того же рода, способны къ разнообразнѣйшимъ видоизмѣненіямъ, подъ общимъ вліяніемъ борьбы за существованіе и т. д. Между прочимъ Катреажъ указываетъ на слѣдующее общезвѣстное обстоятельство. Насколько мы это знаемъ, а не предполагаемъ только, искусственныя расы и разновидности растений и животныхъ несравненно многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ тѣ, какія слагаются или развиваются въ дикомъ естественномъ состояніи. Другими словами, путемъ прирученія животныхъ и воздѣлыванія растений [въ организмахъ происходитъ гораздо больше видоизмѣненій, чѣмъ въ обыкновенныхъ естественныхъ условіяхъ произошло ихъ за все время нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, какое помнитъ исторія человѣчества. Потому-то, если для нехитраго искусства человѣка достаточно лишь нѣсколькихъ поколѣній, чтобы прирученное животное или воздѣланное растеніе потерпѣло важныя измѣненія въ своемъ строеніи и отправленияхъ, то для „творческой“ природы всенеуремѣнно нужны билліоны лѣтъ, — иначе не выйдетъ того, что есть, не выйдетъ ничего. Человѣкъ, особенно ученый и опытный, въ извѣстныхъ предѣлахъ изъ существующихъ организмовъ можетъ точно изъ воска выгнѣпать разнообразныя растительныя и животныя формы, поражающія насъ на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. И несмотря на то, во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ случаяхъ получаютъ только расы, новые виды, а основныхъ группъ, „родовъ“ Катреажа, человѣкъ, какъ видно, создать не можетъ. Тщетно стараются искусственнымъ путемъ смѣшать два различныхъ рода растений

и животных и получить определенный и прочный результат. Сохранение тѣхъ шаткихъ продуктовъ, каіе удается такимъ образомъ получать, требуетъ необычайнаго ухода, заботы, ловкости, — а затѣмъ всегдѣнн потомство двухъ различныхъ родовъ или остается бесплоднымъ или съ непобѣдимой склонностью возвращается къ типу одного изъ предковъ, и тѣмъ скорѣе и върнѣе, чѣмъ больше предоставить это потомство самому себѣ въ вліянію обычныхъ естественныхъ условий. Пусть Катраажъ заблуждается и впадаетъ въ метафизику, допуская своеобразное понятіе о родѣ и расѣ, — все равно, предъ нами остаются группы растений и животныхъ, которыя стоятъ именно въ такомъ отношеніи другъ къ другу, каіе съ достаточною научною основательностью показываетъ Катраажъ. Это дѣйствительное отношеніе и не согласуется съ гипотезой развитія.

Разсматривая гипотезу развитія, Катраажъ входитъ въ мелкія подробности дѣла и старается все поставить въ надлежащую ясность. Предположеніе о прохожденіи челоуѣка отъ высшихъ обезьянъ онъ разбираетъ съ анатомической, физиологической и эмбриологической стороны. Въ настоящемъ случаѣ относящіяся сюда подробности разсужденій Катраажа однако завели бы насъ очень далеко. Ограничимся только однимъ изъ его соображеній, которое имѣетъ доступно для общаго пониманія безъ особенныхъ специальныхъ разъясненій и такъ естественно, что съ перваго же раза представилось Уоллѣсу, когда онъ одновременно съ Дарвиномъ, но независимо отъ него пришелъ къ одинаковымъ предположеніямъ о происхожденіи животныхъ видовъ.

Какъ извѣстно, по прямому смыслу гипотезы развитія растений и животныхъ путемъ приспособленія, подбора и наследственности въ борьбѣ за существованіе, старыя органы совершенствуются и превращаются въ новые только въ той мѣрѣ, въ какой эти органы или вообще какія-нибудь особенности въ строеніи и отправленіяхъ живаго организма полезны въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Непосредственная польза служить единственнымъ мотивомъ развитія въ дарвинизмѣ; то, что въ строеніи и отправленіяхъ растенія или животнаго не представляетъ никакихъ выгодъ, никакихъ преимуществъ въ роковой борьбѣ за существованіе, неизбежно отживаетъ и исчезаетъ, — выражаются и исчезаютъ самыя виды растеній и животныхъ,

если имъ не удастся „естественно“ подобрать и унаследовать полезныя видоизмѣненія. Однимъ словомъ, въ случаѣ если у растений и животныхъ оказываются безполезныя, а тѣмъ болѣе вредныя органы или особенности, тогда или видоизмѣняются или исчезаютъ эти органы и особенности, или гибнутъ сами живодныя. Между тѣмъ въ действительности, въ жизни растений и животныхъ найдется немало случаевъ, когда или существуютъ или проходятъ вновь и развиваются безполезныя и даже прямо вредныя органы и особенности. Эти случаи какъ разъ съ торжествомъ выставляются противъ злосчастныхъ „спиритуалистовъ“ и теологовъ: убавутъ безполезныя или вредныя явленія въ жизни растений и животныхъ и спрашиваютъ,—гдѣ же цѣлесообразность такихъ явленій? По гипотезѣ же развитія существованіе безполезныхъ и вредныхъ особенностей въ организмахъ обращается въ пользу, въ доказательство самой гипотезы. Это существованіе „легко и естественно“ объясняется тѣмъ, что безполезныя и вредныя органы когда-то за неисчислимыя тысячи лѣтъ у отдаленнѣйшихъ предковъ были полезны и нужны, а теперь они представляютъ только унаследованный и наследственный остатокъ минувшаго состоянія организма. И такимъ образомъ по одной и той же гипотезѣ одинаково „легко и естественно“ въ теченіе милліоновъ лѣтъ, въ безчисленномъ ряду поколѣній, изъ пангуру выходитъ человекъ, т.-е. совершается капитальное преобразование организма, и въ тоже время, при этомъ чудовищномъ во времени и результатахъ преобразованіи, организмъ, въ теченіе тѣхъ же милліоновъ лѣтъ борьбы за существованіе, подбора, приспособленія и наследственности, не могъ отдѣлаться отъ безполезной и положительна вредной бездѣялицы—слѣпой кишки. Пусть такъ. Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, когда безполезныя и вредныя органы появляются впервые и развиваются далѣе, когда затѣмъ при сравненіи организмовъ оказывается, что безполезное и вредное на низшихъ ступеняхъ развитія полезно и необходимо на высшихъ. Здѣсь очевидно уже не остатокъ, унаследованный отъ минувшаго, а скорѣе запасъ, который пригодится впереди. По гипотезѣ развитія, скажемъ для примѣра, крылья развиваются у птицъ не про запасъ для будущихъ бледъ, а только въ той мѣрѣ, въ какой они полезны въ данное время, чтобы животное могло при-

способиться къ средѣ, какая его окружаетъ, и ничто бы больше шансовъ для успѣха въ борьбѣ за существованіе. И когда теперь крылья уже такъ развиты, что птица хоть сколько-нибудь можетъ пользоваться ими для повета или быстрого бѣга за добычей, или въ свою очередь отъ преслѣдователей, тогда дальнѣйшее развитіе и всевозможныя превращенія этихъ характеристическихъ птичьихъ органовъ понятны и вполне объяснимы по гипотезѣ развитія. Но когда мы возьмемъ въ расчетъ крылья въ ихъ первичномъ, зачаточномъ состояніи, когда они не только негодны для употребленія, а всего вѣрнѣе вредны въ общей экономіи организма, ищущаго въ борьбѣ за существованіе, тогда другое дѣло: выходитъ, что зачатки крыльевъ и т. д., будучи бесполезными и можетъ быть прямо вредными въ данное время своего „случайнаго“ возникновенія, все-таки остаются и выдвигаются далѣе будто про запасъ, въ залогъ будущихъ благъ. Въ виду такихъ фактовъ, что такое напр. крылья страуса или пингвина — остатокъ прежнихъ полезныхъ крыльевъ или зачатокъ будущихъ? И какое основаніе считать одно предположеніе вѣрнѣе другого? Еще необъяснѣе, въ какую силу появляются и развиваются зачатки какихъ-нибудь рѣдкихъ особенностей въ органической природѣ: напр. какъ связать съ борьбою за существованіе и т. д. появленіе и развитіе электрическихъ органовъ у электрическихъ рыбъ, когда эти органы до своего болѣе или менѣе полнаго развитія остаются непримѣнными для борьбы, незамѣтными для подбора и недоступными для приспособленія, — если только борьбѣ, подбору и приспособленію не придавать какого-нибудь метафизическаго значенія? Въ самомъ дѣлѣ, развитіе бесполезныхъ, а тѣмъ болѣе вредныхъ органовъ и особенностей у растений и животныхъ очевидно никакъ несовмѣстимо съ борьбою, приспособленіемъ и подборомъ, которые ведутъ какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ. Но что еще всего замѣчательнѣе, при всемъ этомъ наследственность бѣгаетъ во всѣхъ случаяхъ неварушимымъ, безусловно индифферентнымъ, безразличнымъ факторомъ. Въ наследство, несмотря на всѣ интересы борьбы и приспособленія, одинаково идетъ и полезное и бесполезное, и доброе и злое; наследственное преимущество одинаково ведетъ и отъ челоуѣка къ конгору, какъ отъ конгору къ челоуѣку. Наследственность можетъ быть растянута на все, что только

представляетъ рядъ преемственныхъ состояній. Потому-то — и это очень любопытно — въ настоящее время въ вопросѣ о происхожденіи и развитіи организмовъ, человѣка и всей человѣческой исторіи *абсолютно нѣтъ ничего*, чего нельзя было бы свести на принципъ наследственности. Гдѣ не беретъ ни борьба за существованіе, ни подборъ, ни приспособленіе, никакая механика, тамъ наследственность объясняетъ все, какъ *deus ex machina*, какъ абсолютная идея. Въ наследственности современные мудрецы знаютъ такое слово, что предъ ними раскрыты всѣ тайны жизни. Такой многознающій, остроумный и предприимчивый человѣкъ, какъ Гартманнъ, легко могъ бы построить цѣлую „научную“ философію наследственности, и весь міръ будетъ объясненъ тогда гораздо лучше, чѣмъ въ философіи безосознательнаго.

Нечего и говорить, что по гипотезѣ развитія органическаго явленія указанного рода необъяснимы. Но всего виднѣе это именно на человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ этого не нужно, мозгъ дикаря и вообще вся его организація превосходить мѣру той пользы, какую онъ можетъ извлекать въ своей непосредственной жизни, въ данныхъ условіяхъ окружающей его среды; напротивъ гдѣ нужно для успѣха въ борьбѣ за существованіе, организація человѣка оказывается повидимому, съ механико-дарвинистической точки зрѣнія, плохо приспособленной. Въ условіяхъ борьбы, приспособленія и подбора высшія обезьяны имѣютъ гораздо больше шансовъ на обезпеченіе существованія, чѣмъ слѣдующій за ними дикарь. По всему строю своей нервно-мускульной системы человѣкъ организованъ не для такой жизни, какую онъ ведетъ въ данномъ состояніи, рядомъ съ обезьянами, какъ рабъ природы; его организація оказалась примѣнимой къ такой жизни, идеалы которой начертываетъ научно-развитый человѣкъ, какъ господинъ, царь природы. И было бы неумышленнымъ или умышленнымъ непониманіемъ, еслибы кто здѣсь усмотрѣлъ телеологізмъ въ ненаучномъ смыслѣ. Конечно, въ наше время только одинъ упрекъ въ телеологізмѣ легче и лучше всякой основательной критики подрываетъ довѣріе къ высказываемому взгляду, когда этотъ взглядъ уклоняется отъ ходячихъ толковъ объ извѣстномъ предметѣ. Но на этотъ разъ дѣло вовсе не въ телеологическихъ толкованіяхъ органическихъ явленій, а въ простой постановкѣ

фактовъ. Эти факты на ряду со многими другими, разсматриваемыми Катрфажемъ, показываютъ, что составляя одинъ „родъ“, человѣчество не связано съ другими родами животныхъ кровнымъ родствомъ. Это конечно не исключаетъ ихъ связи и если угодно родства по происхожденію съ какой-нибудь другой сторони. Для науки нѣтъ запрета разыскивать, въ чемъ это родство, по какой или по какимъ причинамъ человѣкъ стоитъ въ ряду животныхъ какъ животное, какъ рабъ природы, и что дѣлаетъ его все-таки человѣкомъ и царемъ природы. Но для *современной* науки происхождение и развитіе человѣка и человѣчества—неразгаданная тайна. Успливаясь сорвать съ этой тайны покрывало, дарвинисты естественно то преувеличиваютъ, то искажаютъ научное содержаніе своего ученія.

Взвѣсивая разсужденія и аргументы Катрфажа, мы поймемъ, что дѣйствительно, какъ это говоритъ Фогтъ, гипотезу развитія допускаютъ единственно потому, что *иначе* наука не можетъ объяснить происхожденія и взаимныхъ отношеній живыхъ существъ и въ частности человѣка. И такъ какъ наука не можетъ объяснить, то всеобъясняющая гипотеза развитія—не наука. Къ наукѣ относятся только *факты* борьбы за существованіе, подбора, наслѣдственности и приспособленія и ихъ прямой тѣсный смыслъ; а дальнѣйшее универсальное ихъ истолкованіе остается дѣломъ личныхъ убѣжденій и симпатій, выраженіемъ извѣстныхъ научныхъ *вѣрованій и догматовъ*. Но лучше всего послушать, что говоритъ на этотъ счетъ самъ несправимый старикъ.

„Объясненіе происхожденія міра, въ которомъ мы живемъ, происхожденія окружающихъ насъ существъ и насъ самихъ очевидно составляетъ одно изъ наиболѣе общихъ стремленій человѣческаго духа. Самые цивилизованные народы и самыя дикія племена такимъ или другимъ образомъ удовлетворяли потребности въ этомъ объясненіи. Даже австралійцы, что бы тамъ о нихъ ни говорили, имѣютъ свою зачаточную космогонію, которую слышали отъ нихъ тѣ, кто сумѣлъ вызвать ихъ на разговоръ.

Сначала повсюду человѣкъ связывалъ свои космогоническія представленія съ религіозными вѣрованіями. Затѣмъ независимые умы древнихъ наиболѣе развитыхъ націй искали объясненія

природы въ ея же собственныхъ явленіяхъ. Но вслѣдствіе недостатка въ точныхъ знаніяхъ, ихъ чисто гипотетическія воззрѣнія въ существѣ дѣла не имѣютъ никакого научнаго значенія. У насъ также то, что называлось знаніемъ, смѣшивалось съ догматомъ. и космогонія основывалась на соглашеніи толкованій Библии съ преходящимъ человѣческимъ знаніемъ.

Наука въ собственномъ смыслѣ этого слова явленіе новое. Быстрота и величіе ея развитія занимаетъ одну изъ величественныхъ страницъ человѣческой исторіи. Такъ какъ она вполне опирается на опытъ и наблюденіе, то ея противорѣчіе съ ученіемъ священныхъ книгъ, имѣющихъ религіозное, а не научное содержаніе, неизбежно.

Различнаго рода обстоятельства поколебали во многихъ умахъ древнюю вѣру нашихъ предковъ. Увлекаемые общимъ потокомъ, многіе пришли къ абсолютному религіозному отрицанію. Потребность объясненія вселенной не исчезаетъ однако въ ихъ смятенной душѣ; и не вѣря больше въ Библию, они обращаются къ наукѣ.

Наука уже дала имъ величественные отвѣты въ астрономіи и геологіи. Остается органическая природа, растенія, животныя и самъ человѣкъ. Здѣсь любопытство усиливается, потребность объясненія становится болѣе настоятельной: но къ несчастію съ этой стороны опыта и наблюденія не достаетъ.

Люди, знаменитые своими познаніями и богатые воображеніемъ, подумали, что здѣсь можно обойтись и безъ опыта. Возобновляя методы греческихъ философовъ, они сочли возможнымъ объяснить міръ живыхъ существъ и всю природу, связывая нѣкоторые факты идеями, почти исключительно умозрительными. Разъ показавши на эту такъ-сказать наклонную плоскость, они легко поддались обаянію своей собственной мысли. Когда положительное знаніе, собранное вѣковымъ трудомъ ихъ знаменитѣйшихъ предшественниковъ, стѣсняло ихъ умозрѣнія, они выбрасывали его за бортъ. Они вели до конца болѣе или менѣе логическое развитіе своихъ апріорныхъ идей, а если кто не рѣшался за ними слѣдовать, награждали ироніей и презрѣніемъ.

Естественно, что эти люди встрѣчены съ живымъ одобреніемъ. Они говорили только во имя одной науки, отвѣчали стремленіямъ

вполнѣ законнымъ. Они давали теоріи, обаятельныя по ихъ широтѣ, по кажущейся точности объясненій. Они должны были такимъ образомъ увлекать за собою даже людей науки, которые нейдутъ въ глубину вещей,—нечего и говорить о массѣ, которая готова вѣрить на слово.

Препятствія, какія имъ пришлось преодолевать при построении своей теоріи, только увеличивали блескъ ихъ триумфа. Пеллагоразумные и непросвѣщенные люди напали на нихъ во имя вѣры. Научное разсужденіе выродилось въ пререкаціи; умы возбуждены; представители обоихъ лагерей считаютъ себя обязанными отрицать все, что утверждаютъ противники. Дѣло дошло до жаркихъ нападеній, и *ученые*, претендующіе на свободу мысли, показали въ свою очередь не менѣе нетерпимости, чѣмъ ихъ противники.

Однимъ можно напомнить процессъ Галилея, другимъ—теоріи Вольтера, отрицавшаго существованіе ископаемыхъ животныхъ и растений.

Но есть и такіе люди, которые не поддались увлеченію. Они остались вѣрны методу, виновнику новой науки; они заботливо сохранили наслѣдство серьезнаго и точнаго знанія, завѣщанное минувшими вѣками. И никто не имѣетъ права обвинять ихъ за то въ рутинѣ и отсталости. Они привѣтствуютъ всякій истинный прогрессъ науки не меньше, чѣмъ самые пылкіе партизаны такъ-называемыхъ передовыхъ ученій; они также охотно принимаютъ новыя воззрѣнія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти воззрѣнія опирались на опытъ и наблюденіе. Но когда предъ ними поставятъ вопросы, которые въ настоящее время, а можетъ быть и навсегда неразрѣшимы, они не колеблясь отвѣчаютъ: мы не знаемъ. Когда имъ хотятъ навязать ученія чисто метафизическія, они протестуютъ во имя опыта и наблюденія.

Я осмѣливаюсь сказать, что я всегда оставался въ рядахъ этой партіи, которой въ концѣ всего принадлежитъ будущее. Вотъ почему я во имя науки не колеблясь отвѣчаю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня о происхожденіи человека: я не знаю.

Но я не анаемствую изъ-за этого тѣхъ, которые хотятъ поступать иначе; я не порицаю ихъ за смѣлость. Изученіе вѣ-

ричныхъ причинъ привело человѣка къ научному объясненію существующаго устройства неорганическаго міра; совершенно законны попытки дать научный отчетъ въ существующемъ состояніи міра органическаго при помощи подобныхъ же причинъ. Можетъ быть эти усилія когда-нибудь и увѣнчаются успѣхомъ. Но если даже они останутся безплодными, какъ это было до сихъ поръ, они тѣмъ не меньше принесутъ свою пользу. Порывы воображенія вызываютъ новыя изслѣдованія, открываютъ новую перспективу и такимъ образомъ оказываютъ услугу истинному знанію и со стороны фактовъ и со стороны идей. Если бы Дарвинъ не былъ одушевленъ своими догадками, онъ вѣроятно не выполнилъ бы своей превосходной работы о происхожденіи 150 расъ голубей, не развилъ бы своей теоріи борьбы за существованіе и подбора.—теоріи, объясняющей столько фактовъ.

Къ сожалѣнію Дарвинъ и его послѣдователи изъ вѣрныхъ посылокъ вывели ошибочныя заключенія, воображали, что они уже объяснили то, что не поддается такому объясненію...^{а 2)}.

Нельзя лучше и съ большимъ научнымъ безпристрастіемъ очертить современное состояніе великаго вопроса о происхожденіи и развитіи органическаго міра и человѣка, чѣмъ это сдѣлалъ Катраажъ въ приведенныхъ словахъ. Въ такомъ же духѣ высказался и другой ветеранъ науки—Вирховъ въ своей извѣстной рѣчи на послѣднемъ собраніи нѣмецкихъ натуралистовъ въ Мюнхенѣ. Повидимому наступаетъ время, когда стало проходить первое увлеченіе, и въ великой научной работѣ Дарвина стали отличать то, что въ ней истинно научно, и отдѣлять тѣ элементы, которые на нашихъ глазахъ повели къ необузданной натуръ-философской поэзіи и романтикѣ, неуступающей въ своихъ размѣрахъ и результатахъ философской романтикѣ Шеллинга. Разница только въ формѣ. Совершенно справедливо говорить Дю-буа-Реймондъ относительно попытокъ представить картину и исторію происхожденія человѣка отъ животныхъ: „тѣ родословныя нашего рода, какія въ необузданномъ высокомѣрін сочиняетъ болѣе художественная, чѣмъ научно вышколенная фантазія, имѣютъ такую же цѣнность, какую въ глазахъ историче-

²⁾ L'espèce humaine p. 91—94.

ской критики имѣютъ родословныя гомеровыхъ героевъ. Но если бы мнѣ ввдумалось почитать какой-нибудь романъ, я могъ бы найти что-нибудь получше, чѣмъ исторія мірозданія“⁴⁾).

Въ послѣднее время противъ безусловнаго значенія дарвинизма и въ частности противъ ученія о происхожденіи человѣка отъ животныхъ поднимается новый рядъ фактовъ, показывающихъ древность существованія человѣка на землѣ. Палеонтологическіе остатки различныхъ органическихъ формъ и біологическія явленія, слѣды которыхъ въ этихъ остаткахъ увѣковѣчены, могутъ служить важнѣйшимъ ручательствомъ за вѣрность теорій, какія существуютъ или еще будутъ построены для объясненія происхожденія и развитія жизни на землѣ. При этомъ, прежде всего правильная группировка геологическихъ и палеонтологическихъ фактовъ по опредѣленнымъ эпохамъ и періодамъ или формациямъ имѣетъ несомнѣнную и величайшую важность для *всякаго* научнаго объясненія. Но, какъ мы видѣли, будемъ ли при этой группировкѣ считать продолжительность каждой эпохи билліонами или тысячами лѣтъ, это не прибавитъ къ нашему объясненію ничего существеннаго. Мы напр. видимъ во снѣ, что долго блуждаемъ по лѣсу, взбираемся на крутизны, видимъ разнообразныя ландшафты, усталые отъ ходьбы и тревоги останавливаемся у ручья, хотимъ напиться, но принуждены отбиваться отъ собаки нашего знакомаго, которая вдругъ напала на насъ изъ окружающей лѣсной чащи, и въ то время, какъ наконецъ мы, обезсиленные борьбой, припадаемъ къ водѣ, ядовитая змѣя кусаетъ насъ въ лицо. Мы знаемъ, что весь этотъ длинный рядъ приключеній требуетъ въ дѣйствительности по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, и многіе будутъ очень удивлены, если имъ скажутъ, что во снѣ эти приключенія испытываются только въ ту секунду, когда спящаго моментально укусила налетѣвшая муха. Но узнавши, что вмѣсто длинныхъ, томительныхъ часовъ все произошло съ нами во снѣ въ одну секунду, поймемъ-ли мы самый процессъ сновидѣній? Подобно тому для однихъ удивительно, какимъ образомъ весь міръ могъ про-

⁴⁾ Darwin versus Galiani, p. 15.—Дж-буа Реймондъ намекаетъ здѣсь на „Естественную исторію мірозданія“ Геккеля.

пройти въ теченіе семи дней, для другихъ не менѣе удивительно, какъ міръ могъ пройти въ теченіи семи и т. д. билліоновъ лѣтъ, но для тѣхъ и другихъ процессы происхожденія міра одинаково необъяснимы временемъ. Величина времени (равно какъ и пространства) въ геологіи и біологіи имѣетъ только въ высшей степени условное, относительное значеніе. Что же показываетъ относительная послѣдовательность геологическихъ и біологическихъ фактовъ во времени?

Если бы было вѣрно, что человѣкъ въ порядкѣ прошедшихъ временъ постепенно развивался изъ высшихъ животныхъ и ближайшимъ образомъ изъ обезьянъ, тогда ископаемые остатки человѣка, къ какой бы древней эпохѣ мы ихъ ни относили—за сотни или за сотни тысячъ лѣтъ, все равно должны бы быть находимы только на ряду съ остатками млекопитающихъ позднѣйшихъ періодовъ, наряду съ высшими формами, отъ которыхъ по гипотезѣ человѣкъ и происходитъ. Другими словами, ископаемые остатки человѣка должны бы быть не раньше ископаемыхъ остатковъ его мнимыхъ предковъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказалось уже, что человѣкъ не только существовалъ въ началѣ четверичной эпохи, но даже между миоценовыми пластами, слѣдовательно въ глубинѣ третичной эпохи. И кто знаетъ или можетъ предъугадать напередъ, что будутъ постепенно открывать дальнѣйшія, все „новѣйшія“ и новѣйшія антропологическія изслѣдованія?... Человѣкъ оказывается такимъ образомъ современникомъ первобытныхъ млекопитающихъ, и не будетъ ничего удивительнаго, если слѣды его существованія будутъ открыты даже во вторичной эпохѣ. Теперь само собою, что каждый шагъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, доказывающій все большую и большую относительную древность человѣка, все больше и больше долженъ рвать искусную ткань гипотетическаго ученія о происхожденіи человѣка отъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ уже жилъ въ ту пору, когда еще жили только первыя млекопитающія, отъ которыхъ онъ по гипотезѣ долженъ произойти чрезъ цѣлыя ряды переходныхъ формъ, то какимъ образомъ понятъ существованіе потомка прежде его предковъ? Не похоже-ли это будетъ на то, какъ если бы съ первымъ появленіемъ нѣсколь-

нихъ вѣтокъ яблони на нихъ немедленно появились бы яблоки, а цвѣты—послѣ? Одинъ французскій ученый антропологъ аббать Буржуа сильно заинтересованъ тѣмъ, чтобы найти рѣшительное доказательство за или противъ дарвинской антропологии, и придаетъ такое значеніе фактамъ, доказывающимъ древность человѣка, что имѣя нѣкоторыя данныя уже торопится признать несомнѣннымъ существованіе человѣка въ началѣ третичной эпохи. Катражажъ; идетъ еще дальше и относитъ существованіе человѣка ко вторичной эпохѣ. Допустимъ, что они слѣдуютъ больше влеченію сердца, чѣмъ фактамъ, хотя нѣкоторые факты у нихъ несомнѣнно есть въ основѣ ихъ предположеній. Признаемъ только то, что болѣе или менѣе общепризнано, именно—что человѣкъ во всякомъ случаѣ существовалъ въ началѣ четверичной эпохи до такъ-называемаго ледянаго періода. Но уже и въ эту пору, по самымъ принципамъ дарвинизма, едва-ли можно предполагать уже готовыми мнимыя переходныя формы отъ высшихъ обезьянъ къ человѣку. Извѣстно, что остатки человѣка, относимые по древности къ этому періоду, находятся, а остатковъ мнимыхъ предшественниковъ человѣка до сихъ поръ не найдено. Сдѣлаемъ, если угодно, и еще уступку: допустимъ, что въ началѣ четверичной эпохи человѣкъ дѣйствительно явился въ томъ порядкѣ, въ какомъ творять животныхъ дарвинисты, такъ что между обезьянами и человѣкомъ всѣ переходныя, промежуточныя ступени были заняты дѣйствительными, а не воображаемымъ живыми существами. Даже и такая уступка не достигаетъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ тотъ несомнѣнный фактъ, что остатки человѣка, относямые къ началу четверичной эпохи, носятъ явные слѣды культуры, употребленія орудій и огня. Очевидно, что по принципу невѣроятной медленности и длительности измѣненій и развитія, требуются тысячи тысячъ лѣтъ, чтобы человѣкъ изъ обезьяноподобнаго существа сдѣлался существомъ культурнымъ, предметомъ антропологии. По началамъ дарвинизма этотъ переходъ отъ высшихъ обезьянъ къ первобытному человѣку настолько великъ, что и Дарвинъ и Геккель принуждены между самыми высшими человѣкоподобными обезьянами и человѣкомъ помѣстить еще среднее, совершенно метафизическое существо—Нѣтъ о

pithekoides, или Pithekanthropus alalus. И это несмотря на то, что и различіе между австраійскимъ негромъ и обезьяной несравненно меньше, чѣмъ между негромъ и европейцемъ! Такимъ образомъ, если мы въ началѣ четверичной эпохи находимъ уже культурные остатки человѣка, то некультурный человѣкъ все-таки долженъ быть отнесенъ въ третичную и даже во вторичную эпоху къ своимъ мнимымъ сумчатымъ предкамъ. Въ концѣ всего древность человѣка, разсматриваемая съ точки зрѣнія дарвинистовъ, все-таки неизбежно ведетъ къ тому, что человѣкъ старше своихъ предковъ, началъ существовать раньше тѣхъ, отъ кого онъ по гипотезѣ долженъ произойти.

Отъ журнальной статьи было бы странно требовать болѣе точнаго, спеціальнаго и обстоятельнаго изслѣдованія вопросовъ, которымъ она посвящена. Она не имѣетъ цѣлью „рѣшить“ или представить рѣшеннымъ какой-нибудь изъ великихъ вопросовъ о происхожденіи человѣка и положеніи его въ природѣ. Но совершенно достаточно, если будетъ сколько-нибудь видно и понятно, что какъ нельзя весь міръ измѣрять однимъ человѣкомъ, какъ мѣрою всѣхъ вещей, такъ и обратно, одинъ міръ не можетъ быть мѣрою человѣка. Не все, что научно въ физикѣ, химіи, биологіи, безусловно также научно и въ антропологіи. Человѣкъ, что бы онъ о себѣ ни думалъ, что бы ни говорилъ, въ самомъ фактѣ своего личнаго и историческаго существованія двойственъ, а потому и составляетъ загадку, неразрѣшимую съ какой-нибудь одной стороны. Если бы человѣкъ былъ только тѣмъ, что есть міръ безъ человѣка, тогда нечего было бы и спрашивать, нечего и интересоваться вопросомъ, какъ онъ произошелъ и что онъ такое въ природѣ. Тогда не было бы ничего подобнаго тому, что мы считаемъ и называемъ антропологіей, и что отличаемъ отъ исторіи всего міра какъ исторію человечества. Если же теперь, какъ и всегда, человѣкъ глубоко интересуется вопросами о самомъ себѣ, то это именно потому, что человѣкъ, живя въ природѣ и выстѣ съ нею, отличаетъ себя отъ природы. Еще задолго до развитія научнаго сознанія непосредственно чувствуетъ или вѣруетъ, что онъ часть природы, рабски подчиненная порядку и теченію ея вещей, но въ то же время и возвышается надъ природой. Будучи частью, обни-

масть ее всю въ своей головѣ, въ своемъ познаніи, и властительно распоряжается ея силами и наконецъ уже успѣлъ достигнуть того, что, не имѣя крыльевъ, летаетъ за облака; не имѣя плавательныхъ органовъ, переплываетъ моря и спускается въ морскую глубину; не имѣя природныхъ орудій для копанія земли, воздѣлываетъ ее и прорываетъ тоннели; не имѣя быстрыхъ ногъ, обгоняетъ птицъ; не имѣя громкаго голоса, передаетъ свои мысли и слова за тысячи верстъ. Объедините человѣка съ природой, и его происхождение и положеніе въ природѣ не только остается нерѣшеннымъ вопросомъ, а напротивъ, рѣшеніе этого вопроса отодвигается. Дѣло въ томъ, что по „естественнымъ“ наукамъ человѣкъ не представляетъ никакихъ особенныхъ сторонъ, и то, что скажутъ о составѣ, свойствахъ и отправленіяхъ человѣческаго тѣла физикъ, химикъ и физиологъ, легко можетъ казаться и кажется полнымъ и единственнымъ знаніемъ о человѣкѣ. Физикъ, разсуждая на примѣрѣ объ устройствѣ вѣсовъ, не станетъ разсматривать какъ особой случай взвѣшиваніе человѣческаго тѣла. Физическія явленія имѣютъ мѣсто и совершаются въ человѣческомъ тѣлѣ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ тѣлахъ на свѣтѣ. Точно также химикъ или физиологу нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что человѣческое тѣло представляетъ какое-нибудь исключеніе изъ всѣхъ другихъ неживыхъ и живыхъ тѣлъ, или требуетъ какихъ-нибудь исключительныхъ научныхъ приѣмовъ для химическаго анализа и физиологическихъ изслѣдованій. Человѣческое тѣло химически разлагается точно такъ же какъ и всѣ тѣла на свѣтѣ; его фнзіологическіе процессы таковы же и изслѣдуются такъ же какъ во всѣхъ другихъ организмахъ, въ которыхъ они происходятъ. Палеонтологія также не встрѣчаетъ въ человѣкѣ ничего особеннаго или труднаго сравнительно съ другими фактами. Человѣческіе остатки и древность пластовъ, въ которыхъ они найдены или будутъ найдены, опредѣляются при помощи обыкновенныхъ и общихъ научныхъ приѣмовъ. Что касается мѣста человѣка въ ряду живыхъ существъ въ зоологической системѣ, это довольно давно не представляетъ ничего загадочнаго или темнаго. Въ нисходящемъ порядкѣ человѣкъ занимаетъ первое мѣсто; за нимъ слѣдуютъ человѣкоподобныя обезь-

яны и т. д. Въ восходящемъ порядкѣ человѣкомъ заканчивается рядъ живыхъ существъ, населяющихъ землю. Выше и совершеннѣе человѣка нѣтъ въ природѣ ни одного живаго организма. Этотъ фактъ имѣетъ одинаковое значеніе, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на человѣка. Сложимъ теперь вмѣстѣ и приведемъ въ надлежащую связь все, что въ „естественныхъ“ наукахъ извѣстно и предполагается о человѣкѣ,—получимъ ли мы цѣлаго, живаго человѣка какъ мы его знаемъ, какъ онъ намъ данъ въ постоянномъ историческомъ и современномъ *опытѣ*? Со всѣхъ сторонъ разсматриваемыхъ натуралистами, человѣкъ такое существо, которое ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда другихъ организмовъ, составляетъ только крайнее ихъ звено, закованъ въ одну и ту же рабскую цѣпь естественной необходимости. Еслибы человѣкъ былъ только физико-химическимъ тѣломъ, имѣющимъ высокую организацію и поставленнымъ въ условія природы и соціальной жизни, тогда всѣ спеціальныя антропологическія вопросы теряютъ всякую обособленность, трудность, лишаются всякой знаменательности и всякаго интереса. Мы уже и видимъ, какъ въ самомъ дѣлѣ легко натуралисты раздѣляются съ вѣковыми задачами самопознанія. Между тѣмъ вопросъ именно въ томъ, какииъ образомъ или почему происхожденіе человѣка и положеніе его въ природѣ все-таки имѣетъ свое особенное значеніе и не теряетъ его даже при тѣхъ теоріяхъ, которыя „развѣнчиваютъ“ человѣка. Неужели *безъ реальныхъ* основаній, данныхъ въ самой природѣ, какъ она есть, а не какъ представляется, вопросъ о происхожденіи человѣка и о положеніи его въ природѣ занималъ и занимаетъ *самого же* человѣка въ теченіи всей исторіи его развитія и до нашихъ дней? Неужели человѣческое въ человѣкѣ и его исторіи въ концѣ всего призракъ, а животное, механическое — единственная реальная основа его существованія, умственнаго, нравственнаго и соціальнаго развитія и преусуспѣянія?

Неудивительно, что въ виду явно метафизическихъ результатовъ естественно-научной антропологии такіе ученые какъ Катроажъ, равно какъ и всякій самостоятельно мыслящій, а тѣмъ болѣе еще и вѣрующій человѣкъ, сопротивляется сильному давленію современной умственной атмосферы. Но съ другой

стороны. если представить во всемъ объемъ опьяняющіе успѣхи современной науки и ея практическихъ приложений, если отчетливо разсудить, что и на высотѣ царственнаго величія, до какого теперь достигъ человѣкъ силою науки, наука все-таки безонльна освободить его вполне отъ рабства природѣ и заглушить въ немъ рабскіе инстинкты,—для насъ тоже не будетъ удивительнымъ, когда мы увидимъ, что человѣкъ, по своему уму и развитію царь природы, ведетъ себя или учитъ о себѣ какъ рабъ, который въ чести сый не разумѣ.

П. МНОСЛАВСКІЙ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА И РАЗНЫЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА ПОЛЬЗУ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ *).

Средства святѣйшаго Синода и расходы на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній не обнимаютъ собою всѣ потребности сихъ послѣднихъ, и удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, по смыслу учебныхъ уставовъ, должно быть относимо на мѣстные въ епархіяхъ способы, изыскиваемые самимъ духовенствомъ. Минувшій годъ представилъ немало новыхъ свидѣтельствъ ревностнаго исполненія духовенствомъ возложенной на него обязанности въ семъ отношеніи и его неослабнаго стремленія содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, содержанію и благоустройству епархіальныхъ учебныхъ заведеній, особенно же ввѣренныхъ ближайшему его попеченію низшихъ духовныхъ училищъ.

Какъ замѣчательный фактъ дѣятельности духовенства на пользу учебныхъ заведеній за минувшій годъ, должно быть прежде всего отмѣчено открытіе общежитія для своекоштныхъ учениковъ Нижегородской семинаріи, которое отеческою попечительностію мѣстнаго преосвященнаго, при живомъ участіи духовенства, поставлено въ положене обезпеченное и благоустроенное во всѣхъ отношеніяхъ. Для общежитія приобрѣтенъ домъ, на покупку котораго святѣйшимъ Синодомъ выдана была Нижегородскому духовенству ссуда въ количествѣ 35,000 р. съ разсрочкою уплаты на десять лѣтъ. Какъ уплата этого долга, такъ устройство и самое содержаніе общежитія отнесены на доходы съ существующаго въ Нижегородской епархіи завода для выдачи церковныхъ свѣчей и на другіе мѣстные источники, изысканные духовенствомъ. Въ случаѣ же недостатка епархіальныхъ средствъ на покрытіе всѣхъ расходовъ по содержанію общежитія, родители живущихъ въ немъ воспитанниковъ обязались пополнять недостающую сумму, сколько придется по раскладкѣ на

*) Извлеч. изъ отчета г. Оберъ-прекурора св. Синода за 1876 г.

каждаго воспитанника, но не свыше 25 руб. въ годъ. Воспитанники семинаріи принимаются въ общежитіе или полными епархіальными пансіонерами, пользующимися вѣсьмъ содержаніемъ въ ономъ безъ всякаго взноса, или въ качествѣ непополныхъ пансіонеровъ, дѣлающихъ взносъ по 55 р. въ годъ и пользующихся изъ епархіальныхъ средствъ только добавочнымъ вспоможеніемъ въ размѣрѣ, необходимомъ для ихъ полнаго содержанія. Какъ тѣ, такъ и другіе воспитанники пользуются въ общежитіи содержаніемъ, совершенно одинаковымъ съ казеннокоштными воспитанниками. Такимъ образомъ общежитіе, открытое при Нижегородской семинаріи, дляждаго поступающаго въ него воспитанника имѣетъ значеніе учрежденія благотворительнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть и учрежденіе воспитательное. Для лучшаго достиженія воспитательныхъ цѣлей признано необходимымъ, чтобы всѣ вообще воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, *обязательно* поступали въ общежитіе; — исключеніе сдѣлано лишь для воспитанниковъ, имѣющихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ родителей или ближайшихъ родственниковъ. Для ближайшаго надзора за поведеніемъ и для руководства воспитанниковъ въ этомъ отношеніи, а также для содѣйствія имъ въ приготовленіи уроковъ, положено имѣть при общежитіи двухъ надзирателей изъ наличныхъ наставниковъ семинаріи, съ вознагражденіемъ изъ епархіальныхъ суммъ по 350 р. каждому, сверхъ квартиры съ отопленіемъ. Въ томъ же случаѣ, если никто изъ наличныхъ наставниковъ не изъявитъ согласія принять на себя должность надзирателя, наблюденіе за поведеніемъ воспитанниковъ въ общежитіи предположено поручать помощнику инспектора и одному надзирателю изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи. При открытіи общежитія, совершившемся 12 сентября 1876 года, въ него принято полными епархіальными пансіонерами 149 воспитанниковъ и только два воспитанника неполными пансіонерами т.-е. со взносомъ по 55 р. въ годъ; за симъ изъ общаго числа своекоштныхъ учениковъ семинаріи лишь 28 остались на жительствѣ у своихъ родителей или ближайшихъ родственниковъ. Вообще, по своему устройству открытое при Нижегородской духовной семинаріи общежитіе есть учрежденіе образцовое въ своемъ родѣ, и нельзя не желать, чтобы примѣръ духовенства этой епархіи нашелъ подражаніе и въ другихъ епархіяхъ.

Весьма значительныя жертвы на пользу мѣстныхъ духовно-

учебныхъ заведеній принесены въ минувшемъ году духовенствомъ Курской епархіи. Для приведенія сихъ заведеній въ положеніе, соотвѣтствующее новымъ уставамъ, означеннымъ духовенствомъ собрано изъ разныхъ источниковъ свыше 45,000 р. На содержаніе духовно-учебныхъ заведеній Тверской епархіи, еще не получившихъ преобразованія по новымъ уставамъ, но уже приведенныхъ въ соотвѣтствующее имъ положеніе, духовенство употребило изъ мѣстныхъ источниковъ до 12,000 руб. Духовенствомъ Московской епархіи приступлено къ составленію фонда для удовлетворенія нуждъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній и на этотъ предметъ въ минувшемъ году поступило отъ церкви епархіи 7,503 р. и отъ причтовъ 5,760 р.; независимо отъ сего, монастырями Московской епархіи въ пользу мѣстныхъ семинарій и училищъ пожертвовано 21,250 рублей. Духовенствомъ Костромской епархіи обращены были заботы на улучшеніе и расширеніе помѣщеній для духовно-учебныхъ заведеній. На мѣстныхъ средства имъ выстроенъ въ г. Костромѣ каменный двухъ-этажный домъ для общежитія своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи: на каковой предметъ употреблено свыше 50,000 р.; для Костромскаго училища куплею обширный и прочно устроенный домъ, который въ настоящее время и приспособляется къ помѣщенію заведенія; въ г. Макарьевѣ также приводима была къ окончанію постройка и внутренняя отдѣлка каменнаго дома для помѣщенія духовнаго училища съ общежитіемъ для учениковъ и квартирами для воспитателей; независимо отъ сего составлялись соображенія и изыскивались средства къ устройству зданій для училищъ съ общежитіями въ училищныхъ округахъ Галичскомъ, Кинешемскомъ и Солигаличскомъ. Устройство общежитій для учениковъ было озабочено и духовенство Черниговской епархіи. Впредь до окончанія начатой уже постройки дома для Черниговскаго духовнаго училища, въ минувшемъ году нанятъ окружнымъ духовенствомъ домъ, срокомъ на три года, въ которомъ и открыто общежитіе на 60 человекъ, принятыхъ въ оное со взносомъ уменьшенной платы за содержаніе. Къ устройству общежитія приступило въ минувшемъ году и духовенство Стародубскаго училищнаго округа. Озабочиваясь улучшеніемъ положенія учениковъ училищъ, духовенство Черниговской епархіи оказало пособіе къ содержанію и бдѣльнѣйшихъ учениковъ семинаріи, назначивъ на этотъ предметъ до 700 р. Духовенствомъ Минской и Могилевской епархіи изысканы сред-

ства на особые расходы по мѣстнымъ семинаріямъ. Въ видахъ усиленія надзора за поведеніемъ учениковъ Минской семинаріи, при ней учреждена должность помощника инспектора, на каковой предметъ епархіальнымъ сѣздомъ духовенства назначено 700 р., въ томъ числѣ 360 р. изъ средствъ редакціи мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей и 340 р. изъ средствъ самаго духовенства. Сверхъ сего тѣмъ же сѣздомъ назначено къ ежегодному отпуску изъ епархіальныхъ средствъ по 100 р. на пополненіе книгами ученической библіотеки въ семинаріи. Сѣздомъ духовенства Могилевской епархіи назначено изъ мѣстныхъ средствъ жалованье по 300 р. въ годъ особому надзирателю за воспитанниками семинаріи, живущихъ въ побернардинскихъ зданіяхъ. Духovenство Кавказской епархіи и въ отчетномъ году продолжало начатое имъ въ предшествовавшіе годы улучшение быта какъ служащихъ, такъ и учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи. На общемъ сѣздѣ духовенства этой епархіи, бывшемъ въ апрѣлѣ минувшаго года, положено—установленное сѣздомъ 1875 г. правило о производствѣ добавочнаго содержанія преподавателямъ Ставропольскаго духовнаго училища распространить на всѣхъ преподавателей духовныхъ училищъ епархіи, не исключая смотрителей, ихъ помощниковъ и учителей приготовительнаго класса (кромѣ учителей чистописанія и пѣнія), и производить имъ, начиная съ 1876—7 учебного года, добавочное содержаніе: по выслугѣ трехъ лѣтъ—по 100 р., шести лѣтъ—по 200 р. и десяти лѣтъ—по 350 р. Сѣздомъ духовенства Екатеринодарскаго училищнаго округа постановлено приобрести покупкою на мѣстные средства за 30,000 р. домъ для устройства общежитія учениковъ и увеличенъ окладъ содержанія бѣдныхъ воспитанниковъ, пользующихся епархіальными пособиями, на каковой предметъ назначено по 425 р. въ годъ. Въ Моздовскомъ училищѣ увеличено число вакансій воспитанниковъ содержимыхъ на мѣстныхъ епархіальныхъ средства.

Удовлетворяя нужды семинарій и мужскихъ духовныхъ училищъ и содѣйствуя благоустройству сихъ заведеній, духовенство многихъ епархіи съ неменьшимъ усердіемъ продолжало свою дѣятельность и на пользу епархіальныхъ женскихъ училищъ. Такъ, духовенство Смоленской епархіи назначило на содержаніе мѣстнаго женскаго училища, преобразованнаго въ минувшемъ году изъ трехкласснаго въ шестиклассное, по 9.785 р. въ годъ (въ дополненіе къ 2.000 руб., ассигнуемымъ изъ суммъ

Святѣйшаго Синода, 700 руб.; назначаемымъ изъ епархіальнаго почительства, и къ процентамъ на имѣющійся училищный капиталъ въ 1.045 р.). На пріобрѣтеніе дома для преобразованнаго же въ минувшемъ году Симбирскаго епархіальнаго училища духовенствомъ употреблено 21.000 руб.; каковой расходъ покрытъ единовременнымъ взносомъ изъ церковныхъ доходовъ епархіи по 23¹/₄, съ рубля. На содержаніе Полтавскаго женскаго училища въ минувшемъ году израсходовано изъ мѣстныхъ средствъ епархіи до 25.711 рублей и сверхъ того на постройку вторыхъ этажей надъ двумя флигелями училища употреблено до 2.400 р. Для помѣщенія двухъ параллельныхъ отдѣленій при Черниговскомъ женскомъ училищѣ и для устройства общежитія воспитанницъ нанятъ на мѣстныя средства сосѣдній съ училищемъ домъ съ флигелемъ для столовой и кухни за 800 р. въ годъ. Значительныя пожертвованія принесло въ минувшемъ году духовенство Кавказской епархіи на пользу мѣстнаго женскаго училища. На общепархіальномъ съѣздѣ Кавказскаго духовенства постановлено: а) увеличить число воспитанницъ, содержащихся на средства епархіи, съ 80 до 60 и на этотъ предметъ назначить 3.510 р.; б) открыть при училищѣ пріготовительный классъ съ 10 вакансіями для бѣдныхъ воспитанницъ, содержащихся на епархіальныя средства, и на содержаніе его назначить 2.400 р. въ годъ; в) ассигновать сумму въ 200 руб. для выдачи наградъ достойнѣйшимъ по поведенію и успѣхамъ воспитанницамъ; д) увеличить жалованье законоучителю училища по должности инспектора классовъ до 300 руб. (вмѣсто 150 р.) и назначить ему квартирныхъ 300 руб., съ тѣмъ чтобы онъ посвятилъ себя исключительно на службу училищу; священнику, совершающему богослуженія въ училищной церкви, и дѣлопроизводителю при совѣтѣ назначить добавочнаго содержанія по 200 руб. каждому въ годъ и сверхъ того выдавать дѣлопроизводителю по 100 р. на наемъ писца. Озабочиваясь открытіемъ епархіальнаго женскаго училища, духовенство Пермской епархіи дѣятельно продолжало начатый съ 1870 г. сборъ пожертвованій на этотъ предметъ. Въ минувшемъ году собрано имъ до 4.700 р., а весь капиталъ, предназначаемый на устройство училища, возросъ до 28.800 р. Въ видахъ скорѣйшаго приведенія этого дѣла къ окончанію, весьма желательному для духовенства, на епархіальномъ съѣздѣ, бывшемъ въ августѣ отчетнаго года, положено, начиная съ 1877 года, увеличить взносъ изъ кружечныхъ, кошелековыхъ и арендныхъ доходовъ всѣхъ церквей епархіи до

3%, (вмѣсто вѣдмарщагося доселѣ 1%). Между тѣмъ, чтобы нынѣ же дать возможность большому числу сиротъ и дочерей бѣдныхъ лицъ духовнаго званія получить образованіе, тѣмъ же съѣздомъ духовенства постановлено: въ училищахъ при женскихъ монастыряхъ Кунгурскомъ и Екатеринбургскомъ назначить, сверхъ имѣющихся въ нихъ 120 вакансій, еще 20 вакансій (по 10 въ каждомъ училищѣ) для двѣцѣ-сиротъ и дочерей бѣдныхъ родителей и на содержаніе ихъ отпустить потребную сумму изъ процентовъ съ капитала, собраннаго на учрежденіе епархіальнаго женскаго училища.

Изыскиваемыя и приносимыя духовенствомъ средства на потребности духовно-учебныхъ заведеній для нѣкоторыхъ изъ нихъ восполнялись пожертвованіями отъ лицъ, сочувствующихъ успѣхамъ духовнаго образованія. Наиболее замѣчательныя изъ такихъ пожертвованій, простирающіяся въ общей сложности до 57.276 руб., сдѣланы въ минувшемъ году на учрежденіе стипендій въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ.

Членъ Святѣйшаго Синода, придворный протоіерей Рождественскій пожертвовалъ 5.000 руб. на учрежденіе стипендій въ С.-Петербургской духовной академіи. Въ Подольской духовной семинаріи учреждена стипендія имени архіепископа Холмска-Варшавскаго Леонтія, въ память служенія его на Подольской архіерейской кафедрѣ, на проценты съ пожертвованнаго духовенствомъ сей послѣдней епархіи и свѣтскими лицами капитала въ 2.418 руб. Ярославское городское общество собрало по подпискѣ капиталъ въ 1.390 руб. на учрежденіе, изъ процентовъ съ него, въ Ярославской духовной семинаріи стипендіи имени архіепископа Дмитрія (нынѣ Волынскаго), въ память служенія его на Ярославской кафедрѣ. Потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, киржачскимъ 1-й гильдіи купцомъ Соловьевымъ пожертвованъ капиталъ въ 2.000 рублей на учрежденіе во Владимірской духовной семинаріи стипендіи имени тамошняго архіепископа Антонія. Духовенство Рижской епархіи собрало и пожертвовало капиталъ въ 2.200 руб., на утрежденіе въ мѣстной семинаріи стипендіи имени бывшаго генераль-губернатора прибалтійскаго края генераль-адъютанта Альбединаскаго. Въ Тобольской духовной семинаріи учреждена стипендія имени бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири генераль-адъютанта Хрущева на собранный для сего въ Тобольской губерніи капиталъ въ 1.813 р. На проценты съ пожертвованнаго духовенствомъ и лицами другихъ сословіи Во-

логодской епархіи капитала въ 1.280 р. учреждена въ мѣстной духовной семинаріи стипендія имени епископа, нынѣ рязанскаго Палладія, въ память служенія его на Вологодской архіерейской кафедрѣ. Въ Киевскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ учреждено семь стипендій имени умершаго протоіерея Тимофея Сухобрусова (бывшаго ключаря Кіево-Софійскаго собора) на проценты съ капитала въ 17.095 р., вырученнаго отъ продажи дома, который завѣщанъ Сухобрусовымъ на воспитаніе сиротъ-дочерей духовенства. На учрежденіе въ Одесскомъ женскомъ училищѣ (что при Архангело-Михайловскомъ монастырѣ) стипендіи имени архіепископа Дмитрія, нынѣ волынскаго, въ память служенія его на херсонской кафедрѣ, духовенствомъ этой епархіи собрано и пожертвовано 5.000 р. Въ женскомъ училищѣ при С.-Петербургскомъ Александроневскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго вѣдомства учреждены двѣ стипендіи имени преосвященнаго митрополита с.-петербургскаго Исидора, въ память исполнившагося (5 сентября 1875 года) 50-ти лѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, на счетъ ассигнуемыхъ ежегодно С.-Петербургскою городскою думою 200 р. Въ память того же событія учреждено шесть стипендій имени преосвященнаго митрополита Исидора,—три въ Деревяницкомъ, двѣ въ Державинскомъ женскихъ училищахъ и одна въ Боровичскомъ мужскомъ духовномъ училищѣ (Новгородской епархіи),—на проценты съ капитала 9.350 р., пожертвованнаго новгородскимъ епархіальнымъ духовенствомъ (6.350 р.) и тамошнимъ архіерейскимъ домомъ (3.000 р.) Въ женскихъ училищахъ Деревяницкомъ и Державинскомъ учреждено по одной стипендіи имени священника Милова, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала въ 2.400 р. Сверхъ того въ Деревяницкомъ училищѣ учреждены двѣ стипендіи,—одна имени священника Ковалевскаго, на счетъ пожертвованныхъ имъ 1.500 р., и другая имени купца Михаила Смирнова, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала въ 1.000 р. Двумя неизвѣстными лицами пожертвованъ капиталъ въ 1.000 р. (билетами Козловскаго городскаго общественнаго банка) на учрежденіе въ Тамбовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ стипендіи имени преосвященнаго Палладія (Раева), нынѣ епископа рязанскаго, въ память служенія его на Тамбовской кафедрѣ. Въ Тобольскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ учреждены двѣ стипендіи имени архіепископа Варлаама (бывшаго тобольскаго), на проценты съ пожертвованнаго преосвященнымъ на сей предметъ капитала въ 2.020 р. Въ пріютъ-училищѣ при

Вологодскомъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ учреждена стипендія имени купца Леденцова для сироты или дочери бѣдныхъ родителей духовнаго званія, на проценты съ завѣщаннаго Леденцовымъ капитала въ 1.000 р.

Сверхъ поименованныхъ пожертвованій на учрежденіе стипендій, сдѣланы съ подобною же благотворительною цѣлію пожертвованія въ пользу Кавказскаго епархіальнаго женскаго училища и Пешехонскаго мужскаго училища. Въ первое изъ сихъ заведеній преосвященный кавказскій Германъ пожертвовалъ (въ память матери своей Александры Бриллиантовой) 2.500 р., съ тѣмъ чтобы деньги эти навсегда составляли неприкосновенный капиталъ, и чтобы право распоряжаться процентами съ онаго до смерти преосвященнаго оставалось за нимъ, а по кончинѣ его распоряжался ими училищный совѣтъ, употребляя ихъ на содержаніе въ училищѣ одной изъ наиболее достойныхъ сиротъ духовенства Кавказской епархіи. Въ Пешехонское училище пожертвовано настоятелемъ тамошняго Адрианова монастыря, игуменомъ Паисіемъ 500 р., съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ съ этой суммы дѣлались вспоможенія бѣднѣйшимъ ученикамъ училища.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Недавно газеты сообщили о подготовленіи важной реформы относительно низшихъ духовныхъ училищъ. Свѣдѣнія по этому предмету, почерпнутыя изъ вполне достовѣрнаго источника, нынѣ подтверждаются и самое дѣло становится на прочный путь, какъ сообщаетъ объ этомъ *Церковно-Общественный Вѣстникъ*.

Реформа касается возведенія духовныхъ училищъ на степень среднихъ учебныхъ заведеній, со всѣми принадлежащими послѣднимъ правами и преимуществами, — другими словами: духовныя училища становятся низшими классами духовныхъ семинарій въ томъ же смыслѣ, какъ прогимназіи составляютъ низшіе классы гимназій, такъ что воспитанники духовныхъ училищъ будутъ переводиться въ 1-й классъ семинарій безъ повѣрочнаго испытанія, а только на основаніи окончательнаго экзамена въ самомъ училищѣ. Равнымъ образомъ, всѣ служащіе въ училищахъ получаютъ одинаковыя съ учителями семинарій служебныя права и одинаковое денежное содержаніе. Такимъ образомъ учителя будутъ получать по 700 р., а по истеченіи пятилѣтія

до 900 р. жалованья въ нормальные уровни, причемъ занятія въ параллельныхъ классахъ дадутъ имъ право еще на добавочное содержаніе соответственно количеству лишнихъ уроковъ. Замѣтъ смотритель училища будетъ получать жалованья 1.200 р., а помощникъ смотрителя 1.000 р., оба при казенной квартирѣ и отопленіи.

Цѣль предполагаемой реформы заключается въ томъ, чтобы привлечь къ занятію должностей въ училищахъ лицъ съ академическимъ образованіемъ и чрезъ-то поднять учебный уровень этихъ заведеній до степени среднихъ учебныхъ заведеній. Мысль объ этомъ существовала давно, такъ какъ неудовлетворительная постановка духовныхъ училищъ ежегодно заявляла о себѣ въ фактъ непріема въ семинарію значительнаго количества воспитанниковъ училищъ, по недостаточности ихъ учебной подготовки, а это въ свою очередь отзывалось весьма тягостно на молодыхъ людяхъ и ихъ родителяхъ: послѣдніе положительно не знали, что дѣлать со своими дѣтьми. Къ сожалѣнію этому мѣшали различныя затрудненія, преимущественно матеріальнаго свойства. Тѣперь же, благодаря энергіи духовно-учебнаго ведомства, всѣ затрудненія устраняются: духовныя училища становятся просеминаріями (хотя и безъ усвоенія этого названія); учебный уровень ихъ возвышается; училищныя должности получаютъ вполне удовлетворительную матеріальную обстановку; воспитанники духовныхъ академій находятъ для себя мѣста, въ которыхъ до сихъ поръ чувствовался столь тягостный для нихъ недостатокъ; воспитанники училищъ болѣе гарантированы относительно удовлетворенія требованій семинарской программы, и слѣдовательно болѣе обезпечены въ своей судьбѣ. Вообще духовныя училища становятся такими образовательными центрами, особенно въ уѣздныхъ городахъ, которые послужатъ съ одной стороны замѣною недостающихъ этимъ городамъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, съ другой однимъ изъ средствъ для столь желательнаго сближенія между духовенствомъ и обществомъ.

Что касается до денежныхъ средствъ, на которыя предполагено произвести эту важную реформу, то для этого имѣется въ виду возвысить нынѣ существующій ежегодный процентный сборъ съ церкви съ 21% до 25%. Какъ ни нежелательно было бы вообще облагать церкви, и безъ того обремененныя, новыми сборами, но духовенство на этотъ разъ не пожалѣетъ новыхъ расходовъ, такъ какъ дѣло идетъ о самомъ насущномъ для него

вопросъ—воспитаніи и будущей судьбѣ его дѣтей, а развѣ притѣять болѣе дѣйствительныя и въ тоже время крайне необходимы мѣры противъ свѣвольничанья церковныхъ старостъ, да подвергнетъ ихъ дѣйствію строжайшему контролю, ибо въ социальную запусканіе тапы въ церковные кошельки—явленіе далеко не рѣдкое среди этихъ блюстителей церковныхъ интересовъ. Можно было бы считать обязательнымъ процентный взносъ для монастырей, къ социальнѣю оставленныхъ свободными отъ этого необходимаго взноса, или обратитъ на усиліе училищныхъ средствъ пособіе, совершенно напрасно выдаваемое монастырямъ изъ казны и составляющее почтенную цифру около 400.000 рублей. Но повидимому наше церковное управленіе не сочувствуетъ этимъ послѣднимъ двумъ мѣрамъ, и потому приходится довольствоваться и тѣмъ что есть, въ ожиданіи мнѣнія нашихъ официальныхъ взглядовъ на монастыри. (*Церков.-Обществ. Вѣстн.*)

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ.

Юрій Арнольдъ. Die alten Kirchenmodi historisch und akostisch entwickelt. Verlag v. Kahnt im Leipzig. (Дравніе церковныя гласы въ историческомъ и акустическомъ развитіи).

Имя г. Арнольда, какъ знатока музыки и учредителя музыкальныхъ классовъ, хорошо извѣстно въ Москвѣ въ числѣ не немногихъ у насъ теоретиковъ этой отрасли искусства. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ, если не ошибаемся, онъ предпринялъ намѣреніе познакомить любителей церковной музыки съ главными основаніями гласоваго пѣнія и предложилъ съ этою цѣлію нѣсколько общедоступныхъ бесѣдъ. Теперь г. Арнольдъ является съ новымъ трудомъ по этой части, изданнымъ въ Лейпцигѣ, и избираетъ предметомъ своего изслѣдованія тотъ же церковно-музыкальный вопросъ, какъ видно изъ выписаннаго заглавія его монографіи. Правда, вопросъ этотъ далеко не новый, а главные основы его рѣшенія высказаны уже давно; но несмотря на давнее существованіе, онъ все-таки далеко не исчерпанъ, и всякую новую попытку къ его разъясненію нельзя иначе встрѣтить какъ съ полнымъ сочувствіемъ. „Уже давно, говоритъ намъ авторъ, ведется споръ: происходитъ или нѣтъ христіанское пѣніе отъ древне-византийской музыки? И каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ на своей сторонѣ видные авторитеты по части исторіи музыки. Западъ

и Востокъ точно также спорятъ между собою за честь перваго введенія церковныхъ гласовъ, какъ обязательнаго правила для богослужебнаго пѣнія⁴. Не желая возобновлять этихъ преній, авторъ, по его словамъ, хотѣлъ только собрать и поставить на видъ благосклоннаго читателя историческія и теоретическія данныя, ведущія къ рѣшенію спорнаго вопроса, предоставляя каждому самому вывести изъ нихъ заключеніе и такимъ образомъ непосредственно убѣдиться, на чьей сторонѣ правда. Вѣрный этому правилу, онъ ведѣтъ отъправленіе отъ факта, выясняетъ его историческими и теоретическими соображеніями, всего же чаще пользуется для своей цѣли техническо-музыкальными данными и анализомъ средневѣковыхъ теоретиковъ музыки.

Къ какому времени относится происхожденіе и первое употребленіе гласоваго пѣнія въ церковномъ быту и откуда эта пѣвческая система ведетъ свое начало? На этотъ вопросъ намъ авторъ отвѣчаетъ положительно, утверждая „какъ общепризнанный фактъ“, что четыре основные гласа церковной музыки и на Востокѣ и на Западѣ вошли во всеобщее употребленіе въ послѣдней четверти IV в. и тогда уже были признаны твердою нормою церковнаго пѣнія. Но эти нормы не были новымъ, оригинальнымъ изобретеніемъ христіанскаго музыкальнаго творчества, но заимствованы были изъ древне-греческой музыки. Вотъ положенія, съ которыхъ начинается г. Юрій Арнольдъ свою диссертацию, и которыя затѣмъ старается развить и доказать цѣлымъ рядомъ историческихъ и акустическихъ данныхъ. Приурочивать введеніе новой манеры пѣнія по гласамъ (ἄχος) къ IV в. даютъ права и положительные факты и теоретическія соображенія: благоприятное положеніе христіанскихъ общинъ со времени гражданскаго признанія ихъ религіи, постепенное развитіе религіознаго культа, переходъ въ церковь высокопоставленныхъ и образованныхъ членовъ античнаго міра, а вмѣстѣ съ ними вторженіе греческаго вкуса и культуры въ тогдашнюю христіанскую среду — все это не могло не отозваться и въ области церковнаго пѣнія, которому старались теперь дать обработку и техническій строй по образцу древне-греческой музыки. Церковная лирика древнѣйшей эпохи своею терминологіею и исполненіемъ указываетъ на туже связь и даетъ понятіе лежащимъ въ ее основѣ преданія искусства античнаго. Появленіе тропарей (τροπῆς, εἶδος) съ ихъ искусственнымъ, приятнымъ напѣвомъ (τροπῆρια μελῆται), постепенное распространеніе антифоннаго пѣнія, въ связи съ пѣвческою практикою еретическихъ сектъ точно

также было вызвано вліяніемъ греческой музыки. Но иное дѣло утверждать положительно „какъ общепризнанный фактъ“, что этотъ новый родъ пѣнія сложился уже въ прочную музыкальную систему и приобрѣлъ право гражданства на Востоку въ половинѣ IV в. (р. 5), а въ послѣдней четверти его сдѣлался извѣстнымъ на Западѣ. По крайней мѣрѣ въ той обстановкѣ и при той аргументаціи, въ какой это положеніе является у г. Арнольда, его нельзя считать твердо и строго обоснованнымъ. Чтобы стать такимъ оно должно опираться на прочныя и прямыя историческія данныя, или выходить изъ непрямыхъ, но съ полною убѣдительностію. Но изъ того что Василій Великій находился въ письменныхъ сношеніяхъ съ Медиоланскимъ епископомъ Амвросіемъ и переслалъ ему литургическія уставы своей церкви (*liturgicae institutiones*, какъ говоритъ Бароній—замѣтимъ—историкъ XVI в. 1607 г.), еще нельзя утверждать подождительно, что онъ передалъ ему и систему принятаго въ его епархіи пѣнія, если даже и допустить, что оно было тамъ гласовымъ. Далѣе, главный опорный пунктъ аргументаціи автора, извѣстное выраженіе блаж. Августина объ Амвросіѣ: „*tunc hunc et psalmi ut conerentur... secundum morem orientalium partium institutum est*“, допускаетъ возможность многихъ объясненій, и мы по крайней мѣрѣ, не видимъ причины отдать преимущество объясненію предлагаемому г. Арнольдомъ, если не считать такимъ преимуществомъ его новизны и оригинальности. Во всякомъ случаѣ эти заключенія могли быть убѣдительны лишь тогда, кога напередъ было бы доказано, что Василій Великій ввелъ гласовое пѣніе въ своей церкви, и ему принадлежитъ честь перваго установителя этой пѣвческой системы. Но въ сожалѣнію тутъ-то и оназывается г. Арнольдъ безпомощнымъ: разъ по дѣйствительному недостатку разъясняющихъ матеріаловъ, а потомъ и вслѣдствіе своего собственнаго поверхностнаго отношенія къ дѣлу. О Василіѣ Великомъ, какъ учредителѣ новой системы пѣнія, историческіе источники не говорятъ опредѣленно и подождительно. Только его письмо къ Неокесарійцамъ объ антифонномъ пѣніи даетъ на этотъ счетъ нѣсколько указаній. Вотъ почему, отираваясь отъ данныхъ приводимыхъ въ сочиненіи, мы считаемъ общепринятый выводъ еще не вполне доказаннымъ и убѣдительнымъ, хотя и не можемъ не привѣтствовать попытку г. Арнольда установить за каппадокійскимъ архипастыремъ авторитетъ перваго учредителя гласоваго пѣнія и еще шире провести связь между Востокомъ и Западомъ въ дѣлѣ музыкальной реформы того вре-

мени. Намъ кажется, что къ разъясненію этого темнаго вопроса могли бы служить и служить съ большою пользою древнѣйшія извѣстія о гласахъ (ἦχος) и пѣніи (μελός—μελωδία) у восточныхъ писателей и анализъ этихъ свидѣтельствъ, рѣшающихъ вопросъ о характерѣ первохристіанскаго пѣнія.—Вдаться въ разсужденія объ этомъ предметѣ,—завело бы насъ очень далеко и уклонило бы отъ ближайшей задачи познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ монографіи г. Арнольда. Мы возвращаемся къ ней. О древнѣйшей, примитивной судьбѣ пѣнія на Востокаѣ оцъ отзывается слѣдующимъ образомъ: первохристіанское пѣніе развилось изъ народнаго, такъ какъ и большинство первыхъ послѣдователей Христовыхъ принадлежало къ низшимъ слоямъ общества, а не къ высшимъ. Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ господствовала извѣстнаго рода свобода въ составленіи и исполненіи религиозныхъ пѣсней, а потому и не могло быть строгаго порядка и однообразія въ способѣ пѣнія. Даже и съ введеніемъ пѣвческихъ хоровъ исполненіе во многомъ зависѣло отъ способностей, вкуса и возрѣвнѣи управляющаго ими. Частныя общины, при отсутствіи общаго руководителя, долго не могли сойтись между собою въ этомъ дѣлѣ. Василій Великій принялъ на себя этотъ трудъ и могъ выполнить его тѣмъ легче, что самъ получилъ классическое образованіе въ центрѣ тогдашней греческой культуры—Аѣинахъ и былъ безъ сомнѣнія знакомъ съ этою отраслью искусства. Онъ воспользовался четырьмя ладами тогдашней греческой музыки, которые послужили для него основаніемъ четырехъ главныхъ, прямыхъ, или автентичныхъ гласовъ, а изъ нихъ путемъ прямаго техническаго вывода вышло столько же подобныхъ или производныхъ. Предполагая, что первохристіанскіе гимнографы были въ тоже время и музыкантами композиторами, т. е. передавали свои произведенія въ извѣстной пѣвческой мелодіи, авторъ заключаетъ, что въ то время существовала въ церковной практикѣ извѣстная семіографія, которая, по его мнѣнію, была не что иное какъ упрощенная музыкальная семіографія древнихъ Эллиновъ. Отъ нея ведутъ свое начало средневѣковыя неволы и наши крюки. Но вопросъ о томъ, въ нѣтныхъ ли переложеніяхъ или только въ письменномъ текстѣ переданы были съ Востока Амвросію Медиоланскому *institutiones liturgicae*, авторъ оставляетъ безъ отвѣта по отсутствію на этотъ счетъ какихъ либо историческихъ указаній. Ни единственнымъ словомъ не касается нашъ авторъ и вопроса о возможномъ вліяніи еврейской музыки на характеръ первохристіан-

скаго пѣнія. Для полноты изслѣдованія и строгости основнаго вывода было бы очень желательно обратить вниманіе на эту сторону дѣла, и тѣмъ болѣе, что псалмы Давидовы составляютъ въ первое время главный матеріалъ пѣвческаго исполненія, что изъ еврейской богослужебной практики многое было заимствовано въ христіанскій культъ, да и самъ авторъ отмѣтилъ слѣдъ этого вліянія въ семіографіи Еремова Кодекса, близкой къ акцентнымъ семитическимъ знакамъ (р. 45).

Переходя отъ древнѣйшей эпохи къ среднимъ вѣкамъ, авторъ слѣдитъ за развитіемъ музыкальной теоріи гласа по трактатамъ средневѣковыхъ писателей о музыкѣ, дополняя и разъясняя ихъ положенія изъ законовъ акустики и естественнаго построения гаммы. Здѣсь же онъ анализируетъ и опредѣляетъ техническую сторону каждаго гласа и формулируетъ ихъ музыкальныя особенности. Ученый аппаратъ этого отдѣла какъ нельзя лучше говоритъ о широкой эрудиціи автора, его обширномъ знакомствѣ съ средневѣковою музыкальною литературой и о тонкомъ анализѣ теоретическихъ положеній средневѣковыхъ и новыхъ писателей о музыкѣ. Можно замѣтить лишь нѣкоторую односторонность въ выборѣ литературнаго матеріала этой эпохи,—что авторъ ограничивается западными писателями, и кромѣ ссылки на Мануила Вриеннія, мы не нашли у него указаній на другихъ византійскихъ писателей по части музыки, далеко не лишнѣхъ для изученія „вѣками унаслѣдованныхъ церковныхъ напѣвовъ нашего (русско-греческаго) исповѣданія“ (Собственныя слова, которыми начинаетъ авторъ предисловіе къ своей книгѣ). Впрочемъ поговорка: „græca sunt—non leguntur“ имѣетъ и до сихъ поръ свою роковую силу по отношенію къ средневѣковому Востоку, который еще лежитъ въ фоліантахъ библиотекъ и ждетъ на первый разъ не изслѣдователя, а издателя.

Последній отдѣлъ въ книгѣ г. Арнольда разсуждаетъ о гармонизаціи первоначальныхъ церковныхъ мелодій, доказывая, вопреки установившемуся мнѣнію, ту мысль, что древніе Греки уже имѣли опредѣленное представленіе о законахъ гармоніи и пользовались ею въ своихъ композиціяхъ. А отсюда выводъ по отношенію церковнаго пѣнія тотъ, что и „въ гармоническомъ отношеніи оно такъ же тѣсно примыкало къ древне-эллинской музыкѣ, какъ и въ отношеніи мелодій“ (163). Но этотъ выводъ не подтверждается у него никакими историческими данными.

Мы далеко не исчерпали богатаго содержанія, представляе-

наго брошюромъ г. Арнольда, а передали только ея главныя положенія, оставившіяся подробно на тѣхъ сторонахъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи церковнаго пѣнія. Желающихъ ознакомиться съ технически-музыкальною частью мы отсылаемъ къ самому сочиненію, богатому этого рода указаніями, и предоставляемъ специалистамъ высказывать о ней свое мнѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ г. Юрія Арнольда займетъ видное мѣсто въ музыкальной литературѣ нашего времени, и какъ произведеніе, рассчитанное не на эфемерные вкусы публики, удержитъ свое значеніе и въ дальнейшей исторіи музыкальной науки.

И. М.—62.

Въ извѣстномъ музыкальномъ изданіи *Zeitschrift für Musik* напечатана весьма лестная рецензія Д^{ра} Шухта на книгу. Считаю ее безынтереснымъ познакомить читателей съ этимъ разборомъ, извлеченіе изъ котораго помѣщено въ „Моск. Вѣдомостяхъ“.

„Преобладающее въ наше время матеріалистическое направленіе не удерживаетъ одманоме усердныхъ изслѣдователей науки посвящать свою дѣятельность труднымъ задачамъ и идеальнымъ цѣлямъ, которыя могутъ быть настоящимъ образомъ оценены только весьма ограниченнымъ меньшинствомъ. Такъ, вопросъ о состояніи музыкальнаго искусства у древнихъ Грековъ въ продолженіе классическаго періода ихъ культуры составляетъ уже въ теченіе трехъ столѣтій, съ эпохи возрожденія, постоянный предметъ изученія для небольшого числа людей, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ пришли къ результатамъ болѣею частію весьма различнымъ. Даже относительно главнѣйшаго вопроса, то-есть вопроса о томъ, на какой степени развитія находилось музыкальное искусство древней Греціи? — изслѣдователи не могли придти къ соглашенію. Между тѣмъ, какъ одни утверждали, что музыка у Грековъ процвѣтала наравнѣ съ поэзіей и пластикой, другіе высказывали мнѣніе совершенно противоположное.

„Въ послѣднее время, послѣ того какъ найдены были нѣкоторыя древне-греческія пѣсни съ нотацией ихъ, и многіе ученые не только прочли, но и поняли и отчасти перевели сочиненія древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей о музыкѣ, мы получили болѣе ясныя представленія объ этомъ предметѣ. Теперь уже не остается сомнѣнія въ томъ, что несмотря ни на чудеса Амсіона и Орсея, ни на заслуги тройнаго созвѣдія Эохила, Со-

Фокла и Эврипида, ни на славу другихъ знаменитыхъ пѣрцовъ, греческое музыкальное искусство не ушло даже первоначальной ступени развитія. Даже самая система греческой музыки не достигла той законченности и полноты, какую представляетъ наша музыкальная система; о системахъ же созвучій, о гармонической наукѣ подобной нашей у нихъ не было даже смутнаго представленія. Въ этомъ согласны нынѣ все компетентныя судьи. Одинъ только вопросъ остался не вполне выясненнымъ, а именно: вопросъ о древнихъ церковныхъ наклоненіяхъ или гласахъ христіанскихъ общинъ. Между тѣмъ какъ одни старались доказать ихъ происхожденіе изъ періода греческой культуры, другіе утверждали, что они изобрѣтены были въ первыхъ христіанскихъ общинахъ, именно Амвросіемъ и другими духовными лицами, которыя сочинили и слова и музыку, подобно тому какъ Лютеръ создалъ свои хоралы.

„Для того, чтобъ обсудить дѣло надлежащимъ образомъ и окончательно разрѣшить спорный вопросъ, необходимы не только знаніе древнихъ церковныхъ пѣнъ, но и обширная филологическая эрудиція по части древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей, да еще изученіе музыкальной теоріи. Тотъ, кто захотѣлъ бы принять на себя разрѣшеніе этой задачи, долженъ быть ученымъ филологомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать качествами композитора и практическаго музыканта. Безъ этого послѣдняго условія онъ вовсе не будетъ въ состояніи понять трактаты и отдѣльныя мѣста о музыкѣ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей.

„Но гдѣ же найти музыканта, гдѣ найти композитора, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ основательно былъ знакомъ съ древнегреческими и съ латинскими языками, и гдѣ найти филолога, который въ тоже время былъ бы основательно знающимъ свое дѣло композиторомъ и практическимъ музыкантомъ? Въ отдаленной Россіи, въ Москвѣ, живетъ этотъ замѣчательный чловѣкъ. Это Юрій Арнольдъ, авторъ лежащей предъ нами книги, которую онъ послѣ многолѣтняго изученія предмета началъ писать на 66 году своей жизни и теперь благополучно окончилъ. Желаніе достигъ вѣрныхъ свѣдѣній о первоначальныхъ формахъ переходившихъ по наслѣдству чрезъ многія столѣтія древнихъ церковныхъ пѣнъ грекороссійскаго исповѣданія побудило его изслѣдовать ихъ основныя начала. „Очень скоро, говоритъ онъ въ предисловіи, овладѣло мною убѣжденіе въ томъ, что христіанское церковное пѣніе какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ видится на однихъ и тѣхъ же гласахъ (modi); но что гъ сожа-

гласы, эти гласы нынѣ не употребляются и не изучаются нигдѣ въ первоначальныхъ ихъ формахъ; что даже повидимому вовсе утеряно знаніе существенныхъ свойствъ и построений ихъ, равно какъ и происходящей только отсюда, древними музыкальными писателями столь славимой различной своеобразности этихъ гласовъ. Само собою разумется, что все это должно было сильно подстрекать мою любезнательность. Ради этого я вновь принялся исторически и теоретически разслѣдовать о такъ-называемомъ „григоріанскомъ“ церковномъ пѣніи (которымъ я и прежде, но давно уже занимался), только старался теперь собрать еще больше достовѣрныхъ данныхъ для того, чтобъ имѣть возможность сравнить изложенія новѣйшихъ музыкальных историковъ и теоретиковъ съ толкованіями и съ ученіемъ древняго міра и среднихъ вѣковъ по самымъ подлинникамъ на языкѣ оригинала. Далѣе, имѣя въ виду, что не только древне-византское ученіе о музыкѣ основывалось на Плиеворовомъ канонѣ, но что и всѣ древнѣйшіе средне-вѣковые толкователи церковнаго пѣнія опираются на дѣленія монохорда, я считалъ необходимымъ отчетливо исполнить, во предписанію, каждое такого рода дѣйствіе и сравнить результаты съ результатами современнаго ученія о звукахъ какъ явленіяхъ природы, для того чтобы на основаніи этихъ изслѣдованій раціональнымъ образомъ выяснитъ себѣ возможность или невозможность практическаго примѣненія добытыхъ выводовъ. Для этой цѣли я заказалъ себѣ два октахорда, имѣющіе между струнами деревянные столбики, на которыхъ обозначено дѣленіе каждой струны. Одинъ изъ этихъ октахордовъ построенъ мною по лидійскому, другой по дорійскому строю разъединенныхъ тетрахордовъ“.

„За неопровержимый историческій фактъ должно быть теперь признано, что четыре первоначальные или автентическіе гласа въ четвертомъ столѣтіи вошли во всеобщее употребленіе какъ твердыя нормы пѣнія у христіанскихъ общинъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, во всей Европѣ. Въ Греціи же и въ передней Азіи они употреблялись уже нѣсколько ранѣе.

„Когда св. Амвросій, которому приписывается извѣстная хвалебная пѣснь, управлялъ съ 369 по 375 годы префектурою верхней Италіи, онъ принялъ св. крещеніе и былъ избранъ въ епископы Медіоланскіе. Въ этомъ санѣ его сердечно привѣтствовалъ архіепископъ Кападокійскій Св. Василій, нареченный Великимъ, литургія котораго еще и въ настоящее время исполняется Греческою и Русскою церковію. Василій прислалъ Ам-

вросію также и свои уставы о литургіи (Institutiones); которые послѣднимъ были переведены на латинскій языкъ и введены въ употребленіи въ общинахъ Медиоланской епископіи. Такимъ образомъ оказывается, что Амвросій долженъ былъ обучить свою паству греческимъ гласамъ, чтобы поставить ее въ возможность употреблять ихъ въ своихъ церквахъ. Что это дѣйствительно такъ было, о томъ свидѣтельствуетъ св. Августинъ, ученикъ и усердный почитатель св. Амвросія, слѣдующими словами: „Тогда было установлено, для того, чтобъ община не изнемогала въ страхъ и уныніи, пѣть гимны и псалмы *на манеръ восточныхъ общинъ*“.

„Юр. Арнольдъ подкрѣпляетъ все это цитатами и констатируетъ, что во второй половинѣ IV столѣтія литургическія пѣснопѣнія Восточной церкви исполнялись уже весьма опредѣленнымъ канонически установленнымъ образомъ въ тѣхъ самыхъ четырехъ церковныхъ гласахъ, которые Св. Амвросій ввелъ въ употребленіе въ Италиі, и что тѣмъ самымъ эти гласы стали догматомъ церковнаго пѣнія. „Въ этомъ имени (говорить г. Арнольдъ) заключается для насъ самое ясное указаніе на то, что христіанскіе церковные гласы никакъ не были новымъ изобрѣтеніемъ, но совершенно примыкали къ древне-эллинской музыкальной теоріи, но конечно въ послѣдней стадіи ея развитія“.

„Далѣе авторъ говоритъ: „Чтобъ однакожъ въ точности убѣдиться въ этой естественной связи, оказывается неизбѣжная необходимость, хотя бы въ общихъ только начертаніяхъ, разъяснить сущность древне-эллискаго ученія о музыкѣ, и преимущественно сравнить систематическое построеніе эллисскихъ ладовъ съ построеніемъ гаммъ живущихся на законахъ самой природы“.

„Съ замѣчательною ученостію изслѣдуетъ затѣмъ г. Арнольдъ древне-греческую музыкальную систему и ея переходы отъ временъ Пифагора до среднихъ вѣковъ, и кътому же, какъ гласитъ заглавіе книги, исторически и съ акустическими вычисленіями интерваловъ. Вся книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) введеніе церковныхъ гласовъ и ихъ связя съ древне-эллисскимъ ученіемъ о музыкѣ, 2) ученіе о церковныхъ гласахъ по трактатамъ средневѣковыхъ учителей съ анализомъ его на основаніи сравненія съ естественнымъ ихъ построеніемъ; 3) гармонизація древнихъ церковныхъ гласовъ.

„О гармонической практикѣ древнихъ Грековъ мы читаемъ: „Существуетъ всеобщій предрасудокъ, будто бы на древне-

эллиническіе, ни христіанскіе церковныя лады не подчиняются, какииъ-либо точно опредѣлимымъ основнымъ гармоніямъ... Дѣйствительно, положительныхъ доказательствъ практическаго употребленія гармоническихъ сочетаній въ древне-эллинической музыкѣ не имѣется; но точно также нельзя представить и положительныхъ доказательствъ противнаго. Немногіе остатки древне-греческаго пѣнія ни мало не различаются между этого вопроса, и кто же, по добросовѣстному убѣжденію, можетъ утверждать, что эти напѣвы представляютъ настоящую мелодію, и что тотъ или другой изъ нихъ, а весьма быть-можетъ и всѣ они, не изображаютъ только аккомпанирующихъ голосовыхъ партій?"

„Арнольдъ указываетъ здѣсь на немногіе гимны къ Калліопѣ, къ Немезидѣ, къ Гелиосу и на оду Пиндара. Что Греки не могли не имѣть гармоническихъ правилъ, это явствуетъ уже изъ нѣкоторыхъ нареченій ихъ писателей, упоминающихъ „о гармоническихъ, то-есть согласующихся и не согласующихся сочетаніяхъ“. Можно даже съ положительною увѣренностію утверждать, и это заключеніе подкрѣпляется древне-эллиническими писателями, что олейтисты, аресты и другіе инструменталисты аккомпанировавшіе пѣсопѣваніямъ не всегда играли въ унисонъ или въ октаву, но употребляли также и другіе мелодическіе обороты, антифонныя темы и т. п., а нѣрѣдко вѣроятно и импровизовали ихъ. Только замкнутой логической системы гармоніи, какую имѣемъ мы въ настоящее время, они конечно имѣть не могли. Это мнѣніе я высказывалъ въ печати лѣтъ десять тому назадъ, между прочимъ и въ этой газетѣ. Тѣмъ болѣе я радуюсь теперь, что также и самый компетентный ученый на этомъ поприщѣ, Юрій Арнольдъ, въ сущности согласенъ со мною.

„Читатели изъ этихъ краткихъ замѣтокъ уже усмотрятъ, что сочиненіе г. Арнольда есть цѣнный вкладъ въ исторію музыки, какъ относительно теоріи, такъ и практики. Послѣ Амброса, къ сожалѣнію умершаго слишкомъ рано, Юрія Арнольда слѣдуетъ признать за одного изъ ученѣйшихъ, основательнѣйшихъ музыкальныхъ историковъ настоящаго времени. Его книга пополняетъ весьма существенный пробѣлъ въ исторіи древней музыки. Отмѣнно красивая и исправная печать изданія (приходилось вновь отливать многія литеры по части древне-греческой семіографіи) служитъ порукой, что мы не встрѣтимъ какииъ-либо ошибокъ въ историческихъ и акустическихъ указаніяхъ, ни въ изображеніи нотныхъ или другихъ древнихъ обозначеній. Осо-

бевное достоинство придаетъ книгѣ добросовѣстность, съ какою авторъ каждое свое мнѣніе и каждый выводъ подтверждаетъ цитатами изъ греческихъ и латинскихъ писателей, не высказывая ни одного заключенія безъ доказательствъ“.

МАГИСТЕРСКІЙ ДИСПУТЪ ВЪ МОСК. Д. АКАДЕМИИ 29-ГО СЕНТЯБРЯ.

29-го минувшаго сентября въ Моск. Д. академіи происходила магистерскій диспутъ г. Заозерскаго, представившаго для полученія искомой ученой степени диссертацию, подъ заглавіемъ „Церковный судъ въ первые вѣка христіанства.“ Помѣстивъ на страницахъ журнала критическую статью о книгѣ г. Заозерскаго, находимъ нелишнимъ сообщить свѣдѣнія о самомъ диспутѣ, — тѣмъ болѣе что они дополняютъ или исправляютъ помѣщенные въ другихъ газетахъ и не безъ тенденціи и нѣкотораго пристрастія составленные отчеты объ ученѣмъ состязаніи.

Послѣ обычнаго *sigillum vitae*, прочитаннаго секретаремъ академіи, диспутантъ произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на важность предмета своей диссертациі, на недавніе споры объ этомъ предметѣ между нашими канонистами, увѣрялъ въ своемъ безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, знакомилъ съ приемами своего изслѣдованія, „отрѣшеннаго отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени,“ и въ заключеніе просилъ снисходительнаго суда о своемъ сочиненіи, выражая съ своей стороны полную готовность отказаться отъ тѣхъ или другихъ положеній, несостоятельность которыхъ будетъ доказана.

Первымъ официальнымъ оппонентомъ былъ еще недавній профессоръ академіи и учитель диспутанта преосвященный Алексій, епископъ Можайскій (А. Ф. Лавровъ). Онъ, вонервыхъ, попросилъ у диспутанта объясненія, почему въ его диссертациі Правила и Постановленія апостольскія отнесены къ разнымъ столѣтіямъ и первыя поставлены выше послѣднихъ? На отвѣтъ г. Заозерскаго, что это сдѣлано имъ, какъ „послушнымъ сыномъ Трульскаго собора,“ преосвященный замѣтилъ, что смыслъ его возраженія не каноническій, а историческій, и состоитъ въ томъ, что Правила и Постановленія должны быть отнесены къ одному времени. Далѣе оппонентъ упрекнулъ автора въ томъ, что онъ недостаточно пользовался въ своей диссертациі такими важ-

вымъ источникомъ, какъ толкованія на церковныя правила Зонары, Аристина и Вальсамона, ученѣйшихъ мужей и отличныхъ юристовъ своего времени. Диспутантъ отвѣчалъ, что эти авторитеты не чужды неточностей и даже погрѣшностей въ своихъ толкованіяхъ, вообще пользоваться ими нужно съ критикой. Не отрицая этого оппонентъ замѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ толкователи взаимно себя дополняютъ и поправляютъ, и въ доказательство сослался на изложенныя въ диссертациі различныя мнѣнія Зонары и Вальсамона о смыслѣ правилъ Кареегенскаго собора, требующихъ для суда надъ пресвитеромъ присутствія шести епископовъ. Третье возраженіе преосвященнаго Алексія касалось принятаго авторомъ различія окружнаго или діоцезнаго собора отъ патріаршаго: такое различіе оппонентъ признавалъ несостоятельнымъ, такъ какъ оба названія принадлежатъ одной и той же инстанціи церковнаго суда и управленія. Отвѣтъ диспутанта на это возраженіе былъ таковъ, что по нашему мнѣнію, лучше бы ему въ настоящемъ случаѣ прямо исполнить обѣщаніе не настаивать на каждомъ своемъ мнѣніи. Преосвященный окончилъ свои возраженія словами: „больше я не имѣю никакихъ притязаній къ вашей книгѣ.“

Второй оффиціальныи оппонентъ—профессоръ церковной исторіи А. Лебедевъ, указавъ на заглавіе сочиненія, гдѣ оно названо историко-каноническимъ изслѣдованіемъ, находилъ это названіе не соотвѣтствующимъ содержанию и характеру диссертациі. Приемы изслѣдованія въ ней, по отзыву оппонента, не тѣ, какихъ требуетъ историческая наука: авторъ представляетъ себѣ церковныя правила и законы какъ что-то впередъ данное, готовое, тогда какъ исторія всякаго законодательства показываетъ, что правила и законы являются на запросы жизни, по тому или другому жизненному поводу. Диспутантъ отвѣчалъ, что входитъ въ такого рода историческія изысканія онъ находилъ чуждымъ своей цѣли. По поводу ограниченія предѣловъ диссертациі первыми пятью вѣками христіанства, оппонентъ замѣтилъ, что напрасно авторъ не включилъ въ свой обзоръ и эпохи Юстиніана, столь богатой всякаго рода законами и въ частности законами о церковномъ судѣ. На это замѣчаніе диспутантъ отвѣтилъ, что такое расширение задачи потребовало бы особыхъ спеціальныхъ работъ, а доведеніе труда до временъ Юстиніана оправдывается именно тѣмъ, что времена эти составляетъ новую эпоху въ исторіи церковнаго законодательства. Последнее возраженіе г. Лебедева затрогивало

деликатный вопросъ объ отношеніи епископовъ къ пресвитерамъ въ первые вѣка христіанства. Именно оппонентъ находилъ, что авторъ тенденціозно относился ко многимъ мѣстамъ въ перепискѣ св. Кипріяна кареагенскаго со своими пресвитерами. Послѣдніе безспорно имѣли извѣстную долю дѣятельнаго участія въ дѣлахъ церковнаго суда и управленія, а не были только безответными орудіями воли своего епископа, какъ это представляется по изясненіямъ автора. Устраняя этотъ упрекъ, диспутантъ собственно повторялъ тѣ мѣста въ диссертациі, которыя подавали поводъ къ возраженію.

Изъ постороннихъ лицъ приняли участіе въ диспутѣ кандидатъ юридическаго факультета г. Срѣтенскій и ординарный профессоръ каноническаго права въ московскомъ университетѣ г. Павловъ. Первый указалъ на нѣкоторыя неточности въ опредѣленіи понятія о церковномъ и уголовномъ наказаніи. Послѣдній выступилъ съ рядомъ возраженій, привлекившихъ общее и сосредоточенное вниманіе. Прежде всего онъ доказывалъ совершенную невозможность ставить Правила апостольскія на одну линію съ предписаніями Иисуса Христа и Апостоловъ, изложенными въ священныхъ книгахъ Новаго завѣта. Развивая свою мысль, г. Павловъ сослался, между прочимъ, на покойнаго митрополита московскаго Филарета, который въ извѣстномъ учебникѣ Библейской Исторіи относитъ составленіе сборника апостольскихъ правилъ ко II—III в., съ замѣчаніемъ, что они съ теченіемъ времени были *приумножены*. Кроме того, въ дополненіе къ возраженію перваго officialнаго оппонента, г. Павловъ замѣтилъ, что если уже относить апостольскія Правила, въ настоящемъ ихъ видѣ и въ цѣломъ составѣ, ко временамъ апостоловъ, то по логической и канонической послѣдовательности туда же нужно отнести и апостольскія Постановленія, такъ какъ послѣднія уже одобряются въ 85 апостольскомъ правилѣ. Диспутантъ отвѣчалъ на это, что едва-ли въ указанномъ апостольскомъ правилѣ говорится о тѣхъ самыхъ апостольскихъ постановленіяхъ, которыя теперь извѣстны подъ этимъ именемъ. Г. Павловъ устранилъ такое сомнѣніе ссылкой какъ на подлинныя слова апостольскаго правила, гдѣ говорится именно объ *осми* книгахъ апостольскихъ Постановленій, такъ и на 2-е правило Трульскаго собора, произнесшаго свой извѣстный судъ о тѣхъ самыхъ апостольскихъ Постановленіяхъ, которыя рекомендуются въ апостольскихъ Правилахъ. Затѣмъ подводя итогъ подъ все содержаніе своего возраженія, г. Павловъ призналъ первую

часть диссертациі, трактующую „о церковномъ судѣ по ученію Іисуса Христа и Апостоловъ,“ не свободною отъ „подтасовки“ источниковъ—съ цѣлію придать церковному суду, какъ онъ представляется по апостольскимъ Правиламъ, т.-е. съ опредѣленными инстанціями, съ длиннымъ перечнемъ предметовъ подсудности и т. п., характеръ непосредственно и всецѣло божественнаго учрежденія.

Второе возраженіе г. Павлова направлено было противъ тѣхъ мѣстъ въ диссертациі магистранта, въ которыхъ высказывался принципиальный и историческій взглядъ на отношеніе церковной карательной юрисдикціи къ государственной (уголовной). Именно, г. Павловъ признавалъ юридически невысказаннымъ и въ дѣйствительности невозможнымъ такое отношеніе того и другаго суда, чтобы, какъ представляетъ себѣ диспутантъ, въ одномъ и томъ же христіанскомъ обществѣ (напримѣръ, въ греко-римской имперіи) существовали двѣ различныя по своему существу и характеру власти, которыя бы судили *одни и тѣже* преступленія, каждая съ *исключительнымъ* полномочіемъ и совершенно игнорируя, что дѣлаетъ въ своихъ судахъ другая. Это было бы, замѣтилъ оппонентъ, истиннымъ *раздѣленіемъ царства на ся*. Тѣ церковныя правила, на которыхъ диспутантъ основывалъ свое „дуалистическое“ воззрѣніе на судъ, въ которыхъ именно опредѣляются церковныя наказанія за чисто-уголовныя преступленія (прелюбодѣяніе, воровство, убійство и т. п.), имѣютъ, по объясненію г. Павлова, не тотъ смыслъ, какой дается имъ въ диссертациі. Они свидѣлствуютъ только, что церковь принимала и уголовныхъ преступниковъ въ разрядъ кающихся какъ *грѣшниковъ*, если они почему либо оставались неизвѣстными или недоступными (напримѣръ, въ силу церковнаго *jus asyli*) мірскому правосудію и если по отношенію къ нимъ существовали достаточныя гарантіи успѣшнаго дѣйствования церкви на самый корень всѣхъ преступленій—злую и порочную волю. Формальный судъ въ такихъ случаяхъ былъ совершенно неумѣстенъ. На это возраженіе диспутантъ отвѣчалъ, что такъ можетъ разсуждать только свѣтскій юристъ.

Въ третьемъ и послѣднемъ возраженіи г. Павловъ доказывалъ довольно длинною параллелью между римскими законами и церковными правилами, что вліяніе гражданскаго процесса на каноническій было гораздо шире и сильнѣе, чѣмъ какъ это представляетъ себѣ диспутантъ. Послѣдній оправдывался указаніемъ на апостольскія Постановленія, происшедшія еще до союза

церкви съ государствомъ и слѣдовательно свободныя отъ вліянія римскаго права, но уже содержація въ себѣ довольно полный образъ церковнаго суда, каковымъ онъ является во времена послѣдующія. На это г. Павловъ замѣтилъ, что, во-первыхъ, опредѣленія апостольскихъ Постановленій о производствѣ въ церковномъ судѣ сравнительно слишкомъ общи и неточны, во-вторыхъ, и этотъ памятникъ церковнаго права произошелъ въ предѣлахъ римской имперіи, слѣдовательно могъ принять въ себя нѣкоторыя черты римскаго процесса. Недаромъ же въ Постановленіяхъ языческіе суды прямо ставятся въ образецъ для подражанія судамъ церковнымъ.

По окончаніи диспута, академическій Совѣтъ призналъ защиту удовлетворительною и диспутанта достойнымъ искомою степени.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ НА СЕРБСКОМЪ ПОДВОРЬѢ ВЪ МОСКВѢ.

Въ воскресенье 5-го ноября происходило освященіе (малое) церкви Сербскаго подворья, недавно возобновленной церковнымъ старостою С. И. Камынинымъ, пожертвовавшимъ для этого весьма значительную сумму. Освященіе храма совершилъ преосвященный Амвросій, епископъ Дмитровскій, въ сослуженіи четырехъ архимандритовъ и двухъ священниковъ, при участіи синодальнаго хора пѣвчихъ. Послѣ литургіи протодіакономъ были возглашены многолѣтія Государю Императору съ Августѣйшимъ Его Домомъ, князю Сербскому Милану, супругѣ его княгинѣ Наталіи и наслѣднику его князю Александру, православнымъ патріархамъ, преосвященнымъ митрополитамъ московскому и сербскому и другимъ. Во время причастнаго стиха профессоръ Московскаго Университета, докторъ богословія, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ произнесъ слово, которое произвело сильное впечатлѣніе на слушателей¹⁾. Какъ знатъ братскаго общенія Русскаго народа съ Сербскимъ, выразившагося въ добровольномъ участіи Русскихъ въ борьбѣ за Славянъ, въ церковь подворья было внесено наканунѣ знамя пожертвованное москвичами русско-сербской дружинѣ въ 1876 году и возвращенное нынѣ Москвѣ для храненія въ семь храмъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на торжествѣ освященія находились министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Сербіи г. Ва-

¹⁾ Оно помѣщено выше въ этой книжкѣ „Православнаго Обзорнія“.

Сильевичъ, почетель московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, П. Н. Батюшковъ, А. А. Майковъ, Д. И. Иловайскій, Н. Н. Дурново, также персидскій консулъ И. И. Зайченко съ секретаремъ консульства и др. Послѣ литургіи почетныя лица были приглашены церковнымъ старостою на обѣдъ^{*)}. Во время обѣда первую здравицу провозгласилъ г. Васильевичъ за Всероссийскаго Императора Александра Николаевича, пожелавъ Его Величеству долгаго царствованія и освобожденія всѣхъ Славянъ. Затѣмъ произнесъ рѣчь преосвященный Амвросій. Упомянувъ о торжествѣ освященія церкви подворья, причѣмъ приглашены были многіи и за святѣйшихъ патріарховъ, епископъ пожелалъ союза между всѣми православными народами Востока, который будетъ крѣпче и плодотворнѣе союза во имя торговыхъ, политическихъ и даже славянскихъ интересовъ; далѣе преосвященный упомянулъ о недоконченной задачѣ освобожденія родственныхъ намъ по вѣрѣ народовъ, благодаря нашимъ врагамъ, и сказалъ что несмотря на это, движенія нынѣ происходящія на Востокѣ показываютъ, что событія идутъ на Балканскомъ полуостровѣ не такъ какъ желали бы они, что царствами и народами управляетъ Богъ, который созидаетъ и разрушаетъ, возводитъ и низводитъ. Слово свое преосвященный заключилъ здравицею за князя Милана Обреновича и за весь его домъ. Послѣ преосвященнаго, старшій изъ находившихся на обѣдѣ настоятелей греческихъ патріаршихъ въ Москвѣ подворій, ученый архимандритъ Іерусалимскій Никодимъ провозгласилъ тостъ за маститаго митрополита московскаго Иннокентія, Высокопетровскій архимандритъ Григорій—за митрополита Сербіи Михаила, а архимандритъ сербскій Савва—за преосвященнаго Амвросія. Затѣмъ преосвященный Амвросій, упомянувъ о присутствіи на церковномъ торжествѣ уважаемаго сербскаго министра народнаго просвѣщенія и сказавъ поэтому случаю нѣсколько теплыхъ словъ, провозгласилъ тостъ за его здоровье. Послѣ преосвященнаго, г. Васильевичъ, пожелавъ большаго единенія мажду Славянами, сказалъ, что онъ ввелъ въ настоящее время обученіе русскаго языка въ сербскія училища и надѣется, что не далеко то время, когда всѣ Славяне будутъ говорить на языкѣ 80-милліоннаго народа Россіи. Упо-

^{*)} При входѣ въ настоятельскія келліи сербскій министръ былъ встрѣченъ всѣми находящимися въ Москвѣ молодыми Сербами изъ княжества Сербіи, Черногоріи, злполучныхъ Босніи и Старой Сербіи, и привѣтствованъ ими.

мианувъ о томъ сочувствіи, которое проявилось три года тому назадъ въ русскомъ обществѣ и выразилось въ началѣ матеріальными пожертвованіями въ пользу геройскихъ страдальцевъ Боснии и Герцеговины, а затѣмъ и добровольнымъ стеченіемъ русскихъ людей подъ знамена Сербіи на борьбу съ сильными врагомъ, провозгласилъ здравіцу за перваго русскаго добровольца, генерала М. Г. Черняева. Затѣмъ Д. И. Иловайскій высказалъ желаніе, чтобы въ Бѣлградѣ, на горѣ гдѣ сливается Сава съ Дунаемъ, была сооружена въ память падшихъ на сербскихъ поляхъ за сербство русскихъ добровольцевъ часовня, которая служила бы вѣчнымъ памятникомъ добровольнаго участія Русскихъ въ сербской борьбѣ за свободу. Министръ Сербіи обѣщавалъ передать это желаніе Русскихъ первосвятителю Сербіи, а присутствовавшіе тутъ же выразили желаніе сдѣлать складчину для постройки часовни. Послѣдній тостъ преосвященный провозгласилъ за церковнаго старосту С. И. Камынина. Тѣмъ кончился славяно-православный праздникъ, вызванный церковнымъ торжествомъ на Сербскомъ подворьѣ. Всѣ тосты были приняты съ большимъ воодушевленіемъ присутствовавшими. Послѣ обѣда была послана привѣтственная телеграма высокопреосвященному митрополиту Михаилу.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ДУХОВНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.

Въ воскресенье, 5 ноября, Саратовъ праздновалъ открытіе „Епархіальнаго духовно-просвѣтительнаго союза“ при Братствѣ св. Креста, совпадшее съ годовщиной пятидесятилѣтія со дня открытія самостоятельной саратовской епархіи *).

Торжество началось съ божественной литургіи отслуженной преосвященнымъ епископомъ Тихомомъ, въ новомъ кафедральномъ соборѣ, при многочисленномъ стеченіи лицъ всѣхъ званій и состояній. Въ концѣ обѣдни преосвященный сказалъ весьма пространное и замѣчательное по содержанию слово, въ которомъ, изобразивъ въ яркихъ чертахъ стремленія и цѣли современнаго социализма и коммунизма, напомнилъ, что русское правительство рѣшившись всѣми зависящими отъ него мѣрами преслѣдовать и искоренять это вредное направленіе, въ то же время приглашаетъ для содѣйствія ему въ этомъ всѣ классы русскаго обще-

*) Саратовская епархія открыта 3 ноября 1828 г.

ства. Отвѣтомъ на этотъ призывъ—заключилъ свою рѣчь преосвященный—и служить, между прочимъ, учрежденный нынѣ духовно-просвѣтительный союзъ, къ участію въ которомъ приглашается все населеніе Саратовской губерніи, и цѣль котораго заключается въ содѣйствіи духовенству саратовской епархіи въ распространеніи религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди населенія губерніи. Затѣмъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства.

Въ своемъ словѣ преосвященный Тихонъ высказалъ, между прочимъ слѣдующее о настоящемъ социаль-демократическомъ движеніи и о средствахъ для противодѣйствія ему:

„Что сказать о послѣднемъ словѣ этой стихійной философіи, которое обнаруживаетъ въ ея приверженцахъ злой умыселъ совершить во что бы то ни стало такъ-называемый социальный переворотъ? Поклонники этой философіи хотятъ, чтобы люди жили на свѣтѣ божіемъ безъ Бога, безъ царей, даже безъ всякихъ властей, безъ семейныхъ и личныхъ правъ; хотятъ, чтобы не было на землѣ ни государства, ни церкви, а была бы только лишь одна пресловутая ихъ коммуна, было бы одно лишь общество, раздѣляемое на множество болѣе или менѣе мелкихъ кружковъ или общинъ, соединяемыхъ подъ однимъ трехпѣвѣтнымъ знаменемъ—эмблемой трехъ началъ, на которыхъ непривзванные преобразователи міра думаютъ строить коммуны, и кои суть: свобода, равенство, братство.

„Какія мягкія, какія ласкательныя для слуха слова! Приверженцы социальнаго мудрованія проповѣдуютъ о свободѣ, — но свобода въ ихъ коммунахъ такова, что порабощеніе и безправіе личности волей-неволей должны мириться съ произволомъ и самочиномъ общины или, вѣрнѣе сказать, вожаковъ общины; проповѣдуютъ о равенствѣ, — но равенство въ коммунахъ таково, что между силою и немощью, между талантомъ и бездарностью, между трудолюбіемъ и лѣнностью, между заслугою и недостойнствомъ, между добродѣтелью и порокомъ никакого нѣтъ различія; проповѣдуютъ о братствѣ, — но братство въ коммунахъ таково, что всѣ ея сочлены ничѣмъ не лучше разбойниковъ, которые могутъ быть братьями развѣ только по злодѣяніямъ, но не могутъ питать одинъ къ другому братскаго довѣрія, братской любви. Приверженцы социальной мудрости хотятъ по-своему перестроить и семейную жизнь православныхъ христіанъ; они не хотятъ, чтобы союзъ между мужемъ и женою освящался таинствомъ брака: они хотятъ устроить семейную жизнь такъ, чтобы

мужья имѣли незаконныхъ женъ, а жены незаконныхъ мужей, и притомъ сколько кто можетъ и сколько кто хочетъ и чтобы дѣти отъ таковыхъ незаконныхъ сожителствъ не принадлежали своимъ отцамъ, и даже не знали бы кто ихъ отцы, а всецѣло принадлежали коммунаѣ. Наконецъ, эти новомодные мудрецы хотятъ, чтобы никто не имѣлъ права на личное владѣніе какими бы то ни было имуществомъ, а пользовался бы лишь только тѣмъ, что присудить ему коммуна.

„Для совершенія задуманнаго перевота поклонники социальной премудрости не останавливаются ни предъ какими средствами какъ бы ни были они преступны и ужасны, хотя бы для этого пришлось весь міръ затопить въ человѣческой крови, всю вселенную обратить въ развалины. Довольно лишь указать на ужасы парижской коммуны, на недавніе выстрѣлы въ Германскаго императора и короля Испанскаго, и на дерзкое убійство русскаго шефа жандармовъ, чтобы дать понятіе о тѣхъ способахъ, коими стихійные мудрецы нашего времени задумываютъ совершить свой великій злодѣянїями переворотъ.

„И эти мудрецы въ своей безбожной, безумной, безнравственной и противоестественной философіи хотятъ видѣть и всему міру показать свѣтъ! Если хотите, можно пожалуй и согласиться, что это въ самомъ дѣлѣ свѣтъ, но не тихій, радующій и всеоживляющій бѣлый свѣтъ солнечный, но бурное, страшное, всепоѣдающее багровое пламя пожара. И этою-то философіею увлекается наша учащаяся, но къ сожалѣнію большею частью недоучившаяся молодежь. И съ этою-то философіею идетъ эта молодежь въ народъ, распространяя свое ученіе и устно и печатно, потаенными путями, и дѣйствуя такъ, воображаетъ, что просвѣщаетъ темныхъ людей, а на самомъ дѣлѣ только поджигаетъ ихъ къ злоумышленности противъ существующаго государственнаго благоустройства; противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ личнаго права собственности.

„Въ виду такого направленія, принятаго новомоднымъ просвѣщеніемъ нашего времени, русское правительство весьма естественно пришло къ сознанию необходимости безотлагательно принять должныя мѣры къ огражденію народа отъ растлѣвающаго вліянія проповѣдниковъ ложныхъ и вредныхъ ученій. Прежде всего наше правительство во всуслышаніе и рѣшительнымъ тономъ объявляетъ, что отнынѣ оно съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать всѣхъ посягателей

на разрушеніе государственнаго благоустройства, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ учащейся молодежи съ напоминаніемъ и просьбою зрѣло обсудить и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ молодые люди подвергаютъ себя, увлекаясь лжеученіями, а въ заключеніе совѣтуетъ имъ добросовѣстно и здраво относиться къ наукѣ.

„Къ дѣятельному участию въ борьбѣ правительства противъ распространителей ложныхъ и вредныхъ ученій само же правительство сочло за нужное призвать силы всѣхъ сословій русскаго народа. Полагаемъ, что открываемый сегодня въ Саратовѣ духовно-просвѣтительный союзъ можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи послужить отвѣтомъ на сей правительственный призывъ. „Само собою разумѣется, что помощь, ожидаемая русскимъ правительствомъ отъ русскаго же общества, въ настоящемъ случаѣ главнымъ образомъ должна будетъ состоять въ томъ, чтобы члены общества, радующіеся о благѣ отечества и отечественной церкви, бдительно наблюдали за развитіемъ духовно-нравственной заразы распространяемой стихійными мудрецами нашего времени, и предохраняли отъ нея народъ чрезъ распространеніе въ его средѣ несомнѣнно истиннаго и безусловно полезнаго просвѣщенія, основнаго на началахъ православной вѣры и здоровой, вполне согласной съ сею вѣрою, науки.—Но такова именно и есть цѣль, къ которой отнынѣ будетъ стремиться открываемый нами союзъ, и которую сему союзу постоянно будетъ указывать самое названіе его духовно-просвѣтительнымъ.

„Духовно-просвѣтительная дѣятельность открываемаго союза, какъ она опредѣлена въ его уставѣ, должна быть довольно широка, многообъемлюща и разнообразна. Но самыми главными проявленіями его дѣятельности будутъ упрощенныя и удобопонятныя чтенія для народа, а если потребуется, то и публичныя лекціи болѣе или менѣе научнаго характера для любителей духовнаго просвѣщенія изъ числа лицъ образованныхъ, и кромѣ того распространеніе въ народѣ дешевыхъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія. Содержаніе таковыхъ книгъ и брошюръ, равно какъ и народныхъ чтеній и публичныхъ лекцій, будетъ заимствуемо не исключительно только изъ круга богословскихъ наукъ. Слушателямъ и читателямъ будущихъ произведеній духовно-просвѣтительнаго союза могутъ быть и будутъ предлагаемы свѣдѣнія и изъ общей гражданской исторіи, изъ русской, изъ естествознанія, но будутъ предлагаемы такимъ

способомъ, что слушатели и читатели будутъ видѣть въ природѣ и въ судьбахъ царствъ и народовъ не одни лишь слѣпо будто бы дѣйствующіе міровые законы и силы, но и самаго всевѣдущаго Владыку твари“.

„Чтенія предложенныя вниманію слушателей въ Саратовѣ, по напечатаніи ихъ въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, или въ особомъ предполагаемомъ къ изданію сборникѣ, будутъ повторяемы мѣстными пастырями по всѣмъ уѣзднымъ городамъ и сельскимъ приходамъ. Такимъ образомъ дѣятельность духовно-просвѣтительнаго союза будетъ простирается на все православное населеніе саратовской епархіи.

„Полнаго вниманія достойны и всѣ прочія задачи, принимаемыя на себя духовно-просвѣтительнымъ союзомъ. Довольно будетъ лишь только псменовать эти задачи, чтобы дать понятъ все ихъ высокое значеніе. Это—учрежденіе церковно-общественныхъ библиотекъ для чтенія и складовъ для распространенія книгъ и брошюръ, также картинъ и нотъ духовнаго содержанія, содѣйствіе къ открытію при церквахъ религіозно-нравственныхъ собесѣдованій съ народомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; образованіе любительскихъ хоровъ церковнаго пѣнія подъ руководствомъ имѣющихъ на это законныя права лицъ; содѣйствіе къ открытію церковно-приходскихъ школъ и наконецъ содѣйствіе къ распространенію и по церквамъ и по домамъ правильно написанныхъ иконъ.

„Понятно, что такая широкая программа духовно-просвѣтительной дѣятельности съ успѣхомъ можетъ быть выполнена только соединенными силами всѣхъ сословій русскаго народа. А потому считаю моимъ долгомъ предложить вамъ, братіе, а въ лицѣ нашемъ и всѣмъ лицамъ вѣрнной мнѣ епархіи, и духовнымъ и мірскимъ, и знатымъ и незнатымъ, и военнымъ и невоеннымъ, и торговымъ и неторговымъ людямъ, считаю долгомъ предложить всѣмъ и каждому, кто дорожитъ духовными интересами мѣстнаго населенія, войти въ составъ открываемаго нынѣ союза, и кто чѣмъ можетъ, и кто какъ хочетъ, согласно указаніямъ союзаго устава, содѣйствовать развитію учрежденія, возникающаго съ высокою цѣлью быть свѣтильникомъ въ предѣлахъ здѣшняго края“.

О ДАРОВОЙ РАЗДАЧѢ НАРОДУ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХЪ КНИГЪ *).

„Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ изданіи на казенный счетъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и патриотическаго содержанія для чтенія простому народу“ (Моск. Вѣд. сего 1878 года, отъ 24 сентября, № 241). Вотъ вѣсть, которую съ особеннымъ сочувствіемъ приняли члены *Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ*, существующаго въ Москвѣ при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Дай Богъ чтобы возбужденный вопросъ скорѣе разрѣшился на самомъ дѣлѣ! И такъ Московскому Отдѣлу, состоящему подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, придается болѣе воодушевленія въ его полезной дѣятельности. Если будутъ изданы новыя книги для простаго народа, то безъ сомнѣнія будутъ изысканы новыя и надобно полагать самыя надежныя средства къ распространенію ихъ въ народѣ. „Отдѣлъ“ при всемъ своемъ усердіи, при всевозможныхъ заботахъ о распространеніи книгъ частію своихъ изданій, частію другихъ издателей всегда чувствовалъ, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо болѣе при своемъ богатомъ складѣ книгъ, еслибы само общество съ большимъ сочувствіемъ относилось къ его задачѣ. „Отдѣлъ“ доселѣ дѣлалъ что могъ; такъ онъ старался какъ можно болѣе удешевить тѣ книги и брошюры, на которыя бываетъ преимущественный запросъ. Существова уже нѣсколько лѣтъ онъ не скопилъ запаснаго капитала, потому что покрывалъ членскими взносами и пожертвованіями одни убытки отъ продажи по уменьшенной цѣнѣ, и такимъ образомъ расходовалъ все, что только пріобрѣталъ для добраго дѣла. Но само собою понятно, что какъ бы книга ни была дешева, все-таки читателю ее нужно *купить*; простой же народъ часто дорожить и одною копѣйкой; поэтому „Отдѣлъ“ всегда желалъ не только удешевить, но и сдѣлать *даровымъ* пріобрѣтеніе духовно-нравственныхъ книгъ. Въ настоящее время, когда особенно сознана необходимость внести свѣточъ духовно-нравственнаго чтенія, а съ нимъ и религіознаго воспитанія и развитія въ сре-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, 6 октября 1878 года, при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ.

ду нашего простаго народа, „Отдѣлъ“ надѣется встрѣтить сочувственную поддержку въ образованныхъ слояхъ общества, среди лицъ нескудныхъ матеріальными средствами. **) „отдѣлъ“ имѣеть въ своемъ распоряженіи громадный запасъ книгъ удовлетворяющихъ вкусу и потребностямъ простаго народа; ему не нужно много заботиться объ изданіи *новыхъ* книгъ; для изданій] нужно время: „Отдѣлъ“ могъ бы такъ-сказать *сейчасъ* раздать бесплатно народу тысячи экземпляровъ книгъ еслибы нашлось благодѣтельное лицо, которое пожертвованіемъ известной суммы покрыло бы расходъ денегъ затраченныхъ „Отдѣломъ“ на приобрѣтеніе книгъ. Будемъ надѣяться, что найдутся такія лица, которыя знаютъ, что творимое въ пользу меньшей братіи пріемлется и вознаграждается сторицею самимъ Господомъ. Если по Его слову не лишится награды тотъ, кто чашею холодной воды утолитъ жажду тѣлесную, то останется ли безъ награды тотъ, кто поспѣшитъ щедрою рукой утолить души жаждущія свѣта, разгоняющаго нравственную тьму? Если Господь на страшномъ судѣ Своимъ кормильцамъ нищихъ скажетъ: „Я былъ голоденъ и вы накормили Меня“; то содѣйствующіе къ насыщенію голодающихъ душъ Словомъ Божиимъ не будутъ ли тамъ стоять впереди заботившихся о меньшей братіи относительно ихъ насыщенія тѣлеснаго?

Въ этой надеждѣ даровой раздачи книгъ простому народу члены „Отдѣла“ заранѣе обращаются съ просьбой къ православному духовенству и въ особенности къ пастырямъ сельскихъ церквей. Кому не извѣстно, какъ нуждается нашъ довѣрчивый, неразвитой народъ въ духовно-нравственномъ чтеніи? Не притворно, но съ полною искренностію онъ говоритъ о себѣ „мы люди темные“.... При сознаніи темноты нашъ простой му-

**) Въ засѣданіи Отдѣла происходившемъ 29 сентября сего года, по предложенію предсѣдателя, опредѣлено: въ виду настоятельной нужды въ настоящее время распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ немедленно приступить къ устройству даровой раздачи книгъ и для сего обратиться путемъ печатнаго слова съ приглашеніемъ къ благодѣтелямъ и указать высокое христіанское значеніе пожертвованій на святое дѣло духовнаго просвѣщенія, а также и къ пастырямъ церкви съ просьбой принять живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ членовъ Отдѣла, по предложенію предсѣдателя, принялъ на себя составленіе статьи по этому дѣлу къ слѣдующему засѣданію Отдѣла. Статью предложено было прочитать въ засѣданіи Отдѣла и напечатать.

жичокъ все-таки ищетъ свѣтъ; онъ охотно беретъ въ руки книжку „Божественную“: онъ съ удовольствіемъ послушаетъ рѣчь „отъ Писанія“; къ кому же въ семъ случаѣ ему обратиться какъ не къ пастырю церкви, къ своему духовному руководителю? И духовный отецъ долженъ быть всегда внимателемъ къ нуждамъ своимъ духовныхъ дѣтей; и самъ возбуждать въ немъ духовную жажду къ слушанію и чтенію, развивать въ немъ вкусъ въ этомъ благочестивомъ занятіи. Иначе къ кому пойдетъ крестьянинъ за удовлетвореніемъ религіозной любознательности, чѣмъ онъ наполнить праздничное время, когда въ немъ не возбуждена, не развита и не направлена охота къ доброму чтенію? Ничѣмъ другимъ какъ грубыми удовольствіями, которыя въ свою очередь способны заглушить окончательно нравственное чувство, подавить сознаніе нравственнаго долга и отворить широко дверь пороку во всѣхъ его растлѣвающихъ видахъ. — Вотъ что отъ 1 сентября сего года писалъ изъ Старо-Русскаго уѣзда, Новгородской губерніи, одинъ отецъ благочинный къ одному изъ членовъ „Отдѣла“ указывая на необходимость усиленнаго вліянія духовныхъ пастырей на свою паству: „Пьянство, воровство, развратъ, ослабленіе вѣры, язва раскола, охлажденіе любви ко храмамъ Божиимъ, нарушеніе, или, вѣрнѣе, поруганіе дней праздничныхъ и воскресныхъ,—и все это въ ужасающихъ размѣрахъ, вотъ наши главные нравственные недуги и общественныя язвы въ простомъ народѣ. Необходимы и противоядія прямыя и дѣйствительныя, направленныя прямо къ цѣли, обличающія порокъ съ силой, открывающія его безобразіе во всей его наготѣ. Въ то время какъ зловерная пропаганда дѣйствуетъ всѣми силами къ подавленію въ простомъ народѣ вѣры и благочестія, съ другой стороны расколъ въ нашихъ мѣстахъ составляетъ еще сильную оппозицію всякому успѣху православія въ темной массѣ его послѣдователей: что сдѣлаетъ одиночный голосъ пастыря? Необходимы пособники ему—книги, которыя могъ бы съ пользой читать самъ народъ“. Къ этимъ словамъ прибавлять нечего; описанная мѣстность далеко не единичная; разница въ томъ, что гдѣ нѣтъ раскола, тамъ распространяется штундизмъ, скопчество, молоканство,—нравственные же недуги почти вездѣ одни и тѣ же. Да, пособники необходимы, и „Отдѣлъ“ усердно проситъ пастырей церкви обратить серьезное вниманіе на цѣль имъ преслѣдуемую; „Отдѣлъ“ проситъ, гдѣ есть фабрики, заводы, приложить особенное стараніе,

чтобы среди фабричныхъ не было недостатка въ духовно-нравственныхъ книгахъ. Если сами отцы іереи почему-либо затруднятся вносить свѣточъ вѣры и нравственности въ упомянутыя заведенія, то „Отдѣлъ“ просить ихъ озаботиться прискачаніемъ мірскихъ людей, которые бы не отказались разносить *дарюмы* добрыхъ книжки и раздавать ихъ людямъ грамотнымъ. Другъ о другъ, а Богъ обо вѣхъ:

Р Ъ Ч Ъ

ВОСПИТАНИКАМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АМВРОСИЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ДМИТРОВСКИМЪ *).

Любезные юноши!

Въ молодости всѣ мы любимъ уноситься мыслию за предѣлы школы, въ жизнь общественную, отыскивая себѣ въ шумной толпѣ людской мѣсто для дѣятельности и рисуя въ мечтахъ яркими красками счастливую будущность. Вы знаете, что это значить — создавать себѣ идеалы предстоящей общественной жизни и дѣятельности. Знаете также, что подъ вліяніемъ господствующихъ идей нашего вѣка эти идеалы у большинства молодыхъ людей не поднимаются высоко надъ землей и облекаются большею частію въ представленія удобствъ, роскоши и наслажденій земной жизни. Даже у многихъ ревнителей общаго блага они ограничиваются планами и проектами общественнаго благоустройства въ смыслѣ пріобрѣтенія для массъ тѣхъ же удобствъ жизни.

Судя по христіанскимъ началамъ, на которыхъ зиждется ваше воспитаніе и складывается ваше духовное построеніе, вы не можете, не обманывая самихъ себя, довольствоваться такими идеалами. Благородство сердца, сообщаемое христіанствомъ, побуждаетъ юношу изъ богатства молодыхъ силъ *дать* вкладъ въ общественную жизнь, а не *взять* только у нея для себя удобства и наслажденія; сначала внести въ нее свою долю талантовъ, знанія и труда, а не рассчитывать напередъ гдѣ, лежитъ и у кого могу я взять мою долю тѣхъ средствъ, на которыхъ пріобрѣтаются наслажденія жизни.

Тѣмъ не менѣе этотъ духъ временъ оказываетъ губительное вліяніе на наши духовно-учебныя заведенія. Наши юноши бѣгутъ на распутія свѣта, дарованія похищаются у церкви. Ея Боже-

*) 8 сего ноября послѣ окончанія годичнаго акта Моск. Семинаріи.

ственное величіе, ея высокія цѣли, ея внутреннія силы, ея борьба съ духовными врагами человѣчества, перестаютъ вдохновлять нашихъ молодыхъ людей, и рвеніе служить высшимъ нравственнымъ интересамъ человѣчества у многихъ изъ нихъ замѣняется мелкими, но страстными желаніями изъ скромной среды своего сословія выбиться въ среду людей богатыхъ, нарядныхъ и веселящихся—повидимому и большею частію только *мovidимому* счастливыхъ.

Правда, быть нашего духовенства съ вѣншей стороны непривлекателенъ; въ большинствѣ оно бѣдно; улучшение быта не удается, но почему не удается? Не потому ли именно, что за это улучшение мы не съ того конца беремъ? Мы именно хотимъ отъ народа *взять*, не заботясь прежде ему *дать*, то-есть, по слову апостола *посылатъ въ него духовное, чтобы пожатъ отъ него тѣлесное*. (1 Кор. 9, 11).

Простой народъ нашъ самъ бѣденъ; его сокрушили пороки, его поработили грубыя страсти. Поработаемъ для его духовнаго просвѣщенія, отрезвленія, для исправленія гнетущихъ его недостатковъ: первая дань его благодарности внутренней и вѣншей будетъ принесена намъ. Но высшее утѣшеніе для общественнаго дѣятеля не въ благодарности тѣхъ, кому онъ служитъ, а въ сознаніи самаго достоинства дѣла. Эта высокая цѣль—послужить духовному возрожденію нашего народа, вывести его изъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту просвѣщенія, изъ темныхъ дебрей расколовъ и сектъ къ единенію въ духѣ вѣры и любви въ лонѣ церкви Христовой—развѣ это не свѣтлая черта для юношескаго идеала, развѣ это не способно вдохновить самую даровитую душу, самое благородное сердце?

Наши передовыя сословія, устремившись съ жаромъ къ научному образованію и уклонившись въ направленіи ума и жизни отъ несмущающаго свѣта вѣры и спасительнаго руководства церкви, уже вкусили довольно горькихъ плодовъ отъ древа познанія добра и зла, и въ лучшей своей части ищутъ врачеванія. Указать имъ возможность совмѣщенія и внутреннюю связь искренней вѣры со здоровыми научными познаніями, современныхъ усовершенствованій съ вѣчными началами духовной жизни, наслажденій съ добродѣтелью, труда и борьбы съ миромъ сердца—это дѣло наше. И какъ много нынѣ отъ лучшихъ людей нашего образованнаго общества обращено къ намъ вниманія и уваженія! Развѣ это не свѣтлая черта для юноше-

скаго идеала сдѣлать себя достойнымъ этого вниманія, нужнымъ, полезнымъ, желательнымъ для людей лучшихъ, и послужить ихъ истинному благу и счастію? А развѣ не великая идея, не высокая для насъ цѣль содѣйствовать возстановленію въ народѣ Русскомъ той цѣльности, того единства воззрѣній и стремленій отъ высшаго слоя до низшаго, какимъ онъ отличался въ старину, съ тою только великою разницей, что это единеніе будетъ основано не на преданіи только и обычаяхъ, какъ было прежде, а на истинномъ просвѣщеніи и сознательномъ убѣжденіи, какъ требуется и какъ возможно нынѣ? О, здѣсь есть чѣмъ вдохновиться. ееть за что не только удобствами жизни пожертвовать, но и жизнь положить?

Но кромѣ этихъ подлежащихъ намъ великихъ задачъ, сколько другихъ свѣтлыхъ сторонъ въ нашемъ служеніи! Потрясать сердца человѣческія силою слова, овладѣвать искреннимъ довѣріемъ и любовію людей, вливать утѣшеніе въ скорбящія души, высвободить духовныхъ плѣнниковъ изъ рабства страстей, изрекать виновному и унывающему прощеніе и миръ отъ имени Божія, — развѣ это не истинныя утѣшенія, не высокія наслажденія?

Молодость не вѣрять, что нельзя быть счастливымъ однимъ внѣшними наслажденіями; она знать не хочетъ, что жизнь коротка, что истинное счастье, или задатки вѣчной жизни только въ честнотѣ трудъ, въ служеніи Богу и благу человечества. Но это истины, неотразимыя истины. Какъ убѣдить васъ въ нихъ, какъ привить ихъ къ сердцамъ вашимъ? Только сами вы можете этого достигнуть—ученіемъ, размышленіемъ, а вѣрнѣе всего ежедневнымъ углубленіемъ въ слово Божіе и сердечною молитвой къ Богу.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, всября 18 дня 1878 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ РѢЧЬ.“

Каждый серьезный журнал ставитъ себя цѣлью разъясненіе политическихъ, экономическихъ, финансовыхъ и иныхъ вопросовъ, цѣлесообразнѣе разрѣшеніе которыхъ составляетъ насущную потребность общества и государства. Но каждый разъясняетъ или разрѣшаетъ ихъ по своему. Разнообразіе рѣшеній зависитъ, конечно, отъ различнаго мировоззрѣнія людей, посвятившихъ свои силы той или иной редакціи. Поэтому читающее общество, особенно въ наше время, при появленіи новаго журнала, спрашиваетъ его редакторовъ и сотрудниковъ—кто они и куда идутъ? Такой вопросъ весьма естественъ. Подписываясь на журналъ, читатель обращаетъ его въ своего постояннаго собесѣдника. Кто будетъ этотъ собесѣдникъ—дѣло далеко не безразличное для подписчика, особенно если послѣдній ищетъ не одного занимательнаго чтенія, но и опредѣленныхъ отвѣтовъ на занимающіе его вопросы. Вотъ почему мы, начиная изданіе новаго ежемѣсячнаго журнала „Русская Рѣчь“, считаемъ долгомъ напередъ объявить кто мы и куда идемъ. Сдѣлаемъ это безъ отговорокъ и нахистоту.

Мы отправляемся отъ Россіи, преобразованной 19-го февраля 1861 года, мы идемъ къ логическимъ и историческимъ послѣдствіямъ этой и связанныхъ съ нею реформъ.

19-го февраля 1861 года русское общество оставило за собою безправіе массы народонаселенія, господство одного сословія надъ другими и дошло на встрѣчу равноправности и вѣсословности. Оно нашло выраженіе своимъ стремленій въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, въ новомъ судѣ, въ преобразованной военной повинности.

Оставляя за собою много отжившаго и отживеннаго, русское общество переправилось, однако, на другой берегъ не налегкѣ. Оно совершило переездъ при помощи извѣстныхъ историческихъ силъ и перенесло съ собою извѣстныя историческія учрежденія, составляющія часть народнаго тѣла.

Русскій публицистъ, желая работать плодотворно на пользу всей русской земли, долженъ имѣть въ виду, какъ непреодолимыя цѣли, къ которымъ стремится земля, такъ и тѣ пути, по которымъ привыкъ идти русскій народъ.

Русскій народъ знаетъ, что всѣ преобразованія, какими онъ воспользовался, начиная съ отмѣны крѣпостнаго права, совершены по почину той силы, которая выросла вмѣстѣ съ Россією и въ которой Россія видитъ свое олицетвореніе—властью царскою. Ей привыкъ онъ вѣрять и чрезъ посредство ея ждетъ онъ дальнѣйшаго совершенія своихъ судебъ.

Русскій народъ любитъ совершенныя реформы еще и потому, что онѣ совершились въ духѣ народномъ. „Отъ твоей довизны“, говорили старообрядцы Государю, „старинною вѣстѣ“. Въ крестьянскомъ надѣлѣ народъ увидѣлъ осуществленіе своего историческаго права на землю, въ общинномъ землевладѣніи—свой старинный мірской обычай, въ крестьянскомъ самоуправленіи—старинную идею мірской власти, очищенную теперь отъ постороннихъ элементовъ—владѣльческаго и казеннаго.

Дальнѣйшее развитіе Россіи возможно только при помощи тѣхъ же силъ и на тѣхъ же историческихъ основаніяхъ.

Но вѣрность основнымъ народнымъ понятіямъ не только не исключаетъ, но прямо требуетъ ихъ критической оцѣнки въ данномъ ихъ выраженіи, во временномъ проявленіи. Объяснимся.

Каждое основное начало народнаго быта, если оно дѣйствительно основное, способно къ развитію, къ преобразованію сообразно условіямъ времени. Отживаешь, умираешь и отпадаетъ только несущественное, временное, то, что служило или въ данное время служить простымъ орудіемъ основному.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1547 году Иванъ Грозный принялъ царскій титулъ, сколько преобразованій совершилось въ высшемъ управленіи! Отжили приказы съ боярскою думою; настала вѣкъ коллегій и сената: пережито было время верховныхъ тайныхъ совѣтовъ, кабинетовъ, конференцій при Высочайшемъ дворѣ. Все это было и было поросло, и только пытливыи архивныи изслѣдователи извлекаютъ на судъ потомства слѣды дѣятельности того, что нѣкогда было властью, что судило и управляло, карало и миловало. Настала вѣкъ министерствъ, государственнаго совѣта, комитета министровъ, преобразованнаго сената. Но кто же скажетъ, что въ этомъ послѣднее слово государственнаго развитія Россіи, ея лебединая пѣснь, ея послѣднее и непререкаемое откровеніе? Кто не увидитъ въ этомъ того же временнаго, а потому несущественнаго, того, что можетъ засохнуть и отпасть по мѣрѣ и вслѣдствіи развитія дѣлага?

Если такъ—то критикъ изслѣдователя и публициста открытъ широкій просторъ. Онъ долженъ сумѣть отличить существенное отъ несущественнаго. Задача его будетъ состоять именно въ томъ, чтобы отличить насколько дѣятельность и способность временнаго удовлетворять цѣлямъ основнаго въ данную минуту его развитія.

Такова и наша задача.

Пережитое нами время реформъ уже разрѣшило нѣкоторые вопросы, удовлетворило нѣкоторыя потребности и обратило известныя установленія въ общественное достояніе. Но рядомъ съ этимъ осталась

несовершеннымъ многое изъ того, безъ чего немислимо дальнейшее развитіе совершеннаго; но рядомъ съ этимъ новыи удѣлы старое, переплетающееся съ новымъ и пренатствующее ея свободному развитію. Во многихъ случаяхъ новое вино влито въ старыя мѣха и на старой одеждѣ красуются новыя заплаты.

Такъ, положеніе о крестьянахъ освободило не однихъ крѣпостныхъ крестьянъ, надѣлило всѣхъ ихъ землею и создала мірское самоуправленіе. Но очевидно, что великое дѣло 1861 года не дастъ плодовъ, пока крестьянское сословіе будетъ обременено сборами, превышающими его платежныя силы, пока крестьянская личность въ движеніяхъ своихъ будетъ связана законами объ отлучкахъ, и плодороднѣйшія мѣстности наши останутся невоздѣланными, пока у насъ не будетъ правильной системы и свободы переделовъ.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и новое городское положеніе основали у насъ самоуправленіе. Но самоуправленіе это не получить своего истиннаго смысла, пока не опредѣлится и не установится правильное отношеніе этихъ учрежденій къ общей системѣ административнаго управленія, пока подъ администраціею, облеченною всѣми правами и полномочіями, будутъ разумѣться лишь коронныя органы вообще и полиціи въ особенности.

Судебныя уставы совершили коренной переворотъ въ области судебной; старыя порядки прежнихъ судовъ отходятъ въ область преданія. Но осуществились-ли вполнѣ основныя начала новаго суда? Уяснились ли и отношенія суда къ администраціи?

Воспитаніе молодого поколѣнія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственной жизни. Въ основу его должно лечь не только преданность, но и любовь къ своему отечеству, любовь къ Русской землѣ. Молодое поколѣніе должно съ дѣтскихъ лѣтъ привыкать къ мысли, что оно будетъ призвано на служеніе своей родинѣ, что оно есть надежда страны, живая связь между историческимъ прошлымъ и будущимъ развитіемъ Россіи. На дѣлѣ же мы видимъ, что хотя молодежь наша и обнаруживаетъ стремленіе служить своей родинѣ, но, воспитанная, въ теченіе всей своей школьной жизни, внѣ связи съ народомъ, она не умѣетъ приступить надлежащимъ образомъ къ этому дѣлу. Ея обращеніе къ народу принимаетъ уродливыя и подчасъ весьма печальныя формы. Молодость всегда воспримчива, всегда отзывчива, всегда искренна, даже въ своихъ заблужденіяхъ—въ этомъ ея лучшая сила; вотъ почему наша молодежь достойна глубокаго сожалѣнія, когда она желаетъ и силится сразу пересоздать русскій народъ и притомъ по образцу, измышленному людьми, которыхъ, по мѣткому русскому выраженію, наиболѣе правильно назвать „людьми непомнящими родства“.

Если наше молодое поколѣніе хочетъ дѣйствительно послужить на пользу народа, оно должно отрѣшиться отъ многого и лишь содѣйствовать народу въ его постепенномъ развитіи, прилаживая сферу своей дѣятельности къ народной средѣ.

Воспитать наше молодое поколѣніе въ такомъ духѣ и есть существенная задача нашей школы. А въ ней, въ сожалѣнію, существуетъ много мертвой рекламентаціи, мало внутренняго духовнаго единенія учащихся съ учащимися. Наша школа часто сушитъ человѣка и полируетъ его по дѣ одинъ образецъ.

Развитіе частной, предприимчивости породило у насъ множество акціонерныхъ предприятий. Очень многія изъ нихъ ведутъ надлежащимъ образомъ свои дѣла; большинство эксплуатируетъ массу, дуская пылъ въ глаза людямъ составленнымъ отчетами, а въ будности добываясь лишь скорой личной наживы путемъ лживаго плутовства. Общества размножились какъ грибы, существуютъ десятки дѣтъ, а интересы акціонеровъ все еще не защищены надлежащимъ образомъ закономъ, интересы публики не ограждены отъ произвола всевозможныхъ компанейскихъ распорядителей и агентовъ, интересы массы не охранены отъ корыстныхъ посязаний избранныхъ, совершающихъ несмысленныя по своей глупости дѣла. Не определены даже точныя отношенія частнаго кредита къ кредиту государственному, частнаго стажанія къ общественному благосостоянію. Произволь царить въ этомъ раззолоченномъ мірѣ, въ этомъ громадномъ, злокачественномъ наростѣ, разлѣвающимся нити котораго глубоко въѣдаются въ народный организмъ.

Не будемъ исчислять даже всего противорѣчиваго, всего требующаго исправленія. Но и оказаннаго достаточно для уясненія нашей задачи: одранить совершенное и содѣйствовать совершенію того, что составляетъ логическое послѣдствіе сдѣланнаго, направленное къ надлежащему развитію народной жизни, въ связи съ историческими прошлыми, съ ея самобытными, вѣками сложившимся строемъ.

Не съ лицемѣріемъ фарисея, не съ надмѣнностью книжника, а съ глубокою любовью къ Россіи и къ русскому народу, съ желаніемъ дѣйствительно помочь ему, приступаемъ мы къ нашему дѣлу; съ желаніемъ, въ свою очередь, позаимствовать отъ народа его лучшія качества: его стойкость, его беззапятно горячую любовь къ своему отечеству, его воегдашнюю, вѣками испытанную, готовность жертвовать, вплоть безкорыстно, всемір, на пользу Россіи, не жалѣть ничего для охраненія ея достоинства и національной чести. Мы враги самообожанія, враги и самооплеванія, но мы сторонники самосознанія и вѣры въ себя, а этого-то у насъ, въ цивилизованной Россіи, почти нѣтъ.

Мы желаемъ и свѣта и правды, но на основѣ дальнѣшняго развитія основныхъ началъ русской земли.

Вотъ наша цѣль и наше направленіе; вотъ нашъ взглядъ!

Мы приглашаемъ къ сотрудничеству всѣхъ русскихъ людей, сочувствующихъ нашему направленію. Мы приглашаемъ въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые жавутъ въ нѣдрахъ нашей необъятной Россіи и несильно трудятся надъ развитіемъ народнаго самоуправленія и благосостоянія народа, надъ улучшеніемъ его, во многомъ еще темнаго, быта, надъ облегченіемъ его безъисходнаго и подчасъ невознаграждаемаго труда. Мы зовемъ ихъ на помощь, какъ зоветъ обыкновенно русскій человѣкъ, когда нужна неотложная работа, а не хватаетъ рукъ. Это по мочъ до души, по мочъ вѣкъ міромъ и на общее мірское дѣло. Съ нами будемъ сильны, потому что будемъ правдивы, будемъ дѣйствительно представителями „Русской Рѣчи“.

Изъ числа сотрудниковъ журнала, принимающихъ постоянное участіе въ его редакціи, мы, по настоящее время, уполномочены указать въ Н. А. Вроцкаго, профессора А. А. Дм. Градовскаго, Н. М. Коркунова, Евг. Льв. Маркова, Л. К. Попова и М. П. Розенгейма.

Журналъ „Русская Рѣчь“ будетъ выходить безъ предварительной цензуры, въ С.-Петербургѣ, съ января 1879 года, ежемѣсячно, квантами отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

1. Литература — литературныя произведенія въ прозѣ и въ стихахъ, русскія и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.
2. Наука и искусство — ученые и компилятивныя статьи по всемъ отраслямъ наукъ и искусствъ.
3. Критика и библиографія.
4. Политика — внутреннее и иностранное обозрѣнiя и случайныя статьи.
5. Корреспонденція — постоянная и случайная, изъ Россiи и изъ-за границы.
6. Смѣсь — театральныя, музыкальныя, художественныя и т. п. рецензи, разныя случайныя замѣтки и статьи, стенографическiя и другiе отчеты, и т. п.
7. Объявленiя.

Подписная цѣна за годъ: безъ доставки 15 руб., съ доставкой 16 руб., съ пересылкой въ Россiи 17 руб., за границу въ государства, входящiя въ составъ всеобщаго почтоваго союза 18 руб. въ прочiя мѣста — по соглашенiю съ редакцiей.

Допускается разсрочка платежа по третямъ съ платбiями:

Безъ доставки при подпискѣ 7 р. къ 1 мая 6 р. къ 1 сент. 4 р.

Съ доставкой „ „ 8 „ „ 6 „ „ 4 „

Съ пересылкой „ „ 9 „ „ 6 „ „ 4 „

При разсрочкѣ платы помѣсячно, уплачивается впередъ за каждый мѣсяцъ съ доставкой или пересылкой по 2 руб. сар.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала въ С.-Петербургѣ, Максимiановскiй переулокъ, № 14. Гр. иногороднымъ подписчиковъ просить адресоваться въ редакцiю журнала: Петербургъ, Пращевскiй переулокъ, № 5.

При обозначенiи адреса, иногороднымъ подписчикамъ, живущимъ не на линияхъ почтовыхъ сообщенiй, слѣдуетъ обозначить ближайшую почтовую станцiю.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. А. Навроцкий.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ

„МИССИОНЕРЪ“ ВЪ 1879 ГОДУ.

Еженедѣльное изданiе „Миссионеръ“ будетъ продолжаться и въ будущемъ 1879 году по той же программѣ и на тѣхъ же условiяхъ, какъ и въ предыдущiе годы, съ одною оговоркою.

Согласно съ утвержденною Цвѣтншми Синодомъ программой въ „Миссионерѣ“ по прежнему будутъ помѣщаемы статьи, содержащiя въ себѣ: 1) историческiя свѣдѣнiя о насажденiи и распространенiи христіанской вѣры въ различныя страныя мира и биографiи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей миссионерства; 2) разсказы изъ современной дѣятельности православныхъ миссионеровъ какъ въ предѣлахъ Русской Импе-

рін, такъ и вѣдѣя ея — въ Средней Азійи и преимущественно въ Японіи; 3) историческія свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности западныхъ христіанъ и рассказы изъ современной ихъ миссіонерской практики; 4) этнографическія свѣдѣнія изъ мѣстъ дѣятельности миссіонеровъ; описаніе вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, условій жизни и быта инородцевъ, вмѣстѣ съ описаніемъ природы въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности; 5) обсужденіе способовъ и приемовъ распространенія христіанства; 6) статьи общеназидательныя, имѣющія цѣль, между прочимъ, раскрытіе и утвержденіе христіанскихъ вѣтанъ и нравственныхъ понятій въ самихъ православныхъ христіанахъ, подъ вліяніемъ духа времени нерѣдко измѣняющихъ своему высокому призванію — быть свѣтомъ міра; 7) разныя извѣстія, замѣтки, миссіонерскіе отчеты, объявленія и т. под.

Въ 1879 году „Миссіонеръ“ будетъ выходить еженедѣльно въ объемѣ отъ одного печатнаго листа и болѣе. Цѣна годовому изданію три руб., съ пересылкою и доставкою три рубля пятьдесятъ копѣекъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ квартирѣ священника Троицкой на Арбатѣ церкви В. С. Маркова, въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, въ домѣ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Миссіонера“ въ Москвѣ.

Въ редакціи „Миссіонера“ продаются слѣдующія книги:

1) Сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ и дѣятельности православнаго Миссіонерскаго Общества. Москва. 1872. Въ двухъ книгахъ. Цѣна за обѣ книги 1 р. 50 коп., а за каждую порознь 1 р.

2) Памятники трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1798 г. до 1863 г. А. С. Стурдэн. Ц. 1 р. и съ пересылкой.

3) Бесѣдовательное толкованіе втораго посланія къ Солунянамъ, Епископа Теофана. Москва. 1873. Ц. безъ пересылки 50 к., съ пересылкою 75 коп.

4) Толкованіе посланія къ Галатамъ. Епископа Теофана. 1875. Ц. безъ пересылки 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

5) Краткіе очерки исторіи христіанской церкви. Иркутскаго миссіонера іеромонаха Димитрія СПб. 1874 г. Ц. безъ пересылки 50 к., съ пересылкой 75 к.

6) Нѣсколько преповѣдей протоіерея А. Ключарева. Москва. 1873. Ц. 1 руб.

7) О Евангеліи отъ Матея, Свщ. Влад. Маркова. Москва. 1873 г. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 коп.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1879 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, т.-е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: церковный, внутренний, иностранный, судебный, и біографическій (отчеты о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ) и выходитъ три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры:

По прежнему задачею „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ будетъ: содѣйствовать поддержанію въ обществѣ религиозно-нравственнаго начала, сближенію духовенства съ обществомъ, ясненію нравъ и обязанностей духовенства въ сферѣ общественной и церковной, огражденію ближайшихъ интересовъ духовенства, наиболѣе правильному и цѣлесообразному рѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, преуспѣянію духовной школы, усиленію путей и средствъ для сближенія съ православіемъ различныя неправославныхъ обществъ внутри Россіи и за границей, разработкой вопросовъ благотворительности, общественной нравственности, народнаго образованія и прочихъ входящихъ въ программу газеты и интересующихъ общество и духовенство.

Въ каждомъ № помѣщается не менѣе трехъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ. Въ наступающемъ году, кромѣ другихъ заготовленныхъ уже статей, будутъ помѣщены два обширныя изслѣдованія покойнаго Д. И. Ростиславова, доставленные въ редакцію по разборѣ бумагъ: 1) „О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и и бѣднѣе духовенствомъ“, 2) „О русскомъ ученomъ монашествѣ“ и будетъ продолжаться періодическое обозрѣніе русскаго проповѣдничества.

Въ №№, выпускаемыхъ по средамъ, печатается полный сводъ распоряженій по духовному вѣдомству за истекшую недѣлю, въ томъ числѣ и епархіальныхъ, представляющихъ общій интересъ.

Съ № 1 „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ на наступающій годъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, по примѣру первыхъ пяти лѣтъ, будетъ разосланъ въ виду бесплатнаго приложенія „Календарь для духовенства“ на 1879 годъ, въ составъ котораго войдутъ, кромѣ календарныхъ свѣдѣній сводъ указовъ и опредѣленій Св. Синода по церковному управленію и учебному вѣдомству, различныя инструкціи, правила и постановленія, имѣющія руководственное значеніе, свѣдѣнія историческія, библиографическія и др.

Цѣна газеты съ бесплатнымъ приложеніемъ: за годъ 6 р., за полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р., за 1 мѣсяць 1 р. съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, на пескахъ, по Конногвардейской улицѣ, д. № 59.

Въ редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ можно получить издаваемый ею АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ Духовнаго Вѣдомства. Центральныя учрежденія. — Главное духовное управленіе. — Придворное и военное духовенство. — Цензурные комитеты. — Ставропопигіальные монастыри. — Епархіальное управленіе. — Консисторія. — Попечительства. — Мѣстные комитеты. Братства. — Миссіи. — Благочинные. — Духовно-учебныя заведенія, — Академіи, семинаріи, женскія и мужскія училища. — Редакціи духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. Первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаній всѣхъ должностныхъ лицъ духовной администраціи. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

НА ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Газета „Современность“ будетъ издаваться въ 1879 году на прежнихъ основаніяхъ „я безъ предварительной цѣнзуры“. Въ ней будутъ помѣщаться: I. „передовыя статьи“ по вопросамъ морально-общественнымъ, политическимъ, учебно-воспитательнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Въ частности: „два раза“ въ мѣсяцъ будутъ помѣщаться „описательное обозрѣніе“, касающееся болѣе или менѣе выдающихся сторонъ и явленій въ нашей церковной жизни; а равно „жемчужныя“ обозрѣнія: „внутреннее“, живущее своимъ предметомъ выраженіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни; „иностраниое церковное и политическое“. II. „Правительственныя распоряженія“, касающіяся всѣхъ вообще ведомствъ; въ частности, въ каждомъ номерѣ, выходящемъ по вторникамъ, будутъ печататься указы и опредѣленія св. Синода, обнародованные въ теченіе предшествовавшей недѣли и имѣющія ближайшее отношеніе къ православному духовенству. III. „Хроника“, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ преимущественно столичной жизни. IV. „Журнальные и газетные толки“, или выдержки изъ разныхъ печатныхъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. „Внутреннія извѣстія“, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ всякихъ личностей и провинціальныхъ дрягъ, а также интересныя въ какомъ бы то ни было отношеніи извѣстія, замѣтнованныя изъ другихъ газетъ. VI. „Судебный отдѣлъ“, въ которомъ будутъ печататься обстоятельные отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. „Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. „Разныя мелкія извѣстія“ изъ внутренней и иностранной жизни, имѣющія юмористическій и анекдотическій характеръ. IX. „Фельетонъ“, въ которомъ между прочимъ по одному разу въ мѣсяцъ, будетъ помѣщаться „обзоръ текущей журналистики“, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и нѣкоторыя „библиографическія замѣтки“. X. „Киршесныя свѣдѣнія“. въ каждомъ субботаеизъ газетъ. Словомъ, со стороны редакціи будутъ употреблены всѣ силы къ тому, чтобы ея газета вышла живою и разнообразнымъ интересъ, и полностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній могла удовлетворять любознательности всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ или времени читать или средствъ выписывать дорогія ежедневныя изданія. Въ слѣдующемъ году „весь текстъ газеты“ будетъ печататься новымъ „плотнымъ“ уборымъ шрифтомъ.

„Подписная цѣна“ на годъ: „Шесть“ рублей; а за полгода три рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою во все мѣсто Россіи и съ доставкой на домъ въ Петербургъ.

Адресоваться исключительно: въ „Петербургъ“, въ редакцію газеты „Современность“. (Адресъ редакціи, исполнить почтанду).

О Б Ъ И З Д А Н І И

„ИЗВѢСТІИ И УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ“

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ 1879 ГОДУ.

„Извѣстія“ и „Ученныя Записки“ Казанскаго Университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, и выпускаются, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

„Извѣстія“ представляютъ собою официальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертацияхъ на ученые степени, отчеты, программы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни. — „Ученныя Записки“ — труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертации, пробныя и вступительныя лекціи, документы неизданные напечатаны, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библиографическій отдѣлъ, составляемый специалистами.

Подписная цѣна: за годъ: 6 рублей; съ пересылкою: Студенты Казанскаго Университета платятъ за годовое изданіе два рубля сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Заявленія объ отбѣнѣ издаваній принимаются въ Редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ записокъ“ Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ Редакціи „Извѣстій“ и „Ученыхъ записокъ“ Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани.

Подъ редакціей А. Осипова.

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ТЕЛЕГРАФЪ“ 1879 г.

„ТЕЛЕГРАФЪ“ будетъ выходить въ 1879 году по прежнему *ежедневно*, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей выйдутъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. По понедѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за табельными праздниками или за двумя праздничными днями) будетъ издаваться полный листъ или полужистъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

„ТЕЛЕГРАФЪ“—политическая, литературная и общественная ежедневная газета—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи, издается безъ предварительной цензуры.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость во всему интересующему обществу—вотъ главные цѣли, въ которыхъ стремится газета „ТЕЛЕГРАФЪ“. Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ досужь прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціального и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и жить общею жизнью съ отечествомъ. Такихъ читателей редація исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она трудится, и труды ея уже увѣнчались успѣхомъ. Въ теченіи перваго года число подписчиковъ на газету „ТЕЛЕГРАФЪ“ превзошло 10,000, такъ что газетѣ пришлось обзавестись собственною типографіею, вполнѣ обеспечивающею отнынѣ исправную доставку газеты.

„ТЕЛЕГРАФЪ“ выходитъ въ большомъ форматѣ въ пять газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“ на Большой Конюшенной, д. № 15, Язиковой, кв. № 22.

Подписная цена на газету „ТЕЛЕГРАФЪ“ съ доставкою ея на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ въ 1879 г. слѣдующая: на 12 м. 6 р.; на 11 м. 5 р. 50 к.; на 10 м. 5 р.; на 9 м. 4 р. 75 к.; на 8 м. 4 р. 25 к.; на 7 м. 4 р.; на 6 м. 3 р. 50 к.; на 5 м. 3 р.; на 4 м. 2 р. 50 к.; на 3 м. 2 р.; на 2 м. 1 р. 50 к.; на 1 м. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ НА ВСѢ СРОКИ НЕ ИНАЧЕ КАКЪ СЪ 1-ГО ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

Подписная цѣна за-границею вдвое противъ означенныхъ выше цѣнъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не служащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою и доставкою, присылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 2 р. 50 к., въ началѣ марта 2 р. и въ началѣ августа 1 р. 50 к. Нарушившіе который-либо изъ означенныхъ сроковъ лишаются права на разсрочку.

Редація проситъ иногородныхъ присылать адреса „четко“ написанные, съ обозначеніемъ „ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ“, а при перемѣнѣ адреса предлагать двѣ 8-ми коп. марки, а также сообщать свой старыи адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

Издатель и редакторъ *Ж. Трубиновъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

основанъ въ 1831 году, **ВАЗА** существуетъ 47 лѣтъ

Женскій литературный рукодѣльно-модный иллюстрированный журналъ единственный въ Россіи модный журналъ съ преміями.

Выходитъ 1-го и 15-го числа „каждаго мѣсяца“ большими тетрадами.

24 нумера журнала, 12 рукодѣльно-модныхъ и 12 литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.). 1000 политинажей въ текстѣ, 24 модныя гравюры, 12 листовъ литографирован. узоровъ и выкроекъ, 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину, 6 „раскрашенныхъ“ узоровъ (во второмъ полугодіи). Карманный календарь на 1879 годъ.

Каждый подписчикъ 1879 года получитъ „шесть премій“ а именно:

1) „Коверъ“ къ письменному столу или ролю, на плетеной коричневой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матеріалъ полный. (Канва и раскрашенный узоръ—по моделямъ съ парижск. выставки). Цѣна оконченому въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

2) „Воротникъ“ большой къ визитному платью. Работа изъ миньардизы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна готоваго въ отдѣльной продажѣ 3 руб.

3) „Абажуръ“ на большую лампу, состоящій изъ 12 частей, весьма изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Часъ работы. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

4) „Пажъ“ для платья, фигурный, высеребренный, Парижской работы со шнуромъ. Новость необходимая для нынѣшнихъ костюмовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

5) „Подчасникъ“ изъ снecиально для этого приготовленной, тисненной съ вырѣзкой, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.

6) „Перевязъ“ для ружья, (годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матеріалъ полный.

Всѣ преміи предназначенныя для подписчиковъ 1879 года, отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ января по порядку поступления подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.—47-ми лѣтняя извѣстность журнала служить ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій. . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.

На полгода безъ премій. . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.

На 3 мѣсяца безъ премій. . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.

Съ „Преміями“ 5 руб. дороже. На закупку премій редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Ваза“, Развѣзжая, д. 32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

НА
„НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ“

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вступая въ 4-й годъ своего существованія, „Народный Листокъ“ и въ 1879 году будетъ выходить по прежнему—1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не меньше 8 страницъ, въ 4 доли листа, съ подицифками. Преимущественно будутъ помѣщаться портреты лицъ, отличившихся въ минушую войну, портреты лицъ Императорской фамилии и вообще лицъ являть либо замѣчательныхъ.

Читатели въ будущемъ году найдутъ въ „Народномъ Листкѣ“, между прочимъ постановленія и распоряженія правительства, свѣдѣнія о ходѣ работъ въ разныхъ комитетахъ и другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, по преобразованію волостныхъ и сельскихъ управленій, и волостныхъ судовъ, и обо всемъ, что касается улучшенія матеріальнаго быта сельскаго духovenства, сельскихъ учителей, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, всѣ распоряженія, касающіяся улучшенія быта сельскаго населенія вообще, свѣдѣнія объ интересныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ пригодныхъ для фабрикъ, заводовъ и вообще для сельскихъ жителей, и притомъ преимущественно такихъ, которыя не на бумагѣ только, а на дѣлѣ могутъ быть дешево применены къ дѣлу по возможности безъ затраты большого капитала. Въ 1879 году будетъ продолжаться Русская Исторія, но чтобы она не занимала мѣста въ „Народномъ Листкѣ“ и дала бы редакціи возможность помѣщать въ немъ другія статьи, исторія эта будетъ печататься въ отдѣльныхъ листахъ, съ портретами царствовавшихъ лицъ, такъ чтобы въ заключеніи, когда исторія кончится, можно было бы переделать ее какъ книгу.

Листки эти, по мѣрѣ ихъ выхода, будутъ прилагаться, какъ премія, всѣмъ подписчикамъ „Народнаго Листка“; а такъ какъ всякому непріятно получать вещи безъ начала, востому Русская Исторія, начатая въ „Народномъ Листкѣ“ въ 1876, 77 и 78 годахъ, въ продолженіе 1879 года будетъ отпечатана въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ также съ портретами, и въ такомъ именно форматѣ, чтобы можно было переадресовать ихъ подѣ одно въ листками Русской Исторіи, которая будетъ выходить въ 1879 году. Это начало Русской Исторіи будетъ приложено къ „Народному Листку“ въ срединѣ года, какъ премія, всѣмъ подписчикамъ 1879 года, *которые подпишутся на Народный Листокъ до 1-го января 1879 года.* Всѣ же подписавшіеся послѣ 1-го января и желающіе получить начало Русской Исторіи, благоволятъ, сверхъ 2-хъ рублей за „Народный Листокъ“, прислать еще 1 р. сер. за начало Русской Исторіи.

Кромѣ этого, съ первымъ номеромъ подписчики получаютъ въ премію портреты лицъ, царствовавшихъ въ Россіи съ Василія Ивановича Шуйскаго до Александра II включительно. Подписчики, которые пожелаютъ получить портреты лицъ, царствовавшихъ въ Россіи отъ Петра до Шуйскаго, которые были приложены преміей подписчикамъ 1878 года,

благоволят присылать деньгами или почтовыми, а не гербовыми, марками, 60 к. Лица, желающія выписать „Народный Листокъ“ за 1878 г. переплетенный въ цвѣтную обертку, получать его вмѣстѣ съ портретами за 2 р. сер.

Кромѣ того, подписчики въ 1879 году получают карманный Народный Календарь на 1879 годъ. Въ 1877 году редакция разослала своимъ подписчикамъ, сверхъ обѣщаннаго въ премію календаря, еще двѣ отдѣльныя картины; въ 1878, сверхъ обѣщанныхъ портретовъ, разослала еще одну премію необѣщанную, а именно—брошюру подъ названіемъ: „Что такое крейсера добровольнаго флота и почему они необходимы для Россіи“ и въ 1879 году редакция не отступитъ отъ своего правила: обѣщать какъ можно меньше и давать какъ можно больше,—что впрочемъ всегда зависитъ отъ числа подписчиковъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи „Народнаго Листка“, Успенскій переулокъ въ Каретномъ ряду, дома Аляничковой.

ЦѢНА: за годовое изданіе съ пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи и съ доставкою въ Москвѣ два руб. сер.; полугодоваѣ подписка и уплата за „Народный Листокъ“ гербовыми марками не принимается.

Всякій, доставившій редакціи подписку не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ, хотя бы и отъ разныхъ лицъ и по разнымъ адресамъ, имѣетъ право удержать изъ подписныхъ денегъ въ свою пользу за коммиссію съ каждаго экземпляра 20 к., т.-е. за 5 экз. прислать вмѣсто 10 руб. только 9 р.; за 6 экземпляровъ, вмѣсто 12 р., 10 р. 80 к. и такъ далѣ; а доставившій подписку не менѣе 10 экз., сверхъ того получить съ первой почтой лично для себя альбомъ съ 64 портретами цѣль, царствовавшихъ въ Россіи, отъ Рюрика до Александра II. Альбомъ этотъ переплетенъ въ отпечатанную золотомъ обертку, украшенную портретами Рюрика и Александра II и видомъ Московскаго Кремля.

Редакторъ-Издатель *Миз. Дмитриевъ.*

Съ 1-го января 1879 года въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

ВОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ большихъ иллюстрацій 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. Каждый номеръ, представляющій по своему художественному и литературному содержанію возможно вѣрное воспроизведеніе всѣхъ сторонъ міровой жизни, будетъ иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими граверами.

Подписная цѣна за годъ изд. „Иллюстрированнаго Мира“: въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 руб., безъ доставки въ Москвѣ 4 руб. 50 к., съ доставкою въ С.-Петерб. и для иногородныхъ 5 руб.

Быстрое развитіе за послѣднее время иллюстрированныхъ журналовъ было причиною того, что ежегодно появлялась цѣлая масса новыхъ иллюстрацій, которыя также скоро погибали, какъ и нарождались. Наобѣщая множество приманокъ и не будучи въ состояніи выполнить всего обѣщаннаго, онѣ прекращали свою дѣятельность на первыхъ же

попытках, вслѣдствіе того, что литературное содержаніе ихъ, какъ и большинства существующихъ иллюстрацій, ограничивалось безсодержательными повѣстками и разсказами, да невинными стишками; рисунокъ же, поражаа своею случайностью, состояли изъ заграничныхъ клише, которыхъ въ большинствѣ случаевъ, какъ завалавшіеся у заграничныхъ издателей покупались оптомъ по дешевой цѣнѣ.

Редакція „Иллюстрированнаго Мира“ поставляетъ себѣ цѣлю: воспроизводить на страницахъ своего журнала какъ текущіе событія, такъ равно и художественныя произведенія, находящія мѣсто въ однѣхъ лишь художественныхъ изданіяхъ; выпуская же свой журналъ въ форматѣ, одинаковомъ съ большими заграничными иллюстраціями, будетъ помѣщать и тѣ рисунки, которые не могутъ имѣть мѣста въ нашихъ маленькихъ иллюстраціяхъ, но которые при тщательномъ выборѣ, позволятъ читателю ознакомиться со всѣми выдающимися явленіями мировой жизни. Вообще же редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы дать въ каждомъ номерѣ своего журнала возможно полное выраженіе какъ русской жизни, такъ и жизни всего остальнаго міра, при чемъ одинаковое вниманіе будетъ обращено какъ на художественную сторону журнала такъ и на литературную.

Изданіе большаго иллюстрированнаго журнала сопряжено съ громадными расходами и этимъ обусловливается высокая подписная цѣна нашихъ и заграничныхъ большихъ еженедѣльныхъ иллюстрацій. Редакція „Иллюстрированнаго Мира“ желая сдѣлать свой журналъ доступнымъ большинству читателей, но въ тоже время заботясь о добросовѣстномъ выполненіи намѣченныхъ цѣлей, находитъ возможнымъ назначить незначительную подписную цѣну лишь при условіи выхода журнала два раза въ мѣсяцъ:—1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца. При такихъ срокахъ выхода журнала редакція можетъ выпускать номера не скороспѣлые, сшитые на живую нитку, а составленные самимъ тщательнымъ образомъ какъ по отношенію рисунковъ, такъ и помѣщенныхъ статей.

Что касается премій и всякаго рода приложеній, которыми большинство иллюстрацій стараются заманивать подписчиковъ, то въ этомъ случаѣ редакція держится своего взгляда. Всѣ безплатныя преміи, требующія значительныхъ затратъ со стороны редакціи, ставятъ ее въ необходимость испускать эти расходы на внутреннѣхъ достоинствахъ журнала, и чѣмъ роскошнѣе обѣщанныя преміи, тѣмъ скуднѣе содержаніе самаго журнала. Редакція „Иллюстрированнаго Мира“, не отказываясь отъ разсылки различныхъ приложеній, но въ тоже время не желая выдавать ихъ въ ущербъ достоинствамъ журнала, будетъ разсылать и преміи, и приложенія, когда то дозволитъ наличное число подписчиковъ,— словомъ редакція сдѣлаетъ съ своей стороны все возможное, что бы за пять рублей дать своимъ подписчикамъ хорошій, большой иллюстрированный журналъ.

„Иллюстрированный Миръ“ будетъ издаваться по слѣдующей программѣ:
 I. Беллетристика: повѣсти, разказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ какъ оригинальныя, такъ и переводныя. II. Этнографія, статистика и путешествія. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются рисунки, изображающіе виды разныхъ мѣстностей, городовъ, отдѣльныхъ зданій, и пр. III. Науки и художества. Популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній и очерки современнаго историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ картинъ, статуй и пр. IV. Исторія. Иллюстрированное

описаніе историческихъ событій и происхожд. съ изображеніемъ описываемыхъ лицъ и мѣстъ. V. Біографіи и портреты замѣчательныхъ дѣятелей. VI. Библиографія и критика. Замѣтки обо всемъ, что касается замѣчательнаго въ литературѣ VII. Современное обозрѣніе правительственныхъ мѣръ и законовъ. Важнѣйшія явленія общественной и гражданской жизни. VIII. Полѣтика. Обзоръ замѣчательныхъ государственныхъ и гражданскихъ событій. IX. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученныя извѣстія, разныя мелкія происшествія, карикатуры, шахматы, задачи, шашки, игры и пр. X. Объявленія.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, въ Редакціи и администраціи „Иллюстрированнаго Мира“, Фонтанка, № 103, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“, (ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ)

Иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, будетъ издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки, въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. „Семейное чтеніе“ (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія) выходитъ ежемѣсячно, т.-е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ пересылкою 10 р.

II. „Воспитаніе и обученіе“ (отдѣлъ для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т.-е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“ выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

„Семейное чтеніе“ даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

„Воспитаніе и обученіе“ съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; биографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ и т. п.). „Педагогическая хроника“ даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебновоспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб., Васильевск. остр. 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербурѣ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтаму извѣстенъ),—

съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, общества, фамилии и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель *К. Красичъ.*

ПОЛНЫЙ МѢСЯЦЕСЛОВЪ ВОСТОКА.

ТОМЪ I и II.

Можно получать отъ автора, настоятеля Знаменскаго монастыря, доктора богословія, архимандрита Сергія въ Москвѣ и въ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 6 р. 35 к., съ пересылкою 7 р.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ

Составилъ *С. С. Сиверъ* въ 1877 г.

Составилъ Казанской епархіальной воеводской церкви протоіерей *П. Захаринскій*, съ планомъ Казани. Цѣна 1 р. Продается у автора и у казанскаго книгопродавца Дубровина.

Продается въ Москвѣ на Никольской у Ферапонтова

„ОБЗОРЪ ФИЛОСОФСКИХЪ УЧЕНИИ.“

Сост. *М. Остроумовъ*. Цѣна 1 р., съ перес. II—259 стр. первая половина. Можно адресоваться къ автору. Сергіевъ посадъ, Моск. губ. преподавателю Внѣанской духовной семинаріи *М. А. Остроумову*.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу книга:

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ НОВАГО ЗАВѢТА,

въ простыхъ разказахъ, для дѣтей младшаго возраста.

Составилъ Законоучитель Минской школы для начальнаго образованія бѣдныхъ дѣвцъ, священникъ *Теодоръ Миткевичъ*.

Адресъ: въ г. Минскъ губ., священнику *Теодору Маткевичу*.

отъ него же можно выписывать книгу:

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА,

въ простыхъ разказахъ, для дѣтей младшаго возраста.

Обѣ книги составляютъ полное и обстоятельное повѣствованіе о священнѣхъ событіяхъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, колененое въ разказахъ простыхъ и доступныхъ пониманію самыхъ малоразвитыхъ дѣтей. Цѣна каждой—2 к.

Печатать позволяется. Москва, ноября 18-го 1878 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДМИТРИЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМІРСКИМЪ

ВЪ ЖИТОМІРСКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРѢ.

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, говоритъ св. пророкъ псалмопѣвецъ.

И дѣйствительно: нѣтъ силы и знаменія, нѣтъ чуда всемогущества и любви, которыхъ не явилъ бы Господь ради святыхъ Своихъ. Но не менѣе дивна, братіе мои, и любовь святыхъ къ Богу. Какихъ подвиговъ не совершила она? Какихъ искушеній не побѣдила? Какихъ истязаній и мученій не претерпѣла ради Господа?

Одно изъ этихъ дивныхъ явленій ничѣмъ непобѣдимой любви къ Богу и вѣстѣ всепобѣждающей силы Божіей, являющейся въ немощахъ человѣческихъ, прославляетъ нынѣ св. Церковь въ лицѣ святой великомученицы Варвары.

У насъ нерѣдко жалуются на недостатки и несовершенство проповѣдниковъ церковныхъ, на скудость истинно духоносныхъ учителей и руководителей ко спасенію. Но какого проповѣдника слышала св. Варвара? У какого учителя научилась она любить

Господа творца и вседержителя вселенной, еще и не познавши Его совершенно? Юная дѣва, родившаяся и воспитанная въ темной средѣ языческой, заключенная въ уединенной свѣтлицѣ, на высококомъ столпѣ, окруженная язычниками, поклонявшимися идоламъ, которыхъ называли они богами, — видѣла только небо и землю, небо украшенное свѣтлами дня и ночи, землю, испещренную многоразличными растеніями, населенную разнообразными живыми существами. И это небо, всегда повѣдающее славу Божію, возвело свѣтлый умъ ея къ познанію единого Бога — творца неба и земли; эта красота земная преисполнила сердце ея чувствомъ благодаренія и любви къ всеблагому и всещедрому Создателю, одѣвающему траву сельную и питающему птицъ небесныхъ. Боги, которымъ поклоняется отецъ мой, сами дѣла рукъ человѣческихъ, такъ рассуждала въ своемъ уединеніи мудрая дѣва: могли ли они сотворить столь дивную красоту, такой великолѣпный и необъятный міръ, котораго зрѣніемъ улаживается мое око? Одинъ долженъ быть такой Богъ, который все это сотворилъ, все содержитъ, все устроитъ, все оживляетъ и о всемъ промыслилъ. И прилагалось ей желанье къ желанію, чтобы увѣдать истѣе единого истиннаго Бога; и еще не вѣдая Его, она уже возлюбила Его всѣмъ сердцемъ своимъ, возлюбила такъ, что мужественно отвергла всѣ утѣхи міра, чтобы обрѣсти одно высочайшее утѣшеніе, которое состоитъ въ познаніи единого истиннаго Бога и его же послалъ Онъ — Иисуса Христа; отвергла богатства и украшенія, которыми думалъ утѣшить ее бессмысленный язычникъ отецъ, чтобы стяжать единый безцѣнный бисеръ — Христа; отвергла земныхъ жениховъ, которыхъ предлагалъ ей отецъ, чтобы увѣстить себя единому Жениху небесному.

Такое мудрованіе юной дѣвы достойно было того, чтобы благодать Божія послала ей искомое. И вотъ, по тайному распорядженію промысла Божія, она сближается случайно съ дѣвами христіанскими, отъ которыхъ получаетъ первыя понятія объ истинномъ Богѣ — творцѣ и вседержителѣ міра и Господѣ Иисусѣ Христѣ, единородномъ Сынѣ Божіемъ, искупителѣ человѣковъ. Но это не удовлетворило, а только усилило ея желаніе найти такого человѣка, который научилъ бы ее совершенно вѣрѣ и жизни христіанской. Предъизбравшій ее въ невѣсту Себѣ Гос

подъ исполнилъ ея святое желаніе. Является пресвитерьъ христіанскій подъ видомъ мнимоходящаго купца, открываетъ ей таинства вѣры Христовой, научаетъ ее поклоняться Богу истинному духомъ и истинною, наставляетъ правиламъ христіанской жизни, просвѣщаетъ св. крещеніемъ, причащаетъ животворящаго тѣла и крови Христовой и предоставляетъ ее опять водительство одной благодати Божіей, безъ видимаго наставника и руководителя.

Но этого было довольно для мудрой дѣвы. Отрекшись діавола и всего служенія его и всея гордыни его, она уже не хотѣла возвращаться вспять, чѣмъ бы ни обольщалъ ее и чѣмъ бы ни угрожалъ ей исконный врагъ человѣковъ. Сочетавшись Христу, она рѣшилась принадлежать Ему единому, чего бы ни стоило ей это духовно-таинственное обрученіе небесному Жениху. И діаволь не умедлилъ излить всю исконную злобу свою на посрамившую его юную дѣву; а небесный женихъ ея Господь Иисусъ Христосъ не умедлилъ явить въ ней всю силу благодати Своей въ конечное посрамленіе діавола. Такимъ образомъ открылась борьба—дивная, неслыханная—вѣры и любви къ Богу съ невѣріемъ и нечестіемъ, брань слабой дѣвы къ началомъ и ко властямъ и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ. На сторонѣ діавола—вся видимая сила и все невидимое безсиліе. На сторонѣ великомученицы—вся кажущаяся немощь естества и вся благодатная сила любви къ Богу, той крѣпкой „аки смерть“ любви, которой не могутъ поколебать „ни смерть ни животъ, ни настоящая ни грядущая, ни высота ни глубина, ни ина тварь кая“.

Первымъ орудіемъ діавола является отецъ, котораго сердце преложило онъ отъ чрезмѣрной, почти безумной любви къ дочери на столь же безумную къ ней ненависть и злобу. Онъ грозитъ ей смертію, преслѣдуетъ ее съ оружіемъ, влачитъ ее за власы по острымъ камнямъ, заключаетъ въ темную и малую комнату и моритъ голодомъ, чтобы отвратить ее отъ Христа и обратить къ своимъ бездушнымъ идоламъ. Но какъ ни ужасна была ярость и злоба его, онъ скоро увидѣлъ себя немощнымъ предъ адамантовымъ терпѣніемъ, предъ мудростію и силою слова юной дѣвы. Всѣ угрозы его казались для св. мученицы слабѣ тѣхъ мнимыхъ страшилищъ, которыхъ пугаются дѣти,

и надъ которыми посмѣваются взрослые; всѣ убѣжденія и ласкательства его разбивались, какъ о скалу, о твердость вѣры ея во Христа Сына Бога живаго, о непоколебимость упованія въ чуждой жизни съ Господомъ. Чувствуя себя побѣжденнымъ отъ юной дщери своей, жестокосердый отецъ идетъ къ игемону, проситъ его употребить всѣ роды истязаній и мученій, чтобы обратить дочь его къ почитанію идоловъ и отвратить отъ Христа. отрывается даже самаго имени отца, доколѣ дочь его пребудетъ христіанкою. И вотъ св. дѣва является предъ судомъ игемона, облеченнаго всею властію, окруженнаго всѣми родами мучительныхъ орудій. Ласки и убѣжденія, почести и удовольствія предлагаетъ игемонъ, чтобы обольстить юную неопытную дѣву. Исповѣданіемъ единого истиннаго Бога и поруганіемъ бездушныхъ идоловъ отвѣтствуетъ ему св. мученица. Ослобившійся мучитель повелѣваетъ обнажить ее и бить сухими жилами до толѣ, пока земля не обогрилась ея кровію, пока не обнажились самыя кости ея. Въ молчаніи терпитъ святая это безчеловѣчное бѣшеніе. Вся душа ея вознеслась вѣрою и упованіемъ въ небо, все сердце ея излилось въ тайной молитвѣ къ Отцу небесному; и сила вѣры и любви ея къ Господу превозмогла и побѣдила силу жестокаго мученія. Звѣрство мучителей не остановилось на этомъ: мелко-изрубленнымъ конскимъ волосомъ натираютъ они избитое, израненное тѣло ея для произведенія жесточайшей боли; полумертвую и полуживую влекутъ ее и бросаютъ въ темницу.

Что—вы думаете—будетъ дѣлать въ темницѣ едва живая страдаллица? Будетъ кричать и стелать, плакать и рыдать, призывать смерть и молиться объ избавленіи отъ мукъ? Нѣтъ, она совершаетъ здѣсь всенощное бдѣніе, прославляя Бога во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ. Она точно молится, но не объ избавленіи отъ мукъ, а объ укрѣпленіи себя на большія мученія. Тѣло ея горитъ отъ палящихъ ранъ, а сердце пламенеетъ еще сильнѣйшимъ огнемъ любви божественной; уста смыкаются кровію, а духъ ея какъ пламень возносится горѣ, къ Богу крѣпкому живому. Блаженна темница, вмѣщавшая въ себя такое сокровище, котораго не бѣ достойна весь міръ!

Если какое мѣсто на землѣ, то эта темница достойна была

того, чтобы посвятилъ ее самъ Царь славы; и Онъ дѣйствительно не умедлилъ посвятить ее. Въ часъ полуночи неизреченный свѣтъ облисталъ мрачную темницу; самъ Господь Иисусъ Христосъ явился Своей возлюбленной невѣстѣ. Своими пресладкими устами рекъ ей: дерзай, невѣсто Моя и не бойся: Азь есмь съ тобою храняй ти и смотряй на подвигъ твой, и воздаяніе вѣчное уговоряяй тебѣ въ чертозѣ Моемъ небесномъ. Своими пречистыми руками прикоснулся къ язвамъ ея и исцѣлилъ ихъ. И могъ ли оставить юную подвижницу безъ подкрѣпленія на чрезвычайный подвигъ ея Тотъ, кто самъ, въ вертоградѣ Геосиманскомъ, благоволилъ быть укрѣпленъ отъ ангела на Свой крестный подвигъ? Могла ли Его божественная любовь оставаться холодною, когда вѣрная раба Его за любовь свою къ Нему жертвовала своею жизнію?

Послѣ такого пренебеснаго утѣшенія, можете представить братіе мои,—съ какою радостію шла святая дѣва на новыя мученія и на самую смерть. Ее обнаженную водили съ поруганіемъ по стогнамъ города,—самая утонченная жестокость со стороны мучителей и самая невыносимая пытка для цѣломудренной дѣвы; но Ангелъ Божій невидимо покрывалъ ее отъ безстыдныхъ очей развратныхъ язычниковъ. Ее повѣсили потомъ на древѣ и строгаи по ребрамъ желѣзными когтями, опалили огнемъ обнаженные ребра ея, отрѣзали сосцы ея и били молотомъ по главѣ. Все претерпѣла св. великомученица съ мужествомъ и твердостію духа, съ радостію въ сердцѣ, съ молитвою на устахъ. Изнемогла наконецъ злоба мучителей предъ мужествомъ и терпѣніемъ св. дѣвы; истощившій всю ярость свою и всѣ средства мученія игемонъ осудилъ ее на посвѣченіе мечемъ. Что жъ жестокосердый отецъ? Онъ самъ вызвался быть палачемъ ея. Больше ничего не могъ сдѣлать диаволъ со всею своею злобою, и болѣе жестокаго пораженія не могло понести его коварство. Предъ вѣрою, мужествомъ и терпѣніемъ слабой дѣвы разсѣялись какъ дымъ всѣ ухищренія и козни его. Побѣда великомученицы полная и совершенная, вѣнецъ блистательный и славный, воздаяніе на небѣ вѣчное и нескончаемое!

Чему поучаетъ насъ, братіе, что проповѣдуетъ въ назиданіе наше высокій подвигъ св. великомученицы? Проповѣдуетъ одно—

любить Господа Іисуса Христа до смерти, не измѣнять св. евангелію и заповѣдямъ Его ни за что въ мірѣ, все терпѣть и переносить для сохраненія драгоцѣннаго залога вѣры и упованія жизни вѣчной, не почитать ничего страшнымъ, кромѣ гнѣва и суда Божія, жить на землѣ для неба и вѣчности, презирать и ни во что вмѣнять, когда нужно, не только всѣ земныя сокровища, но и самое тѣло, самую жизнь свою, чтобы сохранить свою душу въ животъ вѣчный. „Какъ бо польза человѣку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, душу же свою отщепитъ? Иже бо хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Господа ради и евангелія, той спасетъ ю“. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДМИТРИЕМЪ, АРХИЕПИСКОПОМЪ ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМІРСКИМЪ

ВЪ ЖИТОМІРСКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРѢ.

Христосъ съ небесъ,— срашите!

Что же нужно для срътенія сего высочайшаго Посѣтителя душъ? Какъ приготовить душу свою къ пріятію сего дражайшаго Гостя? Когда готовятъ домъ свой къ срътенію царя, то первѣе всего стараются очистить его отъ всякой, даже малѣйшей, нечистоты и праха, потомъ украсить его какъ можно лучше и великолѣпнѣе, облагоухать его ароматами, и наконецъ придумываютъ, какимъ бы наиболѣе приличнымъ и угоднымъ царю даромъ почтить его пришествіе? Такъ сдѣлаемъ и мы: очистимъ свою душу отъ всякой нечистоты грѣховной, украсимъ ее благоговѣйнымъ размышленіемъ, чистыми и святымя помыслами и чувствованіями, облагоухаемъ ее усердною и теплою молитвою, и приготовимъ какой либо даръ, благоугодный Господу.

Итакъ, прежде всего нужно, братіе мои, очистить свою душу отъ всякой скверны плоти и духа искреннимъ раскаяніемъ

во грѣхахъ своихъ, изгнаніемъ изъ души и сердца своего всѣхъ грубыхъ и нечистыхъ помысловъ и вождельній сердечныхъ, отверженіемъ и поправіемъ плотскихъ похотей и страстей. Для того и пришелъ въ міръ единородный Сынъ Божій, чтобы сотворить насъ чадами Божиими, языкомъ святымъ, царскимъ священіемъ, людьми обновленія: какъ-же будетъ для Него оскорбительно, если мы и теперъ явимся предъ Нимъ въ древней нечистотѣ грѣховной, чадами тьмы, а не свѣта? Для того Онъ и смирилъ Себе и возлегъ въ яслехъ, чтобы вселиться и обитать въ насъ, пріити къ намъ и вечерять съ нами во внутренней хранинѣ души нашей: какъ же будетъ Ему прискорбно, если эта бѣдная хранина будетъ исполнена нечистоты и смрада грѣховнаго, если душа наша явится на сію вечерю не въ одѣяніи брачномъ, а въ нечистомъ рубищѣ страстныхъ вождельній и житейскихъ сластей? И такъ, кто связалъ себя враждою къ ближнему, да изгонитъ ее изъ сердца своего ради Господа, который пришелъ „благовѣстити намъ миръ ближнимъ и дальнимъ, и примиритъ всѣхъ во единомъ тѣлѣ крестомъ“; да проститъ отъ всего сердца всякое оскорбленіе, обиду и озлобленіе, за что и Отецъ небесный проститъ ему согрѣшенія его. У кого въ сердцѣ гнѣздится духъ гордости, самолюбія, тщеславія и превозношенія, да изгонитъ его изъ сердца своего ради Того, который пришелъ въ міръ, „не да послужать Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ“; да смиритъ и уничтожитъ себя, какъ раба неключимаго, достойнаго всякаго осужденія и муки, ради Того, который, будучи Господомъ славы, „Себе умалилъ зракъ раба пріимъ, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.“ Кѣмъ обладаетъ духъ любостыжанія и корыстолюбія, да усрамится онъ при видѣ убогихъ пеленъ Господа, который для спасенія нашего родился въ яслехъ, жигъ, не имѣя гдѣ главы подклонити, умеръ на крестѣ, „ниже богатъ сый, насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся.“ Кого уста и языкъ привыкли отверзаться на празднословіе и злословіе, на осужденіе и оклеветаніе, на ропоть и негодованіе, да заградятся они при видѣ вѣмотствующаго младенчества Того, который „укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше, предаваше же Судящему праведно.“ Кѣмъ обладаетъ духъ плотугодія и плотской нечистоты, да упразднится сей нечистый

духъ при видѣ Того, который родился отъ пречистой и пренепорочной Дѣвы, который предалъ потомъ пречистую плоть Свою на страданія и мученія, на крестъ и смерть для очищенія грѣховныхъ сквернъ человѣческихъ. Словомъ: да изгонится изъ сердца нашего, изъ самой памяти и воображенія все злое, нечистое, грѣховное, чѣмъ оскорбляется любовь Божія, чѣмъ безчестится въ насъ великое и поклапемое имя Христово, за что отвращается отъ насъ благоволительный взоръ Отца небеснаго. Сократимъ по возможности въ эти предпразднственные дни и самыя попеченія житейскія, — излишнія и суетныя, ненужныя и бесполезныя, чтобы не отвлекать ума и сердца своего отъ помысловъ святыхъ и чувствованій благоговѣйныхъ. Не излишество яствъ и питій сдѣлаютъ для насъ праздникъ Христовъ радостнымъ и приятнымъ, а благодать Божія, утѣшающая душу, услаждающая и веселящая сердце. Не свѣтлыя одежды могутъ сдѣлать насъ достойными непостыдно явиться предъ лицомъ Господа, а чистая совѣсть, непорочное сердце и свѣтлое одѣяніе добрыхъ дѣлъ. Такъ, очистимъ душу свою, — и она достойна будетъ не только узрѣть Господа въ Его униженіи и славѣ, но и принять Его внутрь себя.

Чѣмъ украсить свою душу ко ерѣтенію Грядущаго съ небесъ? Благоговѣйными помыслами и чувствованіями, святыми намѣреніями и желаніями. Чтобы лучше успѣть въ этомъ необходимомъ для очищенія ума дѣлѣ, будемъ по порядку вспоминать и размышлять: какъ первый человѣкъ — невинный и богоподобный, умаленный малымъ чимъ отъ ангеловъ, славою и честію вѣнчанный, — прельстившись совѣтомъ діавола, преступилъ святую и спасительную заповѣдь Божію, лишился непорочности и богоподобія, блаженства и безсмертія, осужденъ на труды и болѣзни, страданія и смерть и сдѣлался плѣнникомъ діавола. Какъ премилосердый Отецъ небесный по неизреченной любви Своей къ падшему, обѣтовалъ послать ему искупителя въ лицѣ едиnorodнаго Сына Своего, раждаемаго отъ жены, почему и нарекъ Его сѣменемъ жены. Какъ это божественное обѣтованіе многочастнѣ и многообразнѣ повторяемо было устами св. пророковъ, съ многообразными утѣшеніями, ободреніями, наставленіями и обличеніями, чтобъ оживить и укрѣпить въ родѣ человѣческомъ вѣру въ грядущаго Искупителя. Какъ премудрый и

всѣдѣтельный Промыслъ Божій, то многочисленными благодѣяніями людямъ богобоязненнымъ и благочестивымъ, то страшными казнями людей злыхъ и развращенныхъ, то многообразными знаменіями и чудесами поддерживалъ и сохранялъ на землѣ вѣру и благочестіе, обуздывалъ и укрощалъ преобладаніе грѣха и нечестія. Какъ бѣдные язычники, потерявъ истинную вѣру и премѣнивъ истину Божию во лжу и суевѣріе, преданы были въ неискусенъ умъ творити неподобная, „приложились,“ по слову пророка, „скотомъ несмысленнымъ и уподобились имъ, — жили, какъ бессловесные, не управляемые закономъ Божиимъ, водясь одними чувствами и похотями плоти, и умирали, какъ безсловесные, безъ упованія жизни вѣчной. Какъ и посреди всеобщаго развращенія древняго міра, мужи праведные и благочестивые благоугождали Богу вѣрою и любовію, цѣломудріемъ и чистотою, кротостію и незлобіемъ, смиреніемъ и терпѣніемъ, послушаніемъ Богу и исполненіемъ св. заповѣдей Его, — сіяли, какъ звѣзды на тверди небесной, многоразличными добродѣтелями, предзнаменуя собою солнце правды — Христа. Какъ потомъ, съ пришествіемъ и воплощеніемъ Сына Божія, лице земли измѣнилось: для всѣхъ отверста дверь царствія Божія, всѣмъ открытъ путь вѣры и покаянія, всѣмъ возвыщается слово жизни и спасенія, всѣмъ даруется отпущеніе грѣховъ и благодать всесвятаго Духа Божія, всѣмъ общается воскресеніе и жизнь вѣчная. Какъ созданная Господомъ, живущая и управляемая Духомъ Божиимъ церковь Христова, процвѣла, яко кринь, безчисленными ликами святыхъ, — богугласныхъ апостоловъ и благовѣстниковъ, добропобѣдныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, хриstopодобныхъ дѣвственниковъ и преподобныхъ мужей и женъ, богомудрыхъ пастырей и учителей, великихъ праведниковъ, въ коемъждо родѣ благоугодившихъ Господу. Какъ и на насъ грѣшныхъ изливаются токи благодати, принесенной на землю воплотившимся Сыномъ Божиимъ, подобно какъ и на первыхъ учениковъ Его: и для насъ хранитъ Господь св. церковь Свою со всѣми благодатными ея таинствами, потребными къ возрожденію и обновленію, освященію и совершенію нашему, да возрастемъ и мы во Христѣ Иисусѣ „въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“; и намъ благовѣствуется живоносное слово Сына Божія, могуще е

умудрить насъ во спасеніе; и намъ подается отпущеніе грѣховъ, да очищаемъ „совѣсть“ свою „отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ Богу живу и истинну“; и для насъ уготавливается животворящая вечеря божественнаго тѣла и крови Христовой, чтобы причащаясь имъ съ вѣрою и благоговѣніемъ мы пребывали во Христѣ и Онъ въ насъ. Какъ наконецъ Господь Іисусъ Христосъ придетъ опять на землю, уже не въ униженіи, а въ славѣ, не въ рабѣ зрадѣ, а во образѣ Судіи всего міра, воскреситъ все человѣчество, обновитъ всю тварь, и тогда настанетъ славное царство Божіе, — царство правды и мира и радости о Дусѣ Святѣ, царство безсмертія и вѣчной жизни, царство покоя и блаженства вѣчнаго. Въ подобныхъ размышленіяхъ умъ нашъ непримѣтно возвысится надъ всѣмъ видимымъ и чувственнымъ и вознесется превыше небесъ къ Богу; самое воображеніе наполнится святыми образами богоподобныхъ добродѣтелей мужей праведныхъ, святыхъ и богоугодныхъ; сердце умягчится страхомъ Божіимъ, согрѣется любовію и благодареніемъ къ Искупителю. Когда ощутится въ сердцѣ эта духовная теплота, да вознесется душа наша въ срѣтеніе грядущаго съ небесъ Господа на крылахъ усердной и теплой молитвы, да не презрѣтъ Онъ и нашего недостойнства и нечистоты, какъ не презрѣлъ погибавшаго во грѣхахъ рода человѣческаго; да подастъ намъ благодать и силу возлюбить Его всѣмъ сердцемъ своимъ и ходить во всѣхъ заповѣдехъ Его безпорочно, во всѣ дни живота нашего; да придетъ и вселится въ насъ Самъ, какъ благоволилъ обитать въ убогомъ вертепѣ и возлежать въ яслехъ, да обновитъ, очиститъ и освятитъ насъ Своею благодатію, да будетъ Онъ въ насъ и мы въ Немъ.

Но да не явились тощъ предъ лицомъ Господа Бога твоего: такъ заповѣдано было древнимъ, чтобы они, являясь въ храмъ Божій, во дни святыхъ праздниковъ, приносили дары свои въ жертву Господу. Нужна богопріятная жертва и отъ насъ, какъ дѣятельное свидѣтельство нашей покорности, благодарности и любви къ Господу. Эта богоугодная жертва христіанская есть всякое благое дѣло любви къ ближнему, которое, по слову апостола, пріемлется Богомъ „въ жертву благопріятную, въ волю благоуханія;“ — это чистое и безкорыстное служеніе Господу въ лицѣ нашихъ ближнихъ, которое Онъ по милосердію Своему

виѣннеть самому Себѣ. Принесемъ и мы челоувѣколюбѣ Господу, милосердія ради Себе истощившему, эту жертву любви и милосердія къ ближнему. Пусть въ память нищеты и убожества Іисусова по возможности облегчтся и восполнтся нами недостатковъ и скудость нищихъ и убогихъ, чтобъ и убогій братъ нашъ въ свѣтлый день праздника вкусилъ утѣшенія и радости, ради той великой радости, которую благовѣстили людямъ св. ангелы. Пусть въ воспоминаніе наготы божественнаго Младенца, повитаго пеленами, прикроется нами нагота тѣхъ, которые не имѣютъ, чѣмъ прикрыть и защитить свое тѣло отъ холода. Пусть въ память убогаго странничества Іосіа и Маріи, принужденныхъ искать себѣ пристанища въ вертепѣ безсловесныхъ, „зане не бѣ мѣста имъ во обители“ введется въ домъ нашъ убогій странникъ, упокоится подъ кровомъ нашимъ безродный сирота или безпріютный старецъ, немущіе гдѣ главы поклонити. Пусть въ благодарность за избавленіе насъ отъ вѣчныхъ, нервѣшнихъ узъ адовыхъ, если не разрѣшатся, то облегчатся утѣшеніемъ и состраданіемъ нашимъ узы тѣхъ, которые, связавъ себя преступленіями, побудили правосудіе связать ихъ узами темницы. Пусть въ память восстаго ангела ми мира, услышатъ изъ устъ нашихъ слово мира и прощенія тѣ, которые имѣли несчастіе, по навѣту діавола, оскорбить насъ словомъ или дѣломъ. Особенно же въ настоящее время не забудемъ тѣхъ братій нашихъ, которые подвизаются на брани за славу имени Христова, за честь Креста Его и Евангелія, которые носятъ язвы Господа Іисуса Христа на тѣлѣ своемъ. Сократимъ наши праздничныя издержки до необходимаго на потребу, чтобы въ лицѣ этихъ истинныхъ страстотерпцевъ Христовыхъ принести виѣсть съ волхвами благоприятный даръ рождаемуся Господу. Такой даръ усердія нашего будетъ для Него пріятнѣе всѣхъ жертвъ и всесоженій. Съ такими мыслями, чувствованіями и дѣлами желаемъ, братіе, и себѣ и вамъ срѣтити великій и просвѣщенный день Господень: да возсіаетъ оны въ сердцахъ нашихъ свѣтомъ чистой и святой радости о Господѣ. Христосъ съ небесъ,—срящите! Аминь.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

АРХИМАНДРИТА АНТОНІЯ НАМѢСТНИКА СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ *).

(Окончаніе.)

г) Наставленія о. Антонія касающіяся молитвы, руководствующія вступающихъ въ иноческую жизнь, утѣшающія въ скорби и другія частныя наставленія.

Отличительный характеръ совѣтовъ и наставленій о. Антонія—это ихъ твердость, властительность. Давая совѣтъ онъ не мнѣніе предлагалъ, но изрекалъ повелѣніе съ полною увѣренностію, что его совѣтъ именно такой, какой можетъ принести пользу. Эта твердость совѣта особенную давала силу его наставленіямъ, такъ что невольно покоряла себѣ ищущую успокоенія мысль или совѣсть. Обсуждая съ ученой теоретической точки зрѣнія его совѣты и наставленія можно было признать ихъ нерѣдко односторонними. Онъ съ увѣренностію указывалъ одинъ какой-либо путь къ достиженію извѣстной цѣли, какъ единственно надежный и вѣрный, тогда какъ можно было указать и нѣсколько другихъ путей, которые по крайней мѣрѣ по теоріи приводили бы къ той же цѣли и можетъ-быть скорѣе и безопаснѣе. Но тотъ путь, который указывалъ о. Антоній, былъ практически ему извѣстенъ, и онъ могъ говорить съ увѣренностію, что при соблюденіи извѣстныхъ условій онъ приводитъ къ цѣли. А для

*) См. февр., март. и майск. кн. „Правосл. Обзорнія“ за текущій годъ.

волнуемыхъ недоумѣніями, каковы всѣ ищущіе совѣта, важнѣе всего указаніе твердое одного пути, чтобы избавить ихъ отъ сомнѣній и колебаній. Таковъ впрочемъ и вообще бываетъ характеръ наставленій людей практическихъ, изъ своей жизни или изъ наблюденія надъ другими извлекающихъ наставленія.

Можетъ быть лица, въ памяти которыхъ сохранились особенно замѣчательныя наставленія о. Антонія, современемъ обнаруживаютъ его бесѣды. Мы намѣрены ознакомить нѣсколько съ характеромъ и приемами его наставленій по письмамъ его. Переписка о. Антонія была весьма обширна. Давно готовясь къ смерти, онъ уничтожилъ всѣ писанныя къ нему письма ¹⁾ кромѣ немногихъ, не имѣющихъ особаго интереса писемъ нѣкоторыхъ святителей и иноковъ. Но его письма хранятся у многихъ лицъ, и можетъ-быть современемъ сдѣлаются извѣстны и для общаго назиданія.

Изъ писемъ ²⁾, которыми мы могли пользоваться, приводимъ прежде всего замѣчательное наставленіе данное о. Антоніемъ Ек. И. М. о томъ, какими воспоминаніями поддерживать въ себѣ молитвенное размышленіе въ продолженіе дня. Изъ сего наставленія видно, что о. Антоній желаетъ, чтобы душа боголюбивая въ мысленномъ созерцаніи своемъ проходила всю жизнь Спасителя, начиная отъ благовѣстія пресвятой Дѣвы Маріи до вознесенія Господа Иисуса Христа на небо. Для сего всю жизнь Спасителя онъ разлагаетъ на девять картинъ. Не знаемъ, насколько самостоятеленъ онъ былъ въ очеркѣ этихъ картинъ, но онъ начертаны мастерски.

I.

„Днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣна таинства явленіе; Сынъ Божій сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Тѣмъ же и мы съ нимъ Богородицѣ возопиимъ: радуйся, благодатная, Господь съ тобою“. Теперь станьте вашими размышленіемъ у угла вратъ дома Назаретскаго, куда

¹⁾ За исключеніемъ писемъ писанныхъ къ нему м. Филаретомъ.

²⁾ Правописаніе о. Антонія имѣло свои особенности. Онъ никогда не употреблялъ буквы ѣ; изъ знаковъ препинанія у него встрѣчается только точка и иврѣдка запятая. И точку онъ иногда ставилъ тамъ, гдѣ остановится его перо.

взошелъ посланный отъ Бога Гавріилъ архангелъ благовѣстити Дѣвѣ зачатіе нашего спасенія. Смотрите, какъ трепетно и тихо приступаетъ къ Дѣвѣ архангелъ и какъ торжественно объявляетъ ей радость благовѣщенія. А вы, слушая всѣ глаголы архангела къ Дѣвѣ, молитесь тамо при вратахъ стоя, и говорите: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ и пр. А когда отойдетъ ангелъ, приступите къ смиренной Дѣвѣ, обнимите колѣна ея и повторите ей слышанное отъ ангела, читая: Богородице Дѣво радуйся, благодатная Маріа Господь съ тобою и пр.

II.

Далѣ идите чрезъ пути времени. Взгляните очами души вашей, что за зарево разлилось по горизонту восточному? Что такъ дивно вострепунулись въ часъ полуночный и пастыри и стада вилеемскіе? Они видятъ диво, и дивное слышатъ отъ ангела, что родился Спасъ, иже есть Христосъ Господь во градѣ Давидовѣ! Бѣгите и вы съ пастырями къ яслямъ вилеемскимъ. Не бойтесь! Дѣва не преградитъ входъ къ яслямъ, и Младенецъ не оттолкнетъ, хотя и Богъ всемогущій смирившійся да спасетъ насъ нашимъ образомъ. Приглядитесь на чистоту и невинность Дѣвы, на божество и совершенство челоуѣчества въ Младенцѣ, падите, цѣлуйте ноги Его, исповѣдуйте Его и Отца въ Немъ сущаго, Читайте молитву: Отче нашъ... Потомъ не берите руки Дѣвы держащей Младенца, не отводите на себя взора Ея любующагося сыномъ и Богомъ своимъ, встаньте созади ея, цѣлуйте локти ея, цѣлуйте одежды ея, преклоните, прижмите къ ней главу вашу, и привѣтствуйте ее привѣтомъ архангела: Богородице Дѣво радуйся.

Далѣ смотрите

III.

Съ даромъ бѣднѣйшаго—два птенца голубина, и съ ношей богатѣйшею всей земли—Бога бо на руку носить—Дѣва приходитъ къ храму полная надежды въ свое и всего міра благо; Спаса бо родила. Теперь должны и сказаться и начаться ея радости. Дивный старостію Симеонъ долженъ исповѣдать и подтвердить надежды Дѣвы-матери Бога. Симеонъ принимаетъ на свои руки держащаго Его и всю тварь, и исповѣдуетъ Его къ радости

Дѣвы Владыкою и славою Израиля и просить отпущенія. И что же договариваетъ матери юной, сосредоточившей всѣ надежды благъ своихъ въ Сынѣ своемъ? „Се лежитъ нсей а паденіе и на возстаніе многимъ во Израили, тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе“. Вы все слушайте со вниманіемъ. Когда старецъ Симеонъ просить у Владыки и Младенца отпущенія, вы создаи его читайте молитву: Отче нашъ... Когда же передаетъ Бога и Сына на руки смущенной и огорченной предвозвѣщенными скорбями матери, обнимите колѣна ея, напомните ей радость благовѣщенную архангеломъ, усладите скорбь ея привѣтствіемъ радости, говоря: радуйся благодатная, Господь съ тобою.

IV.

Далѣе смотрите, какъ въ народной спокойной толпѣ поклонниковъ Іерусалимскихъ, одна съ душевнымъ смущеніемъ и безпокойствіемъ перебѣгаетъ отъ толпы къ толпѣ, и болѣе и болѣе съ возрастающимъ мучительнымъ безпокойствомъ,—и вотъ такъ явнымъ сдѣлалось и безпокойство и причина, — всѣ идутъ изъ Іерусалима, одна Мать и Дѣва Марія идетъ съ обрученнымъ въ Іерусалимъ искать возлюбленнаго Сына. Сколько скорбныхъ думъ на сердцѣ матери! Уже не совѣмъ ли оставилъ ихъ сынъ Ея и Богъ? Ибо тайны домостроительства были вѣдомы единому Господу! Она и не утаила своихъ болѣзней, нашедши по трехъ дняхъ Сына своего, — боляще искахомъ ти: это какъ частица сердечныхъ стонѡвъ излетѣло изъ болѣзненной души ея. Такъ видя ея болящую, ищущую, обнимите руки ея, прижмите къ сочувствующему вашему сердцу, читайте ей молитву архангела: Богородице Дѣво радуйся... Пусть божественные глаголы вмѣсто росы снидутъ въ душу ея и прохладятъ зной скорбей сокрушавшихъ ея сердце. А когда видите, что старцы слушаютъ и удивляются отроку Іисусу посреди ихъ существу, и вы падите предъ Нимъ какъ предъ Богомъ вашимъ, и читайте Ему молитву: Отче нашъ.

V.

Все въ глубокой тишинѣ. Ночь на все простерла права свои кромѣ одного Богочеловѣка бдящаго въ подвигѣ молитвы, и ка-

кой молитвы! Чудное дѣло! Садъ Геосиманскій и Голгоѳа — два эти мѣста окровавлены были Богочеловѣкомъ, первое распятіемъ воли своей предъ Отцемъ небеснымъ „и бысть потъ Его, яко капли крове“,—второе распятіемъ плоти предъ небомъ, ангелами и человѣками. Ужаснися солнце! нѣсть болѣзни, яко болѣзнь Его! Смотрите — спятъ апостолы и даже самые возлюбленные, три раза пробуждаемые и снова три раза засыпающіе! Ужасно указать бодрствующаго апостола. Но какъ дѣло сдѣлалось? Какъ попустилъ ему Господь? Не станемъ наблюдать неспящаго Иуду и ему подобную толпу воиновъ и служителей архіерейскихъ. Нѣтъ! выкинемъ изъ картины лицемѣріе Иуды цѣлуя предающаго, это ужасное неистовство хватающихъ и вяжущихъ служителей! Вотъ они приступили..... схватить все содержащаго! Они вяжутъ разрѣшителя смерти и ада! Дивный способъ и жертва! Но такъ надо пройти вочеловѣчившемуся Божеству во всѣ изгибы грѣха человѣческаго, дабы всѣ язвы его принять для изцѣленія — яко на разбойника ли изыдете? говоритъ Господь. Но вы видите, какъ варварски вяжутъ и влекутъ Его,—а вы падите, лобызайте ноги связаннаго за ваше прегрѣшеніе, обливайте слезами руки Его, раздирающія рукописаніе грѣховъ вашихъ и говорите: Отче нашъ и пр.

Перенеситесь умомъ вашимъ въ Виванію. Тамъ Матерь Божія пребывающая у Лазаря узнала о приключеніи въ Геосиманіи, о предательствѣ Иуды и взятіи Господа въ синедрионъ. Кто изслѣдитъ потоки скорбей, излившіеся въ сердце матери? Кто измѣритъ страданія и потоки слезъ ея? Единый похищенъ у единыхъ. Лейте безмолвно съ нею слезы. А когда смиренная душа ея возведетъ съ покорностію тайнамъ Бога очи свои на небеса, вы говорите ей слова архангела, какъ силу небесную подкрѣпляющую ее въ немощи.

VI.

Нѣтъ, вы не устанете идти далѣе, когда Спаситель вашъ для васъ и для всѣхъ насъ столько принимаетъ трудовъ. Слѣдуйте за Нимъ, но прикройте отъ глазъ вашихъ картину безчеловѣчія, когда Онъ былъ въ домѣ Анны и Каиафы и Пилата и Ирода. Вотъ взгляните на мысленное Солнце ваше подъ крестомъ.

Его вѣчной любви ни сокрыли ни злоба Іудеевъ, ни безчеловѣчіе воиновъ во дворѣ Пилата, ни страданія отъ бичеваній, біеній, ни терновый вѣнецъ и самая тяжесть крестная. Онъ самъ къ вамъ обращается: дщери іерусалимскія, себе плачיתесь и чады вашихъ! Когда при солнцѣ слѣпотствуютъ, что же будетъ, когда оно совершенно зайдетъ въ душахъ ихъ?

Не близко подходите къ Голгоѣ; не спѣшите! Тамъ устанавливается великое мѣрило правды Божіей съ грѣхами всего міра осужденнаго на проклятіе. Вся вселенная прошедшая, настоящая и будущая затрепетала отъ тяжести положенныхъ на всѣ грѣховъ человѣческихъ, и не вынесла бы безъ разрушенія, но человѣкъ простирающійся на мѣрилѣ въ противовѣсъ удовлетворенію правосудію Божію за грѣхи человечества есть Богъ. И будто для того, чтобы состраданіе горнее или долнее не свело невиннаго страдальца съ великаго мѣрила правды Божіей, Господь допустилъ, чтобы пригвоздили и руки и ноги къ мѣрилу долгими желѣзными гвоздями, и поставили и утвердили между небомъ и землею, какъ знаменіе небесъ. Солнце скрылось, не стерпя видѣть небеси и земли Творца страдающимъ. Безумный и ослѣпленный и ожесточенный сатаною грѣшный человѣкъ и тутъ не трогается: момаходящіе же хуляху. Но вы, чтобы заглушить хулы и крики ихъ, чтобы не доходили они до страдающаго за ваше спасеніе, приближась къ самому кресту на Голгоѣ, громко вопійте къ Нему: Отче нашъ и пр. Пригвождены руки и ноги Его; Онъ не уйдетъ. Вы можете обнимать ихъ сколько хотите. Обнимайте и цѣлуйте ихъ тысячи разъ! Орошайте кровію льющеюся изъ язвъ Его и голову и лице и грудь и сердце и всѣ члены ваши. Пейте ее — это источникъ живота вѣчнаго! Вы боитесь. Не бойтесь, смотрите—Онъ даже закрылъ очи Свои, дабы не видѣть нищеты вашей и не обличить дерзновеніе, но преклонилъ главу, чтобы удобнѣе выслушать наши признанія и желанія. Чтобы увѣрить насъ, что Его сердце открыто и для насъ грѣшныхъ, и что мы можемъ приблизиться къ самому сердцу Его, Онъ попустилъ воину копьемъ отверзть его. О любви, любви моя! сладчайшій Иисусе! Что Ты сдѣлалъ для меня? и что я для Тебя дѣлаю? Но сердце уже переполнено зрѣлищемъ страданій Богочеловѣка. Отдохните и

обратитесь. Здѣсь есть еще распятый, хотя не висящій на деревѣ,—это Дѣва-Матерь. Дивно и естественно. Она давно все слагала въ сердцахъ своемъ, отъ Назарета и до Голгофы, и ея сердце содѣлалось пространствѣ неба и земли. Теперь же распято и самое сердце, а ея жизнь поручена возлюбленному ученику. Подите, обвините ноги ея, молитесь св. Дѣву и Богородицу благодатную и благословенную въ женахъ родившую Спаса душъ нашихъ.

VII.

Того, что дѣлается въ сію минуту въ мірѣ духовномъ, наши очи не видятъ и уши не слышатъ. Тайна Божія открылася, и міръ духовный ждавшій 5500 лѣтъ увидѣлъ, какъ Сѣмя жены стерло главу змія. Князь міра побѣжденъ; царство его разрушено навсегда; смерть попрана, и возстаютъ свидѣтелями мертвецы; воцарился Господь Іисусъ Христосъ Царь Іудейскій, о царскомъ достоинствѣ котораго отъ неба свидѣлствуютъ ангелы, а отъ земли надпись, положенная на крестѣ. Такъ не видя и не слыша дивныхъ дѣлъ и измѣненій въ мірѣ духовномъ, смотрите на видимое, какъ Іосифъ и Никодимъ снимаютъ тѣло Спасителя, помазываютъ смирною и алоемъ, обвиваютъ плащаницею и кладутъ въ пещеру и устье ея закрываютъ великимъ камнемъ и уходятъ.

Встаньте вы и устремите ваши взоры на то мѣсто, гдѣ Солнце ваше закатилось. Повернитесь взывая: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ. Вы знаете, что лишеніе свѣта отъ закатающагося солнца предъ глазами вашими есть начало восхода его въ мірѣ надъ вами. Такъ и умное Солнце закатилось на крестѣ и зашло во адъ, дабы освѣтить тамо ожидающія отъ вѣка души и воскресить съ собою. Идите туда, участвуйте въ радости освобожденныхъ отъ плѣна адскаго душъ и допотопныхъ и послѣпотопныхъ. Научитесь узнать силу Сокрушившаго веревъ адскія и безсиліе стнающаго ада. Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Радуйтесь силѣ и славѣ вашего Спасителя, торжествуйте и молитесь данною вамъ отъ Него молитвою: Отче нашъ, иже еси на небеси.

Не забудьте же, что вы были въ адѣ, а у гроба стража и на немъ печать! Но оставьте воиновъ Іудеймъ, обратитесь къ другой стражѣ недремлющей. Марія Матерь-Дѣва и Магдалина сидятъ прямо гроба. О мужество любви! Вотъ кому поручено было отъ неба и земли беречь гробъ Спасителя! Ни мракъ ночи, ни наглость римской стражи, ничто не отдалило любви, и ей земной ввѣрена была любовь небесная! Вы узнаете и во мракѣ ночью Матерь Божію. Смотрите, какъ заря надежды ея, по тайному извѣщенію, сіяетъ на лицѣ ея; прижмите руки ея къ устамъ вашимъ, и цѣлуя привѣтствуйте ее словами архангела.

VIII.

Уйдите съ мѣста сего; землетрясеніе смутитъ душу вашу; молніеносный ангелъ, возвѣщающій воскресеніе, не по нашимъ глазамъ. При явленіи этой тайны ужаснулась и святѣйшая херувимовъ и побѣжала отъ мѣста. Только *радуйтесь*, гласъ Спасителя воскресшаго, ободрилъ пресвятую Дѣву, и она обнявши ноги Его и увѣренная въ воскресеніи Сына и Бога своего пришла одна въ домъ свой. Читайте тутъ ей изъ благодарности за рожденіе Спасителя привѣтствіе архангела. Потомъ идите, гдѣ собраны за затворенными дверями ученики Спасовы и апостолы. Слушайте! Онъ уже тамъ съ ними; укрѣпляетъ невѣрныхъ въ вѣрѣ, и утѣшаетъ и освящаетъ вѣрующихъ. А вы стоя за дверью чтайте молитву Господню: Отче нашъ.

IX.

Не бойтесь! идите далѣе,—это путь отъ Іерусалима въ Виванію; слѣдуйте за божественнымъ сонмомъ,—это идетъ Господь въ сопровожденіи учениковъ и матери Своей. Онъ бесѣдуетъ съ ними о тайнахъ царствія Божія. А вы умно Богу разумовъ читайте молитву: Отче нашъ.

Что за изумленіе въ ученикахъ? Что вы видите? Бога возносящагося на обладѣхъ. Воистинну дивное видѣніе. Слышите? Ангелы явившіеся сказываютъ мужамъ галилейскимъ, что вознесыйся на небо Іисусъ такожде придетъ паки. Такъ послѣд-

ній разъ возведите очи ума вашего на небо къ Сѣдѣющему одесную Отца купно со Святымъ Духомъ и прочтите молитву: Отче нашъ, и прославьте царство Отца и Сына и Святаго Духа и возвратитесь въ храмъ, гдѣ отселѣ безвыходно пребываютъ въ молитвахъ и славословіи Богу ученики Иисуса. Падите на колѣни предъ Дѣвою и перескажите ей послѣднія желанія ваши такъ: „очи сердца моего воспушаю къ тебѣ, чистая, не презри малое мое воздыханіе въ часъ, егда имать судити Сынъ твой міру, буди мнѣ покровъ и помощница.“

Вотъ почтенная Ек. И. планъ размысленій молитвенныхъ въ 9-ти картинахъ. Я не художникъ въ изображеніи картинъ подобныхъ, но только показалъ вамъ матеріалъ вашимъ размысленіямъ. Сами вы разработывайте его. Такой порядокъ весьма полезенъ каждый день проходить мысленно. Давидъ къ утвержденію себя въ благочестіи имѣлъ подобное средство, о которомъ такъ говоритъ: предарѣхъ Господа выну, яко одесную мене, да неподвижуся. Да зрѣть всегда ваша боголюбивая душа строительство вашего спасенія и да спасется“.

Получивъ извѣстіе объ избраніи извѣстной ему старицы въ настоятельницы общины, о. Антоній писалъ къ ней въ назиданіе:

„Тебя поздравить не умѣю; на тебя возложенъ крестъ не легкій: какъ тебѣ самой, такъ и любящимъ тебя не поздравлять, а молиться надо о помощи тебѣ Божіей.

„Но знай, что Господь возлагаетъ, то и тяжелое онъ дѣлаетъ легкимъ. Не скучай, не ропщи, но какъ смиренная Христова послушница неси и тяжелое съ вѣрою въ Его помощь.

„Первая добродѣтель въ начальствующихъ терпѣніе и справедливость въ отношеніяхъ къ каждому, далѣе не слушать наушничества. Сказано: гнѣвайтесь, и не согрѣшайте, яже глаголите въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь, то-есть, не памятозлобствуйте. Съ любовію прощай, съ разсужденіемъ наказывай. Клевету обуздывай обличеніемъ клеветущей, и оклеветанной жестокихъ словъ клятвенныхъ не произноси. Избери себѣ помощницъ для казначейства, для письмоводства, для надзора за благочиніемъ и прочими дѣлами, чтобы сохранить тебѣ силы, а то ты напрасно себя изнуришь. Моисей великъ былъ предъ Господомъ, однако Іофоръ усмотрѣлъ, что онъ излишне мучитъ себя разбирательствомъ и посовѣтовалъ ему избрать десятона-

чальниковъ, пятидесятиначальниковъ и-пр. Господь одобрилъ это распоряженіе. Не смущай себя опущеніемъ правила. Твое послушаніе выше правила. Мысленно всегда обращай умъ къ Господу и Его пресвятой Матери.

„Укрѣпляй себя и чаемъ и пищею благодаря Господа.

„Разсуждай: всѣ предшественницы твои жили съ заботами и въ скорбяхъ о нуждахъ обители, и Господь во всѣ дни питалъ, содержалъ и охранялъ обитель отъ первыхъ дней и доселѣ. Сему вѣруй и со смиреніемъ проси, да пробавитъ и нынѣ и присно милость свою Господь.

„Молись за сестеръ, чтобы Господь укрощалъ вражиі въ нихъ искушенія, и даровалъ имъ ангеловъ мирныхъ, хранителей, наставниковъ къ ихъ спасенію.

„Держи уставъ обители, и перемѣнъ не дѣлай безъ особенной осмотрительности. Наслѣдуй и ты имя истинной матери обители. Прости за многословіе. Любовь побуждаетъ желаніемъ тебѣ полезнаго. Будь съ тобою и обителію Божіе благословеніе (1866 г. ноября 27).

Вотъ образецъ наставленій его желающимъ вступитъ въ жизнь иноческую.

„Раба Божія не бойся! Жребій твой святъ. Отецъ небесный и за непроницаемой завѣсою будущности простеръ къ тебѣ и агницѣ дочери твоей обычныя Свои объятія.

„Небойся ни немощей твоихъ, вѣруя Его силѣ, ни недостойства твоего, вѣруя непобѣдимой ни всего міра немощами, благодости и милосердію. Итакъ иди, твердою рукою веди юницу свою, и пади къ подножію креста Христова. Иночество есть крестноношеніе, есть жизнь подражательная самому Іисусу Христу. Его любовію дѣлается это чудо, что и въ каплѣ блестятъ лучи Его солнца и капля свѣтитъ и свѣтится. Тою же любовію совершается богоподражательность иноческая въ немощномъ Сильному, въ грѣшникѣ Богу. Такъ обѣщаль усотеритъ все. Ты прольешь капли слезы, слезы ли благодарной любви Его, слезы ли смиренія отъ возрѣнія на свою немощь и грѣховность при Его святости, и Онъ уже записываетъ. Море щедротъ тебя ущедритъ, неизмѣняемыхъ въ вѣчности. Не страшись словъ *мои и бремя*. Онъ отецъ милосердый предвидѣлъ нашу боязливость и тотчасъ же сказалъ въ бодрость нашу, что иго его не такое,

какъ иго міра, и бремя не сокрушитъ костей нашихъ,—иго благое и легкое. Я радуюсь, что смущеніе срѣтаетъ васъ въ началѣ. Это по опыту порука, что въ радости придете къ концу.

„Кромѣ искушеній вражійхъ, душа естественно при приближеніи къ Господу входитъ въ страхъ, и это самое добрѣйшее начало.

„Такъ не бойтесь ни сами за себя, ни за дочь вашу перейти за черту міра, хотя еще одною только одеждою. Вдругъ ничего не дѣлается; все какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ дѣлается постепенно по мѣрѣ и по времени.

Одѣвшись, довольно съ васъ и того, чтобы приучить мысли къ миру съ новымъ перемѣщеніемъ. Гдѣ миръ нашъ, тамъ и Богъ въ насъ!

„Неужели болѣе надо бояться въ обители и предавшись волѣ Господа нашего, нежели живя въ обществѣ и не принадлежа Ему? Правда, себя вездѣ надо бояться; но въ первомъ есть надежда, что многое помогаетъ намъ и безъ сознанія нашего, то-есть, мы и сами не понимаемъ, какъ общія молитвы окружаютъ насъ охраняюще.

„Не берите на себя подвиговъ, къ которымъ по немощи вашей не способны, ни привычки къ нимъ вы не сдѣлали;—съ молока начинаютъ къ твердой пищѣ —и не смущайтесь за невыносимое.

„Освящайте душу вашу таинственнымъ союзомъ съ Господомъ, елико можете чаще. Въ семь вѣруйте быть вашимъ силамъ, вашей жизни и временной и вѣчной. Несмотря на то, что вы не въ силахъ выстоять всѣхъ правилъ обители,—правила положенныя уставомъ святой церкви послѣ вечерни прочтите въ келліи канонъ сладчайшему Иисусу, Богоматери, Ангелу Хранителю,—акаеистъ; потомъ отходя ко сну вечернія молитвы. А послѣ заутрени канонъ къ причащенію и молитвы, и сколько Господь уможетъ прочесть Посланій апостольскихъ и Евангелія по главамъ и поменѣ, и съ вѣрою къ дополняющей все благодати приступайте къ чашѣ жизни. А чего сверхъ этого по уставу обители не выполните, восполните смиреніемъ, сознавая свою немощь, любовію къ Господу и любовію къ сестрамъ.

„Не смущайтесь тѣмъ, что вы не можете нести трудовъ обшихъ. Обитель, какъ и человекъ двойственъ, то-есть, имѣетъ и душу и тѣло. Хотя необходимы для бытія тѣла тѣлесныя по-

требности и отправленія трудовъ вѣшнихъ, но не менѣе потребны и важны отправленія духовныя стороны его духовной. Такъ когда сестры въ обители трудятся, а вы встаньте помолитесь Господу, да подкрѣпите ихъ силы, да благословите ихъ мужествомъ и терпѣніемъ, миромъ души и здоровьемъ, и вы все время вмѣстѣ съ ними трудиться будете и столь же полезно для обители, сколь полезно трудятся и онѣ. Медленнѣе спѣшите уравниваться съ ихъ подвижническими привычками. Останавливайте и дочь, чтобы не вдругъ бралась и за то, что не можетъ. Лучше медленнѣе браться, но постоянно принятое удерживать, нежели вдругъ на многое рѣшиться и оставить. Домъ строятъ не съ крыши, не со стѣнъ, а со рва, то-есть прежде всего роютъ землю для фундамента и чѣмъ желаютъ дому быть выше, тѣмъ глубже роютъ для зданія. Такъ и вы и сами и въ дочерп прежде всего пріучайте и мысли и разсужденія къ смиренію. Никого ни въ чемъ не осуждайте. Не вѣрьте худому заключенію о ближнемъ или объ обители, — не только мыслямъ своимъ или словамъ постороннихъ, но даже и глазамъ своимъ. Они первые соvertsли въ раю. Главное: вѣруйте въ промыслъ о васъ Божій и призваніе въ обитель. Уповайте на Его безпредѣльное милосердіе и любовь. Любите Его и въ сердцѣ и въ мысляхъ и въ словахъ; дѣлите съ Нимъ и ваши скорби и ваши радости, такъ, чтобы два сердца ваши только къ Его третьему открыты были и надеждою и любовію и вы обрѣтете миръ въ душахъ вашихъ. Сколько позволятъ силы, понемногу дочери давайте пріучаться къ буквальному монастырскому послушанію“.

По порученію митрополита Филарета о. Антонію пришлось руководить къ иноческой жизни М. И. Ш. женщину очень своеобразную, привыкшую повелѣвать, а не повиноваться, мало способную отказываться отъ своихъ мыслей и желаній, постоянно колебавшуюся въ своихъ намѣреніяхъ. Вотъ наставленіе, которое далъ ей о. Антоній.

„Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Никогда столь хорошаго расположенія въ душѣ вашей я не видалъ какъ нынѣ въ полученной мною запискѣ. Вы не знаете, что дѣлать; не знаете, что мыслить; не знаете, какъ разсудить;

словомъ—вы ничего не знаете. Желаю вѣрить этому искренно, и потому, что вы солгать или обманывать меня не станете. И такъ незнающей душѣ вашей я вставляю мое знаніе. Оно есть слѣдующее:

1) Прожить въ Хотьковѣ три года, какъ я говорилъ объ этомъ и прежде. Такъ на этотъ срокъ и распорядиться внѣшними въ семь дѣлъ обстоятельствами.

2) Въ Лавру прѣѣзжать къ великимъ праздникамъ, предварительно испрося моего благословенія.

3) Отвыкая отъ всѣхъ пустыхъ манеръ свѣтскихъ и въ мысляхъ и въ словахъ и движеніяхъ, въ поступи и привѣтствіяхъ, навывать обращенію простому, смиренному, стремиться всѣми силами и дѣйствіями къ предположенной цѣли—*душевному спасенію*; елика честна, елика доброхвальна, и аще кая похвала подobaетъ святымъ сія помышляя, *гачитъ о жизни святой*.

4) Правило келейное и поста соблюдать слѣдующее: въ среду и пятокъ отъ пищи вовсе удерживаться, въ прочіе дни во всѣ вѣсть по единожды днемъ, смотря на силы убавляя и прибавляя качество и количество пищи. Самое меньшее убавленіе—воды стаканъ и кусокъ хлѣба съ солью, а возвышеніе—какое обычно въ монастырской жизни, да не скудости ради пищи изнеможете, ниже ради роскошной и многопитательной разсвирѣпвють страсти. Умѣренность благоразумная есть мать осторожной жизни. И сіе правило високоумія и самоумѣнія ради не возвышать неденіемъ, ниже умалять заповѣди ради отеческой, но съ отсѣченіемъ воли своея слѣдовать ей, и получишь милость Божию и отеческое благословеніе.

5) Молитвы. Вставши поутру первомысліе посвящать Господу Иисусу Христу искупителю и спасителю нашему, ходатаю нашего спасенія. Перекрестясь еще на постели призвать троекратно сладчайшее имя его: Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшную, и потомъ: пресвятая Богородице спаси мя грѣшную. — Вставши поклонъ до земли положить предъ Господомъ, потомъ начать молитвы: Царю небесный и прочее по чину, помилуй мя Боже, вѣрую, Богородице Дѣво радуйся трижды. Потомъ поклоненіе пяти извамъ Господа Иисуса Христа, какъ бы благодарственное приношеніе за Его сими искупленіе насъ отъ грѣха и смерти. Ежели къ утрени идете, идите. Буде почему-

либо не можете, то поуспокоившись прочтя три первыя молитвы утреннія и четвертую Богоматери, прочтите каѳизму съ молитвами, потомъ хвалитны утреннія, словословіе и первый часъ.

6) Дѣлайте по кельѣ, что у васъ дѣлается, или отдохните. Буде въ церкви, блюдите умъ отъ разсѣянія: внимайте молитвъ Иисусовой и воображайте присутствіе Божіе для отгнанія мыслей пустыхъ и неумѣстныхъ, да страхъ лица Божія проженеть отъ васъ всякъ помыслъ непріязненный.

7) Послѣ обѣдни походите на воздухъ, сколько можно, — это полезно для тѣла и освѣженія съ нимъ души. Потомъ обѣдайте. Немного отдохнувъ читайте Новый Заветъ по ряду по главѣ. Если не идете къ вечерни, читайте другую каѳизму за упокой. молитвы Божіей Матери, акаѳистъ по учрежденію дня, канонъ ангелу. Прекратя подѣлайте или снова на воздухъ или дома походите. Можно читать какія-либо отеческія книги, выписывать изъ нихъ для себя статьи болѣе примѣчательныя.

8) Ложась спать прочесть помяникъ съ поклонами и три первыя вечернія молитвы и послѣднюю Богоматери: Благаго Царя благая мати и пр. Оконча и съ благословеніемъ Божиимъ уснуть, прося у Бога пробужденія паки на Его словословіе. Буде ночью случится проснуться, всегда перекреститься и помянуть Господа и пресвятую Матерь Его.

9) Съ людьми быть просто въ обращеніи, никого ни въ чемъ не заирать и не подозрѣвать, ни о комъ и ни отъ кого не любопытствовать, стараться о всѣхъ имѣть доброе мнѣніе, а худому не вѣрять, зная, что діаволъ клеветникъ старается клеветать предъ нами братію нашу, и сему какъ своими вымыслами не помогать, такъ и не слѣдовать его внушеніямъ.

Такимъ образомъ дѣлая и обрабатывая душу свою знай, что спасешься. Миръ будетъ во входѣ твоёмъ, во всемъ житіи твоёмъ и во исходѣ твоёмъ“ (1835 г. января 9 дня).

Чаще всего случалось конечно о. Антонію имѣть сношеніе съ скорбящими душами, которыя искали у него утѣшенія.—Чтобы ознакомить съ его словами утѣшенія, приводимъ выписки изъ четырехъ писемъ къ одному лицу испытавшему одинъ за другимъ тяжкіе удары жизни. Замѣчательно то, какъ разнообразно выбираетъ о. Антоній струны сердца, по которымъ нужно ударить, чтобы оно отозвалось на слово утѣшенія. Въ первомъ письмѣ

начавъ съ извиненія въ долгомъ молчаніи, далѣе онъ пишетъ: „Смѣлъ ли я думать, чтобъ мое слово облегчило скорбь души вашей? Я знаю, что вы научены искать слова сего и во всемъ утѣшенія во спасеніе—въ глаголъ Божиємъ, и паче въ самомъ Богъ Слово. И кто же прискреннѣе воззрѣть на скорбную душу, какъ не Творецъ души оной? Онъ не только приходитъ, когда зовемъ Его, но ходитъ за заблудшей и ищетъ погибшую, зоветъ труждающихся къ покою, общается не оставляя паче матери, предаетъ забвенію погрѣшенія,—червленны какъ волну, багряны какъ снѣгъ общается убѣждать, только бы обратились. Вотъ почтенная Е. Д. Къ сему-то Слову прилѣпляйтесь искреннѣе и любовнѣе; въ немъ вы найдете совершенное врачество уязвленной души вашей. Слово человеческое и временно и несовершенно: Слово Божіе Іисусъ Христосъ совершенъ и вѣченъ. Любите, уважайте благочестивую бесѣду человеческую, будьте и благодарны къ бесѣдующимъ, но несравненнѣе ищите бесѣды съ самимъ Господомъ: Ему яко Отцу открывайте ваше сердце и его раны, Его яко благодѣтеля молитесь о помощи себѣ и окружающимъ васъ, и вѣруйте, что великій благодѣтель никогда не удержитъ струи своего милосердія. А вы съ покорностію и терпѣніемъ повергшись въ волю Отца своего ожидайте себѣ полезнаго. Вамъ и сирымъ вашимъ онъ покровитель, только учите ихъ богочтенію, внушайте имъ, что въ Его десницѣ счастье: отверзеть и они исполнятся, отвратить лице Свое возматутся, и къмъ бы ни были возстановлены, не постоятъ.“

Въ 1836 г. писалось: „есть пословица Е. Д.: въ добрую голову сто рукъ. Отчего же ты не хочешь, чтобы и моя рука не коснулась во главу твоего терпѣнія? Терпи—и я скажу,—а стерпится слюбится, то же пословицею заключаю. И въ письмахъ ты жалуешься на мое молчаніе и люди говорятъ мнѣ, что я и пишу, что ты опять скорбишь. Вотъ я пишу. Зачѣмъ же ты скорбишь? Вѣдь ты знаешь, что заступникъ сиротъ твоихъ, лица твоего — есть Богъ твой. Кто же можешь утѣшить и утѣшить твою скорби, кромѣ Его единаго истиннаго утѣшителя? Ну! смѣю ли я согласиться съ просьбою твоей, чтобы утѣшить тебя написать къ тебѣ? Святой Духъ въ устахъ Давида обращается къ Богу-Отцу: Тебѣ оставленъ есть нищій,

сиру Ты буди помощникъ. Онъ и есть. Такъ не утѣшать мнѣ тебя, а вмѣстѣ съ тобою о всемъ благодарить Господа и радоваться высокою Его съ тобою милости очень согласенъ. Прагду сказать, доселѣ и я иногда считалъ тебя горькою несчастливцею, иногда и тужилъ о тебѣ въ душѣ моей, но недавнее обстоятельство вывело меня изъ этого заблужденія. Тебѣ это покажется страннымъ, но вотъ оно, слушай.

„Съ недѣлю назадъ проѣздомъ приходитъ ко мнѣ А. И. К. и съ нею мужчина, котораго она рекомендуетъ мнѣ мужемъ. Неловко что-то мнѣ представилось, но думаю: что же? ну быть такъ, можетъ купецъ какой или дворянинъ. Но когда сталъ говорить за себя мужъ, то говорить, что онъ лекарь Г. Я едва скрылъ замѣшательство. Здѣсь я видѣлъ единственно искушеніе и глупую страсть; довольство ихъ расширило, и бѣдный умъ А. И. не совладѣлъ даже поступить прилично. Въ ту жъ минуту я вспомнилъ о тебѣ: вотъ и еще юная же вдова; которая: счастливейше — богатая К. или бѣдная Д? Въ рѣшеніи за послѣднюю нѣтъ никакого сомнѣнія. Что же къ такому счастью споспѣшествуетъ? Безъ сомнѣнія за молитвы родителей помощь Божія. А въ чемъ видна она? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ святитель Христовъ Димитрій: въ скорбяхъ сокровенна благодать Божія. Стало-быть твои скорби суть проводники подъ тебя и къ охраненію тебѣ благодати Божіей при ногу Господа Иисуса; стало-быть безъ нихъ ты не имѣла бы благодати охраняющей тебя отъ сряща и бѣса полуденнаго; стало-быть безъ нихъ воля твоя не была бы пригвождена къ волѣ благодѣтеля твоего Господа, и ты бы могла также развирѣпѣть какъ свирѣпѣютъ юныя безскорбныя и безблагодатныя вдовицы; и стало-быть по выводу этому ты не несчастная, но счастливѣйшая юная вдовица, носящая какъ увясло Божію благодать надъ собою въ непрерывныхъ по усмьсленію Божію скорбяхъ посылаемыхъ тебѣ къ охраненію тебя за молитвы родителей и ближнихъ твоихъ. Такъ радуйся же Е. невѣста Христова прекрасная. Скажи же, что благословить душа твоя Господа не забывая и не забудетъ благодѣяній Его“. Давъ такое утѣшеніе о. Антоній далѣе припоминаетъ дѣтей вдовы, учитъ воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ. „Какъ бывало мы, вспомина-

еть онъ при семь,—съ матушкой Ольгой Васильевной утѣшались, когда одна маленькая дѣвочка 5-ти или 6-ти лѣтъчитывала нѣмощу тропарь: „тебе женише мой, люблю“.

Новыя скорби страдалицы вызвали и новыя утѣшенія: „умоляю тебя Богомъ, не вдавайся въ неизмѣримую бездну горести и отчаянія, какъ бы не имущая упованія. Обозри себя, размысли и усмотри, къ какой ты безднѣ отчаянія приближаешься твоею немѣренностію. Остерегись ради Господа, прошу тебя. Я не только мыслію объемяю, но въ самомъ сердцѣ ощущаю горести тебя постигшія, ирассуждаю, сколь онѣ для тебя велики и для твоего сердца. И кажется, развѣ скорби одной смерти онимъ уравниваются. Но не подумай что и о ней болѣе; ибо скорби жизненныя подлежатъ опыту и измѣняются, а скорби смертныя безблагодатныя необъяснимы. — Но если бы и болѣе сихъ были возвышенны твои несчастія и горести,—и тогда, умоляю себя, повиноваться Господу, принять жребій сей въ судьбахъ Его назначенный еже прежде дыханія вашего. Прибучай твои мысли, твою волю сердца принять сіе отъ Отца небеснаго, отъ Отца щедротъ и всякой благодати и милосердія. Ты лишилась мужа не безсмертнаго по тѣлу, но смертнаго. Предѣлы судьбы не всегда принаравливаются къ желанію и обстоятельствамъ нашимъ: бдите, не вѣсте бо въ кій часъ тать придетъ. А намъ должно принаравливаться къ предѣлу судебъ Божіихъ. Убиваешь ты себя объ образѣ окончанія его. Что дѣлать мы будемъ? Гдѣ достанетъ намъ и откуда слезъ и горести о святыхъ Божіихъ, къ коимъ память наша благоговѣетъ, коихъ звѣри съѣли, коихъ стѣны раздавили, на коихъ церкви пали или злоба человеческая подобно бездушнымъ камнямъ прекращала житіе и труды ихъ? Богъ же паче солнца извелъ свѣтлѣйшими души ихъ, яко честное изъ недостойнаго.

„Ты сказала: онъ самъ. Нѣтъ, тогда бы онъ самъ шелъ, когда бъ желанія и воля его въ разумъ ввели туда. Но тутъ же желанія, ни воли, ни разума, но тѣло въ потерянніи безчастно отъ скорбей обышедшихъ его и поущенія Божія, поущенія по дѣйству горестнаго и бѣдственнаго, по слѣдствіямъ же благодѣтельнаго, яко поущеннаго отъ благаго и человеколюбиваго Господа и Отца. Взвошелъ носимъ машиной тѣлесной безъ идей и безъ цѣли оковавшимъ его возмущеніямъ и умъ и сердце; уви-

дѣлъ онъ цѣль свою, когда разрѣшились его оковы, когда страшная минута разрѣшила его усыпленіе. Тогда увидѣлъ онъ цѣль свою—Бога-Отца простирающаго къ нему, какъ къ блудному сыну, объятія любви и милости, и онъ повергъ себя предъ Нимъ и кто, кромѣ злобы, усумнится, что Онъ объялъ его, и въ посредствѣ плоти и крови Сына своего соединился съ нимъ? Вотъ послѣдствіе благодѣтельное!

„Не о немъ тебѣ надлежитъ смущаться и плакать, но о самой себѣ и твоихъ дѣтяхъ. Ей, духъ его не требуетъ сего смущенія, отчаянія и страданія, кои ты о немъ вмѣщаешь въ твоемъ сердцѣ. Моли о немъ, какъ велитъ церковь, чтобы упокоился духъ его со святыми, проси возносить жертву безкровную о грѣхахъ человѣческихъ возносимую. Вѣруй, уповай и надѣйся и люби Господъ яко отца и благодати и милости источника во всякое время, да выну хвала Ему отъ насъ будетъ, (аще ли милуетъ, яко отцу милующему, аще ли наказуетъ, яко отцу наказующему. Аще наказаніе Его претерпимъ, яко сыновомъ намъ обрѣтется Богъ.

„Христось воскресе Е. Д. Сколько ни губительна горестъ твоя, сколь ни мрачны надъ душою твоею послѣдствія ея, но при привѣтѣ Христова воскресенія отвѣтъ о истинѣ его радуясь. Умеръ сынъ твой! Ты слышала, что у смерти ядовитаго жала не стало. Она и сама поправа смертію Спасовою, уже мы не въ смерть смертію облекаемся, а въ жизнь; вѣруемъ и чаемъ воскресенія мертвыхъ. Такъ сынъ твой переѣхалъ на нѣсколько подалѣе Бессарабіи для тебя. Но онъ живъ, онъ прекрасенъ, онъ восхищенъ поранѣе для того, да не злоба измѣнитъ разумъ его или лестъ прельститъ душу его; онъ переведенъ отъ сиротства въ нѣдра отеческія. Смотри! Тамъ принятъ онъ благочестивыми дѣдами и твоими родителями въ какомъ свѣтоносномъ кругу! А ты плачешь, зачѣмъ онъ не въ бѣдности и сиротствѣ съ тобой. Успокойся и покорись волѣ Отца небеснаго. Надежда исчезла на помощь: да развѣ онъ, не имѣвшій и себѣ возможности помогать, былъ твоимъ помощникомъ? Нѣтъ, сущій твой отецъ и помощникъ единъ Господъ Исусъ Христось. Развѣ до вчерашняго дня ты была имъ оставлена? Если нѣтъ, то почему же ты не довѣряешь ему въ нынѣшнемъ и завтрашнемъ? Ты скажешь: „недостойна Его милости“, а развѣ до вчера ты была до-

стойна? Нѣтъ: Онъ вчера былъ твой Богъ и отецъ любящій и спасающій, и нынѣ и всегда твой Богъ и отецъ и любящій и спасающій. Печали и грѣхи всего міра понесъ Онъ на Себѣ. Не бойся! приложи твою скорбь и печаль къ подножію креста Его. Возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитаеъ, и здѣсь въ маловременномъ пребываніи и тамъ въ вѣчномъ упокоеніи и блаженствѣ, куда ты столько уже препроводила возлюбленныхъ Господу, любящихъ тебя и тебѣ любезныхъ. Такъ не плачь, не умре бо, но живетъ душа сына твоего. Не плачь плачемъ отчаяніи и безутѣшной скорби. Умерый и воскресшій Господь приведетъ въ прекрасномъ общемъ воскресеніи и прекраснаго юношу сына твоего въ Его и твою радость нескончаемую. Считай въ отлучкѣ сына твоего; домой возвратясь увидите. Теперь пусть радуются дѣды и родители твои съ нимъ, имъ и слѣдуетъ первенство, а ты послѣ. Молись, чаще въ помощь приступай къ св. божественнымъ тайнамъ — тѣлу и крови Христовой⁴.

Сохранилось рукою о. Антонія писанное наставленіе о чтеніи Псалтири.

„Возьмемъ, пишетъ онъ,—въ примѣръ врачество тѣлесное. Не вдругъ мы беремъ каждую въ аптекѣ стклянку и принимаемъ, но съ совѣта и опыта употребляемъ то, что болѣе пригодно къ недугу нашему. Такое распоряженіе можно дѣлать и въ недугахъ нашихъ душевныхъ. И псалмы можно и должно употреблять по частямъ и по нравственному расположенію нашему, давая полную свободу нашей воли въ выборѣ чтенія псалма и въ продолженіи, зная, что сильныя лекарства по каплямъ даютъ, а слово Божіе есть лекарство сильное⁴.”

Онъ дѣлитъ псалмы: 1) содержащія прошеніе помощи отъ Господа Пс. 24, 26, 30 и 90. 2) Покаянные Пс. 50, 118, 31, 39, 56, 61 и 91. 3) Содержащія уроки жизни Пс. 14, 33, 36, 52 и 111. 4) Душа въ смиреніи призываетъ на помощь Господа Пс. 114, 115, 127 и 130. 5) Печальная душа ищетъ упованія на помощь Божію Пс. 10, 12, 45, 119, 120, 122 и 124. 6) Душа въ печали и уныніи ищетъ утѣшенія Пс. 19, 101, 102 и 136. 7) Душа ищетъ раскрыть любовь свою къ Господу Пс. 17 и 94. 8) Душа ищетъ славить творческую премудрость Создателя Пс. 18, 96, 97 и 103. 9) Сла-

вословить, любить, покланяется душа Господу Пс. 95, 99, 110, 148, 112, 117 и 144.

Объ избранныхъ псалмахъ говоритъ: „можно читать по одному или нѣсколько, но не вдругъ, а съ перемѣнами каждодневно. Псаломъ 1-й есть какъ бы введеніе къ чтенію псалмовъ. гдѣ похваляется покорность воли къ закону Божію и добрыя отъ сего послѣдствія. Избранные псалмы 41, 62, 76, 83, 85, 129, 133, 140 и 141 *)).

Въ наставленіи одной изъ дочерей духовныхъ полагая чтеніе Евангелія необходимымъ ежедневнымъ правиломъ онъ даетъ далѣе совѣтъ: „когда прочтешь главу Евангелія или сколько тебѣ возможно для освященія и оживленія души твоей, то положивъ Евангеліе на голову прочти слѣдующую молитву, которую должно выучить наизусть: „Словесами Божественнаго Евангелія да исчезнетъ всякое дѣйствіе сатанинское составляемое въ умѣ, въ сердцѣ и во всѣхъ чувствованіяхъ души и тѣла моего, и да вселится въ немъ благодать Господа нашего Иисуса Христа прощающая, опаляющая и очищающая, просвѣщающая и освящающая всего меня человѣка во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Когда говоришь: во имя Отца Сына и Святаго Духа,—въ это время перекрести себя Евангеліемъ и приложи его къ своему сердцу мысленно, въ сіе время самымъ сердцемъ прочитывая молитву: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, якоже хочещи и можещи спаси меня грѣшную. Такъ приучись, чтобы само сердце произносило молитву.“

Частому произношенію молитвы Иисусовой онъ училъ многихъ. Одна почтенная дама сказала ему: я такъ пристрастилась къ работѣ и такъ много сижу за нею, что и для молитвы немного остается времени. „Отчего же такъ? Что вы работаете?“ Она показала свое вышиванье по канвѣ. „Какже эта работа мѣшаетъ молиться? Дайте иглу, и укажите, какъ вы дѣлаете“. Она стала указывать и о. Антоній продѣвая иголку и вытаскивая ее читалъ: Господи, Иисусе Сыне Божій помилуй мя; и сдѣлалъ десятка два или три стежковъ. „Вотъ вамъ какъ можно вмѣстѣ и работать и молиться. Теперь придется распарывать мое шитье; и это дѣло дѣлайте съ тою же молитвою“, и гр. Г. мало-

*) Записка о псалмахъ подписана дек. 16 1871 г.

по-малу усвоила себѣ такой способъ соединенія работы и молитвы.

Поселившись на время въ Посадѣ эта же почтенная женщина говорила, что она часто скучаетъ о дѣтяхъ (уже устроенныхъ), ибо очень любить ихъ. „А ты удѣля Богу частичку любви твоей къ дѣтямъ и стой здѣсь за нихъ, предъ гробомъ преп. Сергія, какъ свѣчка.“ Эти слова такъ глубоко подѣйствовали, что гр. Г. повѣсила съ тремя свѣтильниками лампаду предъ иконою Явленія Божіей Матери преп. Сергію, какъ постоянное напоминаніе того, что она какъ свѣча должна стоять предъ преп. Сергіемъ за троихъ своихъ дѣтей. Настоятельница общины предложила вопросъ: грѣшно или нѣтъ дѣлать въ праздники и воскресные дни? О. Антоній отвѣчаетъ: апостолъ Павелъ (1 Солун. 2, 9) пишетъ: день и ночь дѣлающе, да не отяготимъ единого отъ васъ, то-есть, трудимся для своей потребности не исключая и праздниковъ. Старца Варсанофія спросили: не грѣшно ли дѣлать что-либо въ воскресный день? Онъ отвѣчалъ: дѣлающимъ по Богу грѣха нѣсть (от. 760). А вы дѣлая для благолѣпія церковнаго дѣлаете во славу Божию. Стало-быть и трудъ вашихъ сестеръ тоже, что и молитва, тоже, что и всякое доброе дѣло ради Господа дѣлаемое“. Вопросъ этотъ предлагаютъ часто и кажется болѣе правильно рѣшать его въ томъ смыслѣ, какъ рѣшаетъ о. Антоній. Можно трудиться въ праздничные дни, но пусть плоды этихъ трудовъ будутъ обращены или для благолѣпія храма Божія или для вспоможенія бѣднымъ.

Вообще всѣ наставленія о. Антонія дышатъ снисходительностію и любовію отражая въ себѣ эти основныя черты его характера. О. Антоній не былъ чуждъ сознанія „высоты своего положенія, и порою давалъ это чувствовать; но обычное благодушіе скоро брало въ немъ верхъ. Мелкаго самолюбія, которое бы оскорблялось всякимъ непохвальнымъ объ немъ отзывомъ, въ немъ не было. Случалось не разъ высказывать въ кругу близкихъ къ нему людей неодобреніе того или другаго его поступка. Узнавъ о семъ при встрѣчѣ онъ только скажетъ улыбаясь: что ты ругаешься? „Видно заслужили этого.“ „Ну вотъ и заслужилъ!“ тѣмъ дѣло и кончалось. За дѣйствительныя даже оскорбленія и скорби наносимыя ему онъ старался мстить благодареніями. Онъ держался слова Евангелія: *амѣ алчеть врагъ твой,*

ужлби его. Были случаи, что люди нанесшіе ему глубокое оскорбленіе, причинившіе много зла, когда обращались къ нему съ просьбою въ крайней нуждѣ, получали отъ него самую щедрую помощь. Мало того, иногда слѣдя за судьбою такихъ лицъ, если узнавалъ, что они находятся въ скорбномъ состояніи, и безъ просьбы самъ предлагалъ имъ руку помощи въ той мысли, что безъ перваго шага съ его стороны имъ было бы совѣстно обратиться къ нему съ прошеніемъ помощи.

Ему самому приходилось иногда испытывать тяжелыя искушенія. Въ 1847 г. недобрые люди распространили объ немъ не добрую молву на всю Россію. За мѣчательно благодушіе, съ какимъ онъ пишетъ объ этомъ настоятельница арзамасской общины Марѣя Павловнѣ. „Благодарю васъ, матушка, за участіе въ касающейся молвѣ до меня. Одно, что тутъ справедливое,—это то, что я грѣшникъ. Долготерпѣніе Божіе не только хранитъ меня еще до сего часа на мѣстѣ, но пользуюсь миромъ и надеждою во спасеніе чрезъ заслуги ходатая и Спасителя нашего Господа Исуса Христа. Конечно къ худой молвѣ о мнѣ должна быть причина въ худой моей жизни. Еслибы была жизнь сообразна званію и заповѣдамъ Божіимъ, то и худой молвы бы не было. Одного желанія къ спасенію недостаточно, а надобны дѣла,—ихъ-то и не нахожу. Что ни смотрю, все изношенною ветошью является, а главная бѣда, что есть лукавыя помышленія и ветошью этой онѣ желаютъ хвалиться. Такъ, матушка, повсюду и во всемъ въ себѣ вижу невѣрность къ Господу и крайнюю грѣховность. Сказано: кто что сѣетъ, тотъ то и пожнетъ. Отецъ Серафимъ мнѣ говаривалъ на помыслы оскорбленнаго самолюбія: батюшка! когда бы мы стояли уваженія, намъ бы люди только и кланялись. А когда дѣлаютъ съ нами наоборотъ, то надо обратиться въ себя, и сознаться, что мы не стоимъ, — вѣдь сердце сердцу, вѣсть подаетъ“⁴⁾).

г) Двадцатипятилѣтіе службы о. Антонія въ Лаврѣ. Вниманіе митрополита. Мнѣнія о. Антонія о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ.

Въ мартѣ 1856 г. исполнилось 25-ть лѣтъ служенія о. Антонія въ должности намѣстника Лавры. Митрополитъ Филаретъ же-

⁴⁾ Письмо отъ 28 іюля 1847 г.

хотѣлъ выразить свою благодарность ему достойнымъ его служенія образомъ. Онъ обратился къ исправляющему должность оберъ-прокурора св. Синода А. И. Карасевскому съ такимъ отношеніемъ. „Двадцать пять лѣтъ исполнилось службы архимандрита Антонія въ званіи и достоинствѣ намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры и настоятеля Спасо-Виѣанскаго монастыря. На намѣстника Лавры по необходимости падаетъ значительная часть обязанностей настоятеля Лавры, который только въ меньшую часть года можетъ дѣйствовать въ Лаврѣ личнымъ присутствіемъ. По важности и обширности обители, посѣщаемой многочисленными богомольцами, служеніе намѣстника, какъ ближайшаго дѣйствителя для соблюденія въ оной благоустройства, имѣетъ не меньшую, если не большую важность, нежели служеніе настоятеля какого-либо первокласснаго монастыря. Въ продолженіе служенія намѣстника архимандрита Антонія число братіи Лавры значительно увеличилось ищущими добраго монашескаго руководства; благоустройство церковное, духовнонравственное и хозяйственное возвышено; учреждены двѣ больницы для своихъ и постороннихъ, (въ примѣръ общепользости которой можно представить, что въ прошедшемъ 1855 г. въ Лаврской больницѣ лѣчимы были 71 военно-служащихъ и заблѣвшихъ на походѣ, и трое плѣнныхъ турокъ), заведено училище для бѣдныхъ дѣтей разнаго званія, училище иконописанія и разныя рукодѣлія, служащія братіи къ доброму проведению времени и къ пользѣ; образовано общежительное отдѣленіе Лавры подъ именемъ Геосиманскаго скита, при покровительствѣ преподобнаго Сергія возрастающее съ доброю надеждою. Все сіе обязываетъ меня предстательствовать, чтобы по случаю совершенія 25-ти лѣтня служенія намѣстника архимандрита Антонія съ отличнымъ достоинствомъ представленъ онъ былъ во Всемиловитѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. За шесть лѣтъ предъ симъ онъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра третьей степени. Были примѣры, что намѣстникъ Александро-Невскія Лавры архимандритъ Товія и Симоновскій архимандритъ Герасимъ сопричислены были къ сему ордену во второй степени. Или же другой соотвѣтственный достоинству родъ награды можетъ состоять въ благословеніи св. Си-

нода архимандриту Антонію вмѣсто наперснаго креста употреблять панагію по примѣру Донскаго архимандрита⁴.

Въ тотъ же день (марта 16), когда подписано было это представленіе, митрополитъ препроводилъ на имя о. Антонія слѣдующее письмо.

„Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ Антоній! Исполнилось 25 лѣтъ вашего служенія въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ въ званіи намѣстника настоятеля въ непрерывномъ подвигѣ. объемлющемъ большую часть обязанностей настоятеля, отвлекаемаго другими обязанностями. Зная васъ только по случайной встрѣчѣ, я получилъ желаніе избрать васъ въ сіе служеніе въ такихъ обстоятельствахъ, когда дѣло сіе требовало скорости. а вы находились вдали, въ вѣдомствѣ другаго начальства; сомнѣніе объ успѣхѣ предпріятія не остановило моей рѣшимости. Я предалъ сіе дѣло покровительству преп. Сергія въ упованіи, что онъ устроитъ оное, если оно ему благоугодно. Тогда устраненіе предвидѣнныхъ препятствій и мирное совершеніе дѣла показали, что преп. Сергій благословилъ ваше избраніе; теперь двадцатипятилѣтній опытъ показываетъ, что преп. Сергій благословилъ ваше служеніе⁴. Изчисливъ заслуги о. Антонія митрополитъ продолжаетъ: „Ваша награда въ Господѣ. Ваше утѣшеніе въ благоволеніи преп. Сергія. Изъявляя вамъ искреннюю къ вамъ благодарность моей мѣрности, не думаю умножить утѣшеніе ваше, но исполняю требованіе моего сердца. Молю преп. Сергія, да благословитъ васъ продолжать полезное служеніе ваше въ обители его, и еще понести мою тяготу на моемъ приближающемся къ своему предѣлу поприщѣ⁴.“

„Желаю, чтобы сіе прочитано было въ трапезѣ предъ братією Лавры, а также въ Виоаніи и въ скитѣ. Надобно, чтобы сіе осталось въ дѣлахъ собора въ подлинникѣ или въ спискѣ⁴.“

Августа 26-го въ день коронованія Государя Императора, при которомъ удостоился присутствовать о. Антоній, получилъ отъ панагію. Такъ митрополитъ почтилъ службу своего вѣрнаго сотрудника по управленію Лавры и друга по сердцу. Довѣренность митрополита къ о. Антонію постоянно возрастала, и онъ сталъ обращаться за совѣтомъ къ нему во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и случаяхъ своей жизни и дѣятельности. Это видно изъ переписки его съ о. Антоніемъ, но болѣе важные вопро-

сы обсуждались въ устныхъ бесѣдахъ, такъ какъ митрополитъ многое не рѣшался вѣрять бумагѣ ⁴⁾ О. Антоній сталъ для митрополита какъ бы необходимымъ. Въ 1862 г., достигнувъ 70-ти лѣтъ, о. Антоній въ письмѣ къ митрополиту высказалъ желаніе просить увольненія отъ службы, митрополитъ отвѣчалъ: „въ вашемъ письмѣ есть для меня болѣе сильная причина также просить увольненія отъ службы. Надобно будетъ оба прошенія послать вмѣстѣ въ св. Синодъ. Но если и уволить меня,—не желаю, чтобы уволили васъ... Говорите, что вамъ 70-ть лѣтъ,—мнѣ болѣе“.

Доселѣ мы знакомили съ дѣятельностію о. Антонія какъ на-мѣстника Лавры и наставника для частныхъ лицъ въ духовной жизни. Но былъ бы пробѣлъ въ его характеристикѣ, если бы не ознакомить съ его взглядами на обще-монастырскіе и общецерковные вопросы по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 15 лѣтъ его жизни. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ его мы встрѣчаемъ изложеніе его мыслей по симъ предметамъ.

Въ 1860 г. въ канцеляріи св. Синода составленъ былъ проектъ произвести таксацію всѣхъ лѣсныхъ владѣній принадлежащихъ монастырямъ, и потомъ отдать ихъ арендаторамъ. Для чего прежде всего потребована присылка въ Синодъ подлинныхъ плановъ монастырскихъ лѣсныхъ владѣній. Мысль о таксаціи монастырскихъ лѣсовъ возникла конечно въ головѣ какого-либо невысокаго чиновника во первыхъ потому, что тогда было время проектовъ и проектами всего легче было обратиться на себи

⁴⁾ Такъ въ одномъ письмѣ о. Антоній передаетъ мысли митрополита Филарета о духовномъ соборѣ. „Покойный владыка, пишетъ онъ, думалъ о семъ съ желаніемъ осуществленія этой мысли, но и высказывалъ большія затрудненія по многимъ частямъ и нравственнымъ и матеріальнымъ. Онъ высказывалъ, что соборъ не можетъ быть безъ участія восточныхъ пастыреначальниковъ, что нужно внимательно и осмотрительно составить проектъ вопросовъ для собора, и что нужно предварительно такой проектъ разослать всѣмъ епархіальнымъ святителямъ для свѣденія и пополненія потребностей мѣстныхъ, и послѣ сего къ обсужденію вызвать опытѣйшихъ іерарховъ, дабы главное пріобрѣсти единодушіе къ общей идеи, и потомъ съ Божіею помощію просить о собраніи въ Москвѣ, и насколько возможно въ руководство брать приемы началъ и послѣдовательности древнихъ вселенскихъ соборовъ. Вотъ эту мысль я слышалъ отъ покойнаго“.

вниманіе; вовторыхъ потому, что самая таксація могла заслужить благоволеніе начальства и доставить хорошія выгоды; въ третьихъ удержавъ раздачу таксированныхъ лѣсовъ въ аренду въ своемъ вѣденіи чиновники св. Синода имѣли бы постоянный источникъ дохода ⁴⁾. Одно удивительно, какъ высшіе чиновники, чуждые этихъ расчетовъ, могли принять подъ свое покровительство этотъ проектъ.

Лавра Сергіева отказалась выдать свои планы лѣсныхъ дачъ на томъ основаніи, что у ней нѣтъ лѣсу годнаго для рубки. О. Антоній частнымъ образомъ высказалъ такія замѣчанія противъ этого проекта: „Вы требуете во всей имперіи отъ монастырей и церквей подлинныхъ плановъ, на что они вамъ? И приготовили-ли вы подвалы, куда обозы эти складывать? Вы жалуетесь на скудость средствъ, а это новая бесполезная издержка, новый наемъ землемѣровъ разобрать все это огромное количество. Вы подвергаете себя справедливымъ жалобамъ за потерю изъ громады этой какаго-либо плана, тогда какъ это документы неотъемлемой собственности, и все это безъ всякой вамъ пользы для однихъ пустыхъ расходовъ. Если имѣете желаніе знать, кто какими владѣетъ дачами, требуйте краткую опись владѣнія, а не подлинныя акты. Въ Саровской пустыни на 20.000 десятинъ можетъ-быть есть болѣе двухъ тысячъ плановъ. И такихъ мѣстъ въ Россіи есть до сотни, притомъ никакой нѣтъ надобности въ истребителяхъ арендаторахъ. Всякая церковь и всякая обитель своимъ хозяйствомъ выше и полезнѣе всякаго арендаторства. Да и настоящее время вовсе не то время, чтобы начальству поощрять истребленіе лѣсовъ. Если не мы доживемъ, то вскорѣ послѣ насъ дороговизна топлива будетъ равняться насущному хлѣбу. Благонамѣренному начальству при размноженіи царовыхъ фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ должно подчиненныя мѣста сдерживать, буде бы оказались у кого порывы пустыхъ выгодъ, отъ истребленія лѣсовъ, а не поощрять“ ⁵⁾.

⁴⁾ Намъ лично пришлось слышать отъ одного такого таксатора слова: „мы (т. е. чиновники Синода) хозяева монастырскихъ имѣній“.

⁵⁾ Таксація лѣсовъ у нѣкоторыхъ монастырей была сдѣлана. На нее истрачено 13.000 руб., и не получено никакаго дохода, а потому эта затѣя прекра-

Въ февралѣ 1862 г. писалъ о. Антоній: „Не ясенъ горизонтъ православной Руси. Вы, ангелъ церкви, призывайте милосердіе Господне. Одно оно можетъ отвратить правосудное и грозное посященіе. Возбуждайте и пасомыхъ вами пастырей вслушаться въ пагубныя мысли пускаемыя въ массы народа и вращевать ихъ“.

„Теперь рѣшительно образованіе народное предоставлено свѣтской власти и министръ народнаго просвѣщенія выпросилъ на это милліонъ руб. сер. Духовенству какъ изъ милости оставлено, гдѣ есть, у священниковъ обученіе дѣтей, но безвозмездно. Теперь надо ожидать, что въ массы народа запустятъ рычаги по произволу слуги звѣря многосложнаго пестротами, крѣпостию медвѣдя и преобладаніемъ львинымъ. Въ вѣрѣ и въ истинномъ благочестіи только можно найти окормленіе и охрану“.

Въ маѣ того же года писалъ онъ: „Замѣчанія ваши справедливы о вмѣшательствѣ С. С. въ избраніе настоятелей. Довольно было дать совѣтъ епархіальнымъ начальникамъ, чтобъ удерживать въ обителяхъ, гдѣ есть, благочестивое учрежденіе, безъ посягательства на ограниченіе въ этомъ дѣлѣ епархіальной власти, въ которой дѣло избранія и утвержденія настоятелей и отеческаго надзора за монастырскимъ управленіемъ должно имѣть начало и конецъ“.

„А избраніе по приговору духовенства благочинныхъ—другое посягательство обидное и вредное для паствы чрезъ распредѣленіе воли. Епископъ есть глава въ паствѣ, прочіе всѣ должны быть членами въ единеніи съ волею Господа, дѣйствующаго въ пастырѣ начальствующемъ.“

„Странное дѣло для меня, какъ не разглядятъ присутствующіе владыки дѣла вреднаго и имъ самимъ и ихъ іерархіямъ.“

„И такъ епархіальное начальство обрѣзано во власти своей и можно сказать, унижено и подчинено чиновничеству С. для собственныхъ его выгодъ, чтобы болѣе набирать дѣлъ, и тѣмъ казать необходимость умажить численность людей по произволу и тратить на нихъ огромныя суммы, лептами церковію собираемыя.“

цена. Таксація каждой десятины обходилась въ 20 руб., а за аренду ея давали 2 или 3 рубля.

„Память гр. П. вѣроятно страдаетъ за сдѣланіе агентами об. Пр-ра секретарей консисторіи и за то, что въ св. Синодѣ хотѣлъ будто въ яму какую со всѣхъ епархій свести источники нечистоты. Можетъ быть онъ и не видѣлъ злоумышленности клеветовъ своихъ, которые обсудили, что надобно же на чемъ-нибудь громадномъ создать фундаменты свои и размножить пиявочное озеро.

„Да, видно эта эпитимія на епархіи еще не снимается Господомъ, а можно только по вѣрѣ въ милосердіе Божіе надѣяться, что Спаситель, иже есть истина, разрушитъ фальшивое строительство противоцерковное“.

Въ декабрѣ 1866 г. о. Антоній писалъ: „Сколько слуховъ о новыхъ распоряженіяхъ, касающихся церкви и монастырей, и одинъ другаго безполезнѣ. Но да сбудется слово псаломника: помыслиша совѣты, иже не возмогутъ составити.“

Мы приводимъ только тѣ мнѣнія о. Антонія, которыя встрѣтили въ его письмахъ, какъ засвидѣтельствованныя его рукописаніемъ. Въ устныхъ бесѣдахъ онъ обсуждалъ всѣ современные вопросы. Его ясный, здравый разумъ всегда схватывалъ существенныя стороны дѣла, и часто разоблачалъ вустоту и вредъ многихъ затѣй, прикрытыхъ покровомъ либерализма и гуманности.

Въ 1863 г. о. Антоній былъ сопричисленъ къ ордену Владимира 2-й степени большаго креста. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 3 марта было сказано: „неусыпныя ваши попеченія по управленію Сергіевою Лаврою, сею драгоценною для всей Россіи обителію, сохраняетъ ее на той степени благоустройства, въ которомъ мы постоянно съ утѣшеніемъ ее видимъ при посѣщеніяхъ нашихъ для поклоненія св. мощамъ преподобнаго. Желая выразить вамъ наше особое монаршее благоволеніе, мы, въ ознаменованіе онаго, всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ къ императорскому ордену нашему св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени большаго креста.“

О. Антоній имѣлъ крѣпкое здоровье, которое поддерживалъ дѣятельною жизнію, умѣренностію въ пищѣ и питій⁸⁾ и недол-

⁸⁾ Онъ ѣлъ одинъ разъ въ день; до обѣда не пилъ чаю, отступая отъ сего обычая развѣ во время болѣзни.

гимъ сномъ *). Но давно уже у него открылась рана на ногѣ. Лѣтъ за 15 до смерти его замѣтивъ, что онъ не переставляетъ ноги, а двигаетъ ими, я спросилъ его: что вы такъ ходите? Сапоги поизносились, вотъ уже 70 лѣтъ носятся. Но онъ не бережетъ своего здоровья. На какія-либо работы, для какого-либо осмотра онъ шелъ утопая въ грязи, или увязая по колѣни въ снѣгу, продолжалъ выстаивать всѣ службы церковныя, и это дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока уже не могъ ходить.

е) Кончина Филарета: впечатлѣніе ея на о. Антонія.—Путешествіе его на родину.—Празднованіе сорокалѣтія служенія его.—Отношеніе о. Антонія къ Академіи.—Болезнь его и кончина.

Хотя по преклонности лѣтъ митрополита Филарета всегда можно было ожидать его кончины, и самъ о. Антоній, конечно въ ожиданіи этой горестной для него потери, 24 іюля 1867 г. сдѣлалъ письменное предложеніе митрополиту о томъ, чтобы вмѣсто скита, гдѣ приготовлена была могила для него, избралъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія въ Лаврѣ, на южной сторонѣ Сошественской церкви, но все кончина митрополита, послѣдовавшая 19 ноября 1867 года, какъ внезапный ударъ поразила о. Антонія. Со всѣмъ усердіемъ и любовію онъ отдался возданію послѣдняго долга—заботамъ о погребеніи своего благодѣтеля и друга, и проводивъ его въ вѣчный покой не могъ не чувствовать своего сиротства. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: „Мы осиротѣли усопшимъ владыкою. Я лишень въ смерти его не только отца, но друга и покровителя. Да! Онъ не только церкви Россійской, но всему христіанству былъ свѣтильникъ. Россія, какъ дань любви и благодарности, будетъ повсюду возносить о немъ молитвы.“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „скорбь моя о лишеніи отца и друга и владыки тяжело легла во мнѣ. Еслибы можно, ушелъ бы въ пустынную келью, устранился отъ дѣлъ и людей. Не знаю, что будетъ далѣе. Къ страстной ждемъ пріѣзда новаго владыки въ Москву. Я давно съ нимъ знакомъ, но для меня все равно, кто бы ни былъ митрополитомъ, но отца для меня по Бегу въ настоящей жизни нѣтъ и не будетъ.“

*) Многоспаніе, какъ онъ говорилъ, есть причина слабости тѣлесной и душевной.

Со времени кончины митрополита Филарета замѣтно было, что у о. Антонія не стало той бодрости духа, той энергической дѣятельности, которыя составляли отличительную черту его натуры. Въ мартѣ 1868 г. онъ писалъ: „время идетъ и время несетъ бремя моихъ немощей, и скоро ли оно откажется нести оныя, не знаю. Одному вѣдомо Богу. Жизнь земная, если не во всемъ, то во многомъ потеряла цѣнность въ глазахъ души моей. Жизнь будущая вождѣльна, но воспользоваться надежно смущаетъ грѣховность. Такъ всюду нуженъ трудъ разстаться совершенно на землѣ съ земнымъ и пріобрѣсти небесное въ небесномъ. Все же и по трудахъ возможно только отъ Господа.“ Черезъ два мѣсяца послѣ сего онъ писалъ: „Радуюсь, что вы еще бродите назирая обитель, а я лѣнивъ сталъ, болѣзнь ноги избаловала меня,—вотъ и пишу лежа, долго не могу сидѣть спустя ногу—болитъ. Немного ходить мнѣ легче, но невыгода въ томъ, что трудно иногда опредѣлить, гдѣ по болѣзни и гдѣ по лѣности отстаю отъ своихъ обязанностей.“

Тогда распространились слухи, что о. Антоній отказывается отъ должности. Эти слухи дошли и до Кіева, и А. Н. Муравьевъ писалъ ко мнѣ: „жаль будетъ, если о. Антоній оставитъ Лавру, хотя долженъ очень скучать; ибо онъ въ ней незамѣнимъ, да и знатный людъ къ нему привыкъ“. Но мысли о. Антонія не были къ сему склонны въ это время. На вопросъ о справедливости этихъ слуховъ онъ отвѣчалъ одному лицу: „Если не сами мы взяли власть начальствовать, то не должны сами и снимать съ себя. Нѣсть власть, аще не отъ Бога, — Богу надобно предоставить и освободить насъ; и Онъ это сдѣлаетъ черезъ высшія власти, когда Ему угодно это будетъ. Тогда и совѣсть будетъ мирнѣе, и охраненіе промысла Божія будетъ съ нами“ (сентября 1868 г.). М. Филаретъ не охотно отпускалъ о. Антонія изъ Лавры даже на короткое время. Между тѣмъ о. Антоній имѣлъ давно желаніе посѣтить мѣсто своей родины и мѣсто своей первоначальной иноческой жизни. Испросивъ дозволеніе у новаго митрополита лѣтомъ 1868 г. онъ черезъ Ярославль проѣхалъ въ Кострому, чтобы видѣть и благословить труды по возсозданію и управленію Богоявленскимъ монастыремъ его духовной дочери руководимой имъ въ иноческой жизни игуменіи Маріа. По Волгѣ онъ прибылъ на свою родину въ Лысково, отсюда въ Арзамасъ, гдѣ

онъ засталъ еще въ живыхъ старшую сестру свою Еватерпну ¹⁰⁾. Послѣ писалъ онъ настоятельница Арзамаской общины о полученіи благодатнаго утѣшенія отъ иконы Божіей Матери— Утоленія печали, находящейся въ сей обители. „Мнѣ представилась, пишетъ онъ, мать Божія олицетворенная, и я едва устоялъ на ногахъ. Я не хотѣлъ никому тогда сказать о семъ дарѣ ко мнѣ грѣшному“. Узнавъ заботу общины объ устройствѣ водопровода, онъ въ концѣ 1868 г. и въ 1869 г. переслалъ настоятельница для сего предмета болѣе 1500 руб., присылалъ мастера знающаго это дѣло, входилъ во всѣ подробности, давая свои опытные наставленія.

Провѣхавъ изъ Арзамаса въ Высокогорскій монастырь, онъ увидѣлъ, какъ дурна туда дорога, и на улучшеніе ея выслалъ 400 рублей. Это путешествіе нѣсколько ослабило грусть о. Антонія о кончинѣ м. Филарета. Новый митрополитъ оказалъ ему полное уваженіе и нисколько не стѣснялъ его въ управленіи Лаврою. Это вызывалось какъ его уваженіемъ къ личности о. Антонія и благоговѣйною памятію о м. Филаретѣ, такъ и не знакомствомъ съ монастырскою жизнью; ибо въ его прежней епархіи не было монастырей ¹¹⁾. А управленіе такимъ монасты-

¹⁰⁾ Для характеристики отношеній о. Антонія къ роднымъ приводимъ его письмо къ настоятельница Арзамаской общины отъ 26 сентября 1867 г. „Прилагаемыя здѣсь 25 рублей по мѣрѣ надобности выдавайте сестрѣ моей Еватерпнѣ, но не вдругъ. Не денегъ мнѣ жалъ, а я не люблю попрошайства. Я даю обыкновенно въ январѣ на годъ 36 рублей такъ, чтобы по три рубля было въ мѣсяцъ на чай и пр. Нынѣшній годъ пишущая писала не разъ, что недостаетъ, тогда какъ прежде доставало. Писала, что нужно сукна и мѣхъ, я послалъ сукно и 10 рублей на мѣхъ. Все это я считаю пустыми затѣями. Мнѣ пріятнѣе скудость сестры моей, а на необходимое довольно даваемого. Бѣдный для меня всякій равенъ. Сестрѣ моей я даю и другимъ тоже, что ей, находя это справедливымъ. Но излишества какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ бѣдныхъ не люблю. По родству было время, я всѣмъ имъ далъ, какъ и на ея часть. Если не сохранили, или не такъ поступили, какъ я желалъ, вина не моя“. Съ 1869 г. онъ сталъ давать сестрѣ по 50 рублей въ годъ.

¹¹⁾ Въ Сибири вообще не процвѣтаетъ жизнь монашеская. Архимандритъ Мисангъ, бывшій настоятелемъ Посольскаго и Киренскаго монастырей и потомъ не малое время проживавшій въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, говорилъ намъ, что Сибиряка очень трудно расположить къ принятію монашества. Сибирскіе монастыри наполняются выходцами изъ Россіи.

ремъ, какъ Лавра, требовало предварительнаго знакомства съ потребностями и условіями такого управленія. Но сношенія о. Антонія съ новымъ настоятелемъ Лавры ограничивались только официальными бумагами; частной переписки намѣстника Лавры уже не было. Ни съ кѣмъ еще изъ духовныхъ лицъ не былъ о. Антоній настолько близокъ, чтобы мѣняться мыслями своими, и естественно чувствовалъ свое одиночество.

Въ письмахъ о. Антонія, которые относятся къ этому времени, преимущественно внушается терпѣніе, преданность волѣ Божіей и любовь къ ближнимъ. Замѣчательно еще одна черта этихъ писемъ. Очень часто о. Антоній для объясненія и подтвержденія мыслей беретъ образы и явленія изъ природы. Въ немъ какъ будто особенно пробудилась его любовь къ природѣ. Онъ наблюдаетъ и дѣйствіе луча солнечнаго въ комнатѣ, и движеніе облака, и смѣну дня и ночи, и росу и жизнь растений. Всѣ письма носятъ характеръ бесѣды не строгаго учителя, но добраго отца съ любимыми дѣтьми.

10 марта 1871 г. исполнились сорокъ лѣтъ служенія о. Антонія Лаврѣ: его лѣта (79 л.)¹ и его здоровье не давали и возможности думать о томъ, что онъ доживетъ до пятидесятилѣтія службы Лаврѣ. Посему братія лаврская захотѣла почтить особымъ празднествомъ 10 марта, имѣя въ виду примѣръ празднованія сорокалѣтія службы въ московской епархіи м. Филарета. Къ лаврскому братству присоединилось академическое братство и посадское общество и нѣкоторые изъ московскихъ жителей. Принять участіе въ этомъ торжествѣ пожелалъ и митрополитъ Иннокентій, приславшій на благословеніе о. Антонію икону, и исходатайствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ благословеніе св. Синода о. намѣстнику. Такимъ образомъ частное, домашнее празднество приняло характеръ общественный.

Изъ привѣтствій сказанныхъ въ этотъ день о. Антонію особенно обратила вниманіе привѣтственная рѣчь ректора академіи протоіерея А. В. Горскаго, въ которой онъ охарактеризовалъ отношеніе о. Антонія къ Академіи. „Любовь ваша, говорилъ А. В. Горскій,—простираясь на множество прибѣгающихъ къ духовной и вещественной помощи вашей постоянно проявлялась и въ самыхъ живыхъ опытахъ искреннаго общенія съ Академією. Отцы

наши и мы сами всегда находили въ васъ опытнаго въ духовныхъ дѣлахъ совѣтника, въ скорбяхъ утѣшителя, имѣющіе нужду въ ходатайствѣ всегда готоваго попечителя, и безпомощные воспитанники наши, которыхъ усердію къ наукѣ не отвѣчали средства содержанія, у васъ находили и находятъ и кровъ и пищу и все потребное. Сочувствуя ученымъ стремленіямъ къ разработкѣ древнихъ памятниковъ нашего просвѣщенія духовнаго, вы открыли свободный доступъ къ сокровищницѣ лаврскаго книгохранилища для всѣхъ желающихъ съ ними ознакомиться. И трудившимся въ передаваніи подвижническихъ твореній святыхъ отецъ на русскій языкъ вы оказывали помощь своею глубокою опытностію въ жизни духовной и знакомствомъ съ писаніями великихъ учителей совершеннѣйшей жизни христіанской⁴. При существованіи въ однихъ стѣнахъ Лавры двухъ властей и двухъ учрежденій другъ отъ друга независимыхъ неизбежны нѣкоторыя столкновенія: но при благонамѣренныхъ дѣйствіяхъ съ той и другой стороны эти столкновенія не порождали непріязненныхъ отношеній. О. Антоній друженъ былъ съ первымъ при немъ ректоромъ Поликарпомъ. Митрополитъ недозвольный о. Поликарпомъ не разъ возлагалъ было на о. Антонія непріятную обязанность внушить ректору, чтобы онъ подалъ просьбу объ увольненіи. О. Антоній не только не исполнилъ этого порученія несмотря на неоднократныя напоминанія митрополита, но даже успѣлъ подѣйствовать на него такъ, что митрополитъ рѣшился взять о. Поликарпа къ себѣ въ викарію. Только получивъ извѣстіе, что въ Петербургѣ рѣшено уволить о. Поликарпа, исполнилъ порученіе митрополита.

Преимникъ Поликарпа Филаретъ, еще будучи молодымъ бакалавромъ и потомъ инспекторомъ, такъ сблизился съ о. Антоніемъ, что проводилъ у него цѣлые дни. Слухи были, что онъ читалъ даже уроки богословія о. Антонію. Съ Евсеіемъ все время находился о. Антоній въ неизмѣнно дружескихъ отношеніяхъ. Мнѣе онъ былъ близокъ съ Алексіемъ. Былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ Евгениемъ. Послѣдующіе ректора какъ много младшіе о. Антонія чтили его какъ отца. Сергій добровольно уступилъ ему первенство въ служеніи, когда о. Антонію въ 1859 г. лично присвоена была степень первокласснаго архиман-

дрита ¹²⁾. А. В. Горскій былъ обласканъ о. Антоніемъ съ самаго вступленія на службу при академіи сначала по дружбѣ его съ Филаретомъ, а потомъ и за личные его качества. Можетъ быть и не состоялось бы назначеніе его въ ректоры академіи безъ участія о. Антонія. Митрополитъ колебался назначить его ректоромъ, какъ не монаха, чтобы не дать прецедента для подобныхъ назначеній: его мысль останавливалась на инспекторѣ академіи архимандритѣ Михаилѣ. „Почему вы не хотите назначить Горскаго? спросилъ о. Антоній.—Онъ бѣлый священникъ, не монахъ.—Какой онъ бѣлый? Онъ сѣрый и теперь, а можетъ быть склонимъ быть и чернымъ; а вамъ покойнѣе избрать постоянного ректора, чѣмъ заботиться вновь замѣщеніемъ этого важнаго мѣста“. Митрополитъ согласился. Потому о. Антоній съ большимъ удовольствіемъ принялъ вѣсть о назначеніи ректоромъ послѣ А. В. Горскаго архимандрита Михаила. На моей совѣсти, говорилъ онъ, какъ будто лежало то, что я на 13 лѣтъ удалилъ отъ него ректорство“.

До митрополита иногда доходили какіе-либо слухи неблагопріятные для Академіи и для повѣрки ихъ онъ обращался къ о. Антонію. О. Антоній всегда являлся защитникомъ Академіи и академическаго братства. Если въ душѣ его накопилась какая-либо досада, то случалось, что онъ на чемъ-либо выскажетъ ее. Академія была въ зависимости отъ Лавры единственно относительно служенія. Разъ никто изъ ученыхъ не сказалъ проповѣди предъ плащаницей въ великій пятокъ, о. Антоній за это въ день пасхи не велѣлъ зажигать свѣчей въ паникадилѣ въ трапезной церкви, гдѣ была служба академическая. Въ иной разъ пришлетъ плохихъ іеродіаконовъ для соборнаго служенія академическаго. Тѣмъ дѣло и ограничивалось. Съ устроеніемъ церкви при Академіи прекратилась и возможность этихъ столкновеній. Всѣхъ молодыхъ ученыхъ монаховъ онъ ласкалъ, и допускалъ къ бли-

¹²⁾ Во время служенія митрополита ректоръ сталъ на лѣвой сторонѣ, о. Антоній сталъ его перепроваживать на правую. Митрополитъ обратилъ вниманіе на то, что ректоръ и намѣстникъ о чемъ-то спорять, и спросилъ, о чемъ дѣло? Когда ему объяснили, онъ сказалъ: много разъ при мнѣ спорили, кому стоять выше, а спора о томъ, кому стоять ниже, я еще не встрѣчалъ. Обратясь къ о. намѣстнику сказалъ, уступи о. ректору.

женію съ собою. О. Леониду (арх. яр.) онъ благодѣтельствовалъ и тогда, какъ онъ былъ мірскимъ, и тогда, какъ онъ былъ монахомъ, пока назначеніе ректоромъ вѣанской семинаріи не сдѣлало его обеспеченнымъ въ матеріальномъ положеніи. О. Θεодору Бухареву, котораго постоянно обирали разные юродивые, онъ помогаль матеріально и въ то время, какъ онъ былъ о. Θεодоромъ, и тогда, какъ сдѣлался Алек. Матвѣичемъ, принимая его съ любовію. Его вліянію нужно приписать и то, что митрополитъ Филаретъ, и послѣ сложенія о. Θεодоромъ сана, продолжалъ съ участіемъ относиться къ Бухареву.

Въ случаѣ прїѣзда почетныхъ посѣтителей устраиваль для нихъ гостепріимную трапезу. О. Антоній приглашалъ къ участію въ ней и старшихъ изъ академической братіи. Самъ не отказывался раздѣлять трапезу въ Академіи по случаю общихъ академическихъ празднествъ или частныхъ по какому-либо случаю у старшихъ наставниковъ Академіи. Каждый изъ наставниковъ Академіи, если имѣль нужду въ содѣйствіи въ чемъ-либо о. Антонія, могъ обращаться къ нему съ полною увѣренностію въ его участіи. Многимъ студентамъ онъ оказываль временную помощь, и наконецъ 16 человекъ изъ нихъ приняль на содержаніе Лавры, давъ имъ помѣщеніе и назначивъ тотъ окладъ, какимъ пользуются казеннокоштные воспитанники Академіи. Что студентамъ Академіи о. Антоній оказываль не одну матеріальную помощь, но и духовную, знаю это изъ отношеній его къ моему покойному брату архіепископу костромскому Платону, скончавшемуся въ одинъ день и почти въ одинъ часъ съ о. Антоніемъ¹³⁾. О. Антоній узналь брата еще студентомъ съ 1832 г. и привѣтливо принималь его къ себѣ. Въ то время инспекторомъ академіи былъ назначенъ Платонъ Казанскій изъ вдовыхъ ярославскихъ протоіереевъ. Проникнутый господствовавшими въ 20-хъ годахъ лжемистическими идеями, вступивъ въ дружбу съ Дубовицкимъ, Платонъ силился распространять свои мнѣнія и въ Ака-

¹³⁾ Въ 1868 г. о. Антоній одно письмо свое къ преосвященному костромскому Платону заключилъ такими словами: „позвольте братски обнять васъ, любезнѣйшій святитель. Вѣрую, что увидимся здѣсь или тамъ, гдѣ не будетъ премѣненій, по всюду мнѣ будетъ въ радость“. Они встрѣтились на порогѣ вѣчности.

деміи. Митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, самъ сочувствовалъ нѣкоторымъ сторонамъ мистическаго направленія 20-хъ годовъ. Его глубокой умъ находилъ себѣ пищу въ этихъ туманныхъ размышленіяхъ, и онъ близокъ былъ со всѣми главными представителями этого направленія, но всегда вѣренъ онъ оставался догматическому ученію церкви, всегда глубоко чтилъ и уважалъ обряды и постановленія церкви. Можетъ быть, отчасти извѣстное ему направленіе Платона и было причиною вызова его въ Академію. Онъ не зналъ, какъ далеко Платонъ уклонился отъ истиннаго пути. Среди наставниковъ Академіи профессоръ философіи Федоръ Александровичъ Голубинскій, рано попавъ въ члены масонскихъ обществъ, также сочувственно относился къ такимъ мистическимъ писателямъ, какъ Баадеръ, Мейеръ, Якоби, Бемъ, Экартгаузенъ и другіе. Онъ рекомендовалъ молодымъ студентамъ знакомиться съ сочиненіями этихъ писателей, чтобы пріучить поглубже смотрѣть на предметы. Такимъ образомъ почва для посѣва любимыхъ о. Платономъ идей отчасти была подготовлена. Первымъ студентомъ младшаго курса и самымъ любимымъ о. А. Голубинскаго былъ братъ мой Павелъ Фивейскій, живой, воспримчивый, съ склонностію къ мистическому направленію. На него обратилъ вниманіе о. Платонъ, пригласилъ его давать уроки своему сыну и въ бесѣдахъ, разумѣется, не опускалъ случая проповѣдывать свои идеи. По близости къ о. Антонію Фивейскій передавалъ ему эти бесѣды и о. Антоній, не сочувствовавшій этому направленію, сталъ давать молодому студенту статьи противъ сего направленія писанныя извѣстнымъ г. Смирновымъ, въ которыхъ хотя и не вездѣ основательно и вѣрно, но достаточно раскрыта вредность этого ученія и несогласіе его съ ученіемъ православнымъ, даже вообще съ христіанствомъ. Это послужило для Фивейскаго первою охраною отъ увлеченія ложнымъ ученіемъ. Такъ какъ Фивейскій былъ часто нездоровъ, то о. Платонъ предложилъ ему ѣхать въ Москву къ его другу Дубовицкому, у котораго—говорилъ Платонъ—ты найдешь и спокойное помѣщеніе, хорошее содержаніе и опытнаго врача. Съ радостію согласился было на это предложеніе Фивейскій. Но когда онъ рассказалъ о семъ о. Антонію, Антоній объяснилъ ему, какого направленія Дубовицкій, и какая цѣль отправленія къ нему. Тогда Фивейскій отказался отъ предложенія о.

Платона. Постриженный въ монахи въ 1834 г., въ теченіе почти семилѣтней службы при Академіи, Оивейскій пользовался расположеніемъ и совѣтами о. Антонія. И удивляться ли, когда несмотря на то, что 35 лѣтъ его дальнѣйшей службы прошли вдали отъ Лавры, онъ сохранилъ къ о. Антонію сыновнее расположеніе? Для меня лично воспоминаніе объ о. Антоніѣ всегда всегда соединено съ чувствомъ глубокой благодарности къ нему. Занять ли онъ былъ дѣлами, были ли у него гости, лежалъ ли онъ въ постелѣ, доступъ къ нему всегда былъ свободенъ. На всякую просьбу, обращенную къ нему, у него былъ одинъ отвѣтъ: съ любовію и не на словахъ онъ дѣлалъ, что могъ. Въ время неоднократныхъ моихъ тяжкихъ болѣзней, онъ по нѣскольکو разъ въ день навѣщалъ, утѣшалъ своимъ словомъ, помогалъ извѣстными ему врачебными средствами, самъ посылалъ верстъ за 25 за опытнѣйшимъ врачомъ, заботился и о духовномъ врачеваніи, старался исполнять и прихоти больного. Разъ въ болѣзни мнѣ захотѣлось винограду; въ Посадѣ его не оказалось. Онъ послалъ нарочнаго въ Москву (желѣзной дороги не было), чтобы привезти мнѣ винограду. Разъ, въ бреду, часу во второмъ ночи я потребовалъ, чтобы призвали ко мнѣ о. намѣстника. Бывшіе при мнѣ приняли мой бредъ за серьезное желаніе и вызвали его ко мнѣ. Между тѣмъ я и забылъ о своемъ бредѣ. О. Антоній не только не огорчился безвременнымъ призывомъ, но болѣе часу просидѣлъ при моей постелѣ.

Глубоко памятна для меня и его готовность содѣйствовать моимъ ученымъ занятіямъ. Хотя самъ онъ и не получилъ никакого образованія, но дѣйствовалъ такъ, что и тѣни его дѣйствій не встрѣчается въ тѣхъ, которые сами занимаются учеными изслѣдованіями, и тѣмъ глубже вдохнемъ объ немъ. Не говоря о томъ, что его довольно значительная библіотека была открыта для пользованія, онъ облегчалъ всячески пользованіе лаврскою библіотекою и лаврскимъ архивомъ. Капризовъ у него тутъ не было. Встрѣчая иногда затрудненіе доставать книги изъ лаврской библіотеки или по болѣзни библіотекаря, или по собственной болѣзненности затрудняясь ходить въ холодную и неблизкую лаврскую библіотеку, пошлешь ему записку о томъ, что нужна мнѣ такая-то рукопись или книга,—и требуемое чрезъ полчаса доставлялось. Однажды для нѣкоторыхъ объясненій мнѣ

полезно было побесѣдовать съ какимъ-нибудь инокомъ, жившимъ на Аѳонѣ и Синаѣ. Я спросилъ о. Антонія, нѣтъ ли у него въ лаврѣ или скиту старца, желаемаго мною. „Постараюсь узнать“, былъ его отвѣтъ. Не прошло часа послѣ того, какъ я предложилъ просьбу, какъ ко мнѣ является изъ скита іеромонахъ Самуиль, долго жившій и на Аѳонѣ и на Синаѣ. О. Антоній успѣлъ распорядиться, чтобы приготовили экипажъ и послали за симъ іеромонахомъ. Все это дѣлалось съ такою готовностью и радушіемъ, что не чувствовалось, что дѣлается великое одолженіе. Съ утратою такого человѣка, начинаешь понимать вполнѣ его цѣну.

Болѣе шести лѣтъ прожилъ о. Антоній послѣ празднованія его сорокалѣтняго служенія, но это были уже годы болѣзни, а не прежней энергической дѣятельности. Въ 1872 г. февраля 23, въ четвертомъ часу по полудни былъ съ нимъ припадокъ—предвѣстникъ возвратной горячки. Его крѣпкая натура и на 80 оду жизни вынесла возвратную горячку, но болѣзнь оставила гильныя послѣдствія. Физически онъ одрхлѣлъ, а въ нравственномъ отношеніи замѣтнѣе всего обнаружилось въ немъ ослабленіе воли до тѣхъ поръ крѣпкой. Сознывая, что при этомъ болѣзненномъ состояніи не можетъ проходить свою должность такъ, какъ привыкъ проходить, онъ дождавшійся пріѣзда митрополита въ Лавву, просилъ себѣ увольненія отъ должности. Митрополитъ отклонилъ эту просьбу, а на указаніе о. Антонія на его немощь, заставляющую его лежать въ постелѣ, отвѣчалъ поговоркою: „хоть лежа, да въ корню оставайтесь“. Воротаясь въ свою келью о. Антоній палъ на колѣни предъ иконою, и сказалъ со слезами: „да будетъ воля Твоя Господи!“ и рѣшился оставаться уже до конца жизни на мѣстѣ служенія. Въ 1873 г. былъ у него легкій нервическій ударъ. Языкъ его уже не совсѣмъ свободно говорилъ, память его не рѣдко ослабѣвала до того, что онъ забывалъ недавно бывшее или недавно сказанное имъ. Это бывало съ нимъ особенно во время болѣзненныхъ припадковъ. Когда онъ чувствовалъ себя гуще, то въ его рѣчахъ, въ его сужденіяхъ можно было узнать прежняго о. Антонія. Но онъ оставался прикованнымъ къ своей постелѣ; не только ходить, но и сидѣть для него было тяжело. Ирѣдка еще рѣшался онъ самъ совершать литургію; но нужно

было, чтобы его постоянно поддерживали двое діаконовъ. Управление Лаврою передано было духовному собору, къ о. Антонію обращались за совѣтомъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

О. Антонію, привыкшему ежедневно быть за службою церковною, тяжело было лишеніе этого утѣшенія вслѣдствіе болѣзненнаго его состоянія. Во вниманіе къ сему митрополитъ благословилъ при его келіяхъ устроить домовую церковь, которая и сооружена на иждивеніе усерднаго О. П. Тюляева.

Свои физическія страданія переносилъ онъ всегда благодушно, но не рѣдко со слезами говорилъ о томъ, что не имѣетъ силъ къ долговому вниманію въ молитвѣ. Но потомъ онъ успокоился нѣсколько видѣніемъ, какъ онъ говорилъ, митрополита Филарета, который сказалъ ему: „читай: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ.“

По болѣзненному состоянію конечно лучше бы о. Антонію отказаться отъ должности и онъ избавился бы отъ тѣхъ скорбей, которыя пришлось ему испытать въ послѣдніе полтора года его жизни, но у него не стало на это рѣшимости. При его болѣзненномъ состояніи конечно тяжела была всякая перемѣна внѣшней обстановки его жизни, даже комнаты, въ которой онъ жилъ. Его заботило и то, что онъ не найдетъ себѣ удобнаго помѣщенія, что у него не будетъ и достаточныхъ средствъ для упокоенія его въ болѣзни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся за участь устроенныхъ имъ благотворительныхъ заведеній. Безъ сомнѣнія тяжело было бы сдѣлаться свидѣтелемъ разрушенія того, что съ такою ревностію и съ такою любовью созидалъ онъ съ теченіе 45-лѣтняго своего служенія въ Лаврѣ. Оставаясь на мѣстѣ, онъ такъ-сказать своею тѣнію ограждалъ эти учрежденія, и успокоенъ былъ, когда эти заведенія приняты были подъ Высочайшее покровительство. Получивъ это извѣстіе, онъ повторилъ слова Симеона богопріимца: „нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ.“

Открывшаяся съ Турціею война пробудила на время энергію духа о. Антонія. Съ сердечнымъ умиленіемъ онъ благословилъ при мощахъ преподобнаго Сергія В. К. Николая Николаевича, отправлявшагося принять главное начальство надъ войсками, изъявилъ готовность устроить госпиталь на 50 раненыхъ и больныхъ воиновъ на полномъ иждивеніи Лавры. Онъ собралъ пос-

лѣднія силы свои, чтобы въ январѣ 1877 г. при мощахъ угодника пріивѣтствовать горячо любимаго Государя Императора и государыню Императрицу съ ихъ высочайшимъ семействомъ, постоянно удостоивавшихъ его самого благосклоннаго вниманія. Мысленно призывая на главу ихъ всѣ благословія небесныя, онъ передалъ на благословіе Вождю русскихъ силъ частицу мощей преподобнаго Сергія. Глубоко утѣшенъ онъ былъ вниманіемъ и участіемъ, какія оказаны были ему, и обѣщаннымъ покровительствомъ устроеннымъ при немъ подъ вѣдѣніемъ Лавры благотворительнымъ заведеніемъ.

Съ половины великаго поста остальное время жизни о. Антонія было борьбою крѣпкой его натуры съ смертію, силы его постоянно ослабѣвали. Но всегда съ любовію и ласковымъ взоромъ встрѣчалъ онъ тѣхъ, которые приходили его навѣстить, и продолжалъ дѣлать, кому могъ, личные благодѣнія. Мая 5-го, узнавъ отъ доктора, что о. Антоній не проживетъ и двухъ недѣль, я поспѣшилъ, пока онъ былъ въ сознаніи, проститься съ нимъ. Онъ устремилъ на меня свой быстрый взглядъ еще не потухшій, благословилъ, облобызалъ, и потомъ положивъ руку на голову мою, прижалъ голову мою къ сердцу. Что-то сказалъ онъ, но я не могъ разобрать. Это было послѣднее мое съ нимъ прощаніе. 7-го мая послѣ всенощной совершено было надъ о. Антоніемъ таинство елеосвященія. 12-го числа съ полудня началась предсмертная агонія; онъ лежалъ съ закрытыми глазами, рѣдко дыша: въ семь часовъ вѣчера тихо скончался.

Онъ умеръ на 85-мъ году своей жизни какъ и митрополитъ Филаретъ; одинаково съ митрополитомъ 46-тъ лѣтъ послужилъ Лаврѣ преподобнаго Сергія, и согласно изъявленному имъ желанію положенъ въ притворѣ той церкви, въ которой похороненъ святитель. Погребеніе его совершено въ день Сошествія Св. Духа преосвященнымъ Игнатіемъ епископомъ Можайскимъ. Смерть его вызвала всеобщее сожалѣніе. Послужной списокъ о. Антонія заканчивается слѣдующими словами: г. синодальный оберъ-прокуроръ отъ 15-го мая 1877 г. за № 1916, увѣдомилъ его высокопреосвященство митрополита Московскаго, что Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ намѣстника архимандрита Антонія собственноручно написать изволилъ: „душевно о немъ сожалѣю“. Во время управле-

нія Лаврою о. Антонія число живущихъ въ Лаврѣ увеличилось въ четверо, не считая обитателей скита съ его киновіями, доходы Лавры возрасли въ восемь разъ; исходатайствовано пожалованіе 1600 десятинъ лѣсной дачи, большею частию непосредственно примыкающей къ старымъ лаврскимъ владѣніямъ: значительно увеличенъ неприкосновенный капиталъ; выстроена новая громадная гостинница. Несмотря на множество благотворительныхъ учрежденій, при хорошей экономіи оставались хотя небольшіе остатки отъ доходовъ каждаго года. Если не задолго до кончины его Лавра оказалась въ долгу не на одну сотню тысячъ, то причиною сего была перестройка подворья въ Петербургѣ и въ Москвѣ предпринятая по мысли не о. Антонія. (Но признательной доходности сооруженій и этотъ долгъ для Лавры нисколько не страшень.) Основанный о. Антоніемъ скитъ такъ обезпеченъ въ своемъ содержаніи, что долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми достаточными монастырями Россіи.

II. КАЗАНСКІЙ.

АССИРИЙСКІЯ КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ

и ихъ значеніе для исторіи народа еврейскаго *).

(Окончаніе).

III.

Сравнительная библейская хронологія ¹⁾.

Событіе не можетъ быть отдѣляемо отъ времени, въ которое оно совершается; поэтому отъ разсмотрѣнія событій изъ исторіи еврейскаго народа не только естественно, но необходимо перейти къ хронологіи этихъ событій.

*) См. сент. и ноябр. кн. „Прав. Обзор.“ сего года.

¹⁾ Мы даемъ хронологіи особенное и самостоятельное мѣсто въ нашешъ изслѣдованіи, хотя, собственно говоря, опредѣленіе хронологической преемственности событій въ исторіи народа еврейскаго должно было бы идти рука объ руку съ разсмотрѣніемъ самыхъ событій. Но, во первыхъ, уже то обстоятельство, что этотъ отдѣлъ посвящается не просто изслѣдованію библейской хронологіи, а изслѣдованію сравнительной библейской хронологіи, даетъ по нашему мнѣнію этому отдѣлу право на самостоятельность; а во вторыхъ, намъ кажется, что гораздо лучше и удобнѣе, въ видахъ сравнительной полноты и послѣдовательности, завѣсть изслѣдованіемъ вопроса о хронологіи именно въ особомъ мѣстѣ, а не въ каждомъ частномъ случаѣ вести рѣчь о хронологіи, т.-е. не одновременно съ самымъ событіемъ, дабы не возвращаться постоянно къ сказанному прежде и такимъ образомъ не допускать въ изслѣдованіи не всегда нужныхъ и умѣстныхъ повтореній.

Но давая въ своемъ изслѣдованіи мѣсто отдѣлу о сравнительной библейской хронологіи мы не имѣемъ при этомъ въ виду того значенія, какое имѣетъ хронологія для исторіи и для науки вообще; мы не намѣрены показывать и доказывать въ настоящемъ случаѣ того, для чего именно нужно раскрывать хронологическую преежественность событій; какое значеніе имѣетъ хронологія при изученіи самыхъ этихъ событій. Эту цѣль хронологическихъ изслѣдованій и ихъ значеніе кратко и точно опредѣляетъ Гитцигъ; его опредѣленіемъ мы и ограничимся въ настоящемъ случаѣ. „Для оцѣнки взаимнаго отношенія событій на страницахъ исторіи Израиля, говоритъ Гитцигъ ¹⁾, есть дѣло величайшей важности расположить событія такъ, какъ они выступали послѣ и подлѣ другъ друга въ дѣйствительности: такъ какъ одно происшествіе часто вызываетъ другое, то ихъ правильное положеніе проливаетъ желаемый свѣтъ на оба; а поелику изслѣдованіе должно исходить отъ послѣдовательности событій во времени, то оно (изслѣдованіе) ощущаетъ при этомъ и развитіе духа, открывающагося въ исторіи.“

Мы же преслѣдуемъ въ настоящемъ случаѣ совершенно иную цѣль, которая состоитъ въ сличеніи двухъ хронологій—библейской и ассирійской, хронологій значительно разнящихся одна отъ другой; отсюда и самый отдѣлъ носить названіе „сравнительной библейской хронологіи“. Другими словами, наша цѣль заключается въ томъ, чтобы показать, какую изъ этихъ двухъ хронологій, на основаніи анализа показаній той и другой, нужно считать болѣе вѣрною, и слѣдовательно показанія которой нужно считать масштабомъ при хронологическихъ вычисленіяхъ библейскихъ событій. Но такъ какъ хронологическія показанія ассирійскихъ памятниковъ касаются не всѣхъ вообще событій, описываемыхъ въ Библии, а только нѣкоторыхъ изъ нихъ, то вслѣдствіе этого обстоятельства и наше изслѣдованіе сравнительной библейской хронологіи ограничится лишь тою частью или тѣмъ періодомъ исторіи народа еврейскаго, событій котораго касаются эти замѣчанія, потому что въ такомъ только случаѣ возможно и самое сравненіе однихъ показаній (ассирійскихъ) съ другими (библейскими). Точнѣе: настоящій

¹⁾ Geschichte des Volkes Israel. Th 1. s. 6.

отдѣлъ нашего изслѣдованія будетъ обнимать собою періодъ времени отъ начала правленія Іиуя, царя израильскаго и до времени іудейскаго царя Манассіи включительно.

Относительно библейскихъ хронологическихъ показаній, касающихся событій означеннаго выше періода времени, вотъ что говоритъ намъ Шрадеръ, стоящій на точкѣ зрѣнія современной ассиріологіи. Хронологическая система книги Царствъ, въ противоположность хронологическимъ показаніямъ ассирійскихъ памятниковъ, оказывается непрочною; хотя впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Библия находитъ свое оправданіе въ памятникахъ ассирійскихъ и въ хронологическомъ отношеніи, насколько этого можно желать ²⁾. Смыслъ послѣднихъ словъ Шрадера тотъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ или, вѣрнѣе, относительно нѣкоторыхъ событій библейской исторіи хронологическія показанія Библии, какъ мы это и увидимъ сейчасъ, сходятся съ хронологическими замѣчаніями ассирійскихъ памятниковъ. Что же касается разности между хронологическими показаніями ассирійскихъ памятниковъ и Библии, относящихся къ другимъ библейскимъ событіямъ, то она по Шрадери такова. Видно прежде всего, говоритъ Шрадеръ, что ко временамъ Ахава и Іиуя разница между хронологическою системою Библии и ассирійскихъ памятниковъ простирается почти до 40—50 лѣтъ; но потомъ разность эта уменьшается и отъ временъ Азаріи до правленія Манаима не превышаетъ двухъ десятилѣтій; а ко временамъ Факея она едва не достигаетъ одного только десятилѣтія. Далѣе, ко временамъ Осіи библейское времячисленіе такъ-сказать вливается въ ассирійское, и наконецъ ко времени паденія Самаріи оба времячисленія взаимно совпадаютъ. Напротивъ, со времени паденія Самаріи оба времячисленія снова расходятся и разность между тѣмъ и другимъ снова возрастаетъ до 13 лѣтъ; хотя ко времени паденія Манассіи хронологическія замѣчанія Библии и ассирійскихъ памятниковъ снова совпадаютъ между собою ³⁾.

Представляемъ для наглядности самый хронологическій экскурсъ, который мы находимъ у Шрадера:

²⁾ Die Keilinschr. u. d. a. Test. s. 304.

³⁾ Ibid. s.s. 299 и 300.

По ассирійскимъ памятникамъ:

854: Ахавъ (битва при Каркаръ).

842: Иуй: присяга въ дани.

745—739: Азарія (въ эти годы Азарія находился въ ссорѣ или борьбѣ съ Тиглатъ-Феласаромъ).

738: Манаимъ: присяга въ дани.

734: Факей: пораженіе, нанесенное Факею Тиглатъ-Феласаромъ.

728: Осія (последній годъ, въ который Осія присягаетъ въ дани Тиглатъ-Фелассару).

722: паденіе Самаріи.

701: Езекія: походъ Санхериба.

681—673: Манассія: въ этотъ промежутокъ онъ долженъ былъ присягать въ дани Асаргадону.

По Библии:

918—896 (время правленія, т.-е. Ахава).

884—857: время правленія.

809—759: время правленія Азаріи.

771—761: время правленія.

758—738: время правленія Факея.

729—723.

722: паденіе Самаріи.

714: походъ Санхериба или Сенахирима.

686—642: время правленія Манассіи.

Разность между библейскимъ и ассирійскимъ времясчисленіемъ очевидна. Но такъ какъ, замѣчаетъ Шрадеръ, только одна изъ двухъ хронологій можетъ быть правильною, то хронологъ поставленъ въ настоящемъ случаѣ въ необходимость рѣшить, къ которой изъ этихъ двухъ хронологій онъ долженъ присоеди- ниться, или показаніями которой долженъ руководиться при опредѣленіи хронологической преемственности библейскихъ со- бытій. Ближайшимъ образомъ, продолжаетъ онъ, представляется лучшимъ полагать въ основаніе счисленія хронологию библей- скую, если однако она есть хронологія прочная и если хроно- логическія показанія книгъ Царствъ, касающіяся событій обоихъ параллельныхъ царствъ (т.-е. іудейскаго и израильскаго), всегда взаимно контролируются. Однако каждый изслѣдователь Ветхаго Завета знаетъ, что такого „внутренняго“ библейскаго счисленія не существуетъ; разности открываются здѣсь не малыя. И къ сожалѣнію, надежность библейскихъ хронологическихъ показаній

оказывается недѣйствительною именно тамъ, гдѣ весьма возможно сравненіе библейскаго времясчисленія съ другими хронологическими системами, какъ напр. по отношенію къ періоду времени отъ 722 года и ниже. Для этого періода у насъ есть вѣ-библейскій контроль, именно такъ-называемый Птоломеевскій канонъ. Изъ этого канона слѣдуетъ напр., что палестино-египетскій походъ Санхериба въ первый разъ имѣлъ мѣсто въ 702 году, между тѣмъ какъ книги Царствъ позволяютъ относить его къ 714 году. Разница здѣсь на цѣлые 13 лѣтъ. Видно такимъ образомъ, что одно изъ двухъ времясчисленій не можетъ быть принято. Что же касается того, надъ которымъ изъ нихъ нужно произнести приговоръ, то надъ этимъ нельзя задумываться въ виду того факта, что счисленіе Птолемея подтверждается счисленіемъ ассирійскимъ, именно анналами Саргона и такъ-называемыми Eponymen-Listen. Мы спрашиваемъ теперь: есть ли какое-либо основаніе признавать несомнѣнную достовѣрность хронологической системы книгъ Царствъ именно въ отношеніи къ раннимъ періодамъ исторіи еврейскаго народа, въ которыхъ всего менѣе возможны произвольныя заблужденія? Мы можемъ въ этомъ сомнѣваться и можемъ оправдать свое сомнѣніе на основаніи фактовъ, если по отношенію къ хронологическимъ показаніямъ для ранняго періода времени обратимся къ тому руководителю, который сохранился въ цѣлости и полнотѣ до позднѣйшаго времени, именно къ памятникамъ ассирійскимъ, которыми мы съ выгодною можемъ пользоваться, потому что мы имѣемъ въ нихъ памятники, которые въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій, въ противоположность библейскимъ писаніямъ, не подверглись измѣненіямъ ⁴⁾.

Долгъ справедливости и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу заставляетъ насъ сказать, что представленная Шрадеромъ аргументація въ пользу объективной достовѣрности хронологическихъ показаній ассирійскихъ памятниковъ мало убѣдительна; ибо все, что сказано имъ въ пользу ассирійской хронологической системы и противъ библейскаго времясчисленія, не можетъ быть принято безъ новыхъ доказательствъ.

Главный недостатокъ аргументаціи Шрадера состоитъ, по на-

⁴⁾ Ibid. ss. 294—296.

шему мнѣнію, въ томъ, что онъ утверждаетъ объективную достовѣрность хронологическихъ показаній ассирійскихъ памятниковъ безъ предварительнаго критическаго изслѣдованія или провѣрки этихъ показаній; между тѣмъ какъ, относясь подозрительно къ вѣрности хронологическихъ показаній книгъ Царствъ, не хочетъ показать, въ чемъ именно заключается причина ихъ ненадежности, отчего произошли предполагаемыя имъ неточности въ показаніяхъ библейской хронологіи и нельзя ли какъ-нибудь уничтожить ихъ? Мы думаемъ, что при иномъ отношеніи къ той и другой хронологической системѣ Шрадеръ пришелъ бы и къ инымъ выводамъ. Въ настоящемъ же видѣ аргументація Шрадера лишена главнаго—силы доказательности и можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: библейская хронологическая система невѣрна; потому что она не сходится съ хронологическими показаніями ассирійскихъ памятниковъ; показанія же послѣднихъ объективно вѣрны, потому что одна только изъ двухъ хронологій можетъ быть вѣрною, а не обѣ. Но нельзя ли предположить противнаго? Нельзя ли сказать, во-первыхъ, такимъ образомъ: ассирійскія хронологическія показанія невѣрны, потому что они не сходятся съ хронологической системой Библии? Нельзя ли, во-вторыхъ, на основаніи разности между тѣми и другими хронологическими показаніями заключать къ взаимной ихъ ненадежности или невѣрности? По крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія Шрадера всѣ три предположенія одинаково возможны и одинаково вѣроятны. Но какое же изъ нихъ вѣроятнѣе? Это вопросъ, рѣшить который долженъ хронологъ.

Говоря такимъ образомъ, мы вовсе не намѣрены, въ противоположность Шрадери, все сводить къ объективной достовѣрности библейской хронологіи и во что бы то ни стало зацѣплять ее и ратовать противъ вѣрности хронологической системы ассирійскихъ памятниковъ. Сравнительную, если не объективную достовѣрность той или другой хронологіи можетъ доказать только безпристрастный критическій анализъ показаній той и другой и прежде всего просто анализъ, котораго и не достаетъ аргументаціи Шрадера. Мы ратуемъ только противъ того, когда отказываются отъ этого анализа,—отъ этой существенно необходимой провѣрки той и другой хронологіи и безпристрастной оцѣнки дѣла. При отсутствіи же этой провѣрки въ изслѣдованіи

Шрадера мы положительно не видимъ никакихъ основаній подозревать въ библейской хронологіи такую несообразность, какую видить въ ней Шрадеръ; не имѣемъ въ частности побудительныхъ причинъ заподозривать вѣрность показаній Библии относительно количества лѣтъ правленія того или другаго библейскаго царя, въ которыхъ Шрадеръ находитъ неточности.

Правда, Шрадеръ представляетъ и положительное, по его мнѣнію, доказательство въ пользу сравнительной по крайней мѣрѣ достовѣрности хронологической системы ассирійскихъ памятниковъ, когда ссылается наприм. на внѣ-библейскій контроль и вмѣстѣ на внѣ-ассирійскій, именно на Птоломеевскій канонъ, избличающій будто бы въ невѣрности библейскую хронологическую систему. Но и этотъ аргументъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является у Шрадера, теряетъ даже и ту силу доказательности и убѣдительности, какую онъ могъ бы имѣть самъ по себѣ. Почему въ глазахъ Шрадера Птоломеевскій канонъ имѣетъ силу доказательности? Потому, говоритъ Шрадеръ, что счисленіе Птолемея подтверждается счисленіемъ ассирійскимъ, такъ-называемыми Еропумен-Listen и анналами Саргона^с, но во все, какъ видить читатель и какъ слѣдовало бы ожидать, не потому, что самый канонъ Птолемея подтверждаетъ счисленіе ассирійское. Оказывается такимъ образомъ, что и здѣсь въ основаніи лежитъ опять таки прежняя недоказанная, хотя и все съ точки зрѣнія Шрадера доказывающая, достовѣрность ассирійскаго времясчисленія.

Далѣе. Произнося обвинительный приговоръ надъ библейской хронологіей, Шрадеръ совершенно опускаетъ изъ виду два весьма важныя обстоятельства.

Съ точки зрѣнія Шрадера для истинности хронологическихъ замѣчаній ассирійскихъ памятниковъ имѣетъ немалое значеніе, хотя и своеобразно имъ понимаемое, то обстоятельство, что эти замѣчанія подтверждаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно за періодъ времени отъ 722 года и ниже, Птоломеевскимъ канонъ. Но придавая силу доказательности Птоломеевскому канону по отношенію къ хронологіи ассирійской, Шрадеръ не желаетъ почему-то обращать вниманія на то, что и библейскія хронологическія показанія, собственно показанія книгъ Царствъ, съ которыми онъ исключительно имѣетъ дѣло, также контроли-

руются, хотя впрочемъ и не въ-библейскимъ контролемъ; они находятъ свое подтвержденіе въ хронологическихъ замѣчаніяхъ книгъ Паралипоменонъ, которыя совершенно согласны съ книгами Царствъ въ отношеніи опредѣленія времени правленія тѣхъ царей іудейскаго и израильскаго царства, о которыхъ онѣ говорятъ вмѣстѣ съ книгами Царствъ. Къ этому обстоятельству, говорящему за вѣрность хронологической системы книгъ Царствъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько говоритъ за надежность хронологическихъ замѣчаній ассирійскихъ памятниковъ Птолемея канонъ, нужно присоединить еще и то, что книги Царствъ, хотя писаны были и не однимъ лицомъ, за то лицами, отдѣленными отъ описываемыхъ ими событій самымъ незначительнымъ пространствомъ времени и слѣдовательно имѣвшими полную возможность знать и правильно опредѣлить время правленія того или другаго царя народа еврейскаго, равно какъ и время другихъ событій, болѣе или менѣе выдающихся въ исторіи этого народа. Это послѣднее обстоятельство приобрететъ еще большую силу убѣдительности въ настоящемъ случаѣ, если мы припомнимъ, съ какою точностію и опредѣленностію обозначены въ книгахъ Царствъ времена правленія даже такихъ царей, каковы Захарія, Селлумъ, Амонъ, Іехонія. Видно, что писатели библейскіе дѣйствительно стояли близко ко временамъ правленія этихъ царей; иначе представлять дѣло кажется невозможно.

Оба указанныя обстоятельства имѣютъ значеніе собственно для библейской хронологіи; они показываютъ, что предполагаемая Шрадеромъ разность между этою хронологіею и хронологіею ассирійскихъ памятниковъ еще не даетъ права утверждать прямо, что пазъ двухъ хронологій объективная достовѣрность должна быть приписана хронологической системѣ ассирійскихъ памятниковъ, а надъ библейской хронологіею долженъ быть произнесенъ смертный приговоръ. Напротивъ для безпристрастнаго хронолога фактъ разности между разсматриваемыми нами хронологіями долженъ служить прекраснымъ поводомъ отнестись критически къ самымъ показаніямъ ассирійскихъ памятниковъ и тѣмъ болѣе прекраснымъ, что хронологическія показанія этихъ памятниковъ дѣйствительно даютъ поводъ къ сомнѣнію въ ихъ объективной вѣрности. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду время правленія Фула, царя ассирійскаго, упоминаемаго въ Библии и

опущеннаго, какъ мы уже видѣли, въ ряду ассирійскихъ правителей, перечисляемыхъ въ ассирійскомъ канонѣ. Что Фулъ дѣйствительно долженъ быть причисленъ къ ассирійскимъ царямъ и притомъ какъ личность самостоятельная, это стоитъ выше всякаго сомнѣнія. Если же такъ, то это обстоятельство несомнѣнно подрываетъ авторитетъ хронологической системы ассирійскихъ памятниковъ, давая несомнѣнное основаніе заключать къ пробѣлу въ ассирійскомъ канонѣ правителей. Правда, при настоящихъ данныхъ ассиріологии мы не можемъ опредѣлить, какъ великъ этотъ пробѣлъ; потому что за непмнѣемъ необходимыхъ для этого надписей, мы не можемъ опредѣлить время правленія Фула. Но какъ бы то ни было, фактъ пробѣла остается фактомъ и мы во всякомъ случаѣ имѣемъ полное право думать, что канонъ ассирійскихъ правителей въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не можетъ быть названъ канономъ полнымъ, а слѣдовательно и не можетъ претендовать на значеніе контроля при изслѣдованіи хронологіи библейской. Оппертъ полагаетъ этотъ пробѣлъ въ ассирійскомъ канонѣ въ 47 лѣтъ. Не зная, на чемъ основывается въ этомъ случаѣ Оппертъ, мы не можемъ сказать ни за ни противъ его положенія. Для насъ, какъ мы сказали, важно въ настоящемъ случаѣ то, что фактъ пробѣла не подлежитъ сомнѣнію и спору; будемъ ли полагать его въ 47 лѣтъ или менѣе.

Нельзя не обратить при этомъ вниманіе и на то обстоятельство, которое открываетъ разность между хронологическими показаніями ассирійскаго канона правителей и такъ-называемыми правительственными списками и которое также говоритъ за неполноту и неточность перваго. Такъ въ ассирійскомъ канонѣ правителей время правленія Салманассара III, преемника Биннирара, опредѣляется въ 10 лѣтъ (781—772), а по правительственнымъ спискамъ—въ 9 лѣтъ. По первому время правленія Асурданила, преемника Салманассара III, опредѣляется въ 18 лѣтъ, между тѣмъ какъ по вторымъ оно равняется 20 годамъ. О чемъ свидѣлствуетъ эта разниця между хронологическими показаніями однихъ памятниковъ и между такими же показаніями другихъ, — разниця, которой трудно и даже невозможно было бы ожидать, если бы дѣйствительно, какъ то утверждаетъ Шрадеръ, хронологическимъ показаніямъ ассирійскихъ памятни-

ковъ принадлежала объективная достовѣрность? Несомнѣнно, она говоритъ именно противъ объективной вѣрности хронологической системы ассирійскихъ памятниковъ. И это разногласіе и эта неточность будутъ вполне естественны и понятны для насъ, если мы обратимъ вниманіе на самую исторію этихъ памятниковъ, какъ она раскрыта въ „biblische Studien und Kritiken“^{*)}. Изъ этой исторіи видно, что ассирійскіе памятники, названные въ цитированномъ мѣстѣ общимъ именемъ „Eponymenlisten“ воспроизводимы были на основаніи показаній различныхъ глиняныхъ дощечекъ и постепенно восполнялись съ открытіемъ новыхъ источниковъ. Это обстоятельство важно сколько въ томъ отношеніи, что оно вполне подтверждаетъ возможность тѣхъ разностей въ показаніяхъ ассирійскихъ памятниковъ въ отношеніи хронологическомъ, примѣры которыхъ мы уже представили, столько и въ томъ, что при указанномъ способѣ воспроизведенія этихъ памятникомъ остается въ полной силѣ предположеніе, что и настоящій ихъ составъ не есть полный и законченный, что напротивъ можно ожидать открытія новыхъ дощечекъ, которыя произведутъ въ памятникахъ новыя измѣненія и дополненія.

Попытаемся же теперь возстановить библейскую хронологію, насколько то возможно будетъ, на основаніи имѣющихся у насъ источниковъ, именно книгъ Царствъ и Паралипоменонъ; а прежде все постараемся опредѣлить исходную точку или такой годъ, отъ котораго бы могли безпрепятственно идти въ ту или другую сторону, вверхъ или внизъ. Опредѣлить такой годъ необходимо во первыхъ потому, что въ Библии, какъ извѣстно, дѣта событій считаются не отъ какой-либо одной, опредѣленной точки или эры: въ ней напротивъ опредѣляется только время частныхъ событій; во вторыхъ потому, что и самое наше счисленіе начинается не отъ какой-либо предѣльной точки, какою можетъ быть или сотвореніе міра, или годъ Рождества Христова; наше счисленіе ограничивается такимъ періодомъ времени, который какъ началомъ, такъ и концомъ своимъ далеко отстоитъ отъ этихъ двухъ предѣльныхъ пунктовъ. Впрочемъ, несмотря на указанныя, видимыя затрудненія при опредѣленіи

*) 1871 г. S. 679—689.

исходной хронологической точки, ея опредѣленіе не представляеть въ дѣйствительности не только ничего невозможнаго, но даже сколько-нибудь труднаго.

Какъ ближайшую къ періоду исторіи еврейскаго народа, составляющаго содержаніе настоящаго отдѣла точку, мы беремъ годъ исхода іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго. Этотъ годъ, а затѣмъ непосредственно и годъ начала вавилонскаго плѣна, можно опредѣлить со всєю желаемою для хронолога точностію, хотя впрочемъ не на основаніи только однихъ библейскихъ показаній. При счисленіи событій, случившихся въ періодъ времени отъ начала плѣна вавилонскаго до его окончанія, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны будемъ обращаться къ счисленію другихъ народовъ и главнымъ образомъ къ хронологіи царей персидскихъ.

Окончаніе плѣна вавилонскаго или, что то же, первый годъ царствованія Кира, которымъ кончаются 70 лѣтъ этого плѣна, можно со всею точностію опредѣлить при помощи седмиднѣ Даниіловыхъ. Что дѣйствительно начало освобожденія іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго совпадаетъ съ первымъ годомъ правленія Кира, это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію въ виду столь яснаго указанія на это второй книги Паралипоменонъ (36, 23, 23). Не можетъ подлежать также ни малѣйшему сомнѣнію и то, что счетъ седмиднѣ Даниіловыхъ нужно начинать не съ какаго либо иного времени, какъ только со времени указа о возстановленіи Іерусалима, даннаго въ 20-й годъ царствованія Артаксеркса Лонгимана *): *и увѣси и уразумѣши*

*) Правда, въ пророчествѣ Даниіла не сказано, какой указъ нужно разумѣть въ настоящемъ случаѣ, — вѣрнѣе — какой изъ пяти указовъ, упоминаемыхъ въ Библии: указъ ли Кира, или одинъ изъ указовъ Артаксеркса, Дарія Истаспа или, наконецъ, первый указъ Артаксеркса Лонгимана, данный имъ въ 7-мъ году своего царствованія. Но вопросъ этотъ легко разрѣшается при помощи того же пророчества Даниілова и именно въ пользу того мнѣнія, что подъ указомъ, упоминаемымъ въ пророчествѣ Даниіловомъ, нужно разумѣть именно второй указъ Артаксеркса Лонгимана. — отъ 20-го года правленія послѣднѣяго. Выраженіе пророка: *отъ исхода словесе, еже ствѣщати* (возстановить — *lehaschir*) и *еже оградити Іерусалимъ* даетъ разумѣть, что здѣсь нужно имѣть въ виду указъ, которымъ дозволялось іудеямъ построить городъ Іерусалимъ. Но ни одинъ изъ другихъ четырехъ указовъ, кромѣ именно втораго указа

отъ исхода словесе еже отвѣщати и еже соградити Иерусалимъ...
 (Дан. 9, 25). Весьма легко прежде всего опредѣлить годъ предъ Рождествомъ Христовымъ, на который должно падать начало седминъ Данииловыхъ, а слѣдовательно и 20-й годъ Артаксеркса Лонгимана. Все пророчество Даниила или, вѣрнѣе, 70 седминъ Данииловыхъ естественно распадается на двѣ главныя части, изъ которыхъ одна, большая (69 седминъ) должна пройти *даже до Христа Старѣйшины*, и другая, меньшая, состоящая изъ одной седмины, предназначается для утверженія *завѣта мнозымъ*, т. е. для событій, имѣющихъ послѣдовать послѣ явленія Христа Старѣйшины. Нѣтъ нужды доказывать, что первая часть седминъ должна была пройти, согласно прямому выраженію пророка, не до Рождества Христова, а до явленія Его народу, т. е. до времени вступленія Его въ общественное служеніе, въ которое Онъ вступилъ 30 лѣтъ отъ рожденія. Такимъ образомъ мы получаемъ самый точный годъ для начала седминъ Данииловыхъ, именно 453 годъ предъ Рождествомъ Христовымъ (седмина = 70 лѣ-

Артаксеркса Лонгимана, по своему содержанию не соответствуетъ приведенному выраженію пророка. Указъ Кира (2 Пар. 36, 22. 23) разрѣшаетъ плѣннымъ іудеямъ только постройку дома въ Иерусалимѣ или храма Иерусалимскаго, а не города Иерусалима. Не даетъ такого позволенія и указъ Артаксеркса; напротивъ, этимъ указомъ положительно воспрещается постройка города Иерусалима или его возстановленіе (1 Езд. 6, 21, 22). Указъ Дарія Истаспа (1 Езд. 6, 7. 8) по содержанию своему одинаковъ съ указомъ Кира: указомъ Дарія разрѣшается плѣннымъ іудеямъ продолжать постройку храма Иерусалимскаго, начатую, вѣроятно, въ силу указа Кира, но опять-таки не города Иерусалима. Ни одного слова о построеніи Иерусалима нѣтъ и въ первомъ указѣ Артаксеркса Лонгимана; напротивъ и здѣсь (1 Езд. 7, 12—28) дѣло идетъ исключительно о храмѣ Иерусалискомъ: о снабженіи его всѣмъ необходимымъ для его благоустройства, какъ-то: извѣстнымъ количествомъ золота и серебра и всѣмъ необходимымъ для жертвоприношеній, освобожденіемъ левитовъ и всѣхъ служащихъ при храмѣ отъ податей и другихъ повинностей. Остается такимъ образомъ принять, что пророкъ приведенными словами указываетъ именно на указъ Артаксеркса Лонгимана, данный въ 20-мъ году его царствованія, и это не потому только, что первые четыре указа по своему содержанию не подходятъ подъ образъ выраженія пророка, но главнымъ образомъ потому, что указъ Артаксеркса Лонгимана говорить въ свою пользу самымъ содержаніемъ своимъ. Этимъ указомъ (Неем. 2, 8—10) позволено было іудеямъ возобновить стѣны Иерусалима, именно то, что выразилъ пророкъ, сказавъ: *еже отвѣщати и еже соградити Иерусалимъ*.

тамъ, а 69 седмиць = 483, — это время до вступленія Христа въ общественное служеніе, слѣдовательно время, протекшее до Его рожденія = 483 — 30 = 453). Этотъ же 453-й годъ есть вмѣстѣ и 20-й годъ Артаксеркса-Лонгимана; а его первый годъ будетъ очевидно, падать на 472-й годъ предъ Р. Хр.

Послѣ опредѣленія перваго года царствованія Артаксеркса-Лонгимана намъ не предстоитъ уже никакой трудности опредѣлить и первый годъ царствованія Кира, а слѣдовательно и конецъ плѣна вавилонскаго, — къ нашимъ услугамъ является здѣсь хронологія царей персидскихъ.

Предшественникомъ Артаксеркса Лонгимана былъ Ксерксъ, который царствовалъ самостоятельно 11 лѣтъ, потому что на 12-мъ году своего правленія онъ сдѣлалъ Артаксеркса Лонгимана своимъ соправителемъ. Такимъ образомъ начало правленія Ксеркса должно падать на 483-й годъ предъ Р. Хр. Ксерксъ наследовалъ Дарію Истаспу, которой царствовалъ 36 лѣтъ и слѣдовательно вступилъ на престолъ въ 519 году предъ Р. Хр. Отъ Дарія Истаспа протекло времени до Кира: 1, года царствованія Смердиса и 7½ лѣтъ правленія Камбиза, — всего 8-мъ лѣтъ. Прилагая это количество лѣтъ къ найденному первому году правленія Дарія Истаспа, мы получимъ послѣдній годъ царствованія Кира или 527 г. предъ Р. Хр. Но Киръ царствовалъ всего 7 лѣтъ, слѣдовательно начало правленія Кира должно падать на 534-й годъ предъ Р. Хр. Но, какъ мы сказали, окончаніе плѣна вавилонскаго совпадаетъ съ первымъ годомъ царствованія Кира. Отсюда ясно, что 534-годъ есть уже собственнo годъ, въ который Іудеи могли считать себя свободными отъ рабства вавилонскаго; и слѣдовательно окончаніе рабства или продолженіе плѣна вавилонскаго нужно полагать нѣсколько раньше, именно въ 535 г. предъ Р. Хр.

Опредѣливъ годъ окончанія плѣна вавилонскаго, мы должны по порядку опредѣлить начальный годъ этого плѣна. Здѣсь не малую важность имѣетъ опредѣленіе того года правленія Навуходоносора, царя вавилонскаго, въ которомъ положено было имъ начало плѣненія Іудеевъ.

По Птоломееву канону Навуходоносоръ царствовалъ 43 года его послѣдній годъ есть 186 годъ отъ правленія Набонассара или 561 годъ предъ Р. Х., а первый годъ есть 603 годъ предъ

Р. Х. Спрашивается: когда Навуходоносоръ въ первый разъ отвелъ въ плѣнь Іудеевъ—въ первый годъ своего царствованія или же позднѣе? Библия не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что начало вавилонскаго плѣна нужно относить именно къ первому году правленія Навуходоносора. Несомнѣнно, во первыхъ что пророкъ Даниилъ пророчествовалъ и началъ свое пророческое служеніе уже во время плѣна; а изъ его книги видно, что онъ пророчествовалъ еще во второмъ году царствованія Навуходоносора (Дан. 2, 1); слѣдовательно начало плѣна вавилонскаго во всякомъ случаѣ предшествовало этому времени и было положено въ первомъ году правленія Навуходоносора. Далѣе—пророкъ Іеремія прямо и положительно говоритъ, что начало плѣна вавилонскаго, полагая его въ правленіе Іоакима, случилось именно въ первый годъ царствованія Навуходоносора (Іер, 25, 1).

Итакъ первый годъ плѣна вавилонскаго есть первый годъ царствованія Навуходоносора или 603 годъ предъ Р. Х.; это же есть вмѣстѣ четвертый годъ Іоакима, царя іудейскаго (2 Пар. 36, 5, 6⁷⁾).

Идя отъ этого года далѣе вверхъ, мы получаемъ прежде всего истинный годъ вступленія на престолъ Іоакима, именно 606 годъ предъ Р. Х. Предшественникомъ Іоакима былъ Іоахазъ, сынъ Іосія, царствовавшій всего три мѣсяца и отведенный послѣ этого въ плѣнь Фараономъ Нехао (4 Цар. 23, 33). Годомъ вступленія на престолъ Іоахаза долженъ бы быть такимъ образомъ 607 годъ; но такъ какъ въ Библии не сказано, что Іоакимъ, его предшественникъ, вступилъ на престолъ въ самомъ началѣ 606 года, то мы не погрѣшимъ, если положимъ въ этомъ же году и трехмѣсячное правленіе Іоахаза, а 607-й годъ будемъ считать конечнымъ годомъ правленія Іосія. Іосія царствовалъ 31 годъ (4 Цар. 22, 1, 2; Пар. 34, 1) и вступилъ на престолъ въ 637 году

⁷⁾ Что начало плѣна вавилонскаго было положено въ 4 годъ Іоакима, а не въ первый, какъ полагаютъ нѣкоторые, это не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что у пророка Іеремія ясно сказано, что первый годъ Навуходоносора совпадаетъ не съ 1, 2 или 3 годомъ правленія Іоакима, а именно съ 4 (25, 1) въ пользу этого говорить и все дальнѣйшее повѣствованіе 25-й главы его книги.

предъ Р. Х. Отъ 637 г. до начала вступленія на престолъ Аммона, отца Іосіи, прошло два года (4 Цар. 21, 19; 2 Цар. 33, 20), слѣдовательно годъ вступленія на престолъ Аммона падаетъ на 639 годъ предъ Р. Х. Отъ Аммона до начала правленія Манассіи протекло 55 лѣтъ, слѣдовательно годъ вступленія на престолъ Манассіи падаетъ на 693 годъ предъ Р. Х. Отъ 693 года до начала правленія отца Манассіи — Езекии прошло 29 лѣтъ; слѣдовательно первый годъ царствованія Езекии есть 721 годъ предъ Р. Х. Въ шестой же годъ Езекии, какъ извѣстно изъ Библии, случилось паденіе Самаріи (4 Цар. 18, 10); а это же былъ вмѣстѣ 9 годъ Осіи, царя израильскаго. Отсюда такимъ образомъ сразу опредѣляется время для двухъ событій — для паденія Самаріи и для конца царствованія Осіи. Оба эти событія случились въ одно время—въ шестомъ году царствованія Езекии или въ 616 году предъ Р. Х.

Съ этого времени наше изслѣдованіе библейской хронологіи естественно распадается на двѣ отдѣльныя части, именно на изслѣдованіе хронологіи царства іудейскаго и хронологіи царства израильскаго; потому что не совсѣмъ удобно исчислять время событій того и другаго царства вмѣстѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію хронологической преемственности событій того и другаго царства, укажемъ на самые приемы этого опредѣленія.

Главная ошибка, въ которую впадаютъ хронологи при опредѣленіи времени событій двухъ названныхъ царствъ, и въ которой заключается главная причина тѣхъ разногласій между хронологіями, которыя намъ приходилось разсматривать, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что при опредѣленіи хронологической преемственности событій изъ исторіи двухъ царствъ народа еврейскаго хронологи относятся односторонне къ хронологическимъ замѣчаніямъ Библии. Такъ, они или исчисляють только событія царства іудейскаго и при опредѣленіи ихъ хронологической преемственности игнорируютъ хронологическія показанія Библии относительно событій царства израильскаго,—параллельнаго, вслѣдствіе чего происходитъ весьма значительная разность между хронологіями этихъ двухъ царствъ; или же изслѣдуя хронологію обоихъ царствъ, они по-

лагаютъ въ основаніе своего счисленія одни хронологическія замѣчанія Библии и игнорируютъ другія, отчего происходитъ разность въ разныхъ счисленіяхъ событій одного и того же царства. Въ Библии мы встрѣчаемся съ двоякаго рода хронологическими показаніями относительно одного и того же событія, по крайней мѣрѣ за періодъ времени, составляющій содержаніе настоящаго отдѣла. Впервыхъ, говоря о вступленіи на престолъ какого-либо царя іудейскаго или израильскаго царства, Библия прежде всего опредѣляетъ количество лѣтъ его царствованія: *сынъ двадцати лѣтъ бы Ахазъ, егда нача царствовати, и шесть-надесять лѣтъ царствова во Иерусалимъ* (4 Цар. 16, 2); или: *въ лѣто тридесять-девятое Азаріи царя Иудина, царствова Манаимъ сынъ Гаддіицъ надъ Израилемъ десять лѣтъ* (4 Цар. 15, 17). Во вторыхъ, Библия прямо указываетъ предѣлы царствованія того или другаго царя, именно годъ его вступленія на престолъ и годъ конца царствованія, опредѣляя эти предѣльные годы по годамъ правленія какого-либо изъ царей іудейскаго или израильскаго царства. Такъ, опредѣляя время царствованія Амасіи, царя іудейскаго, Библия замѣчаетъ (4 Цар. 14, 1), что онъ вступилъ на престолъ во второй годъ Іоаса, царя израильскаго,—она опредѣляетъ такимъ образомъ начало его царствованія, конецъ же царствованія опредѣляетъ, когда говоритъ о вступленіи на престолъ преемника Амасіи—Азаріи. Яснѣе это видно будетъ изъ другаго примѣра. Манаимъ по Библии вступилъ на престолъ въ 39-й годъ правленія Азаріи іудейскаго; а его преемникъ и сынъ Факія—въ 50-й годъ того же Азаріи; слѣдовательно правленіе Манаима продолжалось отъ 39-го г. Азаріи до 50-го г. его же правленія. Благодаря этимъ двоякимъ хронологическимъ замѣчаніямъ Библии, относящимся до одного и того же событія, мы имѣемъ полную возможность составить счисленіе болѣе точное и правильное; имѣемъ возможность избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя весьма возможны въ томъ случаѣ, когда игнорируютъ эти послѣднія замѣчанія. Говоря такъ, мы говоримъ на основаніи собственнаго опыта. Производя вычисленіе библейскихъ событій царствъ іудейскаго и израильскаго и слѣдуя въ этомъ случаѣ обыкновенной методѣ счисленія, т. е. прилагая сумму лѣтъ одного царя, напр. іудейскаго къ най-

денному году другаго, его предшественника *), на основаніи первыхъ замѣчаній Библии, и оставляя въ сторонѣ другія, мы приходили къ тому же самому неотрадному результату, къ которому приходили и тѣ хронологи, счисленія которыхъ были у насъ подъ руками: и у насъ, какъ и у нихъ, въ концѣ концовъ выходило то, что хронологіи двухъ царствъ не сходились между собою, сумма лѣтъ израильскихъ царей превышала сумму лѣтъ царей іудейскихъ, когда приходилось сличать лѣта царствованія тѣхъ и другихъ царей отдѣльно.

Но, сиросья ть насъ, стало-быть одни хронологическія замѣчанія Библии нужно провѣрять другими? Но отчего не ограничиться напр. общею суммою лѣтъ правленія какого-либо царя, означеннаго въ Библии, и прилагая эту сумму къ лѣтамъ правленія другаго царя, восходить такимъ образомъ постепенно вверхъ или наоборотъ? Мы можемъ сказать на это только то, что такой способъ сличенія есть способъ болѣе легкій, но отнюдь не болѣе вѣрный. Необходимо именно провѣрять одни замѣчанія Библии другими и это потому, что первыя замѣчанія, опредѣляющія сумму лѣтъ правленія того или другаго царя, за немногими лишь исключениями, противорѣчатъ другимъ, или увеличивая число лѣтъ правленія извѣстнаго царя или уменьшая. Такъ напр. общее число лѣтъ правленія Іоаса іудейскаго опредѣлено въ 40 лѣтъ,—а между тѣмъ на основаніи другихъ показаній выходитъ, что правленіе его продолжалось только 39 лѣтъ (отъ 7 года Іиуя израильскаго и до 2 года Іоаса). Другой примѣръ. По однимъ замѣчаніямъ Библии Манаимъ израильскій царствовалъ 10 лѣтъ, а по другимъ—11 (отъ 39 года Азарія іудейскаго и до 50-го).

Пользуясь сдѣланными сейчасъ замѣчаніями относительно приемовъ счисленія библейскихъ событій двухъ царствъ, дающими возможность придти къ желаемому соглашенію трудно согласимыхъ при иныхъ приемахъ счисленія двухъ хронологій, мы получаемъ рядъ событій исторіи народа еврейскаго за періодъ времени отъ паденія Самаріи до правленія Іиуя включительно въ такой хронологической преемственности.

*) Предшественника, а не преемника. Это потому, что при счисленіи событій мы шли снизу вверхъ.

Сравнительная библейская хронологія.

Года предъ Р. Хр.	Года правлен. царей Юд. въ отдаленности.	ЦАРСТВО ЮДИЙСКОЕ.	Года правлен. царей Ивр. въ отдаленности.	ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРИЙСКОЕ.	
873.			1.			
872.			2.			
871.			3.			
870.			4.			
869.			5.			
868.			6.			
867.	1.	Иоась вступаетъ на престолъ въ 7-й г. Иуя (4 Ц. 12, 1).	7.			
866.	2.		8.			
865.	3.		9.			
864.	4.		10.			
863.	5.		11.			
862.	6.		12.			
861.	7.		13.			
860.	8.		14.			
859.	9.		15.			
858.	10.		16.			
857.	11.		17.			
856.	12.		18.			
855.	13.		19.			
854.	14.		20.			
853.	15.		21.			
852.	16.		22.			
851.	17.		23.			
850.	18.		24.			
849.	19.		25.			
848.	20.		26.			
847.	21.		27.			
846.	22.		28.			
845.	23.		1.			
844.	24.		2.			
843.	25.		3.			
842.	26.		4.			
841.	27.		5.			
840.	28.		6.			
839.	29.	7.				
838.	30.	8.				
837.	31.	9.				
836.	32.	10.				
835.	33.	11.				
834.	34.	12.				
833.	35.	13.				
832.	36.	14.				
831.	37.	15.				
830.	38.	16.				

Иуя вступаетъ на престолъ.

Иоахазъ, сынъ Иуя вступаетъ на престолъ въ 23-й г. Иоаса Юдейскаго (4 Цар. 13, 1).

842: Война съ Газиломъ Дамасскимъ. Даяъ Иуя, сына Амвриева (ассир. панонъ правителей).

Лѣта предъ Р. Хр.	Лѣта правлен. царей Іуд. въ отдѣльности.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	Лѣта правлен. царей Изр. въ отдѣльности.	ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРІЙСКОЕ.
829.	39.		1.	Іоась, сынъ Іоахаза	
828.	1.	Амасія, сынъ Іо-	2.	вступаетъ на престолъ	
827.	2.	аса, вступаетъ на	3.	въ 39-й г. Іоаса іудей-	
826.	3.	престола въ 2-й г.	4.	скаго (4 Цар. 13, 10).	
825.	4.	Іоаса израильска-	5.		
824.	5.	го (4 Цар. 14, 1).	6.		
823.	6.		7.		
822.	7.		8.		
821.	8.		9.		
820.	9.		10.		
819.	10.		11.		
818.	11.		12.		
817.	12.		13.		
816.	13.		14.		
815.	14.		15.		
814.	15.		1.	Іеровоамъ II, всту-	
813.	16.		2.	паетъ на престолъ въ	
812.	17.		3.	15-й г. Амасія іудей-	
811.	18.		4.	скаго (4 Цар. 14, 23).	
810.	19.		5.		
809.	20.		6.		
808.	21.		7.		
807.	22.		8.		
806.	23.		9.		
805.	24.		10.		
804.	25.		11.		
803.	26.		12.		804—803: Походъ
802.	27.		13.		Вниирара противъ
801.	1.	Азарія, сынъ Ама-	14.		морской земли: Фини-
800.	2.	сіа, вступаетъ на	15.		кій и Палестины (ассир.
799.	3.	престола въ 14-й	16.		канонъ правителей.
798.	4.	годъ Іеровоама II,	17.		
797.	5.	(4 Цар.).	18.		
796.	6.		19.		
795.	7.		20.		
794.	8.		21.		
793.	9.		22.		
792.	10.		23.		
791.	11.		24.		
790.	12.		25.		
789.	13.		26.		
788.	14.		27.		
787.	15.		28.		
786.	16.		29.		
785.	17.		30.		
784.	18.		31.		
783.	19.		32.		

Дата претъ Р. Хр.	Дата правлен. царей Іуд. въ отдѣльности.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	Дата правлен. царей Изр. въ отдѣльности.	ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРИЙСКОЕ.
782.	20.		33.		
781.	21.		34.		
780.	22.		35.		
779.	23.		36.		
778.	24.		37.		
777.	25.		38.		
776.	26.		39.		
775.	27.		40.		
774.	28.		41.	Конецъ правленія Іеровоама II, (4 Цар. 14, 23).	
773.	29.				
772.	30.				
771.	31.				
770.	32.				
769.	33.				
768.	34.				
767.	35.				
766.	36.				
765.	37.				
764.	38.		1.	Захарія, сынъ Іеров. II, вступаетъ на пре- столь (4. Ц. 15, 18). Начало правленія Сел- лума и I-й г. Манан- ма (4 Ц. 15, 13. 17).	
763.	39.		1.		
762.	40.		2.		
761.	41.		3.	1—2 г. Мананма: вѣроятный походъ на землю Израильскую Фула ассирійскаго.	
760.	42.		4.		
759.	43.		5.		
758.	44.		6.		
757.	45.		7.		
756.	46.		8.		
755.	47.		9.		
754.	48.		10.		
753.	49.		11.		
752.	50.		1.	Фавія, сынъ Манан- ма вступаетъ на пре- столь въ 50-й г. Аза- рїи (4 Ц. 15, 23).	
751.	51.		2.		
750.	52.		1.	Фавей, убійца Фа- вїи вступаетъ на пре- столь въ 52-й г. Аза- рїи (4 Ц. 15, 27).	
749.	1.	Іоаоамъ, сынъ	2.		
748.	2.	Азарїи вступаетъ	3.		
747.	3.	на престоль во 2-й	4.		
746.	4.	годъ Фавей (4 Ц.	5.		
745.	5.	15, 32).	6.		
744.	6.		7.		
743.	7.		8.		
742.	8.		9.		
741.	9.		10.		

743—742: Азарїа
іудейскій въ борьбѣ
противъ Тиглатъ Фе-
лассара въ союзѣ съ

Лѣта предъ Р. Хр.	Лѣта правлен. царей Іуд. въ отаѣльности.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	Лѣта правлен. царей Изр. въ отаѣльности.	ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРІЙСКОЕ.
740.	10.		11.		Гаматомъ (ассир. канонъ правителей). 738: Дань Мананна Самарійскаго Рецима Дамасскаго Гирама Тирскаго (ассир. кан. правит.). 735: Походъ Тиглатъ Фелассара противъ палестины.—дань Ахаза іудейскаго (ассир. кан. правит.). 730: Фаеи умершвленъ. Тиглатъ Фелассаръ поставляетъ Осію въ цари земли дома Амвриева (ассир. кан. правит.). 724: Начало осады Самаріи. 723: Продолженіе ея. 722: Паденіе Самаріи въ 1-й г. Саргона.
739.	11.		12.		
738.	12.		13.		
737.	13.		14.		
736.	14.		15.		
735.	15.		16.		
734.	1.	Ахазъ вступаетъ на престолъ въ 1-й г. Фаеи (4 Ц. 16, 1).	17.		
733.	2.	Посольство въ	18.		
732.	3.	Тиглатъ Фелассару и дань ему.	19.		
731.	4.		20.	Заговоръ противъ Фаеи. Походъ Тиглатъ Фелассара на землю Израильскую.	
730.	5.		}	Время между царствіи.	
729.	6.				
728.	7.				
727.	8.				
726.	9.				
725.	10.				
724.	11.				
723.	12.		1.	Осія убійца Фаеи	
722.			2.	вступаетъ на престолъ въ 12-й Ахаза (4 Ц. 17, 1).	
721.	1.		3.		
720.	2.				
719.	3.				
718.	4.				
717.	5.				
716.	6.	Паденіе		Самаріи.	

Лѣта предъ Р. Хр.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРІЙСКОЕ.
715.		
714.		
713.		
712.		
711.		
710.		
709.		
708.	Походъ Ссинахирима или Санхериба противъ Езекиа въ 14-й годъ его царствованія (4 Цар. 18, 13).	
707.		
706.		
705.		

Лѣта предъ Р. Х. р.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	ЦАРСТВО АССИРІЙСКОЕ.
704. 703. 702. 701. 700. 699. 698. 697. 696. 695. 694. 693. 692.	Манассія, сынъ Езекиа вступаетъ на престолъ.	Египто-іудейскій походъ Санхе-риба. Осада Іерусалима.
677.		Манассія присягаетъ въ вѣрности великому царю Асаргадону.
666.		Царь іудейскій даниитъ Сардана-пала.
Лѣта предъ Р. Х. р.	ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.	
639. 638. 637.	Амонъ вступаетъ на престолъ. Іосія, сынъ Амона, вступаетъ на престолъ.	
606. 605. 604. 603.	Іоанниъ вступавтъ на престолъ. Начало пѣна вавилонскаго.	

Считаемъ необходимымъ сказать въ заключеніе своего изслѣдованія нѣсколько словъ въ объясненіе нѣкоторыхъ пунктовъ нашей хронологической таблицы.

1) Прежде всего мы должны въ настоящемъ случаѣ указать на то, что производя счисленіе событій двухъ параллельныхъ царствъ народа еврейскаго, мы руководились въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ вторыми хронологическими замѣчаніями Библии относительно времени правленія царей того и другаго царства, именно тѣми, въ которыхъ указываются предѣльными

точки ихъ правленія: начало и конецъ. Вслѣдствіе этого, именно въ силу разногласія самыхъ этихъ замѣчаній, о чемъ мы уже говорили выше, время правленія царей народа еврейскаго, какъ оно опредѣляется въ представленномъ нами счисленіи, оказывается за немногими исключеніями, несоотвѣтствующимъ тѣмъ счисленіямъ, въ основаніи которыхъ обыкновенно полагаются первыя замѣчанія Библии. Что касается результатовъ нашего счисленія, то мы считаемъ ихъ болѣе желательными для библейскаго хронолога, потому что считаемъ болѣе точными и вѣрными тѣ хронологическія замѣчанія Библии, которыя положены въ основаніи нашего счисленія; мы считаемъ далѣе эти замѣчанія, и именно эти, дающими возможность удовлетворить и другой, нелегкой цѣли библейскаго хронолога: представить счисленіе библейскихъ событій въ такомъ видѣ, чтобы хронологія двухъ параллельныхъ царствъ не расходилась между собою, не противорѣчили одна другой, а взаимно примирались и соглашались.

2) Время правленія царей іудейскихъ отъ Іоаса до Азаріи опредѣляется въ нашемъ счисленіи согласно самой нормѣ этого счисленія, т.-е. согласно послѣднимъ замѣчаніямъ Библии. При опредѣленіи же времени правленія Азаріи, сына Амасіи или Амессіи, мы сдѣлали очевидное отступленіе, притомъ на первый взглядъ странное и непонятное. По нашему счисленію первый годъ царствованія Азаріи совпадаетъ съ 14 годомъ правленія Іеровоама, царя израильскаго,—обстоятельство, которое не находитъ для себя основанія ни въ тѣхъ, ни въ другихъ хронологическихъ замѣчаніяхъ Библии, относящихся до времени правленія этого царя. По Библии первый годъ царствованія Азаріи совпадаетъ не съ 14, а съ 27 годомъ царствованія Іеровоама II (4 Цар. 15, 1). Но допуская въ своемъ счисленіи такое уклоненіе отъ Библии, мы уклонились собственно отъ имѣющихся у насъ переводовъ библейскаго текста, а не отъ древняго текста Библии, по которому, какъ утверждаютъ Вигнолій и Флавій *), годъ вступленія на престолъ Азаріи былъ именно 14 годъ правленія Іеровоама II, а не 27, какъ это зна-

*) Исслѣдованіе библ. хронологія Спасскаго стр. 123 и примѣч. 242.

читается въ славянскомъ переводѣ Библии, также впрочемъ и въ еврейской Библии. Что подобное явленіе въ переводахъ или спискахъ Библии возможно, это не требуетъ, по нашему мнѣнію, доказательствъ. Далѣе допуская такое уклоненіе, мы избѣгаемъ другихъ уклоненій, оправдать которыя мы не имѣли бы положительно возможности. Такъ, допуская совпаденіе перваго года Азарии съ 27 годомъ правленія Іеровоама II, мы или должны допустить, что періодъ времени отъ 799 года, полагая время предшественника Азаріи—Амасіи въ 29 лѣтъ, до 789 включительно былъ временемъ междуцарствія въ царствѣ іудейскомъ; но такое предположеніе было бы въ собственномъ смыслѣ произвольнымъ; или же должны допустить, какъ и допускаютъ нѣкоторые, что Іеровоамъ II царствовалъ самостоятельно не 41 годъ, какъ сказано объ этомъ въ Библии (4 Цар. 14, 23), а менше на 12 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ совратителемъ отцу своему Іоасу; но допуская это, безъ достаточнаго при томъ основанія ¹⁰⁾, мы должны по необходимости допустить междуцарствіе въ царствѣ израильскомъ въ теченіе цѣлыхъ 22 или 21 года, что кромѣ того, что оно странно само по себѣ, будетъ положительно противорѣчить прямому и ясному обѣтованію Божію, данному Іиуя (4 Цар. 10, 30), по силѣ котораго всякое междуцарствіе въ царствѣ израильскомъ отъ Іиуя до Захаріи, сына Іеровоама II включительно (4 Цар. 15, 12), становилось рѣшительно невозможнымъ.

3) По Библии Іеровоамъ II царствовалъ, какъ мы уже сказали нѣсколько выше, 41 годъ;—отъ 814—774 включительно; а между тѣмъ сынъ его Захарія вступаетъ на престолъ израильскій только въ 38 году царствованія Азаріи іудейскаго, т. е. въ 764 году предъ Р. Х. Отсюда, повидимому съ несомнѣнностію, слѣдуетъ, что время съ 774 г.—764 оставалось въ царствѣ израильскомъ свободнымъ отъ царя. И въ нашей хронологической таблицѣ этотъ промежутокъ времени остался ничѣмъ не отмѣченнымъ. Но несомнѣнно однако, что что-нибудь да происходило

¹⁰⁾ Основаніемъ для такого предположенія можетъ быть только то недостаточное, что случаи, когда сынъ управлялъ отцу, въ исторіи еврейскаго народа дѣйствительно были (см. 2 Пар. 26, 21).

въ это время въ царствѣ израильскомъ? Гитцигъ ¹¹⁾ держится того мнѣнія, что въ это время престолъ израильскій оставался незанятымъ; слѣдовательно это время было временемъ междуцарствія; онъ, что особенно замѣчательно, старается при этомъ подтвердить или оправдать свое мнѣніе нѣкоторыми мѣстами изъ книги пророка Осіи (3, 4; 5, 10), гдѣ дѣйствительно говорится о царствѣ израильскомъ, что будетъ время, когда народъ израильскій лишится не только царей и князей, но и возможности отправлять богослуженіе. Но впервыхъ, по самому прямому смыслу этихъ мѣстъ, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя приурочить ко времени отъ Іеровоама II до Захаріи; они несомнѣнно относятся ко временамъ, слѣдовавшимъ за паденіемъ Самаріи, т.-е. ко времени плѣна ассирійскаго. Вторыхъ, предположеніе девятилѣтняго или десятилѣтняго междуцарствія въ это время также и потому же невозможно, какъ и предположеніе 22-лѣтняго междуцарствія, о которомъ мы говорили выше. По нашему мнѣнію болѣе правдоподобно поступаютъ тѣ, которые время отъ 774—764 г. присоединяютъ ко времени правленія Іеровоама II, полагая такимъ образомъ оное не въ 41 годъ, а въ 50 слишкомъ лѣтъ. При томъ же и самое выраженіе Библии (4 Цар. 14. 29) таково, что на основаніи его всего естественнѣе представлять вступленіе на престолъ Захаріи въ непосредственной связи съ концомъ царствованія Іеровоама II: *и усте Іеровоамъ.... и воцарися Захарія вмѣсто его.*

4) Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно времени правленія Факея и Осіи царей израильскихъ, представляющаго довольно значительное затрудненіе въ хронологическомъ отношеніи и послужившаго для Шрадера несомнѣннымъ доказательствомъ невѣрности библейской хронологической системы ¹²⁾.

Мы уже рассмотрѣли выше высказанное для устраненія этого затрудненія мнѣніе, основанное, хотя и несправедливо, на ассирійскихъ надписяхъ. Рассмотрѣніе этого мнѣнія въ связи съ его главнымъ основаніемъ привело насъ къ тому заключенію, что, впервыхъ, правленіе Факея не было прерываемо ка-

¹¹⁾ Geschichte des Volkes Jsrael, s. 186.

¹²⁾ Die Keilinschriften und das alte Testament. s. 122.

кими-либо революціями и возмущеніями и что слѣдовательно, повторныхъ, объясненія для представляющагося затрудненія нужно искать не во времени правленія этого царя, а во времени, слѣдовавшемъ послѣ него. Въ своемъ счисленіи библейскихъ событій мы представили свое объясненіе для устраненія этого затрудненія, когда время отъ 730—724 г., т.-е. отъ конца царствованія Факея до начала правленія Осіи отмѣтили временемъ междуцарствія въ царствѣ израильскомъ. Теперь попытаемся защитить, насколько то возможно, если не объективную истинность, то по крайней мѣрѣ большую правдоподобность этого своего объясненія. Считаемъ лучшимъ начать свою защиту разсмотрѣніемъ объясненія, раздѣляемаго хронологами и представляющагося на первый взглядъ простымъ и естественнымъ.¹³⁾

Устраняють представляющееся затрудненіе тѣмъ, что дѣлають Ахаза, царя іудейскаго, на 8 лѣтъ соправителемъ отцу его Іоаѳаму и представляютъ дѣло въ такомъ видѣ. Іоаѳамъ правилъ 16 лѣтъ неполныхъ; Ахазъ правилъ одинъ четыре года, также неполныхъ, а восемь лѣтъ съ отцемъ; такимъ образомъ отъ вступленія на престолъ Іоаѳама до воцаренія Осіи прошло 19 лѣтъ; а Іоаѳамъ вступилъ на престолъ во второй годъ Факея, царя израильскаго, и значить отъ воцаренія Факея до его умерщвленія протекло 20 лѣтъ. Это объясненіе, повторимъ, представляется на первый взглядъ простымъ и естественнымъ, хотя не таково оно въ своемъ существѣ. Впрочемъ все, что можно сказать противъ него, сводится къ немногому: объясненіе это, желающее повидимому стоять на почвѣ Библии, положительно теряетъ эту почву и становится простымъ предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ. Дѣло въ томъ, что мы рѣшительно не имѣемъ права сокращать число лѣтъ самостоятельнаго царствованія Ахаза, ясно опредѣленнаго въ Библии, дѣлая его на 8 лѣтъ соправителемъ Іоаѳаму. Изъ Библии, по крайней мѣрѣ за періодъ времени отъ Іиуя до самаго плѣна вавилонскаго, мы знаемъ только одинъ примѣръ, когда сынъ былъ соправителемъ своему отцу. Это случилось, какъ мы уже

¹³⁾ Мнѣніе или объясненіе это представлено и раскрыто въ „ислѣдованіи библейской хронологіи“ Спаскаго, стр. 126 и 127.

замѣчали, въ царствованіе Азаріи, соправителемъ котораго былъ сынъ его Іоаѳамъ. Но что же мы можемъ вывести изъ этого примѣра? Мы видимъ прежде всего, что этотъ случай отмѣченъ былъ въ Библии ясно и опредѣленно; посему по аналогіи мы должны заключать, что и второй подобный же случай, еслибъ онъ имѣлъ мѣсто въ правленіе Іоаѳама, т. е. еслибы Ахазъ былъ соправителемъ Іоаѳама, также какъ и первый, былъ бы отмѣченъ въ Библии,—чего однако не оказывается въ дѣйствительности. На основаніи приведеннаго случая мы заключаемъ, что соправительство допускалось у евреевъ въ крайнихъ только случаяхъ и прежде всего въ случаѣ физической неспособности главнаго правителя; но никакой такой неспособности мы не имѣемъ данныхъ предполагать въ Іоаѳамѣ, и потому положительно устраняемъ представленное объясненіе какъ произвольное, не имѣющее для себя никакого подтвержденія въ Библии.

Правда, и истинность нашего объясненія, очевидно только сравнительная, не засвидѣтельствована прямо и положительно Библией. Но, во первыхъ, нѣтъ никакихъ основаній требовать отъ библейскаго писателя, чтобы онъ говорилъ прямо и положительно, что отъ такого-то года и по такой-то г. престолъ израильскій оставался незанятымъ. Заключеніе къ междуцарствію въ настоящемъ случаѣ вытекаетъ уже само собою, когда библейскій писатель говоритъ, что Осія вступилъ на престолъ въ 12 годъ Ахаза и когда съ другой стороны извѣстно, что конецъ правленія предшественника Осія — Факея совпадалъ съ 4 годомъ правленія того же Ахаза. Вовторыхъ, Библия, не говоря прямо и положительно въ пользу представленнаго нами объясненія, оправдываетъ его косвеннымъ образомъ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду самое опредѣленіе Библией начала царствованія Осія. Въ одномъ мѣстѣ (4 Цар. 15, 30) Библия говоритъ, что Осія убилъ Факея и вступилъ на престолъ въ 20 годъ царствованія Іоаѳама (или въ 4 годъ Ахаза, такъ какъ Іоаѳамъ царствовалъ около 16 лѣтъ); между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ она замѣчаетъ, что тотъ же Осія началъ царствовать только въ 12 годъ правленія Ахаза (4 Цар. 17, 1). Это опредѣленіе прямо бросается въ глаза, какъ опредѣленіе един-

ственное въ своемъ родѣ ¹³⁾, и конечно опредѣленіе, сдѣланное съ какою-либо цѣлю. Мы не желаемъ навязывать своего пониманія цѣли этого опредѣленія, а высказываемъ его только какъ свое пониманіе. Если не совсѣмъ удобно видѣть въ замѣчаніи 17 главы 4 кн. Царствъ желанія библейскаго писателя исправить замѣчаніе главы 15, то дѣло, какъ намъ кажется, естественно будетъ представлять такъ: въ 20 годъ Іоаеама произошла въ царствѣ израильскомъ революція; Факей былъ убитъ, но убійца его Осія, захвативши въ свои руки престолъ, не могъ прочно утвердиться на немъ вдругъ; онъ укрѣпилъ за собой этотъ престолъ уже въ 12 году Ахаза. И это весьма естественно, ибо изъ надписи Тиглатъ-Фелассара мы видѣли, что претендентомъ на престолъ израильскій былъ не одинъ Осія; весьма естественно далѣе, что эти претенденты, въ видахъ упроченія этого престола каждый за собою, обратились къ Тиглатъ-Фелассару, желая расположить его каждый на свою сторону,—чего однако, и безъ сомнѣнія не скоро, добился именно одинъ изъ нихъ—Осія. Не противорѣчитъ нашему объясненію (предположенію междуцарствія отъ смерти Факея до начала царствованія Осіи) и самый характеръ того времени: то было время непрерывныхъ, начиная со времени правленія Захаріи, сына Іеровоама II, и въ непродолжительномъ времени слѣдовавшихъ одна за другою революцій въ царствѣ израильскомъ.

Ближайшій выводъ, который можно сдѣлать изъ представленнаго нами счисленія библейскихъ событій для вопроса объ отношеніи двухъ хронологій — библейской и ассирійской, можетъ быть только тотъ, что разница между этими хронологіями вовсе не такъ значительна, какою она представляется Шрадеру; и нужно сдѣлать небольшія лишь измѣненія въ ассирійскомъ канонѣ правителей, что надѣемся, будетъ возможно сдѣлать въ

¹³⁾ Обыкновенный въ Библии способъ опредѣленія начала царствованія царя тотъ, когда время вступленія на престолъ напр. израильскаго царя опредѣляется по времени правленія одного изъ царей іудейскихъ (разумѣемъ періодъ времени отъ раздѣленія царства еврейскаго и до паденія Самаріи): *въ лѣто пятнадцатъ Амессіи.... царствова Іеровоамъ*, или наоборотъ, но нигдѣ оно не опредѣляется по времени двухъ царей іудейскихъ вмѣстѣ, какъ это сдѣлано относительно начала правленія Осіи.

недалекомъ будущемъ, чтобы привести его хронологическія замѣчанія къ желаемому согласію съ библейской хронологической системой.

Въ заключеніе всего своего изслѣдованія мы считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее. Мы слѣдили за преемственностію событій двухъ параллельныхъ царствъ народа еврейскаго по показаніямъ Библии и только въ очень немногихъ случаяхъ должны были обращаться къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, именно тамъ, гдѣ показанія Библии представлялись темными. Слѣдили за преемственностію событій по показаніямъ Библии потому, что не имѣли положительно никакихъ поводовъ уклоняться отъ нихъ, какъ неточныхъ и даже невѣрныхъ. И если посему окажется, а окажется несомнѣнно, что счисленіе библейскихъ событій, представленное нами, не сойдется съ хронологіей ассирійскихъ памятниковъ, то мы не прежде согласимся признать за послѣдней значеніе хронологіи безусловно вѣрной и точной, какъ показано будетъ, въ чемъ именно погрѣшаютъ библейскія хронологическія показанія относительно того или другаго событія изъ исторіи народа еврейскаго? Или: тамъ, гдѣ показанія Библии дѣйствительно темны, мы не прежде можемъ признать ихъ ложными, какъ это дѣлаетъ Шрадеръ, и не прежде будемъ заключать отъ нихъ ко всей хронологической системѣ Библии, какъ показано будетъ, что этихъ темныхъ показаній не возможно разъяснить, а разности между хронологіями двухъ царствъ еврейскихъ, гдѣ они дѣйствительно замѣчаются, невозможно примирить. Но пока этого не будетъ сдѣлано защитниками ассирійскихъ хронологическихъ показаній, мы не можемъ признать ихъ показаніями объективно вѣрными и именно потому только, что они суть показанія ассирійскихъ памятниковъ, вновь открытыя, и увѣрены, что никто не будетъ упрекать насъ по этому поводу въ маловѣріи или, лучше, въ невѣріи въ открытія современной науки.

Милій Стафилевскій.

НАТУРАЛИСТЪ УОЛЛЭСЪ И ЕГО РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ *).

(По поводу переводовъ книги Уоллеса: *Естественный подборъ* 1878 г.).

III.

Возраженія Н. П. Вагнера Уоллэсу и краткій разборъ этихъ возраженій.

Профессоръ Вагнеръ находитъ ненаучнымъ дѣломъ обращаться къ предположенію творческо-промыслительной дѣятельности высочайшаго Разума и высочайшей Воли для объясненія происхожденія у человѣка тѣхъ физическихъ и духовныхъ особенностей, которыя натуралисту Уоллэсу представляются неизъяснимыми съ точки зрѣнія обычныхъ натуральныхъ дѣтелей, условливавшихъ и направлявшихъ развитіе остальной органической жизни на землѣ. Проф. Вагнеру кажется, что объясненіе Уоллеса, касающееся происхожденія у человѣка нѣкоторыхъ физическихъ и духовныхъ особенностей, расходясь не только съ объясненіями фактовъ, но и съ самыми фактами современной эмбриологіи, разрываетъ естественную связь, цѣльность явленій мыслью объ особомъ вмѣшателствѣ организующей силы. Нашъ отечественный натуралистъ не только находитъ возможнымъ объяснить съ точки зрѣнія естественныхъ дѣтелей происхож-

*). См. ноябр. кн. „Правосл. Обзорнія“ за 1878 годъ.

деніе у человѣка этихъ особенностей, но и предлагаетъ такого рода изъясненіе замѣчательныхъ феноменовъ, выделяющихъ человѣка повидимому изъ ряда другихъ существъ. Тогда какъ у Уоллеса и сравнительно очень большой мозгъ первобытнаго человѣка и дикарей, и отсутствіе волосъ на спинѣ ихъ, и ихъ голосовыя средства, и умственно-нравственные качества изъясняются, какъ плодъ вліянія высшаго разумно-свободнаго существа, проф. Вагнеръ всѣ эти особенности, рѣзко отличающія человѣка отъ другихъ существъ, выводитъ изъ строго-естественныхъ причинъ. Чѣмъ же и какъ Н. П. Вагнеръ объясняетъ то, что заставило знаменитаго англійскаго натуралиста Уоллеса съ непредзантой научной точки зрѣнія допустить живое и непосредственное участіе высочайшаго Существа въ процессъ происхожденія человѣка? Прежде, чѣмъ мы будемъ высказывать свои замѣчанія на тѣ или другія возраженія, направляемыя г. Вагнеромъ противъ Уоллеса, постараемся изложить эти послѣднія съ полной объективностью и желательной обстоятельностью, чтобы читатель самъ могъ быть судьей въ томъ, кто наиболѣе правъ—Уоллесъ или нашъ отечественный противникъ этого ученаго.

а) Эмбриологія, т.-е. наука о зачаточномъ состояніи животныхъ организмовъ, говоритъ г. Вагнеръ, свидѣтельствуетъ, что сильное, непропорціональное развитіе мозга есть общее морфологическое, т.-е. относящееся къ строенію животныхъ, явленіе. Это явленіе замѣчается у всѣхъ зародышей суставчатыхъ и позвоночныхъ животныхъ. Его мы видимъ не только въ рядахъ индивидуальнаго или единичнаго развитія животныхъ, но и въ развитіи цѣлыхъ группъ ихъ. И это явленіе вполнѣ естественно, если мы обратимъ вниманіе на законы роста организмовъ ¹⁾.

¹⁾ Эти законы—законъ инерціи и законъ концентраціи органовъ, какъ выражается г. Вагнеръ. По первому изъ нихъ, органъ, разъ вызванный къ увеличенію или удлинненію, развивается до тѣхъ поръ, пока какія-нибудь внѣшнія или внутреннія причины не положатъ преждѣла этому развитію. По закону же концентраціи органовъ, одинаковые органы, появляющіеся у разныхъ животныхъ какъ бы независимо другъ отъ друга въ видѣ совершенно отдѣльныхъ зачатковъ, сливаются у высшихъ въ одинъ органъ, который отъ этого выигрываетъ въ массѣ и является болѣе способнымъ для свойственныхъ ему отправленій или приспособленій къ потребной для организма дѣятельности.

Далѣ, всякому извѣстно, что у дѣтей и младенцевъ голова непропорціонально велика. Ихъ мозгъ отчасти подходитъ по величинѣ къ мозгу взрослого человѣка. И это явленіе понятно: въ мозгу ребенка преобладаетъ растительный процессъ предъ всякимъ инымъ. Непропорціональность мы встрѣчаемъ не только въ развитіи мозга, но и въ развитіи почти всѣхъ органовъ. Каждый изъ нихъ проходитъ эту элементарную фазу роста и физиологическихъ неудобствъ, исчезающихъ въ послѣдствіи, когда всѣ элементы органа примутъ благоустроенную форму. Понятно теперь, откуда происходитъ относительно сильное развитіе мозга у низшихъ человѣческихъ расъ. Что же касается вопроса, на который особенно ударяетъ Уоллэсъ,—именно какимъ образомъ появляются въ мозгу такія части, дѣятельность которыхъ еще не опредѣлилась и не обнаруживается въ соответственномъ имъ видѣ, то и на этотъ вопросъ можно дать объясненіе, не выводящее за предѣлы естественныхъ дѣятелей. Существованіе указанныхъ частей въ мозгу при неопредѣлившимся управленіяхъ дѣйствительно противорѣчитъ слѣдующему основному правилу: *морфологическія явленія зависятъ отъ функций органа, какъ таковыя, которыя вызываютъ и обуславливаютъ его форму и строеніе.* Но это противорѣчіе имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы не были взяты во вниманіе нынѣшнія данныя по вопросу о развитіи организмовъ. Строеніе органовъ у животныхъ не зависитъ только отъ ихъ дѣятельности, но и обуславливается какъ у низшихъ, такъ и у высшихъ животныхъ физическими и химическими свойствами тканей, нося такимъ образомъ вполне самостоятельный характеръ. Съ другой стороны, приспособленія органовъ къ чему-либо проходятъ чрезъ функцію нервной системы и ею безсознательно управляются. Понятно, что то вліяніе, которое заставляетъ какой-либо организмъ приспособляться къ опредѣленной дѣятельности, должно быть очень сильнымъ, чтобы оно въ состояніи было вызвать къ бытію какой-нибудь органъ или видоизмѣнить уже существующій. Обыкновенно же этого рода явленія приспособляющими вліяніями производится постепенно и едва замѣтно. Если еще дѣло касается какого-нибудь вышшняго органа, то появленіе его или видоизмѣненіе можетъ быть быстро подвинуто впередъ вышшними побужденіями и внутреннимъ стремленіемъ нервной системы. Но тамъ, гдѣ

явленіе происходитъ внутри организма, гдѣ оно предоставлено исключительно одной организующей физиологической силѣ, гдѣ оно касается такого сложнаго, малоподвижнаго и трудно вырабатывающагося органа, какъ мозгъ, тамъ процессъ выработки или видоизмѣненія органа совершается медленно и имѣетъ нѣсколько иную форму. Мозгъ съ его сложнымъ строеніемъ не можетъ явиться во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Медленно, безъ вѣдома организма, работаетъ въ немъ скрытый мастеръ, передавая свою работу наследственно изъ поколѣнія въ поколѣніе другимъ мастерамъ. Понятно, еслибы морфологическіе результаты этой работы увидалъ человѣкъ, незнакомый съ этимъ скрытымъ процессомъ, то онъ, подобно Уоллэсу, приписалъ бы ихъ дѣйствіе особой силѣ, неимѣющей ничего общаго съ физиологическими силами организма. Но это явленіе мы можемъ подмѣтить и во внѣшнихъ органахъ. Поучительный примѣръ этому представляетъ *Lepidosiren*. У него явились первообразы четырехъ оконечностей, которыя не имѣютъ никакого физиологическаго назначенія. Эти оконечности скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ способствуютъ движенію животнаго. Поднимаясь выше мы встрѣтимъ въ оконечностяхъ протей первообразы пальцевъ, которые также ни къ чему не служатъ и не могутъ служить. Мы не можемъ объяснить регрессомъ рудиментарность этихъ оконечностей, такъ какъ вмѣстѣ съ ними является недоразвитость и въ другихъ частяхъ организма. Въ противномъ случаѣ пришлось бы считать *весь* организмъ атрофированнымъ, что едва ли возможно.

Таково объясненіе, которое даетъ г. Вагнеръ относительно устройства человѣческаго мозга. Сравнивая это объясненіе съ тѣмъ, какое предлагаетъ Уоллэсъ, мы затрудняемся признать какое-либо логическое значеніе за соображеніями нашего отечественнаго натуралиста. Эти соображенія, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не объясняютъ того, почему не только у теперешнихъ низшихъ человѣческихъ расъ, но и у доисторическаго человѣка времяя мамонта и пещернаго медвѣдя мозгъ по своему объему приближается къ мозгу развитыхъ европейцевъ, будучи въ то же время необычайно больше мозга, свойственнаго обезьянамъ самыхъ повидимому близкихъ къ человѣку породъ. То обстоятельство, что непропорціональное развитіе мозга есть

общее морфологическое явленіе, свойственное всѣмъ зародышамъ суставчатыхъ и позвоночныхъ животныхъ, едва ли даже нужно было поставлять на видъ для объясненія того явленія, о которомъ идетъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, чтó же изъ того слѣдуетъ, что въ эмбрионическомъ состояніи у всѣхъ животныхъ мозгъ является непропорціонально развитымъ сравнительно съ другими частями организма? Въ эмбрионическомъ состояніи на извѣстныхъ ступеняхъ его развитія встрѣчается не этого только рода сходство между человѣкомъ и другими животными. Первоначально зародышъ, рассматриваемый даже подъ самымъ сильнымъ микроскопомъ, не представляетъ въ себѣ ни малѣйшаго подобія сформировавшагося организма, какому бы живому существу онъ ни принадлежалъ. На первой ступени развитія всѣ зародыши до того поразительно сходны, что даже между зародышемъ человѣческимъ и зародышемъ животнаго, стоящаго на самой низкой ступени зоологической лѣстницы, не оказывается никакого значительнаго различія. Можно ли что-нибудь сказать относительно происхожденія какого-либо существа или относительно происхожденія тѣхъ или другихъ органовъ у животнаго на основаніи подобнаго рода данныхъ, почерпаемыхъ изъ области эмбриональнаго развитія живыхъ существъ? Очевидно, на такихъ данныхъ ничего нельзя построить, основываясь только на нихъ. Точно также и свойственное животнымъ въ эмбриональномъ состояніи непропорціональное сильное развитіе мозга ничего не говоритъ о томъ, почему же это человѣку первобытному и грубѣйшему изъ дикарей природа дала такой мозгъ, который не въ эмбриональномъ, а въ совершенно уже развитомъ состояніи человѣка оказывается превышающимъ столь рѣшительно размѣръ мозга даже у наиболѣе близкихъ къ человѣку обезьянъ и возвышающимся надъ наличными потребностями самаго человѣка въ его нецивилизованномъ состояніи? Въ этомъ вся сущность вопроса. Требуется объяснить, какимъ образомъ произошло то, что у человѣка не только въ эмбрионическомъ состояніи мозгъ является непропорціонально развитымъ, но остается непропорціонально развитымъ сравнительно съ потребностями первобытнаго человѣка или дикаря и тогда, когда человѣкъ является членомъ не эмбриональнаго, а другаго міра. Непропорціональное развитіе мозга въ эмбриональномъ состояніи животныхъ имѣетъ свои

причины. Что же общаго и тождественнаго между этими причинами и причиною того явленія, на которое указываетъ Уоллэсъ? На это г. Вагнеръ не обращаетъ вниманія. Съ другой стороны, сильное развитіе мозга у животныхъ въ эмбриональномъ состояніи не мѣшаетъ существенному различію между мозгомъ высшихъ животныхъ и человѣческимъ, какъ увидимъ сейчасъ. Сходство между разными животными другъ съ другомъ и даже съ человѣкомъ въ эмбрионическомъ состояніи не есть тождество ихъ. Еслибы это было такъ, то изъ яйца напр. рыбы могло бы развиваться всякое другое животное. Если же этого не бываетъ и быть не можетъ, то изъ этого слѣдуетъ, что сходство между зародышами на самомъ дѣлѣ является внѣшнимъ и кажущимся. Да и долго ли продолжается такое сходство зародышей, принадлежащихъ разнымъ существамъ, которое мѣшаетъ различенію ихъ? Относительно этого Карлъ Фохтъ говоритъ слѣдующее: „только изъ пристрастія къ идеѣ не хотятъ замѣтить, что съ самаго начала уже въ зародышахъ являются типическія основныя различія, кладущія свою неизмѣнную печать на всю организацію и никогда не уничтожающіяся... Совершенно справедливо, что зародыши высшихъ животныхъ во время своего эмбриональнаго развитія проходятъ фазы, аналогичныя съ постоянными формами низшихъ животныхъ. Однако эта аналогія никогда и ни въ какомъ случаѣ не заходитъ такъ далеко, чтобы за нею совершенно исчезалъ частный планъ организаціи животнаго“^{*)}. Но если вообще особенности организаціи даннаго индивидуума выступаютъ очень рано и въ эмбрионическомъ состояніи, то и особенности въ строеніи человѣческаго мозга должны проявляться уже въ періодъ эмбриональной жизни. И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуетъ наука, у человѣка уже въ зародышевомъ состояніи самая передняя часть мозга, изъ числа пяти лежащихъ другъ подъ другомъ частей его, очень скоро развивается до весьма замѣтной величины, тогда какъ у всѣхъ животныхъ, не исключая и обезьянъ, эта часть мозга остается всегда малою. Такимъ образомъ, мозгъ человѣка и въ эмбрионическомъ состояніи является, по существенному своему строенію, рѣзко отлич-

*) Зоологическія письма. Перев. стр. 288 и др. См. также замѣтки къ Естественной исторіи мірозданія (стр. 182, 192 и проч.).

нымъ отъ мозга другихъ животныхъ, хотя бы мы останавливались только на объемъ его. Чѣмъ же это объяснить г. Вагнеръ? Какъ видимъ, сказанное имъ не разъясняетъ явленія, на которое указываетъ Уоллэсъ, а лишь затемняетъ дѣло. Ссылка г. Вагнера на законы роста—физиологическую инерцію и концентрацію органовъ нисколько не вынуждаютъ нашу мысль отвергнуть объясненіе, предлагаемое Уоллэсомъ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ же законамъ роста подчинено развитіе мозга и у животныхъ. Отъ чего же мозгъ человѣческой дѣлаетъ въ своемъ развитіи такой скачекъ, какового незамѣтно въ развитіи мозга животныхъ? Съ другой стороны, серьезно говоря, эти законы ничего не разъясняютъ въ исторіи развитія животныхъ. Законы эти суть не болѣе, какъ указаніе того, что бываетъ при данныхъ условіяхъ. Но что же именно такъ комбинируетъ или сочетаваетъ эти условія, что они становятся способными вызывать такое, а не иное явленіе? Да и могутъ ли какія бы то ни было условія дать организму то, къ чему въ немъ самомъ нѣтъ надлежащихъ задатковъ?

Далѣе, мы не можемъ считать удовлетворительною и ссылку Н. П. Вагнера на то, что-де у людей въ первые годы ихъ жизни голова непропорціонально велика. Что же въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ изъ этого факта для разъясненія явленія, на которое указываетъ Уоллэсъ? Очевидно, ничего. Тотъ фактъ, что у человѣка въ первые годы его жизни мозгъ очень большого объема, вполне понятенъ: такой мозгъ природа должна подготовить заранее съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее развитіе духовныхъ способностей человѣка имѣло для себя подходящій матеріальный органъ. Н. П. Вагнеръ хочетъ непропорціональное развитіе мозга у младенцевъ и дѣтей объяснить преобладаніемъ въ немъ растительнаго процесса предъ всякимъ инымъ. Допустимъ, что это — вполне достаточное объясненіе. Но объясняется ли изъ преобладанія растительныхъ процессовъ въ мозгу относительно сильное развитіе мозга у низшихъ человѣческихъ расъ? Отнюдь нѣтъ. Всякій, кто безпристрасно поразмыслитъ, согласится съ нами, что преобладаніе въ мозгу растительнаго процесса надъ всякимъ инымъ непремѣнно должно предполагать и у животныхъ, оканчивая обезьянами, какъ наиболѣе приближающимися по своему строенію къ человѣку. Почему же у нихъ мозгъ такъ рѣзко

отличается отъ человѣческаго? Принимая же во вниманіе, что у маленькой напр. обезьяны растительный процессъ въ мозгу долженъ выдвигаться еще сильнѣе предъ всякимъ другимъ, чѣмъ у человѣка въ дѣтскомъ состояніи, не въ правѣ ли мы предположить, что у маленькой обезьяны мозгъ долженъ представлять еще болѣе сильное непропорціональное развитіе? Быть-можетъ Вагнеръ своей ссылкою на то, что у людей въ дѣтскомъ состояніи голова непропорціонально велика, хочетъ сказать только то, что-де излишки въ строеніи животныхъ и человѣка—вообще дѣло обычное и что такимъ образомъ Уоллэсу нѣтъ основаній предполагать воздѣйствіе высочайшаго Разума и высочайшей Воли на процессъ происхожденія человѣка на основаніи несоотвѣтствія объема человѣческаго мозга съ его отправленіями у низшихъ человѣческихъ расъ. Но и въ этомъ случаѣ г. Вагнеръ, по нашему мнѣнію, неправъ, ополчаясь противъ Уоллэса. Дѣло въ томъ, что Уоллэсъ говоритъ объ объемѣ мозга у вполне уже сформировавшихся людей и такъ-называемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Къ чему же Н. П. Вагнеръ останавливается на дѣтскихъ, далеко еще не сформировавшихся, организамахъ? Не самъ ли онъ говоритъ, что разнаго рода излишки или недочеты исчезаютъ у живыхъ существъ, когда организмъ принимаетъ благоустроенную форму? Относительно этихъ благоустроенныхъ формъ организмовъ и нужно показать, почему именно въ организаціи низшихъ человѣческихъ расъ въ отношеніи къ мозгу замѣчается такое явленіе, которое всего естественнѣе ожидать у высшихъ человѣческихъ расъ. Или организмъ дикарей не принялъ еще вполне благоустроенной компактной формы? Если такъ думаетъ нашъ ученый профессоръ, то онъ обязанъ былъ показать, какую форму человѣческаго организма онъ считаетъ благоустроенной вполне и компактной. Но если этого онъ не сдѣлалъ, то по крайней мѣрѣ вызывался существомъ дѣла указать, хорошимъ или нехорошимъ считаетъ онъ мозгъ, данный низшимъ человѣческимъ расамъ, т.-е. гармонирующимъ или негармонирующимъ съ остальными органами ихъ и вообще съ устройствомъ всего ихъ организма. Но такъ какъ этого мы не находимъ у г. Вагнера, то мы не можемъ придавать никакого научнаго значенія параллелямъ, проводимымъ

нмъ между объемомъ мозга у дѣтей и у низшихъ человѣческихъ расъ.

Такимъ образомъ, ни ссылки на мозгъ живыхъ существъ въ эмбрионическомъ состояніи, ни ссылки на мозгъ человѣка въ дѣтскомъ періодѣ жизни этого послѣдняго не заключаетъ въ себѣ никакого объясненія того важнаго факта, на который обращаетъ вниманіе ученыхъ англійскій знаменитый натуралистъ. А если наша мысль справедлива, то значитъ, остается нисколько непоколебленною идея Уоллеса касательно истинной причины существованія у низшихъ человѣческихъ расъ такого мозга, который превышаетъ размѣры потребностей въ немъ. Мало того: идея Уоллеса выигрываетъ въ своей твердости отъ того, что несогласныя съ нею объясненія лопаются на подобіе мыльного пузыря... Приведенныя г. Вагнеромъ соображенія и данныя могли бы еще имѣть силу, еслибы онъ доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что между объемомъ мозга и размѣрами умственныхъ способностей не существуетъ органической связи. Но доказалъ ли онъ это? Не только не доказалъ, но и не пытался доказать. Впрочемъ, принимая въ соображеніе нѣкоторыя статьи г. Вагнера, въ которыхъ онъ касается этого предмета, мы въ правѣ думать, что онъ въ этомъ отношеніи не расходится или по крайней мѣрѣ не долженъ бы расходиться съ Уоллэсомъ. Нашъ профессоръ даже у пчель открываетъ соотвѣтствіе между развитостью мозга и интеллектуальными способностями. Разсматривая отношенія этихъ послѣднихъ у трехъ членовъ пчелиной общины: а) у такъ-называемыхъ матокъ или царицъ; б) у временно, лѣтомъ только, существующихъ самцовъ или трутней и в) у самыхъ дѣятельныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интеллигентныхъ особей—такъ-называемыхъ рабочихъ пчель или недоразвитыхъ самокъ, говоритъ г. Вагнеръ, мы встрѣчаемъ наиболѣе развитый мозгъ, какъ и слѣдовало ожидать, у пчель рабочихъ, но это развитіе совершилось въ ущербъ развитію нервной системы половыхъ органовъ. Затѣмъ, по силѣ развитія мозга слѣдуетъ матка или вполне организованная самка. Наконецъ, трутни представляютъ самое слабое развитіе мозга. Почти такое же явленіе, и притомъ въ болѣе рѣзкой формѣ, продолжаетъ нашъ ученый, мы встрѣчаемъ у муравьевъ. Здѣсь неодинаковое развитіе мозга у различныхъ членовъ общины можно замѣ-

тять даже снаружи—въ устройствѣ головы“⁴⁾). Справедливость требуетъ однако сказать, что г. Вагнеръ въ другомъ случаѣ высказываетъ слѣдующее: „по объему органа нельзя судить о силѣ его функций“⁵⁾). Мы лично не имѣемъ никакихъ причинъ защищать абсолютную зависимость отъ объема мозга умственныхъ способностей. Въ настоящемъ случаѣ и дѣло—не въ этомъ. Важно то, чѣмъ и какъ опровергаетъ Уоллеса г. Вагнеръ. Это опроверженіе и здѣсь является несостоятельнымъ по нашему крайнему разумѣнію. Г. Вагнеръ то приводитъ факты, свидѣтельствующіе сами по себѣ въ пользу связи между размѣрами мозга и силою умственныхъ способностей, то въ противорѣчіе этимъ фактамъ отрицаетъ эту связь. Наше удивленіе еще болѣе возрастаетъ, когда мы узнаемъ, что отрицаніе этого рода связи у него основывается на фактѣ сравнительно большаго объема мозга у молодыхъ, чѣмъ у взрослыхъ, животныхъ⁶⁾). Для рѣшенія вопроса о существованіи или объ отсутствіи связи между объемомъ мозга и силою умственныхъ способностей не резоннѣ ли было бы сравнивать молодыхъ и молодыхъ различныхъ животныхъ, а не старыхъ съ молодыми? Какъ бы то ни было, но г. Вагнеръ впадаетъ самъ съ собою въ противорѣчіе по вопросу о связи между объемомъ мозга и силою умственныхъ способностей. Что же касается Уоллеса, то его мнѣніе въ этомъ отношеніи не только ярко опредѣленно, но и опирается на такіе факты, которые г. Вагнеру едва ли когда-нибудь удастся изяснить въ смыслѣ противоположномъ. Тотъ фактъ, что у молодыхъ животныхъ сравнительно мозгъ больше, чѣмъ у старыхъ, не только не свидѣлствуетъ противъ Уоллеса, но и не можетъ свидѣлствовать. Въ эмбрионическомъ состояніи животныхъ непропорціональность между разными органами является иногда еще болѣе поразительной. И это конечно извѣстно англійскому натуралисту. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Сильное развитіе нѣкоторыхъ органовъ, скажетъ Уоллесъ, является полезнымъ

⁴⁾ См. стр. 727 въ 12 кн. „Вѣстника Европы“ за 1871 годъ въ статьѣ: *Куда идетъ зоологія.*

⁵⁾ Стр. 199 въ 3 кн. „Вѣстника Европы“ за 1877 г. въ статьѣ: *Индивидуальныя измѣненія, ихъ причины и результаты.*

⁶⁾ Ibid.

дѣломъ для общей жизни и общаго развитія зародыша. Равнымъ образомъ указываемый г. Вагнеромъ фактъ скорѣе способенъ служить новымъ аргументомъ въ пользу мысли Уоллеса. Такъ какъ мозгъ у людей въ дѣтскомъ состояннн больше мозга молодыхъ животныхъ. то, значить, первый развитъ намѣренно въ виду будущихъ потребностей взрослога человѣка, которыя предусмотрѣны и условіе удовлетворенія которыхъ предопредѣлено заблаговременно....

Н. П. Вагнеръ находитъ, что при разъясненіи происхожденія у человѣка того феномена, на который указываетъ Уоллэсъ, дѣло не въ оной величинѣ мозга. Главный же вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ появляются въ мозгу такія части, функція которыхъ еще не опредѣлились. Последняго рода явленія, по мнѣнію самого нашего ученаго, находятся въ прямомъ противорѣчнн съ *всеобщимъ* физиологическимъ закономъ, который лежитъ въ основѣ *всѣхъ* измѣненій и приспособленій организма, по которому функціонная сила каждаго органа можетъ развиваться *только* въ силу прогрессивно возрастающей его дѣятельности. Для насъ очень важно, что самъ г. Вагнеръ говоритъ о значеніи этого закона, и потому мы приведемъ его собственные слова, въ которыхъ указывается значеніе закона, называемаго у него закономъ „физиологическаго упражненія“. Въ силу этого закона, говоритъ онъ, каждая мышца погибаетъ, атрофируется, если она остается безъ упражненія. И это слѣдствіе распространяется не только на отдѣльныя мышцы, но и на всѣ мышечныя волокна, въ какомъ бы органѣ онѣ ни залегали. Обезсиливаются и атрофируются двигающія волокна сердца и сосудовъ, пищеварительнаго канала и всякихъ железъ. Точно также слабѣетъ безъ употребленія и дѣятельность самихъ железъ. Кишечный каналъ лишается своей ассимилирующей способности, легкія убываютъ, когда грудная кѣтка становится недѣятельною. Наконецъ, и *нервная* система во *всѣхъ* ея частяхъ, какъ центральныхъ, такъ и периферическихъ, подчиняется тому же всеобъемлющему *неизмѣнному* закону. Но этотъ законъ распространяется и на психическую дѣятельность. Умъ коснѣетъ и неразвивается, если мысль спитъ и не работаетъ. Таланты глоснуть безъ развитія. Всѣ способности требуютъ упражненія. Всѣ чувства вырабатываются, развиваются, усиливаются

упражненіемъ, хорошія и дурныя привычки пріобрѣтаются навѣкомъ—постояннымъ упражненіемъ той или другой части нервной системы въ ту или другую сторону. Если мы посмотримъ на этотъ принципъ шире и глубже, то увидимъ, что онъ не только фізіологическій, но и общій физическій. По крайней мѣрѣ извѣстенъ одинъ фактъ этого закона въ явленіяхъ магнетизма. Извѣстно, что сила магнита увеличивается отъ упражненія. Со временемъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдется такихъ фактовъ еще больше. Быть-можетъ откроется, что всѣ физическія силы имѣютъ это свойство наростать, развиваться вслѣдствіе упражненія⁶⁾. Если, какъ оказывается, самъ г. Вагнеръ съ полною рѣшительностью признаетъ, что функциональная сила cadaго органа можетъ развиваться только въ силу прогрессивно возрастающей его дѣятельности, то чѣмъ же и какъ онъ онъ объясняетъ появленіе въ мозгу такихъ частей, свойственная которымъ дѣятельность еще не началась? По мнѣнію г. Вагнера, появленіе въ мозгу частей можетъ условливаться физическими и химическими свойствами тканей и быть такимъ образомъ продуктомъ самодѣятельности самого организма. Вотъ и еще ничего необъясняющее объясненіе! Въ самомъ дѣлѣ, можно ли объяснять явленіе, находящееся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій со всеобщимъ и неизмѣннымъ закономъ фізіологическаго упражненія, физическими и химическими свойствами тканей или самодѣятельности организма? Если указываемый г. Вагнеромъ законъ имѣетъ такую всеобщую и неизмѣнную силу, то вѣдь и самодѣятельность организма должна подчиняться ему. Ткани организма въ связи съ отличающимися ихъ свойствами должны выработываться не иначе, какъ подъ опредѣляющимъ воздействием этого же закона. Или указываемый г. Вагнеромъ законъ не имѣетъ приписываемой ему силы, или объясненія г. Вагнера не имѣютъ научнаго смысла. Откуда затѣмъ взялись только въ мозгу извѣстныхъ существъ такого рода ткани, и почему самодѣятельность только извѣстныхъ организмовъ направляется къ выработкѣ такихъ частей въ мозгу, которыхъ нѣтъ ни у кого изъ животныхъ кромѣ человека? Г. Вагнеръ своими тол-

⁶⁾ Стр. 136 въ 3-й кн. „Вѣстника Европы“ за 1877 годъ, въ статьѣ: „Индивидуальныя измѣненія, ихъ причины и результаты“.

кованіями силится устранить воздѣйствіе высочайшаго Существа на процессъ происхожденія у человѣка нѣкоторыхъ весьма важныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей, а между тѣмъ представляетъ для этого такого рода данныя, которыя принудительно ведутъ всякую трезвую и логическую мысль къ выводамъ тождественнымъ съ выводами Уоллэса. Да и откуда извѣстно нашему ученому, что извѣстнаго рода физическія и химическія свойства тканей заключаютъ въ себѣ тенденцію или стремленіе вызывать извѣстныя измѣненія органовъ у живыхъ существъ или созидать новые органы? Чѣмъ ограничиваться темною и голословною ссылкой на свойства ткани, Г. Вагнеру слѣдовало бы разъяснить, какія именно физическія и химическія свойства тканей обуславливаютъ самодѣятельность организма, направленную къ достиженію опредѣленныхъ важныхъ результатовъ относительно морфологическихъ измѣненій мозга. На этого рода требованіе г. Вагнеръ можетъ сказать: различія здѣсь касаются такихъ тонкихъ свойствъ, которыя не могутъ уловлены нашими современными методами и инструментами, а между тѣмъ результаты свойствъ элементовъ образующихъ ткани такъ рѣзко бросаются въ глаза, что сомнѣнію въ ихъ существованіи вовсе не можетъ быть мѣста ¹⁾. Прекрасно! Если натуралистъ даже не имѣетъ никакой возможности подмѣтить и изслѣдовать различія между такими вещами, которымъ онъ приписываетъ слишкомъ важную дѣятельность, то не значить ли это, что онъ строитъ свое предположеніе не на фактахъ, а на полномъ невѣдѣніи ихъ? Какое положительное ручательство онъ можетъ представить, что данныя явленія составляютъ не иное что какъ результатъ однихъ самихъ по себѣ взятыхъ неизвѣстныхъ элементовъ матеріи? Чѣмъ разумнѣе между собою у разныхъ существъ эти результаты, тѣмъ меньше основанийъ приписывать ихъ дѣйствію однихъ элементовъ матеріи. Или только въ человѣческомъ организмѣ ткани отличаются свойствами, ведущими къ выработкѣ извѣстныхъ особенностей въ строеніи мозга? Если такъ, то кто же снабдилъ ими или составилъ изъ нихъ человѣческій организмъ? Лучшимъ отвѣтомъ

¹⁾ Ibid, стр. 197.

и на этототъ вопросъ является опять мысль Уоллеса. Еслибы натуралистъ и имѣлъ возможность уловить и ясно опредѣлить для себя связь между извѣстными элементами матеріи и извѣстными своеобразными измѣненіями въ строеніи прежнихъ органовъ или появленіе новыхъ органовъ у человѣка, и тогда онъ не имѣлъ бы еще основанія сводить все это къ самодѣтельности человѣческаго организма съ отличающими его тканями. И въ этомъ случаѣ возникаетъ самъ собою вопросъ: откуда же и какимъ образомъ, съ одной стороны, взялись у матеріальныхъ элементовъ такія особенности, которыя оказываются способными предопредѣлять собою появленіе мозга съ его разнообразными высшими духовными отправлениями, а съ другой стороны, почему только въ человѣкѣ онѣ являются способными къ такой работѣ, для какой у нихъ не хватаетъ средствъ въ животныхъ организмахъ? Пока г. Вагнеръ не дасть удовлетворительнаго отвѣта на этотъ и подобные вопросы, здравая логика заставляетъ насъ скорѣе прикнудить къ Уоллэсу съ нашими научными симпатіями, чѣмъ къ отечественному натуралисту. Кажется, и всякій непредубѣжденный человѣкъ иначе долженъ поступить.

Мысль г. Вагнера, что всѣ причины измѣняемости организмовъ нельзя сводить къ однимъ внѣшнимъ факторамъ, но что необходимо признать и за организмомъ самостоятельный починъ къ потребнымъ измѣненіямъ и направленіе этихъ измѣненій, сама по себѣ весьма почтенная и справедливая мысль. Г. Вагнеръ, по нашему убѣжденію, глубоко ошибается въ томъ только, что онъ воображаетъ; будто бы его мысль о самодѣтельности организмовъ въ дѣлѣ ихъ развитія устраняетъ мысль Уоллеса касательно непосредственнаго и живаго участія высшаго существа въ процессъ происхожденія человѣка. Развѣ сама по себѣ взятая мысль о самодѣтельности организма устраняетъ участіе высшаго существа въ процессъ прогрессивныхъ измѣненій организма? По ученію самаго же г. Вагнера, конечная цѣль, къ которой стремится организмъ въ своихъ самодѣтельныхъ измѣненіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы выработать такой въ высшей степени сложный и совершенный организмъ, въ которомъ бы всѣ отправления представляли намъ *высшую* степень

цѣлесообразности и гармоніи ⁸⁾. Гдѣ есть идея цѣлесообразности и гармоніи, тамъ не могутъ дѣйствовать однѣ слѣпыя, лишенные мысли и воли силы. Скажутъ: законы природы таковы, что подѣ влияніемъ ихъ предметы и явленія природы сами по себѣ, безъ всякаго руководства и направленія со стороны какой-либо разумно-свободной силы, дѣйствуютъ и совершаются цѣлесообразно и гармонично. Мы уже замѣчали, что законы природы суть не иное что, какъ указаніе на то, что при извѣстныхъ условіяхъ всегда бываетъ такъ, а не иначе. Объяснить цѣлесообразность и гармонію въ предметахъ и явленіяхъ природы законами ея не значить-ли поетому вращаться мыслью въ закодированномъ кругу, изъ котораго нѣтъ другаго разумнаго, а следовательно и научнаго, выхода, кромѣ признанія творческо-промыслительной дѣятельности Бога въ мірѣ? Вѣдь и законы природы составляютъ фактъ въ высшей степени цѣлесообразный и гармоничный, причину и основаніе котораго нужно еще объяснить удовлетворительнымъ образомъ. Научно-ли же и согласно-ли съ здравымъ смысломъ требующее объясненія объяснить имъ же самимъ, т.-е. тѣмъ, что въ немъ есть загадочнаго и непонятнаго? Между тѣмъ въ особенности многіе изъ современныхъ натуралистовъ, по отсутствію въ нихъ философски развитой критической мысли, для объясненія явленій подобныхъ разсматриваемымъ постоянно адресуются къ законамъ природы. Эти послѣдніе являются у нихъ не тѣмъ, что они есть: натуралисты и ихъ подражатели видимо какъ-то олицетворяютъ законы природы въ своемъ представленіи и творятъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ чистѣйшихъ фетишей, напоминая намъ собою низшія человѣческія расы, хотя и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя нечужды болѣе возвышенныхъ идей о Богѣ. Не странно-ли же во имя односторонне и ложно понятыхъ научныхъ требованій становиться на одну доску съ дикарями!... Нисколько не объясняется цѣлесообразность и гармонія въ мірѣ и изъ дѣйствующихъ въ немъ силъ. Сила, какъ сила, взятая сама по себѣ, способна обуславливать всякое явленіе — хорошее и дурное, цѣлесообразное и нецѣлесообразное, гармоническое и дис-

⁸⁾ Ibid. стр. 190.

гармоническое. Только превращая силы и природы, въ какихъ-то фетишей, ученый можетъ объяснять порядокъ и цѣлесообразность, господствующія въ мірѣ, дѣйствіемъ *однихъ* только силъ природы. Трезвое же воззрѣніе на эти силы можетъ приписывать имъ цѣлесообразную и гармоническую дѣятельность только подъ условіемъ руководства ихъ высшимъ Разумомъ и высшей Волей, въ чемъ бы ни выражалось по своей формѣ это руководство *). Да и есть-ли основанія думать какъ-либо иначе? Въ природѣ дѣйствуютъ самые различные законы и силы, борьба между которыми не отрицается и самими натуралистами. Какимъ же образомъ эта борьба *сама собою* разрѣшается явленіями и предметами цѣлесообразными и гармоничными? Вѣдь это—такое же чудо, какъ и сотвореніе міра изъ ничего. Мало того: первое болѣе неожиданно и поразительно, чѣмъ послѣднее, такъ какъ сотвореніе міра приписывается Существому всемогущему и премудрому, а тамъ гармонія и цѣлесообразность выводится изъ дисгармоніи и безцѣльности. Правда, въ мірѣ мы нерѣдко видимъ, какъ изъ беспорядка и безцѣльности возникаетъ порядокъ и цѣлесообразность. Но когда же это бываетъ? Не тогда-ли, когда человѣческой умъ и человѣческая воля направляются къ созиданію порядка и цѣлесообразности? Но представить невозможно, чтобы слѣпые законы и силы природы первоначально сами по себѣ одни произвели въ мірѣ царство гармоніи и цѣлесообразности.

По всему этому мы не можемъ не признать вполне вѣрными мысли Уоллеса о томъ, что устройство человѣческаго мозга, чрезвычайно разумно соображенное съ судьбами человѣческаго духовнаго развитія, не можетъ быть плодомъ дѣятельности однихъ естественныхъ дѣятелей. Кто же или что у г. Вагнера руководить развитіемъ человѣческаго мозга и приспособленіемъ его къ судьбамъ человѣческой исторической жизни? Самъ же

*) По этому вопросу мы рекомендуемъ недавно прекрасно переведенное на русскій языкъ и изданное Жбане подъ заглавіемъ: „*Конечныя причины или цѣлесообразный порядокъ вещей въ природѣ и его причина*“,—продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы; цѣна съ пересылкой 3 руб. сер.

человѣческой организмъ? Право, даже не вѣришь, чтобы это могло серьезно высказываться. Вѣдь такого рода отвѣтъ не рѣшаетъ вопроса, а только повторяетъ его въ иныхъ словахъ. Говорить такъ не значить-ли тоже самое, какъ еслибы мы на вопросъ, почему намъ не нравится то или другое, отвѣтили бы: да, это намъ не нравится. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь требуется изъяснить, почему выработалось въ природѣ такое существо, именуемое человѣкомъ, мозгъ котораго заключаетъ въ себѣ средства для такой психической работы, какая излишня или какая не существуетъ для низшихъ человѣческихъ расъ, какъ не существовала для первобытнаго человѣка. Намъ говорятъ, что организмъ путемъ собственной самодѣтельности доразвился до такого состоянія. Чей же организмъ оказался способнымъ къ этому? Чей бы то ни было, но онъ, чтобы современемъ доразвиться до человѣка съ разсматриваемыми его особенностями, непременно долженъ былъ заранѣе заключать въ себѣ задатки къ этому. Въ противномъ случаѣ все послѣдующее въ организмѣ мы должны будемъ выводить изъ какой-то пустоты. Откуда же эти задатки взялись? Значить, опять передъ нами возстаетъ вопросъ о силѣ соображающей и предопредѣляющей будущія судьбы данныхъ существъ, а потому снабдившей нѣкоторый организмъ задатками того, что должно современемъ развернуться во всемъ своемъ блескѣ и руководившей фазисами и условиями его развитія, чтобы, въліяніемъ случайностей среди борьбы прогрессивныхъ, консервативныхъ и ретроградныхъ силъ въ природѣ, существовавшее только *in potentia*, въ возможности стало дѣйствительностью. Вѣдь и доктрина физиологическаго механизма или детерминизма, какъ бы строго ни понимать ее, не только не исключаетъ, но даже требуетъ предположенія присутствія въ процессѣ развитія живыхъ существъ мысли и воли. Даже такой физиологъ, какъ Клодъ Бернаръ, не только не отвергаетъ, но даже прямо принимаетъ это предположеніе, когда онъ допускаетъ въ живомъ организмѣ нѣкую а) *правляющую и организующую* идею (*idée directrice et organisatrice*), которая управляетъ и руководитъ тѣмъ, что онъ называетъ „морфологической эволюціей“ животнаго и б) даже нѣкотораго рода *жизненный узоръ* (*dessin vital*), который служитъ типомъ и планомъ при

образованіи и развитіи организованнаго существа¹⁰⁾. Но откуда же могутъ взяты въ организмъ и эта правящая и организующая идея и этотъ жизненный узоръ? Не самъ же организмъ одарилъ ими себя въ одно прекрасное утро, точно также не могли ему подарить ихъ условія его жизни съ законами и силами природы, такъ какъ они сами нуждаются въ правящей идеѣ и планѣ. Г. Вагнеръ воображаетъ, что онъ представляетъ достаточное объясненіе по вопросу о происхожденіи у человѣка особаго устройства мозга, сославшись на весьма и весьма медленный процессъ выработки мозга. Ученый профессоръ видимо забываетъ ту простую вещь, что никакое продолжительное время не можетъ дать организму того, къ чему въ немъ не заложено задатковъ. Какъ безконечное продолженіе двухъ параллельныхъ линій не можетъ послужить основаніемъ для ихъ пересѣченія, такъ и безконечное продолженіе времени не можетъ произвести чего-нибудь, чему время не можетъ служить причиной, коротко ли оно или долго. И при долгомъ и при короткомъ времени намъ нужна иная причина для объясненія того явленія, съ которымъ имѣетъ дѣло г. Вагнеръ. Сколько бы ни работалъ въ мозгу „скрытый мастеръ“, о которомъ говоритъ нашъ ученый, этотъ таинственный мастеръ только тогда произведетъ что-либо въ родѣ человѣческаго мозга, когда онъ будетъ не олицетвореніемъ совокупности извѣстныхъ явленій, а дѣйствительно мастеромъ съ способностью пониманія и съ волей, или по крайней мѣрѣ будетъ произведеніемъ такого мастера, вложеннымъ въ живой организмъ на подобіе правящей и организующей идеи или жизненнаго узора Клода Бернара. Ссылка профессора Вагнера на какого-то таинственнаго мастера въ объясненіе происхожденія у человѣка такихъ частей въ мозгу, дѣятельность которыхъ еще не опредѣлилась, ничего не говоритъ противъ мысли Уоллеса.

Этой ссылкой Н. П. Вагнеръ кажется хочетъ¹¹⁾ сказать слѣ-

¹⁰⁾ Introduction à la médecine expérimentale, p. 162. См. также за 1875 г. Revue des Deux-Mondes.

¹¹⁾ Считаю нужнымъ указать на то, что г. Вагнеръ, возражая Уоллесу, иногда выражается такъ темно и запутанно, что является нелегкимъ дѣломъ

дующее: нѣтъ основаній думать, что у первобытнаго человѣка и низшихъ человѣческихъ расъ, съ одной стороны, и у цивилизованныхъ людей, съ другой стороны, мозгъ такъ одинаковъ, какъ представляетъ Уоллэсъ; въ теченіи длиннаго ряда поколѣній мозгъ потерпѣлъ такіа измѣненія морфологическія хотя и незамѣтныя для человѣческихъ средствъ наблюденія, что у цивилизованныхъ людей оказался способнымъ къ такой дѣятельности, какая не замѣчается у дикарей, мозгъ которыхъ представляетъ только видимое или кажущееся сходство съ мозгомъ цивилизованныхъ людей. Можно ли считать это соображеніе нашего ученаго опаснымъ для основной мысли Уоллэса? Отнюдь нѣтъ. Во-первыхъ г. Вагнеръ намъ не доказалъ, что объемъ мозга не имѣетъ рѣшительнаго значенія въ вопросѣ о размѣрѣ умственной силы въ живыхъ существахъ. На какія же еще морфологическія измѣненія въ мозгу ссылается онъ, чтобы объяснить способность только цивилизованныхъ людей къ сложнымъ интеллектуальнымъ операціямъ? Не указавши сущности этихъ измѣненій и не выяснивши органической связи ихъ съ способностью цивилизованныхъ людей къ богатой психической работѣ, нашъ ученый на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не ослабилъ значенія мысли Уоллэса. Во-вторыхъ судя по остаткамъ работъ отъ первобытнаго человѣка и принимая въ соображеніе существованіе у дикарей религіозныхъ, моральныхъ, правовыхъ и другихъ воззрѣній, чего не можетъ отвергнуть г. Вагнеръ и что въ существенныхъ отношеніяхъ рѣзко сближаетъ нерѣдко дикаря и первобытнаго человѣка съ современнымъ цивилизованнымъ европейцемъ, мы не въ правѣ предполагать присутствіе въ мозгу у образованныхъ людей такихъ, сравнительно съ мозгомъ дикарей, новыхъ морфологическихъ измѣненій, которыя бы обусловливали специально собою то, къ чему способенъ мозгъ у современнаго развитаго человѣка. Съ другой стороны развѣ малая умственная работа требовалась отъ мозга первобытнаго человѣка, когда этотъ послѣдній вырабатывалъ свое мировоззрѣніе, какъ бы оно скудно и странно ни было, и въ извѣстныхъ предѣлахъ заставлялъ служить себѣ природу? Быть-можетъ, со-

понять истинный смыслъ его изреченій. Пусть поэтому г. Вагнеръ винятъ самаго себя, если мы не совсѣмъ точно передали какую-либо его мысль.

временный образованный человекъ, получающій наибольшее количество изъ своего умственного капитала путемъ традиціи и идущій въ эксплуатаціи природы по пробитой уже колеѣ, гораздо меньше дикаря въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напрягаетъ свой мозгъ. Мы не отрицаемъ, что въ теченіе тысячелѣтій со времени появленія въ мірѣ человека до настоящей минуты совершавшаяся въ человечествѣ душевная работа быть-можетъ положила своего рода отпечатокъ и на мозгу человѣческомъ. Но изъ этого еще только предполагаемаго даннаго логически никакъ не слѣдуетъ, чтобы между строеніемъ мозга у низшихъ и высшихъ человѣческихъ расъ было то различіе, о которомъ *считаетъ* г. Вагнеръ. Наконецъ, и самое допущеніе нѣкоторыхъ морфологическихъ измѣненій въ мозгу цивилизованныхъ людей нисколько не устраняетъ мысли Уоллеса объ участіи высшаго Разума и высшей Воли въ процессъ происхожденія у человека особаго устройства мозга. Въ самомъ дѣлѣ, у цивилизованныхъ людей,—допустимъ это,—появляются морфологическія измѣненія въ мозгу такого рода, которыя служатъ къ усовершенствованію этого мозга. Но откуда же у человека взялся мозгъ, способный къ такого рода усовершенствованію? Если бы въ этотъ мозгъ не заложено было задатковъ его прогрессивнаго измѣненія въ томъ же направленіи, въ какомъ онъ предначертанъ у первобытнаго человека и у дикарей, тогда не могло бы ни при какихъ условіяхъ совершаться и самое развитіе его въ смыслъ благопріятномъ для болѣе совершенныхъ духовныхъ проявленій, чѣмъ какія замѣчаются у низшихъ человѣческихъ расъ. Главный вопросъ вѣдь состоитъ въ томъ, откуда и какъ въ мозгу первобытнаго человека и низшихъ человѣческихъ расъ взялись такія особенности, которыя не могутъ быть выведены изъ естественнаго подбора? И если г. Вагнеръ отъ внѣшнихъ факторовъ обращается къ самодѣятельности организма, ища въ немъ разгадки указываемаго Уоллесомъ явленія, то вѣдь въ этомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ загадка подмѣняется загадкою; которая можетъ находить для себя разъясненіе не въ себѣ самой, какъ это выходитъ у г. Вагнера, а въ научной гипотезѣ Уоллеса.

У нашего ученаго на мѣсто высшаго разумно-свободнаго существа выступаетъ, какъ руководящее начало всѣхъ измѣненій организма обнимающихъ собою и выработку человѣческаго

мозга, не иное что, какъ нервная система, *безсознательно управляющая* работой организма. Требуется ли подробное разъясненіе того, что всякая логическая мысль скорѣе склонится въ пользу мысли Уоллеса, чѣмъ впадетъ въ фетишизмъ вмѣстѣ съ г. Вагнеромъ. Не чудовищною ли въ самомъ дѣлѣ представляется мысль о *безсознательномъ* правителѣ являющемся притомъ въ видѣ нервной системы? Эта нервная система у г. Вагнера — чистѣйшій чудотворецъ. Эта нервная система у нашего профессора *регулируетъ* конкуренцію между различными органами организма, одному дозволяетъ, а другому воспрещаетъ развиваться, даетъ норму развитія и все дробное и отдѣльное въ организмѣ приводитъ въ общее согласіе¹²⁾. Не есть ли у г. профессора нервная система въ родѣ своего рода божка-фетиша? Быть-можетъ г. Вагнеръ—очень многое знающій человекъ, но кажется это не даетъ ему, какъ и многимъ современнымъ натуралистамъ, права отнѣнять для себя требованія логики. Не уже ли г. Вагнеръ не хочетъ допустить, что управлять чѣмъ-либо не можетъ то, что лишено сознанія и разума съ волей? Положимъ, въ часахъ безсознательно управляютъ ходомъ ихъ извѣстныя части часоваго механизма, хотя онѣ и не имѣютъ разума и воли. Но вѣдь дѣло въ томъ, что часы устроилъ человекъ, обладающій разумомъ и волей. Строго говоря, онъ-то *посредственно* и есть управитель ходомъ часоваго механизма. Какъ же у г. Вагнера выходитъ, что въ живыхъ существахъ управляетъ развитіемъ ихъ организма нервная система? Вѣдь если г. Вагнеръ не шутитъ, говоря о такихъ чудесахъ, совершаемыхъ нервной системой, то онъ долженъ по крайней мѣрѣ допустить, что нервная система такъ устроена высшимъ Существомъ, что поскольку она безсознательно выражаетъ Его мысль и волю, постольку она и управляетъ развитіемъ организма. Въ противномъ случаѣ выходятъ кромѣ указанныхъ и другія крупныя несообразности. Конечно нашъ отечественный натуралистъ лучше другихъ знаетъ, что нервная система не есть что-либо такое въ организмѣ, что, бывши кѣмъ-то или чѣмъ-то изготовлено окончательно съ цѣлюю опредѣленной, вложено въ организмъ для того, чтобы она была распорядителемъ

¹²⁾ Индивидуальныя измѣненія стр. 194.

и правителемъ находящагося и совершающагося въ организмъ. Ближе всего къ воззрѣніямъ современнаго естествознанія то представленіе дѣла, по которому нервная система сама есть нѣчто постепенно вырабатывающееся и опредѣляющееся, хотя натуралисты и не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи элементарной нервной системы. Спрашивается: какимъ же образомъ нервная система регулируетъ развитіе того, что имѣетъ и должно имѣть на нее самое измѣняющее, слѣдовательно и *регулирующее* вліяніе, и почему именно нервная система захватываетъ, говоря миеологическимъ языкомъ г. Вагнера, руководящее вліяніе надъ всѣмъ тѣмъ въ организмѣ, что само должно стремиться къ захвату этого вліянія? Пусть г. Вагнеръ резонно, безъ ошеломляющихъ ученостью и темнотою фразъ, отвѣтитъ на всѣ эти вопросы и недоумѣнія, и тогда только непредубѣжденные и логическіе умы примутъ его взглядъ предпочтительно предъ взглядомъ Уоллеса. Для умовъ же предубѣжденныхъ и нелогическихъ, какъ говорится, законъ не писанъ: они льнутъ только къ мнимо-либеральному и якобы современному, но въ сущности напоминающему философскія воззрѣнія нѣкоторыхъ школъ древнихъ индійцевъ и китайцевъ...

Чтобы устранить участіе высочайшаго Разума и высочайшей Воли въ процессѣ происхожденія человѣка, г. Вагнеръ, вслѣдъ за многими другими натуралистами, прибѣгаетъ къ ссылкѣ на такія живыя существа, у которыхъ есть въ организмѣ части, неимѣющія никакого назначенія и такимъ образомъ бесполезныя для нихъ. Ссылкою на эти явленія г. Вагнеръ хочетъ сказать, что то явленіе, которое заставило Уоллеса признать участіе высшаго Существа въ исторіи происхожденія человѣка, составляетъ не исключеніе, а на многихъ другихъ существахъ наблюдаемый фактъ. И это основаніе, приводимое г. Вагнеромъ, ничего не говоритъ противъ мнѣнія англійскаго натуралиста — мыслителя. Вопервыхъ, чѣмъ и какъ докажетъ нашъ ученый, что у животныхъ существуютъ въ организмѣ такія части, которыя совершенно излишни? Считаемо весьма умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующія слова Дарвина по этому вопросу: „мы слишкомъ мало знаемъ объ общей экономіи какого бы то ни было организма, чтобы рѣшить, какія *лемія* видоизмѣненія были бы

для него важны и какія нѣтъ. Самые ничтожные признаки, каковы пушистость плода или цвѣтъ его мяса, могутъ, по своей связи со складомъ всего растенія или съ нападками насѣкомыхъ, быть полезными. Хвостъ жирафы имѣетъ видъ искусственной мухогонки, и на первый взглядъ кажется невозможнымъ, чтобы онъ могъ приспособиться къ теперешнему своему отправленію чрезъ постепенныя усовершенствованія относительно такой ничтожной цѣли, какъ отмахиваніе отъ мухъ. Но мы должны остановиться прежде, чѣмъ произнести окончательный приговоръ даже объ этомъ случаѣ, ибо мы знаемъ, что распредѣленіе и существованіе рогатаго скота и другихъ звѣрей въ Южной Америкѣ положительно зависитъ отъ ихъ средствъ защиты противъ насѣкомыхъ. такъ что особи, которыя могли бы какъ-нибудь оборониться отъ этихъ мелкихъ враговъ, имѣли бы возможность распространиться на новыя пастбища и такимъ образомъ приобрѣли бы значительное преимущество. Конечно, крупные звѣри лишь въ рѣдкихъ случаяхъ положительно истребляются мухами, но они подвергаются отъ мухъ безпрестанному мученію, отъ котораго они ослабѣваютъ и хилѣютъ, вслѣдствіе чего въ случаѣ голода менѣе способны добывать себѣ пищу или спастись отъ хищниковъ¹³⁾. Дѣйствительно, слишкомъ рискованнымъ представляется отрицать полезность для животнаго какой-либо части его организма на томъ только основаніи, что она—эта полезность—не ясно выступаетъ передъ нашимъ сознаніемъ. Необходимо тонкое и всестороннее изученіе организма, соотношенія малѣйшихъ частей въ немъ въ общей экономіи его жизни, связи его съ другими существами и предметами природы и т. д., чтобы отважиться на категорическое заявленіе, что такой-то органъ или такая-то особенность даннаго организма составляютъ для него ненужное и лишнее бремя. Многие изъ того, что считалось лишнимъ у того или другаго животнаго, оказывается, послѣ болѣе внимательнаго и серьезнаго изученія, вполне нужнымъ и полезнымъ. Геккель напр. объявляетъ излишними для страусовъ крылья¹⁴⁾. Но справедливо ли, будто крылья для страуса излишни по ихъ незначительной величинѣ?

¹³⁾ О происхожденіи видовъ. Перев. Рачинскаго. 3 изд., стр. 151.

¹⁴⁾ *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Seit. 189 и 232.

Извѣстно, что эта птица отличается необыкновенно быстрымъ бѣгомъ. Спрашивается: не разсѣвая крыльями воздуха, могъ ли бы страусъ при его длинныхъ ногахъ удерживать во время быстрого бѣга свое туловище въ надлежащемъ равновѣсіи? Указываютъ еще, какъ на излишнія, на грудныя железы и сосцы у мужчинъ. Положимъ, питаніе грудью принадлежитъ обыкновенно женщинамъ. Между тѣмъ извѣстны случаи, когда и въ мужскихъ грудныхъ железахъ отдѣлялось молоко. Такъ, во время гоненія на гугенотовъ въ 16 вѣкѣ одинъ мужчина, котораго жена была лишена жизни, убѣжалъ съ своимъ новорожденнымъ ребѣнкомъ на дикую гору. Желая спасти жизнь дорогаго для него существа, мужчина развилъ у себя въ грудяхъ молоко и могъ питать его грудью. Такимъ образомъ существованіе у мужчинъ, грудныхъ железъ и сосцовъ не можетъ быть счтано совершенно излишнимъ уже на основаніи одного этого факта, хотя бы случаи практическаго употребленія въ дѣло этихъ частей организма и были исключительными. Если мы возьмемъ во вниманіе, что даже цвѣтъ волосъ у человѣка не составляетъ безразличнаго явленія въ общей экономіи его жизни ⁽¹⁵⁾, то едва ли будемъ имѣть достаточное основаніе утверждать, что грудныя железы и сосцы у мужчинъ не имѣютъ какого-либо постояннаго полезнаго значенія въ жизненныхъ процессахъ, утративъ прямыя свои отправленія. И всѣ другіе извѣстные намъ примѣры лишннихъ повидимому особенностей въ строеніи разныхъ организмовъ, на которые (примѣры) ссылаются съ цѣлю показать безцѣльность нѣкоторыхъ явленій въ природѣ, нисколько не достигаютъ цѣли, для которой приводятся. Н. П. Вагнеръ ссылается на *Lepidosiren* и протей, имѣющихъ такія части въ организмѣ, которыя будто бы не только совершенно ни къ чему не служатъ, но даже мѣшаютъ этимъ животнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Очень возможно, что оконечности этихъ существъ мѣшаютъ напр. движенію ихъ. Изъ этого однакожъ само собою еще не слѣдуетъ, чтобы оконечности у этихъ существъ были излишніи въ другомъ какомъ-нибудь, наиболѣе существенномъ для *Lepidosiren* и протей отношеніи. Самъ же г. Вагнеръ учитъ, что у животныхъ низшаго разряда весьма часто одни органы или ча-

¹⁵⁾ О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни, Манасеиной, стр. 123 и др.

сти организма замѣняютъ дѣятельность другихъ. Но какъ бы то ни было, цѣлесообразное назначеніе малѣйшихъ частей въ организмахъ, наблюдаемое на тысячахъ особей животнаго и растительнаго міра, скорѣе всего требуетъ отъ насъ, чтобы мы не спѣшили отрицать цѣлесообразности въ нѣкоторыхъ крайне немногихъ малоизвѣстныхъ случаяхъ, составляющихъ повидимому исключеніе изъ общаго порядка. Тѣмъ болѣе требуется величайшая сдержанность, когда нѣкоторые органы или части въ организмахъ представляются на *нашъ* взглядъ вредными: казавшееся вреднымъ для животнаго уже не разъ оказывалось весьма и весьма полезнымъ.... Затѣмъ, существованіе у живыхъ существъ представляющихся въ данное время бесполезными особенностей составляетъ неизбѣжное и благотворное явленіе, какъ начало желательнаго приспособленія къ новымъ условіямъ бытія. Далѣе, опредѣляя назначеніе тѣхъ или другихъ членовъ или частей у организмовъ, когда эти члены или части представляются намъ практически бесполезными для даннаго индивидуума, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что послѣдній цѣль въ царствѣ растеній и животныхъ—не индивидуумъ и даже не частнѣйшій видъ, а родъ и общая гармонія вещей. Н. П. Вагнеръ самъ является весьма близкимъ къ признанію этой мысли, когда говоритъ слѣдующее: „еслибы не существовали въ громадномъ количествѣ губки и асцидіи — эти естественные фильтры морской воды, то большая часть плавающихъ въ этой послѣдней остатковъ полуразложившихся органическихъ веществъ не только гибла бы совершенно даромъ, но и портила бы самую воду. Подобныя же отношенія мы видимъ въ существованіи мириадъ наливочныхъ животныхъ. Съ другой стороны еслибы не было такого громаднаго количества этихъ остатковъ, то эти организмы не могли бы приспособиться къ ихъ одностороннему существованію“ (16). Наконецъ, въ вопросѣ о порядкѣ и гармоніи въ мірѣ необходимо брать въ соображеніе дѣйствія такого важнаго дѣятеля въ природѣ, каковъ человѣкъ, отражающіяся иногда самымъ невыгоднымъ образомъ на предметахъ и явленіяхъ этой послѣдней и вносящія въ нее разладъ и дисгармонію, которые

16) Индивидуальныя измѣненія, стр. 191.

природа едва исправляетъ, хотя далеко не всегда ¹⁷⁾. Человѣкъ не только въ окружающую его природу вноситъ часто элементы дисгармоніи и нецѣлесообразности, но и уродуетъ себя самого всячески. Какъ же послѣ всего сказаннаго смотрѣть на мысль г. Вагнера, что устройство мозга у первобытнаго человѣка и у низшихъ человѣческихъ расъ, не соображенное съ наличными потребностями ихъ, а рассчитанное на слишкомъ отдаленное для примитивнаго человѣка будущее, отъ котораго ему, какъ говорится, ни тепло, ни холодно, не требуетъ предположенія участія высшаго Разума и высшей Воли въ происхожденіи человѣка? Этотъ вопросъ теперь разрѣшается самъ собою. Если мы повсюду находимъ слѣды дѣйствій по преднамѣренному, нужному въ данное время, плану и съ ближайшей, ясно представляющейся цѣлью, то тѣмъ болѣе не можемъ видѣть простаго случая или непредусмотрѣннаго явленія въ такомъ устройствѣ человѣческаго мозга, по которому этотъ послѣдній, превышая потребности человѣка въ одно время, сформированъ въ видахъ будущихъ историческихъ судебъ существа разумно-свободнаго, способнаго къ безпредѣльному духовному развитію и обеспеченнаго въ этомъ отношеніи заранѣе и со стороны матеріальнаго условія этого развитія, т. е. мозга. И если, какъ мы видѣли, гармонія и цѣлесообразность въ мірѣ вообще не могутъ быть продуктомъ никакихъ, взятыхъ самихъ въ себѣ, естественныхъ факторовъ, то значитъ, тѣмъ менѣе этимъ послѣднимъ можно приписывать въ высшей степени цѣлесообразное устройство такого удивительнаго органа, каковъ мозгъ...

б) Что касается исчезновенія у человѣка волосъ на спинѣ, то мы можемъ, говорить г. Вагнеръ, объяснить это явленіе весьма просто, какъ результатъ вытиранія этихъ волосъ посредствомъ плаща, накидки, шкуры, вообще какой-нибудь одежды, которую онъ сталъ носить въ тѣхъ случаяхъ, когда собственный покровъ недостаточно согрѣвалъ или вѣриѣе, недостаточно защищалъ его отъ дождя и сырости. Первая же брешь, нѣтъ сомнѣнія,

¹⁷⁾ Достаточно прочитать произведеніе Георга Марша подъ заглавіемъ: *Человѣкъ и природа*, переведенное на русскій языкъ (1865 г. С.-Петербург.), чтобы видѣть, сколько кутерьмы и разладычи человѣкъ вносилъ и вноситъ въ неорганическій и органическій міръ...

была сдѣлана тропическимъ климатомъ, подобно тому какъ это было сдѣлано съ антропоморфными обезьянами. Когда вслѣдствіе этой послѣдней причины волоса стали рѣдки и корни ихъ стали слабо держаться въ кожѣ, тогда выступилъ иной факторъ—вытираніе волосъ посредствомъ одежды. Къ этимъ двумъ факторамъ весьма скоро и можетъ-быть тотчасъ же присоединился третій—физиологическая инерція. Въ силу этой послѣдней органъ, начавшій атрофироваться, долженъ былъ постоянно, наслѣдственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе идти тѣмъ же путемъ, пока не исчезъ окончательно. Наконецъ, явился еще одинъ факторъ—естественный подборъ. Волоса обладаютъ меньшей электропроводимостью, чѣмъ голая кожа. Сладострастное ощущеніе при соприкосновеніи съ голой кожей было болѣе напряженно, чѣмъ при соприкосновеніи при помощи волосъ. Эти ощущенія въ равной степени являлись у обоихъ половъ, а сладострастныхъ представленія отражались до сихъ поръ еще *неразгаданными* путями на зародышахъ. Эти отраженія усиливались при наслѣдственной передачѣ, и мало-по-малу развивалось такимъ образомъ и крѣпко голое, лишенное волосъ, племя первобытнаго человѣка. Можно предположить еще, что къ этимъ психофизиологическимъ факторамъ присоединился факторъ чисто психическій. Это—*прогрессивное* чувство, болѣе или менѣе свойственное каждому человѣку, который *твердо* стоитъ на прогрессивномъ пути развитія. Въ силу этого чувства онъ всегда будетъ питать инстинктивное отвращеніе ко всѣмъ признакамъ животныхъ—къ рогамъ, хвосту, копытамъ и шерсти. Голая, чѣжная, гладкая, атласистая кожа всегда будетъ въ его представленіи стоять идеаломъ развитія тѣлесной красоты, а можетъ быть этотъ идеаль есть въ тоже время и идеаль физиологическій. Можетъ-быть именно такая кожа представляетъ гораздо болѣе физиологическихъ удобствъ, чѣмъ всякая другая.

Устрашно становится за Уоллэса, читая эти объясненія исчезновенія волосъ на спинѣ у человѣка: такъ и представится кому-нибудь, что г. Вагнеръ на голову разбилъ англійскаго натуралиста. Быть-можетъ, чье-либо патріотическое чувство будетъ даже польщено тѣмъ, какъ-де наши ученые, при ихъ либеральномъ образѣ мыслей, легко и просто побиваютъ устарѣлыя воззрѣнія нѣкоторыхъ европейскихъ первоклассныхъ ученыхъ зна-

ментостей. Но это торжество г. Вагнера надъ Уоллэсомъ болѣе чѣмъ фиктивное. Работающему собственной головою приходится чуть не краснѣть за нашихъ ученыхъ, которые, лишь бы по-прать мысль объ участіи высшаго Существа въ исторіи происхожденія человѣка, готовы говорить какія-угодно несообразности. Просимъ покорнѣйше самого читателя рѣшить, кто болѣе наученъ—Уоллэсъ ли ненашедшій обычныхъ естественныхъ причинъ исчезновенія у человѣка волосъ на спинѣ и цѣлымъ рядомъ стройныхъ умозаключеній пришедшій къ мысли о воздѣйствіи на процессъ образованія человѣка высшей разумно-свободной Силы, или г. Вагнеръ, предлагающій свои весьма простыя соображенія въ объясненіе того же явленія? Передъ нами съ *научной* точки зрѣнія двѣ гипотезы. Которая же изъ нихъ дѣйствительно научная? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и будутъ служить наши посильныя замѣчанія на „весьма простыя“ соображенія отечественнаго мыслителя—естествовѣда.

По мнѣнію г. Вагнера, первое истребленіе у человѣка части волосъ на спинѣ произведено дѣйствіемъ тропическаго климата. Противъ такого предположенія говоритъ Дарвинъ, слова котораго мы и приводимъ. „Фактъ, что другіе члены отряда приматовъ, къ которымъ принадлежитъ и человѣкъ, всѣ покрыты волосами, и обыкновенно всего гуще на верхнихъ поверхностяхъ, наиболее подверженныхъ вліянію жаркихъ солнечныхъ лучей, несмотря на то, что эти животныя живутъ въ различно жаркихъ странахъ, прямо противорѣчитъ предположенію, что человѣкъ сдѣлался нагимъ отъ дѣйствія солнца“¹⁸⁾. Вотъ мнѣніе Дарвина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться. Да и не странно ли ссылаться на жаркій климатъ въ вопросъ объ исчезновеніи волосъ на спинѣ человѣка, когда этотъ послѣдній именно въ тропическихъ мѣстностяхъ всего болѣе могъ нуждаться въ волосахъ если не для защиты отъ холода, котораго тамъ нѣтъ,—отъ дождя, отъ котораго тамъ долженъ былъ весьма страдать примитивный человѣкъ? Да и вліяніе тро-

¹⁸⁾ Происхожденіе человѣка. Перев. подъ редакціей Съченова. 1 часть стр. III, по 2 изданію.

пическаго климата, взятаго со стороны его температуры, можетъ предполагать не окончательное исчезновеніе волосъ на спинѣ, а болѣе рѣдкое расположеніе ихъ и меньшую пушистость, что дѣйствительно мы и видимъ на тропическихъ животныхъ. Необходимо имѣть въ виду, что и въ жаркомъ климатѣ волосы могутъ быть нужны даже для защиты отъ излишняго зноя, а не отъ одного дождя. Голова негра въ тропической Африкѣ терпитъ слишкомъ много отъ дѣйствія отвѣсныхъ лучей африканскаго солнца. И что же? Голова негровъ покрыта весьма густымъ шерстянымъ покровомъ, который препятствуетъ солнечнымъ лучамъ доходить до черепа и производить такъ-называемые солнечные удары. А такъ какъ и глаза негровъ могли бы весьма сильно страдать отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, то и они защищены сильно выдающимися и густыми бровями, которыя значительно ослабляютъ вліяніе яркаго свѣта на нѣжныя оболочки глаза. Принимая во вниманіе эти данныя, едва ли мы можемъ категорически утверждать ненужность волосъ на спинѣ для обитателей тропиковъ и въ качествѣ защиты ихъ отъ сильнаго и небезвреднаго для организма зноя. Забылъ повидимому г. Вагнеръ и то, что человѣкъ обитаетъ не въ тропическихъ только мѣстностяхъ. Чѣмъ же объяснить онъ исчезновеніе волосъ на спинѣ у народовъ, обитающихъ въ умѣренныхъ и въ особенности холодныхъ странахъ? Нашему ученому конечно болѣе насъ извѣстно, какъ природа старается оградить животныхъ отъ страданій и вымиранія влѣдствіе холода. Животныя очень холодныхъ странъ покрыты самой густой шерстью: лисица, собака и медвѣдь на сѣверѣ имѣютъ совершенно другую естественную одежду сравнительно съ тѣми же животными умѣреннаго климата. Въ жаркомъ климатѣ гусь и утка теряютъ свой пухъ, который на высокомъ сѣверѣ такъ нѣженъ и такъ густъ, что защищаетъ отъ холода болѣе лучшихъ мѣховъ. Но вотъ особенно замѣчательный фактъ. У жителей сѣвера подъ кожей отлагается толстый слой жира, который у эскимосовъ и лапландцевъ достигаетъ такой толщины, что тѣло ихъ представляетъ почти шарообразное очертаніе. Неблагопріятное вліяніе яркаго свѣта снѣжныхъ полей на глаза умѣряется весьма густыми и большими рѣсницами, замѣчаемыми у жителей сѣвера. Спраши-

вается: почему же это природа, проявляя свою заботливость¹⁹⁾ и относительно защиты отъ холода сѣвернаго человѣка, даетъ ему вмѣсто волосъ на спинѣ обильный подкожный жиръ? Другихъ животныхъ сѣвера природа одаряетъ же густой шерстью, развивая ее вездѣ, гдѣ тѣло можетъ страдать отъ стужи. Не странно ли, что человѣка она особымъ образомъ оберегаетъ отъ одного и того же явленія? Быть-можетъ, кто-нибудь скажетъ, что такъ поступаетъ природа потому, что человѣкъ и безъ нея въ состояніи придумать и примѣнить къ дѣлу свои средства защиты отъ холода. Это вполне справедливо. Но зачѣмъ же природа даетъ однако подкожный жиръ? Главное же дѣло въ томъ, что идетъ рѣчь не о теперешнемъ состояніи человѣка, а о миувшемъ, когда онъ, по ученію нѣкоторыхъ представителей современнаго естествознанія, былъ обыкновеннымъ животнымъ. Требуется объяснить собственно то, какимъ образомъ, если человѣкъ произошелъ отъ животныхъ чрезъ видоизмѣненіе и усовершенствованіе ихъ, исчезли у человѣка волосы именно на той части его тѣла, гдѣ они обыкновенно являються наиболѣе развитыми. Приведенный нами примѣръ цѣлесообразнаго отложенія у эскимосовъ и лапландцевъ толстыхъ слоевъ подкожнаго жира слишкомъ краснорѣчивъ: онъ свидѣтельствуетъ скорѣе всего о томъ, что тѣло человеческое никогда и не было покрыто на спинѣ волосами. Еслибы напротивъ нѣкогда спина у человѣка была покрыта волосами, то волосы должны бы были непременно отрусти у обитателей холодныхъ странъ. Принимая же во вниманіе общій порядокъ вещей въ природѣ мы должны сказать, что волоса должны были бы появиться у сѣверныхъ жителей даже и въ томъ случаѣ, еслибы человѣкъ другихъ противоположныхъ странъ никогда не имѣлъ ихъ на спинѣ.

Столь же несостоятельнымъ представляется мнѣніе г. Вагнера и о томъ, будто волоса на спинѣ у человѣка исчезли благодаря носившимся имъ покровамъ, вытиравшимъ мало-по-малу волосы. Мы носимъ на головѣ шляпы, картузы и шапки, на но-

¹⁹⁾ Выражаясь такъ о дѣйствіяхъ природы, мы, очевидно, говоримъ языкомъ метафорическимъ очень хорошо зная, что сама по себѣ природа, какъ совокупность извѣстныхъ предметовъ и явленій, ни о чемъ не заботится и не можетъ даже заботиться...

гахъ иногда очень узенькіе сапоги, тѣло покрываемъ кромѣ рубашекъ разнымъ платьемъ, а на рукахъ носимъ перчатки. Спрашивается, почему же у насъ не вытираются волосы даже на такихъ частяхъ тѣла, гдѣ волосы особенно много терпятъ отъ производимаго тренія особенно во время ходьбы? Мало того: даже выбриваніе бороды, бакенбардъ и усовъ, а равно стрижка волосъ, не удаляютъ съ выбриваемыхъ частей волосной растительности, а обыкновенно даже усиливаютъ эту растительность. Почему далѣе, лошади и другія животныя, на которыхъ постоянно возлагаются человѣкомъ то весьма грубые хомуты, то другія вещи, производящія иногда такое треніе, что у животного мѣстами кожа сдирается, не утрачиваютъ волосъ на тѣхъ частяхъ своего тѣла, которыя подвергаются у цѣлаго *длиннаго* ряда поколѣній самому грубому тренію? Почему наконецъ у гориллы не исчезаютъ на спинѣ волосы, хотя она подвергается ихъ сильному тренію ²⁰⁾? Ссылка г. Вагнера на физиологическую инерцію, въ силу которой органъ, начавшій атрофироваться, долженъ мало-по-малу совсѣмъ исчезнуть, ничего не заключаетъ въ себѣ кромѣ фразы, въ настоящемъ случаѣ являющейся совершенно безсодержательною и ничего необъясняющею. Еслибы даже г. Вагнеръ и доказалъ, что физиологическая инерція можетъ сама по себѣ объяснять извѣстныя явленія въ организмѣхъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ физиологическая инерція рѣшительно неприложима. Самъ же нашъ ученый свидѣтельствуетъ, что по закону физиологической инерціи исчезаетъ только уже начавшій атрофироваться органъ, и притомъ совсѣмъ исчезаетъ только тогда, когда какія-нибудь причины не положатъ предѣла этому исчезанію. Значитъ, прежде, чѣмъ обращаться къ физиологической инерціи, необходимо резонно доказать, что были опредѣленные и ясныя причины, обусловливавшія *самое начало* атрофированія волосъ на спинѣ, и что, съ другой стороны, существовали также опредѣленные и ясныя причины, благодаря которымъ устранялись *всяческія* препятствія окончательному исчезновенію волосъ на спинѣ. Далѣе, нисколько не объясняетъ исчезновенія у человѣка волосъ на спи-

²⁰⁾ 78-е прилѣчаніе въ сочиненіи Дарвина *о происхожденіи человека въ I части* на стр. III-й.

нѣ и забавная ссылка на сладострастное ощущеніе при соприкосновеніи съ голой кожей, какъ на дальнѣйшую причину исчезновенія у человѣка волосъ на спинѣ. Впервыхъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что отъ характера нашихъ ощущеній можетъ зависѣть появленіе и исчезновеніе тѣхъ или другихъ особенностей организаціи. Иные дикіе народы до такой степени не любятъ волосъ на бородѣ и на лицѣ, что вырываютъ ихъ грубѣйшимъ образомъ, несмотря на ужасную боль, причиняемую этимъ процессомъ полного самооголенія. И что же? Волосы продолжаютъ и продолжаютъ роскошно расти на этихъ же мѣстахъ человѣческаго тѣла и у послѣдующихъ поколѣній. Поклонницы Магомета употребляютъ въ дѣло бритву, для устраненія волосъ на нѣкоторыхъ своихъ членахъ, и однакожъ природа настаиваетъ на своемъ. Почему же то чувство, съ которымъ магометане смотрятъ на волосяные покровы нѣкоторыхъ органовъ, не отражается на зародышахъ и не вызываетъ соответствующихъ дѣйствій закона наслѣдственности въ дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ поколѣніяхъ? Вотъ въ нѣкоторыхъ, едва ли возможно категорически утверждать, что для первобытнаго человѣка, который конечно трактуется г. Вагнеромъ, какъ полуживотное или даже просто животное, получалось болѣе сладострастное ощущеніе при соприкосновеніи съ начавшей обнажаться спиной. Животныя испытываютъ весьма сильное сладострастное чувство, не соприкасаясь съ обнаженными частями тѣла. Сила же этого чувства доказывается уже тѣмъ однимъ, что животныя иногда не убѣгаютъ отъ явной опасности, которую они видятъ и даже уже испытываютъ, предаваясь взаимнымъ ласкамъ. Нельзя также опускать изъ виду и привычки, которая можетъ дѣлать слабѣйшимъ наслажденіе, какъ скоро оно получается при измѣнившихся условіяхъ. Вообще же нужно замѣтить, что представляется незаконнымъ переносить вкусы „блгованныхъ“ людей на первобытнаго человѣка.... Наконецъ, въ данномъ случаѣ не имѣетъ, по нашему мнѣнію, научнаго достоинства и апеллированіе г. Вагнера къ *прогрессивному* чувству, по которому человѣкъ питаетъ отвращеніе ко всѣмъ признакамъ животныхъ—къ рогамъ, хвосту, копытамъ и шерсти. Въ самомъ дѣлѣ, резонно ли объяснять вліяніемъ прогрессивнаго чувства окончательное исчезновеніе у человѣка волосъ на спинѣ? Мы

выше частію уже касались того предмета, такъ что теперь предется сказать только слѣдующее. Прежде, чѣмъ объяснять дѣйствіемъ прогрессивнаго чувства столь важное и вмѣстѣ загадочное для точной науки явленіе какъ утрату человѣкомъ волосъ на спинѣ, слѣдовало бы разъянить, откуда и какъ могло взяться это чувство у первобытнаго человѣка въ томъ его видѣ, въ какомъ представляютъ его натуралисты одинаковаго пошиба съ г. Вагнеромъ. Не объяснивъ же происхожденія этого чувства, нельзя и выводить изъ него чего-либо, хотя бы г. Вагнеръ и доказалъ намъ то недоказуемое, будто бы достаточно одного отвращенія къ волосамъ, чтобы они исчезли. Но можно ли представить, чтобы человѣкообразное существо, лишившись какъ-нибудь небольшого числа волосъ на спинѣ, вдругъ почувствовало отвращеніе къ волосамъ — къ этой прекрасной защитѣ отъ холода, дождя и частію зноя? Откуда взялось въ этомъ существѣ, въ сущности долженствующемъ имѣть тогда самыя ничтожныя отличія отъ ближайшихъ къ нему животныхъ, сполна покрытыхъ волосами, нежеланіе походить на животныхъ? Если въ настоящее время весьма многіе повидимому ученые люди не только не гнушаются производить себя отъ обезьяны, но даже чуть не гордятся этой генеалогіей, то представляется весьма страннымъ, почему это первобытный человѣкъ, долженствовавшій такъ близко стоять къ животнымъ, вдругъ сталъ *конфузиться* своимъ сходствомъ съ этими послѣдними. Да и правда ли наконецъ, будто присущее человѣку прогрессивное чувство такъ отвращается отъ всякаго *внѣшняго* сходства съ животными? Если у козла есть борода, то почему же прогрессивное чувство не воспрещаетъ самымъ ярымъ изъ современныхъ прогрессистовъ отпускать намѣренно самыя длинныя бороды? Но однимъ ли этимъ люди походятъ на животныхъ, и однакожъ не только не гнушаются сходства съ этими послѣдними, но даже создаютъ его тамъ, гдѣ бы этому сходству не должно быть мѣста....

Итакъ, и относительно исчезновенія у человѣка волосъ на спинѣ г. Вагнеръ не далъ никакого, хотя бы самаго малѣйшаго, объясненія съ точки зрѣнія естественныхъ дѣятелей: всѣ его аргументы въ пользу естественнаго, безъ всякаго участія высшаго существа, уничтоженія у человѣка волосъ на спинѣ на-

даютъ сами собою, болѣе и болѣе содѣйствуя этимъ твердости гипотезы Уоллеса. Нашему ученому остается какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ настоящемъ развѣ одинъ исходъ изъ затруднительнаго до крайности положенія — именно сказать, что если въ настоящее время нѣтъ возможности удовлетворительно изъяснить подобные разсматриваемымъ феномены, то съ дальнѣйшимъ прогрессомъ наукъ будутъ выработаны вполне достаточныя объясненія обыкновеннаго, устраняющаго дѣйствіе высшаго существа, происхожденія этихъ феноменовъ. Должно сказать, что это — обыкновенная уловка, къ которой такъ любить прибѣгать многіе современные ученые и копирующие ученыхъ, когда имъ показываютъ несостоятельность ихъ механическаго міровоззрѣнія. Мы не думаемъ впрочемъ, чтобы и г. Вагнеръ прибѣгнулъ къ этой безплодной уловкѣ по ея *ообоюдострому* значенію. Не входя въ разбирательство того, на что можетъ и на что не можетъ разсчитывать наука въ будущемъ ²¹⁾, мы скажемъ только слѣдующее: странно думать, что дальнѣйшій прогрессъ науки будетъ специальнымъ поставщикомъ данныхъ только въ пользу механическаго міровоззрѣнія, сличающагося устранить изъ міра дѣйствіе творческо-промыслительной силы Божіей. Наука не знаетъ и чужда эгоизма и пристрастій, свойственныхъ партіямъ, ее воздвѣываютъ люди какъ односторонняго и поверхностнаго ума, такъ и противоположнаго. Если теперь наука для трезвыхъ и непредубѣжденныхъ умовъ представляетъ болѣе и болѣе данныхъ для неизбѣжнаго заключенія о неизъяснимости существеннѣйшихъ феноменовъ міра изъ *однихъ* специально-естественныхъ дѣятелей ²²⁾, то современемъ наука можетъ-быть представить больше и больше данныхъ для научнаго обосно-

²¹⁾ Какъ смотрятъ нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ натуралистовъ на доступное и недоступное наукѣ, можно видѣть, между прочимъ, изъ брошюры Дюбуа Реймонда: *О предѣлахъ естествознанія* (въ переводѣ г-жи Милославской) и изъ брошюры Вирхова подъ заглавіемъ: *„Die Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat“* (Berlin, 1877).

²²⁾ Мы разумѣемъ, между прочимъ, вопросъ о возможности самопроизвольнаго зарожденія организмовъ, который недавно г. Тиндаль такъ блистательно разрѣшилъ въ отрицательномъ смыслѣ. См. его статью подъ заглавіемъ: *La génération spontanée* въ *La revue scientifique* (№ 51, за 1878 годъ).

ванія того возрѣнія, котораго неуязвимость такъ и удачно и находчиво *противъ собственной воли* защищаетъ г. Вагнеръ..

в) Нашъ ученый высказывается и противъ мысли Уоллэса о невозможности путемъ обычныхъ натуральныхъ дѣятелей объяснить образованіе у человѣка рукъ и ногъ съ отличающими ихъ весьма важными особенностями. Чтò же именно говоритъ г. Вагнеръ противъ Уоллэса въ настоящемъ случаѣ? Прежде всего онъ указываетъ на слѣдующія слова Уоллэса: „нѣкоторые путешественники показывали возможность противоположенія большаго пальца ноги остальнымъ четыремъ пальцамъ“. По мнѣнію г. Вагнера, эти слова Уоллэса доказываютъ именно возможность объяснить устройство рукъ и ногъ человѣка путемъ естественнаго подбора. Да и одинъ ли этотъ аргументъ говорить въ пользу естественнаго происхожденія у человѣка особенностей въ строеніи оконечностей? У Дж. Кроуфорда приведенъ рассказъ трехъ путешественниковъ, посѣтившихъ сѣверныя берега Новой-Гвиней. Они встрѣтили въ лѣсахъ множество туземцевъ обоеихъ половъ, которые перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, какъ обезьяны, жестикулируя, крича и смѣясь. Этѣмъ Жоффуа рассказываетъ о видѣнныхъ имъ на базарахъ Каира артистахъ, которые исполняли весьма искусно множество вещей съ помощью ногъ, захватывая предметы большими пальцами. Эти факты свидѣтельствуютъ о возможности для человѣка противопоставлять большой палецъ ноги остальнымъ пальцамъ, говоря въ тоже время и о способности хватанія посредствомъ ногъ, существующей у нѣкоторыхъ человѣческихъ расъ. Чтò же невозможно въ томъ, что естественный подборъ, въ видахъ благодѣтельнаго для человѣка вертикальнаго положенія, устранялъ мало-по-малу въ оконечностяхъ человѣка все, несогласовавшееся съ этой цѣлью и выработалъ наконецъ организмъ съ устойчивой постановкой нижнихъ оконечностей? Уоллэсу кажется непонятнымъ, чтò выигралъ человѣкъ отъ вертикальнаго положенія? Но вѣдь это положеніе есть непремѣнное условіе цивилизаціи. Но чѣмъ же объяснить указываемое Уоллэсомъ явленіе, состоящее въ томъ, что между руками дикарей попадаются стройныя, пропорціональныя въ ихъ частяхъ, руки, строеніе которыхъ вовсе не вяжется съ тѣми немногосложными грубыми работами, которыя онѣ исполняютъ? Это явленіе объ-

яняется закономъ *гармоническихъ соотношеній*, въ силу котораго сложно организованная рука могла появиться вмѣстѣ съ другими неизвѣстными чертами организма, съ которыми она неразрывно связывается *какими-то* до сихъ поръ *неизвѣстными* намъ путями. Мы видимъ вообще извѣстное соотвѣтствіе между формой тѣла и его оконечностями не только у человѣка, но и у всѣхъ животныхъ.

Таковы разсужденія г. Вагнера относительно происхожденія у человѣка такого устройства оконечностей, которое, по мнѣнію Уоллеса, необъяснимо при помощи однихъ натуральныхъ дѣятелей. Прежде всего относительно замѣчаній г. Вагнера мы должны сказать слѣдующее: хотя бы ему и удалось изъяснить особаго рода устройство у человѣка оконечностей изъ однихъ естественныхъ, присущихъ природѣ, дѣятелей, тѣмъ не менѣе пораженіе Уоллеса останется фиктивнымъ или недѣйствительнымъ. Человѣкъ въ своей тѣлесной и духовной организаціи представляетъ, уже по однимъ указаніямъ Уоллеса, слишкомъ много особенностей, невыводимыхъ изъ дѣйствій одной природы, взятой внѣ воздѣйствія на ея работы какой-либо высшей разумно-свободной силы. Возможность представить болѣе или менѣе удовлетворительное изъясненіе изъ однихъ дѣйствій природы какой-либо одной особенности утрачиваетъ свое научное значеніе отъ невозможности изъяснить этимъ же путемъ цѣлый рядъ другихъ особенностей. Но пусть за насъ лучше скажетъ объ этомъ натуралистъ Гексли. „Каждая гипотеза, говоритъ онъ, должна разъяснить всю совокупность фактовъ, о которой она желаетъ дать отчетъ. Если же хотя относительно одного изъ фактовъ возможно доказать, что онъ не только не объясняется, но даже противорѣчитъ ей, въ такомъ случаѣ гипотеза распадается въ прахъ. Одинъ фактъ, съ которымъ она положительно несовмѣстна, также важенъ, какъ 500 подобныхъ фактовъ и совершенно достаточенъ для того, чтобы отвергнуть гипотезу“²²⁾. Но мы уже видѣли, какъ напрасно усиливался г. Вагнеръ объяснить двѣ такихъ существенныхъ особенности въ человѣкѣ,

²²⁾ Наши свѣдѣнія о причинахъ явленій въ органической жизни. Переводъ съ англ. яз. стр. 192 и 213.

каковы устройство мозга и утрата волосъ на спинѣ. Что же касается гипотезы г. Уоллэса, то она, удовлетворительно объясняя эти и другія особенности, въ тоже время разрѣшаетъ и остающіяся даже послѣ объясненій г. Вагнера недоумѣнія въ вопросѣ о происхожденіи у человѣка особаго устройства оконечностей. Такъ, и предполагая даже удовлетворительность объясненій нашего ученаго, гипотеза Уоллэса ничего къ сущности не теряетъ изъ поддерживающихъ ее научныхъ основъ. Однако, это еще—вопросъ, удалось ли нашему натуралисту объяснить съ помощью однихъ естественныхъ дѣятелей происхождение у человѣка особаго устройства оконечностей?

Что касается фактовъ, приводимыхъ г. Вагнеромъ на основаніи свидѣтельствъ самаго Уоллэса, другихъ ученыхъ и путешественниковъ въ пользу кажущейся возможности противоположенія большаго пальца ноги остальнымъ пальцамъ и способности хватанія посредствомъ ногъ, то эти факты сами по себѣ нисколько, по нашему мнѣнію, не доказываютъ того, чтобы особое устройство оконечностей у человѣка могло произойти путемъ естественнаго подбора. Англійскій натуралистъ зналъ же эти факты, и однакожь это не помѣшало ему объявить невозможнымъ объясненіе съ помощью одного естественнаго подбора этого явленія. И трудно въ этомъ разѣ, какъ и въ другихъ, оспорить Уоллэса, гдѣ онъ выводитъ изъ данныхъ все предполагаемыя имъ логическія слѣдствія. Относительно дикарей Новой-Гвиней, такъ мастерски лазающихъ по деревьямъ и перепрыгивающихъ съ одного дерева на другое, нужно еще доказать, что дѣйствительно они совершаютъ эти операціи при помощи хватательной способности, подобной лазающимъ животнымъ, а не вслѣдствіе пріобрѣтеннаго ими искусства и безъ особаго приспособленія оконечностей къ совершенію этихъ операцій, лазаютъ по деревьямъ и перепрыгивать съ одного дерева на другое. Ученый, цитуемый г. Вагнеромъ, именно Жоржъ Пуше, вспоминая рассказы объ этихъ вещахъ путешественниковъ, не рѣшается категорически утверждать, будто оконечности нѣкоторыхъ дикарей одарены хватательной, одинаковой съ животными, способностью, но ограничивается однимъ слѣдующимъ вопросомъ: знаемъ-ли мы, какимъ образомъ лазающія расы упо-

требляютъ свои ноги, и не можемъ-ли думать, что онѣ также захватываютъ ими съ помощью большихъ пальцевъ сучья деревьевъ, на которыхъ отчасти проводятъ свою жизнь? Но на этотъ вопросъ скорѣе всего можно отвѣчать, что мы не въ правѣ думать, будто у нѣкоторыхъ низшихъ человѣческихъ расъ существуетъ способность противоположенія большого пальца ноги остальнымъ пальцамъ. И это—вотъ почему. То самое лазанье по деревьямъ и перепрыгиванье съ дерева на дерево, на которое указываютъ для сближенія человѣка съ обезьяной, сами по себѣ вовсе не требуютъ противоположенія большого пальца ноги всѣмъ остальнымъ. И не обладая этой свойственной однимъ животнымъ способностью, человѣкъ въ состояніи научиться этому искусству въ случаѣ какой-либо необходимости. Кто вдалѣ, какъ матросы лазаютъ по мачтамъ и какія поразительныя эволюціи совершаютъ на нихъ, тотъ не затруднится представить и понять, какъ нѣкоторыя дикія племена могутъ искусно лазить по деревьямъ и даже перепрыгивать съ одного дерева на другое, вовсе не отличаясь способностью противоположенія большого пальца ноги всѣмъ остальнымъ. Да и одни-ли напрактиковавшіеся матросы отличаются мастерскимъ лазаньемъ по мачтамъ и т. п.? Миѣ лично приходилось не разъ наблюдать, какъ мало упражнявшіеся въ лазаньи по деревьямъ люди съ изумительной быстротой влѣзали на вершины очень высокихъ деревьевъ и даже одинъ изъ нихъ дѣлалъ весьма удачныя попытки перебираться на рукахъ съ одного ствола на другой при близкомъ конечно ихъ разстояніи другъ отъ друга. Но могу увѣрить г. Вагнера въ томъ, что эти лица имѣли такія же ноги, какъ у насъ всѣхъ, да еще имѣли на себѣ носки. Если даже непрактиковавшіеся люди способны быстро лазить по деревьямъ и даже съ помощью однихъ рукъ перебираться съ дерева на дерево, то какого же искусства могли достигнуть въ этомъ отношеніи нѣкоторыя дикія племена, которыхъ гнали на дерево какія-либо опасности отъ животныхъ и тому подобное? Вообще замѣтимъ, что если человѣкъ умѣетъ приспособить себя къ путешествію по канату черезъ Ніагарскій водопадъ и т. д., не имѣя для этого специальныхъ приспособленій въ родѣ острыхъ когтей и тому подобнаго, то не зачѣмъ поднимать шумъ изъ-за умѣнья нѣкоторыхъ

дикарей хорошо лазить по деревьямъ и даже перепрыгивать съ дерева на дерево. а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ выводиться изъ этого, будто ноги дикарей снабжены способностью противоположенія большаго пальца ноги всѣмъ остальнымъ. Все это можетъ случиться только при желаніи во что бы то ни стало, хотя бы вопреки фактамъ и здравому смыслу, провести любимую, но несостоятельную идею. Точно также нисколько не подрывается мысль Уоллеса и тѣмъ, что артисты Каира исполняли весьма искусно множество вещей съ помощью ногъ, захватывая предметы большими пальцами. Мы сами готовы указать на факты подобнаго рода, которые намъ приходилось лично наблюдать, хотя мы никогда не бывали въ Каирѣ. Мы видѣли писавшихъ съ помощью большаго пальца ноги, вязавшихъ чулки и т. п. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ужъ во всякомъ разѣ нето, что выводиться г. Вагнеръ. Эти факты говорятъ въ пользу изумительной изобрѣтательности и находчивости человѣка, которыми онъ обязанъ своему уму, столь рѣшительно отличающему его качественно отъ высшихъ даже животныхъ. Только соглашаясь съ г. Бекетовымъ, что у самаго грубаго дикаря разумъ *безконечно* выше, чѣмъ у самой совершенной обезьяны ²⁴⁾, уже не говоря о превосходствѣ цивилизованнаго человѣка передъ животными, мы можемъ разъяснить и этого рода факты. Человѣкъ, благодаря своему уму и силѣ своей воли, можетъ, какъ оказывается, эксплуатировать для извѣстной дѣятельности даже такіе органы и члены своего тѣла, которые предназначены своимъ устройствомъ къ иной дѣятельности. Развѣ опытъ мало представляетъ доказательствъ въ пользу этой истины? Извѣстны случаи, что человѣкъ, лишившійся рукъ и ногъ, совершаетъ зубами такія тонкія и сложныя дѣйствія, для какихъ нужна не всякая, какая ни попало, а опытная и изощренная рука. Недавно еще въ газетахъ сообщалось объ одномъ весьма замѣчательномъ *стѣломъ* скульпторѣ который глаза замѣнилъ путемъ упражненія руками въ дѣлѣ своего искусства... Мало-ли можно было бы указать и другихъ подобныхъ случаевъ? Съ другой

²⁴⁾ Стр. 589 въ статьѣ: *О борьбѣ за существованіе въ органическомъ мѣрѣ* помѣщ. въ 10 кн. „Вѣстника Европы“ за 1873 г.

стороны, не напрасно же и г. Вагнеръ называетъ *артистами* лицъ, которыя на базарахъ Каира совершали съ помощью ногъ множество вещей, требовавшихъ приспособленной хватательной способности въ большомъ пальцѣ ногъ. Это дѣйствительно своего рода артисты, сзумѣвшіе посредствомъ продолжительнаго упражненія заставить ноги совершать несвойственные имъ дѣйствія. Подобнаго рода факты скорѣе всего даютъ противоположный выводъ сравнительно съ тѣмъ, какой дѣлаетъ изъ нихъ г. Вагнеръ. Изъ этихъ фактовъ оказывается, что не получивъ отъ природы оконечностей съ хватательной способностью, человѣкъ ухитряется, благодаря своему уму и силѣ своей воли, дѣйствовать и имѣющимися у него оконечностями на подобіе тѣмъ, которыя имѣютъ оконечности съ инымъ строеніемъ.

Но если есть полная возможность истолковать факты, на которые ссылается г. Вагнеръ, въ смыслъ болѣе соответствующемъ существу дѣла и однороднымъ съ ними явленіямъ, чѣмъ это выходитъ у нашего ученаго, то на какихъ же основаніяхъ можетъ онъ говорить о томъ, будто особое устройство оконечностей у человѣка произошло путемъ естественнаго подбора? Да еслибы факты, приводимые г. Вагнеромъ, и доказывали то, чего они не доказываютъ нисколько, и въ такомъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ, что собственно вызвало стремленіе въ животномъ къ вертикальному положенію и какъ это стремленіе перешло въ самый фактъ вертикальнаго положенія И въ настоящее время нѣкоторыя дикія племена и люди, принадлежащіе къ цивилизованнымъ расамъ, какъ это указываетъ намъ самъ же г. Вагнеръ, нуждаются иногда въ хватательныхъ способностяхъ оконечностей. Какимъ же образомъ мнимый четверорукий прародитель-человѣкъ вдругъ возымѣлъ стремленіе къ вертикальному положенію и какъ онъ добился осуществленія этого своего платоническаго влеченія? Фраза г. Вагнера, что вертикальное положеніе есть непремѣнное условіе цивилизаціи, ничего здѣсь не разъясняетъ, если не затемняетъ. Всякій знаетъ, что безъ вертикальнаго положенія человѣкъ и человѣческая исторія не были бы тѣмъ, что они есть. Но всякій, хотя немного осмѣливающійся думать самостоятельно, внѣ рабской зависимости отъ разныхъ „последнихъ словъ науки“ и ходячихъ воззрѣній, долженъ же согласиться, что ссылка на важ-

ное значеніе вертикальнаго положенія человѣка нисколько не служить аргументомъ въ пользу происхожденія человѣка съ помощію однихъ только обычныхъ натуральныхъ дѣятелей, безъ всякаго участія высшаго Разума и высшей Воли. Не скорѣе ли подобная ссылка говоритъ какъ разъ о противоположномъ? Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло безсознательнымъ и безвольнымъ силамъ и законамъ природы до цивилизаціи? Если и изъ людей находятся не мало такихъ, которые совершенно чужды интересамъ прогрессивнаго развитія цивилизаціи, то объ обычныхъ дѣятеляхъ природы и говорить нечего. А между тѣмъ выработка у перваго существа какихъ-либо особенностей, нужныхъ со временемъ еще только для интересамъ цивилизаціи, необходимо предполагаетъ какъ сознательное и всецѣлое сочувствіе къ интересамъ цивилизаціи, такъ и предвѣдніе средствъ и условій ея возникновенія и развитія. Вотъ почему такой трезвый и положительный умъ, какъ Уоллэсъ, отбрасывая всяческіе предрасудки, и вынужденъ былъ высказать мысль о непрѣмномъ участіи высшаго Разума и высшей Воли въ исторіи происхожденія человѣка. Пусть умы со спутанными понятіями о вещахъ называютъ такой взглядъ Уоллэса непрогрессивнымъ и несовременнымъ. Но должно ли это останавливать людей мысли отъ сознательнаго сочувствія къ взгляду Уоллэса? Очевидно, нѣтъ и нѣтъ! Люди здоровой мысли очень хорошо понимаютъ, что прогрессивнымъ въ области человѣческихъ воззрѣній должно называться не то, что въ ходу въ послѣднее время, а только то, что болѣе разумно и основательно, хотя бы оно всѣми осмѣивалось. Истинными либералами только и должны считаться эти люди независимой отъ ходячихъ воззрѣній мысли, ибо либерализмъ собственно означаетъ свободу отъ утвердившихся несостоятельныхъ мнѣній. И по нашему мнѣнію, которое еслибы потребовалось, можно было бы доказать едвали опровержимымъ образомъ, ретроградомъ и консерваторомъ является никакъ не Уоллэсъ, а скорѣе люди, отрицающіе во что бы то ни стало его воззрѣніе... Что безъ допущенія мысли объ участіи высшаго Разума и высшей Воли нельзя объяснить вертикальнаго положенія человѣка, это предполагается не одними только уже изложенными соображеніями. Уоллэсъ справедливо ставитъ вопросъ: что же выигралъ именно *примитивный* чело-

вѣкъ отъ вертикальнаго положенія? Такъ какъ важно знать, что собственно выигралъ отъ вертикальнаго положенія именно *примитивный* человѣкъ, который только еще оставлялъ прежнее положеніе, а не *отдаленнѣйшіе* его потомки, то г. Вагнеру какъ серьезно ученому и слѣдовало бы обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, а не расточать неотносящіяся къ дѣлу фразы о важности для цивилизаціи вертикальнаго положенія человѣческаго тѣла. Уклоненіемъ отъ прямаго и положительнаго отвѣта на вопросъ Уоллеса г. Вагнеръ какъ нельзя лучше доказалъ справедливость мысли англійскаго, уважаемаго за его независимый образъ мыслей, натуралиста, что путемъ естественнаго подбора невозможно объяснить вертикальнаго положенія человѣческаго тѣла. Почему именно для примитивнаго человѣка не было никакой выгоды отъ вертикальнаго положенія, на это прекрасно отвѣчаетъ нашъ знаменитый покойный натуралистъ Бэръ. Встѣ его слова: „какъ достигла, спрашиваетъ Бэръ, родоначальница наша обезьяна, что получила человѣческую ногу? Должны ли мы принять, что такая родоначальница бросила деревья и начала упражняться въ хожденіи по ровной землѣ, что отъ этого нога постепенно улучшилась, большой палецъ сталъ мало-по-малу менѣе отставать отъ другихъ и философская обезьяна приучилась держаться и стоять отвѣсно, причѣмъ колѣни могли выпрямиться съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ теченіи тысячелѣтій, ноги сдѣлались длиннѣе, руки и челюсти—короче и наконецъ выпали волосы вездѣ кромѣ головы и нѣкоторыхъ другихъ частей тѣла, гдѣ они быть-можетъ менѣе необходимы? Но куда же дѣвалась борьба за существованіе? Плоды, которыми обезьяна прежде питалась, растутъ на деревьяхъ. Почему же она не вернется за ними назадъ на деревья, по крайней мѣрѣ въ первое время, если она въ послѣдствіи научилась разводить арбузы, а можетъ-быть и рисъ? И отчего она не останется на деревьяхъ, такъ какъ каждый видъ животныхъ заботится о своемъ сохраненіи? Должно ли принять, что всѣ деревья были вдругъ истреблены или ни одно изъ нихъ не стало приносить плодовъ? Но тогда необходимо должны были бы погибнуть всѣ обезьяны. Или надобно допустить, что обезьяны въ теченіе тысячелѣтій упражнялись въ хожденіи по ровной землѣ и съ земли доставали плоды, чтобы только отвя-

заться отъ роковой формы руки и не сохранить ее упражненіемъ въ лазаніи? Но это не будетъ борьбою за существованіе, а борьбою за цивилизацію, которой онъ должны были предаваться въ продолженіе столѣтій²⁵⁾. Другаго исхода нѣтъ при объясненіи вертикальнаго положенія человѣка кромѣ путаницы и противорѣчій, если это объясненіе имѣетъ въ своей основѣ одни натуральные дѣятели. Пусть г. Вагнеръ или кто-нибудь другой изъ одинаково съ нимъ мыслящихъ натуралистовъ укажетъ надлежащій выходъ изъ этого неустраимаго лабиринта—выходъ не насилюющій здраваго смысла и данныхъ опыта, и тогда только можно будетъ для истинно-научнаго воззрѣнія не имѣть ничего общаго съ честно и резонно высказанной идеей Уоллеса, противъ которой ополчился нашъ ученый. Ссылка г. Вагнера на законъ гармоническихъ отношеній, такъ прекрасно сформулированный и выясненный еще натуралистомъ Кювье²⁶⁾, ничего не объясняя въ вопросѣ о происхожденіи у человѣка особаго устройства оконечностей, нисколько не устраняетъ, а напротивъ настойчиво предполагаетъ и требуетъ отвергаемаго имъ участія высшаго Существа въ исторіи происхожденія человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, по какой достаточной причинѣ органы могутъ дѣйствовать не иначе какъ въ согласіи, и измѣняются въ одно и то же время и одинаковымъ образомъ, если въ этомъ нѣтъ нѣкотораго предусмотрѣнія со стороны того, кто или что въ состояніи предусматривать? И здѣсь одной простой встрѣчи условій недостаточно, ибо самая эта благоприятная и цѣлесообразная встрѣча составляетъ то, что требуетъ изъясненія, т.-е. причины достаточной...

г) Касательно происхожденія у человѣка голоса г. Вагнеръ замѣчаетъ слѣдующее: мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о развитіи голоса, вопросъ, достаточно разобранный Клапередомъ и составляющій самое слабое мѣсто въ ряду доводовъ въ пользу вѣщательства особой развивающей силы.

Очень сожалѣемъ, что г. Вагнеръ такъ свысока взглянулъ на

²⁵⁾ „Натуралистъ“, стр. 733.

²⁶⁾ См. его произведенія: 1) *Leçons d'anatomie comparée*, 2) *Discours sur les revolutions du globe* и др.

объясненіе Уоллеса по этому весьма немаловажному предмету. Въ противномъ случаѣ мы имѣли бы матеріалъ для дальнѣйшаго обоснованія мысли Уоллеса... Однако, замѣтимъ слѣдующее: если г. Вагнеру пришлось быть такимъ усерднымъ, хотя и косвеннымъ и невольнымъ, апологетомъ Уоллеса даже тамъ, гдѣ онъ всячески напрягался разбить Уоллеса, то мы, кажется, имѣемъ неоспоримое основаніе предполагать, что если бы нашъ ученый и не рѣшился спуститься до снисхожденія къ англійскому натуралисту, то и въ этомъ случаѣ доказалъ бы лишь одно — твердость положенія этого послѣдняго и свою соотвѣтственную слабость. И это тѣмъ болѣе въ правѣ мы предположить, что Клапаредъ, какъ видно изъ приложеннаго самимъ г. Вагнеромъ отвѣта со стороны Уоллеса на возраженія этого Клапареда, вовсе не успѣлъ доказать несостоятельности Уоллесовой мысли относительно происхожденія человѣческаго голоса. Отвѣтъ Уоллеса Клапареду можно было бы усилить новыми весьма существенными доводами, если бы г. Вагнеръ своими замѣчаніями противъ перваго изъ нихъ вызывалъ насъ на это.

А. Гусевъ.

(Окончаніе будетъ).

О КНИГЪ ПСАЛМОВЪ.

О происхожденіи Псалтири.—Исслѣдованіе свящ. *Н. Вишнякова*. Спб.

Книга о. Вишнякова представляетъ отрадное и рѣдкое явленіе въ нашей духовной литературѣ. Она должна занять мѣсто на ряду съ немногими болѣе или менѣе замѣчательными опытами библиологическихъ изслѣдованій, каковы напримѣръ, о происхожденіи книги Іова и Екклесіаста преосв. Филарета помѣщенные въ Трудахъ Кіевской духовной академіи. Авторъ принялъ на себя рѣшеніе важнаго и труднаго вопроса о происхожденіи псалмовъ и собраніи ихъ въ одну книгу. Какъ увидимъ, онъ выполнилъ свою задачу съ достоинствомъ и успѣхомъ, съ здоровою и основательною критикою.

Въ предисловіи авторъ между прочимъ предлагаетъ историческій очеркъ изученія Псалтири въ нашемъ отечествѣ. Послѣ краткаго, но обстоятельнаго обзорѣнія трудовъ по части исправленія и переводовъ Псалтири въ древнее время, онъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на начинающихся съ половины 18 вѣка въ болѣе научномъ видѣ изъясненіяхъ и руководствахъ къ изъясненію Псалтири, показывая значеніе замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ и оцѣнивая относительное ихъ достоинство. Таковы: толкованіе на книгу псалмовъ архіепископа псковскаго Иринея; руководство къ чтенію Св. Писанія Ветхаго

и Новаго Завѣта митр. с.-петерб. Амвросія, предисловіе къ переводу псалмовъ моск. арх. Амвросія (Зертисъ-Каменскаго); руководство къ познанію книги псалмовъ особенно систематическому и богословскому митр. моск. Филарета; обзоръ книги псалмовъ, опытъ археологической, филологической и герменевтической прот. Павскаго; толкованіе на первые 21 псалмовъ высокопреосв. Арсенія митроп. кievскаго; толкованіе на псалмы преосвященнаго Палладія еписк. сарапульскаго; замѣчанія на текстъ Псалтири по переводу I. XX и славянскому свящ. М. Боголюбскаго. Взглядъ автора на всѣ эти труды отличается безпристрастіемъ и основательностію. Обзоръ существующей у насъ литературы о Псалтири приводитъ его къ заключенію, что изученіе этой книги далеко не соотвѣтствуетъ широкому ея употребленію, и что оно много отстало отъ развитія нашей собственной науки по другимъ отраслямъ богословія. Почему онъ, въ виду сознаваемой въ нашемъ обществѣ потребности серьезнаго всесторонняго изясненія Псалтири, и избралъ эту книгу для своего изслѣдованія.

I.

Приступая къ историческому изслѣдованію о происхожденіи псалмовъ, авторъ предварительно представляетъ общій связанный очеркъ ветхозавѣтнаго псалмопѣнія на томъ справедливомъ основаніи, что исторія отдѣльныхъ псалмовъ представляетъ только звено въ цѣлой непрерывной исторической цѣпи развитія ветхозавѣтнаго священнаго псалмопѣнія, изъ которой не можетъ быть выдѣлена безъ ущерба въ надлежащей ясности и связи.

Исторію псалмопѣнія авторъ начинаетъ общимъ взглядомъ на тѣсную неразрывную связь развитія псалмопѣнія съ развитіемъ богооткровенной религіи, съ ходомъ откровенія вообще въ частности пророчества. Отказываясь провести полную параллель между тѣмъ и другимъ, онъ однако остается вѣрнымъ своему взгляду въ опредѣленіи главныхъ моментовъ процвѣтанія или упадка свящ. псалмопѣнія. Первымъ опытомъ св. псалмопѣнія было первое выраженіе религіознаго сознанія, чувства хвалы и благодарности новосозданнаго человѣка своему Творцу

и Господу. Но только со времени освобожденія евреевъ изъ Египта, съ этимъ началомъ новой жизни для Израиля наступаеъ періодъ происхожденія собственно поэзіи псалмовъ. Съ Давидомъ начинается золотой вѣкъ свящ. еврейской поэзіи. Псалмопѣніе дѣлается для Давида средствомъ изліянія его души передъ Богомъ въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни и живою дѣйственною силою для проведенія въ массу народа мудрыхъ его плановъ и намѣреній, къ возбужденію духа вѣры и благочестія. Особенно сильное вліяніе на возбужденіе и развитіе въ еврейскомъ народѣ псалмопѣнія во всей его красотѣ и совершенствѣ имѣло сдѣланное Давидомъ внесеніе музыки и пѣнія въ составъ еврейскаго богослуженія съ учрежденіемъ при скиинѣ постояннаго хора пѣвцовъ и музыкантовъ. Но цвѣтущее состояніе псалмопѣнія окончилось со смертію Давида, съ раздѣленіемъ царства еврейскаго. Впрочемъ паденіе это не было совершенное и окончательное. Въ продолженіе 37-лѣтняго существованія іудейскаго царства псалмопѣніе еще три раза, хотя и не на долгое время, снова пробуждалось и опять возвышалось до значительной степени процвѣтанія. Такъ было въ правленіе благочестивыхъ царей Иосафата, Езекии и Іосіа. Оживленіе псалмопѣнія при Іосіа не только переживаетъ его, но проходитъ чрезъ весь періодъ вскорѣ наступившаго затѣмъ плѣна вавилонскаго и продолжается послѣ плѣна до возстановленія Іерусалима и храма. Обстоятельства времени возбуждали вдохновенныхъ пѣвцовъ пѣть то скорбно-молитвенныя, то торжественныя хвалебно-благодарственныя пѣсни Господу. Поэтическое возбужденіе въ народѣ уступаетъ только временамъ Давида, такъ что въ Псалтири насчитывается столько же псалмовъ изъ времени послѣ плѣна, сколько ихъ приходится на все время существованія царства іудейскаго до конца плѣна. Только это время не было продолжительнѣе. Съ прекращеніемъ дѣятельности Ездры и Нееміи равно какъ и пророческаго служенія въ Израилѣ прекращается и даръ псалмопѣнія. Конечно и въ послѣдующія времена не было недостатка въ высокомъ одушевленіи напр. во времена Маккавеевъ: но это воодушевленіе было не вышечеловѣческое; народу іудейскому не доставало теперь благодатнаго пророческаго помазанія. Потому если и составлялись новыя духовныя пѣсни: то эти пѣсни образовали особыя сбор-

ники въ родѣ псалтири Соломона, но никогда не присоединялись къ Псалтири.

II.

Показавши общія условія и главные историческіе моменты развитія в.-завѣтной свящ. лирики, авторъ переходитъ къ главному предмету своего изслѣдованія—происхожденію отдѣльных пѣсней Псалтири. Такимъ образомъ изложенныя имъ въ исторіи псалмопѣнія общія положенія о времени* и условіяхъ его развитія должны получить свою твердость и значеніе доказанныхъ положеній. Сначала авторъ показываетъ несостоятельность основаннаго на библейскомъ словоупотребленіи и обычаѣ церкви называть псалмы именемъ Давида, мнѣнія многихъ древнихъ извѣстнѣйшихъ отцевъ и учителей церкви, равно какъ и позднѣйшихъ богослововъ и толкователей Псалтири—о написаніи всѣхъ псалмовъ Давидомъ. Затѣмъ онъ приводитъ общія основанія, по которымъ Псалтирь признается и должна быть признана сборникомъ пѣсней различныхъ писателей и разнаго времени, и замѣчаетъ, что эти основанія по самому свойству своему всегда представляютъ обширное поле догадкамъ изслѣдователей, откуда и происходитъ разногласіе въ опредѣленіи писателей и времени написанія отдѣльныхъ псалмовъ, особенно между новѣйшими толкователями отрицательнаго направленія. Изслѣдователь не считаетъ нужнымъ для цѣли своего изслѣдованія пускаться въ безконечный лабиринтъ разнообразныхъ предположеній о писателяхъ и времени написанія псалмовъ, справедливо замѣчая, что всѣ вообще новѣйшіе толкователи псалмовъ, слѣдующіе началамъ отрицательной критики, не отличаются безпристрастіемъ, напередъ задаваясь мыслию доказать позднѣйшее происхожденіе псалмовъ. Затѣмъ онъ объясняетъ планъ собственнаго изслѣдованія. „Мы съ своей стороны считаемъ за лучшее и болѣе надежное прежде всего держаться надписаній еврейскаго текста, пользуясь впрочемъ и надписаніями перевода LXX, а равно и другихъ переводовъ, когда это возможно безъ насилія и противорѣчія надписаніямъ еврейскимъ и другимъ болѣе яснымъ признакамъ происхожденія псалмовъ. При этомъ всѣ прочія какъ внѣшнія (другихъ книгъ и мѣстъ св. Писанія) такъ и внутреннія (содержаніе псал-

мовъ и языкъ) свидѣтельства послужатъ подтверженіемъ достовѣрности этихъ послѣднихъ; но преимущественно мы будемъ останавливаться на нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какими-либо толкователями усмотрѣны въ нихъ противорѣчія и несообразности съ надписаніями... Само собою разумѣется, что относительно псалмовъ не имѣющихъ надписаній нужно будетъ довольствоваться тѣми признаками и указаніями, какія представляются въ содержаніи и языкѣ псалмовъ, или другими сохранившимися о нихъ свидѣтельствами“.

Авторъ начинаетъ защищеніемъ подлинности 90-го псалма, надписаннаго именемъ Моисея, и чтобы устранить главное возраженіе противниковъ объясняетъ, что онъ могъ сохраниться до времени внесенія его въ книгу псалмовъ въ одномъ изъ сборниковъ пѣсней народа Божія, вѣроятно въ Книгѣ праведнаго. Затѣмъ переходитъ къ псалмамъ Давида, древнѣйшаго послѣ Моисея писателя псалмовъ. Частному изслѣдованію подлинности псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида (съ Евр. 73 псалма) онъ предпосылаетъ историческія положительныя свидѣтельства о существованіи и богослужебномъ употребленіи псалмовъ Давидовыхъ включительно до Ездры и Нееміи, приводитъ ясное свидѣтельство 2-й кн. Макавейской (2, 18) о присоединеніи этими мужами къ закону Моисееву вмѣстѣ съ историческими и пророческими книгами и псалмовъ Давида, съ котораго времени судьба ихъ неразрывно соединится съ судьбою всего св. канона; доказываетъ сохраненіе в.-завѣтнаго канона отъ временъ Ездры и Нееміи до пришествія Христова въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы теперь его имѣемъ. Доказательство этого онъ въ особенности видитъ въ книгѣ Премудрости сына Спратова и предисловіи къ греческому переводу, гдѣ указываются тѣ же самыя составныя части канона, какъ и въ словахъ Христа: „подобаетъ скончаться всѣмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о Мнѣ“ (Лук. 24, 44); а въ цитруемыхъ въ книгѣ и греческомъ ея переводѣ мѣстахъ изъ книгъ св. Писанія онъ находитъ, что греческо-александрійскій переводъ былъ одинаковъ съ еврейскимъ подлинникомъ, и оба въ свою очередь одинаковы какъ съ палестинскимъ, такъ и съ alexandрійскимъ канономъ временъ I. Христа, а равно и настоящаго времени.

Слѣдуя принятому плану, о. Вишняковъ далѣе посвящаетъ нѣсколько страницъ разсмотрѣнію достовѣрности еврейскихъ надписаній Давидовыхъ псалмовъ и разрѣшенію возраженій противниковъ ихъ подлинности. Признавая, что мы при большей части надписаній не можемъ сказать, которыя изъ нихъ принадлежатъ самимъ писателямъ и которыя только ихъ историкамъ или собирателямъ ихъ писаній, овъ полагаетъ однако что ничто не мѣшаетъ считать ихъ достовѣрными историческими свидѣтельствами. Правда свидѣтельства надписаній почти ограничиваются именами Давида и пѣвцовъ его; но отсутствіе такихъ надписаній у псалмовъ позднѣйшаго происхожденія только подтверждаетъ подлинность первыхъ, ибо еслибы они были придуманы, то по логической послѣдовательности у этихъ-то псалмовъ и нужно было ожидать такого рода надписаній. Молчаніе о другихъ писателяхъ псалмовъ объясняется всего естественнѣе тѣмъ, что на ряду съ именами Давида, его пѣвцовъ и знаменитаго его преемника на царствѣ никто изъ позднѣйшихъ псалмопѣвцевъ не осмѣливался называть себя по имени. Что LXX въ своемъ переводѣ опустили имя Давида, встречающееся въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ изъ пѣсней степеней (120, 121, 130, 132); отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобъ эти надписанія были позднѣйшими прибавленіями, хотя и трудно дать несомнѣнно вѣрное объясненіе такого явленія. Помѣщеніе псалмовъ Давидовыхъ къ концу Псалтири объясняется не временемъ происхожденія, а временемъ внесенія ихъ въ этотъ сборникъ, которое можетъ быть и очень позднимъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію главнаго основанія противниковъ достовѣрности надписанія Давидовыхъ псалмовъ—мнимой несообразности псалмовъ по ихъ содержанію и характеру, или по языку и изложенію, съ временемъ, характеромъ и обстоятельствами жизни псалмопѣвца, особенно же съ упоминаемыми въ надписаніяхъ историческими поводами.

Разсмотрѣвши 14 псалмовъ, въ надписаніяхъ которыхъ, кромѣ имени Давида, находятся еще болѣе или менѣе подробныя указанія историческихъ поводовъ къ написанію ихъ, авторъ заключаетъ: „такимъ образомъ многія вполне вѣроятныя основанія происхожденія надписаній, если не отъ самого писателя псалмовъ, то отъ древнѣйшихъ его историковъ, и съ одной сто-

роны общность содержанія псалмовъ, устраняющая возможность поддѣлки таковыхъ надписаній, съ другой—соотвѣтствие содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка псалмовъ съ лицемъ и характеромъ Давида, равно какъ и съ обстоятельствами жизни, какія указываются въ надписаніяхъ, и при этомъ совершенное отсутствіе между тѣми и другими какихъ-либо противорѣчій и несообразностей, и вообще очевидная несостоятельность основаній, приводимыхъ въ доказательство ихъ позднѣйшаго происхожденія,—все это побуждаетъ насъ признать совершенную достовѣрность двойнаго свидѣтельства надписаній разсматриваемыхъ нами псалмовъ не только относительно ихъ писателя, но и тѣхъ поводовъ, какіе указываются въ надписаніяхъ⁴. Отъ псалмовъ съ именемъ Давида и указаніемъ поводовъ къ написанію ихъ, о Вишняковъ обращается къ псалмамъ надписаннымъ именемъ Давида, въ надписаніяхъ которыхъ находится множество другихъ археологическихъ указаній и замѣчаній относительно ихъ религіозно-богослужебнаго, поэтическаго или музыкальнаго характера и назначенія, которые по большей части общи имъ съ тѣми псалмами—несомнѣнно Давидовыми. Сличая означенныя надписанія съ древнимъ греческимъ и нѣкоторыми другими переводами и объясненіями, онъ приходитъ къ заключенію, что происхожденіе ихъ теряется въ глубокой древности,—настолько превышающей древность перевода LXX, что во времени составленія его входящіе въ составъ ихъ термины успѣли не только выйти изъ употребленія, но и совершенно утратили свое значеніе, такъ что никакое, ни устное, ни письменное преданіе не сохранило его до переводчиковъ. Не совѣмъ ясный у LXX переводъ надписанія 15 псалмовъ (120—134) словами $\psi\delta\eta$ $\tau\omega\nu$ $\delta\nu\alpha\beta\alpha\theta\mu\omega\nu$ (пѣснь степеней) несмотря на позднее происхожденіе такого надписанія,—не раньше временъ Еадры или возвращенія изъ плѣна,—представляетъ въ этомъ случаѣ только повидимому исключеніе: потому что замѣчаемая неясность перевода LXX существуетъ лишь по отношенію къ намъ а сами переводчики, какъ можно думать, согласно съ обще-іудейскими, а частію и христіанскими преданіями соединяли съ $\psi\delta\eta$ $\tau\omega\nu$ $\delta\nu\alpha\beta\alpha\theta\mu\omega\nu$ точное и опредѣленное значеніе о пѣніи означенныхъ 15 псалмовъ на ступеняхъ втораго храма Іерусалимскаго. Что касается до времени происхожденія непонятныхъ у LXX и въ

другихъ переводахъ надписаній псалмовъ съ именемъ Давида: то весьма естественно предполагаетъ авторъ, что они произошли при непосредственномъ участіи вѣнчаннаго пѣвца Израилева, отъ котораго должна была получить свое развитіе и обработку музыкально-вокальная или поэтическая терминологія, образцы которой представляютъ намъ псалмы, написанные именемъ Давида. Только самъ писатель или ближайшіе къ нему собиратели и исполнители ихъ при богослуженіи могли знать и имѣли побужденіе означить въ надписаніяхъ подобныя особенности, а никакъ не позднѣйшіе собиратели и редакторы Псалтири.

Краткимъ, но нагляднымъ и убѣдительнымъ сличеніемъ содержанія отдѣльныхъ псалмовъ или цѣлыхъ однородныхъ группъ съ исторіей Давида, авторъ доказываетъ далѣе, что псалмы 8 и 143 относятся къ ранней эпохѣ жизни Давидовой; 11, 12, 13, 15, 16, 21, 30, 34, 35, 68 и 108—ко времени Сауловыхъ гоненій противъ Давида. Немало сходства представляется въ содержаніи псалмовъ съ исторіей и молитвами пророка Іереміи, котораго потому и думаютъ многіе признавать ихъ писателемъ. Но если содержаніе псалмовъ, замѣчаетъ авторъ, представляетъ одинаковое сходство съ исторіей нѣсколькихъ лицъ, то въ рѣшеніи вопроса о писателѣ ихъ слѣдуетъ отдать преимущество тому, на сторонѣ котораго и внѣшнее свидѣтельство, каково напр. свидѣтельство надписаній. Но такое преимущество единственно на сторонѣ Давида. Давидъ былъ прообразомъ Христа Спасителя и въ то же время пророкъ, издавша тайны царствія Божія. Отсюда понятно, говоритъ авторъ, что въ нѣкоторыхъ псалмахъ изъ этой группы прообразуемый переступалъ за предѣлы своего историческаго прообраза: здѣсь уже нельзя искать полнаго соответствія съ этимъ послѣднимъ; здѣсь уже кончается область исторической дѣйствительности, и пророкъ отъ первоначальнаго своего историческаго типа,—будетъ ли это онъ самъ или другое лицо и событіе,—путемъ поэтической идеализаціи восходитъ въ область чистыхъ пророческихъ созерцаній.

На основаніи сходства содержанія псалмовъ съ исторіей Давида авторъ относитъ къ обстоятельствамъ слѣдовавшимъ за его паденіемъ—покаянію его и наказанію за грѣхъ возмущені-

емъ Авессаломъ—покаянные псалмы Давыдовы 6, 31, 37, 142 и 38, также многіе другіе изъ надписанныхъ именемъ Давида, которые всѣ вмѣстѣ, при извѣстномъ болѣе или менѣе хронологическомъ расположеніи, можно назвать какъ бы лирическимъ изложеніемъ исторіи Авессаломова возстанія. Одни изъ такихъ псалмовъ, какъ 5, 10, 25, 40, 54, 57, 63, 139 въ отношеніи къ самому началу исторіи Авессаломова возстанія, именно возникновенію и постепенному развитію заговора, представляютъ даже нѣкоторыя новыя черты и особенности, которыя значительно уясняютъ происхожденіе этого печальнаго явленія и отношенія къ нему Давида. Другіе вызваны были обстоятельствами со дня бѣгства его изъ Іерусалима до окончательнаго усмиренія мятежниковъ. Таковы слѣдующіе 10 псалмовъ: 4, 22, 24, 26, 27, 36, 60, 61, 85 и 140. „Правда, всѣ указанія разсматриваемыхъ нами псалмовъ на приведенные нами историческіе факты не настолько ясны и опредѣленны, чтобъ устранялось всякое сомнѣніе въ дѣйствительности такого отношенія; но они нисколько не выиграютъ въ ясности и опредѣленности, если мы вмѣстѣ съ представителями отрицательной критики безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ одного случайнаго сходства, станемъ объяснять ихъ о другихъ событіяхъ и приписывать эти псалмы другому времени и другимъ писателямъ“.

Тѣмъ же самымъ приѣмомъ авторъ защищаетъ далѣе происхожденіе отъ Давида надписанныхъ его именемъ псалмовъ, относя одни изъ нихъ къ обстоятельствамъ войны Давида съ Сирійцами и Аммонитянами: 9, 123, 19, 20, 67; другіе — къ перенесенію ковчега Завѣта въ Іерусалимъ въ новоустроенную скинію Сіонскую: 100, 23, 14, 130, 121, 132 (хотя три послѣдніе поставлены въ числѣ пѣсней степеней) и 64, написанный Давидомъ по случаю всенароднаго празднованія на Сіонѣ одного изъ великихъ праздниковъ, хотя въ переводахъ къ имени Давида въ надписаніи его прѣбавляется: „пѣсня Іереміева и Іезекіилева людей преселенія, егда хотяху исходити“.

Положеніе псалмовъ Давидовыхъ, замѣчаетъ авторъ, между пѣснями степеней, въ числѣ которыхъ дѣйствительно есть пѣсни составленныя во время или вскорѣ послѣ пѣсна Вавилонскаго, ничего не говоритъ противъ принадлежности ихъ Давиду; этимъ положеніемъ равно какъ и прибавленіемъ къ надписанію въ переводахъ указывается на время

преимущественнаго употребленія псалма въ исторіи народа Божія, вѣроятно на основаніи преданія. При этомъ авторъ со всею основательностію показываетъ невѣроятность того предположенія защитниковъ послѣднѣннаго происхожденія этихъ псалмовъ, что будто бы въ немъ позднѣйшій писатель переносится мыслію къ прошедшимъ временамъ Давида.

Къ полученію Давидомъ величественнаго обѣтованія о вѣчномъ продолженіи царствованія въ его потомствѣ относятъ авторъ,—и доказываетъ это указаніемъ признаковъ и намековъ на это событіе въ содержаніи псалмовъ—слѣдующіе псалмы надписанные именемъ Давида: 39, 137, 109. Признанная достовѣрность большей части надписаній служитъ ему ручательствомъ достовѣрности и въ остальныхъ немногихъ псалмахъ, приписываемыхъ Давиду, въ содержаніи которыхъ не представляется никакихъ специальныхъ отношеній къ событіямъ Давидова времени и вообще какимъ-либо историческимъ обстоятельствамъ, по которымъ бы можно было догадываться о времени ихъ происхожденія и писателѣ. Это псалмы 18, 28, 102, 138 и 144.—Псалмы 52, 69 и 107 надписанные именемъ Давида авторъ признаетъ измѣненною въ нѣсколькихъ словахъ редакцію тѣхъ Давидовыхъ псалмовъ, изъ которыхъ они составлены (52 изъ 13, 69 изъ 39 ст. 14—18, 107 изъ 56 ст. 8—12 и 59, ст. 7—14), и можетъ-быть принадлежашею самому Давиду. „Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе о псалмахъ надписанныхъ въ еврейскомъ текстѣ именемъ Давида, изъ 73 такихъ псалмовъ мы не находимъ ни одного, котораго бы нельзя было съ полною вѣроятностію приписать ему, или который съ большею основательностію слѣдовало бы отнести къ позднѣйшимъ временамъ плѣна Вавилонскаго и слѣдующимъ за нимъ включительно до маккавейскаго періода, какъ того хотятъ толкователи псалмовъ раціоналисты. Доказательства ихъ по большей части не выдерживаютъ критики и прямо исключаются очевидными и положительными данными за составленіе ихъ Давидомъ; въ другихъ же случаяхъ хотя имѣютъ нѣкоторый видъ основательности, но сравнительно стоятъ ниже основанийъ въ пользу Давидова происхожденія, а если иногда и равняются въ представляющей вѣроятности, то и тогда на сторонѣ этихъ послѣднихъ остается значительное преимущество въ ручательствѣ представляемаго над-

писаніями древняго преданія, какого не имѣютъ за себя догадки новѣйшихъ толкователей и которо: потому и должно дать перевѣсъ въ рѣшеніи вопроса о писателѣ“.

Кромѣ псалмовъ приписываемыхъ Давиду въ еврейскомъ текстѣ, изслѣдователь относитъ къ нему и нѣкоторые изъ псалмовъ, не имѣющихъ надписаній въ подлинникѣ и надписывающихся его именемъ только у LXX и въ другихъ древнихъ переводахъ, а именно: 1, 2, 32, 70 и 103. Псаломъ 2-й усвоится Давиду Апостоломъ Дѣян. 4, 25; кромѣ того началомъ и основой содержащихся въ немъ пророческихъ созерцаній служить возвѣщенное Давиду чрезъ пророка Наеана обѣтованіе, а самое изображеніе Мессіи объясняется многочисленными возстаніями, непрерывными войнами и славными побѣдами Давида. Псаломъ 1-й составляетъ вмѣстѣ со 2 двучастное цѣлое произведеніе или соединенную пару псалмовъ; точно также слѣдующіе псалмы 32 и 70 составляютъ естественное и необходимое развитіе предшествующихъ 31 и 69 псалмовъ; 103 есть не что иное, какъ гимнъ Творцу и Промыслителю вселенной близко сходный съ подобными Давидовыми (пс. 8 и 17, 7—17, 18, 28, 64, 143, 144). Хвалебное восклицаніе въ концѣ псалма „аллилуія“, въ первый разъ упоминаемое только въ книгахъ Паралипоменонъ и Ездры, должно составлять надписаніе слѣдующаго 104 псалма.

Сверхъ исчисленныхъ 78 псалмовъ авторъ не признаетъ Давидовыми никакихъ другихъ псалмовъ, приписываемыхъ Давиду у LXX и въ другихъ древнихъ переводахъ.

Изъ псалмовъ не Давидова происхожденія, согласно съ надписаніемъ еврейскаго текста, авторъ считаетъ принадлежащими Соломону какъ писателю псаломъ 71, хотя онъ въ переводѣ LXX надписывается: о Соломонѣ; также 126, хотя у LXX онъ и не надписывался именемъ Соломона. Соломону же приписываетъ еще авторъ не имѣющей надписанія псаломъ 131, потому что подъ водвореніемъ Господа въ постоянномъ жилищѣ, о которомъ говорится въ псалмѣ (ст. 8 и 13—14) очевидно разумѣется поставленіе ковчега Завета въ новоустроенномъ для него Соломономъ храмѣ, а писатель книги Паралипоменонъ 8, 9 и 10 стихи псалма вносятъ въ составъ молитвы Соломона на освященіе храма (2 Пар. 6, 41—42).

Подъ именемъ Асафа, приводимымъ въ надписаніяхъ 12 псалмовъ, авторъ разумѣетъ левита изъ племени Гирсонова, одного изъ трехъ начальниковъ хора при Давидѣ. Показавши характеристическія особенности псалмовъ написанныхъ именемъ Асафа, онъ изъ числа ихъ на основаніи содержанія приписываетъ только пять псалмовъ пророку Асафу, современнику Давидову: 49, 72, 77, 80 и 81. Въ псалмѣ 77 онъ видитъ особенную цѣль оправдать перенесеніе святилища изъ Силома на Сіонъ и царской власти изъ колѣна Ефремова въ колѣно Іудино и удержать недовольныхъ тѣмъ отъ предусматриваемаго отпаденія отъ дома Давидова. Предметы поучительнаго содержанія слѣдующихъ четырехъ псалмовъ онъ естественно и непринужденно объясняетъ изъ различныхъ событій царствованія Давидова: напимѣръ обличительную проповѣдь противъ неправедныхъ судей псалма 81—изъ тѣхъ злоупотребленій нѣкоторыхъ судей Давидовыхъ, которые подали Авессалому поводъ возбуждать въ народѣ сомнѣніе въ правосудіи отца; предостереженіе отъ соблазна виднымъ счастіемъ нечестивыхъ въ псалмѣ 72—изъ исторіи гоненій Саула на Давида и временныхъ успѣховъ Авессаломова возстанія окончившихся гибелію обоихъ. Остальные семь псалмовъ, надписывающихся именемъ Асафа, авторъ присвоетъ кому-либо изъ благочестивыхъ пѣвцовъ многочисленной фамиліи Асафа, непрерывно продолжавшейся до времени и послѣ плѣна Вавилонскаго и ставшей потомъ во главѣ хора пѣвцовъ втораго храма Іерусалимскаго (Ездр. 2, 41. Неем. 7, 44 и 11, 22). Стараясь подражать ему они скрыли свое имя подъ его именемъ, подобно какъ пѣвцы изъ племени Кореева, не имѣя столь знаменитаго пѣвца родоначальника, скрыли свои имена подъ общимъ племеннымъ названіемъ сыновъ Кореевыхъ. Историческимъ поводомъ къ написанію псалма 82 всего вѣроятнѣе признавать враждебный союзъ противъ іудеевъ въ царствованіе Іосафата (2 П. 20). Это — молитвенная пѣснь пророчествовавшего тогда Іозіила, левита изъ сыновъ Асафовыхъ, которою пѣвцы хвалили Господа, выступая впереди Іосафатова войска на встрѣчу непріятелямъ. Псалмы 74 и 75 (послѣдній въ греческомъ переводѣ съ прибавкою въ надписаніи: πρὸς τὸν Ἀσάβριον) принадлежатъ кому-либо изъ потомковъ Асафовыхъ времени царствованія Езекии и написаны по случаю избавленія Іерусалима отъ

Ассирійскаго нашествія, первый прежде самаго избавленія, вслѣдъ за предсказаніемъ о томъ Исаи пророка, послѣдній въ благодарность за совершенное истребленіе ассирійскаго войска. Во времени ассирійскаго преобладанія имѣеть отношеніе и псаломъ 79 (ὕμν. τοῦ Ἀσσυρίου). Историческое положеніе Израиля не восходитъ далѣе періода времени между царствованіемъ Манассіи и паденіемъ царства Іудейскаго при Седекѣ, и есть то самое, которымъ Господь угрожалъ нечестивому Манассіи (4 Ц. 21, 14). Остальные два псалма 73 и 78 написаны были около времени халдейскаго нашествія и именно по поводу этого событія. Псалмы эти, подобно плачу Іереміи, принадлежатъ кому-либо изъ очевидцевъ печальнаго событія и воспѣты имъ на развалинахъ отечества. Доказательства Маккавейскаго происхожденія этихъ псалмовъ отличаются особенною силою; но авторъ съ торжествомъ выходитъ изъ борьбы съ противниками.

Писателями двухъ псалмовъ надписанныхъ именами Емана и Еоана (иначе Идиоуна) Езрахитовъ, по изслѣдованію о. Вишнякова, были одни и тѣже съ левитами Еманомъ и Еваномъ пѣвцами Давида, а наименованіе свое они получили не вслѣдствіе своего происхожденія изъ рода Зары, изъ колѣна Іудина, а потому что долгое время жили въ колѣнѣ Іудиномъ среди потомковъ Зары, какъ показываютъ подобные примѣры 1 Ц. 1, 1. Суд. 17, 7. Содержаніе 88 псалма даетъ поводъ предполагать, что Еоанъ былъ еще очевидцемъ нашествія на Іудею при Ровоамъ египетскаго царя Сусакима.

Имя сыновъ Коревыхъ встрѣчаемое въ надписаніяхъ, кромѣ 87 псалма, еще 10 псалмовъ, согласно буквальному смыслу надписаній о. Вишняковъ принимаетъ за указаніе писателей псалмовъ, а не только того, что сіи псалмы назначены были имъ для пѣнія и музыкальнаго исполненія или найдены были собирателемъ въ ихъ хорѣ. Псалмы эти отличаются однимъ и тѣмъ же типомъ, существенной чертой котораго привязанность къ Іерусалиму и Сіонскому святилищу. Одни изъ нихъ относятся ко времени царя Давида, а именно 41 и не имѣющій надписанія, какъ его продолженіе 42,—43, 48 и 83. Предметъ псалмовъ 41, 42 и 83 общій всѣмъ псалмамъ изъ времени бѣгства Давида отъ Авессалома: это глубокая скорбь объ удаленіи отъ Сіонскаго святилища и горячая молитва о скорѣйшемъ возвращеніи къ

нему. 48 псаломъ, изображающій суетность счастья и особенно богатства нечестивыхъ, написанъ по поводу гибельнаго конца возмущенія Авессаломова. Сходный съ 59 псалмомъ 43 псаломъ воспѣтъ былъ по случаю идумейскаго нашествія, когда Давидъ былъ занятъ войною съ Сирійцами и составляетъ отголосокъ пѣсни самого Давида. Сродный съ Соломоновыми писаніями псаломъ 44 имѣетъ ближайшимъ предметомъ своимъ царя Соломона и поводомъ его бракосочетаніе, вѣроятно съ дочерью царя египетскаго. Три псалма сыновъ Кореєвыхъ 45, 46 и 47 сходнаго содержанія представляютъ хвалебно-благодарственные гимны Богу за чудесное избавленіе Израиля отъ нашествія враждебныхъ народовъ при Иосафатѣ. 86 псаломъ воспѣтъ былъ по случаю чудеснаго избавленія отъ ассирійскаго нашествія при Езекии, и остальной 84 вскорѣ по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго, когда Іудеи за свое нерадѣніе о строеніи храма, по предсказанію пр. Аггея, наказаны были отъ Бога засухою и безплодіемъ.

Согласно указаннымъ въ исторіи псалмопѣнія эпохамъ процвѣтанія свящ. лирики у Евреевъ, авторъ старается приблизительно опредѣлить время, когда были написаны занимающіе почти цѣлую треть Псалтири псалмы неизвѣстныхъ писателей, къ открытію которыхъ ни содержаніе псалмовъ, ни исторія или преданіе не представляютъ никакихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ основаній. Псалмы 65 и 66-й, въ которыхъ вдохновенный пѣвецъ какъ бы созерцаетъ начало осуществленія ожиданій Израиля о наступленіи всемірнаго царства Божія и призываетъ всѣ народы къ хваленію Господа, не восходятъ ранѣе времени избавленія Іерусалима отъ нашествія Сеннахирима при Езекии и могли быть написаны самимъ Езекиєю. Можетъ быть къ тому же или ближайшему времени принадлежать и псалмы 90 и 91-й (ст. 78). Слѣдующіе затѣмъ 8 псалмовъ 92—99-й, представляющіе какъ бы поэтическое переложеніе пророчествъ Исаи о вѣчномъ всемірномъ царствѣ Божіемъ (гл. 40—66), не могли быть написаны ранѣе времени происхожденія послѣдней части пророчествъ Исаи и составлены всего вѣроятнѣе въ царствованіе Іосіа. Псалмы 104 и 105-й воспѣты были въ утѣшеніе Іудеевъ во время плѣна, можетъ-быть кѣмъ-либо изъ находившихся тамъ пѣвцовъ Асафовой фамиліи. Доказывая свое предполо-

женіе о происхожденіи псалмовъ 104, 105 и 95-го авторъ даетъ наилучшее разрѣшеніе того недоумѣнія, что составленную изъ этихъ трехъ псалмовъ пѣснь писатель книги Паралипоменонъ (16, 7, 23—3) приводитъ какъ пѣснь Давида при поставленіи Ковчега въ Сіонской скиніи. Ко времени плѣна, когда Сіонъ лежалъ въ развалинахъ, относится и псаломъ 101 й. Такъ хорошо извѣстный псаломъ 136-й составляетъ одну изъ раннихъ пѣсней по возвращеніи изъ плѣна и можетъ-быть относится ко времени первоначальнаго возстановленія богослуженія. Принадлежность ко времени послѣ возвращенія изъ плѣна вавилонскаго всѣхъ прочихъ псалмовъ неизвѣстныхъ писателей: 106, 110—120, 122, 124, 125, 127—129, 133—135 и 145—150, послѣ общихъ основаній, какъ то: подражательнаго характера этихъ псалмовъ, языка избыткаго позднѣйшими арамеизмами, положенія ихъ въ послѣдней части Псалтири и другихъ,—доказываетъ авторъ частію содержаніемъ, частію внѣшними свидѣтельствами. По своему содержанію псалмомъ 106-й есть хвалебно-благодарственная пѣснь воспѣтая возвратившимся изъ плѣна Іудеями, можетъ быть при первомъ всенародномъ собраніи (ст. 32) въ Іерусалимѣ въ праздникъ новолѣтія. Поводомъ къ написанію пс. 117-го послужило празднество освященія втораго храма Іерусалимскаго, когда презрѣнный нѣкогда основной камень является уже во главѣ угла цѣлаго зданія (ст. 22—23). Если не представляютъ такихъ ясныхъ указаній, то очень подходятъ къ обстоятельствамъ перваго времени послѣ плѣна пс. 112 и 113-й представляющій молитву о помощи въ еще продолжавшемся бѣдственномъ состояніи возродившагося народа. Псалмы 114—116 можно признать благодарственными пѣснями за избавленіе изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находились Іудеи при построеніи втораго храма, а 134 и 135-й—послѣ окончанія постройки храма, и можетъ быть даже по случаю его освященія. Алѣвитные псалмы „аллилуіа: 110, 111 и 118-й, приточно поучительнаго характера, очень идутъ ко времени благочестивыхъ руководителей іудейскаго народа Ездры и Нееміи. Образъ богобояннаго мужа въ пс. 111, замѣчаетъ авторъ, представляетъ разительное сходство съ историческимъ образомъ Нееміи. Остальные псалмы „аллилуіа“ 145—150 представляютъ какъ бы одинъ раздѣленный на нѣсколько частей гимнъ по случаю празднества

освященія стѣнъ Иерусалима. Въ псалмѣ 145 предлагается на ставленіе плотскимъ Іудеямъ, какъ мало можно полагаться на благосклонность и обѣщанія то оказывавшихъ покровительство, то лишавшихъ онаго, персидскихъ государей, и что одному Господу принадлежитъ хвала и благодарность за всѣ блага, какія іудеи получили отъ благоволенія персидскихъ царей. Эту мысль псалмопѣвецъ развиваетъ въ прочихъ четырехъ псалмахъ. 6-й ст. 149 пс. напоминаетъ положеніе іудеевъ при возстановленіи стѣнъ Иерусалима, когда они съ молитвою въ устахъ и мечемъ въ рукѣ должны были производить работы (Неем. 4^а 14. 17. 23). Доказательства изъ содержанія псалмовъ авторъ подкрѣпляетъ внѣшнимъ свидѣтельствомъ надписаній ихъ въ греческомъ переводѣ именами Аггея и Захаріи. Эти надписанія сами собою свидѣлствуютъ противъ гипотезы маккавейскаго происхожденія означенныхъ псалмовъ. Сами защитники этой гипотезы сознаются, что греческій переводъ нельзя низводить познѣе половины послѣдняго вѣка предъ Р. Хр. Но въ этомъ случаѣ переводчики являются почти современниками предполагаемыхъ маккавейскихъ псалмопѣвцевъ, какъ Александръ Іанней († 75 до Р. Хр.), и потому совершенно невѣроятно, чтобы они не имѣли свѣденій о написанныхъ ими псалмахъ и допустили или ненамѣренную ошибку или намѣренный обманъ. Псалмы 145—150 признаются позднѣйшими изъ пѣсней Псалтири; поэтому что сказано о времени происхожденія ихъ, естественно должно имѣть полную свою силу въ отношеніи къ необозначеннымъ именами писателей *пѣсней степеней*: пс. 119, 120, 122, 124, 125, 127—129 и 133. Древнее историческое ихъ названіе пѣснями возхожденія „*ᾠδὰ τῶν ἀναβάσεων*“ показываетъ, что это пѣсни воспѣтыя первоначально по случаю возвращенія изъ плѣна и пѣвшіяся потомъ толпами Іудеевъ при ежегодныхъ путешествіяхъ въ Иерусалимъ для поклоненія Господу. А существующее въ переводѣ LXX и въ Вулгатѣ и нашемъ славянскомъ наименованіе ихъ пѣснями степеней показываетъ примѣненіе древняго наименованія къ существовавшему въ ихъ времена обычаю пѣть эти псалмы на ступеняхъ храма. О псалмѣ 129 замѣчаетъ авторъ, что онъ первоначально могъ быть воспѣтъ еще во время плѣна Вавилонскаго. Слова псалма 133: „Благословите нынѣ Господа всѣ рабы Господни стоящіе въ домѣ Го-

споднемъ во время ночи⁴, даютъ видѣть, что рабы Господни стоящiе теперъ въ домѣ Господнемъ, до того времени не благословляли Господа во время ночи, и что ко времени происхожденiя псалма только-что положено было начало этого рода служенiя Господу. Особо писанный псаломъ и вѣи числа 150 псалмовъ, надобно полагать, написанъ былъ на еврейскомъ языкѣ еще довольно задолго до составленiя греческаго перевода Псалтири и пользовался въ народѣ извѣстностiю, какъ одинъ изъ псалмовъ Давида, что конечно и послужило побужденiемъ перевести его на греческiй и присоединить къ Псалтири.

Ислѣдованiя о происхожденiи псалмовъ авторъ заканчиваетъ общимъ выводомъ, что исторiя происхожденiя ихъ проходитъ чрезъ всю исторiю образованiя ветхозавѣтнаго канона и идетъ рука объ руку съ развитiемъ пророчества, что самыя позднiя пѣсни не восходятъ далѣе времени служенiя послѣднихъ пророковъ: Аггея, Захарiи и Малахiи; что такимъ образомъ мы должны признать совершенную несостоятельность очень распространенной между новѣйшими учеными толкователями псалмовъ гипотезы о существованiи пѣсней изъ маккавейскаго и вообще послѣ-пророческаго перiода Иудейской исторiи. Чтобы придать послѣднему выводу надлежащую твердость, онъ переходитъ къ разсмотрѣнiю и рѣшенiю вопроса о времени окончательнаго собранiя псалмовъ.

III.

Первое положенiе автора относительно собранiя псалмовъ: настоящее собранiе псалмовъ не есть первоначальное одного или нѣсколькихъ лицъ одного времени, а представляетъ послѣднюю дополненную редакцiю нѣсколькихъ предшествующихъ собранiй относящихся къ различнымъ эпохамъ исторiи псалмопѣнiя. Это положенiе доказываетъ авторъ расположенiемъ псалмовъ, которые вообще располагаются, хотя не въ строгомъ смыслѣ, по порядку времени группами, большею частiю смотря по принадлежности ихъ однимъ и тѣмъ же писателямъ. Однако этотъ основной законъ расположенiя псалмовъ нерѣдко нарушается: группы напримѣръ псалмовъ Давидовыхъ разбѣяны по всему собранiю (1—40. 50—64. 67—70. 107—109. 137—144). Такое явленiе ничѣмъ удовлетворительнѣе не объясняется, какъ пред-

положеніемъ, что въ основѣ настоящаго собранія псалмовъ лежить нѣсколько прежде него существовавшихъ меньшихъ собраній, вошедшихъ въ него безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ ихъ составѣ. Существованіе такихъ собраній подтверждаетъ авторъ припискою послѣ 71-го псалма: „Кончились молитвы Давида сына Иессея.“ Это замѣчаніе побуждаетъ признать, что прежде нашей Псалтири существовали меньшія собранія, изъ которыхъ въ одномъ послѣ псалма 71-го дѣйствительно не было болѣе псалмовъ Давидовыхъ и что она составителемъ Псалтири, по уваженію къ древнимъ памятникамъ (какъ во 2 Пар. 5, 19), удержана съ буквальною точностію, несмотря на послѣдующую значительную коллекцію псалмовъ Давидовыхъ. Впрочемъ, продолжаетъ авторъ, мы не можемъ съ определенностію рѣшить, каковы были и въ какое время или какими лицами составлялись такія собранія. Только принимая во вниманіе богослужбное назначеніе и употребленіе наибольшей части Псалтири надобно предположить, что древнѣйшія собранія псалмовъ получили свое образованіе въ хорахъ левитскихъ псалмопѣвцовъ, а самыми первыми сборниками псалмовъ должно признать сборники псалмовъ установителя богослужбнаго псалмопѣнія. Изъ этихъ сборниковъ съ теченіемъ времени составилась болѣе или менѣе обширная общія собранія псалмовъ Давида и другихъ пѣвцевъ. Между тѣмъ пѣсни древнѣйшаго происхожденія по своему отношенію къ потребностямъ послѣдующаго времени вызывали усиленное употребленіе ихъ при тогдашнемъ богослуженіи. Отсюда могло произойти, что пѣсни, уже вошедшія въ составъ прежнихъ сборниковъ, опять были приняты въ составъ новыхъ богослужбныхъ собраній и уже въ сопоставленіи съ позднѣйшими псалмами вошли въ составъ послѣдняго общаго собранія Псалтири. Этимъ и объясняется напримѣръ помѣщеніе цѣлыхъ группъ Давидовыхъ псалмовъ въ концѣ Псалтири. Что же касается до времени происхожденія древнѣйшихъ собраній послѣ Давида, то этимъ временемъ могло быть время Соломона, когда еще живы были пѣвцы Давидовы, а затѣмъ эпохи пробужденія псалмопѣнія при Іоасафатѣ, Езекии и Іосии, а также время плѣна и послѣ онаго.

Но для цѣли автора важнѣе было рѣшеніе вопроса о томъ, кому или какому времени принадлежитъ послѣднее собраніе псалмовъ.

Древнее церковное преданіе, приписывающее послѣднее собраніе псалмовъ въ одну книгу ученому священнику Ездрѣ, и другое древнее еще болѣе распространенное и въ іудейской и христіанской церкви преданіе, что вообще весь ветхозавѣтный канонъ получилъ окончательное свое образованіе отъ того же Ездры при содѣйствіи Нееміи, авторъ подтверждаетъ составомъ самой Псалтири и свидѣтельствами ветхозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія. Въ составѣ Псалтири ясно различаются слѣдующія пять книгъ или частей: пс. 40, 41—71, 72—88, 89—105 и 106—150, оканчивающіеся очень сходными между собою славословіями, отличающимися притомъ характеромъ благословеній изъ времени втораго храма (ср. Неем. 9, 5 и пс. 134, 19—21; 113, 26; 117, 1). А заключительное славословіе четвертой части Псалтири приводится писателемъ 1 книги Паралипоменомъ, написаніе которой обыкновенно относится ко времени Ездры и даже къ самому Ездрѣ. Поэтому надобно заключить, что пятичастное собраніе псалмовъ не восходитъ далѣе времени Ездры, и судя по своему соответствію съ пятичастнымъ дѣленіемъ Закона, всего лучше причисляется самому Ездрѣ, какъ преимущественному ревнителю и богопросвѣщенному учителю закона Моисеева (ср. Ездр. 7, 6. 10—14. 21. Неем. 8, 1). Относительно участія Нееміи мы имѣемъ прямое свидѣтельство во 2 кн. Маккавейской (2, 13), гдѣ говорится, что онъ собралъ писанія о царяхъ и о пророкахъ и писанія Давида. Вѣроятно, здѣсь приписывается собраніе ветхозавѣтныхъ книгъ Нееміи какъ главному уполномоченному персидскаго царя іудейскому правителю, хотя и совершенно было не имъ непосредственно, а только съ его вѣдома и при его участіи. Иосифъ Флавій свидѣтельствуется, что пересмотръ и новая редакція книгъ Св. Писанія и тѣмъ болѣе внесеніе въ канонъ новыхъ писаній совершаемы были священниками подъ руководствомъ пророковъ. Въ виду такого обычая необходимо признать, что и собраніе св. пѣсней Псалтири, особенно внесеніе въ составъ ихъ новыхъ еще недавно написанныхъ псалмовъ не могло совершиться безъ руководительнаго участія пророковъ, такъ какъ ни Ездра, ни Неемія никогда не усвоили себѣ призванія и авторитета пророковъ. Сдѣланное въ переводѣ LXX надписаніе нѣкоторыхъ псалмовъ именами пророковъ Аггея и Захаріи служитъ подтвержденіемъ участія этихъ про-

роковъ въ составленіи Псалтири. Правда, вслѣдъ за приведеннымъ выше мѣстомъ о собраніи книгъ Св. Писанія при Нееміи говорится: подобнымъ образомъ и Иуда (Маккавей) затерянное по случаю бывшей у насъ войны все собралъ и теперь оно есть у насъ (2, 14). Но явно, это свидѣтельство приписываетъ Иудѣ Маккавею собраніе не какихъ-либо новыхъ не бывшихъ прежде въ канонѣ св. писаній, но только затерянныхъ или разсѣявшихся по случаю бывшей войны писаній, которыя уже были собраны Нееміею. Такимъ образомъ предположеніе новѣйшихъ ученыхъ, что Иуда Маккавей древнѣйшее собраніе св. книгъ пополнилъ нѣкоторыми новыми и въ частности прежнее собраніе псалмовъ пополнилъ не бывшими дотоле въ немъ пѣснями, представляетъ очевидную натяжку, никакъ не вытекающую изъ прямого смысла приведеннаго мѣста. Притомъ греческій переводъ Св. Писанія несомнѣнно существовалъ уже во время переводчика книги I. сына Сирахова, слѣдовательно прежде Иуды Маккавея, между тѣмъ въ составѣ еврейской и греческой Библии, за исключеніемъ прибавленія въ послѣдней писаній неканоническихъ, не представляется никакого различія. Но всякое измѣненіе или пополненіе въ еврейскомъ текстѣ должно бы было произвести большія или меньшія разности его съ переводомъ LXX.

—

Таково содержаніе разсматриваемой книги. Мы съ достаточною подробностію ознакомили съ нею читателя, въ особенности съ главными положеніями и результатами, которыхъ достигнулъ авторъ своимъ изслѣдованіемъ. Что же нужно, и что должно сказать о значеніи и качествѣ его обширнаго труда, о характерѣ и приемахъ его изслѣдованія, о добытыхъ имъ результатахъ, о постановкѣ и обработкѣ предмета, о знакомствѣ автора съ дѣломъ, объ источникахъ, какими онъ пользовался и т. п? Изслѣдованіе автора, по всей справедливости, можно назвать *историческо-критическимъ*. Характеръ его, соотвѣтственно потребности времени, *апологетическій*. Отправляясь отъ надписаній псалмовъ, какъ историческихъ памятниковъ, авторъ предпринялъ доказать ихъ историческую достовѣрность и, какъ мы видѣли, приводитъ сначала общіе имѣющіе вѣсъ и силу аргументы ихъ подлин-

ности, большею частію какъ свидѣтельство самаго писателя частію же какъ показаній древнѣйшихъ собирателей псалмовъ; затѣмъ старается со всею полнотою показать въ частности при всякомъ псалмѣ согласіе надписаній съ исторіею указываемаго въ нихъ событія и обстоятельства, съ содержаніемъ и характеромъ, равно какъ и съ языкомъ псалма. Особенную важность имѣеть его изслѣдованіе о псалмахъ Давидовыхъ, результатомъ котораго является принадлежность Давиду 78 псалмовъ, тогда какъ новѣйшая критика оставляетъ за нимъ едва ли болѣе пятой части этого числа. Здѣсь въ особенности, какъ и вообще, положительную часть изслѣдованія авторъ долженъ былъ дополнить полемическою, то-есть, къ прямымъ и положительнымъ аргументамъ принадлежности псалма его писателю присокупить болѣе или менѣе обстоятельный пересмотръ оснований отрицанія оной. Въ томъ и другомъ случаѣ, вообще вездѣ авторъ держится на уровнѣ современной науки, стоитъ на той же самой почвѣ аргументаціи и критики, на которую опираются новѣйшіе изслѣдователи того и другаго направленія, консервативнаго и либеральнаго. Мы не видимъ нужды доказывать это: приемы автора, доказательства pro и contra, выводы его читателю уже извѣстны изъ изложеннаго нами содержанія его книги, особенно тамъ, гдѣ мы приводимъ его собственные слова.

Результаты изслѣдованія автора не отличаются новостію въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Но въ наше время можно назвать новостію то, что онъ возвращается къ результатамъ древней отеческой науки о псалмахъ, воспроизводитъ и оживляетъ прежнюю вѣру въ происхождение ихъ (большей части) отъ Давида и другихъ писателей, имена которыхъ они носятъ. Авторъ не дѣлаетъ какихъ-нибудь новыхъ открытій въ области исторически-критическаго изслѣдованія о псалмахъ; но его изслѣдованія проливаютъ много новаго свѣта на древне и общепринятые историческія данныя относительно происхожденія св. пѣсней, на уразумѣніе ихъ по руководству надписаній въ связи и взаимномъ отношеніи съ исторіею, съ соответствующимъ повѣствованіемъ о положеніи и обстоятельствахъ псалмопѣвца въ историческихъ книгахъ. Въ примѣрѣ мы могли бы указать на псалмы изъ времени гоненій Давида отъ Саула, гдѣ многія въ частности взятые слова и выраженія псалмовъ такъ находчиво

объясняются авторомъ въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ Давида, указываемымъ въ историческихъ книгахъ (ср. пс. 68, 8 и 10, 15, 3—5, 30, 22—3), а также на псалмы Давида, относящіяся къ возстанію Авессалома, гдѣ авторъ краткую и отрывочную, возбуждающую такъ много недоумѣній исторію возникновенія и постепеннаго развитія заговора освѣщаетъ свѣтомъ, который проливаетъ на нее лирическое изложеніе этой исторіи въ псалмахъ и на оборотъ, гдѣ онъ изъ исторіи возмущенія Авессалома заимствуетъ тѣ или другія частныя черты для болѣе яркаго освѣщенія какихъ-нибудь словъ и выраженій псалмопѣвца (ср. пс. 40, 63, 54).

Трудъ автора не есть также, строго говоря, самостоятельный, оригинальный. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія, приводимыя имъ доказательства въ своей общности и въ отдѣльности принадлежатъ первоначально не ему, встрѣчаются у различныхъ изслѣдователей какъ древнихъ такъ и новыхъ. Но при этомъ заимствованіи матеріала нельзя отнять у автора самостоятельности въ выборѣ, обработкѣ и группировкѣ этого матеріала. Между взглядами и мыслями общими ему со многими другими изслѣдователями встрѣчаются нерѣдко и такія, которыхъ не находилось у другихъ даже болѣе изъ нихъ извѣстныхъ. Для примѣра пусть прослѣдитъ читатель высказываемыя авторомъ мысли и соображенія при разсмотрѣніи происхожденія отъ Давида псалма 39, или отъ Соломона псалма 126. Къ самостоятельному труду автора нужно отнести также полноту и округленность доказательствъ, вообще ихъ развитіе и изложеніе.

Источники, которыми пользовался авторъ въ своемъ изслѣдованіи,—это вопервыхъ книги св. Писанія, затѣмъ творенія отцевъ и учителей Церкви, библиологическіе и экзегетическіе труды ученыхъ древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Авторъ обнаруживаетъ какъ основательное изученіе первоначальнаго источника, такъ и обстоятельное близкое знакомство съ источниками второстепенными. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти треть книги занимаютъ подстрочныя примѣчанія автора, въ которыхъ онъ болѣею частью не просто цитируетъ относящіяся къ предмету творенія отцевъ и сочиненія ученыхъ, но дѣлаетъ болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ нихъ. При всемъ уваженіи къ авторитету отцевъ и учителей

церкви, часто опираясь на ихъ сужденія и предположенія, онъ однако вообще относится къ ихъ частнымъ мнѣніямъ съ строгою разборчивостью ученаго. Тѣмъ съ болѣе строгою критикою онъ относится къ различнымъ взглядамъ и гипотезамъ ученыхъ, нерѣдко самыхъ тѣхъ, которыми преимущественно пользуется (напримѣръ къ Деличу).

Особенную заслугу автора, по нашему мнѣнію, составляетъ это преслѣдованіе шагъ за шагомъ принимаемой многими изъ новѣйшихъ ученыхъ гипотезы о маккавейскомъ происхожденіи большей части псалмовъ, равно какъ и приводимые имъ аргументы и свидѣтельства противъ маккавейскаго собранія и заключенія Псалтири и вообще всего ветх. завѣтнаго канона: мы хотимъ сказать не то, чтобы изслѣдованіе автора окончательно разрѣшало спорный вопросъ о существованіи въ Псалтири пѣсней изъ времени Маккавеевъ и о заключеніи в. завѣтнаго канона Ездрую задолго до эпохи Маккавейской. Вопросъ этотъ можно считать еще открытымъ и не разрѣшеннымъ вполне. Но мы не можемъ не признать силы и твердости представляемыхъ авторомъ аргументовъ въ частности противъ доказательствъ отрицательной критики за маккавейское происхожденіе многихъ псалмовъ какъ Давидовыхъ, такъ и относящихся ко времени плѣна и вскорѣ послѣ онаго. Для примѣра мы уважемъ на удачную полемику автора при апологіи происхожденія отъ Давида псалма 121, также при изслѣдованіи о нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ псалмовъ, напр. 73 и 78. Вообще аргументы о. Вишнякова противъ маккавейскаго происхожденія псалмовъ имѣютъ на столько силы, чтобы значительно поколебать мнимую вѣроятность этой гипотезы и разсвѣять то очарованіе, которое она можетъ произвести и дѣйствительно на нѣкоторыхъ производить.

При своемъ ученомъ достоинствѣ, при нѣкоторой отвлеченности и спеціальности предмета, книга о. Вишнякова отличается легкостью и простотою, ясностію и можно сказать, популярностію изложенія и языка. Авторъ не только чуждъ схоластики и сухости, но относясь къ своему предмету съ полнымъ сочувствіемъ, излагаетъ свои мысли живымъ и пріятнымъ словомъ. Поэтому его книга удовлетворяя научнымъ требованіямъ въ тоже время удовлетворяетъ условіямъ книги, назначенной для любителей назидательнаго духовнаго чтенія вообще. Съ этою

конечно цѣлю многое относящееся къ научной оторонѣ предмета онъ помѣщаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Сравнительно является слабѣе филологическая сторона изслѣдованія. Но авторъ и не принималъ на себя задачи филологическаго изслѣдованія. Онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ историческую фактическую сторону предмета. Впрочемъ довольствуясь общими филологическими замѣчаніями, онъ въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нерѣдко и частію входитъ въ область филологіи. Между прочимъ здѣсь встрѣчаемъ иногда дѣльныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Псалтири въ существующихъ русскихъ переводахъ (ср. замѣч. на 19 ст. псал. 67, стр. 216, на 3 ст. 109 псал., стр. 271). Можно еще сдѣлать упрекъ автору въ томъ, что нѣкоторыя изъ его предположеній о писателяхъ и времени написанія псалмовъ безъименныхъ не имѣютъ для себя твердой почвы, основываются единственно на сходствѣ положенія псалмопѣвца съ положеніемъ извѣстнаго историческаго лица, которое можетъ быть и случайное, но въ этомъ недостатокѣ откровенно признается и самъ авторъ, при томъ же онъ является неизбѣжнымъ при скудости историческихъ данныхъ. Но и здѣсь, нужно замѣтить къ чести автора, въ его выводахъ и предположеніяхъ не замѣчается вообще никакой натяжки и принужденности и не дается мѣста пустому остроумію.

С. Писаревъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ 1-го МОСКОВСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА,

• что нынѣ 1-я московская военная гимназія.

*Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вра-
наша (1 Іоан. 5, 4).*

Когда мы приготовлялись къ настоящему нашему торжеству, на двухъ окраинахъ нашего обширнаго отечества, хотя съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, происходили *браны* и до насъ доносились *слуханія бранемъ* (Мѡ. 24, 6). Мы съ замираніемъ сердца слѣдили за движеніемъ великой борьбы, удивлялись подвигамъ нашихъ доблестныхъ воиновъ, ихъ храбрости и мужеству, ихъ терпѣнію и послушанію, ихъ стойкости и выносливости; насъ поражала ихъ неустрашимость при встрѣчѣ съ самыми сильными препятствіями, ихъ геройская борьба съ природой и вражескими укрѣпленіями; мы были свидѣтелями дивныхъ проявленій ихъ могучаго духа, который не надмѣвался въ счастіи, не падалъ при неудачахъ, а напротивъ почерпалъ въ нихъ новую силу для новыхъ славнѣйшихъ подвиговъ; насъ изумляли львиная сила ихъ противъ вооруженнаго врага и агничая кротость въ обращеніи съ безоружнымъ и беззащитнымъ. Не мы одни,

но и вселенная узнала великую и непобѣдимую силу русскаго оружія.

Теперь, благодареніе Богу, по изволенію Благочестивѣйшаго Самодержца нашего прекратилась брань. Но по минованіи тревоги, при нѣкоторомъ отдаленіи во времени, славные подвиги сыновъ Россіи возстаютъ предъ нами во всемъ своемъ величій и всякаго внимательнаго наблюдателя ихъ невольно вызываютъ на размышленіе: гдѣ же тотъ источникъ, изъ котораго почерпали свою силу наши доблестные воины? Что главнымъ образомъ воодушевляло и поддерживало ихъ въ трудномъ подвигѣ? Что такъ неудержимо и вѣрно вело ихъ къ побѣдѣ?

Вамъ, бывшіе питомцы нашего разсадника христіанскихъ воиновъ, изъ коихъ многіе съ честью подвизались и подвизаетесь на поприщѣ военномъ, вамъ безъ всякаго сомнѣнія особенно близки эти вопросы, и вы можете-быть болѣе чѣмъ другіе, не посвященные въ тайны военного искусства, способны стать на правильную точку сужденія объ этомъ предметѣ. Но съ другой стороны, какъ духъ воспитавшаго васъ заведенія, такъ и самое присутствіе ваше въ семъ св. храмѣ въ эту торжественную въ жизни заведенія минуту даютъ намъ надежду, что то немногое, что будетъ предложено вашему вниманію о данномъ вопросѣ съ церковной каѳедры, вполне совпадетъ и съ вашими собственными убѣжденіями.

Итакъ—что же главнымъ образомъ ведетъ воиновъ къ побѣдѣ?

Судя по первымъ впечатлѣніямъ, принимая во вниманіе дѣйствіе ближайшихъ причинъ, обыкновенно думаютъ, что двигателями успѣшной войны служатъ: потребное образованіе и подготовка средствъ для военныхъ цѣлей, стремленіе воиновъ къ славѣ и почестямъ, присущее имъ чувство долга и чести и любовь къ отечеству. Никто не станетъ отрицать значеніе этихъ факторовъ, ихъ силу и вліяніе. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи причинъ успѣшной войны оказывается, что эти двигатели, дѣйствовавшіе и въ дохристіанскомъ, языческомъ мірѣ, сильныя при благопріятныхъ условіяхъ, какъ не всегда соединяются вмѣстѣ, такъ и сами по себѣ не заключаютъ въ себѣ неперемѣннаго залога успѣха и далеко не оказываютъ рѣшающаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Мы видимъ, что образованіе не всегда замѣняетъ другія условія для веденія ус-

пѣшной войны, что самыя усовершенствованныя орудія не всегда приводятъ къ побѣдѣ, что написанныя на воинскомъ знамени слава, честь, долгъ и даже самая любовь къ отечеству не всегда служатъ залогомъ побѣдоносной войны. А гдѣ эти условія проявляютъ свою дѣйственную силу, тамъ несомнѣнно онѣ возбуждены къ дѣйствию одною основною причиною, безъ которой не оказывали бы силы. Силы матеріальныя обыкновенно утверждаются на силахъ нравственныхъ, а силы нравственныя въ свою очередь должны имѣть свой источникъ, свой центръ, къ которому какъ лучи должны сходиться.

Мы убѣдимся въ истинѣ сей, если мысленно перенесемъ на поле битвы и войдемъ въ состояніе война. Мы увидимъ здѣсь, достаточны ли одни естественныя и гражданскія побужденія въ подвигахъ военныхъ,—мы примѣтимъ тотъ предѣлъ, до котораго дѣйствіе ихъ еще мыслимо и значительно и за которымъ уже ощущается ихъ недостаточность и является нужда иныхъ высшихъ побужденій.

Вотъ воинъ, снабженный обширнымъ образованіемъ воинскимъ и самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Онъ полагается на свою силу, онъ разсчиталъ обстоятельства, взвѣсилъ случайности битвы, остальное нужное для успѣха надѣется приобрѣсти самымъ опытомъ. Извѣстно изреченіе, что побѣдилъ Францію въ недавней войнѣ не кто иной, какъ школьный учитель, извѣстно также и другое изреченіе, что война рождаетъ героевъ.—Безспорно, что высокое образованіе воинское и подготовка средствъ суть весьма важныя матеріальныя условія для веденія войны. Но можно ли положиться на нихъ однихъ въ дѣлѣ брани? Можно ли напередъ математически разсчитать всѣ случайности битвы, предусмотрѣть всѣ препятствія на пути къ побѣдѣ? Но допустимъ, что все предусмотрѣно: не можетъ ли послѣдовать неточностей, ошибокъ и погрѣшностей въ примѣненіи предусмотрѣннаго? Разсчетливость можетъ быть иногда доведена до крайнихъ выводовъ, и мы знаемъ, что нашъ знаменитый отечественный герой—Суворовъ смѣялся надъ излишнею тактичностію нѣкоторыхъ военачальниковъ. Часто случается, что самая ученая диспозиція оказывается непримѣнимою или неудачною на дѣлѣ. При томъ война не ведется въ спокойномъ состояніи духа; въ пылу битвы возможны уклоненія отъ плана,

ошибки и погрѣшности. Исправлять ихъ на мѣстѣ дѣйствія можетъ только гений, но гений рѣдки. Что же касается превосходства силъ, усовершенствованныхъ орудій, то и они не всегда приводятъ къ побѣдѣ. Спасся ли Фараонъ съ своими колесницами и тристатами, устремившись за невооруженными евреями? Имѣлъ ли удачу Сенахиримъ подѣ Иерусалимомъ съ своимъ многочисленнымъ войскомъ? Не терпѣли ли пораженія лучшіе сирійскіе вожди съ превосходными силами отъ горсти Израильтянъ подѣ предводительствомъ мужественныхъ Маккавеевъ? Остается признать вмѣстѣ съ царемъ-пророкомъ, что *не спасется царь множествомъ воинства и исполнитъ великая сила* (Ис. 32—16).

Вотъ воинъ, стремящійся на врага изъ-за славы и почестей! Ему улыбается перспектива наградъ и отличій. Получивъ одно отличіе, онъ естественно желаетъ другаго. Безспорно, что это стремленіе есть одно изъ сильныхъ побужденій для воина, воодушевляющихъ его къ отвагѣ, къ мужественному перенесенію лишеній и тягостей войны и къ храброму нападенію на врага. Мы видимъ на опытѣ, что многіе поддаются этому стремленію. Извѣстное даже общепринятое изреченіе, что худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ. Но, согласитесь, есть же предѣлъ самимъ желаніямъ награды и отличій и возможности пользоваться ими. Онѣ увлекаютъ, одушевляютъ во время успѣха, но не ослабляется ли ихъ дѣйствіе среди неудачъ? Война застигаетъ минута въ жизни трудная,—встрѣча со врагомъ, иногда въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ, онъ попалъ въ засаду, около него свитятъ смертоносныя пули. Онъ и получилъ бы награду за свою неустрашимость и храбрость, еслибы остался живъ, но жизнь его на волоскѣ. Возможна ли здѣсь самая мысль о наградѣ? Не отстраняется ли она ежеминутнымъ ожиданіемъ, если не потери жизни, то потери здоровья, увѣчья, однимъ словомъ представленія такого состоянія, когда самыя награды не улаживаютъ? Но допустимъ, что дѣла идутъ безъ перерыва успѣшно. Спросимъ съ точки зрѣнія простой человѣческой нравственности: чисто ли рвеніе къ браннымъ подвигамъ истекающее только изъ стремленія къ славѣ, а съ точки зрѣнія общей пользы и успѣха дѣла желательно ли только на немъ одномъ основывать воинскую доблесть?

Вотъ воинъ, проникнутый сознаниемъ долга и чести! Чувство долга и чести великое чувство: на немъ основанъ воинскій уставъ, на немъ зиждутся военные законы. Но не забывайте, что есть еще иные законы, противовоюющіе даже и воинскому строгому закону. Воинъ можетъ чувствовать голодь и жажду, можетъ ощущать нестерпимый холодъ или жаръ, можетъ повиноваться естественному влеченію родства и дружбы, можетъ поддаваться естественному утомленію и усталости. Но помимо этихъ естественныхъ препятствій для всегдашняго послѣдованія чувству долга и чести, чувство это по самому свойству своему не есть чувство горячее; оно можетъ утверждать и укрѣплять воина, но мало способно одушевлять и вообще не состоитъ въ тѣсной связи съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ, какъ отвага и героизмъ.

Вотъ воинъ, проникнутый сильнымъ чувствомъ любви къ отечеству! Защищать честь и достоинство своей страны, спасти свои семьи, могилы отцевъ — дѣло достойное и священное для всякаго сына отечества. Безспорно это чувство способно воодушевлять и укрѣплять въ борьбѣ со врагами. Исторія свидѣтельствуешь, что въ бывшихъ доселѣ войнахъ чувство это было однимъ изъ могучихъ факторовъ. Мы прославляемъ имена Леонидовъ, Семистокловъ и Пелопидовъ. Но чувство любви къ отечеству, какъ къ общему и собирательному, можетъ также ослабѣвать подъ вліяніемъ личныхъ лишеній, трудностей и испытаній. Притомъ это чувство могуче дѣйствуетъ, когда само отечество въ опасности, когда врагъ уже опустошаетъ родную страну, когда производитъ въ ней звѣрства и безчинія, которыя неволью вызываютъ сопротивленіе даже со стороны безоружныхъ и слабыхъ. Такъ было напр. у насъ во время нашествія татаръ, во время междоусобствія и въ достопамятномъ 12 году. Но какъ черпать изъ этого источника силу и отвагу, если защищаются интересы не собственно отечества, въ тѣсномъ смыслѣ взятаго, а единоплеменниковъ и общечеловѣческіе. Безъ сомнѣнія можетъ достигать значительной степени силы и чувство любви къ единоплеменникамъ. Даже чувство любви ко всѣмъ людямъ, какъ къ братьямъ по крови, можетъ возбуждать участіе къ судьбѣ угнетенныхъ и униженныхъ. Но, говоритъ псалмопѣвецъ, *братъ не избавитъ: избавитъ ли челоувѣкъ* (Пс. 48, 8)? Мо-

жетъ ли одно только общечеловѣческое участіе въ судьбѣ ближнихъ довести до подвиговъ героизма и самоотверженія?

Итакъ всѣ естественныя и гражданскія побужденія, и порознь и вмѣстѣ взятые, оказываются недостаточными для объясненія подвиговъ истиннаго героизма и самоотверженія. Трудности и лишенія неразлучны съ ними, опасности соединенныя съ ними, личная польза и даже благо жизни, которыми должно жертвовать для нихъ,—все это заставляетъ искать сильнѣйшихъ, дѣйствительнѣйшихъ побужденій для этихъ подвиговъ. А такія побужденія мы можемъ найти только въ св. вѣрѣ христіанской. Она какъ сама по себѣ представляетъ высшее побужденіе къ подвигамъ истиннаго героизма, такъ дополняетъ, возвышаетъ и освящаетъ всѣ другія естественныя и гражданскія побужденія.

Не видимъ ли мы, что даже обыкновенныя человѣческія пріятія только тогда бываютъ успѣшны, когда бываютъ проникнуты извѣстною мыслію, когда дѣятели влагаютъ въ нихъ свою душу и совершаютъ ихъ съ увѣренностію въ ихъ значеніи и пользѣ? Тѣмъ болѣе это нужно сказать о великихъ пріятіяхъ, отъ которыхъ зависятъ самыя возвышенныя интересы истины и добра, достоинство народа и страны и польза человѣчества. Необходимо, чтобы дѣятели, участвующіе въ нихъ, проникнуты были высотой своей задачи, важностію своей цѣли; необходимо, чтобы ими руководила вѣра въ самихъ себя, вѣра въ добро, которое они призваны совершить, вѣра въ осуществленіе наилучшихъ стремленій человѣческихъ, народныхъ, государственныхъ, религіозныхъ. Въ ней они найдутъ и опору для своихъ силъ и ободреніе; она не дастъ имъ уклониться отъ принятаго пути, она предохранитъ ихъ отъ ошибокъ и увлеченій, она и увѣичаетъ усилія ихъ успѣхомъ, если онъ въ силахъ человѣческихъ. Таково значеніе вѣры самой по себѣ, простой вѣры въ добро и одного только нравственнаго ея воздѣйствія. Восколько же разъ сильнѣе и дѣйственнѣе внушенія и пособія св. вѣры христіанской, наставляющей насъ на всякое дѣло благое, благословляющей на всякій истинный подвигъ, предлагающей дѣятелю самыя высокія обѣтованія и подкрѣпляющей его незримо, но всесильною помощію Божіею? И если въ какихъ житейскихъ дѣлахъ мѣсто ея руководству и помощи, то это именно въ подвигахъ военныхъ. Что можетъ лучше всего объединить

воиновъ въ стремленіи къ одной цѣли, такъ нужномъ для военнаго успѣха, что можетъ надежнѣе подкрѣпить ихъ въ испытаніяхъ, трудностяхъ, лишеніяхъ и опасностяхъ ихъ званія, что можетъ сильнѣе одушевить ихъ на подвигъ, что можетъ яснѣе и убѣдительнѣе внушать чувство мѣры, такъ нужное въ военныхъ подвигахъ, отрезвить въ счастіи и поддержать въ неудачѣ, если не правила и наставленія св. вѣры? Она вступаетъ въ свои права тамъ, гдѣ кончается предѣлъ земнымъ побужденіямъ. Написанная на воинскомъ знамени, она становится оружіемъ непобѣдимымъ. Только въ ней воинъ безъ конца можетъ почерпнуть нужное ему спокойствіе и самообладаніе; только въ ней неисчерпаемый источникъ беззавѣтной храбрости и геройскаго мужества. Предающій себя ея водительство воинъ восходитъ отъ силы въ силу; нѣтъ мѣры ея воздѣйствію и нѣтъ мѣры подвигамъ, которыхъ она не могла бы возбудить и совершить. Безконечны степени, которыхъ она достигаетъ и до которыхъ можетъ доводить одушевленнаго ею человѣка. Обнимаемая умомъ и сердцемъ, принятая за руководство и средоточіе душевной жизни и дѣятельности, она переходитъ *въ упованіе не посрамляющее* (Римл. 5, 8) *въ любовь, николи же стпадающую* (I Кор. 13, 8). Чего не въ силахъ произвести такая вѣра? Она по истинѣ способна претавлять горы и творить море и рѣки яко сушу. Чего она не способна вызвать въ христолюбивыхъ воинахъ и народѣ? Для народа одушевленнаго такою вѣрою не обременительны тягости войны. Воины убѣждены, что дѣйствуютъ по призванію Божію и горятъ этою ревностію по Богу; остальные граждане по мѣрѣ силъ и средствъ сочувствуютъ ихъ положенію и помогаютъ имъ, сливаясь съ ними въ сознаніи общности задачи и цѣлей. Совершается то священнодѣйствіе любви христіанской, что *еще страждетъ одинъ удѣ, то съ нимъ страждутъ и всѣ* (I Кор. 12, 26). Такимъ образомъ подвигъ, несмотря на его тяжесть, выносится легко и цѣль достигается.

Посмотрите еще, какъ убѣжденія св. вѣры христіанской проникаютъ и направляютъ всѣ помыслы и дѣйствія воина, какъ онѣ дополняютъ, возвышаютъ и освящаютъ всѣ естественныя и гражданскія побужденія въ подвигахъ военныхъ! Вѣрующаго воина не страшатъ трудности и опасности,—напротивъ по мѣрѣ возрастанія ихъ возрастаетъ и его упованіе на Бога. Онъ взы-

ваетъ вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще возстанетъ на ми брань, на Него азъ уповаю* (Пс. 26, 3). Онъ не боится превосходства силъ, превосходства вооруженія: смиренно-вѣрующей душѣ его постоянно при-суща надежда, что *падетъ отъ страны его тысяща и тма одесную его* (Пс. 90, 7), что *Ангель Господень ополчится окрестъ болящихся Бога и избавитъ ихъ* (пс. 33, 8). Его не плѣняютъ награды и отличія. Если онѣ выпадаютъ на его долю, онъ принимаетъ ихъ со смиреніемъ не какъ только даръ власти, но и какъ даръ Божій, и въ самыхъ такихъ отличіяхъ чтить и уважаетъ знаменіе вѣры христіанской. Если же не выпадаютъ, то онъ и безъ нихъ находитъ достаточную награду въ самомъ сознаніи высоты подвига, который прославляетъ св. вѣра. Для него утѣшительна мысль, что за него молятся соотечественники и будутъ молиться, если ему Богъ приведетъ пасть на полъ чести. Для него дороже всего въ мірѣ быть исполнителемъ завѣщанія Спасителя: *Больши сея любви никто же имать да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Онъ помышляетъ болѣе о вѣчныхъ чѣмъ о тѣльных вѣнцахъ, согласно неложному обѣтованію Царя славы: *побѣждающему дамъ съести на престолѣ Моемъ* (Ап. 3, 21). Чувство гражданскаго долга и чести въ немъ соединяется съ сознаніемъ долга и чести христіанина. Онъ помнитъ присягу данную имъ предъ св. Крестомъ и Евангеліемъ, не щадить живота и подвизаться до послѣдней капли крови. У него предъ глазами, въ умѣ и сердцѣ примѣры великихъ праведниковъ подвигоположниковъ вѣтхозавѣтныхъ, *иже вторю побѣдиша царствіе, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ быство полки чуждихъ*; у него въ виду подвиги св. мучениковъ и мученицъ, которые подвизались даже до крове, несмѣтря ни на возрастъ, ни на полъ, и идя на смерть радовались, что сподоблялись принять за имя Христово пытки и мученія. Самое чувство любви къ отечеству въ немъ растворяется до любви къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, до любви ко всему человѣчеству. Въ самомъ жару битвы и при ужасахъ смерти онъ ни на минуту не забываетъ христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ, внося въ самую войну правила человѣколюбія, уважая въ самихъ врагахъ права и человѣческое достоинство, являясь въ побѣжденную страну не бичемъ, а другомъ человѣчества, помня, что

побѣждать блгнмъ злое (Римл. 12, 21) побѣда не только самая достойная христіанина, но и самая прочная, такъ какъ изъ вчерашнихъ враговъ она содѣлываетъ друзей и друзей самыхъ преданныхъ.

Нужно ли доказывать, что какъ въ прежнихъ войнахъ, такъ и въ недавно минувшей войны наши, будучи вѣрными и самоотверженными слугами Царя Благочестивѣйшаго, были вмѣстѣ съ тѣмъ и *добрыми воинами Иисусъ Христовыми*, и что въ этомъ главнымъ образомъ заключалась причина ихъ удивительныхъ и прочныхъ успѣховъ? Если бы приводить примѣры, то понадобилось бы разсказать цѣлую исторію минувшей войны. Развѣ пареправа черезъ Дунай, подвиги нашихъ моряковъ не Дунаѣ и Черномъ морѣ, знаменитое Баязедское и Шипкинское сидѣнье, осада Карса и Плевны не представляютъ множества очевидныхъ доказательствъ, что въ груди нашихъ доблестныхъ воиновъ билось не просто человѣческое, но и христіански-вѣрующее и любящее сердце? Но не можемъ не указать здѣсь на особенные и выдающіеся случаи. Вотъ напр. одиноко стоитъ офицеръ съ окровавленнымъ лицомъ и ногою возлѣ кучки лежащихъ воиновъ за одною изъ нашихъ передовыхъ линій на Шипкѣ! На вопросъ одного изъ начальниковъ, обходившаго ряды войскъ, — „что это они у васъ? спятъ?“ — офицеръ тихо и спокойно отвѣчаетъ: „Да спятъ, спятъ... и не проснутся: они всѣ убиты“. „А вы что здѣсь дѣлаете?“ „Дожидаюсь своей очереди, это была моя команда“ отвѣчалъ герой („Моск. Вѣд.“ 1877 г. № 218). Можно ли объяснить это величавое спокойствіе однимъ только стоическимъ равнодушіемъ къ смерти? Развѣ не сказалось здѣсь глубоко-христіанское сознание долга? И спрашивается, какъ должна была подѣйствовать такая непоколебимая вѣрность долгу на новую смѣну борцевъ за святое дѣло? Не могла ли эта такъ спокойно принесенная жертва послужить сѣменемъ для будущихъ вѣрныхъ и прочныхъ побѣдъ? Вотъ и еще славный примѣръ: въ одинъ изъ тяжелыхъ дней подѣ Плевною доблестный офицеръ (майоръ Владимірскаго полка Горталовъ) даетъ своему военачальнику слово, что пока живъ онъ не сдастъ вѣрjenaго ему укрѣпленія. Враги, движимые религиознымъ фанатизмомъ, дѣлаютъ шестое отчаянное нападеніе; нашимъ отдается приказъ отступить... Что же дѣлаетъ безстраш-

ный герой? Онъ пропускаетъ мимо себя всю часть, защищавшую укрѣпленіе, поручаетъ ее другому начальнику, посылаетъ вслѣдъ уходящимъ людямъ свое благословеніе, крестится самъ и спокойно входитъ на край укрѣпленія лицомъ къ нападающему неприятелю. Конецъ извѣстенъ. Не проходитъ и минуты, какъ онъ поднимается на штыки врагами и разрывается ими на части... Геройское слово въ точности было сдержано („Моск. Вѣд.“ 1877 г, № 225). Всѣми своими дѣйствіями въ этомъ случаѣ храбрый и неустрашимый воинъ достаточно показалъ, во имя чего и для чего онъ такъ дѣйствовалъ. Такъ ясно смотрѣть въ глаза смерти, оказывать при этомъ такое вниманіе и сочувствіе къ оставшимся въ живыхъ и наконецъ умирать такъ геройски свойственно только христіанину, глубоко вѣрующему и твердо уповающему, что кровь его не пропадетъ безслѣдно и принесетъ добрый плодъ. Таково было дѣйствіе и обнаруженіе христіанскихъ убѣжденій въ нашихъ воинахъ при неудачахъ, которыя впрочемъ выше и плодотворнѣе многихъ удачъ! А вотъ какъ одинъ изъ нихъ, прославленный морякъ, объясняетъ свою удачу. „Только волею всемогущаго Провидѣнія, говоритъ онъ, я могу себѣ объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ того неистоваго огня, который Турки открыли по насъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двадцать минутъ (слова лейтенанта Дубасова въ сообщеніи „Правит. Вѣстника“ о взрывѣ нами турецкаго броненосца „Хавзи-Рахманъ“). А другой изъ наиболѣе выдающихся героевъ минувшей войны, совершившій два славные похода за Балканы, такъ выражается предъ началомъ одного изъ трудныхъ предпріятій: „Съ нашей стороны сдѣлано все возможное для успѣха дѣла; въ остальномъ поможетъ Богъ“. (Слова генерала Гурко см. корреспонденцію кн. Шаховскаго въ „Иллюстр. Хроника войны“ № 78). Удивительно ли, что по стопамъ воиновъ, одушевленныхъ такими чувствами, вѣрно и неудержимо слѣдовала побѣда?

Убѣдиться въ высококомъ достоинствѣ нашихъ христіолюбивыхъ воиновъ мы можемъ и ближе — изъ исторіи нашего разсадника ихъ. За прожитое столѣтіе много вышло отсюда дѣятелей на поприщѣ военноеѣи многіе нечестно потрудились на немъ. Они внесли свою лепту въ дѣло прославленія и возвеличенія нашего любезнаго отечества. Посмотрите на стѣны нашего св. храма!

Онѣ увѣшаны почетными досками, на которыхъ изображены славныя имена питомцевъ бывшаго 1-го московскаго кадетскаго корпуса, положившихъ животъ свой на брани за вѣру, царя и отечество. И въ минувшую священную войну было немало нашихъ питомцевъ, съ честію подвизавшихся на полѣ брани; были даже нѣкоторые, справедливо почтенные названіемъ героевъ.

Помнить ихъ здѣсь на этомъ церковномъ торжествѣ словомъ благодарности и признательности есть нашъ непремѣнный и священный долгъ. Но кто станетъ отрицать, что и они также своими подвигами немало обязаны воспитавшему ихъ заведенію? Могли ли бы они оказать ихъ, еслибы въ основу ихъ образованія не было положено твердыхъ и неизблемыхъ началъ воспитанія религіознаго, которое искони процвѣтало въ немъ?

Въ заключеніе слово наше къ вамъ, юные питомцы, уговоряемые къ званію военному! Счастливы вы, что имѣете предъ глазами такихъ достойныхъ предшественниковъ, счастливы и тѣмъ, что на долю вашу выпало быть свидѣтелями настоящаго нашего торжества. Безъ сомнѣнія впечатлѣнія, вынесенныя вами изъ этого торжества, крѣпко врѣжутся въ вашихъ юныхъ душахъ и на всю жизнь оставятъ по себѣ самыя свѣтлыя и знаменательныя воспоминанія. Вамъ конечно еще рано думать о побѣдахъ на бранномъ поприщѣ, вамъ рано еще подражать подвигамъ вашихъ предшественниковъ, но вы такъ же, какъ и они въ свое время, можете подготовиться къ нимъ основательнымъ и ревностнымъ трудомъ ученія, усердіемъ и прилежаніемъ въ наукахъ, а главное если постараетесь усвоить умомъ и сердцемъ правила и наставленія св. вѣры христіанской.

Она своею благодатною силою поможетъ вамъ съ успѣхомъ пройти поприще ученія, она вѣрно направитъ васъ по пути жизни, наставитъ на все доброе и истинно-полезное и предохранитъ отъ опасностей и искушеній; съ нею вездѣ и во всемъ будетъ сопутствовать вамъ побѣда; подъ ея надежнымъ руководствомъ вы содѣлаетесь достойными гражданами не только на землѣ, но и на небѣ! Аминь ¹⁾.

Свящ. А. Смирновъ.

¹⁾ Произнесено 24 ноября сего года. .

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РУССКИХЪ СЕКТАНТОВЪ.

Наши русскіе сектанты—старообрядцы, по удаленіи отъ церкви, уже не живутъ болѣе жизнью церковною, но своею особою, своеобразною жизнью. Вся жизнь ихъ и дѣятельность питается и поддерживается противорѣчіемъ и отрицаніемъ истины церковной, противопоставленіемъ себя на мѣсто церкви. Насколько истина служитъ основою жизни церковной, настолько противорѣчіе истинѣ, отрицаніе ея въ церкви служатъ пищею сектантовъ. Но какъ церковь, столпъ и утвержденіе истины, живетъ истинною жизнью, такъ сектанты, отрицающіе истину церкви, живутъ ложною, фальшивою жизнью. Съ тѣхъ поръ, какъ они отдѣлились отъ церкви, разорвали единую жизнь съ нею, отправленія истинно духовной жизни у нихъ прекратились и у нихъ началась особая жизнь, только по внѣшности похожая на органическую жизнь, на самомъ же дѣлѣ близко подходящая къ разложенію. Сектанты пожертвовали душою церкви для формы, для обрядности, не сознавая, что обрядность безъ духа жизни, обитающаго въ церкви, мертва, безжизненна.

Обратимъ вниманіе сначала на умственную жизнь сектантовъ. Что она такое? По удаленіи отъ церкви, умъ сектантовъ, не озаряемый ея свѣтомъ, помрачается, теряетъ путь къ истинѣ и источникъ своего просвѣщенія. Умъ сектантовъ, не получающій озаренія отъ истины, находится въ духовномъ застоѣ; онъ остановился на той степени развитія, на какой застало его время отпаденія отъ церкви: что зналъ прежде, то помнитъ и оста-

иваетъ; за то новаго ничего знать не хочетъ, бѣжитъ отъ просвѣщенія, какъ отъ заразы, ненавидитъ школы, какъ порчу нравовъ, на разные манеры повторяетъ то, что сказали Аввакумъ да Никита пустосвятъ, да отцы Соловецкой челобитной, а чтобы выслушать истину православія, на это у него недостаетъ терпѣнія; привывши къ мраку своихъ заблужденій, умъ сектантовъ упражняется въ однихъ бесплодныхъ умозрѣніяхъ, истощается въ преніяхъ для одного процесса преній, смѣшиваетъ истину съ своею ложью и ложь съ покинутою истиною и потерявъ чутье истины, остается не чувствительнымъ къ увѣщаніямъ и вразумленіямъ. Вотъ печальная картина умственного состоянія сектантовъ по современнымъ литературнымъ извѣстіямъ!

Что умъ сектантовъ и въ настоящее время, какъ прежде, не имѣетъ движенія къ просвѣщенію, что расколъ основывается на невѣжествѣ и коренится въ безграмотности, это всякому извѣстно и не требуетъ новыхъ доказательствъ. Самые темные раскольники боятся просвѣщенія и даже общественныхъ школъ грамотности. Больше всего отдають своихъ дѣтей на обученіе своимъ же начетчикамъ; если же гдѣ отдають ихъ въ школу учрежденную священникомъ, то зорко слѣдятъ за ними, какъ бы не заразились православіемъ. Когда, по словамъ журнала „Истина“ (кн. 57), „у раскольническихъ дѣтей спрашивали: что за это говоритъ имъ наставникъ ихъ, именно что они учатся у православнаго священника и получаютъ уроки Закона Божія (потому что у раскольниковъ преподаваніе Закона Божія болѣе другихъ заброшено), на это мальчики заявили, что наставникъ за это родителямъ ихъ не дозволяетъ ходить въ ихъ молеблю и вмѣстѣ съ ними Богу молиться, и находятъ они будто отлученными, а дѣтямъ, которыя ходятъ учиться, запрещаютъ въ домѣ священника пить изъ его сосудовъ и ѣсть что-либо, потому если дѣтямъ придетъ нужда напиться воды, то они бѣгутъ всѣ на рѣчку и пьютъ. Одинъ изъ учениковъ сказалъ: „нашъ-то пошъ ничего не знаетъ, ни одной заповѣди, которымъ насъ здѣсь учатъ. Другой отозвался и сказалъ: у нашего же наставника (т.-е. раскольническаго) на лѣстовѣи все находится и апостолы и евангелисты, а самъ и грамотѣ не знаетъ“. Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ, что для ослабленія раскола а) нужно завести вездѣ училища обязательныя, б) въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, нужно раздавать книжки и брошюры, напечатанныя въ опроверженіе раскола и проч. Объ одномъ только забылъ

сказать онъ, что лучшимъ двигателемъ къ просвѣщенію раскольниковъ явилось само правительство своими льготами по воинской повинности, соединенными съ просвѣщеніемъ, но и льготы 1-го и 2-го разряда пока еще не привлекаютъ сектантовъ въ школы, и съ другой стороны даровыя книги или обыкновенно не читаются или предаются уничтоженію. Мы лично знаемъ одинъ единовѣрческій монастырь, точнѣе единовѣрческую церковь, гдѣ вожаки единовѣрія запретили своимъ прихожанамъ не только выписывать, но и читать журналъ „Истину“, видя въ ней не старообрядческій журналъ, какъ говорили о немъ православные писатели при первомъ появленіи его въ свѣтъ, но православный журналъ, направленный къ искорененію раскола старообрядчества, какъ будто старообрядчество и единовѣріе—одно и то же. Такова еще среда нашихъ единовѣрцевъ. Про сектантовъ раскольниковъ слѣдуетъ помнить, что они вовсе не знакомы съ православіемъ, запрещаютъ читать книги православія и сами ничего не читаютъ, кромѣ книгъ мнимо „древнеправославныхъ“. Изъ нихъ дѣлаютъ выписки самаго бессмысленнаго содержанія, какъ то извѣстно о мнимомъ логоветѣ Антонія Шутова, или упорно отстаиваютъ свои прежнія заблужденія, какъ извѣстно изъ бесѣдъ Павла прусскаго съ раскольниками.

Всякая здравая идея, напоминающая о православіи, вызываетъ въ средѣ сектантовъ нескончаемыя распри, несогласія и недоумѣнія и безъ церкви не имѣютъ они примиряющаго и объединяющаго ихъ авторитета. Въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ о петербургскихъ напр. старообрядцахъ пишутъ, что въ средѣ ихъ начинаются раздоры и пререканія. Приверженцы Громовскаго кладбища послѣ выхода въ свѣтъ „Окружнаго посланія“ съ 1862 г., никакъ не могутъ успокоиться. Ожесточенная борьба изъ-за „Окружнаго посланія“ кончилась печально для кладбища. Значительная часть прихожанъ враждебно отнеслась къ „Окружному посланію“, вслѣдствіе чего отклонилась отъ кладбища, положивъ основаніе новой моленной на Лиговкѣ, въ домѣ Е! Александрова, извѣстной подъ именемъ раздорнической. Не успѣли успокоиться раздорническія страсти, возбужденныя зловѣщимъ „Окружнымъ посланіемъ“, какъ начались смуты изъ-за хозяйственнаго управленія моленной и кладбищемъ. Недовольный неправильнымъ и произвольнымъ веденіемъ хозяйственной отчетности по кладбищу, одинъ изъ богатыхъ прихожанъ И. Чебукинъ оставилъ почетное званіе попечителя кладбища, что воз-

будило неудовольствіе со стороны прихожанъ. Съ выходомъ изъ попечителей Чебукина, волненіе на кладбищѣ не прекратилось. Скоро завязалась ссора между іереями Ермиломъ Ершовымъ и Наумомъ Мальцевымъ, грозившая образованіемъ новыхъ сектъ Ермиловщины и Наумовщины. Причина, вызвавшая раздоръ, была слѣдующая: Ершовъ долгое время одинъ господствовалъ на кладбищѣ и потому не съ кѣмъ ему было враждовать. Но вдругъ Антоцій Шутовъ присылаетъ Ершову въ помощники Наума Мальцева: Ершова это покорило. Не принять Мальцева онъ не могъ, но положилъ держать его въ черномъ тѣлѣ. Мальцевъ скоро познакомился съ прихожанами, пріобрѣлъ городскія привычки и сталъ заправскимъ петербургскимъ попомъ. Ершовъ увидалъ въ немъ человѣка опаснаго и рѣшился какъ нибудь спихнуть. Наумъ это замѣтилъ. Послѣ мелкихъ личныхъ счетовъ началась борьба. Въ дѣло пустили сначала анонимныя письма къ Шутову, даже прибѣгли къ гласности. Шутовъ изъ Москвы зорко смотрѣлъ за ними. Сторону Ершова поддерживали попечители и большинство прихожанъ; сторонниковъ Мальцева было немного. Ершовъ упрекалъ Мальцева въ томъ, что онъ беретъ лихву, торгуетъ книгами и иконами, что онъ вдвонецъ, а свято-отеческія правила запрещаютъ вдовымъ священнодѣйствовать. Мальцевъ въ свою очередь говорилъ Ершову, что іереямъ по тѣмъ же отеческимъ правиламъ недостойтъ держатъ молочной лавочки и мучнаго лабаза, заниматься коммерціей. Противники Мальцева серьезно остановились на словахъ Ершова и говорили: неужели писаніе запрещаетъ брать лихву, и вдовымъ попамъ и діаконамъ священнодѣйствовать? За разрѣшеніемъ сомнѣнія они отправились въ Москву къ А. Шутову. Шутовъ, взволнованный беспорядками столичнаго общества, отправилъ въ Петербургъ двухъ посланцевъ—Шябаева и попа Прокопія. 23 сентября 1877 года попы прибыли въ моленную на кладбище. Прихожанъ въ моленной, по случаю храмоваго праздника, было весьма много. Собравшіеся прихожане съ нетерпѣніемъ ожидали правильныхъ разъясненій о томъ, имѣютъ ли право вдовые попы и діаконы приходскихъ церквей священнодѣйствовать. Ожиданіе прихожанъ осталось тщетнымъ. Шутовскіе послы упорно молчали. Тогда прихожане поручили Коняеву, одному изъ людей болѣе другихъ свѣдущему въ писаніи, спросить Прокопія: откуда они прибыли и для чего?.. Мы пріѣхали сюда съ благословеніемъладыки Антонія и сдѣлали, чтобы Наумъ опять служилъ, такъ

какъ онъ былъ уже запрещенъ для священнодѣйствія. Если священникъ, продолжалъ Коняевъ, беретъ лихву, то по 44 прав. св. апостоль извергается. Прокопій отвѣтилъ: да мы всѣ беремъ лихву и кто изъ насъ не беретъ? Ну всѣхъ и извергай, да мы уже правила подвели, что лихву брать негрѣшно. Ершовщина, видя столь дерзкія разсужденія о лихвѣ, положительно торжествовала. Ей однако не удалось спихнуть ненавистнаго Наума, который при поддержкѣ Прокопія и до сихъ поръ священнодѣйствуетъ на кладбищѣ⁴.

Что такое всѣ эти недоумѣнія о вѣрѣ изъ-за Окружнаго посланія, эта мелкая вражда между мнимыми іереями, не сознающими своего самозванства и подрывающими другъ друга, это комическое рѣшеніе вопросовъ, занимающихъ сектантовъ? Недоумѣніе въ истинѣ обличаетъ только незнаніе истины, споры указываютъ только на отсутствіе единства въ религиозныхъ воззрѣніяхъ, комическое рѣшеніе ихъ само себя изобличаетъ во лжи. Самая вражда мнимыхъ поповъ ведетъ свое начало изъ умственного застоя. Всякій застой въ дѣлахъ, какъ извѣстно, производитъ спекуляцію или искусственное ихъ возбужденіе. То же бываетъ и въ мірѣ умственно-религиозномъ, гдѣ застой также вызываетъ спекуляцію. Вслѣдствіе застоя въ религиозныхъ дѣлахъ сектантовъ-старообрядцевъ явилась сильная лихорадочная дѣятельность лжеепископовъ въ видѣ поставленія поповъ. Явились спекулянты, искусственно возбуждающіе въ жизни старообрядчество, впрочемъ для достиженія и своихъ коммерческихъ цѣлей. По словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 212), „всѣ расколуучители, эти мнимые „блюстители отеческихъ преданій“, насквозь пропитаны эпикурейскими воззрѣніями и подъ ихъ фарисейскою маскою скрываются алчные мздособиратели, обращающіе довѣрчивыхъ старообрядцевъ, стараясь въ то же время устранить ихъ отъ религіознаго единства со всѣмъ русскимъ народомъ.“

Умственно-религіозный застой сектантовъ-старообрядцевъ выражается или проявляется, въ самыхъ преніяхъ ихъ о вѣрѣ, такъ какъ они ведутся не для раскрытія и уясненія истины, а для однихъ преній. Странно это кажется и однакожъ такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, за немногими развѣ исключеніями. Читали мы равныя пренія сектантовъ о вѣрѣ съ лучшими миссіонерами православія въ разныхъ мѣстахъ Россіи и особенно въ Московскомъ Кремлѣ. Что же мы вынесли изъ такого чтенія? То, что они большею частію бываютъ бесплодны отъ того,

что сектанты ведутъ ихъ вовсе не съ тою цѣлью, какую преслѣдуютъ миссіонеры, а съ тайною цѣлью склонить на свою сторону, если возможно, самихъ миссіонеровъ, или по крайней мѣрѣ прокричать: „побѣдимомъ, побѣдимомъ!“ Въ результатѣ оказывается, что миссіонеры всегда остаются при своихъ мнѣніяхъ, старообрядцы—при своихъ. Здѣсь-то и виденъ умственный застой сектантовъ, такъ какъ въ своихъ спорахъ съ православными они остаются при тѣхъ же предвзятыхъ мнѣніяхъ, которыя давно уже опровергнуты исторіей и наукой, а сектанты и теперь повторяютъ ихъ со словъ первыхъ расколотыхъ учителей. Потому о нихъ и можно сказать съ полною справедливостью, что они ничего своего не забыли, но ничему истинному не научились.

Что такое по происхожденію и сущности дѣла всѣ вожаки сектантовъ-поповцевъ? Не болѣе какъ самозванцы отъ перваго до послѣдняго. Честный человѣкъ устыдился бы своего самозванства и отказался бы отъ него. Не таковы сектанты — вожаки поповцевъ. Они не хотятъ видѣть, что ихъ никто не признаетъ за іерарховъ, кромѣ поповцевъ, что они служатъ предложеніемъ на незаконный спросъ сектантовъ. Невѣжество слишкомъ ослѣпило ихъ умственные взоры, чтобы во свѣтѣ истины рассмотреть свое фальшивое положеніе и отказаться отъ него; вмѣсто того они входятъ въ свою роль и разыгрываютъ ее какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ какіе іерархи, и чтобы удобнѣе разыгрывать ее, смѣшиваютъ истину съ своимъ заблужденіемъ, приурочиваютъ къ себѣ и своимъ креатурамъ то, что Евангеліе и св. Церковь приписывали истиннымъ пастырямъ тогда, когда и въ поминѣ не было лживыхъ, какъ наши вожаки поповцевъ. Вотъ образецъ такого смѣшенія истины съ ложью. Антоній Шутовъ, недавно рукоположивши одного ремесленника въ званіе священника, послалъ его въ село съ слѣдующимъ рекомендательнымъ письмомъ (Истина, кн. 59): „Православные христіане, жители богоспасаемаго селенія Мурашкина и его окрестностей. По Духу Святому возлюбленные чада, буди вамъ отъ насъ молитвы, прощеніе и благословеніе; приклоните убо нынѣ слухи ваша къ нижеслѣдующему и вонмите: се днесъ даде вамъ Богъ попечителя духовнаго, пречестнаго сего отца Михаила Стефановича, его же избра Духъ Св. изъ самыхъ братій вашихъ, который нашимъ смиреніемъ по благодати, дару и власти, данной намъ отъ Св. Животворящаго Духа (?) рукоблуженъ вамъ въ парахіальнаго священника, согласно вашего про-

шенія, одобреннаго съ вашей стороны въ честномъ поведніи, а духовнымъ отцемъ засвидѣтельствовавъ въ житіи нелицемѣрно, для чего первая ваша обязанность да будетъ, во еже не лицемерно его любить и всякую достойную ему честь воздавати, и о Господѣ повиноватися, яко чада отцу, яко ученицы учителю, яко овцы пастырю. безъ всякаго прекословія и преслушанія, по увѣщанію св. апостола, глаголющаго сице: „братіе, повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покарайтесь, ибо тѣи бдѣтъ о душахъ вашихъ“. Въсте бо яко сущіи власти отъ Бога учинены суть, и противляйся власти, Божію повелѣнію противляется, и противляющіися грѣхъ себѣ примуть. Грѣхъ же раждаетъ смерть душевную, ею же да не умрете; будите безпротивны и любовь присно имѣйте, да Богъ ея ради съ вами пребудеть выну. Извѣстно же вамъ буди, яко по святому писанію и по Господню словеси имена его (?) многа и велика, онъ есть сирѣчь священникъ, якоже пишетъ (кто?) въ Кормчей во главѣ 60-й: свѣтъ міру и соль земли, врачъ больныхъ, вожь слѣпыхъ, настаникъ заблудшихъ, око тѣлу церковному, путь и—дворникъ (?), купецъ и гостинникъ, стражъ и пастухъ, воевода и судія, ангелъ Господень, труба небесная, отецъ братіи своей, апостольскій подобникъ; а потому и вы, возлюбленная о Христѣ наши чада, примите сего отца священно-іерея Михаила Стефановича съ достойнымъ почитаніемъ, да сподобитесь быть предъ Богомъ и Спасителемъ Иисусъ Христомъ чада послушанія, и получите отъ него во всей жизни вашей вси благая и полезная, предстательствомъ сего служителя Божія и пастыря вашего у престола благодати; зане онъ пинѣ служитель есть страшнымъ тайнамъ и отецъ духовный всѣмъ вамъ благопокорнымъ. Въ руководство же его дана ему особая грамота нашего смиренія на основаніи книги Кормчей гл. 60-й. Наконецъ пастыря и пасомыхъ отечески молю: въ присныхъ вашихъ ко Господу молитвахъ не забудьте и нашего смиренія, яко молящеся другъ о другѣ, вѣчныи жизни наслѣдницы будемъ, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Его же Божественною десницею будете покровени отъ нынѣ и до вѣка, аминь.“ Слѣдуетъ подпись, заимствованная изъ обычныхъ формъ подписи истинныхъ архипастырей и приуроченная къ Антонію, никакою законною властію не признанному и потому не дѣйствительному архіепископу московскому.

Живя во тьмѣ заблужденій сектанты такъ-сказать оцпьюю ведутъ свои дѣла и распространяють вокругъ себя одну тьму.

Самыя мѣста своего центрального управленія они избираютъ подпольныя соотвѣтственныя темнотѣ своихъ вѣрованій и отсюда тѣмъ пропагандируютъ, принимая ее за свѣтъ. Такъ напр. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ говорится, что „внигохранилище Антонія находится при его канцелярїи, гдѣ ведется все дѣлопроизводство духовнаго совѣта и составляются личныя распоряженія московскаго старообрядческаго владыки. Здѣсь находится центральное старообрядческое управленіе, гдѣ вѣдаются дѣла все-старообрядческаго (окружниковъ) міра“. „Духовнымъ совѣтомъ по словамъ „Голоса“ (№ 38), руководить этотъ іерархъ и вѣжетъ и рѣшаетъ представителей сильно расплодившейся старообрядческой іерархіи. Сюда доставляются свѣдѣнія изъ всѣхъ старообрядческихъ захолустій о движеніи раскола, о подрывѣ „древне-православія“ „никоніанскими“ миссіонерами, о безобразіяхъ провинціальныхъ раскольническихъ поповъ и главное, отсюда именно вытекаютъ „назиданія“ для всѣхъ послѣдователей „древняго благочестія“. Здѣсь также разсматриваются и процессы „раскольническихъ левитовъ“. Корреспондентъ описываетъ затѣмъ комическія сцены при осужденіи нѣкоего о. Кирилла и заканчиваетъ такъ: архіерейскій логоветъ разгнулъ Кормчую и прочелъ нѣсколько правилъ, подходящихъ къ дѣяніямъ подсудимаго. По силѣ церковныхъ законовъ, о. Кириллъ подлежитъ окончательному изверженію изъ поповства навсегда. „Древне-благочестивый совѣтъ опредѣлилъ: запретить священноіерею Кириллу священнодѣйствовать на одинъ годъ, о чемъ и послать извѣщеніе въ его приходъ мѣстнымъ христіанамъ“; наипаче же возбраняется ему о. Кириллу посѣщать женскія иноческія кѣновіи, дабы не было по ученію св. отецъ, „соблазна во святыхъ обителяхъ“. Кромѣ совѣта духовнаго у Антонія есть консисторія, которая, по словамъ „Русскихъ Вѣдом.“, находится въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Таганки и помѣщается въ уединенномъ надворномъ флигелѣ, совершенно недоступномъ для постороннихъ... Особенный ходъ ведетъ въ подземелье, гдѣ разрабатываются бессмысленныя творенія вязниковскаго апологета т.-е. Ш—ва, который излагаетъ лишь отрывочки старопечатныхъ книгъ самымъ безграмотнымъ образомъ, а писцы поправляютъ ихъ, придавая имъ болѣе грамотный видъ... Не смотря на свои престарѣлыя лѣта, Антоній все еще старается о распространеніи своего толка. Прослышалъ онъ, что въ нижегородскомъ уѣздѣ обитаетъ одинъ извѣстный безпоповскій наставникъ, нѣкто Кириллъ Агапычъ. Вызываетъ его Шутовъ въ Москву и душевно

съ нимъ бесѣдуетъ, такъ какъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ безпоповщинскихъ убѣжденій, но чрезъ это самое привлечь нижегородскаго начетчика на свою сторону и произвелъ во священнической санъ. Вернувшись на родину, Агапычъ, преобразившись въ о. Кирилла, собралъ всѣхъ своихъ послѣдователей и сказалъ имъ: „доселѣ я васъ тащилъ въ адъ погибельный и вы глупо дѣлали, что шли за мною. Теперь я сподобился новой благодати, и объявляю вамъ: кто не послѣдуетъ за мною, тотъ не наследуетъ царства небеснаго“. Коли Агапычъ говорить, должно, что такъ, согласилась безграмотная его паства, и безпоповцы одинъ за другимъ стали оставлять прежнія убѣжденія и принимать новыя, согласно проповѣди Агапыча“.

Итакъ подпольная дѣятельность Антонія увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ. Агапычъ, должно быть, разсудилъ, что переходя изъ безпоповщины въ поповщину и становясь здѣсь даже вождемъ слѣпыхъ, онъ ничего не терялъ, а прибрѣталъ еще выгоды. Собственно поповщина въ старообрядчествѣ по своей незаконности тоже, что безпоповщина. Разница только въ названіяхъ, а не на самомъ дѣлѣ. И вотъ Агапычъ съ довѣріемъ отнесся къ темной пропагандѣ Антонія, который и самъ плохо довѣряетъ своему знанію, склоняясь своими убѣжденіями къ безпоповщинѣ, и послѣдователи Агапыча съ довѣріемъ отнеслись къ его проповѣди, сказанной только для очистки совѣсти; ни тамъ ни здѣсь не слышно ни какой борьбы за убѣжденія, ни какого протеста противъ новшества, никакого упорства въ дѣлѣ совращенія. Вліяніе расколочителя ничѣмъ не парализуется, взаимное довѣріе ничѣмъ не нарушается, элементы заблужденій не противоположны между собою; подобный подобному такъ и сочувствуетъ!

А попробуйте стать миссіонерами истины на мѣсто Антонія Шутова и Кирилла Агапыча, миссіонера сектантства, — и вы увидите результаты какъ разъ противоположныя. Въ сектантахъ вы встрѣтите такія явленія духовной безжизненности и безопасности, которыя можно назвать нечувствительностію къ истинѣ, равнодушіемъ къ ея интересамъ и чувствительностію къ своимъ заблужденіямъ обнаруживающею ихъ духовную болѣзнь. Съ одной стороны души сектантовъ по причинѣ духовной слѣпоты не ощущаютъ бѣдственнаго своего состоянія, такъ какъ не знаютъ, въ чемъ состоитъ истинная жизнь и сколь она блаженна, и потому остаются къ ней невнимательными и спокойными за свою участь. Посторонніе люди, живущіе во свѣтѣ истины, ви-

дать ихъ въ странѣ и сѣни смертной, скорбятъ о нихъ, изъ участія къ нимъ хотятъ помочь имъ и извлечь изъ бездны погибели; но сектанты нечувствительны къ ихъ любви: они привыкли ко тьмѣ и уже имъ невыносимъ свѣтъ Божій и остаются спокойными, какъ будто бы ничто не угрожало имъ опасностію. Нечувствительные къ бѣдственности своего внутренняго положенія, которое яснѣе для постороннихъ чѣмъ для нихъ самихъ, они не ощущаютъ благотворности внѣшнихъ спасительныхъ дѣйствій, пренебрегаютъ средствами для побужденія ихъ безопасности, не внимаютъ никакимъ увѣщаніямъ истины, протестуютъ противъ своихъ благодѣтелей. Бывали, говорятъ, случаи, что спасенные изъ воды утопленники, возвращаемые къ жизни, затѣвали процессы съ своими спасителями и требовали съ нихъ обезпеченія своего семейства и своей остальной жизни, отъ которой думали избавиться самоубійствомъ. Наши сектанты тоже готовы завести процессы съ увѣщателями, миссіонерами истины, возвращающими ихъ на путь спасенія. „О томъ, что выгодно или невыгодно для насъ, по крайней мѣрѣ говорятъ они увѣщателямъ истины, предоставьте намъ самимъ позаботиться; мы и безъ вашего участія, по своимъ старымъ книгамъ можемъ разсудить, какъ спастися; оставьте насъ спастися по своему“. Напрасно вы стали бы напоминать, что такъ, какъ они, говорили нѣкогда только ожесточенные нечестивцы: отступи отъ насъ, Господи, путей твоихъ видѣти не хотимъ (Иов. 21, 14). Сектанты останутся равнодушны къ истинѣ, сами не дойдутъ до ней своимъ умомъ, и умомъ другихъ жить не станутъ. Увѣщанія миссіонеровъ вызовутъ развѣ болѣзненные ощущенія въ ихъ душѣ, возмутятъ ее въ состояніи заблужденія: здѣсь явятся протесты, споры и доказательства, отстаивающія ихъ болѣзненно-творное состояніе. Миссіонеру истины нужно быть слишкомъ хорошимъ специалистомъ, нужно имѣть высшее призваніе къ своему дѣлу, чтобы не возмущаться тѣми приемами, тѣми увертками, какіе употребляютъ защитники лжи. Но ни тѣмъ ни другимъ не всякій миссіонеръ можетъ похвалиться. Неудивительно поэтому, если мы въ литературѣ встрѣчаемъ извѣстія о бесплодности многихъ миссіонерскихъ увѣщаній.

Такъ, напр. въ газету „Наше Время“ пишутъ: „усилія миссіонеровъ къ обращенію раскольниковъ въ православіе остаются бесплодными, разбиваясь предъ крѣпко сплоченною общиной этихъ сектантовъ, не поддающихся никакимъ убѣжденіямъ. Новый законъ о регистраціи браковъ повидимому еще болѣе

укрѣпилъ ихъ въ привязанности къ своей вѣрѣ. Правительство, говорятъ они, выдало намъ особыя метрическія книги для записи нашихъ родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, значить этимъ самымъ оно дало знать какъ намъ, такъ и вамъ, что вѣра наша права и что въ дѣлѣ своего спасенія мы можемъ обойтись и безъ вашего вмѣшательства. При такомъ убѣжденіи сектантовъ, дѣйствія миссіонеровъ на отдѣльныя личности парализуются на каждомъ шагу; вліяніе расколоучителей, несмотря на ихъ малую развитость, остается сильно и непоколебимо. Но безъ сомнѣнія крѣпость этой религіозной общины зиждется на взаимномъ довѣрїи и готовности оказывать другъ другу помощь. Всякій изъ достаточныхъ раскольниковъ считаетъ своею священною обязанностію лично или при посредствѣ общины оказывать посильное пособіе нуждающимся единомышленникамъ. Впрочемъ большая часть послѣдователей раскола имѣютъ обезпеченное состояніе, и бѣдные въ средѣ ихъ встрѣчаются сравнительно рѣже, нежели между православными. Этотъ матеріальный недостатокъ, происходящій отъ трудолюбивой жизни раскольниковъ, отвращеніе отъ пьянства и всякихъ другихъ излишествъ, они считаютъ наградою свыше за усердіе и твердость въ ихъ вѣрѣ, которую они почитаютъ истинною вѣрою, переданною и завѣщанною имъ отъ предковъ. На православныхъ они смотрятъ, какъ на отступниковъ отъ истинной вѣры, еретиковъ и послѣдователей антихриста и видимо ихъ чуждаются; православные же охотно съ ними сближаются; зажиточность раскольниковъ составляетъ для нихъ нѣкотораго рода соблазнъ, побуждающій даже заключить брачныя союзы. Нерѣдко случается, что вступающіе такимъ образомъ въ семьи раскольниковъ православные сами совращаются въ расколъ. Борются съ такими религіозными убѣжденіями, которыя имѣютъ въ основѣ крѣпкую матеріальную подкладку, очень трудно; тамъ недоступны догматическія тонкости, а матеріальная сторона слишкомъ бьетъ въ глаза, слишкомъ чувствуется, чтобы отказать отъ нея ради той правоты, которая по невѣжеству не можетъ быть проверена и признана ею. Неудивительно поэтому, что обличенія миссіонеровъ пропадаютъ втунѣ и едвали не придется имъ сложить свое духовное оружіе⁴.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ только-что изложенныхъ мыслей о безуспѣшности увѣщаній служитъ недавнее извѣстіе изъ Калуги („Совр. Изв.“ № 252). Пишутъ, что въ здѣшней епархіи, по распоряженію мѣстнаго архіерея, запрещено вѣнчать кре-

стьянъ, не знающихъ молитвъ и символа вѣры. Это полезное распоряженіе, по словамъ корреспондента, приводитъ къ неблагопріятнымъ для православія послѣдствіямъ. Недосугъ и безграмотность крестьянъ ставятъ имъ неодолимую преграду къ усвоенію молитвъ и въ особенности символа вѣры. А такъ какъ незнающихъ молитвъ запрещено православнымъ священникамъ вѣнчать, то крестьяне и обращаются въ такихъ случаяхъ къ старообрядческимъ попамъ, которые вѣнчаютъ, не справляясь о томъ, знаютъ или не знаютъ вступающіе въ бракъ молитвы. Понятно, что чета, обвѣнчанная старообрядческимъ попомъ, отдѣляется отъ православія и присоединяется къ расколу. Нельзя сказать, чтобы крестьяне прибѣгали къ этой мѣрѣ безъ борьбы и охотно. Нужно замѣтить, что прежде архіерей приказывалъ, когда крестьяне къ нему обращались за разрѣшеніемъ, приводить жениха къ себѣ и самъ экзаменовалъ его. Если женихъ плохо зналъ молитвы, то архіерей отсылалъ его снова готовиться. Крестьяне смекнули дѣло и стали нанимать другихъ лицъ для сдачи экзамена. Архіерей какъ-то узналъ объ этомъ и приказалъ производить экзаменъ священникамъ сосѣднихъ приходовъ тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ проживаютъ женихъ и невѣста. И такъ полезное въ идеѣ не всегда полезно на практикѣ; раскольники и полезное въ идеѣ и вредное для насъ все обращаютъ въ свою пользу, какъ бы подстерегая православныхъ на каждомъ шагу и эксплуатируя распоряженія противниковъ, которыхъ величаютъ именемъ еретиковъ и отступниковъ отъ истинной вѣры и въ тоже время увѣряютъ себя и другихъ, что правительство тѣхъ же мнимыхъ еретиковъ своими распоряженіями будто бы доказываетъ правоту старой вѣры. Но обладая своего рода изворотливостію ума, сектанты никакъ не поймутъ, что правительственныя распоряженія о регистраціи ихъ браковъ доказываютъ не покровительство сектантовъ, но политическую опеку, необходимую для нравственно малолѣтнихъ, и что если нѣкоторые изъ калужскихъ старообрядцевъ, по своему невѣжеству, чрезъ браки совращаются въ расколъ, за то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ другія условія общественной жизни, такіе же старообрядцы чрезъ браки же присоединяются къ православію. Такъ напр. въ Нижегородской губерніи въ с. Большіе Мурашки въ деревнѣ Городищахъ и въ деревнѣ Соловъ было нѣсколько такихъ случаевъ (Истина, кн. 57). Случаи эти имѣютъ только частное относительное значеніе. Съ одной стороны ни

изъ чего не видно, чтобы крестьяне увлекались расколомъ послѣ борьбы и неохотно; напротивъ, не зная своей вѣры и увлекаясь одними интересами чувственности, они должно быть напередъ были заражены расколомъ, какъ общественно-нравственнымъ недугомъ своей мѣстности. Съ другой стороны, нетвердые въ расколѣ крестьяне, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко обращаются въ православіе, увлекаясь интересами не одного религіознаго чувства.... Важнѣе всего то, что въ первыхъ случаяхъ дѣйствія миссіонеровъ на отдѣльныя личности парализуются на каждомъ шагу и увѣщанія ихъ остаются безплодными, а вторые случаи, какъ частные, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на общее пробужденіе сектантовъ изъ нравственнаго религіознаго побужденія.

Что же дѣлать для привлеченія сектантовъ въ православіе при безплодности увѣщаній со стороны миссіонеровъ, и не слѣдуетъ ли для того обратиться къ прежнему способу привлеченія ихъ посредствомъ репрессивныхъ мѣръ? Такъ нѣкоторые еще и теперь рѣшаютъ предложенный вопросъ, хотя въ результатѣ выходитъ, что гоненіемъ на расколъ мы сами противъ собственнаго желанія только усиливаемъ его. Въ газетѣ „Недѣля“ именно разсказывается о гоненіи на расколъ въ Западной Сибири. Газета говоритъ, что въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Барнаульскій и Бійскій округа переселены были раскольники. По описанію Палласа, они были изъ Подолія, почему многихъ изъ нихъ и теперь называютъ въ тѣхъ округахъ поляками... Потомки старовѣровъ, находясь въ благопріятныхъ по плодородію мѣстностяхъ, могли бы жить въ довольствѣ, еслибы къ нимъ была примѣнена та вѣротерпимость, какую пользуются забайкальскіе старообрядцы. Къ сожалѣнію, въ Западной Сибири, извѣстной своею отсталостію, издавна практикуются административныя мѣры обращенія раскольниковъ въ единовѣріе. Мѣры эти въ прежнее время были довольно грубы и не послѣдовательны. Въмѣсто увѣщанія, на раскольниковъ просто открывали гоненія, били ихъ, сажали въ острогъ и т. п. Исправникъ Квятковскій въ 1851 г. записалъ бійскихъ раскольниковъ въ единовѣріе противъ ихъ желанія, подъ угрозами и притрашиваніемъ. Въ другихъ волостяхъ Тобольской и Томской губерніи волостные начальники обозначали раскольниковъ православными, а давши имъ для записи раскольниковъ книги возвращали чистыми. Понятно, что послѣдствіемъ этого явились недоразумѣнія. Рас-

кольники изъ поколѣнія въ поколѣніе держатся своихъ толковъ, не признають священства, таинствъ и въ крайнихъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ для видимости браки въ церквахъ; значительная же часть браковъ въ церквахъ не заключается, а благословляется старцами (за что и называютъ секту стариковщиною); у такихъ существуютъ сводные гражданскіе браки, что не мѣшаетъ крѣпости семейнаго союза и воспитанію дѣтей родителями. Подъ вліяніемъ гоненій и стѣсненій вѣрованія раскольниковъ только укрѣпились. Несмотря на то въ силу указанныхъ мѣръ раскольники до сихъ поръ признаются уклонившимися изъ православія въ расколъ, какъ бы уклонились они вчера, хотя ихъ родословную можно начать считать съ екатерининскаго времени. Многимъ раскольниковъ навязываются церкви и единовѣрческіе попы, которыхъ они не принимаютъ. Священники постоянно жалуются на уклонившихся въ расколъ, такъ какъ послѣдніе не обращаются къ нимъ за требами. Съ своей стороны раскольники, видя одни лишь притязанія и непризнание ихъ давности, только фанатизируются. По этому поводу разгораются прискорбныя столкновения, какъ напр. дѣло въ деревнѣ Сибирячихъ, Бійскаго округа въ 1870 г. Полиція жалуется, что она не можетъ слѣдить съ развивающимся расколомъ; полицейскія мѣропріятія только подливаютъ масла. Наконецъ жалобы духовенства вызвали полицейскія мѣры и приказаніе губернскаго начальства расторгать сводные браки сибирскихъ раскольниковъ; несмотря на то, что въ Россіи вслѣдствіе различныхъ повелѣній браки раскольниковъ въ видахъ нерасторженія семейнаго начала были признаны, въ Сибири наоборотъ началось расторженіе этихъ браковъ и разрушеніе семейнаго начала. Операнія эта сопровождается крайне прискорбными и грустными сценами. У раскольниковъ, обвиняемыхъ по своему уже нѣсколько лѣтъ и имѣющихъ дѣтей, отбираютъ женъ, отсылаютъ ихъ къ родителямъ и устраиваютъ волостной надзоръ. Въ волости Бурлинской засѣдатель содержитъ до 20 женщинъ при волостномъ правленіи, оторвавъ ихъ отъ дѣтей, а дѣти у нѣкоторыхъ женщинъ были грудныя и остались въ деревнѣ безъ призора. Одинъ староста въ той же волости надѣлъ на молодую женщину раскольницу колпакъ и заставилъ мести улицу; такое безобразіе возмущаетъ и нераскольниковъ. Понятно, что это не ведетъ къ примиренію. Женщины послѣ расторженія браковъ при волостномъ надзорѣ подвергаются всякимъ оскорб-

леніямъ. Замѣчательно то, что дѣти, которые остаются при матери, поручаются родителямъ ея, иногда хилымъ и старымъ, а съ отца всякія обязанности снимаются. Часто стариковъ раскольниковъ, дозволившихъ своимъ дочерямъ вступить въ бракъ по старому обряду, привлекаютъ къ отвѣтственности за сводничество. Печально то, что къ губернскому начальству и полиціи съ жалобами на раскольниковъ и съ просьбами репрессивныхъ мѣръ обращается само православное духовенство, тогда какъ на немъ преимущественно лежитъ духовно-нравственная обязанность ослаблять расколъ убѣжденіемъ и проповѣдію, а не насиліемъ. Сельское духовенство само не изучаетъ раскола, не знаетъ его исторіи; поведеніе священниковъ въ селахъ не всегда безукоризненно, что при трезвыхъ и чистыхъ (?) нравахъ старообрядцевъ составляетъ соблазнъ. Наконецъ многіе священники требуютъ значительныя суммы за свадьбы иногда до 40 р., что не располагаетъ къ церковнымъ бракамъ и способствуетъ развитію раскола“.

Мы не можемъ сочувствовать никакимъ репрессивнымъ мѣрамъ, особенно въ дѣлѣ религіи, какъ дѣлѣ не одного ума, но чувства и воли, хотя не раздѣляемъ нѣкоторыхъ мнѣній корреспондента изъ Западной Сибири, напр. о чистотѣ нравовъ сибирскихъ старообрядцевъ при ихъ незаконныхъ бракахъ. Нельзя ли по крайней мѣрѣ дѣйствовать на сектантовъ путемъ проповѣди слова Божія при пособіи полиціи, когда иначе они не будутъ слушать проповѣдниковъ? И эта мѣра видна изъ доклада епархіальному начальству миссіонера, приглашеннаго для миссіи въ Витебскую епархію, который послѣ бесѣды съ расколоучителями въ апрѣлѣ сего года донесъ ему слѣдующее:

„Осмѣливаюсь заявить вашему преосвященству (Истина, кн. 54) свой взглядъ на нѣкоторые проявленія въ раскольниковой жизни. Въ Рѣжницкомъ уѣздѣ весьма замѣтнымъ сдѣлалось ослабленіе раскольниковскаго фанатизма по отношенію къ церкви православной въ средѣ лицъ незаинтересованныхъ матеріально расколомъ; напротивъ вожаки раскола и учредители молелень усиливаются всевозможно поддерживать раскольниковскій фанатизмъ своими гласными оскорбленіями проповѣдниковъ истины, открытіями новыхъ молелень и многолюдными собраніями въ нихъ для богомоленія и нерѣдко отказами на приглашеніе явиться къ миссіонеру на бесѣду о вѣрѣ. Взвѣсивъ на все вышесказанное съ правительственной точки зрѣнія, нельзя было бы уклониться въ крайность насильственнаго преслѣдо-

ванія цѣлаго общества, могущаго произвести возмущеніе въ угоду бунтующаго польскаго элемента, но и несправедливо было бы оставлять расколоучителей и учредителей молельнъ въ анархическомъ невѣдѣніи требованій правительственнаго закона, а также и въ нарушеніи его. А посему необходимо слѣдовало бы между означенными вредными крайностями избрать для употребленія средину, именно: исходатайствовать у г. начальника губерніи распоряженіе о томъ, чтобы гг. становые и полицейскіе пристава предъявляли не цѣлому обществу раскольниковъ, но расколоучителямъ и учредителямъ молельнъ требованіе закона объ обязательномъ отправленіи ихъ на увѣщаніе къ духовному начальству по 188 ст. Улож. о наказан. 1866 г., а также и о невозможности строить новыя молельни по 206 ст. Улож. о наказ. 1866 г., и по предъявленіи означенныхъ статей закона, требовали бы не отъ общества, но только отъ частныхъ лицъ обязательныя подписки объ исполненіи предъявленнаго закона. Таковыя дѣйствія со стороны полиціи весьма много содѣйствовали бы проповѣданію истины между заблуждающимися въ расколѣ, главное—ослабили бы изувѣрный фанатизмъ лицъ матеріально заинтересованныхъ въ расколѣ. Изложивъ все это на благоусмотрѣніе вашего преосвященства надѣюсь вполнѣ, что мои соображенія не будутъ оставлены безъ вниманія въ обиду церкви православнои и во вредъ русскому обществу⁴.

Соображенія миссіонера основываются на законахъ, значить законны. Такъ какъ законы извѣстны тѣмъ, кому вѣдать о нихъ надлежитъ, то и другіе миссіонеры готовы утверждать, что съ сектантами ничего не подѣлаешь безъ содѣйствія полицейской власти. Выходитъ, что мѣры предложенныя миссіонеромъ не оригинальны. Мало того, авторъ ихъ едва ли принялъ во вниманіе, что приведенные имъ законы для дѣйствій на раскольниковъ относятся не къ внутренней сторонѣ вѣры, но къ внѣшнимъ сношеніямъ по дѣламъ вѣры. Что касается до внутреннихъ сторонъ вѣры, до преній о вѣрѣ, то содѣйствіе полиціи здѣсь совершенно излишне и стѣснительно какъ для миссіонера, такъ и для сектантовъ. Содѣйствіе полиціи дѣлу проповѣди не есть средина между фанатизмомъ и индифферентизмомъ, но такой компромиссъ, который отзывается полицейскою опекой, тягостною и для миссіонера, который въ дѣлахъ вѣры поставляется въ зависимость не отъ духовныхъ средствъ, а отъ внѣшняго содѣйствія, указывающаго на то, будто бы чисто духов-

ныя средства сами по себѣ безсильны противъ сектантовъ, по крайней мѣрѣ на то, что собственныя средства миссіонера не достаточны для борьбы съ ними; да и сектанты всякое участие полиціи въ дѣлахъ вѣры считаютъ стѣсненіемъ свободы ихъ вѣры и совѣсти. Итакъ, для вразумленія сектантовъ нужно вспомнить о такомъ средствѣ, которое тоже не ново, но которое всегда практиковалось съ успѣхомъ. Средство это есть христіанская любовь.

Сектанты, въ удаленіи отъ церкви, забыли объ ея материнской любви, охладѣли къ ней до ненависти, до ожесточенія.. Между тѣмъ христіанская любовь то же для души, что внутренняя естественная теплота въ живомъ организмѣ. Она согреваетъ существо души, возбуждаетъ ее къ добру, и располагаетъ къ произведенію добрыхъ плодовъ жизни. Итакъ къ сектантамъ нужно отнестись съ тѣмъ, чего они не имѣютъ. Не видя ясно истины, они не видятъ и красоты добра. Отъ того у нихъ такое броженіе умовъ, разрѣшающееся недоумѣніями и преніями о вѣрѣ, отъ того у нихъ такая ненависть ко всякому церковному благоустройству, не обнаруживающая и признаковъ любви къ православію. Дайте же имъ то, чего они не имѣютъ, Люби, говоритъ древній отецъ церкви, и дѣлай что хочешь. Всѣ средства, происходящія изъ христіанской любви, навѣрно будутъ также прекрасны, какъ сама любовь.

Живыя историческія явленія, новѣйшіе факты положительной науки и отвлеченнаго мышленія, обращающія около религіозныхъ интересовъ человѣка, самыя заблужденія сектантовъ, получающія видъ живучести отъ того, чего служатъ отрицаніемъ, доказываютъ, что вопросы вѣры и церкви имѣютъ жизненное значеніе; какія бы ни были употреблены для рѣшенія ихъ мѣры, свобода ли преній на основаніи началъ вѣротерпимости, свобода ли печатнаго слова въ предѣлахъ приличія и законности, увѣщанія, убѣжденія, совѣты и даже обличенія, всѣ они будутъ благотворны и спасительны, если будутъ проистекать изъ любви къ ближнимъ. Какъ въ началѣ христіанской церкви истины Евангелія, проповѣданныя съ любовью, утверждались въ ушахъ вѣрующихъ безъ сторонней помощи, такъ и теперь живое и дѣйственное слово, проникнутое тою же любовью, найдеть въ себѣ силы для борьбы со врагами и побѣды надъ ними, устоитъ противъ всякихъ возраженій и нападеній вольномыслія и своеволія. Христіанская любовь научить относиться къ заблуждающимъ и порочнымъ съ кротостію и терпѣніемъ и преслѣдовать одни лишь заблужденія и пороки во имя истины и добра. Кто дѣйствуетъ на сектантовъ въ такомъ духѣ, тотъ можетъ разсчитывать на ихъ вниманіе и достигать желанныхъ результатовъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Протоіерей Георгій Пановъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

20 НОЯБРЯ ВЪ МОСКВѢ.

Къ 11 часамъ залы Кремлевскаго дворца наполнились всѣми чинами и представителями всѣхъ сословій столицы. Площадь предъ дворцомъ была покрыта народомъ. Въ 12 часовъ послѣдовалъ Высочайшій выходъ. Вдругъ заколыхалась масса наполнявшая громадную Георгіевскую залу. Показался Государь Императоръ. При поднесеніи хлѣба-соли городскимъ головой, Его Величество изволилъ остановиться и произнести слѣдующія слова:

„Я весьма радъ что могу лично повторить Мое сердечное спасибо всѣмъ сословіямъ Москвы за благотворительную ихъ дѣятельность во время минувшей войны. Благородному примѣру вашему послѣдовала вся Россія. Надѣюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени окончательный миръ съ Турціей будетъ подписанъ. Благодарю васъ также за чувства преданности, выраженные Мнѣ по случаю грустныхъ событій бывшихъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи. Вполнѣ вѣрю искренности этихъ чувствъ и не сомнѣваюсь, что когда Меня не станетъ, вы перенесете ихъ Сыну Моему и Его Наслѣднику.“

„Да хранить Васъ Богъ, Государь! Многая лѣта! Ура!“ раздалось по залѣ.

Его Величество сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, изволилъ продолжать:

„Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ, и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ какъ и Мнѣ.“

Все это множество лицъ благоговѣнно внимавшихъ Государю слилось при этихъ словахъ въ одинъ неудержимый откликъ; все устремилось во слѣдъ Его Величеству и потомъ смѣша-

лось съ народомъ наполнявшимъ площадь предъ дворцомъ, по которой Государь Императоръ продолжалъ свое шествіе въ Успенскій соборъ и затѣмъ въ Чудовъ монастырь.

Во вратахъ собора Его Величество былъ встрѣченъ многочисленнымъ духовенствомъ съ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ во главѣ, который привѣтствовалъ Государя Императора слѣдующимъ словомъ:

„Благочестивѣйшій Государь!

„Господь даровалъ Москвѣ радость привѣтствовать Тебя вънчаннаго новымъ вѣнцомъ человеколюбія и славы.

„Всѣ мы мыслию и сердцемъ слѣдовали за Тобою въ трудное время Твоего подвига для освобожденія страдающихъ христіанъ Востока. Мы трепетали за Твое здравіе среди множества опасностей, такъ долго Тебя окружавшихъ. Мы молились о преодоленіи встрѣченныхъ Тобою затрудненій и препятствій. Мы неслезанно радовались и благодарили Бога за Твои блистательныя побѣды.

„Великое дѣло совершилъ Ты, Государь. Нынѣ молимъ мы Господа, да ниспошлетъ Тебѣ утѣшеніе—высшее утѣшеніе душъ великихъ—видѣть совершенно благоустроенными и счастливыми всѣхъ тѣхъ, за кого Ты подвизался.“

—

Слова произнесенныя Государемъ Императоромъ въ Георгиевской залѣ потрясли всѣхъ внимавшихъ имъ. Въ нихъ слышалась грусть, которая глубоко отозвалась во всѣхъ сердцахъ, и такъ отзовется во всей Россіи. Его Величество призываетъ насъ всѣхъ содѣйствовать Ему къ огражденію нашихъ раздвѣтающихся надеждъ, нашего юношества отъ злоумышленниковъ, старающихся завлечь его на пагубный путь. Да, это наша великая скорбь, наша великая забота. Тайная организація, направляемая изъ иностранныхъ центровъ и повсюду раскинувшая свою сѣть, не находитъ себѣ почвы въ нашемъ отечествѣ и не въ силахъ проникнуть въ глубь нашего народа. Въ нашемъ народѣ еще крѣпка его вѣра, еще силенъ его историческій духъ. Быть его темень и скудень, но народъ нашъ состоитъ не изъ бездомныхъ бобылей и не страдаетъ тѣми глубокими недугами, въ которыхъ таится язва современной цивилизаціи въ Европѣ. Злоумышленная пропаганда не нашла ничего другаго въ нашемъ отечествѣ, какъ обложить своею осадой нашу школу, нашу учащуюся молодежь, чтобы въ ней

убить наши надежды и отравить наше будущее. Пользуясь нашимъ легкомысліемъ, „неблагонадежные люди“ обратили всѣ свои усилія на юныя, едва раскрывшіяся для жизни души, и нѣтъ обмана, который не употреблялся бы на то, чтобы завлечь ихъ въ сѣти. Эти люди вносятъ свою отраву въ благороднѣйшіе порывы юныхъ умовъ, и слѣплыми орудіями имъ нрѣдко служатъ сами родители и наставники. Нѣтъ, не тѣ любятъ молодежь, кто служитъ хотя бы и слѣпымъ орудіемъ обмана, не тѣ, кто льститъ ей для того чтобы вѣрнѣе погубить.

Да поможетъ намъ Богъ въ дѣлѣ, къ которому призываетъ насъ слово Государя; да поможетъ намъ оградить надежнымъ щитою дорогое намъ юношество, нашихъ дѣтей, дѣтей нашего народа... Слава Богу, заблуждающихся и уловленныхъ сравнительно немного. Большинство нашего юношества цѣло, невредимо и здорово. Мы уже много сдѣлаемъ для него, если сами не будемъ неразумными мѣрами загонять его въ сѣти враговъ. Если мы искренне любимъ его и заботимся о его благѣ, то намъ грѣхъ мирволить его врагамъ, слѣпымъ или зрячимъ, сознательнымъ или безсознательнымъ. Противъ нихъ-то слѣдуетъ принимать дѣйствительныя мѣры къ огражденію нашей молодежи. Растущее поколѣніе, которае явится намъ на смѣну, будетъ несравненно лучше насъ, если только мы сами не помѣшаемъ его развитію. (*Москов. Вѣдомости*).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Церковный вопросъ во Франціи. Религіозный вопросъ лежитъ въ самой основѣ политическихъ волненій и политической борьбы во Франціи. Вопросъ этотъ приобретаетъ тамъ все болѣе важности и принимаетъ угрожающій характеръ: это—древній сфинксъ, котораго республиканская Франція встрѣчаетъ на всѣхъ поворотахъ дороги, и который предлагаетъ ей каждый разъ свою загадку все съ болѣею настойчивостью и угрозами. Напрасно люди ловкіе и люди трусливые надвуются уйти отъ него въ сторону: лишь только они избѣгаютъ встрѣчи съ нимъ, какъ онъ снова загораживаетъ имъ путь. Франціи остается одно изъ двухъ: или она должна окончательно и смѣло рѣшить загадку, или сфинксъ ее поглотить.

Среди политическаго затишья въ теченіе лѣтнихъ вакаціон-

ныхъ мѣсяцевъ, несмотря на развлеченія и празднества по случаю всемірной выставки въ Парижѣ,—достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Гамбеттой касательно церковныхъ дѣлъ, чтобы предъ сознаніемъ общества вновь всталъ вышеупомянутый религіозный вопросъ, имѣющій болѣе нравственный, чѣмъ политическій характеръ, — вопросъ, постоянно ожидающій своего рѣшенія. Подобно тому, какъ первый ружейный выстрѣлъ вызываетъ генеральную стычку между двумя арміями, стоящими другъ противъ друга, такъ и объясненія Гамбетты подняли настоящую бурю во французской печати, — бурю, которая продолжается и теперь еще, и въ которой друзья и враги затрудняются распознать другъ друга и занять позицію, сообразную съ принципомъ и съ логикой.

Къ несчастію, въ подобныхъ спорахъ страсть говоритъ во Франціи громче, чѣмъ совѣсть и разумъ. Французы до такой степени пропитаны традиціями о единствѣ католической церкви, до такой степени проникнуты ея ученіемъ, что для нихъ ничего не можетъ быть невыносимѣе въ религіозныхъ предметахъ, какъ разногласія, и что ересь вызываетъ у нихъ только анаѹему, а не разъясненія. И это относится не къ однимъ только ультрамонтанамъ, коихъ органомъ съ энергіей выступилъ при этомъ обстоятельствѣ епископъ Анжерскій, монсеньоръ Фреппель. Это можно сказать и о журналахъ свободно-мыслящихъ и съ волтеріанскимъ направленіемъ, которые защищаютъ противоположный взглядъ съ такими же приѣмами. Такимъ образомъ насколько они отдѣлены отъ своихъ противниковъ своими идеями, на столько же, и даже еще болѣе,—соединены съ ними одинаковостію метода и аргументаціи. Попробуемъ показать, въ чемъ заключается затруднительное положеніе, въ которое попали обѣ противныя партіи.

Гамбетта въ своей рѣчи остался вѣренъ той религіозной политикѣ, которой онъ всегда держался. Отвергая идею отдѣленія церкви отъ государства и при этомъ оставляя ей независимость, Гамбетта имѣетъ въ виду учредить національный клиръ, опираясь на конкордаты; этотъ клиръ долженъ быть послушенъ правительству, которое платитъ ему жалованье, и долженъ находиться болѣе въ общеніи и единеніи съ самимъ народомъ, чѣмъ съ римской куріей. Будучи проведена съ нѣкоторой послѣдовательностію, эта политика есть тоже, что политика князя Бисмарка. Но она не имѣла еще достаточно успѣха и въ самой Гер-

маніи, гдѣ однакожь она имѣла гораздо больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ во Франціи. Посему и здѣсь нельзя ожидать строгаго примѣненія этой политики. Дѣло въ томъ, что эта система никогда не пріобрѣтетъ сочувствія именно въ массахъ народныхъ; она не удовлетворитъ искреннихъ католиковъ и понравится только людямъ болѣе или менѣе индифферентнымъ въ религиозномъ отношеніи. Ультрамонтаны это хорошо знаютъ; они смѣются надъ вашими вызовами, надъ вашими полицейскими розысками, надъ вашими циркулярами и оградившись судомъ собственной совѣсти, вызываютъ насъ на борьбу, которая можетъ возвратитъ имъ все ихъ обаяніе, дѣлая изъ ихъ сопротивленія защиту самой религиозной свободы.

Гамбеттъ отвѣчаетъ монсеньоръ Фреппель. Религіозные люди были поражены и опечалены тѣмъ суровымъ и задорнымъ языкомъ, какимъ говорилъ епископъ. Гамбетта говорилъ вообще, какъ философъ; епископъ отвѣчалъ, какъ фанатикъ. Во всякомъ случаѣ можно было при этомъ видѣть, что воинствующій католицизмъ вовсе не чувствуетъ робости; вмѣсто того, чтобы отступить, онъ самъ начинаетъ атаку и высказываетъ новыя претензіи. Онъ пріобрѣлъ уже участіе въ присужденіи высшихъ университетскихъ ученыхъ степеней; теперь онъ требуетъ права засѣдать въ учрежденіи, присуждающемъ степень простаго бакалавра. Безъ сомнѣнія, это логично, но къ тоже время весьма слабо. Неужели мало того, что государство высказало свою слабость, сдѣлавъ уступку ультрамонтанамъ? Что сказалъ бы епископъ Анжерскій, если бы еврейскіе и протестантскіе воспитанники также потребовали съ своей стороны судей принадлежащихъ къ ихъ вѣроисповѣданіямъ?

Мѣрой, которая сильнѣе и чувствительнѣе всего можетъ поразить католическую церковь, повидимому можетъ считаться обязательная военная служба, возложенная на семинаристовъ. Не будемъ обсуждать, насколько законна такая мѣра. Она могла бы быть вполне понятна при правительствѣ, проводящемъ абсолютное отдѣленіе церкви отъ государства. Но такъ какъ священство можетъ быть разсматриваемо, какъ общественная должность; то непонятно, почему бы священникамъ не пользоваться той же привилегіей, какой пользуются профессеры, учителя и другія должностныя лица въ государствѣ. Правда, что враги католицизма надѣются этой мѣрой нанести ему смертельный ударъ, задерживая пополненіе его клира и мѣшая этому пошол-

ненію. Недавно вышедшая брошюра аббата Буго (Bougaud) ¹⁾, генераль-викарія въ Орлеанѣ, повидимому можетъ поддержать и поощрить эту надежду. Въ этой брошюрѣ выставляется на видъ крайній недостатокъ въ священникахъ, который мы встрѣчаемъ въ значительномъ числѣ діоцезовъ. Дѣйствительно во Франціи есть 2.568 вакантныхъ приходовъ, и епископы не могутъ найти кандидатовъ для занятія этихъ мѣстъ. Въ одномъ только діоцезѣ д'Эвре находится 112 такихъ вакантныхъ мѣстъ; въ Реймскомъ округѣ—96, въ Версальскомъ—71. Только въ Бретани, Овернѣ и въ Ліонѣ существуетъ достаточное число кандидатовъ на священническія должности. Число воспитанниковъ семинарій уменьшается, и будущее повидимому будетъ еще хуже настоящаго. Когда военная служба будетъ отрывать воспитанниковъ семинаріи отъ церкви, то несомнѣнно, что большое число ихъ не будетъ больше возвращаться въ семинарію, и положеніе приходовъ сдѣлается тогда критическимъ.

Несмотря на всѣ эти вѣроятности и расчеты,—надѣяться побѣдить католицизмъ такой ничтожной мѣрой, какъ обязательная воинская повинность, значить себя обманывать. Тѣ, которые увидали въ статистикѣ аббата Буго симптомъ паденія католической церкви, сильно ошиблись. Они были слишкомъ расположены къ тому, чтобы обрадоваться указанному аббатомъ недостатку въ священникахъ. Они забываютъ, что если теперь есть 2.500 вакантныхъ священническихъ мѣстъ, то около 1820 года ихъ было болѣе 15.000, и это однако не помѣшало торжеству католической реакціи. На самомъ-то дѣлѣ никогда во Франціи не было большаго числа священниковъ, чѣмъ теперь. Если аббатъ Буго и жалуется, то онъ жалуется не на то, что церковь теряетъ территорію, а на то, что она еще не можетъ крѣпко занять всю пріобрѣтенную территорію. Впрочемъ въ той же самой брошюрѣ можно прочесть о ресурсахъ, которыми располагаетъ католическая церковь, и о средствахъ, которыми она начала употреблять, чтобы поправить зло. Вы не усумнитесь въ томъ, что она не успѣетъ скоро вознаградить потери своего клира и удовлетворить всѣмъ его нуждамъ. Но во всякомъ случаѣ изъ всего этого нельзя вывести того заключенія, что католическая церковь ослабѣваетъ. Это доказывается тѣмъ страннымъ контрастомъ, который замѣчается между справедли-

¹⁾ Брошюра эта носитъ такое заглавіе: „Великая опасность французской церкви въ XIX вѣкѣ“.

выми можетъ-быть жалобами блага духовенства и увеличивающимся благосостояніемъ столькихъ новыхъ религіозныхъ корпорацій, монастырей, монашескихъ орденовъ, возстановленныхъ или обновленныхъ. Какъ объяснить этотъ контрастъ? Нельзя сказать, чтобы въ старомъ стволѣ католическаго дерева стало меньше соковъ; только они идутъ другими каналами. Свободныя религіозныя учрежденія подрываютъ официальную церковь; молодыя вѣтви вытѣсняють старыя и стремятся ихъ замѣнить. Если приходскія церкви упраздняются, то частныя капеллы процвѣтають. Слѣдовательно теперь есть два католицизма; что теряетъ одинъ изъ нихъ, то другой пріобрѣтаетъ. Къ несчастію тотъ изъ нихъ, который торжествуетъ, не есть лучший. Онъ вводитъ странную догматику, культъ, обремененный пустыми обрядами, и суевѣрія, напоминающія суевѣрія умирающаго язычества. Это католицизмъ чрезвычайно воинственный и фанатическій. Итакъ нельзя думать, что католицизмъ во Франціи ослабѣваетъ, и нельзя остановить его успѣхи законодательными мѣрами, которыя въ этомъ случаѣ совершенно безсильны. (*Revue Chrétienne*).

Орлеанскій епископъ Дюпанлу. Французская церковь потеряла недавно лучшаго изъ своихъ епископовъ *Дюпанлу*. Долговременная карьера Дюпанлу есть такъ-сказать резюме исторіи французскаго католицизма. Родившись въ Савоіи въ 1802 году, онъ быстро отличился своимъ умомъ, энергіей и тою искренней страстностью, которую онъ вносилъ во всѣ свои предпріятія. Будучи превосходнымъ катехизаторомъ и духовнымъ ораторомъ,—хотя въ этомъ отношеніи онъ никогда не равнялся съ Лакордеромъ и Раваньяномъ,—онъ въ особенности отличался, какъ учитель католической религіи. Какъ правитель, онъ имѣлъ въ числѣ своихъ приверженцевъ значительныхъ и вліятельныхъ лицъ, даже царственныхъ особъ, которыя немало способствовали распространенію его вліянія. Его первое вступленіе на поприще общественной дѣятельности произошло по случаю извѣстнаго закона о свободѣ преподаванія, который былъ вострованъ въ 1850 году Законодательнымъ Собраніемъ, благодаря коалиціи католиковъ и старыхъ приверженцевъ орлеанской монархіи, соединившихся, по мысли Монталамбера, вслѣдствіе общаго пораженія подъ одно знамя. Къ несчастію, они ввели не истинную свободу, которая принадлежитъ одинаково всѣмъ гражданамъ, а только свободу католической церкви, которая добилась чрезвычайно сильнаго вліянія въ дирекціи универси-

тета и достигла того, что народное образованіе было большею частію отдано въ распоряженіе ея конгрегаціямъ. Дюпанлу, бывший тогда аббатомъ, игралъ важную роль въ комиссіи, которая выработала этотъ пресловутый законъ, причинившій Франціи столько зла.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого аббатъ Дюпанлу былъ возведенъ на Орлеанскую епископскую кафедру. Здѣсь онъ по возможности оживилъ въ своей душѣ преданія о Жаннѣ д'Аркъ, стараясь при всякомъ случаѣ соединять католицизмъ съ патриотизмомъ. Вскорѣ онъ былъ избранъ во французскую Академію за свои многочисленныя сочиненія о воспитаніи, коихъ стиль имѣетъ болѣе горячности, чѣмъ блеска, какъ и все, что вышло изъ-подъ его пера. Въ это время епископъ Орлеанскій началъ свою первую борьбу съ ультрамонтанской партіей, которая вздумала изгнать изъ школъ изученіе греческихъ и латинскихъ классиковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ вполнѣ языческое вліяніе было весьма опасно. Епископъ академикъ энергически отражалъ это новое нашествіе варваровъ въ область литературы. Онъ принадлежалъ тогда всецѣло либеральному католицизму Монталамбера и Лакордера, пытавшемуся примирить доктрину своей церкви съ направлениемъ современнаго общества. Подобно своимъ друзьямъ онъ вносилъ въ это дѣло весьма искреннюю религиозную экзальтацію. Рассказываютъ, что въ капеллѣ замка Монталамбера въ Бургундіи епископъ Орлеанскій служилъ въ эту эпоху торжественную мессу, которая была какъ бы напутствіемъ для борцовъ либеральнаго католицизма. Доска съ начертаніемъ ихъ именъ и съ надписью: *pro religione et libertate* доселѣ осталась въ капеллѣ замка. Въ это самое время ультрамонтанская партія направила всю свою ярость противъ либеральнаго католицизма подъ предводительствомъ Луи Вёльо (Louis Veuillot) великаго мастера въ искусствѣ браниться. Онъ нашелъ сильнаго противника въ епископѣ Орлеанскомъ, который на рѣзкія статьи газеты „*l'Univers*“ отвѣчалъ указами, которые были удивительными памфлетами по ихъ горячности и силѣ выраженія. Неоспоримо, что какъ журналистъ Дюпанлу обнаружилъ наиболѣе таланта. Впрочемъ есть одинъ пунктъ, въ которомъ онъ соглашался съ своими противниками, ультрамонтанами. Подобно имъ онъ защищалъ свѣтскую власть святаго Отца; съ своей всегдашней необыкновенной горячностью онъ рѣшился на это съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ, что папѣ угрожаетъ политика Наполеона III. Кромѣ

этого пункта, онъ говорилъ и писалъ вообще либерально. Пессему всѣ очень удивились, когда послѣ появленія энциклики 1864 года, которая вынуждала его сжечь все, чему онъ поклонялся, онъ обнародовалъ апологію Силлабуса. Всѣ удивились бы еще болѣе, если бы узнали, что Дюпанлу употребилъ всѣ средства, чтобы помѣшать въ Римѣ обнародованію этого самаго Силлабуса, который онъ пытался оправдать смягчающими и примиряющими толкованіями. Гизо, который былъ очень близокъ съ епископомъ Дюпанлу, говорилъ, что этотъ послѣдній истощался въ напрасныхъ усиліяхъ, чтобы помѣшать римской куріи сдѣлать столь неблагоразумный шагъ. Не слѣдуетъ слишкомъ удивляться этимъ противорѣчіямъ: сохранить полное прямодушіе чрезвычайно трудно въ религіи абсолютнаго единоличнаго авторитета; ибо необходимо безпрестанно лукавить и хитрить съ этимъ авторитетомъ, если не хочешь быть имъ раздавленъ. Начиная съ этого момента, поведение Дюпанлу сдѣлалось гораздо менѣ либеральнымъ. Въмѣсто того, чтобы удовольствоваться опроверженіемъ вредныхъ матеріалистическихъ доктринъ, онъ ревностно доносилъ о нихъ тогдашнимъ государственнымъ учрежденіямъ и успѣлъ своимъ вліяніемъ закрыть двери Академіи для Литтре ¹⁾. Когда нѣсколько лѣтъ спустя авторъ большаго „Словаря французскаго языка“ былъ принятъ въ Академію за свои блестящія заслуги, то Дюпанлу подалъ просьбу объ отставкѣ, которая никогда не была ни принята, ни отвергнута. Несмотря на Силлабусъ и на свою извѣстную брошюру, онъ остался все-таки галликанцемъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ, какъ подготовлялось провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы. Наканунѣ собора онъ былъ въ первомъ ряду противниковъ этого догмата. Въ 1869 году онъ игралъ въ Римѣ роль настоящей главы оппозиціи къ великой *досадѣ* ультрамонтанъ. Его современные католическіе апологеты проходятъ благоразумнымъ молчаніемъ этотъ періодъ его жизни; тѣмъ не менѣе онъ не забыть въ Римѣ, ибо своей оппозиціей Дюпанлу совершилъ грѣхъ, который не можетъ быть прощенъ ни въ этой, ни въ будущей жизни. Такимъ образомъ, несмотря на свою покорность и безчисленныя заслуги, оказанныя имъ въ 1870 году католическому дѣлу, онъ не получилъ кардинальской шапки, которая украшала головы даже самыхъ посредственныхъ изъ

¹⁾ Литтре—позитивистъ послѣдователь Огюста Конта.

французскихъ епископовъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ оставался всегда подозрительною личностью. Такъ на него смотрѣли при папскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

Папскій нунцій дошелъ даже до того, что жалѣлъ о паденіи республиканскаго министерства 24 мая, ибо его страшило то, что управление церковными дѣлами фактически переходило къ Дюпанлу. И однако же съ тѣхъ поръ, какъ Дюпанлу засѣдалъ въ національномъ собраніи, онъ не упускалъ ни одного случая послужить тѣмъ, которые его отвергали. Онъ говорилъ рѣчь въ пользу свѣтской власти папы въ извѣстномъ собраніи епископовъ въ 1871 году. Онъ игралъ главную роль при обсужденіи законовъ о народномъ образованіи, особенно въ томъ засѣданіи, которое учредило новые католическіе университеты и присвоило имъ право присуждать ученые степени. Точно также онъ не переставалъ усиленно доносить на вредныя и опасныя доктрины, не заботясь о достаточной точности своихъ показаній. Припоминается его сильная полемика по случаю столѣтняго юбилея Вольтера. И здѣсь онъ перешелъ мѣру: онъ хотѣлъ видѣть однѣ только дурныя стороны этого необыкновеннаго генія, не признавая того, что сдѣлалъ онъ для вѣротерпимости. Епископъ Орлеанскій умеръ въ ту минуту, когда готовился къ новой борьбѣ въ пользу своей церкви; однако онъ никогда не одобрялъ извѣстныхъ суевѣрныхъ заблужденій ультрамонтанства.

Дюпанлу былъ истиннымъ представителемъ этого бурнаго періода въ исторіи французскаго католицизма; онъ носилъ въ самомъ себѣ тѣ противорѣчія, которыя обнаружались въ этомъ періодѣ. Ему не удалось возвыситься надъ ними: это-то и даетъ ему иногда видъ нѣкотораго недостатка искренности. Въ сущности ничего этого не было; фальшиво было его положеніе, но не его душа. Не забудемъ впрочемъ, что этотъ человѣкъ былъ весь—страсть. Страсть свѣтилась въ его лицѣ, въ его фигурѣ всегда подвижной, въ его рѣчи болѣе горячей, чѣмъ краснорѣчивой, сопряженной съ тяжелой семинарской риторикой. При видѣ того, какъ этотъ неутомимый старикъ идетъ съ обнаженной головой, чтобы прохладить жаръ крови, постоянно находящейся въ волненіи, можно было увѣриться, что старость не способна была дать ему яснаго, спокойнаго расположенія духа. Но все-таки должно признать, что онъ не слишкомъ сильно компрометтировалъ дорогое ему дѣло полемическимъ задоромъ и страстными преувеличеніями. Журналъ, находившійся подъ его вліяніемъ, именно: *La defense religieuse* оказался однимъ изъ сла-

бѣйшихъ органовъ клерикальной реакціи. Несмотря на все то, въ чемъ можно упрекнуть Дюпанлу, онъ остается личностью достойною вниманія и даже сочувствія, ибо онъ долженъ былъ много выстрадать въ той страшной борьбѣ, которая поднялась въ его душѣ, борьбѣ между его прежними либеральными убѣжденіями и прямо противоположными имъ рѣшеніями ватиканскаго собора. Съ точки зрѣнія достоинства и чистоты частной жизни Дюпанлу заслуживаетъ полнаго уваженія. Онъ обнаружилъ большое мужество во время франко-прусской войны въ своемъ орлеанскомъ діэцезѣ, который долженъ былъ столько пострадать отъ нашествія.

Онъ любилъ приглашать на представленія греческихъ трагедій, которыя давались въ его маленькой семинаріи,—любителей великой классической литературы, иногда также тѣхъ лицъ, которыхъ онъ считалъ мало сочувствующими клерикальному воспитанію. Его домашній образъ жизни былъ простъ до суровости; его манеры и обращеніе — свободныя, чистосердечныя. Не трудно было сойтись съ нимъ на высотахъ патріотизма, любви къ литературѣ, а также христіанскаго спиритуализма.

Католическіе журналы воздаютъ Дюпанлу честь за то, что онъ былъ будто бы великимъ защитникомъ религіозной свободы. Всего меньше онъ заслуживаетъ этой похвалы: ибо онъ собственно защищалъ „свободу добра“ (*la liberté du bien*). Онъ показалъ себя самымъ отъявленнымъ врагомъ всякаго проекта закона о свободѣ культовъ; онъ дошелъ даже до того, что съ высоты трибуны объявлялъ разрушительнымъ полное приложеніе этой свободы къ некаатоликамъ.

Епископъ Орлеанскій былъ блестящимъ представителемъ либеральнаго католицизма какъ въ первый періодъ неблагоразумныхъ, но благородныхъ увлеченій, такъ и въ послѣдній періодъ отступленія отъ нѣкоторыхъ прежнихъ убѣжденій,—въ періодъ покорности. Онъ показалъ своимъ примѣромъ, что значитъ рѣшиться всѣмъ пожертвовать идолу ватикана; чтобы удовлетворить его, приходится дойти до отступничества отъ либерализма. Великіе жрецы ультрамонтанства не удовлетворяются даже этимъ отступничествомъ; они никогда не прощаютъ своимъ врагамъ, даже когда послѣдніе раскаиваются. Это можно было замѣтить въ той странной надгробной рѣчи, которую Вельо посвятилъ епископу Дюпанлу.

Церковное положеніе въ Босніи. Отъѣздъ епископа Штросмайера въ Римъ, гдѣ онъ долженъ заняться пе-

реустройствомъ католической іерархіи въ Босніи и Герцеговинѣ, снова обращаетъ вниманіе на религиозное положеніе этихъ двухъ странъ и требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Жители территоріи, занятой теперь австрійскими войсками, состоятъ изъ православныхъ, магометанъ и католиковъ. Православные составляютъ большинство (ихъ болѣе 500.000 душъ), затѣмъ магометанъ 300.000 и католиковъ 130.000. Православные не только вслѣдствіе своей численности, но также и потому, что имѣютъ многочисленныхъ епископовъ въ Сербіи, Черногоріи и на военной австрійской границѣ, весьма вліятельны въ политическомъ отношеніи; во главѣ ихъ стоятъ три епископа, живущіе въ Сераевѣ, Зворникѣ и Мостарѣ. По отзывамъ лицъ, знакомыхъ со страной, эти епископы, назначаемые болѣею частію изъ грековъ, подчиненные константинопольскому патріарху, весьма мало любимы своею паствою. Вслѣдствіе этого, боснійскіе и герцеговинскіе православные много разъ уже обращались въ Вѣну и Константинополь съ просьбою, чтобы имъ было дозволено избирать епископовъ и священниковъ изъ своей національности, въ собственной странѣ или въ Австріи. Австро-Венгерское правительство можетъ только благопріятствовать такому требованію и тѣмъ охотнѣе, что оно можетъ предъявить историческія права, по которымъ окажется, что юрисдикція вселенскаго патріарха надъ православными сербами не имѣетъ основанія. Православные сербы на Балканскомъ полуостровѣ дѣйствительно имѣли, съ 1219 года, особаго митрополита, который сдѣлался въ 1347 году независимымъ патріархомъ и былъ признанъ таковымъ въ Константинополь. Они сохранили такое положеніе подъ турецкимъ владычествомъ, и патріархатъ, имѣвшій до 1737 года пребываніе въ Ипекѣ, въ Албаніи, былъ переведенъ въ Карловицъ, въ Австріи. Въ Ипекѣ остался только одинъ викарій, право назначенія котораго было куплено у турокъ въ 1765 году константинопольскимъ патріархомъ. Поэтому австрійскіе православные утверждаютъ, что православный патріархатъ долженъ имѣть пребываніе въ Карловицѣ, а не въ Константинополь. Впрочемъ они имѣютъ еще одинъ доводъ поддерживать свое притязаніе, а именно: императоръ Леопольдъ 1-й, въ 1691 году, во время водворенія сербовъ въ имперію, обезпечилъ за карловицкимъ патріархомъ право духовнаго суда надъ Босніей и Герцеговиной; это право было подтверждено многочисленными грамотами, данными преемниками Леопольда. Такимъ образомъ по ихъ мнѣ-

нію, вопросъ о православной іерархіи могъ бы быть весьма легко разрѣшенъ и съ пользою для Австріи, если бы вѣнскій кабинетъ предъявилъ свои права и поддержалъ юрисдикцію карловицкаго патріарха надъ Босніей и Герцеговиной. Что же касается 300.000 мусульманъ полуострова, то устройство ихъ религіозныхъ отношеній представляетъ болѣе затрудненій. 8-го ноября нынѣшняго года 58 вліятельныхъ беговъ вручили барону Фелипповичу адресъ (*masbata*), въ которомъ испрашивали помилованіе инсургентамъ и принятіе ихъ въ число „другихъ свободныхъ подданныхъ“ императора Франца-Иосифа, при чемъ заявили, что законъ шеріата обязываетъ ихъ признавать и уважать султана, какъ главу ихъ религіи, но что они просятъ императора даровать имъ право избирать изъ своей среды духовнаго главу, который былъ бы во всемъ независимъ отъ шейхъ-уль-ислама. Исполненіе этого желанія поставитъ мусульманъ Босніи и Герцеговины въ такое же положеніе относительно султана, въ какомъ находятся католики къ папѣ. Но подобное раздѣленіе духовной и свѣтской власти султана имѣетъ мало надежды на успѣхъ, и безъ сомнѣнія придется отыскивать для мусульманъ иной *modus vivendi*. 130.000 католиковъ, босняковъ и герцеговинцевъ, распределены на 84 прихода, управляемыхъ францисканцами, такъ какъ страна эта въ настоящее время миссіонерская и потому находится въ непосредственномъ подчиненіи папѣ (?). Три епископа въ Мостарѣ, Брестовацѣ и Рагузѣ не распределены іерархически, теперь слѣдовало бы подчинить ихъ епископу въ Діаковарѣ, который уже имѣетъ званіе боснійскаго епископа и могъ бы перенести свое мѣстопробываніе въ Сараево. (*Débats*).

НАЗНАЧЕНІЕ ЕПИСКОПА ДЛЯ МИССІИ ВЪ САНЬ-ФРАНЦИСКО.

„Миссіонеру“ сообщаютъ изъ Петербурга, что въ воскресенье 29 минувшаго октября, въ Александро-Невской Лаврѣ происходило возведеніе въ санъ архимандрита іеромонаха сей Лавры о. Нестора, назначаемаго на епископскую кафедру въ Санъ-Франциско; хиротонія его во епископа Алеутскаго послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени также въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Несторъ, будучи іеромонахомъ, сначала служилъ въ военно-исправительной тюрьмѣ морскаго вѣдомства, въ С.-Петербурѣ,

а за тѣмъ одиннадцать лѣтъ пробылъ на службѣ за границею на югѣ Франціи въ г. По, въ качествѣ настоятеля русско-православной церкви. Происхожденія о. Несторъ свѣтскаго; отецъ его служилъ въ Архангельскѣ морскимъ офицеромъ. Первоначальное образованіе о. Несторъ получилъ въ кадетскомъ корпусѣ и по окончаніи курса шесть лѣтъ пробылъ въ морской службѣ. Онъ уже дослужился чина лейтенанта, какъ давнишнее расположеніе его къ монашеству и служенію церкви заставило его оставить военную службу и удалиться въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и пробылъ до опредѣленія его въ настоятели къ церкви въ военно-исправительной тюрьмѣ. О. Несторъ въ совершенствѣ владѣетъ французскимъ и англійскимъ языками, что будетъ для него весьма важно при новомъ его служеніи. Говорятъ, что ему была предложена Алеутская кафедра еще въ 1870 году, но онъ тогда отъ нея отказался.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ СЛАВЯНСКОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

3-го декабря происходило засѣданіе с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества по дѣ предсѣдательствомъ профессора университета К. Н. Бестужева-Рюмина, — второе послѣ каникулъ. Первое происходило 29 октября. То и другое собраніе, а особенно первое, отличались бурнымъ характеромъ. Буря эта подготовлялась давно и въ печати уже года два слышались ея предвѣстники. На Славянское Общество нападали и нападаютъ тѣ же самые органы печати, которые во время сербско-турецкой войны начали бросать грязью въ русскихъ добровольцевъ, сражавшихся въ Сербіи; тогда же слышались жалобы и на Славянское Общество, снаряжавшее, отправлявшее и содержавшее добровольцевъ, особенно на мнимую безконтрольность и столь же мнимую негласность дѣйствій комиссіи кружечнаго сбора. Назначена была ревизія, которая къ несчастію поддавалась вліянію недовольной прессы и задалась цѣлью — во что бы то ни стало уронить въ общественномъ мнѣніи членовъ и распорядителей кружечной комиссіи. Хотя, какъ оказалось по ея же донесенію, никакихъ существенныхъ ошибокъ въ записи прихода и расхода суммъ не найдено, пропажи денегъ не было, счетная часть велась правильно и точно, хотя и

не съ такою пунктуальностью какъ въ многочленномъ департаментѣ; тѣмъ не менѣе, придираясь къ мелочамъ и случайнымъ ошибкамъ, неизбежнымъ въ такомъ горячемъ дѣлѣ и притомъ разъясненнымъ членами кружечной комиссіи, ревизіонная комиссія вооружила противъ себя большинство членовъ Славянскаго Общества, но зато встрѣтила полное одобрение и поддержку въ quasi либеральной петербургской печати. Засѣданія 29 октября и 3 декабря кончились тѣмъ, что главнымъ дѣятелямъ кружечной комиссіи, по предложенію о. протоіерея І. Л. Янышева, вмѣсто порицанія, о которомъ хлопотала ревизіонная комиссія, принесена была обществомъ благодарность, что председатель кружечной комиссіи Т. И. Филипповъ и казначей И. И. Петровъ избраны были въ почетные члены, отчетъ признанъ правильнымъ и ревизіонная комиссія закрыта. Но относительно одного изъ ея членовъ, П. К. Мартянова, возбужденъ вопросъ (о преданіи его за невѣрныя показанія и за клевету или „за ложный доносъ народу“ уголовному суду, и для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса составлена комиссія изъ достопочтенныхъ членовъ общества: члена государственнаго совѣта Н. И. Стройновскаго, М. Н. Островскаго, тайнаго совѣтника Ѳ. П. Корнилова и генералъ-лейтенанта Долотовскаго Мѣра крутая, но она единственная, какая осталась въ распоряженіи Славянскаго Общества, столь много потрудившагося на пользу славяно-русской взаимности: для него необходимо обратиться къ суду, чтобы тотъ очистилъ его предъ русскимъ народомъ отъ тѣхъ инсинуаций, которыя въ такомъ избыткѣ и съ такимъ усердіемъ печатались беззащитными фельетонистами. Г. Мартянову лично можно было бы простить его вольныя и невольныя прегрѣшенія противъ почтенной дѣятельности членовъ комиссіи по сбору пожертвованій: но судъ надъ нимъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ судомъ надъ опрометчивостью и несправедливостью фельетонныхъ глашатаевъ, во все вмѣшивающихся и все самое святое и дорогое для русскаго человѣка готовыхъ опозорить и осмѣять. (*Церк. Вѣстн.*).

Въ дополненіе и подтвержденіе этихъ словъ приведемъ прекрасныя, глубокопоучительныя строки изъ „Воскресныхъ замѣтокъ“ фельетониста газеты *Телеграфъ* № 279. „Будетъ очень не лишне бросить взглядъ назадъ, на исторію зарожденія у насъ славянскаго вопроса и славянскаго комитета. Какъ ни популярна теперь у насъ славянская идея и ея послѣдствія, но далеко не всѣ знаютъ, какъ и съ чего пошло дѣло и какъ до-

развилося оно до настоящаго фазиса. Это очень любопытно и очень поучительно. Многое, что кажется теперь непосвященному человѣку загадкой, станетъ тогда совершенно яснымъ. Дѣло было такъ.

Еще очень недавно, всего какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ, общество наше имѣло очень смутное понятіе о славянахъ и вообще о славянскомъ вопросѣ. Было извѣстно, что въ Москвѣ, такъ богатой всякими причудами, проживаютъ какіе-то чудаки, которыхъ зовутъ славянофилами и про которыхъ рассказывали очень смѣшныя вещи: питаются они будто бы почти исключительно рѣдкой, капустой, кашей; запиваютъ все это квасомъ и ходятъ постоянно закомюмированными въ русскую поддевку, красную рубаху и смазные сапоги. О томъ, чего они хотятъ, во что вѣрують, чего добиваются—было извѣстно очень мало и это малое отличалось замѣчательной неопредѣленностью. Общій характеръ этого малаго считался однако почему-то не совсемъ благонамѣреннаго свойства, хотя въ то же время „ученіе“ ихъ называли отсталымъ, т. е. въ извѣстномъ смыслѣ, слѣдовательно, благонамѣреннымъ... Страшная путаница понятій!

Говорили, что они далеко не безусловно восторгаются пресловутымъ окномъ, прорубленнымъ въ Европу, и утверждаютъ, что вмѣстѣ съ массой разныхъ техническихъ знаній, дѣйствительно очень полезныхъ, къ намъ изъ Европы въ это же окно ворвались и такіе міазмы тамошней цивилизаціи, которые рѣшительно не имѣютъ никакого дѣлительнаго для насъ свойства и распространеніе ихъ вовсе не желательно. Вообще въ нихъ видѣли продолжателей и прямыхъ потомковъ тѣхъ бунтовщиковъ, которые испортили столько крови великому преобразователю Россіи Петру Первому... Петербургская журналистика относилась къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ, и многіе изъ тѣхъ публицистовъ, которые теперь надрываются за славянъ и которые играютъ такую видную роль въ дѣлѣ возбужденія и поддержанія въ насъ сочувствія къ судьбѣ славянъ, смотрѣли еще очень недавно на московскихъ чудаковъ свысока, какъ на какихъ-то недомыслковъ, самодуровъ, обскурантовъ... Крымская война хоть и велась за то же самое почти, за что и теперешняя, но она нисколько не сблизила насъ съ славянами, да въ народѣ, а отчасти и въ обществѣ,—что ужъ грѣха таить,—было убѣжденіе, что дѣло разгорѣлось тогда изъ-за іерусалимскихъ ключей, а славяне тутъ ужъ такъ встали подвернулись. Можно смѣло, ни сколько не дѣлая никакихъ натяжекъ, принять за фактъ, что въ это недавнее еще время идея славянскаго единства жила

и находила себѣ какое-нибудь сочувствіе только въ Москвѣ Хомяковы, Кирѣевскіе, Тютчевы, Аксаковы и другіе носители этой теперь завѣтной нашей идеи конечно уважались, какъ талантливые и безупречно честные люди, но—будемъ же справедливы—намъ было грустно, что такіа даровитыя натуры заблуждаются, что такіе таланты сблизь съ пути, не понимаютъ и не восторгаются западной цивилизаціей, тянутъ насъ назадъ,—къ старинѣ, къ народу, къ племенному вопросу славянъ, словомъ, по тогдашнимъ пониманіямъ, вмѣсто дѣла развлекаются какой-то утопіей, съ ретроградной закваской.. Это все было очень еще недавно.

Но вотъ начались смуты славянъ въ Герцеговинѣ, въ Сербіи, въ Черногоріи, и мы вдругъ узнаемъ, что пѣз этихъ невѣдомыхъ намъ странъ ѣдутъ въ Петербургъ, на свиданіе съ нами, нѣсколько десятковъ туземцевъ. Было очень любопытно посмотреть, что это за народъ. Мы знали впрочемъ, что они намъ родственники, эти гости; но они такіе бѣдные, угнетенные, полудикіе.. Благодаря нашему прирожденному благодущію и радущію, да пожалуй и любопытству, мы приготовились ихъ встрѣтить, но такъ встрѣтить, какъ встрѣчаютъ богатые родственники бѣдныхъ, дальнихъ... Въ то время у всѣхъ на языкѣ вертѣлось еще присвоенное мужикамъ названіе—„меньшая братія“ и потому это выраженіе сейчасъ же мы нѣсколько измѣнили и приспособили къ обиходу такъ: гостей назвали—„братьями славянами“. Наконецъ они пріѣхали. Ожиданія наши къ удивленію нашему не оправдались. Мы встрѣтили вовсе не одичалыхъ людей, не закостюмированныхъ въ фантастическія одежды, напротивъ,—людей не только развитыхъ, но замѣчательныхъ ученыхъ, авторитеты которыхъ признаны и очень уважаются даже на Западѣ. Оказалось, что они ни въ какой нравственной нищѣ не нуждаются, не просятъ отъ насъ ее по той простой причинѣ, что въ этомъ отношеніи они гораздо богаче насъ самихъ, и вообще мы съ своей полурусской, полуфранцузской, полунѣмецкой цивилизаціей для нихъ ни причемъ; что намъ надо нынѣ же отложить всякое попеченіе ихъ культивировать, а если хотите помочь, то развѣ только вотъ деньгами, потому что мы въ этомъ случаѣ дѣйствительно богаче ихъ, разоренныхъ, да физической силой, т.-е. когда нужно будетъ—штыками да ядрами... Несморя на такое разочарованіе, общее впечатлѣніе они произвели очнь хорошее и очень въ свою пользу. Къ этому времени относится основаніе славянскаго комитета. По программѣ цѣль его была чисто благотворительная; по край-

ней мѣръ такъ говорилось, и на косые взгляды Австріи и вообще отчасти и Европы давались отвѣты такіе именно. Но кто же не знаетъ и кто же не понимаетъ, какъ къ подобномъ положеніи, въ какомъ очутился съ первыхъ же мѣсяцевъ своего существованія славянскій комитетъ, трудно держаться въ предѣлахъ одной благотворительности безъ всякаго политическаго оттѣнка. Искушеніе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе мы знакомились и съ бытомъ славянъ и съ тѣми причинами, которыя порождали ихъ страданія и стоны, съ этого времени день ото дня раздававшіеся все громче. Общество начинало заинтересовываться, прислушиваться. Но занятые своими внутренними преобразованіями, укладываніемъ своей жизни въ новыя формы, мы не много могли удѣлять имъ вниманія и времени и за это, пожалуй, насъ нельзя винить. Между тѣмъ мало-по-малу кружокъ людей, особенно горячо сочувствовавшихъ новой для насъ идеѣ и имѣвшихъ относительно большій досугъ и нѣкоторыя средства, разрастался все шире и шире. Сперва они собирались на квартирѣ у покойнаго теперь А. Ѡ. Гильфердинга, гдѣ-то близъ Таврическаго сада. А въ это время ужъ назрѣвалъ, готовился къ своей кровавой развязкѣ, неразвязанной, къ сожалѣнію, окончательно и нынѣ, славянскій вопросъ. Наконецъ настала 1875 годъ. 7 іюля въ Босніи раздался первый ружейный выстрѣлъ, которому теперь вотъ уже слишкомъ три года вторятъ милліоны ружей и тысячи пушекъ... Этотъ выстрѣлъ больно отозвался въ сердцахъ лучшихъ русскихъ людей. Къ нему и послѣдовавшимъ за нимъ общество стало чутко прислушиваться. Честь почина въ дѣлѣ уясненія этой начинавшейся борьбы принадлежитъ газетѣ М. Г. Черняева. Онъ же первый открылъ у себя и приемъ пожертвованій въ пользу больныхъ раненыхъ славянъ.

Интересъ и вниманіе къ борьбѣ возрастали въ нашемъ обществѣ, но это все ограничивалось почти исключительно самой интеллигентной его частью.

Понятно, славянскій комитетъ въ это время не сидѣлъ сложа руки. Но далеко не легка была его задача и далеко не всѣ вѣрили въ возможность для него принести практическую пользу разгоравшемуся дѣлу. Такъ напримѣръ секретарю комитета И. К. Янкулю во время его хлопотъ о дозволеніи комитету открыть подписку, одно лицо отвѣтило: „вы соберете какіе-нибудь три тысячи и надѣлаете сраму на всю Европу“. Наконецъ разрѣшеніе было дано 23 августа, и тутъ-то вотъ начинается неустанная,

Безконечно почтенная, трудная работа. Надо было въ одно и то же время и собирать пожертвованія и отправлять ихъ, и дѣлать закупки такихъ вещей, которыхъ тамъ на мѣстѣ возстанія нельзя было достать: надо было наконецъ придумывать средства и способы ухищряться на всѣ манеры доставить эти вещи туда, потому что не было такихъ пакостей, которыя не продѣлывались бы въ Австріи, чтобы только наша помощь не доходила по назначенію. Даромъ нельзя было этого устроить. Само собою разумѣется, что въ составъ комиссіи для сбора вошли самые почтенные, самые видные члены комитета. Господа Романовскіе, Мартыиновы и проч. этихъ трудовъ не несли...

Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ выяснилось все больше и больше. Стало наконецъ очевиднымъ, что и Черногорія и Сербія должны будутъ вмѣшаться въ борьбу, что пожаръ разросется. Заговорили объ отъѣздѣ туда Черняева, и дѣйствительно вскорѣ онъ уѣхалъ. Съ этого времени славянскому комитету стало еще труднѣе. Громадная популярность народнаго любимца, его всѣмъ извѣстная честность вызвали неожиданныхъ размѣровъ приливъ пожертвованій деньгами, платьемъ, вещами. Во главѣ славянскаго движенія сталъ русскій любимый народомъ человекъ—разсуждать нечего, надо жертвовать: дѣло навѣрно хорошее! Можно смѣло сказать, что какъ бы ни злились и ни шпѣтили, какія бы инсинуаціи ни печатали его завистники, но стань во главѣ движенія не онъ, а какой-нибудь другой генераль, хотя бы тоже изъ членовъ славянскаго комитета, не было бы и половины,—какой половины!—четверти того сбора, какой получился...

Вслѣдъ за Черняевымъ въ Сербію, къ *Черняеву*, одинъ за другимъ потянулись добровольцы. И тутъ надо повторить тоже: будь главнокомандующимъ не Черняевъ, а опять-таки какой-нибудь другой генераль, хотя бы и изъ членовъ славянскаго комитета, за нимъ и къ нему не поѣхало бы тоже и четверти добровольцевъ...

Въ большинствѣ это были люди все съ очень маленькими средствами, а то и совсѣмъ безъ всякихъ средствъ. Ихъ надо было снаряжать, экипировывать съ головы до ногъ, надо было думать о тепломъ платьѣ,—время подходило къ зимѣ. Всѣ эти заботы легли на славянскій комитетъ. Онъ очутился такимъ образомъ неожиданно-негаданно и притомъ одновременно на ампуа и министерства финансовъ, изыскивающаго новые и новые источники доходовъ. и военнаго министерства по снабженію славянъ

оружіемъ, и интендантскаго управленія, и медицинскаго департамента, и я ужъ не знаю чего и кого. Теперь, господа, примите во вниманіе, что все это должны были продѣлать люди совершенно неприготовленные къ этому, очень почтенные, честные, но это вѣдь не могло замѣнить имъ ни спеціальной подготовки, ни опыта. Ошибки, недосмотры, промахи *должны* были быть, и если надо чему удивляться, такъ это тому, что ихъ такъ мало они сдѣлали. Ко всему этому надо прибавить еще, что все дѣлалось почти тайкомъ. Правительство не могло официально разрѣшить этого похода. Это всё отлично впрочемъ понимали, тѣмъ не менѣе это много затруднило дѣло. Работа ихъ была страшно трудная и она тѣмъ почтеннѣе, они тѣмъ выше должны стать въ нашихъ глазахъ, тѣмъ болѣе мы должны быть имъ благодарны, что они не отказывались отъ нея, дѣлали свое дѣло, къ которому призывало ихъ общее уваженіе и довѣріе. Завидное положеніе! Ему и завидуютъ, его и хотятъ теперь поколебать,—ничего, что отъ этого болѣетъ, вянетъ, гибнетъ честное дѣло...

Богу угодно было, чтобы труды эти не сейчасъ дали свои результаты. Нужно было еще болѣе тяжкое испытаніе нашей народной крѣпости, могущества славянской идеи. Нуженъ былъ годъ страшнаго томленія, годъ ни мира, ни войны, наконецъ годъ ужасной войны. Мы съ честью выдержали это испытаніе и если наша завѣтная мечта объединенія не осуществилась вполне—не бѣда. Задача страшно подвинулась впередъ. Конца не долго ждать.

Не знаю, можетъ это и не такъ, но я считаю страшной ошибкой дѣлать оцѣнку минувшей войны только съ точки зрѣнія результатовъ ея въ отношеніи территоріальныхъ нашихъ пріобрѣтеній, большаго или меньшаго числа освобожденныхъ славянъ, военной славы и проч. Съ подобной точки зрѣнія она дѣйствительно можетъ быть неудовлетворительна. Очень можетъ быть, мы могли бы достигнуть большаго. Но она имѣетъ другое гораздо болѣе важное значеніе и тутъ результаты, данные ею, громадны. Славянская идея, бывшая почти вплоть до самаго начала ея почти исключительнымъ достояніемъ московскихъ чудаковъ, теперь сдѣлалась нашей общей любимой завѣтной мечтой. Славянскій вопросъ въ сущности теперь конченъ; за него теперь мы можемъ быть покойны. Теперь общее и полное освобожденіе и сліяніе славянъ—вопросъ только времени. Этими мы обязаны войнѣ; благодаря ей, мы узнали другъ друга, а разъ мы

увняли другъ друга, мы узнали, что мы сильны и настолько сильны, что вся Европа кинулась въ перепугѣ мѣшать нашему сліянію, потому отлично поняла, что разъ совершится наше объединеніе, ей ужъ невозможно будетъ съ нами спорить—славяне будутъ полноправными хозяевами въ Европѣ.

Если это такъ, т.-е. если оконченная война важна не по тѣмъ результатамъ, которыми обыкновенно оцѣниваются войны, т.-е. не по всѣмъ этимъ территоріальнымъ и инымъ пріобрѣтеніямъ, а важна по идеѣ, по укрѣпленію въ народѣ этой идеи, тогда, чтобы быть послѣдовательными и справедливыми, мы должны и выдвинуть на первый планъ первыхъ носителей этой идеи и тѣхъ людей, которые сдѣлали войну желанной и неизбежной...

Ихъ имена намъ всѣмъ извѣстны...

Они собирали пожертвованія, они возбуждали и вызывали сочувствіе народа и общества къ дѣлу, они все закупили и отправили это закупленное на собранныя деньги туда, на войну они исполнили всѣ тѣ ампула, о которыхъ мы сейчасъ говорили,—они вывели дѣло! Мы должны теперь ихъ благодарить. Мы и благодаримъ...

Совершился историческій фактъ громадной важности. Его значеніе мы всѣ болѣе или менѣе понимаемъ вѣрно... Но... мы—русскіе со всѣми нашими достоинствами и недостатками и вотъ теперь, когда война утихла и

„Считать мы стали раны,
Товарищей считать“...

намъ потребовалось не только наше излюбленное „самооплеваніе“,—у насъ нашлись охотники плевать и бросать грязью въ людей и учрежденіе, которымъ мы почти цѣликомъ обязаны всѣмъ. Это глубоко возмутительная вещь! Отвратительно читать радостное подсмѣиваніе и потираніе руками при извѣстіи о скандалѣ съ какимъ-нибудь Юханцевымъ, Артемовской, Бритневимъ и пр. Пошли эти крики злорадства. это дешевенское остроумице; во всемъ этомъ нѣтъ глубокаго чувства негодованія—это просто радость салонницы, разсказывающей и безконечно при этомъ привирающей о только-что случившемся скандалѣ—и только. Такъ неужели можно съ такой же пошлой развязностью относиться къ людямъ, которымъ мы такъ много обязаны, которые такъ много сдѣлали? Неужели можно устанавливать такое отношеніе къ учрежденію, гдѣ сгруппировалось все, что есть лучшаго, честнаго въ нашей интеллигенціи?

И все это по поводу чего же? По поводу того и въ силу того, что въ книгахъ прихода и расхода перепутаны графы, не къ мѣсту пришиты нѣкоторые росписки, квитанціи, что нѣкоторые расходы показаны гуртомъ, а не отдѣльными статьями и т. п.—Только? Да, только. Сама же ревизіонная комиссія, вызвавшая всю разладицу, давалъ пищу этимъ грязнымъ слухамъ о какихъ-то растратахъ и пр., въ концѣ-концовъ, какъ ни досадно, а *должна была сознаться, что есе цѣло..* но росписки не къ мѣсту пришиты... нѣтъ итальянской бухгалтеріи...

Комиссіи пришлось долго, очень долго сортировать и разбирать эти квитанціи, счета, росписки,—это очень скучно, это правда, но вѣдь отсюда до расхищенія, до права распускать слухи о расхищеніи еще далеко. Было когда и кому въ то горячее время хлопотать объ итальянской бухгалтеріи! Кто вѣдь тогда всю эту суету и горячку, понимаетъ всю комичность такого требованія, да и не по наивности, не по незнанію дѣла вѣдь распускались скверные слухи.

„Умысль другой тутъ былъ...“

Общее собраніе членовъ славянскаго комитета, выслушавши отъ комиссіи „повѣсть“ объ открытыхъ ею „безпорядкахъ“ разумѣется по долгу, какъ слѣдуетъ, оцѣнило и повѣсть и авторовъ... Стенографическій отчетъ всего, что говорилось на этомъ общемъ собраніи, напечатанъ и общество само все узняетъ. Оно узнаетъ, что имена людей, которыхъ оно привыкло считать лучшими людьми русскими, которымъ оно вѣрило, остались такими же чистыми и честными, и что грязь, сколько бы ни кидали ею въ нихъ, къ нимъ не липла прежде и не прилипла и теперь...

Пройдутъ года, можетъ десятки лѣтъ; безъ войны, можетъ не завершится освобожденіе и объединеніе славянъ—начнетъ опять война: можетъ и тогда не совсѣмъ объединятся и будутъ свободны славяне, но вѣдь когда-нибудь это освобожденіе совершится же и въ исторію попадутъ и добрымъ словомъ будутъ помянуты ею эти имена, къ которымъ мы такъ пошло мальчишески относились“...

ПО ВОПРОСУ О ПРИЗРѢНІИ НИЩИХЪ.

Комитетъ министровъ, выслушавъ внесенные, по Высочайшему повелѣнію, статсъ-секретаремъ Танъевымъ два журнала комиссіи Высочайше учрежденной для рассмотрѣнія отчетовъ комис-

тетовъ: С.-Петербургскаго—для разбора и призрѣнія нищихъ и Московскаго—о просящихъ милостыни, за 1876 г., положилъ: всѣ послѣдовавшія въ означенныхъ журналахъ Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки сообщить министру внутреннихъ дѣлъ въ надлежащему исполненію, о чемъ и было сообщено. Въ журналѣ комиссіи по разсмотрѣнію отчета С.-Петербургскаго комитета о нищихъ, между прочимъ, выражено, что употребляемая комитетомъ мѣра противъ наплыва въ Петербургъ нищихъ, т.-е. высылка людей на мѣсто родины и осѣлости, не достигаетъ своей цѣли, что дѣйствительнаго средства противъ этого зла можно ожидать только отъ успѣховъ мѣстнаго призрѣнія нищихъ въ средѣ обществъ сельскихъ и городскихъ. Въ виду сего и по недостаточности существующихъ у насъ постановленій, относящихся до мѣръ призрѣнія нищихъ, признавалось бы необходимымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ поручить особой комиссіи разработку и обсужденіе общаго вопроса о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ, равно о способахъ призрѣнія лицъ, не приписанныхъ ни къ какимъ обществамъ. Противъ такого заключенія послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Согласенъ“. Вслѣдствіе сего, для обсужденія во всѣхъ подробностяхъ настоящаго предмета, учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ представителей отъ подлежащихъ министерствъ и вѣдомствъ, особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Веселкина. Предварительно какаго-либо заключенія по настоящему дѣлу, комиссія признала необходимымъ имѣть въ виду подробныя свѣдѣнія и данныя о численности нищихъ, распредѣленія ихъ по губерніямъ, о мѣрахъ къ предупрежденію и прекращенію нищенства, о дѣлѣ призрѣнія нуждающихся и т. под. Департаментъ полиціи исполнительной препроводивъ къ губернаторамъ перечень поставленныхъ комиссіею вопросовъ, просилъ о собраніи и доставленіи указанныхъ въ ономъ свѣдѣній. Въ виду того, что по означенному перечню требуется, между прочимъ, сообщеніе свѣдѣній о дѣятельности приходскихъ попечительствъ и о благотворительности духовнаго вѣдомства, саратовскій губернаторъ препроводилъ къ мѣстному преосвященному экземпляръ перечня вопросовъ, съ просьбою сообщить ему требуемыя свѣдѣнія. Перечень этихъ вопросовъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Свѣдѣнія о распространеніи нищенства въ губерніи. Приблизительное число нищихъ, т.-е. лицъ, существующихъ на счетъ

посторонней помощи, съ распредѣленіемъ ихъ по сословіямъ, а также съ показаніемъ отдѣльно: а) собственно нищенствующихъ, т.-е. существующихъ собираемымъ подаваніемъ, и б) пользующихся правильнымъ общественнымъ или инымъ призрѣніемъ. Сколько изъ общаго числа нищихъ обѣихъ категорій могутъ быть признаны дѣйствительно имѣющими право на общественное призрѣніе? 2) Свѣдѣнія о причинахъ порождающихъ нищенство, какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ. Распредѣленіе нищихъ по отношенію къ причинамъ нищенства и разъясненіе, какъ велико можетъ быть, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, колебаніе числа нищихъ въ зависимости отъ этихъ причинъ ¹⁾. 3) Какія на практикѣ употребляются принудительныя мѣры къ прекращенію открытаго нищенства? Въ какой мѣрѣ (въ цифрахъ данныхъ) примѣняется правило объ отправленіи нищенствующихъ для призрѣнія въ общество? Какимъ способомъ совершается эта отправка и на чей счетъ? Какія принимаются мѣры для побужденія сельскихъ, городскихъ обществъ къ исполненію ихъ обязанностей въ этомъ отношеніи и опредѣляется ли на практикѣ какое-либо взысканіе съ общества за неисполненіе этой обязанности? 4) Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ обществахъ и учрежденіяхъ правительственныхъ и частныхъ ²⁾, имѣющихъ своею цѣлью содѣйствіе призрѣнію, съ показаніемъ (въ цифровыхъ данныхъ): а) размѣра и вида расходуемыхъ на этотъ предметъ средствъ, и б) числа пользующихся призрѣніемъ лицъ, съ распредѣленіемъ ихъ по категоріямъ (какъ-то: престарѣлыхъ, увѣчныхъ, малолѣтнихъ и т. п.). 5) Свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихся въ губерніи для призрѣнія заведеніяхъ, правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ, съ указаніемъ: а) источника, на который относится содержаніе каждаго заведенія; б) суммы расходовъ; в) числа призрѣваемыхъ, съ распредѣленіемъ какъ по сословіямъ, такъ и по категоріямъ, и г) числа лицъ, которыя приблизительно обращались въ эти заведенія, и которымъ отказано въ призрѣніи по недостатку средствъ. 6) Производятся ли земствами и городскими управленіями расходы по призрѣнію, независимо отъ содержанія упомянутыхъ заведеній, въ какомъ именно размѣрѣ,

¹⁾ Свѣдѣнія о числѣ нищихъ должны быть сообщены съ указаніемъ, по возможности, источниковъ, откуда добыты. Если эти свѣдѣнія могутъ быть получены разными путями, то должны быть сообщены цѣны, добытыя каждымъ путемъ.

²⁾ Сюда должны быть включены, между прочимъ, и свѣдѣнія о дѣятельности приходскихъ попечительствъ.

на что и какимъ порядкомъ? 7) Имѣющіи свѣдѣнія о *благотворительности частной и духовнаго вѣдомства* въ отношеніи нищенствующихъ не духовнаго состоянія, выражающей, на примѣръ, въ формѣ денежнаго и вещеваго подавнія или въ другихъ формахъ, обычаемъ установленныхъ. 8) Въ виду того, что при содѣйствіи случайныхъ причинъ, порождающихъ нищенство, призрѣніе пострадавшаго отъ этихъ причинъ можетъ быть замѣнено выдачею ссуды, денежной или вещественной, запмообразно или безвозвратно, необходимо имѣть свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихся въ губерніи *источникахъ*, изъ которыхъ такія ссуды могутъ быть производимы, и о дѣйствіяхъ земствъ по устройству ссудныхъ учреждений, объ имѣющихся для сего разныхъ общественныхныхъ капиталахъ, а также о существующихъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, товариществахъ, обществахъ взаимнаго вспоможенія и т. п., и о ходѣ ссуднаго дѣла (по возможности въ цифровыхъ данныхъ), а также о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ задерживать развитіе этого дѣла. 9) Существуетъ ли на практикѣ *призрѣніе городовъ городскихъ обывателей* въ какой-либо иной формѣ, кромѣ призрѣнія нуждающихся въ богоугодныхъ заведеніяхъ, и въ какой именно? 10) Какимъ способомъ призрѣваются неимущіе, принадлежащіе къ дворянству, духовенству и не приписанные ни къ какимъ обществамъ? 11) Въ какихъ формахъ выражается призрѣніе, возлагаемое на сельскія общества, въ отношеніи къ ихъ членамъ; доходили ли и въ чемъ состояли доходившія по сему предмету до губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій жалобы. 12) Какъ разрѣшались на практикѣ вопросы, необходимо возникающіе при примѣненіи законовъ о призрѣніи нищихъ, а именно: а) кто опредѣляетъ способность трудомъ пріобрѣтать пропитаніе; б) кого должно разумѣть подъ тѣми родственниками, на которыхъ закономъ возлагается обязанность содержать неимущихъ и в) кто опредѣляетъ состоятельность родственниковъ къ призрѣнію неимущаго? 13) Въ виду того, что дѣла общественнаго призрѣнія отнесены къ предметамъ вѣдѣнія сходоу сельскихъ и волостныхъ, т. е. къ обязанностямъ обществъ и волостей, какъ распредѣляются эти обязанности между обществами и волостями? 14) Представлялись ли случаи, когда общества отказывали бы своимъ членамъ въ призрѣніи по неимѣнію средствъ, какъ въ такихъ случаяхъ призрѣвались эти члены, и въ какихъ случаяхъ на помощь обществъ являлось земство? 15) Представляется ли возможнымъ установленіе какихъ-либо

обязательныхъ для обществъ, какъ сельскихъ такъ и городскихъ, правилъ относительно размѣра и вида пособій подлежащихъ призрѣнію лицамъ, на подобіе того, какъ это установлено Высочайше утвержденнымъ 25-го іюня 1877 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ въ военное время на службу? Ограниченія и отступленія, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отъ этихъ правилъ должны быть съ точностью опредѣлены. 16) На кого представлялось бы удобнѣе возложить разрѣшеніе ходатайствъ о призрѣніи? 17) Если разрѣшеніе это возложить на сходы, то въ какомъ порядкѣ должны подлежать разрѣшенію жалобы на отказъ общества въ призрѣніи, а равно споры между родственниками и обществомъ. 18) Представляется ли возможнымъ установить, чтобы въ случаѣ отказа общества, по неимѣнію средствъ, отъ призрѣнія, обязанность эта прямо переходила на волость, и если да, то кѣмъ и въ какомъ порядкѣ должна быть признана несостоятельность общества къ призрѣнію? 19) Если размѣръ издержекъ, которые могли бы потребоваться отъ волости въ указанномъ случаѣ (п. 18), превыситъ ея средства, возможно ли установить перенесеніе этихъ издержекъ на обязанность земства, и если возможно, то въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ? 20) Примѣнительно къ выраженнымъ въ послѣднихъ пунктахъ предположеніямъ о призрѣніи крестьянъ, какія могли бы быть установлены правила относительно распредѣленія обязанностей по призрѣнію лицъ, принадлежащихъ къ городскимъ обществамъ? 21) Какія правила слѣдовало бы установить въ отношеніи лицъ, не принадлежащихъ ни къ сельскимъ, ни къ городскимъ обществамъ. 22) При какихъ условіяхъ и въ какомъ видѣ представляется возможнымъ осуществить, по отношенію ко всѣмъ нищимъ вообще, предоставленное сельскимъ и городскимъ обществамъ право требовать отъ призрѣяемаго работы по его способностямъ въ видѣ вознагражденія за призрѣніе? (Положеніе 19-го февраля 1861 года и 257 ст. Уст. о предупр. и прес. прест.). 23) Въ чемъ вообще, по мнѣнію учреждений, которые будутъ отвѣчать на постановляемые выше вопросы, могли бы состоять дѣйствительныя мѣры къ предупрежденію и искорененію нищенства и къ улучшенію дѣла призрѣнія. (*Церковн. Общ. Вѣстникъ*).

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Деньги 5 руб. присланные изъ *Бѣлева* на благотворительное дѣло получены и переданы по назначенію.

Въ напечатанномъ въ ноябрской книжкѣ „Прав. Обзорнія“ листъ Объявленій, — въ объявленіи о книгахъ *Свяш. Исторіи о Миткевича* поставлена ошибочно цѣна ихъ: 2 коп.; слѣдуетъ читать 20 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

1878 Г.

СЕНТЯБРЬ.

	<i>Стр.</i>
I. Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. <i>Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго.</i>	1— 9
II. Ассирійскія клинообразныя надписи и ихъ значеніе для исторіи народа Еврейскаго. <i>М. А. Стафилевскаго.</i>	10— 36
III. Человѣкъ—царь и рабъ природы. По поводу новаго сочиненія Катрфажа. <i>П. А. Милославскаго.</i>	37— 69
IV. Геннадій Архіепископъ Новгородскій. Церковно-историческая монографія. <i>М. Грандицкаго.</i>	70—107
V. Чтенія о Богочеловѣчествѣ. Чтеніе пятое и шестое. <i>Вл. С. Соловьева.</i>	108—153
VI. Новыя изданія по русской педагогической литературѣ: 1) Учебно-воспитательная бібліотека. Т. 2-й. 2) Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. <i>Н.</i>	154—164
VII. Записка читанная въ общемъ собраніи членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 14 мая 1878 года.	165—188
VIII. Извѣстія и замѣтки: Правительственное сообщеніе. —Къ вопросу объ общественной благотворительности. —Объ англійской торговлѣ опиумомъ. —Открытіе епархіальнаго церковно-свѣчнаго завода въ Москвѣ. —Баронесса М. А. Бодѣ †. —Ө. Ө. Гусевъ †. —Библіографическая замѣтка. —Объявленія.	189—208

ОКТАБРЬ.

	<i>Стр.</i>
I. Слово въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла. <i>Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго</i>	209—215
II. Слово въ день Покрова Пресв Богородицы. <i>Его же</i>	216—221
III. Іоаннъ Кальвинъ—реформаторъ XVI вѣка (<i>продолженіе</i>). <i>С. В. Назаревскаго</i>	222—245
IV. Новое протестантское ученіе о церкви въ ея отличіи отъ царства Божія. <i>Н. М. Иванцова</i> ..	246—288
V. Слово на молебствіи по случаю акта Московской частной гимназіи Фр. Креймана <i>Прот. Н. А. Серіевскаго</i>	289—293
VI. Слово при погребеніи заслуженнаго профессора Императорскаго Москов. Университета Іосифа Васильевича Варвинскаго. <i>Его же</i>	294—299
VII. Искусственные приемы въ наукѣ каноническаго права.....	300—323
VIII. Памяти доцента Кіевской Духовной Академіи Ѳедора Ѳедоровича Гусева.....	324—339
IX. Магистерскій диспутъ въ Московской Духовн. Академіи 5 сентября. <i>Н.</i>	340—352
X. По поводу жалобъ на духовенство. <i>И. Н. Аргитова</i>	353—367
XI. Извѣстія и замѣтки: Женскія училища духовнаго вѣдомства.—Библиографія: Матеріалы для исторіи русскаго раскола, изд. <i>II. Субботиннаго</i> .—Заграничныя извѣстія.—Къ церковно-свѣчному дѣлу.—Актъ въ Московской Дух. Академіи 1 октября.—Объ японской миссіи.—Отъ Моск. Главнаго Комитета для сбора пожертвованій на добров. флотъ.—Объявленія о новыхъ книгахъ.....	368—416

НОЯБРЬ.

I. Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. <i>Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго</i>	417—424
II. Ассирійскія клинообразныя надписи въ ихъ значеніи для исторіи народа Еврейскаго <i>М. А. Стафилевскаго</i>	425—467
III. О соотношеніи устройства земнаго шара съ	

III

	<i>Стр.</i>
условіями жизни.—Рѣчь на публичномъ актѣ Моск. Дух. Академіи 1 октября. <i>Д. Θ. Голубинскаго</i>	468—480
IV. Натуралистъ Уоллэсъ и его русскіе переводчики. По поводу переводовъ книги Уоллэса: Естественный подборъ 1878 г. <i>А. Θ. Гусева</i>	481—510
V. Искусственные приемы въ наукѣ каноническаго права. Книга Н. Заозерскаго о церковномъ судѣ въ первые вѣка христіанства.	511—595
VI. Слово при обновленіи храма на подворьѣ Сербской митрополіи въ Москвѣ 5 ноября 1878 г. <i>Прот. А. М. Иванцова-Платонова</i>	596—601
VII. Жизнь по закону вѣшняго долга и по закону нравственности христіанской. <i>Д. П. Богатцова</i>	602—618
VIII. Человѣкъ—царь и рабъ природы. По поводу новаго сочиненія Катрафажа. <i>Н. А. Милославскаго</i>	619—648
IX. Извѣстія и замѣтки: Дѣятельность духовенства и разныя пожертвованія на пользу духовно-учебныхъ заведеній.—Предстоящая реформа духовныхъ училищъ.—Новая книга по исторіи церковнаго пѣнія.—Магистерскій диспутъ въ М. Д. Академіи 29 сентября.—Обновленіе храма на Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ. — Открытіе духовно-просвѣтительнаго союза въ Саратовѣ.—О даровой раздачѣ духовно-нравственныхъ книгъ въ народѣ.—Рѣчь Преосв. Амвросія воспитанникамъ Моск. Семиріи.—Объявленія.	649—684

ДЕКАБРЬ.

I. Слово въ день Св. Великомученицы Варвары. <i>Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго</i>	685—690
II. Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. <i>Ею же</i>	691—696
III. Очеркъ жизни архимандрита Автонія, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры (<i>окончаніе</i>). <i>П. С. Казанскаго</i>	697—737
IV. Ассирійскія клинообразныя надписи и ихъ значеніе для исторіи народа Еврейскаго (<i>окончаніе</i>). <i>М. А. Стафилевскаго</i>	738—766
V. Натуралистъ Уоллэсъ и его русскіе перевод-	

	чки. По поводу переводовъ книги Уоллеса: Естественный подборъ 1878 г. <i>А. Ѳ. Гусева.</i>	767—810
VI.	О книгѣ Псалмовъ. О происхожденіи Псалтири. Исслѣдованіе свящ. Н. Вишнякова. Спб. <i>С. Д. Писарева.</i>	811—834
VII.	Слово въ день празднованія столѣтняго юбилея 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, что нынѣ 1-я Москов. военная гимназія. <i>Свящ. А. А. Смирнова.</i>	835—861
VIII.	Изъ современной жизни русскихъ сектантовъ. <i>Прот. Г. И. Панова.</i>	
IX.	Извѣстія и замѣтки 20-е ноября въ Москвѣ.— Заграничныя извѣстія.— Назначеніе епископа въ С.-Франциско.— С.-Петербург. Славянское Благотворительное Общество.— По вопросу о призрѣніи нищихъ. — Оглавленіе 3-го тома «Правосл. Обзорнія». — Объявленія.	863—888

ПЕЧАТАТЬ ; ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ законченное число экземпляровъ. Москва, декабря 14 дня 1878 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступилъ въ продажу

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1879

А. ГАТЦУНА.

Самый полный и наиболѣе отчетливый изъ русскихъ календарей
Цѣна 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 к.

На пересылку по почтѣ предлагается по 50 коп. на экз.

Адресъ редакция: Москва, у Никитскихъ воротъ, Медвѣжьей переул.,
д. Долинской.

годъ 5-й. ГАЗЕТА А. ГАТЦУНА годъ 5-й.

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ.

Иллюстрированное еженедѣльное изданіе, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ лст.
въ недѣлю,

во время войны и въ важныхъ случаяхъ выходитъ, вмѣсто одного
по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, политическія
и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торго-
выя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусства
и наукъ, такъ что кромѣ телеграммъ, она во всѣхъ отношеніяхъ мо-
жетъ замѣнять и ежедневныя газеты и отчасти журналы, сберегая при
томъ для читателя время, употребляемое имъ на чтеніе и пересмотръ
последнихъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются стихотворенія, повѣсти и рассказы
лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ въ самой газетѣ,
такъ и въ особомъ приложеніи, изъ котораго въ теченіи года соста-
вляется особый томъ: Сборникъ повѣстей и рассказовъ.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука“ помѣщаются статьи научнаго
содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной
формѣ, а также критика, бібліографія и моды съ рисунками.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (О. И. Буслевъ, Н. И. Костомаровъ, А. О. Писемскій, И. И. Срезневскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Ольга Н. и др.)

Газета дастъ въ годъ болѣе 300 рисунковъ въ текстѣ и по изяществу своему не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ изданиямъ Европы, по дешевизнѣ же подписной цѣны представляетъ небывалое еще явленіе въ Россіи.

Подписная цѣна безъ доставки 3 р., съ доставкою же и пересылкою на годъ—4 р., на полгода (съ января и іюля) 2 р. 25 к., на четверть года (съ января, апрѣля, іюля и октября) 1 р. 25 к. въ 1 мѣсяцъ 50 к.

Произвольное избраніе сроковъ подписки не допускается.

Редакторъ А. А. Гаммука.

Адресъ редакціи: Москва, близъ Никитавихъ воротъ, уголъ Столывого и Медвѣжьего пер., домъ Долинской.

О Б Ъ И З Д А Н І Я Х Ъ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1879 ГОДУ:

а) ЖУРНАЛА „ЧТЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“.

Журналъ „Чтенія“ будетъ издаваться въ 1879 году по прежней программѣ и выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Въ 1879 г. въ „Чтеніяхъ“ будетъ продолжаемо начатое съ 1875 года печатаніе, въ приложеніи, перевода съ греческаго языка правилъ соборныхъ и св. отецъ съ толкованіями Зонары, Аристіна и Вальсамона и съ присовокупленіемъ къ нимъ текста Славянской Кормчѣв.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 6 руб. 50 коп., съ пересылкою на города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

б) ЦЕРКОВНОЙ ГАЗЕТЫ „МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

„Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ издаваться въ 1879 году и выходить еженедѣльно по воскресеньямъ.

Цѣна „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1879 г. — безъ доставки и пересылки 3 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп.; полугодовая 2 руб., съ пересыл. и достав. 2 руб. 50 коп.; за три мѣсяца 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 коп.; съ дост. 1 руб. 25 коп.; за мѣсяць 40 к., съ перес. и дост. 50 к., отдѣльные №№ по 10 к.

Лица, подписывающіяся на „Чтенія и Московскія Епархіальныя Вѣ-

домости" вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за издавіе 9 р. сер., а съ дост. и перес. 10 руб.

в) ВОСКРЕСНЫХЪ БЕСѢДЪ.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться и въ 1879 году и выходить еженедѣльно.

Цѣна годоваго издавія изъ 52 листовъ—50 коп., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города—1 руб. 10 коп.; за полгода 30 коп., съ пер. и дост. 60 коп.; за три мѣс. 20 к., съ перес. и дост. 35 к.; за мѣсяць 10 коп., съ дост. и перес. 20 коп.

Подписка на всѣ издавія Общества принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи издавій Общества любителей духовнаго просвѣщенія — на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго, и у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ Петербургѣ—у Кораблева и Спрякова. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію издавій Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Тамъ же можно получать и слѣдующія издавія Общества:

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отцевъ съ толкованіями. Первый томъ.

Въ первомъ томѣ заключаются правила святыхъ апостоловъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Цѣна безъ перес. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. Отдѣльно каждый выпускъ безъ перес. 80 к., съ перес. 1 р. На веленовой бумагѣ цѣна 1-го тома безъ перес. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к., отдѣльно каждый выпускъ безъ перес. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Записки на книгу Бытія митрополита московскаго Филарета—50 к., съ перес. 75 коп.

Воскресныя Бесѣды 1870, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годовъ по 50 к. за экз., съ перес. 70 коп.

Бесѣды о говѣнии по уставу православной церкви 5 к., съ пер. 10 к. Избранныя бесѣды 1871 и 1872 года въ одной книгѣ 50 коп., съ перес. 70 коп.

Программа закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ 5 к., съ перес. 10 к.

Нѣкоторыя черты изъ жизни святаго апостола Павла, брата Божія. Епископа Алексія. Цѣна 60 к., съ перес. 70 к.

Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ. Методизмъ. Епископа Іоанна. 2 выпуска. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Нѣсколько мыслей о религіозно-нравственномъ воспитаніи протоіерея В. Рождественскаго. Цѣна 3 к., съ перес. 5 к.

О Б Ъ И З Д А Н І И

„ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“

въ 1879 году.

„Православный Собесѣдникъ“ будетъ издаваться въ 1879 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“ на 1879 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по *г. Казани* и съ пересылкою во остъ мѣста *Имперіи* —

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемая при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1879 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ епархій*: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ *четыре руб.*, б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ *три руб.* (всего за оба изданія *десять руб.*) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

С Ъ 1879 Г О Д А

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будетъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости,

Церковная, по преимуществу мѣстная, газета. Программа ея въ общемъ слѣдующая: Отдѣлъ официальный, Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственные распоряженія, относящіяся къ Кіевской Епархіи, мѣстные административныя распоряженія и извѣстія и проч. Отдѣлъ неофициальный, мѣстные церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2. Воскресное Чтеніе.

Журналъ религіозно-нравственнаго содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ положеніи. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепоятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утверженію въ сердцахъ любви, вѣры и упованія христіанскаго и т. под.

3. Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ научнаго содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ преподаваемыхъ въ духовной академіи по предметамъ общезанятельнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ возобновлены переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи будутъ имѣть въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (газетное чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2) Религіозно-нравственнаго, общеназидательнаго и общепоятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3) Научнаго образованія богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи“).

„Епархіальныя вѣдомости“ будутъ выходить еженедѣльно, въ четверку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ недѣлю. „Воскресное чтеніе“ будетъ выходить также еженедѣльно, въ прежнемъ форматѣ, въ четверку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ недѣлю. „Труды Кіевской духовной академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе 12 листовъ, изъ коихъ около 5 будутъ заняты переводомъ твореній блж. Іеронима и Августина и не менѣе 7 — оригинальными статьями.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ вѣдомостей 3 р. 60 к., Воскреснаго Чтенія—4 р., Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей выстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р., Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р., Воскреснаго чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ 12 р.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина (бывшихъ С. И. Литова)—въ Кіевѣ, на крещатикѣ, д. С. И. Литова и въ С.-Петербургѣ, на Малой Садовой, д. № 4, и 2) у книгопродавца А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакцію можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1837—39), V (1841—42), VI (1842—43), VII (1843—44), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII 1863—64), XXVIII

(1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 р. 60 к. за годъ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1868 годы по 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, а съ пересылкою 4 р., за 1874 годъ 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 руб., за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877 и 1878 г. по 7 руб.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 экземпляровъ „Трудовъ, и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25 съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1868 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

СТРАННИКЪ.

Ежемѣсячный духовный учено-литературный журналъ, издаваемый священникомъ С. В. Протопоповымъ, въ 1879 году вступаетъ въ двадцатый годъ своего существованія. Имѣя въ виду удовлетвореніе духовно-нравственныхъ потребностей общества, — популярно изложенными статьями знакомить своихъ читателей со всѣми отраслями богословскаго знанія, преимущественно съ исторіею церкви и виждѣть съ тѣмъ даетъ имъ назидательное чтеніе. Цѣна за 12 книжекъ (отъ 8—10 л. каждая) безъ доставки четыре рубля, съ доставкой же въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — пять рублей, за границу — шесть рублей. Адресоваться: въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“. С.-Петербургъ, Шпалерная, д. 50, кв. 29. Московскіе подписчики могутъ подписываться у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ Москвѣ.

Редакторъ, протоіерей *В. Протопоповъ*.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ ГАЗЕТА

Бывшій издатель „Виржевыхъ Вѣдомостей“, К. В. Трубниковъ, подъ редакціею котораго эта газета издавалась въ теченіи пятнадцати лѣтъ (съ 1859 по 1874 годъ), приступаетъ, въ настоящее знаменательное время какъ въ области политики, такъ и финансовъ, къ возобновленію изданія большой ежедневной политической, экономической и литературной газеты безъ предварительной цензуры, подъ названіемъ:

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

„Биржевая Газета“ будетъ выходить съ 1-го января 1879 года ежедневно, въ самомъ большомъ объемѣ, въ семь газетныхъ столбцовъ четкаго и убористаго шрифта. Всѣхъ номеровъ выйдетъ 350.

„Биржевая Газета“, составя продолженіе изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 1874 года, будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, съ прежнимъ направленіемъ, съ тѣмъ же всестороннимъ содержаніемъ, подъ тою же редакцію и по той же цѣнѣ.

„Биржевая Газета“ будетъ сообщать не только то, что служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой большой политической и литературной газеты, но въ составъ ея войдутъ самыя обширныя матеріалы по части финансовъ, торговли, промышленности, акціонернаго дѣла, банковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., не исключая и всѣхъ объявленій отъ разныхъ правленій кредитныхъ и акціонерныхъ обществъ, а также всѣхъ тиражей процентныхъ бумагъ, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій.

Въ „Биржевой Газетѣ“ будутъ печататься политическія и торговыя телеграммы какъ отъ своихъ корреспондентовъ, такъ и отъ всѣхъ телеграфныхъ агентовъ: Генеральнаго, Русскаго и Международнаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА „БИРЖЕВУЮ ГАЗЕТУ“ 1879 ГОДА.

подписная цѣна въ россіи: на годъ безъ доставки 16 руб., на полгода 8 р., на 3 мѣсяца 4 руб. Съ доставкою въ Петербургъ на годъ 18 р., на полгода 9 р., на 3 мѣсяца 4 р. 50 к. Съ пересылкою нвгороднымъ на годъ 20 р., на полгода 10 р., на 3 мѣсяца 5 р.

подписная цѣна за-границею съ пересылкою: Въ Европу, Сѣверную Америку и Египеть. На годъ 30 р., на полгода 15 р., на 3 мѣсяца 8 р. Въ Китай, Индію и Японію. На годъ 47 р., на полгода 28 р., на 3 мѣсяца 14 руб.

Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ „Биржевой Газеты“ въ С.-Петербургѣ, на Большой Конюшенной, домъ № 15, Языковой кварт. № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

въ 1879 году.

„Новороссійскій Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1879 году ежедневно, кромѣ дней слѣдующихъ за большими праздниками, листами большого формата (кромѣ того до 100 номеровъ въ годъ будетъ выпущено въ объемѣ 1½ листа), по той же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ и въ предыдущіе годы

Четырехлѣтнее существованіе „Нов. Телеграфа“ избавляет редакцію отъ принятаго обычая прибѣгать къ рекламѣ по поводу возобновленія годовой подписки и дѣлать заманчивыя „обѣщанія“, изъ коихъ обыкновенно цѣлая половина не можетъ быть выполнена. Мы и прежде не „обѣщали“ нашимъ подписчикамъ „ни расширенія отдѣловъ газеты“, ни „привлеченія новыхъ сотрудниковъ“ съ громкими именами, однако, предпринимая постепенно различныя улучшения въ газетѣ, мы достигли того, что „Нов. Телеграфъ“ — самая распространенная газета въ краѣ. Удержать ее въ этомъ положеніи, не смотря ни на какую конкуренцію — вотъ единственное наше обѣщаніе.

Для свѣдѣнія нашихъ подписчиковъ, считаемъ не лишнимъ заявить, что съ 1 января 1879 года „Нов. Телеграфъ“ будетъ печататься въ собственной типографіи *), что дастъ намъ возможность не только улучшить газету въ типографскомъ отношеніи, но и вѣрнѣе обезпечить своевременность выхода и доставки ея подписчикамъ. Если мы рѣшились на значительную затрату, потребную для устройства собственной типографіи, то это потому только, что надѣемся добросовѣстнымъ изданіемъ газеты поддержать то сочувствіе къ ней публики, которымъ пользуемся уже четвертый годъ. Какъ важно для всякой газеты имѣть свою типографію лучше всего видно изъ того, что всѣ лучшія столичные газеты владѣютъ собственными типографіями, которыя такимъ образомъ существуютъ для газеты, а не газета для типографіи, какъ это всегда бываетъ, когда ей приходится пользоваться услугами постороннихъ типографовъ, интересы которыхъ всегда становятся выше интересовъ подписчиковъ газеты.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи на Соборной площади, въ домѣ Папудова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Съ пер. или дост. на годъ 12 р. на 6 мѣс. 7 р. на 3 мѣс. 4 р. на 1 м. 1 р. 35 к.
Безъ дост. или перес. „ 10 „ „ 6 „ „ 3 „ 50к. „ 1 р. 20 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть: или полугодовыя по 6 рублей (къ 1 января и къ 1 іюня); или по четвертямъ года по 3 р. (къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда впередъ за мѣсяць до наступленія срока разсрочки. При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 коп.

Для различныхъ вѣзевыхъ, земскихъ и городскихъ учреждений допускается выписка газеты въ брѣднѣ, по письменнымъ официальнымъ предположеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предположенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются: въ Одессу, въ редакцію „Новороссійскаго Телеграфа“.

*) Типографія будетъ помѣщаться въ домѣ издателя въ Сабацкомъ переулкѣ, гдѣ помѣщается редакція „Нов. Телеграфа“.

— 9 —
ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ ЖУРНАЛА

„БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и рассказы, въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскіи. Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или рассказъ. Годовое изданіе состоитъ изъ 12 книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библиотеку для Чтенія“ будетъ выдана въ видѣ преміи 13 книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполне законченный романъ.

Условія подписки на годъ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 р., съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 9 р.

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальные. Для гг. служащихъ допускается разсрочка, чрезъ ихъ казначеевъ, помѣсячно. — Просить обращаться прямо въ редакцію.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова; въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева—Страстной бульваръ и Живарева—Вольш. Дмитровка, домъ Благороднаго Собранія, Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библиотека для Чтенія“ Шпалерная улица д. № 42.

Въ теченіе 1879 года редакція предполагаетъ помѣстить между прочими романами слѣдующіе: „Морской Король“.—Историческій романъ Георга Борна, „Призракъ“.—Историческій романъ Бульвера Литтона, „Заговоръ Королевы“—историческій романъ Г. Энсюрта и др.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„РУССКУЮ ПРАВДУ“

1879 года.

Газета „Русская Правда“ въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большая форта; въ случаѣ надобности редакція будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлають всѣ большія газеты. Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ от-

дѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и заявленному желанію публики. Редакція не перестаетъ постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т.-е. рассказы, повѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ Петербургѣ—въ Главной Конторѣ газеты (Невскій пр., 44 противъ Гостиннаго двора).—Иногородные адресуютъ письма и деньги: „С.-Петербург. Газетъ“ „Русская Правда“: редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которые подпишутся по этому адресу.—Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты.—Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и „адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовныя учрежденія“.—Подписываться можно не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ нихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ Петербургѣ—въ главную контору „Русской Правды“ (Невскій пр., 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ при самой подпискѣ 5 р. 50 к. въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки—уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 руб. и въ началѣ іюля 4 руб. 50 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

	Безъ достав.	Съ доставк.	Съ перес.
На годъ, съ 1 января.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ.	14 „ — „	15 „ — „	16 „ — „
„ 10 „	13 „ — „	14 „ — „	15 „ — „
„ 9 „	11 „ — „	12 „ — „	14 „ — „
„ 8 „	10 „ — „	11 „ — „	13 „ — „
„ 7 „	9 „ — „	10 „ — „	12 „ — „
„ 6 „	8 „ — „	9 „ — „	10 „ — „
„ 5 „	7 „ — „	8 „ — „	9 „ — „
„ 4 „	5 „ — „	6 „ — „	7 „ — „
„ 3 „	4 „ 50 „	5 „ — „	6 „ — „
„ 2 „	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „
„ 1 „	1 „ 60 „	1 „ 80 „	2 „ — „

Съ 1879 года газета „Русская Правда“ уже не будетъ разсылаться бесплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихъ газетъ. Редакція еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель *Дмитрій Гирисъ.*

Издающийся съ 1-го сентября 1877 года въ Варшавѣ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, духовный журналъ:

„ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

будеть издаваться и въ 1879 г., по той же программѣ и съ тою что и прежде, задачею — содѣйствовать церковному объединенію воссоединенной въ 1875 году изъ униі къ православію части (въ 250,000 чел.) Холмско-Варшавской епархіи съ Всероссійскою церковью. Съ этою цѣлію этотъ первый и единственный въ Привислинскомъ краѣ православный духовный журналъ въ своихъ статьяхъ будетъ:

1) выяснять тѣ истины христіанскаго вѣроученія и правоученія, которыя въ униі подвергались искаженію въ духѣ латинства;

2) разрабатывать исторію возникновенія униі и постепеннаго, не рѣдко насильственнаго, отторженія ея отъ преданій и обычаевъ восточной церкви,

и 3) раскрывать духъ и значеніе богослужебныхъ обрядовъ и каноновъ православной церкви, искаженныхъ или вовсе уничтоженныхъ въ униі.

Кромѣ того въ этомъ изданіи будутъ помѣщаться статьи:

а) о воспитаніи въ духѣ православія подрастающаго поколѣнія воссоединенныхъ приходовъ;

б) о современной церковной жизни въ православной Россіи и въ единовѣрныхъ ей странахъ, а также въ родственныхъ намъ земляхъ славянскихъ и на западѣ;

в) библиографическія замѣтки о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ духовной литературы, а отчасти и свѣтской, по скольку она касается церкви и духовенства.

Холмско-Варшавскій Вѣстникъ также считаетъ своею задачею знакомить Россію съ современными явленіями церковной жизни холмско-варшавской епархіи, и будетъ служить для управленія и администраціи епархіи органомъ къ объявленію подвѣдомому духовенству какъ высшихъ правительственныхъ постановленій, такъ и распоряженій высшаго духовнаго и мѣстнаго епархіальнаго пачальства.

Въ 1877 и 1878 годахъ въ Холмско-Варшавскомъ Вѣстникѣ помѣщены были между прочимъ слѣдующія статьи: „Пастырское посланіе“ Преосвященнѣйшаго Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго Леонтія. Двадцать четыре словъ и рѣчей, Его же. — „Основной характеръ православія сравнительно съ латинствомъ и протестанствомъ“, прот. Корженевскаго. — „Память о древнемъ православіи въ г. Соколовѣ (сѣдлецкой губерніи), Крижановскаго. — „Современное движеніе въ ультрамонтанскомъ мірѣ“, свят. Демьяновича — „О возстановленіи Замостскаго Св. Николаевскаго братства и первые шесть мѣсяцевъ его дѣятельности“, В. Тхоржевскаго. — „О польскихъ письмахъ съ неба“, свят. Будилонича. — „Замѣчательныя церковно-историческія памятники“ въ предѣлахъ Холмско-Варшавской епархіи, Самоковасова. — „Новые происки ультрамонтавъ въ Галиціи и во Франціи“, свят. Демьяновича. — „Единовѣрцы и раскольники въ предѣлахъ Холмско-Варшавской епархіи“, свят. Добровольска-

го.—Слѣды древняго православія и русской народности въ Высоко-Мазовецкѣ“ (Ломжинской губерніи) свѣщ. Соловьевича. — „Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, данный пастору Яну Рокитѣ въ 1570 году—о вѣрѣ“ (по рукописи, составляющей замѣчательную рѣдкость и впервые напечатанной *), свѣщ. Семеновича.—„О стремленіи уніатовъ бывшей Холмской епархіи къ воссоединенію съ православной церковью съ 1837 по 1875 годъ“, свѣщ. А. Демьяновича.—„Іосафатки“, свѣщ. Семеновича.—„Старокатолическое движеніе въ западной церкви“, М. Стрижевскаго.—„Бнязь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты.—„О недвижимыхъ имуществахъ западно-русской церкви“, свѣщ. А. Будиловича.—„Краткая исторія Холмско-Варшавской (древле-православной) епархіи, прот. І. Корженевскаго.

Въ наступающемъ 1879 г. редакція Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника предполагаетъ окончить печатаніемъ статьи, неоконченныя въ 1878 г., а именно: 1) „О недвижимыхъ имуществахъ западно-русской церкви“, свѣщ. А. Будиловича; 2) „Краткая исторія Холмско-Варшавской епархіи, прот. І. Корженевскаго, и 3) Кн. В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты; — и печатать кромѣ другихъ, отвѣчающихъ программѣ, небольшихъ статей и замѣтокъ, слѣдующія новыя статьи: 1) „Историко-статистическое описаніе воссоединенныхъ церквей Холмско-Варшавской епархіи **); 2) „Постройка и передѣлка уніатскихъ церквей въ 6. холмской епархіи, въ видахъ сближенія ея съ православною церковью“, свѣщ. А. Демьяновича; 3) „Судьбы письменныхъ церковно-историческихъ памятниковъ въ западной Россіи“, свѣщ. А. Будиловича; 4) „О церковныхъ шкѣлахъ въ западной Россіи (за X—XVIII вв.), Его же; 5) „О мученической кончинѣ отъ латино-уніатовъ игумена Брестскаго монастыря Аванасія Филипповича“, П. А. Гильтебрандта; 6) „Споръ между нѣмцами и поляками за пропаганду въ Литвѣ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ“, свѣщ. А. Ковальницкаго; 7) О полемическомъ сочиненіи времени введенія уніи въ западной Россіи — „Перестрога“, Н. Зимица.

Редакція Холмско-Варшавскаго Вѣстника надѣется, что ревнители успѣховъ православія и русскаго дѣла въ Привислинскомъ краѣ отнесутся съ сочувствіемъ къ настоящему изданію.

Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ выходитъ два раза въ мѣсяць, къ 1-му и 15-му числамъ, каждый № заключаетъ въ себѣ отъ двухъ съ половиною до трехъ печатныхъ листовъ. Всѣхъ №№ въ годъ двадцать четыре.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой пять руб. Можно получать и вышедшіе въ 1877 и 1878 гг. №№ Вѣстника съ прилатою къ подписной суммѣ пяти рублей.

Для иногородныхъ подписка принимается исключительно въ редакціи: въ г. Варшавѣ, въ домѣ Святотроицкой церкви, Подвальная улица, № 5.

*) Полный текстъ рукописи напечатанъ въ приложеніяхъ съ помѣщеніемъ при немъ полнотпажнаго съ 2 страницъ ея снимка.

**) Въ приложеніяхъ будутъ печататься важнѣйшіе изъ археографическихъ документовъ, хранящихся въ архивахъ этихъ церквей.

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОМОЩИ“

органа общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ,

состоящаго подъ покровительствомъ

Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

На основаніи программы журнала въ него войдутъ слѣдующіе главные отдѣлы: I. „Красный Крестъ“: оказаніе помощи больнымъ и раненымъ войнахъ.—Практическія задачи Общества въ мирное время.—Помощь Общества во времена голода, пожаровъ и другихъ народныхъ бѣдствій.—2. Событія минувшей войны.—3. Современныя событія на Балканскомъ полуостровѣ, въ Арменіи и на окраинахъ Туркестана.—4. Бытовые очерки тѣхъ странъ, гдѣ находятся наши войска.—5. Популярная гигиена.—6. Текущія событія и извѣстія по всѣмъ вышеизложеннымъ предметамъ.

„Вѣстникъ Народной Помощи“ будетъ постоянно и неизмѣнно стремиться быть вѣрнымъ отголоскомъ высокихъ цѣлей Общества и первымъ его слугою въ дѣлѣ распространенія среди русскаго общества точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о дѣятельности Краснаго Креста и его истинно евангельскихъ стремленій.

На ряду съ этою высокою задачею, „Вѣстникъ Народной Помощи“ приложитъ особенную заботливость о помѣщеніи на своихъ страницахъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся и характерныхъ событій минувшей войны, ознаменованной цѣлымъ рядомъ подвиговъ и мужества и самоотверженія. Рядъ статей, подъ заглавіемъ: „Наши удалцы“ и „Изъ воспоминаній войны 1877 — 1878 года“, заслужившихъ лестные отзывы нашихъ читателей, будетъ продолжаться и въ наступающемъ году, почерпая свое содержаніе не только изъ статей доставляемыхъ редакціи, но и изъ всѣхъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, книгъ и періодическихъ журналовъ, мало доступныхъ большинству по своей дороговизнѣ. Изъ приготавлиаемаго къ печати большого роскошнаго изданія: „Сборникъ военныхъ разсказовъ“. Редакція съ обязательнаго разрѣшенія князя В. П. Мещерскаго будетъ помѣщать, по мѣрѣ печатанія Сборника, отрывки и наиболѣе выдающіеся разсказы.

Разсказы и бытовые очерки будутъ сопровождаться соответственными картами и рисунками. Въ каждомъ выпускѣ будетъ помѣщено не менѣе двухъ роскошныхъ гравюръ.

Всѣ другіе отдѣлы будутъ значительно дополнены и улучшены. Кроме того, всѣ подписавшіеся, не позже января мѣсяца будущаго года на „Вѣстникъ Народной Помощи“, получатъ по большому художественно-исполненному портрету Августѣйшей Покровительницы Общества Краснаго Креста, Ея Императорскаго Величества.

Поставивъ себѣ задачею общепонятное изложеніе статей журнала, „Вѣстникъ Народной Помощи“ будетъ особенно стремиться къ тому, чтобы содержаніе его давало ему право быть принятымъ какъ въ роскошной гостиной, такъ и въ простыхъ хатахъ и казармахъ, какъ въ кабинетѣ образованныхъ людей, такъ и въ рукахъ грамотныхъ и обучающихся.

Условія подписки остаются прежнія. Годовая цѣна съ пересылкою два рубля, съ доставкою въ С.-Петербургѣ 2 р. 50 к. Подписка на журналъ принимается въ С.-Петербургѣ—въ Главномъ Управленіи Общества Краснаго Креста, въ собственномъ домѣ, по Инженерной улицѣ; въ конторѣ редакціи—Невскій проспектъ, д. № 86 Въ Москвѣ—въ Московскомъ мѣстномъ управленіи Общества Краснаго Креста. Во всѣхъ губернскихъ городахъ и тѣхъ уѣздныхъ, гдѣ находятся комитеты Общества—въ мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ Общества. Сверхъ того во всѣхъ уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ и волостныхъ управленіяхъ, а для лицъ военнаго званія—въ полковныкъ канцеляріяхъ и дивизіонныхъ, корпусныхъ и военно-окружныхъ штабахъ.

„ГРАЖДАНИНЪ“ на 1879 г.

Журналъ литературы, политики, наукъ, искусствъ, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ знаній; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ. Всѣ годовые подписчики на 1879 г., безплатно получаютъ при журналѣ: 1) Два тома „Русскаго Сборника“ или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и замѣчательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ „Сборника“. Ежемѣсячное приложеніе „Книжный Листокъ“, или обзоръ болѣе замѣчательныхъ, вновь выходящихъ въ свѣтъ книгъ. 3) Большую (стѣнную) изящную картину, исполненную по заказу редакціи замѣчательными художниками за грамъ цѣю (будетъ разслана въ январѣ).—Всѣхъ этихъ премій не нужно смѣшивать съ тѣми, которыя еще будутъ разсланы подписчикамъ сего 1878 г.—Цѣна за годъ 8 р. съ мер.

Желаая способствовать распространенію въ средѣ учащихся и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ знаній, редакція понижаетъ (при подпискѣ на весь годъ) подписную плату на журналъ 79 г. со всѣми преміями: а) для священно-церковно-служителей, преподававшихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и почетн. блюстителей—съ 8 до 6 р. за годъ; б) для народныхъ же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ заблаговре-

менно. Адресъ: Спб., въ редакцію „Гражданина“. Редактору-Издателю В. О. Луцковичу.

Съ 29 № „Гражд.“ началось печатаніе только-что появившагося въ Германіи соціального романа: „Выси и Глуби“—извѣстнаго писателя Гретора Самарова, автора имѣвшихъ повсюду такой успѣхъ романовъ: „За скипетры и короны“, „Европейскіи мины и кольтръ-мины“ и др.— Въ этомъ интересномъ романѣ выводятся на сцену предводители социалистовъ, коммунистовъ, клерикаловъ и др. важнѣйшихъ партій на западѣ Европы и изображаются какъ высшіе слои общества, такъ и подонки: егр. Романъ Самарова будетъ печататься въ видѣ приложенія къ „Гражд.“ и въ 1879 г. Вообще въ 1879 году редакція будетъ давать по возможности при каждомъ № журнала особое приложеніе, составленное изъ „романовъ, повѣстей, рассказовъ и т. п. произведеній „изящной словесности“. Новымъ подписчикамъ на 79 г. при самой подпискѣ будутъ разсылаться въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ главы романа, которыя будутъ напечатаны до 1 января 79 г. Каждый новый подписчикъ, т.-е. не получавшій „Гражд.“ въ 1878 г., получить эти главы немедленно послѣ высылки въ редакцію своего адреса (написаннаго на отдѣльномъ листкѣ) съ приложеніемъ 8 к. марки.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Съ января 1879 года журналъ „Душеполезное Чтеніе“ вступаетъ въ двадцатый годъ своего существованія. Изданіе его будетъ продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ. Редакція останется вѣрною своей первоначальной задачѣ служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВѢ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ вида современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Церковно-историческіе рассказы. 4) Воспоминанія о замѣчательныхъ лицахъ. 5) Статьи относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовнопоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 9) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи митрополита Филарета. 10) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ концѣ года будетъ напечатанъ Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Душеп. Чтеніе“ за второе десятилѣтіе (1870—1879 гг.)

„Душеполезное Чтеніе“ въ 1879 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки 3 руб. 50 к., съ пересылкой иногороднымъ и съ доставкой московскимъ подпочтениемъ 4 рубля.

Издатель-редакторъ протоіерей *Василій Нечаевъ*.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕССІИ ВЪ ПСАЛТИРІ.

Эзегетико-критическое изслѣдованіе мессіанскихъ псалмовъ съ краткимъ очеркомъ ученія о Мессіи до пророка Давида.

Законоучителя Казанской Учительской Семинаріи священника Никифора Каменскаго. Казань. 1878 г. Цѣна съ перес. 2 р. 24 к. Продается у автора и книгопродавца Дубровина въ Казани; въ Москвѣ у Ферапонтова на Никольской улицѣ.

На Никольской улицѣ въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова
поступила въ продажу книга

ШАРАКАНЪ

Богослужебныя каноны и пѣсни армянской восточной церкви, перевелъ съ древне-армянскаго языка Н. Эминъ,—стр. VIII 449, in 8. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА. Сочин. Ульрици въ переводѣ съ нѣм. яз. В. Голубинскаго. 1878 г. Цѣна съ пересылкой одинъ рубль. Продается въ Казани: 1) у переводчика, преподавателя духовной семинаріи, В. И. Голубинскаго и 2) у книгопродавца А. А. Дубровина.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ ТАВРИЧЕСКИХЪ КРЫМСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ. Дм. Струкова. 1878 г. Москва. Цѣна 25 к. Продается у Ферапонтова.

СВЯТЫЙ МЕӨОДІЙ, ЕПИСКОПЪ И МУЧЕНИКЪ, ОТЕЦЪ ЦЕРКВИ III в. Полное собраніе его твореній, переведенное съ греч. подъ редакцію проф. С.-Петербур. Д. Академіи *Евграфъ Ловягина*. 1877 г. С.-Петербург. Цѣна 1 р. Продается въ Москвѣ у Ферапонтова

Печатать дозволяется. Москва, декабря 14-го дня, 1878 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

Digitized by *ABU/FR* сделание текста

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

W I D E N
BOOK DUE ↑
AUG 1 1 1981
7225095

Widener Library

3 2044 100 070 754

HD

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>